Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Российская Академия Наук

Институт российской истории РАН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт истории и археологии УрО РАН

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Сургутский государственный университет

Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ НОВОСТИ ЮГРЫ
www.idnu.ru

СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ОКЕАНА
ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ
Ледовитое Море
Каспійское Море
Обь
Газовская Губ.
Тобольскъ
Нарымъ
Енисейскъ
Красноярскъ
Иркутскъ
Якутскъ
Архангельской Губерніи
Пермская
Тобольской
Енисейской
Иркутской
Якутской
Камчатской
Оренбургской
Уральскъ
Астрахань
Кавказъ
Хребетъ Хинганъ
Хребетъ Хатанъ
Земля Камчатка
Полуостровъ Камчатскій
Берингово Море
Японское Море
Китай
Монголія
Киргизская Степь
Каспійское Море

Академическая ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 4
Югра в XVIII — первой трети XIX века

Ханты-Мансийск
Издательский дом «Новости Югры»
2024

УДК 94(571.122)«17/18»
ББК 63.3(2Рос–6Хан)5
А38

Авторы

В. Н. Адаев, Е. В. Бородина, О. А. Задорожняя, В. Н. Захаров, А. С. Зуев, А. Ю. Конев, А. Плате, Д. А. Редин, С. В. Туров, И. А. Шипилов, В. А. Шкерин

Редакционный совет издания «Академическая история Югры»

Сопредседатели: губернатор Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Н. В. Комарова, директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, С. М. Косенок (заместитель сопредседателей), А. В. Шипилов (заместитель сопредседателей), А. А. Пономаренко (секретарь)

Члены совета: И. Вашари, Г. П. Визгалов, М. К. Волдина, А. В. Головнёв, Е. И. Гололобов, В. А. Гусев, С. В. Журавлёв, Н. Л. Западнова, В. Н. Захаров, А. В. Кениг, М. Ф. Кириленко, В. С. Кольцов, Е. В. Шумакова, Р. В. Кучин, В. А. Манин, Р. Г. Пихоя, И. В. Побережников, И. С. Саркисян, В. И. Сподина, П. С. Фокин, Н. М. Чаиркина, Я. С. Черняк, Г. И. Шмаль

Редакционная коллегия издания «Академическая история Югры»

Р. Г. Пихоя (главный редактор издания, председатель), С. В. Журавлёв (заместитель председателя), А. И. Прищепа (заместитель председателя), В. А. Манин (ответственный секретарь)

Члены коллегии: Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, А. В. Головнёв, М. Ф. Ершов, В. Н. Захаров, Е. Ю. Зубкова, А. В. Кениг, С. В. Кодан, В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, В. К. Нехайчик, Е. А. Пивнева, И. В. Побережников, Д. А. Редин, И. С. Саркисян, Д. Свак, К. А. Соловьёв, Я. Г. Солодкин, В. И. Сподина, В. А. Тишков, В. В. Трепавлов, Н. М. Чаиркина

Редакционная коллегия 4-го тома

Д. А. Редин (ответственный редактор), В. Н. Захаров (ответственный редактор), Е. В. Бородина (ответственный секретарь), А. С. Зуев, И. В. Побережников, В. А. Шкерин, А. Ю. Конев

Рецензенты

д. и. н. А. Б. Каменский, д. и. н. Е. В. Комлева

А38 **Академическая история Югры** : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. — Ханты-Мансийск : АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. — Т. 4. Югра в XVIII — первой трети XIX века / отв. ред. Д. А. Редин. — 632 с. : ил. — 4000 экз. — ISBN 978-5-4422-0087-4.

ISBN 978-5-4422-0087-4 (т. 4)
ISBN 978-5-4422-0090-5

Четвертый том посвящен истории Югры XVIII — первой трети XIX в. Рассматриваемый период начинается с преобразований Петра Великого и заканчивается комплексом мероприятий М. М. Сперанского, находившегося во главе Сибирской губернии в 1819–1822 гг. Показано, каким образом происходила адаптация населения к нововведениям, как оно реагировало на мероприятия, превратившие Россию в империю. Освещены процессы формирования поселенческих структур края, границы которого вышли далеко за пределы Югры предыдущих столетий, эволюция социальной структуры, формы экономической жизни русского и аборигенного населения, перемены в организации управления. Особое внимание уделено церковной политике, а также научному изучению региона, начало которому было положено в XVIII в., и истории политической ссылки.

Издание адресовано специалистам — историкам, краеведам, этнографам, культурологам, а также всем, кто интересуется богатой историей и культурой Ханты–Мансийского автономного округа — Югры.

УДК 94(571.122)«17/18»
ББК 63.3(2Рос–6Хан)5

© Коллектив авторов, 2024
© АНО «Центр «Моя история», 2024
© Подготовка к изданию и оформление – АО «Издательский дом «Новости Югры», 2024

ISBN 978-5-4422-0087-4 (т. 4)
ISBN 978-5-4422-0090-5

Оглавление

Введение (*В. Н. Захаров, Д. А. Редин*) 9

Хронология и географические рамки тома 9

Формирование научных знаний об истории края XVIII – первой трети XIX в. в историографии «века Просвещения» 14

ЧАСТЬ 1. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА, СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Глава 1. Историография и источники (*В. Н. Адаев, А. Ю. Конев, С. В. Туров*) 22

Историография 22

Источники 34

Глава 2. Поселенческая сеть и транспортная инфраструктура (*Е. В. Бородина, О. А. Задорожняя*) 39

Поселенческая сеть 39

Пути сообщения и транспортная инфраструктура 55

Глава 3. Социально-демографическая структура, эволюция правового статуса и социально-экономического положения автохтонного населения (*В. Н. Адаев*) 70

Глава 4. Русское старожильческое население края: социальная стратификация, мобильность, быт (*С. В. Туров*) 88

Глава 5. Формы хозяйствования аборигенного и старожильческого населения, их взаимодействие на культурно-бытовом уровне (*В. Н. Адаев, С. В. Туров*) 100

Аборигенное население 100

Старожильческое население 115

Глава 6. Торговля и товарные отношения на Обском Севере (*О. А. Задорожняя*) 126

Глава 7. Налогообложение и повинности (*А. Ю. Конев*) 142

Подати и повинности русского населения 142

Таможенные сборы и доходы с казенных монополий 149

Ясачное обложение и повинности автохтонного населения 151

ЧАСТЬ 2. СИСТЕМА КОРОННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Глава 1. Историография и источники (*Е. В. Бородина, А. Ю. Конев*) 174

Историография 174

Источники 182

Глава 2. Административно-территориальное деление края в XVIII – первой трети XIX в. (*Е. В. Бородина*) 186

Глава 3. Эволюция системы управления в первой четверти XVIII в. (*Д. А. Редин*) 195

Петровские административные реформы в югорских уездах в 1700–1725 гг. ... 195

Воеводы/коменданты и их управленческий аппарат 211

Глава 4. Административная история Югры в 1725–1782 гг.: соотношение власти воевод и других органов (само)управления (*Е. В. Бородина*) 225

Изменение системы регионального управления после смерти Петра Великого 225

Воеводская канцелярия 230

Управительская канцелярия Самаровского яма 239

Полиция 240

Управление служилыми людьми 241

Органы (само)управления 243

Глава 5. Управление краем в 1782 – 1820-е гг.: от «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» к «Учреждениям для управления сибирских губерний» (*А. Плате*) 247

Административное законодательство и югорские уезды 247

Кадровое обеспечение управления 252

Финансовое обеспечение управления 270

Нижние земские суды и проблема организации управления в уездах в конце XVIII – начале XIX в. 272

Корректирование системы управления в начале 1820-х гг. 276

Глава 6. Организация управления автохтонным населением: от ясачной волости – к инородной управе (*А. Ю. Конев*) 282

Глава 7. «Места власти» в югорских уездах в XVIII – первой трети XIX в. (*Е. В. Бородина, А. Плате*) 301

Глава 8. Югра в системе административных коммуникаций Западной Сибири (*Е. В. Бородина, А. Плате*) 309

ЧАСТЬ 3. ЦЕРКОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА В ЮГРЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Глава 1. Историография и источники (*А. Ю. Конев, С. В. Туров*) 322

Историография 322

Источники 329

Глава 2. Христианская топография Югры (*С. В. Туров*) 332

Христианская топография Нижнего Приобья 332

Христианская топография Среднего Приобья 357

Христианская топография Нижнего Прииртышья 362

Глава 3. Монашество Югры. Кодский Троицкий монастырь (*С. В. Туров*) 369

Развитие архитектурного комплекса монастыря. Реликвии и святыни 369

Состав монашества и специфика его быта 376

Хозяйственная деятельность монастыря 383

Кодский монастырь как место «исправления» священников и паствы 390

Глава 4. Белое духовенство Югры (*С. В. Туров*) 397

Состав и обеспечение священно-церковнослужителей 397

Церковное администрирование 404

Глава 5. Конфессиональная политика в отношении аборигенного населения (*А. Ю. Конев*) 409

«Иноверцы» и миссионеры: столкновение культур и мировоззрений 410

Приходская организация и катехизация новокрещенов 431

ЧАСТЬ 4. НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРАЯ

Глава 1. Первоначальный этап научного изучения Югры (первая треть XVIII в.) (*И. А. Шипилов*) 456

Глава 2. Вторая Камчатская экспедиция и путешествия Ж.-Н. Делиля (1730–1740-е гг.) (*И. А. Шипилов*) 478

Глава 3. Академические экспедиции 1768–1774 гг. (*И. А. Шипилов*) 496

ГЛАВА 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ ОБСКОГО СЕВЕРА

Глава 1. Историография и источники (*А. С. Зуев, В. А. Шкерин*) 516

Историография 516

Источники 521

Глава 2. Жертвы дворцовых переворотов (*А. С. Зуев*) 524

Глава 3. Ссыльные декабристы (*В. А. Шкерин*) 554

Заключение (*В. Н. Захаров, Д. А. Редин*) 577

Список основных источников и литературы 581

Указатель географических названий 606

Именной указатель 614

Сокращения 630

Введение

Хронология и географические рамки тома

Четвертый том многотомной «Истории Югры» посвящен истории региона в XVIII – первой трети XIX в. Эта простая констатация оказывается, тем не менее, не такой уж и простой и требует пояснений как с точки зрения хронологии, так и с точки зрения пространственной локализации.

Известно, что астрономическое и историческое время часто не совпадают. В основе любой исторической хронологии или исторической периодизации лежат какие-то знаковые события, качественно меняющие ситуацию. Именно они задают рубеж в отсчете нового периода, который невозможно определить просто перелистыванием календарного листа. Новая жизнь редко «начинается с понедельника», даже если речь идет о жизни отдельного человека – что уж говорить о жизни стран и регионов, крупных социальных сообществ, сложно организованных систем! Но историческое время еще и многослойно; оно неравномерно в своей внутренней динамике. Изменения, происходящие в течение одного и того же астрономического отрезка времени, отличаются друг от друга по скорости, интенсивности, глубине. Перемены в системе хозяйствования могут оставаться малозаметными и замедленными на фоне трансформаций политических процессов, темпы культурных изменений в элитарной среде – существенно обгонять таковые в среде профанной; развитие технологий способно быть многократно и на порядки быстрее изменений в сфере мировоззренческих основ социума.

Вероятно, именно эта неравномерность исторического времени, а в конечном итоге самого исторического процесса сформулировала идею переходных эпох – не хронологических рубежей, а именно периодов большей или меньшей длительности, имеющих свою внутреннюю динамику и логику и плавно разделяющих «эпохи равновесия»[1]. Отмеченное несовпадение астрономического и исторического времени, как и многослойность исторического времени (вспомним трехуровневую модель различных темпоральных протяженностей Фернана Броделя[2], доведенную до мысли о «застывшей», «неподвижной» истории Эммануэля Ле Руа Ладюри[3]), сформировали концепцию «долгого Средневековья» Жака Ле Гоффа,

---

[1] Обзор и анализ концепций переходных эпох см., например: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Конструирование прошлого (конкретно ч. 3. Пространство и время истории). С. 475–589.

[2] Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сб. переводов / ред. И. С. Кон. М., 1977. С. 115–142. Оригинальная статья опубликована в 1958 г.

[3] Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 153–173. Оригинальная статья опубликована в 1974 г.

развернуто представленную им в 1985 г.[4] Идея долгих периодов, обусловленных неравномерным развитием сосуществующих общественных феноменов и приводящих к размытости граней перехода к новому содержательному периоду исторического процесса, стала весьма популярной; вербальная конструкция, найденная французским историком, оказалась столь удачной, что в современной историографии ее начали применять к более дробным временным отрезкам, заговорив о «долгом XVII», «долгом XVIII» и даже «долгом XIX» веках.

Впрочем, справедливо будет сказать, что и советская историческая наука со всеми присущими ей чертами – излишней идеологизацией и определенным изоляционизмом – двигалась в освоении темы тем же курсом, и тот же ветер дул в ее паруса, если несколько вольно воспользоваться метафорой Жоржа Дюби. Достаточно в этой связи вспомнить Всесоюзную дискуссию о переходе от феодализма к капитализму в России, состоявшуюся в Москве в 1965 г. При всей специфике терминологии и акценте на традиционных социально-экономических аспектах исторического развития дискуссия в той или иной степени затронула весь комплекс явлений, маркировавших «разложение» феодальных отношений и зарождение капитализма. По сути, это была дискуссия о переходе от Средневековья к Новому времени, причем многие докладчики отмечали живучесть «феодальных» (читай – средневековых) черт в жизни России вплоть до Великих реформ 1860-х гг. и в этом невольно предвосхищали будущую правоту Ле Гоффа в определении верхней границы Средневековья на российском материале[5].

Эти рассуждения имеют прямое отношение к определению хронологических границ, выбранных для нашего тома. Нижняя грань – XVIII столетие – подразумевает, что повествование следует начинать с первых лет этого века. Но для нас 1700-е гг. – в известной степени условный ориентир, «календарный рубеж 1700 года». Ни для жителей Северного Приобья тех времен, ни для современных историков этот год не стал чем-то принципиально новым по сравнению с ушедшим 1699-м. Край вошел в новое столетие бесшумно, если использовать известный образ Пьера Тейяра де Шардена, созданный им по другому поводу. Ни коренные народы, ни русские старожилы не заметили никаких изменений ни в 1700-м, ни в последующих ближайших годах; перемены копились исподволь и с разной степенью интенсивности в разных сферах жизни. И тем не менее, повествование в нашем томе начинается с этих лет, поскольку начало столетия знаменовалось стартом реформ Петра I, затронувших практически все стороны жизни России. В разных регионах они, конечно, проявляли себя по-разному, и в этом смысле в их динамике также проявилась упомянутая неравномерность исторического времени. Земли Северного Приобья, на которых сегодня располагается Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, оказались затронуты реформами первой четверти XVIII в. в разной степени, в ряде случаев минимально, но, тем не менее, происходившие здесь перемены, проявившиеся пусть и не столь ярко и тотально, как в ряде других регионов России, все-таки позволяют увязать нижнюю хронологическую границу нового этапа исторического развития края с первыми годами петровских реформ. И в этом ряду едва ли не самой заметной и знаковой доминантой нового этапа исторического развития края стала массовая христианизация автохтонного населения; настолько знаковой, что позволила одному из известных современных исследователей, хоть и с известной долей гиперболиза-

[4] Ле Гофф Ж. В поддержку долгого Средневековья // Средневековый мир воображаемого / пер. с фр. Е. В. Морозовой. М., 2001. С. 31–38. Оригинальная статья опубликована в 1985 г.

[5] Ход дискуссии и ее основные направления и выводы опубликованы в кн.: Переход от феодализма к капитализму в России (Материалы Всесоюзной дискуссии) / отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.И. Шунков. М., 1969.

ции, назвать XVIII в. в истории Обского Севера «эпохой Филофея Лещинского»[6], начавшего активную миссионерскую деятельность в первой половине петровского царствования.

С верхней хронологической границей дело обстоит проще. Мы определили ее концом первой трети XIX в., связав с тем комплексом законодательных мер, которые были разработаны и введены в практику М. М. Сперанским, возглавлявшим Сибирскую губернию в 1819–1822 гг.[7] Пакет законопроектов, из которых центральное место заняли «Учреждение для управления сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцами», как заложил основу качественно новому управлению Сибирью, касаясь всех категорий местного населения и всех сторон хозяйственной и социальной жизни края, так и имел общегосударственное значение, поскольку выражал «определенное стремление выработать правительственную политику не только в отношении Сибири, но и окраин империи в целом»[8].

Не так просто определялись географические границы и само название края относительно изучаемого периода. Каждому, кому доводилось работать с региональным материалом, известно, как нелегко бывает определить границы региона. Во-первых, потому что регион – явление исторически изменчивое. Во-вторых, потому что в любом регионе достаточно легко определяется его ядро, и гораздо сложнее – периферия. Именно на периферии как раз и проявляются со всей очевидностью историческая подвижность, размытость, изменчивость региональных границ.

Собственно говоря, даже сама дефиниция «регион» по-разному трактуется представителями разных отраслей знания. Главная причина тому кроется в сложности и различном происхождении компонентов, формирующих регион как феномен: географических, этнических, политико-административных, демографических, конфессиональных, культурных и т. п. Все эти компоненты находятся друг с другом в состоянии многопланового взаимодействия; различные акторы исторического процесса на разных этапах его развития имеют неодинаковые представления о том, что составляет главные признаки региональной идентичности, в том числе и территориальные. Такое субъективное измерение восприятия региона, проявления его региональной самоидентификации тоже должны учитываться при определении региональных границ.

Уже с середины XX столетия проблема дефиниции региона активно дискутировалась как в нашей стране, так и за рубежом (в последнем случае дискуссия главным образом сосредоточивалась на определении феномена «Центральной Европы» (Mitteleuropa) как одного из европейских макрорегионов). В рамках одной из дискуссий начала 1980-х гг. А. С. Мыльниковым было высказано предложение использовать в теоретических конструированиях искомой дефиниции этнографическое понятие «историческая область», понимаемое как территория, обладающая экономической, социокультурной и экологической общностью.

---

[6] Головнёв А. В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 7–8; Его же. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 89–91.

[7] В качестве сибирского генерал-губернатора в 1819–1821 гг. и как управлявший Восточно-Сибирским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами в 1822 г. до назначения туда генерал-губернаторов.

[8] Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 92. См. также: Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Ремнев А. В., Перцева Т. А. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003; Кодан С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988. С. 114–123.

По мнению историка, регионы являлись относительно устойчивыми крупными системными комплексами, которые формировались в ходе исторического развития из соединения различных исторических областей-провинций. Иными словами, регион в русле этих рассуждений может быть определен как системная совокупность экономически, политически и культурно связанных между собой исторических областей-провинций[9]. Близкое и, как представляется, более простое определение (в том смысле, что из него удалено опосредующее звено в виде «исторической области») бытует и в социологической научной литературе: «Регион – это конкретно-историческая территориальная социально-природная целостность, обладающая свойствами ресурсной… технологической и историко-культурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства»[10].

К началу активной русской колонизации (с конца XVI в.) подобная конкретно-историческая территориальная социально-природная целостность сформировалась на части территории Северо-Западной Сибири[11]. Зримым проявлением и основой этой целостности, на наш взгляд, являлась система этнополитических образований обских угров (ханты и манси), сибирских (тундровых и лесных) ненцев и селькупов Северного Урала в северной части Обь-Иртышского бассейна, крупнейшими из которых были Кондинское, Пелымское, Сосьвинское, Кодское, Белогорское, Бардаково, Куноватско-Ляпинское, Казымское, Обдорское княжества и Пегая Орда. Применительно к современной административной ситуации эти территории относятся к Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, Ямало-Ненецкому автономному округу и отчасти к Свердловской и Томской областям.

Региональное единство края не было монолитным и завершенным. Тому препятствовали разнообразные обстоятельства. В природно-климатическом отношении его территория делилась на две обширные зоны: тундровую/лесотундровую и таежную. Различия в физической географии предопределяли различия в системах хозяйствования: первая из этих зон – «промысловая, оленеводческая, рыбопромышленная, звероловная», вторая – «лесная, полуземледельческая, полупромысловая»[12]. Далеко не мирными были отношения между ненцами и обскими уграми, между самими обско-угорскими княжествами, о чем свидетельствуют героические сказания об остяцких богатырях, созданные до эпохи русской колонизации[13], а о языковых и бытовых различиях субэтнических групп аборигенного населения существует такая обширная этнографическая литература, что достаточно просто упомянуть их наличие. И, тем не менее, при всех названных различиях внутренние связи оказывались сильнее. Внешнее давление, вызванное продвижением на восток русского/российского вли-

---

[9] См.: Мыльников А. С. Расширенное заседание Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики // СЭ. 1984. № 1. С. 148–152. В более сжатом и обобщенном виде этот подход постулировался в более поздних работах автора. См.: Мыльников А. С. Народы центральной Европы : Формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 7–8.

[10] Абрамов Ю. Ф., Арсеньев И. И. На пути к региональному глобализму. Иркутск, 2005. С. 68.

[11] Говорим о части Северо-Западной Сибири, поскольку в научной литературе под Северо-Западной Сибирью понимается более широкое пространство. Объясняя его в терминах русского административно-территориального деления XVII в., Е. В. Вершинин включал в этот регион западную часть Мангазейского, Нарымского и Кетского уездов. См.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 5.

[12] Поспелов В. Т. Экономическое и социальное развитие Северо-Западной Сибири во второй половине XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 10.

[13] Патканов С. К. Соч. : в 5 т. Тюмень, 2003. Т. 5. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия.

яния в конце XVI – XVII в., как это нередко бывает в аналогичных обстоятельствах, лишь интенсифицировало процесс регионообразования, правда, изменив его вектор и набор определявших его факторов, в результате чего, по справедливому замечанию Е. В. Переваловой, «в многообразии этнокультурных контактов и конфликтов народов, входивших в сферу контроля метрополии, выработалась самобытная культура баланса этничности и власти»[14]. Она и стала платформой для нового этапа эволюции региона.

Среди новых факторов, оказавших существенное влияние на региональные процессы, особое значение приобретал административно-политический, игравший «значимую, порой опережающую роль в процессе освоения и интеграции восточных регионов России»[15]. Для XVIII и, тем более, начала XIX в. роль этого фактора становилась все более значительной по сравнению с эпохой «острожной колонизации», поскольку он в политике имперского центра рассматривался в качестве универсального регулятора внутренних процессов, происходивших в крае, средства интеграции территории в общую политическую систему страны.

Учитывая возросшее влияние административно-политического фактора в региональной истории в XVIII – начале XIX в., а также главный посыл всего многотомного труда по истории Ханты-Мансийского автономного округа – представить его прошлое в контексте общестранового масштаба, в контексте «большой истории» – мы определили географические рамки исследования в данном томе, ориентируясь на административно-территориальное деление того времени, в общих чертах устоявшееся по итогам «первого века» освоения Сибири русскими. С другой стороны, мы учитывали те границы, которые определяют современный Ханты-Мансийский автономный округ – Югру. Мы старались, насколько это было возможно с позиций историзма, не слишком выходить за их рубежи.

Определяясь с ядром изучаемой территории, мы ориентировались на три центра, которые и в настоящее время занимают срединное положение в округе: Берёзов, Сургут и Самарово (часть современного Ханты-Мансийска) и административно связанные с ними уезды и ясачные волости. Как бы ни менялись в течение века внутренние границы уездов и статус названных населенных пунктов, они продолжали задавать константу регионального ядра. Географически они соответствуют трем природно-климатическим зонам Нижнего Приобья, Среднего Приобья и Нижнего Прииртышья.

Сложнее обстоят дела с определением периферии, границ этого региона. Территории, административно входившие тогда в состав Берёзовского уезда, простирались далеко на север, достигая устья Оби и побережья Ледовитого океана. Сейчас северная часть бывшего Берёзовского уезда входит в состав Ямало-Ненецкого автономного округа, а маленькая Обдорская таможенная застава, не имевшая в те времена даже постоянного населения, сегодня превратилась в Салехард – окружную столицу. Тем не менее, с позиций исторической ситуации изучаемого периода мы не можем исключить эту северную периферию из текста, посвященного истории Ханты-Мансийского автономного округа. По схожим причинам в поле зрения авторского коллектива, хотя в большей степени факультативно, оставался Пелым, тесно связанный с вышеперечисленными городами предшествовавшей исторической судьбой, географически относящийся к бассейну Нижнего Иртыша и в XVIII в., по крайней мере в первой его половине, еще «тянувшего» к сфере административного влияния Берёзо-

[14] Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. С. 6.

[15] Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестн. Перм. ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 46.

ва, самого значимого в то время центра края[16]. Если же учесть, что земли Пелымского уезда – территория расселения манси, место существования вогульского Пелымского княжества, ликвидированного в 1590-х гг., то связь этой исторической области с обозначенным ядром окажется еще более очевидной.

Определенную сложность представляет выбор названия изучаемой территории. Для XVIII – первой трети XIX в. у нее не было аутентичного общего наименования. Комфортный с точки зрения использования термин «Югра», отэтнонимический хороним «внешнего» происхождения (русской адаптации коми-зырянского этнонима), перестал употребляться в официальной лексике уже в начале XVII в., да и до этого не относился ко всем областям описываемого региона: в документальных и нарративных русских источниках конца XV – XVI в. под «Югрой», «Югорскими градами» понимали лишь часть земель Нижнего Приобья – Сосьвинско-Сыгвинский (Ляпинский) бассейн[17]. Корректнее, с нашей точки зрения, пользоваться нейтральными географическими понятиями Северное Приобье, Обь-Иртышский Север, Обский Север и т. п., но они не всегда синтаксически удобны. Поэтому мы решили не отказываться и от хоронима «Югра» и производных от него («югорские уезды», «югорские территории» и т. п.), отмечая их «кабинетный» характер, аналогичный, например, термину «Киевская Русь». Кроме того, будучи конституированным в современном официальном наименовании Ханты-Мансийского автономного округа, он обладает определенной контекстной ясностью, «узнаваемостью» для современного читателя.

Формирование научных знаний об истории края XVIII – первой трети XIX в. в историографии «века Просвещения»

Принципы научного историописания Обского Севера интересующего нас периода начали складываться в XVIII в. Общей характерной чертой трудов этого столетия можно назвать *универсализм*. Авторов в той или иной степени интересовали все аспекты жизни края: от особенностей физической географии, флоры и фауны до языков, быта, религиозных представлений населявших его народов, их социальной организации; от истории начальных этапов русской колонизации до современного им состояния управления, развития транспортных коммуникаций, хозяйственной деятельности. Постепенно с 10–20-х гг. XIX в. и особенно в XX в. и в дальнейшем этот универсализм начал отчетливо уступать место *профессиональной специализации*, что в целом отражало магистральное направление в развитии научных знаний как таковых. Во введении мы остановимся на первых этапах становления и развития «югорской» историографии «века Просвещения». В то же время с характеристикой специальных научных трудов XIX – первой четверти XXI в. и современным состоянием источниковой базы читатель сможет ознакомиться в соответствующих главах настоящего тома. К такой структуре в подаче материала нас побудили как отмеченные выше особенности эволюции историографического процесса, так и соображения технического порядка. Современная историография слишком значительна по объему и слишком специализирована, чтобы уместиться в ограниченный объем введения, с одной стороны, без риска недопустимых упущений, а с другой – без риска чрезмерности, мешающей ее освоению читателями.

---

[16] Подробнее об административной роли Берёзова в XVIII в. см. в ч. 2 настоящего тома.

[17] См. об этом: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. С. 3–4.

Авторами первых научных сочинений по истории Югры, в том числе интересующего нас периода, стали участники христианских миссий и ученые путешественники. Самое раннее в этом ряду – «Краткое описание о народе остяцком» (1715 г.) – принадлежит перу Григория Ильича Новицкого, ссыльного казачьего полковника, принимавшего участие в 1713–1715 гг. в миссионерских поездках по Обскому Северу схимитрополита Феодора (Филофея Лещинского). Правда, первое издание 1721 г. появилось в немецком переводе, а на языке подлинника труд Г. И. Новицкого увидел свет только в 1884 г.[18] Вопреки своему названию, сочинение Новицкого содержало сведения не только об остяках (хантах), но также о вогулах (манси) и самоедах (ненцах), об их социальной организации, промыслах и оленеводстве и оценивается многими исследователями как первое этнографическое исследование на русском языке. Годом ранее немецкого издания «Краткого описания о народе остяцком» в 1720 г. в Берлине вышла книга еще одного участника миссионерской экспедиции Лещинского, пленного драгунского капитана шведской армии Йохана Бернгарда Мюллера[19], получившая широкую известность и полностью или частично переиздававшаяся впоследствии на немецком, английском и французском языках. По структуре и содержанию работа Мюллера зачастую повторяет труд Новицкого, что для многих исследователей послужило основанием считать ее несамостоятельной[20]. Так или иначе, но с этими именами связано и становление исследований религиозных традиций народов Северо-Западной Сибири в XVIII в., начало изучения истории конфессионального взаимодействия и христианизации народов региона, что естественно, поскольку оба автора являлись непосредственными участниками этих событий.

Начало комплексному научному изучению Сибири положила экспедиция Даниила Готлиба Мессершмидта 1719–1727 гг. Мессершмидт – доктор медицины, получивший образование в области медицины, ботаники, зоологии, математики и физики в университетах Йены и Галле, по приглашению Петра I поступил на службу в Россию для исследования ее природных ресурсов (минералогия, ботаника, зоология). Территорию Югры Мессершмидт посетил в 1725 г. уже на обратном пути из Енисейска в Тобольск, побывав в Сургуте и Самаровском яме. Немногим более года (с марта 1721 г. до конца мая 1722 г.) в составе экспедиции работал пленный капитан шведской армии Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг, сосланный в Тобольск. Страленберг вел дневник путешествия, выполнял географические, этнографические, археологические и иные исследования. Результаты научной работы Страленберга в Сибири отражены в его монографии «Северная и Восточная часть Европы и Азии»[21]. Хотя севернее Тобольска и Нарыма Страленберг не бывал, он за время пребывания в Тобольске и в ходе экспедиции сумел собрать ценнейшие сведения о народах Западной Сибири, в том числе хантов и манси. Главным его достижением в исследовании Югры следует признать материалы и теоретические построения по истории, этнографии и лингвистике хантов и манси. В монографии он, применив лингвистический критерий, верно разграничил эт-

---

[18] Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1884.

[19] Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostjaken, eines Volcks, das dis unter dem Polo Arctico wohnet. Berlin, 1720.

[20] См., например: Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968; Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард, 2005. Подробнее сравнительный анализ сочинений Новицкого и Мюллера, а также историю научного освоения края в XVIII в. см. в ч. 4 настоящего тома.

[21] Strahlenberg Ph. J.v. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

носы финно-угорской, самодийской и тюркской языковых семей, привел сведения об их этногенезе и этнической истории, современной численности, антропологических и культурных особенностях. Научные труды Страленберга, получившие международное признание, способствовали распространению верных представлений о Сибири в России и Европе, а его монография стала своего рода первой энциклопедией Сибири.

Самые ранние описания югорских городов за интересующий нас период оставил Иван Кириллович Кирилов в своем сочинении «Цветущее состояние всероссийского государства» (1727 г.). Краткая характеристика городской застройки Берёзова и Сургута здесь дополнена ведомостями о служилых людях и артиллерийском вооружении[22].

Свой вклад в изучение региона в первой трети XVIII в. внесли и картографы. Первые инструментальные съемки в Сибири начали осуществляться с 1715 г., но до начала 1730-х гг. они охватывали преимущественно лишь южные и восточные (вплоть до Камчатки) регионы. Первым опытом применительно к Югре явились картографические работы геодезиста Петра Чичагова в 1720-х гг., в которых отображена Западно-Сибирская равнина. К карте Тобольской провинции геодезист приложил «каталог», содержащий описание и географические координаты 1302 пунктов. Из этого значительного числа пунктов лишь несколько были определены астрономически по широте, а широты остальных, как и долготы (методы определения долгот в России были еще неизвестны), вычислены математически, определены в результате опросов местных жителей или сняты с имеющихся карт. Для «Ландкарты Сибирской губернии и Тобольской провинции» Чичаговым были определены астрономически широты девяти опорных пунктов: Тобольска, Пелыма, Тюмени, Туринска, Верхотурья, Тары, Сургута, Обдорска и Омской крепости, причем применительно к Тобольску, Пелыму, Сургуту и Обдорску это было сделано впервые[23].

Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция 1733–1743 гг. под общим руководством Витуса Беринга справедливо считается крупнейшим в истории научно-исследовательским предприятием, ей посвящены многие сотни научных монографий и статей, первые из которых были опубликованы вскоре после ее завершения. Северные морские отряды и прикомандированные к ним геодезисты исследовали лишь прибрежные территории севернее Югры (современный Ямало-Ненецкий автономный округ). Изучение природы и естественных богатств внутренних районов Сибири, ее истории и этнографии коренных народов было поручено академическому отряду, в состав которого входили профессора (историк Герард Фридрих Миллер, являвшийся неофициальным руководителем отряда, натуралист Иоганн Георг Гмелин и астроном Людовик Делиль де ла Кройер), адъюнкты Академии наук Георг Вильгельм Стеллер и Иоганн Эбергард Фишер, геодезисты, живописцы, переводчики, студенты академии. В начале путешествия почти все участники отряда в 1734 г. добирались из Томска до Енисейска сухопутным трактом, оставив территорию Югры в стороне. Из всех участников Второй Камчатской экспедиции лишь Миллер посетил все уральские

[22] Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977. Первое издание этого труда появилось лишь почти столетие спустя после смерти автора стараниями М. П. Погодина в 1831 г.

[23] Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М. ; Л., 1946; Фель С. Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопр. географии. М., 1950. Сб. 17. История географических знаний. С. 5–22; Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М. ; Л., 1958; Фель С. Е. Картография России XVIII века. М., 1960; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М. ; Л., 1965.

и сибирские уезды, не стали исключением Сургутский и Берёзовский. Миллер путешествовал по территории Югры в 1740 г. по маршруту Томск – Нарым – Сургут – Берёзов – Самаровский ям – Тобольск.

Материалы путешествия Миллера содержат огромный массив ценной и разнообразной информации, значительная часть которой еще не введена в научный оборот. В его полевом дневнике содержится, кроме прочего, ценнейшая информация, полученная в результате опросов местного населения. Путевые описания по маршруту путешествия по Оби и Иртышу содержат сведения о р. Вах, Юганская Обь, Сосьва, Конда, о городах Сургуте и Берёзове, Самаровском яме, о сотнях русских и аборигенных поселений, археологических памятниках и культовых местах, данные о промысловых сооружениях коренных жителей Обь-Иртышья, ареалах их хозяйственной деятельности, используемом для кочевий транспорте. Причем автор приводит эти записи с указанием путевых точек своего маршрута, нередко фиксируя дополнительную информацию о сопредельных территориях со слов местных жителей.

Одним из важнейших результатов путешествия Миллера явилось громадное собрание документов, скопированных под руководством ученого в архивах сибирских городов, подлинники которых в большинстве своем впоследствии были утрачены. Для изучения истории Югры в конце XVI – начале XVIII в. в этом собрании особое значение имеют 140 актовых документов Берёзовского архива, датируемых временем с 1693 по 1718 г., а также сотни документов Тобольского, Томского, Нарымского, Пелымского и ряда других архивов[24]. Указанные копии документов частично вошли в качестве приложений в «Историю Сибири» Г. Ф. Миллера[25].

Масштабные по территориальному охвату и результативности исследования отрядов академической экспедиции, возглавлявшихся Петером Симоном Палласом, Иоганном Готлибом Георги и Иоганном Петером Фальком под общим руководством академика П. С. Палласа (1768–1774 гг.), затронули Югру лишь в небольшой степени. Единственным участником экспедиции, детально исследовавшим регион, был студент Академии наук Василий Федорович Зуев, отправленный П. С. Палласом в начале 1771 г. в самостоятельное путешествие

---

[24] Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т 1–2 / подг. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1993–1995; Косвен М. О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л., 1961. Вып. 3. С. 167–212; Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990; Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. Сер.: История Сибири. Первоисточники. Вып. 6 / отв. ред. Н. Н. Покровский ; подг. А. Х. Элерт; Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999; Титова З. Д. И. Э. Фишер – участник Второй Камчатской экспедиции (неопубликованные материалы середины XVIII в.) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 27–32; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подг. текста, предисл., коммент. А. Х. Элерта. Екатеринбург, 2006; Герард Фридрих Миллер. Описание сибирских народов / изд. подг. А. Х. Элерт, В. Хинтцше // Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов : в 12 т. Т. 8, ч. 1. М., 2009; Gerhard Friedrich Müller. Ethnographische Schriften I / Bearb. von W. Hintzsche und A.Ch. Elert. Halle, 2010; Gerhard Friedrich Müller. Ethnographische Schriften II / Bearb. von W. Hintzsche und A.Ch. Elert. Halle, 2018.

[25] При жизни Миллера был издан только 1-й том этого труда. [Миллер Г. Ф.] Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. СПб., 1750. Некоторые главы публиковались на немецком и русском языках в петербургских журналах «Sammlung Russischer Geschichte» в 1761, 1763 гг. и «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» в 1764 г.

по маршруту Тобольск – Демьяновский и Самаровский ямы – Берёзов – Обдорск – Байдарацкая губа – устье р. Кары. На обратном пути Зуев проследовал через Сургут, Нарым и Кетско-Тымскую равнину в Красноярск, куда прибыл в январе 1772 г. В помощь ему был определен солдат Томского батальона, опытный стрелок и чучельник; в ходе путешествия на оленях и лодках отряд Зуева пополнялся проводниками и переводчиками из местного русского и коренного населения.

Отметим наиболее важные результаты исследований Зуева. Это подробные путевые описания, сведения по географии Средней и Нижней Оби, определения природных зон и их границ, составление коллекций флоры, фауны, многие из которых до того не были известны науке, а также минералов и останков ископаемых животных. Особый интерес представляют детальные этнографические описания студента, записи фольклора хантов и ненцев, лингвистические и антропологические исследования. Исследователь собрал данные о хозяйственных занятиях остяков, выявил некоторые локальные особенности их жизнеобеспечения и образа жизни, привез модели промысловых орудий. К сожалению, этнографические сведения В. Ф. Зуева в значительной части лишены конкретной географической привязки, что затрудняет их соотношение с локальными сообществами хантов. Труд Зуева «Описание живущих в Сибирской губернии в Берёзовском уезде инородческих народов остяков и самоедов» (одна из немногих работ, дошедших до наших дней в подлиннике) был в переработанном виде опубликован Палласом в третьем томе его «Путешествия...», использован он и в трудах Георги[26]. Это были уже обзорные описания хозяйства северных народов Западной Сибири, в которых проводилось некоторое сопоставление обско-угорской и ненецкой традиционных моделей жизнеобеспечения.

Во второй трети XVIII в. произошло кардинальное изменение основных путей сообщения в Сибири[27]. С созданием Московско-Сибирского тракта Югра осталась в стороне не только в отношении основных потоков людей и грузов между Западной Сибирью и Восточной – научное исследование региона также в значительной степени угасло. В последней четверти XVIII в. и в первой трети XIX в. почти полностью прекратилось исследование Сибири академическими экспедициями, на смену которым пришли правительственные и частные экспедиции, которые работали преимущественно в Южной Сибири, на Дальнем Востоке, в Приамурье, то есть там, где центральные власти и промышленники были заинтересованы в поисках новых месторождений полезных ископаемых, а также в решении геополитических проблем. Югра в этом отношении не представляла большого интереса. Однако научное изучение региона не прекратилось полностью: значительный вклад в изучение Югры внесли представители нарождавшейся интеллигенции, которые волею судеб какое-то время работали в крае и занимались, помимо прочего, сбором данных по истории, географии и этнографии местных жителей, преимущественно аборигенов. Примером могут служить работы штаб-лекаря В. Н. Шаврова и члена врачебной управы Ф. И. Белявского, написанные в первой трети XIX в.[28] Ситуация несколько изменилась лишь к середине XIX в., когда

[26] См.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи : в 3 ч. СПб., 1788. Ч. 3, кн. 1; Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : в 4 ч. СПб., 1799. Ч. 2; Полностью опубликован лишь в конце 1940-х гг. (Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Берёзовском уезде инородческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // ТИЭ. 1947. Новая серия. Т. 5).

[27] Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2008.

[28] Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. Разд. 5. Смесь.

к исследованию Югры вновь приступили профессиональные ученые, и прежде всего финно-угроведы (М. А. Кастрен и др.).

Научные труды авторов XVIII в. заложили, таким образом, основу историографического освоения истории Югры. Они отличались универсальным характером, затрагивая так или иначе все стороны жизни края. В силу этого последующие поколения историков, специализировавшихся на изучении Северо-Западной Сибири, независимо от направления и тематики собственных научных интересов неизбежно обращались к трудам первопроходцев. С течением времени их сочинения не только стали фактом историографии, но и приобрели значение первоисточников по истории Северного Приобья.

С. 1–21; Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.

СЕВЕРНОЙ
НОВАЯ
ЗЕМЛЯ
БЕРЕЗО
ВСКОЙ
УЕЗДЪ
МАНГАЗЕ
УЕЗДЪ
СУРГУНКОЙ
ПЕЛЫМСКОЙ
УЕЗДЪ
ТАБО
ЛСКОЙ
УЕЗДЪ
УЕЗДЪ
НАРЫМ
СКОЙ
УЕЗДЪ
ТОМС
КОЙ
УЕЗДЪ
КРАСНО
ТАРСКОЙ
КУЗНЕЦ
КОЙ
ЯРСКОЙ
УЕЗДЪ
КОЧЮЮЩИХЪ

Часть 1

Организация пространства, социальная стратификация и формы хозяйствования

Глава 1

Историография и источники

Историография

Первые научные сочинения, содержавшие фрагментарную информацию о социальной организации коренных народов Югры, появляются в XVIII в. – это работы Г. И. Новицкого, В. Ф. Зуева и И. Г. Георги[1].

XIX в. стал периодом накопления научных знаний по социально-демографической структуре народов Югры. Н. А. Абрамов первым обратился к документам Берёзовской воеводской канцелярии и Тобольского губернского архива для описания основных групп угров и самодийцев Югры[2]. Он, в частности, отметил связь ряда угорских социальных институтов и традиций с татарскими, дал характеристику иерархии остяцких «княжеств», высказался относительно общественного статуса шаманов. Отрывочные научные сведения о социальной структуре локальных групп северных народов были собраны иностранными исследователями-путешественниками: по восточным хантам и селькупам – М. А. Кастреном[3], по северным группам манси и хантов – А. Э. Алквистом[4].

Первое фундаментальное исследование демографии и социальной организации югорских народов было осуществлено в 1880–1890-е гг. статистиком и экономистом С. К. Патькановым. Он задействовал для анализа текущих социальных процессов материалы более ранних ревизий и архивные данные[5].

---

[1] Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007; Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Берёзовском уезде инородческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // ТИЭ. 1947. Новая серия. Т. 5; Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб., 1884.

[2] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Зап. ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 327–448.

[3] Кастрен М. А. Сочинения : в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. Лапландия, Карелия. Россия (Путешествие в Лапландию в 1838 году. Поездка в Русскую Карелию летом 1839 года. Путешествие в Лапландию, Северную Россию и Сибирь с ноября 1841 до марта 1844 года). Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849).

[4] Алквист А. Э. Среди хантов и манси : Путевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999.

[5] Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911; Его же. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 1–3. СПб., 1891–1893; Его же. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании специальной разработки материала переписи 1897 года) :

С первой трети XX в. начинают вестись целенаправленные научные исследования социально-демографической структуры северян. Так, проблематика родовой организации обских угров, ее использование для ясачного обложения нашли отражение в отдельных трудах С. В. Бахрушина, при этом основной период его исследований касался XVI–XVII вв.[6]

Б. О. Долгих, изучая общественный строй народов Сибири на основе сопоставления архивных, этнографических и лингвистических данных, также специализировался на историческом периоде до XVII в., но нередко апеллировал и к сведениям XVIII–XIX вв.[7] Кроме того, он занимался актуальной в советское время проблематикой стадиального развития социальной организации северных народов[8].

Выдающийся вклад в изучение социальной структуры и общественных отношений народов Нижнего и Среднего Приобья XVIII–XIX вв. внесла Н. А. Миненко. Ею введен в научный оборот значительный объем новых письменных источников, критически проанализированы и систематизированы уже известные данные по рассматриваемой тематике[9].

Вопросы влияния правовых и административных институтов империи на социальную структуру западносибирских народов, формирование и трансформацию у них волостной системы достаточно подробно исследованы в работах В. В. Рабцевич, В. А. Зибарева и В. Г. Марченко, Е. М. Главацкой, Е. П. Мартыновой, А. Ю. Конева[10].

в 3 т. СПб, 1911. Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губернии; Его же. По Демьянке (бытовой и экономический очерк) // Зап. Зап.-Сиб. отд-ния РГО. Омск, 1894. Кн. 16. Вып. 2–3. С. 1–64.

[6] Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград, 1922; Его же. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929; Его же. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935.

[7] См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. Т. 55. М., 1960; Его же. Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.). М., 1970. С. 88–102.

[8] См.: Долгих Б. О. Племя у народностей Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 332–360; Его же. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири : докл. на VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1964.

[9] См.: Миненко Н. А. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVIII в. // Изв. СО АН СССР. № 6. Вып. 2. Сер. общественных наук. Новосибирск, 1969; Ее же. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : ист.-этногр. очерк. Новосибирск, 1975.

[10] См.: Рабцевич В. В. Местное управление Западной Сибири в 80-е гг. XVIII – первой четверти XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. Гл. 2; Зибарев В. А., Марченко В. Г. К вопросу об административном устройстве малых народностей Севера в дореволюционной России // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 104–112; Марченко В. Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография. Томск, 1972; Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера. Томск, 1990; Главацкая Е. М. Ханты в составе Русского государства в XVII–XX вв. // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 2002. С. 98–103; Мартынова Е. П. Волостная организация хантов // Экспериментальная археология : Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. Вып. 1. Тобольск, 1991. С. 128–139; Ее же. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // История и культура хантов / под. ред. Н. В. Лукиной. Томск, 1995. С. 77–120; Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 1995; Его же. Этнический фактор в формировании административно-территориальной структуры региона (на материалах Западной Сибири XVII–XIX вв.) // Актуальные вопросы истории Сибири : Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сб. материалов науч. конф. / отв. ред. В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. Барнаул, 2009. С. 89–91.

Проблемы эндо- и экзогамии коренных народов Югры целенаправленно поднимались в трудах В. Н. Чернецова, В. Г. Бабакова, В. И. Васильева, П. Вереша, А. В. Головнёва, З. П. Соколовой, Е. Г. Фёдоровой[11]. Представленная тематика тесно связана с вопросами родовой организации, относительно которой в советский период сложилась жесткая научная парадигма (первичность материнского рода по отношению к отцовскому и закономерная эволюция одного в другой в результате развития социальных отношений). Поднятые вопросы отчасти были подвергнуты пересмотру в исследованиях постсоветского периода, в основном в рамках анализа темы семьи у коренного населения Югры и при изучении культуры локальных этнических сообществ. Тема семьи и семейных отношений народов Обь-Иртышского Севера отдельно анализировалась в публикациях В. И. Васильева, И. Н. Гемуева, О. О. Дрянковой и В. И. Сподиной[12].

Исследовательское направление, объединяющее темы социальной организации и хозяйственной деятельности северных народов – хозяйственные коллективы, достаточно полно представлено в работах А. В. Головнёва, В. В. Лебедева и Е. В. Переваловой[13].

Динамика численности северных народов Югры на продолжительных исторических отрезках изучалась такими исследователями, как Е. А. Пивнева и А. И. Пика. Специалисты отметили относительную стабильность численности северных общностей в XVIII–XIX вв. и выдвинули обоснованные гипотезы этого феномена[14].

---

[11] См.: Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42; Его же. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. № 6/7. С. 159–183; Его же. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987; Бабаков В. Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. 1988. № 3. С. 36–47; Васильев В. И. Проблема формирования фратриально-родовой организации сибирских ненцев в этногенетическом аспекте // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 255–262; Вереш П. К вопросу о происхождении дуально-фратриальной организации обских угров // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры : сб. науч. тр. М., 1977. С. 43–59; Головнёв А. В. Экзогамия в социальной истории народов Северо-Западной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири : тез. докл. Новосибирск, 1988. Вып.1. С. 88–89; Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа : (На материалах хантов и манси). М.,1990; Ее же. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1987. С. 118–133; Ее же. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // СЭ. 1976. № 6. С. 13–38; Ее же. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. : Проблемы фратрии и рода. М., 1983; Фёдорова Е. Г. Люди Пор и люди Мось в представлениях современных манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1998. Вып. 4.

[12] См.: Васильев В. И. Семья северных народностей в историческом ракурсе (методико-источниковедческий аспект проблемы) // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. Омск, 1988. С. 86–91; Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 86–138; Его же. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984; Дрянкова О. О. Структурно-демографическая характеристика хантыйской семьи в конце XVIII – середине XIX в. // Этнодемографический сборник. Народы Севера России. Москва, 2000. С. 132–168; Ее же. Структурно-демографическая характеристика хантыйской семьи в конце XVIII – середине XIX в. // Этнодемографический сборник. Народы севера России. М., 2000. С. 132–168; Ее же. Типология семьи хантов в конце XVIII – середине XIX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 102–105; Сподина В. И. Многоженство как форма брачных обычаев коренных народов Севера: этнические категории нравственности // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Вып. 45: История. 2011. № 12 (227). С. 5–9; Ее же. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев (по материалам традиционной культуры и языка). Ханты-Мансийск, 2010.

[13] См.: Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; Головнёв А. В., Перевалова Е. В. Традиционные хозяйственные комплексы и объединения // Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992. С. 18–28; Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. 1980. № 2. С. 82–91.

[14] См.: Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.) М., 1999; Ее же. Проблемы исторической демографии обских угров // Угры : материалы VI Сиб.

Также в отношении каждой из крупных этнических общностей Югры (обских угров, лесных ненцев и северных селькупов) анализировалась социально-демографическая структура. Особо отметим большой вклад в изучение социальной структуры хантов и манси московского этнографа З. П. Соколовой. Ее работы содержат богатый фактографический материал и поднимают теоретические вопросы в разных масштабах – от семейных коллективов до целых этнических сообществ[15].

Специальное изучение демографии и социальной структуры обских угров вели В. Г. Бабаков, П. Вереш, А. В. Головнёв, Е. П. Мартынова, А. И. Мурзина, Е. А. Пивнева, А. И. Пика и Е. Г. Фёдорова[16]. Социальная структура лесных ненцев исследовалась В. И. Васильевым, Г. Д. Вербовым, И. Н. Гемуевым, А. В. Головнёвым, М. А. Зенько-Немчиновой, И. А. Карапетовой, Ю. Н. Квашниным и Ю. Б. Симченко[17]. Социальная структура селькупов рассматривалась в работах И. Н. Гемуева, В. В. Лебедева, З. П. Соколовой, Г. И. Пелих и Е. Д. Прокофьевой[18].

симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 437–450; Пика А. И. Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII–XIX вв.): реальность или иллюзия? // СЭ. 1986. № 3. С. 36–46.

[15] См.: Соколова З. П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII–XIX вв. // СЭ. 1982. № 2. С. 65–76; Ее же. Ещё раз о роде у хантов и манси // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар, 1991. С. 94–104; Ее же. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 186–210; Ее же. Миграционные процессы и их факторы у обских угров в прошлом // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири : (сб. ст.). Томск, 1979. С. 108–112; Ее же. Общественный строй обских угров в XVII–XIX вв. // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 220–231; Ее же. Численный, фамильный и брачный состав хантов и манси в XVIII–XX вв. М., 1979.

[16] См.: Бабаков В. Г. К вопросу о разложении традиционной племенной организации обских угров (XVIII в.) // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 456–469; Его же. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII–XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 77–120; Ее же. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998; Мурзина А. И. Манси (вогулы) в XVIII веке и первой половине XIX века // Уч. зап. ЛГУ. 1953. Сер.: Факультет народов Севера. № 157. Вып. 2. С. 215–236; Ее же. К вопросу о социальном строе народов Северо-Западной Сибири в первой половине XIX века // Уч. зап. ЛГУ. 1948. Сер. востоковедческая. № 105. Вып. 2, 1948. С. 288–300; Пивнева Е. А. Динамика фамильного состава манси (XVIII–XX вв.) // Обские угры. Тобольск ; Омск, 1999. С. 76–78; Пика А. И. Соседская община в процессе формирования северо-мансийской этнической общности // Этнокультурные процессы в Западной Сибири : сб. ст. Томск, 1983. С. 151–162; Фёдорова Е. Г. Вогулы в XVII–XIX вв. // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 269–271.

[17] См.: Васильев В. И. Генезис фратриально-родовой организации сибирских ненцев // Congressus quartus internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus, 9–15 Sept. 1975. Budapest, 1982. Asta sessionum. P. 121–123; Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.). М., 1970. С. 174–213; Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. № 2. С. 43–66; Гемуев И. Н. Формы брака и свадебная обрядность у лесных ненцев // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 33–41; Головнёв А. В. Социальная организация и общественный быт [ненцев] // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 451–459; Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы : ист.-этногр. очерки. Екатеринбург, 2006; Карапетова И. А. Этносоциальные изменения у лесных ненцев и аганских хантов р. Аган // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР : тез. докл. Омск, 1990. Кн. 1. С. 45–46; Квашнин Ю. Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 23–66.

[18] См.: Гемуев И. Н. К вопросу о социальной организации селькупов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 121–127; Его же. Реликты матриархата у селькупов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 214–215; Его же. Социальная организация и общественный быт селькупов // Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 351–356; Его же. Эволюция семьи и возникновение соседской

В целом, несмотря на то, что наибольшим вниманием у исследователей пользовались социальные связи и отношения обских угров, соответствующие проблемы были достаточно полно освещены и на материалах самодийских народов Югры. Встречающиеся небольшие тематические пробелы или неточности хорошо перекрываются сведениями по локальным этническим сообществам. Так, отдельные актуальные вопросы социальной организации югорских народов в XVIII – первой трети XIX в. затрагивались в рамках историко-этнографических экскурсов, касающихся жителей тех или иных территорий в составе современного ХМАО. В круг данных исследований попадают как работы последней трети XX в., так и труды современных ученых. Аганские ханты стали предметом изучения Е. В. Переваловой и К. Г. Карачарова[19]; аганские ханты и лесные ненцы – В. И. Сподиной[20]; ваховские ханты – В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной[21]; демьянские и кондинские ханты – Е. П. Мартыновой[22]; казымские ханты – А. В. Головнёва, Е. В. Переваловой[23]; салымские ханты – Е. П. Мартыновой[24]; ляпинские и сосьвинские манси – А. И. Пики, З. П. Соколовой[25].

Первые исследования хозяйства аборигенного населения Югры в XVIII в. связаны с именами ссыльного украинского полковника Г. Новицкого, немецкого историка Г.Ф. Миллера и участников Академической экспедиции 1768–1774 гг. под руководством П.С. Палласа.

Исследователи XIX в. представили и первые опыты описания хозяйства у локальных коллективов аборигенного населения, актуальные в отношении первой трети этого века. В частности, Н. А. Абрамов оставил краткие сведения о природных ресурсах и экономике различных групп хантов и манси – отдельно по каждой волости Берёзовского края[26]. М. А. Кастрен приводит более детальные сведения с описанием местных способов хозяйственной деятельности и их видоизменений вследствие контактов с русскими по нижнеир-

общины у селькупов // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983. С. 44–57; Лебедев В. В. К вопросу о брачно-родственных связях тазовских селькупов // Полевые исследования Института этнографии. 1976. М., 1978. С. 68–78; Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 103–153; Пелих Г. И. Происхождение и история селькупов : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1972; Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Вып. 1. Т. XVIII. М. ; Л., 1952. С. 88–107.

[19] См.: Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.

[20] См.: Сподина В. И. О родовом устройстве и названиях некоторых родов обских угров и самодийцев // Вестник угроведения : науч.-теоретич. и метод. журн. 2011. № 2 (5). С. 140–145; Ее же. Терминология социальных отношений родства обских угров и самодийцев сквозь призму понятия «род» // Вестн. Югорск. гос. ун-та. 2009. № 1 (12). С. 32–42.

[21] См.: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. : (Этнографические очерки). Томск, 1977.

[22] См.: Мартынова Е. П. Этнодемографические процессы в среде южных хантов в XVIII–XIX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1988. № 1. С. 66–75; Ее же. Южные ханты в конце XVIII в. (по материалам IV–V ревизий) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири : межвуз : сб. науч. тр. Тобольск, 1988. С. 74–85.

[23] См.: Головнёв А. В. Традиционная община // Касум-Ёх : Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск, 1993. С. 85–91; Перевалова Е. В. Северные ханты : Этническая история. Екатеринбург, 2004.

[24] См.: Мартынова Е. П. Социальная организация // Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 199–210.

[25] См.: Пика А. И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII–XX вв.) : дис. … канд. ист. наук. М., 1982; Его же. Соседская община в процессе формирования северо-мансийской этнической общности // Этнокультурные процессы в Западной Сибири : сб. ст. Томск, 1983. С. 151–162; Соколова З. П. Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 112–130.

[26] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 327–448.

тышским, сургутским и ваховским хантам, северным селькупам и ляминским лесным ненцам[27]. Некоторую полезную информацию несет и труд историка И. И. Завалишина[28] – в нем содержатся сведения об особенностях хозяйства сосьвинских манси, кондинских и Берёзовских хантов. В отношении занятий северных групп обских угров представляет интерес книга А. Алквиста[29]. Некоторые ценные наблюдения по промыслу нижнеобских и казымских хантов оставил французский географ Ж.-Б. Б. Эйрие[30].

Глубокое целенаправленное изучение хозяйства аборигенного населения Югры начинается в XX в. В этот период некоторые исследователи стали детально рассматривать формы хозяйственной деятельности коренных жителей и предлагать первые классификационные системы традиционной экономики, рассматривая при этом изменения форм хозяйства и в хронологической ретроспективе. Здесь нужно выделить особый научный вклад специалиста по лесному хозяйству А. А. Дунина-Горкавича и статистика С. К. Патканова. Первый разработал детализированную схему разных типов охотничье-рыболовецких хозяйств для коренного населения Югры таежной зоны[31]. Второй на основе сопоставления разнообразных источников информации предложил еще более дробную классификацию хозяйства западносибирских народов[32]. Общим недостатком обеих разработок был чрезмерный акцент на уровне мобильности локальных сообществ в ущерб более детализированному анализу структуры их хозяйства. В этом же тематическом направлении заслуживают внимания также труды исследователей Б. Н. Городкова, К. Доннера, К. Д. Носилова и П. И. Третьякова[33]. Качественные исторические очерки хозяйства аборигенного населения Западной Сибири в XVII–XIX вв. принадлежат перу С. В. Бахрушина и Н. А. Миненко[34].

Отдельного внимания заслуживают работы обзорного плана с попытками систематизации материала по хозяйственной деятельности коренных народов Югры. Существенный вклад в эту работу внесли В. А. Козьмин, М. Ф. Косарев, В. М. Кулемзин, Е. П. Мартынова и Е. А. Пивнева[35]. Однако наибольшее признание и дальнейшую востребованность в этнографической и археологической науке получили разработки А. В. Головнёва по исторической типологии хозяйства угров и самодийцев Западной Сибири[36].

---

[27] Кастрен М. А. Сочинения : в 2 т. Тюмень, 1999.

[28] Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Тюмень, 2005.

[29] Алквист А. Э. Указ. соч.

[30] Эйрие Ж.-Б. Б. Живописное путешествие по Азии, составленное под руководством Эйрие : в 6 т. / пер. с фр. Е. Корша. М., 1839–1840. Т. 1.

[31] См.: Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : в 3 т. М., 1995– 1996.

[32] См.: Патканов С. К. Сочинения : в 5 т. Тюмень, 2003.

[33] См.: Городков Б. Н. Поездка в Салымский край // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1911. Вып. 21. С. 1–100; Его же. Река Конда // Землеведение. М., 1912. Т. 19, кн. 3–4. С. 172–211; Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск, 2008; Носилов К. Д. У вогулов : очерки и наброски. Тюмень, 1997; Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.

[34] См.: Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 66–97; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь.

[35] См.: Козьмин В. А. Типология оленеводства народов Западной Сибири // Историческая этнография. Л., 1985. С. 17–25; Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири : Человек и природная среда. М., 1991; Кулемзин В. М. Некоторые наблюдения над жизнеобеспечивающими системами и опыт их типологии // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности : Теория, методология, практика. Томск, 1998. С. 21–24; Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья : (По материалам ХМАО). М., 2001.

[36] См.: Головнёв А. В. Традиции природопользования у народов Северо-Западной Сибири // Применение современных методов исследования в географии. Иркутск, 1987; Его же. Историческая

В отдельное направление выделилось изучение оленеводческой отрасли в культуре северных народов Югры, так как оно открывало интереснейшие аспекты этногенеза и межэтнического взаимодействия аборигенного населения. Здесь особенно весомым был вклад таких ученых, как И. Н. Гемуев, А. В. Головнёв, И. А. Карапетова, В. А. Козьмин, В. В. Лебедев, Н. В. Лукина, Г. И. Пелих, Е. Д. Прокофьева и Е. Г. Фёдорова[37]. Обозначенная тема относится к одной из наиболее изученных и одновременно чрезвычайно дискуссионных в сфере хозяйственных занятий северных народов.

Детальное описание промысловых орудий и приемов деятельности нашло отражение в работах Н. А. Варпаховского, В. И. Васильева, А. А. Дунина-Горкавича, П. Н. Павлова, В. И. Сподиной и У. Т. Сирелиуса[38]. Указанные труды составляют ценную базу данных для реконструкции более ранних промысловых практик и для анализа и обоснования теоретических построений.

Тема хозяйственного календаря (в том числе в этнолокальных вариациях) достаточно полно изучена в отношении всех крупных северных этнических общностей Югры в XVIII в. – хантов, манси, лесных ненцев и селькупов. Это исследования большой группы авторов – В. И. Васильева, Д. В. Герасимовой, А. В. Головнёва, А. П. Дульзона, И. А. Карапетова, С. Ю. Колесникова, Е. В. Переваловой, Ю. Б. Симченко и З. П. Соколовой[39].

типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; С. 116–117; Его же. Говорящие культуры.

[37] См.: Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство // СЭ. 1974. № 3. С. 115–120; Головнёв А. В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 94–108; Карапетова И. А. К вопросу о специфике оленеводства лесных ненцев // Культура этноса и этническая история. Краткое содержание научной сессии. Л., 1987. С. 23–24; Козьмин В. А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 163–170; Его же. Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей (конец XIX – начало XX в.) // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 21–25; Его же. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб., 2003; Лебедев В. В. Роль оленеводства в хозяйственном комплексе тазовских селькупов (к проблеме становления производящего оленеводческого хозяйства) // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 14–25; Лукина Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов. Конец XIX – 70-е гг. XX вв. // СЭ. 1979. № 6. С. 110–121; Ее же. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 10–17; Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 139–155; Фёдорова Е. Г. Манси-оленеводы Урала // Языки и культура народов ханты и манси : в 2 ч. Томск, 2002. Ч. 1. Этнология, социология, экономика. С. 113–120; Ее же. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север : Взаимодействие культур в древности и Средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 192–198.

[38] См.: Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби : в 2 ч. Тюмень, 2003; Васильев В. И. Проблема происхождения орудий запорного рыболовства у обских угров // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 78. М., 1962. С. 137–152; Дунин-Горкавич А. А. К вопросам рыболовства в Тобольской губернии. Тобольск, 1910; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972; Сподина В. И. Особенности рыболовства на малых водоемах (на материале лесных ненцев) // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 129–145; Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.

[39] Васильев В. И., Головнёв А. В. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 33–41; Герасимова Д. В. Народный календарь манси // Время и календарь в традиционной культуре. СПб., 1999. С. 78–81; Головнёв А. В. Обские угры: экологический календарь // Северные просторы. 1999. № 1–2. С. 38-44; Головнёв А. В., Перевалова Е. В. Традиционное хозяйство, календарь и хозяйственный цикл [хантов] // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 79–93; Головнёв А. В. Традиционный хантыйский экологический календарь // Тобольский хронограф : сборник. Вып. 2. М., 1994. С. 269–305; Его же. Хозяйство. Календарь [ненцев] // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 410–424; Его же. Экологический календарь (селькупов) // Северные просторы. 1993. № 1–12. С. 18–20; № 3–4.

Важный аспект взаимосвязи этничности с особенностями хозяйственной деятельности отражен в работах В. Н. Адаева, А. В. Головнёва, И. А. Карапетовой, Э. Рутткаи-Миклиан, З. П. Соколовой, К. Ю. Соловьёвой и В. И. Сподиной[40].

В свою очередь, фактор русского влияния на хозяйство коренных народов рассматривался Е. М. Главацкой, А. В. Головнёвым, В. М. Кулемзиным, Н. А. Миненко, А. А. Люцидарской, С. В. Туровым и Е. Г. Фёдоровой[41]. Отметим, что данное тематическое направление перекликается с предыдущим и они в определенной мере являются взаимодополняющими.

Проблематика форм хозяйствования аборигенного населения анализировалась и отдельно в отношении каждой из крупных этнических общностей Югры – обских угров (ханты и манси), лесных ненцев и северных селькупов. В частности, на материалах этнографии хантов и манси ее рассматривали А. В. Головнёв, Н. В. Лукина, Е. П. Мартынова, Е. А. Пивнева, А. И. Пика, З. П. Соколова, В. Н. Чернецов, Е. Г. Фёдорова, М. Б. Шатилов, Л. Р. Шульц и И. Н. Шухов[42].

С. 34–37; № 5–6. С. 22–24; № 7–8. С. 13–14; № 9–10. С. 23–25; № 11–12. С. 25–27; Его же. Экологический календарь (хантов) // Северные просторы. 1991. № 2. С. 32–33; № 4. С. 21–22; № 6. С. 10–12; № 8. С. 18–19; № 10. С. 23–24; № 12. С. 30–31; Дульзон А. П. Названия месяцев года у селькупов Кети как исторический источник // Программа и тезисы докладов 18-й научной конференции. Томск, 1953. С. 59–61; Карапетова И. А. Материалы по календарю лесных ненцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы IV Сиб. чтений. СПб., 2000. С. 138–143; Колесникова С. Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов дис. … канд. ист. наук. Томск, 2000; Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., 1993. С. 201–253.

[40] Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень, 2007; Головнёв А. В. Экология и этничность в Северо-западной Сибири // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии). Омск, 1992. С. 36–41; Карапетова И. А. Лесные ненцы: к проблеме региональной и субэтнической специфики в материальной культуре // Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала : сб. ст. М., 1986. С. 48–55; Карапетова И. А., Соколова З. П., Соловьева К. Ю. Этносоциальная ситуация и проблемы традиционного природопользования восточных хантов и лесных ненцев // Сибирский этнографический сборник. Сб. 7. М., 1995. С. 5–20; Рутткаи-Миклиан Э. Хозяйствование и этничность : Уральские ненцы по данным Антала Регули // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень, 2011. С. 318–321; Сподина В. И. Хантыйско-ненецкие культурные характеристики и взаимоотношения в условиях пограничья // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 143–152.

[41] См.: Главацкая Е. М. Ханты в составе Русского государства в XVII–XX вв. // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 2002. С. 75–122; Головнёв А. В. К проблеме взаимосвязи хозяйственных и этносоциальных процессов на севере Западной Сибири в историческое время // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 годов. Йошкар-Ола, 1986. С. 82–83; Его же. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 3–18; Его же. Экономические факторы миграций коренного населения Северо-Западной Сибири // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 50–53; Кулемзин В. М. Диалог хантыйской и русской традиционных культур // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала (проблемы философии, филологии, истории и православной культуры) : сб. ст. Тюмень, 1995. С. 169–177; Люцидарская А. А. Государственные практики культурно-хозяйственной адаптации коренных народов Сибири XVII – начала XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 37–40; Ее же. Культура жизнеобеспечения и этнические взаимодействия колонистов-первопоселенцев Сибири // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1995. С. 77–79; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь; Туров С. В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века): очерки этнической экологии. Екатеринбург, 2007; Фёдорова Е. Г. Взаимодействие обских угров и восточных славян: основные этапы и результаты // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 277–282.

[42] См.: Головнёв А. В. Хозяйственно-культурные типы хантов и манси и культурная адаптация // Обские угры (ханты и манси). М., 1991. С. 38–44; Лукина Н. В. Культурные традиции в хозяйственной

Хозяйственная деятельность лесных ненцев представлена в трудах В. И. Васильева, Г. Д. Вербова, А. В. Головнёва, М. А. Зенько-Немчиновой, А. В. Кенига, Л. В. Хомич[43]. Традиционные занятия северных селькупов описывались и анализировались И. Н. Гемуевым, А. В. Головнёвым, Л. Н. Добровой-Ядринцевой, С. И. Ириковым, В. В. Лебедевым, Г. И. Пелих, Е. Д. Прокофьевой, В. Н. Скалоном и Н. А. Тучковой[44].

Подытоживая, можно сказать, что тема хозяйственных занятий довольно полно освещена в отношении всех четырех основных этнических сообществ аборигенного населения Югры.

Первым опытом описания материальной культуры русского населения края в 1810-е гг. стала работа тобольского штаб-лекаря В. Н. Шаврова, командированного в 1816 г. Берёзов на борьбу с эпидемией сифилиса[45]. «Письма из Сибири 1826 года» П. А. Словцова содержат путевые заметки о Берёзове[46]. Н. А. Абрамов, долгие годы служивший в берёзовском училище, оставил исследование о Берёзовском крае, в котором есть сведения о пожарах, бушевавших в Берёзове в XVIII – начале XIX в.[47] В 1863 г. в «Тобольских губернских ведомостях» была опубликована статья А. Лебединского с краткими сведениями о Берёзове и Сургуте в начале XVIII в.[48]

деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири : сб. ст. М., 1986. С. 121–138; Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998; Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование обских угров Северного Зауралья // Этнография народов Западной Сибири. М., 2000. С. 265–285; Пика А. И. Биоресурсы западносибирского Севера и их использование аборигенным населением в XVII–XIX вв. // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири : межвуз : сб. науч. тр. Тобольск, 1988. С. 132–140; Соколова З. П. Традиционное землепользование охотников хантов и манси в прошлом и настоящем // Обские угры (ханты и манси) : Материалы к сер. «Народы и культуры». Вып. 7. М., 1991. С. 78–87; Фёдорова Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994; Ее же. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000; Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987; Шатилов М. Б. Ваховские остяки : (Этнографические очерки) / Тр. Томск. краеведч. музея. Т. 4. Томск, 1931; Шульц Л. Р. Очерки Кондинского района / отд. отт. Свердловск, 1926; Его же. Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных остяков) // Зап. Тюмен. о-ва науч. изучения местного края. 1924. Вып. 1. С. 166–200; Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели : Результаты Казымской экскурсии И. Н. Шухова // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Тобольск, 1916. Вып. 26. С. 1–57.

[43] См.: Васильев В. И. Лесные ненцы (Очерк истории, хозяйства и культуры) // Сибирский этнографический сборник. Вып. 5. М. ; Л., 1963. С. 33–70; Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 57–70; Головнёв А. В. Ненцы: оленеводы и охотники // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 80–89; Его же. Хозяйство. Календарь [ненцев] // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 410–424; Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы; Кениг А. В. Экологическая культура лесных ненцев // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 136–138; Хомич Л. В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы : Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 199–214.

[44] Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство // СЭ. 1974. № 3. С. 83–95; Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Хозяйство [селькупов] // Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 317–328; Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края : Опыт исследования экономического положения. Новониколаевск, 1925; Ириков С. И. Хозяйство и материальная культура тазовских селькупов // Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб., 2002. С. 39–118; Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в 19 в. // СЭ. 1980. № 2. С. 82–91; Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 139–155; Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне реки Таз // Советский Север. 1931. № 3, 4. С. 70–87; Его же. Рыбные промыслы в бассейне реки Таз // Советский Север. 1931. № 9. С. 42–65.

[45] Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда. М., 1871.

[46] Словцов П. А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999.

[47] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края.

[48] Лебединский А. Историческое обозрение сибирских острогов и городов с конца XVI и до начала XVIII в. // ТГВ. 1863. № 39.

В дальнейшем исследователи обратились к истории русского Северного Приобья в интересующей нас период только в советское время. Речь идет о монографии Р. М. Кабо[49]. В книге М. М. Громыко рассматриваются численность и динамика податного населения Берёзовского и Сургутского уездов в 1740–1780-е гг.[50] Автор писала о крайне слабой заселенности русскими края и медленном росте населения, объясняя это невозможностью земледелия. Кроме того, в книге прослеживается деятельность приезжих рыбопромышленников, вскрываются тенденции в развитии северной русской экономики. Численность и сословный состав русских жителей Берёзова и Сургута прослежен в статье В. М. Кабузана и С. М. Троицкого[51]. В 1975 г. вышла в свет монография Н. А. Миненко «Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк»[52]. До сегодняшнего дня эта книга остается наиболее основательной проработкой темы. Здесь на фундаментальной источниковой базе освещены следующие вопросы: динамика, размещение, сословный состав русского населения, хозяйство, материальная культура, особенности быта. Исследовательница пришла к следующим выводам. Становление русского населения на Севере есть результат деятельности власти. Основной этого населения были служилые. Из служилых формировались все другие группы населения: крестьяне, посадские (купцы, мещане), священнослужители. Однако доминирующую роль вплоть да начала XIX в. играли представители служилого сословия. Отсюда сильная подвижность сословных границ. В целом численность населения была невелика, к началу XIX в. его хозяйственная деятельность (всех социальных групп) ограничивалась промыслами и торговлей. Истощение пушных богатств выдвинуло на первое место рыболовство и обменные операции с аборигенами, но в этих сферах местные русские проигрывали пришлым. Русские восприняли и в определенной степени усовершенствовали традиционные хозяйственные навыки аборигенного населения. Заимствования коснулись и быта – одежды, пищи. В Северо-Западной Сибири возник особый тип поселений – что-то вроде приходских, тяготевших к церквям, небольших и беспорядочно застроенных. Н. А. Миненко пришла к выводу о формировании в регионе особой этнографической группы – русских старожилов.

В постсоветский период ничего существенного в концептуальном развитии темы не произошло. Изучение русской Северо-Западной Сибири шло в рамках парадигмы, предложенной Н. А. Миненко. Сама она развивала сделанные еще в 1970-е гг. выводы с привлечением новых источников[53]. Берёзовское и сургутское купечество, а также ярмарки стали предметом внимания Д. Я. Резуна и О. Н. Бесединой[54], О. А. Задорожней[55].

---

[49] Кабо Р. М. Города Западной Сибири : Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М., 1949.

[50] Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. : (Русское население и земледельческое освоение). Новосибирск, 1965.

[51] Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1969. С 165–177.

[52] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь.

[53] См., например: Миненко Н. А. Русское старожильческое население Югры // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. : Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 257–288.

[54] См. : Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1992; Резун Д. Я. О численности и составе купечества города Берёзова в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. Барнаул, 2001. С. 3–9.

[55] См.: Задорожняя О. А. Купеческое общество Сургута (1775–1824 гг.) // Сургут в отечественной истории : сб. тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конф. / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут, 2001. С. 51–54; Ее же. Сургутское купеческое общество в последней четверти XVII – первой четверти XIX в. // Очерки истории Сургута / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут, 2002. С. 37–49; Ее же.

Русское население, как уже было сказано выше, состояло в большинстве своем из служилых и их семей. Изучение этой сословной группы в интересующий нас период ведется современными исследователями, хотя и не так глубоко, как хотелось бы[56]. Мысли Н. А. Миненко о складывании в Северном Зауралье особой локальной этнографической группы русского старожильческого населения находят развитие в новейшей научной литературе[57]. Хозяйство русского населения региона также не было обойдено вниманием[58].

Самые ранние описания югорских городов за интересующий нас период оставил И. К. Кирилов в своем сочинении «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1727 г.). Краткая характеристика городской застройки Берёзова и Сургута здесь дополнена ведомостями о служилых людях и артиллерийском вооружении[59]. Г. Ф. Миллер и Т. Кёнигфельс также оставили краткие замечания о северных городах[60]. Спутник Ж.-Н. Делиля Кёнигфельс еще и снабдил свои записки рисунками видов Берёзова. К этой же группе источников можно отнести ответы Берёзовской и Сургутской воеводских канцелярий на различные анкеты Г.Ф. Миллера (1730–1740-е гг.) и анкету Шляхетского корпуса (1760-е гг.). Здесь содержатся ценные сведения о хозяйственной жизни Севера. Материалы анкетирования хранятся в РГАДА (ф. 199) и Архиве РАН (ф. 21, 3). Они широко известны, не единожды проанализированы[61] и частично изданы[62]. В «Описание Тобольского наместничества» 1790 г. включены разделы «О городе Берёзове» и «О городе Сургуте». Города здесь описаны кратко[63].

В 1810 г. было опубликовано «Статистическое обозрение Сибири» М. Н. Баккаревича. «Обозрение» было составлено на основании предшествовавших топографических описаний.

Динамика численности купечества северных городов Тобольской губернии (1775–1825 гг.) // Осмысливая современность : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. В. Ткачевой, Т. В. Козыревой. Ханты-Мансийск, 2017. С. 157–162.

[56] Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце в конце XVI–XVIII в. Историко-этнографический аспект колонизации Сибири // Вестн. угроведения. 2013. № 4 (15). С. 135–151.

[57] Литвинчук М. С. Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 75–79; Ее же. Формирование локальной группы русских в г. Сургуте и Сургутском уезде в XVII – начале XX вв. // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2013 № 6 (27). С. 114–119; Белогай О. И., Корикова Н. Н. Русское старожильческое население Югры: Самаровский ям // Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. 2019. С. 275–283.

[58] Туров С. В. Традиционное земледелие на северо-западе Сибири (XVIII – первая треть XX вв.) // Русские : материалы VII Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 421–423; Его же. Сургутский край – вотчина черного лиса: из истории охоты и звероводства XVII – начала XX в. // Наука. Общество. Человек : Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2011. № 4 (380) С. 108–116; Цысь О. П. Распространение картофеля на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв. // Культура. Наука. Образование. 2020. № 4. С. 111–117.

[59] Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.

[60] Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Берёзова. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. Сер.: История Сибири. Первоисточники. Вып. 6 / отв. ред. Н. Н. Покровский, подг. А. Х. Элерт; Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / отв. ред. С. А. Козлов. СПб., 2008.

[61] Элерт А. Х. Анкеты Г. Ф. Миллера 1734–1742 гг. как источник по истории освоения Сибири // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 78–91.

[62] Туров С. В. Описание с. Самарова (г. Ханты-Мансийск) 1760 года из «Географической анкеты Шляхетного корпуса» // Документ в оперативной и ретроспективной среде. Вып. 2. Тюмень, 2012. С. 8–13; Ответы Сургутской воеводской канцелярии на вопросы анкеты Г. Ф. Миллера (извлечения) // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. С. 496–498.

[63] Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. Новосибирск, 1982.

Книга содержит разделы о народах и городах Сибири. Русское население сгруппировано здесь по сословному принципу, например, «берёзовские казаки». О городах Берёзове и Сургуте сказано очень кратко[64]. В «Статистическом обозрении Сибири» Ю. Гагемейстера проанализированы сословный состав населения, количество домов и лавок в Берёзове и Сургуте за 1823 г.[65] Подборка материалов по истории русского населения Югры была опубликована в 2007 г. екатеринбургскими учеными[66]. Большая часть документов из сборника по нашей теме касается землепользования самаровских ямщиков, демографии и социального состава русского населения Северного Обь-Иртышья.

Краткий очерк истории городской застройки, и прежде всего укреплений Берёзова, имеется в книге В. И. Кочедамова[67]. В 1980-х гг. появляются сразу два исследования В. М. Леонтьева о г. Берёзове в начале XVIII в. В первом речь идет о городской застройке, а во втором – о городской торговле[68]. Городские ландшафты Сибири, включая Север, как их увидел Г. Ф. Миллер, стали предметом исследования И. П. Каменецкого и А. Х. Элерта[69]. Интерес исследователей к городской застройке городов Югры сохранился и в новом столетии[70]. Искусствоведы попытались даже дать некий срез градостроительных традиций городов Северо-Западной Сибири[71]. Отдельных статей по теме удостаиваются и сельские населенные пункты Югры[72].

Возродилась традиция, заложенная Р. М. Кабо, то есть появились работы, посвященные городам Западной Сибири в целом или отдельным городам края как комплексным градостроительным и социально-экономическим феноменам[73]. Данный массив литературы имеет различное качество, иногда речь идет об откровенных компиляциях. Таковым является, например, труд берёзовского краеведа В. В. Фарносовой[74]. Но есть и противоположные при-

---

[64] [Баккаревич М. Н.] Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.

[65] [Гагемейстер Ю. А.] Статистическое обозрение Сибири : в 3 ч. СПб., 1854. Ч. 3.

[66] Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.

[67] Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

[68] Леонтьев В. М. Источники и литература об основании и застройке г. Берёзова конца XVI – начала XVIII в. // Источниковедение городов Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1983. С. 17–26; Его же. Пушные промыслы и торговля г. Берёзова в конце XVI – начале XVIII в. в освещении отечественных историков // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск, 1987. С. 147–172.

[69] Каменецкий И. П., Элерт А. Х. Городской ландшафт Сибири в путевых описаниях уездов Г. Ф. Миллера // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 253–264.

[70] Например: Шашков А. Т. Боевые укрепления города Берёзова в конце XVI – начале XVIII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. : Исследования, материалы и документы. С. 65–91.

[71] Мозжегорова Н. В. Градостроительные традиции XVI – начала XIX вв. в историко-архитектурном наследии Северо-Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2006.

[72] Туров С. В. Селеярово – русское село на Средней Оби: четыре века дрейфа в ландшафте и этнической среде // Первая Югорская полевая музейная бьеннале : докл. и сообщения : науч.-практ. конф. «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры». Ханты-Мансийск, 2006. С. 121–130.

[73] Например: Вилков О. Н. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. // Развитие исторических центров сибирских городов с учетом сохранения историко-культурного наследия: проблемы и новые подходы. Новосибирск, 1999. С. 79–87; Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII в. : (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000; Берёзово : (очерки истории с древности до наших дней) / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008; Митрофанов В. В. Очерки по истории Тобольска, Берёзова и Сургута в XIX веке. Екатеринбург, 2016 и др.

[74] Фарносова В. В. Берёзово: история и современность (XVII–XX вв.). Тюмень, 2003.

меры. Известный югорский автор В. К. Белобородов в своих разысканиях всегда опирался на источники и активно работал над их выявлением, корректно интерпретируя собранный материал; не стала исключением и его последняя книга, изданная посмертно[75].

В итоге можно заметить, что изучение традиций градостроения, социально-демографической структуры и хозяйственной деятельности, организации жилого пространства русского старожильческого населения Обского Севера в XVIII – первой трети XIX в. не отличается тематической равномерностью и по количеству опубликованных работ уступает аналогичным исследованиям относительно автохтонных народов края. Тем не менее, историографическая база данного направления, имеющаяся на сегодняшний день, создает благоприятные условия для дальнейших научных изысканий.

Источники

Первые сведения о социальной организации угорских и самодийских народов Югры XVIII в. были представлены в неоднократно упоминавшихся трудах авторов XVIII в. Г. И. Новицкого, В. Ф. Зуева, И. Г. Георги. К этому же столетию относится «Описание о жизни и упражнениях обитающих... разного рода ясачных иноверцев» 1783 г., опубликованное А. И. Андреевым[76]. В перечисленных источниках содержится информация о потестарных институтах обских угров («князцах») и практике сбора у них ясака, о брачных отношениях и родовой экзогамии, о традициях патри- и матрилокальности, о размерах домохозяйств, о хозяйственных коллективах. Существенным недостатком этой информации по XVIII в. является практически полное отсутствие сведений по территориальной привязке описываемых культурных традиций и явлений. Поэтому применительно к XVIII в., особенно его второй половине, необходимо провести дополнительную поисковую работу в фондах центральных архивов и Тобольского историко-культурного музея-заповедника, где сохранились этнографические и социально-экономические описания северных уездов и народов, до сих пор фрагментарно вводившиеся в научный оборот. Определенный интерес также представляют опубликованные материалы речных путешествий по Западной Сибири Г. Ф. Миллера, относящиеся к 30–40-м гг. XVIII в. Весьма информативным источником являются работы исследователей по истории и этнографии народов Югры первой половины XIX в. Н. А. Абрамова и М. А. Кастрена.

Делопроизводственная документация (прежде всего материалы так называемых ревизий) пока недостаточно полно вовлечена в научный оборот и хранится в ряде центральных, региональных и местных архивов. Ее информационный потенциал и достоверность довольно высоки, а по содержанию весь этот источниковый массив можно разделить на несколько групп. Прежде всего это источники, содержащие общие сведения о расселении, родовой принадлежности и численности основных этнических общностей: в отношении обских угров[77];

---

[75] Белобородов В. К. Русские старожилы Сургутского края : последняя книга очерков. Ханты-Мансийск, 2017.

[76] Андреев А. И. Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцев // СЭ. 1947. № 1. С. 84–103.

[77] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 1. Д. 1; Ф. И154. Оп. 8. Д. 43, 44, 72, 273, 276, 277, 289, 404, 754, 755; Ф. И329. Оп. 541. Д. 469; Ф. И154. Оп. 1540. Д. 170; Ф. И156, 1751 г. № 119; Ф. 156, 1811 г. № 10, 11; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 538; РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3; Ф. 214. Кн. 1297, 1302; Ф. 800. Д. 33; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19109.

в отношении лесных ненцев[78]; в отношении северных селькупов[79]. Во-вторых, это источники, раскрывающие эволюцию социальной стратификации аборигенных народов Югры и влияние на этот процесс государственных административных преобразований[80]. Наконец, это источники, повествующие о семейных отношениях и брачных связях обских угров, ненцев и селькупов[81]. Данные этих источников иногда оказываются фрагментарными и разрозненными, требует уточнения контекст описываемых в документах явлений. Тем не менее, они успешно дополняют и верифицируют ту обзорную и аналитическую информацию, которая содержится в исследовательских трудах XVIII–XIX вв., и, что немаловажно, иллюстрируют ее конкретными примерами.

Первые сведения о формах хозяйства народов Югры в XVIII в. также содержатся в трудах первопроходцев от науки Г. И. Новицкого, Г. Ф. Миллера, Ж.-Н. Делиля и Т. Кёнигсфельса, а также В. Ф. Зуева, И. Г. Георги и П. С. Палласа. Несомненная ценность уже указанных работ Г. И. Новицкого, Г. Ф. Миллера и В. Ф. Зуева состоит в том, что это были записки непосредственных очевидцев, целенаправленно собиравших материал о быте сибирских народов. Причем последние двое путешественников из названных трех имели ученую квалификацию. В упомянутых трудах И. Г. Георги и П. С. Палласа объединены разрозненные сведения смешанного происхождения – это была уже переработанная и видоизмененная информация, что затрудняет ее атрибуцию и качественный анализ. Французский астроном Жозеф-Николя Делиль и его напарник-рисовальщик Т. Кёнигсфельс, посетившие в 1740 г. Берёзов, отразили в своих путевых записках и письмах некоторые отрывочные наблюдения о занятиях остяков и вогулов. На рисунках Т. Кёнигсфельса встречаются изображения хозяйственных орудий и промысловых животных, средств передвижения коренных жителей Югры.

К XVIII в. относятся и некоторые опубликованные архивные документы, которые тоже несут полезную информацию, представленную там в довольно обобщенном виде (распространенной градацией, тем не менее, там является разделение и сопоставление сведений по остякам и самоедам). В частности, это уже упоминавшиеся выше источники, опубликованные в XX в. А. И. Андреевым и А. Д. Колесниковым[82].

В целом опубликованные письменные источники XVIII в. обладают несомненной ценностью в силу того, что это первые комплексные и достоверные сведения о хозяйстве аборигенных народов Югры. При этом они характеризуются несколькими недостатками: во-первых, в них акцентируется внимание либо на самых общих аспектах традиционных занятий северного населения, либо на яркой экзотике. Во-вторых, эти данные, как правило, не привязаны к каким-то конкретным территориям или локальным этническим общностям.

---

[78] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 2. Д. 6; Ф. И154. Оп. 8. Д. 43, 53, 75, 404, 755; Ф. И154. Оп. 1540. Д. 170; Ф. И329. Оп. 541. д. 119; РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3; Ф. 214. Кн. 1302; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043.

[79] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 1. Д. 1; Ф. И154. Оп. 8. Д. 43, 44, 404; Ф. И154. Оп. 1540. Д. 170; Ф. И156, 1823 г. № 842; РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3; Ф. 214. Кн. 1297. Ч. 3.

[80] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 1. Д. 1; Ф. И154. Оп. 8. Д. 43, 44, 75, 289, 755, 756; Ф. И329. Оп. 541. Д. 206; РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3; Ф. 214. Кн. 1370; Ф. 800. Оп. 1. Д. 33; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1050; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269, 291.

[81] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 43, 72, 73, 273, 289, 532, 753, 755, 756; Ф. И156. 1761 г. № 79, 130; 1764 г. № 103; 1765 г. № 79; 1797 г. № 47; 1803 г. № 267; 1808 г. № 91; 1809 г. № 35; 1811 г. № 10; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1537; РГВИА. Ф. ВУА. д. 19107; РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269, 275.

[82] Андреев А. И. Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцев; Описание Тобольского наместничества.

В этом смысле редкое исключение составляют путевые записки Г. Ф. Миллера 1740 г., однако данные по хозяйству коренных жителей в них немногочисленны и тематически ограниченны (в основном это фиксация некоторых промысловых сооружений, путей и способов транспортного сообщения, включая вызванные хозяйственными потребностями).

Источники первой половины XIX в. насыщены уже более детальной и достоверной информацией с конкретных мест. Особенной ценностью в этом отношении отличаются вышеуказанные работы Н. А. Абрамова и М. А. Кастрена. Весомой заслугой последнего автора является то, что он сумел разделить сведения о северных селькупах и хантах, которые прежде проходили в источниках под единым этнонимом «остяки».

В отношении более поздних работ исследователей и путешественников уже требуется специальный анализ для выделения и верификации тех сведений, которые имеют прямое отношение или несут полезную информацию для реконструкции форм хозяйствования XVIII – первой трети XIX в. Среди востребованных источников назовем материалы И. И. Завалишина и А. Алквиста.

Неопубликованную делопроизводственную документацию (статистические данные, отчеты и переписку чиновников, жалобы коренных жителей и пр.) можно распределить по содержанию на несколько тематических направлений, связанных с отдельными видами хозяйственной деятельности аборигенного населения Югры. В частности, это сведения об оленеводстве хантов и лесных ненцев[83], о содержании крестьянского скота и других видах нетрадиционного хозяйства у отдельных групп обских угров[84], об изменениях в рыболовном хозяйстве аборигенного населения Югры и новациях в нем под влиянием русского населения[85], об эволюции охотничьего хозяйства аборигенного населения Югры и переменах в нем под влиянием русского населения[86], об изменениях в собирательстве аборигенного населения Югры и трансформациях в нем под влиянием русского населения[87]. Указанные данные из неопубликованных письменных источников в силу объективных причин нередко оказываются фрагментарными и разрозненными, не всегда ясен контекст описываемых в документах явлений. Тем не менее, в комплексе с опубликованными исследовательскими материалами XVIII–XIX вв. они дают возможность достаточно детальной и полной для нашего понимания реконструкции интересующих процессов.

Наименее надежной категорией источников о хозяйстве аборигенного населения Югры в исследуемый период являются фольклорные данные[88]. Подобные сведения, безусловно,

---

[83] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 1540. Д. 180; Ф. И329. Оп. 13. Д. 157 и др.

[84] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 1540. Д. 180; Ф. И156. Оп. 3. Д. 2060; Ф. И417. Оп. 1. Д. 638; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 275; РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3 и др.

[85] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 157, 206; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Д. 13; РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3; Ф. 214. Кн. 1432; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 249, 275, 286 и др.

[86] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 54, 157; РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 275 и др.

[87] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 157; Ф. И417. Оп. 1. Д. 638 и др.

[88] Кузакова Е. А. Мифы, предания, сказки, хантов и манси. М., 1990; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978; Легенды и сказки хантов / зап., введение и прим. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. Томск, 1973; Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998; Мифология манси. Новосибирск, 2001; Мифология селькупов. Томск, 2004; Мифология хантов. Томск, 2000; Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993; Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск, 2005; Эпические песни ненцев / сост. З. Н. Куприянова. М., 1965 и др.

требуют строгого критического анализа, и их использование возможно (в контексте разделов данной главы) лишь в качестве дополнения к информации из других, более достоверных источников. Но они имеют и самостоятельное значение, поскольку позволяют понять некоторые особенности «экономического мышления» коренных народов Обского Севера. В частности, таким потенциалом обладают фольклорные сюжеты о происхождении различных видов хозяйственной деятельности и связанных с ними правил, о применении определенных способов и инструментов промысла и др.

Относительно социально-экономической истории русского старожильческого населения края ситуация более сложная, поскольку большая часть источников по теме не опубликована и хранится в фондах центральных и местных архивов. Материалы по хозяйству северян можно почерпнуть в таможенных книгах Берёзова и Сургута[89]. Здесь есть данные о промыслах и степени их товарности. Следующая группа источников – «экономические описания». Экономическое описание Берёзовского округа 1820-х гг., составленное берёзовским исправником Е. Лебедевым, содержит информацию о хозяйстве русского населения[90]. В отдельную группу источников можно выделить материалы о служилом сословии Берёзова и Сургута: рапорты казаков, казачьих старшин, различные доношения, постановления и указы властей. Здесь можно найти сведения о положении казаков, их оклады[91]. В РГАДА (ф. 214) хранятся переписные книги Берёзова (1720–1721 гг.) и Сургута (1722 г.). К этим источникам примыкают именные книги служилых людей начала XVIII в. В начале XIX в. сургутскими казаками было составлено описание их городовой команды. Еще один сводный материал – «Выписка из дел о казаках, в Сибирской губернии состоящих» – был составлен в связи с подготовкой Устава о городовых казаках Сибири 1822 г.[92] Здесь изложены история и источники формирования северного казачества. В Государственном архиве в г. Тобольске материалы по теме отложились в следующих фондах: ф. И329 (Тобольское губернское правление), ф. И341 (Тобольское наместническое правление), ф. И718 (Берёзовская нижняя расправа), ф. И154 (Тобольская казенная палата). В последнем фонде имеются важные демографические источники – ревизские сказки с 1760-х г. Берёзова и Сургута.

Потенциал приведенных выше источников далеко не исчерпан. В частности, это касается антропологического ракурса темы. Так, например, только одно дело 1750 г. из фонда Сибирского приказа содержит изрядное количество подобной информации. Берёзовского разночинца Ивана Мамонтова, обучавшегося в Тобольске заплечному мастерству, вернули, «точею явился негоден», а на место палача прислали из Тобольска Дмитрия Вяткина. Из Берёзове были отправлены в Тобольск «волшебники девка Ографена Мамонтова с товарищами». Остяки Обдорской волости подали на казачьего сотника Ивана Сверчкова жалобу «о взятках и о протчем»[93].

Не до конца использован информационный и иллюстративный потенциал различных карт и чертежей, хранящихся в фондах РГИА. На картах зачастую имеется не только изображе-

---

[89] РГАДА Ф. 214 (Сибирский приказ).

[90] НИА СПб ИИ РАН. Ф 179. Д. 13.

[91] РГАДА Ф. 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), ф. 214 (Сибирский приказ), ф. 199 (Портфели Миллера), ф. 415 (Сибирская губернская канцелярия), ф. 462 (Берёзовская воеводская канцелярия), ф. 800 (Сургутская воеводская канцелярия); РГВИА, ф. 13 (Казачья экспедиция при Канцелярии Военной коллегии), ф. 19 (Рекрутская экспедиция Военной коллегии), ф. 20 (Военная (секретная) экспедиция Военной коллегии), ф. 23 (Воинские комиссии), ф. 28 (Канцелярия совета военного министра).

[92] РГИА. Ф. 1264.

[93] РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6212.

ние, но и информация о городской застройке. Так, на карте Берёзова начала XIX в. изображены крепость, церкви, магазины, питейные дома, кладовые, включая денежную, торговые лавки. В легенде карты читаем: «Церквей каменных три. Казенного строения: ветхая деревянная крепость, присудственные места, денежная кладовая, правиантския, соляные и винныя магазейны, питейных домов три, партикулярных деревянных домов сто семдесят три...»[94]. Помимо планов г. Берёзова, в фондах РГИА имеются материалы об отдельных административных и торговых зданиях города[95].

В целом имеющиеся в распоряжении современных исследователей историографическая и источниковая базы при всех лакунах, неравномерном распределении сведений, различной степени достоверности источниковой информации и наличии спорных сюжетов в исследовательских интерпретациях дают возможность создания обобщающего труда по теме социально-экономического развития края в XVIII – первой трети XIX в.

[94] РГИА Ф. 1293. Оп. 168. Д. 44 (Планы городов Тобольской губернии).

[95] Там же. Ф. 1488. Оп. 4. Д. 538. 1807 г. (Деревянное здание для местных правительственных учреждений в г. Берёзове. План, фасад); Ф. 1285. Оп. 8. Д. 136. 1807–1813 гг. (О постройке в г. Берёзове зданий присутственных мест); Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1358. 1819–1822 гг. (О постройке лавки для мелочной продажи соли в Берёзове).

Глава 2

Поселенческая сеть и транспортная инфраструктура

Поселенческая сеть

Обский Север представлял собой обширную равнину, значительная часть которой расположена между Уральскими горами и Обь-Енисейским водоразделом. На ней имеется большое количество рек, озер и болот. Практически треть территории занимали болота, в окружении которых располагалось более 300 тыс. озер. Большая часть этого пространства до полугода была покрыта снегами и льдами. После 70° северной широты лесные массивы переходили в лесотундру, которая превращалась в тундру с суровым климатом и сезонными ветрами. По этой причине проживающее здесь коренное население традиционно занималось охотой, рыбной ловлей, собирательством. Температура в зимний период опускалась до –40 °С, что сказывалось на формировании и развитии поселенческой структуры региона[96].

В целом общая площадь Сибирской губернии (по данным 1766 г.) составляла 6 млн 720 тыс. кв. верст, из которых на Обский Север приходилось более 15 %[97]. Например, площадь Берёзовского края в 1811 г. составляла 932,65 тыс. кв. верст, или 2/3 площади Тобольской губернии. Объединителем Обского Севера с центральной и южной частью стал Обь-Иртышской водный бассейн, в котором протяженность Оби составляла 3485 верст. Основными транспортными путями, соединявшими Обский Север с губернской столицей, были речные пути. Даже местоположение большинства волостей Берёзовского, Сургутского и севера Тобольского уездов определялось водными ресурсами, и поэтому они (волости) тянулись вдоль берегов рек. Это определило то обстоятельство, что большинство населенных пунктов коренного населения и русских переселенцев располагались по берегам Оби и ее притоков или в доступной близости от них.

Наличие большого водного пространства обеспечивало население водой, транспортными путями, но в период разливов реки нередко затапливали равнинные населенные пункты. Так, например, р. Иртыш в районе Самарова в 1784 и 1794 гг. разливалась более чем на 20 м в ширину и затопляла ближайшие селения. В 1807 г. тобольский губернатор А. М. Корнилов видел результаты обрушения каменной церкви из-за подтопления берега[98]. Наличие большого числа лесных массивов обеспечивало население строительным материалом

---

[96] См.: Будьков С. Т. Краткий географический очерк изученности Обского Севера // Вопр. географии Сибири. Томск, 1987. С. 150–162.

[97] Арсеньев К. Статистическое очерки России. СПб., 1848. С. 103.

[98] См. об этом: Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 61.

Рис. 1.1. Место впадения Иртыша в Обь. Рис. из кн. С. У. Ремезова «Хорографическая книга Сибири» (1697–1711). Л. 67.
Фрагмент. Изображение с сайта Библиотеки Хоутона Гарвардского университета. https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$1i

и топливом на холодный период, а также давало возможность заниматься традиционными промыслами.

Основой организации государственного пространства колонизируемых территорий, каркасом, вокруг которого вырастала будущность русской Сибири, стали города и остроги. «Города, бывшие скорее местечками», как характеризовал вообще русские города Нового времени Фернан Бродель, «небольшие крепостцы из дерева», точечно занимавшие сибирскую протяженность[99], – без этих центров присутствия Москва не смогла бы удержать в своих руках бескрайние просторы Северной Азии. Базы военного и административного контроля, узлы коммуникаций и фиска, они стали точками роста и формирования зон новой экономической реальности, не свойственной аборигенной Сибири. Сформировавшись еще в конце XVI в., система русских городов и острогов края и в XVIII столетии не претерпела принципиальных изменений. Оставаясь административными, фискальными, транспортными и в меньшей степени, по сравнению с предыдущим периодом, военными центрами, они становились фактором стабильности, местами взаимоотношений русских старожилов и коренных жителей, постепенно и в разной степени втягивавшихся в модернизационные процессы, происходившие в Российской империи.

На окраинных территориях в XVIII – первой четверти XIX в. соблюдалось традиционное деление населенных пунктов по основным занятиям населения на городские и сельские, хотя в специфических условиях Обского Севера грань между ними не проявлялась столь отчетливо. Из-за удаленности от центра и малолюдности некоторые крупные сельские поселения, не имея статуса города, выполняли административно-финансовые функции. Как правило, в этих населенных пунктах первоначально преобладали в качестве жителей служилые люди или близкие к ним категории, выполнявшие управленческие, организационные обязанности как в регионе, так и за его пределами.

Среди населенных пунктов Северного Обь-Иртышья XVIII – первой трети XIX в. основу поселенческой сети составляли семь центров, имевших разный правовой статус, вдобавок менявшийся у некоторых из них в течение указанного периода: города Берёзов, Сургут (с 1804 г. – заштатный город), Пелым; Самаровский и Демьянский ямы и Кодинский (Кодский) монастырь. Не вполне ясным статусом обладал Обдорский городок (Обдорская таможенная застава); его значение в качестве пункта сбора ясака (в административном единстве с Собской заставой) признается всеми историками. В то же время ни постоянного русского населения, ни собственных укреплений Обдорск, как представляется, не имел вплоть до 1731 г.: на эту дату указал в 1740 г. Г. Ф. Миллер, назвав поселение Обдорским острогом[100]. Впрочем, уже на рубеже XVIII–XIX в. Обдорский острог утратил военное значение и превратился в село. Тем не менее, для изучаемого периода Обдорск – волостной центр / центр комиссарства огромных пространств севера Берёзовского уезда, и его следует учитывать (с определенного времени) в числе важных узлов поселенческой сети края.

Все эти поселения были тесно связаны: чтобы добраться до Обдорска, Берёзова, Сургута, Кодинского монастыря, нужно было следовать через Самаровский ям, а Демьянский ям служил связующим звеном при движении в губернский Тобольск или обратно (табл. 1.1, рис. 1.2).

---

[99] Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1992. Т. 3. С. 464, 469.

[100] Об эволюции статуса Обдорска с момента основания до конца XVIII в. см.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 116–121.

Таблица 1.1

Основные административные поселения Обского Севера (1700–1825 гг.)

Название	Река	Статус
Берёзов	Северная Сосьва	Уездный город
Демьянский ям	Демьянка	Слобода, ямская станция, ям
Обдорский острог	При впадении р. Полуй в Обь	Острог, село
Пелым	Устье р. Пелым, на перешейке между р. Тавда и Пелым	Уездный город, заштатный город Туринского уезда
Самаровский ям	На правом берегу Иртыша недалеко от впадения в Обь	Слобода, ямская станция, ям
Сургут	На правом берегу Оби	Уездный город, заштатный город Берёзовского уезда
Кодский монастырь	На правом берегу Оби	Монастырь

Центрами уездов (до реформ начала XIX в.) были Берёзов, Сургут и Пелым, которые первоначально служили местами дисклокации служилых людей, плацдармами для проникновения на северные и восточные территории Сибири. По данным О. Н. Вилкова, на 1719 г. в Сургуте проживали только служилые люди, а в Берёзове, помимо служилых, десять посадских из Тобольска[101]. При этом даже в первой трети XIX в. численность домохозяйств в этих двух населенных пунктах составляла 1,06 % от общего числа дворов в Сибирской губернии[102]. На протяжении почти всего XVIII в. (а в Берёзове и позднее) в них располагались воеводские или комендантские канцелярии, являвшиеся, как и фортификационные укрепления этих городов, символами присутствия власти в регионе.

Основание Берёзова, Пелыма и Сургута было связано с постройкой в каждом случае острога, который мог несколько раз перестраиваться и расширяться, но оставался на прежнем «городовом месте». Как правило, крепостные укрепления состояли из двух колец – малого и большого острогов. В малом остроге (городе) были сосредоточены административные здания (съезжая изба, или канцелярия, воеводский двор, «казенный государев двор» с хлебными житницами и погребами для хранения припасов) и церкви[103]. В большом остроге выстраивался гостиный двор и проживала основная часть населения города. Ниже мы охарактеризуем основные центры поселенческой сети, ориентируясь на те из них, которые в настоящее время относятся к современным административным границам Ханты-Мансийского автономного округа, вместе с теми, которые оставались тесно связанными с этими центрами в управленческом, экономическом и внутрирегиональном транспортном отношениях.

Важнейший административный центр Обского Севера Берёзов располагался на левом берегу р. Северная Сосьва в районе вечной мерзлоты с наличием леса. Местоположение при строительстве острога было выбрано по всем правилам устройства древнерусских укрепленных населенных пунктов. К югу и западу от Берёзова расположены болотистая, гористая и лес-

[101] Вилков О. Н. Сибирский город в XVI–XVIII вв. в современной русской историографии // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX вв. Новосибирск, 1984. С. 17.

[102] Арсеньев К. Статистическое очерки России. СПб., 1848. С. 75.

[103] Мыглан В. С. Берёзово : ист.-архитект. очерки : монография. Красноярск, 2010. С. 19.

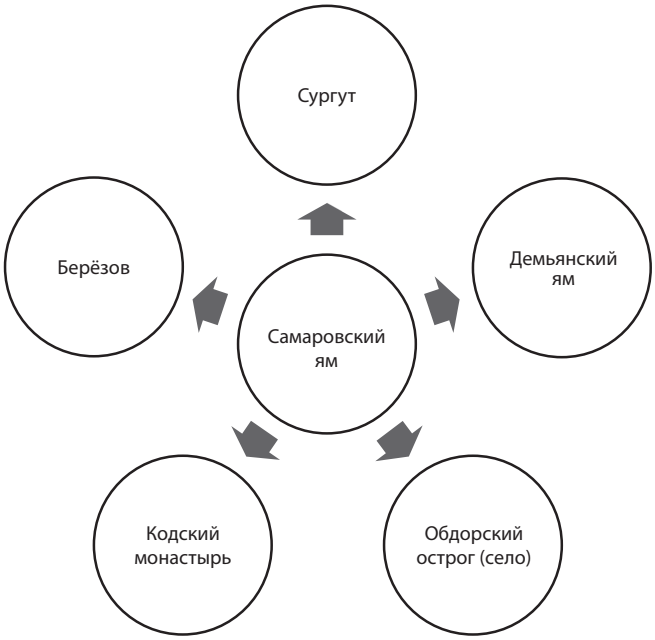


Рис. 1.2. Транспортная взаимосвязь между основными поселениями Обского Севера

ная зоны, с севера и востока – река[104]. Населенный пункт, удаленный от центра Сибирской губернии и от основных транспортных путей, предназначался для сбора ясака с коренного населения, а также для распространения православия[105]. На 1702 г., помимо служилых людей, здесь постоянно проживали игумен, пять семей священнослужителей, два дьякона, пономари, просвирницы, 12 детей боярских, два казачьих атамана, казаки, пушкари, двое подьячих приказной избы, толмач, городничий, сторожа, восемь посадских и т. д. В 1719 г. в Берёзове было уже 248 дворов местных обывателей. Так как численность населения была небольшой, населенный пункт изначально не делился на части или кварталы.

Берёзовский острог перестраивался несколько раз из-за пожаров (1642, 1719 гг.), пришедшей в негодность древесины крепостных сооружений и обрушения укреплений, находившихся на берегу Северной Сосьвы[106] (рис. 1.3). В 1709 г. подгнившие стены городового острога были заменены новыми[107]. Правда, они в скором времени оказались уничтожены в результате грандиозного пожара 1719 г.[108] Последний раз укрепления в Берёзове были сооружены в 1724 г. В этом же году в городе для содержания государственных преступников был возведен острог, в котором находилось просторное здание для размещения ссыльных. На 1741 г. центром поселения оставалась четырехугольная крепость, вытянутая вдоль берега реки[109].

---

[104] Описание Тобольского наместничества. С. 160–174.

[105] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 403.

[106] Шашков А. Т. Боевые укрепления города Берёзова в конце XVI – начале XVIII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. С. 67–68; Мыглан В. С. Указ. соч. С. 21, 54.

[107] Берёзово : (очерки истории с древности до наших дней). С. 111.

[108] Шашков А. Т. Боевые укрепления города Берёзова в конце XVI – начале XVIII в. С. 68; Берёзово : (очерки истории с древности до наших дней). С. 116.

[109] Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 году. СПб., 1865. С. 19–21, 32.

Рис. 1.3. Старый Берёзовский острог. Рисунок-реконструкция И. Павлова. Изображение с сайта Берёзовского районного краеведческого музея. https://berezovomuseum.ru/news/tpost/txutnt1cr1-pervii-berezovskii-voevoda

В городе осталось две церкви, а местный монастырь закрыли, переведя монахов в Кодский монастырь на Оби[110]. Но в городе был устроен гостиный двор на девять лавок, а также таможня с винным подвалом. В составе населения города указано 167 казаков и 397 чел. податного населения[111]. Примечательностью Берёзова становились многочисленные амбары на берегу Сосьвы, предназначенные для хранения продовольственных припасов для собственных нужд, а также товаров для сбыта приезжим купцам. К этому времени город насчитывал 175 обывательских жилых усадеб[112]. Устройство домохозяйств в этой части Обского Севера поражало путешественников тем, что не только постройки, но и двор имел крышу. Эта особенность застройки встречалась в поселениях Поморья. По данным Н. А. Миненко, в 1753 г. в Берёзовском «кремле» наряду с воеводской канцелярией и домом воеводы находились погреб, здание «архивы», где хранились документы и казна, а также пушечный сарай, зелейный погреб, амбар с казенным провиантом, два соляных амбара, винный и пивной кабаки, соединенные сенями, и поварня[113].

В 1760-е гг. укрепления и казенные помещения еще находились в полной исправности. Во второй половине XVIII в. укрепления перестали обновляться, они ветшали и разваливались. В годы проведения административных реформ Екатерины II для присутственных мест были приспособлены помещения, отстроенные в 1724 г. для ссыльных. Присутствен-

[110] Подробнее см. ч. 3 настоящего тома.

[111] Резун Д. Я., Василевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 110.

[112] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. С. 233–234.

[113] Берёзово : (очерки истории с древности до наших дней). С. 112–113.

ные места функционировали в нем до начала XIX в., когда в 1806 г. здание сгорело в очередном большом пожаре[114].

К концу XVIII в. Берёзов, сохраняя уездный административный статус, окончательно утратил военно-оборонительное значение. Этот факт отразился на своеобразии его застройки: в 1790-е гг. в городе имелись здание городнического правления, кладовая, в которой хранились казна и «мягкая рухлядь», сарай, пороховой погреб, два винных и два соляных магазина, два питейных дома, стоячий амбар, использовавшийся для продажи соли, 13 лавок[115].

Пожар 18 июня 1806 г. стал отправной точкой для кардинальной перестройки Берёзова. Как справедливо отметила Н. А. Миненко, бедствие позволило реализовать план реконструкции, составленный губернским архитектором И. Ляпиным еще в 1797 г. для того, чтобы придать населенному пункту современный, соответствующий уездному городу облик (рис. 1.4). После пожара полное восстановление города стало неизбежным, и частично разрешился вопрос размещения присутственных мест. К лету 1807 г. здесь были возведены наиболее важные административные сооружения. В начале 1820-х гг. в Берёзове имелось четыре казенных деревянных здания, 160 частных домов, недостроенный гостиный двор, два питейных заведения, казенные хлебозапасный и казачий провиантский магазины, «железные магазины» и железная кузница. В итоге реконструкции 1820-х гг. в городе появилось пять сравнительно новых деревянных казенных зданий. Одно из них было передано в распоряжение органам местной административно-судебной власти – окружному и земскому судам, окружному казначейству и городскому управлению[116]. Очевидная утрата берёзовской архитектурой «воинственного» облика коррелировала с переменами социального характера: «служилый» город медленно, но верно обретал гражданские черты.

Еще в первые десятилетия XVIII в. подавляющее большинство населения по-прежнему составляли служилые люди (в основном городовые казаки), но затем стали появляться и другие его категории, которые были связаны с новыми видами деятельности на Обском Севере. К 1748 г. в Берёзове проживали 235 казаков с сыновьями (151 верстанный казак), 128 разночинцев, 63 отставных с детьми, 11 дворовых, 11 детей боярских с детьми и девять посадских. Таким образом, на людей, связанных со службой в прошлом или настоящем, приходилось 67,6 % от общего числа населения. В то же время из 457 д. м. п. платили подушную подать 220 чел., то есть 48 % от общего числа[117]. В 1760-х гг. в списке, собранном по запросу губернской власти, упоминались разночинцы, крестьяне, цеховые, купцы, численность которых была нестабильной; так, в течение второй половины XVIII в. количество купцов колебалось от 2 до 20 чел. Росло число кадрового чиновничества, а вместе с ним – потомственного дворянства: вместо детей боярских и казаков, выполнявших административные функции, в город стали переселять на службу чиновников из других регионов страны; немалая часть этих служащих происходила из потомственных дворян.

Особой группой населения Берёзова являлись проживавшие здесь государственные крестьяне, количество которых в течение второй половины XVIII – начала XIX в. убывало:

---

[114] Мыглан В. С. Берёзово : ист.-архитект. очерки. С. 45, 56.

[115] Берёзово : (очерки истории с древности до наших дней). С. 114.

[116] Там же. С. 112–113, 201; Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. С. 25.

[117] Ревизия 1747 г. // ЖМВД. 1839. Ч. 33. № 6. С. 101.

Рис. 1.4. План города Берёзова, составленный губернским архитектором И. Ляпиным в 1797 г. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 44. Л. 15

211 (1747 г.), 203 (1764 г.), 151 (1767 г.), 44 (1806 г.)[118]. Резкое уменьшение численности крестьян в Берёзове в начале XIX в. было связано с тем, что они получили возможность легально проживать за пределами города; в предыдущем столетии вне города разрешалось селиться только священникам и ямщикам (табл. 1.2)[119].

Таблица 1.2

Динамика численности мужского населения и количества домовладений в Берёзове (1719–1825 гг.)

Критерии	1719	1741	1767	1790	1806	1825
Д. м. п.	706	457	480	477	435	484
Домов	248	175	164	180	160	142

[118] ОР РГБ. Ф. 20. Оп. 4. Д. 12. Л. 3 об. – 4; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 246 об. –247; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6046. Л. 8.

[119] Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829. С. 6–7.

В целом видно, что численность мужского населения сократилась с 706 д. м. п. (1719 г.) до 484 д. м. п. (1825 г.), то есть на 31,4 %; общая численность населения также сократилась с 2 177 чел. (1767 г.) до 990 чел. (1825 г.), то есть более, чем вполовину (на 54,5 %)[120].

Сургут, небольшой населенный пункт, расположился в песчаной болотистой местности в полутора верстах от Большой Оби на берегах речек Бардаковки и Сальмы (ныне – Саймы). Первоначально Сургут был рубленым, в 1665 г. вместо рубленого города поставили острог «без мостов и без лестниц»[121]. Как и в Берёзове, двор сургутского воеводы был встроен в крепостную стену, находившуюся со стороны реки[122]. В 1700 г. старую ветхую острожную стену обнесли новой[123] (рис. 1.5). Правда, это не изменило мест расположения казенных зданий. Постройки продолжали тесниться вдоль стен, оставляя центр крепости свободным. Недалеко от Спасской башни, через которую происходил въезд в город, находилась тюрьма, окруженная деревянным тыном. Далее располагались три хлебных амбара и воеводский двор. В пределах воеводского двора имелись воеводские хоромы из трех горниц и двух воеводских погребов, приказная изба, винный погреб и таможня[124].

Рис. 1.5. А. С. Кухтерин. Сургут конца XVII – начала XVIII в.
Репродукция из кн.: Вершинин Е., Кухтерин С., Наймарк М. Коч – судно полярных мореходов XVII века. Новые данные (М., 2022). С. 16

[120] Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 258; Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. С. 6–7; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : в 2 т. М., 1858. Т. 2. С. 89.

[121] Древний город на Оби. История Сургута. С. 159.

[122] Там же. С. 159–160.

[123] Там же. С. 160.

[124] Там же. С. 160–161.

Пожар 1712 г. уничтожил укрепления и казенные здания. Восстановление острога и административных сооружений продолжалось в Сургуте до 1718 г. Внутри укреплений были выстроены воеводская канцелярия и хоромы, «где живут воеводы»[125]. Других административных зданий в городе не возводилось[126]. В таком виде город просуществовал до конца XVIII в., когда стены города и острога пришли в негодность из-за отсутствия периодического ремонта. Единственным каменным строением в этот период здесь была соборная церковь. Административные здания оставались деревянными. В бывшей воеводской канцелярии теперь располагалось казначейство, при котором находились три ветхих амбара: для денежной казны и пушнины, соли и провианта[127]. В 1840 г. Сургут пережил очередной крупный пожар, уничтоживший значительную часть сооружений[128]. Город вновь выстроили деревянным, что никак не повлияло на внешний вид казенных зданий.

По данным источников, и в Сургуте основной категорией населения оставались служилые люди, которые в 1719 г. занимали 146 дворов. Но в таможенных книгах начала века упоминались также священнослужители, торговые люди, «сургутские жители», сын боярский, промысловый человек и т. д.[129]

В 1730-х гг. в окладе насчитывалось уже 153 д. м. п.[130] Г. Ф. Миллер, который следовал через Сургут в 1740 г., упоминал 165 домов местных обывателей, которые были расположены не только внутри четырехугольника городских стен, но и за их пределами[131]. На тот момент в Сургуте подушный оклад платили 306 чел., что на 28,1 % больше, чем в Берёзове[132]. В конце века в населенном пункте насчитывалось всего 480 чел., проживавших в 156 домах[133].

Традиционно по мере продвижения русской колонизации на восток численность служилого населения в ранее основанных городах и острогах уменьшалась: часть личного состава западносибирских гарнизонов переводили в новоосваиваемые восточные земли, в том числе и в качестве строителей новых форпостов русского присутствия, и в качестве их жителей. Эта тенденция наблюдалась в Сургуте до 1737 г., а затем произошло постепенное увеличение численности как действующих, так и отставных военных: в 1765 г. их насчитывалось 125 чел., в 1804 г. – 140 чел., в 1851 г. – 150 чел. Уже в начале XIX в. сибирские власти стали настаивать на сохранении в городе гарнизона, поскольку из-за «обширности… губернии и окружении жителей из диких народов по городам без казаков обойтись нельзя»[134] (рис. 1.6).

Хотя в начале XIX в. статус Сургута снизился, он по-прежнему оставался административным центром большой округи. На 1825 г. в заштатном городе проживало 282 мужчины и 250 женщин в 144 жилых домах, имелись две церкви, рынок и питейный двор[135]. Со временем город превратился в транзитный пункт при движении в сторону Томской губернии.

---

[125] Древний город на Оби. История Сургута. С. 161.

[126] Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. № 177. С. 496.

[127] Древний город на Оби. История Сургута. С. 166.

[128] Там же. С. 240.

[129] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1326. Л. 1–9 об.

[130] Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 225. Л. 1 об.

[131] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 208

[132] Ревизия 1747 г. // ЖМВД. 1839. № 7, ч. 33. С. 101.

[133] Резун Д. Я., Василевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 241.

[134] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 43.

[135] Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829. С. 76–77.

По традиции вокруг военных поселений городского типа (как бы ни условно это выглядело в Северном Обь-Иртышье) со временем появлялась сельскохозяйственная округа, тесно связанная с административными центрами. Эта тенденция характерна и для Обского Севера, например, в Берёзовской округе (уезде) на 1783 г. русское население проживало в девяти погостах, трех деревнях, селе и каменном монастыре (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Состав русского населения Берёзовского округа на 1783 г.[136]

Сословия	Всего	Количество	
		мужчин	женщин
Государственные крестьяне	289	139	150
Экономические крестьяне и штатные при монастырях	198	101	97
Ямщики	190	91	99
Духовенство	192	99	93
Отставные военные и пр.	16	12	4
Итого	885	442	443

Общая численность русского населения в сельской местности на 1783 г. составила 885 чел., среди них преобладали государственные и монастырские крестьяне, на которых приходилось 55 % русского населения. По данным источников, в 1810 г. в Берёзовском уезде проживало 374 д. м. п. государственных крестьян и ямщиков и 80 чел. разночинцев, которым принадлежало 360 домохозяйств[137]. Н. А. Абрамов упоминал пять крупных населенных пунктов с русским населением: Берёзов, Сургут, село Обдорское, Самаровский и Демьянский ям и шесть русских деревень[138].

Еще один населенный пункт в указанный период концентрировал вокруг себя как русское, так и инородческое население – Обдорск. Известно, что в начале XVIII в. здесь располагалась Обдорская таможенная застава. Число сборщиков было невелико, проживали они на заставе сезонно, и строить большой населенный пункт не предполагалось. Только в 1731 г. Обдорск превратился в таможню в статусе острога, периметр которого окружал площадь около 300 кв. саженей. Первоначально здесь было только четыре жилых постройки и шесть амбаров, к концу XVIII в. службу в основном несли берёзовские казаки[139]. В 1799 г. гарнизон Обдорской крепости был расформирован, вооружение вывезено, а населенный пункт в 1804 г. низведен до статуса села. По данным тобольского губернатора А. М. Корнилова, на 1807 г. стены и башни бывшего Обдорского острога пришлось снести из-за «ветхости»[140]. В селе Обдорском

[136] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : в 2 т. М., 1858. Т. 2. С. 89.

[137] Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведения почерпнутых из актов правительства и др. достоверных источников. СПб., 1810. С. 274.

[138] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // ТГВ. 1858. № 22. С. 415.

[139] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 258.

[140] Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 76.

Рис. 1.6. Карта Сургутского уезда 1784 г. Из кн.: Пономарев В. Атлас географический Тобольского наместничества, состоящий из XVI уездов (Б. м., 1784)

КАРТА
Сургутцкаго уезда
Положению местъ съ округою ис обстоятельствомъ всехъ селений болшихъ и малыхъ деревень и жилыхъ урочищъ съ разделениемъ волостей по новому образу порядка установленныхъ и съ показаниемъ оброчныхъ статей и других казенныхъ имуществъ.
Сочинена тщательно 1784 года
Предѣлы уезда сего означаютъ смежность покругу.
отъ А до В межа тоболскаго уезда
отъ В до С межа березовскаго уезда
отъ С до Д межа томской области туруханскаго уезда
отъ Д до Е межа томской области нарымскаго уезда
отъ Е до А межа тарскаго уезда
И такъ по сему в границахъ выше сего означенныхъ состоитъ.
окружности 1975 верстъ а пространствомъ оной 219300 квадратныхъ верстъ, въ городе церквей каменныхъ 1 деревянныхъ 2 въ уезде селениевъ съ церквами 6 иноверческихъ волостей 12 и ихъ юртъ 219.
По четвертой ревизии всех чиносостояний душъ въ городе
въ уезде 2753.
Зборовъ окладныхъ съ города, съ уезда 4237 руб. 53¼ коп.
оброчныхъ статей
Н. рыбныхъ ловель 9
Место положением лесное низкое болотное и неплодородное і изобилуетъ болше одними зверми и рыбной ловлей
Масштаб въ английском дюйме 25 верстъ
25
50
75
100
125
агань
ваховска
река вахъ
обь
река
озеро юганское
река васюганъ
С
Д
Е

на 1811 г. насчитывалось 17 дворов русского населения[141]. Но удобное местоположение на пути следования инородцев привело к превращению местной Обдорской ярмарки в региональную ярмарку по скупке «мягкой рухляди» (рис. 1.7).

Особую роль на Обском Севере играли Самаровский и Демьянский ямы, которые выполняли связующую роль между населенными пунктами региона и губернским городом Тобольском. Добраться от Тобольска до Берёзова или Сургута (или обратно) можно было только проехав через Демьянку и Самарово.

Демьянский ям располагался на восточном берегу р. Демьянки. В слободе располагались таможня, две церкви, а также проживали приписанные ямщики. Первоначально в Демьянском яме было более 500 дворов ямщиков, из которых несколько десятков семей переселили в Тобольский ям. Но после 1720-х гг. активизировались перевозки на Обский Север, поэтому часть ямщиков вернулась обратно, хотя была приписана к Тобольску. На 1737 г. здесь числилось 333 ямщицких двора, которые обслуживали участок от Демьянки до Тобольска. Помимо этого, в слободе проживало еще четыре семьи без домов, которые нанимались на работы к ямщикам. Также на этом участке тракта находилось 397 домов тобольских ямщиков, которые, как указано выше, из-за производственной необходимости проживали здесь. В целом на 1737 г. за Демьянским ямом числилось 1459 д. м. п., проживавших в 730 дворах. Все ямщики были разделены на выти с выплатой денежного жалованья в 20 руб. в год. В Демьянском яме каждая выть получала по четыре четверти земельного надела, но от каждой четверти должно было выделяться по одной лошади и подводы для поездок.

После 1740-х гг. численность ямщиков в Демьянском яме стала сокращаться: из 120 дворов ямщиков, расположенных в слободе, 16 относились к Тобольску. Со временем в Демьянский ям было разрешено переселиться государственным крестьянам, численность которых увеличилась незначительно – с 79 чел. (1747 г.) до 80 чел. (1764 г.) – и монастырским крестьянам, которых насчитывалось 102 чел. (1747 г.) и 126 чел. (1764 г.). Такие переселения обусловливались как значительным количеством свободной пашенной земли в окрестностях яма, так и политикой центральной власти, стимулировавшей заселение окраинных территорий.

Отметим, что часть ямщиков Демьянской слободы рассредоточилась по маршруту Демьянка – Тобольск, что было связано с нормами удаления от места жительства на определенные расстояния и направлениями местных сухопутных дорог. По данным Г. Ф. Миллера, 238 дворов демьянских ямщиков находилось в 267 деревнях и одном погосте как на самом берегу реки, так и в удалении на две версты. При этом нормы размещения ямщиков в деревнях не существовало: по 27 ямщицких дворов находилось в деревне Ищик и Юровом погосте, 21 – в деревне Лебауцкой, 16 – в деревне Черный Яр, 15 – в деревне Тугаловой (Власова), по 14 – в деревне Солянка и Филинском погосте, 12 – в деревне Першиной, 11 – в деревне Шеруновой, по десять – в деревнях Кошелевой, Ярок, Романовой и т. д. Демьянские ямщики могли быть приписаны к одной деревне, например, к деревне Романова (десять дворов), но непосредственно в ней находилось только четыре двора, неподалеку от деревни – еще три двора, и три двора – на западном берегу Демьянки в Романовых юртах. На Филинском погосте в десяти верстах от деревни Пузино располагалось десять ямщицких дворов. В деревне Тугалова из 20 имевшихся дворов заселенными были только 15[142].

---

[141] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 415.

[142] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 268–269.

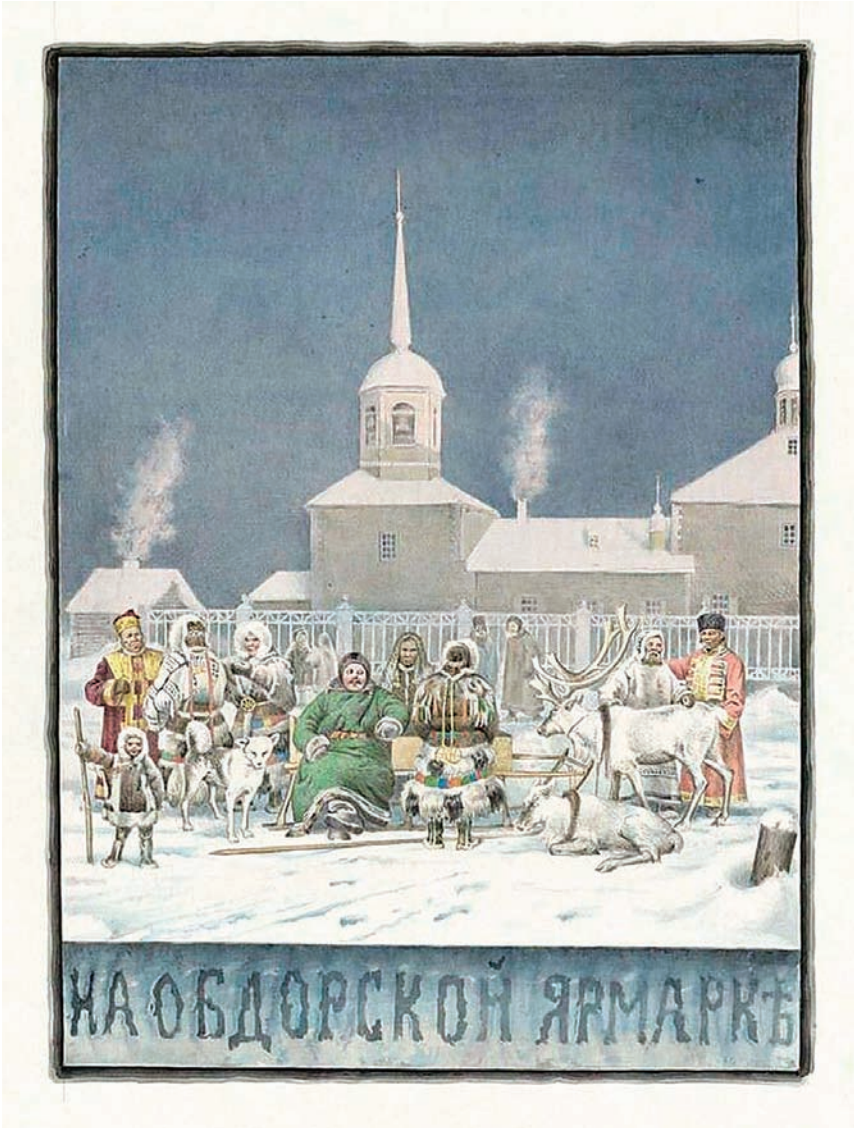


Рис. 1.7. М. С. Знаменский. На Обдорской ярмарке.
Репродукция из кн.: Знаменский М. С. От Тобольска до Обдорска: альбом (Тобольск, 1862). С. 23

Помимо этого, по направлении Демьянский ям – Тобольск находились дворы тобольских ямщиков: в деревне Денщикова, например, шесть дворов были приписаны к Тобольскому яму, и три двора – к Демьянскому; в деревне Субботина один двор ямщиков относился к Тобольску, и девять – к Демьянскому; в деревне Першиной восемь дворов демьянских ямщиков находилось на восточном берегу, и четыре – на западном, а поблизости жили тобольские ямщики[143]. Так, на речном маршруте Демьянка – Тобольск насчитывалось 358 дворов демьянских и 68 – тобольских ямщиков[144].

[143] РГАДА. Ф. 24. Оп. 5. Д. 35 Л. 246 об. –247; Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 268–269.

[144] РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 2. Д. 7. Л. 8 об., 18 об. –21 об.

Вторая ямская слобода Обского Севера – Самарово была расположена на правом берегу Иртыша у подножья невысоких гор. По свидетельству Г. Ф. Миллера, Самарово представляло собой почти город, так как здесь имелись церковь с двумя алтарями и часовня. Ямщики здесь поселились еще в XVII в. для выполнения ямской и подводной повинности по перевозке грузов и людей. По первой переписи в Самаровском яме проживали только восемь разночинцев и 407 ямщиков. К 1730 г. здесь числилось 401 д. м. п., проживавших в 141 дворе. Ко второй ревизии число разночинцев увеличилась до 17 чел., ямщиков – до 602 чел. В слободе находилось 111 дворов, из которых ямщикам принадлежало 83,8 %[145]. Это связано с тем, что часть ямщиков уже переселилась в деревни, расположенные по маршрутам Самаровский ям – Берёзов, Самаровский ям – Сургут, Самаровский ям – Демьянский ям. Только на последнем маршруте располагалось 13 деревень, где проживали самаровские ямщики: Реполовской погост (пять дворов), Селиарский погост (четыре), деревня Спиридонова (четыре), деревня Конова (четыре), деревня Прохорова (три), деревня Скрипунова (три), село Сухоруковское (три), деревня Тулина (два), деревня Милянова (два), деревня Зинкова (два), деревня Сункина, или Слинкина, (один). Всего Г. Ф. Миллер насчитал 40 дворов самаровских ямщиков[146].

Независимо от места постоянного проживания самаровские ямщики были поделены на 50 вытей (паев), каждая из которых получала по 20 руб. в год и продовольствие (десять четвертей ржи и десять четвертей овса). Размеры жалованья и продовольственного обеспечения для ямщика напрямую зависели от доли участия в перевозках, а также наличия лошадей и лодок. Помимо этого, самаровским ямщикам полагались выплаты прогонных денег в 2 коп. за версту. Так как в летний период из-за отсутствия сухопутных дорог движение в этом районе было неинтенсивным, ямщики могли заниматься промыслами, ремеслом и отчасти сельским хозяйством. Во второй половине XVIII в. к Самарову было приписано 2368 чел. (1767 г.), часть из которых занимались промыслами или скотоводством. Некоторые пытались практиковать земледелие, например, на 1767 г. было распахано 77 десятин, на которых выращивали рожь на 27 и яровые на 22 десятинах, остальные площади отводились под овощи[147].

Отметим, что удобное местоположение Самаровского яма на пересечении путей на север, запад и восток Обского Севера позволило ему стать центром уезда, который объединил русские поселения, инородческие волости, а также Демьянский ям со своим дистриктом. И даже когда Самаровский уезд стал частью Тобольского уезда, местный комендант сохранил за собой право управления ямщицкими слободами. Летом комендант находился в Самарово, так как здесь располагались пристань и таможня с целовальником и солдатами; зимой комендант переезжал в Демьянскую слободу[148] (рис. 1.8).

Особый статус был у Кодинского Троицкого монастыря, в котором и рядом с которым проживало русское население. К середине XVIII в. Троицкий монастырь располагался на правом берегу Конды; в нем находились собственно монастырские постройки, амбары, погреба, три двора для священнослужителей и 15 дворов бобылей (из крещеных остяков)[149]. Хотя монастырь относился к духовному ведомству, он был фактическим центром определенной округи, по данным первой переписи, здесь проживало 89 чел., по данным второй переписи – 104 чел.[150]

---

[145] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : в 2 т. М., 1858. Т. 2. С. 89.

[146] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 264.

[147] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.

[148] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 271–272.

[149] РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 2. Д. 7. Л. 16 об. –17.

[150] Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С. 88– 89.

Рис. 1.8. А. И. Шелоумов. Ямская гоньба.
Изображение с сайта «Tuday.ru». https://tuday.ru/news/society/5-populyarnyh-professiy-iz-proshlogo-kotorye-ischezli.html

На основе имеющихся источников можно отметить две модели поселенческой структуры края в XVIII – первой трети XIX в., которые явились следствием дальнейшего развития процесса русской колонизации Сибири. Первая модель – результат естественного расселения русских по берегам больших рек; вторая – результат осознанной политики центральной власти, направленной на закрепление сибирских территорий в составе государства, их дальнейшую интеграцию в имперское пространство. Эта «русская» поселенческая сеть серьезно трансформировала аборигенную, вписывала ее, насколько было возможно, в административный, фискальный, хозяйственный контур интересов метрополии. Важными факторами для оформления и стабилизации такой поселенческой структуры являлись расширение торговых связей, оформление транспортных путей сообщения между губернским центром и Обским Севером, между Обским Севером и Европейским Севером, между населенными пунктами Сибири и населенными пунктами Обского Севера. Особую роль в этом играло развитие путей Обь-Иртышского речного бассейна, напрямую связанного с Югрой.

Пути сообщения и транспортная инфраструктура

Пути сообщения на Обский Север были известны задолго до активного освоения территории русскими переселенцами. На свои карты С. У. Ремезов наносил как основные пути, соединявшие Сибирь с Россией, так и региональные дороги и те направления, которые использовались главным образом коренным населением. Можно отметить, что направление

некоторых путей определялось движением торговых караванов, обозов переселенцев, беглых крестьян и т. д. С начала XVIII в. наиболее известными за Уралом были три дороги – Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, которые напрямую не были связаны с Обским Севером, но от узловых станций которых начиналось движение на северо-западные земли Сибири. Отметим, что государство стремилось закрыть эти территории от проникновения иностранцев, что привело к более позднему их освоению.

Развитие путей сообщения на Тобольский Север было связано в целом с моделью транспортного развития путей сообщения Российского государства. Система регулярных ямских перевозок между городами и административными центрами положила начало созданию региональных трактов[151]. Когда на больших дорогах Сибири стали устанавливать измерение в 500-саженную версту, то среди узловых населенных пунктов упоминались Берёзов и Сургут[152]. Для обслуживания движения по Обскому Северу были организованы Демьянский и Самаровский ямы. Ямщиков для этих станов набирали путем «выкрикивания» (набора) с гарантией привилегий на новом месте жительства, а также выплатой 5 руб. и проездных. Основная часть будущих перевозчиков направления Тобольск – Берёзов и Сургут набиралась в Вологде, Устюге Великом, Яренске, Соли Вычегодской, Чердыни, Ярославле, Перми и Соли Камской. Характерно, что выходцы из этих территорий и раньше преобладали как среди промысловиков, так и среди первых переселенцев. Отметим, что делались попытки организовать ямскую гоньбу с привлечением коренного населения, но оно не хотело отказываться от традиционных занятий. Поэтому, если представители местных народов участвовали в гоньбе, то обычно в межсезонье.

В ходе реформ начала XVIII в. была создана единая русская почта, которая, отвечая всем требованиям современной почтовой техники европейских государств, должна была, по мнению Н. И. Соколова, обеспечить потребности государственной и общественной жизни России[153]. В 1720 г. было принято решение о введении в Сибирской губернии ординарной почты, с 1724 г. была введена отправка корреспонденции раз в неделю, но разрешалось отправлять и с нарочными[154]. Доставкой почты занимались и ямщики, а так как их численность была недостаточна, ямщиков с лошадьми и подводами запрещалось привлекать для гоньбы на малые расстояния. Первоначально у ямщиков не было обязательств перед Почтовым ведомством, поэтому за перевозку казенной и частной корреспонденции еще на заре петровского правления (именным указом от 12 ноября 1698 г.) устанавливались особые тарифы оплаты: за расстояние от Москвы до Тобольска и Тюмени – по шесть алтын, до Берёзова, Сургута, Томска, Енисейска, Красноярска и Мангазеи – по десять алтын. Ямщики не имели права вскрывать письма: «И отнюдь ни чей грамотки не распечатывать и не смотреть, чтоб всяк, заплатя достойную заплату, был обнадежен, что его грамотка в дом к нему дойдет»[155]. За Уралом альтернативы ямской гоньбе не было, поэтому услугами ямщиков пользовались как официальные власти, так и частные лица.

---

[151] О сборах в Сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин // ПСЗ-1. Т. 3. № 1654. С. 512–514.

[152] Записка о ямщиках в Сибири состояниях (Г. С. Батеньков) // ОР РГБ. Ф. 20. Картон 1. Д. 20. Л. 3.

[153] Соколов Н. И. Санкт-Петербургская почта при Петре Великом. СПб., 1913. С. 143.

[154] Об учреждении ординарной почты // ПСЗ. Т. 6. № 3591. С. 198; Об учреждении в Сибири почты // ПСЗ-1. Т. 7. № 4529. С. 302.

[155] О сборах в Сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин // ПСЗ-1. Т. 3. № 1654. С. 510–515.

В указе, озаглавленном составителями Полного собрания законов Российской империи «О трактах к портовым городам, с расписанием, из каких городов и к какому порту товары отправлять должно» (1721 г.), рекомендовалось установить примерное расписание движения по почтовым и земским трактам по направлению к крупному населенному пункту региона[156]. В силу этого в Сибирской (затем в Тобольской) губернии выделились следующие направления движения ямщиков: Тобольск – Берёзов, Тобольск – Самарово, Тобольск – Сургут, Тобольск – Обдорск. Отметим, что между этими населенными пунктами предусматривалось несколько обязательных остановок, а остальные делались по мере необходимости.

С 1722 г. ямщики перешли в подчинение Почтового ведомства, поэтому им пришлось совмещать ямскую и почтовую гоньбу за дополнительную плату, но в только с 1750-х гг. произошла официальная передача им почтовых перевозок[157].

Ямщики, как правило, проживали в ямских слободах или крестьянских поселениях (при наличии пахотной земли). Для удобства они были разделены на выти сначала по 20 душ, а с 1752 г. – по 28 душ из разных дворов, расстояние между ямами законодательно определялось в 20–30 верст друг от друга[158]. Осуществлением перевозок на Обский Север, как отмечалось выше, занимались ямщики Демьянского и Самаровского ямов, к которым позже добавился Уватский. Но даже в этом случае расстояние между ямами было больше положенного, поэтому при необходимости на северные трассы привлекались ямщики из Тобольска. Каждый ямщик обязан был содержать по три лошади, а также подводу, сани, седла, сбрую, а на летний сезон – лодку. За ямскую и почтовую гоньбу ямщикам определялось годовое жалованье 25 руб., а также полагалась дополнительная выплата за каждую подводу[159]. Однако местные власти не располагали наличными деньгами, поэтому местные ямщики с 1714 г. получали прогонные деньги за расстояния, а подводы по подорожным предоставлялись бесплатно. В целом в удаленных губерниях брали за десять верст по четыре деньги. Из-за обязанности по перевозкам ямщики освобождались от податей и части повинностей[160]. При использовании же почтовых или ямских подвод частными лицами размеры прогонов увеличивались вдвое[161].

Для выполнения почтовой гоньбы ямщики могли удаляться от места жительства с лошадьми и ямскими принадлежностями на расстояние до двух верст, но это условие на Обском Севере никогда не выполнялось. Отчетностью по перевозкам занимались местные органы власти, куда и стекалась вся информация о ямских деньгах и подорожных для проверок[162]. В конце XVIII в. ямщикам разрешалось для исполнения подорожной менять профессиональных перевозчиков на крестьян, что вызвало множество жалоб со стороны пассажиров. Поэтому в 1810 г. по решению собрания депутатов в Тобольской губернии гоньбу могли исполнять только ям-

---

[156] ПСЗ-1. Т. 6. № 3860.

[157] Об уничтожении ямского Приказа, с назначением одного стола ямских дел под ведомством управителя Московской губернии // ПСЗ-1. Т. 4. № 2353. С. 668–669.

[158] О счислении ямской выти во всем государстве по 28 душ // ПСЗ-1. Т. 13. № 9926. С. 74–75.

[159] Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900. С. 336.

[160] О даче ямских подвод не иначе как по подорожной, с взысканием прогонных денег и о назначении ямщикам платы вместо жалованья из казны // ПСЗ-1. Т. 5. № 2759. С. 77.

[161] О взыскании за ямские и постовые подводы прогонных денег // ПСЗ-1. Т. 5. № 3075. С. 491.

[162] О записке собранных ямских денег и подорожных, по которым даны подводы в особые книги, и о присылке копии с сих книг в Ратуше для ревизии // ПСЗ-1. Т. 4. № 1814. С. 79.

щики и нанимать на замену можно было только ямщиков. Чтобы выполнить это условие, для перевозок стали привлекать ямщиков Уватского и Тобольского ямов[163]. Тем же решением ямщикам на Севере позволялось заниматься рыболовством, охотой, сбором кедровых орехов и т. д. Губернатор А. М. Корнилов в 1818 г. отмечал, что ямщики Северного Обь-Иртышья вынуждены были заниматься теми же промыслами, что и коренное население[164].

К началу XIX в. общая протяженность почтовых трактов Российской империи увеличилась до 20 тыс. верст, на которых располагалось 3200 почтовых станций с 38 тыс. лошадей[165]. Для исполнения почтовой гоньбы в Тобольской губернии числилось около 13,5 тыс. ямщиков, в том числе в Демьянском и Самаровском ямах[166] (рис. 1.9).

Рис. 1.9. М. С. Знаменский. Почтовая станция в Сибири.
Репродукция из кн.: Знаменский М. С. От Тобольска до Обдорска: альбом (Тобольск, 1862). С. 29

В Северном Приобье, как и раньше, получением и отправкой корреспонденции занимались представители местных органов власти, а почтовый транспорт стал доступен для пассажирских перевозок. В наказе Уложенной комиссии предлагалось установить допустимое число пассажиров и груза:

> *Пассажирам по почте ехать по 4 человека в коляске, и брать с них плату за первые четыре места по копейке, а за два последние – по денге за каждую версту, причем пассажирам дозволяется безденежно брать с собой клади каждому по полпуду*[167].

---

[163] ОР РГБ. Ф. 20. Картон 1. Д. 20. Л. 8–10.

[164] Корнилов А. М. Замечания о Сибири. С.95–96.

[165] Базилевич К. Почта в России в XIX в. : в 2 т. М., 1927. Т. 1. С. 79; Виткавичюс П. П. Старинная почта в Прибалтике // Из истории естествознания и техники в Прибалтике. Вильнюс, 1980. С. 74.

[166] Статистическое описание Сибири. СПб., 1810. С. 86.

[167] Сб. РИО. Т. 43. С. 369.

Все попытки регламентации как объема перевозимых грузов, так и количества пассажиров для данного региона не соблюдались вообще. В начале XIX в. появились «Наставления старостам извозчичьим и извозчикам», которые регламентировали передвижение в основном по крупным городам или многолюдным трактам. Помимо этого, запрещалось быстро ездить по неустроенным грунтовым дорогам, что частично касалось и Югры[168] (рис. 1.10).

Рис. 1.10. Ф. А. Рубо. Тройка гоночных по снегу. 1871.
Частная коллекция. Изображение с сайта «Wikimedia Commons». https://commons.wikimedia.org/wiki/File.jpg

На формирование внутренних направлений движения по Обскому Северу влияли как экономические, так и социальные факторы. Так, ограничение деятельности российского капитала за Уралом отрицательно сказалось на объемах и интенсивности движения купеческих караванов из центра страны. С другой стороны, это обеспечивало преимущества сибирскому торговцу, который теперь осваивал новые направления движения на Ирбитскую и Кяхтинскую ярмарки. Большое влияние на развитие путей сообщения на северные территории Сибирской губернии оказали сборы ясака с коренного населения, которое съезжалось в один или несколько населенных пунктов как для осуществления выплат, так и для закупки продовольствия и припасов на длительный период. Так как перевозка ясака после «ликвидации» казенного каравана сняла с центральной власти обязанность непосредственно заниматься

[168] Наставление старостам извощичьим и извощикам. СПб., 1813. С. 4–9.

транспортной системой, эти проблемы легли на плечи местных администраций. Заботы о внутрирегиональной транспортной сети стимулировались и необходимостью обеспечения населения Обского Севера всем необходимым на холодный сезон, создания запасов на случай различных ситуаций, что в описываемый период также входило в круг обязанностей местной власти.

Транспортная система в крае не соответствовала общерусским принципам передвижения, когда сухопутные и водные пути дублировали друг друга. Так как не все населенные пункты располагались по рекам, не везде местность была приспособлена для открытия сухопутного пути из-за особенностей природного ландшафта, распространение получили смешанные варианты транспортных путей – сухопутно-речные. Стоит отметить, что спецификой Обского Севера было преобладание движения по водным путям в период навигации и по зимней дороге (зимнику) вдоль берега реки или по льду реки в холодный период.

Большинство сухопутных путей из Тобольска на Север эксплуатировались длительное время и имели различные сооружения – гати, перевозы или переправы. Перевоз представлял собой место, где удобнее всего было перевозить груз, людей с одного берега реки на другой для пересадки на судно. На 1816 г. только в Берёзовском уезде было пять перевозов через реки, что составляло 8,6 % от общего числа в губернии[169].

В то же время не существовало нормативно установленной системы строительства и ремонта грунтовых дорог, а все необходимые работы выполняли государственные крестьяне в качестве повинности. С 1744 г. проезжие и прогонные дороги, на которых стояли ямы, передавались на содержание, в том числе проведение ремонта, обывателями уездов и городов[170]. Регулированием дорожного строительства в регионах занимались губернаторы и воеводы; с 1784 г. большие дороги передавались в подчинение земской полиции, а грунтовые дороги – местным обществам[171]. С этого периода стали появляться нормативы для устройства дорог сначала от столичных городов к губернским, а затем для остальных. На 1734 г. большие проезжие и прогонные дороги должны быть иметь ширину до десяти саженей для прогона скота, а с 1754 г. для безопасного проезда их нормативная ширина увеличилась до 15 саженей[172]. Также были определены элементы устройства дорог – верстовые столбы, переправы, гати, мосты, переезды и т. д. По поводу местных дорог современники указывали на их плохое качество или вовсе на их отсутствие[173].

Разумеется, для Обского Севера с его смешанными видами передвижения жизненно важное значение имели водные трассы и водный транспорт. В описываемый период речной маршрут также определялся государственной властью; по ходу движения обязательными были остановки в конечных пунктах и на установленных станциях с устроенными пристанями. Как правило, путешественники передвигались на отдельных дощаниках с небольшим гру-

---

[169] ОР РГБ. Ф. 20. Картон 4. Д. 15. Л. 2 об. –4.

[170] О исправлении больших проезжих дорог и мостов уездным и городским обывателям // ПСЗ-1. Т. 12. № 8972. С. 153.

[171] О нечинении притеснений и обид соляным подрядчикам // ПСЗ-1. Т. 14. № 10170. С. 4; О содержании под надзором земской полиции одних только больших и торговых трактов, оставляю прочие на попечение самих обывателей // ПСЗ-1. Т. 22. № 16101. С. 261.

[172] О перечислении ямщиков в городские сословия ив другие податные сословия // ПСЗ-1. Т. 40. № 30262. С. 111–112; О расчистке леса во всех губерниях по обеим стороны на 15 саженей // ПСЗ-1. Т. 12. № 9032. С. 224.

[173] Корнилов А. М. Замечания о Сибири. С. 95–96.

зом или на дощаниках, барках и каюках в составе каравана. Общая протяженность одного из магистральных речных маршрутов Берёзов – Тобольск составляла 1048 верст; в день дощаник проходил по нему около 30 верст. По сравнению с сухопутным передвижением это была очень хорошая скорость (рис. 1.11, табл. 1.4).

Таблица 1.4

Характеристика маршрута Берёзово – Тобольск (1740 г.)[174]

Населенный пункт	Даты следования	Расстояние (верст)
Берёзов	1 августа	Начало пути
Самаровский ям	Прибытие 16 августа, отбытие 22 августа	495
Демьянский ям	31 августа	293
Тобольск	9 сентября	260
Итого	35 дней	1 048

Но водные пути отличались нестабильностью, как и сухопутные, и точно предсказать, насколько удачной и быстрой будет поездка, не представлялось возможным. Так, например, в 1740 г. на маршруте Берёзов – Тобольск путники встречали разные неожиданные препятствия: после Кылтисанских юрт суда приходилось тянуть по реке из-за малой воды и движения против течения. За весь путь путешественникам удавалось поднять парус только несколько раз при наличии попутного ветра. Прибыв в Самарово, путники задерживались там на несколько дней по служебным причинам, а также из-за погодных условий. Участок между Самаровским и Демьянским ямами преодолевали без малого за десять дней, так как суда останавливались по техническим причинам. При этом практиковалось движение до поздней ночи, в результате чего его скорость уменьшалась из соображений безопасности. Протяженность маршрута Демьянский ям – Тобольск летом составляла 260 верст, а по зимнику – 173,5 версты, что было связано с извилистым руслом реки. На этом участке путники несколько раз встречали караваны, которые следовали в обратный путь на Обский Север, чтобы успеть к концу навигации.

Отметим, что указанные выше данные относились к перевозке участников Великой Северной экспедиции, то есть суда были загружены не полностью. Если дощаники перевозили купеческий товар, то сроки движения увеличивались, например, в XVIII в. суда двигались по маршруту Тобольск –Сургут более шести недель, Тобольск – Берёзов – более пяти недель. Астроном Ж.-Н. Делиль в 1740 г. добирался из Санкт-Петербурга до Берёзова более 40 дней. Обратный путь из Берёзова до Тобольска экспедиция Делиля совершила на дощанике сначала по Оби, а затем по Иртышу в течение одного месяца и 20 часов[175].

Местные дороги между населенными пунктами на северо-западе Сибири были универсальными: по ним двигались люди, повозки, по ним же перегоняли стада оленей весной к Уралу, а поздней осенью – обратно. На Обском Севере между населенными пунктами, удаленными

[174] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 261–283.

[175] Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзово в 1740 г. СПб., 1865. С. 10, 22, 38.

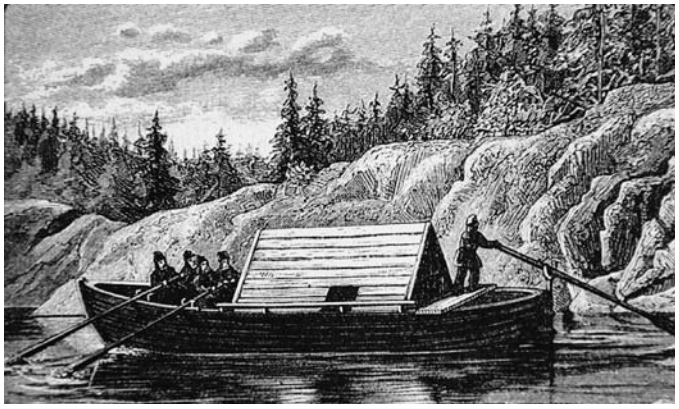


Рис. .1.11. Дощаник – основное грузовое судно в Сибири XVIII в. Изображение с сайта «Морской клуб под парусами». https://podparusami.club/ot-kazaczkih-strugov-do-nauchno-issledovatelskih-korablej-istoriya-bajkalskogo-sudohodstva/

от судоходных рек, существовало сообщение по особым болотным путям, то есть движение проходило по болотистой местности[176]. По мнению В. Н. Адаева, именно по болотным путям проходила условная граница между южным хозяйственным комплексом (земледелие и скотоводство, дополненное рыбной ловлей и охотой) и северным (промыслы и перевозка на оленях и собаках)[177].

Пути и виды передвижения по Обскому Северу весьма подробно описаны в воспоминаниях современников. Так, Г. Ф. Миллер оставил описание зимней конной дороги, которая начиналась на севере и тянулась до деревни Зольниково вблизи Тобольска. Аборигены добирались до русской деревни «в лучшем случае за два дня» из района Самарова[178]. Обратный путь мог быть осуществлен до р. Конды в двух вариантах. Первый позволял в один день перебраться от р. Демьянки до Конды, еще полдня приходилось потратить, чтобы подняться по р. Тугутке до ее истока[179]. Второй путь на Конду начинался от деревни Першино, а дальше следовал до р. Макшандиной (Тюмы) и через Тишкин сор – к р. Катым. По словам туземных жителей, летом на этот путь тратилось до двух суток, но он был смешанный. Сначала до Тишкиного сора двигались на лодках, затем пешком с грузом переходили через болото, а по Катыму – снова на лодках. Отметим, что прежние лодки люди оставляли на Тишкином сору, а на втором участке пути использовали другие, более вместительные. По словам местных жителей, этот путь без груза можно было преодолеть за сутки[180].

Гужевые перевозки в интересующий нас период показывали тенденцию роста, что справедливо связать и с притоком населения, особенно в конце XVIII – первой трети XIX в., и с развитием торговли, ремесел и промыслов, поэтому транспорт становился необходимой составляющей общеэкономической инфраструктуры. Стремление сначала российских, а затем сибирских купцов осуществлять коммерческие операции внутри югорских территорий также способствовало развитию путей сообщения. Современники отмечали, что купцы, везшие грузы в Северное Приобье, отправлялись из Тобольска по Иртышу и Оби в «дальние города», делая обязательную остановку в Самарово. Там проводился таможенный осмотр судов, а дальше купцы двигались к конечному пункту, например, Обдорской, Сургутской или Берёзовской ярмарке. Купцы рассчитывали сбыть свой товар именно в этих торговых центрах, поэтому по пути следования на север они редко, не более одного раза, останавли-

[176] Визгалов Г. П., Карачаров К. Г. Археологические памятники Салымо-Юганской болотной системы // Болота и люди. М., 2000. С. 168–175.

[177] Адаев В. Н. Болотные маршруты: пути сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв.// Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С.111; Его же. Тайга и болота р. Демьянка. Вызовы и стимулы этнической экоадаптации // Урал. ист. вестн. 2012. № 2. С. 69–76.

[178] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 285–286.

[179] Там же. С. 272.

[180] Там же. С. 273

вались в небольших населенных пунктах. В тот же Берёзов купеческие караваны приходили чаще всего в начале навигации и здесь оставались до ее окончания, сбывая свой товар и скупая местный. Отсюда же купцы выезжали с небольшими партиями товаров по населенным пунктам уезда. Прибыв в Сургут, торговцы могли отправиться по реке на дощаниках в Нарым, но это возможно было только летом; по зимнику этот путь оказывался очень неудобным[181]. Речной путь на не полностью загруженном дощанике из Нарыма в Сургут занимал около десяти дней с остановками по пути следования (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Характеристика речного маршрута Нарым – Сургут с 12 по 21 июня 1740 г.[182]

Дата	Типы населенных пунктов	Природные водные объекты
12 июня	Деревень 4, юрт 2, Старый Нарым	Реки, речушки, ручейки, болота, лес, озеро
13 июня	Деревень 3, юрт 2, село 1	Речки, реки, протока
14 июня	Погост 1, юрт 2	Речки, реки, плес, лесной яр, болото, устье реки
15 июня	Юрт 2	Реки, речки, ручейки
16 июня	Юрт 3	Речки, реки
17 июня	Погостов 2, юрт 7	Протоки, реки, малая заостровка
18 июня	Юрт 10	Протоки, речки, плес
19 июня	Юрт 5, погост 1	Речки, рукава рек
20 июня	Погост 1	Протока, речки
21 июня	Юрт 2	Реки

По пути следования караван останавливался только для того, чтобы гребцы отдохнули, и для пополнения запасов воды и продуктов питания. Часть населенных пунктов была расположена по берегам рек, а некоторые виднелись в отдалении, или до них можно было добраться от нескольких часов до нескольких суток. В путевом дневнике Миллера сказано, что 16 июня пришлось остановиться из-за встречного ветра, который изменил свое направление только через десять часов. В целом расстояние от Нарыма до Сургута составляло 695 верст, то есть в среднем в сутки не полностью груженные дощаники проходили более 60 верст[183].

Внутренний речной маршрут Сургут – Берёзов по рекам мог быть преодолен при нагруженных судах за 8–11 дней. В путевом дневнике экспедиции Миллера было сказано, что в Белогорских юртах пришлось ждать проводника из Самарова. Это связано с тем, что как базовые, так и внутренние маршруты были условно поделены между ямщиками. Это подтверждают

[181] См. об этом: Описание о торгах сибирских. СПб., 1736. С. 26–27.

[182] Сост. по: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 192–194.

[183] Там же. С. 202.

подорожные 1740–1741 гг., в которых сказано, что по маршруту Берёзов – Тобольск один ямщик перевозил путников до Самарова, другой – до Тобольска[184].

Отметим, что ямщики или местные крестьяне для осуществления перевозок по воде, как правило, использовали собственные лодки, хотя в источниках упоминались варианты отправки, например, собранного ясака на небольших казенных дощаниках с выданной провизией на период поездки[185]. Казну или важные документы с Севера отправляли, как правило, в сопровождении служилых людей или местных выбранных лиц. Если из Тобольска в Сургут отправлялась казна, то сопровождать ее поручалось целовальнику, счетчику и т. д.[186] Отметим, что нередко нанимались и частные дощаники, построенные в Туринске, Тобольске или Тюмени. В 1741 г. «инородец» М. Торопчининов с товарищами заплатил за три новых дощаника более 18 руб.[187] В то же время Сургутская воеводская изба владела собственными дощаниками и барками для перевозки казенного груза и хлеба[188]. Для перевозки казенного имущества устанавливались свои правила. Например, ясак из Берёзова в Тобольск следовал только через Демьянский ям, так как это был более надежный и постоянно действующий путь[189]. При отсутствии в Тобольске специального судна с Севера груз мог быть отправлен на попутном судне или барке. Например, в 1740 г. тексты новых указов из Тобольска были отправлены водою на барке; на следующий год на казенном дощанике откупщик доставлял вино и продовольствие[190].

Во второй половине XVIII в. частными перевозками стали заниматься купцы как на собственных, так и на арендованных судах. В основном они доставляли товар для северо-западных уездов Сибири по договорам с местными обществами, властями или для рыбного промысла. Но внутри региона между населенными пунктами перевозки небольших партий поручались ямщикам или перевозчикам из местного населения на лодках. По ходу движения ямщики доставляли почту, товары, а также выполняли различные поручения местных органов власти. К концу навигации ямщики занимались подготовкой засек для будущего зимнего пути; как правило, сначала это делалось для удаленных волостей. Так, в Лумпокольской волости (на Оби) для проезда зимой рекомендовалось использовать старый речной путь, который был лучше известен[191].

Гужевые перевозки на Обском Севере практиковались «на вольных» с ямщиками по договорной цене, на почтовых лошадях – по подорожной и на собственных лошадях. Скорость почтовой гоньбы по ровной местности должна была в сухой сезон доходить до 12 верст в час, в дождливый период – до восьми верст[192]. Традиционно по грунтовым трактам движение длилось до 18 часов без остановок или до следующего населенного пункта. Во многом интенсивность движения определяли погодные условия, а также технические возмож-

---

[184] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2.

[185] Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 113 Л. 1–2.

[186] Там же. Д. 217. Л. 6–8 об.

[187] Там же. Л. 25 об.

[188] Там же. Д. 154. Л. 2.

[189] Там же. Д. 42. Л. 45.

[190] Там же. Д. 5. Л. 2; Д. 47. Л.48.

[191] Там же. Ф. 462. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2.

[192] Гольц Г. А. Гужевой транспорт и гужевые пути сообщения в России // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 124.

ности перевозчика. Например, крестьянские обозы двигались медленно и предпочитали мягкий грунт, так как большая часть лошадей не была подкована, а колеса не были обиты железом. Гужевые почтовые перевозки стали осуществлять чаще только к концу XVIII в., что связано с активизацией движения по региону, а также с развитием товарно-денежных отношений между различными категориями населения. Но в источниках сказано, что ямщики стремились стать монополистами в перевозках в теплые сезоны, поэтому «на всех ямах и почтовых станциях не дают нанимать подводы, а принуждают брать у ямщиков по очереди»[193] (рис. 1.12).

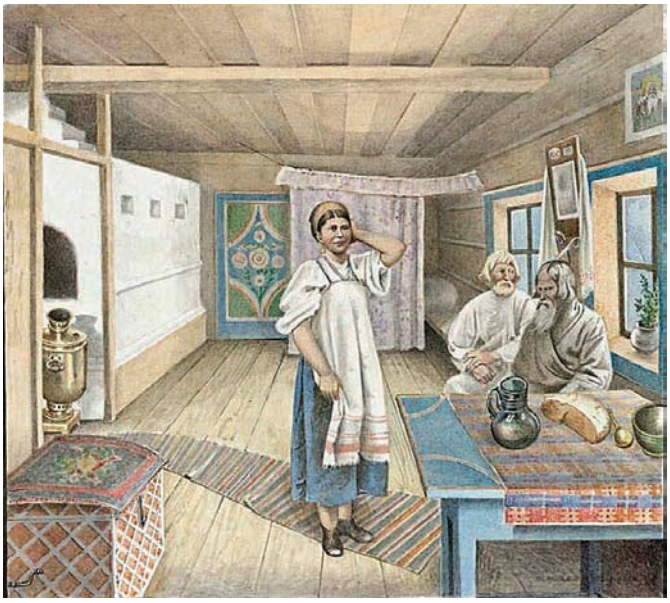


Рис. 1.12. М. С. Знаменский. Внутренний вид почтовой станции. Репродукция из кн.: Знаменский М. С. От Тобольска до Обдорска: альбом (Тобольск, 1862). С. 11

Уже с начала XVIII в. на территории края активно использовали смешанные (водно-сухопутные) маршруты, среди которых наиболее востребованными являлись шедшие от Берёзова, Сургута или Самарова до Тобольска. Это были самые наезженные по здешним меркам трассы, необходимые всем. В разгонных книгах Демьянского яма 1707 г., куда записывали всех проезжающих, отчетливо заметно их разнообразие: в них указывали и тех, кто следовал сухим путем (ямщик на лошадях с подводой, служилый человек с официальными бумагами, купец и целовальник с товаром, казаки), и тех, кому приходилось передвигаться по рекам на судах (служилый человек на лодке с двумя гребцами, боярский сын на дощанике с провиантом)[194]. В основном летом двигались водным или сухопутно-водным путем. На Обский Север доставлялись запасы на холодный период – соль, хлеб, промышленные товары, а обратно отправляли мех, рыбу, лес, дрова и т. д.[195] Товары, отправленные по реке, осматривали в Самаровском яме, а Демьянский ям скорее служил остановкой для отметки движения.

Аборигены также по возможности использовали гужевые пути между населенными пунктами: например, между Нилдинскими юртами и Кугинсекскими юртами расстояние было всего 50 верст по суше, хотя можно было двигаться ради безопасности вдоль берега Сосьвы[196]. И это была не единственная сухопутная дорога в данной части Обского Севера, которая сокращала продолжительность путешествия по сравнению с рекой. За один день на оленях в сухой сезон можно было добраться с предгорьев Полярного Урала до Обдорской заставы. Длительность движения по воде удлиняла путь до 8–9 дней с преодолением волока, и неред-

[193] См., например: РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 156. Л. 3–3 об.

[194] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1032. Л. 1–6 об.

[195] Там же. Ф. 199. Оп. 5. Д. 183. Л. 18 об.

[196] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 243.

ко в конце навигации из-за мелководья приходилось «поднимать воду с помощью парусов по образцу шлюзов»[197]. По словам инородцев, длина этого маршрута сопоставима с тем, как если расставить 6 чел. на равном расстоянии друг от друга в пределах слышимости крика.

Помимо дорог между населенными пунктами, в Северном Приобье существовало несколько «самоедских или остяцких» путей, которые позволяли коренным жителям передвигаться по всей территории. Известно, что аборигены на оленьих упряжках из «Казыма двигались по Кедровой речке и попадали на Назым», двигаясь со скоростью 60 верст в день в течение трех дней в зимний период. От Назыма в сторону р. Пур проходила «обычная самоедская дорога», по которой можно было передвигаться только зимой[198]. На этот путь человек на оленях тратил целый день[199].

Если туземцы планировали переехать от Ляпинского городка до Берёзова, то они выбирали зимний период из-за прямого пути по зимнику. В начале пути приходилось следовать через болото так, чтобы р. Вогулка осталась справа, затем идти пешком рядом с нагруженными нартами в течение шести дней до Малой Вогулки, от которой до конечного пункта оставалось еще восемь дней пути. Этот путь, один из старейших, назывался «Русский тес»: считалось, что именно по нему русские впервые попали в район р. Сосьвы[200]. От Беткишинских юрт до реки Сосьвы и до Берёзова имелась и сухопутная дорога в четыре дня пути на нартах. В Ляпинский городок в первой половине XVIII в. русские купцы и зырянские промышленники приходили с товарами из-за Уральских гор, следуя вдоль «вдоль Сосьвы и Сыгвы через Печерские горы». По этому маршруту приходилось преодолевать Кыртасский волок, дорога через который была болотистая, и можно было провалиться по колени. Путникам приходилось перетаскивать товар по полдня через болото, поэтому они предпочитали передвигаться этим путем в зимний период[201]. А вот волок через р. Быструю был несложным: его преодолевали за день, трижды волоча за собой лодку или другой груз[202]. В холодный сезон путники следовали в основном по зимнику. Отметим, что в зимний период товары с Тобольского Севера отправляли не только в Тобольск, купеческие караваны следовали и до Тотьмы.

О способах передвижений на Обском Севере можно узнать не только из путевых заметок, но и из подорожных – специальных разрешений на проезд, выдававшихся властями, поскольку в них указывались и маршрут, и использовавшиеся виды транспорта. Например, служилый человек из Берёзова до Тобольска часть пути должен был проследовать на собачьей упряжке, а часть – на санях с лошадьми. Сани при этом были довольно распространенным и наиболее комфортным в то время средством передвижения зимой, так как имели большую площадь и утеплялись шкурами, войлоком, сукном или даже мехом. Они, как правило, были невысокими деревянными, поэтому отличались легкостью и относительным удобством управления. Помимо собак, в качестве тягловой силы использовали оленей или лошадей. В летний период по рекам, как уже отмечалось выше, двигались на дощаниках длиной 9–11 саженей, а шириной до трех саженей. На таких судах можно было

---

[197] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 257–258.

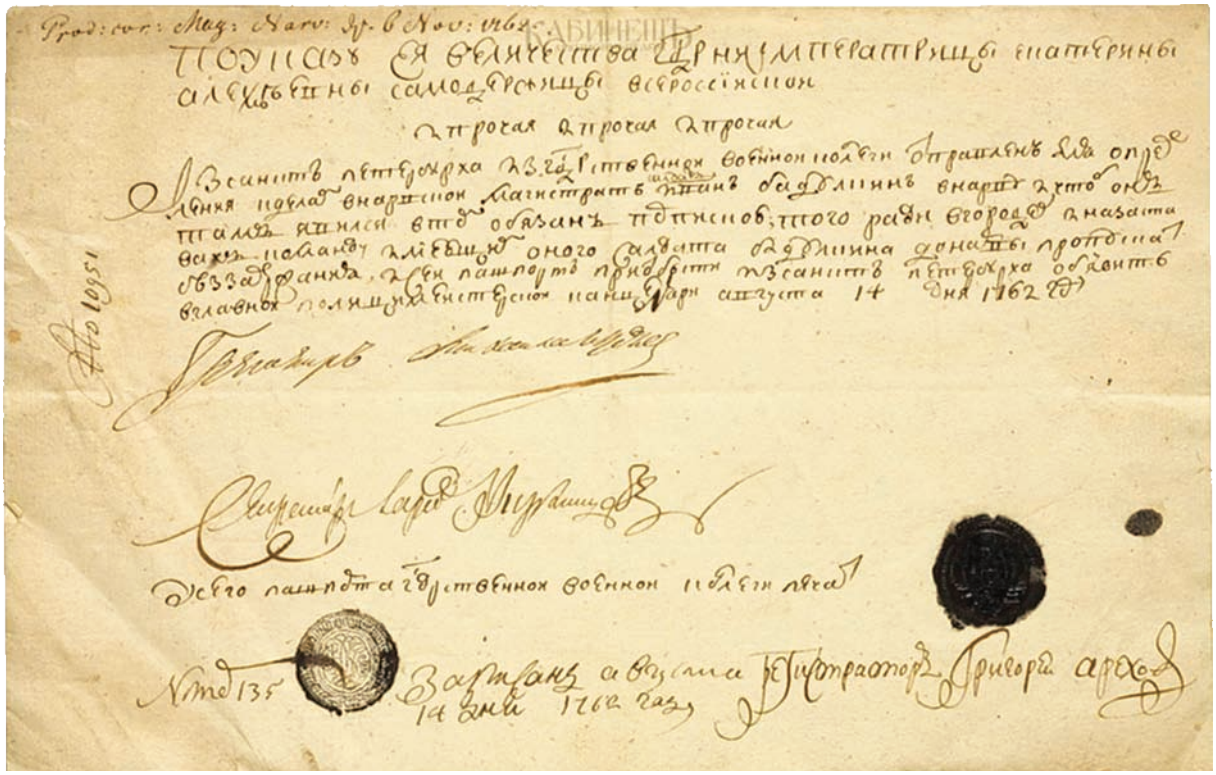
[198] РГАДА. Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 7. Л. 8 об.

[199] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 253.

[200] РГАДА. Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 7. Л. 26.

[201] См. об этом: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 244.

[202] Там же. С. 245.



ПРОПУСКЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ

Всанктъ Петербурха 2 Гвардейскаго Конно Егерскаго полку Порутчику Ивану Ивановичу Ивашову

Всего пашпорта Гвардейскаго Конно Егерскаго полка

Его Императорскаго Величества Государя Императора Григорія Орлова

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

и прочая, и прочая, и прочая.

От Города Барнаула до Города Екатеринбурга, а отсюда до Шайтанской пристани Линейнаго Сибирскаго Батальона № 10-го Господину Прапорщику Кудрявцову с конвойными следующему на препровождении в Кабинетъ Его Императорскаго Величества казенныхъ вещей, изъ почтовыхъ и одноконныхъ изъ уездныхъ

давать по двенадцати лошадей съ проводниками, за указные прогоны безъ задержанія дня

въ Барнаулѣ Февраля 21 дня 1832 года.

Томскій Гражданскій Губернаторъ

По казенной надобности.

Рис. 1.13. Образцы подорожных второй половины XVIII и первой трети XIX в. https://www.kabinet-auktion.com/auction/8528/13/?print=print) ; http://barnaul.fm/

перевезти до 2 тыс. пудов груза[203]. Помимо этого, использовали лодки разной конструкции, барки, редко – каюки и кочи.

В середине XVIII в. в подорожной редко указывался способ передвижения, но отмечались случаи замены провизии на наличные. Подорожная выписывалась как на дальние расстояния, так и на внутренние относительно небольшие дистанции, например, по маршруту Самарово – Сухоруковские юрты[204] (рис. 1.13).

В связи с активизацией движения в Северное Приобье и внутри него с конца XVIII в., помимо ямщиков, в процесс стали включаться частные лица, осуществлявшие договорные перевозки казенного и частного груза, из числа как русских крестьян, так и коренных жителей. Извозный промысел приносил дополнительный доход и в случае неудачных охоты или рыбной ловли позволял прожить до следующего промыслового сезона. Среди речных перевозчиков продовольствия и промышленных товаров следует выделить купечество, в основном Тобольской губернии, которое владело судами или арендовало их для осуществления рыбных промыслов. Нередко пришедшие суда оставались зимовать в Сургуте или вблизи города на местах остановки судов, так как они доставили большое количество товара[205].

Рис. 1.14. Дубль-шлюп «Тобол». Модель В. Ждана. Фото с сайта «Галерея моделей кораблей». https://www.goldenhind.ru/view0704.htm?ysclid=lq77aiqvme18743369

Определенное значение в регионе имели и морские пути, которые, правда, использовались в специфических ситуациях – участниками морских экспедиций, которые в XVIII в. организовывало правительство. Один из них, Д. Л. Овцын, руководитель Обско-Енисейского отряда Великой Северной экспедиции, в течение четырех навигаций занимался изучением берегов Северного Ледовитого океана между Обью и Енисеем[206]. На борту его командирской дубель-шлюпки «Тобол» размещалось около 50 чел. команды, а на сопровождавших ее дощаниках – еще 80 чел. казаков для охраны (рис. 1.14). По данным источников, караван вышел из Тобольска 14 мая и прибыл в Берёзов 11 июня 1734 г.[207] Попытки найти переход из Оби в Енисей не увенчалась успехом, и экспедиция ушла в Обдорск. Отметим, что судно Д. Л. Овцына застряло во льдах, а присланные казаки с оленями не смогли подойти близко. В Обдорском остроге лейтенант флота Овцын встречался с туземцами, от которых узнал о сухопутных и водных путях вдоль берегов океана.

[203] Описание о торгах сибирских. С. 32–33.

[204] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1032. Л. 7–7 об., 18, 35.

[205] Там же. Д. 1015. Л. 13. Подробнее об этом см. в п. 1.6 настоящей части.

[206] Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 292–293.

[207] РГАДА. Ф. 248. Кн. 669. Л. 14 об.

В 1737 г. Овцын на боте «Обь-почтальон» снова вышел море, обогнув северный мыс Гыданского полуострова, и добрался до Енисейской губы. При этом команда благополучно достигла Туруханска, где и перезимовала, а затем вернулась в Берёзов. Безусловно, этот проход коренному местному населению был знаком давно, но русские крестьяне им не пользовались. В 1821–1822 гг. еще один путешественник, Ф. П. Врангель, двигался по зимнику вдоль берегов Северного Ледовитого океана на шести путевых нартах, 14 подводах с кормой, которые тянули 240 собак[208]. Помимо этого, с ним двигался конвой из 34 нарт по 12 собак у каждой. Для преодоления расщелин использовали небольшие байдарки (рис. 1.15).

Рис. 1.15. А. Ф. Першаков. Портрет Ф. П. Врангеля. 1892. Из собраний Государственного Эрмитажа

Развитие транспортных путей на Обском Севере имело свои характерные особенности, связанные с природно-климатическими и ландшафтными условиями данной местности. Сосуществование водного и сухопутного способов передвижения способствовало вовлечению многих слоев населения в этот промысел. Система транспортных коммуникаций края, использовавшаяся ранее местными коронными властями для вывоза ясака, переброски воинских контингентов и прочих казенных нужд, в течение XVIII – первой трети XIX в. обретала все больший «гражданский», экономический смысл. Даже количественное увеличение маршрутов передвижения положительно влияло на торговую, сельскохозяйственную, ремесленную, промысловую отрасли и на поселенческую структуру населенных пунктов региона. Именно в этот период основные направления путей сообщения на северо-западе Сибири стали формироваться в систему. Ее естественными характерными особенностями, помимо прочего, стали ярко выраженная сезонность и смешанное, а не параллельное использование сухопутных и водных путей. Даже если на отдельных участках трасс речные и сухопутные перевозки можно было осуществлять параллельно, зачастую это оказывалось нерентабельным. Поэтому в период навигации наиболее интенсивно использовались водные маршруты, а в зимний период – сухопутные, по зимникам, в которые превращались те же реки, озера и болота.

В 1822 г. эта сложившаяся естественным путем транспортная сеть получила законодательное закрепление и регламентацию в «Уставе о содержании сухопутного сообщения в Сибири», в котором, в частности, определялись зоны ответственности функционирования коммуникаций за теми или иными уровнями местной коронной власти, устанавливалась процедура организации передвижения в разные сезоны[209].

[208] ОР РГБ. Ф. 20. Картон 3. Д. 11. Л. 1, 4, 6, 15.

[209] О содержании сухопутных сообщения в Сибири // ПСЗ-1. Т. 38. № 29130. С. 500, 502, 544.

Глава 3

Социально-демографическая структура, эволюция правового статуса и социально-экономического положения автохтонного населения

Если говорить об этническом составе и расселении коренных жителей северного Обь-Иртышья в XVIII в., то они несколько отличались от современных. Так, ссыльный полковник Г. И. Новицкий в 1710-е гг. сообщал о проживавших в пределах территории Югры сибирских народах – самоедах, Пегой орде, остяках и вогуличах[210]. Приведенным названиям соответствуют современные ненцы, селькупы, ханты и манси, при этом нужно учитывать, что под термином «остяки» длительное время фигурировали не только ханты, но и селькупы, а иногда еще и манси[211].

Ненцы подразделяются на две группы – лесных и тундровых (рис. 1.16). Историческими местами жительства лесных ненцев на территории современного округа были район озера Нум-то, верхнее и среднее течение Лямина, а также бассейн Агана и северные притоки Ваха (Белоярский, Ханты-Мансийский, Сургутский и Нижневартовский районы ХМАО)[212]. Причем в XVIII–XIX вв. прослеживалось постепенное перемещение части лесных ненцев в восточном направлении в сторону Агана и Таза, временами они также заходили на север вплоть до Надымской губы[213]. Кроме того, в пределах современного Берёзовского района кочевали ныне уже исчезнувшие ляпинские ненцы, которые принадлежали к обособленной группе тундровых ненцев, кочевавшей по обе стороны Приполярного Урала, – так называемая «войкарская самоядь»[214]. Во всех перечисленных местах ненцы в той или иной степени соседствовали с хантами, в бассейне Ваха они контактировали также с селькупами, а на Ляпине – с северными манси.

---

[210] Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. Тюмень, 2018. С. 33, 39.

[211] Носилов К. Д. Антропологический очерк вогулов // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890. Т. 49, вып. 5. С. 531.

[212] Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 62–63.

[213] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 72; Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 42.

[214] Васильев В. И. Ляпинские ненцы. Этническая судьба одной самодийской группировки (предварительное сообщение) // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972. г. М., 1974; Квашнин Ю. Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости…» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 94–95, 107.

К настоящему времени территория расселения северных селькупов находится в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа (р. Таз и Пур) и Красноярского края (р. Турухан). Однако в рассматриваемый период селькупы обитали на территории Югры в бассейне р. Вах, а ранее, по некоторым данным, и на средней Оби[215]. Это была группа, отколовшаяся от основной части народа в Нарымском Приобье и постепенно продвигавшаяся в северном направлении, причем большинство ее представителей проживало в верхнем течении р. Таз и Турухан. Главной причиной миграции исследователи считают давление с юга и запада соседних этнических общностей – тюрков, хантов и русских переселенцев[216]. Наиболее ощутимым ударом для селькупов стал разгром в XVI в. их сильного военно-политического объединения Пегая Орда союзными силами русских казаков и кодских хантов. Именно после этого часть населения Пегой Орды стала мигрировать на север к р. Таз, при этом путь ее пролегал через бассейн Ваха[217]. В течение XIX в. северные селькупы окончательно закрепились на Тазе и Турухане, а не ушедшие с Ваха были постепенно ассимилированы соседствовавшими хантами.

Рис. 1.16. Тундровые ненцы.
Рис. из альбома: Типы народов России и виды (М., 1890)

Накануне XVIII в. обские угры занимали значительную часть югорского Обь-Иртышья: ханты жили по нижнему Иртышу, средней и нижней Оби с ее притоками Казым, Северная Сосьва и Ляпин; манси – по бассейну Конды, кроме ее притока Карыма, населенного хантами[218]. Г. И. Новицкий, совершивший много поездок по землям обских угров в 1710-е гг., уже так проводил границу между мансийской и хантыйской территорией: остяки живут по Иртышу до слияния его с Обью, оттуда вверх по Оби – до Нарыма, а вниз по Оби – «во всю широту этой страны», многие восточные притоки полностью ими заселены; по западной же стороне

[215] Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 101; Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 210–211.

[216] История Сибири : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л., 1969. . 1. Древняя Сибирь. С. 367; Лебедев В. В., Соколова З. П. Селькупы // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 118.

[217] Головнёв А. В. Говорящие культуры : Традиции угров и самодийцев. Екатеринбург, 1995. С. 114–117; Пархимович С. Г. Примечания // Буцинский П. Н. Соч. : в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 315.

[218] Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси). С. 9.

Оби, по притокам Сосьве, Ляпину и Конде, «вагуличи граничат с остяцкой страной». В частности, на Конде эта граница проходит при впадении ее в Иртыш[219].

Активное освоение Западной Сибири русскими, сопутствующее ясачное налогообложение и акты насильственной христианизации в первые десятилетия XVIII в. способствовали миграции угорского населения в северном и восточном направлении. Последствием этого в XVIII в. стало массовое проникновение манси на Северную Сосьву и Ляпин, сопровождавшееся ассимиляцией местного хантыйского населения. В свою очередь, существенная часть хантов с упомянутых территорий мигрировала на нижнюю Обь и Казым, ханты с Нижнего Прииртышья населили устье Конды, продвижение хантыйских групп также шло вверх по средней Оби, в верховья ее притоков, и с Ваха – на Таз. В итоге масштабных переселений к XIX в. ханты и манси распадаются на отдельные этнографические группы: ханты – на южную, восточную и северную, манси – на южную, западную, восточную и северную[220]. В пределах Югры обские угры были представлены следующими общностями: южные ханты (нижний Иртыш, устье Конды), восточные ханты (средняя Обь и бассейны ее притоков Ваха, Агана, Большого Югана, Пима и Салыма), северные ханты (Казым, нижняя Обь от Малого Атлыма до границы с ЯНАО), восточные манси (Конда), северные манси (Северная Сосьва и Ляпин) (рис. 1.17).

Далее рассмотрим каждую этническую группу подробнее.

Ненцы. Как упоминалось, на территории Югры присутствовали две группы ненцев – лесные и тундровые (ляпинская общность). Группы лесных ненцев на ранних этапах освоения Сибири были известны русским под названиями «кунная самоядь» (от слова *куна* – ‘мех’, которым уплачивался ясак)[221] и «казымская самоядь» (наименование связано с волостной принадлежностью – Казымская волость Берёзовского уезда). Характерной чертой лесных ненцев являлось то, что эта довольно малочисленная этническая группа обитала на весьма обширной и труднодоступной территории. М. А. Зенько-Немчиновой была отмечена важная особенность их расселения: следуя родовой экзогамии, практически в каждой местности группировались представители двух родов, что позволяло обеспечивать бракообменные связи[222].

Например, в составе казымских самоедов в XVIII в. по данным архивных документов хорошо распознается название одного современного родового подразделения – Айваседа (Нгаеващата)[223]. По версии Б. О. Долгих, все остальные казымцы принадлежали к роду Пяк[224]. Это соответствует давней традиции: роды Пяк и Айваседа являются устойчивыми брачными партнерами. Г. Д. Вербов отметил также, что каждый из зафиксированных им четырех родов лесных ненцев (Айваседа, Вэлло, Иуси, Пяк) находился в экзогамных брачных отношениях с тремя группами тундровых ненцев, «составляющих, видимо, три фратрии». При этом лесные ненцы, несмотря на такое активное смешение с северными соседями, четко противопоставляли себя им, считая две группы представителями разных племен (*тэмс*)[225]. Подобные

---

[219] Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 39, 121.

[220] Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 186–210.

[221] Вербов Г. Д. Лесные ненцы. С. 57.

[222] Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы. С. 5.

[223] Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979. С. 104.

[224] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 71–72.

[225] Вербов Г. Д. Лесные ненцы. С. 67.

Рис. 1.17. Х. Рот. Остяк при реке Обь.
Гравюра из кн.: Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей (СПб., 1799). Т. 1

Рис. 1.18. Самоедка в летнем платье.
Рис. из альбома: Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов (СПб., 1774). № 4

же устойчивые браки с соблюдением экзогамии в отношении определенных родовых групп существовали у лесных ненцев, например, с аганскими хантами: так, род Айваседа не мог вступать в брак с хантыйской родовой группой Лося, Иуси – с группой Бобра, а Пяк – с группой Медведя (рис. 1.18).

На основе анализа подобных контактов Г. Д. Вербов выдвинул версию, что лесные ненцы вообще не имели фратриального деления, а только родовое, что могло быть прямым следствием ее стабильной малочисленности[226]. Интересно также мнение В. И. Васильева, что на протяжении XVIII в. родовая структура лесных ненцев претерпела мало изменений в силу значительной географической изолированности группы, тем не менее, внутри родов начался процесс становления больших патриархальных семей[227]. К этому нужно добавить, что

[226] Вербов Г. Д. Лесные ненцы. С. 68–69; Его же. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. № 2. С. 59–60.

[227] Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. С. 106.

в административных документах XIX в. вместо родового деления лесных самоедов появляется их подразделение на ватаги по аналогии с тундровыми ненцами. В данном случае речь шла о прежних родовых группах, просто при их учете стали фиксировать имя местного лидера (*старшины*), по которому и называлась теперь группа-ватага[228].

Ненцы, проживавшие по р. Ляпин (в XVIII–XIX вв. она именовалась Сыгвой), принадлежали к одноименной Ляпинской волости. Они включали, в частности, представителей фамилий Вырцабиных, Немдазиных, Нгывай, Селминых и др.[229] В формировании группы наиболее существенную роль сыграли выходцы из европейской тундры и из числа обдорских самоедов. Составляя вместе с сынскими ненцами одну группу, в XVIII в. ляпинцы в сумме с ними насчитывали не более 300 чел. (при количестве ясачных плательщиков до 74 чел.). В рассматриваемый период группа периодически пополнялась представителями обдорских ненцев, но обратный отток населения был еще более интенсивным, что стало одним из факторов ее постепенного численного сокращения[230]. При этом ляпинские самоеды долгое время жили в окружении значительно превосходивших их количественно обских угров. Вероятно, они даже могли быть в составе существовавшего до XVII в. Ляпинского княжества, считавшегося угорским. На это указывает фамилия одного из княжеских хантыйских родов, связанных с данным политическим образованием, – Артанзеевы. Как полагал Б. О. Долгих, есть основания считать ее ненецкой по происхождению: слово тэнз по-ненецки означает ‘племя’, ’народ’[231].

В известном документе «Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцах», который датируется 1782 г., есть весьма знаковое замечание, касающееся ляпинских самоедов. А именно – что они «родами не именуются», поскольку отделились от родов Каменной самояди (тундровых ненцев, проживавших в левобережье нижней Оби). Это замечание послужило основанием для предположения крупного специалиста по этногенезу самодийских народов В. И. Васильева о том, что к концу XVIII в. род у указанной группы был, по-видимому, уже в существенной степени разрушен, и основной социальной ячейкой для них стали патронимии, большие и малые семьи[232]. Что касается патронимии, то, вероятно, уже с начала XVIII в. у тундровых ненцев начинают формироваться более мелкие родовые подразделения, которые в русской документации нередко именовались *ватагами*. Образование их у тундровых ненцев стало естественным следствием увеличения численности родов, что, в свою очередь, было обусловлено экономикой крупностадного оленеводства[233]. В браки ляпинские ненцы в основном вступали с ненецкими родами Большеземельской тундры и Полярного Урала (в частности, с Хэтанзи)[234]. Вместе с тем группа имела устойчивые брачные и культурные контакты с северными ханта-

---

[228] Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. С. 182–183.

[229] Васильев В. И. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера. М, 1982. С. 55; Его же. Ляпинские ненцы. Этническая судьба одной самодийской группировки (предварительное сообщение). С. 12–20; Квашнин Ю. Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости…». С. 100.

[230] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 73, 74; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. : ист.-этногр. очерк. Новосибирск, 1975. С. 137.

[231] Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. С. 58–60.

[232] Андреев А. И. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцах» // СЭ. 1947. № 1. С. 94; Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979. С. 95–99.

[233] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 179.

[234] Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. С. 203–204.

ми и манси, что уже в XIX в. стало причиной существенной ассимиляции представителей «ляпинской самояди», а первые зафиксированные примеры такого культурного сближения с уграми относились и вовсе к концу XVIII в.[235]

Относительно социальной иерархии ненцев в рассматриваемый период интерес представляет комментарий И. Г. Георги, относящийся к XVIII в. Исследователь пишет, что у самоедов «не бывало никогда князьков, владельцев или иных судей, кроме старшин над поколениями»[236] (под поколениями автор понимает родовые группы). В данном случае ненцы противопоставлялись обским уграм с их давней историей существования так называемых «княжеств» и наследственной формы власти. Е. В. Перевалова называет эгалитарность в качестве неотъемлемой черты ненецкого лидерства: оно в большей мере основывалось на личном авторитете и не предполагало сосредоточения всей полноты власти в руках одного человека. Подобные влиятельные люди, вожди или старшины, назывались у ненцев *ерв*, *тэта*, *сэрм''бертя*[237]. Они выдвигались самими ненцами из числа наиболее уважаемых сородичей, как правило, богатых оленеводов. В полномочия лидера обычно входили сбор ясака и разбор мелких тяжб внутри своей группы. Показательно, что, когда дело касалось интересов всего рода, учитывалось мнение старшин всех входящих в его состав *ватаг*[238]. Лидеры групп при этом нередко менялись, в связи с чем, в частности, у лесных ненцев в XIX в. наблюдалась частая смена названий ватажных подразделений, так как они образовывались, как правило, от имени местного старшины[239] (рис. 1.19).

Рис. 1.19. Семья самоедов. Литография М. А. Тюлева по оригиналу К. Рёдера. Ил. к соч.: Бэр К. Э., фон. Путешествие на Новую Землю (СПб., 1837). Л. 6

Селькупы. В XVIII в. селькупы были еще известны под названием Пегая Орда (в честь своего былого военно-политического объединения)[240], но намного чаще именовались, как и их соседи-ханты, остяками[241]. Интересующая нас группа селькупов, продолжавшая в XVIII–XIX вв. проживать в среднем течении Ваха и на его северных притоках (Кульёган, Сабун

[235] Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 93; Ruttkay-Miklián E. Antal Reguly's data on the Ural Nenets // Этнография. 2018. № 2. С. 105–106.

[236] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007. С. 288.

[237] Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири. Этничность и власть. СПб., 2019. С. 53.

[238] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 179.

[239] Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. С. 182.

[240] Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 33.

[241] Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. 1. С. 286.

и др.), относилась к Тымской и в незначительном числе к Караконской инородческим волостям, причем к этим же волостям принадлежали в это время их более многочисленные соплеменники, ушедшие на р. Таз. В данном случае особенно хорошо очевидно, что для означенного периода истории административная принадлежность автохтонного населения была связана в первую очередь не с территорией, а с личным составом.

Ваховские ханты были непосредственными соседями селькупов и превосходили их по численности. В начале XVIII в., согласно ясачным книгам, тымских остяков здесь было 113 чел.[242] Самая южная часть караконских остяков в числе 28 чел. проживала в основном на приграничной к притокам Ваха территории бассейна р. Таз[243], однако некоторые из них (Киприны, Кирсамины и некоторые другие) зимой откочевывали в сторону Ваха, где периодически посещали церковь с. Ларьятское[244]. Во второй половине XVIII в. количество проживавших по Ваху селькупов заметно увеличились, вероятно, в основном за счет улучшения качества учета населения. В 1782 г., по архивным материалам, собранным З. П. Соколовой, в Тымской волости на Вахе числилось 143 чел., представлявших 15 фамилий (Ачины, Кайкалесовы, Кунины, Лепоновы, Манины, Мычиковы, Пинины и др.). Исследовательница полагала, что уже в XVIII в. жившие по Ваху селькупы активно смешивались с местными хантами, и по своему составу это было хантыйско-селькупское население, а возможно, даже «преимущественно хантыйское»[245].

Вплоть до первых десятилетий XIX в. основной социальной единицей северных селькупов была архаичная семейная община – братская семья, среднюю численность которой на начало XIX в. И. Н. Гемуев определял в 16–17 чел. Возглавляли общину мужчины-братья, семейные и холостые. Братская семья проживала в одном селении, совместно кочевала, владела средствами производства, вела коллективное хозяйство и обычно обладала высоким уровнем экономической самостоятельности[246]. Браки северных селькупов традиционно носили в основном эндогамный (внутренний) характер – заключались между представителями Тымской и Караконской волостей. Не случайно известный специалист по изучению социальных связей народов Западной Сибири З. П. Соколова говорила о наличии у селькупов дуально-фратриальной организации и отмечала ее близость обско-угорской[247]. Браки северных селькупов с представителями других этнических групп были в целом довольно ограниченны: по подсчетам И. Н. Гемуева, в XIX в. они не превышали 10 % от общего числа[248]. Из народов-соседей основными брачными партнерами выступали кеты, русские, ненцы, а в случае жителей Ваха – ханты. Как показывают архивные данные XIX в., оставшаяся в одиночестве на Вахе группа селькупов Тымской волости тяготела в своих брачных связях к сородичам своей же волости, а также к хантам Лумпокольской, браки же с селькупами Караконской волости становились все более редкими[249]. Закономерным итогом тесных контактов небольшой группы с угорскими соседями стала постепенная утрата ей своих этнокультурных особенностей.

---

[242] Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893. С. 60.

[243] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 84.

[244] ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 6. Л. 104–104 об.

[245] Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983. С. 77–81, 275, 278.

[246] Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 44.

[247] Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов. С. 144.

[248] Гемуев И. Н. Ещё раз к вопросу о селькупском оленеводстве // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук. 1983. № 6. Вып. 2. С. 119.

[249] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 44. Л. 273 об. –279.

Лидерами крупных локальных групп селькупов в рамках волостей выступали люди, пользовавшиеся общим уважением и, как правило, состоятельные. Обычно это были князцы (конк, или кок по-селькупски), реже – просто «лучшие люди». Нередко высокая должность оставалась в одних руках вплоть до преклонного возраста, а после этого переходила по наследству, особенно если речь шла о представителях княжеского рода. В то же время есть некоторые свидетельства того, что официальные лидеры территориальных групп селькупов (князцы или старшины) могли утверждаться в ходе выборов[250]. В переписи 1782 г. зафиксировано имя одного из лидеров тымских селькупов на Вахе: им был «лутчей человек» Никита Кунин[251], группу караконских самоедов, часть которых выходила зимой на Вах, в это же время возглавлял князец Тимофей Кондин[252]. В функции лидера входили главным образом сбор ясака с представителей своей группы и суд над ними по мелким провинностям. Высокий социальный статус подобных людей подразумевал воздаяние им почестей и подношение подарков от подчиненных, а также возможность публично демонстрировать свое привилегированное положение: носить почетную одежду (сюртук или кафтан) и наградные медали, совершать деловые поездки в сопровождении свиты из соплеменников и др.[253]

Обские угры (ханты и манси) к XVIII в., вероятнее всего, уже утратили свою племенную структуру[254], реконструкцией которой, в том числе на более длительную историю существования, занимались многие исследователи советского времени[255]. Точно так же к этому моменту ушли в прошлое и их этнополитические объединения, получившие известность как угорские княжества[256], хотя княжеские династии в ряде мест сохранялись и пребывали у власти. В данном случае наблюдалась некоторая преемственность между былыми крупными социальными объединениями обских угров и организованными Российским государством на тех же территориях административными единицами – инородческими волостями (рис. 1.20). Не случайно Б. О. Долгих, опираясь на материалы по Северной Сибири, утверждал, что во многих случаях «административный род» (волость, управа) совпадал с племенем и имел «вполне определенное этнографическое содержание»[257].

У *манси* (вогулов) подобная преемственность прослеживалась в отношении как северной, так и восточной группы. Северные манси, на территории проживания которых в XVI–XVII вв. были известны Ляпинское и Сосьвинское угорские княжества, в исследуемый период, со-

---

[250] Еленев А. С. Введение к медико-топографическому описанию Туруханского края // Отчет общества врачей Енисейской губернии за 1892–93 год. Год седьмой. Красноярск, 1893. С. 83.

[251] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 44. Л. 267.

[252] Там же. Л. 286.

[253] Бауло А. В. Поездка к тазовским селькупам: дневник 1979 года // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 1. С. 127; Еленев А. С. Введение к медико-топографическому описанию Туруханского края. С. 83–85; Кастрен М. А. Сочинения : в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). С. 159–160.

[254] Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа : (На материалах хантов и манси). М., 1990. С. 13.

[255] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935; Бабаков В. Г. К вопросу о разложении традиционной племенной организации обских угров (XVIII в.) // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 456–469; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 56–86 и др.

[256] Подробнее см.: Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири : Этничность и власть. С. 54–70.

[257] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. 1949. Вып. 5. С. 73.

Рис. 1.20. Бляхи – украшения женских головных уборов обских угров XVIII–XIX вв. Из собрания ГИМ. ГИМ-2273щ; ГИМ-109279/16

ответственно, принадлежали в основном к Ляпинской и Сосьвинской волостям. В ранних источниках жители р. Северная Сосьва и Ляпин обычно именовались остяками (хантами), но можно предполагать, что определенное число переселенцев-манси в их составе было уже в XVII в.[258] (рис. 1.21). По мнению Н. А. Миненко и З. П. Соколовой, в XVIII в. в этом смешанном по этническому составу населении количественно преобладали манси, и они постепенно поглощали в свой состав оставшихся старожилов-хантов[259]. В 1795 г. количество населения в Ляпинской волости составляло 1 458 чел., в Сосьвинской – 2 450 чел.[260] При этом специальное исследование Е. А. Пивневой показало, что на протяжении XVIII–XIX вв. популяция северных манси отличалась относительно стабильной численностью[261].

Типичным для северных манси было деление общности на две экзогамные фратрии (*махум*, или *сир*) – Мось и Пор. Причем у их более южных сородичей эта социальная структура отсутствовала, но существовала у соседних северных хантов. По мнению некоторых специалистов, это свидетельствует в пользу версии о формировании структуры под влиянием хантыйских соседей[262]. Исследование З. П. Соколовой позволило определить фратриальную принадлежность большинства фамилий северных хантов в XVIII–XIX вв. В частности, у ляпинских манси

---

[258] Фёдорова Е. Г. «Одного корня люди» и другие виды родственных отношений у северных манси (по материалам последней четверти XX – начала XXI в.) // Сибирский сборник – 4. Грани социального : Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры / отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. СПб., 2014. С. 232.

[259] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 144–145; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. С. 15.

[260] Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения) / отв. ред. А. В. Головнёв. Шадринск, 1992. С. 4.

[261] Пивнева Е. А. Этнодемографические процессы у манси в XVIII–XX вв. (в аспекте проблем естественного воспроизводства) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1999. С. 12–13.

[262] Вереш П. Т., Арпентьева М. Р., Цевек Ю. И. Миграционные процессы обских угров (хантов и манси) в Западной Сибири в XVIII–XX вв. // Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика : сб. науч. тр. / под ред. М. А. Жигуновой, И. И. Кротта. Омск, 2018. С. 56–57.

Рис. 1.21. Вогулы и остяки Северо-Западной Сибири. Гравюры из издания 1748 г.
"Navigantium atque itinerantium bibliotheca or, A Complete Collection of Voyages and Travels" в 2 т. (London, MDCCXLVIII). Vol. 2. P. 920

к фратрии Мось относились Анемгуровы, Анемовы, Воютины, Качановы, Рохтымовы и др., к Пор – Гындыбаевы, Робадеевы, Сегопеликовы, Шешкины и др.[263] У сосьвинско-ляпинских манси также существовало подразделение на более мелкие кровнородственные группы (*рум*, или *сир*), названия которых были связаны с животными, именем предка-богатыря или представали в виде прозвища («Короткие рубашки», «Берестяные ножны» и пр.)[264]. Как полагает З. П. Соколова, это были скорее не роды, четкого деления на которые у манси не существовало, а генеалогические группы. Во внутренней экзогамии северных манси определяющую роль играла дуальная (фратриальная) структура, а с конца XVIII в. у части их стала преобладать локальная форма экзогамии – в рамках селений[265]. Круг брачных связей северных манси концентрировался в основном в пределах их территориальной общности, но включал также соседних ляпинских ненцев и северных хантов.

[263] Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 167–171.

[264] Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. № 6–7. С. 161–162.

[265] Соколова З. П. Социальная организация // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М., 2005. С. 262; см. также: Фёдорова Е. Г. «Одного корня люди» и другие виды родственных отношений у северных манси (по материалам последней четверти XX – начала XXI в.).

Е. А. Пивнева отмечает как яркую черту ляпинских манси в XVIII – начале XIX в., вероятно, связанную с развитием оленеводческого хозяйства, а также с особым географическим положением и историческим прошлым данного региона, многолюдность местных селений. Не случайно они здесь даже носили название «городков» – обычное число жителей в них было от 100 до 200 чел. Для сравнения: у сосьвинских манси этот показатель в среднем был тоже сравнительно высок – 70 чел. на один населенный пункт, в то время как у кондинских он составлял всего 30–40 жителей[266]. По мнению Е. А. Пивневой, в социальном аспекте высокие показатели числа хозяйств в одном населенном пункте могли свидетельствовать о распаде большесемейных коллективов и обособлении отдельных семей у северных манси[267]. Именно семья была основной социальной единицей манси в XVIII–XIX вв., причем преобладали большие семьи – они обычно объединяли семьи братьев либо отца с сыновьями[268].

Что касается восточных манси, то их Кондинское княжество распалось на ряд административных единиц в пределах кондинского бассейна: Меньшекондинскую, Большекондинскую волости и Верхнекондинскую, относившуюся к Пелымскому уезду. Кондинские манси в основном проживали в пределах двух последних. В начале XVIII в. численность местных ясачных плательщиков составляла около 360–370 чел.[269], на конец века она оценивалась в 503 чел.[270]

Характерной чертой фамильного состава кондинских манси в XVIII–XIX вв. было то, что подавляющая часть их была представлена одной семьей, что очевидно свидетельствовало о незавершенности процесса формирования фамилий[271]. Тем не менее, среди наиболее распространенных фамилий можно привести Апталовых, Елиных, Косяковых, Чалковых[272]. В регулировании направленности брачных связей у восточных манси на первый план выходила родовая экзогамия (по генеалогическим группам), а к XIX в. – все чаще локальная. Поселения кондинских манси (*пауль*), как уже указывалось, были небольшими, с населением в несколько десятков человек – жители нередко являлись родственниками и составляли общину-*пауль*. В остальном социальная структура восточных и северных манси была сходной. В силу своей относительной малочисленности группа активно вступала в брачные связи с соседним хантыйским и с русским населением, отчасти это стимулировалось соблюдением норм экзогамии[273]. Раннее заселение территории Конды русскими переселенцами и налаживание с ней устойчивых путей сообщения[274] предопределили нараставшую «метизацию» группы (термин В. Н. Чернецова[275]). Однако в первой четверти XIX в. кондинские манси еще в значительной степени сохраняли свою этнокультурную идентичность.

Ханты (*остяки*). В восприятии русских, которые более тесно соприкасались с хантами, нежели с кочевниками-ненцами, эта группа сибирского населения в XVIII в. представлялась

---

[266] Пивнева Е. А. Этнодемографические процессы у манси в XVIII–XX вв. С. 13.

[267] Там же. С. 13–14.

[268] Пика А. И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVI–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 18.

[269] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 29.

[270] Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 54.

[271] Пивнева Е. А. Этнодемографические процессы у манси в XVIII–XX вв. С. 15–16.

[272] Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 234–238.

[273] Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров. С. 160–161.

[274] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 285–287.

[275] Чернецов В. Н. Указ. соч. С. 160.

«наимногочисленнейшей» из народов Западной Сибири[276]. Однако в пределах территории современной Югры ханты действительно были самыми многочисленным и широко расселенным северным народом.

В случае хантов тоже наблюдалась некоторая преемственность между существовавшими ранее княжествами и инородческими волостями XVIII–XIX вв., однако здесь картина была гораздо более сложной, так как территория оказалась разбита на мелкие административные единицы. (1) На слиянии Оби и Иртыша и прилегающих территориях находилось Белогорское княжество – в его былых границах оказались Белогорская, Сухоруковская, Селияровская, Салымская и частично Нарымская волости (здесь проживали нижнеиртышские, часть среднеобских и салымские ханты, представляющие южную и восточную этнографические группы). (2) Бардаково княжество, включавшее р. Большой Юган, Пим, Аган и прилегающее русло Оби – Большеюганская, Малоюганская, Юганская Подгородная, Пимская, Тром-Юганская и Аганская волости (юганские, пимские, тромъеганские и аганские ханты восточной группы). (3) Кодское княжество – Малоатлымская, Большеатлымская, Ендырская, Шеркальская и Чемышевская волости (обские ханты восточной группы). (4) Казымское княжество – Казымская волость (казымские и нижнеобские ханты северной группы). Кроме того, нужно помнить, что северные ханты были в составе Сосьвинского и Ляпинского княжеств и впоследствии значительная часть их была ассимилирована манси.

Показатели численности хантыйского населения по основным волостям на 1782 г. (или близкий ему год) составляли: Белогорская волость – 690 чел., Сухоруковская – 284 (на 1794 г.), Селияровская – 90, Салымская – 273, Меньшекондинская – 606, Нарымская – 1 380 (на 1798 г.), Большеюганская – 493, Малоюганская – 352, Юганская Подгородная – 337, Пимская – 172, Тром-Юганская – 342, Аганская – 127, Ваховская – 520, Лумпокольская – 733, Салтыкова – 294, Малоатлымская – 178, Большеатлымская – 386, Ендырская – 554, Шеркальская – 438, Чемышевская волости – 319, Казымская волость – 794[277]. Приведенные сведения лишь приблизительно можно соотнести с общей численностью хантов на вторую половину XVIII в. хотя бы потому, что существенное количество представителей данной этнической общности входило в состав других волостей, где их сложно отделить от иных северных народов. Тем не менее, общее представление о численности территориальных групп хантов они дают. Также можно привести ряд распространенных фамилий для локальных хантыйских групп: нижнеиртышская – Самарины, Сотниковы, Чебаевы, Чуругаевы; кондинская – Елпины, Могилины, Пахтышевы, Шумиловы; салымская – Лукины, Милясовы, Рыголкины, Сатырины; пимская – Нипировы, Пагломкины, Рынковы, Тайбины; юганская – Бисеркины, Каюковы, Купландеевы, Тайлаковы; тромъёганская – Асомкины, Качесовы, Покачевы, Чалтымовы; аганская – Выкоповы, Лийковы, Комаровы; ваховская – Камины, Полины, Сигильетовы, Тарыховы; казымская – Алековы, Каксины, Палчеповы, Тарлины, нижнеобская – Лукины, Картамовы, Пеленкины, Тебетевы, Юдины[278].

В отношении характера брачных связей у всей общности хантов на широком пространстве Обь-Иртышья особый интерес представляет исследование Е. Н. Мартыновой. Она на основе статистического анализа материалов ревизских переписей конца XVIII в. выделила для хантов пять эндогамных демов: Иртышский (с уровнем эндогамности 90 %), Кодский

---

[276] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. С. 108.

[277] Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 21, 59, 87, 143, 176; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 49, 42.

[278] Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. С. 176–278.

(83 %), Сосьвинско-Куноватский (91 %), Юганский (89 %) и Ваховский (92 %)[279]. В Иртышский дем, соответственно, вошли нижнеиртышские, кондинские и салымские ханты, в Кодский – южная часть нижнеобских, в Сосьвинско-Куноватский дем – казымские и северная часть нижнеобских (берёзовские), в Юганский – юганские и пимские, в Ваховский – аганские, тромъеганские и ваховские. При этом у представителей разных демов сложился свой круг межэтнических брачных связей. Например, для Иртышского дема были характерны браки с кондинскими манси, для Ваховского – с лесными ненцами и селькупами, для Сосьвинско-Куноватского – с северными манси[280].

Так же, как у северных манси, у северных групп хантов зафиксировано четкое деление на две экзогамные фратрии (*сир, ёх*) – Пор и Мось. Например, у казымцев к фратрии Мось относились Молдановы, Каксины, Себуровы, а к Пор – Гришкины, Куриковы, Лельховы[281]. В то же время у восточных хантов на первый план выходила экзогамия родовых (генеалогических групп), которые носили разнообразные названия на хантыйском языке и были представлены достаточно вариативно в разных речных бассейнах. Например, на Большом Югане это были *Пупи-сир* (‘род Медведя’), *Нёв-сир* (‘род Лося’) и *Мах-сир* (‘род Бобра’)[282], иногда к ним еще добавляются *сир* Лягушки, Совы и Сороки[283], на Вахе – Лар-пуч, Тур-пуч и другие группы[284]. З. П. Соколова отмечает, что, несмотря на отдельные соответствия данных систем социального деления (подобная юганской представлена также на Агане и Пиме), они были разными по структуре, функциям и происхождению. Исследовательница видит в них достаточно позднее явление, а проведенный массовый анализ брачных связей XVIII–XIX вв. позволяет ей предполагать, что деление на две дуальные фратрии распространялось в данный период и на восточных хантов[285]. Что касается южных хантов, то они слишком рано оказались в орбите иноэтничного и государственного влияния, что способствовало существенному и быстрому разрушению их традиционной социальной структуры, поэтому уже в XVIII в. у них отмечены не родовые, а территориально-соседские связи[286].

Основной социальной единицей у большинства хантов в XVIII – первой четверти XIX в. была община, проживавшая в одном селении и состоявшая из нескольких, нередко родственных семей (вариант большой семьи). Общая численность ее составляла несколько десятков человек. Причем, как писал Г. Ф. Миллер, случалось, что 4–6 семей жили «в одной юрте» (то есть в одном жилище), где каждая имела «свой чулан» для повседневных дел и сна[287]. Одновременно к началу XIX в. все большее значение в качестве самостоятельной социальной единицы приобретала малая семья. Наиболее быстро этот процесс развивался у южных хантов (рис. 1.22).

---

[279] Мартынова Е. П. Брачные связи хантов в конце XVIII в. С. 59–85.

[280] Там же.

[281] Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. С. 115–116.

[282] Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 236.

[283] Зенько А. П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Структура и вариативность. Новосибирск, 1997. С. 55.

[284] Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. : этногр. очерки. Тюмень, 2006. С. 173.

[285] Соколова З. П. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. С. 136.

[286] Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. С. 39.

[287] Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подг. текста А. Х. Элерта. Екатеринбург, 2006. С. 318.

Рис. 1.22. Внутренний вид остяцкой зимней юрты. Гравюра из кн.: Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Т. 1

Особенности социальной иерархии имеет смысл представить в отношении обских угров в целом, так как здесь наблюдается много сходных черт. Как упоминалось, институт наследной власти хантов и манси имел глубокие корни, старые княжеские династии продолжали существовать в XVIII– XIX вв., и нередко именно их представители возглавляли локальные группы населения. Известно, например, что в Ляпинской волости в течение долгого времени у власти оставался мансийский род Кушкиревых-Шешкиных, ведущий свою родословную от былых правителей Ляпинского княжества[288]. Существенное значение здесь имело признание благородного титула в официальных взаимоотношениях с российской администрацией. Если этого не происходило, то власть могла перейти в руки простого, но уважаемого («лучшего») человека, который тоже приобретал титул князя (рис. 1.23). Как описывал эту ситуацию на примере остяков Г. И. Новицкий: «Все пребывают в равенстве. Чины разнятся только тогда, когда есть среди них богатый. Его почитают за начальника и по чести называют князем. Они повинуются ему больше по доброй воле»[289]. Про попавших в давнюю

[288] Перевалова Е. В. Северные ханты : Этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 43, 55.

[289] Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 64–65.

Рис. 1.23. Потомки ляпинских князей Дмитрий и Михаил Шешкины
в дарованных Екатериной II и губернатором кафтанах с царской жалованной грамотой конца XVII в. и похвальным листом XIX в.
Фото У. Т. Сирелиуса. Фотоархив Музейного ведомства Финляндии. SUK36:76

опалу казымских князей С. В. Бахрушин писал, что они были известны вплоть до XVIII в., «но никакой власти фактически не имели»[290].

Н. А. Миненко на материалах восточных хантов Большого Югана, Тромъегана, Пима, Агана и Ваха показала, что в XVIII–XIX вв. должность лидера группы (старшины или князя) была явно выборной – фамилии волостных глав обычно менялись спустя несколько десятилетий, редкое исключение составили лишь Купландеевы из Большеюганской волости[291]. Самыми известными «полномочными» княжескими династиями стали куноватские Артанзеевы и обдорские Тайшины, чьи титулы были подтверждены царскими жалованными грамотами[292] (рис. 1.24). В пределах Югры князей подобного статуса не было, но государево признание полномочий получали многие представители потомственной элиты. Яркий пример – кондинские князья, наследники знаменитого «князька Сатыги», противостоявшего миссионерской деятельности Ф. Лещинского[293]. В 1763 г. они получили от Екатерины II официальное разрешение исполнять стандартный набор полномочий волостного главы (вести сбор ясака и держать суд над своими подданными) и пребывали у власти вплоть до XIX в.[294]

---

[290] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. С. 69.

[291] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 181–182.

[292] Абрамов Н. А. Об остяцких князьях // ТГВ. 1857. № 24. С. 217–218.

[293] Новицкий Г. И. Указ. соч. С. 157–158.

[294] Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / авт.-сост. В. И. Байдин [и др.] ; под общ. ред. В. И. Байдина. Екатеринбург, 2006. С. 25.

Отдельного внимания заслуживает статус обско-угорских шаманов, если учесть высказанные в советский период предположения, что они могли обладать каким-то особым социальным положением в местных сообществах, как минимум, в XVII в.[295] В данном случае показательно суждение В. Ф. Зуева, относящееся к XVIII в., что остяцкие шаманы «ни малой отмены ни в житии, ни в поведении, ни в чем не имеют и не разнствуют от простого остяка, а только что титул носят»[296]. Вышесказанное хорошо дополняется замечанием угроведа А. П. Зенько: «в культовой практике хантов и манси шаманы не играли определяющей роли», во многих, даже крупных ритуалах их помощь не была обязательной, руководителями церемоний выступали выборные лица просто из числа местных жителей[297].

Рис. 1.24. Остяцкий князь Тайшин. Рис. из кн.: Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю (М., 1833)

Данное положение является верным также в отношении шаманов у ненцев и селькупов. Шаманы у этих народов могли обладать высоким авторитетом, и их мнение было весьма значимым в вопросах, касавшихся верований и ритуалов, к ним обычно относились с опаской и уважением, но они не занимали какое-то особое положение в традиционной иерархии и далеко не всегда отличались высоким достатком. В этой связи красноречивым примером является разбирательство среди тымско-караконских селькупов, проводившееся в XIX в. представителями православной церкви. Поводом послужило подозрение, что из местных жителей именно остяки-шаманы имеют, «кроме законной жены, еще наложниц» (вторых жен). Проверка показала, что из 11 шаманов наложница была только у одного, в то время как многоженцев было четверо[298] (рис. 1.25).

Рис. 1.25. Ненецкий «шайтан», высеченный на стволе живой лиственницы. Река Полуй, Берёзовский уезд. Фото Б. Н. Городкова, 1914. ТИАМЗ, ТМ 15545/38

Каковы же были основные результаты русского влияния на социальную структуру и связи коренных жителей? В данном отношении первый и наиболее очевидный результат русского освоения Западной Сибири заключался в разрушении политических образований местного населения – «княжеств» обских угров и селькупов. Процесс этот завершился накануне рассматриваемого периода истории, однако его последствия (формирование новых локальных общностей, массовое переселение на другие территории, преобразование или развитие родовой организации, изменение традиционного круга брачных связей, структуры поселений, потестарной системы и пр.) нашли свое яркое проявление на всем протяжении XVIII – первой четверти XIX в.

[295] Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 69–70.

[296] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 167.

[297] Зенько А. П. Представления о сверхъестественном. С. 67–68.

[298] ГАКК. Ф. 397. Оп. 1. Д. 220. Л. 2 об. –3 об.

Существенное воздействие на брачно-семейные традиции северных народов оказывала христианизация, активно развернувшаяся с XVIII в. С позиции православия в жизни новообращенных инородцев исправлению подлежало все, что не соответствовало христианской морали, – миссионерская задача, которую Г. Новицкий называл «искоренением злонравия»[299]. Православным нормам, в частности, противоречили распространенное у ясачного населения вступление в брак при некоторых степенях родства или свойства и прежде достижения положенного возраста, традиция многоженства. Однако на практике большинство из перечисленных явлений широко сохранялось на всем протяжении XVIII–XIX вв., в связи с чем священники периодически сталкивались с тяжелой дилеммой: разрушить ли очередной открывшийся греховный союз, при том, что уже появились «незаконные дети», или оставить пару в сожительстве[300].

Косвенно или напрямую осуществлялось воздействие на традиционные формы лидерства коренного населения: титул и полномочия местной элиты подтверждались со стороны российской власти в форме официальных документов, проявления знаков уважения, вручения статусных подарков (медалей, одежды, дорогих тканей) и регалий (печатей и др.). В этом случае даже номинальное лидерство приобретало прочные основания и реальные функции (рис. 1.26). Неу-

Рис. 1.26. Жалованная грамота Екатерины II Куноватской волости князю Якову Артанзееву. 1768. ТИАМЗ. ТМ 12850

[299] Новицкий Г. И. Указ. соч. С. 138.

[300] ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104. Л. 2 об. –3.

годные лица, напротив, могли быть лишены статуса официального представителя группы и заменены более лояльными людьми.

В гораздо более существенной мере возможности подобного внешнего воздействия реализовывались в отношении обских угров и селькупов. Ненцы в силу своего кочевого образа жизни, большей степени экономической самодостаточности и специфики традиционных форм лидерства были, напротив, подвержены намного меньшему влиянию.

Глава 4

Русское старожильческое население края: социальная стратификация, мобильность, быт

В начале XVIII в. в Северном Приобье большая часть постоянного русского населения, как и в предшествовавший период, сосредоточивалась в городах, а большую часть населения городов составляли служилые. Однако на протяжении XVIII – первой трети XIX в. количество городовых казаков уменьшалось. В связи с тем, что Берёзов и Сургут теряли военное значение, а потребность в служилых на южных границах Сибири возрастала, казаков использовали для формирования регулярной армии. Так, в 1737 г. берёзовскими и сургутскими казаками доукомплектовали вновь учрежденные драгунский и солдатский батальоны[301]. Больше сотни берёзовских и сургутских казаков в 1747 г. определили на постоянное пребывание на Колыванскую и Ново-Ишимскую укрепленные линии[302]. В 1749 г. состоялся перевод 30 казаков г. Сургута на укрепления при Барнаульских заводах, «за высылкою в Барнаул осталось 96 человек»[303] (рис. 1.27).

Единичные переводы служилых случались и позднее. В 1750 г. «на Колыванскую и Кузнецкую линии» был отправлен берёзовский казак Иван Шадрин «на лошаде с порохом и свинцом тако ж и ружьем»[304]. Значительно реже казачья команда Берёзова пополнялась служилыми со стороны. Так, в 1748 г. «бывший Преображенского полку солдат Михайла Ларионов… Принят по городу Берёзову в казачью службу в число комплекту… на место умершего казака Дмитрия Ускова приверстан…»[305]. Количество казаков уменьшалось также в связи с тем, что существовавшие штаты казачьих команд не позволяли включить в них всех казачьих детей. Вакантные места освобождались медленно, к этому времени казачья молодежь уже занималась какими-либо промыслами или торговлей и не собиралась определяться на службу. Часть казаков, не выслужив положенный срок в 25 лет, выходили в отставку под разными предлогами. Эту практику запретили только в 1790-х гг.

---

[301] См. об этом: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 43–44.

[302] Потанин Г. Материалы для истории Сибири. М., 1866. С. 25.

[303] Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце XVI – XVIII в. Историко-этнографический аспект колонизации Сибири. С. 148.

[304] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6212. Л. 34.

[305] Там же. Д. 6046. Л. 56.

Рис. 1.27. Н. Н. Каразин. Казаки на строительстве Сибирской линии. 1716 год. 1891.
Изображение с сайта Библиотеки Конгресса. https://www.loc.gov/item/2018693665/

Эрозия служилого сословия на Севере была вызвана в числе прочих причин еще и тем, что в начале XVIII в. часть городовых казаков была положена в подушный оклад. В результате казаки разделились на две группы – на привилегированных, освобожденных от всех податей, и на обремененных податями. Постоянные жалобы на несправедливость такого положения привели к тому, что при проведении II ревизии в 1740-е гг. берёзовские казаки были выключены из податных, а в Сургуте в это же время более половины казаков еще платили подушные деньги. Окончательно служилых Берёзова и Сургута освободили от уплаты подушной подати только в 1780-х гг. Несмотря на указанные выше обстоятельства, численность казаков медленно, но росла. Так, в 1765 г. в Сургуте их имелось 125 чел., а в 1804 г. – 140 чел. Конечно, служилых оставалось значительно меньше, нежели их было в первой половине XVIII столетия[306]. Документ 1741 г. передает антропологический тип берёзовских казаков, то есть базовой группы населения города:

> *Дмитрий Шахов дватцати четырех лет, ростом два аршина с вершком, волосом белорус… лицом бел, глаза серые. Василий Попов тридцати четырех лет, ростом два аршина с вершком. Приметы: волосы русы, глаза серые, лицо смуглое. Федор Колебакин дватцати семи лет, ростом два аршина, два вершка с половиною, волосы русые, глаза серые, лицом сухощав…*[307]

Помимо казачьих семейств, северные города в начале XVIII в. населяли священнослужители, подьячие и «жалованные неслужилые люди» – сторожа, палач и другие «служители». Число их было невелико. В дальнейшем становится заметным присутствие представителей разросшегося бюрократического аппарата с семьями.

Податное посадское население в начале XVIII в. практически отсутствовало. В 1702 г. в этой категории насчитывалось всего 8 чел., проживали они в Берёзове четырьмя двора-

[306] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 42– 49.

[307] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

ми. С начала века по 1812 г. в Берёзов переселилось около 25 семейств. В Сургут за это же время переселилось около 12 семейств. Переселенцы по большей части были представителями купеческого и мещанского сословий. Подавляющее большинство их были выходцами из Тобольска и населенных пунктов Тобольского Севера: Демьянского и Самаровского ямов, Сухоруковского погоста[308]. Еще одним источником пополнения податного населения в северных городах были ссыльные. Так, в 1741 г. в Берёзов прислали в сопровождении воинской команды «пригородка Плеса купца Юдытокова з женою ево Анною Алексеевною и з дочерью их Феклою»[309]. Однако часть ссыльных возвращалась на места прежнего жительства. Часть до срока заканчивали жизненный путь в северном городе. В 1740 г. сосланным в Берёзов ворам Федору Супоневу с тремя товарищами была «учинена смертная казнь»[310]. Таким образом, рост населения был незначительным и обеспечивался только «избытком числа рождающихся против числа умирающих», и лишь «самою малою частью – водворением ссыльных»[311].

Описанное выше положение обусловливало исключительную подвижность сословных границ, когда формирование различных сословных групп происходило из числа имеющегося населения. Так, берёзовский клан Лапотниковых, имевший в 1701 г. 14 представителей-казаков, к концу XVIII в. выдвинул из своей среды, кроме казачьих семей, 13 крестьянских и одну купеческую. Сургутское крестьянство в XVIII в. в большей своей части сформировалось выходцами из казачьих семей. В 1782 г. из 74 крестьянских семей Сургута 50 являлись потомками казаков. В конце XVIII в. из 16 берёзовских купцов от купцов (тобольских) вели свои родословные только 5 чел. Остальные были выходцами из посадских, государственных и городовых крестьян, духовного сословия, мещан и ямщиков[312].

Переход из купеческого сословия в это время становится явлением частым. С 1795 по 1812 г. в Берёзове перешли в мещанское сословие 10 чел. Тенденцию сокращения купеческого сословия зафиксировала и следующая ревизия. К 1816 г. в купеческом обществе Берёзова осталось только три семьи: Нечаевские, Корепановы и Нижегородцевы. Мужская часть этих семейств составляла 14 чел. Через два года осталось 9 чел., из которых 4 чел. перешли в мещанство. С 1818 г. в Берёзове утвердились монополисты – семейство Нижегородцевых. Торговать теперь можно было только с их согласия. Неудивительно поэтому, что состав берёзовского купечества в 1820-гг. оставался стабильным, а средний срок пребывания в сословии составлял всего один-два года[313]. В 1828 г. А. Эрман следующим образом описал эту ситуацию:

> *...Права и обязанности собственно купеческого сословия сообщается только смотря по известной ценности ежегодных торговых оборотов. В этом смысле собственно купцов в Берёзовском округе считалось 9; впрочем, все они принадлежат к семейству Нижегородцевых и образуют патрициат, признаваемый от берегов Ледовитого моря до Самарова*[314].

---

[308] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 37, 45.

[309] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.

[310] Там же. Д. 9. Л. 132.

[311] Абрамов Н. Описание Берёзовского края. С. 387.

[312] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 38–40.

[313] Задорожняя О. А. Динамика численности купечества северных городов Тобольской губернии (1775–1825 гг.) // Осмысливая современность : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. В. Ткачевой, Т. В. Козыревой. Ханты-Мансийск, 2017. С. 160.

[314] Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Берёзове // ЖМВД. 1834. № 12. С. 234.

В Сургуте на 1787 г. числилось «купечества… только два человека, кои и промышляют мелочным товаром»[315].

Сословная группа берёзовских мещан складывалась в конце XVIII – начале XIX в. практически исключительно за счет крестьян. Например, в 1806 г. из имевшихся тогда в Берёзове 80 городовых крестьян 24 чел. были записаны в мещане. Массовый перевод берёзовских крестьян в мещане был инициирован властями и обусловлен тем обстоятельством, что крестьянам не положено было жить в городах, но выселение их из города было невозможно из-за отсутствия пахотных земель. Итогом едва не стало полное исчезновение этой сословной группы. Некоторый рост наметился только во второй четверти XIX в. за счет переселения в Берёзов крестьянских семей из других местностей, а также перевода в крестьянство из числа ссыльных, дворовых, солдатских детей и духовного сословия. В Сургуте власти поступили еще проще: в 1795 г. просто записали всех крестьян как якобы живущих в городской округе. Подвижность сословных границ находила выражение также в частых межсословных браках[316].

На протяжении всего периода часто посещали Берёзов и Сургут торговые и промышленные люди «с Руси» и из других сибирских городов, но они надолго не задерживались. Кроме того, катастрофическое истощение нижнеобских пушных угодий уже в XVII в. обусловило отток промысловиков на восток. Указанные выше тенденции сословной и демографической динамики находят выражение в статистике. В 1740 г. в Берёзове проживало девять ревизских душ купцов, 128 ревизских душ государственных крестьян и 11 ревизских душ дворовых. О Сургуте в это же время имеются сведения только о количестве ревизских душ государственных крестьян – около 80. В 1788 г. в Берёзове с уездом проживали ревизских душ: купцов – трое, мещан и цеховых – 49, крестьян – 255, помещичьих крестьян и дворовых людей – 20, ямщиков – 88. В Сургуте с уездом: купцов – шестеро, мещан и цеховых – пятеро, крестьян – 214, помещичьих крестьян и дворовых людей двое[317]. В 1834 г. в Берёзове проживало 202 ревизских души податных. Из них купцов было 22, мещан – 117, государственных крестьян – 53, дворовых – десять. В Сургуте в это же время было учтено 234 ревизских души: 79 мещан и 155 государственных крестьян[318].

В сельской местности северных уездов русское население было малочисленно, а сам процесс расселения шел крайне медленно. В первой половине XVIII в. русскими, поселившимися в инородческих волостях, были исключительно священно-церковнослужители с семьями. В конце XVIII в. (1782 г.) в северных уездах проживали 219 ревизских душ: 27 – государственных крестьян, 101 – экономических крестьян, 91 ямщик[319]. Даже в самом крупном сельском населенном пункте, Самаровском яме, сословная структура русского населения была простейшей, здесь жили в это время только «духовные, ямщики, крестьяне»[320]. К началу XIX в. мало что изменилось. В 1803 г. в селах, погостах и деревнях Берёзовского и Сургутского уездов, кроме духовенства, немногих отставных и администраторов, проживали государственные крестьяне – 73 ревизские души, 70 ревизских душ экономических крестьян (из них восемь – монастырские служители) и 117 ревизских душ ямщиков. В 1834 г. в уездах были учтены

---

[315] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 26. Л. 49.

[316] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 39–40.

[317] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[318] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 46.

[319] Там же.

[320] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 43 об.

244 ревизских души государственных крестьян и 63 – экономических. Сельские поселения были немноголюдны и, как правило, располагались вблизи волостных церквей. Русские жители северных уездов не были объединены в сельские общества[321].

Применительно к XVIII и первой трети XIX в. «социальный статус» и «сословная принадлежность» – понятия не синонимичные. В XVIII в. среди городовых казаков выделялся зажиточный слой: «лутчие и прожиточные». Представители этих семей занимали наиболее выгодные должности ясачных сборщиков, таможенных служителей, счетчиков «денежной и мягкой рухляди казны и всяких казенных припасов». Причем должности эти занимались на выборной основе при полном согласии всего общества служилых. Причина согласия озвучивалась в соответствующем приговоре: «какой недобор или хитрость учинитца, и в том... на нас, на... градцких людях, пени, а пеню – что великий государь укажет»[322]. Понятно, что пеня в этом случае в большей своей части выплачивалась бы обличенными доверием «прожиточными людьми». Такая гарантия устраивала и «великого государя».

К сургутским «лутчим людям» относилась семейные кланы Тверитиных, Силиных, Перфильевых, Лукиных, Кайдаловых, Проводниковых, Баталиных, Туполевых, Торопчениных, Кушниковых. На протяжении всего рассматриваемого периода мы находим представителей этих фамилий на выгодных должностях. Так, в 1738 г. Иван Тверитин был выбран в таможенные головы. В 1760 г. еще один Иван Тверитин посылался в ясашные волости за сбором ясака. В 1740 г. в Сургуте в целовальниках был Федор Тверитин. Спустя десять лет на этой должности застаем родственника Федора Тверитина Петра Тверитина, который к 1770-м гг. выходит в сибирские дворяне. Казачий пятидесятник Ефим Тверитин в 1804 г. являлся «комиссаром у приема и раздачи на команду денежного жалования и месячного провианта». В этом же году Василий Тверитин был вахтером «у казенного провианта». В начале XIX в. сургутских казаков возглавлял атаман прапорщик Алексей Проводников. В 1720-х гг. казачий десятник Осип Туполев являлся человеком состоятельным и имел дворовых. Хорунжий Андрей Ефимов Туполев в 1830-х гг. вел обширную торговлю с аборигенами, практически являясь монополистом. Пример стремительного карьерного роста продемонстрировал клан Проводниковых. Еще в начале XVIII в. Проводниковы не поднимались выше рядовых казаков, а в середине XVIII в. священник Иван Проводников возглавил Сургутский заказ. В 1795 г. крестьянин Иван Проводников был выбран сургутским крестьянским старостой.

В Берёзове к категории «лучших людей» относились фамильные кланы служилых или вышедших в свое время из служилой среды купцов, мещан, крестьян, чиновников, священников – Потаповых, Лихачевых, Сверчковых, Усковых, Лаподниковых, Никитиных, Шаховых, Кокоулиных, Поленовых, Евсевьевых, Канкаровых, и др. Наиболее влиятельной фамилией из этой группы были Лихачевы. Они постоянно занимали старшинские должности в казачьей команде. В начале XVIII в. (1702 г.) Лихачевы служили в чине детей боярских, а позднее вышли в сибирские дворяне. Представители фамилии были людьми зажиточными. Знакомством с атаманом Яковом Лихачевым не гнушались ссыльные князья Долгоруковы, которые к нему «для забавы гулять езжали». С годами благосостояние рода Лихачевых только росло. В начале XIX в. атаман Яков Лихачев с сыновьями вели крупную торговлю.

Сверчковы – еще один влиятельный берёзовский клан. В 1759 г. лучшими берёзовскими людьми назывались казачий атаман Иван Сверчков и пятидесятник Илья Сверчков. Сын

---

[321] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 46–47.

[322] Там же. С. 83–84.

Ивана Сверчкова Петр в 1760-х гг. служил в Берёзове прапорщиком, а затем был произведен в атаманы. Брат Петра Николай Сверчков в 1795 г. служил в Берёзове пятидесятником. Положение семейства Сверчковых настолько упрочилось, что Петр Сверчков мог позволить себе показать гонор местным властям. В 1802 г. градоначальник Берёзова Евсеев доносил тобольскому губернатору, что он обязал подписками всех жителей города «о невыезде в ясашные волости, пока государственная подать заплачена не будет». Однако отставной атаман Петр Сверчков «по упорству своему таковой подписки не учинил и без всякого ведома и позволения уехал в ясашныя селения в Обдорскую волость».

Фамилия Лаподниковых хорошо иллюстрирует частые переходы группы прожиточных людей в разные сословные категории с сохранением социального статуса. В ревизских сказках 1782 г. Афанасий Лаподников отмечен как крестьянин. В эту же ревизию он записан с семьей в купечество, а в 1787 г. по недостатку капиталов переведен в мещанское сословие (рис. 1.28). Встречаются среди лучших людей города в XVIII в. и Лаподниковы – служилые. Один из Лаподниковых в конце XVIII в. имел чин титулярного советника и права российского дворянина.

Рис. 1.28. Ревизские сказки (материалы переписи податного населения) второй половины XVIII в. Из фондов ГА в г. Тобольске. Фото А. Ю. Конева

К социальным низам могли относиться на Севере представители разных сословий – служилые, крестьяне, мещане, священно-церковнослужители и даже представители чиновничества. В одном фамильном гнезде могли пребывать «лучшие люди» и «совершенно неимущие». Рядом с богатыми берёзовцами Лаподниковыми и им подобными жили бедные однофамильцы или даже родственники. И часто социальная рознь была сильнее родственной связи. Так, Стефанида Логинова в 1780-х гг. без зазрения совести эксплуатировала свою неимущую свояченицу, предоставляя за это только угол для проживания. Берёзовский протопоп Андрей Андреев в буквальном смысле истязал своего бедного племянника дьячка Федора Кокоулина. Последний в 1777 г., не выдержав, написал на дядьку жалобу: «протопоп

всегда… тирански его безвинно мучит… жена его, протопопа Андреева, ему де, дьячку, объявила, чтоб он принял на себя убийственную смерть и удавился или зарезался»[323].

Таким образом, большинству северян не приходилось надеяться на помощь богатых родственников и требовалось выживать самостоятельно в очень непростых условиях. На Севере все жизненно необходимые вещи приходилось покупать, и покупать дорого. Жалованья рядовых служилых даже для выживания было недостаточно. Это признавали сами власти: «имеют состояние самое близкое к крайней бедности… содержание от казны получают недостаточное». В 1716 г. берёзовские служилые писали в прошении:

> …*У нас… пожитченков, и торгов, и промыслов никаких нет, и людишка мы скудные, и кормимся работишкою своею, а которые, государь, про себя рыбы промыслят или скотишко убьем, и на те деньги прикупаем к твоему… жалованию у проезжих людей и в Тобольск хлебные ж запасы, чтоб нам с женишками и з детишками в год было с чем прокормится*[324].

О тяжелом материальном положении было известно властям. Воевода Маврин писал в 1760-х гг.:

> …*В том городе Сургуте жительством имеетца казаков 106 человек да разночинцев, положенных в подушный оклад, 322 души, в том числе казаков 56 человек… кои состоят весма люди бедные и скудные, но едва и сами с женами и з детми питание имеют, а другие… скитаютца меж двор, просят милостину*[325].

К первой четверти XIX в. положение изменилось мало. В рапорте управляющего сургутским отделением гражданскому губернатору в 1825 г. сообщалось:

> *С поступления моего во управление Сургутским отделением вникнув в настоящее положение обитаемых здесь жителей, кои в самом Сургуте, и с первого моего взгляда оказалось против прочих округ (где я до сего продолжал службу) далеко не сходственными в том, что подвержены большой бедности… Жители… обремененные большими семействами, по неимению на покупку хлеба денег всегда просят на пропитание хлеба во одолжение из казенных запасных магазейнов*[326].

Однако в самом тяжелом положении находилась сословная группа дворовых. Сами они определяли это положение как рабское. В начале XIX в. дворовый Иван Алексеев писал:

> *Прошлого 1801 г. февраля 28 числа по решительному… сургутского уездного суда определению освобожден я от сибирского дворянина Осипа Лукина из рабства на волю с матерью моей и сестрою Александрой…*[327]

Чаще всего во владении «лучших людей», чиновников и отставных было от одного до нескольких человек дворовых людей, но встречались и крупные «рабовладельцы». Так, берёзовский коллежский асессор Гаврила Евсеев в конце XVIII в. владел 22 душами мужского и женского пола. Дворовых получали в наследство. Берёзовский капрал Василий Поленов

---

[323] Цит. по: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 85–92.

[324] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1433. Л. 1.

[325] Там же. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6559. Л. 80 об.

[326] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 41. Д. 1. Л. 1, 2.

[327] Там же. Ф. И154. Оп. 8. Д. 290. Л. 919.

унаследовал дворового от брата. Сотнику Ивану Михайлову Лихачеву в это же время перешли от отца по наследству семья дворовых – муж с женой и девка Дарья. Дворовых покупали. В 1770 г. Данило Канкоров приобрел дворового Максима Ильина в Тобольске у отставного сына боярского Толмачева. В 1776 г. он же купил дворового Сергея Иванова в Тобольске у секунд-майора Мартынова. Взрослых дворовых на продажу трудно было найти в северных городах. За ними нужно было ехать, как это сделал Данило Конкоров, в Тобольск или другие города юга губернии. Значительно чаще северяне приобретали не взрослых, а незаконнорожденных детей в младенческом возрасте у своих землячек. Такая покупка обходилась еще и дешевле. Детей воспитывали в своем доме и распоряжались ими наравне с другим имуществом. В 1760 г. Иван Лихачев купил двухлетнюю незаконнорожденную «девку» Варвару у вдовы берёзовского разночинца Ивана Рычкова. Берёзовцы Солдатовы в это же время купили сразу двух незаконнорожденных малолетних.

Еще одним источником пополнения этой категории населения являлась долговая кабала. Закабаление русского населения, правда, было редким. В 1821 г., например, дворовый Михайло «жил в сроке» у берёзовского подьячего Ивана Хорошевского. В 1830 г. по иску берёзовского купца Нижегородцева Тобольский окружной суд отдал ему в работу на десять лет крестьянина Андрея Бронникова. Последний задолжал истцу 250 руб.[328] Значительно чаще, по свидетельству Н. А. Абрамова, северяне кабалили за долги представителей коренного населения края[329]. Положение дворовых было совершенно бесправным. Иной раз это приводило к трагедиям. Так, берёзовский воевода Бобровский приказал наказать кнутом своего дворового человека Якова Григорьева, «от которого де бою» последний «вскорости и умер».

Владелец мог в любой момент продать своих рабов, не считаясь с тем, что при этом разлучает близких родственников. Например, берёзовский отставной капрал Иван Поленов в начале XIX в. поспособствовал ссылке на поселение своей дворовой Афимьи Кузнецовой, обвинив ее в воровстве. Ее детей он тоже разлучил. Взрослого сына Афимьи он оставил у себя, а девятилетнюю дочь несчастной продал. Замечательно, что как в этом, так и во многих других случаях большинство владельцев дворовых поступали незаконно. Согласно действовавшему имперскому законодательству, иметь дворовых могли только российские дворяне. Однако местная администрация долго смотрела на незаконных рабовладельцев сквозь пальцы. Только в конце XVIII в. политика изменилась и дворовые, принадлежавшие лицам, не имевшим дворянского звания, были отпущены на волю.

После этого дворовые стали исчезающей категорией населения. К 1834 г. во всем Северном Зауралье числилось всего десять ревизских душ дворовых. На смену им пришли наемные работники. Чаще всего ими становились дошедшие до «крайнего разорения» представители автохтонного населения, проживавшие близ городов. Обедневшие русские также шли в наемные работники. В отличие от дворовых, наемные работники юридически являлись свободными. Впрочем, это не всегда защищало последних от произвола. Так, в 1777 г. торговец Чоглуков подталкивал своего срочного работника мещанина Осколкова на преступление, посылая его в ясачные волости торговать алкоголем, что было запрещено. При этом незадачливый бутлегер искренне считал: «я строшного куда хочу, туда и пошлю»[330]. Отно-

[328] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 88–90.

[329] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 348.

[330] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 93–94.

шение к наемным работникам как к людям подневольным демонстрировала и местная администрация. В 1752 г. в Берёзов в ссылку прибыли две татарки, Берундекова и Утечева. В сопроводительных документах из Тобольской губернской канцелярии так и было указано: «в партикулярную работу кто взять пожелает». Обеих женщин отдали казаку Андрею Ершову[331].

В XVIII – первой трети XIX в. обычный дом на Севере состоял из избы и горницы: «У всех почти русских жителей дома состоят из избы, сеней и горницы, самобеднейшие же только имеют одну избу»[332]. Изба соединялась сквозными холодными сенями с горницей. Оттуда вели двери в избу и в горницу. Еще одна дверь, расположенная напротив входа в сени, вела на «заднее крыльцо», то есть на двор (рис. 1.29). Планы избы и горницы были одинаковы. Эти помещения разделялись вдоль массивной русской печью и дощатой перегородкой. Таким образом отделялась куть, часть помещения, выделенная для стряпни. Обыкновенно в продольных стенах такого дома было по пять окон. Одно окно выходило на куть прямо напротив устья печи (цела)[333]. Если «самобеднейшие» горожане довольствовались только одной избой, то зажиточные возводили двухэтажные дома. Такие дома строились не только в городах, но и на селе.

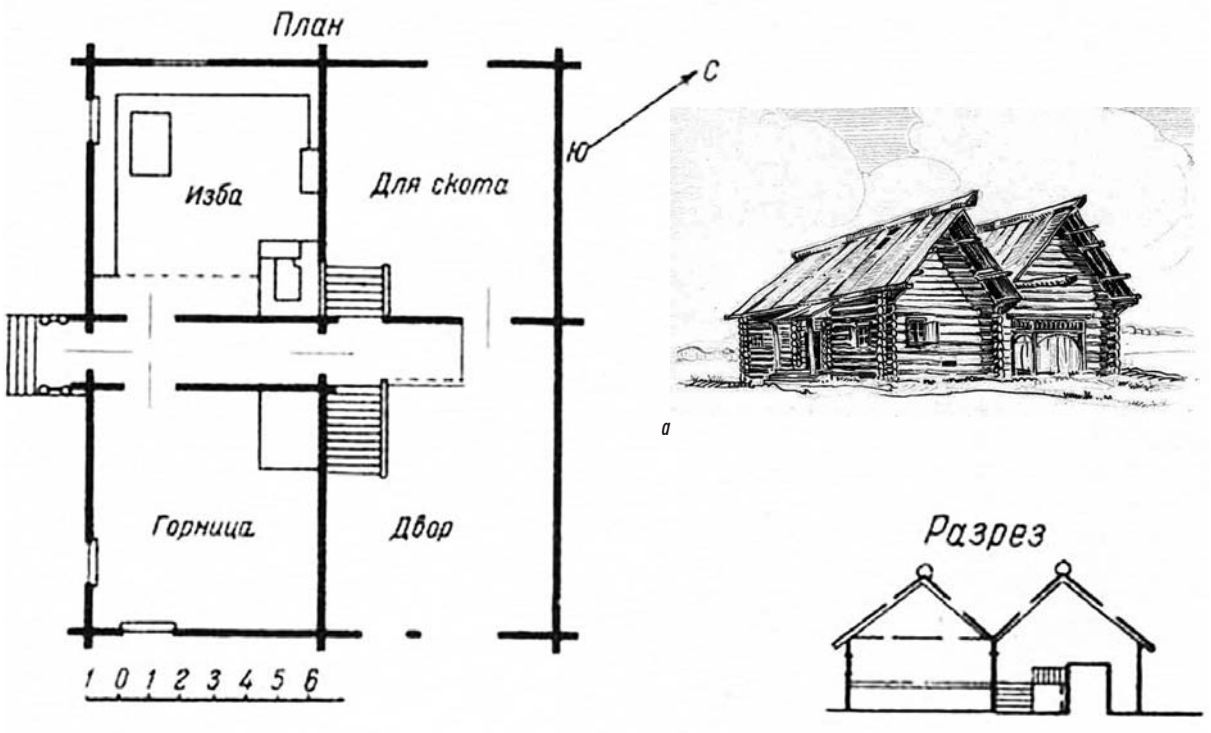


Рис. 1.29. Жилая изба с крытым двором. Западная Сибирь. Из кн.: Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири (М., 1950):

а – рисунок; *б* – план; *в* – разрез

[331] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6212. Л. 191 об.

[332] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Д. 13. Л. 61.

[333] Гомолецкий К. В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург, 1998. С. 286–287.

> *В Елезарово… мы были изумлены домом одного богатого крестьянина… Дом этот был в два яруса и выше обыкновенного в России размера; комнаты пребольшие, лестница на верх внутри из покоев, везде чистота и опрятность, в окнах большие белые стекла… В гостиной верхнего яруса одна из стен вся покрыта блестящими образами, –*

сообщал Ж. Б. Эйрие[334]. Окна стеклились, но стекла выставлялись на зиму и заменялись «брюшинами» и «налимьими шкурами»[335] (рис. 1.30). А. Эрман так описывает типичное северное подворье: «Бревенчатые жилища построены из прекрасного строевого леса, большею частью снабжены высокими крыльцами и дощатыми стенами и соединены с низкими банями и сараями как бы в одно надворное строение»[336]. Помещения для скота строились вне двора: «Хлевы для рогатого и прочего домашнего скота здесь во многих селениях выстроены около селений и представляют из себя несколько складенных куч бревен, закиданных сверху сеном»[337]. Летом хлевы использовались как ледники для хранения продуктов. Многие наблюдатели подчеркивали склонность северян к чистоте и опрятности в содержании жилищ:

> *Крестьянки по большей части здорового телосложения, выше среднего роста женщины, лицом красивы, живого веселого характера, охотницы до нарядов и соблюдения чистоты в доме. Впрочем, отменно любят праздность и общественные удовольствия*[338].

Рис. 1.30. Тип старинных сибирских построек. Тобольская губерния, Туринский уезд. Фотография начала XX в. ТИАМЗ. ТМ 15566/4

[334] Эйрие Ж. Б. Живописное путешествие по Азии : в 6 т. М., 1839. Т. 1. С. 44.

[335] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Д. 13. Л. 60 об.

[336] Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Берёзове. С. 221–222.

[337] Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда. М., 1871. С. 1–2.

[338] Там же. С. 2.

Организацию жилого пространства и культуру гостеприимства зажиточного купеческого берёзовского дома описал Ж. Б. Эйрие:

> *Вошли вы, вас, как водится, сажают под иконы. Гостиная совершенно пуста, но из смежных комнат выносят вино, закуски, привозимые издалека, и разные редкости, которыми хозяин или только подтверждает свои чудные рассказы, или хочет возбудить в вас желание меняться. Кладовые есть только для оленьих мехов и других гуртовых предметов, но лучшими товарами и дома и на пути купец окружает свою особу: в пестром беспорядке найдете вокруг него разнородных хищных зверей между русским и остяцким оружием, цибики чаю и мамонтовы кости, русское платье, самовары, водку и мадеру, сумочки с бобровой струей и швейные иглы, бухарские плоды, самоедские шубы, табак и множество всякой всячины. К этому хаосу женщины присоединяют еще свои платья и домашнюю утварь, потому что задние комнаты принадлежат им по всем правам…*[339]

Дома обставлялись мебелью: столами, стульями, сундуками и т. п. Спальными местами в домах служили голбцы и полати. На севере, изобиловавшем водоплавающей дичью, пуховые подушки и перины были не роскошью, а обычной принадлежностью обихода. В сундуки к северянам позволяют заглянуть описания имущества, полученного молодоженами от родственников. В 1789 г. жительница Берёзова Мария Ускова, происходившая из зажиточного семейства, принесла в дом супруга

> *…приданова ее от родителя образ Николая Чудотворца, риза серебрена, платья, юпка канфова малинова, юпка желта голева, одне перла жемчужныя, две шапки женские, одна юпка каламенчата, одна юпка китайчета пестра, епанча ала тавтяна, испод лисей, один шушун штофной, косинка шита сребром ветха, шуба голева с выпушкой бельей, испод черной пыжевой, шуба китайчата черна, испод норнишной, с епанчи верх голевой лазоревой, одна подушка большая пуховая, четыре подушки малые пуховые, один сундук большой, окованный железом*[340].

Берёзовец Илья Сверчков, также происходивший не из бедной семьи, в том же 1789 г. «по разделу с братьями» в числе прочего получил

> *…образов святых Рождества пресвятой Богородицы… Ильи Пророка… посуды один стакан, одна рюмка, две чарки малы и одна болша серебрена, 6 тарелок оловянных, одна чугунка, платья одна юпка голевая, один шушун устриновый зеленый, одна лента с ряской жемчужной, две шапки женски, два платья шелковы, третей бумажной, два перевеса и два гуся постелны ношены*[341].

Семейные отношения на Севере отличались определенным своеобразием. Мужчины там обычно женились в возрасте старше 20 лет. Невеста, как правило, была немного моложе супруга. Если семья собиралась жить отдельным домом, родные мужа выделяли ему часть «имения». Если молодожены не создавали самостоятельной семьи, то они поселялись у родителей мужа. Главой семьи был мужчина. В обязанности главы семьи входило прежде всего обеспечение ее материального благосостояния. В больших семьях он распределял силы семьи в различных хозяйственных занятиях. Мужской работой являлись внешние хозяйственные занятия: рыбная ловля и охотничий промысел, торг с аборигенами и приезжим

---

[339] Эйрие Ж. Б. Живописное путешествие по Азии. Т. 1. С. 62.

[340] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 155. Л. 48 об.

[341] Там же. Л. 48–48 об.

и торговцами, оленеводство, сезонные работы по найму и т. п. Женщины занимались домом и огородом, собирали дикоросы и т. п. Оставшись без мужей, женщины обычно шли в домашнюю работу по найму к зажиточным землякам или занимались мелкой торговлей. Глава семьи был главным собственником и распорядителем семейного имущества.

В XVIII – первой трети XIX в. на Севере семьи русского населения были двухпоколенными. Семья из трех поколений являлась редким исключением. Объясняется такое положение поздним рождением детей у подавляющего большинства северян. Первый ребенок в семье появлялся, когда мужчина достигал 28–29 лет, при средней продолжительности жизни в 56 лет. Таким образом, внуки не успевали застать своих дедов в живых. Позднее появление наследника могло обусловить вымирание семейства. В условиях Севера семье было не выжить в отсутствие взрослого кормильца. Трудно жилось семьям, в которых отец был стариком, а дети – малолетними.

Северные семьи были невелики в сравнении с семьями земледельческих местностей Зауралья. В последних в 1760-х гг. типичным было иметь в составе четыре ревизские души. Однако северные семьи со временем показывали тенденцию к росту. В начале XVIII в. семьи, имевшие в своем составе четырех и более лиц мужского пола, у берёзовских крестьян составляли 19 %, а в конце века – 21 %. В Сургуте у служилых, соответственно, в начале века 27 %, в конце – 39 %. К 1834 г. в Сургуте доля крестьянских семей из четырех и более человек мужского пола составляла 60 %, в Берёзове – 45,5 %. В это время семьи в 6–12 чел. были обычным явлением. Северная семья сравнялась в размерах с семьей земледельческих округов Западной Сибири. Увеличение размеров семей происходило на Севере за счет роста неразделенных семей, однако приоритет оставался за малыми семьями. К формированию неразделенных семей северян подталкивала эволюция хозяйственной структуры. Рост в хозяйстве северян значения промыслово-торговой деятельности требовал больше рабочих рук[342].

[342] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 107–118.

Глава 5

Формы хозяйствования аборигенного и старожильческого населения, их взаимодействие на культурно-бытовом уровне

Аборигенное население

В рассматриваемый исторический период особенности хозяйственных комплексов коренного населения были по-прежнему в основном детерминированы местными природными условиями и сложившимися этническими традициями. При этом обозначились и некоторые изменения, произошедшие под прямым или опосредованным влиянием освоения Западной Сибири русскими. Для понимания общей картины сначала представим структуру основных хозяйственных комплексов северных народов, а далее приведем более детальные описания и примеры, иллюстрирующие отдельные направления деятельности, специфичные для конкретных этнических групп и ареалов округа.

В отношении территории Югры XVIII – первой трети XIX в. известный этнограф А. В. Головнёв выделяет несколько основных хозяйственных комплексов: таежно-самодийский промыслово-оленеводческий, предгорный, глубинно-таежный промысловый (включая предуральский подтип) и приречно-таежный промысловый. Для лесных ненцев, тяготевших к водораздельным территориям, типичным был *таежно-самодийский промыслово-оленеводческий тип* комплекса, который характеризовался прежде всего охотой на дикого таежного оленя (коллективной загонной и индивидуальной), а также добычей лося, ловом рыбы (запорами, неводами, лучением, крючковыми снастями), промыслом водоплавающей и боровой птицы (слопцами, петлями и отстрелом), охотой теми же средствами на пушного зверя (белку, соболя, зайца, горностая, местами – бобра и выдру). У ляпинских ненцев, которые относились к тундровым самоедам и составляли одну группу с сынскими и войкарскими, в силу географических условий сформировался обособленный *предгорный* тип самодийского промыслово-оленеводческого хозяйства, отличительными особенностями которого были запорно-остроговое рыболовство в левых обских притоках и система отгонного горно-таежного оленеводства, при которой часть хозяйств занималась летним окарауливанием стад в горных тундрах. В течение XVIII в. численность дикого оленя в тайге сократилась настолько, что на смену активным способам его промысла пришли пассивные – засеки с ловчими ямами. Другими знаковыми изменениями в данном хозяйственном комплексе стали пере-

ориентация на рыболовство в низовьях рек, а также увеличение масштабов оленеводства, что было связано с развитием беличьего промысла[343].

Для селькупов (р. Вах) и обских угров средней тайги был характерен *глубинно-таежный промысловый* тип хозяйственного комплекса. Здесь главной отраслью хозяйства являлся промысел крупных копытных с помощью засек и активных способов добычи. Существенное значение имели также круглогодичная охота на мелкого зверя и боровую птицу, весенняя и летняя добыча утки (отстрел и сетевые ловушки), зимой – охота на пушного зверя (бобра, зайца, соболя, белку, горностая и др.) с помощью слопцов, плашек, черканов и самострелов (рис. 1.31). Рыболовство включало запорные способы, использование острог, крючковых снастей, сетей и лучение. Точно так же, как и в предыдущем комплексе, свою специфику имело хозяйство населения, жившего у Уральских гор. Часть северных манси, проживавших по р. Северная Сосьва и Ляпин, переняла у ненцев отгонный тип оленеводства, дополнив этим видом деятельности свой хозяйственный комплекс, что позволяет выделить его в особый *предуральский подтип* глубинно-таежного промыслового хозяйства. Транспортное использование небольшого количества оленей получило в течение XV–XVIII вв. развитие и у отдельных групп хантов: сначала среди северных (Казым), а после – у восточных (Пим, Тромъёган, Аган, Вах, Юган); не позднее конца XVII в. с оленеводством познакомились и северные селькупы. Новая для таежного населения отрасль хозяйства во всех приведенных случаях имела прямое или опосредованное ненецкое происхождение (у селькупов было заметно также эвенкийское влияние). Наличие транспортного оленеводства и распространение новых охотничьих орудий позволили хантам и селькупам в XVIII в. легче адаптироваться к сокращению крупных копытных животных, а также перейти к более интенсивному пушному промыслу. Последний был особенно эффективен в верхнем течении таежных рек, где как раз и были наиболее удобные места для содержания оленей[344].

Рис. 1.31. Остяк на ловле горностаев. Рис. из альбома «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов» (СПб., 1774). № 4

Приречно-таежный промысловый тип хозяйственного комплекса был присущ хантам,

[343] Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 151–153.

[344] Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. С. 153–155; Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб., 2003. С. 32–38, 69; Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. С. 225.

проживавшим по основным руслам Оби и Иртыша и низовьям их основных притоков. Первоочередное значение для этого комплекса имело летне-осеннее рыболовство, осуществлявшееся запорными и сетевыми орудиями, лучением и крючковыми снастями. Вторичную роль играл охотничий промысел на крупных копытных (засеки, загон по насту, торможение[345]), водоплавающую птицу (перевесы, петли, отстрел с приманкой на чучела, загон во время линьки) и боровую (слопцы, петли). Зимой также добывали пушного зверя (особенно бобра), зайца и куропатку – в основном с помощью разнообразных ловушек (слопцов, силков, черканов, самострелов). Второстепенное значение для этого комплекса имело собирательство. В низовьях Иртыша и Среднем Приобье получило широкое распространение транспортное использование лошади[346].

Далее перейдем к описанию этнических и локальных особенностей хозяйствования северных народов Югры. Ненцы в пределах указанной территории были представлены двумя общностями – лесными и небольшой тундровой группой, проживавшей по р. Ляпин (современный Берёзовский район ХМАО). Экономика лесных ненцев (пян хасаво), населявших в XVIII–XIX вв. окрестности озера Нум-то, а также отдельные участки бассейнов рек Лямин, Аган и Вах, в основном базировалась на промысле копытных и пушного зверя, транспортном оленеводстве и почти круглогодичной рыбной ловле. Режим и направления годовых перемещений, локализация стойбищ во многом определялись интересами оленеводства. Для лесных ненцев было типичным содержание относительно небольшого количества домашних оленей – нескольких десятков голов. Летом животные находились на вольном или полувольном выпасе в районе водораздельных болот. Их осенний поиск и сбор осуществлялись с помощью собак, при этом других пастушьих функций у ненецких лаек не было. С поздней осени ненцы выезжали на оленьих упряжках в лесные угодья, где вели пушной промысел. Для ограничения подвижности животных иногда применялись ножные и шейные деревянные колодки[347]. По информации Г. Д. Вербова и Т. Лехтисало, у лесных ненцев, кроме запряжки в нарты, были известны вьючная перевозка грузов на оленях и верховая езда на них[348]. Однако есть весомые основания полагать, что данная практика носила узколокальное распространение на восточных окраинах территории *пян хасаво*, где они соприкасались с эвенками и селькупами [349].

Достаточно изолированное географическое положение лесных ненцев находило выражение в специфике их промыслового инвентаря – в него очень медленно включались покупные орудия труда. О сколь-нибудь заметном изменении их традиционного набора хозяйственных орудий и приспособлений можно говорить лишь к концу XIX в.[350] Главные объекты зимней охоты лесных ненцев – дикий северный олень, белка, лисица, горностай, выдра и росомаха. Добыча дикого оленя в наиболее существенной мере обеспечивала мясом, так как места обитания этого животного и зимних кочевий ненцев нередко совпадали. Способы добычи были разнообразны: загоном на упряжках по насту; скрадом –

---

[345] Отстрел животных с лодки при спуске по реке. – *Прим. авт.*

[346] Головнёв А. В. Указ. соч. С. 155–156.

[347] Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 63–64; Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. С. 27; Митусова Р. П. Год среди лесного народа. Из путевого дневника // Вокруг света. 1929. № 11. С. 12–13.

[348] Вербов Г. Д. Указ. соч. С. 64.

[349] Головнёв А. В. Указ. соч. С. 101–102.

[350] Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы. С. 109.

когда охотник подползал на верный выстрел, прикрываясь крашенной в белый цвет доской или насыпанной на лыжи кучей снега; загоном на засаду стрелков с использованием направляющих изгородей; с помощью ловчих ям, или самострелов; с использованием оленя-манщика и др.[351] Пушного зверя (белку, лисицу, горностая, изредка бобра и песца) обычно промышляли с помощью ловушек (слопцов, самострелов, черканов) или отстреливали из лука. На лосей чаще всего охотились в летне-осеннее время, подкарауливая их у воды или во время гона, устанавливая самострелы и петли. Водоплавающую птицу (утку, гуся, лебедя) стреляли из лука, особенно большое количество добывали в период летней линьки. Осенью охотились на глухаря и тетерева с использованием слопцов. Рыбная ловля (плотва, окунь, щука, ерш, налим, язь, карась и др.) велась на реках, старицах и болотных озерах с помощью запоров с установленными мордами и небольших неводов. Крупную щуку добывали иногда жерлицами с деревянным крючком. Вспомогательное значение имело собирательство – собирали главным образом морошку, реже – голубику, чернику и бруснику[352]. Несмотря на кочевой образ жизни и использование в качестве жилища чума, лесные ненцы устанавливали в местах своих привычных стоянок бревенчатые амбары-лабазы и некоторые другие стационарные постройки.

В отношении хозяйства ляпинских ненцев сохранилось не так много ранних источников. Ю. Н. Квашнин, опираясь на архивные документы, сообщает, что к середине XVIII в. эта группа нарастила поголовье своих домашних оленей, благодаря чему приобрела большую подвижность и могла кочевать на значительные расстояния, в том числе за Урал. Это позволяло группе активно участвовать в подпольной торговле с пустозерскими «гулящими людьми» (напрямую или через посредничество ненцев европейской тундры) и уклоняться до времени от прямого государственного контроля[353]. Соответственно, помимо основной опоры на крупностадное оленеводство, в экономике ляпинских ненцев этого времени существенную роль играл товарный пушной промысел, включавший нелегальные торговые операции. В данном аспекте проявляется принципиальное различие ляпинцев с их сородичами лесными ненцами, чьи внешние торговые контакты до XX в. были существенно ограничены и хозяйство имело выраженный натуральный характер.

Оленеводческий комплекс ляпинских самоедов подкреплялся охотой на дикого оленя и лося, птиц и мелких животных (среди пушных преобладала белка), а также зимней рыбной ловлей в незаморных водоемах Приполярного Урала[354]. В охотничьем промысле применялись как активные (скрадывание, отстрел с подхода, загон с использованием ограждений и собаки), так и пассивные способы (слопцы, самострелы, петли). Высокие показатели добычи белки обеспечивались за счет транспортного использования оленя.

---

[351] Головнёв А. В. Указ. соч. С. 47–48; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург ; Нижневартовск, 2006. С. 190–191; Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск, 2001. С. 12–13.

[352] Вербов Г. Д. Указ. соч. С. 64; Городков Б. Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири // Изв. РГО. 1926. Т. 58. Вып. 2. С. 64–68; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 229; Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы. С. 105–125; Сподина В. И. Особенности рыболовства на малых водоемах (на материале лесных ненцев) // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 133–138.

[353] Квашнин Ю. Н. «Сие семейство отыскано и теперь находится в Обдорской волости…» (размышления над списком самоедов Берёзовского округа 1832 года) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 109.

[354] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Зап. ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 397.

Рыбной ловлей занималась основная часть населения, остававшаяся летом в сезонных поселениях сыгвинского бассейна, в то время как определенная группа хозяйств занималась выпасом объединенных стад оленей. Добыча рыбы осуществлялась в основном с помощью запорных ловушек и лучения; для эффективности последнего способа немаловажным фактором была высокая степень прозрачности горных рек[355]. Кочевое хозяйство предопределило использование ненцами р. Ляпин типичного переносного жилища оленеводов – чума, который в зимнее время покрывался оленьими нюками, а зимой – берестяными. Как минимум, с конца XVIII в. происходило постепенное культурное сближение ляпинских ненцев с соседними манси и хантами. При этом именно оленеводческое хозяйство отгонного типа оказалось одним из самых устойчивых элементов этнической идентичности ненцев р. Ляпин[356].

Селькупы, проживавшие в XVIII – первой половине XX в. по северным притокам среднего течения р. Вах, вели полукочевой образ жизни. Большинство их сородичей в этот период обитали в бассейнах Таза и Туруханa. Вероятно, содержанием оленей северные селькупы стали заниматься с XVII в., когда обосновались на этой новой для себя территории[357]. Они, как правило, имели небольшие стада, причем их олени заметно отличались от соседних ненецких и хантыйских более крупным размером[358]. Это позволяло использовать оленей не только для запряжки в нарты, но также под вьюк и отчасти для верховой езды. Типичными чертами селькупского оленеводства были вольный выпас животных в летнее время, обустройство летних навесов с дымокуром для защиты оленей от гнуса и применение пастушеской собаки, которая одновременно выполняла охотничьи функции. В некоторых хозяйствах, где олени использовались под вьюк, животные находились под контролем человека и в летнее время, а важенок доили. По мнению большинства специалистов, упряжное оленеводство было заимствовано северными селькупами от лесных энцев или ненцев, а вьючно-верховое – от эвенков или кетов[359]. Менее обоснованной выглядит версия о том, что практика содержания оленей была принесена этой группой с ее южной родины в Нарымском Приобье[360] (рис. 1.32).

Основу жизнеобеспечения селькупов составляли рыбная ловля и промысел копытных и пушного зверя, дополнявшиеся охотой на боровую и водоплавающую птицу. Заметную роль играло также собирательство. Примечательной особенностью хозяйственного календаря северных селькупов являлось почти полное прекращение охоты в летнее время с переключением на рыбную ловлю и собирательство. Рыбу добывали запорами на небольших водоемах почти круглый год, а также сетями, небольшими неводами и острогой в летне-осенний период. Характерной чертой селькупов был способ промысла крупной щуки стрельбой из лука[361]. Причем рыба использовалась ими не только для собственного питания, корма для собак или поставляемого товара. В XVIII–XIX вв. немаловажное значение у селькупов

---

[355] Головнёв А. В. Указ. соч. С. 151–152.

[356] Ruttkay-Miklián E. Antal Reguly's data on the Ural Nenets // Этнография. 2018. № 2. С. 106.

[357] Васильев В. И. Система оленеводства лесных энцев и её происхождение // Краткие сообщения Института этнографии. 1962. Вып. 37. С. 74–75.

[358] Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 100; ГАТомО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

[359] Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб., 2003. С. 35–37; Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды Туруханского края. С. 100; Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 143.

[360] Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство. С. 94–95.

[361] Прокофьев Г. Н. Указ. соч. С. 101.

пов имело изготовление одежды из рыбьей кожи (в основном тайменя и налима)[362]. Пушного зверя (белку, соболя, горностая, лисицу) пешие охотники добывали в ближайших к стойбищу борах, оленные со второй половины зимы ездили в наиболее богатые зверем угодья в верховьях рек. Практиковались как отстрел животных, так и добыча с помощью различных ловушек – черканов, кулём, слопцов и пр. На водораздельных болотах с февраля по апрель охотились на дикого оленя – чаще всего загоняли животных по насту. Водоплавающую птицу стреляли из лука, ловили перевесами, на боровую птицу в большом количестве ставили слопцы и петли[363].

Рис. 1.32. Н. Н. Каразин. Езда на оленях в тундре зимою. 1884.
Рис. из кн. «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» в 19 т. (СПб.; М., 1891–1901). Т. 1, ч. 1. С. 172

Примечательной чертой селькупов являлась заметная хозяйственная роль собирательства, не случайно четыре месяца в их традиционном календаре носили ягодные названия: «цветения ягод», «созревания ягод» и т. д.[364] Собирали черемуху, морошку, чернику, голубику, бруснику, смородину, клюкву. В сушеном и мороженом виде часть собранного заготавливалась на зиму, кроме того, существенные объемы ягод использовались для консервации квашеной рыбы в специальных ямах[365]. Помимо этого, в урожайные годы в большом количестве заготавливался кедровый орех.

Группа пользовалась довольно разнообразными видами жилых построек. Типично летним жилищем северным селькупам служили разнообразные навесы и шалаши, зимним – крытая дерном каркасно-столбовая однокамерная постройка *пой-мот* (‘земляной дом’). Чум был альтернативным всесезонным вариантом жилища, зимой он покрывался меховыми нюками, летом – берестяными полотнищами в виде широких лент.

Манси в рассматриваемый период на территории современной Югры были представлены двумя основными группами: на северо-западе – сосьвинского-ляпинской и на юго-западе –

---

[362] ГАКК. Ф. 467. Оп. 1. Д. 10. Л. 9–9 об.

[363] Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Хозяйство // Тучкова Н. А., Глушков С. В. и др. Селькупы : Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2012. С. 80–85; Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края. Опыт исследования экономического положения. Новониколаевск, 1925. С. 74; Ириков С. В. Хозяйство и материальная культура тазовских селькупов // Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы : Очерки традиционной культуры. СПб., 2002. С. 57–66.

[364] Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Хозяйство. С. 93.

[365] Пошехонова О. Е., Адаев В. Н. Погребальная и поминальная пища в североселькупском захоронении XIX в.: опыт этноархеологического анализа // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3. С. 129–131; Прокофьева Е. Д. Селькупы // Народы Сибири. М. ; Л., 1956. С. 673.

кондинской. Сосьвинско-ляпинские (берёзовские) манси населяли бассейн р. Северная Сосьва, включая ее крупный приток Ляпин, известный до конца XIX в. под названием Сыгва. Хозяйственный комплекс населения базировался прежде всего на горно-таежном отгонном оленеводстве и охоте (пушной зверь, копытные, боровая птица), весомое экономическое значение имело также рыболовство в низовьях Северной Сосьвы[366]. Во время зимних кочевий сосьвинско-ляпинские манси использовали чум с меховыми нюками, в летнее время могли проживать в берестяных чумах, разнообразных навесах и бревенчатых постройках.

Первые известия о том, что местные вогулы ездят на оленях, относятся к рубежу XV–XVI вв.[367] Большинство специалистов полагает, что практика оленеводства была заимствована ими от соседних уральских ненцев и ее развитие стимулировалось товарным пушным промыслом[368]. При этом поголовье домашних оленей у сосьвинско-ляпинских манси вплоть до первой четверти XIX в. было едва ли не самым высоким в пределах современной территории Югры: в 1830-е гг. на территории их двух волостей выпасалось около 12,5 тыс. оленей[369]. Характерными особенностями оленеводческого хозяйства данной группы манси были нартенное использование оленей, размеры личных стад (до 100 голов), протяженная дистанция кочевий (от 300 до 500 км), выпас объединенных стад в летнее время и индивидуальное использование зимой, как транспортное, так и отчасти пище-сырьевое направление отрасли[370]. При обилии черт, сближавших мансийское оленеводство с ненецким, в нем присутствовали и признаки типичного таежного профиля: использование приспособлений для замедления бега оленей, колокольчиков и обустройство сараев с дымокурами[371].

Охотничьим промыслом манси занимались в основном с конца сентября до апреля. Из пушного зверя в XVIII–XIX вв. главными объектами охоты были белка, соболь и бобр, причем численность последних двух существенно сокращалась, но регион и в XIX в. продолжал оставаться одним из последних мест обитания этих ценных животных. Пушных животных добывали с помощью ловушек (кулем, черканов, плашек) и преследованием – с использованием охотничьей собаки, лука со стрелами и обметных сетей. Лося и оленя обычно добывали весной загоном по насту или скрадом, на лосей, кроме того, иногда устанавливали самострелы. По завершении охотничьего сезона значительная часть манси уходила на рыбный промысел в низовья Северной Сосьвы, в то время как небольшие коллективы пастухов выпасали объединенные стада в предгорьях Уральских гор. На боровую птицу охотились осенью, устанавливая на песчаных берегах и обрывах слопцы[372].

---

[366] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 396–397; Пика А. И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII–XX вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. С. 14–15.

[367] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. С. 12.

[368] Головнёв А. В. Указ. соч. С. 96; Пика А. И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII–XX вв.). С. 14; Фёдорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби : Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000. С. 121–124.

[369] Мурзина А. И. Манси (вогулы) в XVIII в. и первой половине XIX в. // Уч. зап. ЛГУ. 1953. № 157. Вып.2. С. 226.

[370] Головнёв А. В. Указ. соч. С. 87; Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. С. 71–78.

[371] Фёдорова Е. Г. Оленеводство манси в историко-культурном ландшафте Северо-Западной Сибири // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири : сб. науч. ст. СПб., 2017. С. 262.

[372] Источники по этнографии Западной Сибири / сост. Н. В. Лукина, О. М. Рындина. Томск, 1987. С. 142–150; Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения) / отв. ред. А. В. Головнёв. Шадринск, 1992. С. 12–13.

Лов рыбы проходил с мая до глубокой осени с помощью запорных ловушек (запоры устраивались в том числе с использованием колотых досок и земляных насыпей), морд, колыданов и сетей. Объектами добычи были сырок, чир, таймень, налим, щука, но в самых массовых объемах ловили так называемую сосьвинскую сельдь (тугун – рыбу семейства сиговых), которую коптили и вялили в большом количестве[373]. Вспомогательное значение в жизнеобеспечении сосьвинско-ляпинских манси играло собирательство ягод, корней саранки и кедрового ореха.

Кондинские манси проживали в бассейне крупного иртышского притока – р. Конды. Их хозяйство опиралось в первую очередь на рыбную ловлю, охоту (пушной зверь, водоплавающая птица, копытные) и в немалой степени на собирательство. В качестве транспортного животного кондинцы использовали собаку, в нижнем течении в XIX в. в широком применении была лошадь. Летом главным средством передвижения на дальние расстояния являлась лодка-долбленка. Для среднего и нижнего течения данной реки характерно обилие затопленных речных пойм (соров) и проточных озер (туманов), которые предоставляют уникальные возможности для нагула рыбы, а также большое количество озер в междуречьях, куда рыба поднимается для нереста и зимовки. Это обстоятельство предопределило рыболовную специализацию жителей Конды с широчайшим применением промысловых орудий запорного типа, легко обеспечивавших большие объемы добычи. Основные породы добывавшейся рыбы: карась, плотва, окунь, ерш, язь, щука, сырок[374]. Показательно, что именно у кондинских манси этнографами был зафиксирован самый примитивный вариант запорной ловушки – изгородь из хвороста, изготовленная настолько плотно, что в ней запутывалась рыба. Кроме того, у кондинцев к XIX в. ходу были крупные кошелеобразные сетевые ловушки-важаны (чердаки)[375].

Из пушных животных добывали главным образом белку, реже – лисицу, бобра и соболя. Животных стреляли из лука, промышляли с помощью кулём, черканов и петель (рис. 1.33). Молодых лисят нередко выкапывали из нор и выращивали в клетках, подкармливая рыбой[376]. Бобров караулили у хаток, а после отстреливали или кололи копьем из засады[377]. Конда также славилась обилием дикого оленя, тысячные стада которого собирались здесь в зимнее время. Главными способами их добычи были загон по насту[378] и применение ловчих ям с острыми кольями на дне[379]. Лося промышляли в основном с подхода: летом – у водоемов, зимой – в небольших рощах. Уток и гусей отстреливали из лука, особенно большую добычу обеспечивала загонная охота на линную птицу[380].

---

[373] Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов // Путешествия по Обскому Северу / под ред. С. Г. Пархимовича ; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999. С. 202; Кориков Л. Сосьвинские и ляпинские вогулы Берёзовского округа. Тюмень, 1898. С. 15; Пика А. И. Биологические ресурсы Сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVII–XIX вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 161–162.

[374] Абрамов И. В. Кондинские котцы: этноэкологическое исследование запорного рыболовства в Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 140, 142.

[375] Васильев В. И. Проблема происхождения орудий запорного рыболовства обских угров // ТИЭ. Новая сер. 1962. Т. 70. С. 139–147.

[376] Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Патканов С. К. Соч. : в 5 т. Тюмень, 2003. Т. 4. С. 21, 26.

[377] Инфантьев П. За уральским бобром: путешествие в страну вогулов : (Из дневника туриста) // Вестн. Европы. 1894. Кн. 7 (июль). С. 283.

[378] Инфантьев П. У вогулов // Азиатская Россия. М., 1915. С. 398.

[379] Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев. С. 24.

[380] Алквист А. Среди хантов и манси : Путевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999. С. 135.

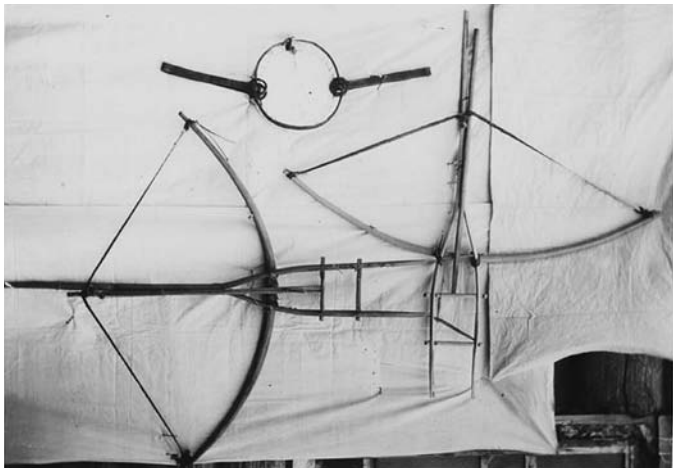


Рис. 1.33. Черканы обских угров из коллекции Тобольского губернского музея. Фото У. Т. Сирелиуса рубежа XIX–XX вв. Изображение с сайта «Старые альбомы». https://andcvet.narod.ru/DR/10/asd78.html

В отношении кондинских манси Г. И. Новицкий отмечал в XVIII в., что, помимо рыболовства и звериного промысла, важную роль в их питании играет сбор дикоросов, в частности, брусники, которая растет там в изобилии. Более того, в самых низовьях Конды, где есть удобные места для земледелия, вогулы сеют ячмень и овес, коих «собирают обильный урожай»[381]. А. Алквист дает интересные пояснения по поводу товарного значения сбора брусники у кондинских манси: собранную в большом количестве ягоду хранят до зимы в больших берёзовых сосудах на помостах прямо в лесу, зимой мороженную бруснику вывозят оттуда на продажу[382]. На Конде в значительной степени был развит и кедровый промысел: в урожайные годы местные манси заготавливали в большом количестве орех, который тоже употреблялся в основном для продажи[383]. В качестве стационарных жилищ кондинским манси служили полуземлянки и срубные дома, летом широко использовались крытые берестой навесы[384].

Ханты были наиболее широко расселены в пределах современной Югры, представив при этом несколько существенно отличавшихся от других моделей жизнеобеспечения. По хозяйственным особенностям в составе хантов можно выделить несколько самостоятельных территориальных групп: казымская, нижнеобско-иртышская, среднеобская правобережная, юганская и салымская (рвыделены с учетом материалов А. В. Головнёва и Е. П. Мартыновой[385]).

Ханты казымской группы были, соответственно, расселены в бассейне р. Казым, а с начала XIX в. также в верхнем и среднем течении р. Назым[386] – обе реки являются правыми обскими притоками. На фоне других эта группа выделяется особой ролью оленеводства в их экономике. Н. А. Абрамов, характеризуя их хозяйство в XIX в., писал: «содержание многочисленных стад оленей составляет главнейшую заботливость и богатство казымских обывателей». Исследователь также добавлял, что в число их основных занятий входят охота на зверя, лов птицы и рыбы, собирание брусники и кедровых орехов[387]. Казымцы действительно держали

---

[381] Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. Тюмень, 2018. С. 120–121.

[382] Алквист А. Среди хантов и манси. С. 136.

[383] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 157. Л. 233.

[384] Малышкина Ю. А. Поселения, жилища и хозяйственные постройки кондинских манси и ханты // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. ст. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 118–128.

[385] См.: Головнёв А. В. Указ. соч.; Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. Сер.: Новые исследования по этнологии и антропологии. М., 1998.

[386] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1. Этнографический очерк местных инородцев. С. 84–86.

[387] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 396.

больше оленей, чем большинство их соплеменников, животные выполняли для них преимущественно транспортную функцию, но также обеспечивали шкурами для изготовления одежды, постельных принадлежностей и покрытий для чума. Первые специальные исследования казымского оленеводства показали, что местные стада обычно составляли два-три десятка голов, лишь в редких случаях поголовье исчислялось несколькими сотнями животных. Другими характерными чертами местной оленеводческой отрасли были небольшое количество перекочевок в течение года, летний выпас объединенных стад, сооружение сараев с дымокуром для защиты животных от гнуса, использование деревянных ножных колодок для ограничения подвижности оленя и наличие пастушьих собак[388].

Основными объектами охоты казымцев были пушной зверь (белка, горностай, лисица), водоплавающая и боровая птица, копытные и медведь. Пушного зверя промышляли, отстреливая из лука, а также добывали с помощью самострелов и в особенности черканов, которые устанавливались в большом количестве. По глубокому снегу на пушную охоту в дальних угодьях отправлялись на оленьих упряжках. Гусей и лебедей отстреливали на пролете возле водоемов, уток ловили в большом количестве перевесами и петлями, а глухаря и тетерева добывали в основном слопцами, которые массово настораживались по окрестным борам. Лося добывали главным образом в низовьях Казыма, на остальной территории реки он встречался редко, еще реже – дикий олень. Для промысла лосей устраивали засеки с настороженными самострелами или выкопанными ловчими ямами. Дикого оленя иногда промышляли на водораздельных болотах и в верховьях Назыма загоном по насту. Медведя обычно поднимали зимой в берлоге, иногда его приходилось убивать при охране оленьего стада летом[389].

Интересно, что главное охотничье орудие казымских хантов – лук со стрелами – по своим высоким рабочим качествам был известен за пределами их реки. По сообщению французского путешественника Ж. Б.-Б. Эйрие 1830-х гг., некоторые из нижнеобских остяков даже перестали делать луки сами, предпочитая приобретать их у казымцев в обмен на рыбу и русские изделия[390]. Путешественник подробно описывает конструкцию данного орудия, которая, вероятно, была довольно универсальна для таежной части югорского Обь-Иртышья:

> *Лук около трех аршин длиною. Он состоит из двух продольных половин, верхней берёзовой, которая довольно гибка, и нижней из хвойного дерева, которая потверже; они скреплены рыбьим клеем… Стрелы аршина в полтора из крепкого дерева; на нижнем конце – перяная опушка в два ряда, на верхнем иногда притупленный двойной конус, иногда ржавое ромбоидальное железко… Соболей и белок бьют только тупыми стрелами, чтоб не испортить шкурки; острые пронзают кожу всех здешних зверей*[391].

Рыбу на Казыме и его притоках добывали круглый год с помощью запорных ловушек и морд, основные вылавливаемые виды – язь, налим, карась, окунь, щука, сырок. Щук нередко до-

---

[388] Руденко С. И. Инородцы нижней Оби : этногр. очерк. СПб., 1914. С. 4; Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели. Результаты Казымской экскурсии И. Н. Шухова в 1914 г. // Ежег. Тобольск. губерн. музея. 1916. Вып. 26. С. 37–38.

[389] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 239–240; Касум-ёх: материалы для обоснования проекта этнической статусной территории Шадринск, 1993. С. 38–40; Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели. С. 40–41.

[390] Эйрие Ж. Б.-Б. Живописное путешествие по Азии. С. 48.

[391] Там же.

бывали самоловами с деревянным крючком[392]. Жители низовьев уезжали летом для лова белой рыбы на Обь. Их способы добычи и товарная направленность промысла не отличались от нижнеобско-иртышских. Вспомогательную роль играло собирательство – сбор ягод, особенно брусники, и заготовка кедрового ореха, причем исключительно для собственного потребления. Казымские ханты имели на своих угодьях три-четыре сезонных поселения-стойбища. Стационарным жилищем у них являлись бревенчатые избы, летнее временное жилье обеспечивали шалаши и навесы, кочевым домом служил чум.

Ханты нижнеобско-иртышской группы – это жители основного русла Нижнего Иртыша и Нижней Оби на участке от Ханты-Мансийска до границы с территорией ЯНАО. К этой группе тяготело население низовьев всех крупных притоков Иртыша и Оби, как ханты, так и манси (берёзовские). Главной отраслью их хозяйства являлось товарное рыболовство, которое дополнялось охотой на пушного зверя, водоплавающую птицу и копытных. Подсобное значение играли животноводство и собирательство. Группа имела тесные контакты с русским населением с самого раннего периода освоения ими Сибири и относительно быстро подверглась аккультурации. В данном случае мы располагаем редкой возможностью использовать довольно полные описания их хозяйственной деятельности в записках исследователей и путешественников XVIII–XIX вв.

Ведущая роль рыболовства и его товарная направленность предопределялась местными природно-географическими условиями – именно здесь концентрировались в большом количестве самые ценные породы рыбы (осетровые, лососевые, сиговые, и др.), и по данным речным артериям пролегали главные пути сообщения региона. Лов рыбы происходил почти круглогодично, главными орудиями его были плавные и ставные сети, неводы, запорные ловушки, колыданы, чердаки (важаны), переметы с деревянными крючками и самоловы с металлическими. Наибольшие объемы добычи обеспечивали крупные сети, неводы и чердачные ловушки, которые поступали к хантам от русских. Ранней весной преобладали запорные способы лова, чуть позже начинали широко применять ставные сети и неводы, летом к ним добавлялся лов плавными сетями и колыданом, наконец, зимой практиковалось в основном использование запорных ловушек, чердаков-важанов и переметов (их проверкой нередко занимались остававшиеся в зимних поселениях старики и дети), а с XIX в. – ставных сетей и самоловов[393]. Большую ценность приобретали самые богатые рыбой и удобные для промысла угодья – рыболовные пески, соры, зимовальные ямы – от их наличия и сохранения прав собственности и пользования во многом зависело благосостояние коренных жителей. В качестве средства перемещения по воде рыболовы использовали долбленые и дощатые лодки разного размера, в том числе поступавшие от русских.

В летне-осенний период в большом объеме добывалась водоплавающая птица; при этом непосредственный отстрел из лука не относился к главному способу добычи. Г. И. Новицкий, Т. Кёнигсфельс, Г. Ф. Миллер и В. Ф. Зуев сообщают, что ханты Нижнего Иртыша и Нижней Оби массово ловят гусей и уток во время летней линьки, когда те не могут летать, и особенно много – осенью с применением переметов и наземных сетей-кысканов. Большой объем заготовок обеспечивал также сбор яиц водоплавающей птицы[394]. На пушного зверя (белку, горностая,

---

[392] Шухов И. Н. Указ. соч. С. 41–42.

[393] Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби : в 2 ч. Тюмень, 2003. Ч. 1. С. 35–43; Головнёв А. В. Указ. соч. С. 25–33; Зуев В. Ф. Указ. соч. С. 153, 199–201.

[394] Зуев В. Ф. Указ. соч. С. 153–154; Материалы сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / отв. ред. Н. В. Кирющенко ; пер. с нем., лат.

соболя, лисицу, зайца) охотились с начала замерзания рек на дальних и ближних угодьях с помощью лука, устанавливали черканы, плашки, кулёмки, самострелы и петли. Лосей и оленей добывали загоном, а также установкой ловчих ям и самострелов[395]. Для дальних поездок зимой жители Оби и Иртыша использовали упряжки собак или оленей, в некоторых хозяйствах к XIX в. стали держать лошадь[396]. К этому же времени товарное значение пробрела заготовка кедровых орехов, для собственных нужд ханты собирали различные виды ягод, в особенно большом количестве здесь произрастали смородина и черемуха.

В качестве демисезонных жилищ хантам нижнеобско-иртышской группы служили бревенчатые постройки нескольких типов, наземные и полуземлянки, летом они нередко жили в крытом берестой чуме или под навесами. Записки Г. И. Новицкого открывают ряд других любопытных фактов о коренных жителях основного русла Оби и Иртыша. Например, то, что они использовали в XVIII в. весьма ограниченное число металлических орудий – далеко не у всякого мужчины был топор. Также интересен отмеченный им у жителей Обь-Иртышья дефицит одежды из оленьего и другого звериного меха. Из-за бедности некоторые из них вынуждены были даже в сильные морозы ходить в одеяниях из рыбьей кожи или из шкурок гусей и лебедей. В связи с этим Г. И. Новицкий довольно метко сравнил народы Севера с пчелами, которые собирают мед, но сами им не питаются[397]. Позднее, в 1830-е гг., одежду из налимьей кожи, которую обские и иртышские остяки носили в зимнее время, описывал и Ж. Б.-Б. Эйрие[398].

Среднеобская правобережная группа включает хантов правобережья Средней Оби, проживавших на пространстве от р. Пим до р. Вах. Объединяющими началами для выделенной общности являлись, с одной стороны, определенное сходство местных природно-географических условий (наличие привлекательных для северного оленя обширных беломошно-лишайниковых боров), с другой – развитая практика транспортного оленеводства и тесные культурные контакты (языковая близость, брачно-семейные связи, общие элементы в ритуально-религиозной сфере). Можно предполагать преемственность в освоении оленеводства между жителями рек Пим, Тромъёган, Аган и Вах.

Помимо оленеводческой отрасли, важную роль в жизнеобеспечении группы играли охотничий промысел (пушной зверь, копытные, боровая и водоплавающая птица) и рыбная ловля. Оленеводство в хозяйственной структуре хантов правобережья Средней Оби имело выраженный вспомогательный характер[399] и было определено В. А. Козьминым исходя из такого ограниченного функционала как транспортное и зимнее[400]. К основным характеристикам местного оленеводства можно отнести следующие: малочисленность личных стад (самые низкие показатели были на Вахе, самые высокие – на Тромъёгане); круглогодичный присмотр за животными; нартенное использование в зимнее время, связанные

и греч. Ю. Н. Беспятых, пер. с фр. Н. В. Кирющенко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2008. С. 24, 236, 248; Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. С. 57, 60–63; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подг. текста А. Х. Элерта. Екатеринбург, 2006. С. 325.

[395] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 157. Л. 231–232 об.; Зуев В. Ф. Указ. соч. С. 203–206, 209–210; Материалы сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г. С. 263; Эйрие Ж. Б.-Б. Живописное путешествие по Азии. С. 471.

[396] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 155.

[397] Новицкий Г. И. Указ. соч. С. 57, 66.

[398] Эйрие Ж. Б.-Б. Указ. соч. С. 40, 53.

[399] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1. Этнографический очерк местных инородцев. С. 90.

[400] Козьмин В. А. Указ. соч. С. 65.

с потребностями оленя сезонные перекочевки и периодические переселения хозяев на новые территории; подкормка оленей; сооружение сараев с дымокуром для защиты от гнуса; использование колокольчиков, деревянных ограждений, ножных и шейных колодок для контроля передвижения животных; ограниченное применение лаек для поиска и сбора оленей[401]. Коренное отличие местного оленеводства от казымской группы заключалось в том, что забой домашних оленей для получения мяса и шкур был предельно минимизирован: во-первых, этому препятствовало низкое поголовье стад, во-вторых, наличие диких оленей и лосей позволяло получить нужные ресурсы в процессе охотничьего промысла. Оленьи упряжки были главным средством передвижения зимой, груз нередко вывозили также на собачьих упряжках, летом перемещались по рекам на долбленых или дощатых лодках.

В отношении пушного зверя бассейны разных рек имели свою специфику: Вах славился обилием белки с высоким качеством меха, следующими по экономическому значению там были горностай и колонок; на Агане и Тромъёгане встречались соболь и бобр, но основные объемы добычи обеспечивали белка, горностай и лисица; в бассейне Пима главным объектом охоты была белка, промышляли также лисицу, горностая и иногда бобра[402]. Белку, горностая и колонка добывали отстрелом из лука, а по глубокому снегу – черканами; лисицу – с помощью слопцов и самострелов, но нередко ограничивались отловом и выращиванием лисят; бобра караулили и стреляли у хаток. Результативность зимнего пушного промысла возрастала в несколько раз благодаря использованию оленьего транспорта. Медведя брали в берлоге, добывали с помощью самострелов и кулём. Лося и оленя загоняли с собаками по насту и во время гона; сооружали направляющие изгороди, на выходах из которых копали ловчие ямы или самострелы. На Агане оленей-самцов иногда добывали с помощью домашнего оленя-манщика, которому на рога наматывали аркан – схватившиеся в поединке быки запутывались в петлях своими рогами. На гусей и лебедей устраивали загонную охоту во время линьки, уток стреляли и ловили перевесами. Боровую птицу промышляли слопцами и ловчими ямами[403]. Рыбу (мохтика, плотву, щуку, ерша, окуня, язя, налима, карася) почти круглый год добывали с помощью запорных сооружений с установленными ловушками-мордами. Практиковались также летняя ловля небольшими неводами по речным пескам и на озерах, добыча щук жерлицами с деревянным крючком, а также так называемое «топтание» небольших речек зимой – забивание русла землей со снегом, что заставляло испуганную рыбу бежать с остатками воды в установленные плетеные ловушки[404]. Для своего потребления собирались таежные ягоды (в основном брусника и черемуха) и местами – кедровый орех. В качестве зимнего жилища хантам правобережья Средней Оби служили каркасно-столбовые землянки (*мых-кот*), летнего – срубные избушки, крытые берестой навесы и шалаши, во время весенне-осеннего выпаса оленей на болотах они жили в чуме ненецкой конструкции[405].

---

[401] Лукина Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов // СЭ. 1979. № 6. С. 112–120.

[402] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 399–401; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 44, 72.

[403] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 43–44, 72–73, 80–96; Лукина Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов. С. 111; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. С. 180–184; Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001. С. 198–206.

[404] Митусова Р. П. Год среди лесного народа. Из путевого дневника // Вокруг света. 1929. № 11. С. 135, 138; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 184; Сирелиус У. Т. Указ. соч. С. 189–198.

[405] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 101; Митусова Р. П. Указ. соч. С. 138–139; Шатилов М. Б. Ваховские остяки. С. 68–75.

Хозяйство юганских хантов, проживавших в бассейнах р. Большой и Малый Юган, а также Балыка, было во многом сходно с хозяйством предыдущей группы, но все же имело свои отличительные особенности, на которых и будет здесь сконцентрировано внимание. Жизнеобеспечение их точно так же основывалось на транспортном оленеводстве, охоте (пушной зверь, копытные, боровая птица) и рыболовстве. Прежде всего юганцы располагали самым маленьким в Среднем Приобье поголовьем оленей. А. А. Дунин-Горкавич писал, что местные остяки имеют оленей еще менее, чем ваховские, тогда как последним оленеводство подчас «даже не обеспечивает средств передвижения»[406]. Не в последнюю очередь это было связано с худшими природными условиями на Малом и Большом Югане для содержания животных: здесь недоставало ягельных пастбищ, а приречная территория была покрыта сложным для пересечения на упряжке густым урманным лесом. Показательно, что если в правобережье Оби обычно запрягали в нарты пару оленей (а на Агане в большой снег могли добавить и третьего), то на Югане, по сообщениям очевидцев XIX в., ввиду узости лесных дорог упряжка нередко состояла из одного оленя, да и у того должны были быть узко поставленные рога[407].

В результате у юганцев, с одной стороны, не прижились отдельные элементы типичного таежного оленеводства, с другой – они чрезвычайно бережно сохраняли свое домашнее поголовье. В частности, им не был известен чум в качестве кочевого жилища, они пользовались только стационарными жилыми постройками (каркасно-столбовыми землянками, бревенчатыми избами и навесами). Только здесь оленей периодически запрягали в нарты, являвшиеся увеличенной копией собачьих (ручных) нарт. Юганские ханты не использовали собак для ловли и загона оленей. При этом у них было ярко выражено стремление как можно сильнее ограничить подвижность оленей – они применяли самые массивные в Среднем Приобье ножные колодки, окружали пастбища большими изгородями, а в летнее время активно подкармливали животных собранными ягелем и грибами. С этим была неразрывно связана еще одна уникальная черта юганцев: они освоили благодаря своим оленям огромные пространства зимних охотничьих угодий за сотни километров от своего бассейна: р. Балык, Салым, Лямин, Демьянку и Васюган[408]. Почти не имея конкурентов в зоне южной тайги, юганцы нашли для себя места, богатые ценным пушным зверем (соболь, бобр, белка, горностай), лосем и диким оленем, а также туводной рыбой. Способы добычи диких животных у них в основном были те же, что в правобережье Оби, не было отмечено лишь ловчих ям и применения оленя-манщика. Рыбная ловля и собирательство тоже мало отличались по промысловому набору и способам добычи. В качестве вспомогательного тяглового животного юганцы часто использовали своих собак. Помимо долбленых лодок, распространенным вариантом у них также были большие дощатые лодки с крытым верхом (*саран-рыт*)[409].

---

[406] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1. Этнографический очерк местных инородцев. С. 90.

[407] Пирожников Г. А. Обь-Иртышский Север : этногр. очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север : ист.-краеведч. сб. / ред.-сост. Л. В. Цареградская. Ханты-Мансийск ; Сургут, 2002. С. 129.

[408] Адаев В. Н. Оленеводство у хантов реки Демьянка в XX веке (история и основные черты) // Словцовские чтения : материалы докл. и сообщений XVI Всерос. науч.-практ. краеведч. конф. Тюмень, 2004. С. 118; Лукина Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов. С. 116, 118.

[409] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 40. Д. 332. Л. 1–1 об.; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 138–175; Janko J. Utazas Osztjakfoldre 1898. Budapest, 2000. S. 136, 197, 207–215.

Рис. 1.34. Фрагмент экспозиции «Традиционные занятия коренных народов Сибири». ТИАМЗ. Фото А. Ю. Конева

Салымские ханты, еще одна группа из левобережья средней Оби, выделялись отсутствием оленеводческого хозяйства. Экономика салымцев базировалась на рыболовстве и охоте (пушной зверь, копытные, боровая птица), дополнявшихся животноводством и собирательством. Рыбной ловлей (плотва, щука, язь, окунь, сырок, налим и другая туводная рыба) занимались почти круглый год. Зимой и весной ловили на реке с помощью запорных ловушек и важанов. С весны и до ледостава ставили сети, пользовались кривдой, неводили на песках и в соровых водоемах, практикуя в том числе содержание пойманной рыбы в садках до осени[410]. Главными промысловыми пушными животными были белка, лисица, соболь, горностай и заяц. Животных стреляли из лука (причем сами салымцы умели изготавливать только простой лук, а сложный покупали у обских самоедов), ставили черканы, плашки и петли. Для ловли соболя иногда использовали специальный слопец небольшого размера и плетеную из крапивы обмётную сеть. Лисицу и зайца могли добывать с помощью самострелов. Главным объектом мясной охоты был лось, его промышляли в основном загоном по насту, иногда ставили самострелы. На дикого оленя обычно охотились скрадом, с помощью ловчих ям и самострелов. Боровую птицу добывали слопцами, ловчими ямами и петлями. Водоплавающую птицу стреляли из лука и добывали перевесами, для установки которых прорубали специальные просеки[411] (рис. 1.34).

[410] Городков Б. Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири // Изв. РГО. 1926. Т. 58, вып. 2. С. 64, 68; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 186; Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда // Ежег. Тобольск. губерн. музея. 1911. Вып. 21. С. 4, 11; Его же. Салымские остяки: из материалов к этнографии южных остяков // Лукич. 2000. № 6. С. 125–126.

[411] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 401–402; Городков Б. Н. Указ. соч. С. 29, 64; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое опи-

Известно, что в начале XIX в. салымцы содержали несколько десятков лошадей. Хозяевами были прежде всего жители низовий и отчасти среднего течения реки, которые теснее общались с русским населением и имели хорошие места для покосов. Салымцы вели сбор таежных ягод и кедровых орехов, последние, а также клюква и брусника, уже к XIX в. приобрели у них некоторое товарное значение, чему способствовали близкое нахождение группы от рынков сбыта в Демьянской и Самаровской волостях и наличие собственного гужевого транспорта[412]. Помимо лошади, салымские ханты использовали для перевозки груза собак. По воде передвигались на лодках-долбленках и дощатых лодках, в том числе крупных с крытым берестой верхом. Основным жилищем им служили срубные постройки (есть отдельные сведения о существовании в прошлом также шатровых землянок, как у других жителей Среднего Приобья), в летнее время использовались также шалаши и навесы[413].

Старожильческое население

Что касается *русских старожилов*, то и их структура хозяйственной деятельности обусловливалась прежде всего спецификой природно-климатических условий. По этой причине главное место в хозяйстве занимали охота и рыбная ловля. К началу XVIII в. запасы ценного пушного зверя были в значительной степени истощены. И тем не менее, пушная охота оставалась занятием выгодным. По свидетельству Г. Ф. Миллера, в обской тайге в 1730-х гг. добывали соболей, славившихся «добротой», «наилучших» росомах, «нарочито хороших» бобров. Обская белка особенно ценилась китайцами за густой и пышный мех. Лучшие по качеству и драгоценные по цене лисицы редких окрасов – черные и чернобурые – также водились в северно-зауральской тайге[414]. Тогда же, в середине XVIII в., тобольский ямщик И. Черепанов в своей летописи сообщал: «Около Сургута города и его уезда хорошие соболиные помыслы имеются, и те соболи берёзовских и пелымских добротою превосходнее. Там попадаются такие, которые стоят от 4, 6 и 8-ми рублей, однако больше от 1 до 3 рублей». Сургутские росомахи, по свидетельству Черепанова, считались лучшими в Сибири и шли на продажу по цене от одного до полутора рублей за шкуру, а сургутская белка «в доброте берёзовской и томской не уступает и одинакова цветом, продается ценою от 30 до 35 рублей за тысячу»[415]. В 1780-х гг. отмечалось, что даже в не столь удаленной от густонаселенных мест Самаровской местности «в лесах имеетца звери: лоси, олени, медведи, черныя лисицы, красныя и бурыя, соболи, горностаи, розсомаги, ласки, белые зайцы, а ниже Самарова по Обе в речках бобры и выдры»[416].

сание страны по отдельным географическим районам. С. 186–187; Шульц Л. Салымские остяки: из материалов к этнографии южных остяков. С. 123, 125.

[412] Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 95–130; Шульц Л. Салымские остяки: из материалов к этнографии южных остяков. С. 115, 127.

[413] Салымский край. С. 161, 164; Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда. С. 3, 15; Его же. Салымские остяки: из материалов к этнографии южных остяков. С. 111, 121–122.

[414] Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Декабрь 1755 – май 1756 гг. С. 180–182.

[415] Цит. по : Пузанов В. Д. Русская власть и ясачное население в Сургутском уезде в XVII –первой половине XVIII в. // Славянский ход 2005. Материалы и исследования : альманах. Вып. 2. Ханты-Мансийск ; Сургут, 2005. С. 103.

[416] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 43 об.

Охота на пушного зверя была добычлива еще в 1820-е гг. Со слов А. Эрмана, в это время бобры «весьма часто встречаются под широтою Берёзова при некоторых притоках реки Оби»[417]. В огромных количествах добывалась боровая и водоплавающая птица. Продукты охоты у местного русского населения в начале XVIII в. шли на собственное употребление и на продажу[418]. Серьезным препятствием для русских добывающих промыслов являлось то, что все промысловые угодья принадлежали аборигенам. Так, в 1706 г. берёзовские казаки отписали в Сибирский приказ: «около Берёзова в близости версты по две и по три от города все иноземские угожы… и… промыслов те иноземцы нас на свои угожи промышлять не пущают, потому что сами они промышляют»[419].

Таким образом, берёзовцы и сургутяне были ограничены в промысловой деятельности территориями, прилегавшими к городам. Вполне ожидаемо подобная практика закончилась тем, что «угодные места поиспортились» уже в начале XVIII в., а к 1825 г. зверь «совершенно удалился» из пригородных пространств. В свою очередь, оскудение угодий сказалось на организации промысловой деятельности. Охота стала приобретать индивидуальный характер, но еще в начале XVIII в. она велась небольшими коллективами – артелями родственников. Добыча такого коллектива бывала значительной. Так, в 1703 г. артель, состоявшая из представителей семей Лаподниковых и Евтихиевых – всего 6 чел., была отпущена в Тобольск со «своего помысла» с 1110 горностаями и восемью красными лисицами[420]. Однако и индивидуальная добыча могла быть значительна. В том же 1703 г. казак Яков Мещеряков явил берёзовским таможенникам «промыслу ево 7 лисиц красных, в них две сиводушки, в них же одна недоросль… шубенко недопескова… 30 горностаев, две шубенки лапчатые песцовые»[421].

Конечно, русское население северных городов стремилось к расширению территории промысловой деятельности. Такое расширение могло осуществляться двумя способами – через деловые контакты с коренным населением или через аренду (*кортом*) угодий. Однако в охотничьем промысле это было совершенно невозможно сделать на законных основаниях. Власти бдительно охраняли монополию аборигенов. Так, указ 1731 г. запрещал русским охотникам промышлять пушных зверей в местах охоты ясачных людей. Позднее данная политика не менялась. Оставалась аренда (кортом), но сдавать охотничьи угодья не были настроены сами аборигены. Промысел собственными силами приносил больше выгоды, да и размер ясака напрямую зависел от размеров и состояния пушных промыслов (рис. 1.35).

Наиболее интенсивный период охоты приходился на конец осени и зиму. Именно в это время шкура пушного зверя приобретала особую «доброту». Летом охота практически прекращалась, высвобождая время для рыбной ловли. Русские северяне охотились с ружьем и луком, а также применяли различные ловушки. Орудия охоты выбирались в зависимости от объекта охоты и сезона. Перелетную птицу, например, добывали весной перевесами. Тогда же били палками зайцев, укрывшихся от половодья на заливных островах. Охота на «зверя по заливным островам» в XVIII в. признавалась «важной статьей продовольствования» северян: «острова и высокие бугры, которых никогда и самою большою водою не потопляет, на таковых бывают, что держатся лисицы, зайцы, а в зимнее – великое множество куро-

---

[417] Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Берёзове. С. 242.

[418] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 50.

[419] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464. Л. 400.

[420] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 51–52.

[421] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1396. Л. 187–188 об.

патки». Палка вновь шла в дело в конце лета, ею били и «давили» собаками водоплавающую птицу. Специализированный набор ловушек предназначался для боровой птицы. Слопцами, пастями, силками ловили тетеревов, куропаток, рябчиков[422].

Рис. 1.35. Ф. де Ханен. Северные торговцы пушниной. 1913. Репродукция из публикации: Привалов В. Северные истоки российской государственности. https://dzen.ru/a/Y35iPoXTejrMCeZZ

Берёзовцы и сургутяне занимались рыбной ловлей не только в «градских дачах», но и в угодьях аборигенов на условиях кортома. Иной раз «кортом» предполагал ведение достаточно крупного рыболовного хозяйства. Так, в 1802 г. берёзовский мещанин Иван Ногин арендовал у куноватских хантов рыболовный песок «на острову реки Малой Оби». Там же, в Куноватской волости, кортомил рыболовный песок, «сидящий на острову реки Оби», берёзовский казак Михаил Сутормин. У хантов Пугорских юрт кортомил Ожинский песок берёзовский купец Иван Торопов. Купец Василий Корепанов арендовал рыболовный песок у аборигенов Верхних Чалкиных юрт. Купец Иван Сверчков кортомил песок в Подгородной волости у ясашных Войтинских юрт. Сургутяне не отставали от берёзовцев. В 1810 г. купец Иван Вергунов арендовал Ляминский сор у хантов Тромъюганской волости. В том же году мещане Иван Раткин и Семен Чусовитин арендовали Ивашкин песок у ваховских хантов. Впрочем, в аренду брались, как правило, небольшие малоценные угодья, наладить сколько-нибудь крупное производство русские северяне не были в состоянии. Главным препятствием было отсутствие у них необходимых для этого немалых денежных средств. Как могли препятствовали этому и власти. В 1805 г. была запрещена аренда рыболовных угодий более чем на один год, теперь требовалось обязательное согласие аборигенных старшин и князцов. В незначительном размере, но имелись рыболовные угодья, принадлежавшие казне. Они, как правило, были малодобычливы, и горожане брали их в аренду нечасто. В 1808–1809 гг. под Сургутом было зарегистрировано только три оброчные рыбные ловли: озеро Митрохинское, курья Боярская и речка Почекуйка.

Рыбная ловля, неводьба прежде всего, требовала коллективного труда. Чаще всего это были семейные коллективы, реже нанимались работники[423]. В уездах охотничий и рыболовный промыслы были организованы так же, как и в городах. В частности, о Самаровской местности сообщалось в 1781 г., что русские

[422] См. об этом: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 53; ПСЗ-1. Т. 16. С. 508; НИА СПб ИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Ед. хр. 310/18. Л. 6.

[423] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 54–58.

> *...питаются от рыбнаго промыслу на отводных песках, а отводнаго места имеют по реке Иртышу на 50 верст около яму, а протчие в уезде ямские селения жительство имеют на купленных землях сыстари у ясашных, и выше означенные Самаровскаго яму ямщики в зимние время по согласию и по кортому с ясашными упражняется в зверином промыслу и как от рыбнаго промыслу, так и от зверинаго, и содержанию получает достаточество*[424].

Наиболее интенсивный лов рыбы осуществлялся в летнее время. Об орудиях лова в 1740-х гг. сообщалось следующее: «Как русские, так и иноземцы... рыбу ловят на Обе реке в летнее время неводами и переметами, а зимою неводами же и мордами. Морды делаютца из лесу, и плетут их коренем лесным, который растет от лесу в землю»[425]. Кроме морды, широко применялись колдан, а также запор на малых реках. На лов рыбы ездили в «малых остятцких лодках». Таким образом, налицо заимствования в области аборигенных трудовых навыков.

Кроме охоты и рыбной ловли, северяне занимались сбором дикоросов – кедровой шишки, ягод, а также яиц диких птиц. Имелись порайонные различия в ассортименте собирательных промыслов. Так, в Самаровской местности собирали «кедровые орехи, ягоды: малина, земляника, черемуха, смородина, мурошка, клюква, рябина, чернига, губы, грузди, рыжики, масленики»[426]. Самым изобильным и доходным являлся промысел кедрового ореха. В 1820-х гг. отмечалось: «Заметить надобно, что здешний округ (Берёзовский. – *Авт.*) изобилует кедровником, так что обитатели оного в хороший урожайный год собирают кедровых орехов до 20 000 пудов»[427]. В это же время, по подсчетам Ф. Белявского, в Самаровской волости Тобольского округа местные жители за сезон собирали до 10 тыс. пудов ореха[428]. Кроме кедрового ореха, не только для собственного употребления, но и на продажу собиралась в большом количестве брусника[429].

Из традиционных русских хозяйственных отраслей на Севере привилось скотоводство. Горожане и жители уездов держали крупный рогатый скот и лошадей. Богатые берёзовцы по меньшей мере в 1770-х гг. заводили свиней, овец и кур «на яйцо»[430]. Разведение кур, по-видимому, время от времени прерывалось. Иначе трудно объяснить, почему хорошо информированный автор доктор Эрман отметил в 1828 г., что берёзовцы начинают разводить кур[431]. Возможно, все объясняется тем, что кур, свиней и овец приходилось содержать взаперти, «иначе через час и костей не найдешь, как собаки растащат». Огромное количество собак – охотничьих, пастушьих, ездовых и попросту бродячих – было обязательным элементом антропогенного ландшафта всех северных поселений:

> *Каждый день небывалым людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, который по всему городу (Берёзову. – Авт.) раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, пер-*

---

[424] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 43.

[425] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3. Л. 187.

[426] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 43 об.

[427] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Д. 13. Л. 59 об.

[428] Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 16.

[429] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Д. 13. Л. 59 об.

[430] Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1999. С. 215–216.

[431] Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Берёзове. С. 251.

вое – подерутся, потом начнут выть, что услыша, прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе сделается такой вой, что из конца в конец переходит[432].

Имелись у берёзовцев серьезные проблемы с выпасом крупного скота. П. С. Паллас следующим образом описывает городской выпас: «А около города небольшое число чистого места для скотского выпуску, например, как десятин на пять, и то неровное, ложистое и мокрое»[433]. Для скота на длительный период стойлового содержания приходилось заготавливать сено. Покосы, выделенные берёзовцам «от отцов и дедов их… во владение им вечно», находились от города «верстах в пяти»[434]. Однако были они недостаточны: «сенокосные луга хотя в дачах городских и имеются, но по количеству граждан весьма недостаточно… потому принуждены бывают для поставки сена кортомить места у ясашных, живущих поблизости города», – сообщалось в 1804 г.[435] Сургутяне подобных трудностей с сенокошением не испытывали. О Самаровской местности в 1781 г. сообщалось, что «у жителей скот содержитца: лошади, коровы, свиньи, куры русские, а гусей и уток не водят»[436]. Самое раннее из известных нам свидетельств о содержании свиней в русских хозяйствах Среднего Приобья относится к 1807 г. В 1810 г. Тобольской духовной консистории зачем-то понадобились сведения, «в какой цене состояли вышеозначенного 1807 года в Юганском погосте годовые свиньи, обещающие родить 12 поросят»[437]. Развитию скотоводства препятствовали природные условия региона.

Большему распространению скотоводства препятствуют здесь суровость климата, а более всего нередко случающиеся весною большие воды, которые, потопляя все места, находятся в разлитии продолжительное время, от чего много гибнет скота от неимения корма и удобных мест, где бы сохранить его можно было. Также немало вреда скоту причиняют и хищные звери,

– отмечалось в «Экономическом или хозяйственном описании Берёзовского округа» за 1827 г.[438]

Землепашество на Севере из-за сурового климата особого развития не получило. Дело ограничивалось незначительными опытными посадками. Наиболее ранние свидетельства об опытах хлебопашества близ с. Самарово относятся к 1760-м гг. В 1767 г. самаровская пашня составляла около 80 десятин (27 десятин – озимая рожь, 22 – яровая, 31 – пар)[439]. Побывавший в районе Самарово в 1772 г. академик П. С. Паллас оставил следующее свидетельство: «Около Самарово почти ничего не сеют, кроме ячменя и овса, а уже много ежели несколько ярового хлеба, льну и конопляй. В три года здесь в окольных местах случился хороший урожай хлеба»[440]. «Обыватели города Берёзова» сообщали в 1741 г.: «Пшеница, рож, ячмень, овес, пшено, греча, семя льняное и конопляное, тако ж чечевица, горох и бобы в Берёзове не сеют и не ро-

---

[432] Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым. С. 215.

[433] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 33.

[434] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 125–125 об.

[435] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 80.

[436] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 43 об.

[437] Пирожников Г. Обь-Иртышский север : этногр. очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север. С. 188.

[438] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Д. 13. Л. 63 об.

[439] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учебник для старших классов / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000. С. 227.

[440] Цит. по: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 227.

дитца, и пашенных земель не имеетца»[441]. В 1752 г. Берёзовская воеводская канцелярия на запрос Тобольской губернской канцелярии отписала, что «как на пред сего, так и ныне за происходящим каждогодно студеном климатом хлеба не пашут»[442]. В первой половине 1820-х гг. берёзовский купец Нижегородцев сеял ячмень и рожь и собирал небольшие урожаи. Так, в 1826 г. сбор ячменя составил «сам двадцать»[443]. Опыт Нижегородцева, однако, не перерос в постоянную отрасль северного хозяйства. Суровый климат здесь явился не единственным препятствием. Не менее значимым было отсутствие соответствующих хозяйственных навыков. В 1825 г. из Сургута сообщали, что в окрестностях города

> *…прежде не производилось и ныне не производится хлебопашество потому, что грунт земли к тому не свойственной, а хотя есть в отдаленности от Сургута к посеву овса, ярицы, ячменя некоторыя способныя места, но нет, как тут, так и по всему Сургутскому отделению таковых жителей, которые бы могли в том действовать и знать совершенное хлебопашество и обрабатывание земли*[444].

Наконец, северянину значительно проще было покупать хлеб на вырученные от привычных хозяйственных занятий средства.

Больших успехов, чем в полеводстве, добились северяне в огородничестве. По крайней мере, уже во второй половине XVIII в. у берёзовцев и сургутян были огороды[445]. На них в это время выращивали репу, редьку, морковь, свеклу, капусту, а в районе с. Самарова – еще чеснок, хрен: «Капуста же в оных местах (с. Самарово. – *Авт.*) родится без кочней, чеснок, редька, репа и хрен растут в довольном количестве»[446]. Приличный огород «в длину 35 сажен… для сажения на братию капуст» возделывали служители Кодинского монастыря в 1763 г.[447] В начале XIX в. в огородах берёзовцев появились бобы, горох и огурцы[448]. В первой трети XIX в. жители Кодинского и Сургутского отделений выращивали в огородах репу, редьку, морковь, свеклу, капусту, огурцы. Впрочем, отмечалось, что из-за сурового климата «труды редко вознаграждаются надлежащим образом»[449]. В XIX в. в огородах северян появляется картофель. В 1819 г. Самаровское волостное правление сообщало, что «вследствие холодного климата хлеба здесь не сеют, картофель же и другие огородные овощи вырастают, но в весьма малом количестве»[450].

> *Картофель мог бы здесь расти неплохо, хотя клубни мелкие, так как ранние заморозки портят ботву, но здесь его мало садят, разве что для забавы, всего по нескольку кустов. Хозяйка, засадившая целую гряду, думает, что сделала великое дело. Вообще жителям Берёзова не нравится этот овощ. Видно, что их желудки привыкли к мясным блюдам,*

---

[441] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

[442] Там же. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6212. Л. 37.

[443] Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Берёзове. С. 235.

[444] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 41. Д. 1. Л. 2.

[445] Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым. С. 214.

[446] Миненко Н. А. Север-Западная Сибирь. С. 82; Цит. по: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 227.

[447] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (сб. док.) / сост. С. В. Туров. Тюмень, 2003. С. 181.

[448] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 81–82.

[449] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Д. 13 Л. 63.

[450] Лопарев Х. М. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896. С. 46.

– отмечала в 1839 г. Э. Фелиньская, проживавшая в Берёзове польская ссыльная[451].

В середине XVIII в. у русских северян складывается новая хозяйственная отрасль – оленеводство. Больше, чем в других местностях, оленей было у жителей Берёзова. В 1764 г. оленями владел местный протопоп Кайдалов. У берёзовского атамана Ильи Сверчкова в 1780-х гг. имелось стадо в 180 голов. Оленей он выменял у хантов. Так поступали и другие, иной раз платя «немалую цену». Потребность в оленях возникла из-за участившихся длительных поездок по волостям, где передвижение было возможно только на оленьих или собачьих упряжках. Крупные стада русские владельцы поручали заботам аборигенов. С этой целью они либо нанимали пастухов, либо раздавали оленей разным хозяевам на содержание. Чаще всего таковых находили в Обдорской волости, но, бывало, отдавали и в другие – например в Ляпинскую. Как сообщали казаки, поездки к аборигенам они совершали «на собственных своих конях, а по неимению конных дорог в зимнее время – на собаках и оленях, ис коих последние находятся как в зимнее, так и в летнее время у остяков и самоедов в пазбе»[452]. Собак русские северяне содержали как для транспортных нужд, так и для охоты. Собаководство как отрасль хозяйства укоренилось по меньшей мере с 1740-х гг.[453] (рис. 1.36).

Рис. 1.36. Казак с собачьей упряжкой. Рисунок-реконструкция Н. Фомина.
Изображение с сайта «Пушинка». https://pushinka.top/13593-illjustracijah-nikolaja-fomina.html

Самыми распространенными ремеслами в Берёзове в середине XVIII в. являлись плотнично-столярное и кузнечно-слесарное. Эти специальности были востребованы на строительстве и починке зданий, а также на починке или разборке речных судов, во множестве приходивших в Берёзов или следовавших через город. Так, в 1752 г. по обращению «плотнического старосты» Михаила Карпова было отпущено на «починку казенного дощаника железа два пуда пять фунтов». Принял железо «слесарь казак Михаил Протопопов»[454]. Вполне вероятно,

[451] Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Берёзове // Подорожник : краеведч. альм. / ред.-сост. В. К. Белобородов. Тюмень, 2005. С. 23.

[452] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 78–79.

[453] Там же. С. 80.

[454] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6212. Л. 128.

что этому же «плотницкому старосте» было поручено в июле 1752 г. «барку розломать, годной лес положить в удобном месте»[455]. По меньшей мере еще с двумя барками в 1752 г. поступили подобны образом[456]. Из «годного леса» затем могли строиться суда. Во всяком случае, в 1753 г. «берёзовский казак Алексей Оболтин с товарыщи… для сколачивания казенного дощеника» истребовал у берёзовской канцелярии скобы, гвозди и «к казенке, в котором поставлена ясашная мяхкая рухлядь, к дверям цепочки»[457]. Уже знакомый нам плотничный староста Михаил Карпов с товарищами 1751 г. ремонтировал кровли на угловых башнях берёзовского острога и кровлю на казенном амбаре, «в коем имеетца ясашная мяхкая рухлядь»[458].

Берёзовцы подряжались на рубку дров. Так, в 1751 г. разночинцы Яков Кулебакин с товарищами поставили в Берёзовскую воеводскую канцелярию дрова «по учиненному с ними… договору»[459]. Берёзовские плотники работали по найму в волостях. В 1753 г. «разночинцами Иваном Чакилевым с товарищем» была сооружена «в Обдорской волости вкруг Васильевской церкви ограда»[460]. Кузнечные работы в городе выполнялись «казенными кузнецами»[461]. И работы эти могли быть достаточно тонкими. Так, берёзовский казак Петр Котельников в 1752 г. изготовил по казенному заказу 24 фунта медной «кабацкой посуды»[462]. Структура ремесленных занятий существенно не менялась десятилетиями. В описании Берёзова от 1762 г. говорится: «Здешний народ по малолюдству никаких ремеслов, кроме топорной и кузнечной работы, не имеет»[463]. О с. Самарово в описании 1762 г. говорится:

> *Из самаровских ямщиков некоторые имеют ремесла. Домы обывательские деревянные строить, тако ж на казенные, купеческие и на протчии малыи суда к судовому водяному ходу принадлежащие постройки и к тому приуготовить потребной лес, и тем имеют довольство без недостатка*[464].

П. С. Паллас десятком лет позднее замечал, что берёзовцы занимаются рубкой дров, кузнечным и столярным ремеслом, но развиты эти занятия слабо[465]. В связи с ростом торговли и рыбопромышленности становилась все более распространенной подработка извозчиками, лоцманами и гребцами. Некоторые вдовы занимались шитьем одежды и выпечкой хлеба. В XIX в. уровень специализации ремесла вырос. В 1816 г. в Берёзове числилось пять семей цеховых. Они «упражнялись» в кузнечном, плотницком и портняжном деле. В 1820-х гг. некоторые жители Берёзова из числа казаков, крестьян и мещан занялись выделкой оленьих шкур у себя «на дому»[466]. Около этого же времени в Берёзове появились «кирпичные сараи», но кирпич из них выходил плохого качества[467].

---

[455] РГАДА. Л. 130.

[456] Там же. Л. 145.

[457] Там же. Л. 161.

[458] Там же. Л. 98.

[459] Там же. Л. 136.

[460] Там же. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6212. Л. 176.

[461] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 82.

[462] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6212. Л. 134.

[463] АРАН. Ф. 3. Оп. 10 А. Д. 188. Л. 3 об.

[464] Там же. Оп. 10б. Д. 140. Л. 3 об. – 4.

[465] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 33.

[466] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 82.

[467] Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. С. 26.

Своеобразным сектором домашнего ремесла в XVIII в. было «тайное корчемство». Так, в 1737 г. за корчемное дело и за продажу корчемного вина были задержаны берёзовский обыватель Артемий Княжев и его теща, «отставного казака Дмитрия Кулебакина Устинья Борисова дочь», а также новокрещенный остяк Илья Шипунов и его жена Марина[468]. Имелись в Берёзове специалисты в оккультной практике. В 1752 г. в Берёзовской воеводской канцелярии велось следствие

> *Демьянского яму ямщика Ивана Шадрина… по делу о волшебстве и порче жены сибирского гарнизона прапорщика Софонова. И оной Шадрин… роспрашиван и пытан был три раза и во объявленном волшебстве и порче винился. Точию оной Шадрин сего 1752 г. июня 14 волею божиею умре…*[469]

В том же 1752 г. в Берёзове был получен указ об «о учинении содержащимся здесь по волшебному делу колодником разночинской дочери Мамонтовой с товарищи разных наказаний»[470].

В ходе контактов с русскими к XVIII в. заметно изменилась пища коренного населения Югры, что имело косвенное отношение к переменам в хозяйственной деятельности. В частности, в употребление сибирских инородцев широко вошли мучные продукты, особенно хлеб. Более того, со второй половины XVIII в. Российское государство начало целенаправленно обеспечивать северные народы мукой на случай голода, для чего были учреждены казенные хлебозапасные магазины. Как пишет Н. А. Миненко, в первые годы существования Тобольского наместничества (1780-е гг.) уже действовали Берёзовский, Сургутский и Кондинский хлебозапасные магазины[471]. Не в последнюю очередь такая практика стала необходимой по причине переориентации хозяйства северян на товарный пушной промысел, в связи с чем обеспечение самих себя рыбой и мясом нередко отходило у них на второй план.

Данные ранних источников демонстрируют, что к 1770-м гг. между русскими и угорским населением основного течения Иртыша и Оби в пределах территории современного ХМАО произошло заметное культурное сближение, сформировались тесные формы экономической кооперации, где имели место и насыщенный обмен хозяйственным опытом, и масштабное перераспределение промысловой продукции[472]. Отдельные отрасли производящего хозяйства в культуре коренных жителей округа либо появились, либо получили дополнительное развитие под влиянием контактов с русским населением. Речь идет, в частности, об упомянутом выше земледелии у манси в низовьях Конды и о содержании хантами Нижнего Иртыша и Оби небольшого числа лошадей для подвод (при том, что промыслов своих они не оставляли)[473]. А. В. Головнёв отмечает, что к рубежу XVIII–XIX вв. народы Севера Западной Сибири заимствовали ряд элементов хозяйственной культуры русских и коми-переселенцев: использование конопли и льна для изготовления одежды и рыболовных орудий, применение металлических орудий труда и огнестрельного оружия. Перенимались отдельные способы промысла: лов пушного зверя железными капканами, на рожон, обметом, загоном на лошадях, рыболовство стрежевыми и зимними неводами, плавными сетями[474]. Осваива-

---

[468] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

[469] Там же. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6212. Л. 167.

[470] Там же. Л. 191 об.

[471] Миненко Н. А. Указ. Соч. С. 170–171.

[472] Зуев В. Ф. Указ. соч. С. 143, 150, 153–155, 157.

[473] Там же. С. 149.

[474] Головнёв А. В. Указ. соч. С. 137, 140.

лись новые занятия и в связи с потребностями русских старожилов: последние нанимали инородческое население косить сено, расчищать лес под постройки, вязать веники и т. д.[475]

Подчас новые формы производственных отношений возникали во вполне традиционных для Севера отраслях хозяйства. В связи с тем, что некоторые русские старожилы приобретали в собственность домашних оленей, наемными пастухами при стаде нередко оказывались те же остяки или самоеды. При этом, как пишет В. Ф. Зуев, часть пастухов воспринимали такую работу не иначе, как быстрый способ разбогатеть: русский владелец приезжал к стаду раз в год, и его легко было обмануть, списав снижение поголовья оленей на хищников и естественную убыль[476]. Как отмечалось, в конце XVIII, а особенно в первые десятилетия XIX в. все чаще стала встречаться аренда (кортом) инородческих угодий. Под видом этого нередко происходило фактическое отторжение самых ценных участков, в особенности рыболовных песков, но также удобных мест охоты и кедровников. При этом законные владельцы земель нередко сами становились наемными работниками у своих «арендаторов»[477].

Спровоцированная извне активизация охотничьего и рыболовного промысла у коренного населения, а также включение в те же виды деятельности русских старожилов приводили к быстрому истощению некоторых угодий и критическому сокращению отдельных видов животных на всей западносибирской территории. В частности, на большинстве ареалов Югры уже в XVIII в. стали малочисленны бобр и соболь[478]. В связи с этим красноречива фраза из челобитной кондинских манси, просивших еще в XVII в. об уменьшении соболиного ясака: «Зверя стало мало, потому что место обрусело»[479].

Новейшие археологические исследования доказывают, что взаимовлияние аборигенного и старожильческого населения также сказывалось в рассматриваемый период и на топографии расселения, и на приемах и технологиях строительства жилых и хозяйственных построек, хотя эти процессы нельзя пока назвать широко распространенными. Раскопки Берёзовского городища позволили, в частности, на основе изучения костных останков домашних животных и берестяной посуды с хантыйскими и мансийскими орнаментами предположить проживание на посаде представителей коренных народов. Возможно, это были жены русских горожан и дворовые из аборигенного населения[480]. В то же время некоторые сельские поселения в долине Оби – юрты Балинские и юрты Чебыковы, полностью археологически изученные на сегодняшний день, показывают резкую смену архитектурно-строительных приемов в этой местности уже с рубежа XVI–XVII вв. Типичные каркасные або-

---

[475] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 163.

[476] Зуев В. Ф. Указ. соч. С. 149–150.

[477] Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером : в 3 ч. СПб., 1854. Ч. 2. С. 212–213; Миненко Н. А. Указ. соч. С. 56–58.

[478] Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII–XIX вв.). Лесная зона и лесотундра. М., 1960. С. 66–67; Его же. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966. С. 222–223.

[479] Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л., 1941. Т. 2. С. 205.

[480] Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Берёзовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008. С. 166–178; Визгалов Г. П., Кардаш О. В. «Остяцкая усадьба» в посаде города Берёзова XVIII в. (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 87–97; Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю. Берёзовское городище как источник информации об истории и культуре города Берёзова конца XVI–XVIII в. // Меншиковские чтения – 2019 : материалы Рос. науч. конф. Берёзово, 2019. С. 41–50.

ригенные слабоуглубленные постройки заменяются наземными бревенчатыми жилыми домами с использованием разных способов срубной техники, вертикальных и горизонтальных заплотов.

Первоначальная беспорядочная застройка во второй половине XVIII в. сменяется многодворным поселением, где центром является постоялый двор с крупными навесами для передержки лошадей, и вспомогательными постройками (амбары, навесы с очагами). В XVIII в. появляются хлебные печи, печи-калташихи, в начале XIX в. входят в употребление глинобитные, позднее и кирпичные печи. Использование в конце XVII в. срубных приемов домостроения связано с появлением русского (или русско-зырянского) населения. В первой половине XIX в. фиксируется прибрежная планировка дворов, связанных с развитием товарного рыболовства. Юрты Балинские и юрты Чебыковы интерпретированы специалистами как зимние поселения аборигенного населения, функционировавшие в качестве постоялых дворов на зимнем пути Самаровского яма, который связывал Европейскую Россию и города Обского Севера. В ходе торгово-промышленного освоения севера Западной Сибири в XVIII–XIX вв. у пришлого – русского и зырянского – населения сформировались прочные хозяйственные связи с аборигенами края, носившие характер свободного торгового обмена и форму кредитной системы. В процессе взаимодействия коренное население постепенно адаптировалось к интенсивному развитию края, набиравшему обороты[481].

[481] Баранов М. Ю., Визгалов Г. П. Балинские юрты. Культура обских остяков и русских ямщиков XVII – XIX веков: Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 18. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск, 2020.

Глава 6

Торговля и товарные отношения на Обском Севере (1700–1820-е гг.)

Увеличение численности населения как Сибирской губернии, так и ее северо-западных территорий ставило перед коронной властью множество задач, среди которых наиболее важной было обеспечение населения продовольствием и промышленными изделиями. Частично эту проблему можно было решить на местах за счет формирования слоя ремесленников, а также развития сельскохозяйственного производства. Отметим, что опыт государственного обеспечения служилых людей хлебным жалованием сыграл большую роль в оформлении системы снабжения всем необходимым удаленных территорий. Для закрепления Российского государства на Азиатском континенте требовалось создать стабильную систему снабжения и обмена. Поэтому в XVIII в. власти стали регулярно собирать сведения о наличии, доставке и запасах продуктов питания на Обском Севере[482].

Важным путем решения данной проблемы становилась организация товарного обмена между инородческим и русским населением зауральских территорий. Надо учитывать, что ясачное население должно было выплачивать государству подати пушниной, которая стала фактически королевским товаром для Сибири из-за своей востребованности на мировом и всероссийском рынках. Одним из критериев местной торговли О. Н. Вилков определил транзитный характер. Например, по Оби двигались суда «из верховьевых сибирских стран… и тогда жители (Сургута. – *Авт.*) имели удобный случай продавать тамошние продукты, которые состоят единолично в мягкой рухляди», в Китай и другие соседние страны[483]. Большими партиями на пограничные линии юга и крупные ярмарки вывозили соболей, белку, кость мамонта и т. д.[484]

В XVIII в. в Берёзове, Сургуте, Самарове продолжали действовать таможни, документы которых позволяют проследить структуру как товаропотока, так и основных поставщиков товара.

---

[482] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–5.

[483] Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. Новосибирск, 1999; Его же. Город Сургут и его торговля в XVII в. Новосибирск, 1997.

[484] [Чулков М. Д.] Историческое обозрение Российской коммерции при всех портах и границах: от древних времян до ныне настоящаго и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великаго и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия : в 7 т. М., 1785. Т. 3, кн. 1. С. 126.

Среди товаропотока выделялись как транзитные, так и прямые поставки мехов с указанной территории. В 1740 г. тобольский посадский купил на Обском Севере 3150 белок, 225 горностаев, красных лисиц, сиводушек с задними лапками и хвостами, росомах для перепродажи на восток. Насыщенность местного рынка нужным товаром и желание оптовиков оформить большие партии приводили к выделению слоя профессиональных приказчиков, поставщиков товара по заказу: приказчик туринского посадского человека А. Панаева, например, приобрел несколько партий товара, только в первой было 27 лисиц с лапками. В 1741 г. сургутский посадский Г. Иконников и служилые А. Силин, Ф. Перфильев вывезли по зимнику в Тобольск партию шкурок горностая, рыжей лисицы, красной лисицы с белым мехом и т. д.[485]

Проблемы торговли мягкой рухлядью и ее качества обсуждались на заседании Вольного экономического общества с участием представителей местных властей и торговцев. Приглашенные специалисты давали рекомендации по определению подлинности и качества мехов, которые затем публиковались в периодических изданиях[486]. Меховые шкурки традиционно делили как по сортам, так и по их частям: хвосты, лапки и др. Отмечалось, что хорошие собольи хвосты можно купить не только в Нерчинске, но и в Сургуте и Берёзове по 26–30 руб. за сотню. Здесь же можно было купить оленьи шкуры, рога, оленье сало, попадались шкурки обских бобров и т. д.[487]

В товарный обмен втягивалось служилое население Северного Обь-Иртышья: на юг его представители отправлялись за партиями продовольствия, а вывозили местный товар. Но для этого служилым людям требовалось оформить специальную подорожную и заплатить торговую пошлину. В документах северных таможен неоднократно указывались А. Силин, Ф. Перфильев, М. Торопчининов, П. Силин, А. Смолин, которые отправлялись в Тобольск для закупки хлебного запаса, ржи, ржаной муки и других продовольственных запасов с уплатой десятинной и торговой пошлин[488]. Отметим, что служилые нередко выполняли роль поставщиков или посредников в доставке товара к заказчику. Только в сентябре 1740 г. через сургутскую таможню было провезено разного товара на сумму около 900 руб.[489] В Берёзов, Сургут доставлялось также сибирское мыло, которое изготавливалось во многих населенных пунктах[490] (рис. 1.37).

К концу XVIII в. на Обском Севере купцы и местное население торговали товарами из Тобольска, Ирбита за наличные деньги или меняли их на мягкую рухлядь, среди которой ценились больше всего соболя, бобры, волки, росомахи, песцы, белки, горностаи. Отметим, что в поставку продуктов питания втягивалось население разных городов Тобольской губернии[491]. Можно говорить о складывании устойчивой модели товарооборота: иногородние купцы и торговцы, приезжая за пушниной, рыбой, должны были завести на Обский Север

---

[485] РГАДА. Ф. 8129. Оп. 1. Д. 1741. Л. 1–3.

[486] Примечание о соболя торге // Еженедельные известия Вольного экономического общества. СПб., 1789. № 146. С. 242–246.

[487] Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства, познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч. : в 7 ч. / пер. с фр. В. Левшина. М., 1790. Ч. 2. С. 184, 207–209.

[488] РГАДА. Ф. 812. Оп. 1. Д. 1741. Л. 1–3.

[489] Там же. Ф. 415. Оп. 1. Д. 113. Л. 3.

[490] Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. С.179.

[491] Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 251.

какое-то количество продовольствия (хлеб, муку, пшеницу, рожь, ячмень, просо, гречиху, чечевицу, горох); стали практиковаться специальные поставки продуктов питания по договорам и подрядам[492].

Рис. 1.37. Свинцовые таможенные пломбы. Россия, XVIII в.
Репродукция из публикации: История российской таможни в пломбах. Часть первая. XVIII – начало XIX вв.
https://plombomaniac.livejournal.com/10267.html

В указанный период существовали следующие формы и способы товарного обмена между населением Обского Севера и других территорий. С XVII в. наиболее распространенной формой были торговые съезды разного уровня: ярмарки, торжки и временные базары. Отметим, что на формирование торговой сети большое влияние оказывали колонизация русским населением северных территорий, а также процесс налаживания коммуникации с коренным населением. Поэтому местные администрации с начала XVIII в. занимались сбором сведений о стихийных и законных торговых сборах: в документах 1706 г., например, указывалось, что торговля происходит нерегулярно[493].

В Берёзове, Сургуте, Туруханске и Обдорске проводились крупные ярмарки как форма товарообмена между инородческим населением и торговцами. В источниках второй половины XVIII в. подчеркивалось, что ярмарки организовывались для местного населения, «кое не имело между собой постоянных торговых сношений»[494]. В XVIII столетии весьма значимой для региона была зимняя ярмарка в Берёзове. Основными поставщиками товара на ней оказывались ханты, манси, зыряне Архангелогородской губернии и тобольские купцы. С 1809 г. в городе практиковалось функционирование двух ярмарок: летней и зимней[495].

---

[492] РГАДА. Ф. 462. Оп. Д. 20. Л. 4–5.

[493] Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 917. Л. 1 об. –2 об.

[494] Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1792. Ч. 6. С. 1049.

[495] Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. ; Л., 1952. Т. 3. С. 140.

Самой крупной по объемам товарооборота и по численности продавцов и покупателей с первой четверти XIX в. стала Обдорская ярмарка, которая способствовала распространению товарно-денежных отношений между купечеством, городским населением и аборигенами северных территорий Тобольской губернии. Отметим, что на этот торговый сбор кочевые и бродящие «инородцы» съезжались со своим товаром после уплаты ясака[496]. В отличие от традиционных ярмарок, здесь не было специальной площади с торговыми помещениями, иногда использовались временные палатки и шалаши. Для размещения образцов продуктов питания изготавливали временные стойки, но самый ценный товар – кожаные изделия, сукно, посуда – хранился в деревянных сараях. Коренное население располагало сани в форме «рогов», где могло выставлять образцы своего товара. Однако переговоры между продавцом и покупателем велись в закрытом помещении.

Удаленность Обдорской ярмарки от мест традиционных торговых сборов и наличие пушного товара определяли особенности переговоров между покупателем и продавцом. Для большинства приезжих купцов эта ярмарка гарантировала сверхприбыль, поэтому они использовали различные методы обогащения: неэквивалентный обмен, подкуп части торговцев с целью получения важной коммерческой информации, продажу в долг, выкуп прошлогоднего товара по заниженной цене и т. д. Так как договор заключался в счет следующего года, а товары промысловики получали в долг, последние попадали в зависимость от поставщиков оружия, продовольствия.

Спецификой торговли на ярмарке был обмен товара на товар, где эквивалентом денег являлся песец. «Инородцы» доставляли на продажу шкурки песцов, крестовика, недопеска, синяка, неплюя, пешки, оленей, лисиц, белых медведей, а также рыбу, рыбий клей, птичье перо, мамонтовую кость, моржовые клыки, ворвань и т. д. Берёзовские торговцы предпочитали поставлять на продажу шкурки лисиц (чернодушки, сиводушки, белодушки), которые также отличались своей рентабельностью. Меха вывозились как в торговые центры Сибири, так и за ее пределы[497].

Взамен аборигены приобретали у приезжих муку, печеный хлеб, вино, сукно, табак в листьях, холст, железные и медные изделия, серьги, кольца, бисер, шелка разных цветов, зеркальца и т. д. Особенно ценили они шерстяные и суконные ткани, изделия из дерева и металла, украшения и пуговицы.

В первой четверти XIX в. обозначились сезонные Обдорские ярмарки: январская и августовская. Зимняя ярмарка обеспечивала поставку на российский и зарубежные рынки «мягкой рухляди» и «редкого товара»: мамонтовой кости, моржовых клыков, тюленьих шкурок и т. д. Летняя ярмарка отличалась изобилием свежей рыбы, которую в большом количестве меняли на продукты питания на весь холодный сезон.

Ярмарочные сборы проводились и в других населенных пунктах, где они играли роль менового пункта между местным населением и приезжими купцами. Торговля могла проводиться по пути следования: направляясь в Обдорск, торговые караваны проходили через Берёзов. Здесь торговые дни в зимний период предшествовали Обдорской ярмарке (10 января – 10 февраля), а в летний период проводились параллельно (с 1 августа по 1 сентября). Отме-

[496] Русская старина. 1892. Т. 75. С. 220.

[497] Пребывание доктора Эрмана в Берёзове. С. 236, 250.

тим, что к ярмарке берёзовское население готовилось заранее, для этого рядом с домами строили холодные амбары для складирования товара[498].

В населенных пунктах, расположенных вне тракта на Обдорск, проводились ярмарки местного значения. Основная торговля на Сургутской ярмарке происходила в гостином дворе в течение одного-двух дней в июне (10 июня). В середине XVIII в. товарооборот был небольшим: здесь продавали пушнину, продукты питания на сумму в среднем до 1 тыс. руб., в то время как в Берёзове он достигал 5 тыс. руб. (рис. 1.38). Долгое время это была единственная возможность запастить продовольствием, промышленными и ремесленными изделиями по причине того, что в городе «съестных припасов в продаже никаких не бывает, а промышляют всякой для годовой провизии и содержат про себя»[499].

Рис. 1.38. Монеты Царства Сибирского. 1763–1781 гг.
Изображение с сайта нумизматической фирмы «Русское наследие».
https://rncoins.ru/news/istoriya-vyipuska-%C2%ABsibirskix-monet%C2%BB.html

Местное значение имела Юганская ярмарка (со второй половины 1780-х гг.), которая проводилась 1 июня. Здесь русские крестьяне обменивались собственной продукцией, а приезжие купцы (тобольские и берёзовские) скупали «пушнину среднего достатка». Отмечается, что первоначально Юганскую ярмарку посещало до 300 чел., а ее товарооборот доходил до 8 тыс. руб. (привезенный товар – 5,3 тыс., местный – 2,9 тыс. руб.). Однако к концу XVIII в. объемы продаж стали сокращаться.

---

[498] Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 240–250.

[499] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 363. Л. 6–6 об.

Ассортимент продаж на протяжении указанного периода расширялся, включая все новые и новые товары. Приезжие купцы, помимо пушнины, стали закупать оптом рыбу: осетров, стерлядь, окуней, нельму, щуку, муксуна, язей, сырков и т. д.[500] В основном рыбу поставляли из Сургутского, Берёзовского и Кондинского отделений.

Так ярмарки на Тобольском Севере становились важной статьей дохода купечества Тобольской губернии и расширяли структуру коммерческой деятельности. Нередко гильдейский купец был единственным связующим звеном между аборигенными поселениями севера и населенными пунктами южных уездов. Осуществляя свою профессиональную деятельность, купец становился первооткрывателем нового товара, нового речного или сухопутного пути и внедрял новые формы товарообмена. В начале XIX в. купцы стали выкупать заранее часть стада у коренного и русского крестьянского населения Обского Севера, после забоя которого получали оленьи шкуры, вывозившиеся ими на другие ярмарки, и мясо, которое сбывали населению ближайших территорий.

Относительно новыми формами торговых отношений в XVIII в. стали поставка продовольствия по подрядам и получение откупов на алкогольную продукцию. Как правило, в качестве заказчиков выступали административные учреждения, местные общества и частные лица. В 1730-е гг. московский купец Гребенщиков получил монопольное право на поставку лосиных (оленьих) кож для армии. Поэтому в сибирских городах появились приказчики Гребенщикова, которые следили за сохранением монополии. Торговые служащие московского монополиста скупали незаконно поставленную на рынок продукцию, а у аборигенов после уплаты ясака выкупали остатки шкур.

Для первой половины XVIII в. характерно то, что купеческим людям (купчинам) передавалось право собирать и доставлять ясак на место сбора за определенную плату. Гости (оптовые купцы) доставляли государеву казну (ясак) в Тобольск или Москву, а вместе с ними бесплатно или по государственной цене могли вывозить собственный товар[501]. Это являлось крайне выгодной привилегией, за которую шла борьба. Так, например, в 1741 г. в Сургутской воеводской канцелярии в конкуренции за право на получение откупа на провоз государевой казны столкнулись купчина, целовальник и сын боярский. Откуп достался купцу Петру Худякову, который должен был собрать для казны 330 горностаев, 4550 белок, а остальную пушнину купить у охотников по государственной цене[502]. Так как откупы требовали наличия финансовых возможностей, в губернии их нередко выдавали на небольшие суммы: в 1736 г. тюменский ямщик должен был собрать ясак на 51 коп. и на такую же сумму приобрести товара для себя[503].

Более привлекательным становилось получение права поставки на Обский Север алкогольной продукции (вина, пива)[504]. В первой половине XVIII в. главным откупщиком в регионе стал купец М. Походяшин. Однако он вызвался доставлять продукцию в Тобольск, а дальше ее поставляли партнеры – купцы М. Я. Корнильев, Ф. Евсеев, И. Серебряков, И. Г. Сивков. В Берёзов по контракту от 30 октября 1740 г. спиртное было доставлено двумя партиями

[500] ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 214. Л. 24.

[501] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1015. Л. 6 об.

[502] Там же. Л. 14–14 об.

[503] Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

[504] Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1019. Л. 6 об.

в 772 ведра и 1500 ведер[505]. Сбытом данной продукции на местах также занимались служилые люди, хотя в отчетах властей сказано, что «служилые люди живут на хлебное жалованье». Например, в 1707 г. служилый человек Тихонов с товарищами «приняли у боярского сына П. Балина 3 бочки горячего вина» для винных складов[506].

Местная власть неоднократно сама заключала со служилыми людьми договоры на поставку продовольствия. В подряде на поставку соли в Сургут и Берёзов участвовали, помимо купчин, и служилые люди, которые для поездки в Тобольск оформляли подорожную[507]. В 1736–1737 гг. служилые люди В. Силин и И. Тверитинов неоднократно упоминались в записной книге реестров Сургута как занятые доставкой товара[508].

Так частные лица стали втягиваться в процесс поставки продовольствия на Обский Север, вывозя отсюда рыбу и меха[509]. В начале XVIII в. местные власти пытались организовать замену денежного жалованья служилым людям на товары из оставленных в местных таможнях, но эта инициатива вызвала протесты. После поданной служилыми людьми жалобы это новшество пришлось отменить, так как «полученные товары никто не покупал или в таможнях нет никаких товаров вообще»[510]. Тогда стали заключать подряды на поставку жалованья со служилыми людьми[511].

В конце XVIII – начале XIX в. процесс доставки продовольствия на Обский Север был отработан. После того, как российские купцы оказались вытеснены с местного рынка сибиряками, началась борьба между купцами разных губерний за первенство и право оптовых поставок. Первоначально первенство захватили губернские (тобольские) купцы, но затем некоторые из них переселились в югорские города. Во главе торговли в крае стал И. С. Нижегородцев, вокруг которого сложилась определенная группа. Купец взял под контроль торговлю и поставку в регион главных товаров – хлеба и пушнины. Безусловно, он не мог с небольшой группой торговцев непосредственно заниматься куплей-продажей, но стал посредником между продавцом и покупателем, знал о полученных договорах на поставку продуктов питания, получал заказы от своих партнеров и т. д. Однако полностью контролировать Обь-Иртышский речной бассейн ему не удалось из-за необходимости больших капиталовложений в строительство речного транспорта.

Помимо ярмарочной торговли, на Обь-Иртышский Север старались организовать целенаправленную доставку товара: летом – по воде, зимой – по зимнику (рис. 1.39). Среди поставщиков продуктов питания по договорам выделялись тобольские (Вешняковы, Котовщиковы, Лукиматушкины, Мальковы, Наумовы, Струнины, Селивановы, Тюленевы, Ширковы, Брагины, Воробьевы, Куклины, Крупенниковы, Киселевы, Пиленковы, Поповы), туринские (Пановы, Топорковы) и ялуторовские купцы (Белоусовы, Минеевы)[512].

---

[505] РГАДА. Ф. 515. Оп. 2. Д. 104. Л. 1–7 об.

[506] Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1256. Л. 2 об.

[507] Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 85. Л. 1.

[508] Там же. Д. 225. Л. 270.

[509] Миллер Г. Ф. Описание о торгах сибирских. СПб., 1756. С. 27, 79.

[510] РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 1304. Л. 1 об. –2.

[511] Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 217. Л. 6–7 об.

[512] ГА в г. Тобольске. Ф. И1. Оп. 1. Д. 159; Ф. И8. Оп. 1. Д. 98, 276; Ф. И329. Оп. 13. Д. 428.

Рис. 1.39. Э. А. Тилли. Перевозка торговых грузов зимой. 1880. Изображение с сайта «Остяко-Воульск.рф». https://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2023/05/11/o-tobolsko-samarovskoj-doroge/

Механизм поставок продовольствия на Обский Север в этот период был таков. Рыбопромышленники получали разрешение от местной администрации на вылов рыбы или аренду рыбных угодий только при условии доставки на Север продовольствия на свободную продажу. Доставка «хлебного груза» стала осуществляться купеческими речными судами. В 1810 г. только за один месяц навигации на барках берёзовского купца Нижегородцева перевозили 60 тыс. пудов ржаной муки; ялуторовских купцов Минеева и Бронникова в Берёзов, Кожевникова в Самарово – по 32,5 тыс. пудов ржаной муки, часть доставленного товара была приобретена тобольским купцом О. Куклиным[513]. В документах за 1817 г. упоминалась доставка разного товара: гороха, ячневой крупы, пшеничной и ржаной муки и овса.

Довольно часто в качестве поставщика продовольствия упоминался тобольский купец Котовщиков: в 1800 г. он по заказу Самаровского общества доставил 10 тыс. пудов; этот хлеб из-за отказа заказчика поступил в свободную продажу. В 1817 г. он доставил сюда же 80 тыс. пудов муки, в следующем году – 12 тыс. пудов ржаной муки, из которых 2 тыс. предназначались для провиантных магазинов, а остальное – на свободную продажу[514]. Хотя Котовщиков считался официальным поставщиком казенного груза в Самарово, у него был серьезный конкурент – тобольский купец Куклин из самаровских ямщиков[515]. Берёзовский купец И. Нижегородцев не смог конкурировать с тобольскими купцами, но хорошее знание реги-

[513] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 428. Л. 8.

[514] Лопарев Х. М. Самарово: село Тобольской губернии и округа : Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896. С. 35.

[515] ГА в г. Тобольске. Ф. И1. Оп. 1. Д. 240. Л. 1; Д. 250. Л. 1–1 об.; Д. 278. Л. 26; Ф. И329. Оп. 13. Д. 428. Л. 13 об. –15.

она, поддержка властей Берёзова обеспечивали ему преимущество в поставках продовольствия для Берёзовского уезда и Кодинского монастыря[516].

Самой выгодной для купца считалась поставка казенного груза по договору. В целом с 1800 по 1819 г. в речные перевозки на Обский Север были вовлечены 27 семей из Берёзова, Тары, Тобольска, Туринска и Ялуторовска. В то же время начало движения речного судна определялось конечной целью маршрута. Если купец отправлял товар на Обский Север (в Берёзов, Сургут, Нарым, Кондинск, Обдорск, Коряково), то движение начиналось из Ялуторовской или Ишимской округи. Если судно следовало на ярмарку в Ирбит, Омск, Томск, Енисейск, Якутск, то движение начиналось из Тобольска, Тюмени и т. д. Первые населенные пункты связаны с территорией выращивания или обработки сельскохозяйственной продукции, вторые – с местом оптового приобретения, складирования товара или формирования речного каравана купечества.

Относительно небольшое число перевозчиков на дальние расстояния обеспечивало грузом, развивало речные и гужевые перевозки, расширяло ассортимент товара, привлекало к торговой и обслуживающей сфере представителей различных слоев населения. В 1814 г. в Тобольске одновременно стояло 14 груженых барок с 47 тыс. пудов хлеба для движения по Оби[517]. Большинство барок недогружались на месте, так как наполнялись товаром и по ходу движения[518].

Особенность речных перевозок состояла в том, что на обратном пути купец доставлял другой попутный или заранее приобретенный товар, который был нужен для будущих ярмарок или на внеярморочную продажу. В конце навигации из районов Северного Обь-Иртышья отправляли суда с рыбой, продукцией леса, небольшое количество пушнины, продукцию морских промыслов. Особую группу товаров составляли те, которые перевозились по договору откупа или подряда: продовольствие, соль, алкоголь. Это обеспечивалось тем, что запись в гильдию не привязывала торговца к определенному населенному пункту: тобольские купцы отправляли товар из Ялуторовска, Ишима, Тары, берёзовские купцы – из Ялуторовска, Тобольска, туринские – из Ялуторовска и т. д. Как правило, движение сельскохозяйственной продукции на Обский Север начиналось из населенных пунктов Ялуторовской, Курганской, Ишимской или Тарской округи, а завершалось в Самарове, Берёзове, Обдорске, Нарыме, Сургуте, Кодинском монастыре, Омске, Корякове или даже Енисейске[519]. Торговля съестными припасами становилась привлекательной для купечества всех городов Тобольской губернии и способствовала втягиванию в товарно-денежный процесс всех слоев населения.

При этом сокращение объемов пушнины привело к тому, что интерес купечества был перенаправлен на другой товар – рыбу, причем некоторые купцы начали не просто скупать рыбу, а пытаться организовать собственные рыбные промыслы. Так, в 1818 г. туринский купец Е. И. Топорков построил судно (длина 13,5 саженей, ширина 8 аршин, высота 3,5 аршина) для доставки на Обский Север рабочих на рыбные промыслы, продовольствия на весь период путины[520]. В конце навигации судно вывозило с песков рабочих, выловленную рыбу и рыб-

[516] ГА в г. Тобольске. Ф. И8. Оп. 1. Д. 98. Л. 36 об., 121 об., 134 об. –135.

[517] Там же. Л. 3–3 об.

[518] Там же. Д. 159. Л. 4–6.

[519] Там же. Д. 51. Л. 4.

[520] Там же. Д. 98. Л. 90–91 об.

ную продукцию. Это оказалось выгодно, но впоследствии рыбопромышленники старались найти рабочих на рыбные промыслы на месте, чтобы на освободившееся место в судне загрузить дополнительный товар для свободной продажи.

Во второй половине XVIII в. одним из источников дохода для жителей Туринска стала организация добычи рыбы в низовьях Оби, сочетавшаяся с закупкой рыбы у местного населения. С этой целью ежегодно промысловики снаряжали судно, которое направлялось из Тобольска в Сургут и Берёзов. Организаторами выступали не только купцы, но и туринские мещане и ямщики. Работниками становились крестьяне-отходники Туринского, Тобольского и даже Курганского уездов[521]. В начале XIX в. бывший мещанин из Тобольска и сургутский купец П. И. Шитов организовал собственный рыболовный промысел на арендованных песках. Он был приказчиком, управляющим многих тобольских купцов-рыбопромышленников, а затем стал их компаньоном. В 1803 г. через Берёзов «в июне, июле проплыли вниз по Оби-реке к Обдорску суда тобольского купца Никонова одно и мещанина Шитова одно со многим числом людей»[522]. Отметим, что купец Никонов к тому времени уже считался одним из крупных поставщиков рыбы на ярмарки Тобольской губернии[523].

В этот процесс втягивались купцы Берёзова, Тобольска, Туринска и Ялуторовска. Для одних Север был местом жительства, для других движение маршрута начиналось из родного города. Немало купцов имело, кроме рыбного промысла, множество сфер деятельности, которые в совокупности и при правильном взаимодействии приносили стабильный доход.

С начала XVIII в. опт и розница стали оформляться и в стационарную торговлю, которую стремилась регулировать местная власть. Во второй половине столетия распоряжением сибирского губернатора Д. И. Чичерина в городах вводилась оптовая торговля, например, рыбой и рыбной продукцией «с 1 марта по 1 сентября с 13 до 17 часов, с 1 сентября по 1 марта с 5 часов по полудню»[524]. В день начала торговли алтерман (старшина торговой корпорации) поднимал флаг над рыбными рядами, в конце сезона флаг спускался. Новшества вводились также в мясных и хлебных рядах, в которых требовалось соблюдать санитарно-гигиенические нормы. Но так как в Сургуте, Берёзове, Обдорске, Самарове не было большого количества торговых рядов, там разрешалась торговля смешанным товаром.

Получила также распространение торговля в отдельных торговых помещениях с относительно постоянным графиком работы. В Сургуте появились лавки с правом универсальной торговли: в 1705 г. в лавках купецких людей Дворецких торговали рыбой и китайским товаром. Братья Кузнецовы владели в Сургуте несколькими городскими лавками, продавая розничный товар. Раз в несколько лет они выезжали на Ирбитскую ярмарку для оптовых закупок, вывозя крупные партии пушнины и меховых изделий.

В Берёзове после переселения в город тобольского купца Нижегородцева «тобольским купцам запрещено было заводить хлебные лавки для остяков»[525]. Фактически торговля во мно-

---

[521] Радищев А. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 593–594.

[522] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 84. Л. 70–71 об.

[523] Там же. Д. 84. Л. 141; Д. 290. Л. 8.

[524] ГА в г. Тобольске. Ф. И1. Оп. 1. Д. 232. Л. 2; См. также: Кузнецов Е. В. О распорядках Чичерина. Тобольск, 1891.

[525] [Вагин В. И.] Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири : в 2 т. СПб., 1872. Т. 2. С. 321.

гом строилась не только на указаниях центральной власти, но и на официальных и неофициальных установлениях местных чиновников, нередко зависевших от их отношения к конкретной группе торговцев. В 1817 г. Комитет министров принял решение об организации торговли и товарообмена на Тобольском Севере всеми товарами, за исключением «вредных для них алкоголя и табака». Местные чиновники стремились «для своего спокойствия» и собственной выгоды поставить продавцов и покупателей в зависимость от них. Это вынудило генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского разрешить всему сибирскому населению свободную торговлю товарами собственного производства. Были утверждены подробные правила внутренней торговли из 16 статей, регулирующих как сам торговый процесс, так и взаимоотношения субъектов товарно-денежных отношений. Это способствовало расширению предпринимательской самостоятельности: местная власть не должна была вмешиваться в деловые отношения без серьезных причин. Также была разрешена беспошлинная торговля для сельского населения, которое привозило на продажу товары собственного производства даже в соседние уезды и губернии. Гильдии, таким образом, получили возможность свободной торговли с инородческим населением с сохранением товарообмена[526]. Новые правила 1819 г. ограничивали возможности торговцев по превращению аборигенов в «вечных должников»[527].

Развитие торговли и распространение товарно-денежных отношений способствовали экономическому развитию Обского Севера и формированию собственного купечества, хотя участниками торгового процесса изначально становились все категории населения. Сами местные государственные учреждения выступали как заказчиками, так и закупщиками больших партий товара для нужд территории посредством подрядов, откупов или договорных отношений.

Особую группу в регионе составляли российские купцы, которые, как правило, занимались в Сибири откупами, оптовыми поставками. Так, в 1736 г. с купцом московской гостиной сотни А. Гребенщиковым был заключен контракт по сбору ясака и десятинных пошлин[528]. Формально за китайским товаром и мехом в Сибирь приезжали представители гостиной сотни И. Саватеев и С. Банков, привозившие оптом сукно и другой российский товар[529]. Значимость гостиной сотни в торговых процессах в регионе показывает, например, тот факт, что по просьбе купца-гостинника Б. Евреинова, выполнявшего обязанности тобольского надзорщика, было отдано распоряжение служилым людям организовать поиск сбежавшего зернового откупщика с соболями. В 1741 г. в ряд сибирских городов были отправлены на жительство бывшие «суконники» (купцы суконной сотни) Ф. Киселев, Ф. Фадеев, А. Пустокомеев, И. Филатов, Д. Андреев. Можно предположить, что «суконники» должны были стать основой для формирования купеческой гильдии, но они в большинстве своем предпочли записаться в ремесленные цехи[530].

В торговле на Обском Севере с XVIII в. принимали участие иногородние жители и представители негильдейского населения, так как собственного купечества в начале столетия еще не было. В таможенной книге Сургута за 1705 г. указывалось, что торговые и промышленные

---

[526] [Вагин В. И.] Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири : в 2 т. СПб., 1872. Т. 2. С. 322–323.

[527] Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М., 1970. С. 100–101.

[528] РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 225. Л. 7.

[529] Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 886. Л. 1 об., 22.

[530] Там же. Д. 1306. Л. 5.

люди, служилые люди, гулящие люди привозили «всякий товар», а скупали пушнину. В источниках отмечалось, что торговцы «скрытно» продавали товар друг другу, чтобы не платить пошлины[531]. Только за сентябрь указанного года в торговле участвовало 20 чел., из которых иногородние составляли 40 %. При этом в списке указаны торговые люди, служилые люди, казак и ямщик, то есть преобладали представители неторговых слоев населения (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Состав торговцев по данным таможни Сургута в сентябре – декабре 1705 г.[532]

Сословная принадлежность	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Сургутский служилый человек	2	–	–	–
Сургутский казак	7	6	2	4
Сургутский торговый человек	3	4	2	–
Тобольский посадский человек	8	1	–	1
Демьянский ямщик	–	–	–	1
Итого	20	11	4	6

В таможенной книге Сургута за 1708 г. упоминалось, что служилые люди и сотские, занимавшиеся сбором и перевозкой ясака, стремились скупить и меха и, как правило, перепродавали товар между собой прежде, чем он поступал на ярмарку или торговому человеку.

По данным этого же источника, количество уплативших таможенные пошлины колебалось от 7 до 24 чел. Можно выделить местных жителей Сургута (казаки, служилые люди и просто обыватели), иногороднее население. Так, в Сургуте оплатили пошлины люди, приехавшие, вероятно, за товаром из Тобольска, Великого Устюга, Тюмени, Красноярская, Верхотурья, Сольвычегодска. Отметим, что часть торговцев не определили свое место жительства, а только указали свой социальный статус.

Удаленность от центральных путей сообщения и ограниченность в выборе занятий способствовали тому, что в товарообмен были втянуты все жители населенных пунктов края. Хотя служилые люди специально не указывали дополнительного занятия, так как получали хлебное жалованье, но многие из них постоянно торговали[533]. Нередко служилые люди закупали партии товара как во время служебных поездок за пределы места жительства, так и у приезжих купцов, а затем во время повышения цен выставляли его на продажу. В 1736 г. сургутские служилые люди скупили у местных старожилов сырые кожи, а затем с разницей в несколько гривен сбыли товар оптом тобольским купцам[534]. В источниках указано, что местные казаки занимались рыбной ловлей, а затем сбытом продукции на рынке, а один из церковных служителей продавал на рынке местную продукцию после поездки к «инородцам».

---

[531] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 806. Л. 1–4 об.

[532] Там же. Л. 1–7 об.

[533] Там же. 5. Д. 1433. Л. 1.

[534] Там же. Д. 1386. Л. 1–1 об.

В первой половине XVIII в. среди иногородних торговцев встречались выходцы из центра России, во второй половине века первенство перешло к торговцам Тобольской губернии. Тобольские, туринские, тюменские купцы выезжали на Обдорскую, Берёзовскую и Сургутскую ярмарки для торговли с инородческим населением или для организации промыслов на месте[535]. Одним из факторов, способствовавших этому процессу, стал отказ казны от формирования караванов с мехом, что входило и в сферу интересов российских купцов. В источниках 1736 г. сказано, что в Сургуте, например, вообще отсутствовали гильдейские купцы, а также купцы из государственных крестьян[536]. Еще через пять лет в опросе, проведенном местной администрацией, подчеркивалось, что в Сургут товар привозили купеческие люди из Тобольска и других городов по причине малочисленности не только населения, но и отсутствия «собственных купцов»[537]. Как сообщают источники, «из-за малолюдности в Сургут приезжают купеческих людей для торговли по самому малому числу и на недолгое время», среди них купец Молодой (Тюмень), посадский И. Макушин (Тюмень), купеческий человек П. Худяков (Тобольск), купец Маркин (Тобольск) и казак Кайдалов[538]. Такое же положение отмечали и современники: «Самарово купечеством не сильно… в Сургут и Нарым купцы редко ездят»[539].

С 1755 г. местные власти стали проявлять интерес к собственным торговцам и складыванию купеческого сословия. В рапорте капитана Сибирского гарнизона писалось, что «купцам и всякого рода людям» ездить в Сибири через Верхотурскую таможню отныне нельзя, так как она была закрыта и въезд в Сибирь российского купечества ограничен[540]. Но это расширяло возможности для формировавшегося местного купеческого сообщества, хотя реализовывались они медленно. На этот факт указывал в своем докладе императрице Екатерине II сибирский губернатор Д. И. Чичерин: «Приезжающее из России купечество, разъезжая по Сибири, обзадачивают промышленников и скупают от них всякого зверя, так что сибирское купечество маломочное»[541].

В соответствии с законодательством только два населенных пункта Обского Севера могли оформить пребывание торговца в гильдии: Берёзов и Сургут. Так как в сезон между ярмарками торговая деятельность здесь замедлялась, купечество этих городов было немногочисленным. Нередко городские обыватели практиковали первоначальную скупку товара и его сбор в большие партии, затем, записавшись в купцы, торговали на ярмарках. Но и не записавшись в гильдию, торговцы могли продолжать свои коммерческие операции и участие в ярмарочных сборах. Так, по данным II ревизии, в Берёзове в купечестве числилось девять капиталов, по данным III ревизии – 16 капиталов, в 1782 г. – шесть капиталов, в 1795 г. – 18 капиталов, в 1812 г. – 14 капиталов[542]. При этом в Берёзове проживал единственный на Обском Севере купец второй гильдии – неоднократно упоминавшийся И. С. Нижегородцев, ко-

---

[535] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 152. Л. 8 об. –9 об.; Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века : (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 117, 155–160, 167.

[536] РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 225. Л. 88.

[537] Там же. Д. 113. Л. 4 об.

[538] Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1015. Л. 1–6 об.; Ф. 415. Оп. 2. Д. 113. Л. 5; Ф. 462. Оп. 1. Д. 20. Л. 3; Ф. 800. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[539] Миллер Г. Ф. История Сибири. С. 27.

[540] РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 118. Л. 2–3 об.

[541] Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 35. Л. 117–118.

[542] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 42. Л. 1–9 об.; Д. 274. Л. 1–17 об.; Д. 346. Л. 996 об. –997; Ревизия 1747 г. // ЖМВД. 1839. Ч. 33. № 6. С. 101.

торый объединял вокруг себя городских торговцев и промысловиков. В Сургуте капиталов за вторую половину XVIII в. было записано девять, из которых пять происходило из потомственных торговых людей[543]. Но именно здесь в купечество записался Федор Тверитинов, предок которого Никита Иванович за долголетнюю и добросовестную службу в соответствии с «Табелью о рангах» получил дворянство[544]. Этот факт обнаружился только в 1791 г., когда в ответе Главному магистрату было указано, что в Сургуте из «сибирских дворянских детей» проживает купец третьей гильдии Ф. П. Тверитинов. В начале XIX в. сургутский купец А. Кондаков (Кандаков) организовал развозную торговлю по предварительным заказам жителей Сургутского и Берёзовского уездов[545]. Здесь же был «собственный ростовщик» Чермных, который давал деньги и товары «на совесть», то есть без расписок. Но, как правило, должники не могли отдать вовремя долг, выплатить проценты, поэтому отдавали пушнину, рыбу или оленей.

Развитие сибирской торговли стало ключевым фактором воздействия и на хозяйство аборигенного населения Югры в XVIII в. Прежде всего это выразилось в росте числа купцов и расширении круга товаров, которые скупались у коренных жителей. Пушнина продолжала оставаться главной ценностью, востребованность которой лишь возрастала. Не нужно забывать, что сохранялись ясачное налогообложение народов Севера и поминки – подношения государевым людям, которые в формальном смысле считались добровольными, а, по сути, нередко вымогались силой. Все это сдавалось прежде всего в виде ценных мехов, хотя с 1763 г. ясак был уже допустим к приему и в денежной форме. Ссыльный казачий полковник Г. И. Новицкий, посещавший Обь-Иртышье в 1710-е гг., называл среди самой ценной пушнины, поступавшей в казну государства от коренных жителей, черную (чернобурую) лисицу, соболя, горностая, белку, песца и бобра. В частности, те, кто по Оби промышлял луком соболя, должны были платить ясак по три собольи шкурки в год[546].

Популярными местами, куда коренные жители приезжали со своими товарами, были Берёзов, Сургут и Тобольск. Помимо «мягкой рухляди», важными предметами торговли стали также рыба, водоплавающая и боровая птица, лосиные кожи, мамонтовая кость[547], большой популярностью пользовались национальная меховая одежда и обувь[548]. При этом, как в случае ляпинских ненцев, некоторые торговые операции могли иметь тайный, противозаконный характер. Как общий результат, добывающие промыслы народов Севера все в большей степени приобретали товарное значение. В некоторых случаях наблюдалась любопытная специализация: так, обские остяки стали главными поставщиками бобровой струи[549], кондинские манси – заготовителями лучшей в крае брусники[550], ляпинские и сосьвинские манси славились на ярмарках своими искусными изделиями из бересты[551]. Нужно отметить

---

[543] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 346. Л. 998; Д. 290. Л. 912.

[544] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2376. Л. 2.

[545] ГА в г. Тобольске. Ф. И364. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.

[546] Новицкий Г. И. Указ. соч. С. 18, 66.

[547] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 66.

[548] Эйрие Ж.-Б. Б. Живописное путешествие по Азии. С. 34, 62.

[549] Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 46.

[550] Новицкий Г. И. Указ. соч. С. 120; Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Т. 4. С. 129–136.

[551] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 162.

при этом, что традиционная оленеводческая отрасль в сложившихся товарных отношениях выполняла в большей степени вспомогательную функцию – как источник транспорта для дальних поездок и перевозок груза. Продажа шкур и мяса домашних оленей не получила большого развития у коренных жителей Югры, так как этому препятствовали сравнительно невысокая численность оленьего поголовья в личных хозяйствах таежников, а также давнее представление о личных стадах как живом символе богатства и высокого статуса человека.

К первым десятилетиям XIX в. объем и ассортимент северных промысловых товаров еще более расширились. На основе рапорта денщиковского комиссара за 1805 г. можно составить представление о конкретном списке закупавшейся продукции, например, у жителей поселений Нижнего Иртыша и прилегающей обской территории. Немаловажное значение имеет последовательность товаров в приведенных комиссаром списках, так как она не привязана к совокупным объемам добычи, а отражает относительную ценность товара. Рыба: осетр, стерлядь, нельма, муксун, сырок, язь, щука, налим, карась (отмечено, что на продажу шли только крупные экземпляры, мелочь использовалась добытчиками для собственного потребления). Зверь: соболь, лисица, лось, олень, медведь, белка, горностай, заяц (интересно, что в отношении крупных животных первостепенное товарное значение имели шкуры, а не мясо, на что указывают характерные термины в перечне – «лосины», «оленины», «медвежины»). Птица: утки, гуси, лебедь, тетерев, куропатка, рябчик (кроме мяса, отдельно приобретались перья и пух). Дикоросы: кедровый орех[552]. Комиссар также отмечал, что, например, добытого зверя «промышленники продают в разные руки частным людям на деньги», в то время как собранный в избыточном количестве кедровый орех употребляют «более в продаже частным людям на деньги и по бедности своей за долги, а самую малую часть променивают на нужные им товары»[553].

Отдельного внимания заслуживает информация из того же источника, характеризующая комплексность добывающего хозяйства местных жителей, гибкость его структуры в зависимости от ежегодных особенностей колебания объемов природных ресурсов. На примере одного 1805 г. представлено два случая переключения иртышского и обского населения с какого-то типичного для текущего сезона вида деятельности на иной, оказавшийся теперь более надежным или более прибыльным: 1) летом из-за необыкновенной убыли рыбы люди вынужденно перешли на добычу птицы; 2) осенью из-за хорошего урожая орехов – с добычи птицы на кедровый промысел[554]. Нужно подчеркнуть, что речь идет именно о товарных видах хозяйственной деятельности, и главным мотивом таких переключений было обеспечение максимального объема добычи на продажу, а не интересы собственного потребления.

Торговля в крае в XVIII – начале XIX в. набирала темп и вес в общей структуре экономики как в форме прямого товарообмена, так и в денежном варианте. На Обском Севере наблюдалось оформление разных моделей торговой деятельности, что обусловливалось и сложными природно-климатическими условиями, и отсутствием устойчивой транспортной системы. В процессы обмена или заготовки товара для оптовиков из других городов Сибири втягивались торговцы из различных слоев местного населения. Жители Берёзовской и Сургутской округ до приезда в регион приказчиков оптовиков стремились доставить товар, скупленный заранее на территории северных уездов Западной Сибири, в Сургут, Берёзов или Обдорск.

---

[552] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 157. Л. 230–233.

[553] Там же. Л. 232 об. –233.

[554] Там же. Л. 230–233.

Из-за удаленности края от основных центров хозяйственной активности интерес населения к доставке товара на предстоящий сезон отражался на политике местных администраций. Это способствовало появлению новых направлений в предпринимательской деятельности – договорных поставок товара, развития ремесленного производства на местах, появления речных перевозок, организации рыбного и лесного промыслов и т. д. Организация перевозок грузов и людей по рекам Обского Севера заметно стимулировала эксплуатацию различных видов речного транспорта, формируя целую отрасль хозяйственной деятельности. Купечество стремилось приобрести или построить собственные речные суда: барки, дощаники и т. д. Берёзовскому и сургутскому купечеству наличие собственного транспорта позволяло делать последний рейс в самом конце навигации, поэтому они были загружены полностью. Постепенно речная навигация, грузопассажирские перевозки, обеспечение с их помощью внутрирегионального и межрегионального товарооборота становятся инфраструктурным элементом экономики Обского Севера вплоть до наступления эпохи железных дорог.

Глава 7

Налогообложение и повинности

Подати и повинности русского населения

Население Сибири, и русское, и автохтонное, несло на себе бремя прямых и косвенных, окладных и неокладных сборов. Как известно, в России в правление царя Федора Алексеевича завершился переход к подворному обложению, начатый еще в 1640-х гг. (рис. 1.40). После проведения новой подворной переписи 5 сентября 1679 г. вышел указ о переводе всех основных прямых налогов на новый принцип раскладки. С этого времени общая сумма налога зависела от учтенных в составе каждой общины дворов («дворового числа»). Государством определялся средний подворный оклад по числу дворов, а посадские и крестьянские общины распределяли подати «по животам и промыслам» и несли ответственность перед государством за своевременное и правильное их поступление. В Сибири переписными книгами 1678–1679 гг. пользовались при расчете податей до очередного учета тяглых дворов в 1710 г., который показал рост их числа здесь[555]. Вообще же двор оставался основным объектом налогообложения до 1724 г., пока Петром I не была проведена очередная податная реформа и введена новая окладная единица – ревизская душа. Так постепенно налоговый аппарат государства все ближе подбирался к конкретному плательщику и с конца первой четверти XVIII в. начинал распределять и собирать налоги в зависимости от количества душ, положенных в тягло[556].

В Сибири нововведения, связанные с подворным обложением, имели определенную специфику и не были распространены на все категории тяглого населения, прежде всего автохтонного. В подворном окладе на западносибирском севере находились немногочисленные посадские Берёзова. Отметим, что его величина здесь постоянно росла. Если в 1700/1701 г. с трех берёзовских посадских дворохозяев «годового оброка» полагалось 2 руб. 26 алтын 4 деньги, в 1702 г. с четырех дворов – 3 руб.,[557] то в 1720 г. с семи дворов было взято уже 17 р. 69 коп.,

---

[555] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук : в 4 т. СПб., 1836. Т. 4. С. 345–346; Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М., 1987– 1990. Т. 3. Курс русской истории / под ред. В. Л. Янина. Ч. 3. С. 214–216; Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006. С. 68–69, 84.

[556] Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. С. 217; Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России. С. 69.

[557] Первое столетие сибирских городов / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1996. С. 159. Следует пояснить, что 33 алтына и две деньги составляли один рубль. Алтын известен на Руси со второй половины XIV в., долгое время он оставался счетным понятием, означавшим шесть денег,

Рис. 1.40. Неизвестный художник. Царь Федор Алексеевич.
Из собраний Государственного Эрмитажа

то есть более 2 руб. с каждого двора[558]. Служилые люди Берёзова и Сургута в таком окладе не состояли, но некоторое время с этой категории населения собирались так называемые «подымные деньги», которые, как отмечает Н. А. Миненко, раскладывались по подворному принципу. Так, в 1714 г. в Берёзове с 342 «дымов» было собрано 3 руб. 14 алтын[559] (рис. 1.41). Большая часть сборов с городских жителей приходилась на неокладные, о чем ярко свидетельствуют данные «Ведомости сибирских городов» 1701 г., составленной по сметным городовым спискам рубежа XVII–XVIII вв. (табл. 1.7). Причину небольшой суммы окладных сборов Берёзова в это время в сравнении с меньшим по населению Сургутом еще предстоит выяснить.

а позже – три копейки. Монеты-алтыны появились при царе Алексее Михайловиче. В Петровскую эпоху они стали неотъемлемой частью денежного обращения. С 1654 по 1718 г. алтын (алтынник) чеканился из меди, затем из серебра. См.: Спасский И. Г. Алтын в русской денежной системе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 66. М., 1956. С. 12–20; Деньги России. Монеты Петра I Алексеевича (после реформы, 1700–1725).

[558] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 282.

[559] В 1720 г. эта статья казенных доходов по Берёзову отсутствует. См.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 282.

Таблица 1.7

Окладные и неокладные сборы с населения острогов Северо-Западной Сибири в 1699–1700 г.[560]

Название острога	Подати		
	окладные	неокладные	всего
Берёзовский	9 руб. 16 алтын 4 деньги	962 руб. 26 алтын 5 денег	972 руб. 10 алтын 1 деньга
Сургутский	48 руб. 26 алтына 2 деньги	459 руб. 19 алтын 3 деньги [561]	508 руб. 12 алтын 5 денег

Рис. 1.41. Серебряная монета алтын. 1714. Красный монетный двор, Москва. Изображение с сайта «Империал». https://imperial-mag.ru/monety/imperia/petr-1/altynnik/

С началом Северной войны различные неокладные и чрезвычайные поборы как с посадских и крестьян, так и со служилых людей выросли. Например, в Берёзове в 1720 г. собирали с посадских «за недосталых драгунских и пехотных полков лошадей», «к наличной перекопной работе» и «за санкт-петербургской и рижской правиант» всего на сумму чуть более 474 руб., а с местных приказных подьячих – «в Кененбурх[562] на жалование» 4 руб. 91 ½ коп.[563]

Переход к новой системе обложения был открыт указами от 26 ноября 1718 г. и 22 января 1719 гг. о подушной переписи[564]. После его завершения в 1722–1724 гг. была осуществлена работа по проверке и уточнению материалов переписи – «свидетельство душ», или ревизия. По итогам I ревизии размер подушной подати снизили с 80 до 74 коп., а с 1729 г. 3 до 70 коп. с души в год. Этот так называемый «семигривенный сбор» стал основной ставкой подушного обложения для всех податных категорий. Кроме того, для государственных крестьян и близких к ним групп был введен примерно равный оброку помещичьих крестьян дополнительный сбор в 40 коп., который часто называли «четырехгривенным оброком». В результате этого подать государственных крестьян и однодворцев составила 1 руб. 10 коп. Посадских людей снижение основной ставки подушного обложения не коснулось, и на протяжении многих десятилетий они платили налог в размере 1 руб. 20 коп.[565]

Подушная подать распространялась на всех лиц, занимавшихся торговлей и ремеслом. Ее введение способствовало консолидации купцов и ремесленников в единое податное сословие. Наряду с ними в подушный оклад были положены проживавшие в городах

[560] Подсчитано по: Первое столетие сибирских городов. С. 156–157, 159.

[561] Кроме этого, в составе неокладных сборов по Сургутскому острогу указано 5 сороков, 20 соболей, 19 лисиц, росомаха, 61 лисья лапа, 227 горностаев и другая «рухлядь».

[562] То есть в Кёнигсберг.

[563] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 282–283.

[564] ПСЗ-1. Т. 5. № 3245. С. 597; № 3287. С. 618–620.

[565] Плакат о зборе подушном и протчем 26 июня 1724 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. Т. 4. С. 202–203, 210; Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. Указ. соч. С. 87–89.

приказные люди, церковные причетники, другие «разночинцы». К числу привилегированных неподатных сословий были отнесены дворяне и духовенство. От податей освобождались и дети находившихся в штате священников и дьяконов[566]. Из «тяглых» в этот оклад не включались проживавшие за пределами городов ямщики, а также многочисленная разношерстная категория «сибирских ясачных иноземцев», об особенностях «службы» и податного статуса которых будет сказано особо.

Несмотря на то что, подушная подать вводилась как налог с конкретного человека, ответственность за ее выплату возлагалась на крестьянские и городские общины. Сбор подушных денег с 1725 г. производился по третям года: в январе-феврале, марте-апреле и октябре-ноябре[567]. С 1736 г. для взимания подати в уезды направлялись офицеры, на содержание которых полагалось взыскивать по 2 коп. на рубль подушных денег, а собиралась она отныне в два срока: в январе-марте и в сентябре-декабре[568].

В Берёзове и Сургуте в подушном окладе, кроме посадских и дворовых, оказалась значительная часть служилых людей из городовых казаков, которые до этого уже облагались прямыми налогами. В результате служилое казачество разделилось здесь на две части: привилегированную и подлежащую подушному обложению. Многочисленные жалобы со стороны последних имели следствием постепенный перевод их в неподатную категорию населения. Процесс этот занял несколько десятилетий, так как найти кандидатов на тяглые места здесь было непросто. Исключение из оклада проводилось при очередной ревизии местными властями и ревизорами. 92 берёзовских казака с семействами, то есть основная их часть, были выключены из тягла во II ревизию, при этом в Сургуте подушные деньги платили еще более половины казаков (рис. 1.42). В 1760-е гг. в Берёзове и Сургуте в податных оставались лишь 59 рядовых казаков

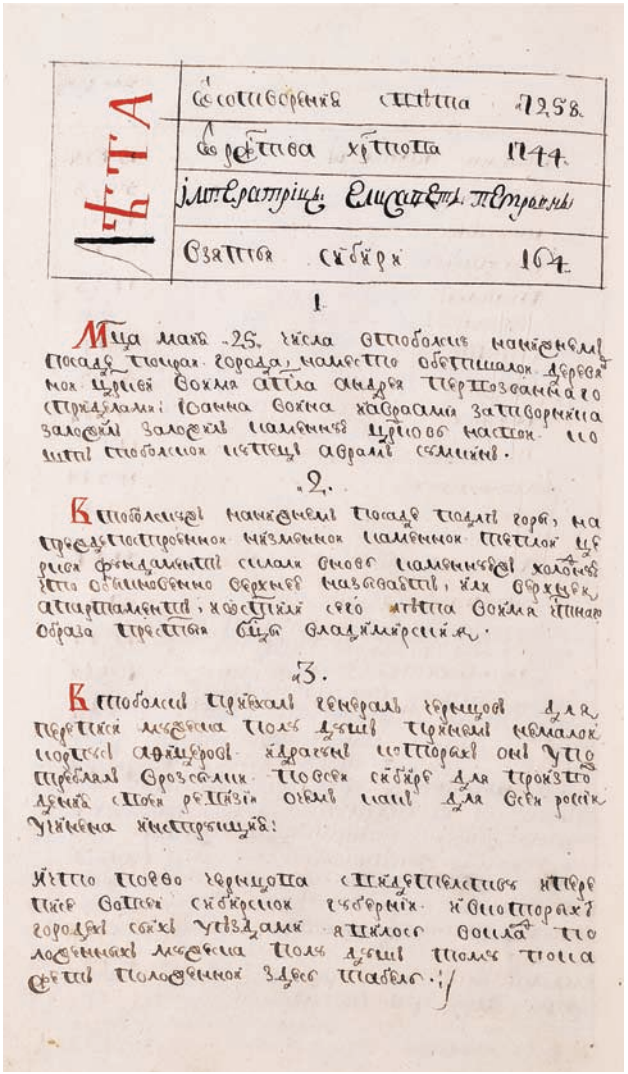


Рис. 1.42. Запись в Сибирской летописи И. Л. Черепанова о прибытии для проведения подушной переписи генерал-майора Д. Г. Чернцова с командою. 1744. ОР РГБ. Ф. 178. № 2214

[566] Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. Указ. соч. С. 89–90.

[567] Плакат о зборе подушном и протчем 26 июня 1724 г. С. 203.

[568] Шерстобоев В. И. Илимская пашня : в 2 т. 2-е изд. Иркутск, 2001. Т. 2. С. 343–344.

и сын боярский[569]. К 1782 г., согласно перечневым ведомостям «о числе народа» Тобольской казенной палаты, в этих городах уже не было служилых, состоявших в подушном окладе[570].

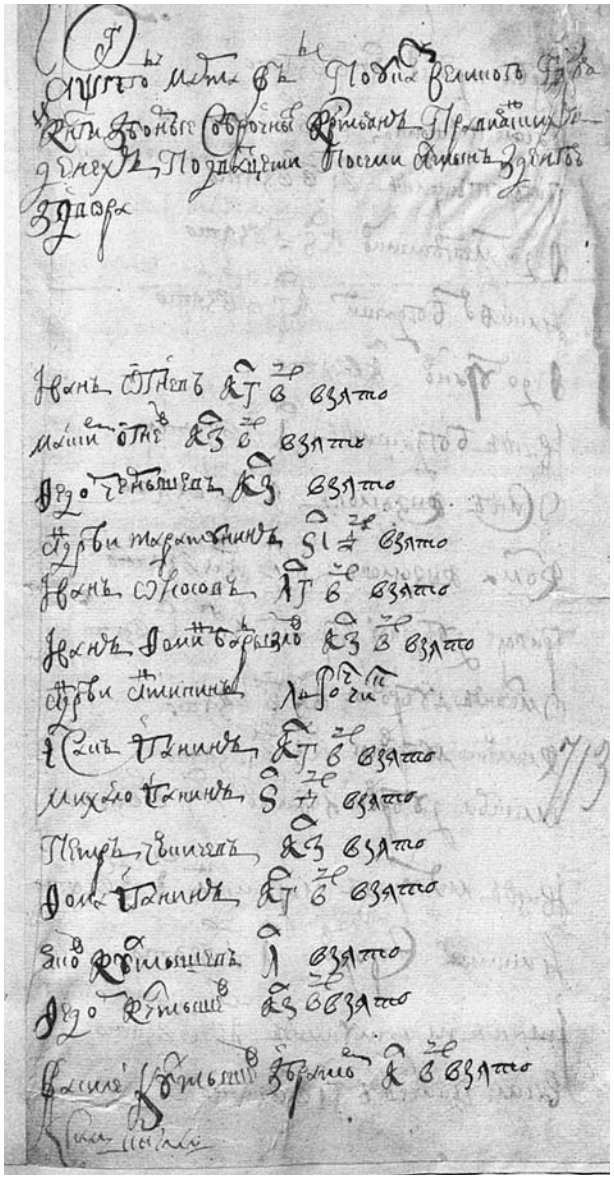


Рис. 1.43. Книга окладная денежных сборов с крестьян за провиант 1713 г. Фрагмент. ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 722а. Л. 1

О том, что новое налоговое бремя было весьма тяжелым, свидетельствует тот факт, что в 1741 г. в Берёзове было собрано менее половины оклада: из положенных 416 руб. 30 коп. – только 152 руб. Немногим лучше была ситуация в Сургуте. При этом подушные сборы росли. Помимо положенных по Плакату 1724 г. денег, с берёзовских и сургутских тяглых жителей собирались шестигривенные, рублевые и полуторарублевые подати. В 1770 г. две последних заменили сбором с посадских и купцов по 80 коп. в год, а с разночинцев – двухрублевым окладом[571]. К 1780-м гг. прямые налоги с русского населения региона состояли из семигривенного, двухкопеечного, оброчного трехрублевого, сорокаалтынного сборов и процентных с купеческого капитала денег[572]. В 1820 г., согласно отчету уездного казначейства, подушные с мещан выросли до 8 руб. с ревизской души в год, с дворовых людей – до 3 руб., с государственных и экономических крестьян – до 10 руб. 50 коп., проценты с купеческого капитала – до 4¾ % с рубля. Кроме того, со всех категорий плательщиков взыскивали деньги на «устройство больших государственных дорог» и на «капитал по водяной части»[573].

При том, что с введением подушной подати упразднялись прежние прямые налоги и вводившиеся Петром I чрезвычайные сборы, на протяжении XVIII столетия в России, включая Сибирь, существовали многочисленные косвенные налоги, включая оброки[574] с бань, кузниц, рыболовных мест, водопоев (рис. 1.43). С упразднением внутренних таможен в 1754 г. несколько подобных и иных местных

[569] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 42–43.

[570] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 20. Д. 170. Л. 403–406, 434–437.

[571] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 283–284.

[572] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 11. Д. 2019. Л. 132 об. –842.

[573] Там же. Оп. 4. Д. 285. Л. 377 об. –379.

[574] В данном случае плата деньгами за срочное или бессрочное пользование недвижимым имуществом.

платежей отменялось, например, «с ледоколу», водопоев, с печатных проезжих грамот и таможенного «письма», а также подымные, привальные и отвальные сборы. По указу Сената от 28 июня 1777 г. были отменены еще десять платежей, включая «сбор с челобитенного письма, сбираемый по сибирским губерниям», деньги с покупных, продажных и меновых лошадей[575]. Тем не менее, в Северном Приобье и во второй половине XVIII в. сохранялась плата с бань, кузниц, амбаров, лавок, «рыбных ловель». К началу XIX в. с этих оброчных статей в Берёзове взималось в год 16 руб. 30 коп., в Сургуте – 169 руб. 55 коп.[576]

Существенными финансовыми затратами северян были деньги, плативщееся взамен рекрутов, а также на земские и волостные повинности для общественных нужд, номенклатура которых на начало XIX в. представлена в табл. 1.8.

Таблица 1.8

Денежные сборы на исправление разных повинностей в 1813 г. с русского населения Берёзовского уезда Тобольской губернии[577]

Вид повинности	Совокупный размер платежа
На сдачу рекрут 84-го набора[578]	1 054 руб. 50 ½ коп.
На содержание почт	1 085 руб. 12 ½ коп.
На содержание воинских зданий	80 руб. 08 коп.
На содержание городской полиции и другие расходы градских дум	467 руб. 62 коп.
На волостные правления в казенных имениях	263 руб. 15 ½ коп.
На выставляемых для земской полиции лошадей	894 руб. 41 коп.
Итого	3 844 руб. 89 ½ коп.

Относительно рекрутской повинности следует пояснить, что в 1822 г. русские обыватели ряда северных сибирских уездов, включая Берёзовский, были от нее освобождены как в денежной, так и в натуральной форме[579]. Чего не скажешь о проживавших в северной части Тобольского уезда самаровских ямщиках, которые еще в 1766 г. лишились этой льготы[580] и в дальнейшем отбывали повинность натурой. Так, согласно «сказке» V ревизии по Самаровской волости, известно, что в 1788 г. по 63-му набору, связанному с Русско-турецкой вой-

[575] Шерстобоев В. И. Илимская пашня. Т. 2. С. 454.

[576] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 287.

[577] Сост. по: ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 575. Л. 150 об. –151.

[578] После принятия решения о походе в Европу манифестом от 30 ноября 1812 г. был объявлен новый 84-й рекрутский набор. См.: ПСЗ-1. Т. 32. № 25279. С. 466.

[579] Новые начала военной повинности в России // Военный сборник. № 3. 1864. Отд. неофиц. С. 31.

[580] Катионов О. Н. Ямщик // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 3. С–Я. С. 621.

ной, был отдан в рекруты Федор сын Иванов Мухин, а в 1794 г., по 68-му набору, Василий сын Елисеев Конев[581].

Как известно, ямщики Самаровского яма с XVII в. несли основную нагрузку по перевозке людей и грузов на Обь-Иртышском Севере. А. Т. Шашков подчеркнул, что они выполняли работу «иных против сибирских ямов многую», в том числе сравнительно с соседним Демьянским ямом «в трое и четверо больши». Гоняли самаровские в три стороны – «по Оби до Сургута, по Иртышу до Демьянского, по Оби до… Сухоруковских юрт… а зимним путем ходят до Сургута на нартах с собаками»[582]. Г. Ф. Миллер, пробыв в Самарово неделю во второй половине августа 1740 г., оставил весьма подробное описание самого селения, имевшего, по его замечанию, в первое десятилетие XVIII в. «вид почти города», и устройства ямщицкой службы здесь. Часть этого описания заслуживает того, чтобы ее привести дословно:

> *Ямщики имеют начальниками, как и в других местах, выборного и старосту из своей среды. Те, что живут в окрестных деревнях, образуют совместную корпорацию с ямщиками в слободе. Все вместе состоят, согласно переписи 1730 г., из 141 двора, в которых тогда находилась 401 душа мужского пола всех возрастов. В старину, когда ямщики вместо нынешних прогонных денег получали ежегодное содержание, эта слобода была рассчитана на 50 вытей, или паев*[583]*, каждый из которых был поделен на 4 четверти. Каждая четверть, когда поездка выпадала ей, должна была обеспечить одну подводу. <…> При этом было установлено, что из этих ямщиков в соответствии с тем, большая семья или маленькая, много имеет лошадей или мало, одни обеспечивали гоньбу подвод по целой выти, другие – по половине, большинство – по четверти, некоторые же лишь по одной восьмой выти, и за это они получали и такую же долю из ежегодного содержания в деньгах и провианте. Хотя сейчас они все еще обычно рассчитываются на выти, но лишь для того, чтобы знать между собой, чья очередь гнать подводу. После отмены ежегодного содержания они получают обычные прогонные деньги, которые здесь, как и в других местах, составляют 2 копейки за 10 верст. Таким образом, они приведены в то же состояние, что и другие ямщики, имеющие хлебопашество, но без получения вознаграждения за его недостаток*[584].

Своеобразие социально-правового статуса ямщиков XVIII в. иллюстрирует фраза из указа Сибирской губернской канцелярии от 26 ноября 1750 г., касавшегося причин «непринуждения» их ко бритью бород:

> *…понеже де в них разности от крестьян нет, кроме того, как токмо по имянным Е. И. В. указом от одних государственных, собираемых с народа податей свобождены, чего ради велено им отправлять службу ямскую и почтовую гоньбу*[585].

Эта гоньба на Обь-Иртышском Севере осуществлялась не только на лошадях, но и по воде, при этом гребец приравнивался к одноконной гужевой подводе. Наряду с основной своей службой ямщики могли привлекаться для строительства и исправления мостов и гатей

---

[581] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 78. Л. 1, 12 об.

[582] Шашков А. Самаровский ям. Как возникла будущая столица Югры // Родина. 2005. № 12. С. 9.

[583] Паи (выти, жеребьи) – служебные единицы, из которых состояла ямская община. Между ними в соответствующих пропорциях делились нагрузка и обеспечение. Одно и то же лицо могло гонять с нескольких паев. См.: Semenov O. V. Iamskaia gon´ba v Sibiri do kontsa XVII v. Problema poiavleniia i funktsionirovaniia // Cahiers du monde russe. 2019. № 60/1. P. 163.

[584] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 264.

[585] ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3712. Л. 53.

в пределах своего проживания[586]. Перед тем как высочайше утвержденным мнением Сибирского комитета 17 июня 1822 г. ямщики были обращены в государственные крестьяне, в Самаровской волости их числилось (согласно VII ревизии) 684 души. К этому времени почтовая гоньба была обращена в денежную раскладку, и они вносили на «исправление почтовой гоньбы и исправление почтовых домов» в год по 5 695 руб. Всего же на одну тяглую самаровскую ямскую душу приходилось тогда по 9 руб. 7 коп. Для сравнения: на ревизскую душу 23 крестьян той же волости – только 1 руб. 18 коп.[587]

Таможенные сборы и доходы с казенных монополий

Существенную часть государственных доходов в первой половине XVIII столетия составляли налоги от сибирской торговли. С целью их увеличения в 1713 г. первый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин пересмотрел щадящие статьи новой 1698 г. редакции Таможенного устава (регламента)[588], составленного Сибирским приказом в 1693 г.[589], и вернулся к первоначальным, которыми предусматривалось взимание десятой «перекупной» пошлины при перепродаже товаров, кроме хлеба и съестных припасов. С товаров же и пушнины, отправлявшихся за границу (например, в Китай), как и с ввозимых из-за границы, устанавливался двойной сбор десятой пошлины. После М. П. Гагарина новый сибирский губернатор князь А. М. Черкасский потребовал от таможенных властей и воевод соблюдать правила, установленные в 1698 г., которые действовали с некоторыми изменениями до 1753 г.[590]

Таможенные пункты на западносибирском севере с XVII в. располагались на Обской заставе, в Берёзове и Сургуте. Интересна роль первого из них, который наряду с Верхотурьем был своеобразными воротами в Сибирь. 9-й статьей упомянутого Таможенного устава было предписано проверять на Обской заставе, была ли оплачена с товара, который везли из Нерчинска «на Русь», десятая пошлина, опечатан он в Нерчинске или нет. При этом в любом случае полагалось брать по одному рублю с судна «в казну… на жалованье заставным людям», которые присылались, как и прежде, из Берёзова «по градскому выбору». В случае отсутствия выписей о платеже пошлины торговые люди с товаром должны были препровождаться в Берёзов к воеводе на «расспрос». По его результатам берёзовскому воеводе полагалось, отписав в Москву в Сибирский приказ, отправить далее таких торговцев и товар с провожатыми в Тобольск, сообщив об этом тобольским воеводам[591]. В начале XVIII в. на берёзовской таможне собирали по 599 руб., а в Сургуте – до 120 руб. в год деньгами и товарами. В 1730–1740-х гг. таможенный оклад в Берёзове составлял около 523 руб., в Сургуте – чуть менее 248 руб., правда, реальный сбор здесь был заметно меньше оклада, в отличие от Берёзова, где могли собирать и больше установленной суммы. В 1749 г. таможенные сборы в Берёзове достигли 736 руб.[592] (рис. 1.44).

---

[586] Катионов О. Н. Ямщик. С. 621; Его же. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2008. С. 125.

[587] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 789. Л. 118.

588 О Сибирских торгах и товарах вообще // Чулков М. Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего : в 7 т. М., 1785. Т. 3, кн. 1. С. 12. 205–252.

[589] История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л., 1968. Т. 2. С. 135.

[590] Там же. С. 136–137.

[591] О Сибирских торгах. С. 233–234.

[592] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 284–285.

В 1754 г. правительство отменило внутренние таможенные и торговые канцелярские сборы в Сибири и таможенное обложение товаров, ввозимых из иных регионов России в Сибирь. Вывоз же сибирских товаров в Европейскую часть Российской империи облагался ставкой 10 %: с пушнины по-прежнему взимали десятым зверем, а с остальных товаров – по 10 коп. с рубля[593].

Рис. 1.44. Обдорский острог. Проезжая башня, в которой располагались таможня и съезжая (приказная) изба. Реконструкция.
Историко-архитектурный комплекс «Обдорский острог» в г. Салехарде

Традиционно большую прибыль приносила торговля вином и солью. По подсчетам Н. А. Миненко, кабацкие сборы в Берёзове и Сургуте в рассматриваемый период уступали только ясачным. Вино доставлялось по воде из Тобольска: в Берёзов – до 600, а в Сургут – до 500 ведер. Ведро вина в середине столетия там стоило, соответственно, 2 руб. 20 коп. и 2 руб. 12 коп. При этом продажная цена все время росла. В соответствии с годовым окладом берёзовские целовальники должны были отдавать в казну 1 396 руб. 63 ¾ коп., а сургутские – 1043 руб. 77 коп.[594] В 1740-х гг. продажа «горячих» напитков на севере была отдана на откуп крупным виноторговцам. В числе таких поставщиков следует назвать верхотурского посадского М. Походяшина и тобольского купца бургомистра М. Я. Корнильева. В 1744–1746 гг. Корнильев за винную продажу в Берёзове платил казне откупных «питей» по 1536 руб. 89 коп. в год[595]. В 1770 г. в Сургуте было выплачено «питейных» денег 940 руб. 88 коп. и к ним накладных пошлин 639 руб. 65 коп. В 1802 г. общая сумма от продажи вина в Сургуте достигла 7 тыс. руб., а в Берёзове – 16,5 тыс. руб. К 1826 г. все питейные сборы в Берёзовском округе составили 32 тыс. руб.[596]

---

[593] Волков М. Я. Отмена внутренних таможен в России // История СССР. 1957. № 2. С. 79–84; Его же. Таможенная реформа 1753–1757 гг. // Ист. зап. Т. 71. М., 1962. С. 134–157.

[594] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 285.

[595] Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Свердловск, 1973. С. 142.

[596] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 285–286.

В начале XVIII в. была установлена казенная монополия на продажу соли. В 1702 г. царской грамотой тобольским воеводам было определено «по соль к Ямыш озеру» посылать только «на государевых подрядных дощаниках»[597]. В феврале 1705 г. именным указом Петра I было объявлено, чтобы в Москве и других городах, «у всяких чинов людей соль описав, продавать из казны его императорского величества». В рамках конкретизации положения ранее изданных указов и грамот 11 ноября 1705 г. из Поместного приказа в Тобольск было предписано распорядиться, чтобы в сибирских городах и уездах люди «соль с озер вывозили и ставили на его императорское величество подрядом, а про себя бы отнюдь не вывозили, а купили б про себя из казны»[598]. В 1703–1711 гг. привозная с Ямышевского озера соль стоила 3 алтына за пуд. В феврале 1711 г. обер-комендант кн. В. И. Гагарин велел соль продавать в острогах и слободах Тобольского уезда по 5 алтын, а в Сургуте и Берёзове – по 6 алтын 4 деньги за пуд, куда она посылалась из Тобольска[599]. Соль на севере пользовалась большим спросом и у местных жителей, и у сезонных промышленников. Только в Сургут в первой половине XVIII в. ее «приплавляли» до 1 тыс. пудов. С каждого пуда государство получало до 10 коп. прибыли. В 1770 г. в Берёзове было собрано «соляных» денег 290 руб. 63 коп., а в Сургуте – 256 руб. В начале XIX столетия в обоих городах эти сборы выросли десятикратно, а чистая прибыль казны от этой торговли в Берёзове составила 2230 руб. 60 ½ коп., в Сургуте – 972 руб. 27 коп.[600] После вступления в действие «Правил о соляной торговле в Сибири» 1820 г. доходы казны от продажи соли существенно сократились, а к первой трети XIX в. прекратили поступать совсем, зато частные предприниматели могли теперь за счет этого накапливать свои капиталы.

Ясачное обложение и повинности автохтонного населения

В Сибири к началу XVIII в. практиковались различные формы ясачного обложения и методы сбора ясака. Существовал неокладной, «хто сколко поволно даст», и окладной ясак – фиксированный по норме с рода (волости) или отдельных плательщиков. Учет велся на местах представителями воеводской администрации в форме «зборных» или окладных ясачных книг, куда заносились, обычно со слов волостных «князцов» и старшин, имена способных к промыслу зверя мужчин в возрасте 18–50 лет, а также указывалось количество и качество взятой ясачной и поминочной рухляди[601].

В процессе замирения «иноземцев» и превращения их в «верноподданных иноверцев», в результате интеграции автохтонов в российские социальные и административные структуры менялся характер ясака. В. И. Шунков писал, что он к концу XVII в. «как бы перестает… связываться с туземным происхождением ясачного человека и начинает приобретать черты повинности, отбываемой с земли, “с ясачных вотчин”»[602]. На постепенности процесса

---

[597] Сибирский летописец: летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденая в Тобольске / предисл. Е. В. Кузнецова. Тобольск, 1892. С. 39.

[598] ПСИ. Кн. 2. С. 403–404.

[599] Там же. С. 404.

[600] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 286

[601] Бахрушин С. В. Ясак в Сибири // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 5 т. М., 1955, т. 3. Ч. 2 С. 49–85; Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Изв. Сиб. отд-ния Акад. наук СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1969. № 1. Вып. 1. С. 59–67; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 231; Конев А. Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 769–771.

[602] Шунков В. И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 3–4. С. 186.

трансформации ясака из дани в ренту, уплачиваемую в пользу государства за пользование землей, настаивал в соответствующем разделе академической «Истории Сибири» А. Н. Копылов[603].

В Петровскую эпоху стремление к достижению «общего блага» стало основной руководящей идеей государственной политики[604]. Выполнение служебных и податных обязанностей высшими и низшими классами общества стало рассматриваться властью в качестве важнейшего фактора обеспечения благополучия государства. Естественно, что ясачное население России не могло оставаться вне рамок этой концепции. Не случайно, что в ходе первой ревизии в ряде сибирских уездов было проведено «свидетельство душ» всех тяглых социальных групп. Соответствующим указом предписывалось зафиксировать как русских людей, так и «ясашных» обоего пола от младенцев до престарелых и сообщать, кто какими угодьями владеет и какие подати платит. В результате выяснилось, что в Западной Сибири «плательщиков и, следовательно, сбора с них ясака» оказалось «значительно больше, чем значилось по окладным ясачным книгам»[605].

Эти действия, направленные на уточнение числа обязанных ясаком с целью приращения «казне дохода», свидетельствовали о более глубоком процессе. Фактически в начале 1720-х гг. часть ясачных людей империи была включена в состав формирующегося крестьянского сословия с распространением на них податной и личной регистрации в виде подушных переписей и новых форм подушного обложения. В п. 18 «Плаката» 1724 г. дословно сказано: «Понеже на… татар, и ясашных, и на пашенных… и на других им подобных государственных крестьян… на тех положено сверх настоящего подушного сбору… еще по четыре гривны с души»[606]. Вместе с тем особым «Реэстром» Плаката, поясняющего положение упомянутого пункта, исключались из этого числа астраханские и уфимские татары, башкиры и сибирские ясачные иноверцы, «которых переписывать и на полки раскладывать не велено»[607]. Таким образом, было определено, что эта часть населения России не подлежала ревизскому учету с целью подушного обложения.

Какое-то время оставалось неясным податное положение новокрещенных из числа сибирских народов. Правило, по которому до этого воспринявшие христианскую веру «иноземцы» в Западной Сибири исключались из ясачного оклада и чаще всего переходили в категорию служилых людей, прекратило с 1703 г. свое действие[608]. В первые годы сибирского губернаторства кн. А. М. Черкасского (1719–1724) с них даже попытались взыскивать ясак в размере, соответствовавшем в денежном выражении окладу государственных крестьян. При этом губернатор выступал против награждения за восприятие крещения[609]. Но его предложения и действия не нашли поддержки у Сената. В сентябре 1720 г. была под-

---

[603] История Сибири. Т. 2. С. 6, 129.

[604] Миронов Б. Н. Социальная история России : в 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 127.

[605] Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения. С. 61.

[606] Плакат о зборе подушном и протчем 26 июня 1724 г. С. 210.

[607] ПСЗ-1. Т. 7. № 4533. С. 318.

[608] Подробнее см.: Конев А. Ю. Правовое положение «новокрещенных иноверцев» Сибири. XVII–XVIII века // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 5, Вып. 3. Археология и этнография (прил. 1). С. 20, 23.

[609] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 130; Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С. 228.

утверждена трехлетняя льгота крестившимся ясачным иноверцам[610], а в марте 1721 г. по указу из Сената и приговору Камер-коллегии было велено «с новокрещенных, которые приняли и впредь приимут православную христианскую веру, сверх ясака никаких податей и подвод не имать»[611].

Тем не менее, военный ревизор кн. И. В. Солнцев-Засекин, проводя в 1722 г. проверку итогов первой подушной переписи в Сибири, показал новокрещенных как неучтенную категорию населения. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда несколько тысяч недавно крестившихся, оставаясь в ясачном окладе, принуждались еще и к уплате подушного сбора. Схимонах Феодор (Лещинский) опротестовал эти действия переписчиков, обратившись к правящему архиерею Антонию (Стаховскому). Соответствующая просьба встретила понимание у нового губернатора кн. М. В. Долгорукого: офицерам, «обретающимся у сбора подушных денег», предписывалось не взимать их с новокрещенных[612]. Указ Сената от 26 марта 1726 г., явившийся ответом на обращение схимонаха Феодора, окончательно разъяснил, что в подушную перепись писать крещеных «сибирских иноверцев» и взыскивать с них подушные деньги не следовало, а полагалось «брать с них ясак по-прежнему, по чему они, будучи в неверии, плачивали»[613].

Итак, во второй половине 1720-х гг. правительство наконец-то решило, что распространение на коренные народы Сибири новых форм налогообложения и связанных с этим ревизских переписей является преждевременной мерой (рис. 1.45). И все же подушная реформа, по мнению А. Н. Копылова, сказалась на практике взятия сибирского ясака, что выразилось в решительных шагах в сторону утверждения поголовного принципа взимания этой подати, который в некоторых уездах в первые десятилетия XVIII в. сочетался с породовым принципом[614]. Как бы подтверждая это относительно Северо-Западной Сибири, Н. А. Миненко приводит сообщение берёзовского воеводы Степана Демьянова середины XVIII в. о том, что здесь ясачный сбор осуществляется «ис прежних лет с каждого человека по расположению тех волостей князцов обще с посланными для сбору того ясака… зборщиками по усмотрению и по пожиткам тех ясачных людей»[615].

Еще одной новацией XVIII в. стали общесибирские переписи ясачных людей. В 1731 г. по инициативе восстановленного Сибирского приказа было указано Сибирской губернской канцелярии «сочинить ясачным иноземцам… окладные новые книги, выключая дряхлых, старых и зело убогих, а на место их включить подрослых»[616]. К сожалению, материалы этого «свидетельства», проведенного еще в соответствии с практикой XVII в., по интересующему нас региону не сохранились. Сибирская губернская канцелярия в 1746 г. доносила Сибирскому приказу, что «с 1731 по тот 1746 год переписи ясашным не было; что потому не известно о старых, хворых и умерших; а на сказках утвердиться о том не можно; что от того накопи-

---

[610] ПСЗ-1. Т. 6. № 3636. С. 234; № 3637. С. 234–235.

[611] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 203. Л. 44–44 об.

[612] Конев А. Ю. Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах Государственного архива Тюменской области // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. История. № 22 (351). 2014. С. 138.

[613] ПСЗ-1. Т. 7. № 4860. С. 595–596.

[614] Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения. С. 66–67.

[615] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 231–232.

[616] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 91.

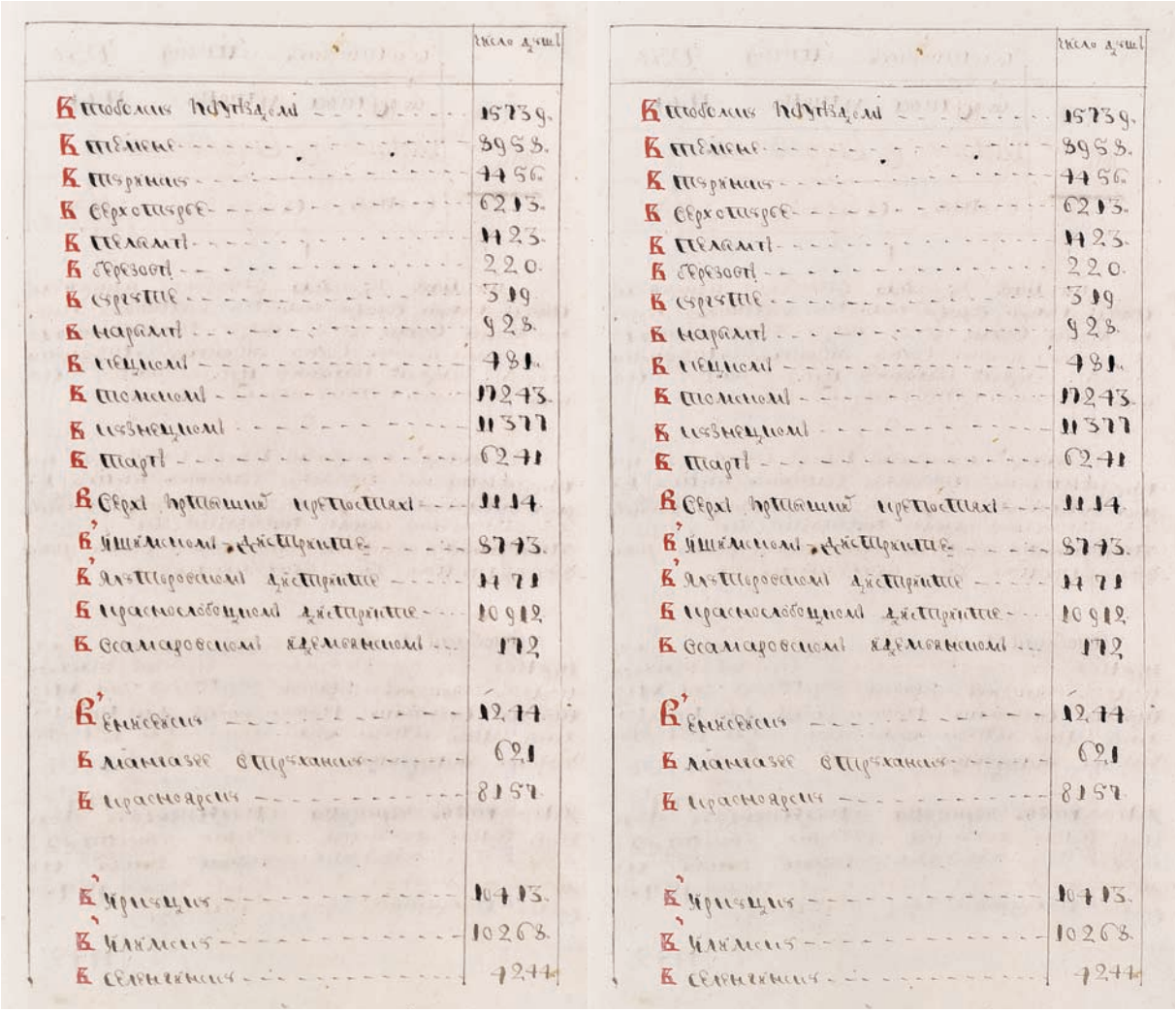


Рис. 1.45. Сведения о числе ревизских душ в Сибири по итогам II ревизии. Сибирская летопись И. Л. Черепанова. ОР РГБ. Ф. 178. № 2214

лось недоимки более 18 000 рублей»[617]. Вследствие этого была предпринята новая перепись. В указе от 26 июня 1746 г. из Сибирского приказа в Сибирскую губернскую канцелярию сообщалось о том, что для ее производства в волости Тобольской провинции направлен тобольский дворянин Петр Ушаков «с командою», которому дана особая инструкция. Губернской канцелярии предписывалось послать князцам и есаулам указы, которыми объявить:

> *...Чтоб они вышеозначенному Ушакову, как о себе, так и о старых, дряхлых и неимущих, також умерших и вновь подросльіх, так же и пришедших к ним из других волостей объявляли по силе данного князьям Черкасским наказу...*[618] *без всякой утайки... не боясь ника-*

[617] Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было всем известно. СПб., 1817. Разд. 9. № 42. С. 124.

[618] Имеется в виду Наказ 1 сентября 1697 г. ближнему боярину князю М. Я. Черкасскому, назначенного тобольским воеводой. Вторым воеводой при нем был его сын П. М. Черкасский. ПСЗ-1. Т. 3. № 1594.

кого себе в том отягощения и возвышения в ясаке, ибо та перепись по силе Высочайших Ея Императорского Величества указов чинится токмо для ведома и положения их по наличеству людей в оклад[619].

Перепись «верноподданных иноверцов и новокрещенов, даже до сущаго младенца», которая проводилась одновременно во всех трех провинциях Сибири, затянулась. Переписные ведомости по большей части западносибирских уездов были составлены и представлены в течение 1747–1750 гг. Сургутские ведомости были получены в Сибирском приказе только в январе 1753 г.[620] Проведя анализ этих материалов, чиновники приказа выявили в них массу недочетов, которые сводились к следующему:

– не всегда был указан возраст ясакоплательщиков, в том числе выключенных из платежа и вновь приверстанных;
– не всегда плательщики указывались поименно и порознь;
– не всегда указывались размер недоимки и то, за кем она числилась;
– не пояснялось, в силу каких причин ясачные оказывались не в равном окладе;
– в некоторых случаях не приводились данные старой переписи о плательщиках и размерах платежа (как правило, брались за сравнение окладные книги 1732 г.);
– не всегда указывалось, сколько против прежней переписи прибыло и убыло;
– не приводились данные о новокрещенных, «кто в котором году крещен, и на сколько и когда льготы дано».

Перепись 1746–1753 гг. не удовлетворила своими результатами Сибирский приказ. Тем не менее, отмечает А. Ю. Конев, она сыграла важную роль в процессе совершенствования ясачной системы, обнаружив наиболее существенные недостатки последней и дав толчок дальнейшим правительственным мероприятиям в соответствующей сфере. Общесибирская сверка ясачных плательщиков не свелась к текущему учету и ротации ясачных душ, что обычно практиковалось сибирской администрацией. Прослеживаются попытки найти решение застарелых проблем, таких как неуравнительное распределение окладов, учет состояния угодий, на которых промышляли пушных зверей[621]. Не случайно, что 29 марта 1753 г. императрицей Елизаветой «в присутствии в Правительствующем Сенате» был утвержден указ о сборе сведений о ясачных угодьях и лесах в Сибири[622]. В 1754 г. императрица распорядилась «преимущественно перед прочими делами… сочинить ясачные законы и тому положить немедленное начало»[623]. Для составления проекта изменения ясачного сбора, чтобы «все сумнительства» были «пресечены», а «недостатки дополнены», при Сибирском приказе была создана комиссия под началом коллежского асессора Ивана Данилова[624].

Дав отрицательное заключение на предложения комиссии Данилова, Сибирский приказ отписал в Сенат, что к «лучшему ясачных плательщиков удовольствию» и для «свидетельства же всех тех ясачных в ясаке» полагает он целесообразным направить «надежную персону

---

[619] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 92.

[620] Там же. Л. 191–191 об.

[621] Конев А. Ю. Переписи ясачного населения Сибири первой половины XVIII в. (новые материалы) // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2009. № 4. С. 134.

[622] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 101 об., 103 об.

[623] Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. Т. 1. С. 82.

[624] Залкинд Е. М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII – первой половине XIX вв. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 238–239.

с принадлежащим числом из отставных достойных людей штаб и обер-офицеров»[625]. 23 января 1761 г. был издан указ Сената, согласно которому следовало «ясачным плательщикам для положения их в ясак… во всей Сибирской губернии… учинить вновь перепись». Для ее осуществления решено было отправить «генералитетскую персону», придав этому лицу на местах штат переписчиков из дворян и детей боярских. Характерно, что документ начинался с констатации: «с таких мест, где какой в лесах зверь был, а после того в тех местах лес вывелся, а ясак тот же берут, а где тогда лесу не было, а после вырос, тут ясак не берут, и от того одни перед другими в ясаке тягость несут»[626]. Указ этот не был реализован, вероятно, по причине болезни и кончины в конце 1761 г. императрицы Елизаветы.

Только в феврале 1763 г., уже при Екатерине II, будет сформирована «Комиссия о расположении ясака» во главе с лейб-гвардии секунд-майором Алексеем Щербачевым, результаты деятельности которой вошли в историю как первая ясачная реформа. Но прежде чем перейти к рассмотрению действий и итогов работы этой Ясачной комиссии на территории Югры, рассмотрим практику и основные проблемы ясачного обложения автохтонов региона в предшествующие десятилетия.

Как установила Н. А. Миненко, в 1700–1763 гг. в Северо-Западной Сибири ясак взимался пушниной (соболь, песец, росомаха, лисица, горностай, белка), оленьими и лосиными шкурами; совокупные размеры окладного ясака в денежном выражении в Берёзовском уезде колебались в пределах 550–630 руб., а в Сургутском – от 1 890 до 3 080 руб. С души сургутские ясачные платили от 2 руб. 40 коп. до 3 руб. 60 коп., берёзовские – от 15 коп. до 1 руб. При этом самоеды оставались в неокладном ясаке. Колебания размеров окладов обусловливались изменениями числа плательщиков (миграции, естественная убыль). В сравнении с другими «иноземцами» Сибирской губернии оклад берёзовских остяков был в эти годы «зело малой», что вызывалось опасениями возможных недоимок и «шатостей». В середине столетия воевода Иван Пелымский предлагал «учинить» равный, но более высокий оклад со всех берёзовских ясачных в 1 руб. 20 коп.[627]

Тобольская канцелярия ревизии счетов в середине XVIII в. обнаружила в практике обложения ясаком со стороны берёзовской администрации удивительные вольности. Так, вместо одного выбывшего из оклада могли верстать по два и три человека, «пришедших в возраст», при этом определяя оклад подростков от 5 до 15 коп. Обоснованием заниженных окладов служило то, что они «противу староплатежных еще промышлять и в казну толикого числа заплатить не могут». Иногда облагали ясаком и людей младше 17 лет, не показывая их до времени в ясачных книгах, при этом там могли числиться уже вышедшие по возрасту мужчины, а некоторые, «летами уже старые», записывались ниже 18 лет[628]. Безусловно, при такой ротации установить реальное число способных к ясачной подати душ контролирующим инстанциям было непросто, а в ряде случаев невозможно.

Так как ясачная пушнина приводилась к денежному эквиваленту, важнейшим моментом в процессе ее сбора была оценка «мягкой рухляди» на местах и затем в Сибирском приказе в Москве. Поэтому все действия сборщиков и оценщиков ясака были предметом особого внимания и регламентации. Кроме соответствующих статей наказа тобольскому воеводе

---

[625] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6934. Л. 128–128 об.

[626] ПСЗ-1. Т. 15. № 11191. С. 631–632.

[627] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 231, 232, 234–235, 241.

[628] Там же. С. 232–233.

кн. М. Я. Черкасскому 1697 г., сибирские губернаторы и коменданты (воеводы) в уездах должны были руководствоваться в этой сфере указами 4 марта 1706 г., 26 июня 1727 г., 4 августа 1735 г., 17 апреля 1738 г., двумя декабрьскими 1739 г., 8 февраля 1740 г., 20 октября 1743 г. и рядом иных[629]. Мнение Л. М. Дамешека о том, что до середины XVIII в. ясачный сбор в Сибири «никак не регламентировался и фактически был пущен на произвол местных властей»[630], является неосновательным. Вопрос в том, насколько эффективны были эти распоряжения и как они реализовывались.

В начале столетия по причине «испромышления» ценного зверя было разрешено «в полной оклад к соболиному платежу… донимать белкою и горностаями». С введением свободы пушной торговли 12-м пунктом указа Верховного тайного совета от 26 июня 1727 г. было предписано в Сибири «с тамошних иноземцов» принимать в ясак зверя по торговой «настоящей цене, какою в том городе покупают», и далее сказано:

> *Буде же принесет соболя и лисицу высокой цены, коя стоит больше окладу, такую излишнюю сверх окладу цену давать из казны, а у котораго цена соболя и другова зверя в оклад не достанет, у такова донимать деньгами. А ежели ясачник не доволен будет поставленною ценою, зверя отдать в казну, то дать ему на волю, кому хочет, тому продаст, а в казну принять у его по окладу деньгами, чтоб нынешния ясачникам обиды, и отгони, и вымыслы сборщиков могли быть пресечены*[631].

При уценке пушнины в Москве против сибирской цены полагалось «доправлять» разницу «на воеводах и ценовщиках». Это требование обернулось тем, что «ценовщики всегда ценят нискими ценами», так как «ежели оценит настоящею ценою, а за оную никто не купит, то… правили оныя денги с них». Поэтому в апрельском 1738 г. указе появилось требование приводить ценовщиков к присяге, «что им ценить правдивою ценою», и объявить, если они оценили вещь, а она по той цене не продана или продана дешевле, то «за такие вещи с них… взыскания не будет, как прежде сего»[632].

Но и это не помогло улучшению дел с оценкой ясачной пушнины. Так, в конце 1750-х гг. Берёзовская воеводская канцелярия сообщала, что у «ясашных» пушнина принимается не по торговой, а по дешевой цене, устанавливаемой оценщиками. Канцелярия оправдывалась тем, что если бы пушнину принимали по торговой цене, как требовалось указом 1727 г., то «в казне приращения не будет». Кроме того, и оклады, пересчитав на деньги, пришлось бы увеличить в несколько раз. Н. А. Миненко полагает, что указ 1738 г. позволил воеводской администрации «грабить казну, посылая в Москву вместо “добрых” зверей заменители низкого качества»[633].

В 1730–1740-х гг. ужесточились требования к сборщикам ясака. В частности, указывалось, что если сполна не соберут ясак «для каких-нибудь своих прихотей», будут чинить продажи и обиды «ясашным» или брать себе пушнину, то «оное взыскивать с них не токмо со штрафом, но и с отнятием всего их имения», и запрещать это под страхом «смертныя казни». Ре-

---

[629] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 22–23 об., 51 об., 56–57, 58, 59 об. –60 об.; Семивский Н. В. Новейшие, любопытныя и достоверные повествования о Восточной Сибири. С. 122.

[630] Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2007. С. 193. (Сер.: Азиатская Россия).

[631] ПСЗ-1. Т. 7. № 5110. С. 819, 821.

[632] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 22 об. –23.

[633] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 234–235.

гламентировались действия в волостях: полагалось «явитца у князцов и старшин» и принимать ясак «без наималейшего медления» «за надлежащую без уменьшения цену», ни в какие прочие дела, включая судебные, не вступать[634].

Яркой иллюстрацией того, что эти грозные предписания не были пустым звуком и могли самым неприятным образом отразиться на воеводах и ясачных сборщиках, служит дело сургутского воеводы майора Михаила Миклашевского. Началось оно с доношения священника Петра Данилова о воеводских взятках. В мае 1740 г. следствие было поручено тобольскому дворянину Ефиму Денисову. Определением Сибирской губернской канцелярии от 20 февраля 1741 г. было велено Миклашевского от должности отрешить[635] и «пожитки ево, все что у него есть, велеть описать и запечатать до указу». Выяснилось, что не только воевода брал взятки со сборщиков (сам он рассматривал это как подарки «в честь»), но и сборщики брали таковые с «ясашных иноземцов», выменивали у них пушнину на товары, о чем сами «показали в допросе». Было решено «дворы их и пожитки без утайки описать и запечатать… и из тех из пожитков взыскать в казну на толикое число, что они продали купецким людям мягкой рухляди», взятой себе незаконно, а оставшуюся у них пушнину следовало конфисковать. Кроме того, сборщиков полагалось наказать кнутом, но «по всемилостивейшему имянным указом… оные их вины отпустили» и телесного наказания не учинили[636]. Судьба воеводы разрешилась помилованием по случаю восшествия на престол Елизаветы Петровны, имущество ему вернули, но более ни к какой должности не определили. Свои дни он закончил, проживая в Тобольске, в бедности.

Одним из способов борьбы со злоупотреблениями ясачных сборщиков было поощрение князцов и старшин к тому, чтобы самим привозить ясак со своих родовичей и сдавать его воеводам. Такая практика была санкционирована февральскими 1740 г. указами Сената. В случае сдачи ясака в срок и сполна приказывалось в волости сборщиков не посылать. В 1741 г. аналогичное предписание появляется в инструкции сибирскому губернатору И. Шипову[637]. Сибирский приказ в 1742 г. вновь требовал от сибирских воевод сообщить всем волостным князцам и старшинам, чтобы они приносили ясак в города, а сборщиков посылать лишь туда, где старшины откажутся от доставки пушнины сами[638]. Тесным образом с этими мерами были связаны реминисценции распространенной в Сибири практики дарообмена при взятии ясака и поминков. С середины XVIII в. она трансформируется в «награждение» «улусных владельцов и старшин» за добровольное принесение ясачной пушнины высокого качества «сукном да погребом» и «повышением чинами»[639].

Накопившиеся проблемы с ясачными сборами требовали серьезной ревизии и перестройки всей системы обложения сибирских автохтонов. Основные принципы соответствующих преобразований были провозглашены именным указом Екатерины II от 6 февраля 1763 г.[640] и инструкцией секунд-майору Алексею Щербачеву от 4 июня 1763 г.[641] Отменялся атавизм

---

[634] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 56–57, 59 об. –60 об.; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1895. Л. 137 об., 139.

[635] За воеводу был временно оставлен Е. Денисов.

[636] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1. Л. 66, 68 об. –69 об.

[637] Там же. Ф. 248. Кн. 180. Л. 399 об.

[638] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 237.

[639] РГАДА. Ф. 248. Кн. 180. Л. 399 об. –400.

[640] ПСЗ-1. Т. 16. № 11749. С. 153–154.

[641] Текст этой инструкции опубликован: Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 251–268; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов

даннических отношений – аманатство (заложничество), упразднялся институт ясачных сборщиков, первичные функции по сбору ясака, управлению и суду ясачных передавались в руки их князцов и старшин. Закрепив за ясакоплательщиками участки земель и вод, находившиеся в их пользовании, а сами ясачные души – за конкретными волостями, правительство стремилось точнее определить не только личный состав, но и территориальные границы окладных подразделений. Объявленное Екатериной II монаршее покровительство над народами Сибири в «Манифесте о постановлении штатов...» 15 декабря 1763 г. обрело вполне конкретное финансово-административное выражение: с упразднением Сибирского приказа ясачный сбор и все связанные с ним вопросы передавались в ведение Кабинета ее императорского величества[642].

Фактически Ясачной комиссии поручалось осуществить перепись всех автохтонов Сибири для определения точного числа годных в оклад мужчин от 18 до 50 лет и провести их переобложение ясаком. Квинтэссенция новаций этого обложения сформулирована в следующем фрагменте второго пункта инструкции:

> *...Изчисляя действительно состоящих ныне на лицо плательщиков и сумму окладов, сколько бы со всего улуса или рода противу нынешняго положения собрать было должно, стараться, призвавши одних только их князцев и старшин, увещевать, чтоб они для собственнаго своего облегчения от чинимых им при выезде в их улусье и кочевья от сборщиков обид и раззорения приняли полагаемый на них по числу действительных плательщиков оклад платить повсегодно в казну Нашу зверем или деньгами не с каждаго плательщика порознь, но суммою со всего улуса, привлекая их к тому ласкою и небольшими потребными для них подарками... И если они притом объявлять станут, что как всей суммы деньгами, так и некоторых зверей из прежде положенных на них платить не в состоянии, в таком случае, разсматривая состояние тех мест, где они жительствуют, довольство зверей, способность в промысле оных и достатки тех плательщиков... полагать с согласия их такие оклады, которые б они без наималейшаго отягощения бездоимочно платить могли*[643].

Было предписано назначить сборные места (сугланы) «и при оных учредить ярмонки» с согласия «иноверческих князцов и старшин», где они пожелают[644]. Этим предполагалось достичь нескольких целей: ввести местную торговлю в организованное русло, ограничить въезд торговцев и местных администраторов в стойбища и селения «ясашных», поставить под контроль обмен и продажу пушнины, допускавшиеся только после сдачи ясака.

Итак, порядок взноса ясака устанавливался следующий: одни платили через своих старшин и князцов в ближайшее казначейство, другие обязывались привозить пушнину на сборные места, где ее принимали комиссары или посланные земскими властями казаки. Вноситься ясак должен был суммой со всей волости (улуса, рода), при этом в окладных книгах он оказывался разочтенным по душам, что было необходимо для расчета льготных лет в случае принятия ясачным человеком крещения. В исключительных случаях разрешалась уплата подати деньгами. Установленный комиссией размер оклада считался окончательным, в 14-м

Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века) : сб. правовых актов и документов / ред.-сост. А. Ю. Конев. Тюмень, 1999. С. 70–76.

642 ПСЗ-1. Т. 16. № 11989. С. 446.

643 Цит. по: Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. С. 254–255.

644 Там же.

пункте инструкции было сказано никому «без особливаго от Сената указу ни под каким видом окладов не переменять».

В апреле 1764 г. было издано «Наставление губернаторам», в котором губернатор объявлялся «хозяином губернии» и обязан был подчиняться только императрице и Сенату[645] (рис. 1.46). В силу этого, а также по причине открывшихся непорядков в действиях комиссии 19 мая 1764 г. А. Щербачев был отозван из Сибири, Ясачную комиссию возглавил вновь назначенный сибирский губернатор генерал-майор Д. И. Чичерин. Он учредил «Тобольскую главную о расположении ясака Комиссию» и подчиненные ей особые комиссии в уездных городах. Отметим, что комиссия, созданная в Берёзове, учла (приписала) самоедов в составе соответствующих волостей нижнеобских остяков и положила в общий с ними оклад[646]. В феврале 1769 г. сибирский губернатор представил императрице вместе с реляцией о завершении работы всех созданных им комиссий итоговую ведомость, выдержки из которой о расположении ясака в уездах Северо-Западной Сибири приведены ниже (табл. 1.9).

Таблица 1.9

Сведения о расположении ясака Первой Ясачной комиссией в уездах Северо-Западной Сибири[647]

Название уезда	Окладных ясачных душ по переписи 1763–1769 гг.	Ясачный оклад ценою (зверем и деньгами) по прежним переписям	Ясачный оклад ценою (зверем и деньгами) по переписи 1763–1769 гг.
Тобольский[648]	3 789	9 011 руб. 87¼ коп.	10 761 руб. 68 1/16 коп.
Туринский	71	87 руб. 90 коп.	129 руб. 60 коп.
Пелымский	530	390 руб. 75 коп.	471 руб. 75 коп.
Берёзовский	2 444	2 561 руб. 15 коп.	2 953 руб. 45 коп.
Сургутский	2 920	2 971 руб.	4 246 руб. 51 коп.

Каким же образом и в какой мере утвержденный документами 1763 г. порядок сбора и сдачи ясака был реализован в Северо-Западной Сибири?

Сургутский земский исправник сообщал в 1786 г. в Тобольское наместническое правление, что бывшие волостные князцы во время работы Комиссии о расположения ясака переписчику корнету Полянскому в окладных книгах «подписками обязались, чтоб положенной на них в казну ясак привозить им самим в город Сургут всякой год в июне месяце бездоимоч-

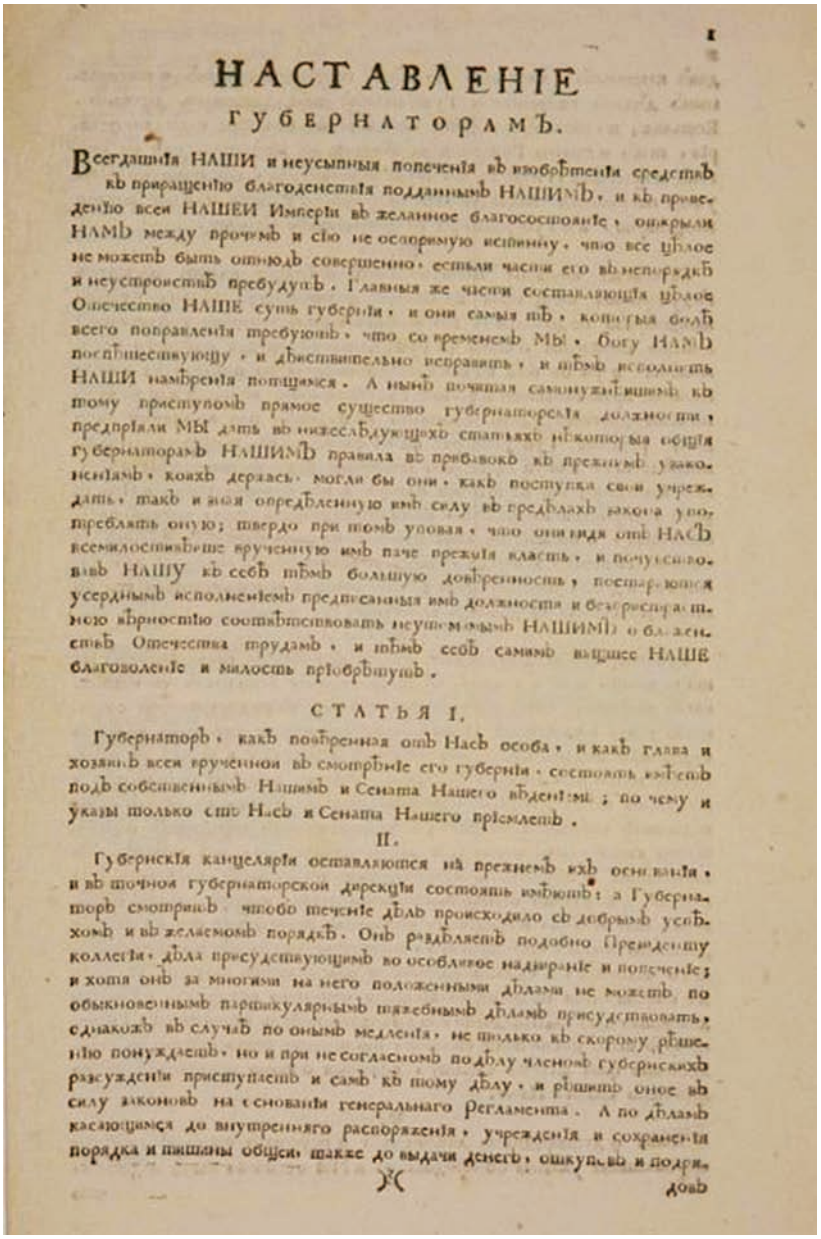
---

[645] ПСЗ-1. Т. 16. № 12137. С. 717.

[646] История Якутской АССР : в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 134– 135. [427 с.]; Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.) : в 2 т. / отв. ред. В. Н. Иванов. М., 2003. Т. 1. С. 255–256; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 242–243.

[647] Сост. по «Краткой генеральной ведомости ясашным иноверцам»: РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 139.

[648] В материалах Первой Ясачной комиссии число ясачных душ и назначенный им оклад по этому уезду даны с учетом состоявших в ясаке жителей татарских волостей уезда и остяков Кодских городков.



1

НАСТАВЛЕНІЕ
ГУБЕРНАТОРАМЪ.

Всегдашнія НАШИ и неусыпныя попеченія въ изобрѣтеніи средствъ къ приращенію благоденствія подданнымъ НАШИМЪ, и къ приведенію всеи НАШЕИ Имперіи въ желанное благосостояніе, открыли НАМЪ между прочимъ и сію не оспоримую истинну, что все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, естьли части его въ непорядкѣ и неустроиствѣ пребудутъ. Главныя же части составляющія цѣлое Отечество НАШЕ суть губерніи, и они самыя тѣ, которыя болѣ всего поправленія требуютъ, что со временемъ МЫ, богу НАМЪ поспѣшествующу, и дѣиствительно исправить, и тѣмъ исполнить НАШИ намѣренія потщимся. А нынѣ почитая самонужнѣишимъ къ тому приступомъ прямое существо губернаторскія должности, предпріяли МЫ дать въ нижеслѣдующихъ статьяхъ нѣкоторыя общія губернаторамъ НАШИМЪ правила въ прибавокъ къ прежнимъ узаконеніямъ, коихъ держась, могли бы они, какъ поступка свои учреждать, такъ и зная опредѣленную имъ силу въ предѣлахъ закона употреблять оную; твердо при томъ уповая, что они видя отъ НАСЪ всемилостивѣише врученную имъ паче прежнія власть, и почувствовавъ НАШУ къ себѣ тѣмъ большую довѣренность, постараются усерднымъ исполненіемъ предписанныя имъ должности и безпристрастною вѣрностію соотвѣтствовать неутомимымъ НАШИМЪ о блаженствѣ Отечества трудамъ, и тѣмъ себѣ самимъ вящшее НАШЕ благоволеніе и милость пріобрѣтутъ.

СТАТЬЯ I.

Губернаторъ, какъ повѣренная отъ Насъ особа, и какъ глава и хозяинъ всеи врученнои въ смотрѣніе его губерніи, состоять имѣетъ подъ собственнымъ Нашимъ и Сената Нашего вѣденіемъ; по чему и указы только отъ Насъ и Сената Нашего пріемлетъ.

II.

Губернскія канцеляріи оставляются на прежнемъ ихъ основаніи, и въ точнои губернаторской дирекціи состоять имѣютъ: а Губернаторъ смотритъ, чтобъ теченіе дѣлъ происходило съ добрымъ успѣхомъ и въ желаемомъ порядкѣ. Онъ раздѣляетъ подобно Президенту коллегіи, дѣла присудствующимъ во особливое надзираніе и попеченіе; и хотя онъ за многими на него положенными дѣлами не можетъ по обыкновеннымъ партикулярнымъ тяжебнымъ дѣламъ присудствовать, однакожъ въ случаѣ по онымъ медленія, не только къ скорому рѣшенію понуждаетъ, но и при несогласномъ подѣлу членовъ губернскихъ разсужденіи приступаетъ и самъ къ тому дѣлу, и рѣшитъ оное въ силу законовъ на основаніи генеральнаго Регламента. А по дѣламъ касающимся до внутренняго распоряженія, учрежденія и сохраненія порядка и тишины общеи, также до выдачи денегъ, откуповъ и подри-

довъ

Рис. 1.46. Наставление губернаторам 1764 г. Фрагмент. Из коллекции Музея-заповедника «Коломенское».
Из кн.: Наставление губернаторам: [Дано в Престольном Нашем городе Санктпетербурге 1764 года апреля в двадцать перьвый день ...] (СПб., 1764)

но без посылки из руских людей зборщиков и высолщиков, которое никак не опровергнуто и поныне исполняется»[649]. Вместе с тем было отмечено, что в самые отдаленные места, в две тазовские (Тымскую и Караконскую) волости, как и прежде, сборщики «по непроходимым лесам и болотам... с великою нуждою пешие ходят»[650].

[649] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 26. Л. 175.

[650] Там же. Л. 174–174 об.; Ф. И156. Оп. 4. Д. 1687. Л. 1–1 об.

Следует заметить, что не во всех уездах Западной Сибири установка на заведение специальных сугланных мест с «ярмонками» при них была реализована. Сургутский уезд стал в этом смысле исключением, и то лишь спустя 20 лет после завершения работы Ясачной комиссии. В июне 1786 г. Сургутский нижний земский суд рапортовал в наместническое правление, что вопрос дважды ставился перед собранием князцов и «лучших людей». Было решено просить об открытии одной ярмарки в Юганском погосте, потому что остяки «из семи волостей всегда в сказанный погост для вымену меж собой разных зверей на белку в ясак, а иные к родственникам для займа денег в том ясаке съезжаютца». Вторую – в городе Сургуте «для того, что во оной издревле… из всех двенадцати волостей для сдачи в казну ясака приезжают, да к тому ж и для того, что тогда в городе бывают из других городов купечество, разного звания люди»[651]. Их проведение предполагалось ежегодно в июне месяце, что и было осуществлено, о чем свидетельствует «Описание Тобольского наместничества» 1790 г.[652]

В 11 остяко-вогульских волостях Тобольского уезда и в «сборах» остяков Кодских городков Берёзовского уезда пушнина принималась старшинами и записывалась писарями в декабре. Затем, собранная и опечатанная, она отвозилась в Тобольск. Всего за наем писарей, бумагу, сургуч, свечи, чернила, упаковку и перевозку ясака[653] тобольские ясачные платили в начале XIX в. от 470 до 565 руб., кодские – 243 руб. 32 коп.[654] В Сосьвинской волости Берёзовского уезда вогулы сдавали подать в январе и июле князю в присутствии писаря, при этом каждый плательщик за труды писаря, на бумагу, свечи и воск отдавал по одной белке «при первом сборе ясака». Общие затраты на эти нужды составляли в денежном выражении по году до 41 руб. 40 коп.[655] В Подгородной волости ясак собирался и вновь раскладывался в феврале и июле. Расход на эти цели составлял без малого 15 руб.[656] В Казымской и Ляпинской князцы с писарями принимали и полагали ясак «в крепостцах» раз в год, в первой волости – в январе/феврале, во второй – в конце декабря. Расходы казымских остяков и самоедов составляли 219 руб., а ляпинских вогулов – 58 руб. 85 коп.[657] В Куноватской волости от остяков и самоедов князец принимал подать в январе и июле вместе с писарем, найм которого обходился в 50 руб.[658] Обдорские самоеды и остяки к положению и уплате ясака собирались в декабре-январе и в июле (рис. 1.47). Прием и раскладку подати вели князья Тайшины с приемщиками и писарями в специально построенной избе в Обдорской крепости. Пушнина и шкуры до отправки в Берёзов хранились в особом амбаре. Затраты на писаря, приемщика, отправку ясака и просушку кож, свечи, воск, бумагу, топку избы доходили до 712 руб. в год[659].

Основная часть ясачного сбора поступала в виде пушнины «таким зверем, какой будет в улове». Наглядное представление об ассортименте натурального ясака интересующего нас региона в начале XIX в. дает приведенный ниже материал (табл. 1.10).

---

[651] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 26. Л. 166–166 об., 180.

[652] Там же. Л. 210 об.; Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. Новосибирск, 1982. С. 176, 178.

[653] Затраты на перевозку ясака в эти годы составляли значительную сумму. В волостях угров Тобольского уезда – до 150–165 руб., в Кодских городках – 124 руб. 40 коп., что сопоставимо с оценкой ясачной пушнины, принятой Тобольской казенной палатой с указанных волостей.

[654] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 119. Л. 9 об., 11 об., 668 об. –669.

[655] Там же. Л. 669 об. –670.

[656] Там же. Л. 671 об. –672.

[657] Там же. Л. 670 об. –671; Описание Тобольского наместничества. С. 166.

[658] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 119. Л. 675 об. –676.

[659] Описание Тобольского наместничества. С. 166; ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 119. Л. 673 об. –675.

Рис. 1.47. М. С. Знаменский. Остяки и самоеды.
Репродукция из кн.: Знаменский М. С. От Тобольска до Обдорска : альбом (Тобольск, 1862). С. 22

Таблица 1.10

Пушнина и «звериные кожи», поступившие в доход Кабинета Е. И. В. от «ясашных» севера Тобольской губернии в 1807, 1809 и 1811 гг.[660]

Город / Вид зверя	1807			1809			1811		
	число	руб.	коп.	число	руб.	коп.	число	руб.	коп.
Тобольск	*С волостей уезда вместе с Кодскими городками Берёзовского уезда*								
Лисиц	7	84	12 ½	5	18	62 ½	3	21	–
Соболей	31	201	–	12	90	–	21	147	–
Лосин и оленин	2	11	–	7	56	–	–	–	–
Итого	40	296	12 ½	24	164	62 ½	24	168	–
Туринск	*С волостей Пелымского и Табаринского комиссарств уезда*								
Лисиц	44	265	45 ½	61	317	4 ½	33	301	57 ½
Соболей	60	89	96	23	36	–	6	33	50
Бобров и кошлоков[661]	29	72	36 ½	21	41	78	14	86	60
Горностаев	158	16	45 ½	160	11	91	37	5	40
Белок	86	5	86 ½	408	24	14	309	58	70
Ярцов[662]	–	–	–	2	2	37 ½	3	3	50
Лосин	115	73	62 ½	76	46	3 ¾	73	48	32 ¾
Итого	492	520	372 ½	751	477	228 ¾	475	534	360 ¼
Берёзов	*С волостей Обдорского и Кондинского комиссарств уезда, кроме Кодских городков*								
Лисиц	202	564	25	295	657	–	736	555	85
Соболей	14	12	50	446	675	25	196	1 270	75
Росомах	30	96	70	74	225	95	55	175	50
Рысей	–	–	–	–	–	–	1	5	–
Бобров и кошлоков	16	53	95	34	81	–	72	310	–
Выдр	31	122	15	68	194	–	22	84	15
Волков	9	44	50	17	82	30	16	82	–
Песцов голубых	3	15	–	–	–	–	–	–	–
Песцов белых	2 804	1 682	40	2 851	1 710	60	2 726	1 635	60
Горностаев	110	5	50	358	22	19	17	–	85
Белок	9 765	292	95	7 315	209	35	2 050	61	50
Итого	12 984	2 887	490	11 458	3 855	264	5 891	4 177	420
Лосин	76	63	20	28	24	35	5	5	–

[660] Сост. по ведомости Тобольской казенной палаты: ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 554. Л. 7–10.

[661] Кошлок – молодой бобер, бобренок до года.

[662] Ярец – годовалый бобер.

Оленин	16	8	15	35	19	40	6	2	50
Итого	92	71	35	63	43	75	11	7	50
Сургут	*С волостей Сургутского комиссарства*								
Лисиц	327	1 813	60	289	1 875	70	157	1 361	54
Соболей	295	746	20	238	769	90	341	1 266	6
Росомах	10	37	–	5	12	50	8	28	–
Выдр	7	44	–	8	37	20	5	39	70
Волков	4	21	50	–	–	–	–	–	–
Лосин	11	33	–	–	–	–	–	–	–
Итого	654	2 694	130	540	2 693	230	511	2 694	130

Судя по сведениям Тобольской казенной палаты, основными сортами пушнины, поступавшими в уплату ясака, были: по Тобольску – соболь (хотя его количество было невелико); по Туринску – белка, лисица и горностай (значение белки существенно выросло, а горностая резко упало); по Берёзову – белый песец, белка, лисица и соболь; по Сургуту – лисица и соболь. По всему региону отмечается снижение общего числа сданных звериных шкур и кож. Особенно это было заметно в волостях, приписанных к ведению Тобольска и Берёзова. Но в берёзовских это не сказалось на денежном эквиваленте принятой пушнины, оно росло за счет кратного увеличения добычи ценного соболя. Относительно стабильная ситуация сложилась в ясачных волостях Туринского и Сургутского ведомств.

Кроме пушнины и кож, ясак в Северо-Западной Сибири все чаще вносился деньгами. В 1811 г. в ответ на предписание сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля и по поручению тобольского гражданского губернатора казенная палата сообщала, что по неулову зверя «ясашные» платят деньгами, и при их взносе в казначейство «следует непременно прилагать основательные удостоверения от земских судов или частных комиссаров». Отвечая на вопрос, каким образом устанавливается «действительный неулов», палата писала, что «особенных удостоверений не представляется в уездные казначейства, которые более основываются в том на одних объяснениях князцов и старшин, представивших ясак, а некоторые – на уведомлениях земских судов»[663].

Коммутация ясака наиболее ярко проявлялась в Тобольском и Туринском уездах, где объемы добычи пушнины были менее значительными, а проникновение товарно-денежных отношений в экономику обских угров становилось заметнее. Но и в Берёзовском уезде в 1820 г. деньгами было внесено ясачной подати на сумму 381 руб. 95 коп.[664]

В конце XVIII – начале XIX в. у народов Сибири появились новые финансовые обязательства: в 1797 г. по 26 коп. – на «полковых подъемных лошадей», в 1806 г. по 18 коп. – на «присутственные места». Так установился 44-копеечный подушный сбор[665]. 16 февраля 1814 г. Государственный совет утвердил представление министра финансов о том, что «ясачных народов, живущих в сибирских губерниях, оставить при той денежной подати, которую они до 1810 года платили, то есть по 44 коп. с души, взыскав и недоимку, на них по сему окладу накопив-

[663] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 554. Л. 2, 3 об.

[664] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 246.

[665] Там же. С. 248.

шуюся»[666]. Самоеды и остяки Берёзовского уезда в 1820-х гг. выплачивали до 4 722 руб. 52 коп. в год указанного сбора[667]. Наряду с этим собирались деньги на устройство дорог и на содержание водных сообщений (по 30 руб. с ревизской[668] души). К примеру, в Тобольском уезде в 1822 г. на эти цели было собрано с угорских волостей 617 руб. 80 коп.[669] Остяки и вогулы Тобольского и Туринского уездов выплачивали значительные суммы на земские повинности. Так, туринские ясачные в 1820-х гг. вносили в год до 3 138 29 ¼ коп руб. общих губернских и до 275 руб. внутренних сборов[670]. Совокупно в денежном выражении упомянутые новые платежи существенно превышали вносимый автохтонами региона ясак, на практике они нередко платились не деньгами, а пушниной[671]. Рост дополнительных поборов при уменьшении числа тяглых душ в целом ряде волостей и уездов Сибири, включая Западную, служил дополнительным негативным фактором снижения ясачных поступлений, в том числе в натуральной форме.

Наряду с мерами административного и экономического характера для обеспечения стабильности всех видов сборов с ясачного населения, на котором неумолимо копились значительные недоимки, власти продолжали использовать несколько видоизмененную практику дарообмена, которая трансформировалась в награждение глав ясачных волостей и родов за своевременный и бездоимочный взнос податей. В самом начале XIX в. Тобольская казенная палата требовала срочно выдать подарки старшинам и князцам Берёзовского и Сургутского уездов за исправный взнос ясака сукном, табаком и бисером. Ориентиром при определении размера этих награждений в денежном выражении была установка инструкции 1763 г. – по 2 руб. с оклада. Местные князцы и старшины предпочитали получать наградные деньгами, что учитывалось местными властями. В 1801 г. особенно отличились сургутские старшины: в этом году полностью выплатили ясак все волости уезда[672].

По мере нарастания кризисных моментов в ясачном сборе начинали появляться различные проекты его улучшения и даже реформирования. Один из таких применительно к Обскому Северу составил берёзовский чиновник Барташевич[673]. Идеология проекта была направлена на ограничение хозяйственно-экономических взаимодействий автохтонов с русскими, прежде всего с представителями торговой прослойки. Для этого предусматривалось устроить пикеты из казаков на границе Берёзовского и Тобольского уездов и обеспечить полное прекращение торговли вином вне пределов Берёзова и Сургута. Только по просьбе ясачных и «за билетом губернатора с утверждением им цен на продажу товаров» предлагалось разрешать въезд в сугланные места. Планировалось создать в Обдорске ясачную контору во главе с «директором ясачных селений», завести в помощь ему штат офицеров-смотрителей с толмачами и присяжными при них. Заседать в конторе с директором должны были обдорские князья и старшины. Аналогичные органы в составе офицеров, князцов и старшин предполагалось организовать в Казымской, Ляпинской и Сосьвинской волостях. Непосредствен-

---

666 ПСЗ-1. Т. 32. № 25536. С. 748.

667 ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 851. Л. 34 об. –35.

668 С 1782 г. автохтонное население Сибири включается в ревизские переписи: ПСЗ-1. Т. 21. № 15415. С. 571–574.

669 ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 789. Л. 118.

670 ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 967. Л. 22 об. –23.

671 ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 119. Л. 9 об. –11 об., 668 об. –675.

672 Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 251.

673 Автор проекта установлен Н. А. Миненко.

ный сбор ясака полностью возлагался на глав ясачных волостей, оценка пушнины – на чиновников ясачной конторы[674].

Итак, положения о ясачном сборе инструкции 1763 г. перестали удовлетворять изменившимся условиям. Назрели их ревизия и новая ясачная реформа. Это обусловливалось трансформацией в хозяйственном укладе коренного населения, проявились заметные отличия в этом отношении у разных локальных групп ясачных даже в рамках одного региона. На рубеже XVIII–XIX вв. усложнились характер и структура податного обложения автохтонов, что было вызвано распространением на них новых видов повинностей и коммутацией ясака. Исчисление, произведенное в 1763–1769 гг. по коллективам плательщиков, оставалось неизменным. Впоследствии число положенных в оклад изменилось, отчего сбор подати «сделался неуравнительным, а для некоторых племен весьма тягостным»[675]. Неуклонно росли недоимки, при этом встречались случаи укрывательства ясачных плательщиков главами родов и волостей. Все это требовало постоянного скрупулезного учета податного населения и уплачиваемых им сборов, что вело к усложнению делопроизводства на местах. Неграмотные волостные старшины были не в состоянии самостоятельно осуществлять первичную регистрацию поступающих податей, фактически лишь присутствовали при сдаче таковых и занимались их доставкой в казначейства (рис. 1.48). Частным комиссарам нередко в одиночку приходилось организовывать и контролировать податной учет, с чем не все из них могли справиться. Ревизовавший север Тобольской губернии накануне реформы М. М. Спе-

Рис. 1.48. М. С. Знаменский. Волостной суд.
Репродукция из кн.: Знаменский М. С. От Тобольска до Обдорска : альбом (Тобольск, 1862). С. 13

[674] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. Д. 13. Л. 81–84 об.

[675] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 26.

ранского чиновник по особым поручениям Булич доносил, что «по делам Денщиковского комиссарства неизвестно ничего: сколько ясашные разных волостей платят ясака и других податей», и в этой связи заметил, что «необходимо земскому начальству завести порядок, которого ясашные по простоте своей не знают»[676].

Разработанный М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым «Устав об управлении инородцев», утвержденный 22 июля 1822 г. императором Александром I, в своей заключительной четвертой части достаточно подробно регламентировал порядок организации ясачного учета и сбора повинностей с «кочевых и бродячих инородцев»[677]. Правда, в процессе реформы управления народами Сибири задача переобложения ясаком и иными податями сибирских автохтонов не ставилась. Она будет возложена на специальную комиссию. Тем не менее, следует кратко остановиться на характеристике некоторых важных для рассматриваемого вопроса изменений, которые были осуществлены в середине 1820-х гг. в Тобольской губернии.

В соответствии с решением Совета общего губернского управления от 17 октября 1823 г., подтвержденным Сибирским комитетом в 1824 г., все обско-угорское население губернии и ненцы Ляпинской, Куноватской и Казымской волостей причислялись к разряду кочевых с учреждением в их волостях инородных управ[678]. Ненцы Обдорской волост и были отнесены к разряду бродячих, что заставило вывести их из подчинения князцу обдорских «кочевых остяков» и учредить должность «главного самоедского старшины»[679]. Причисление в разряд кочевых, влекшее за собой рост податного обложения (бродячие инородцы по уставу 1822 г. не подлежали земским повинностям), вызвало в 1826 г. возмущение нижнеобских хантов. Это заставило губернские власти, а затем и Сибирский комитет признать целесообразным перевод в разряд бродячих не только мало отличавшихся по образу жизни от «бродячих самоедов» обдорских остяков, но и вообще всех остяков Берёзовского округа. Одновременно с них слагалась недоимка по земскому сбору, составившая на 1 сентября 1826 г. более 51,5 тыс. руб.[680]

В 1827–1831 гг. в Западной Сибири действовала Вторая Ясачная комиссия, направленная по постановлению Сибирского комитета в соответствии с § 39 Устава об инородцах[681]. Она должна была обложить новой ясачной податью автохтонов региона, причисленных к разрядам кочевых и бродячих. В качестве побочного предмета ей поручалось проверить, как на местах проведено разделение на разряды и какова система управления инородцев[682]. Подтвердив правильность распределения по разрядам остяков, вогулов и самоедов Тобольской губернии, комиссия отметила, что у них сохранилось старое волостное деление[683]. В Тобольском и Туринском округах, по сообщениям комиссии, «инородных управ не имеется, а с 1824 года в волостях их учреждены родовые управления, которые состоят из старост

---

[676] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 47 об.

[677] Документ опубликован: Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири. С. 85–110.

[678] ИсАОО. Ф. 3. Оп.1. Д. 300. Т. 1. Л. 19–20 об., 22–22 об., 239.

[679] Там же. Л. 25 об. –26; ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 39. Д. 116. Л. 13 об.

[680] ПСЗ-2. Т. 2. № 1200. С. 549–551.

[681] Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири. С. 88.

[682] ПСЗ-2. Т. 2. № 1611. С. 1061–1063.

[683] ИсАОО. Ф. 3 Оп. 1. Д. 967. Л. 3; Д. 850. Л. 271 об.; Д. 851. Л. 4 об.

и старшин, избираемых на один год»[684]. Князцы и старшины всех остяцких волостей Берёзовского округа также получили права родовых управлений[685]. О разделении управления обдорскими хантами и ненцами, оставшимися в одной волости и одном разряде, ничего не было сказано, отмечалось лишь, что для «самоедов» и «остяков» этой волости были составлены разные окладные книги[686]. Следует подчеркнуть, что, согласно § 313 Устава 1822 г., сбор ясака являлся исключительной прерогативой именно родовых управлений.

Таким образом, основной фискально-административной единицей у народов Югры и после работы Ясачной комиссии оставалась «ясачная волость». Придание волостям статуса неделимых податных подразделений (запрещалось самовольно перечисляться из волости в волость) объяснялось невозможностью иным образом обозначить рамки окладных объединений. Административно-территориальные границы волостей проще было определить личным составом причисленных к ним инородцев, связанных круговой порукой в сдаче податей. Местная администрация продолжала держаться старых испытанных форм, чтобы не разрушать отлаженный механизм фискального контроля. По-видимому, из этих же соображений исходила и названная комиссия, закрепив сложившуюся у жителей региона к началу XIX в. систему их социально-административного устройства, которая не претерпела изменений до второй половины столетия.

Не останавливаясь подробно на работе названной Ясачной комиссии, связанной с определением новых окладов, что уже рассматривалось в литературе[687], приведем сведения о численности ясакоплательщиков и структуре ясачной подати трех северных уездов Тобольской губернии, определенных в ходе второй ясачной реформы (табл. 1.11).

Таблица 1.11

Сведения о расположении ясака Второй Ясачной комиссией в уездах Северо-Западной Сибири[688]

Название округа, число волостей	Окладных ясачных душ	Ясачный оклад		
		зверем	деньгами	всего
Туринский (с Пелымским ведомством) 11 *волостей «кочевых инородцев» – вогулов*	758	1 642 руб. (соболь, лисица сиводушка и белодушка)	3 365 руб.	5 007 руб.
Тобольский 11 *волостей «кочевых инородцев» – остяков и вогулов*	1 040	2 855 руб. 73 коп. (соболь, лисица белодушка, белка, кожи лосиные)	2 513 руб. 77 коп.	5 369 руб. 50 коп.

[684] ИсАОО. Ф. 3 Оп. 1. Д. 850. Л. 272 об.; Д. 967. Л. 4.

[685] Там же. Д. 851. Л. 1. В Сургутском отделении, по всей видимости, правами родовых управлений были наделен главы сотен-волостей.

[686] Там же. Л. 11 об. –2.

[687] См., например: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 257–261.

[688] Сост. по отчетам и ведомостям Второй Ясачной комиссии: ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 851. Л. 30 об. –31, 34 об. –35, 38 об. –39; Д. 967. Л. 16 об. –17, 22 об. –23, 26 об. –27; Д. 1052. Л. 13 об. –14, 19 об. –20, 24 об. –25.

Окончание табл. 1.11

Берёзовский (с бывшим Сургутским уездом и Кодскими городками) *19 волостей «бродячих инородцев» – самоедов, остяков и вогулов*	5 811	19 595 руб. 35 коп. (соболь, лисица сиводушка и белодушка, песец белый, горностай, белка, выдра)	617 руб.	20 212 руб. 35 коп.

По материалам комиссии видно, что она учла состояние угодий, характер хозяйственных занятий и промыслов «ясашных инородцев». Это усматривается прежде всего из соотношения денежной и натуральной части оклада, рассмотрения сложившихся торговых цен на различные сорта пушнины, адекватного определения рода зверей, годных для промысла в том или ином уезде. В этом смысле комиссия 1820-х гг., по сути, провела аналогичную работу своей предшественницы 1760-х гг. Отметим, что по всем уездам заметно повышение окладных сумм. Комментируя это факт, Н. А. Миненко подчеркнула, что «реально рост этот не наблюдался вследствие более справедливой оценки принимаемой в ясак пушнины». Она высчитала, что если ранее номинальная окладная сумма с автохтонов Северного Приобья составляла 17–27 % их доходов, то после завершения реформы это выражалось 15–24 %[689].

Важной новацией инородческой реформы М. М. Сперанского, нашедшей поддержку у чиновников Ясачной комиссии, был отказ от курса на консервацию социально-экономического уклада народов Сибири, жесткого ограничения их торговых отношений с русским населением. И хотя в конце 1830-х гг. в правительственных кругах вновь созреет проект, призванный ограничить свободу частной торговли в районах проживания инородцев и отменить денежный ясак, это не найдет поддержки ни на местном, ни на правительственном уровне[690].

Следует заметить, что реформа ясачного обложения затянулась в Сибири до 1835 г., при том, что западносибирская комиссия завершила свою работу к 1832 г. Только с 1835 г. ясак стал взиматься на основании вновь утвержденных окладных книг. До этого времени все категории инородцев продолжали уплачивать его и иные сборы по-старому. Так, например, «бродячие» вносили земские повинности, от которых они по закону уже были освобождены.

По меткому замечанию В. И. Шерстобоева, XVIII в. унаследовал от предшествовавшего столетия множественность сборов – явление, свойственное средневековым финансовым порядкам[691]. Рационализируя эту архаичную практику, государство взамен упраздненных платежей постепенно усиливало прямое обложение и шире применяло косвенные налоги. В результате налоговой реформы первой четверти XVIII в. была создана более эффективная система сбора податей, способствовавшая значительному приросту казенных доходов, с одной стороны, и росту налогового бремени податного населения, с другой, в том числе и в Северо-Западной Сибири. Несмотря на то, что до середины XVIII в. еще сохранялись принудительные методы сбора ясака (аманатство, институт ясачных сборщиков), он из атри-

[689] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 259.

[690] См. подробнее: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897 («По предложению об улучшении ясачного сбора» 1839 г.); Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 260–261.

[691] Шерстобоев В. И. Илимская пашня. Т. 2. С. 452.

бута даннической зависимости превратился в специфический вид натурального налога на право автохтонных сообществ обитать и промышлять на «государевой земле». Процесс этот завершился и получил свое юридическое оформление в период подготовки и проведения ясачной реформы 1763–1769 гг. Введение подушного обложения и ясачные реформы ускорили формирование новых сословных категорий на территории Югры, в том числе способствовали появлению юридического состояния (сословия) «инородцев» в составе двух разрядов «кочевых» и «бродячих»[692]. Сложившаяся в результате административных преобразований 1822 г. и деятельности Второй Ясачной комиссии система налогообложения обских угров и северных самодийцев Тобольской губернии оказалась достаточно устойчивой, не претерпев значительных изменений до конца XIX столетия.

[692] Категории «оседлых инородцев» в XIX в. здесь не возникло.

Часть 2

Система коронного управления

Глава 1

Историография и источники

Историография

История изучения государственного управления и административной политики в уездах Северного Обь-Иртышья, несомненно, теснейшим образом связана с историей изучения этих вопросов в масштабах Сибири в целом. Но если говорить именно об административной истории Югры, то здесь надо отметить одну особенность. Указанная проблематика лучше и интенсивней развивалась, с одной стороны, на материалах XVII в., с другой – на материалах, отложившихся в ходе «сибирских реформ» М. М. Сперанского. Подобная исследовательская избирательность, в общем-то, понятна: XVII столетие (как и последняя четверть XVI) – эпоха героическая, яркая. Начиная с похода Ермака «первый век» освоения Сибири – это время первопроходцев, в буквальном смысле «время первых» со всей присущей этому времени насыщенной драматургией. Реформы Сперанского – это тоже событие яркое, хотя и в другом роде. Уступающее романтике позднего Средневековья – раннего Нового времени, оно не уступает ему масштабностью, последствиями, имевшими принципиальное значение не только для Сибири, но и для всей имперской политики управления окраинами. Таким образом, «югорский» XVIII в., внешне гораздо более скромный, историографически как бы «выпал», потерявшись между двумя событийно и сущностно насыщенными историческими периодами.

Тем не менее, административная история Сибири, начатая еще трудами Г. Ф. Миллера, после значительного временного перерыва стала интересовать историков с середины XIX в., хотя следует отметить, что впервые оценка правовых установлений империи в отношении сибирского ясачного населения была дана чиновниками II отделения Е. И. В. канцелярии, подготовившими к изданию «Обозрение главных оснований местного управления Сибири»[1]. В нем охарактеризованы нормативные акты, предшествовавшие сибирской реформе 1822 г., определены недостатки системы управления краем, изложены идеи и содержание подготовленных для Сибири законопроектов. «Обозрение» основывалось на материалах сибирского отчета М. М. Сперанского и, безусловно, отражало его точку зрения. Постановления о сибирских народах до 1822 г., по его мнению, «ограничивались небольшим числом указов о приведении в христианство и двумя инструкциями: 1) …данною в 1728 году Владиславичем-Рагузинским пограничным… дозорщикам Фирсову и Михалеву о разборе маловажных дел ясачных иноверцев; и 2) инструкцией, данною за высочайшим подписанием в 1763 году секунд-майору Щербачеву о ясачной подати»[2].

---

[1] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841.

[2] Там же. С. 23.

Опыты систематизации фактографического материала, касающегося административной политики в отношении народов Сибири и системы управления ими в XVIII в. – первой трети XIX в., предпринимались Ю. А. Гагемейстером и М. А. Корфом[3]. Разделы с описанием системы управления и административно-территориального деления содержатся в трудах В. К. Андриевича[4]. В последовавших за ними работах, особенно вышедших из-под пера сибирских областников и близких к ним авторов, был поставлен вопрос о связи методов управления коренными народами края с общим направлением правительственной политики в Сибири, а также о связи управления и фискальных интересов государства[5]. Апологетика реформ и правовых актов сменяется их критической оценкой. В. И. Вагин превращает тему реформы 1822 г. в предмет собственно сибирской историографии. Н. М. Ядринцев первым попытался определить содержание «инородческого вопроса» в его историческом развитии. На первом этапе колонизации Сибири «главными целями завоевателей» являлось «ослабление инородческого элемента» и «уменьшение» его. Затем возникла задача «усмирения инородцев». Историк признавал, что по мере втягивания Сибири в систему общерусских государственных связей на почве мирной жизни стали складываться иные отношения между русскими и аборигенами, встала задача вовлечения коренных жителей «в число равноправных подданных». Признавая, что Устав об управлении инородцев был «гуманным» и «доброжелательным по духу», Н. М. Ядринцев считал, что «он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям»[6].

Эта литература положила начало данной историографической линии в большой проблеме административной истории Сибири вообще и югорской в частности – дискуссии о характере коронного управления коренными народами края в имперский период, о характере взаимоотношений метрополии и институтов (само)управления нерусских народов. Так, во второй половине XIX – начале XX в. появляется ряд публикаций, в которых был проявлен интерес к вопросу о происхождении и роли института «князцов» и старшин обских угров[7].

Первые десятилетия после 1917 г. характеризуются становлением новых методологических подходов в исторической науке, основу которых начинает составлять марксистская концепция материалистического понимания истории. Правда, в 1920–1930-х гг. в историографии, посвященной дореволюционной России, наряду с учением об общественно-экономических формациях большое влияние имели представления о «торговом капитале» как всесильном «управителе» исторического прогресса. Эта теория оказала влияние на взгляды С. В. Бахрушина, положившего начало в советском сибиреведении разработке целого ряда вопросов, касающихся управления и ясачной политики в отношении народов Сибирского Севера. В условиях насаждавшейся концепции М. Н. Покровского о том, что присоединение нерусских

---

[3] См.: Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири : [в 3 ч.]. СПб., 1854; Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. СПб., 1861.

[4] См.: Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов : [в 5 т.]. СПб., 1886—1889; Его же. История Сибири : в 2 ч. СПб., 1889. Ч. 2. С. 54–77; Его же. Сибирь в XIX столетии : [в 2 ч.]. СПб., 1889.

[5] См.: Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872; Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С. С. Исторические этюды : в 2 т. СПб., 1872. Т. 2; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

[6] Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 106–125.

[7] См., например: Попов Г. Остяцкие князья (1864–1884) // Русская старина. 1890. Т. 68, № 11. С. 457–460; Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 85–116. Вып. 4. С. 67–108.

народов к царской России было «абсолютным злом», С. В. Бахрушин рассматривал вхождение сибирских аборигенов в Российское государство как процесс завоевания, повлекший за собой усиление эксплуатации, обрекавшее «инородческое» население на обнищание и постепенное вымирание, что сближало его позицию с точкой зрения областников. Он также считал, что государство насильственно понизило уровень социально-экономического развития туземных сообществ и стремилось законсервировать их на стадии «звероловческого быта» в целях обеспечения поступлений ясака пушниной. Поддержанием платежеспособности «ясашных» С. В. Бахрушин объясняет консервативно-охранительную направленность политики в отношении них в XVIII–XIX вв. Закономерно, что и главным стремлением «Устава об управлении инородцев» 1822 г., по его мнению, было сохранение самобытного строя туземцев[8].

В начале 1950-х гг. был поднят вопрос о корректировке формул «абсолютного» и «наименьшего зла» и было указано на необходимость более расширительного толкования прогрессивного значения присоединения нерусских народов к России[9]. Утвердилось положение об исторической закономерности включения Сибири в состав Российского государства, исследователи отказались от сугубо критической оценки последствий этого процесса для коренных народов края[10].

В исследованиях этнографического и историко-этнографического характера второй половины XX в. большинство сибиреведов поддержало тезис С. В. Бахрушина о том, что ясачные волости и роды у народов западносибирского Севера восходили к традиционной социальной структуре аборигенных этносов. Дискуссии возникли по поводу конкретного этносоциального содержания этих административных единиц[11]. В. И. Васильев подчеркнул, что «ватаги» лесных (казымских) ненцев – не одно и то же, что «ватаги» тундровых, так как у казымских имела место механическая замена прежних родовых названий на ватажные. Реформа 1822 г., по его мнению, зафиксировала в большинстве случаев в виде «административных родов» реально сложившиеся к тому времени у северных самодийцев этнотерриториальные общности, которые сформировались в результате

---

[8] Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север. 1929. № 1. С. 85–86.

[9] См. об этом: Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопр. истории. 1951. № 4. С. 44–48; Якунин А. О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопр. истории. 951. № 11. С. 83–86.

[10] Шунков В. И. Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т. , в 5 кн. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 10.

[11] См.: Мурзина А. И. К вопросу о социальном строе народов Северо-Запада Сибири // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. 1947. Вып. 2. № 105. С. 288–300; Ее же. Манси (вогулы) в XVIII в. и первой половине XIX в. // Уч. зап. ЛГУ. Сер.: Факультет народов Севера. 1953. № 157. Вып. 2. С. 215–236; Долгих Б. О. Племя у народностей Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. Гл. 12; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVII– XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983; Ее же. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М., 1990; Ее же. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. Гл. 4; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVII – первой половине XIX в. : ист.-этногр. очерк. Новосибирск, 1975. Гл. 2, п. 1, 3; Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979; Его же. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. Гл. 6; Мартынова Е. П. Структура социальной организации хантов в XVIII–XIX вв. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 84–87; Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999.

исторических событий предшествующих столетий[12]. По заключению Е. П. Мартыновой, остяцкие волости генетически были связаны с локальными группами различного характера – от племенных княжеств до аморфных объединений, утративших социальную и этническую монолитность. Признавая, что фискальный фактор являлся главным интегративным моментом волостной организации, Е. П. Мартынова подчеркивает, что на протяжении XVIII–XIX вв. в рамках волостей сохранялись и действовали традиционные связи, о чем свидетельствует достаточно стабильный фамильный состав этих административных единиц[13].

В 1960–1970-е гг. в общем контексте управления Западной Сибирью XVIII – первой половины XIX в. тема организации управления нерусскими народами региона также получает свое развитие в собственно исторических трудах[14]. Административный курс государства в отношении народов Сибири рассматривается в тесной связи с его фискальными интересами. «Поскольку высшей целью управления было выколачивание ясака, – подчеркивает В. В. Рабцевич, – все изменения системы управления не выходили за рамки ясачных реформ»[15]. Отмечая ряд новаций в методах управления, произошедших с 1760-х гг. по 1820-е гг. включительно, и факт окончательной трансформации ясака из дани в феодальную ренту, все трое не считают эти изменения принципиальными и отстаивают тезис о консервации социально-экономического строя «инородцев». Определяя положение волостных князцов и старшин данного периода, В. В. Рабцевич рассматривает их как представителей «аборигенной администрации, которых государство использовало в качестве орудия господствующего феодального класса»[16]. Н. А. Миненко не столь категорична в оценках и характеризует обско-угорских князцов как «агентов царских властей, все теряющих от органов, свойственных первобытнообщинному строю»[17]. Л. И. Светличная, Л. М. Дамешек, В. Г. Марченко и А. А. Хоч, несмотря на некоторые расхождения в оценке отдельных положений «Устава об управлении инородцев», сходятся во мнении, что он ориентировал не на консервацию социально-экономической отсталости народов Сибири, а на создание условий для постепенного сближения «инородцев» с сословием государственных крестьян, их интеграцию в общероссийскую систему административных и экономических связей. Функции родовых управлений и инородных управ, полагают исследователи, приближались к функциям органов крестьянского самоуправления[18]. В. Г. Марченко, соглашаясь с тем, что в уставе заметно

---

[12] Васильев В. И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 190.

[13] Мартынова Е. П. Структура социальной организации хантов в XVIII–XIX вв. С. 85–86.

14 Рафиенко Л. С. Управление Сибирью в 20-80 гг. XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; Рабцевич В. В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII – первых десятилетиях XIX столетия // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 234–244; Ее же. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII в. – первой четверти XIX в. : дис ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. Гл. 3, п. 3.

[15] Рабцевич В. В. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII в. – первой четверти XIX в. С. 18.

[16] Рабцевич В. В. К вопросу об управлении аборигенным населением. С. 244.

[17] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 183.

[18] Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.) // Уч. зап. Тюмен. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 5–73; Дамешек Л. М. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 21-46; Марченко В. Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 153–164; Хоч А. А. Административная политика М. М. Сперанского

стремление опереться на голов и старост, отметил, что «это была опора не столько на союзника в эксплуатации соплеменников, сколько на низшее должностное лицо и старшее лицо в общине»[19]. В отличие от А. И. Мурзиной, которая связывала трудности введения системы инородческого управления образца 1822 г. с процессом разложения родового строя, он полагал, что основная причина затруднений заключалась в сложности предложенной модели управления, недоучете ею местной специфики[20].

В диссертации В. Г. Марченко вопрос об управлении народами Сибирского Севера XVII – начала XX в. впервые начинает рассматриваться как самостоятельная проблема. По его мнению, смысл эволюции управления и суда у сибирских аборигенов в указанный период состоял в переходе от догосударственных форм к государственным, а в рамках последних – от воеводского управления к так называемому туземному, и от него – к сельскому, характерному для крестьян русской деревни[21]. Намеченная им периодизация в целом верно отражает общую тенденцию в развитии системы управления народами Северной Азии и проводившейся в отношении них административной политики, но не дает полного представления об управленческой практике и особенностях административной организации у коренных народов отдельных сибирских регионов, в том числе Нижнего и Среднего Приобья.

Тезис В. Г. Марченко о существовании в Российской империи особой формы косвенного управления народами Сибири получил развитие и был конкретизирован в монографических исследованиях В. А. Зибарева и А. Ю. Конева[22]. В. А. Зибарев отметил, что окончательно косвенное управление сложилось в результате первой ясачной реформы (1763–1769 гг.) в виде так называемого «туземного управления», а общая схема управления у аборигенов Севера имела ряд локальных вариантов. Среди прочих он выделил Обский Север, который являлся и особым ареалом традиционной юстиции[23]. Важное значение для рассматриваемой нами темы имеют результаты исследований В. А. Зибарева, посвященных обычному праву и суду автохтонов Сибирского Севера. Они содержат информацию, характеризующую специфические стороны общественного быта туземного населения региона, позволяют оценить степень влияния на традиционный социальный уклад государственных административно-правовых институтов[24].

А. Ю. Конев предпринял специальное исследование организации управления и административного устройства народов Северо-Западной Сибири XVIII – начала XX в. как особой

в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. МГУ. Сер. 8: История. 1990. № 5. С. 40–49.

[19] Марченко В. Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев». С. 162.

[20] Марченко В. Г. Введение «Устава об управлении инородцев» у малых народов Обского Севера // Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера. Томск, 1984. Вып. 2. С. 180–181.

[21] Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. С. 17.

[22] Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990; Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995.

[23] Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). С. 39–40, 88, 93.

[24] Зибарев В. А. Юридические обычаи малых народов Севера // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы всесоюз. конф. Томск, 1976. С. 167–169; Его же. Из истории обычного права народов Севера // СЭ. 1986. № 2. С. 73–79; Его же. Влияние присоединения Сибири к России на юридические обычаи народов Севера // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 46–47.

системы косвенного управления, сложившейся в результате интеграции автохтонных социальных структур и управленческих структур империи. Изучая историю реализации «Устава об управлении инородцев», он рассмотрел процесс формирования родовых управлений и инородных управ на севере Тобольской губернии[25]. Им также исследована терминология описания и классификации народов Сибири в XVII – начале XX в., разработана периодизация исторической эволюции правового статуса и административного положения народов региона, предложена авторская трактовка содержания категории «инородцы»[26]. Представленная А. Ю. Коневым модель взаимодействия государства и автохтонных народов Северо-Западной Сибири получила поддержку в отечественной историографии[27].

Е. В. Перевалова в жанре политантропологического (этнополитического) исследования рассмотрела роль и место традиционных институтов власти обских угров и самодийцев в политической культуре метрополии (имперского центра). По ее мнению, Российское государство в отношении элит этих народов на протяжении XVII–XIX вв. использовало механизмы военной экспансии, конфессионального (уничтожение культовых объектов, стремление приобщить к православию) и правового (адаптация потестарных институтов к потребностям государства) давления. Тем не менее, она считает, что за это время «российская власть стала для коренных жителей Северо-Западной Сибири устойчивой и привычной социально-политической средой (особенно стабилизирующую роль сыграли административно-правовые мероприятия XIX в.). Туземная элита по-своему адаптировалась и нашла свое место в административной системе Российской империи»[28]. Отметим, что выбранные Е. В. Перевалой подход и язык описания изучаемого явления нацелены на выявление преимущественно конфронтационной стороны процесса. Вероятно, поэтому в содержании итоговых выводов автора содержится противоречие – адаптация все же предполагает взаимодействие и активную роль всех акторов, а не постоянное и одностороннее «давление» одного из них на другого. В этой связи представляется, что более перспективным для изучения различных аспектов процесса интеграции сибирских народов в имперскую систему может стать применение концепта реципрокности и теории дарообмена[29].

---

[25] Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири. С. 43–124.

[26] Конев А. Ю. Предисловие // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.) : сб. правовых актов и документов. Тюмень, 1999. С. 14–17; Его же. «Инородцы» Российской империи – к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120; Его же. «Инородцы» – сословный проект империи: сибирская версия // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века) : сб. материалов всерос. науч. конф. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2014. С. 13–15; Его же. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 81–86.

[27] Миненко Н. А. Урал и Западная Сибирь конца XVI – первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сиб.-Урал. ист. конгр. Тобольск, 1997. С. 30; Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 658–659, 686, 690; Тишков В. А., Трепавлов В. В. Синтез народов и культур в Российском государстве: восточное направление колонизации в XV–XVIII вв. // 1150 лет российской государственности и культуры : материалы к Общ. собр. Рос. акад. наук, посв. Году рос. истории. М., 2012. С. 76–77; Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015. С. 139–140.

[28] Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть : дис. … д-ра ист. наук : в 2 т. Екатеринбург, 2017. Т. 1. С. 428.

[29] Kivelson V. A., Suny R. G. Russia's Empires. N. Y. ; Oxford, 2017. P. 6; Конев А. Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.

При всей важности изучения эволюции административной политики имперского центра в отношении аборигенных народов Обского Севера история коронного управления означенным регионом в указанный хронологический период не ограничивается этой проблемой. Существуют и другие аспекты: исследование системы местных учреждений как институтов; их изменения в контексте общеимперской динамики трансформаций госучреждений и госуправления; взаимоотношения во внутренней иерархии местных коронных учреждений; различные нюансы управления русским старожильческим населением края; наконец, широкий круг вопросов историко-антропологического свойства, таких как исследования «людей власти» и «людей во власти», просопографические реконструкции облика северного чиновничества и т. п. И в этом отношении, надо заметить, работы общесибирского масштаба заметно обгоняют труды по изучению всех этих вопросов в рамках территорий Северного Приобья. Примечательно, что в связи с особенностями современного административно-территориального деления Югра рассматривается не только как часть Сибири, но и как часть Урала. По этой причине и история Югры часто рассматривается либо как часть Сибири, либо как часть Урала, что, несомненно, привносит свои особенности в развитие современной историографии управления краем.

Сведения об изменениях системы управления Сибирью обозначенного в настоящем томе периода в разных аспектах представлены в научной литературе середины XX в. Значительный вклад в реконструкцию управления городами и связанными с ними территориями Западной Сибири внесли Р. М. Кабо и уже упоминавшаяся В. В. Рабцевич; сведения об эволюции системы коронного местного управления находятся в обобщающем многотомном труде по истории региона; статистические данные и информацию справочного характера содержит труд А. Д. Колесникова[30]. Современная российская историография рассматривает региональную историю управления Сибирью с точки зрения разных подходов. С одной стороны, сохраняется институциональный подход к ее изучению, в основе которого лежат объяснение работы органов власти через преимущественный анализ законодательства и иных нормативных актов, знакомство с документами делопроизводства[31]. С другой стороны, подключаются методы просопографии и подходы новой социальной истории, позволяющие реконструировать деятельность учреждений через исследование социального состава служащих, их образа жизни, состояния доходов и расходов и т. п. Наибольший вклад в исследование данной проблематики в этом ключе в 1990–2010-е гг. внесли М. О. Акишин, В. В. Рабцевич, Д. А. Ананьев, Л. С. Рафиенко, Д. А. Редин, Е. В. Бородина[32]. Кроме того, ад-

[30] См.: Кабо Р. М. Города Западной Сибири : Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX века). М., 1949; Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984; История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л., 1968. Т. 2; Описание тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. Новосибирск, 1982.

[31] Коновалов И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вестн. Омск. гос. ун-та. Сер.: Право. 2012. № 4 (33); Зубов В. Е. Этапы реформирования государственной службы в России (XVI – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 43–47; Шиловский М. В., Шиловский В. М. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск, 2018.

[32] См.: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996; Его же. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск, 2003; Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. Последняя четверть XVIII – первая четверть XIX в. : справочник. Челябинск, 1998; Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005; Его же. Участие служилых и посадских людей в местном управлении Сибири в XVIII веке // Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX в.). Но-

министративные реформы XVIII столетия рассматривались с точки зрения теории модернизации[33] и подходов имперской истории[34]. В этом сегменте сибиреведческой историографии едва ли не преобладающей также является тема реформы системы управления Сибири М. М. Сперанского[35].

Некоторые общие сведения об административно-территориальном устройстве Югорской земли и о руководителях губерний, в состав которых входил данный регион в XVIII – начале XIX в., можно найти в изданиях справочного характера[36]. Ценную информацию об истории отдельных административных центров содержат учебные пособия и публикации, посвященные истории Сургута, Пелыма, Берёзова[37].

Тем не менее, анализ исследований по истории управления собственно территорией Югры в XVIII – первой половины XIX в. показывает, что в последнее десятилетие тема не получала должного освещения. Большинство публикаций этого времени носят преимущественно научно-популярный характер, лишь в 2020 г. появляется издание, посвященное истории Югры, в том числе обозначившее начало работы по созданию академического издания

восибирск, 2014. С. 38–67; Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Избранное. Новосибирск, 2006; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007; Бородина Е. В. Служилые люди в России XVIII в.: региональные траектории развития (урало-сибирский вариант) // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVIII–XX вв.: векторы исследования / под. ред. Д. А. Редина. СПб., 2018. С. 332–352.

[33] См.: Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административного устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003; Побережников И. В. Административный фактор в рамках фронтирной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 24–29; Его же. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX– начала XX века // Вестн. Перм. ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 44–52.

[34] См.: Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Дамешек Л. М. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2018; Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2020.

[35] См. об этом: Чибиряев С. А. Великий русский реформатор : Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989; Пекшева Л. А. Деятельность М. М. Сперанского в сфере местного управления: 1803–1831 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007; Томсинов В. А. Светило русской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 2013; Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью // Вестн. Томск. ун-та. 2016. № 413. С. 88–93; Кирушин К. Р. Реформа М. М. Сперанского по управлению Сибирью // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (8 декабря 2017 г., г. Уфа). Уфа, 2017. С. 105–109; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 88–93; Коновалов И. А. «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. – первый опыт кодификации М. М. Сперанского // Правоприменение. 2021. № 5 (1). С. 32–39 и др.

[36] См., например: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / авт.-сост. Т. И. Бакулина и др. Тюмень, 2000; Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). Тюмень, 2003; Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск, 2005.

[37] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учебник для старших классов / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 1999; Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994; Сургут: история и современность. Екатеринбург, 2005; Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней) / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008; История населенных пунктов Югры : краткий науч.-популярный справ. / сост. Е. А. Зайцева, В. П. Клюева, С. Н. Щербин. М., 2012.

по истории этой территории (в рамках интересующего нас периода это, в частности, очерк Д. А. Редина)[38]. Впрочем, и гораздо лучше освоенная тема управления индигенным населением края, его правового положения, реформ в области его административного и податного статусов и пр. далека от исчерпанности. В большинстве исторических работ по данной теме больше внимания уделялось выявлению общего, а не особенного в организации управления аборигенами и их податного обложения. В работах этнографов не преодолен взгляд на систему управления народами Сибири как на инструмент одностороннего воздействия государства, а не пространство их взаимодействия. Исследователи зачастую модернизируют последствия русского влияния на систему социально-экономических отношений сибирских «инородцев», что препятствует объективной оценке роли и места традиционных общественных институтов в системе управления народами края. Данный комплекс вопросов требует дальнейшей разработки, которую целесообразнее вести на локальном уровне с применением как устоявшихся, так и новых методологических подходов.

Источники

Источниковую базу исследования составляют преимущественно документальные материалы. Во-первых, это законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ) в томах 4–28. Среди них – указы, касающиеся создания новых административно-территориальных единиц и уточняющие их границы: Указ от 18 декабря 1708 г. об учреждении губерний (ПСЗ-1. Т. 4. С. 436); Указ от 29 мая 1719 г. о разделении Сибири на три провинции (ПСЗ-1. Т. 5. С. 700); Указ от 29 мая 1719 г. об устройстве губерний (ПСЗ-1. Т. 5. С. 701–709); Указ от 26 ноября 1724 г. о росписании Сибирских городов на три провинции (ПСЗ-1. Т. 7. С. 380); Указ от 30 января 1736 г. о разделении управления Сибирской губернии на две части (ПСЗ-1. Т. 9. С. 733); Указ от 19 октября 1764 г. об учинении в Сибирском царстве другой губернии под названием Иркутской (ПСЗ-1. Т. 16. С. 914); Указ от 19 января 1782 г. об учреждении Тобольского наместничества (ПСЗ-1. Т. 21. С. 385); Указ от 12 декабря 1796 г. о новом разделении государства на губернии (ПСЗ-1. Т. 24. С. 229); Указ от 2 ноября 1797 г. о числе городов в Тобольской губернии (ПСЗ-1. Т. 24. С. 787–790); Указ от 26 февраля 1804 г. о разделении Тобольской губернии на две части и об учреждении Томской губернии (ПСЗ-1. Т. 28. С. 156–158); Указ от 26 января 1822 г. о разделении сибирских губерний на Западное и Восточное управления (ПСЗ-1. Т. 28. С. 37–38); Учреждение для управления Сибирских губерний (ПСЗ-1. Т. 28. С. 345–394).

Во-вторых, документы канцелярий региональных органов власти. Эти документальные источники представлены архивными материалами, хранящимися в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Государственном архиве в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Следует отметить, что в основной массе документы рассредоточены по разным фондам и содержат лишь отрывочные сведения по разным периодам административной истории Югры XVIII – первой половины XIX в. Хуже всего сохранилось делопроизводство канцелярий первой трети XVIII в.; из имеющегося лучше представлены фрагменты делопроизводства Берёзовской воеводской/комендантской канцелярии. Очень неровно

[38] Редин Д. А. Первая областная реформа Петра Великого и административно-политическое значение Берёзова // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях. М. ; Ханты-Мансийск, 2020. С. 178–188.

обеспечен источниками канцелярского происхождения и последующий период вплоть до реформ 1770–1780-х гг. Ситуация с канцелярскими источниками последней четверти столетия заметно лучше.

Основная часть фондов, необходимых для работы, находится в РГАДА. Фонд 24 «Разряд XXIV. Сибирский приказ и управление Сибирью – (коллекция) Государственного архива Российской империи», опись 1, содержит 644 единицы хранения за 1703–1800 гг. Среди документов, содержащихся в фонде, следует отметить дело «О Сибирской губернии», датированное 1703–1715 гг. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–18 об.), ведомости о состоянии Сибирской губернии 1722–1724 гг. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25), именные списки Тобольских служилых людей и казаков за 1738 г. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26[а]), копии с указов и распоряжений Сибирского приказа за 1731–1737 гг. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1–9), протоколы Сибирской канцелярии/приказа за 1728–1767 гг. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 13. Ч. 1–3; Д. 13. Ч. 1–76; Д. 15. Ч. 1–50), всеподданнейшие доклады Сената об управлении Сибирью за 1763–1774 гг. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33), донесения губернатора Евгения Кашкина о Пермской и Тобольской губерниях за 1780–1788 гг. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Ч. 1–2), донесения губернатора Алексея Волкова о Пермской и Тобольской губерниях за 1789–1793 гг. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 66). Важно отметить, что вся эта документация имеет общесибирский характер и материалы по обь-иртышским уездам вовсе не преобладают.

Фонд 214 «Сибирский приказ, г. Москва» содержит документы, датирующиеся концом XVI – серединой XVIII в. Для реконструкции состава служилых людей городов Югры первой четверти XVIII в. будут полезны именные книги служилым людям города Пелыма за 1701 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1297. Л. 33–35), города Сургута за 1702 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1297. Л. 56–65), документы, содержащие сведения о выдаче жалования служилым людям Берёзова за 1707 и 1714 гг. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1169. 4 л.; Д. 2260. 7 л.), «Книга переписная дворов и ведомости о возрастном составе населения г. Пелыма» за 1710 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1982. 52 л.) и переписная книга населения Сургута за 1722 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2376. 18 л.).

Кроме того, важными источниками являются документы о назначении воевод Берёзова в 1708 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1374. 5 л.) и 1711 г. («Наказная память Берёзовскому воеводе Борису Васильевичу Еварлакову», челобитные служилых людей об увеличении жалования и отсрочке судебных дел (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2132. 7 л.) и коменданта Пелыма в 1715 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2290. 12 л.).

В фонде 248 «Сенат и его учреждения (объединение фондов), гг. Петербург, Москва» также содержится разнообразная информация о назначении новых должностных лиц и организации их деятельности. В частности, в фонде находится дело об утверждении списка царедворцев, находившихся на службе в Сибири, за 1711 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 2. Л. 407–411). В фонде 16 «Разряд XVI. Внутреннее управление – (коллекция) Государственного архива Российской империи», опись 1, хранятся дела, содержащие сведения о послужных списках воевод в провинциях и городах за 1745 г. и «ведомости о губерниях, провинциях и городах Петровских времен и 1745 года» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 228, 370).

Фонд 462 «Берёзовская воеводская канцелярия, г. Берёзов (1726–1782 гг.)», опись 1, состоит из документов, отложившихся в результате функционирования воеводской канцелярии между двумя крупными административными реформами. В фонде 45 единиц хранения. Среди них – указы в Берёзовскую воеводскую канцелярию, посвященные различным вопро-

сам, за 1726–1762 гг. (РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 8, 10– 13, 15 и др.), рапорты о получении и исполнении указов (РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 5, 9 и др.). Могут представлять интерес инструкция Берёзовской воеводской канцелярии по опубликованию указов от 29 сентября 1741 г. (РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 30) и ведомость о приведенных к присяге в г. Берёзове за 1741 г. (РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 40).

В фонде 800 «Сургутская воеводская канцелярия, г. Сургут (1740–1741 гг.)», опись 1, сосредоточены документы о функционировании воеводской канцелярии в Сургуте (всего в фонде 37 единиц хранения). Это указы Сибирской губернской канцелярии воеводам Денисову и Сытину (РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1, 2, 10, 14, 15), россыпь протоколов (РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3), мировые челобитные служилых людей Сургута (РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 30), реестры рапортов и доношений (РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 32) и др. Особую ценность, на наш взгляд, может составлять «Росписной список по городу Сургуту при передаче города и канцелярии бывшим воеводою Миклашевским новому воеводе Денисову» от 28 февраля 1741 г. (РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29).

В ГА в г. Тобольске могут быть полезны фонды И152 «Тобольское губернское управление, г. Тобольск Тобольской губернии (1822–1919 гг.)», И329 «Тобольское губернское правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1788–1895 гг.)», И341 «Тобольское наместническое правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1782–1797 гг.)». В них содержатся журналы заседаний присутствия Тобольского наместнического правления (ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 2, 153–156, 198–200, 261–262, 298–300, 340–343), журналы заседаний Тобольского губернского правления (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 10, 11), указы Сената Тобольскому наместническому правлению (ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 6. 182 л.), списки чиновников присутственных мест Тобольского наместничества за 1786–1789 гг. (ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 121. 209 л.), дела о представлении сведений о чиновниках для составления месяцесловов за 1786–1796 гг. и 1808 г. (ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 100. 89 л.; ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 300. 6 л.), формулярные списки чиновников Тобольского губернского правления и подчиненных ему учреждений за первую половину XIX в. (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13), указ Сената о разделении Сибирской губернии на два управления – Западное и Восточное (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 29. 4 л.), предписания Главного управления Западной Сибири за 1823 г. (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 786. 98 л.).

Особый интерес представляют дела, содержащие документы о деятельности должностных лиц в Берёзове: «Дело по предложению гражданского губернатора о командировании пелымского комиссара Булича для обревизования берёзовских присутственных мест. 1821–1824 гг.» (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. 76 л.); «Дело по рапорту берёзовского уездного стряпчего о найденных в земском суде беспорядках. 1822–1824 гг.» (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 33. 11 л.), «Дело по отзыву губернского прокурора о медленном производстве по берёзовским уездным и земским судам. 1822–1823 гг.» (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 34. 16 л.), «Дело по рапорту берёзовского земского исправника об обдорском заседателе Солдатове. 1827–1829 гг.» (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 37. 34 л.), «Дело по прошению берёзовского городничего. 1808–1809 гг.» (ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 297. 18 л.), формулярные списки о службе чиновников и канцелярских служителей Берёзовского земского суда и «подведомственных ему» за 1828 г. (ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 30. Д. 10. 19 л.).

В-третьих, информацию о штатах государственных учреждений Сургутского, Пелымского и Берёзовского уездов могут дать адрес-календари и месяцесловы, издававшиеся с 1760-х гг.[39]

В совокупности все эти источники хотя и не позволяют воссоздать тотальную равномерную картину организации государственного управления уездами Северного Обь-Иртышья всего интересующего нас периода, тем не менее, они дают возможность реконструировать ее в основных чертах, понять тенденции, направленность и динамику происходивших изменений, в том числе в общесибирском и общегосударственном контекстах, увидеть проблемы государственного строительства на субрегиональном уровне и понять их причины.

[39] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. СПб., 1765; Месяцесловы с росписями чиновных особ в государстве за 1772, 1773, 1775, 1777–1796, 1802–1804 и последующие годы, издававшиеся в Санкт-Петербурге.

Глава 2

Административно-территориальное деление края в XVIII – первой трети XIX в.

Для лучшего понимания сути административных институтов и их трансформаций в Северо-Западной Сибири требуется оценить административно-территориальную структуру региона. Изучение истории административно-территориального деления Сибири началось сравнительно недавно в связи с ростом внимания к региональной истории и проблемам имперского регионализма. В частности, отдельные аспекты административно-территориальной истории Сибири нашли освещение в трудах по истории управления Россией XVIII в., написанных Ю. В. Готье, М. О. Акишиным, Д. А. Рединым[40]. На нее также обращали внимание такие исследователи, как И. А. Коновалов, Д. М. Шиловский и В. М. Шиловский[41]. Вопросы административно-территориального деления в связи с проблемой регионализма рассматривались Л. М. Дамешеком, Д. Н. Гергилевым и рядом других историков[42]. Кроме того, изучение истории и эволюции административно-территориальных единиц Сибирского региона производилось с использованием подходов теории модернизации[43]. Несмотря на значительное количество исследований и разнообразие подходов к исследованию данного вопроса (историко-правового подхода, подходов теории модернизации и новой имперской

---

[40] См.: Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в 2 т. М., 1913. Т. 1; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

[41] См.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под. ред. В. В. Коновалова. Тюмень, 2000; Коновалов И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вестн. ОмГУ. Сер.: Право. 2012. № 4 (33). С. 15–19; Шиловский Д. М., Шиловский В. М. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск, 2018.

[42] См., например: Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007; Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П. Сибирь в составе Российской империи; Дамешек Л. М. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.); Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в.

[43] Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административного устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003; Побережников И. В. Административный фактор в рамках фронтирной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 24–29.

истории), следует отметить незначительность внимания, которое ученые уделяли осмыслению места Югры в административно-территориальном делении Российской империи. Как правило, оно определяется через перечисление административно-территориальных единиц, которые следует отнести к данному региону, и представляется в небольших информационных справках или обобщающих работах по истории Югры и отдельных югорских уездов[44]. Задачей данной главы являются обобщение уже имеющихся данных, касающихся изменений административно-территориального деления Югры на протяжении XVIII – первой половины XIX в., и выявление основных тенденций его развития в рассматриваемый период.

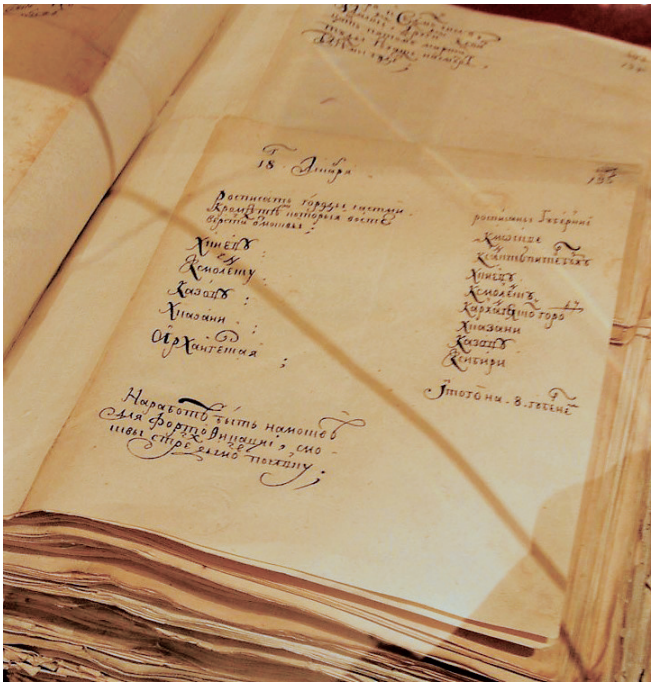


Рис. 2.1. Запись в Ближней канцелярии указа Петра I об учреждении губерний и о расписании к ним городов. 18 декабря 1708 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 8. Л. 195

В начале XVIII в. территория Сибири делилась на уезды и разряды – административно-территориальные единицы, представлявшие собой объединения уездов для координации управления, снабжения гарнизонов, регулирования сбора ясака и торговли. Югра входила в состав Тобольского разряда (создан в конце XVI в.), включавшего преимущественно уезды Западной Сибири после выделения из его состава Томского (1629 г.) и Верхотурского (1687–1693 гг.) разрядов[45]. В результате губернской реформы 1708–1711 гг. территория Югры была включена в Сибирскую губернию, первоначально состоявшую из 20 сибирских и шести уральских уездов (рис. 2.1). Большие размеры административно-территориальной единицы обусловили поиск лучшей модели ее территориального устройства. В ходе второй областной реформы конца 1710-х – начала 1720-х гг. в Сибири были выделены Вятская и Соликамская провинции[46]. «Поморские города» получили особый статус: провинциальные воеводы имели возможность писать напрямую в коллегии, а через них – в Сенат, что должно было ускорить принятие решений по тем или иным вопросам[47]. Значительная часть уездов по-прежнему находилась в непосредственном подчинении Тобольска – «столицы» Сибирской губернии. В 1711–1719 гг. Югра была поделена между четырьмя уездами: Берёзовским, Пелымским, Самаровским и Сургутским. В это время Самаровский ям наряду с Берёзовом, Пелымом и Сургутом стал центром самостоятельного уезда.

[44] См., например: История населенных пунктов Югры : краткий научно-популярный справочник.

[45] Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). Тюмень, 2003. С. 4, 12.

[46] ПСЗ-1. Т. 5. № 3378.

[47] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 125.

Рис. 2.2. Князь А. М. Черкасский, второй сибирский губернатор (1719–1724). Портрет работы И. П. Аргунова (?). 1760-е гг. Ил. из кн.: Портретная галерея усадьбы Кусково (М., 2015). Кат. 44

В его ведение были переданы прилегающие селения хантов и Демьянский ям, располагавшийся выше по течению р. Иртыш[48].

В 1720 г. сибирский губернатор кн. А. М. Черкасский предложил разделить собственно «сибирскую» территорию губернии на три провинции: Тобольскую (Берёзовский, Верхотурский, Пелымский, Тарский, Тобольский, Тюменский и Туринский уезды), Енисейскую (Енисейский, Туруханский, Томский, Кузнецкий, Сургутский, Нарымский и Кетский уезды) и Иркутскую (Иркутский, Илимский, Красноярский, Нерчинский и Якутский уезды). Через год проект был доработан. Сургутский уезд был передан Тобольской провинции, Красноярский уезд – Енисейской, что было обусловлено географической близостью этих уездных и провинциальных центров. Спустя несколько лет предложение Алексея Михайловича Черкасского было одобрено (рис. 2.2). Это нашло выражение в сенатском указе от 26 ноября 1724 г.[49] Таким образом, к 1725 г. Югра находилась в составе Берёзовского, Сургутского и Пелымского уездов. Кроме того, часть земель региона (Самаровский и Демьянский ямы с округой) была включена в подгородный дистрикт Тобольского уезда[50]. По мнению Н. А. Миненко, Самаровский ям не утратил значения уездного центра в полном объеме. До 1782 г. управителю Самарова были подведомственны ханты, проживавшие на территории бывшего Самаровского уезда[51].

Территория Югры находилась преимущественно в среднем и нижнем течении р. Оби и ее притоков и представляла собой регион со сложными природно-географическими условиями, которые, по замечанию Н. А. Миненко, не способствовали активной русской колонизации уездов, населенных преимущественно коренными народами Сибири и небольшим количеством служилых людей и ямщиков. Без последних были бы невозможны сбор ясака и осуществление коммуникации между уездными и провинциальными центрами и другими регионами[52]. Все это определило незначительность изменений в административно-тер-

[48] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учебник для старших классов / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 1999. С. 213; История населенных пунктов Югры : краткий научно-популярный справочник. С. 16.

[49] ПСЗ-1. Т. 5. № 4606; Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 127–128.

[50] Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы / авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков. М., 2007. № 182. С. 505; История населенных пунктов Югры : краткий науч.-популярный справ. М., 2012. С. 16.

[51] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 213.

[52] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 4.

риториальном устройстве Северо-Западной Сибири, которые после унификации административно-территориального деления страны в первой четверти XVIII в. долгое время заключались лишь в перегруппировке уездов и переформировании сибирских провинций.

По данным Д. Н. Гергилева, в 1726 г. в состав Тобольской провинции входили Берёзовский, Верхотурский, Ишимский, Кузнецкий (с 1726 г.), Краснослободский, Пелымский, Нарымский (с 1726 г.), Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский (с 1726 г.), Тюменский, Туринский и Ялуторовский уезды, а также Тобольский подгородный дистрикт, Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Омская и Железинская крепости[53]. Кроме того, сюда следует включить территории с особым статусом (пять горнозаводских дистриктов Урала и «Колыванский завод»), а также дистрикты Южного Зауралья (Исетский, Шадринский и Окуневский), организация которых пришлась преимущественно на первую половину 1720-х гг.[54]

Указом от 29 апреля 1727 г. Вятская и Соликамская провинции были переданы Казанской губернии[55], что никак не сказалось на жизни уездов Тобольской провинции. В 1737 г. из нее была выделена Исетская провинция, образованная из Исетского, Шадринского и Окуневского дистриктов. В 1744 г. провинция была передана Оренбургской губернии.

Более важной мерой, оказавшей влияние на административно-территориальное устройство Сибири, стало деление губернии на две части по указу от 30 января 1736 г.[56] В состав губернии вошло две провинции – Тобольская во главе с губернатором и Иркутская во главе с вице-губернатором. Если не принимать во внимание территории, находившиеся под управлением горного ведомства, и дистрикты будущей Исетской провинции, Тобольская провинция этого периода по-прежнему включала 20 единиц: 13 уездов, два дистрикта и пять крепостей[57].

Сопоставление природно-климатических условий, состава народонаселения, а также уровня развития экономики административно-территориальных единиц Тобольской провинции позволяет говорить о различиях субрегионов, входивших в ее состав. Несмотря на попытки оптимизации управленческих процессов, Тобольская провинция представляла собой довольно большое по протяженности территории образование, не имевшее возможности быстро реагировать на запросы, поступавшие из столичных центров. Югорские уезды, как и многие другие, не были положительным исключением. Вытянутость с севера на юг и отсутствие плодородных почв делали Берёзовский, Сургутский и Пелымский уезды скорее убыточной территорией, которая ввиду особенностей состава населения слабо реагировала на указания из губернского и провинциального центров.

В 1762 г. началась разработка нового проекта административного деления Сибирской губернии, которая была поручена ее губернатору Федору Ивановичу Соймонову[58] (рис. 2.3).

---

[53] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 129.

[54] Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). С. 262–353; Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 133; Скориков А. И. Исетская провинция (1737–81) // Челябинск : энциклопедия. Челябинск, 2011.

[55] ПСЗ-1. Т. 7. № 5065.

[56] Там же. Т. 9. № 6876.

[57] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 139–141.

[58] Там же. С. 146.

Рис. 2.3. Неизвестный художник. Федор Иванович Соймонов, 9-й сибирский губернатор (1757–1763). Середина XIX в. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. № в ГК 28 681 495. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28843039

В 1764 г. Сибирь получила название Сибирского царства, что являлось признанием особого статуса региона в со-ставе Российской империи, и была разделена на Сибирскую (Тобольскую и Иркутскую губернии[59]. В Сибирскую губернию вошли три горнозаводских дистрикта Урала, территория Колывано-Воскресенских заводов и 18 собственно «сибирских» уездов (Берёзовский, Верхотурский, Ишимский, Кузнецкий, Краснослободский, Пелымский, Нарымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Тюменский, Туринский и Ялуторовский и перешедшие из Енисейской провинции Мангазейский, Енисейский, Кетский, Красноярский), два дистрикта (Краснослободский и Тобольский подгородный) и пять крепостей (Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Омская и Железинская)[60].

С таким составом административно-территориальных единиц Сибирская губерния просуществовала недолго. В первую очередь изменения коснулись Югры. 1760-е гг. прошли в попытках разработать план укрупнения уездов и сокращения числа воеводских должностей в них. В частности, из-за малочисленности и низкого уровня жизни населения предполагалось уничтожить воеводскую канцелярию в Берёзове и перевести ее в Самаровский ям. Этого не произошло. По предложению тобольского губернатора Дениса Ивановича Чичерина в 1767 г. Берёзовский, Пелымский и Сургутский уезды были переименованы в комиссарства, а воеводы стали комиссарами (рис. 2.4)[61]. Предпринятые меры не повлекли за собой изменения административных границ бывших югорских уездов[62].

Губернская реформа Екатерины Великой вновь изменила административно-территориальное деление страны. Положения «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. начали реализовываться в Сибири лишь в конце 1770-х – начале 1780-х гг., так как первоначально императрица не планировала здесь кардинальных изменений административно-территориального устройства[63]. Отдаленность и протяженность территории

[59] ПСЗ-1. Т. 16. № 12269; Конев А. Ю. Как и зачем Екатерина II изобретала «Сибирское царство» // Русский сборник. Исследования по истории России: 300 лет Российской империи. М., 2022. Т. 32. С. 69–82.

[60] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 149.

[61] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 254–255; Власть в Сибири: XVI – начало XX в. С. 105.

[62] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 217; Древний город на Оби: история Сургута. С. 166; Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней) / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008. С. 109.

[63] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 150.

региона требовали особого подхода, сущность которого плохо вязалась с попытками унификации и усиления полицейско-административного контроля.

Рис. 2.4. Денис Иванович Чичерин, 10-й сибирский губернатор (1763–1780). Лист из альбома «В память трехсотлетия Сибири. 1581–1881». ГИМ. ГИМ 23780-404щ / И II 3627. Изображение с сайта музея. https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2174567?query=%D0%93%D0%98%D0%9C%2023780-404%D1%89&keyword=629911264&index=0

В 1779 г. в составе Тобольской губернии была выделена Колыванская область, в которую вошли Кузнецкий, Томский и вновь образованные Бурлинский и Барнаульский уезды[64]. В 1782–1783 гг. в Сибири создается три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское. Кроме того, часть территории Сибирской губернии оказывается в составе Пермского наместничества, поделенного на Пермскую и Екатеринбургскую области. До 1796 г. эти четыре наместничества были поделены между двумя генерал-губернаторствами. Западная часть Сибири оказалась в составе Пермского и Тобольского генерал-губернаторства. Колыванское и Иркутское генерал-губернаторства охватили Восточную Сибирь. Тобольское наместничество состояло из двух областей – Тобольской и Томской (рис. 2.5). Число уездов Тобольской области было уменьшено до десяти, среди них оказались Берёзовский, Ишимский, Курганский, Омский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский и Ялуторовский[65]. Как можно заметить, с административной карты исчез Пелымский уезд. Он был ликвидирован ввиду малонаселенности и низкой доходности административно-территориальной единицы, которая вошла в состав Туринского уезда[66]. Кроме того, обская часть Самаровского ведомства перешла к Берёзову[67].

Можно согласиться с Д. Н. Гергилевым, что многочленная административно-территориальная сетка, охватившая Сибирь (генерал-губернаторство – наместничество – область – уезд), была попыткой приближения власти к населению[68]. Тем не менее, стоит отметить, что за некоторым исключением административное районирование для уездов Югры сохранило прежние контуры. Расстояние между субрегионом и центром наместничества (области) оставалось неизменным.

---

[64] Сибирские и тобольские губернаторы. С. 103; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII век. С. 304.

[65] ПСЗ-1. Т. 21. № 15327; Сибирские и тобольские губернаторы. С. 104; Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). С. 5.

[66] Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В. И. Байдина. Екатеринбург, 2006. С. 25.

[67] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 213; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII век. С. 303; История населенных пунктов Югры : краткий науч.-популярный справ. С. 16.

[68] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 155.

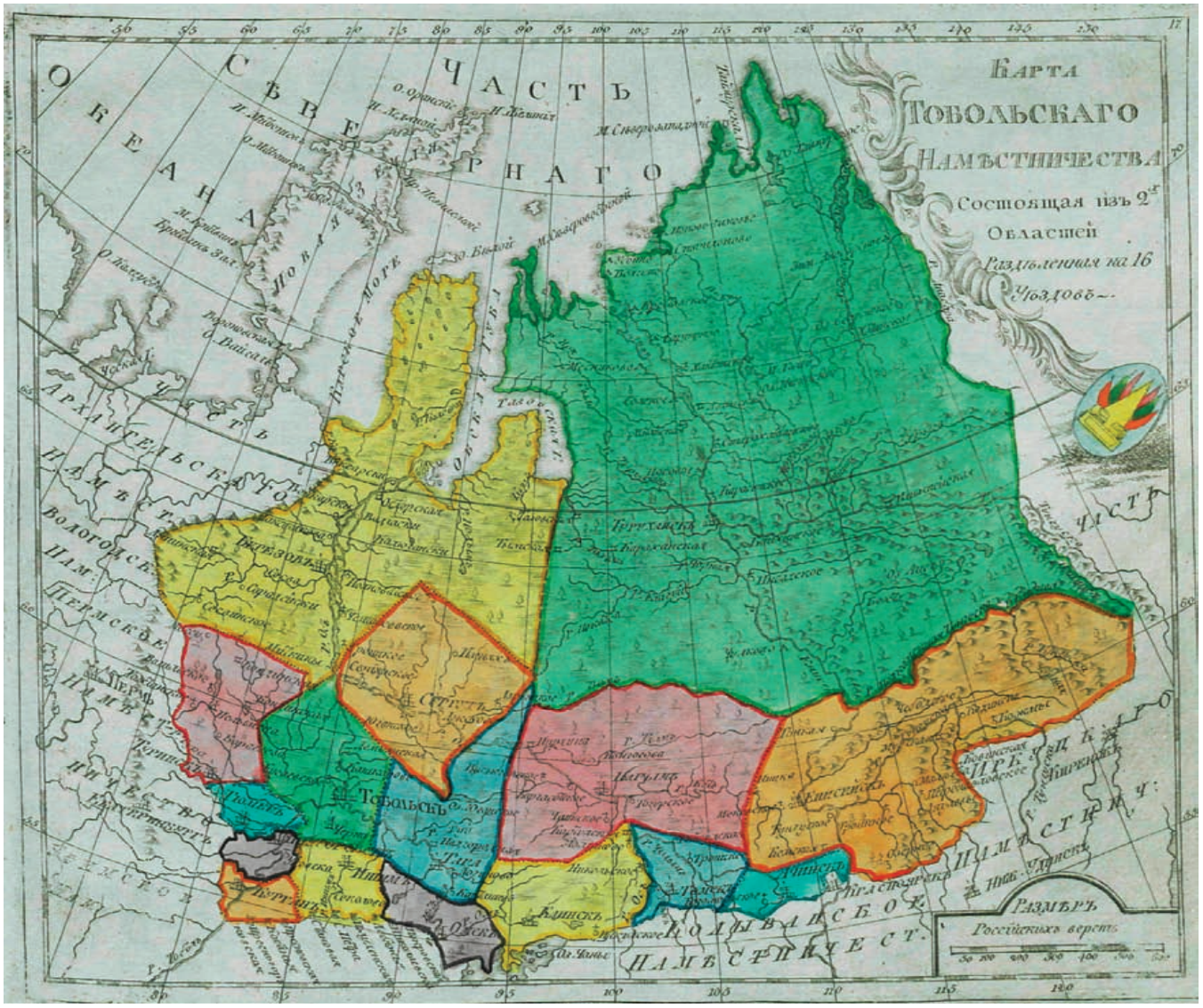


Рис. 2.5. Карта Тобольского наместничества. Из кн. «Атлас Российской империи: Состоящий из 52 карт: Изданный во граде св. Петра в лето 1796 е, а царствования Екатерины II XXXV е» (СПб., 1796)

Указом от 12 декабря 1796 г. на территории трех сибирских наместничеств были созданы две губернии – Тобольская и Иркутская[69]. Их уезды стали именоваться округами. В 1797 г. Тобольская губерния состояла из 16 округ: Берёзовской, Енисейской, Ишимской, Красноярской, Кузнецкой, Курганской, Нарымской, Семипалатинской, Сургутской, Тарской, Тобольской, Томской, Туринской, Туруханской, Тюменской и Ялуторовской. Генерал-губернаторства были упразднены.

В 1803 г. было организовано Иркутское и Тобольское генерал-губернаторство с центром в Иркутске[70]. 26 января 1804 г. Тобольская губерния была поделена на Тобольскую и Томскую губернии[71]. В это время тенденция централизации и удешевления управления, с одной стороны, и попытки найти рабочие формы организации сибирского пространства, с другой, привели к очередному сокращению числа югорских уездов. В 1804 г. Сургутский уезд был ликвидирован, а его территория была подчинена воеводе Берёзова (до 1868 г.). Берёзовский уезд был поделен на три комиссарства: Кондинское, Обдорское и Сургутское[72]. Таким образом, в составе Тобольской губернии осталось девять уездов: Берёзовский, Ишимский, Омский, Курганский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский[73].

22 июня 1822 г. территория Сибири была поделена на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское. Естественной границей между ними стал «горный хребет, идущий между Обью и Енисеем»[74]. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало Тобольскую и Томскую губернии, Омскую область. Тобольскую губернию по-прежнему составляли девять округов: Берёзовский, Ишимский, Курганский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюкалинский, Тюменский, Ялуторовский[75].

Анализ истории административно-территориального деления Северо-Западной Сибири показывает, что административное устройство Югры не отличалось стабильностью. Югорские уезды всегда находились в связи с Тобольском, который начиная с XVII в. являлся центром принятия управленческих решений и осуществлял связь между окраинами Сибири и столицей. В течение XVIII – первой половины XIX в. Сибирь пережила несколько крупных административных реформ, три из которых имели общероссийское значение. Еще две являлись попыткой скорректировать уже имевшуюся унифицированную систему административно-территориального устройства, сделать ее более подходящей для управления обширными территориями и, соответственно, обеспечить их более эффективную экономическую эксплуатацию.

Пример Северо-Западной Сибири показал, что в некоторых случаях это была сложная, а подчас и невозможная задача. Если в первой половине XVIII в. здесь было три административных центра (Берёзовский, Сургутский и Пелымский уезды; кроме того, управитель сидел в Самаровском яме), то во второй половине XVIII – начале XIX в. в регионе наблюдалось уменьшение числа административно-территориальных единиц. В 1782 г. Пелымский

---

[69] ПСЗ-1. Т. 24. № 17634.

[70] Там же. Т. 27. № 20771.

[71] Там же. Т. 28. № 21183.

[72] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 218.

[73] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 161.

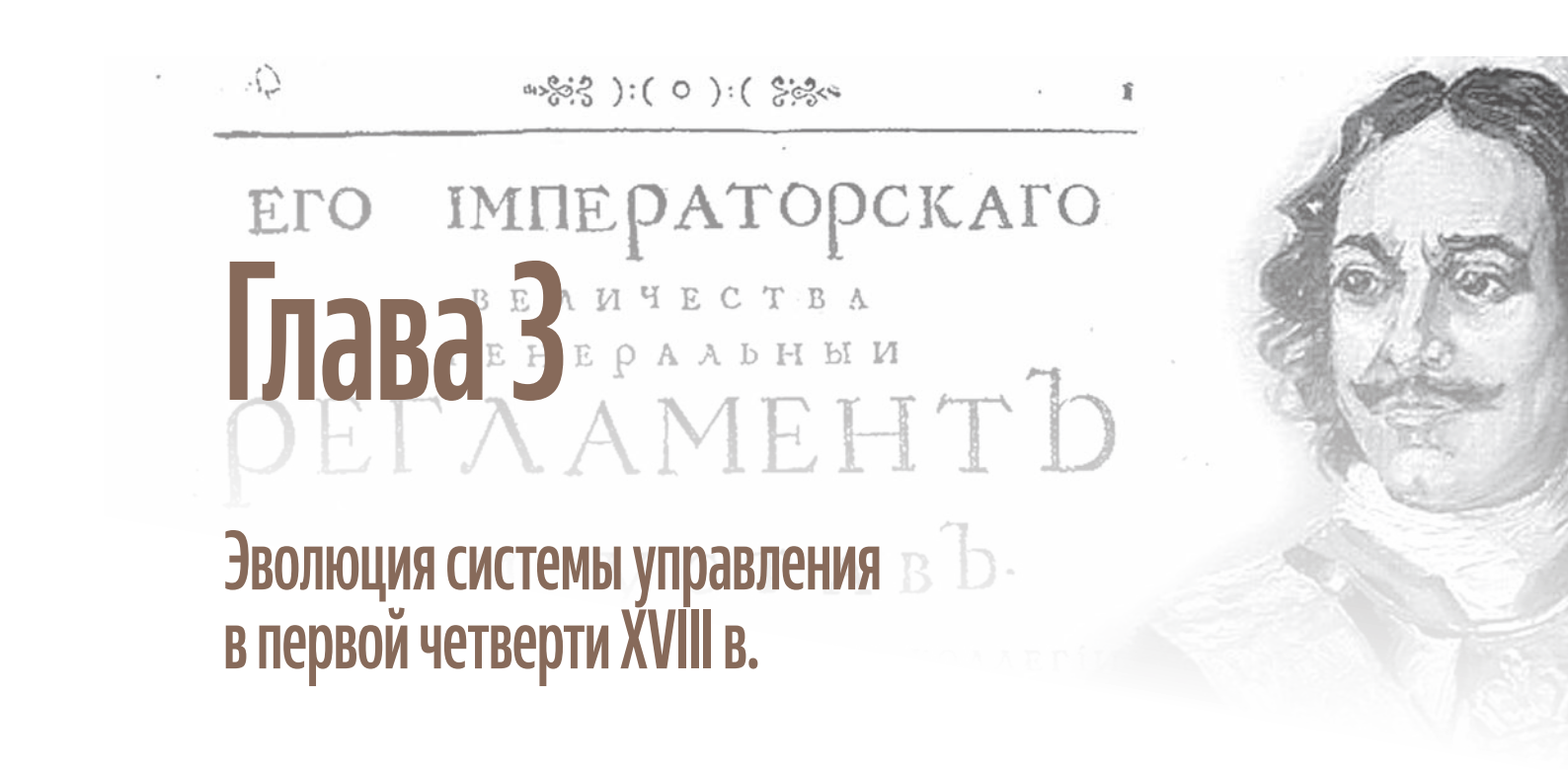
[74] Цит. по: Там же. С. 163.

[75] Там же. С. 165.

уезд был включен в состав Туринского уезда, Самаровский ям с округой передан в ведение Берёзова. В 1804 г. Сургутский уезд также стал частью Берёзовского уезда. Таким образом, к началу XIX в. основной административно-территориальной единицей региона являлся Берёзовский уезд, в разные периоды своей истории именовавшийся также округой и округом.

Большее количество уездных центров, существовавших в регионе в начале XVIII в., можно объяснить необходимостью сбора ясака, представления и утверждения власти русского царя (с 1721 г. – императора) среди коренных народов Сибири. Со временем потребность постоянно доказывать верховенство над когда-то завоеванными территориями исчезла. Кроме того, на последнюю четверть XVIII в. пришлось изменение порядка сбора пушнины с индигенного населения Северо-Западной Сибири. Первичный сбор ясака, управление и суд были переданы в руки князцов и старшин[76]. Все это создало возможность сокращения числа административно-территориальных единиц, но не означало серьезного сокращения штатов региональной администрации. Например, территория Берёзовского уезда с 1804 г. оказалась поделена на три комиссарства, в каждом из которых (в том числе и в Сургутском) имелся свой представитель власти императора. Протяженность территории и природно-климатические условия Югры по-прежнему требовали поиска новых моделей управления этой местностью, так как уезды и комиссарства Северо-Западной Сибири значительно превосходили по площади другие уезды и комиссарства на востоке страны.

[76] Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. С. 25.



Глава 3

Эволюция системы управления в первой четверти XVIII в.

Петровские административно-судебные реформы в югорских уездах в 1700–1725 гг.

Первая четверть XVIII в., кроме прочего, ассоциируется в исторической памяти с крупномасштабными реформами, в том числе в сфере государственного управления (рис. 2.6). Если говорить о его местной составляющей, то хронологически самой ранней в этой череде стала так называемая первая губернская, или областная реформа конца первого десятилетия XVIII в. При всей разнице оценок реформы, накопившихся историографических мифах, фактологических неточностях и противоречиях в интерпретациях[77] остается очевидным, что с 1710 г. в России начали функционировать новая (по крайней мере внешне) система административно-территориального устройства и связанная с ней структура учреждений и должностей. Самая большая из первых петровских губерний – Сибирская, простершаяся от Вятки до Тихого океана, оказалась под властью губернатора кн. Матвея Петровича Гагарина, официально получившего новое звание вместе с руководителями Казанской, Киевской и Смоленской губерний 6 марта 1711 г.[78] Это назначение не было случайным. Кроме того, что князь Матвей, подобно остальным первым губернаторам, относился к ближайшим конфидентам царя и был хорошо знаком с ним лично, он мог по праву считаться знатоком сибирских дел. В 1690-х гг. М. П. Гагарин служил нерчинским воеводой, а с 1706 г. возглавлял Сибирский приказ.

Вопреки распространенному мнению, организационная структура учрежденных губерний не была единообразной. Среди старших сибирских чиновников, осуществлявших управление под непосредственным началом Гагарина, документы указывают ландрихтера (Ивана

[77] Критический анализ трактовок начала и характера первой губернской реформы см.: Редин Д. А. Странная реформа: реорганизация государственного управления в России в 1700–1710-х гг. // Российская история. 2022. № 2. С. 64–76.

[78] Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 185. Правда, еще 9 марта в указе сургутскому воеводе В. К. Толстому кн. М. П. Гагарин подписался прежним званием: «генеральный президент, и московский комендант, и сибирских провинций судья» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2072. Л. 56). Первый известный случай именования князя Матвея «Сибирской губернии губернатором» датирован 12 марта того же года в указе о назначении Д. Ф. Стрелкова воеводой Туринска (Там же. Л. 59–62).

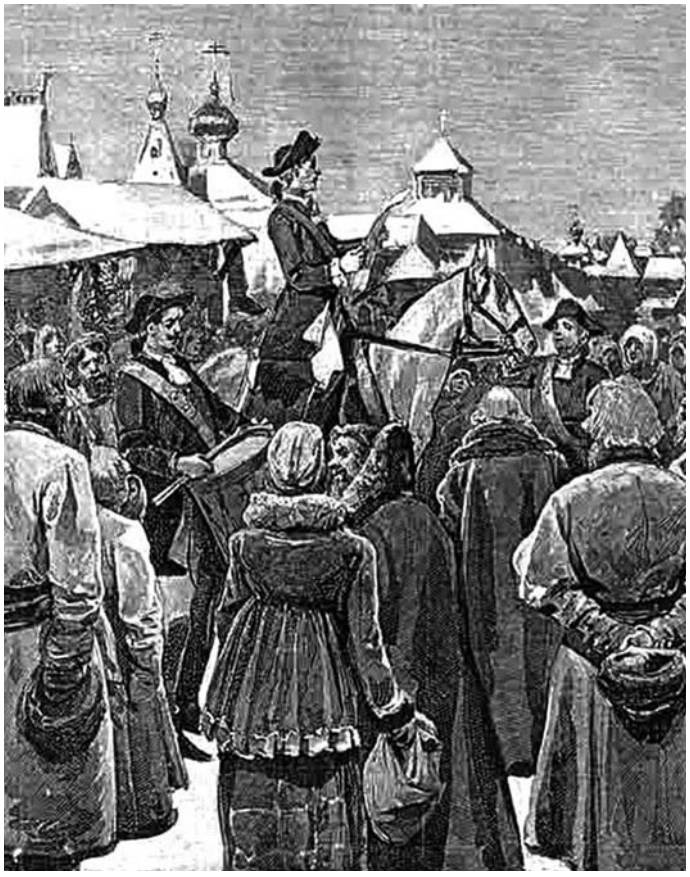


Рис. 2.6. Неизвестный мастер. Объявление указа Петра Великого считать Новый год с 1 января. Гравюра. Конец XIX в. Изображение с сайта «Живопись. Алфавитный каталог». https://aria-art.ru/0/P/Pjotr%20I/5.html

Лукича Чепелева, бывшего дьяка Сибирского приказа[79]) и обер-коменданта (в разные годы эту должность занимали стольники Семен Прокофьевич Карпов и Иван Фомич Бибиков)[80]. Ни вице-губернатора, ни обер-комиссара и обер-провианта (обер-провиантмейстера) в старшем штате Сибирской губернии при кн. Гагарине не существовало. В то же время в Сибирской губернии имелись целых два учреждения, которые осуществляли общегубернское высшее руководство: канцелярия Сибирской губернии в Москве, которую ошибочно считают правопреемницей якобы упраздненного Сибирского приказа, и так называемая Тобольская большая канцелярия. Первой руководил уже упоминавшийся ландрихтер И. Л. Чепелев. Фактически он являлся вторым лицом после губернатора в сибирской иерархии управления, осуществляя широкий круг полномочий по всему спектру административных и хозяйственных вопросов, а возглавлявшаяся им канцелярия осуществляла оперативное посредничество между центром и Сибирью.

Тобольская большая канцелярия, преемница Тобольской приказной палаты, была губернской канцелярией в собственном смысле слова, занимаясь управлением в рамках Сибирской губернии и занимая подчиненное положение по отношению к канцелярии Сибирской губернии в Москве. В силу частых разъездов и отлучек губернатора, державшего при себе еще и собственную походную канцелярию (имевшую, впрочем, технический характер), Тобольской большой канцелярией номинально руководили тобольские обер-коменданты. Но, имея собственную служебную компетенцию, сосредоточенную на военных вопросах, и собственную канцелярию, губернский обер-комендант был не в состоянии надлежащим образом заниматься сложнейшими отраслями управления, связанными со сбором податей (число которых в годы Великой Северной войны резко возросло и разнообразилось), людскими мобилизациями, учетом податного населения, контролем за организацией документооборота, невероятно усложнившегося в годы реформ. Поэтому, как показывают выявленные источники, все эти вопросы чаще всего оказывались под началом и ответственностью дьяка-секретаря Тобольской большой канцелярии, а в 1718–1720 гг., в период наиболее нестабильной управленческой ситуации, связанной с переходом страны на новые модели управ-

[79] РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 156.

[80] Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала. С. 161, 243–251.

ления, в ведении губернского ландрата, должности, в известной степени уникальной для общей картины местного управления России[81].

Что касается низового звена управления – уездного, то здесь перемены в Сибирской губернии периода областной реформы были минимальными. Уезд, как и в остальных российских регионах, сохранял место основной административно-территориальной единицы внутри губернии. На большей территории Сибири, включая и ее северо-западные территории, он оставался таковым в течение всего петровского царствования. Мы можем зафиксировать несколько попыток изменений такого положения дел, которые как в губернии в целом, так и в пределах Северного Обь-Иртышья не имели никакого или почти никакого практического результата.

Первой по хронологии стала замена воевод – руководителей уездов на комендантов. Распространение звания комендантов в общегосударственном масштабе историки еще с дореволюционной поры относили или к 1710, или к 1711 г., то есть ко времени начала реального функционирования первых губерний[82]. До Сибири эта новация дошла еще позже; первые упоминания комендантов обнаруживаются здесь с августа 1712 г. в самом западном городе Сибирской губернии – Хлынове (Вятке)[83].

Как ни пытались исследователи петровских реформ найти различия в функциях воевод и комендантов периода первой губернской реформы, в общем можно констатировать, что введение комендантской системы управления свелось к механической смене должностных названий: воевод стали именовать комендантами. В этом выразилась одна из особенностей ранних петровских преобразований – подражательное пристрастие к иностранной лексике, имевшее, пожалуй, единственный смысл – символическое сближение России с остальными «христианскими» и «политичными» государствами Европы. В прочем же сравнение круга должностных полномочий воевод XVII в. и комендантов 1710-х гг. свидетельствует об идентичности, если не полной тождественности их должностных обязанностей. Даже комендантские инструкции, не имевшие, кстати, как и воеводские наказы прежних лет, общего типового формуляра, восходили по своему содержанию и структуре к последним, имели прямые отсылы к наказам. Единственным отличием следует считать механизм назначения этих администраторов. Воеводы и первые коменданты назначались центральными органами власти, в нашем случае – Сибирским приказом, а со 2 февраля 1712 г. в силу именного объявленного в Сенате указа право назначать комендантов отдавалось в руки губернаторов. Этим же указом определялась подсудность комендантов: и «по челобитьям», и за служебные провинности они подлежали военному суду (кригсрехту) губернатора и старших губернских начальников – вице-губернатора, обер-коменданта и ландрихтера[84]. Первыми обладателями комендантских званий в югорских уездах, получившими их через переименование в 1712 г., стали назначенные в 1711 г. стольники Борис Васильевич Еварлаков (в Берёзов)[85], Василий Кириллович Толстой (в Сургут)[86] и Михаил Алексеевич Овцын (в Пелым)[87].

---

[81] Подробно об этом см.: Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала. С. 160–179.

[82] См.: Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 2 кн. Минск ; М., 2000. Кн. 2. С. 453; Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. Ч. 349. Сент. С. 57; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983. С. 89; Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. М. ; Новосибирск, 2003. С. 86.

[83] РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 238.

[84] ПСЗ-1. Т. 4. № 2484.

[85] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1518. Л. 15–23.

[86] Там же. Оп. 5. Д. 2072. Л. 56.

[87] Там же. Д. 2086. Л. 1–4

Формально и в Сибири, и в России вообще уезды, а, соответственно, их управители – воеводы (городовые воеводы) или коменданты – были равны между собой по статусу и месту в иерархии административно-территориального деления и административного управления. Различия определялись фактическим положением того или иного города и связанного с ним уезда. Более богатые, многолюдные, значимые в том или ином отношении уездные центры объективно оказывались и более влиятельными, а назначение на управление ими – более престижным и сулящим большие выгоды и возможности для их руководителей. Но изменения в местном государственном управлении в начале XVIII в. вызвали в этом формальном равенстве некоторые корректировки, по-разному сказавшиеся на реальном соотношении властных полномочий начальников низовых (или второстепенных, как их называли в дореволюционной историографии) административно-территориальных единиц.

Так, в Ингерманландской (с 1710 г. – Санкт-Петербургской) губернии – первой крупной областной единице со статусом и названием губернии, появившейся задолго до первой губернской реформы, источники еще в 1704 г. фиксируют должности *обер-комендантов*. Так стали называться генерал-майор Роман Вилимович Брюс, старший брат генерал-фельдцейхмейстера Якова Брюса, и ближний кравчий Кирилл Алексеевич Нарышкин, дальний родственник царя по материнской линии. У первого, назначенного обер-комендантом Санкт-Петербурга, в подчинении, кроме будущей столицы, оказались Шлиссельбург, Ямбург, Копорье, Выборг и Кексгольм[88], а у второго, ставшего обер-комендантом Дерпта, Псков (где он до того был воеводой) и Нарва с уездами[89]. Во всех перечисленных городах и крепостях сидели свои коменданты, которые, таким образом, оказались подчинены названным обер-комендантам, а совокупность территорий, подчиненных Брюсу и Нарышкину, сформировала два крупных округа в составе Ингерманландской губернии. В историографической традиции такие округа получили название *обер-комендантских провинций*, хотя в исследуемый период никто их так не называл, да и какого-то другого специального наименования они не имели[90].

Вообще следует подчеркнуть, что и сами назначения обер-комендантов ни тогда, ни позднее никакими общими нормативами не регулировались и типовых инструкций им не выдавалось. И в этом случае проявились импровизация и практика «ручного управления», столь свойственные петровским реформам, особенно на начальном этапе их осуществления. Но так или иначе эти первые обер-комендантские назначения de facto, во-первых, определили иерархическое старшинство обер-комендантов над комендантами и, во-вторых, усложнили структуру административно-территориального деления. Если раньше единственной единицей деления, на которую непосредственно распространялось коронное управление,

---

[88] См. об этом: Славнитский Н. Р. Роман Вилимович Брюс – первый обер-комендант Санкт-Петербурга // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха : материалы Всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) : в 2 ч. СПб., 2004. Ч. 2. 2004. С. 77–80; Его же. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петерб. ист. журн. 2018. № 2. С. 51–52.

[89] Славнитский Н. Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны. С. 52; ПБП. Т. 7, вып. 2. С. 811.

[90] Иногда такие укрупненные объединения называли просто провинциями. Под таким названием в канцелярском делопроизводстве 1700–1710-х гг. (вплоть до второй областной реформы) устойчиво фигурирует, например, Ярославская провинция в составе Ингерманландской/Санкт-Петербургской губернии. В то же время известны административные округа, бывшие, по сути, обер-комендантскими провинциями, но, тем не менее, не носившие никакого специального именования, например, Хлынов и издавна «тянувшие» к нему Слободской, Шестаков, Орлов и Котельнич, которые по старинке и в петровское время могли указывать в документах: «Вятка с пригороды». Глава Хлынова – Вятки при этом не носил и обер-комендантского наименования, хотя по ряду полномочий находился в иерархическом старшинстве по отношению к управителям упомянутых «пригородов».

был уезд, то теперь оно оказалось трехступенчатым: уезд – «обер-комендантская провинция» – губерния. При этом важно помнить: округа, которые в позднейшей научной литературе стали именовать «обер-комендантскими провинциями», формировались в России факультативно, то есть не имели общегосударственного распространения и отличались неустойчивым составом.

Опыт Ингерманландской губернии был позже распространен на остальные. Не отличаясь, как говорилось выше, полным единообразием структурно-институциональной организации, первые петровские губернии формировали свои органы управления, ориентируясь на ингерманландские аналоги. Сибирская губерния не представляла в этом смысле исключения, поэтому для понимания процессов формирования ее административно-политического ландшафта и, в частности, характеристик такового на территории Среднего и Нижнего Приобья все вышеизложенное имеет принципиальное значение. Введение комендантских должностей не привело к качественному изменению системы управления в крае, но история с факультативным появлением в России «обер-комендантских провинций» некоторым образом коснулась и обских берегов, поскольку здесь тоже появилась таковая, центром которой стал Берёзов (рис. 2.7).

Берёзовское обер-комендантство – загадочное административное образование. Начнем с того, что дата его учреждения остается дискуссионной. Как сообщалось выше, провинции такого рода не провозглашались указом и не имели законодательно определенного статуса. Строго говоря, мы можем судить об их существовании на основании двух критериев: 1) именования их руководителя обер-комендантом; 2) установления факта подчиненности или хотя бы подотчетности ему комендантов уездов и присудов, входивших в административные рамки управлявшейся им провинции. И то, и другое выявляется на основании тщательного изучения текущей делопроизводственной документации. Относительно Берёзовского обер-комендантства таковой пока выявлено недостаточно, чтобы детально осветить его историю.

Самая ранняя дата назначения в Берёзов обер-коменданта приведена в «Сибирском летописце». Под 1712 г. в нем сообщается, среди прочего, о различных распоряжениях губернатора кн. М. П. Гагарина, связанных с кадровыми вопросами, в том числе о том, что «дьяк Афанасий Герасимов в 713 году послан к Москве, а обер-коменданту Ивану Фомину Бибикову велено быть на Берёзове комендантом»[91]. Надо признать, что анонимный автор «Сибирского летописца» показывает себя весьма осведомленным в том, что касается первых действий кн. Гагарина, связанных с формированием структуры и штата Сибирской губернии. Две поездки кн. Матвея в Тобольск в 1711 и 1712 гг., имена дьяков, составивших высший канцелярский аппарат губернии, преобразование Тобольской приказной палаты в Тобольскую большую (губернскую) канцелярию, указание на то, чтобы в новой канцелярии «быть для управительства» стольнику С. П. Карпову, первому губернскому обер-коменданту, в целом описаны верно и коррелируют с материалами делопроизводства (рис. 2.8). Все это показывает, что автор летописца не просто был очевидцем этих и других событий, находясь в Тобольске в указанные годы, но и то, что он, видимо, каким-то образом был связан с административной средой. В то же время «Сибирский летописец» остается нарративным источником со всеми недостатками, присущими этому виду источников. А это означает, что для признания абсолютной достоверности каждого приведенного в нем факта требуется подтверждение документальных источников. Относительно факта обер-комендантства И. Ф. Бибикова

[91] Сибирский летописец // Северный архив. 1826. № 3. С. 248.

Рис. 2.7. Берёзов и Берёзовский уезд. Рис. из кн. С. У. Ремезова «Чертежная книга Сибири» (б. м., 1701). Л. 17 об. –18

2 deel

N°1. is een eijl: tot de obdorska ostrog: 2 dagen

N°1 is een eijl: Patmiskoie in het midden der obij is van het obdorska ostrog: eindaeh

4. deel

2. dijmaerslije van de stad. berg: zift. 10 dags.

3: de van een samoied. knees gijndijn en zijn geslagte

4. het steetje obdorskoj is gebouw werde aenemst der Cosacken en ander vande omleggende ostiaken en Samoieden het Toibuijt te halen is het. bevoorst zijzeen 11 dag tegen tweeten.

N: in het eerste en 2 en derde afsnede of de deelen zijn de dorp. meest door ostiaken bewoont uijtgenoomen omtrende zee de samoieden wonen

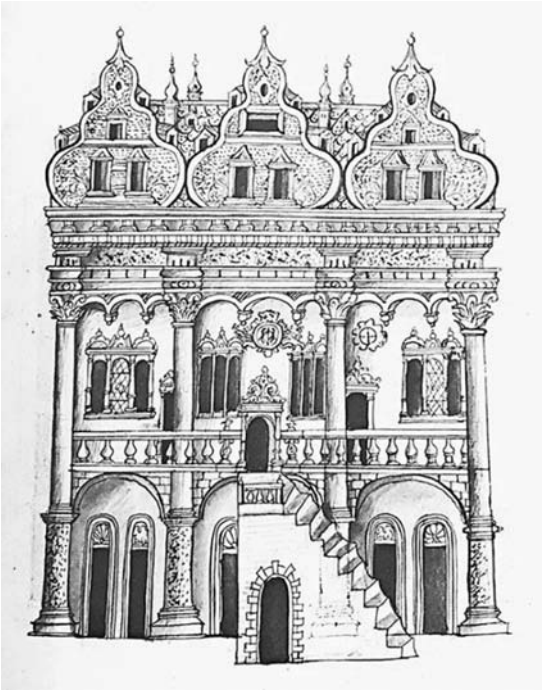


Рис. 2.8. Проект здания Тобольской приказной палаты С. У. Ремезова. Начало XVIII в. Рис. из кн. С. У. Ремезова «Служебная чертежная книга: тексты и чертежи» (б. м., 1699–1734). Л. 151

в Берёзове в 1712 г. таких подтверждений пока не обнаружено. Да и в 1712 ли году? Точная формулировка приведенной выше цитаты как будто позволяет читать и другую, более позднюю дату – 1713 г.

На сегодняшний день последовательность пребывания комендантов в Берёзове весьма полно восстанавливается на основании документов административного делопроизводства. Первым обладателем комендантского звания в этом городе стал упоминавшийся стольник Б. В. Еварлаков (Эверлаков). На службу в Сибирскую губернию этот царедворец попал в числе своих сотоварищей по запросу кн. М. П. Гагарина и сменил в Берёзове предшественника, стольника Григория Ивановича Вахромеева, сидевшего здесь воеводой с 1708 г.[92] В 1712 г. комендант Еварлаков, бесспорно, еще оставался действующим начальником города и уезда, о чем свидетельствует, в частности, его собственноручная полистная скрепа на городовом (сметном) списке Берёзова за указанный год. Значит, И. Ф. Бибиков мог в 1712 г. быть только назначен в Берёзов. Но приехал ли он к месту службы? Принял ли город? Между тем, не позднее ноября 1713 г. Б. В. Еварлакова в Берёзове уже не было. Он получил перевод на гораздо более значимое и во всех отношениях привлекательное место – в коменданты Тюмени и находился там с годовым окладом в 100 руб., 100 четвертей хлеба и 100 ведер вина[93].

Если вопрос с датой принятия Бибиковым Берёзова совсем не прост, то и служебный статус Ивана Фомича в записи «Сибирского летописца» определяется весьма двусмысленно: он – обер-комендант, которому «велено быть на Берёзове комендантом». Как это понимать? Комендант Берёзова и одновременно обер-комендант гипотетической Берёзовской провинции? Или бывший обер-комендант, ставший при назначении в Берёзов комендантом?

Известный историк Сибири Н. А. Миненко считает, что придание Берёзову статуса обер-комендантства относится к 1714 г., а первым его обер-комендантом был некто Иван Фомин[94]. К сожалению, ввиду научно-популярного характера книги, в которой автор приводит эти сведения, ссылки на источники информации в ней отсутствуют, и оценить ее достоверность невозможно. Вызывает вопрос личность Ивана Фомина. В известных нам документах административного делопроизводства, отложившихся в ходе деятельности государственных учреждений западных уездов Сибирской губернии периода первой областной реформы, такого дворянина не встречается. Нет его и в справочнике «Власть в Сибири»[95]. Не имеет ли место в данном случае ошибка в прочтении: Иван Фомин может быть не кем иным, как

[92] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2132. Л. 1.

[93] ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3393. Л. 49.

[94] См.: Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 108.

[95] Власть в Сибири: XVI – начало XX в.

Иваном Фоминым (сыном Бибиковым); к такому предположению располагают принятые в то время формулы передачи имен, когда отчество могло фигурировать в качестве того, что мы сегодня принимаем за фамилию. Но как бы ни обстояли дела с Иваном Фоминым, вторым по хронологии обер-комендантом Берёзова Н. А. Миненко называет И. Ф. Бибикова и датирует время его правления на северо-западе губернии 1716–1717 гг., оспаривая тем самым сообщение «Сибирского летописца».

Чтобы разобраться с историей берёзовского обер-комендантства, следует подробнее осветить известные нам вехи карьерной траектории стольника Бибикова. Иван Фомич Бибиков может быть отнесен к ветеранам сибирской администрации; впервые ему довелось послужить вторым воеводой в Якутске при своем отце Фоме Ивановиче в 1678–1680 гг. В 1708 г. он вторично попал в Сибирь на должность туринского воеводы, а в первые годы существования Сибирской губернии его служебный статус становится не таким понятным. В 1712 г. он, по сенатской справке, служил в Тобольске («ведает всякие дела»); в том же году в какой-то момент, по сведениям М. О. Акишина, стольник получил должность тобольского обер-коменданта с денежным окладом в 300 руб.; в 1713 г., – продолжает историк, – Бибиков оставался тобольским обер-комендантом, но с денежным окладом всего в 100 руб.[96] Такое резкое понижение оклада позволяет усомниться в том, что Бибиков оставался обер-комендантом – подобная окладная ставка в те годы соответствовала дьяческому рангу или должности воеводы/коменданта не слишком значительного уезда. Непонятно, как соотносились в эти годы властные полномочия Ивана Фомича и другого стольника – С. П. Карпова. В 1712 г. Карпов тоже сидел в Тобольске «для управительства» в новоучрежденной Большой канцелярии, и, разумеется, не в дьяческой должности, а в роли «судьи», то есть начальника. Указом от 10 декабря 1713 г. губернатор кн. М. П. Гагарин и вовсе оставил его руководить губернией по случаю своего отъезда в Москву, правда, в ранге тобольского коменданта, но с широчайшими полномочиями:

> *…управлять всякие государевы и челобитчиковы дела, какие приключатца в Тоболску, також и в городех Сибирские губернии и в уездех… и… естли какие будут присланы из Тоболска… указы за закрепою руки его, вышеписанного каменданта, то по тем указом чинить безо всякаго удержания и противности*[97].

Но в начале декабря 1714 г. именным указом власть в губернии в отсутствие Гагарина перешла действительно к И. Ф. Бибикову в ранге обер-коменданта; в таковом статусе он служил там по январь 1716 г., до возвращения губернатора[98].

Тонкости в субординации Бибикова и Карпова – вопрос отдельный. Для нашей темы важно зафиксировать тот факт, что до января 1716 г. И. Ф. Бибиков жил в Тобольске, носил звание обер-коменданта и теоретически мог, как сообщает Н. А. Миненко, в том же году оказаться в Берёзове на новом месте службы. Но этому противоречат данные официальной переписки Григория Алексеевича Калемина с губернскими властями весной 1716 г. Суть их такова. Калемин приехал в Берёзов 28 марта 1716 г. принимать город у своего предшественника кн. В. А. Мещерского, но обнаружил, что Мещерский, не дождавшись его, Берёзов покинул, сдав все хозяйство на попечение местного сына боярского Василия Лихачева. Это было грубым нарушением существовавшей практики, что и вызвало, кроме прочего, обращение

---

[96] Управление Сибири. С. 516–517.

[97] ПСИ. Кн. 2. № 5. С. 25.

[98] РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 894–895 об.; Управление Сибири. С. 517.

Калемина к губернским властям[99]. Стольник кн. Василий Алексеевич Мещерский с начала 1710-х гг. занимался переписью населения и организацией новых острогов в Зауралье. Но главной его заботой стало строительство «Архангельского Шадринского города» (будущего Шадринска) на основе Шадринской слободы. В 1712 г. слобода получила статус города, к концу 1713 г. Мещерский завершил свою миссию[100] и, видимо, получил назначение в Берёзов, где, как писалось выше, образовалась вакансия после отъезда Бориса Еварлакова. Судя по всему, он и сидел в Берёзове с конца 1713 до конца 1715 или самого начала 1716 г. и, не дождавшись смены в лице Калемина, самовольно съехал не позднее 28 марта 1716 г.

Таким образом, на основании донесений Г. А. Калемина в Тобольск и данных других аутентичных канцелярских документов можно установить хоть не идеальную, но в целом последовательную и непротиворечивую картину смены берёзовских начальников с 1711 по 1716 г. включительно. Она будет выглядеть так: в 1711 г., вероятно, в конце и до второй половины или конца 1713 г. – стольник Б. В. Еварлаков (принявший город у воеводы стольника Г. И. Вахромеева); конец 1713 – конец 1715 или начало 1716 г. – стольник кн. В. А. Мещерский; с 28 марта 1716 г. – стольник Г. А. Калемин[101]. При этом надо подчеркнуть: все они служили в Берёзове в ранге *комендантов*, а не обер-комендантов. И только в 1717 г. в Берёзов приехал И. Ф. Бибиков, первый из руководителей города в должности *обер-коменданта*[102]. Одним из ранних документов, однозначно доказывающих, что И. Ф. Бибиков находился в Берёзове в начале 1717 г., и именно как обер-комендант, является запись устного доношения ясачного остяка Селиватки Палкина, сделанная 12 февраля в «Берёзове, в приказной палате перед обер-камендантом Иваном Фомичем Бибиковым»[103].

Как же это согласуется с информацией «Сибирского летописца» о назначении (первом?) *обер-коменданта* Бибикова в *комендантыБерёзова в 1712 или в 1713 г.? Можно ли все списать на ошибку автора этого сочинения? Едва ли следует торопиться с таким выводом. Дело в том, что в практике петровского времени даже документально зафиксированное *назначение* совсем не означало *реального вступления* в должность того или иного лица. Тому можно приводить множество примеров, но достаточно ограничиться несколькими. Тот же И. Ф. Бибиков, например, сенатским указом от 10 февраля 1714 г. в группе нескольких других царедворцев был определен к службе в должности ландрата по Сибирской губернии[104], но в действительности ландратом так и не стал. Упоминавшийся стольник С. П. Карпов, исполнявший должность тобольского обер-коменданта (с наименованием комендантом) в конце 1713 – конце 1714 г. и бывший в статусе полноправного губернского обер-коменданта в 1718–1721 гг., сенатским указом от 22 сентября 1719 г. был назначен провинциальным воеводой в Севск. Он даже числился таковым в позднейшей официальной статистике 1730-х гг. с наивной пометой: «сентября с 22 дня 719-го году, а по которое число, известия нет»[105], по-

[99] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2313. Л. 708, 715 об.

[100] ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3393. Л. 51, 55, 56–56 об.

[101] О нахождении Г. А. Калемина на службе в Берёзове и во второй половине 1716 г. свидетельствует адресованная ему отписка сургутского воеводы Якова Щетинина от 30 июня 1716 г. (ПСИ. Кн. 2. № 33. С. 108–109).

[102] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 87.

[103] ПСИ. Кн. 2. № 46. С. 170–171. Примечательно, что в данном случае берёзовское присутственное место названо не приказной избой, а приказной палатой, что также косвенно подчеркивает повышенный административный статус Берёзова.

[104] РГАДА. Ф. 248. Кн. 35. Л. 20–20 об.

[105] Областные правители России, 1719–1739 гг. / сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 55.

тому что в Севск так и не попал, оказавшись в Москве под розыском следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова[106]. Сенатским же указом в конце ноября 1719 г. сибирским вице-губернатором назначили И. Я. Новосильцева (о получении этого указа 4 декабря 1719 г. рапортовал в Сенат новый губернатор кн. А. М. Черкасский)[107], но уже 9 января 1720 г. вместо Новосильцева должность получил П. К. Петрово-Соловово́, добравшийся до Тобольска только 1 июня того же года[108]. То же самое могло произойти и с Бибиковым в 1712 или 1713 г.: Гагарин мог приуготовить ему роль берёзовского обер-коменданта и даже издать об этом приказ, но по каким-то обстоятельствам стольнику пришлось остаться в Тобольске.

Почему в 1717 г. губернатор принял решение придать берёзовскому управителю статус обер-коменданта? Означало ли это автоматически превращение Берёзова в «обер-комендантскую провинцию», и если да, то какие территории, кроме собственно Берёзовского уезда, эту провинцию составляли?

К началу XVIII в. на территории Северо-Западной Сибири существовало только три поселения с городским статусом: Берёзов, Сургут (относящиеся ныне к территории Ханты-Мансийского автономного округа) и исторически «тянувший» к ним Пелым с уездом, основанный на обломках вогульского Пелымского княжества (ныне – село Пелым в границах Свердловской области) (рис. 2.9). Среди них Берёзов являлся самым крупным центром русского присутствия в крае – крупным, разумеется, по местным меркам. По различным оценкам, имеющимся в современной научной литературе и основанным на данных различных переписей 1699–1701 гг., русское население Берёзова с уездом, сосредоточенное в городе, насчитывало к тому времени 1200–1300 чел. обоего пола, тогда как в Сургуте с уездом проживало 900–1000 чел. обоего пола, а в Пелыме с уездом – 550–600 чел. обоего пола[109]. Самым сильным был и берёзовский гарнизон; на 1701 г. он состоял из 313 служилых людей всех рангов[110] против 185 в Сургуте и 66 в Пелыме[111] (для большей точности сравнения здесь указана численность *только* служилых людей без ружников и оброчников).

Необходимость содержания относительно многочисленного гарнизона во многом обусловливалась тем, что берёзов должен был осуществлять контроль над огромными территориями, простиравшимися до океанского побережья. На попечительстве берёзовских властей были и сезонные таможенные Собская и Обдорская заставы, и Войкарский городок в Обдорской волости, куда свозился ясак и где, по мнению С. В. Бахрушина, проходили ярмарки, привлекавшие обдорскую и пустозерскую самоядь и ясачных остяков[112]. Для контроля над этими пунктами нужны были люди, да и другие «государевы посылки» требовали немалых ресурсов. По данным упоминавшегося городового сметного списка Берёзова, для этих целей в 1712 г. командировалось в общей сложности 170 чел. – больше половины личного состава, в том числе по 20 чел. на Собскую и Обдорскую заставы и 35 чел. – «в Войкарской городок для обереганья великого государя ясашной казны»[113].

---

[106] РГАДА. Ф. 248. Кн. 768. Л. 106–107 об.

[107] Там же. Кн. 155. Л. 884–884 об.

[108] Там же. Л. 774.

[109] Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири. С. 293, 300, 311.

[110] Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). С. 116.

[111] Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири. С. 293, 311.

[112] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. С. 13, 62.

[113] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1580. Л. 22 об.

Рис. 2.9. Пелым и Пелымский уезд. Рис. из кн. С. У. Ремезова «Чертежная книга Сибири» (б. м., 1701). Л. 15 об. –16

Vanwaere sijrtten dat is woninge na boven byde R. Tynta. woorin geen mensken. onde grote Cosshagien

Verklaeringe der cijfer getallen in het Slot en Voorstadt
1. Comand huijs
2. Stads huijs
3. Kercken
4. Peltery huijs
5. Steene Clock Toren
6. Kerk

de wogulse natie die onderdeese Stadt Pelijm staan zijn gedeelt in ver scheijde Wolosty. of buer schappen. als
1 Vande Tabarynse Wolost
2 Vande Sosvinsky Wol:
3 groot Kondy
4 klein Kondy
5 Lystorijanny Wolost
6 Pelymse Wolost:
andere dependeeren aan het werchotins gebiet en eenige aan het Tobols

de oorspr. vande R. Pelijmka komt vanhet Noord

Но, пожалуй, главное, что выделяло Берёзов на фоне остальных городов Северо-Западной Сибири, так это то, что, в отличие от них, он и в начале столетия не полностью утратил военное значение, поскольку находился в центре в известной степени пограничного уезда. Угрозу для русского присутствия в Нижнем Приобье, да и для проживавших там ясачных остяков, продолжала представлять «немирная» берёзовская и пустозерская самоядь – кочевники-ненцы. Их активность фиксируется в том числе источниками второй половины 1710-х гг., то есть и временем существования берёзовского обер-комендантства. О многолетних разорительных набегах «пустозерской самояди воровских людей» «из-за Камени» повествует челобитная остяцкого князьца Ляпинской волости Семена Кушкирева от 20 июня 1716 г.[114] Грабежу со стороны «воровской низовской самояди» подверглись в 1717 г. ханты Казымской волости из Юильского и Камытского городков[115]. Зимой в начале 1718 г. Ляпинская волость вновь подверглась разорительному набегу ненцев. На сей раз инициатором погрома выступил обдорский князец Гында Тайшин, а причиной послужили успехи русской православной миссии по крещению ляпинских остяков[116].

Опасность угрожала и самим Берёзову с Сургутом. Так, по доносам и результатам розыска летом 1716 г. сургутскому коменданту Якову Щетинину стало известно, что еще в начале года «берёзовская самоядь», некие Потора, Пал и Моксон, подговаривали остяков Пимской волости к совместному нападению на Сургут и Берёзов, «а в них камендантов и грацких жителей побить всех до смерти». Выступление намечалось на осень. Сургутский комендант извещал об этом берёзовского коменданта Г. А. Калемина и просил организовать розыск среди ненцев и принять меры «о сохранении города Берёзова»[117]. Во всех подобных ситуациях лидирующая роль по обороне огромных приобских пространств отводилась Берёзову.

Таким образом, в силу перечисленных обстоятельств только Берёзов объективно мог играть роль центра укрупненной «обер-комендантской провинции» среди городов «югорского» Приобья. В этом качестве ему в той или иной степени должны были подчиняться и соседние уезды – Сургутский и Самаровский[118]. Отправленный в Берёзов в начале 1717 г. обер-комендант И. Ф. Бибиков, обладавший большим административным весом и опытом управления губернского масштаба, вполне соответствовал поставленной перед ним задаче. Как долго Бибиков пробыл на должности берёзовского обер-коменданта, точно не известно, но достоверно, что он стал первым и последним управителем такого рода. В 1719–1720 гг. сибирское управление вновь подверглось переустройству, на сей раз в рамках второй областной реформы. Учитывая инерцию, сопровождавшую этот процесс, усугубленную отдаленностью Сибирской губернии от центра, возможно, что Иван Фомич просидел в своих палатах на северной Сосьве до самого конца, пережил страшный берёзовский пожар 1719 г. и предприни-

---

[114] ПСИ. Кн. 2. № 32. С. 107–108.

[115] Там же. № 46. С. 170–171.

[116] Там же. № 52. С. 181–182.

[117] Там же. № 33. С. 108–109.

[118] О существовании особого уезда с центром в Самаровском яме во времена «сибирского губернатора князя Гагарина» писал в 1740 г. Г. Ф. Миллер: «По примеру других сибирских городов к нему был присоединен уезд как из русских сел и деревень, так и из остяцких волостей, и тогда расположенная вверх по Иртышу ямщицкая слобода Демьянск со своим дистриктом находилась под началом Самарова…» (Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / отв. ред. акад. РАН Н. Н. Покровский ; пер. и подг. текста, предисл., коммент. А. Х. Элерта. Екатеринбург, 2006. С. 137). К сожалению, кроме самого факта существования Самаровского уезда в 1711–1719 гг., сказать о нем нечего из-за отсутствия выявленных на сегодня источников. Уезд был ликвидирован в ходе второй областной реформы.

мал первые действия по восстановлению города. Покинул он Сибирь в 1721 г., вызванный в столицу для празднования окончания войны со шведами[119], а Берёзов лишился статуса центра провинции, но еще до конца века сохранял приоритетные позиции в административно-политической структуре края. Краткий период существования берёзовского оберкомендантства может быть любопытным еще и тем, что оно стало *первым административным образованием, в границах которого оказались собраны территории современного Ханты-Мансийского автономного округа*. Впрочем, для управленческой ситуации первой четверти XVIII в. это обстоятельство не имело никакого значения.

Второй заметной реформой, связанной с попыткой «трансплантации» в управленческую систему России зарубежного административного института, стала ландратская, начало которой знаменовалось появлением 24 апреля 1713 г. именного распоряжения об учреждении при губернаторах и их старших помощниках коллегии из 8, 10 или 12 ландратов (в зависимости от обширности губернии) – чиновников, назначавшихся Сенатом по губернаторским представлениям[120]. На это нововведение царя вдохновила немецко-балтийская ландратура – система местного самоуправления и управления, развивавшаяся в Остзее еще со времен существования Ливонской конфедерации. После отвоевания Лифляндии и Эстляндии у шведской короны Петр, интересовавшийся западными управленческими практиками, решил приспособить прибалтийские институции к российским реалиям. Несомненно, первое, что показалось монарху привлекательным в ландратуре, так это ее коллегиальный характер, преимущества которого казались царю очевидными. Вторым мотивом, который, вероятно, подтолкнул Петра к этому эксперименту, являлась надежда на более активное вовлечение в гражданскую службу уездного дворянства. В Прибалтике все ландратские должности, как, впрочем, и другие, были выборными. Отсюда, наверное, произведенная именным указом 20 января 1714 г. корректировка: ландратов следовало не назначать, а выбирать из числа местных землевладельцев[121]. Наконец, год спустя, 28 января 1715 г., Петр кардинально отказался от идеи коллегиального ландратского управления в губерниях, отведя ландратам роль управителей низового звена. В стране вместо уездов следовало создать так называемые ландратские доли – административно-территориальные единицы с приблизительно равным числом податного населения в каждой из них (5 536 крестьянских дворов). Ландраты в качестве назначаемых руководителей долей должны были заменить комендантов. Последние оставались только в тех городах, где размещались гарнизоны. При этом ландратам в порядке очередности, по двое, предписывалось каждый месяц или раз в два месяца дежурить при губернаторе, а раз в год съезжаться всем в губернский город для предоставления финансовой отчетности и решения важнейших дел[122].

История с ландратурой, институцией несомненно избыточной и ненужной в традиционной системе местного коронного управления России, очевидно была обречена на провал[123]. Петр явно имел весьма обрывочные и поверхностные представления о сути остзейской ландратуры, ухватывая в ее организации те или иные импонировавшие его представлениям

---

[119] Власть в Сибири. С. 517.

[120] ПСЗ-1. Т. 5. № 2673.

[121] Там же. № 2762.

[122] Там же. № 2879.

[123] Подробнее см.: Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. Ч. 349. Сент. С. 45–144; Редин Д. А. Первые уроки Остзее: рецепция административных практик прибалтийских провинций при Петре Великом // Урал. ист. вестн. 2022. № 2 (75). С. 6–15.

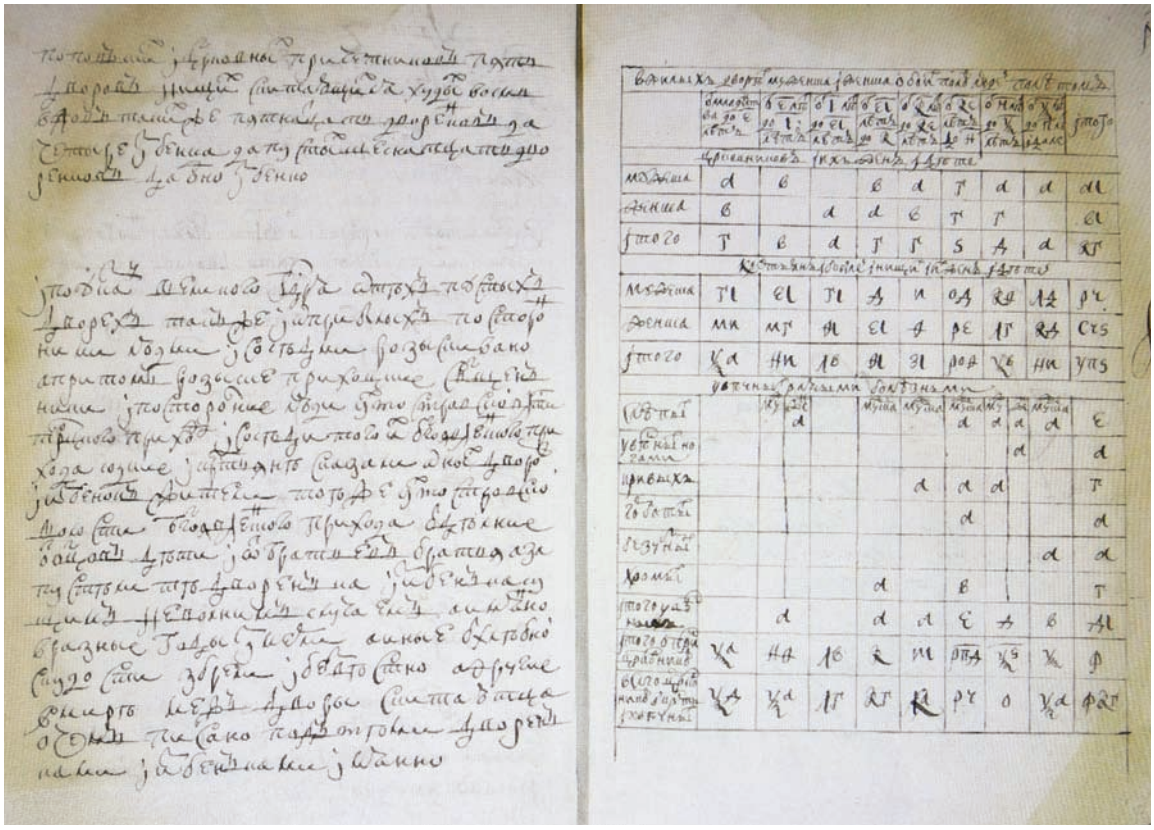


Рис. 2.10. Ландратская переписная книга 1717 г. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 104. Л. 115 об. – 116. Изображение с сайта «Ухтостров». https://uhtostrov.ru/lanbogoyav1717/

идеи (коллегиальность, гипотетическая возможность покрытия кадрового дефицита гражданской службы за счет местных дворян), и не учитывал массу принципиальных несходств в социальной, демографической, политической и административной ситуации между Остзее и Россией. И если даже в губерниях Европейской части страны ландратская реформа пошла самотеком и со множеством отступлений от указных нормативов (к тому же еще и плохо прописанных), то в Сибири она приобрела и вовсе причудливые черты. Хотя губернатор Гагарин вытребовал в свое распоряжение 7 или 8 чел. из числа царедворцев для занятия ландратских вакансий, самостоятельного значения ландратура в губернии не получила. Лица, носившие здесь звание ландратов, по сути и в большинстве своем служили руководителями уездов. Рассредоточение малочисленного населения на огромных сибирских пространствах не оставляло ни малейшего шанса организовать в губернии ландратские доли на основании предписанного указом 1715 г. статистического принципа. Да и все сибирские города располагали гарнизонами, а значит, ландратам как особым управителям не было там места, поскольку в таких городах власть нормативно оставалась за комендантами.

Единственную попытку внедрения ландратского управления кн. М. П. Гагарин предпринял на Вятке, в самой густозаселенной части своей губернии[124], но эта западная

[124] Подробно см.: Редин Д. А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Изв. Урал. федер. ун-та. 2012. № 3 (105). Сер. 2: Гуманитарные науки. С. 31–47.

провинция, лишь административно относившаяся к Сибирской губернии, собственно Сибирью не являлась. Только один из сибирских ландратов, стольник Викул Петрович Греков, получил в качестве ландрата реальную власть: вольно интерпретируя ландратское законодательство, кн. М. П. Гагарин назначил его тобольским, или сибирским (как нередко он назывался в канцелярской документации) ландратом. Таким образом, должность Грекова приобрела не предусмотренный нормативами масштаб, он стал чиновником губернского уровня, ответственным за широкий круг административно-хозяйственных дел, приняв на себя, по существу, функционал отсутствовавших в Сибирской губернии обер-комиссара и обер-провиантмейстера[125]. Остальные царедворцы, фигурировавшие в документообороте эпохи как сибирские ландраты, вскоре получили (вместе со своими собратьями из других губерний) новую задачу – проведение подворной переписи (так называемой ландратской переписи 1715–1717 гг.) (рис. 2.10). Среди сибирских ландратов-переписчиков был и неоднократно упоминавшийся Б. В. Еварлаков, бывший берёзовский комендант, проводивший перепись в Кунгуре и уезде[126]. Но в целом затея с внедрением ландратуры никак не отразилась на Обском Севере.

То же можно сказать и про остальные преобразования: организация фискальской службы, судебные реформы 1720-х гг. и вторая областная, или провинциальная реформа, по большому счету, обошли Северное Обь-Иртышье стороной. Их влияние в крае просматривается совсем уж точечно, и об этом уместнее сказать в контексте обзора организации системы коронного управления в «югорских» уездах первой четверти XVIII в.

Воеводы/коменданты и их управленческий аппарат

Знакомство с воеводским/комендантским корпусом края, принципами организации управления, канцелярским штатом, его функционалом и характером взаимодействия с местным населением в период петровского царствования оставляет устойчивое ощущение дежавю. Бытующее в научной литературе представление о «долгом XVII веке» нигде, наверное, не реализовалось так полно и буквально, как в югорских уездах, где время как будто остановилось, особенно на общем фоне очень динамичной и нервной ситуации первой четверти XVIII столетия.

Впрочем, кое-какие изменения происходили и здесь. Так, в период правления Петра I на уезды Северного Приобья перестали посылать двух воевод. Ушел в далекое прошлое и институт письменных голов – в исследуемое нами время таковые источниками не фиксируются, равно не встречаются в качестве старших приказных работников местных канцелярий дьяки; делопроизводством стали руководить менее значимые по рангу старые подьячие.

Но при этом руководящий состав субрегиона оставался весьма консервативным; его социальный и возрастной состав, круг управленческих задач и методы их решения были, в общем, сопоставимы с существовавшими в предшествовавшем столетии, особенно во второй его половине. На сегодняшний день историческая наука не обладает полным перечнем имен руководителей северных приобских уездов петровского времени и точными сроками их пребывания на службе. В совокупности мы располагаем сведениями разной степени полноты о 19 чел., возглавлявших в 1701 – начале 1725 г. городовые администрации в крае (восемь – по Пелыму,

[125] См.: Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала. С. 171–175.

[126] Там же. С. 191.

Рис. 2.11. Неизвестный художник. Портрет стольника В. Ф. Люткина. 1697. ГИМ. ГИМ 38134/ИІ 5568. Изображение с сайта музея. https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3062182?query=%D0%BB%D1%8E%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%BD&index=0

восемь – по Берёзову, и четыре – по Сургуту). Тем не менее, кое-какие общие наблюдения в результате изучения этого контингента сделать можно.

Большинство из этих управленцев относились к московским кадрам – царедворцам[127], главным образом *стольникам* (М. И. Рыкачеву, М. А. Овцыну, А. Р. Бунину, Л. Ф. Хрущову, Г. И. Вахромееву, Б. В. Еварлакову, кн. В. А. Мещерскому, И. Ф. Бибикову, В. К. Толстому[128], рис. 2.11, 2.12); сургутский воевода в 1704–1705 гг. Иван Поливанов на основании анализа боярских книг, в которых отмечены шестеро Иванов Поливановых, скорее всего, идентифицируется как стряпчий Иван Федорович; Л. М. Вельяминов-Зернов по боярским спискам начала XVIII в. принадлежал к категории московских дворян, Г. А. Калемин (Колемин), отпрыск старинного рязанского рода, к жильцам); лишь двое из 19 являлись выходцами из верхушки местного служилого люда (И. И. Бобровский[129], кн. Я. С. Пелымский[130]), двое были из армейских офицеров (капитан Д. К. Щетнев[131], полковник А. Ю. Инглис[132]), и еще один – из дьяков (Я. Я. Щетинин). Происхождение еще одного не установлено (М. А. Барютин).

---

[127] Термин «царедворцы» впервые был употреблен по отношению к служилым людям московских чинов (стольникам, стряпчим, дворянам московским, жильцам) в 1670 г. В петровское время он стал постоянно употребимым. См. об этом: Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. : Очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 455.

[128] В информационно-поисковой системе «Боярские списки XVIII в.», созданной А. В. Захаровым, В. К. Толстой проходит как стряпчий вплоть до 1721 г. См.: Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система : [электронный ресурс]. URL: http://zaharov.csu.ru/ (дата обращения: 15.10.2022). Между тем, известные делопроизводственные документы Сибирской губернии именуют его стольником не позднее 1714 г. (см., например: РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 937 и далее).

[129] Иван Иванович Бобровский, чьи предки служили в Тобольске по престижному «литовскому списку», в 1712 г. поступил с группой тобольских служилых людей в Тобольский драгунский полк, вышел в отставку майором в 1720 г. и дважды оказывался руководителем югорских уездов: в Пелыме в 1720–1725 гг. и в Берёзове с 1725 г. Берёзовская служба стоила ему следственного процесса за смягчение режима содержания ссыльных князей Долгоруковых. См. об этом подробнее в ч. 5 настоящего тома.

[130] Кн. Яков Семенович Пелымский, верхотурский сын боярский, потомок легендарного Аблегерима, князя вогульского Пелымского княжества. См.: Редин Д. А. Обско-угорская знать и русское государство: сценарии адаптации (XVII – первая половина XVIII в.) // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште / ред. Г. Дьёни. Будапешт, 2012. Т. 2. С. 74–79.

[131] Отставной капитан Дмитрий Козьмич Щетнев был определен «к делам» в Сибирскую губернию сенатским указом 20 февраля 1713 г. См. об этом: РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 314. Л. 10.

[132] Полковник Андрей Юрьевич Инглис, боевой офицер, командир полка своего имени (1702–1713), получившего позднее наименование Выборгского солдатского. После отставки был определен на службу в Сибирскую губернию. См.: Лавриков С. В. От Нарвы до Стокгольма: Выборгский пехотный полк в Великой Северной войне (1700–1721 гг.) // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах : материалы Всерос. (заочной) науч.-практ. конф., приуроченной к 95-летию ТвГТУ. Тверь, 2017. С. 204–206.

И в XVII в. представители московских чинов, прежде всего стольники, составляли главный источник назначения на должности городовых воевод. В период проведения петровских административных реформ такая традиция в общих чертах сохранялась. При организации каждой из первых губерний их руководители могли рассчитывать на получение по своим заявкам определенного количества царедворцев для замещения различных управленческих вакансий («быть у отправления дел и на посылках»). Кн. Гагарин в течение всего 1711 и весны 1712 г. хлопотал в Москве о присылке в его распоряжение необходимого количества людей. По состоянию на 9 мая 1712 г. в штате Сибирской губернии числился 31 «новоприбранный» царедворец, на основании чего 10 мая того же года Сенат приговорил: «И впредь ему, губернатору, во управлении в Сибирской губернии дел ничем не отговариватца, для того, что по требованию ево в тое губернию царедворцы отправлены со удоволством»[133].

Рис. 2.12. Неизвестный художник. Портрет стольника Ф. И. Веригина. 1698. Из собрания Государственного Русского музея. Ж-3983. Изображение с сайта музея. https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/neizvestniy_hudozhnik_portret_stolnika_fedora_ivanovicha_verigina/index.php

Среди этой партии столичного дворянства набора 1711–1712 гг. четверо в разное время получили назначения на югорские уезды: это В. К. Толстой (Сургут), кн. В. А. Мещерский, Б. В. Еварлаков и И. Ф. Бибиков (Берёзов). Процитированный сенатский приговор вовсе не означал, разумеется, что М. П. Гагарин больше никогда не обращался в центр за пополнением, просто таких крупных кадровых вливаний он уже не получал. Дополнительно первый сибирский губернатор располагал каким-то внутрисибирским ресурсом. Так, сидевшие на воеводских/комендантских должностях в Пелыме Михаил Артемьевич Барютин (1709(?) – 1711)[134], стольники Михаил Алексеевич Овцын (1711–?)[135] и Андрей Романович Бунин (1715–?)[136] в указанной выше партии царедворцев не значились и, вероятно, попали в Пелым из каких-то других сибирских городов и острогов или (как, возможно, в случае с Буниным) могли быть истребованы из центра после 1712 г. Но, как отмечалось выше, на должности воевод/комендантов назначали выходцев и из более скромных кругов: армейских отставных офицеров, представителей местных служилых семей, дьяков. Вызвано это было растущим кадровым дефицитом, характерным для эпохи реформ, и касалось не только уездов Обского Севера, но фиксировалось в масштабах всей губернии. Как правило, кандидаты не из царедворцев получали назначения в менее значимые города. В нашем случае мы видим таковых на службе в Пелыме и Сургуте, но никогда – в более мощном (на описываемый период) Берёзове.

---

[133] РГАДА. Ф. 248. Кн. 10. Л. 474.

[134] О воеводстве М. А. Барютина в Пелыме в 1710, а возможно, и в 1709 г. и о смене его М. А. Овцыным в 1711 г. свидетельствует росписной список (сдаточная роспись) 1711 г., в которой Барютин указан как действующий воевода; скрепа Овцына на последних листах списка указывает на него как на принимающего город и уезд в свое ведение. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1982. Л. 1–16. В дальнейшем М. А. Барютин сделал в губернии карьеру, став в начале 1720 г. земским камериром (руководителем финансового ведомства) «столичной» Тобольской провинции.

[135] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1982. Л. 1–16.

[136] Там же. Д. 2290. Л. 1.

Воевода (или комендант) Северного Приобья и в петровское время оставался полновластным начальником вверенного ему города и уезда, в чьих руках оказывались сосредоточены общеадминистративные, военные, судебные и фискальные полномочия. Как и в XVII в., их круг в общих чертах определялся полученным из Сибирского приказа стереотипным наказом и наказными памятями, имевшими конкретизирующий характер и отражавшими какие-то специфические детали управления данным городом.

Надо заметить, что наказов, выданных воеводам югорских городов, сохранилось очень мало: за конец XVI–XVII в. всего три – по Сургуту, один – по Пелыму и один, очень поздний, 1691 г., по Берёзову[137]. За первое десятилетие XVIII в. (до начала функционирования губерний) их и вовсе не обнаружено. Исследуя указы о назначении в этот период воевод в интересующие нас города, можно сделать вывод, что их просто перестали писать ввиду их устоявшегося содержания и рутинности задач, стоявших перед их получателями[138]. В сущности, основные обязанности воеводы напоминались назначенному лицу в самом указе о назначении. Так, например, указ от 28 февраля 1708 г., данный стольнику Г. И. Вахромееву, отправленному менять в Берёзов засидевшегося там Л. Ф. Хрущова, напоминал новому назначенцу о необходимости принять по приезде у предшественника в приказной избе печать, городовые и острожные ключи, городскую и острожную артиллерию, государеву соболиную и денежную казну, боеприпасы и продовольствие. Вахромееву следовало затребовать всю документацию: окладные, доимочные сметные пометные и именные разных чинов людям списки и книги, «государевы указные грамоты и всякие государевы дела», «счесть» Хрущова, и что на нем «начтено будет, и то на нем… доправить». В указе требовалось не отпускать прежнего воеводу «на Москву» без полного расчета по доимкам, убыли казны и недосланной отчетности. Новому воеводе предписывалось чинить «во всяких ево, великого государя, делех и меж всякого чина людей… правую росправу со всяким радением неоплошно, а к иноземцам держать ласку, чтоб они великому государю служили верно и ясак бы в ево государеву казну платили охотно»[139]. В общем, все эти положения, хорошо известные специалистам по сибирскому управлению XVII в., уже не расписывались в наказе каждому воеводе, а кратко упоминались в указе о назначении.

Что касается наказа и наказных статей (наказной памяти) как таковых, то они все-таки имелись в распоряжении петровских сибирских воевод. Но это были старые наказы и наказные статьи, выданные еще предыдущим воеводам в конце ушедшего столетия. Документы хранились в приказной избе в специальном ящике вместе с государевой городовой печатью «во всяком береженье». Новому воеводе надлежало снять с них копии и держать в той же избе на виду у себя на столе, почасту прочитывая и «исправляя государевы дела» в соответствии с их указаниями[140]. После учреждения губерний указы воеводам (а с 1712 г. – комендантам) стали писать от имени губернаторов. Гагаринские указы о назначении также сочетали в себе само распоряжение о назначении и что-то вроде инструкции, гораздо более лаконичной

---

[137] Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 244.

[138] Е. В. Вершинин писал, что основное содержание наказов сложилось уже к середине XVII в., а к концу происходит «окостенение» их формуляра. Редкими становятся во второй половине XVII в. и наказные памяти, поскольку основные принципы управления Сибирью уже сложились, «а новых неожиданных ситуаций, возникавших в процессе колонизации, становилось все меньше» (Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири. С. 247).

[139] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1374. Л. 1–2 об.

[140] Там же.

по сравнению с теми, что встречаются в поздних указах Сибирского приказа[141]. При необходимости и желании губернаторы могли сами составлять комендантам инструкции, каковых от 1710-х гг. выявлено очень мало. При каждом воеводе (коменданте) существовал штат канцелярских служителей-приказных. Они сидели «у отправления дел» в приказной избе или воеводской/комендантской канцелярии, как постепенно стали именовать этот орган в XVIII в. В городах Северного Приобья этот штат был предельно мал и в течение изучаемого периода за редким исключением количественно не менялся: от двух до трех подьячих разных статей[142].

В массе своей все руководители северных обских уездов (как и вообще сибирские воеводы/коменданты Петровской эпохи) относились к средне- и мелкопоместному дворянству. Для реалий конца XVII – первой четверти XVIII в. степень состоятельности землевладельца резоннее считать не по количеству имевшейся в его распоряжении земли, а по количеству дворов, поскольку именно наличие того или иного количества рабочих рук определяло экономический потенциал хозяйства. Автор известной монографии, посвященной изучению вотчинного землевладения в России периода петровского царствования, О. А. Шватченко, предлагает в качестве «порога отсечения», за которым начиналась категория крупных землевладельцев-вотчинников, цифру в 25 крестьянских дворов[143]. Думается, такая цифра представляется неоправданно низкой. В расчетах такого рода корректнее ориентироваться на аутентичные критерии ранжирования землевладельцев. При принятии царем плана заселения Санкт-Петербурга им было установлено, что свои дворы в новой столице должны построить (и перебраться туда на постоянное место жительства) дворяне, обладавшие не менее чем 100 крестьянскими дворами. Очевидно, монарх полагал, что доходов от имений с таким количеством дворов должно быть достаточно не только для постройки дома и подворья, но и для поддержания уровня жизни, достойного столичного дворянина. Взяв за основу этот количественный показатель, можно оценить уровень дворовладений царедворцев, попавших в указанный период на руководящие должности уездного звена в Нижнем и Среднем Приобье. Сведения о дворовладениях взяты из боярских списков первой четверти XVIII в., обобщенных А. В. Захаровым[144], поэтому в нижеприведенной таблице наличествуют сведения только о «югорских» воеводах/комендантах из числа царедворцев и о Я. Я. Щетинине, отмеченном в категории дьяков центрального аппарата. Имена этих администраторов размещены в порядке убывания количества дворов в их имениях (без деления на поместья и вотчины) (табл. 2.1).

Если сюда добавить выходцев из офицерства и местных служилых людей, которые, как правило, не владели населенными имениями или заведомо владели малодворной землей, то картина будет еще скромнее. К крупным дворовладельцам из этого списка можно отнести только Л. Ф. Хрущова, и то после определенного времени (о возможных причинах такого резкого обогащения Леонтия Федоровича мы выскажемся ниже), и И. Ф. Бибикова.

---

[141] Как, например, указ о назначении берёзовским комендантом Б. В. Еварлакова от 23 марта 1711 г., уместившийся на неполном листе. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2132. Л. 1.

[142] Например, в сургутской приказной избе в 1702 г. – двое подьячих; в Пелымской в 1711 г. – столько же (отсутствие указания статей (рангов), в которых числились эти приказные, позволяет отнести их к подьячим средней статьи). См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1297. Л. 56; Оп. 5. Д. 1982. Л. 4. Согласно «Ведомости о состоянии Сибирской губернии» 1726 г., отражавшей ситуацию последних лет петровского царствования (1722–1725 гг.), в воеводских канцеляриях Берёзова, Сургута и Пелыма трудились по трое подьячих: один старый и два молодых в каждой (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 7).

[143] Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002. С. 51–54.

[144] Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система.

Таблица 2.1

Сведения о душевладении воевод/комендантов югорских уездов в первой четверти XVIII в.

№ п/п	ФИО	Количество дворов	Примечания
1	Хрущов Леонтий Федорович	186	До 1711 г. отмечался как не имеющий дворов; указанная цифра фиксируется только в списке 1711 г.
2	Бибиков Иван Фомич	83/103*	–
3	Овцын Михаил Алексеевич	78	–
4	Вахромеев Григорий Иванович	41	–
5	Еварлаков Борис Васильевич	40	–
6	Поливанов Иван Федорович	57	С 1711 г. владел ими с братом
7	Толстой Василий Кириллович	16	–
8	Бунин Андрей Романович	10–14	В разные годы
9	Кн. Мещерский Василий Алексеевич	6	–
10	Вельяминов-Зернов Лев Миронович	Без двора	–
11	Щетинин Яков Яковлевич	Без двора	–

*В текущей делопроизводственной документации 1715 г. за И. Ф. Бибиковым по сенатской справке показаны 103 двора (РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 312 об.). Именно на этом основании он и подобные ему дворовладельцы, находившиеся в полковой службе или «у дел» в губерниях, обязаны были построить к концу 1715 г. дома в Санкт-Петербурге (Там же. Л. 341–341 об.).

Но благосостояние служилых людей петровского царствования зависело не только от обладания населенными имениями. В их служебные оклады входило денежное и натуральное жалованье, значимость которого тем более возросла после 1711 г., когда в связи с полной ликвидацией поместного ополчения как составной части вооруженных сил страны было фактически прекращено поместное верстание. До 1715 г. в России не существовало единообразной системы вознаграждения за несение гражданской службы. Первым нормативным документом, установившим единые денежные и натуральные оклады основным категориям управленцев и канцелярских служащих местных учреждений, стал именной указ от 28 января 1715 г.[145] До этого времени воеводские оклады, равно как и размеры жалованья приказных людей местного аппарата, зависели от ряда конкретных обстоятельств: ранга, значимости занимаемой должности, выслуги и особых заслуг, традиции, наконец, от инициативы самих служилых и приказных, могущих посредством челобитной исхлопотать себе повышение оклада, и т. п. В Сибирской губернии (как, вероятно, и в других) размеры окладного денежного и натурального жалованья определял губернатор, о чем свидетельствуют его многочисленные распоряжения или резолюции на челобитных и доношениях лиц местного аппарата. Из практики известно, что денежная часть воеводского/комендантского окладов в Сибири могла колебаться от 100 до 300 руб. в год (о чем упоминалось выше). Натуральная часть оклада – «хлебом» (рожью и овсом пополам или только рожью) и вином – обычно составляла у этой категории управленцев 100 четвертей[146] (юфтей) хлеба и 50 ведер

[145] ПСЗ-1. Т. 5. № 2879.

[146] Как правило, имелась в виду «московская» восьмипудовая четверть (приблизительно 128 кг).

«простого» вина. Разумеется, могли быть и более высокие ставки (максимально известная нам – 200 четвертей хлеба); иногда к натуральной части оклада губернатор мог назначить соляную дачу (до 25 пудов в год).

Проблема заключалась в том, что жалованье всем категориям гражданских служащих выплачивалось с большими, порой многолетними задержками; частыми бывали значительные штрафные изъятия в качестве наказания за недоимки и не вовремя поданную отчетность – хронические беды управления в Петровскую эпоху. Поэтому принципиально важным фактором поддержания высокого уровня жизни для руководителей местного аппарата являлись различные формы частных вознаграждений, все те «корма», «честные подношения», «почести», «поминки», а также «посулы», «неуказные сборы» и попросту взятки, упоминаниями о которых наполнены исторические источники. Содержание коронного агента за счет населения управляемой им территории – традиция, уходящая в глубокое прошлое, в эпоху полюдья домонгольской Руси и наместничьих кормлений XIV–XVI вв. Но если юридически с постепенной заменой наместничьего управления на воеводскую систему кормления как форма привилегии-пожалования служилых людей были заменены на служебные оклады как вознаграждение за определенные виды деятельности, то сама практика взимания поборов с податного населения в пользу местных администраторов сохранялась и в XVII, и в XVIII в.[147] (рис. 2.13).

Отношение к этому феномену как со стороны верховной власти, так и со стороны самих тяглецов в Новое время было различным и непоследовательным. Не вдаваясь в тонкости бытовавших тогда в этой сфере дефиниций, что могло бы стать темой отдельного большого исследования[148], коротко заметим, что и корона, и подвластное население в общем были готовы мириться с таким положением дел. И для той, и для других важно было, чтобы собиравшиеся воеводами с частных лиц средства не были чрезмерными, соответствовали некоей не нормативно, но традиционно принятой в данной среде «квоте», не приводили, с одной стороны, к росту социальной напряженности, разорению тяглецов, подрыву их платежеспособности, а, с другой стороны, не были бы сопряжены с насильственным вымогательством, сохраняли вид добровольности, условия негласного договора между местным администратором и населением (покровительство и доброжелательность взамен на материально выраженное уважение к статусу начальника). Разумеется, на практике такой баланс часто нарушался, но в принципе законодатель долгое время не криминализировал кормление и другие «добровольные» формы частных вознаграждений[149]. Понимание того, что пребывание на воеводстве может послужить средством улучшения материального положения, несомненно было присуще и руководству приказов, ведавших назначениями

---

[147] Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 246–248; Ее же. Слуги на воеводском дворе в XVII в. // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и новейшее время : сб. ст. в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. Ростов, 2003. С. 92–105; Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000; Его же. Воеводское праздничное кормление в начале 60-х гг. XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.. 1994. Т. 25. С. 103–116; Редин Д. А. Воеводское кормление в России XVIII в.: расходная книга тюменского оброчного старосты Е. Меншикова 1717 г. (Исследование и публикация источника) // Проблемы истории России. Вып. 10. Исторический источник и исторический контекст. Екатеринбург, 2013. С. 236–282.

[148] Об этом см.: Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург, 2019. С. 137–202.

[149] Однозначно ставил вне закона «с народа собираемые деньги» именной указ от 24 декабря 1714 г. – ключевой в комплексе антикоррупционного петровского законодательства 1713–1722 гг. (ПСЗ-1. Т. 5. № 2871). Но, разумеется, применяемый избирательно, он не изменил ситуацию на местах.

Рис. 2.13. С. В. Иванов. В приказе московских времен. 1907. Из собрания Государственного Русского музея. Ж-4389. Изображение с сайта музея. https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/19_20/zh-4389/index.php

(в нашем случае – Сибирского), и самим служилым людям, особенно мелко- и среднепоместным, добивавшимся таких назначений, что для сибирского XVII в. убедительно доказал Е. В. Вершинин[150] (рис. 2.14).

Правда, надо заметить, что уездные центры Северного Приобья не являлись самыми вожделенными местами для соискателей воеводских должностей в Сибири, во всяком случае, в Петровскую эпоху. Главная проблема заключалась в том, что местность эта была «бесхлебная», по природно-климатическим условиям непригодная для землепашества, а потому скудно заселенная крестьянами. Ничтожно малы были в северных городах посадские общины – собственно, в начале XVIII в. они только формировались. Между тем именно крестьянские и посадские миры составляли базу кормленной практики; в югорских городах, где население состояло преимущественно или исключительно из различных категорий служилых людей, возможностей получения с них «кормов» и «честных приносов» почти не было. Правда, там оставались другие источники обогащения, но они даже по нормам раннего Нового времени являлись откровенно криминальными: махинации с пушниной, включая ее вымогательство с аборигенного населения, и ее незаконная реализация, а также взятки с торговцев за уклонение от таможенного обложения.

Показателен в этом отношении пример стольника Л. Ф. Хрущова, едва ли не рекордсмена сибирской службы, просидевшего воеводой/комендантом в Берёзове не менее 11 лет, что даже по сибирским меркам невероятно долго[151]. Как упоминалось выше, этот админи-

[150] Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 22–24.

[151] В качестве берёзовского воеводы Л. Ф. Хрущов начал службу еще в 1696 г. В хронологическом перечне сибирских воевод конца XVI – XVII в., составленном Е. В. Вершининым, окончание берёзовского воеводства Хрущова отмечено 1701 г. со знаком вопроса (Вершинин Е. В. Воеводское управление

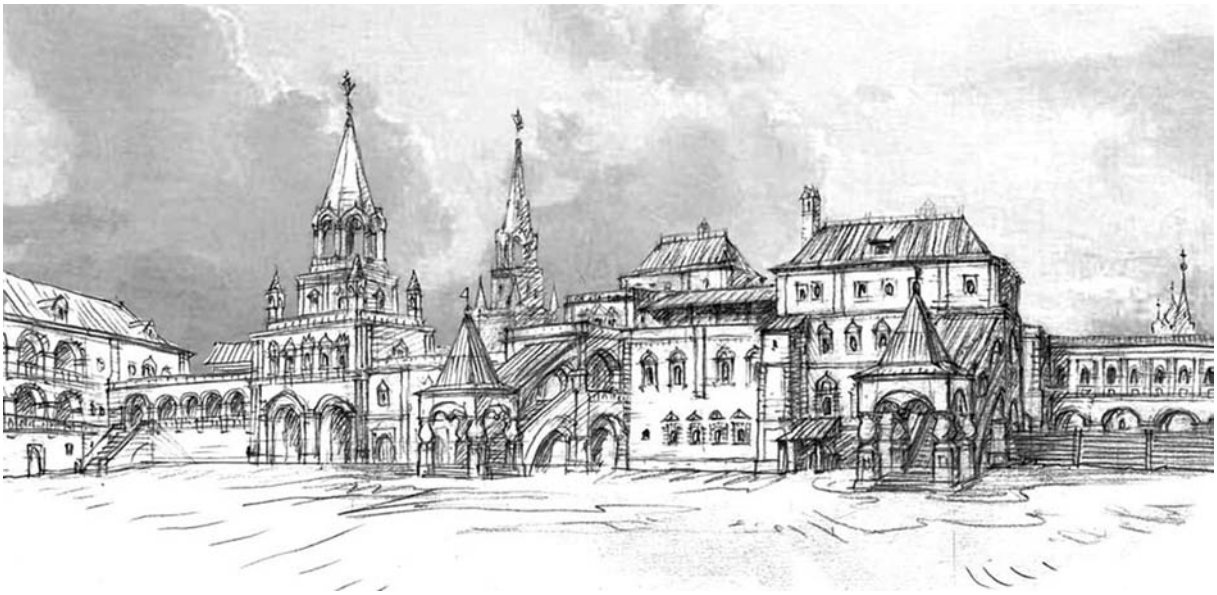


Рис. 2.14. Здание Сибирского приказа на новом Гостином дворе. Реконструкция А. В. Можаева (Можаев А. В. Новые данные об истории застройки Гостиного двора на Ильинке по материалам РГАДА и Национального музея Швеции // Архитектурное наследство. Вып. 75. СПб., 2021. С. 60–67)

стратор приехал в Сибирь, не имея за собой крестьянских дворов. А с 1711 г. Леонтий Федорович оказался обладателем 186 дворов, войдя в категорию крупных землевладельцев. Конечно, можно предположить, что какое-то количество населенных имений ему пожаловали за многолетнюю сибирскую службу, но едва ли дача этому, в сущности, рядовому стольнику могла быть столь значительна. Не исключено, что именно берёзовское «сидение» позволило воеводе собрать достаточно средств для покупки деревень, и сомнительно, что средства эти скопились из сэкономленного жалованья. В нашем распоряжении на настоящий момент нет документов, подтверждающих криминальную деятельность стольника и воеводы Хрущова, но поразительная длительность его пребывания на берёзовской службе вкупе с последующим внезапным обогащением и общие нравы воевод, особенно «гагаринской школы»[152], позволяют предположить, что источниками его благосостояния стали какие-то незаконные действия, скорее всего, именно в сфере пушного оборота и таможенных поборов.

Рассматривая организацию таможенной службы в городах Северо-Западной Сибири в XVII в., Е. В. Вершинин пришел к выводу, что к концу столетия «вследствие угасания масштабных пушных промыслов и введения правил 1698 г. таможенный сбор в Северо-Западной Сибири… стал ничтожно мал; на местных рынках ведущее положение заняли небольшие торговые

в Сибири. С. 152). Историк не зря сомневался в верхней дате. Из обнаруженного нами документа – копии с указа о назначении на берёзовское воеводство стольника Г. И. Вахромеева – явствует, что последний получил назначение и приказ сменить Л. Ф. Хрущова 28 февраля 1708 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1374. Л. 1–2). В боярском списке за 1709 г. у фамилии Хрущова стоит помета «на Берёзове» (Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система), что может означать лишь то, что он почти еще год дожидался в городе своего сменщика Вахромеева.

[152] «Гагаринскими школьниками» называл всех сибирских администраторов и канцеляристов, уличенных во взяточничестве и вымогательстве, генерал-майор Г. В. де Геннин, развернувший беспрецедентную борьбу с должностной преступностью в начале 1720-х гг. Тем самым он намекал на роль первого сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина в создании условий для процветания служебных злоупотреблений среди местного чиновничества.

операции русских старожилов Сибири»[153]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники начала XVIII в. показывают, что «хоронить» доходность югорских таможен было рано, равно как и пушной промысел, хотя истощение пушных богатств края по сравнению с концом XVI – первой половиной XVII в. отмечается во всех исследованиях. В 1708 г. на основании царского указа, полученного из Сибирского приказа, Л. Ф. Хрущов отправил в Москву берёзовского таможенного голову из местных детей боярских Матвея Лихачева с отчетными документами по деятельности берёзовской таможни за 1700–1706 гг. Представленные Лихачевым материалы показали, что «в прошлых годех на Берёзове ж таможенных всяких пошлин в зборе было» в 1700 г. – 381 руб. 29 алтын 2 деньги; в 1701 г. – 420 руб. 12 алтын 10 денег; в 1703 г. – 599 руб. 7 алтын; в 1704 г. – 846 руб. 17 алтын 2,5 деньги. 1705 г. показал уменьшение таможенных доходов: 521 руб. 22 алтына 2 деньги, зато 1706 оказался рекордным: «всего в 706-м году, – показал Лихачев, – денег, и мяхкой рухляди, и товаров, и за проданное пиво, и с пив явчего в зборе 1 184 рубли 16 алтын»[154]. Эти суммы трудно назвать ничтожными; в Сибирском приказе нашли приведенные цифры достоверными, а таможенный голова М. Лихачев за «учиненную государеву прибыль» был награжден портищем сукна в 5 руб.[155]

Из сказанного видно, что в 1700-е г. через берёзовскую таможню проходили значительные средства; вероятно, в окрестностях промышлялось еще немало пушного зверя, во всяком случае, достаточно, чтобы пополнить не только государеву казну. Способы изъятия части этих богатств в пользу воевод известны по XVII в., а самая незамысловатая схема увода от таможенного обложения провозимого товара, широко практиковавшаяся, например, в центральных уездах страны, была раскрыта в доносе 1712 г. тульским промышленником Семеном Евтифьевым. Имея коррупционные связи с таможенными бурмистрами и подьячими, Евтифьев получал на соответствующих таможнях за мзду фальшивые выписи об уплате пошлин, при этом в таможенных книгах факт выдачи выписи не фиксировался, а пошлины не уплачивались. В дальнейшем товар провозился в Москву и являлся там на продажу как растаможенный; саму же выпись Евтифьев возвращал подельникам-таможенникам, которые ее уничтожали[156]; разумеется, Семен был не единственным, кто пользовался подобной уловкой.

Мы не можем утверждать, что именно эта схема могла применяться на таможнях городов Северного Приобья, но что-то аналогичное способно было давать частный доход и воеводе, и таможенному голове, и подьячему. На Севере такие схемы было легче воплотить в жизнь, поскольку круг вовлеченных в них должностных лиц оказывался объективно теснее, чем в Европейской части страны ввиду малолюдности коронного аппарата. В сущности, достаточно было наличия доверительных отношений между воеводой и таможенным головой. Поскольку, в отличие от практики XVII в., когда на таможни Северо-Западной Сибири назначались посадские и купцы из поморских городов, готовые и шедшие на столкновения с воеводами, в начале XVIII столетия должности таможенных голов могли замещаться выходцами из местных старожильческих служилых фамилий, воеводе, длительно занимавшему должность, при определенном здравомыслии по силам было установить с ними деловые связи.

Всякого рода способы незаконного и полузаконного обогащения должностных лиц при губернаторстве в Сибири Гагарина не просто покрывались, но даже поощрялись им. Воеводские кормления, по сути, были легализованы на уровне губернаторских распоряжений.

---

[153] Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. С. 289.

[154] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1374. Л. 4 об. –5, 6.

[155] Там же. Л. 6 об.

[156] Там же. Ф. 248. Кн. 10. Л. 738–738 об.

Один из выявленных нами указов губернатора декабря 1714 г. прямо обязывал вятского земского старосту П. Непеина давать новому коменданту стольнику В. К. Толстому (бывшему, как не раз упоминалось, сургутским комендантом в 1711–1712 гг.) «из земской избы из земского збору на неделю» столько содержания, сколько давали в 1711–1712 гг. воеводе стольнику С. Д. Траханиотову. Если же Непеин и последующие старосты станут давать Толстому «не против Траханиотова», то им, как грозил указ, «учинено будет жестокое наказание»[157]. Примечательно, что этот «корм» Гагарин обещал зачесть крестьянам «в подать».

Как впоследствии в 1720 г. показал на допросе в следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова и И. М. Лихарева старый подьячий Тобольской большой канцелярии И. Замощиков, случай с Непеиным не был уникальным. В 1715 г. в бытность Замощикова на службе «необычныя… росходы, которые держаны по приказу губернатора и людей ево из збору крестьян окологородных… (тобольских. – *Авт.*) волостей», были «по пометам… ево, губернатора… зачитаны в годовые их оброки». Деньги на личные нужды кн. Гагарина, губернского обер-коменданта И. Ф. Бибикова и тобольского коменданта Д. А. Траурнихта собирались обычно «по указом ево, губернаторским», как словесным, так и письменным, и «по приказу комендантов», «хотя иные росходы и сами оне, крестьяне, отправляли без него». По показаниям И. Замощикова, крестьянским денежным приношениям велся учет – «зачетные росписи», на основании которых, по подписанию губернатором, происходило внесение указанных сумм в общую уплату податей[158]. Неудивительно, что при такой постановке дела сибирские коменданты и приказные не стеснялись в средствах увеличения своих доходов за счет населения.

В русле рассуждений о криминальных способах обогащения лиц уездной коронной администрации показателен пример деятельности сургутского коменданта Якова Яковлевича Щетинина. Этот случай известен в литературе, но заслуживает быть не только еще раз вкратце пересказанным, но проинтерпретированным в более широком контексте организации гражданской службы в Сибири и в России времени петровского правления.

Начало карьеры будущего сургутского руководителя связано с Сибирским приказом, где он служил подьячим, в 1709 г. получив дьячество[159]. С возникновением губерний встал вопрос о комплектовании их учреждений приказными работниками, в том числе высшего ранга – дьяками. Первый сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин приложил все усилия для концентрации в своем ведомстве сильного дьяческого контингента. Его связи и возможности, а также процесс реорганизации старого центрального аппарата, в первую очередь Сибирского приказа, которым князь руководил несколько лет, позволили ему наполнить губернский штат московскими дьяками как путем прямого их перевода на различные должности в Сибирь, так и путем пожалования московских старых подьячих и подьячих «с приписью» в дьяки в связи с назначением в местные канцелярии. Так, в первом и самом значительном по численности составе столичных приказных в Сибирь попал и Яков Щетинин[160]. До 1715 г.

---

[157] РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 710. К сожалению, в документе не указаны ни конкретное количество и ассортимент этого «корма», ни его денежный эквивалент.

[158] Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 82, 83 об.

[159] Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система.

[160] Первый известный нам документ, в котором сибирские дьяки перечислены поименно, датирован 1714 г. (РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 3а. Л. 1–2). Среди 10 чел. этого ранга семеро были выходцами из московских приказных, среди них и Я. Я. Щетинин. Но это не означает, что его служба в регионе не началась раньше. Кн. Гагарин, несомненно, в первую очередь заботился о формировании приказного штата губернии, поскольку без канцелярских служащих организация делопроизводства

дьяк Щетинин подвизался в Тобольской большой канцелярии с солидным окладом, составлявшим только в денежной части 200 руб. в год. Такой повышенный оклад давался ряду дьяков Тобольской большой канцелярии «для того, что ни от каких дел не велено им брать ни малого числа»[161], что едва ли останавливало столь важных губернских дельцов от поиска иных источников дохода.

Назначение Щетинина в 1715 г. на комендантскую должность в Сургут в этих обстоятельствах представлялось двусмысленным. С одной стороны, это могло рассматриваться как повышение, причем повышение, которого дьяк целенаправленно добивался (если следовать сообщению М. О. Акишина о том, что место коменданта было получено Я. Щетининым в результате взятки губернатору[162]). С другой стороны, назначение комендантом в Сургут, город не лучший с точки зрения возможностей извлечения криминальных доходов, едва ли было удачным в сравнении с дьяческой службой в губернской канцелярии. «Бесхлебный» Сургут не шел ни в какое сравнение с богатым губернским Тобольском, а вымогательство мзды с местных служилых людей – сплоченной, пронизанной в нескольких поколениях родственными связями вооруженной корпорации – едва ли сулило что-то, кроме больших неприятностей. Но так или иначе, оказавшись на комендантстве, Яков Щетинин постарался извлечь из своего положения максимум выгоды, не считаясь с методами. Жертвами коменданта стали торговые люди, проплывавшие со своими товарами мимо Сургута и делавшие там остановку.

Преступная деятельность Щетинина вскрылась не сразу, а лишь в 1719–1720 гг. в рамках большого розыска по сложному и многоэпизодному делу кн. М. П. Гагарина, который вела следственная канцелярия л.-гв. майоров И. И. Дмитриева-Мамонова и И. М. Лихарева. В рамках следствия удалось собрать свидетельские показания лиц, пострадавших от алчности бывшего дьяка в 1715–1716 гг.: устюжан Федора Кочетова, Федора Икрянникова, Дмитрия Поломошного, Василия Цывилева, Якова Путилова, Якова Курочкина, Ивана Аврамова, лалетина Федора Лукиянова (Лукьянова). Каждый раз схема, использовавшаяся Я. Щетининым, была одинаковой: он захватывал торговых людей, держал их в оковах («в железах») в приказной избе от двух до пяти суток, порой избивал и таким образом «вымучивал» (а с некоторых из упомянутых торговцев неоднократно) различное количество денег от 20 до 40 руб. и разнообразные товары на аналогичные суммы[163]. По сути, глава сургутской коронной администрации занимался грабежом в прямом смысле этого слова. Подобную практику он продолжил и в дальнейшем, покинув Сургут и оказавшись в роли коменданта Исетского острога в 1717–1719 гг., на сей раз уже вместе с сыном Михаилом; там его и застало следствие. Несмотря на множественные обвинения, подкрепленные свидетельскими показаниями, Щетинин выбрал тактику тотального отрицания вменявшихся ему преступлений, в начале 1720 г.

была просто невозможна. Взять с собой какое-то количество опытных приказных работников Сибирского приказа кн. Матвей мог уже во время своей первой поездки в Тобольск в качестве губернатора осенью 1711 г. или позже, весной 1712 г. Среди них, возможно, находился и Щетинин, тем более что в первоначальном корпусе сибирских дьяков только трое (Андрей Боев, Леонтий Тихомиров и Максим Романов) являлись выходцами из местных подьячих. (Подробнее см.: Редин Д. А. Дьяческий корпус Сибирской губернии в царствование Петра I // Российская история. 2013. № 3. С. 66–74).

[161] Цит. по: Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. С. 120.

[162] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. С. 185.

[163] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2629. Л. 138–146; Древний город на Оби: история Сургута. С. 169; Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. С. 165.

добился разрешения уехать «для своих дел» в Тюмень, потом, сказавшись больным, остался там под этим предлогом еще на несколько месяцев (к этому времени туда приехал и его сын), и хотя следствие над бывшим сургутским комендантом продолжалось, финал его остается неизвестным[164].

Громкое «сибирское дело», завершившееся смертной казнью кн. М. П. Гагарина 16 марта 1721 г., совпало с очередной серией больших административных реформ: коллежской, второй областной, или провинциальной, судебной, налоговой (начало введения подушной подати, повлекшей изменения структуры местного управления). Все они, кроме, пожалуй, податной, имели ярко выраженный «пакетный» характер, будучи связанными единой идеологией и логикой. К концу 1710-х гг. Петр I окончательно утвердился в необходимости построения «регулярного» государства, основанного на идеях камерализма. В сфере государственного строительства они предполагали организацию рациональной бюрократической модели власти, реализующей в качестве базовых принципов коллегиальность принятия решений, функциональную специализацию, унификацию учреждений и документационного обеспечения управления. На центральном уровне государственного аппарата эти идеи прежде всего реализовались в создании отраслевых коллегий и попытки разделения судебных и административных функций власти. На местном уровне предполагалось также создать учреждения и должности специализированного характера, вписанные в отраслевые вертикали коллежского управления. Наиболее последовательно это касалось финансового и судебного блоков.

Если говорить о нижнем звене местного госаппарата (поскольку именно оно интересует нас в контексте истории Югры), то в соответствии с законодательными актами 1719–1720 гг. (в частности, «Инструкцией земским комиссарам»[165]), место низшей административно-территориальной единицы должен был занять не уезд, а дистрикт[166], а коменданты, соответственно, должны были получить именование земских комиссаров. По мысли законодателя, основная часть обязанностей земского комиссара приходилась на финансово-податные; в этом отношении его можно считать специализированным чиновником по налоговой части. Такой статус закреплялся еще и тем, что земский комиссар оказывался в непосредственном подчинении у надзирателя сборов (земского камерира, должностного лица провинциального/губернского уровня) и в прямом – у Камер-коллегии. Но при этом за земскими комиссарами оставался широкий круг общих административно-полицейских функций, что ставило их в подчиненное положение по отношению к провинциальным воеводам и губернаторам. Из ведения земских комиссаров изымались судебные полномочия ввиду создания специализированных судебных органов и власть над крупными городами, в которых следовало учреждать магистраты.

Стоит ли говорить, что нововведения практически не затронули уезды Северного Приобья. Разветвленная система местных административных и судебных органов, предполагавшаяся реформами последних лет петровского царствования, была избыточна даже для Европейской части страны с ее куда как более мощными людскими ресурсами. Даже Москве и Московской губернии оказалось не по силам организовать полноценное местное управле-

---

[164] Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. С. 165–168.

[165] ПСЗ-1. Т. 5. № 3295.

[166] Хотя даже в самой упомянутой инструкции термин «уезд» еще продолжал фигурировать: «Земского комиссара главнейшая должность в том состоит, чтоб он в поверенном ему уезде в надлежащее и в указное время все… доходы собирал…» (ПСЗ-1. Т. 5. № 3295, п. 2).

ние нового образца из-за острейшей нехватки кадров[167], что уж говорить о глухой и малолюдной провинции вроде Северо-Западной Сибири! То немногое, что на сегодня нам известно о ситуации в югорских уездах, позволяет говорить, что здесь и не пытались организовать дистрикты и дистриктное управление со штатом нижних комиссаров и мостовым надзирателем, подчиненными земскому комиссару, канцелярией во главе с земским писарем, также находившимися в распоряжении земского комиссара – для этого здесь не было ни ресурсов, ни потребностей. Тихо и явочным порядком в Северном Приобье (как, впрочем, во многих других подобных уголках огромной империи) продолжала действовать воеводская управленческая модель. Полным фиаско окончилась попытка внедрения в северо-западные сибирские уезды судебных органов. По имеющимся данным, особые судебные комиссары были посланы в Берёзов, Сургут и Пелым в 1723 г., но появились ли они там в действительности? Во всяком случае, третий сибирский губернатор кн. М. В. Долгоруков позднее констатировал, что судебные комиссары югорских городов за четыре года не принесли казне никаких доходов, собираемых в виде судебных пошлин. Это означало только одно – судебные органы в крае не работали, а различные тяжбы, вероятно, решались по старинке воеводами. По предложению губернатора в 1727 г. должности судебных комиссаров на Обском Севере были ликвидированы, как и в Сибири вообще[168].

В итоге бурные вихри петровских реформ в сфере управления лишь в малейшей мере сказались на положении дел в крае. «Долгий XVII век» не спешил покидать Северное Обь-Иртышье, очень плавно и медленно перетекая в «долгий XVIII».

---

[167] См. об этом: «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / под. ред. Д. А. Редина. Екатеринбург, 2022. С. 81–88.

[168] Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. С. 98, 116.

Глава 4

Административная история Югры в 1725–1782 гг.: соотношение власти воевод и других органов (само)управления

Изменение системы регионального управления после смерти Петра Великого

В историографии утвердилось мнение, что значительная часть государственных структур на местах, созданных в первой четверти XVIII в., была упразднена по причине дороговизны их содержания и дефицита государственного бюджета[169]. Но вопрос о сокращении числа органов власти, созданных в регионах в конце 1710-х – начале 1720-х гг., начал обсуждаться и реализовываться еще при жизни Петра I, когда на региональном уровне власти произошло частичное возвращение принципа единоначалия в управлении. В частности, в 1722 г. были внесены изменения в систему «нижних» судов, созданных в ходе судебной реформы конца 1710-х – начала 1720-х гг. Коллегиальные провинциальные суды были заменены судом воевод с асессорами, городовые судьи – судебными комиссарами, которых следовало определить в населенные пункты, удаленные от губернских и провинциальных центров на 200 верст и более. Кроме того, в большинстве судебных округов должности президентов надворных судов были заняты губернаторами. Можно согласиться с мнением Д. О. Серова, который полагал, что эти изменения не только стали началом судебной контрреформы, но и привели к «восстановлению дореформенной модели единого хозяина в регионе»[170].

В годы петровских реформ большинство руководителей органов власти, представлявших коллегии в уездах и провинциях, так и не получили фиксированного жалования. Канцелярским служителям также было указано «питаться от дел», как это было до начала царствования первого российского императора. Так, например, 2 июня 1726 г. обнародуется указ «о предоставлении приказным людям Юстиц- и Вотчинной коллегий, надворных судов и магистратов вместо жалованья довольствоваться доходами от добровольной дачи челобитчиков»[171]. Подобные указы можно найти и во время правления Петра I[172]. Попытки рационализировать систему выда-

---

[169] Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. С. 18; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. N. Haven ; London, 2000. P. 128; Демкин А. В. Внутренняя политика Верховного тайного совета. М., 2011. С. 95.

[170] Серов Д. О. Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 235.

[171] ПСЗ-1. Т. 7. № 4897.

[172] РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 21620. Л. 35–35 об.

чи жалования делопроизводителям середины 1710-х гг. не увенчались успехом: оно постоянно снижалось и не выдавалось годами[173]. Последнее стало причиной увеличения числа случаев злоупотребления своим должностным положением, роста взяточничества и казнокрадства, кампанию по борьбе с которыми начал первый российский император[174]. Правда, с точки зрения местных администраторов и судей, это не противоречило закону, а было лишь продолжением еще не изжитых управленческих традиций XVII в., когда воевода и подчиненный ему аппарат делопроизводителей получали вознаграждения за некоторые работы в виде почестей и поминок[175]. Таким образом, можно согласиться с мнением Ю. В. Готье о том, что «несоответствие областных учреждений обществу той эпохи искажало их и приводило их незаметно к упадку»[176].

15 июля 1726 г. была упразднена должность судебного комиссара[177]. Тем не менее, Ю. В. Готье полагал, что первоначально преемники Петра Великого не стремились полностью уничтожить созданные императором государственные структуры и принципы управления. Изучение проектов «верховников» позволило ему прийти к выводу, что полномочия воеводы не предполагалось восстанавливать в полном объеме. В городах, приписанных к провинциальным центрам, планировалось сохранить «управителей для судных и розыскных дел». Свидетельством этого намерения является указ от 15 июля 1726 г., провозглашавший учреждение должности судебного воеводы в приписанных к провинциям городах. Его нормы так и не были воплощены в жизнь, оставив след лишь на бумаге. В дальнейшем публикация законов от 24 февраля и 15 марта 1727 г. привела к ликвидации региональных органов власти, находившихся в ведении Юстиц- и Камер-коллегий (надворных судов, судебных канцелярий во главе с судебными комиссарами, земских контор и других), и наделению воеводы кругом полномочий, существовавших у него до начала реформ первой четверти XVIII в.[178]

Таким образом, череда указов 1726–1727 гг., вернувшая всю полноту власти в регионе воеводам, привела к усилению централизации управления на местах. 31 марта 1727 г. Верховный тайный совет распорядился о распределении воевод по провинциям[179]. Этим же указом был установлен размер жалования региональных администраторов: им были определены «ранг майорский» в городах и «ранг поручичий» в пригородах. По замечанию М. О. Акишина, это означало сокращение жалования в сравнении с началом 1720-х гг., которое в соответствии с указом от 14 декабря 1724 г. было наполовину меньше жалования соответствующих армейских чинов[180].

6 апреля 1727 г. Сенат начал распределять воевод в «малые города и пригородки» «для всяких судных и розыскных дел» и сбора подушной подати[181]. Указ устанавливал подотчетность

---

[173] Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция: 1719–1727 гг. М., 1902. С. 264; Dixon S. The Modernization of Russia 1676–1825. Cambridge, 2005. P. 133.

[174] См., например: ПСЗ-1. Т. 7. № 5015.

[175] Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке : (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб, 2000; Серов Д. О. Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. С. 89–92; Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). С. 139–202.

[176] Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. С. 19.

[177] ПСЗ-1. Т. 7. № 4929.

[178] ПСЗ-1. Т. 7. № 5015, 5033; Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. С. 21–23.

[179] ПСЗ-1. Т. 7. № 5053.

[180] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 203.

[181] ПСЗ-1. Т. 7. № 5056.

уездных воевод провинциальным и регламентировал порядок прохождения дел по судебным инстанциям: воевода уезда или пригорода – провинциальный воевода – губернатор – Сенат. Нормативно-правовой акт требовал «накрепко подтвердить, дабы они (воеводы. – *Авт.*) как градским, так и уездным людям никаких обид и налог отнюдь не чинили, но паче простирались между ими суд и расправу чинить, и в сборах с них положенных податей поступать по указам самою правдою». Для обеспечения исполнения этого указа 2 января 1728 г. Сенат распорядился о направлении в губернии и провинции офицеров на «вечные квартиры» для помощи местным администраторам с подушным сбором и рекрутским набором[182].

Появление указа от 6 апреля 1727 г. предвосхитило обнародование «Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам» 1728 г.[183] (рис. 2.15). В историографии утвердилось мнение, что «Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам» является важным нормативно-правовым актом, который в течение многих десятилетий определял полномочия руководителей губерний и уездов[184]. Закон утвердил уже определенную указом от 6 апреля 1727 г. вертикаль власти на местах (губернатор – провинциальный воевода – городовой (уездный) воевода – воевода пригорода).

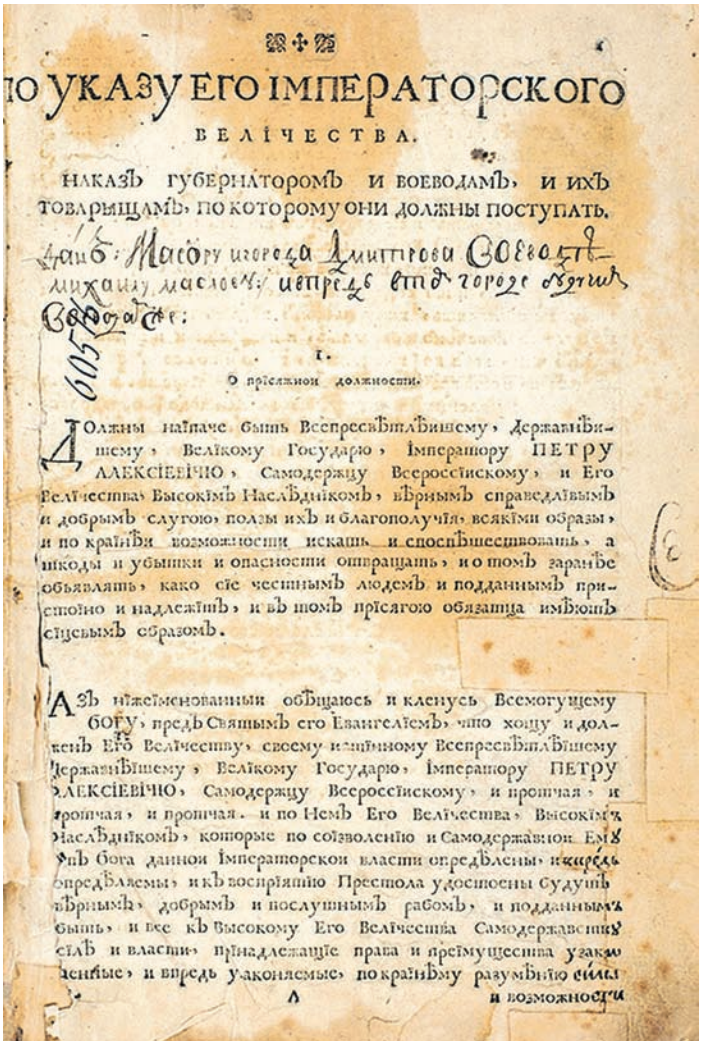

ПО УКАЗУ ЕГО ІМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛІЧЕСТВА.
НАКАЗЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ И ВОЕВОДАМЪ, И ИХЪ ТОВАРЫЩАМЪ, ПО КОТОРОМУ ОНИ ДОЛЖНЫ ПОСТУПАТЬ.
1.
О прісяжнои должности.
Должны наіпаче быть Всепресвѣтлѣишему, Державнѣишему, Велікому Государю, Імператору ПЕТРУ АЛЕКСІЕВІЧЮ, Самодержцу Всероссіискому, и Его Велічества, Высокімъ Наслѣднікомъ, вѣрнымъ справедлівымъ и добрымъ слугою, ползы ихъ и благополучія, всякіми образы, и по краінѣи возможности искать и споспѣшествовать, а шкоды и убытки и опасности отвращать, и о томъ заранѣе обьявлять, како сіе честнымъ людемъ и подданнымъ пристоіно и надлежітъ, и въ томъ прісягою обязатца имѣютъ сіцевымъ образомъ.
Азъ ніжеіменованныи обѣщаюсь и кленусь Всемогущему богу, предъ Святымъ его Евангеліемъ, что хощу и долженъ Его Велічеству, своему истінному Всепресвѣтлѣішему Державнѣішему, Велікому Государю, Імператору ПЕТРУ АЛЕКСІЕВІЧЮ, Самодержцу Всероссіискому, и протчая, и протчая, и протчая. и по Немъ Его Велічества, Высокімъ Наслѣднікомъ, которые по соізволенію и Самодержавнои Ему отъ бога даннои Імператорскои власти опредѣлены, и впредь опредѣляемы, и къ воспріятію Престола удостоены будутъ вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ, и подданнымъ быть, и все къ Высокому Его Велічества Самодержавству силѣ и власти, прінадлежащіе права и преімущества узаконенные, и впредь узаконяемые, по краінѣму разумѣнію силы
А и возможности

Рис. 2.15. Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам. Типовая копия, выданная дмитровскому воеводе Маслову. Изображение с сайта Аукционного дома «Литфонд». https://www.litfund.ru/auction/109/8/

В 1–8-м пунктах наказа декларировались общие положения: структура областных учреждений, отношения между должностными лицами на местах, процедура передачи и приема дел, формы отчетности и многое другое. Регламентация полномочий воеводы начиналась с п. 9, посвященного особенностям отправления судопроизводства. Его базовыми принципами указывались отсутствие взяточничества и волокиты, суд «по указам» (Соборному уложению 1649 г. и новоуказным статьям). Следующие пункты определяли подсудность различных категорий населения городов и уездов. Дела посадского населения следова-

[182] ПСЗ-1. Т. 8. № 5221.

[183] Там же. № 5333.

[184] Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. С. 54–55; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 156–157.

ло рассматривать в ратуше, дворцовых крестьян – в Дворцовой канцелярии. В п. 13 оговаривалось, что мелкие конфликты жителей «Синодского ведомства» должны решаться местными управителями и приказчиками («как помещики со своими крестьянами поступают»). Кроме того, закон устанавливал исключительную подсудность уголовных дел губернским и воеводским канцеляриям. Право вынесения приговоров, влекущих за собой смертную казнь и ссылку на галеры, следовало утверждать губернаторам.

Второй блок полномочий местных администраторов был связан с финансовыми обязательствами. Среди них – сбор пошлин и подушной подати на основе Плаката о подушном сборе 1724 г. и инструкций полковому и земскому комиссарам. Им следовало контролировать составление приходо-расходных ведомостей, «сочинение счетов», откупа и подряды. Кроме того, губернаторы и воеводы должны были заботиться об увеличении прибыли и своевременном отправлении пошлинных, податных и иных денег в казну. Всем региональным руководителям также предписывалось следить за выплатой жалования, эталонами мер и весов.

Рис. 2.16. С. Н. Ефошкин. Дознание. 50-е годы XVIII в. 1996. Репродукция из кн. С. Н. Ефошкина «Пред тобою» (М., 2007)

Наряду с судебными и финансовыми полномочиями губернаторам, воеводам и их товарищам вменялись в обязанности поддержание общественного порядка, поимка и поиск разбойников, надзор за сооружением рогаток, прием явочных челобитных о «подозрительных домах», задержание праздношатающихся, слежка за «развратниками в вере», принятие мер по обеспечению благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе и контроль за соблюдением пожарной безопасности. Для борьбы с разбойниками губернаторы имели исключительное право направлять военные части в уезды по просьбе воеводы. В наказе особо оговаривались соблюдение законов и забота о «всяких чинов людях» (надлежало «оберегать» их «от обид и разорения») (рис. 2.16).

Закон обеспечил унификацию прав и обязанностей региональных администраторов, трудившихся в разных уголках Российской империи. Его создание явилось выражением продолжения политического курса Петра Великого, одной из задач которого было создание единого нормативного поля деятельности чиновников на местах. Тем не менее, в конце 1730-х – начале 1740-х гг. были разработаны инструкции для воевод и губернаторов, занимавшихся управлением отдельно взятыми территориями. В 1737 г. были обнародованы инструкции киевскому губернатору и Санкт-Петербургской воеводской канцелярии[185]. В 1741 г. была подготовлена инструкция сибирскому губернатору[186]. Несмотря на значительное число обязан-

[185] Законодательство императрицы Анны Иоанновны / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Томсинов. М., 2009. С. 183, 193–196.

[186] ПСЗ-1. Т. 11. № 8218; Рафиенко Л. С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири : (Период феодализма) : сб., посв. памяти В. И. Шункова. М., 1973.

ностей, анализ статей нормативно-правового акта позволяет говорить о значимости роли, которую получили губернаторы и воеводы на местах.

Все описанные изменения не могли не повлиять на систему управления уездами на Северо-Западе Сибири. «Контрреформы», упразднившие ряд органов власти, созданных в годы правления Петра Великого, проходили здесь с опозданием. Так, например, судебные канцелярии во главе с судебными комиссарами было решено ликвидировать указом от 15 июля 1726 г. В сенатском указе от 21 февраля 1727 г. приводится мнение сибирского губернатора о необходимости ликвидации должностей судебных комиссаров в Тобольском уезде, «понеже оным велено быть в городах, а не в дистриктах»[187]. Кроме того, в указе было отмечено, что в Берёзове и Пелыме «обретаются одни ясачные иноверцы», что отражалось на сборе пошлинных и канцелярских денег. Так, например, в Берёзове с 1 января 1723 г. по 5 августа 1725 г. пошлинных и канцелярских денег «в сборе ничего не имели». Примерно схожая ситуация была в Пелыме, где в 1725 г. было собрано всего 5 коп.[188]

По-видимому, дальние расстояния и труднодоступность территории также обусловили необходимость передачи судебным комиссарам более широких полномочий: от надворного суда они получили право «розыска», которого были лишены «нижние судьи» в других регионах. Такое решение губернских властей в Тобольске привело к тому, что судебные комиссары, «не памятуя указов, всяких чинов людьми розыскивая пыткою, в том числе и солдат без военного суда, и по розыскам бьют кнутом, а многие чинят крестьяном обиды и разорения»[189].

Таким образом, в Сибирской губернии региональные администраторы и судьи в своей работе часто отступали от правил. На примере Берёзовского уезда попытаемся понять, как были организованы и функционировали органы власти на Северо-Западе Сибири. Изучение материалов, отложившихся в результате деятельности Берёзовской воеводской канцелярии, показало, что единичные документы, адресованные Берёзовской судебной канцелярии, направлялись в административно-территориальную единицу примерно до конца июня 1727 г.[190] Анализ текста указа из Тобольского надворного суда от 20 февраля 1727 г., зарегистрированного в Берёзове 24 июня 1727 г., показывает, что на начало 1727 г. судебного комиссара в городе не имелось, хотя судебная канцелярия формально продолжала функционировать. Уже в начале 1728 г. на запросы по указам из Тобольского надворного суда отвечала Берёзовская воеводская канцелярия[191].

Документы Берёзовской воеводской канцелярии за 1726–1727 гг. не позволяют реконструировать деятельность других органов власти, созданных в Берёзове в годы петровских реформ. По данным И. К. Кирилова, в 1727 г. в городе имелся магистрат, состоявший из одного бургомистра и одного ратмана, а также «канцелярия и их приказные служители особые» и «из шляхетства фискал»[192]. Следует более подробно разобраться, что укрылось от взгля-

С. 364–380; Ее же. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 58–67; Власть в Сибири: XVI – начало XX века. С. 85; Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 245–246.

[187] ПСЗ-1. Т. 7. № 5015.

[188] Там же.

[189] Там же.

[190] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

[191] Там же. Л. 45–45 об.

[192] Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977. С. 273–274.

да И. К. Кирилова и каким образом менялась структура управления уездом в 1725–1782 гг. В последующем повествовании основное внимание при реконструкции системы органов власти в югорских уездах будет обращено на Берёзов. При необходимости данные, полученные в ходе анализа документов Берёзовской воеводской канцелярии, будут подкрепляться материалами других административно-территориальных единиц региона.

Воеводская канцелярия

Как было сказано выше, после смерти Петра Великого вся власть в уездах вновь была сконцентрирована в руках воеводы. В 1726–1728 гг. воеводскую канцелярию в Берёзове возглавлял управитель Федор Евлашев[193]. Последний указ на его имя был получен 16 апреля 1728 г. Это был сенатский указ от 29 февраля 1728 г. о помиловании колодников и осужденных в день коронации Петра II.

Федор Иванович Евлашев значится в боярских списках 1712–1713 гг. как жилец полковой службы (с 1702 г.)[194]. Он происходил из дворянского рода. Его дед Тимофей Захарович Евлашев значится в боярских списках как отставной дворянин, с 1703 г. находившийся для посылок из Москвы «в четверти»[195]. Отец Иван Тимофеевич Евлашев дослужился до чина стольника. Его имя можно встретить в боярских списках вплоть до 1721 г.[196] В 1722 г. в возрасте 73 лет И. Т. Евлашев также участвовал в генеральном смотре дворянства[197]. Таким образом, Ф. И. Евлашев происходил из старого служилого рода, но по какой-то причине не смог стать воеводой. Возможно, потому, что управитель был «новичком» в Сибирской губернии: его семья не принадлежала к числу служилых кланов, длительное время получавших назначения на воеводские должности в города и уезды Сибири. Кроме того, он не был отставным военным. Несомненно, что круг обязанностей Ф. И. Евлашева не слишком отличался от полномочий воеводы. Тем не менее, во всех указах, присланных из Тобольска, его именуют управителем. Лишь в приговорах, составленных в воеводской канцелярии, Ф. И. Евлашев называется воеводой[198].

25 июня 1728 г. в Берёзове находился уже новый управитель Иван Иванович Бобровский[199]. М. О. Акишин, М. В. Бабич и И. В. Бабич полагают, что И. И. Бобровский являлся воеводой и управителем Берёзова в 1725–1736 гг., правда, в 1726 г. эту должность занимал номинально[200]. Как можно увидеть из документов Берёзовской воеводской канцелярии, воевода прибыл

---

[193] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–44 об.

[194] Евлашев Федор Иванович // Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=10065 (дата обращения: 27.08.2022).

[195] Евлашев Тимофей Захарович // Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=6508 (дата обращения: 27.08.2022).

[196] Евлашев Иван Тимофеевич // Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1290 (дата обращения: 27.08.2022).

[197] Там же.

[198] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 33, 34 об., 41.

[199] Там же. Л. 49.

[200] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 202; Областные правители России, 1719–1739 гг. С. 213.

в Берёзов не в 1727 г., а только летом 1728 г. Следует предположить, что будущий воевода мог получить назначение еще в 1725 г., но по какой-то причине смог появиться в Берёзове лишь спустя несколько лет, в течение которых его обязанности исполнял Ф. И. Евлашев. Сам И. И. Бобровский также не сразу стал воеводой: долгое время он значился в документах как управитель. В указах из Тобольской губернской канцелярии И. И. Бобровский начинает именоваться воеводой лишь с августа 1730 г.[201]

И. И. Бобровский поступил на военную службу в 1712 г., завершив ее в чине майора в 1720 г. Первое «гражданское» назначение он получил в этом же году, возглавив воеводскую канцелярию в Пелыме (1720–1725 гг.). Майор являлся воеводой и управителем Берёзова до начала 1735 г.[202] За время воеводства И. И. Бобровский «прославился многими неблаговидными поступками»: он вел незаконную торговлю с аборигенами, брал взятки, собственноручно расправлялся со ссыльными, занимался рукоприкладством и изымал ценности у жителей Берёзова[203]. Кроме того, он потакал ссыльным – князю А. Г. Долгорукову и его семье. Воевода «непрестанно с женою Софьей Павловной и дочерью ходил к ним, Долгоруковым, в дом ходил и возымел с ними, Долгоруковыми, дружелюбие»[204]. 30 июня 1736 г. за послабления ссыльным он был предан военному суду, лишен рангов и сослан в Оренбург, получив прощение лишь 3 декабря 1741 г. И. И. Бобровский вернул себе чин майора 16 ноября 1742 г., после чего смог продолжить административную карьеру в качестве Тарского воеводы (1743–1745 гг.), Томского воеводы (1748–1749 гг.) и управителя Тобольского дистрикта (1749–1750 гг.)[205].

В феврале 1735 г. в Берёзове трудился уже другой воевода – Иван Почекунин, происходивший из рода сибирских служилых людей[206]. В истории Сибири конца XVII – начала XVIII в. встречается несколько лиц с такими именем и фамилией. Скорее всего, это был Иван Иванович Почекунин, который в 1679 г. служил приказчиком Исетского острога, имея оклад 8 руб. в год. За годы своей службы И. И. Почекунин дослужился до чина тобольского сына боярского[207].

Вероятно, И. И. Почекунин был берёзовским воеводой до конца 1736 г. По крайней мере, в 1736 г. Тобольская губернская канцелярия отправляла указы на его имя. По данным М. В. Бабич и И. В. Бабич, в 1736 г. «управляющим за воеводу» Берёзова был назначен поручик Антон Иванович Шульгин. Он родился в 1690 г. и начал службу в 1711 г., когда стал солдатом лейб-гвардии Семеновского полка. В 1726 г. А. И. Шульгин дослужился до чина сержанта и был отставлен от военной службы. Несмотря на отставку, он получил чин поручика в 1736 г. В 1727–1735 гг. А. И. Шульгин служил на Сибирских казенных заводах в «команде» генерал-поручика Г. В. Геннина, а в 1735–1736 гг. являлся комиссаром Сестрорецких оружейных заводов (у прихода и расхода денежной казны)[208]. Несмотря на то, что авторы справочника об областных правителях России 1719–1739 гг. определяют 1736–1739 гг. как время, когда А. И. Шульгин

---

[201] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–57.

[202] Там же. Л. 98–99.

[203] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 221; Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 160, 162.

[204] Цит. по: Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 160.

[205] Областные правители России, 1719–1739 гг. С. 213. Подробнее о берёзовском периоде службы И. И. Бобровского см. в ч. 5 настоящего тома.

[206] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 98, 100.

[207] Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в. : энцикл. словарь. М. ; СПб., 2019. С. 717.

[208] Областные правители России, 1719–1739 гг. С. 708–709.

был исполняющим обязанности берёзовского воеводы, документы Берёзовской воеводской канцелярии свидетельствуют, что «управляющий за воеводу» получал указы с 1737 г. до лета 1740 г.[209]

С сентября 1740 г. документы адресовались управляющему за воеводу Берёзова дворянину Дмитрию Молокову[210] (рис. 2.17). По всей видимости, срок руководства Д. Молокова городом и уездом был недолог, хотя последний и принадлежал к клану сибирских служилых людей[211]. Уже в марте 1742 г. указы вновь поступали на имя «управляющего за воеводу» А. И. Шульгина[212]. В рапортах о получении указов его рукоприкладства фиксируются до 30 декабря 1744 г.[213]

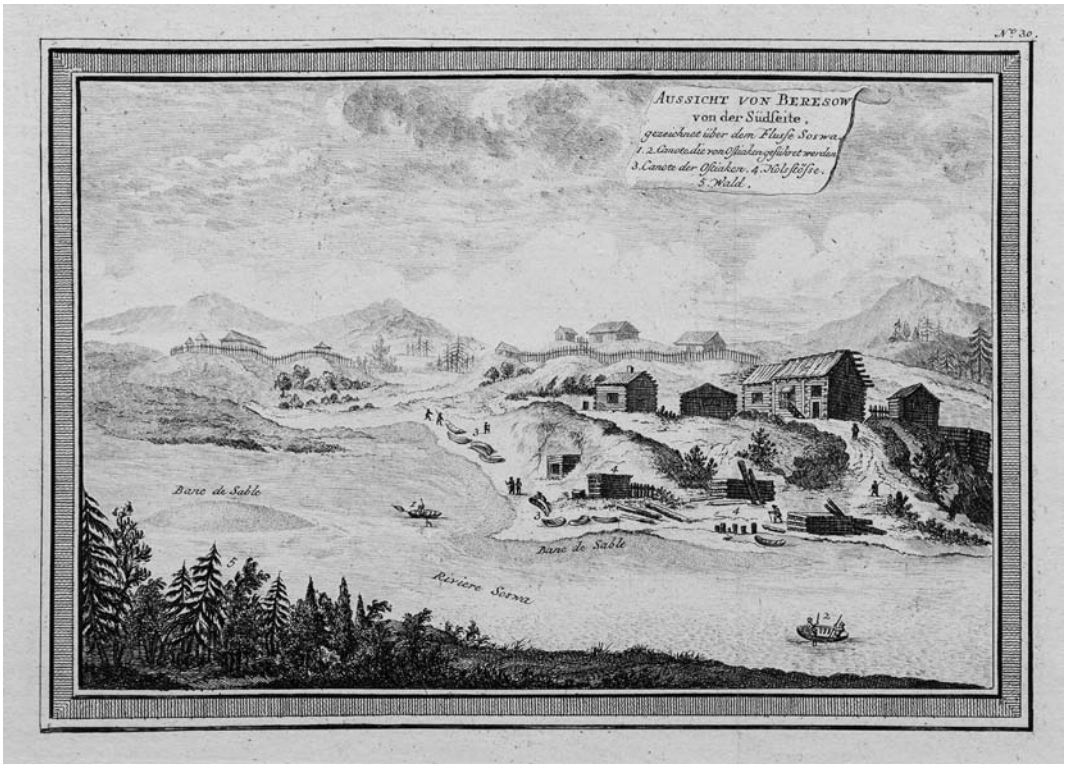


Рис. 2.17. Неизвестный мастер. Вид Берёзова с западной стороны. Вторая половина XVIII в.
Лист с гравюрой из книги французского издания. Из собрания ГХМ. ГХМ 529

В документах за 1745–1749 гг., направленных из губернского центра в Берёзовскую воеводскую канцелярию, не указывается имя воеводы или управителя. По-видимому, в органе власти долгое время отсутствовал воевода или иной руководитель, о чем также свидетельствуют рапорты о получении указов, направлявшиеся в Тобольск без автографа главы воеводской канцелярии. Вероятно, вопрос о назначении воеводы Берёзова длительное время оставался без внимания в Сибирском приказе, в котором с 1730 г. принимались все решения о воеводских кадрах в Сибири. Это подтверждается фактами назначения управителей за воеводу

[209] Областные правители России, 1719–1739 гг. С. 709; РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 192.

[210] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 194.

[211] Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в. С. 590–591.

[212] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 206.

[213] Там же. Л. 312.

в течение 1736–1744 гг.[214] В июле 1750 г. в документах наконец появляется имя нового воеводы. Им стал коллежский асессор Стефан Демьянов, который находился на этом посту до конца 1752 г.[215] В 1753 г. должность воеводы получил секунд-майор Василий Моисеев, управлявший Берёзовом до конца 1756 г.[216]

В. Моисеев находился на посту берёзовского воеводы с перерывом около года. По данным М. О. Акишина, в 1754–1755 гг. воеводой Берёзовского уезда являлся Иван Яковлевич Пелымский[217]. Правда, изучение дошедших до нас документов Берёзовской воеводской канцелярии показало, что в январе 1755 г. во главе города и уезда снова находился В. Моисеев[218]. И. Я. Пелымский происходил из рода обрусевших обдорских князцов. В 1737 г. он был определен в сибирские дворяне[219], в 1741 г. стал комиссаром Чубаровской и Верх-Ницинской слобод. В 1752 г. И. Я. Пелымский и его брат Василий обратились в Сенат с челобитной, «дабы за службы предков их, князей Пелымских, и для отменной природы против прочих сибирских дворян, кои де дворянство собою заслуживают, подобно как военнослужащие, а не предками издревле заслуженное», им была возвращена грамота на княжение, пожалованы классные чины и дано назначение на должности[220]. Братьям была возобновлена жалованная грамота на княжение. В 1753 г. Иван получил чин поручика, а Василий – прапорщика. И. Я. и В. Я. Пелымские были направлены на службу в Сибирь. В 1755–1758 гг. И. Я. Пелымский стал товарищем воеводы в Красноярске. В 1758 г. указом Сибирского приказа он был назначен воеводой Красноярска. В 1760 г. И. Я. Пелымский добился от жителей Красноярска, чтобы те написали прошение в Сибирский приказ с просьбой оставить его воеводой «бесперемено». Прошение было удовлетворено, и воевода находился во главе Красноярска до 1783 г., дослужившись до ранга коллежского асессора (VIII класса)[221]. В рапорте обер-штер-кригс-комиссара Григория Михайловича Осипова 1779 г., направленного в Сибирь для проведения следствия по делу о злоупотреблениях тобольского губернатора Д. И. Чичерина, И. Я. Пелымский характеризовался как человек, который «крайне нажился, но жаловатца на него в разсуждении к нему милости губернаторской никто не смеет»[222].

Евдоким Шапошников был берёзовским воеводой в 1757–1759 гг. По-видимому, он занимал эту должность не случайно: среди сибирских управленцев первой половины XVIII в. можно встретить Андрея Герасимовича Шапошникова, родившегося в 1672 г. (по другим данным – в 1679 г.) и являвшегося мангазейским воеводой в 1728–1731 (1734) гг., а также воеводой Кузнецка в 1737–1739 гг.[223] Е. А. Шапошников родился в 1712 г. в семье тобольского солдата. По данным М. О. Акишина, он всю жизнь прослужил в Сибири[224]. В 16 лет Е. А. Шапошников стал «школьным учеником» тобольской гарнизонной школы, после окончания которой начал службу в сибирском гарнизоне. В 1751 г. он получил чин капитана, а в 1755 г. вышел в отстав-

---

[214] Власть в Сибири: XVI – начало XX в. С. 76, 81.

[215] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 21, 118.

[216] Там же. Л. 131.

[217] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 284.

[218] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 214.

[219] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 552.

[220] Цит. по: Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 284.

[221] Там же. С. 284.

[222] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 57. Л. 6 об.

[223] Областные правители России, 1719–1739 гг. С. 693.

[224] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 285.

ку. Через два года капитан получил назначение берёзовским воеводой[225]. В 1760 г. Е. Шапошников входил в состав присутствия Тобольской губернской корчемной конторы[226]. В 1763 г. он стал товарищем тобольского губернатора в чине коллежского асессора[227]. Е. А. Шапошников участвовал в проведении ревизии 1761–1767 гг., занимаясь переписью населения Енисейского уезда в 1766–1767 гг.[228] В это время он находился на посту енисейского провинциального воеводы (1764–1771 гг.) и имел чин надворного советника[229].

В 1760–1762 гг. во главе Берёзова находился дворянин Мирон Мартынович Черкашенинов[230]. Он начал службу солдатом Ингерманландского полка в 1740 г. К моменту отставки в 1759 г. будущий воевода Берёзова выслужил капитанский чин[231]. В 1764–1766 гг. М. М. Черкашенинов был воеводой Якутска. В 1766–1769 гг. он являлся главой Якутской комиссии Первой Ясачной комиссии Сибири, целью которой было увеличение сбора ясака с ясачного населения региона. В 1766–1782 гг. М. М. Черкашенинов исполнял должность «товарища губернатора» в Сибирской губернии, а в 1782–1793 гг. был председателем палаты уголовного суда Тобольского наместничества. За время службы он дослужился до чина действительного статского советника (1788 г.) и был награжден орденом Святого Владимира IV степени[232].

Последним воеводой Берёзова стал представитель рода сибирских дворян титулярный советник Гаврила Федорович Евсевьев. Он занимал этот пост в 1763–1766 гг. До своего назначения Евсевьев служил также в качестве воеводы Тюмени (1756–1757 гг.), Нарыма (1757 г.) и Кетска (1757 г.)[233]. В 1767 г. территория Берёзовского уезда была переименована в комиссарство. Воеводы стали комиссарами, а воеводская канцелярия – комиссарством. По мнению Н. А. Миненко, это переименование не изменило сути деятельности должностных лиц, находившихся во главе Берёзова и его округи[234]. С этим утверждением можно согласиться, так как Г. Ф. Евсевьев оставался во главе Берёзовского комиссарства до 1782 г., дослужившись за это время до чина коллежского асессора[235]. Длительное нахождение на службе в Берёзове позволило воеводе и комиссару «волочить дела», притеснять и разорять жителей города и уезда. В злоупотребления должностным положением был вовлечен также сын Г. Ф. Евсевьева[236].

---

[225] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 285.

[226] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 399.

[227] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 285.

[228] РГАДА Ф. 280. Оп. 4. Д. 2659. Л.719.

[229] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 285.

[230] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 363, 491 и др.

[231] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 285; Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII – середине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. С. 59.

[232] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 285; Glebov S. Siberian Middle Ground: Languages of Rule and Accommodation on the Siberian Frontier // Empire Speaks out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire. Leiden ; Boston, 2009. P. 142–143; Никитина С. Е. Г. П. Башарин о 1-й и 2-й ясачных комиссиях в контексте государственной землеустроительной политики в Якутской области (к 105-летию ученого) // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2017. № 2 (06). С. 19–22; Бондаренко А. Ф., Степанова Н. С. «Отправлен для обревизования ясашных плательщиков Жиганского зимовья». Ясачная комиссия Мирона Черкашенина. 1766 г. // Ист. архив. 2018. № 4. С. 194–198.

[233] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 202.

[234] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 217.

[235] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 274.

[236] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 221.

Реконструкция биографий и послужного списка воевод и управителей Берёзова дает возможность понять, каким был среднестатистический кандидат для замещения этого руководящего поста в югорских уездах. За период с 1726 по 1766 г. на должности воеводы (или управителя) в Берёзове сменилось 11 чел. Обычно смена руководителей происходила в начале года, что соответствовало норме «Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам» 1728 г. Каждый из них занимал эту должность от одного года до семи лет. Исключение составлял Г. Ф. Евсевьев, который четыре года служил в должности воеводы и 15 лет являлся комиссаром Берёзова. Средняя продолжительность срока назначения на воеводство была три года. Это не противоречило указу 1695 г., по которому воевода мог находиться в должности четыре-шесть лет, но превышало официально установленные сроки службы воевод в России (два года), утвержденные указом от 20 марта 1730 г.[237] После неоднократных доношений из Сибирского приказа и от губернаторов указом от 14 июля 1744 г. продолжительность нахождения сибирского воеводы в одном уезде была увеличена до трех лет[238]. В 1760 г. срок службы воевод снова вырос до пяти лет[239].

Примечательно, что один из управителей, А. И. Шульгин, был во главе Берёзовского уезда дважды – в 1737–1740 гг. и 1742–1744 гг. (в общей сложности шесть с половиной лет). Два раза получал назначение в Берёзов секунд-майор В. Моисеев – в 1753 и 1755–1756 гг. Наименьшие сроки службы (один год) были у И. Я. Пелымского и В. Моисеева. Дольше всего в Берёзове продержались И. И. Бобровский (семь лет) и Г. Ф. Евсевьев (в общей сложности 19 лет) – одни из самых ярых взяточников среди других воевод и управителей уезда. В конце 1720-х – начале 1740-х гг. губернская администрация Сибири испытывала проблемы с поиском кандидатов для занятия должности воеводы в Берёзовском уезде. Во второй половине 1740-х гг. воеводская канцелярия оказалась фактически обезглавленной. Изучение воеводских назначений в Сургутском уезде демонстрирует схожую картину. В 1730-е гг. воеводскую должность здесь занимали только два человека – Михаил Львович Пашков (1731–1736 гг.) и Михаил Иванович Миклашевский (1736–1740 гг.)[240]. В 1760–1766 гг. обязанности воеводы исполнял Моисей Михайлович Маврин[241].

Как правило, большинство воевод и управителей имели административный опыт. Нам известно о предыдущем опыте управления семи из 11 воевод и управителей Берёзова и пяти из восьми воевод Сургута, служивших в 1725–1766 гг.[242] Кроме того, около половины воевод Берёзова (пятеро из 11) и более половины воевод Сургута (пятеро из восьми) были отставными военными. Многие из них получили назначение в качестве награды за предыдущие военные подвиги. В некоторых случаях воеводская должность была единственным эквивалентом их армейскому рангу. Так, например, майор М. И. Миклашевский «был на многих акциях и баталиях», в результате чего был «в левое плечо ранен пулею, и та пуля в спине осталась и поныне ниже спускается, и от того удушлив»[243]. После отставки в 1734 г. майора направили

---

[237] ПСЗ-1. Т. 8. № 5522; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 214; Власть в Сибири: XVI – начало XX в. С. 23.

[238] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 201.

[239] ПСЗ-1. Т. 15. № 11131.

[240] Акишин М. О. Указ. соч. С. 462.

[241] Там же. С. 201.

[242] Древний город на Оби: история Сургута. С. 169–176; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы. С. 475, 518–519; Областные правители России, 1719–1739 гг. С. 104, 213, 462, 521–522, 708–709, 742.

[243] Цит. по: Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 200.

на уральские заводы, но за неимением должности, соответствующей его военному званию, в 1736 г. он был переведен в Сургут, где и стал воеводой. Схожим образом складывались карьеры некоторых других региональных администраторов.

М. О. Акишин пришел к выводу о том, что на протяжении всего XVIII в. при назначениях на должности сибирских воевод предпочтение отдавалось отставным военным. Так, например, из 142 чиновников, служивших в Сибири в 1760–1770-е гг., 81 чел. сохранил военные чины[244]. Для Северо-Западной Сибири процент назначений на воеводские должности отставных офицеров был ниже. За период с 1725 по 1766 г. десять воевод Берёзова, Пелыма и Сургута из 23 нам известных имели воинские звания (43 %)[245]. Это, с одной стороны, является косвенным свидетельством непрестижности воеводских назначений в югорские уезды. С другой стороны, значительный процент воевод, получивших назначение в Берёзов в конце 1750-х – начале 1760-х гг., впоследствии пошли на повышение, показав себя в качестве незаурядных администраторов.

Воеводы и управители отличались по происхождению. Часть из них принадлежала к семьям потомственных дворян, как, например, берёзовский воевода Ф. И. Евлашев или сургутские воеводы М. Л. Пашков, М. И. Миклашевский и Уар Иванович Еропкин (1743–1746 гг.)[246]. В то же время среди воевод были представители обрусевших сибирских князьков (И. Я. Пелымский), сибирских служилых людей (И. И. Почекунин) и выслужившихся военных (И. И. Бобровский). Воеводы имели не только разное социальное происхождение, но и разный достаток. Среди них встречались очень обеспеченные люди. Например, У. И. Еропкин был крупным землевладельцем и имел вотчины в Воротынском, Коломенском, Крапивенском, Перемышльском и Чернском уездах[247]. В подавляющем большинстве случаев берёзовские и сургутские воеводы не обладали крупной земельной собственностью. Ф. И. Евлашев владел 27 дворами[248]. М. Л. Пашков имел 36 дворов в Шацком и Коломенском уездах, М. И. Миклашевский – 19 д. м. п. в Смоленской губернии, В. Моисеев – 15 д. м. п., М. М. Черкашенинов – 8 д. м. п.[249]

Наличие даже небольшого состояния не было гарантией безупречной службы местных администраторов. Изучение типового Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам 1728 г. и анализ документов, в которых была отражена повседневная деятельность воевод и управителей, показывают, что они обладали широким кругом полномочий, включавшим административные, судебные и полицейские функции. По мнению Д. Н. Гергилева, благодаря Инструкции сибирскому губернатору 1741 г. губернатор получил более широкие полномочия, став «монархом» в отдаленном от столичных центров России регионе[250]. Схожие полномочия имели и другие сибирские администраторы. Несмотря на многократные напоми-

---

[244] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 282.

[245] Акишин М. О. Указ. соч. С. 202; Областные правители России, 1719–1739 гг. С. 104, 184, 213, 311, 672.

[246] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 203.

[247] Акишин М. О. Указ. соч. С. 203.

[248] Евлашев Федор Иванович // Захаров А. В. Боярские списки XVIII в. : информ.-поисковая полнотекстовая система. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=10065 (дата обращения: 27.08.2022).

[249] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 203–204; Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII – середине XIX в. С. 68.

[250] Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. С. 246.

нания центральной власти о важности контроля вышестоящими должностными лицами нижестоящих, удаленность территории не создавала много возможностей для их проверок.

Дальние расстояния в совокупности с сокращением или почти полным отсутствием выплат жалования воеводам, восстановлением их обширного функционала создавали условия для злоупотребления должностным положением. Это подтверждает пример И. И. Бобровского, а также других воевод югорских уездов. В частности, сургутский воевода М. И. Миклашевский (1736–1740 гг.) попал под следствие по делу о взяточничестве[251]. О злоупотреблениях должностным положением сургутского воеводы М. М. Маврина (1760–1766 гг.) доносил сургутский протопоп Иоанн Кайдалов[252]. Еще один сургутский воевода, Алексей Жохов (1750 г.), обвинялся в «богохульных речах», что, на наш взгляд, также могло быть связано со случаями превышения воеводой своих полномочий[253]. Берёзовский воевода и комиссар Г. Ф. Евсевьев с сыном бесконтрольно обогащались за счет местного населения. Ситуация усугублялась малочисленностью русского населения, представленного преимущественно служилыми людьми и их родственниками.

Бедная социальная инфраструктура не создавала условий для того, чтобы воеводы стремились остаться в югорских землях. В некоторых случаях они сталкивались с невозможностью устроить свою жизнь на месте службы. Так, например, в январе 1760 г. воевода Сургута М. М. Маврин просил о переводе в Енисейск, который был не только провинциальным центром, но и богатым торговым городом, где ежегодно проводилась пушная ярмарка. Воевода отмечал:

> *…За неимением в городе Сургуте про мой домовой обиход провизии з женою и з детьми пробыть никак невозможно, ибо в том городе Сургуте жительством имеетца казаков 106 человек да разночинцов, положенных в подушной оклад, 322 души, в том числе казаков 56 человек. А более других чинов, то есть посадских, цеховых, никого в том городе не имеетца; кои состоят весьма люди бедные и скудные, но едва и сами с женами и с детьми питание имеют, а другие большей частью скитаютца меж двор, просят милостыню*[254].

М. М. Маврин особо отмечал, что из-за бедности населения в Сургуте «судных челобитчиковых дел не имеетца», и, соответственно, нет основного источника дохода: «питание мне, рабу вашему… иметь не у чево, отчего я, раб ваш, претерпел немалую скудость»[255]. Бедность жителей Сургута отмечалась также в рапорте управляющего сибирским отделением тобольскому гражданскому губернатору от 13 марта 1825 г.[256]

Не случайно обер-штер-кригс-комиссар Г. М. Осипов в уже упоминавшемся рапорте 1779 г. о состоянии Сибири обратил внимание на «бедственное» положение вдовы комиссара Пелыма Трифона Попова, которая не могла взыскать с жителей города и уезда 8 тыс. руб. – долги, оставшиеся «за смертью мужа»[257]. На основе этого дела он заключил, что «честным образом

---

[251] Древний город на Оби: история Сургута. С. 169–170; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 200.

[252] Древний город на Оби: история Сургута. С. 169.

[253] Там же. С. 176–177.

[254] Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. № 200. С. 523–524.

[255] Там же.

[256] Там же. № 226. С. 564–566.

[257] Т. Попов был дворянином из Европейской части России. Начал карьеру военным. Дослужился до чина секунд-майора. Служил в воеводских канцеляриях Сургута и Пелыма, а затем стал асессором Тобольской палаты уголовного суда. Владел деревнями в Вологодском, Ярославском, Голштин-

и без угнетения жителей нажить сего» капитала невозможно. Обер-штер-кригс-комиссар также отметил одну из причин создавшегося положения: «большая часть волостных управителей и комисаров по местам своим определенного жалования ниоткуда не имеют»[258].

Подчинявшиеся воеводам канцелярии были небольшими по штатам. По ведомостям 1726 г. в Пелыме, Сургуте и Берёзове числилось по два копииста и одному канцеляристу[259]. В некоторых уездах их штат оставался неизменным и в начале 1740-х гг. В ведомости приведенных к присяге в Берёзове 1741 г. значились канцелярист Федор Неволин, подьячие Терентий Акулов, Иван Баженов и таможенный подьячий Никита Шахов. Кроме того, в документе был отмечен бывший подьячий Афанасий Миремянин[260]. В 1750-е гг. штат делопроизводителей Берёзовской воеводской канцелярии был расширен. В ней работали канцелярист Прохор Барышевский, подьячий с приписью Василий Старков, копиисты Андрей Шарапов, Андрей Протопопов и Леонтий Шахов[261].

Анализ фамильного состава канцелярских служителей Берёзова показывает, что здесь наряду с представителями династии делопроизводителей (Шаховых) служили выходцы из других социальных групп[262]. Состав фамилий отличается разнообразием. К сожалению, ограниченность источниковой базы не позволяет провести реконструкцию социального портрета делопроизводителей. Тем не менее, следует предположить, что часть из них происходила из числа служилых людей, подтверждением чему служит пример подьячего с приписью Василия Старкова: его однофамильцами, также проживавшими в Берёзове, были служилый казак с семьей (Алексей Старков) и «казачьи капралы» (Иван и Яков Старковы)[263]. Кроме того, в документах Берёзовской воеводской канцелярии неоднократно упоминаются казаки и казачьи дети, умеющие писать (например, казачий писарь Стефан Котельников)[264].

В 1740 г. в Сургуте из 165 «обывательских дворов» два принадлежали приказным подьячим и один – таможенному подьячему[265]. Это соответствует количеству делопроизводителей, упомянутому в росписном списке Сургута за 1741 г.: один подканцелярист (Алексей Стефанов/Степанов), один подьячий (Козьма Зыков) и один подьячий в таможне (Василий Кайдалов)[266]. Документы Сургутской воеводской канцелярии этого периода позволяют реконструировать деятельность секретаря Якова Андреева (1736–1740 гг.), таможенного подьячего Василия Кайдалова (начало 1740-х гг.), копииста Ивана Кондратьева, который был прислан из губернского центра с управителем за воеводу Ефимом Денисовым, занимавшимся следствием по делу о злоупотреблениях воеводы М. И. Миклашевского (1741 г.), а также канцеляристов Григория Струкова и Ивана Борисова (начало 1740-х гг.)[267]. Можно заметить, что в среде делопроизводителей начинала развиваться специализация. Так, например, в 1741 г.

ском, Штатском и Керенском уездах. См.: Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII – середине XIX в. С. 60, 68.

[258] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 57. Л. 6–6 об.

[259] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 124.

[260] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 2; РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

[261] Там же. Д. 2. Л. 89 об., 96 об., 103, 113–113 об., 160, 164, 219, 253, 300, 300 об., 444 об.

[262] Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 115, 117.

[263] Там же. С. 117, 120; РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 245.

[264] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 79–83 об., 306 об., 444 об.; 1. Д. 27. Л. 3–3 об.; Д. 40. Л. 1.

[265] Древний город на Оби: история Сургута. С. 163.

[266] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29. Л. 290, 293.

[267] Там же. Д. 1. Л. 43, 66 об.; Д. 3. Л. 37 об.; Д. 14. Л. 37; Д. 29. Л. 2–4, 290, 293.

у приема челобитных в Сургутской воеводской канцелярии находился присланный из Тобольска подьячий Козьма Зыков, а также имелся надсмотрщик крепостных дел[268]. Таким образом, корпус делопроизводителей Сургута был шире, чем это было прописано в штате 1726 г. В него также входили лица, присланные в город на время.

Как можно увидеть, количество делопроизводителей, трудившихся в воеводских канцеляриях, всегда было скромным. Между тем, нужды бюрократической машины росли, что требовало неизбежного увеличения числа канцелярских служителей. Некоторые из них работали пищиками вне штата. Часть умеющих читать и писать трудилась в качестве писарей при органах самоуправления социальных групп, составлявших население югорских городов. В целом малочисленность штата делопроизводителей воеводских канцелярий не создавала большого числа возможностей для выделения внутри них структурных подразделений, что имело место в других воеводских канцеляриях Сибири, где, как отметили Д. А. Ананьев и М. О. Акишин, наблюдался рост специализации и профессионализации столов и повытий[269]. Тем не менее, на примере состава канцелярских служителей Сургутской воеводской канцелярии можно увидеть, что в ней имелся подьячий «у приема дел». Кроме того, в Сургуте функционировала крепостная контора.

Управительская канцелярия Самаровского яма

Наряду с воеводами и управителями, руководившими уездами, властные полномочия также имели управители Самаровского яма, долгое время входившего в состав Тобольского подгородного дистрикта (рис. 2.18). Если в XVII в. Самаровым и его округой управляли приказчики, то в XVIII в. это стали делать управители. Указ от 30 июня 1728 г. утверждал «новый» порядок управления ямщиками: «между ямщиками суд и расправу чинить определенным от Ямской канцелярии, и на управителей ямщикам бить челом в Ямской канцелярии, а губернаторам и воеводам в тот суд не вступать»[270]. Самаровская судная изба, находившаяся в подчинении Тобольской воеводской канцелярии, сменилась Самаровской управительской канцелярией[271]. В зимнее время резиденция управительской канцелярии переезжала из Самарово в Демьянский ям[272].

Несмотря на норму указа, как и воеводы, управители могли назначаться Сенатом или Тобольской (Сибирской) губернской канцелярией[273]. Управителем мог стать как присланный из столицы отставной военный, так и сибирский дворянин. Основным требованием к назначению было согласование его кандидатуры с Ямской канцелярией (1722–1782 гг.)[274]. Канцелярию при управителе составляли «умеющие грамоте» местные жители – «ямщицкие» писари. Кроме того, в Самаровскую управительскую канцелярию для выполнения различных поручений регулярно присылались служилые люди из Сургута. Во второй половине XVIII в.

---

[268] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29. Л. 293; Д. 2. Л. 30, 37 об.; Д. 30. Л. 1 об., 2 об., 3 об.

[269] Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. С. 73, 153; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 164.

[270] ПСЗ-1. Т. 8. № 5299.

[271] История населенных пунктов Югры. С. 145.

[272] Там же.

[273] Лопарев Х. Самарово. Село Тобольской губернии и округа : Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896. С. 25.

[274] Там же. С. 25–26; ПСЗ-1. Т. 12. № 9319.

при управительской канцелярии всегда находилось по шесть казаков, сменявшихся каждые полгода для выполнения разных поручений[275]. В частности, служилые люди трудились на Самаровской таможне, просуществовавшей в населенном пункте до 1789 г., и были счетчиками денежной казны[276].

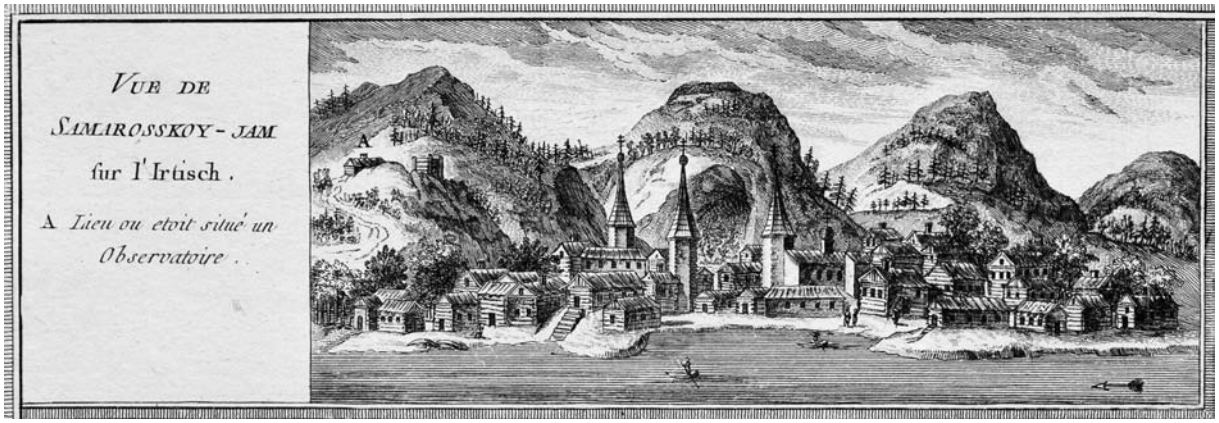


Рис. 2.18. Неизвестный художник. Вид на Самаровский ям. 1740–1780. Из собрания ГХМ. ГХМ 530

В начале 1780-х гг. Самаровская управительская канцелярия была упразднена. Самаровский ям преобразовали в село, которое в 1786 г. стало центром волости[277].

Полиция

Среди документов, созданных в период руководства Берёзовым и его округой В. Моисеевым, интересен комплекс материалов, связанных с получением указа от 29 апреля 1753 г. о запрете нищим шататься без дела[278]. Указ отложился в печатном и рукописном вариантах. К нему также относятся копия рапорта о получении, высланная в Сибирскую губернскую канцелярию 23 августа 1753 г., приговор с рукоприкладством воеводы о исполнении указа и помета о копировании нормативно-правового акта и отсылке одного экземпляра городничему с рапортом об исполнении[279]. Упоминание городничего примечательно и свидетельствует о существовании этого должностного лица в Берёзове до начала проведения губернской реформы Екатерины II. В 1730–1760-е гг. в Берёзове, как и в других сибирских городах, была возрождена традиция назначения городничих при воеводе, имевшая место в городах России в XVI – начале XVIII в.[280]

Городничие допетровской эпохи отвечали за поддержание общественного порядка, а также следили за состоянием городовых укреплений и городовых припасов[281]. В Берёзове долж-

[275] Древний город на Оби: история Сургута. С. 152.

[276] Лопарев Х. Указ. соч. С. 33; Древний город на Оби: история Сургута. С. 153.

[277] История населенных пунктов Югры. С. 145–146.

[278] ПСЗ-1. Т. 13. № 10095.

[279] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 161–165.

[280] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 173.

[281] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1880. Т. 1. С. 381; Сторожев В. Н., Яновский А. Е. Городничий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : [в 86 т.].

ность городничего была учреждена в 1736 г. с целью обеспечения общественной безопасности и порядка. Возможно, это было сделано в ответ на получение указа о создании полиции от 23 апреля 1733 г. «Об утверждении полиции в городах», который заложил основы для создания полиции в губернских и провинциальных центрах страны[282]. На должность городничего был назначен берёзовский казак Иван Кузнецов, который для лучшего понимания круга своих полномочий был снабжен копиями инструкции Московской полицмейстерской канцелярии от 10 декабря 1722 г. и «Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам» 1728 г. И. Кузнецов отправлял должность городничего до 13 марта 1758 г. «под ведомством здешней канцелярии». После получения указа о создании в городе полиции он был «отрешен и отослан к казацкой команде, а на место ево к полицейской должности определен из берёзовских детей боярских Александр Кашпирев»[283]. 28 января 1759 г. занявший должность воеводы в 1757 г. Е. А. Шапошников просил Сибирскую губернскую канцелярию, что «впредь в городе Берёзове за малолюдством здешняго народа быть особливо учрежденной полиции не должно, а надлежит быть по-прежнему одному городничему под ведомством здешней канцелярии»[284]. Несмотря на эту просьбу, Берёзовские полицейские дела продолжили свое существование до начала проведения административных реформ Екатерины II в Сибири[285]. В 1761 г. их возглавлял сын боярский Михаил Лихачев[286]. Как правило, помощь в осуществлении полицейских функций оказывали выбранные из местного сообщества – сотские и десятские[287].

В отличие от Берёзова, в Сургуте в начале 1760-х гг. полицейские функции по-прежнему были возложены только на городничего. По-видимому, это было связано с меньшей численностью русского населения города и уезда. В частности, в 1763 г. «у корчемства и у исправления городничих дел» находился один и тот же служилый человек[288].

Управление служилыми людьми

В историографии неоднократно упоминалось о большой роли самоуправления в среде служилых людей Югры. Н. А. Миненко отметила, что они имели вес и оказывали влияние на принятие решений, касавшихся жизни города и уезда. Долгое время служилые люди составляли основу населения югорских городов. Лишь к концу XVIII – началу XIX в. в населенных пунктах Северо-Западной Сибири увеличилась доля лиц, представлявших другие социальные общности. Корпорация служилых людей региона являлась относительно стабильной с точки зрения фамильного состава на протяжении всего XVIII столетия и была источником формирования новых социальных групп[289].

СПб., 1890– 1907. Т. 9. С. 312; Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI века. М. ; Л., 1957. С. 21, 35–197.

[282] ПСЗ-1. Т. 9. № 6378.

[283] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 342–342 об.

[284] Там же. Л. 285–285 об., 342 об. –343.

[285] Там же. Л. 421 об.

[286] Там же. Л. 444 об.

[287] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. С. 174.

[288] Древний город на Оби: история Сургута. С. 152.

[289] Миненко Н. А. Русские старожилы Югры // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы. С. 266; Древний город на Оби: история Сургута. С. 165.

Служилые люди Сибири являлись отдельной социальной группой, отличной от служилых людей Европейской части России. Их количество регулировалось государством при помощи штатов (штатного расписания), в соответствии с которым служилым людям выплачивалось денежное, хлебное и соляное жалование[290]. Среди служилых людей выделялись сибирские дворяне, дети боярские и казаки. Кроме того, вне штатов находились казачьи дети, которые также время от времени использовались для выполнения тех или иных заданий власти. Штаты периодически корректировались исходя из насущных задач, определявших перераспределение служилых людей между городами и крепостями Сибири. Так, например, по штатам 1725 г. в Берёзове следовало быть 308 казакам, а в Сургуте – 150. В действительности в 1725 г. в Берёзове имелись один атаман, два сотника, 222 рядовых казака и пушкаря. В Сургуте – 171 чел.: один пятидесятник и 170 казаков и пушкарей[291]. В 1737 г. в связи с ориентацией власти на освоение Южной Сибири штаты Северо-Западных городов сократили. В Берёзове следовало оставить 165 чел., а в Сургуте – 126[292]. В последующие годы штаты были практически неизменными. Например, в 1761 г. казачья команда Берёзова насчитывала 156 чел.[293]

Круг административно-полицейских обязанностей служилых людей, проживавших на югорских землях, был широк. Из них выбирались таможенные служители, счетчики в канцеляриях, целовальники, ответственные за сбор ясака и пошлин, определялись курьеры, сторожа и служители на годовых заставах в ясачные волости[294]. Казаки и дети боярские отправлялись в длительные командировки в ясачные волости и на южные рубежи Сибири, участвовали в несении военной службы в других городах и уездах[295]. Служилые люди выполняли полицейские функции и были толмачами[296]. Сургутские казаки, например, часто сопровождали научные экспедиции и православные миссии, участвовали в подавлении бунтов ясачного населения[297].

Как можно увидеть из этого перечня, служилые люди Северо-Западной Сибири были не только военными, но и администраторами. Они представляли власть в ясачных волостях в качестве годовальщиков и назначались приказчиками небольших острогов (например, Обдорского острога Берёзовского уезда)[298]. Кроме того, в течение всего XVIII в. казаки и сибирские дети боярские направлялись «служить при разных должностях» в Тобольск и другие населенные пункты. В частности, в 1762–1795 гг. при Самаровской управительской канцелярии на разных позициях находилось по шесть сургутских казаков «в каждые полгода с переменою»[299]. Военные и административные командировки могли затянуться на несколько лет.

До 1748 г. городовые казаки состояли в подчинении Сибирского приказа. В 1748–1753 гг. они находились в ведении Сибирской губернской канцелярии. В 1753–1797 гг. решения о служилых людях Северо-Западной Сибири и их штатах принимал тобольский обер-комендант,

---

[290] Древний город на Оби: история Сургута. С. 139.

[291] Миненко Н. А. Русские старожилы Югры. С. 258–260.

[292] Там же. С. 260.

[293] Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 120.

[294] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3. Л. 11; Д. 14. Л. 25.

[295] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 227; РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 79–83 об.; Д. 44. Л. 8–11 об., 26.

[296] Древний город на Оби: история Сургута. С. 153.

[297] Там же. С. 151–152.

[298] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 300 об.; Д. 27. Л. 3–3 об.

[299] Древний город на Оби: история Сургута. С. 152.

с 1797 г. – тобольский гражданский губернатор. На местах они подчинялись воеводам, комендантам или комиссарам, с 1782 г. – городничим[300].

По документам 1750–1760-х гг. прослеживается деятельность Берёзовских казацких и полицейских дел. По-видимому, эта структура напрямую подчинялась воеводской канцелярии, из которой сюда поступала информация об указах, полученных из Тобольской губернской канцелярии, а также указы воеводы или управителя, созданные в ответ на распоряжения из центра[301]. Через Берёзовские казацкие и полицейские дела происходило направление служилых людей для сбора ясака, в качестве годовальщиков, целовальников и пищиков, принимались решения о выборе городничего или полицмейстера, направлении казаков для охраны и патрулирования улиц в ночное время[302]. Для ведения текущего документооборота при Берёзовских казацких и полицейских делах состояло два писаря (пищика) Стефан Котельников и Дмитрий Красенин. Оба делопроизводителя происходили из среды сибирских служилых людей[303]. Как правило, они получали распоряжения из воеводской канцелярии, касавшиеся деятельности этого учреждения.

По-видимому, деятельность казацких и полицейских дел дополнялась решениями, принимавшимися казаками и сибирскими детьми боярскими на общих собраниях. В документах, датируемых началом 1740-х гг., Берёзовские казацкие и полицейские дела не упоминаются. Указы от берёзовского воеводы Д. Молокова были адресованы атаману, сотникам и пятидесятникам[304]. В соответствии с традициями общинного самоуправления предыдущих столетий служилые люди Сибири представляли собой единое сообщество, которое делилось на десятки и сотни[305]. Решением внутренних вопросов сообщества и регулированием конфликтов в них занимались атаманы, сотники, пятидесятники и десятники[306]. Несмотря на то, что такая организация была удобна для воеводы как представителя власти на местах, на рубеже XVIII–XIX вв. служилые люди умело использовали структуры самоуправления, когда требовалось напомнить о выдаче жалования или решить другие насущные вопросы, дать отпор гражданской администрации, пытавшейся вмешаться в их внутренние дела[307].

Органы (само)управления

Наряду со служилыми людьми структуры общинного (само)управления существовали и у других социальных групп. Судя по документам, выборные старосты имелись у немногочисленного посадского населения, разночинцев, крестьян и других социальных общностей[308]. Анализ материалов Берёзовской воеводской канцелярии показал, что все эти (само) управляющиеся группы получали из воеводской канцелярии именные и сенатские указы,

---

[300] Древний город на Оби: история Сургута. С. 154; Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 110.

[301] См., например: РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 478, 491.

[302] Там же. Л. 300 об., 500–500 об., 502 и др.

[303] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 85, 444 об.; Миненко Н. А. Русские старожилы Югры. С. 263.

[304] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–3 об.

[305] Там же. Д. 2. Л. 245–246.

[306] Там же. Д. 2. Л. 91–96 об.; Д. 27. Л. 3–3 об.

[307] Древний город на Оби: история Сургута. С. 155–157; Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 110; РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1. Л. 60–60 об.; Д. 10. Л. 49 об.

[308] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 215.

а также указы из Тобольской губернской канцелярии. В частности, в 1750–1760-е гг. берёзовский воевода регулярно давал распоряжения о передаче копий указов старостам разночинного населения города[309]. В 1753 г. старостой от разночинцев значился Петр Козлов[310]. В 1755 г. им был неграмотный Осип Редозубов (при оглашении указа о сбережении лесов за старосту приложил руку казак Иван Соболтин)[311]. В 1761 г. старостой разночинцев являлся знавший грамоту Михей Шадрин[312]. Как и служилые люди, разночинцы выбирали десятских («десятников») и сотских («сотников»)[313].

Стоит отметить, что разночинцы находились в тесной связи с представителями служилого населения городов и уездов Северо-Западной Сибири. В эту категорию, как правило, попадали их родственники и дети, ожидавшие назначения на «убылые» места в соответствии со штатом[314]. Так, например, по сообщению губернатора Д. И. Чичерина, в 1760-е гг. в Берёзове числился 151 разночинец, в Сургуте – 193, в Пелыме – 69[315]. Во второй половине XVIII – начале XIX в. их количество сравнялось или даже превышало число служилых людей, установленных штатами 1737 г. Правда, следует принимать во внимание, что граница между служилыми людьми и разночинцами была прозрачной. В статистику могли закрасться ошибки, связанные с плохим различением служилых и разночинцев.

С начала 1750-х гг. в документах Берёзовской воеводской канцелярии встречаются упоминания выборных от посада. Примечательно, что в документах за 1753 и 1761 гг. содержатся сведения, что у посадских дел находился выборный сын боярский Матвей Баженов. По-видимому, М. Баженов был малограмотным, так как однажды по его прошению в получении указа расписался казак Иван Протопопов[316]. Нахождение служилого человека во главе посадских дел показательно. В первую очередь оно свидетельствует о незначительности посадского населения в регионе. В частности, в 1782 г. в Берёзове было зарегистрировано восемь купеческих семей, три из которых были семьями местных старожилов[317]. Торговля и ремесло постепенно становились основным занятием некоторых выходцев из сибирских служилых людей, которые, в отличие от других регионов, выбирались на все посадские должности.

Несмотря на почти полное отсутствие посада, в результате реформ начала 1720-х гг. в югорских городах появляются магистраты. Они были созданы в Берёзове и Сургуте. В Пелыме магистрат не был организован. Как уже упоминалось выше, магистраты Берёзова и Сургута включали одного бургомистра и двух ратманов, которые выбирались служилым населением города[318]. В конце 1720-х гг. магистраты в России были ликвидированы. С 1743 г. их заменяли ратуши, находившиеся в подчинении воеводы. Правда, в городах Северо-Западной Сибири ратуш или магистратов не было создано.

---

[309] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 214, 245–246, 440, 444 об., 478, 491.

[310] Там же. Л. 124.

[311] Там же. Л. 246.

[312] Там же. Л. 444 об.

[313] Там же. Л. 246.

[314] Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д. А. Редина. СПб., 2018. С. 349–351.

[315] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 88 об.

[316] Там же. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 124, 444 об.

[317] Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 122–123.

[318] Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства. С. 273–274; Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 109.

Возрождение ратуш и магистратов произошло после 1782 г. В югорских землях ратуша была организована только в Берёзове. В состав ее присутствия входили один бургомистр и четыре ратмана; им подчинялись городовые старосты[319]. Однако, по данным В. А. Воропанова, это нововведение не получило развития[320]. В 1806 г. по ходатайству Тобольского губернского правления Сенат принял решение о сохранении подсудности жителей Берёзова Тобольскому магистрату, как это было в Сургуте[321].

Учреждения и должности, которые традиционно занимались посадскими в Европейской части России, в городах Северо-Западной Сибири находились в руках служилых людей. Они служили на таможнях (таможенные головы) и на таможенных заставах, были бурмистрами и их товарищами при винном откупе[322]. В частности, для приема «простого вина на продажу» с Усть-Миасских винокуренных заводов в декабре 1741 г. «за воеводу» Сургута Ефим Денисов распорядился «для приему того вина определить из сургуцких казаков в целовальники против прежних примеров, сколько человек пристойно за выбором и за присягою людей добрых и не подозрительных». Для этих целей общество сургутских служилых людей выбрало «в головы – Ивана Тверетинова, в ларешные – Афанасья Федулова, в целовальники – Василья Панкина, Леонтья Попова, Григорья Вергунова Меньшева, Григорья Табанакова»[323]. В ноябре 1752 г. берёзовским бурмистром, отвечавшим за винный откуп, был казачий десятник Федор Ослопов[324].

В Самаровском яме также существовала мирская организация[325]. О существовании здесь выборных старост писал в 1740 г. Г. Ф. Миллер[326]. Ее основу составляли ямщики Самарова и деревень, находившихся в его окрестностях. Наряду с ямщиками в Самарово проживали крестьяне и разночинцы. Так, например, в 1760-е гг. в яме было зарегистрировано 80 разночинцев[327]. С большой долей вероятности крестьяне и разночинцы имели родственные связи с семьями ямщиков, количество которых также определялось государством и находилось в ведении Ямской канцелярии.

Таким образом, органы мирского самоуправления играли большую роль в регулировании повседневной жизни обществ Северо-Западной Сибири. Как можно заметить, каждая социальная общность имела возможность решать свои внутренние проблемы самостоятельно и была заинтересована в поддержании и сохранении существующего порядка управления. Тем не менее, следует еще раз отметить, что такой порядок был выгоден представителям и центральной, и региональной власти, которая ввиду дефицита бюджета стремилась сохранить за органами самоуправления некоторые административные и полицейские функции. Несмотря на определенную степень самостоятельности, в течение XVIII в. происходи-

---

[319] Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 109–110; Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII – середине XIX в. С. 57.

[320] Воропанов В. А. Органы юстиции в политике фронтирной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775–1864) : дис. … д-ра ист. наук. Оренбург, 2022. С. 96.

[321] Там же. С. 107; ПСЗ-1. Т. 29. № 22217.

[322] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 112, 114; Ф. 800. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

[323] Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3.

[324] Там же. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

[325] Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 13 об.

[326] Лопарев Х. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. С. 25; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. С. 216.

[327] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 88 об.

ло дальнейшее подчинение общинных структур государству. В югорских землях это было особенно заметно на примере органов городского управления, искусственно созданных в Берёзове и Сургуте. «Посадские дела» являлись частью обязанностей служилых людей и подвергались жесткой регламентации, находились под контролем воеводской канцелярии. Схожие процессы наблюдались в разночинной среде, которая находилась в тесных отношениях со служилым населением уездов Северо-Западной Сибири.

Все это было обусловлено особенностью административной структуры региона. Воеводская (а затем комиссарская) канцелярия оставалась практически единственным органом власти, представлявшим монарха в югорских уездах. Несмотря на многофункциональность, воеводы и комиссары Берёзова, Пелыма и Сургута не имели в своем подчинении большого штата канцелярских служителей, на которых можно было бы опереться для оперативного решения повседневных вопросов. Большую роль в управленческих процессах продолжали играть служилые люди, что являлось продолжением традиций администрирования сибирских уездов XVII столетия.

Глава 5

Управление краем в 1782 – 1820-е гг.: от «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» к «Учреждениям для управления сибирских губерний»

Административное законодательство и югорские уезды

Губернская реформа Екатерины II, основывавшаяся на идеях просвещенного абсолютизма и полицейского государства, должна была служить «общей пользе», установлению и поддержанию «доброго порядка». Обеспечить благосостояние государства, «тишину и безопасность», устранить такие широко распространенные нарушения, как «медленность, упущения и волокита», должно было «точнейшее исполнение… узаконений»[328]. Преобразования последней четверти XVIII в. имели целью рационализацию судопроизводства и повышение эффективности работы местной администрации.

Основной закон губернской реформы «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. (далее – «Учреждения») предусматривал разукрупнение административно-территориальных единиц, разграничение сферы компетенции административных, финансовых и судебных органов власти и создание густой сети судебных и административных структур. До 1775 г. на территории Российской империи в подчинении губерний находилось 270 уездов и 66 провинций; к концу же правления Екатерины II существовало девять областей и 493 уезда[329]. Согласно новому закону, в губернии должно было числиться не более 400 тыс. и не менее 300 тыс. д. м. п., а в уезде – не более 30 тыс. и не менее 20 тыс. д. м. п.; этнокультурные и экономические особенности территорий не учитывались.

---

[328] ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

[329] Правом, предоставленным ст. 15 «Учреждений» разделять административные единицы описанным образом, пользовались в основном в территориально крупных, но малонаселенных районах на окраинах страны. Области существовали в составе Вологодской, Пермской, Костромской, Уфимской, Кавказской, Тобольской и Иркутской губерний. См.: Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. С. 337; Ефремова Н. Н. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). М., 1993. С. 115–148; Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1. С. 49–56; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 456.

Масштабность проекта привела к колоссальному расширению управленческого аппарата в провинциях империи, о чем свидетельствуют штаты 1796 г. В зависимости от состава местного населения в губернских городах теперь следовало функционировать девяти административным и правоохранительным органам: генерал-губернаторскому, или наместническому правлению, казенной, уголовной и гражданской палатам, совестному суду, верхнему земскому суду, губернскому магистрату, верхней расправе и Приказу общественного призрения. Что касается уездных городов, то законодателем было предусмотрено от пяти до семи присутственных мест: правление городничего, уездное казначейство, нижний земский суд, уездный суд, дворянская опека, городовой магистрат и нижняя расправа[330]. Тем самым, преобразования последней четверти XVIII в. привели к увеличению количества гражданских чиновников в региональном управлении. Их число возросло от 12 712 служащих в 1774 г. до 22 тыс. в 1781 г., а к концу правления Екатерины II на гражданской службе состояло 27 тыс. чел.[331]

Согласно первоначальному замыслу авторов «Учреждений», коренной модернизации должны были подвергнуться лишь управление и юстиция центральных губерний. Их реалии и потребности служили образцом при разработке законодательного акта. Решение распространить реформы на окраины государства было принято только в начале 1780-х гг.[332] В восточных регионах страны, безграничные просторы которых до сих пор находились под общим управлением Казанской и Сибирской губерний, правительство столкнулось с совершенно иными социально-экономическими условиями, с другими культурой и этическими представлениями. Также от Европейской России отличались структура и состав местного населения, для интеграции которого в административную и правовую систему государства требовались существенные модификация и дополнение концепций, функционировавших в других регионах.

Правительство осознало смелость принятого решения. Воплощение в жизнь узаконений, задуманных императрицей и ее советниками «в камерной обстановке», оказалось нелегким заданием даже в расположенных в относительной близости от столиц губерниях, несмотря на то, что они располагались в густонаселенной зоне помещичьего землевладения с высокой долей дворянского населения и достаточным количеством городов, способных взять на себя роль полновесного уездного центра.

В Азиатской России, ставшей лишь сравнительно недавно, с упразднением Сибирского приказа в 1763 г., полноценной частью империи и находившейся до начала 1780-х гг. под особым воеводским управлением, подобных условий не было. Здесь практически не было представителей благородного сословия, и в большинстве городов, если их можно было назвать таковыми, насчитывалось менее 500 ревизских душ[333]. К тому же и остальная

---

[330] ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. № 17498. С. 253–257. Эти предписания не могли быть реализованы во всех регионах по причине гетерогенной структуры населения. Отклонения от нормы наблюдались в губерниях Европейского Севера и на востоке страны из-за низкой доли дворянства среди местного населения. Для сравнения см. работу В. А. Григорьева о проблемах, которые возникали при установлении штатов в наместничествах Вятки и Перми, а также Колыванской области: Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 223–237.

[331] Jones R. E. Catherine II and the Provincial Reform of 1775: a Question of Motivation // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. 4, № 3. P. 511.

[332] Бабенко В. Н. Судебная система России : История и современность. М., 2007. С. 102.

[333] Утверждение специалиста по статистике К. Ф. Германа, что «многие места называются городами единственно по важности оных в рассуждении управления, рекрутских наборов, собирания

часть обитателей региона, как русских, так и инородцев, по своеобразию своего состава плохо вписывалась в новую концепцию, исходившую из простого расклада, четко разграничивавшего городские и сельские, податные и неподатные группы населения. Так называемые «гибкие реакции», как, например, принятие решения в Тобольском, Колыванском и Иркутском наместничествах не учреждать уездный суд, верхний земский суд и дворянские опеки вследствие отсутствия дворянских имений, а также заменить сословные суды для дворян нижними и верхними надворными судами, которые бы обладали юрисдикцией в отношении государственных служащих, являлись попытками адаптации к местным потребностям[334]. Они облегчали административную ситуацию, но по-настоящему устранить проблему не смогли.

За показным оптимизмом, который демонстрировал генерал-губернатор Пермский и Тобольский Е. П. Кашкин, отрапортовавший в Санкт-Петербург, что «с самого завоевания Сибири узаконенного устройства по течению дел с должным порядком вводимо не было; только с открытием в начале 1780-х годов наместничеств удалось установить должную законность в деятельности местных властей»[335], скрывались, скорее всего, сомнения (рис. 2.19). О том, что «Учреждениями», разработанными «для Всероссийской империи», нельзя управлять «Сибирским царством», как назвала Екатерина II в 1764 г. расположенную за Уральским хребтом территорию, законодатель догадывался с самого начала[336]. Еще в указе «Об учреждении Колыванской области» от 1 мая 1779 г. подчеркивалась временность внедрения управленческой системы по образу законодательного акта 1775 г. «на сию отдаленную часть» и давалось обещание скорого издания специальной инструкции, учитывавшей нужды этого обширного края[337].

Рис. 2.19. Неизвестный художник. Е. П. Кашкин, генерал-губернатор пермский и тобольский. 1784–1796 гг. Пермский краеведческий музей. № в ГК 39162068. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39376323

Однако известно, что не бывает ничего более постоянного, чем временное. Разработанное М. М. Сперанским «Учреждение для управления Сибирских губерний», которое в Азиатской части России должно было заменить екатерининский закон 1775 г., Александр I подписал только 22 июля 1822 г.[338] В промежуточный период, длившийся в Сибири ровно 40 лет, краем зачастую управляли по принципу решения проблем по мере их поступления. Последствиями этого явля-

податей, отправления правосудия и, наконец, для облегчения крестьян, кои часто принуждены бывают ходить за 500 верст» подходит и для Северо-Западной Сибири. Цит. по: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб., 2015. Т. 1. С. 793.

[334] ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. К № 15334; Воропанов В. А. Этнокультурный вопрос в судебной политике Екатерины II // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7. С. 34–42.

[335] Цит. по: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 478.

[336] Прутченко А. С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства : ист.-юридич. очерки. СПб., 1899. С. 68.

[337] ПСЗ-1. Т. 20. № 14868. С. 815; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 51.

[338] ПСЗ-1. Т. 38. № 29124, № 29125, № 29126.

лись злоупотребления и произвол на всех уровнях местной администрации, что в итоге поставило вопрос о провале правительственного проекта. Административно-территориальные преобразования Павла I 1796–1797 гг., а также попытки их корректировки, предпринятые сибирским генерал-губернатором И. О. Селифонтовым в начале следующего столетия (1803–1804 гг.), носили преимущественно косметический характер. Перетасовка административно-территориальных единиц и переименования функционировавших в них государственных органов власти не решили главных проблем, стоявших перед ответственными лицами регионального управления: как преодолеть всеобщий дефицит людских и материальных ресурсов, какие способы и механизмы задействовать для того, чтобы ожидания и требования законодателя совпали с действительной ситуацией.

Обусловленное событиями, происходившими в России первой половины 1990-х гг., в современной российской исторической науке изучение истории административных реформ стало своеобразной альтернативой советской истории классовой борьбы. На протяжении нескольких десятилетий исследование судебно-административных реформ последней четверти XVIII – первой половины XIX в. нашло отражение во множестве научных трудов различного вида, объема и характера. Они посвящены отдельным аспектам преобразований и написаны на основе материалов из разных регионов страны. Следует отметить, что в центре исследовательского внимания чаще всего оказывались не «коренные» губернии империи, а ее окраины. В частности, заметной популярностью пользовалась Сибирь[339]. В основном авторов этих работ объединяет попытка ответить на вопрос, как сложился непростой процесс реализации реформаторских замыслов на обширной зауральской территории, настолько отдаленной от столичных регионов, что почта, следовавшая из Санкт-Петербурга в Тобольск, самый западный губернский город Сибири, была в пути в среднем 60 дней.

Время изменилось, изучение темы отошло на второй план. Однако при всей любви российской исторической науки к описанию процесса реализации управленческих экспериментов в экстремальных условиях без отдельного исследования до сих пор остается административная система Северо-Западной Сибири. До сих пор не написано специальных работ, посвященных попыткам включения в имперское управленческое пространство Берёзовского и Сургутского уездов –

> *…края в составе Тобольской губернии, который по своей отдаленности от начальства, по обитанию в оном большею частью кочевых ясачных и по особенности местного управления ни во общего не в какое сравнение, а всеми прочими уездами сей губернии, также по неродному продовольствию, лежащему на попечении тобольского начальства*[340].

---

[339] См., например: Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России: вторая половина XVI – начало XX в. : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2008; Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата : дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003; Гриценко Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века : дис. … канд. ист. наук. Омск, 2005; Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005; Зубов В. Е. Административный аппарат Западной Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1997; Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995; Сивкова А. В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е гг. XVIII – 80-е гг. XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2006.

[340] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 1.

19 января 1782 г. Екатерина II подписала указ об учреждении Тобольского наместничества, и 30 августа того же года генерал-губернатор Е. П. Кашкин торжественной церемонией открыл присутственные места в губернском городе Тобольске (рис. 2.20). Вслед за главными учреждениями – наместническим правлением, казенной палатой, апелляционными и специализированными судами в 16 уездных центрах Тобольской и Томской областей – начали работу представительства основных ветвей государственной власти, правда, в усеченном и приспособленном к местным потребностям виде[341].

Рис. 2.20. Царский трон. Музей истории управления Сибири «Дворец наместника», ТИАМЗ (реконструкция). Фото А. Ю. Конева

Соответствующий комплект организаций появился в Берёзове и Сургуте осенью 1782 г. В обоих городах открыли отвечавшие за административно-полицейские и финансовые дела на уездном уровне нижний земский суд и казначейство. Присутствие первого должны были составлять капитан-исправник, табельный чиновник IX класса, два заседателя от дворянства (X класс), а также секретарь в ранге XIV класса. Местный «филиал» казенной палаты возглавлялся казначеем, имевшим чин IX класса[342]. Если говорить о представительстве коронной юстиции в северных уездах наместничества, в Берёзове функционировала нижняя расправа, компетентный сословный суд первой инстанции для лично свободного сельского населения[343]. Присутствие этого суда комплектовалось из назначенного расправного судьи IX класса и четырех сельских заседателей, избиравшихся членами сельских общин данного судебного округа сроком на три года[344].

---

[341] Журнал открытия Тобольского наместничества // Сибирские и тобольские губернаторы. С. 104, 119; ПСЗ-1. Т. 20. № 14392; Т. 21. № 15327; № 15555; Т. 44. К № 15334.

[342] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири : (Последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). С. 12–17.

[343] По предложению Е. П. Кашкина в «ясачных» уездах (Сургутском, Нарымском и Туруханском) не было создано нижних расправ. Генерал-губернатор аргументировал свое решение «дикостью иноверцев». См.: Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 112–115.

[344] ПСЗ-1. Т. 20. №. 14392. Ст. 35, 37, 50, 52, 7475, 335, 337, 351, 356, 358. Статус сельского заседателя, в отличие от представителей дворянства и городов, занимавших ранги VII–X классов, не предполагал предоставления чина. Вместо этого они получали ежегодное денежное вознаграждение в размере 60 руб. Распространение коронной юстиции на лично свободное крестьянство являлось одним из новшеств екатерининских реформ. В связи с этим место и восприятие роли сельских заседателей в региональной судебной системе были во многом неоднозначными, что нашло свое отражение в формулярных списках присутствия. В документы одних учреждений данные о сельских заседателях были включены, в других сведения о них отсутствуют. В коллективных формулярных списках рассматриваемого периода, хранящихся в ГА в г. Тобольске, сельские заседатели не упоминаются.

Территория Берёзовского и Сургутского уездов, омывавшаяся Северным Ледовитым океаном и граничившая на юге и востоке с Туринским, Тобольским и Томским уездами, а на западе – с Уральским хребтом, являлась такой же необъятной, как и безлюдной. На площади 836 120 кв. верст – или, более наглядно, на пятой части всего Тобольского наместничества – проживало приблизительно 20 тыс. чел., что соответствовало не более 4,5 % от всего народонаселения наместничества, составлявшего в 1790 г. 504 650 душ обоего пола[345]. Кроме того, Северо-Западная Сибирь была заселена преимущественно кочевыми и полукочевыми коренными народами. В начале рассматриваемого периода в Берёзовском и Сургутском уездах числилось 19 028 ясачных остяков и самоедов[346]. Соответственно, русских было еще меньше. По данным IV ревизии, податное население – экономические и государственные крестьяне, отставные солдаты, ямщики, – составляло 832 д. м. п. Кроме того, в регионе насчитывалось 159 церковнослужителей со своими семьями. Все они обитали в скудно разбросанных по территории селениях и монастырях[347].

В 1780-е гг. Берёзов и Сургут являлись скромными городками как по своей инфраструктуре, так и по количеству населения. В 164 обывательских домах Берёзова проживало 177 ревизских душ – государственные крестьяне (123), мещане (20), дворовые люди (20) и купцы (14), – а также казачья команда, состоявшая из 133 чел. В 156 обывательских домах Сургута размещалось 480 жителей; городского населения в узком понимании этого слова не было. Податное население, 217 ревизских душ, практически полностью составляли государственные крестьяне, остальные же принадлежали к казачьей команде[348]. Оба уездных города возглавили городничие[349].

Рассмотрим, как столичные узаконения, изначально имевшие целью повышение эффективности и качества в администрировании и судопроизводстве центральных губерний, прижились «на пределах обитаемого мира»[350]. Для оценки работоспособности органов суда и управления проанализируем влиявшие на их деятельность внешние и внутренние факторы, а также финансовые и правовые рамки, в пределах которых функционировали органы власти[351].

Кадровое обеспечение управления

Изучение деятельности органов власти следует начать с анализа кадровой проблемы, имевшей, как известно, два аспекта: количественный и качественный. Неудивительно, что в рассматриваемом регионе, как и везде на севере и востоке страны, где доля дворянства среди населения была низкой, рекрутировать подходящие кадры на новые должности, которые следовало заполнять чиновниками V–XIV классов,

---

[345] Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. Новосибирск, 1982. С. 35, 161, 166–167, 175, 178.

[346] Там же. С. 167, 178.

[347] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 46.

[348] Там же. С. 46; Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 126–127.

[349] ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 278–280, 283–292; Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 12–17.

[350] Цит. по: Линк И. В. Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Берёзове // ЖМВД. 1834. № 12. С. 221.

[351] См. например: Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг. С. 354; Хохолев Д. Е. Управление Пермским наместничеством (1780–1796 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 38.

было некем[352]. Невооруженным глазом видно, что надеяться выйти из положения собственными силами и комплектовать присутствия и канцелярии исключительно составом служащих из ликвидированных органов воеводского управления было нельзя. К концу XVIII в. в Тобольском наместничестве числилось 179 чиновников, при этом две трети из них (118 чел.) несли службу в уездных учреждениях[353] (рис. 2.21).

Рис. 2.21. Мундир чиновника Тобольского наместничества.
Рис. из кн. «Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров» (СПб., 1794). Л. 15

Ввиду выросшего спроса на кадры с опытом работы на гражданской службе лица, занимавшие ведущие посты в старых административных структурах, после 1782 г. были переведены из Сургутского, Тарского и Тюменского уездов в губернский центр. Здесь они заняли ключевые позиции в новых судебных учреждениях. Председателем Тобольской уголовной палаты, например, стал титулярный советник М. М. Черекашенинов, бывший воевода Берёзова и Якутска; асессорами в том же заведении служили секунд-майоры Т. Попов, ранее имевший службу в воеводских канцеляриях Сургута и Пелыма, и М. Хоктатов, бывший воеводский товарищ в Тюмени. На места асессора и советника верхнего надворного суда Тобольска назначили И. Пахомова, воеводского товарища в Таре, и А. Верещагина, ранее служившего воеводой Тюмени[354]. В этом контексте кажется логичным, что Г. Ф. Евсевьев, последний комиссар Берёзова, в первые годы проведения губернской реформы не остался на прежнем месте, а получил более значимый пост советника в верхнем надворном суде Тобольска, также страдавшего от «кадрового голода»[355].

Наша реконструкция картины обеспечения присутственных мест Берёзова и Сургута соответствующими штатам табельными чиновниками и канцелярскими служителями начинается, как на самом деле следовало бы, не с 1782 г., а только с 1784 г. – первого года после начала реализации реформы, когда новые состояния Тобольского наместничества были полностью отражены в «Адрес-календарях и месяцесловах Российской империи»[356]. Коллективные формулярные списки – более ценный для решения нашей задачи источник – оказались

[352] Готье Ю. В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. Т. 2. М., 1941. С. 279–281; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. : (Опыт целостного анализа). М., 2001. С. 432–433; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 461–463.

[353] Рабцевич В. В. К вопросу о социальном составе сибирской администрации в 80-х годах XVIII – первой четверти XIX в. // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975. С. 51.

[354] Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири. С. 59–60, 84.

[355] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб., 1784 (далее – Месяцеслов). С. 468; ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 2. Л. 385.

[356] Месяцеслов. 1784. С. 468–469.

доступны лишь с 1788 г. Возможно, причиной этому был случившийся в Тобольске в ночь на 28 апреля 1788 г. пожар, который, помимо обывательских домов, уничтожил и большинство казенных зданий[357]. Вместе с административными сооружениями были утрачены и хранившиеся в них архивы.

За период екатерининского правления в Берёзове на посту городничего сменилось четыре человека. В 1784–1786 гг. городничим был выходец из грузинского дворянского рода секунд-майор князь И. Чхеидзе, участник боевых действий 1760–1770-х гг. После его перевода на должность советника Тобольского верхнего надворного суда наместническое правление предприняло попытку вернуть в Берёзов коллежского асессора Г. Ф. Евсевьева[358]. Прибытие последнего к месту службы, однако, затянулось. Бывший воевода и комиссар Берёзова умер по дороге из Тобольска[359]. Место городничего несколько месяцев пустовало, после чего было решено командировать в Берёзов заседателя совестного суда премьер-майора Ф. Мишурова (1787–1789 гг.)[360]. Спустя два года премьер-майор был снова переведен в губернский центр, где его наградили за длительное пребывание на севере региона судейской должностью в нижнем совестном суде[361]. Последним городничим Берёзова этого периода (1789–1796 гг.) стал коллежский асессор И. Г. Евсевьев, родной сын Г. Ф. Евсевьева. Он являлся искушенным чиновником, имевшим опыт службы асессором казенной палаты (1782–1783 гг.) и верхнего надворного суда (1784–1785 гг.), а также главой городнических дел Енисейска (1786–1789 гг.), входившего в состав соседней Томской области[362].

Что касается Сургута, здесь также можно наблюдать попытки найти на пост руководителя города достойных кандидатов. В первую декаду проведения реформы городничими являлись капитаны А. Стерхов (1784–1787 гг.) и А. Литвинов (1787–1793 гг.), 56-летний судья нижнего надворного суда, происходивший из солдатских детей и прошедший долгий карьерный путь, начавшийся с должности ротного писаря[363]. Последние три года (1793–1796 гг.) городом на Оби управлял российский дворянин немецкого происхождения И. Герварт. После получения в середине 1770-х гг. серьезного образования в Морском кадетском корпусе он служил на Санкт-Петербургском почтамте, а в 1779 г. стал переводчиком Коллегии иностранных дел и недолгое время занимал вакансию почтмейстера в Курске (1780 г.). В 1782 г. И. Герварт был возвращен в Коллегию иностранных дел в должности секретаря. В 1785 г. наконец последовали его повышение в чин коллежского асессора и перевод в Сибирь. В начале 1790-х гг. И. Герварт служил в Колывани. После 1796 г. он был снова отправлен в восточные уезды страны. В 1805 г. коллежский асессор находился на должности городничего Туруханска[364].

Первым лицом в уезде являлся исправник. В Берёзове этот пост доверялся отставным офицерам – подпоручику И. Леонтьеву (1784–1790 гг.) и прапорщику А. Евсевьеву (с 1790 г.). Подчиненными им дворянскими заседателями служили также бывшие военные – сержант Т. Тельцын (1784–1796 гг.), подпоручик А Чечулин (1784 г.) и уже неоднократно упоминавший-

[357] Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири. С. 183.

[358] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 2. Л. 385.

[359] Там же. Л. 386.

[360] Там же. Л. 385.

[361] Там же. Д. 121. Л. 54–56.

[362] Там же. Л. 32–34.

[363] Там же. Л. 6–7.

[364] Там же. Л. 39–41.

ся А. Евсевьев (1787–1790 гг.). Затем на его место определили губернского регистратора Д. Кочетовского (1790–1796 гг.), бывшего стряпчего Тары[365].

До конца екатерининского периода Сургутский уезд находился в руках трех исправников: подпоручика (с 1786 г. титулярного советника) Д. Шмыгина (1784–1790 гг.), переведенного в 1791 г. в Ялуторовск на должность исправника, прапорщика И. Кожина (1791–1795 гг.) и титулярного советника С. Матвеева (1796 г.). Достаточно часто сменяли друг друга и прикрепленные к ним заседатели. Из последних, в отличие от Берёзовского нижнего земского суда, только прапорщик В. Комлевский (1784–1787 гг.) явился новичком на сибирской службе. Для казачьего атамана М. Ларионова пост заседателя оказался последним местом службы в длительной карьере, начавшейся в 1750 г. в ранге рядового казака на Колыванской линии[366]. Его преемник (1788–1794 гг.), выходец из тобольских дворянских детей Г. Кобяков, перевелся в Сургут с должности пристава казенной палаты[367]. После них вакансии дворянских заседателей укомплектовывались лицами, имевшими гражданские звания: сибирским дворянином Я. Силиным (1790–1795 гг.), достигшим ранга коллежского регистратора в 1795 г., титулярным советником И. Резановым (1795 г.) и его младшим родственником городским секретарем А. Резановым (1796 г.)[368].

В Берёзове, как уже говорилось, функционировала нижняя расправа. Судьями в ней до момента упразднения учреждения в конце 1796 г. числились четыре человека: дворяне М. Потанин (1784–1786 гг.) и А. Кашпирев (1786–1791 гг.), ставший сыном боярским еще в 1748 г. В 1764 г. он ушел в отставку по состоянию здоровья, но в условиях ситуации острого кадрового дефицита был возвращен на службу. В 1785 г. А. Кашпирев недолго занимал должность заседателя в нижнем земском суде Берёзова, и спустя год его назначили расправным судьей. За А. Кашпиревым, возглавлявшим орган суда до 1790 г., последовали еще два руководителя – городской секретарь И. Вяткин (1791–1792 гг.), отставленный по состоянию здоровья в сентябре 1792 г., и титулярный советник В. Резанов[369].

Вакансию уездного казначея в Берёзове в тот период занимали три чиновника: дворяне Р. Серебренников (1784–1786 гг.), Р. Сыромятников (1787–1795 гг.) и сменивший последнего в 1796 г. прапорщик Д. Колмаков. Стряпчим при учреждении первое время после его открытия (до 1785 г.) был М. Серебренников, сын Р. Серебренникова. После перевода М. Серебренникова сначала в Тобольский нижний земский суд, а затем в Сургут преемника на пост стряпчего не нашлось. Сургутским казначейством заведовали в это время два человека – упомянутые титулярный советник И. Резанов и М. Серебренников, который получил первый гражданский чин (ранг коллежского регистратора) в 1796 г. Касательно должности стряпчего сложилась такая же ситуация, как в Берёзове: после Я. Баталина, занимавшего место в 1785 г., это место долгое время оставалось пустым[370].

---

[365] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 19. Д. 3. Л. 83 об.

[366] Там же. Ф. И341. Оп. 1. Д. 121. Л. 39–41.

[367] Там же. Л. 38.

[368] Месяцеслов. 1790. С. 263–265; 1791. С. 303–305; 1792. С. 318–319; 1793. С. 333–334; 1794. С. 342–344; 1795. С. 552–554; 1796. С. 373–373.

[369] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 121. Л. 38; Д. 199. Л. 653–653 об.

[370] Месяцеслов. 1784. С. 468–469; 1785. С. 364–365; 1786. С. 323–324; 1787. С. 334–335; 1788. С. 314–316; 1789. С. 274–275; 1790. С. 263–265; 1791. С. 303–305; 1792. С. 318–319; 1793. С. 333–334; 1794. С. 342–344; 1795. С. 552–554; 1796. С. 373–373.

К 1785 г., как было показано выше, местным властям в значительной мере удалось укомплектовать табельные вакансии всех семи присутственных мест региона. Все должности, кроме должности стряпчего, практически беспрерывно были заняты. Кроме того, для городнических дел и нижнего земского суда Берёзова нашлись кандидаты, имевшие чин такого же ранга, как требовал законодатель. В то же время когда все-таки образовывалась вакансия, «дабы столь отдаленный город не оставался без узаконенного главного чиноначальника»[371], прилагались все возможные усилия, чтобы привлечь сюда достойную замену из других городов Тобольского и иных наместничеств Сибири.

Как известно, само наличие звания, даже высокого, не обязательно являлось гарантией качества. На этом основывались старания губернской администрации замещать ключевые должности уездного города лично проверенными и уже зарекомендовавшими себя на «северной службе» людьми. Так, по истечении первых «испытательных» лет было принято решение назначить судьей в Берёзовскую нижнюю расправу А. Кашпирева. Подобные мотивы, что весьма вероятно, подтолкнули местные власти инициировать и перевод бывшего воеводы Г. Ф. Евсевьева из Тобольска в Берёзов.

То, что основная масса табельных должностей в нижних земских судах – места исправника и заседателей – замещалась отставными офицерами (подпоручиками, поручиками и прапорщиками XI–XIII классов), соответствовало нормам для окраин России. В молодые годы они, как правило, состояли в полках, участвовали в главных военных кампаниях 1760–1780-х гг. или привлекались для подавления пугачевского бунта. С распространением административно-судебных реформ на все провинции империи вырос спрос на людей с хотя бы каким-нибудь организационным опытом. Их с готовностью брали в полицейско-административные учреждения, появившиеся в большом количестве в очень отдаленных уездах. К тому же, как показывают служебные биографии уже упомянутых заседателей Сургутского нижнего земского суда М. Ларионова и Г. Кобякова, определенный вес при устройстве на службу имело знание территории, которое было у местных кандидатов. До реформ они несли ответственность за сборы, занимали руководящие позиции в казачьих командах, сопровождавших казну и, таким образом, уже приобрели необходимые навыки управления в регионе с преобладающей долей ясачного населения[372].

Чиновничьи рокировки являлись доступным способом не только для «латания кадровых дыр», к ним обращались для предотвращения конфликтов и как к средству борьбы с коррупционными очагами. В этом отношении Северо-Западная Сибирь не составляла исключения. Сведения о девиантном поведении провинциального чиновничества редко находили отражение в формулярных списках. Стандартное «достоин к повышению» являлось нормой, а возбуждение уголовного дела было большой редкостью. К весне 1787 г. в присутственных местах Сургута случаи противозаконного поведения участились, и недовольство населения действиями городничего капитана А. Стрехова и заседателя нижнего земского суда прапорщика В. Комлевского привели к подаче исков в суд. Уголовная палата наказала обоих чиновников взысканием денежного штрафа и лишением должностей. Их скоро заменили проверенными чиновниками из Тобольска: новым городничим назначили председателя первого департамента верхнего надворного суда капитана А. Литвинова. На место В. Комлевского в Сургут отправили зарекомендовавшего себя на службе тобольского дворянина

[371] ГА в г. Тобольске. Ф. И341.Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

[372] Там же. Д. 121. Л. 38–41.

Г. Кобякова[373]. Согласно сведениям, содержащимся в адрес-календарях, уволенные чиновники перестали числиться на штатской службе наместничества.

В связи с отсутствием образовательного ценза для гражданских чиновников, и в частности судей, акцент смещался с присутствия на канцелярию. В них главным «вершителем дела» был секретарь, занимавший промежуточное положение в иерархии между канцелярией и руководством учреждения[374]. Должность секретаря была классной, а отбор, назначение, перевод и увольнение со службы секретарей утверждались Правительствующим сенатом[375]. В таких условиях секретарь являлся «административной константой», от его мастерства и морального настроя во многом зависело благополучие учреждения.

В соответствии со штатами в нижних расправах, а также в являвшихся судебно-административными и полицейскими органами нижних земских судах канцелярия находилась под руководством секретаря XIV класса[376]. Требования, предъявлявшиеся в законодательстве к секретарям, как уже говорилось, были высокими, и хорошие секретари, соответствовавшие этим требованиям, были в дефиците, особенно в уездах, и тем более – в отдаленных провинциях страны.

В Берёзове и Сургуте последнего десятилетия екатерининского правления насчитывалось три секретарских вакансии. В Берёзовском нижнем земском суде секретарями служили два человека – приказные в ранге канцеляриста. В 1784–1788 гг. канцелярия учреждения находилась под руководством выходца из секретарских детей Л. Солдатова, опытного делопроизводителя, начавшего службу еще в подростковом возрасте в середине 1760-х гг. Пришедший ему на смену казачий капрал В. Лапотников перевелся с военной службы на должность копииста в Берёзове в 1785 г. Через четыре года его повысили до ранга канцеляриста[377]. Канцелярия нижней расправы руководилась в тот период тремя различными секретарями. В 1784 г. эту должность исполнял подканцелярист П. Шахов, представлявший династию делопроизводителей и являвшийся копиистом в Берёзовском комиссарстве в 1777–1782 гг. Затем, по сведениям адрес-календарей, место на протяжении нескольких лет было вакантным, пока на него не назначили И. Булатова. Он также происходил из семьи приказных и начал службу до 1782 г. В 1786 г. И. Булатова наградили рангом канцеляриста и вернули из Тобольска в Берёзов. Спустя год ему доверили руководство секретариатом. Классного секретаря нижняя расправа получила только в последние пять лет ее существования; в 1792 г. из Тобольской нижней расправы в Берёзов был командирован коллежский регистратор А. Козмин[378].

Немного иначе сложилась ситуация в нижнем земском суде соседнего Сургута. Вслед за канцеляристом П. Протопоповым отправлять секретарские обязанности начал выходец из секретарских детей А. Резанов. В 1779 г. он был определен на должность копииста Тобольской губернской канцелярии. В 1782 г. А. Резанов устроился в прокуратуру при уголовной палате, а в 1785 г. последовали его повышение в канцеляристы и перевод в Сургут. Секретариатом

---

[373] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об. –8, 385–386 об.

[374] Колмаков Н. М. Старый суд // Русская старина. 1886. Кн. 12. С. 515; Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб., 2015. Т. 3. С. 64–66.

[375] ПСЗ-1. Т. 6. №. 3571. С. 182–186; Т. 11. № 8550. С. 599–610; № 8865. С. 16–17; Т. 17. № 12665. С. 797–799; Т. 22. № 16528. С. 833–835.

[376] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 1217.

[377] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 77. Л. 271–272; Д. 149. Л. 285.

[378] Там же. Л. 273–275; Д. 149. Л. 282 об.

нижнего земского суда он заведовал с 1787 по 1795 г., а в 1796 г., дослужившись до чина городского секретаря, занял должность дворянского заседателя в том же нижнем земском суде[379].

Присутственные места Берёзова и Сургута не являлись исключением. Нехватку табельных секретарей испытывала основная масса уездных учреждений Тобольского наместничества. Чтобы делопроизводственный процесс не оставался без координатора, на должности руководителя канцелярии зачастую определяли канцеляристов[380]. Такого типа повышения приобрели массовый характер и начали выходить из-под государственного контроля. Об этом свидетельствует сенатский указ от 11 апреля 1787 г., связавший соблюдение выдвинутых в предыдущих указах требований к претендентам на замещение секретарских должностей с продолжением их финансирования. В нем законодательное санкционирование получило предложение тобольского генерал-губернатора Е. П. Кашкина. Чиновник был обеспокоен низкими профессиональными и моральными качествами административного корпуса на доверенной ему территории и выступал за временное приостановление выплаты повышенного жалованья нижним канцелярским служителям, занявшим секретарские должности без подтверждения Правительствующим сенатом[381].

Реакция Тобольского наместнического правления на принятие этого закона не заставила себя долго ждать. В Берёзове и Сургуте в начале осени того же года сенатским указом были утверждены в должности канцеляристы, числившиеся секретарями в уездных учреждениях[382]. Сложно судить, были ли оправданы звучащие в упомянутом указе нотки сомнения генерал-губернатора Е. П. Кашкина: «все ли они несут должности свои исправно, и могут ли впред в исправления оных быть надежны»[383]? Относительно низкий уровень текучести кадров среди секретарей является неоднозначным показателем. С одной стороны, он может быть интерпретирован как индикатор благополучно сложившейся кадровой обстановки, а с другой – полной безысходности ситуации, когда на должностях приходилось оставлять абсолютно негодных кандидатов лишь по той простой причине, что не из кого было выбрать.

Точное количество прикрепленных к тому или иному присутственному месту делопроизводителей, представлявших младший канцелярский персонал, нетабельных канцеляристов, подканцеляристов и копиистов, не было законодательно установлено. Выдвигался лишь определенный бюджет «на канцелярию», в пределах которого наместническое правление составляло штаты. В Северо-Западной Сибири административный аппарат нижнего земского суда и нижней расправы подобало укомплектовывать четырьмя приказными – двумя копиистами и по одному подканцеляристу и канцеляристу[384]. Подобные расписания, однако, имели рекомендательный характер, последнее слово осталось за учреждением. Оно исходя из своих возможностей и потребностей нанимало комплект штатных, а также внештатных делопроизводителей.

В присутственных местах отдаленных провинций спрос на приказных служителей, тем более на хороших, многократно превышал предложение. Представление о том, каким обра-

---

[379] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 77. Л. 264.

[380] Месяцеслов. 1784. С. 468–469; 1785. С. 364–365; 1786. С. 323–324; 1787. С. 334–335; 1788. С. 314–316; 1789. С. 274–275.

[381] ПСЗ-1. Т. 22. № 16528. С. 833–835.

[382] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 77. Л. 257–259, 264–265, 268–278; Д. 121. Л. 264, 271, 273, 282, 285 об.

[383] ПСЗ-1. Т. 22. № 16528. С. 833–835.

[384] Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири. С. 69.

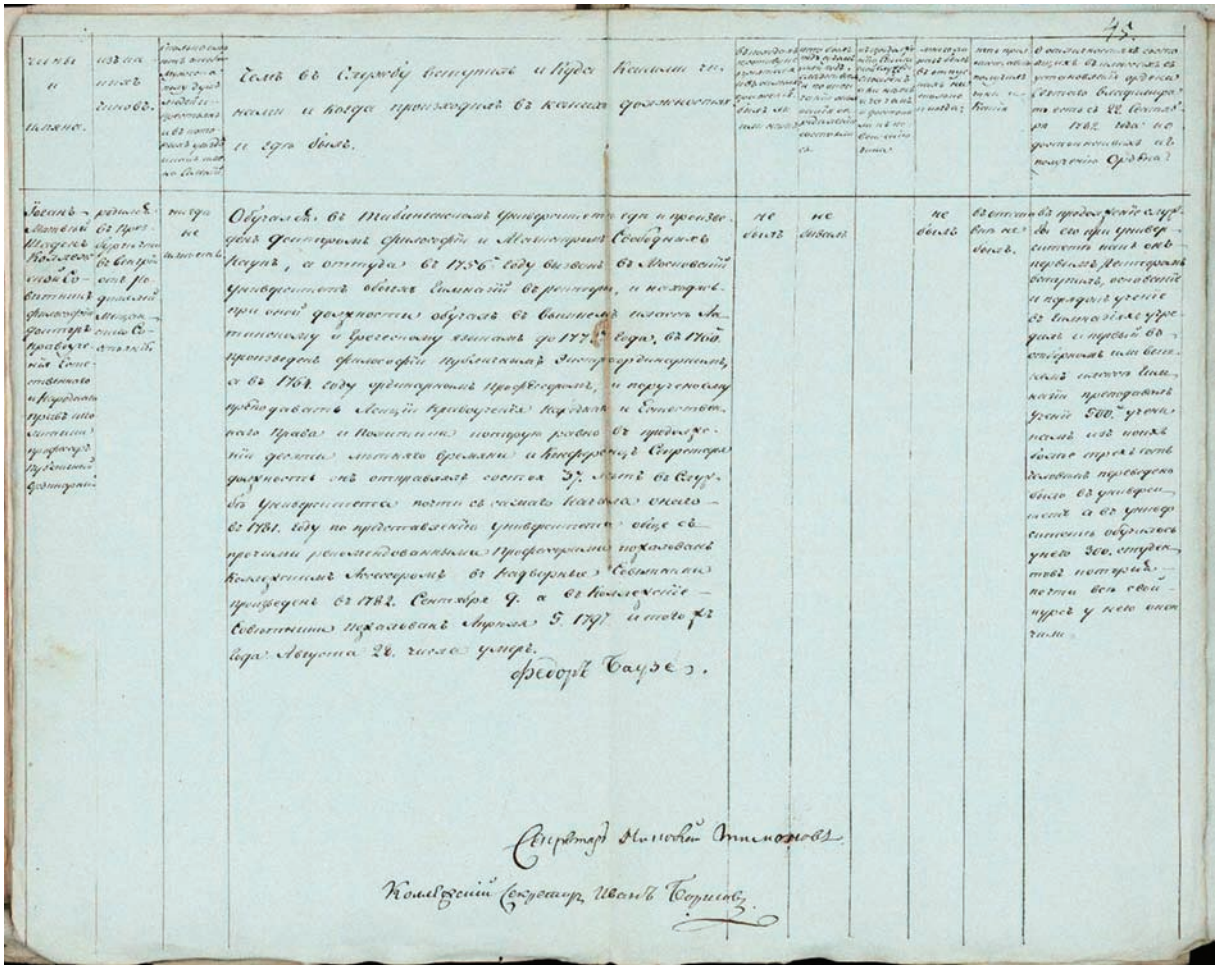


Рис. 2.22. Образец формулярного списка конца XVIII в. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3, 4, 6

зом в Берёзове и Сургуте ответственные за рекрутирование мелкого канцелярского персонала справились с этим непростым заданием, дает анализ двух коллективных формулярных списков, составленных в 1788 и 1790 гг.[385] (рис. 2.22). Судя по содержащейся в них информации, в Берёзове в указанные годы числились восемь и шесть канцелярских работников соответственно. В 1788 г. по три человека были прикреплены к нижней расправе и уездному казначейству, а двое несли службу в нижнем земском суде. Спустя два года в составе данных организаций имелось по два делопроизводителя. Без штатных делопроизводителей остались лишь Берёзовские городнические дела. В трех присутственных местах соседнего Сургута наблюдалась схожая ситуация: 5 чел. (в 1790 г. 3 чел.) несли службу в уездном казначействе, а к нижнему земскому суду и к городническим делам в оба года были прикреплены по 3 и по 1 чел. соответственно.

По сравнению с кадровым обеспечением других уездных центров берёзовские и сургутские показатели, как ни удивительно, не были существенно ниже средних по Тобольской обла-

[385] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 77. Л. 257–259, 264–265, 268–278; Д. 149. Л. 18 об. –19 об., 23 об. –24, 282–286, 305–307, 311–313.

сти. Если не учитывать городнические дела, в каждой канцелярии созданных в годы реформ Екатерины II органов власти имелось двое, а иногда трое делопроизводителей. Однако такая достаточно положительная ситуация сложилась не в 1782 г., а только спустя шесть-восемь лет после открытия Тобольского наместничества. На начальном этапе, что следует из анализа служебных траекторий и личных данных берёзовских и сургутских приказных, учреждения, скорее всего, сталкивались с серьезными кадровыми проблемами.

Из 21 лица, укомплектовывавшего в 1788–1790 гг. административные структуры, чуть меньше половины (9 чел.) состояли в каком-либо органе власти Берёзова и Сургута с самого начала его существования; пятеро из них, В. Каибалов, П. Шахов, В. Широглазов, Г. Морозов, Я. Протопопов (все они происходили из подьяческих или приказных детей), занимали канцелярские должности в дореформенных органах власти уже к концу 1770-х гг., а в 1782 г. были переведены в новые учреждения. Для четверых – вновь рекрутированных в начале 1780-х гг. копиистов Я. Лагунова (из казаков), Я. Резанова (из обер-офицерских детей), Я. Кушникова (из детей боярских), а также Г. Морозова (из приказных) – Берёзов или Сургут оказались первым местом в их служебной карьере. Все остальные появились позже. В 1783–1786 гг. они были устроены в канцелярии Тобольска, прежде всего в казенную палату, в нижний надворный суд и в верхнюю расправу. Эти 9 чел., выходцы из казачества, сибирских дворян, детей боярских и подьяческих детей, служили в берёзовских и сургутских органах власти с 1788 г.

Стремление создать более простую судебную систему на местах, частичный отказ от идеи сословной юстиции, и прежде всего острая необходимость сокращения расходов государственного бюджета, определили главные векторы административно-территориальных преобразований Павла I. Указом от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии» упразднялся институт наместничества; в Сибири теперь остались две губернии – Иркутская и Тобольская, разделенные на 33 уезда. В связи с восстановлением двухступенчатой системы губерния уезд и занимавшие промежуточный уровень области были ликвидированы. Области, задуманные авторами екатерининских «Учреждений» с целью усиления государственного контроля в отдаленных и поэтому трудно управляемых регионах страны, не оправдали надежд, оказались неэффективным и дорогостоящим экспериментом. В результате в Тобольской губернии целый ряд учреждений прекратил свое существование. В первую очередь были ликвидированы органы местной юстиции. Закрылись апелляционные суды второй инстанции в Тобольске, а также в Томске, утратившем статус областного города. По той же логике в уездных центрах исчезли нижние расправы, их заменили всесословные уездные суды. Таким образом, ликвидировав разветвленную судебную систему и сократив количество прокуроров, законодатель создал более бюджетный аппарат управления. Соответственно, расходы удалось сократить примерно на треть[386].

На рассматриваемый нами регион описанные меры не распространялись. Наоборот, до реформы Павла I на северо-западе Сибири функционировало семь учреждений местного самоуправления и судопроизводства; в 1797 г. их стало восемь. В Берёзовском и Сургутском уездах продолжали функционировать городнические дела, нижние земские суды и уездные казначейства. Кроме того, в обоих центрах открылись уездные суды[387].

В Берёзове, по крайней мере согласно данным адрес-календарей за 1802–1804 гг., доля преемственности кадров в присутственных местах оказалась невелика. До 1803 г. городничим

[386] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. С. 60–61.

[387] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 27– 30.

оставался И. Г. Евсевьев, а казначеем – Д. Колмаков. В. Резанову, последнему судье нижней расправы, до момента ее упразднения было представлено место заседателя в новом уездном суде. В Сургуте казначей также не менялся, должность по-прежнему занимал М. Серебренников. Кроме того, в списках можно найти фамилии еще двух чиновников, числившихся в Сургуте при прежнем правительстве. Я. Силин, бывший заседатель нижнего земского суда, теперь стал его руководителем – земским комиссаром, как называли исправников в павловское время[388]. Весьма успешно развивалась и начавшаяся в 1785 г. в канцелярии казенной палаты служебная карьера казака И. Федулова. Дослужившись до чина губернского секретаря, бывший секретарь нижнего земского суда теперь представлял учреждение в качестве заседателя[389]. Все остальные перечисленные в адрес-календарях фамилии были новыми, по крайней мере в узкорегиональном контексте: из-за преобразований Павла I ряд чиновников был переброшен на север губернии. Например, начальник вновь открытого уездного суда надворный советник барон Ф. Дежефи был переведен из Тобольска с должности судьи упраздненного нижнего надворного суда. Титулярные советники Б. Агладин и А. Осипов, раньше занимавшие должности казначея и заседателя казенной палаты в Колыванском наместничестве, продолжили свою карьеру в Берёзове, первый стал уездным судьей, а второй – заседателем при земском суде[390].

Главную проблему сибирского региона – вопрос кадрового дефицита – реформы Павла I, однако, оставили практически нерешенной. Большинство должностей на штатской службе по-прежнему оставались табельными (75 %), а кандидатов на них, предпочтительно благородного происхождения, как и при прежнем правительстве, остро не хватало. Осуществлять контроль над обширной территорией Азиатской России не стало легче. Продолжали процветать разнообразные формы злоупотреблений своим должностным положением[391].

Долго скрывать безобразие от глаз центральной власти не удалось. Она отреагировала традиционным, вполне предсказуемым способом – назначением доверенного лица, чиновника с управленческим опытом в Сибири, и созданием под его руководством ревизионной комиссии. Заканчивались такие мероприятия, как правило, публикацией основанного на данных отчета комиссии законодательного акта, служившего директивой для разработки программы очередных реформ.

По этой причине новый император Александр I не сразу решил распространить министерскую реформу 1802 г. за Урал, а велел рассмотреть «сибирский вопрос» в особом порядке. Непременный совет при императоре пришел к выводу:

> *Сибирский край по пространству своему, по разности естественного его положения, по состоянию народов, его населяющих, нравами, обыкновениями и образом жизни только разнородных требует, как и в разделении его, так и в самом образе управления особенного постановления*[392].

Справиться с этим заданием и «отправиться для личного Сибири обозрения»[393] должен был И. О. Селифонтов, занимавший в 1790-е гг. должности тобольского вице-губернатора и ир-

---

[388] Месяцеслов. 1802. С. 485–488; 1803. С. 532–536; 1804. С. 284–288.

[389] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 19. Д. 2. Л. 159.

[390] Месяцеслов. 1796. С. 371, 400–401.

[391] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 15.

[392] Цит. по: ПСЗ-1. Т. 26. № 19910. С. 693.

[393] Там же.

кутского генерал-губернатора, то есть чиновник, знавший по личному опыту особенности сибирского управления[394].

Если в XVIII в. была предпринята попытка внедрить в Сибири разработанные с учетом административных потребностей европейских губерний законы, то в XIX в. новые законы должны были опираться на результаты тщательно проведенных первичных исследований. В итоге после обработки рапортов ревизионной кампании И. О. Селифонтова в 1803 г. в Сибири был восстановлен институт генерал-губернаторов. Вся территория объединилась в Тобольское и Иркутское генерал-губернаторство; правил им из Иркутска, вновь определенного центра этого необъятного конгломерата, почти всесильный генерал-губернатор[395]. Награжденный этой должностью за проведенную работу И. О. Селифонтов был во многом ее создателем. Однако период генерал-губернаторства последнего длился недолго. Он был смещен в 1806 г. весьма традиционным для Сибири путем – вследствие ревизионной кампании графа Ю. А. Головкина[396].

Главной мишенью административно-территориальных преобразований в Сибири в начале XIX в. стала местная полиция, что для северо-запада края имело серьезные последствия. Решение сократить расстояние между земскими судами, представлявшими полицейскую власть в уезде, с одной стороны, и самим населением, с другой, привело к очередной перетасовке административно-территориальных единиц. Из состава Тобольской губернии была выделена самостоятельная Томская губерния; к тому же сократилось количество уездов, а оставшиеся были раздроблены на 32 комиссарства (рис. 2.23).

Так, в соответствии с указом от 11 августа 1803 г., был ликвидирован Сургутский уезд, а Сургут потерял статус уездного центра. Незначительный кусок сургутской территории перешел к Туруханскому уезду. Большая часть земель Сургутского комиссарства была присоединена к Берёзовскому уезду. Последний, согласно новому закону, состоял из трех комиссарств – Кондинского, Обдорского, и Сургутского[397]. В значительно увеличившемся Берёзовском уезде одновременно сократилось количество административных и судебных органов власти. С 1804 г. с работой восьми присутственных мест, существовавших в Сургутском комиссарстве ранее, должны были справляться четыре учреждения – нижний земский суд, уездный суд, уездное казначейство и городнические дела[398].

В связи с созданием комиссарств были также упразднены должности дворянского заседателя и помощника земского исправника. Их заменили частные комиссары – те же чиновники, но с учетом состава местного населения не обязательно табельные. Система командирования заседателей, основывавшаяся на принципе «вызова», оказалась неэффективной на про-

---

[394] ПСЗ-1. Т. 26. № 19910; Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007. С. 80; Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века. Красноярск, 2016. С. 62–63.

[395] ПСЗ-1. Т. 27. № 20771.

[396] Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. С. 54; Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века. С. 65–66.

[397] ПСЗ-1. Т. 28. № 21183. В состав Кондинского комиссарства вошли восемь русских деревень, а также ясачные городки и юрты Подгородней, Сосьвинской, Ляпинской и Казымской волостей. Обдорское комиссарство состояло из Обдорской и Куноватской волостей, а Сургутское, как уже говорилось, охватило практический весь бывший Сургутский уезд. См.: Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю / предисл. А. К. Омельчука. Репринт. изд. Тюмень, 2004. С. 19–20.

[398] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 32–35.

сторах Сибири. К комиссарам, в отличие от прежних заседателей, прикреплялась определенная территория, в пределах которой в их руках находилась исполнительная и судебная власть («в разборе маловажных тяжб и споров»)[399]. В самом Берёзове осталась только версия обновленного земского суда – сам исправник и секретарь с канцелярией.

В 1804–1825 гг. город Берёзов возглавлялся пятью различными чиновниками. После ухода титулярного советника А. Барташевича (1804–1807 гг.) в течение пяти лет должность городничего занимал происходивший из российских дворян надворный советник Г. Озеров. Как и многие его современники, армейскую службу, проведенную в Европейской России, он покинул в середине 1780-х гг. в ранге прапорщика. Следующий этап его карьеры, теперь на штатской службе, начался в Западной Сибири, где вскоре благодаря действовавшим там практикам чинопроизводства его наградили дававшим право на наследственное дворянство рангом коллежского асессора. Вершины своей карьеры он достиг в 1807 г., однако за присвоение чина надворного советника расплатился переводом из губернского центра на Крайний Север[400]. В 1810-е гг. на позиции градоначальника находились два человека: в 1812–1818 гг. должность занимал майор (с 1814 г. надворный советник) А. Захаров, а затем подполковник Д. Тулубеев. В 1820 г. остававшаяся в течение одного года вакантной должность была занята полковником Н. Яковлевым, ушедшим в отставку через 40 лет военной службы. Спустя четыре года он получил гражданский чин коллежского советника и был переведен в Туринск на должность городничего, также пустовавшую[401]. Последним городничим Берёзова в рассматриваемый период был назначен дворянин А. Андреев, участник Наполеоновских войн, дослужившийся после возвращения из Европы в Олонецком пехотном полку до майорского чина. В 1824 г. последовал его перевод на гражданскую службу в Сибирь, где ему доверили возглавить город Берёзов[402].

Не менее часто в александровское время сменялся начальник уезда. До 1805 г. исправником в Берёзове служил выходец из сургутских казаков В. Лагунов. В 1787 г. после ухода из армии по состоянию здоровья он, как многие его современники, продолжил службу в гражданских учреждениях региона: сначала стряпчим при Тобольском губернском магистрате (1787–1795 гг.), а затем заседателем в Сургутском нижнем земском суде. В Берёзове Лагунов оказался в годы правления Павла I, где занял, однако ненадолго, пост земского комиссара (исправника). После 1804 г. он стал частным комиссаром в Обдорске и вскоре был повторно назначен на должность исправника[403].

Уже спустя год его сменил поручик Сибирского драгунского полка Д. Калугин. После его перевода в Берёзов поручик был произведен в коллежские асессоры, и в целом он хорошо прижился в уезде. За семь лет службы в Берёзове (1805–1812 гг.) исправник приобрел ценные связи. Пользоваться должностными привилегиями, официальными и неофициальными, он умел[404].

После губернского секретаря Д. Кочетовского (1812–1818 гг.) руководство уездом перешло на несколько лет в руки истинно образованных по меркам отдаленной провинции того

---

[399] ПСЗ-1. Т. 27. № 20890; Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России: вторая половина XVI – начало XX в. С. 229; Прутченко А. С. Сибирские окраины. С. 74–75.

[400] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 19. Д. 2. Л. 156.

[401] Там же. Д. 11. Л. 86.

[402] Там же. Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 413–416.

[403] Там же. Ф. И329. Оп. 19. Д. 4. Л. 283–283 об.

[404] Там же. Л. 53–53 об.

etomesto.com

Рис. 2.23. Карта губерний Тобольской и Томской с указанием комиссарств. Из кн. «Атлас Российской Империи по новейшему разделению на губернии и области, сочиненный при Главном училищ правлении для употребления в губернских гимназиях» (СПб., 1807). № 13

времени чиновников, выходцев из духовенства. Таковым был А. Андроников, который при этом являлся опытным управленцем, преодолевшим до перевода в Берёзов впечатляющий путь от копииста Тобольской консистории (1796 г.) до коллежского асессора. Шаг за шагом поднимаясь по карьерной лестнице, он занимал различные должности в присутственных местах Пермской, Тобольской и Томской губерний. Однако А. Андроникову долго удержаться в должности исправника Берёзова не удалось. Его отстранили от власти в ходе ревизионной кампании М. М. Сперанского (1819–1821 гг.) и возбудили против него уголовное дело – справедливо ли, по собственной его вине или же по каким-то иным обстоятельствам, сложно сказать[405].

Пока шли разбирательства, пост исправника временно занимал его заместитель, сургутский частный комиссар Е. Лебедев. Он так же, как и его предшественник, происходил из местного духовенства. До поступления на штатскую службу в 1821 г. Е. Лебедев трудился старшим учителем Тобольской гимназии и руководил училищем губернского центра (1815–1820 гг.). Вскоре продолжавшиеся в округе «чистки» коснулись и его; в 1823 г. должность исправника снова числилась вакантной[406].

Назначить кого-то из берёзовских управленческих кругов местные власти уже не рискнули. Новым начальником уезда стал коллежский секретарь П. Ершов, бывший исправник Омска и при этом человек из близкого окружения П. Капцевича, с 1822 г. губернатора новой Западно-Сибирской губернии. П. Ершову поручили нелегкое задание – воплощение в жизнь на территории Берёзовского округа статутов «Учреждения для управления Сибирских губерний». «Северная командировка» завершилась весьма успешно: спустя два года титулярный советник П. Ершов занял достаточно престижную позицию советника в Омской казенной экспедиции[407]. В Берёзове тем временем страсти улеглись. На пост исправника в 1825 г. снова пригласили Е. Лебедева[408].

За этот же период на отдаленную службу в Кондинск, Обдорск и Сургут было отправлено не менее 16 различных комиссаров. В Берёзове состав частных комиссаров укомплектовывался из бывших дослужившихся до секретарских чинов сотрудников. В основном они рекрутировались из канцелярий присутственных мест Тобольской губернии. Порой за пополнением приходилось обращаться к властям соседних Пермской и Иркутской губерний[409].

Присутствие продолжавшего свою деятельность в александровское правление уездного суда по-прежнему состояло из судьи и двух заседателей; кроме того, в связи с частичным возвращением к идее сословности в коронной судебной системе был восстановлен институт сельских заседателей[410]. За период до 1825 г. учреждение возглавлялось титулярными и коллежскими асессорами, в среднем державшимися на должности не более трех-четырех лет. В 1807 г. после ухода вышеупомянутого Б. Агладина пост уездного судьи был доверен коллежскому асессору А. Решоткину. До перевода в Берёзов выходец из малорусских солдатских детей, чья карьера началась в 1778 г. с весьма скромной должности полкового писаря, «коче-

---

[405] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 19. Д. 8. Л. 41; Д. 11. Л. 73–73 об.; Оп. 12. Д. 24. Л. 1–1 об., 5, 39.

[406] Там же. Оп. 19. Д. 11. Л. 79; Оп. 12. Д. 24. Л. 39.

[407] Берёзово : (Очерки истории с древности до наших дней). С. 207–210; Месяцеслов. 1824. С. 294.

[408] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 30. Д. 10. Л. 23–24.

[409] Там же. Ф. И329. Оп. 19. Д. 2. Л. 55–56, 156, 159; Д. 3. Л. 275; Д. 4. Л. 283–284; Д. 5. Л. 418–419; Д. 11. Л. 73, 75, 78–80.

[410] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 48–59.

вал», как и многие его современники, по уездным учреждениям Сибири, занимая благодаря повсеместному людскому дефициту достаточно престижные должности. На севере Тобольской губернии он оказывался дважды. В первый раз, еще в павловское правление, его отправили из Колыванской казенной палаты в Сургут для замещения вакансии заседателя в земском суде. Во второй раз он был переведен уже на пост судьи из земского суда Енисейска[411]. А. Решоткин занимал должность три года, после чего губернское правление решило откомандировать его в уездный суд Ялуторовска. Для исполнения обязанностей судьи в Берёзов отправили В. Лагунова, занимавшего в Берёзовском уезде немало должностей в годы правления Екатерины II и Павла I и успевшего также послужить исправником в Омске (1810 г.) и асессором в Тобольской казенной палате (1811–1812 гг.).

В Берёзов В. Лагунов был переведен, когда ему было уже за 70. Вернувшийся на пост судьи в 1816 г. А. Решоткин также являлся далеко не молодым мужчиной[412]. Круг возможных кандидатов на должность был невелик, и его преемником назначили титулярного советника М. Карпова, одного из заседателей учреждения. Перешедший в начале века из Тобольского гарнизона в гражданскую службу выходец из местных солдатских детей, он уволился в 1810 г. по состоянию здоровья, вылечился и спустя год был восстановлен на службе. Последовавший за этим его перевод в Берёзов компенсировался присвоением чина коллежского асессора. В 1825 г. М. Карпова пригласили в Тару на должность уездного судьи, руководство учреждением временно перешло в руки заседателя Н. Маламахова, человека неоднозначного, четырежды оштрафованного, в том числе за применение насилия против подсудимых и ведение незаконной торговли в судебном округе[413].

Кандидатур на пост судебного заседателя было крайне мало. Текучесть кадров здесь была высокой. Заседатели, зачастую выходцы из местных канцелярских служителей, редко задерживались на этой должности. Дослужившись до следующего ранга, они либо переводились в другой город, либо становились судьями в самом Берёзове. В отличие от екатерининского времени, среди заседателей практически не было лиц из Центральной России, отличавшихся более ярким служебным прошлым. Исключение составил лишь Н. Маламахов, случайный человек, военная карьера которого начиналась весьма многообещающе в Европейской России после «обучения наук арифметики, математики, черчения и рисования». В 1799 г., вылечившись от ранения, полученного во время Таврических походов, он устроился на штатскую службу в Тобольской губернии. Н. Маламахов занимал посты исправника в Ялуторовске и смотрителя в Приказе общественного призрения в Тобольске, за что был награжден чинами титулярного советника и затем коллежского асессора. В Берёзове он появился в 1816 г., скорее всего, по вышеизложенным причинам[414].

Эффективность работы присутственных мест, как уже говорилось, во многом зависела от качества руководителя канцелярии. Согласно штатам 1804 г., в Берёзове числились две секретарские должности: одна – в земском суде, другая – в уездном суде. В последнем кадровая ситуация отличалась исключительной стабильностью. До 1815 г. секретариат находился в надежных руках коллежского секретаря А. Резанова, переведенного в Берёзов в 1804 г. Кадровые сокращения павловского времени и упразднение сургутских присутственных мест его не затронули. Карьера А. Резанова завершилась в 1815 г. К концу сорокалетней кан-

---

411 ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 19. Д. 2. Л. 47–48; Д. 8. Л. 40 об. –41.

412 Там же. Д. 4. Л. 283–283 об.; Д. 8. Л. 40 об. –41.

413 Там же. Д. 2. Л. 51; Д. 3. Л. 81 об.; Д. 4. Л. 285; Д. 6. Л. 285; Д. 11. Л. 69–69 об.

414 Там же. Д. 6. Л. 285; Д. 11. Л. 70–71; Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 421–421 об.

целярской службы он ослеп[415]. Пришедший на смену А. Резанову Г. Поступинский являлся достойным преемником (1816–1824 гг.). В годы правления Екатерины II он занимал младшие канцелярские должности в Тобольской нижней расправе. После упразднения суда в 1797 г. Г. Поступинский продолжил службу в составе губернского правления. В Берёзове он не только заведовал канцелярией, но и совмещал вакантную должность уездного стряпчего[416].

Заметно тяжелее обстояли дела в земском суде, где за тот же самый период (1804–1825 гг.) секретарь сменился не менее девяти раз. Руководителей административного аппарата рекрутировали из местных подьячих, временно привлеченных из других уездов губернии секретарей, и прежде всего не слишком хорошо зарекомендовавших себя на службе частных комиссаров[417].

Судя по двум коллективным формулярным спискам александровского времени, существенных изменений в канцеляриях присутственных мест Берёзова не произошло. В 1811–1813 гг. в каждом учреждении – в земском и уездном судах, в казначействе и в городнических делах – по-прежнему числилось в среднем по два-три человека[418]. Так же, как в конце XVIII в., на этих должностях доминировали представители определенных социальных групп; более выраженно, чем 20 лет назад, проявлялась семейная преемственность. Со времен екатерининского правления выросло следующее поколение приказных служителей, уплотнилась и сеть местных учреждений. На смену Кайдаловым и Логуновым пришли Серебренниковы, Федуловы, Силины, Лапотниковы и Тецкие[419].

Как было показано выше, при Александре I проблема текучести кадров не была решена. В первую очередь это касалось должностей заседателей в уездном суде, а также частных комиссаров земского суда. Стабильнее оказалась ситуация в руководстве действовавших в Берёзове органов власти. Городнические дела, а также земский и уездный суды, как правило, возглавляли титулярные советники и коллежские асессоры, чиновники IX и VIII классов. Порой среди них находились и надворные советники, а в одном случае даже коллежский советник – обладатели весьма почетных по меркам провинции гражданских чинов VII и VI классов.

Обусловили такое явление две взаимно влиявшие друг на друга тенденции, которые отразились в законодательстве: необходимость повышения профессионального уровня гражданского чиновничества, с одной стороны, и стремление привлечь из центральных губерний на сибирскую службу как можно больше подготовленных людей для удовлетворения «кадрового голода», с другой. Сформулированная в «Уставе училищ» от 1803 г. Александром I цель, «чтобы ни в какой губернии спустя 5 лет… никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище», читается и в указе М. М. Сперанского от 6 августа 1809 г.[420] Однако выдвинутое в законе требование усложнить порядок гражданского чинопроизводства, сделав успешное прохождение экзаменационной процедуры условием получения должностей VIII класса по Табели о рангах, не распространялось на Сибирь. Данное решение имело

---

[415] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 19. Д. 3. Л. 83–83 об.; Д. 4. Л. 285 об. –286.

[416] Там же. Д. 11. Л. 72–73.

[417] Там же. Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 421.

[418] Там же. Ф. И329. Оп. 19. Д. 2. Л. 159–160; Д. 3. Л. 275–283.

[419] Там же. Л. 159–160; Д. 3. Л. 275–283.

[420] Цит. по: ПСЗ-1. Т. 30. № 23771.

вполне логичное последствие: за заветным чином коллежского асессора за Урал поспешили титулярные советники[421].

В целом закон о введении образовательного ценза дал более мощный толчок переводу в Азиатскую часть страны, чем все предыдущие правительственные попытки повысить привлекательность сибирской гражданской службы путем предоставления добровольцам традиционных льгот и привилегий[422]. Благодаря законодательной инициативе М. М. Сперанского в Тобольской губернии выросло число штатских чиновников, начавших карьеру в административных и судебных органах в центре страны. Согласно сведениям коллективных формулярных списков 1811–1813 гг., в более престижных присутственных местах – в палатах и самом губернском правлении – доля кадров с административным опытом в Европейской России составила 71 %, что на 19 % больше, чем в 1809 г.[423]

На кадровый состав берёзовских учреждений последовавший из европейской части империи приток табельных чиновников оказал незначительное влияние. Однако изменения в законодательстве, несомненно, способствовали занятию руководящих должностей лицами, классный ранг которых соответствовал установленному в штатах уровню. «Переселенцы» из Европейской части России, оказавшиеся в Берёзове, по-прежнему были из числа отставных военных. Служебная карьера земского исправника Д. Калугина, выходца из штаб-офицерских детей, началась в Семеновском полку в ранге рядового. Русские дворяне Г. Озеров и Н. Андреев являлись участниками Крымских походов и Наполеоновских войн. Остальные – дворянин Н. Яковлев, выходцы из духовенства А. Андроников и Е. Лебедев и происходившие из более низких по статусу социальных групп А. Решеткин, М. Карпов и В. Лагунов – являлись кадрами, вся служба которых прошла в присутственных местах Тобольской губернии.

Берёзовские чиновники не заканчивали специализированных учебных заведений, готовивших к гражданской службе, но назвать их необразованными нельзя. А. Андроников и Е Лебедев, как уже говорилось, являлись бывшими учителями тобольских училища и гимназии. Часто упоминавшийся заседатель уездного суда Н. Маламахов поступил на службу «с обучения наук арифметики, математики, черчения и рисования»[424]. Кроме того, при всей пестроте сословного состава чиновников Берёзова объединяло одно – все они обладали многолетним служебным опытом.

Была ли кадровая ситуация в органах власти Берёзова благоприятной? На наш взгляд, картина, реконструируемая по представленным в формулярных списках данным, скорее всего, была приукрашена. Как и в годы правления Екатерины II, весь персонал берёзовских присутственных мест продолжал «принадлежать к повышению». Даже те из его представителей, кто официально «в штрафах бывал», могли рассчитывать на повышение. Об этом свидетельствует пример коллежского асессора Н. Маламахова. Махинации исправника Д. Калугина также остались без последствий; письменно они не фиксировались. В действительности найти добровольцев из способных и порядочных людей, согласных отправиться

---

[421] См.: ПСЗ-1. Т. 30. № 23559, № 23771; Гриценко Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 169.

[422] По этому вопросу см.: ПСЗ-1. Т. 25. № 18450; Т. 27. № 21042; Т. 28. № 21595; Т. 31. № 24126, № 24722; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в I половине XIX в. С. 207; Сивкова А. В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е гг. XVIII – 80-е гг. XIX в. С. 19–20.

[423] Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири. С. 106.

[424] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 420.

для несения службы в город, расположенный «среди пустынных лесов и тундр отдаленного Севера»[425], было сложно. По этой причине должности в присутственных местах Берёзова занимали чиновники, давно достигшие пенсионного возраста, инвалиды военных действий и лица, восстановленные на службе после длительных периодов болезни. Исключение составляли чиновники, командированные из других городов. Их привлекали обещанием повышения чина, и, как правило, после отбывания срока они переводились обратно в более южные регионы страны.

Последнее лишний раз свидетельствовало о том, что кадров достойного уровня было мало. Часто такие люди работали на износ. А. Резанов, многолетний руководитель канцелярий Сургутского нижнего и Берёзовского уездного судов, ушел в отставку, когда ослеп. В 1822 г. страдавший от «болезненных припадок» канцелярист, секретарь и кондинский частный комиссар Петр Силин был вынужден уволиться, «так как рука сильно у него дрожит»[426]. Правда, спустя три года Силин снова числился на должности заседателя в новом окружном суде Берёзова[427].

Финансовое обеспечение управления

Кроме так называемого человеческого фактора, немаловажную роль в обеспечении беспрепятственного функционирования управленческого процесса играли предоставление присутственным местам приспособленных под их нужды зданий, о чем будет сказано позже, и выплаты членам присутствия и канцелярским служителям достойного жалования. С момента введения единого тарифа выплат жалования для гражданских чиновников в 1763 г. члены присутствия и секретари получали вознаграждения в соответствии с действовавшими штатами и прикрепленным к занимаемой ими должности классам по Табели о рангах[428]. Поскольку в проектах реформ, как правило, затрагивались вопросы финансирования запланированных нововведений, в Сибири за последние десятилетия «долгого XVIII века» штаты менялись четыре раза: в 1782, 1797, 1804 и 1822 гг.[429] Согласно штатам Тобольского наместничества, в последние годы екатерининского правления (1782–1796 гг.) служащим берёзовских и сургутских присутственных мест, занимавшим средние и низшие чины по Табели о рангах – от VIII (городничий) до XIV (секретарь нижнего земского суда и нижней расправы) классов, – выплачивалось годовое жалование в размере от 200 до 300 руб. в год. В связи с административными реформами Павла I жалование чиновников было увеличено. С 1797 г. их доход составлял от 450 (городничий и уездный судья) до 250 руб. (секретари). Установленные в павловских штатах размеры вознаграждения оставались действительными вплоть до введения «Учреждения для управления Сибирских губерний» 1822 г.

Для числившихся в Берёзове и Сургуте (до 1804 г.) гражданских чиновников государственное жалование, по всей вероятности, являлось основным, если не единственным источником дохода. Владение крепостными, которое могло бы указывать на наличие состояния, не влияло на уровень дохода большинства чиновников. Значительная часть членов присутствий

---

[425] Цит. по: Юрьев Д. Описание города Берёзова // Подорожник : краеведч. альм. 2008. Вып. 9. С. 3.

[426] Цит. по: ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 45. Л. 1.

[427] Там же. Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 423.

[428] ПСЗ-1. Т. 16. № 11989. С. 462–468.

[429] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 12–17, 27–30, 32–35, 48–59.

не имела крупных капиталов. За Ф. Мишуровым, городничим Берёзова в годы екатерининского правления, например, числились 4 д. м. п. в Курской губернии. Такое же количество крестьян принадлежало расправному судье А. Кашпиреву в Берёзовском уезде. Н. Андреев, городничий Берёзова в годы проведения реформы М. М. Сперанского, владел десятью душами крестьян в Псковской губернии. Однако имения, судя по количеству прикрепленных к ним душ, были невелики и к тому же часто уже давно находились без присмотра хозяина. О реальном состоянии находившихся в далекой Европейской России владений, скорее всего, никто не был осведомлен[430].

На финансирование канцелярий, как уже говорилось, была предусмотрена отдельная статья бюджета, конкретный размер которой определялся в штатах в зависимости от статуса, присвоенного учреждению в законодательстве. Согласно штатам Тобольска 1782, 1797 и 1804 гг., суды находились в привилегированном положении по сравнению с остальными присутственными местами уездного уровня. В нижних расправах и уездных судах ежегодно выплачивавшаяся сумма, предназначенная на канцелярские расходы, составляла от 508 до 900 руб. Остальные органы власти финансировались заметно скромнее. В рассматриваемый период уездное казначейство получал от 369 (1782 г.) до 400 руб. (с 1797 г.) в год. В то же время городнические дела должны были довольствоваться годовым бюджетом в размере от 130 (1782 г.) до 250 руб. (1804 г.). Частым изменениям подвергалось денежное обеспечение нижних земских судов. Согласно штатам 1797 г., запланированный «на канцелярию» бюджет вырос с 238 до 300 руб., а в 1804 г. сумма снова была увеличена, так как каждому из созданных в этом году комиссарств выделялось отдельное ежегодное финансирование в размере 120 руб.[431] Предусмотренный законодателем бюджет вовсе не являлся «резиновым». Суммы должно было хватать на покрытие всех канцелярских расходов. На оставшиеся после осуществления выплаты годового жалования низшим нетабельным канцелярским работникам средства приобретались все необходимые для обеспечения делопроизводственного процесса расходные материалы, а также осуществлялось поддержание в сохранности самого здания и находившихся в нем помещений[432].

Рис. 2.24. Ассигнация в 25 рублей выпуска 1769 г. Из фондов Тихорецкого историко-краеведческого музея. Фото с сайта музея. https://muzey-tihoreck.ru/deyatelnost/muzejnyj-kalejdoskop/ukaz-ekateriny-ii-o-bumazhnykh-assignatsiyakh

[430] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 121. Л. 4–6, 42–44, 54–56; Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 413–416.

[431] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 12–17, 27–30, 32–35, 4859.

[432] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 2. Л. 296–298.

Если мы говорим о проблеме недостаточного финансирования местных органов власти, возникает вопрос о том, что подразумевалось под понятием «низкий оклад» в рассматриваемый нами период. Представление об этом могут дать цены на хлеб и другие основные продукты питания в регионе. По мнению Л. Ф. Писарьковой, ссылавшейся в своих описаниях на мемуары Ф. Ф. Вигеля, до конца 1770-х гг. жалование канцелярских служителей в Российской империи было вполне достаточным для того, чтобы вести жизнь в скромном достатке и быть уважаемым человеком[433]. Однако с начала 1780-х гг. стали отчетливо проявляться последствия революции цен, произошедшей в России позже, чем в большинстве европейских стран[434]. Для получавших казенное жалование лиц проблема усугубилась перманентным падением курса введенных в 1769 г. ассигнаций (рис. 2.24). Активная внешняя политика страны, также весьма затратное содержание царского двора (в этом Российская империя ничем не отличалась от остальных европейских держав эпохи) побудили правительство к почти неограниченной эмиссии бумажных денег, что повлияло на курс ассигнаций по отношению к серебряному рублю. Если в 1769–1786 гг. бумажные рубли стоили 98–99 серебряных копеек, то в последние годы правления Екатерины II курс ассигнаций находился практически в свободном падении. В период с 1787 по 1796 г. бумажный рубль потерял около 18 % стоимости[435]. Галопирующая инфляция при практически неизменившихся с 1763 г. окладах могла привести к тяжелым последствиям[436]. В случае задержки или сокращения выплат жалования «бюджетники» лишались практически единственного источника дохода.

Нижние земские суды и проблема организации управления в уездах в конце XVIII – начале XIX в.

Нижние земские суды оказались проблематичным институтом, поскольку являлись результатом компромиссных решений. Во время разработки статей «Учреждений» самыми спорными пунктами, давшими повод для затяжных дискуссий и обсуждений, были те, что были посвящены проблеме организации полицейской власти в уезде, самом «слабом звене» в управлении страной. Моделью для создания конгломерата различных ведомств послужили органы власти Остзейских губерний, существовавшие в период, когда эти территории входили в состав Шведского королевства: эстляндские, лифляндские и финляндские маннгерихты, гакенгерихты, ландгерихты и орднунгсгерихты. Помимо этого, роль сыграли также убеждения самой Екатерины II, приверженной последовательному внедрению в судебную систему принципа сословности, а также предпочтения относительно этого вопроса некоторых ее советников, прежде всего кн. А. А. Вяземского, гр. Я. Е. Сиверса, Г.-Р. Ульриха[437]. Никакой иной из созданных в 1775 г. судебных органов не претерпел на стадии подготовительных работ стольких изменений и корректировок, как нижний земский суд. Это привело к тому, что, как справедливо отметила Е. П. Павлова-Сильванская, «в главе о нижнем земском суде больше неясностей и недомолвок, чем в какой-либо другой главе “Учреждения о губерниях”»[438].

---

[433] Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 136; Вигель Ф. Записки : в 7 ч. М., 1891. Ч. 1. С. 27–28.

[434] Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 186–188.

[435] Каменский А. Б. Россия в XVIII в. М., 2006. С. 128–130: Миронов Б. Н. Хлебные цены. С. 36–37.

[436] ПСЗ-1. Т. 44. Книга штатов к № 11991. Табл. VI–VII.

[437] Павлова-Сильванская М. П. «Учреждение о губерниях» 1775 года и его классовая сущность : дис. … канд. ист. наук. М., 1964. С. 190–233.

[438] Там же. С. 233.

Круг обязанностей этого учреждения, объединявшего, вопреки прежним намерениям, исполнительную и судебную ветви власти, был так же разнопланов, как и колоссален. На нижний земский суд был возложен весь объем полицейско-государственных функций. Земский исправник как гарант сохранения тишины и спокойствия в уезде следил за выполнением паспортного и фискального законодательства, а также за местной торговлей и состоянием дорог и мостов во вверенном ему округе. Служащие нижнего земского суда составляли отчеты об изменении цен на продовольствие и другие продукты первой необходимости, принимали меры по общественному призрению и были также ответственными за пожарную охрану и борьбу с эпидемиями. Таким образом, проведение следствия и отправление правосудия являлись лишь частью многообразных и трудоемких обязательств, возложенных законодателем на нижние земские суды[439].

В резком противоречии с большим объемом работ нижнего земского суда находилось его крайне ограниченное кадровое и материальное оснащение. Как уже говорилось, присутствие данной категории судов состояло из земского исправника IX класса и двух дворянских заседателей X класса. При рассмотрении в нижнем земском суде дел, касавшихся правовых интересов сельского населения, в него откомандировывались два заседателя из соответствующей нижней расправы[440]. В изучаемом регионе канцелярский аппарат нижних земских судов комплектовался так же, как в нижней расправе – одним секретарем XIV класса, одним канцеляристом, одним подканцеляристом и четырьмя копиистами. Схожим образом осуществлялось и финансирование. На покрытие канцелярских расходов нижних земских судов Тобольского наместничества предусматривалось 238 руб. в год[441].

На определение круга обязанностей земской полиции в такой форме, каким он оказался представлен в екатерининских «Учреждениях», оказали влияние природно-климатические, демографические и социально-экономические условия расположенных в Средней полосе России уездов, то есть того региона, о потребностях которого авторы законодательного акта знали по собственному опыту. Помимо вышеперечисленных задач, повседневную работу служащих Берёзовского нижнего земского суда в значительной мере определяли проблема снабжения северного нехлебного округа казенным продовольствием и организация сбора ясака. И та, и другая обязанности были связаны с большими тяготами.

Жизнь населения – как русского старожильческого, так и коренного – на территории, где природно-климатические условия не позволяли заниматься земледелием, а огородничеством и животноводством – в лишь очень ограниченном объеме, полностью зависела от поставок муки. Своевременность последних, однако, ставили под угрозу погодные условия. Как уже говорилось выше, в периоды «многоводья», приходившиеся на август, Иртыш и Обь переставали быть судоходными. Пережить зиму на одних прошлогодних запасах городу с уездом было невозможно, тем более что наводнения сказывались на рыболовстве, основном промысле коренного населения региона. В подобных случаях руководители уезда были вынуждены вступать в длительную и столь же трудоемкую переписку с вышестоящими инстанциями, «выпрашивая» у них выделение средств для финансирования внеплановых продовольственных поставок[442].

---

[439] ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 235–252.

[440] Там же. Ст. 23, 35, 52, 53, 65, 66, 75, 223, 336.

[441] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 12–17.

[442] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 1. Д. 199. Л. 159–160, 183–186 об., 337–338 об.

В связи с принятием решения об интеграции Сибири в общеимперское административно-правовое пространство характер взаимодействия с представителями коренных народов превратился в отдельную историю. Организацию сбора ясака, главную задачу сотрудников Берёзовского нижнего земского суда, существенно осложнял новый правительственный курс. Приравняв юридический статус инородческого населения к остальным податным группам, законодатель отказался от прежних принудительных методов управления, их заменили методы административно-бюрократического контроля. Процесс трансформации сложившегося на протяжении последних двух столетий института «князцов» в «волостную-инородную старшину», однако, предполагал взаимоотношения совершенно иного характера, основанные на элементах доверия и готовности к кооперации.

Что касается аборигенных народов рассматриваемого региона – берёзовских остяков и самоедов, попытки инкорпорировать их сообщества в низшее звено местного управления были восприняты односторонне: их представители вопреки всем правительственным стараниям не превратились в агентов власти[443]. Для сотрудников уездной полиции, в свою очередь, решение формальной интеграции инородческих сообществ в общую административную систему и, соответственно, распространение на них письменного делопроизводства были прежде всего связаны с бесконечными и зачастую малорезультативными разъездами по округу «зимою по 700 верст… только в одну сторону на оленях по кочевым остякам и самоедам, в течение месяца ни разу не отогреются»[444]. Физически застать представителей кочевых народов на просторах северной территории было сложной, порой невыполнимой миссией. На этом фоне оговорка законодателя, что нижние земские суды, функционировавшие в особенно обширных уездах, могли быть укомплектованы тремя заседателями вместо двух[445], не имела никакого практического значения.

О данных проблемах правительству было хорошо известно. Главной целью преобразований начала XIX в. стало, как уже говорилось, «лучшее устройство земской полиции» – адаптация кадровой комплектации и функционала нижних земских судов к потребностям Азиатской части страны. Однако в условиях Северо-Западной Сибири решение распространить вышеупомянутый институт комиссарств на все уезды губернии независимо от их географического расположения оказалось контрпродуктивным. Прежде всего по двум причинам: во-первых, основным критерием для определения количества комиссарств служил не размер территории уезда, а численность проживавшего в нем населения. Таким образом, в относительно маленьких и по сибирским меркам густонаселенных южных уездах появилось по четыре-пять комиссарств, что привело к концентрации чиновников в Кургане, Ишиме и Тюмени и еще больше усугубило проблему кадрового дефицита на севере губернии[446]. Во-вторых, упразднение Сургутского уезда и его присоединение к Берёзовскому также являлось необдуманным шагом. На обширной по площади и без того лишь условно контролируемой территории вместо двух полноценных земских судов, где трудилось шесть-восемь чиновников, было создано три комиссарства, в которые было назначено всего четыре члена присутствия (один исправник и три частных комиссара).

---

[443] Более подробно по данному вопросу см.: Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской Империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995. С. 43–78.

[444] Цит. по: Губарев К. От Тобольска до Берёзова. С. 377

[445] ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 223; Там же. Т. 22. № 16052.

[446] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. С. 20–22; Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России: вторая половина XVI – начало XX в. С. 230.

Прикрепление чиновника к строго определенной подвластной ему территории также оказалось малоэффективным и вызывало много неясностей. В законодательстве недостаточно четко были определены иерархия и сфера компетенции частных комиссаров. По замыслу законодателя они так же, как и бывшие заседатели, должны были подчиняться земскому исправнику. Но, в отличие от своих предшественников, комиссары наделялись более широкими полномочиями. Поэтому, переоценивая значимость своей должности, они нередко обращались в Тобольск напрямую, в обход компетентного уездного центра, что провоцировало дублирование многих документов и только сильнее загружало губернскую канцелярию[447].

Организационные просчеты дополнялись сложностями, связанными с заполнением штатов. Нижние земские суды страдали от проблемы текучести кадров сильнее других учреждений; неустойчивость института заседателей и комиссаров распространялась на всю губернию. Помимо этого, на работе Берёзовского нижнего земского суда сказалась нестабильность секретариата. Найти постоянного человека на должность секретаря не удавалось. В первые десятилетия XIX в. руководители канцелярии сменялись не менее девяти раз, больше двух-трех лет никто из назначенных на этот пост секретарей не задерживался.

Все вышеперечисленные обстоятельства – критерии деления уездов на комиссарства, противоречивость в определении сферы компетенции комиссаров и, не в последнюю очередь, малочисленность штатов нижних земских судов – затрудняли, если вообще не заводили в тупик большинство дел, требовавших сотрудничества от коренного населения. Вести учет податного населения и, соответственно, размера уплачиваемого им ясака порой оказывалось невозможным. В июле 1792 г. заседателю Берёзовского нижнего земского суда Д. Кочетовскому не удалось взыскать недоимки. Согласно «подписанному свидетельству», подать с жителей Куноватской волости составила 258 соболей, однако подсчеты не сходились. Позже выяснилось, что со времени последней ревизии в 1769 г. «из положенных в оклад душ померло не малое число людей». Согласно документам, их было 52, а в реальности осталось лишь 38[448].

В инструкции Александра I генерал-губернатору И. О. Селифонтову подчеркивалось, что для «разгрузки» коронных судов в маловажных делах ясачному населению следовало регулировать конфликты на основании обычного права, но в уголовных и «подлежащих особенной важности» делах тяжущиеся стороны должны были обращаться в компетентный судебный орган для получения решения «по общим государственным узаконениям»[449]. Между тем дела «застревали» в нижних земских судах, выполнявших на местах и административно-полицейские, и судебные функции. Служащие нижних земских судов не справлялись с потоком поступавших на их рассмотрение вопросов. Дело «о похищенном в Кондинском селе из подвала казенного вина» не удавалось закрыть на протяжении нескольких судебных заседаний. Назначенные очные ставки с мещанином Решетниковым срывались, поскольку ясачный Кымладбазов «находился в неизвестных местах». Встреча с «нужным для спросу» князьцом Казымской волости также не состоялась, так как инородцы ушли на «каменный Урал и в свои жительства возвратиться могут не прежде, чем в октябре месяце»[450].

---

[447] Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью. С. 64–65; Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII — начале XIX вв. : Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 54.

[448] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 213. Л. 30–30 об.

[449] Цит. по: ПСЗ-1. Т. 27. № 20771. С. 631.

[450] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 34. Л. 1–7.

Рис. 2.25. Неизвестный художник. И. Б. Пестель. 1840-е гг. Изображение с сайта «Виртуальный музей декабристов». http://decemb.hobby.ru/index.shtml?/galery/unknown5

В том, что население Сибири имеет «более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях», император и сибирский генерал-губернатор сходились во мнениях[451]. Но предпринятые последним попытки приспособить общие «Учреждения о губерниях» к сибирским условиям оказались малоэффективными. При следующем губернаторе И. Б. Пестеле, сменившем И. О. Селифонтова в 1806 г., злоупотребления гражданских чиновников, а также родовых старшин достигли своего апогея (рис. 2.25). Успокаивать аппетиты комиссаров и канцелярских работников прибавками к жалованию не удавалось; беспорядки усугублялись, что в конечном счете привело к сокращению поступлений в казну денежных и натуральных налогов[452]. Последнее было особенно ощутимым, так как освоение северных территорий диктовалось торговыми и промышленными интересами и прибыль от Сибирской пушной казны составляла свыше 600 тыс. руб. в год. Все это заставило правительство в очередной раз обратить свое внимание на Сибирь[453].

Корректирование системы управления в начале 1820-х гг.

На нижний земский суд Берёзова и его «филиалы», Кондинское, Обдорское и Сургутское комиссарства, ревизионная комиссия обрушилась ураганом. В 1819–1821 гг. тщательной проверке, перевернувшей все с ног на голову, были подвергнуты архивы, инвентарь и сами здания, находившиеся в их ведении волостные избы, магазины, склады и казенные подвалы. Комиссию впечатлило плачевное состояние строений: обвалившиеся и дырявые крыши, испортившаяся от повсеместной бедности и сырости казенная мука; фиксировались массовые нарушения пожарной безопасности, отсутствие бочек с водой и обнаженные вытяжные трубы, а также, что неизбежно, практически полное игнорирование правил ведения делопроизводства. Подтвердились донесения о неуправляемости инородческих волостей; для надзора над ними не хватало ресурсов: ясак, бывало, выплачивался «посторонним писарям», то есть людям, писарями официально не являвшимся[454]. А что касалось настоящих писарей, то, наоборот, бросался в глаза уровень их некомпетентности. Ко всем этим «беспорядкам и небрежностям» в комиссарствах члены проверочной команды отнеслись со снисхождением, так как признавалась экстремальность условий, в которых должна была работать местная администрация на берёзовских форпостах[455].

---

[451] Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью. С. 64.

[452] ПСЗ-1. Т. 28. № 21444; Т. 30. № 23638.

[453] Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века : учеб. пособие. Иркутск, 2016. С. 20–21; Лар Л. А. Освоение территорий Обдорского Севера русскими в XVIII – начале XX в. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. 2009. № 1/2 (63). С. 190–191.

[454] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 13–37.

[455] Там же. Л. 38.

Сам Берёзовский нижний земский суд, однако, ждал беспощадный приговор. Ревизоров ошеломила степень запущенности служебных помещений. Полы были усеяны бумагой, а на столах и стульях скопились журналы, докладные регистры и прочие различного вида дела предыдущих лет – зашнурованные и незашнурованные, переплетенные и непереплетенные. Делопроизводственным процессом учреждения худо-бедно руководил младший персонал; дела не были завизированы секретарем, а ведомости, свидетельствовавшие о посещаемости присутствия, заполнялись задним числом. И это была лишь малая часть «беспорядков и небрежностей» в том длинном списке недостатков, который сначала был передан губернскому правлению, а затем самому генерал-губернатору[456].

Рис. 2.26. Г. А. Гиппиус. М. М. Сперанский. 1822. Из кн. Г. А. Гиппиуса «Современники, собрание литографических портретов государственных чиновников, писателей и художников, ныне в России живущих: посвящено Его Величеству государю Императору Александру I Г. Г. Гиппиусом» (СПб., 1822). Л. 8

Причиной реформы М. М. Сперанского, как уже говорилось, являлось неизменно критическое состояние гражданской службы Сибири. Центральной властью был избран хорошо известный способ для преодоления давно известной им проблемы. Весной 1819 г. М. М. Сперанский, такой же чиновник с сибирским опытом администрирования, как почти 20 лет назад И. О. Селифонтов, был назначен генерал-губернатором и наделен полномочиями от императора «сделать осмотр сибирских губерний и существовавшего до сего времени оных управления»[457] (рис. 2.26). По прибытии в Тобольск в июне того же года Сперанский объехал вверенную ему территорию и сформировал ревизионные команды. Однако, будучи ученым и при этом хорошо знающим особенности этого края человеком, он, в отличие от своих предшественников, не полагался на сотрудничество со стороны сибирских чиновников. Он приехал в Сибирь с собственным штатом, состоявшим из молодых сотрудников из европейской части страны[458]. На ревизию сложного Берёзовского уезда, чтобы тот был «обозрен чиновником способным, показавшим свою благонадежность»[459], направили пелымского комиссара Н. Булича. Выходец из черниговского дворянства, он попал в Сибирь в составе служащих канцелярии инженера Г. С. Батенькова, человека из ближайшего окружения самого Сперанского[460]. Слово Булича имело вес. Как того требовали правила игры, по итогам ревизии был снят с поста ответственный за состояние Берёзовского уезда исправник А. Андроников. Напрасными были старания удержаться на должности его преемника Е. Лебедева. Его оправдания и утверждения о том, что Булич «стремится на меня, невинного, клеветать»[461], остались неуслышанными. В то, что Лебедев «всегда стремился к благополучию»[462], никто верить уже не хотел.

---

[456] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 43–44.

[457] Цит. по: Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири. С. 113.

[458] Коновалов И. А. «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. – первый опыт кодификации М. М. Сперанского // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 32–39.

[459] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 1.

[460] Гаврилова Ю. Хранитель памяти, ты все оставил людям… // Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник : [сайт]. URL: https://chisto-muzei.ru/2019/06/xranitel-pamyati-ty-vse-ostavil-lyudyam/ (дата обращения: 01.11.2022).

[461] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 34. Л. 39.

[462] Там же.

По окончании кампании ревизоры были вознаграждены за проделанную работу, верность и взятие на себя хлопот весьма престижными в местной администрации должностями. Однако по понятным причинам они оказались назначены в другие уезды, где бывших проверяющих никто не знал[463]. Таким образом, в 1822 г. новым городничим Берёзова стал Н. Андреев, руководивший ревизионными мероприятиями в относившемся к Туринскому уезду Пелымском крае[464], а Н. Булича назначили исправником в Курган[465].

По результатам ревизии были возбуждены уголовные дела против 48 сибирских чиновников, среди которых значились губернаторы Томска и Иркутска. По официальным данным, в противозаконных махинациях был замешан 681 чел. Реальное число их было, скорее всего, гораздо больше. Но, во-первых, не все они могли попасть в поле зрения ревизоров, и, во-вторых, М. М. Сперанский проявил в итоге немалую долю лояльности к сибирским чиновникам, так как он прекрасно осознавал, что «никакое учреждение, для сих губерний изданное, не может быть свойственно Сибири без значительных изъятий и применений»[466]. Результатом ревизии Сперанского стало подписание Александром I 22 июля 1822 г. «Учреждения для управления Сибирских губерний»[467].

Основными задачами сибирской реформы являлись правовая реорганизация местной администрации, а также создание и систематизация соответствующего законодательства[468]. Впоследствии зауральская территория страны, как уже говорилось выше, была разделена на Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую губернии с административными центрами в Тобольске и Иркутске[469]. На внутригубернском уровне была организована четырехступенчатая система: главное, губернское, окружное и волостное управления, на каждой ступени которого должны были функционировать представительства основных ветвей государственной власти. Состоялась давно созревшая в системе гражданского управления Сибирью категоризация округов и городов в зависимости от численности населения на подвластной им территории[470]. Соответственно, округа, в которые теперь были переименованы уезды, разделялись на многолюдные, средние и малолюдные. Берёзовский округ наряду с Курганским, Тобольским, Туринским, Тюкалинским и Ялуторовским округами оказался в средней группе. В связи с этим Берёзовом управляли объединившиеся под крышей окружного правления окружной и земский суды и окружное казначейство.

---

[463] Коновалов И. А. Указ. соч. С. 32–39.

[464] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 413–416.

[465] Там же. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 56 об.

[466] М. М. Сперанский : Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирской реформы М. М. Сперанского) / [Л. М. Дамешек и др.]. Иркутск, 2003. С. 127; Прутченко А. С. Сибирские окраины. С. 101–102.

[467] В течение 1822 г. Александр I утвердил десять законов, которые составили «Сибирское учреждение». В него вошли «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городовых казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами» (ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. С. 345).

[468] Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX – начале XX веков. С. 187.

[469] ПСЗ-1. Т. 38. № 29125; № 29126. С. 345.

[470] Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью. С. 77–78; Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 3. С. 7–10, 38–41.

Комплект учреждений, если не учитывать переименование, остался тем же, что и в предыдущие годы. Изменились, однако, штаты и размеры оплачиваемого числившимся в них должностным лицам жалования. То и другое было адаптировано к требованиям региона и времени. Окружной суд, земский суд и казначейство возглавляли окружной судья, исправник и окружной казначей с годовым жалованием в размере 1 тыс. руб. К первому и второму из них, как во время екатерининского и павловского правлений, были прикреплены по два заседателя, годовое жалование которых составляло теперь 750 руб. в окружном суде и 600 руб. в земском суде. Оказавшийся неудачным нововведением институт частных комиссаров был упразднен. Вместо этого из числившихся в среднем разряде округов только обширным северным – Туринскому и Берёзовскому – были выделены по три дополнительных заседателя. В Берёзовском округе им подчинялись Кондинское, Обдорское и Сургутское отделения (как теперь называли комиссарства)[471].

Более серьезным изменениям (с учетом уровня их загруженности) подвергся штат канцелярских служащих окружного и земского судов; в них увеличивалось количество квалифицированного персонала. Наряду с секретарем, получавшим жалование в размере 600 руб. в год, в них теперь значились два столоначальника и по одному журналисту и архивисту с жалованием в размере 500 руб. в год. Кроме того, с учетом состава местного населения отделениям северных земских судов был выделен штат переводчиков, получавших за свои услуги по 300 руб. ежегодно. Заметно лучше финансировались канцелярии: ежегодно выплачивавшаяся для канцелярских нужд сумма составила 2500 руб.[472]

В 1822 г. к сибирским реалиям было адаптировано и городское управление. Подобно округам, города были разделены на многолюдные, средние и малолюдные. Долгих объяснений, почему Берёзов оказался в группе малолюдных, не требуется. С периода екатерининского правления город практический не вырос: в 1823 г. он состоял из 143 домов, казенных и общественных включительно; числилось в них 922 жителя обоего пола[473]. Соответственно, после 1822 г. город продолжали возглавлять городничие[474].

Вопросом другого плана является то, как в итоге в Берёзове новые порядки были реализованы. Как и ранее, их внедрение велось очень традиционным образом. Осуществление правительственных статутов сопровождалось чиновничьими рокировками. Кадров на всех уровнях власти по-прежнему не хватало. Именно поэтому одно из самых необходимых нововведений реформы – расширение штатов канцелярских служителей, особенно в перегруженных делами нижних земских судах – осталось неосуществленным. В Берёзове, судя по формулярным спискам 1826 и 1829 гг., во всех присутственных местах трудились, как и в прошлые годы, по два-три младших делопроизводителя[475].

Большого удивления, однако, подобные наблюдения не вызывают, поскольку, по существу, от прежнего екатерининского новый закон М. М. Сперанского отличался лишь в одном пункте: «Учреждение для управления Сибирских губерний» было максимально адаптировано к этно-демографическим и социально-экономическим условиям Азиатской России. Выбранные автором проекта способы достижения цели не изменились. «Учреждение» Сперан-

---

[471] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 48–59.

[472] Там же.

[473] Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. Табл. 8 «О состоянии городов».

[474] Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. С. 48–59.

[475] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 3. Д. 5. Л. 418–419, 423; Д. 10. Л. 45–46 об.

ского как «дитя своего времени» является по сути своей таким же законодательным памятником полицейского государства, как и екатерининский закон 1775 г. Соответственно, «добрые порядки» по-прежнему должны были устанавливаться «полезными законами», комплексом нормативно-правовых актов, подробно регулирующих все сферы общественной жизни подвластных подданных. Что касается уровня административно-технического ноу-хау, раннемодерное государство, каким Россия еще являлась в конце «длинного» XVIII в., при реализации своих преобразовательных проектов продолжало отдавать предпочтение экстенсивным методам вместо ресурсосберегающих интенсивных. Так же, как в предыдущем столетии, гарантировать стабильность должны были густая сеть местных учреждений и расширение состава служащих государственного аппарата.

Люди, особенно на сибирской гражданской службе, по-прежнему оставались в дефиците. Изменить эту ситуацию само правительство было не в состоянии. Думается, что по этой причине мероприятия кадровой политики государства не выходили за прежние рамки. Желающим перевестись в Сибирь традиционно обещали льготы и иные привилегии[476]. Правда, таких желающих служить, особенно в Берёзове, оставалось крайне мало. Итак, можно согласиться с отзывом о местном чиновничестве журналиста «Современника» К. Губарева, путешествовавшего по северу Сибири в 1863 г.:

> *…Кто же при такой перспективе решится запропаститься в этот край из порядочных людей? <…> Едет или бедняк, или тот, кто лишится места в внутреннем округе, или, правильнее, кого в видах исправления и наказания переведут в Берёзов*[477].

В некоторой степени он, безусловно, был прав, однако такого рода характеристика могла бы относиться к состоянию гражданской службы любого отдаленного региона страны. К тому же в очерке о Берёзове К. Губарева осталась незатронутой одна из главных особенностей состояния кадров государственных служащих в этом городе. Самый северный округ Тобольской губернии оказался одновременно «переукомлектованным» и «недоукомплектованным». Несмотря на старания установить некое равновесие, как показала категоризация округов и городов, при распределении людских ресурсов правительство руководствовалось теми же принципами, что и его предшественники. В каждой административно-территориальной единице продолжал функционировать соответствующий ее официальному статусу набор учреждений местного управления, в связи с чем в Берёзовском округе значилось одинаковое количество чиновников с Курганским и Ялуторовским округами с их 95 012 и 92 584 жителями соответственно[478]. Таким образом, в 1823 г. в «малолюдном» Берёзове концентрировались 23 табельных гражданских чиновника «на службе» без учета их семей и приказных[479].

В «пустынном» округе, обладавшем громадной территорией площадью 889 095 кв. верст (68 % площади всей Тобольской губернии), где каждое отделение, само по себе необъятное, превосходило по занимаемой им площади большинство южных и центральных округов губернии, заседатели земского суда по-прежнему действовали практически в одиночку,

---

[476] ПСЗ-1. Т. 38. № 29513.

[477] Цит. по: Губарев К. От Тобольска до Берёзова. С. 378.

[478] Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений : дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2000. С. 623. Прил. 2. См. также: Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 260.

[479] Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. Табл. 8 «О состоянии городов».

надеясь на собственные силы[480]. Приобрело ли новые формы сотрудничество с представителями окружного населения? Состав жителей Берёзова и его округа, естественно, не изменился. Как и в начале рассматриваемого периода, здесь проживали преимущественно коренные народы. Ясачные остяки и самоеды (10 335 ревизских душ) составляли 96 % местного населения[481]. Маловероятно, что даже с учетом данной специфики составленные законы и тщательно подобранный состав переводчиков были в состоянии существенно облегчить административные взаимоотношения с кочевыми народами. Правила игры оставались доступными лишь для меньшей доли ее участников, поскольку «завести должный порядок ясачные по простоте своей не знают»[482].

Однако, несмотря на все проблемы, оставшиеся непреодоленными и в конце «длинного» XVIII в., более результативным подходом в изучении реформ является тот, в котором большее внимание уделяется изучению реализации той или иной преобразовательной инициативы, в отличие от подхода, предусматривающего акцентирование внимания на их недочетах. Изданием «Учреждения для управления Сибирских губерний» 1822 г. завершился важный этап – законодательно урегулированная интеграция Сибири в имперское управленческое пространство. Трудозатраты, материальные и душевные, потребовавшиеся для реализации такого масштабного проекта, были колоссальными. На окраинах и без того удаленной территории местные власти порой достигали предела своих возможностей. Правительство, без сомнения, старалось разработать максимально адаптированные к сибирским условиям законы, но главное бремя воплощения в жизнь задуманных в столицах концепций зачастую лежало на плечах местных исполнителей. Обеспечение функционирования управленческой машины осуществляли либо чиновники и канцелярские служители, отправленные в восточную часть страны, либо настоящие сибиряки. Формально они справились с этим трудным заданием совсем неплохо: о регулярной деятельности присутственных мест Берёзова свидетельствует массив архивных документов. Но интенсивное делопроизводство нетождественно эффективности управления; качество последнего, как было показано выше, оставалось низким.

---

[480] Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. С. 625. Прил. 3.

[481] Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810. С. 274–275.

[482] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 44.

Глава 6

Организация управления автохтонным населением: от ясачной волости – к инородной управе

Отечественные исследователи, изучая управление этноконфессиональным разнообразием Российской империи в ходе ее формирования и становления, пришли к выводу, что «адаптация присоединенных территорий к общегосударственным стандартам подданства и управления происходила медленно, растянувшись на полтора-два столетия. Правительство первоначально не форсировало этот процесс, часто довольствуясь лишь формальными признаками подчинения и лояльности и исправным обеспечением налоговых платежей»[483].

Подчинение и последующая интеграция Югорской, Кондинской, Пелымской, Обдорской и подобных им зауральских «земель» с включением некоторых названий в объектную часть царского титула закрепили в отношении них весьма древнее («домосковской старины») представление как о «волостях-княжениях». Инициирующими актами и правовыми основаниями закрепления их в структуре Русского государства были шерти-присяги и жалованные грамоты[484]. Соответственно этому выстраивались отношения с природными владетелями («князцами») этих земель. Центральная и местная администрации были заинтересованы, чтобы во главе соответствующих объединений «ясачных иноземцев» находились лица, обладавшие реальным авторитетом в среде своих соплеменников. Это служило определенной гарантией выполнения условий заключенных шертей, прежде всего выплаты дани-ясака, пока арсенал других мер воздействия и контроля был ограничен (рис. 2.27). Даже в случаях восстаний против русской власти и устранения мятежных «княжиков» династический принцип ротации волостных лидеров, где это было возможно, сохранялся.

---

[483] Российская империя: от истоков до начала XIX века : Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 854; Тишков В. А., Трепавлов В. В. Синтез народов и культур в Российском государстве (восточное направление колонизации в XV–XVIII веках) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии : К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск, 2013. С. 596–597.

[484] См. об этом: Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177; Слугина В. А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв. : Шертовальные записи и процедура шертования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017; Беляков А. В. Организация управления в Московском государстве XV – начала XVII в. на вновь присоединенных территориях с преимущественно нерусским населением // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2022. № 33 (89). С. 64–80.

Таким образом, именно политический фактор в конце XVI – XVII в. сыграл определяющую роль в процессе трансформации угорских «княжеств» в фискально-административные единицы – ясачные волости.

Рис. 2.27. Н. Н. Каразин. Приведение к шерти. 1891. Изображение с сайта: SmolBattle : поисково-исторический форум. https://smolbattle.ru/threads/Жизнь-сибирских-казаков.34400/

Волостная организация народов Югры выступала не только инструментом фиксации и учета ясакоплательщиков – она являлась способом структурирования и маркировки вновь осваиваемых территорий. Посредством нее осуществлялся своеобразный «перевод» автохтонных социальных и потестарных структур на понятный для русской системы управления язык. Материалы «Чертежной книги Сибири» и «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова позволяют заключить, что волости «ясачных тоземцев» к началу XVIII в. являлись структурообразующими пространство единицами первичного уровня наряду с русскими городами, острогами и слободами. Нередко волости выступали для картографа в качестве ориентиров при определении границ уездов. Так, на «Чертеже земли Берёзова города» обозначено: «От сех мест Тоболской уезд Коцкие городки и волости». На чертеже земель города Сургута находим: «Пошли Сургуцкие волости с устья и по Малому Салыму». В отношении самоедов, формально приписанных к русским острогам и зимовьям, даются такие пояснения: «Самоядския жилища. Приезжают с тундры на время для рыбных промыслов», «р. Пур, немирные самоедь юрацкая»[485].

Согласно данным Б. О. Долгих, в первом десятилетии XVIII столетия на территории Северо-Западной Сибири ясачными книгами зафиксированы следующие волости:

– *Тобольский уезд*: Назым, Демьян, Верх-Демьянки Григорова, Нарым, Тархан (Колпукол), Цынга, Юконда и Малая Конда.

[485] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1710 году : [в 2 т.]. М., 2003. Т. 1. Факсим. изд. Л. 10–11 об., 15 об.

– *Пелымский уезд*: Низ-Тавдинская, Тахтатанская, Верх-Пелымская, Ворьинская, Вагильская, Сосьвинская, Лиственичная, две Таборинских, Леуши и Большая Конда.

– *Сургутский уезд*: Юганская, Юганская Подгородная, Бардакова, Салымская, Селиярская, Аслыпская, Темличеева, две Ваховские, Лунпукольские, Васюганская, Ларьятская, Тымская и Караконская.

– *Берёзовский уезд*: Обдор, Казым, Куноват, Сосьва, Естыл, Ляпин, Белогорская, Подгородная, Кода, Ендыр, Васпукол[486].

Отметим, что в их составе и названиях еще прослеживаются терминология и остатки угорских социально-административных структур до-русского периода. Состав и распределение волостей по уездам до начала XIX в. не отличались стабильностью: одни укрупнялись, другие распадались на более мелкие. Волость Кодских городков, возникшая на месте Кодского «княжества», неоднократно переходила в ведение то Тобольска, то Берёзова. Леушинская и Темличеева волости вошли в состав Тобольского уезда. Из Сургутского уезда в Нарымский была передана Васюганская волость. Наконец, процесс укрупнения уездов (Туринского за счет Пелымского в 1781 г. и Берёзовского за счет Сургутского в 1804 г.) также следует учитывать при определении места угорских волостей в административно-территориальной структуре Западно-Сибирского региона. Информация о поуездном распределении, этнической принадлежности и численности населения этих волостей после преобразований 1760-х – начала 1780-х гг. представлена в табл. 2.2—2.5[487]. С незначительными изменениями в своем составе перечисленные ниже волости просуществовали до проведения административной и ясачной реформ 1820-х гг.

Таблица 2.2

Ясачные волости Берёзовского уезда по данным IV ревизии (1782–1783 гг.)

Название волости	Самоеды	Остяки	Вогулы
Обдорская	3 387	2 032	–
Куноватская	41	1 363	–
Сосьвинская	–	–	1 121
Ляпинская	163	–	1 222
Казымская	507	714	–
Подгородная	–	429	–
Кодские городки (Кодская)	–	2 909	–
Итого	4 098	7 447	2 343
Всего	13 888		

[486] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии. М., 1960. Новая сер. Т. 55. С. 29, 32, 57, 65, 80.

[487] Сост. по: ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 4. Л. 1272–1389; Д. 38; Д. 43. Л. 1–307, 326–409; Д. 44. Л. 38–284 об. В таблицах приведена общая численность душ мужского и женского пола.

Таблица 2.3

Ясачные волости Сургутского уезда по данным IV ревизии (1782–1783 гг.)

Название волости	Остяки (ханты)	Остяки (селькупы)
Пирчина	329	–
Салтыковы	294	–
Лумпокольские	734	–
Тымские	–	468
Караконские	–	256
Ваховские	521	–
Аганская	127	–
Малоюганская	352	–
Большеюганская	551	–
Юганская Подгородная	403	–
Тром-Юганская	342	–
Пимская	170	–
Салымская	273	–
Селиярская	90	–
Итого	4 186	724
Всего	4 910	

Таблица 2.4

Ясачные волости обских угров Тобольского уезда по данным IV ревизии (1782–1783 гг.)

Название волости	Вогулы	Остяки
Назымская	–	313
Туртасская	–	182
Нарымская	–	414
Тарханская	–	626
Верхнедемьянская	–	393
Темлячевская	–	400
Меньшекондинская	–	605
Кондинская	350	–

Окончание табл. 2.4

Больше-Юкондинская	290	–
Ландинская (Меньше-Юкондинская)	97	–
Леушинская	188	–
Итого	925	2 933
Всего	3 858	

Таблица 2.5

Ясачные волости Пелымской части Туринского уезда по данным IV ревизии (1782–1783 гг.)

Название волости	Вогулы
Нижнетабаринская	160
Верхнетабаринская	261
Вагильская	101
Верхнекондинская	385
Большекондинская	585
Верхнепелымская	258
Сосьвинская	122
Тахтанская	242
Ворьинская	73
Итого	2 187

Практически любую угорскую волость конца XVIII – начала XIX в. можно рассматривать как объединение территориально-соседских общин, локализованных в рамках селения (юрта, городка) или группы селений. В большинстве случаев территориальные связи носили традиционный, а не искусственный характер, что не дает оснований считать их чисто административными образованиями. Так, Е. П. Мартыновой ряд хантыйских волостей сопоставляется с локальными этническими общностями – «этнодемами», население которых говорило на особом диалекте и обладало специфическими особенностями культуры и быта[488]. Она подчеркивает, что в XVIII–XIX вв. в волостях хантов территориальные связи тесным образом переплетались с генеалогическими. З. П. Соколова установила соответствие некоторых обско-угорских волостей этнотерриториальным группировкам хантов (ех, ях) и манси (махум)[489].

В первой трети XVIII столетия во взаимоотношениях Российского государства с народами Сибири и их элитами осуществлялся переход от методов военно-политического подчинения и регулирования к правовым. Правительственные чиновники первой четверти XIX в.

[488] Мартынова Е. П. Структура социальной организации хантов в XVIII–XIX вв. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников в Западной Сибири. Томск, 1990. С. 85.

[489] Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 125–126.

в обзоре предшествующего законодательства о сибирских народах отметили, что оно ограничивалось «небольшим числом указов о приведении в христианство и двумя инструкциями: 1) данною в 1728 году Владиславичем-Рагузинским пограничным (по Китайской линии) дозорщикам Фирсову и Михалеву о разборе маловажных дел ясачных иноверцев; и 2) данною за Высочайшим подписанием в 1763 году секунд-майору Щербачеву о ясачной подати». При этом было подчеркнуто, что инструкции эти представляли лишь «предварительное начертание тех оснований, на коих долженствовали быть составлены полные правила о инородцах»[490].

Рис. 2.28. С. Л. Владиславич-Рагузинский. Литография П. Андреева. Фото с сайта «Живописец Иван Никитин: сайт историка искусства Головкова Владимира Павловича». http://ivan-nikitin.ru/publications/books19/glava4e.shtml

Следует пояснить, что граф С. Л. Владиславич-Рагузинский, назначенный чрезвычайным посланником для урегулирования вопросов с Китайским государством, разработал правила для пограничных дозорщиков в дополнение к инструкции 27 июня 1728 г.[491] в связи с дошедшими до правительства жалобами на притеснения от сборщиков ясака и беспорядки по управлению у забайкальских бурят на приграничных территориях (рис. 2.28). В «Обозрении главных оснований местного управления Сибири» эта инструкция рассматривается как нормативный акт, регулировавший прежде всего сферу суда. Характерно замечание о том, что ее положения подтверждены высочайшим указом от 6 марта 1783 г. в той части, что «суд и расправа во всех делах тяжебных и в неважных уголовных между сибирскими инородцами предоставлены родовым их управам и почетным людям по их степным правилам»[492].

По мнению некоторых исследователей, инструкция 1728 г. была зачатком будущей модели административно-управленческой интеграции сибирских народов в общероссийскую государственную систему, началом замены традиционных общественных форм административными, а ее значение выходило за изначально определенные территориально-административные рамки[493]. Правда, в работах этих авторов не приведено документальных примеров действия названной инструкции за пределами районов Восточной Сибири.

Н. А. Миненко не склонна рассматривать «Инструкцию пограничным дозорщикам» как основополагающий документ в области управления сибирскими автохтонами, ограничивая его

---

[490] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. С. 24–25.

[491] Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. Сообщение В. Н. Баснина // ЧОИДР. М., 1875. Кн. 2. С. 34–37.

[492] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. С. 27.

[493] См.: Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начала XX в.). Иркутск, 2007. С. 5; Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 35; Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки / сост. и ред. Ю. И. Семенов. М., 1998. С. 33–34.

сферу судебным нормотворчеством. При этом она подчеркнула, что «не все указы и инструкции о порядке разбирательства в делах между ясачными принимались к исполнению на территории Северо-Западной Сибири». Здесь до определенного времени не было потребности в подобных документах, так как «ясачные сами не выносили мелкие… дела на суд русских»[494].

Исследование А. Ю. Конева отчасти подтвердило предположение Н. А. Миненко. Он пришел к выводу, что действие инструкции С. Л. Владиславича-Рагузинского долгое время имело локальный характер исключительно для урегулирования взаимоотношений русской администрации с бурят-монгольским населением в приграничных районах Забайкалья. Ее положения не применялись в Средней и Западной Сибири. Так, например, в инструкциях ясачным сборщикам Енисейской и Тобольской провинций не содержалось запрета на разбор «судных дел» ясачных людей[495].

Только в 1740-х гг. началось распространение действия отдельных норм 1728 г. за пределами Байкальского региона. 27 октября 1740 г. последовал указ из Сибирской губернской канцелярии в «Тобольской провинции в городы, и в Енисейскую провинцию, и в ямы», которым повелевалось

> *…посылающимся для ясашного сбору… в инструкциях писать також и приказывать, чтоб они, камисары и ясашные зборщики, по силе, данной пограничному дозорщику… из Иркуцкой правинциальной канцелярии инструкции, ни в какие судные дела, кроме ясашного сбору, отнюдь не вступали.*

Вместе с тем этот указ не регламентировал полномочия волостных и родовых князцов и старшин в отношении как суда над соплеменниками, так и сбора ясака, как это было сделано в инструкции 1728 г.[496]

Можно утверждать, что положения 1728 г. опередили свое время. Они не имели до конца XVIII в. систематического и повсеместного применения в практике управления сибирскими народами. Только документами первой ясачной реформы и высочайшим указом 6 марта 1789 г., подтверждавшим инструкцию 1728 г., «иноверческим начальникам» вверялось «ближайшее управление по улусам и стойбищам» и предоставлялись «суд и расправа во всех делах тяжебных и в неважных уголовных… по собственным их степным правилам»[497].

В. Ф. Зуев, посетивший в 1771 г. Берёзовский край, отметил, что остяки «выбирают между собою лучших и умных людей, но богатые по большей части у их в особливом пребывают почтении». При этом такие князцы «никакого окладу не имеют»[498]. В 1780-х гг. избиравшиеся своими сородичами главы волостей и родов стали утверждаться в должностях губернскими властями. Они приносили присягу на верность царю, им вручались наказы, определявшие

---

[494] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 238–239.

[495] См.: Конев А. Ю. О роли и значении Инструкции пограничным дозорщикам 27 июня 1728 г. в правовом регулировании управления и суда «ясачных иноземцев» Сибири // Изв. Алтай. гос. ун-та. Сер.: История, политология. 2012. № 4/2 (76). С. 116–121.

[496] ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1895. Л. 137 об., 139.

[497] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. С. 27. Судебные права сибирских «ясашных» были позднее подтверждены именным императорским указом, данным Тобольскому и Иркутскому генерал-губернатору И. О. Селифонтову 23 мая 1803 г. См.: ПСЗ-1. Т. 27. № 2077. П. IX.

[498] Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов // ТИЭ. М. ; Л., 1947. Новая сер. Т. 5. С. 52.

их функции и компетенции[499]. Приведем фрагмент такого наставления, который получил в 1789 г. из Тобольского нижнего земского суда старшина Тарханской волости «ясашных остяков» Салтанаков:

> *Чтоб он в сей правлением порученной ему должности поступал во всем по точной силе изданных узаконений и сходно учиненных о том от сего суда преждебывшему старшине предписаниев без всякого упущения, а при том и положенной ясак ведомства своего с ясашных взыскивал в узаконенное время, представляя в платеж в уездное казначейство бездоимочно и неотменно в назначенные сроки, а сверх того и посылаемые из сего суда повеления старался выполнять во всей их точности без малейшего упущения*[500].

Утверждение «князцов» и старшин губернскими властями на данном этапе имело во многом формальный характер. Этим актом лишь констатировался факт избрания или наследования должности, что означало не более, чем официальное признание полномочий традиционного лидера, которому доверялся государством ряд определенных функций. Реально повлиять на результаты выборов, проводившихся на основе обычного права, царская администрация не могла. Сроки пребывания в должности глав волостей не были определены и зависели скорее от авторитетности избранного лица и его физической способности исполнять возложенные обязанности, чем от каких-либо иных факторов. Так, в Сургутском уезде в конце XVIII – начале XIX в. некоторые сотники исправляли свои обязанности в течении пяти и более лет, как, например, Алексей Османов, являвшийся сотником Мало-Юганской волости с 1796 по 1808 г.[501] В то же время утвержденный волостной старшина мог быть в любой момент сменен своим обществом. Например, в 1824 г. остяки Кодских городков «за небрежение о вверенной сумме» провинившихся старшин «отменили» и на их место избрали других, о чем представили в земский суд приговоры[502]. Процедура утверждения не распространялась на глав подразделений, находившихся в составе волости. Весьма сомнительно, чтобы ей подвергалось и большинство старшин «самоедов», чьи роды часто распадались, соединялись, а некоторые вообще не были известны русским, вследствие чего контроль за выбором этих старшин был попросту нереален.

Своеобразным индикатором начавшегося процесса бюрократизации низового уровня управления народами Югры было появление специальных печатей, выдававшихся «иноверческим начальникам» с конца XVIII в. К 1816 г. такие печати имели главы остяцких и вогульских волостей Тобольского и Туринского уездов, а «князцы», старшины и сотники Берёзовского уезда трех комиссарств продолжали прикладывать «по безграмотству» свои тамги[503].

В Нижнем Приобье продолжали существовать династии наследственных «князцов». Причем «по смерти же оных», отмечал В. Ф. Зуев, правление их доставалось тем сыновьям, «кои

---

[499] Рабцевич В. В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII – первых десятилетиях XIX столетия // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 238–239.

[500] Там же. С. 240.

[501] Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. С. 153.

[502] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 83 об.

[503] Образцы этих печатей и штампов представлены по всем волостям региона в «сказках» VII ревизии: ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 347, 357, 404.

ясашными будут усмотрены и удостоены к тому способными»[504]. К категории «жалованных князей» относились обдорский Матвей Тайшин и куноватский Яков Артанзиев (Артанзеев), получившие в 1768 г. по их прошению подтвердительные грамоты на княжеское достоинство и наследственное управление своими волостями от императрицы Екатерины II[505]. Они сохраняли дарованные их предкам привилегии, и в первую очередь освобождение от уплаты ясака, чем были поставлены в исключительное положение. Упомянутые князья были направлены в июле 1767 г. Д. И. Чичериным в Москву депутатами в Уложенную комиссию. Сибирский губернатор, характеризуя этих «сибирских принцов», писал своему брату генерал-полицмейстеру и сенатору Н. И. Чичерину, что они государыне императрице «повезли в подарок шесть лисиц черных, и дипломы с сабою повезли ж объявить у вас: пущай де узнают, што мы князья, а не подлые». И добавлял: «ручаюсь, што не ударят себя лицом в грязь: фигуру сделают при дворе не хуже французских»[506].

Причина такого внимания правительства к представителям двух названных остяцких родов объясняется той ролью, которая отводилась им как агентам царского фиска в наиболее труднодоступных районах Северного Приобья. В лице Тайшиных российская администрация имела своеобразный «остяцкий канал» управления обдорскими ненцами, которые только в 1760-е гг. были положены в окладной ясак. К тому же «самоеды» не были переписаны полностью. Поэтому сбор ясака с них был весьма затруднителен. Приурочив пожалование грамот этим «князцам» ко времени завершения первой ясачной реформы, верховная власть рассчитывала обеспечить максимально возможную поддержку с их стороны проведению своей фискальной политики в регионе.

Нельзя не упомянуть и об иных представителях угорских княжеских родов, некоторые из которых, хотя и продолжали наследственно управлять своими волостями, все же не смогли получить того высокого статуса, который был пожалован Матвею Тайшину и Якову Артанзиеву с потомками. По данным VII ревизии, во главе Подгородной волости в 1816 г. находился «князец» Федор Навьюхов, в Сосьвинской – Михайло Сянтлин, в Ляпинской – Семен Шешкин (Шекшин), в Казымской – Григорий Канчин[507] (рис. 2.29). А вот потомки кодских «владетелей» после отстранения Дмитрия Алачева от управления своей «вотчиной» и ее конфискации «на великого государя» в декабре 1643 г.[508] не сохранили за собой даже статуса старшин в волостях своего бывшего расформированного «княжества». В ревизской сказке 1816 г. по Больше-Кондинской волости Туринского уезда значится 46-летний «князь» Иван Иванов Сатыгин[509], правнук некогда могущественного кондинского «княжика» Сатыги, потомки которого правили в Конде на протяжении XVIII в.[510] Но Иван Сатыгин, судя по всему, был уже лишен наследственного права «надзирать новокрещенов и собирать с них

---

[504] Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии. С. 52.

[505] ТИАМЗ. ТМ-12850. Л. 1–3 (Подлинная за императорской подписью грамота князю Куноватской волости Якову Артанзиеву от 14 января 1768 г.); Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // ТГВ. 1858. № 20. С. 376; Акишин М. О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII вв. // Урал. ист. вестн. 1994. № 1. С. 131–132; Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 84–86.

[506] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 123, 124.

[507] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 9, 215 об., 321 об., 480.

[508] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Науч. тр. Т. 3, ч. 2. С. 115.

[509] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 357. Л. 93 об.

[510] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. С. 150–151.

Рис. 2.29. Князь Тайшин и старшины. Рис. М. С. Знаменского. ТИАМЗ. ТМ-ГИ-291

ясак». Формальный атрибут главы волости – печать – принадлежал не ему, а старшине Тимофею Гагарчикову. Сохранился любопытный документ, свидетельствующий о попытке Сатыгина исходатайствовать себе право на исключение из ясачного оклада и пожалование дворянского звания[511].

Несмотря на то, что старшины были официально наделены всей полнотой власти в своих волостях и родах, единолично они решали, как правило, только незначительные вопросы. Там, где речь шла о долгах, нарушении прав собственности, конфликтах супругов, они советовались с коллективом, точнее, с его наиболее авторитетной частью – собранием «лучших людей». Обычной была практика решения дел на сугланах (ярмарках), во время уплаты ясака, при общих сходах. Эти сходы представляли собой собрание всех мужчин волости, рода, уплачивающих ясак. Только здесь решались важнейшие споры, особенно те, что возникали между отдельными селениями, родами, ватагами[512].

Как известно, ряд волостей Берёзовского уезда имели в своем составе несколько городков и родов, в которых также существовали свои старшины (старосты). В таких волостях, как Обдорская и Куноватская, существовала устойчивая традиция подчинения старшин городков своему волостному потомственному «князцу». В этом случае фискально-административный фактор лишь укреплял традицию, которая, по-видимому, восходила ко временам племенных «княжеств» XVI в. Самоуправление в этих волостях реализовывалось на двух уровнях: старшиной с согласия одноюрточных жителей на уровне городка (юрта) и на уровне волости. В тех же случаях, когда административные границы объединяли традиционные

[511] ИсАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31.

[512] Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 132; Обычаи инородцев Тобольской губернии: вогул, остяков и самоедов // Сборник обычного права сибирских инородцев / изд. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1876. С. 13–15; Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995. С. 55, 61.

общности, у населения которых не было внутренней потребности иметь особого старшину на административно-волостном уровне, его, как правило, в этот период не существовало. Все функции, в том числе и фискальные, выполнялись старшинами этих группировок. Так обстояло дело (до 1822 г.) в волости Кодских городков в составе нескольких «сборов»[513]. В Тром-Юганской, Больше-Юганской, Подгородно-Юганской, Салтыковой, Лумпокольской и Ваховской волостях Сургутского уезда (отделения, округа), имевших в своей структуре от двух до трех протоволостных группировок, не выделявшихся до второй половины XIX в. в самостоятельные административные единицы, с 1780-х гг. устойчиво фиксировалось число сотников-старшин, соответствовавшее количеству этих субподразделений[514].

Известно, что в результате Первой Ясачной реформы 1763–1769 гг. роды тундровых и лесных сибирских ненцев были причислены в состав четырех угорских волостей. Тем самым главы ненецких родов ставились в подчиненное положение по отношению к хантыйским и мансийским «князцам», через которых они должны были сдавать ясак русским властям. Могли ли реально эти «княжики» осуществлять какие-либо иные управленческие функции в отношении подведомственных самоедов, кроме фискальных?

Для того, чтобы судить о влиянии остяцких волостных лидеров в ненецкой среде, необходимо исходить из истории и характера взаимодействия нижнеобских этносов. В каждом конкретном случае они имели свои особенности. У лесных (казымских) ненцев благодаря достаточно устойчивому этнокультурному барьеру, сложившемуся между ними и правобережными казымскими хантами, по-видимому, была высокая степень независимости собственных институтов самоуправления. В этноконтактной зоне Куноватской и Ляпинской волостей, где с начала XIX в. активизировался процесс постепенного размывания малочисленных ненецких изолятов обско-угорским окружением, создавались условия для роста влияния угорских «князцов». Однако в указанный период этот процесс еще не зашел слишком далеко. Наличие собственных старшин у куноватских и ляпинских ненцев[515] свидетельствовало о такой степени монолитности этих группировок, когда существовала необходимость иметь свое внутреннее управление, а также об определенном противостоянии некрещеных самоедов крещеным остякам и вогулам[516].

Статус обдорских Тайшиных как «межэтнического» властного института имел в основании не только факт военно-политической (в XVI–XVII вв.) и административной (с середины XVIII в.) зависимости обдорских самоедов от остяцких князей, он опирался на устойчивые семейно-брачные и религиозно-культовые взаимосвязи обдорских остяков и самоедов[517]. Примечательно в этой связи сообщение Ф. Белявского конца 1820-х гг., что ненцы как «повиновались прежде… князьям Тайшиным, так и по оное время Тайшина предпочитают своему старшине Пайголу»[518].

---

[513] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 25–61, 74–121 об., 230–232, 481 об. –644; Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 46 об.

[514] ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 851. Л. 166–296; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 182; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси. С. 68–72, 152–153; Конев А. Ю. Коренные народы. С. 62–64.

[515] Старшины куноватских, ляпинских, а также казымских самоедов не фигурируют в документах VII ревизии, но появляются в материалах Второй Ясачной комиссии. См.: ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 851. Л. 85, 115, 129.

[516] Конев А. Ю. Коренные народы. С. 72–73.

[517] Подробнее об этом: Перевалова Е. В. Северные ханты. С. 68–69, 109, 199, 226–237.

[518] Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 84. Следует пояснить, что еще в 1760-х гг. у самоедов Каменной стороны упоминаются «главный самоедин» Гытпад Хамин, а у самоедов Низо-

Из всего вышесказанного можно заключить, что «князцы», старшины и сотники обских угров и самодийцев рассматриваемого нами региона в XVIII –начале XIX в. оставались органичным элементом системы автохтонного самоуправления. Этническая и религиозная солидарность, зависимость от выбора коллектива и мнения «лучших людей», податное положение абсолютного большинства из них не позволяли им превратиться в бюрократический административный институт. Они являлись прежде всего представителями своих сообществ перед лицом государственной власти, а не представителями государства перед лицом своих соплеменников.

Следует подчеркнуть, что в период правления Екатерины II монаршее покровительство в отношении народов «Сибирского царства» с опорой на туземные элиты рассматривается как важный фактор в укреплении позиций самодержавной власти и усилении влияния центра на окраинах империи. Не случайно вогульские и остяцкие «князцы» и старшины были приглашены в августе 1782 г. в Тобольск на торжественные мероприятия, приуроченные к открытию наместничества[519]. Генерал-губернатор Е. П. Кашкин, докладывая «великой государыне» о состоявшихся торжествах, особо отметил:

> *Сибирские народы, принимая постановление высочайших вашего императорского величества учреждений яко августейшее монаршее благоволение и милосердствующее попечение о благополучии ныне живущих и будущих племян, возносят с чувствительными сердцами благодарении свои к Всевышнему за низпосылаемые от престола Величества вашего толь неизчетные милости, означая при всяком случае должную верноподданническую благодарность и усердие к исполнению повеленнаго*[520].

С 1780-х гг. по 1822 г. власть в Тобольском, Туринском и Берёзовском уездах, как и по всей Сибири, принадлежала нижним земским судам во главе с земскими исправниками. Крупные уезды делились на комиссарства. В каждое из них назначался подчиненный исправнику представитель земского суда – частный земский комиссар. В ведении этих комиссаров и находились ясачные волости. Комиссары отвечали за благосостояние вверенных им волостей, контролировали процесс сдачи и приема ясака, а также оказывали содействие в разборе маловажных тяжб и споров земского суда. Комиссары получали право непосредственного обращения к губернскому начальству, вследствие чего они выступали зачастую в роли самостоятельных руководителей в своем комиссарстве, «представляя собою земский суд»[521].

Перейдя к методам административно-бюрократического контроля, государство нарабатывает новые приемы и формы взаимоотношений с коренным населением Сибирского Севера. Однако в ходе этого процесса обнаруживается дефицит организационных, правовых и коммуникативных средств его обеспечения. С изменениями в общественном и экономическом состоянии сибирских народов становилась очевидной неприемлемость единых форм и методов управления «живущими деревнями, занимающимися земледелием

вой стороны – Казан Садин. Должность главного самоедского старшины – им стал Пайгол (Пайвол) Нырмин – вновь появляется в период проведения реформы 1822 г. после отнесения в 1824 г. остяков нижней Оби и самоедов к разным разрядам инородцев. После смерти Пайгола самоеды Обдорской волости вновь оказались под управлением Тайшиных. См.: ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 39. Д. 116. Л. 13 об.; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 179–180.

[519] Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 191–192, 459.

[520] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Ч. 1. Л. 33–33 об.

[521] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 218.

и всеми крестьянскими промыслами», и «северными самоедами и остяками, рассеянными на великих пространствах и нигде не имеющими постоянного жилища»[522]. При разбирательстве важных уголовных дел, а также тяжб и споров, которые аборигены, не удовлетворяясь собственным судом, иногда выносили на рассмотрение русских властей, последние, не зная родовых обычаев, «решения свои всегда обосновывали на общих государственных узаконениях», в результате чего туземные жители оправдывались или обвинялись «против общего» их «понятия о справедливости»[523].

Инструкции 1728 и 1763 гг., соответствующие статьи императорского указа тобольскому и иркутскому губернатору И. О. Селифонтову 1803 г. недостаточно четко определяли права и статус глав ясачных родов и волостей, порядок их взаимодействия с местными администрациями. Неграмотность старшин создавала такого рода сложности, когда «за отсутствием письмоводства» невозможно было «руководствовать» их волостных начальников «предписаниями к исполнению какого-либо предмета»[524]. Чтобы сделать удостоверение или провести следствие, чиновникам земской полиции приходилось «постоянно быть в отлучке». Если учесть огромную территорию, занимавшуюся комиссарствами северных уездов Тобольской губернии, становится очевидным, что комиссары едва успевали один-два раза в год побывать в некоторых волостях и селениях по делам службы. Разумеется, при такой организации не могло быть и речи об оперативности и регулярности контроля местных властей за самоуправлением ясачных.

Перечисленные проблемы и вопросы стали наиболее актуальными в процессе разработки М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым самого значительного в истории дореволюционной России законодательного акта в области управления нерусскими народами – «Устава об управлении инородцев» 1822 г.[525] История его разработки и его содержание неоднократно анализировались в исторической и историко-правовой литературе[526]. Поэтому мы отсылаем всех интересующихся этой темой к соответствующим публикациям. Здесь же будет дана самая общая характеристика законодательной модели, в соответствии с которой была реформирована система управления у народов Северо-Западной Сибири и кратко изложены

---

[522] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. С. 25.

[523] Там же. С. 27.

[524] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 22. Л. 120 об.

[525] Полный текст Устава с научными комментариями опубликован в книге: Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.) : сб. правовых актов и док. / ред.-сост. А. Ю. Конев. Тюмень, 1999. С. 85– 111.

[526] См. основные работы: Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Уч. зап. ЛГУ. 1950. Вып. 1. № 115. С. 101–116; Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle, 1956. P. 129–136; Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.) // Уч. зап. Тюмен. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 53–77; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 252–255; Дамешек Л. М. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова // Памяти декабристов (к 150-летию со дня восстания). Иркутск, 1975. С. 21–45; Марченко В. Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 153–164; Хоч А. А. Административная политика М. М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. МГУ. Сер. 8: История. 1990. № 5. С. 40–49; Федоров М. М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII – начало XIX в). Иркутск, 1991. С. 164–185; Конев А. Ю. Коренные народы. С. 79–91; Кодан С. В. Законодательство о коренном населении Сибири в системе местного права Российской империи (1800–1850 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: стратегические приоритеты региональной политики : сб. науч. тр. Вып. 1. Екатеринбург, 2003. 164–179; Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. М., 2005. С. 508–512.

основные мероприятия, которые были реализованы на севере Тобольской губернии согласно уставу[527] (рис. 2.30).

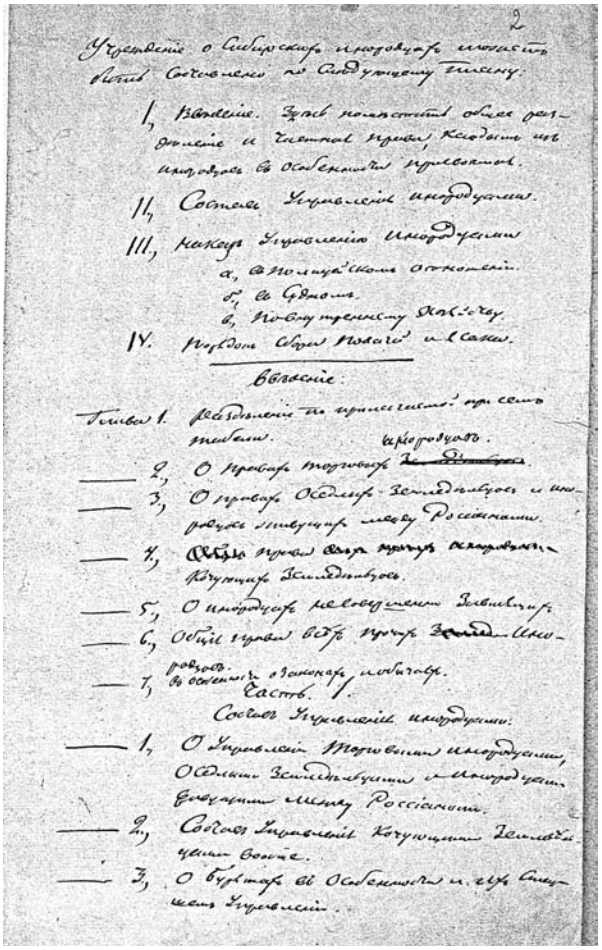


Рис. 2.30. Черновой набросок плана «Учреждения о сибирских инородцах» 1820–1821 гг. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 264. Л. 2

Все туземное население Сибири «по степени гражданского образования и настоящему образу жизни, по качеству главного промысла, составляющего главный способ пропитания», разделялось на три главных разряда: оседлых, кочевых и бродячих (§ 1, 11). В соответствии с этим определялись права и обязанности инородцев, виды и нормы их податного обложения, состав и компетенции низовых институтов власти.

Помимо этих общих оснований разрядного деления, в первой главе части третьей устава содержится подробная характеристика особенностей состояния кочующих и бродячих. Эти особенности выражались в «непостоянстве жительства, простоте нравов, особых обычаях, образе пропитания, трудности сообщений», а также в неразвитости товарного и денежного обращения (§ 170). По совокупности данных признаков два указанных разряда резко противопоставлены оседлым и нечетко разделены между собой. Следует отметить, что авторы закона предложили в его первых параграфах свой вариант распределения известных им инородческих племен по разрядам исходя из того, какой, по их мнению, образ жизни и вид хозяйственных занятий был наиболее присущ этим группам населения. В итоге статьи документа представили следующую известную всем классификацию.

Разряд оседлых состоял из так называемых торговых и земледельцев (§ 2). Все причисленные к этому разряду инородцы сравнивались «с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят», и управляться должны были «на основании общих узаконений и учреждений» (§ 13). К оседлым земледельцам должны были относиться «иноверцы, живущие особыми деревнями и занимающиеся свойственными земледельцам упражнениями», «живущие в русских селениях или смешано между россиянами», а также находящиеся «издавна в работах» у русских. Предполагалось их включить в сословие государственных крестьян и уравнять с последними «во всех податях и повинностях, кроме рекрутской» (§ 17–18, 22–23). Категория оседлых инородцев должна была получить состав и обязанности волостного управления, ничем не отличавшиеся от таковых же у русских поселян (§ 90). Жившие среди русских приписывались к крестьянским волостям и селениям (§ 91–92), а те, которые

[527] Преобразования, касающиеся реформы налогообложения ясачных инородцев 1820-х гг., рассматриваются в соответствующей главе ч. 1 настоящего тома.

проживали особыми деревнями или могли составить особую волость, имели право избрать своего сельского старосту и волостное правление (§ 88–90). Торговые, если записывались в мещане и купечество, должны были состоять в ведении городовых управлений (§ 14–15, 86). При этом компактные группы таковых свыше 20 чел. могли иметь особого старосту (§ 87). К этому разряду, среди прочих, предлагалось отнести бухарцев, ташкинцев и татар.

Разряд кочевых составляли инородцы, «занимающие определенные места, по временам года переменяемые» (§ 1). Этот разряд определялся как «особенное сословие в равном степени с крестьянским», но отличное «от оного в образе управления» (§ 24). Кочевые оставались в ясачном окладе и должны были уплачивать подати по особому положению. Для них предусматривалось три ступени (степени) «действительного степного управления»:

1. Родовое управление для отдельного стойбища или улуса, насчитывающего не менее 15 семейств. Состоит из старосты и одного-двух помощников (§ 94, 96).

2. Инородная управа, которой подчиняются несколько стойбищ одного рода и возглавляющие их родовые управления. Управа состоит из головы, двух выборных и письмоводителя (§ 103–105).

3. Степная дума для многих родов, соединенных в общую зависимость (§ 114).

Из племен, обитавших в Северо-Западной Сибири, предлагалось причислить к кочевым пелымских вогуличей, остяков нарымских, берёзовских и обских.

К *разряду бродячих* относились аборигены, «переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам» (§ 1). Права их «вообще состоят в применении правил для кочующих поставленных» (§ 61). При этом бродячие, в отличие от кочевых, не должны были уплачивать земские повинности и производить расходы на содержание органов инородческого управления (§ 62 п. 2). Для данного разряда было предусмотрено только родовое управление, состоявшее из одного старосты, который получал права и власть обеих ступеней «степного управления» (§ 111, 112). К этому разряду в уставе, среди прочих, были отнесены обдорские самоеды.

Обращает на себя внимание, что в уставе, в отличие от российского законодательства XVII–XVIII вв., нивелируется значение конфессиональной принадлежности. Исповедание инородца не рассматривается как критерий для приписки к разряду или сословию, основание для каких-либо послаблений в податях или условие карьерного продвижения волостной и родовой номенклатуры. Единственное, что оговаривается, так это возможность именовать не принявших православие оседлых «иноверцами» (§ 12). Более сложной выглядит трансформация этнического (племенного) фактора. Здесь следует обратить внимание, что в тексте устава его авторы избегают понятия «народ» («народы»). Оно употреблено единственный раз, и только применительно к выходцам из Средней Азии (§ 2). Туземные сообщества Сибири нередко обозначаются словом «племена» (§ 1, 10, 62, 152, 199, 263, 267), иногда этнонимами. Но чаще всех используется, конечно, обобщающий термин «инородцы». Л. И. Шерстова видит в нем этническое определение, обозначающее сословную принадлежность, и подмену этнического начала социальным[528]. В самом деле, «нерусскость» – единственное, что связывает в уставе практически все категории инородцев. Даже уплата ясака не была столь объемлющим признаком, как это принято считать. Ведь ни бухарцы, ни

[528] Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 133.

ташкинцы, ни «издавна живущие в работах у поселян» не платили ясака на момент проведения Великой сибирской реформы. Поэтому считать, что «инородцы» М. М. Сперанского – это только бывшие «ясачные», неверно. Вместе с тем этническое происхождение, согласно уставу, не являлось ограничением для социальной мобильности, если иметь в виду переход инородцев в другие податные категории.

Разряд оседлых выступает здесь некой переходной транзитной группой, члены которой должны были влиться в состав уже существовавших к тому времени сословий – государственных крестьян, мещан и купцов или в исключительных случаях сформировать самоуправляющиеся общины в городах и крестьянских волостях. Единственным их явным отличием от русских должно было стать освобождение от рекрутской повинности. «Особым сословием» в уставе названы кочевые, к которым весьма близки бродячие. Легко заметить, что дистанция между кочевыми и оседлыми более значительная, чем между ними и бродячими. Проницаемость социальной границы в последнем случае потенциально выше, чем в первом. Закон, определяя специфику положения бродячих, говорит лишь о некоторых «изъятиях и ограничениях» по сравнению с правилами для кочующих (§ 62). Важными сближающими факторами были сохранение ясака как формы податной обязанности и право управляться «по их собственным степным законам и обычаям» (§ 68). В. Г. Марченко отмечал присутствие в первоначальном проекте устава[529] только двух классов инородцев: 1) живущих в городах/селениях и 2) кочующих (в составе нескольких разрядов), без выделения бродячих[530]. Можно согласиться с тем, что в утвержденном варианте устава сохранялась некоторая сложность в различении кочевых и бродячих, что сказалось потом на практике приписки инородцев к соответствующим категориям. Не случайно наиболее подробно в уставе разработаны разделы, определявшие положение и управление кочевых. Именно этот разряд находится в центре его внимания.

По сути, устав закреплял разделение сибирских инородцев на тех, кто оставался при своих традиционных, пусть и частично модернизированных институциях и видах обложения, и тех, кто окончательно утрачивал таковые. Исключительно добровольный переход из разряда в разряд предполагал скорее индивидуальную, а не групповую смену социальной принадлежности. Эта норма объективно выступала сдерживающим правовым механизмом на пути поэтапного сближения инородческого населения с русским податным населением в Сибири, провозглашенного реформой.

Термин «род» употребляется в уставе в двух значениях. Если в главе второй части второй (§ 103) этого документа родом называется объединение, соответствующее инородной управе, то в главе второй части третьей (§ 173) родом именуется подразделение, находящееся под началом родового управления. Очевидно, что авторы устава в каждом из этих случаев вкладывали в данное понятие разное содержание, но за неимением другого подходящего определения использовали один и тот же термин. Вероятнее всего, под «родом», соответствующим родовому управлению, в уставе подразумевается та или иная форма традиционной общины, являющаяся прежде всего коллективом плательщиков, члены которого связаны круговой порукой, выступая в уплате податей «как одно нераздельное лицо» (§177). На первый план выдвигалось требование общности экономических интересов, формирующейся на основе обобществления части продуктов индивидуального или коллективного труда и совместного владения угодьями. Существование же кровнородственных отношений меж-

[529] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 264. Л. 7–9.

[530] Марченко В. Г. Система управления сибирскими аборигенами. С. 156–157.

ду членами этого коллектива рассматривалось как дополнительный фактор, укрепляющий монолитность данной группировки. Устав санкционировал формирование родовых управлений по территориальному признаку: «стойбища или улусы, меньше 15-ти семей имеющие, причисляются к другим ближайшим» (§ 95). В отношении бродячих можно предположить (хотя никаких прямых указаний по этому поводу в документе не содержится), что под родовым управлением у них понималось объединение, аналогичное управе кочевых, но не делившееся на самостоятельные единицы (стойбища) и выступавшее единым фискально-административным подразделением.

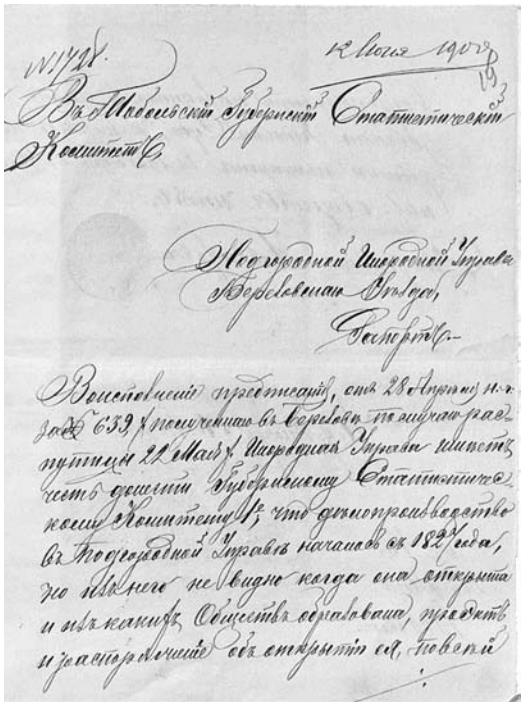


Рис. 2.31. Рапорт старшины Подгородной инородной управы Берёзовского уезда о времени ее открытия и начале делопроизводства в ней. ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 1. Д. 403. Л. 15. Фрагмент

Инородная управа в территориально-административном отношении предстает в уставе как совокупность самоуправляющихся общин, экономических единиц, в § 108 говорится о возможности составления инородной управы «из стойбищ, не бывших прежде в общей зависимости» (рис. 2.31). По-видимому, этот вновь конструируемый институт ассоциировался с ясачными волостями, имевшими сложную структуру, по типу Обдорской, Куноватской и Кодской Берёзовского уезда Тобольской губернии. Как уже ранее было сказано, в своем составе они имели особые подразделения («городки» и «юрты»), возглавлявшиеся собственными старшинами. В этой связи по-прежнему не лишено веских оснований замечание В. Г. Марченко. Он пишет, что реформаторы первоначально отождествляли инородную управу с органом, стоящим во главе волости, «но, видя, что в основе волостной организации аборигенов лежат традиционные общности, авторы Устава отошли постепенно от термина “волость” и старались не называть новые административные единицы, сосредоточив внимание на органах управления этими единицами»[531].

Очевидно, что сибирское законодательство 1822 г. предлагало не разрушение сложившихся волостных и общинных структур «ясачных», а их упорядочение путем встраивания в разработанные М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым институты «действительного степного управления». Для обозначения специфики этой системы была использована «родоплеменная» терминология, отражавшая уровень существовавших тогда представлений об общественном строе сибирских народов. Посредством соответствующего дискурса уставом маркировалось отличие управления кочевых и бродячих инородцев от разряда оседлых и близких ему по статусу сословных групп россиян. Таким образом, реформаторы не пытались ни демонтировать, ни реконструировать патриархально-родовые формы, они высказались в пользу постепенной трансформации общественных структур автохтонов, используя новый способ их организации и интеграции в систему империи.

[531] Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1985. С. 82.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. проводился в жизнь как составная часть Великой Сибирской реформы, затронувшей практически все области «правительственного устройства» этого края. Перестраивались все звенья управленческого аппарата сибирских губерний. Формальные изменения в низовом звене административного устройства инородцев Тобольской губернии не потребовали много времени. Внутреннее устройство округов (в которые были преобразованы уезды), где проживали обские угры и самодийцы, практически не изменилось, поэтому структура соответствующих органов земской полиции не претерпела особых перемен. На смену нижним земским судам пришли земские суды, а земские комиссары были переименованы в отдельных заседателей.

В 1824 г. все остяки губернии и ненцы Ляпинской, Куноватской и Казымской волостей причислялись к разряду кочевых с предписанием учредить в их волостях инородные управы[532]. Самоеды Обдорской волости были отнесены к разряду бродячих, что заставило вывести их из подчинения Тайшиных. Губернский совет предложил им избрать из своей среды старосту, «коим они по содержанию § 111 Устава будут управляемы»[533]. На должность «главного самоедского старшины» был выбран Пайгол Нырмин Тылов, глава Карачейского рода[534]. Таким образом, права родового управления присваивались этому главному старшине. Старшины прочих родов и ватаг ненцев оказались «вне штата» и должны были признать Пайгола начальствующим лицом. Отныне они должны были сдавать ясак через Нырмина и поручали ему представлять интересы своих сообществ перед русской администрацией. Тем не менее, Матвей Тайшин надеялся восстановить свой статус единоличного лидера в Обдорском крае. Как показали последующие события, надеялся он небезосновательно. Причисление в разряд кочевых вызвало в 1826 г. возмущение обдорских хантов. Это заставило губернские власти, а затем и Сибирский комитет признать целесообразным перевод в разряд бродячих всех инородцев Берёзовского округа[535].

Работавшая в 1828–1831 гг. в Западной Сибири Вторая Ясачная комиссия отметила, что в Тобольском и Туринском округах у остяков и вогулов «инородных управ не имеется, а с 1824 года в волостях их учреждены родовые управления, которые состоят из старост и старшин, избираемых на один год»[536]. Князцы и старшины всех остяцких волостей Берёзовского округа также получили права родовых управлений[537]. Сообщалось:

> …*Остяки и самоеды отделений Обдорского и Кондинского, кроме разделения на волости, имеют еще свои роды, городки… в которых есть и старшины. Впрочем, улусы сии носят токмо названия, ибо права и обязанности родового управления на основании* § 111 и 112 *Устава принадлежат старостам волостей, к коим они приписаны*[538].

Таким образом, очевидно, что губернская администрация и Ясачная комиссия отождествляли родовое управление с волостью как у разряда кочевых, так и у бродячих. У кочевых

---

[532] ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 300. Т. 1. Л. 17–20 об., 22–23, 239.

[533] Там же. Л. 25 об. –26.

[534] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 180; Лёзова С. В. Сибирские ненцы (самоеды) в середине XIX в. : Диалог кочевников и чиновников // Древности Ямала. Екатеринбург ; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 194.

[535] ПСЗ-2. Т. 2. № 1200.

[536] ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 850. Л. 272 об.; Д. 967. Л. 4.

[537] Там же. Д. 851. Л. 1.

[538] Там же. Л. 5 об. –6.

так и не было создано второй ступени «степного управления» – инородных управ. Родовое управление этого разряда состояло из одного старосты без положенного к нему кандидата. Иначе говоря, в первые десятилетия реализации устава у аборигенов севера Тобольской губернии не произошло принципиальных перемен в надстроечных структурах «инородческого» управления; практически не изменилось социально-административное деление, если не считать введения поразрядной системы. Объяснялось это тем, что предложенный в уставе проект преобразований не учитывал специфику сложившихся у автохтонов Северо-Западной Сибири фискально-административных институтов. К тому же имевшаяся в уставе нечеткость в определении новых административных единиц допускала возможность различного истолкования его соответствующих параграфов.

В 1829–1830 гг. тобольский гражданский губернатор В. А. Нагибин предпринял ревизию дел инородцев. Главное внимание при этом уделялось не столько проверке организационных изменений в соответствующих административных структурах, сколько вопросам реализации на местах фискальной политики Устава 1822 г. Об этом свидетельствуют программа, составленная для ревизоров Светловского и Торопчанинова, отправленных в Пелымское и Сургутское отделения, и отчет самого губернатора, посетившего Берёзовский край[539].

Анализ выводов и рекомендаций сделанных по итогам проверок северных волостей, связанных с организацией ясачного учета, свидетельствует, что возможность заведения «письмоводства» рассматривалась местной администрацией как главное отличительное качество инородных управ от родовых управлений. Необходимость действенного контроля за деятельностью «инородческих начальников» по фискально-податной части и связанная с этим дальнейшая бюрократизация управленческого процесса (ведение шнуровых книг, составление раскладочных приговоров) привели к тому, что к началу 1830-х гг. в родовых управлениях Тобольского и Туринского округов и в некоторых волостях Берёзовского округа было организовано более или менее постоянное делопроизводство. К сожалению, документы родовых управлений этого периода не сохранились (либо потому, что по окончании года все составленные писарем бумаги уничтожались, либо по причине пожаров)[540]. А. Ю. Конев установил, что только в 40-х гг. XIX в. все инородческие волости Тобольского и Туринского округов, Обдорского и Кондинского отделений Берёзовского округа в обнаруженных им архивных документах стали именоваться инородными управами[541].

---

[539] ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Оп. 37. Д. 536. Л. 1–7, 34–41.

[540] Там же. Ф. И417. Оп. 1. Д. 403. Л. 19.

[541] Конев А. Ю. Коренные народы. С. 98–99.

Глава 7

«Места власти» в югорских уездах в XVIII – первой половине XIX в.

Функционирование воеводских канцелярий и других административных учреждений было бы невозможным без помещений, в которых размещались делопроизводители и велся прием челобитчиков. Одновременно они создавали образ центральной власти в отдаленных уголках обширной державы.

Рис. 2.32. Пример интерьера провинциальной приказной избы XVII – начала XVIII в. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Иркутская область. Реконструкция. Фото с сайта «Страна Болгария». https://stranabolgariya.ru/foto/muzej-v-talcah.html

Образ власти в Берёзове и Сургуте эволюционировал вместе с представлениями об основных задачах, стоявших перед воеводами и их помощниками. В первой половине XVIII в. они были созвучны кругу полномочий, который имели сибирские воеводы в XVII столетии (рис. 2.32). Это было в первую очередь военное представительство власти царя (с 1721 г. – императора) на территориях, населенных преимущественно аборигенным населением Сибири. Большое значение продолжал иметь сбор ясака, который требовал усиленной охраны в периоды его аккумуляции и транспортировки в Европейскую часть Российской империи. На въезжавших в город не могли не производить впечатление потемневшие от времени мощные бревенчатые башни и стены, а также встроенные в укрепления здания воеводских канцелярии и двора, освещавшиеся через узкие слюдяные окна. Обращает на себя внимание то, что, как правило, воеводский двор и канцелярия размещались в стене, выходившей на реку, что, по-видимому, делалось для обеспечения большей сохранности главных административных зданий уезда.

Во второй половине XVIII в. наблюдается ослабление внимания к содержанию укреплений. Сооружения гнили и разрушались, что не способствовало поддержанию авторитета власти среди служилых людей и нерусского населения. Кроме того, ветхость помещений не давала возможности наладить нормальную повседневную работу канцелярии. Это, помимо объективных причин (постепенной утраты югорскими городами военных функций), может свидетельствовать об изменении образа власти, который стремился реализовать монарх через своих представителей на местах. Следует отметить, что «демилитаризация» не означала складывания четкого представления о том, как должны выглядеть казенные здания в окраинных регионах Российской империи, где органы управления и суда продолжали размещаться в домах, построенных для воеводских канцелярий.

Проблема размещения членов присутствий и делопроизводителей обострилась в годы проведения реформ Екатерины II, когда количество органов власти на местах значительно выросло. К осени 1782 г. найти помещения для множества новоучрежденных присутственных мест не удалось ни в Берёзове, ни в Сургуте. В Берёзове в здание бывшего комиссарства въехали городнические дела и уездное казначейство, а остальные казенные строения по-прежнему использовались под склады для содержания денежной казны и пушнины; в них же находились пороховой погреб, а также винные и соляные магазины. Нижняя расправа и земский суд, однако, остались без специально приспособленных к их нуждам зданий. С аналогичной ситуацией столкнулись местные власти в соседнем Сургуте. В бывшем доме воеводы располагалось теперь уездное казначейство. Кроме того, согласно сведениям «Описания Тобольского наместничества», на территории кремля числилось несколько амбаров и магазинов, правда, «ветхого состояния», для хранения денежной казны и прочих припасов. Однако места, где были расположены нижний земский суд и городнические дела, в этом источнике не упоминаются[542].

В других городах Сибири стартовые условия были не лучше. В 1788 г. Тобольское наместническое правление повелело определять присутственные места в покои жителей по «добровольным ценам» с выплатой из канцелярских денег. Дома обывателей брались в аренду полностью или частично[543]. Весьма вероятно, что к этому способу размещения органов власти пришлось обратиться и местному руководству Берёзова и Сургута. Таким образом, канцелярские служители и их начальники трудились в сложных условиях. Часто они работали в переполненных, малоприспособленных помещениях, без четкого отделения судейской каморы от канцелярии. На проблему строительства новых административных зданий было обращено внимание лишь в 1820-е гг., но по-настоящему она начала решаться лишь во второй половине XIX в.[544]

Проблема репрезентации власти могла быть решена через внутреннее убранство помещений, в которые попадали просители и челобитчики для решения конфликтных ситуаций и иных вопросов. Впервые вопрос о необходимости регулирования внутренней обстановки административных помещений был поднят в Генеральном регламенте 1720 г. (рис. 2.33). В частности, этот нормативный правовой акт регламентировал, каким образом требовалось «убирать» камору аудиенции (судейскую). Ее следовало снабдить «добрыми коврами» и «стулами». Как и в предыдущем столетии, столы для «судей» указывалось покрывать сукном;

---

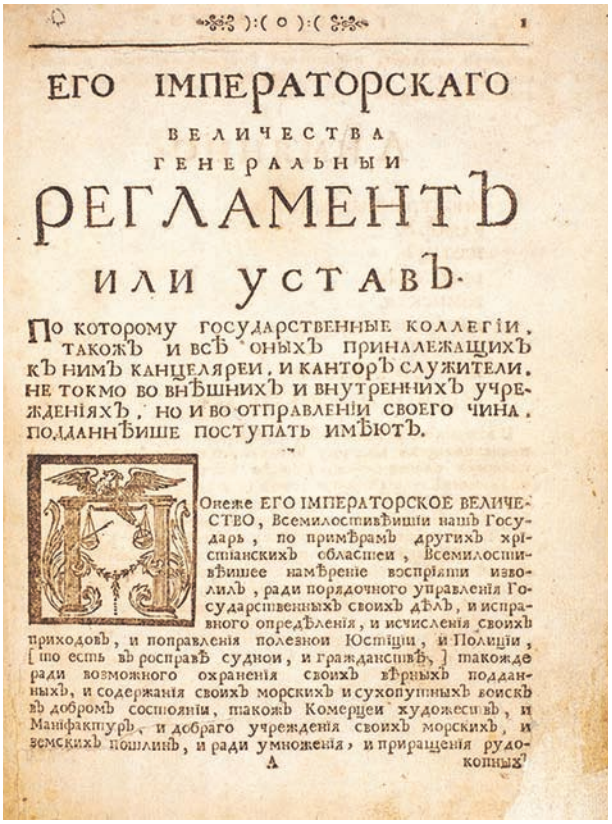
[542] Описание Тобольского наместничества. С. 161, 175.

[543] Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири. С. 183–184.

[544] Там же. С. 184, 186.

на столе должны были находиться чернильница и другие письменные принадлежности. Справа от стола членов присутствия предписывалось ставить стол секретаря, а слева – нотариуса. На стене каморы аудиенции следовало висеть часам, которые стали новым элементом убранства административных помещений[545].

В канцеляриях и конторах также требовалось ставить покрытые сукном столы, у которых имелись ящики с замками. Согласно нормам Генерального регламента 1720 г., секретарю и делопроизводителям следовало иметь отдельные рабочие места. Правда, допускалось, что, «ежели место тесно», канцелярские служители могли располагаться «по два при одном ящике»[546].



ЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
РЕГЛАМЕНТЪ
ИЛИ УСТАВЪ.

По которому государственные коллегіи, такожъ и всѣ оныхъ принадлежащихъ къ нимъ канцеляреи, и кантор служители, не токмо во внѣшнихъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, но и во отправленіи своего чина, подданнѣйше поступать имѣютъ.

Онеже ЕГО ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Всемилостивѣйшій нашъ Государь, по примѣрамъ другихъ христіанскихъ областей, Всемилостивѣйшее намѣреніе воспріяти изволилъ, ради порядочного управленія Государственныхъ своихъ дѣлъ, и исправного опредѣленія, и исчисленія своихъ приходовъ, и поправленія полезной Юстиціи, и Полиціи, [то есть въ росправѣ судной, и гражданствѣ,] такожде ради возможного охраненія своихъ вѣрныхъ подданныхъ, и содержанія своихъ морскихъ и сухопутныхъ воисковъ въ добромъ состояніи, такожъ Комерціи художествъ, и Манифактуръ, и добраго учрежденія своихъ морскихъ, и земскихъ пошлинъ, и ради умноженія, и приращенія рудокопныхъ

А

Рис. 2.33. Первая страница Генерального регламента 1720 г.
Из кн.: Его императорскаго величества Генеральный регламент или Устав: По которому государственныя коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярей и кантор служители, нетокмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют [М., 179–]. Из фондов РНБ

Документальные источники Сургутской и Берёзовской воеводских канцелярий не позволяют создать полное впечатление об обстановке в органах власти. В большей степени это оказывается возможным сделать по сургутским документам, среди которых были выявлены два росписных списка, созданных при передаче властных полномочий от одного воеводы другому в 1741 и 1760 гг.[547] Эти источники содержат описания канцелярий и их наиболее важных предметов обстановки. В росписных списках упоминаются воеводская канцелярия и воеводский двор. Описание воеводской канцелярии начинается с перечисления икон, которые в ней находятся. В частности, в 1741 г. в Сургутской воеводской канцелярии были «образ Всемилостивого Спаса на доске без окладу», а также

> *…образы, взятыя по указу за начетныя казенныя денги у Афанасья Лущенинова соборными ево пожитками, а имянно: образ на полотне в рамах Пресвятыя Богородицы, образ Спасителев да Иоанна Воиственника, над тою два венца сребренныя под золотом, образ на доске Петра, Алексея, Ионы и Филиппа Московских чюдотворцев, оклад на полях и четыре венца сребреныя под золотом, образ на доске Прокопия, Иоанна, Устюжских чюдотворцев, оклад на полях и три венца, в том числе два з гривнами сребренныя под золотом*[548].

[545] Генеральный регламент // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 110–111; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. P. 109.

[546] Генеральный регламент. С. 117–118.

[547] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 198. С. 519–522.

[548] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–1 об.

В 1760 г. в воеводской канцелярии имелись «образ Спасителев Нерукотворенной в киоте, на том образе три венца серебреные, оклад под золотом, при том образе крест серебренной, небольшой под золотом, которой образ взят из Сургуцкой таможни». Кроме того, в канцелярии находился «образ Всемилостивейший Спаса на доске без окладу, образ нареченныя Парасковей Пятницы на доске без окладу»[549]. Сопоставление перечней икон показывает разные количество и состав иконописных произведений. Списки совпадают только в одной позиции – образе Спасителя, написанном на доске и не имеющем оклада. Прочие различия могут объясняться как тем, что среди икон были указаны те, что были на временном хранении в канцелярии. Кроме того, в 1760 г. среди икон воеводской канцелярии упоминается образ, ранее установленный в Сургутской таможне.

Размещение икон в помещениях органов власти не столько было данью традиции, сколько имело символическое значение. С одной стороны, иконы показывали богоугодность деятельности воеводских канцелярий и иных присутственных мест[550]. С другой стороны, они являлись свидетельством того, что «судьи» и делопроизводители трудятся под надзором высших сил и, таким образом, должны принимать решения «по правде». Кроме того, иконы были средством воздействия на просителей и тех, кто попадал в органы власти по иным причинам. Перед лицом Бога следовало честно описывать суть дела и не обманывать представителей власти на местах.

Схожие функции были у зерцал (зеркал), которые в обязательном порядке должны были находиться во всех органах власти. В 1741 г. в Сургутской воеводской канцелярии было два настольных зерцала с указами, «наклеенными на доске письменных»: одно «за руками губернатора князя Алексея Михайловича Черкаского да вице-губернатора Александра Петрова-Соловова», другое было подписано руководителем Тобольского надворного суда в 1721–1722 гг. князем Семеном Михайловичем Козловским[551] (рис. 2.34). Таким образом, государственные служащие всегда имели перед глазами напоминание о том, что они служат государю (шире – государству) и должны осуществлять свою деятельность в соответствии с нормами законов. Зерцала периодически обновлялись и присылались из губернского центра. Так, если в 1741 г. в Сургуте было всего два зерцала, то в 1760 г. их насчитывалось уже четыре. К первым двум были добавлены настольное зерцало «за руками губернатора Алексея Михайлович Сухарева да товарищев Угримова и Долбилова» и «зерцало настольное ж, которое было в Сургуте в сургуцкой таможне»[552].

Примечательно, что иконы и зерцала являлись необходимыми элементами интерьера органов власти не только в XVIII, но и в XIX в.[553] Наряду с традиционными ценностями, в соответствии с которыми суд и управление требовалось осуществлять правдиво, с оглядкой на Бога, в дискурсе власти этого времени присутствуют введенные Петром I идеи об общественном благе, строгом следовании букве закона и безволокитном решении дел. Они подкреплялись угрозой наказания, прописанной в указах 1710-х – начала 1720-х гг.

Такой новый предмет обстановки органов власти, как часы, имелся не во всех присутственных местах. Часы «с боем» стоили дорого. По этой причине их не могли себе позволить го-

---

[549] Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 198. С. 519.

[550] Саражина Р. Г. Указ. соч. С. 186.

[551] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.

[552] Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. № 198. С. 520.

[553] Саражина Р. Г. Указ. соч. С. 188–190.

сударственные учреждения, находившиеся на окраинах страны. Так, 15 августа 1761 г. в Берёзовской воеводской канцелярии рассматривался указ из Сибирской губернской канцелярии, повелевавший «репортовать», «где и в каких местах есть боевые часы, и в которых местах нет», «песошные часы зделать подрядить». Воевода М. М. Черкашенинов приказал ответить в губернский центр, что, «по справке, в Берёзовской воевоцкой канцелярии означенных боевых часов не имеетца, а имеютца во оной канцелярии из давных лет песошные часы»[554].

В Сургутской воеводской канцелярии часов также не было. Среди ценных вещей, заслуживавших внимания, в росписном списке 1741 г. отмечены покрытый красным сукном судейский стол; лавка с ветхим войлочным тюфяком, крытым красным сукном; крытый красным сукном ящик, в который были положены печать воеводской канцелярии, ключ от амбара с «мягкой рухлядью» и «камень малой, ис чего делаетца семент»; окованный железом сундук с внутренним замком; два окованных ящика «с делами прежних лет»; окованные железом ящик и «коробья» с внутренним замком для хранения денежной казны[555].

Рис. 2.34. Зерцало (первая четверть XVIII в.). Из собрания Государственного Эрмитажа. Изображение с сайта Российского геральдико-генеалогического общества Института РАН. http://gerbroda.ru/history/image/d58cc99982459ca8d73b89068f53e446.jpg

Свет в воеводскую канцелярию попадал через шесть слюдяных оконниц, обитых железом. Кроме того, она освещалась при помощи трех железных шандалов и висевшего на трех цепях ночника, «в котором горит в канцелярии свеча ношною порою для осторожности»[556]. Для отопления в воеводской избе имелась печь с железным заслоном[557].

При перечислении указов, хранившихся в канцелярии, особо отмечаются печатные тексты Соборного уложения и Инструкции воеводе на 15 листах, а также рукописная копия новоуказных статей о «татиных розыскных делах»[558].

За 20 лет обстановка воеводской канцелярии Сургута почти не изменилась. По росписному списку 1760 г., в «ящике малиновом» по-прежнему хранились государственные печати из серебра («на имя ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Петровны») и меди, а также «камень малой, ис чего делается семент, который прислан из Сибирской губернии» (рис. 2.35). Судейский стол был также покрыт красным сукном. Правда,

[554] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 449.

[555] Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–2.

[556] Там же. Л. 2.

[557] Там же.

[558] Там же. Л. 1 об.

Рис. 2.35. Печать настольная круглая Ее императорского величества Сибирского приказа. Вторая половина XVIII в. Из фондов ГИМ. ГИМ 93366-1724 / КР ОН 818418. https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3672110?keyword=629911264&index=5

оно требовало замены, так как было «пополам разодрано и шито, ветхое и во многих местах разодрано и шито». На столе лежали печатные Соборное уложение и Инструкция воеводе на 15 листах, «новоуказные статьи письменные о татиных разбойных делах прошлых лет», а также две книги указов за 1714–1725 и 1725–1730 гг., опубликованные в 1739 г., печатный текст Регламента Адмиралтейств-коллегии и четыре настольных зерцала[559]. Как можно заметить, состав нормативных документов, которыми руководствовались в своей повседневной деятельности воевода и его подчиненные, расширился. Это было обусловлено, во-первых, вероятностью ошибки создателей росписного списка 1741 г., упустивших из вида некоторые законодательные акты; во-вторых, редкостью печатных сборников законодательных актов, которые не могли быть одномоментно распространены во все уголки страны.

В Сургутской воеводской канцелярии также имелись окованный железом сундук с внутренним замком, в котором хранились денежная казна, гербовая и писчая бумага; окованный железом ящик с навесным замком, где лежали «секретные указы»; окованный железом ящик с внутренним замком, находившийся в ведении счетчиков; окованная железом «коробья» с внутренним замком, «ветхая, и замок изломанной», также находившаяся у счетчиков[560]. Как можно увидеть, количество ящиков и сундуков в воеводской канцелярии уменьшилось с шести до пяти. Некоторые из имевшихся в наличии ящиков и сундуков для хранения не были исправны.

В 1760 г. в окнах Сургутской воеводской канцелярии имелось десять окончин, восемь из которых были слюдяными, а две – стеклянными. Таким образом, количество света, который поступал в помещение, увеличилось. В главном административном здании имелось одно стеклянное окно. Отопление было по-прежнему печным. В росписном списке отмечалось, что железная заслонка на печи была новой[561].

Анализ росписных списков показателен. Он свидетельствует о том, что обстановка Сургутской воеводской канцелярии претерпела лишь незначительные трансформации. Ее убранство отличалось скромностью. В небогато обставленных помещениях имелось лишь самое необходимое для решения текущих задач управления и отправления правосудия. Если бы губернские и центральные органы власти решили провести проверку интерьеров воеводских канцелярий Югры на предмет соблюдения норм Генерального регламента 1720 г., они бы нашли много несоответствий. В частности, в съезжих избах отсутствовали часы (если не принимать во внимание песочные часы, использовавшиеся в Берёзове), не было балдахинов над судейскими столами и ковров. Примечательно, что в перечнях вещей Сургутской воеводской канцелярии ни разу не упоминаются чернильницы и стулья. По-видимому, чернильницы были выполнены из какого-то дешевого материала. Сам воевода сидел на скамье, на которую был положен простой тюфяк. Наиболее часто встречающейся характеристикой предметов обстановки, присутствующих в источниках, является слово «ветхий».

---

[559] Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. № 198. С. 519–520.

[560] Там же. С. 520.

[561] Там же.

Думается, что убогость внешнего вида зданий и их внутреннего содержания не создавала условий для серьезного восприятия власти в регионе. Воеводские канцелярии и подчиненные им структуры в большей степени напоминали старинные учреждения XVII в., чем «новоманирные» органы власти, которым предписывалось функционировать на основании норм, сформулированных в годы правления Петра Великого и отражавших его поиски наилучших моделей управления. Долгое время выражением новых веяний были лишь зерцала, куда помещались указы, которые устанавливали наказание за нарушение служебной дисциплины.

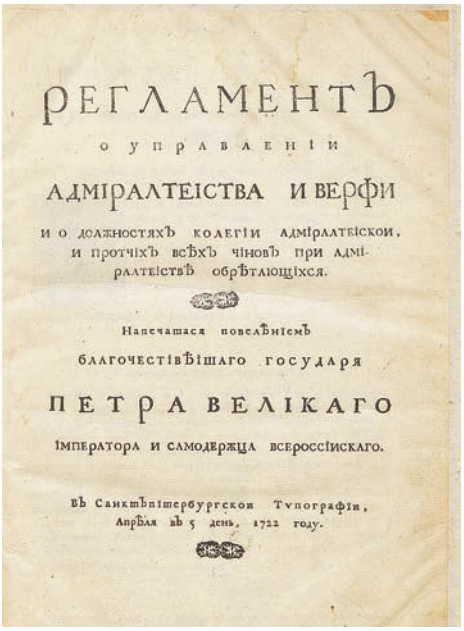

РЕГЛАМЕНТЪ
О УПРАВЛЕНІИ
АДМІРАЛТЕІСТВА И ВЕРФИ
И О ДОЛЖНОСТЯХЪ КОЛЕГІИ АДМІРАЛТЕЙСКОИ,
И ПРОТЧІХЪ ВСѢХЪ ЧІНОВЪ ПРИ АДМІ-
РАЛТЕІСТВѢ ОБРѢТАЮЩІХСЯ.
Напечатася повелѢніемъ
БЛАГОЧЕСТІВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ
ПЕТРА ВЕЛІКАГО
ІМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.
ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРГСКОИ ТУПОГРАФІИ,
АПРѢЛЯ ВЪ 5 ДЕНЬ, 1722 ГОДУ.

Рис. 2.36. Регламент Адмиралтейств-коллегии. Титульный лист книги «Регламент о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейскои и протчих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся» (СПб., 1722). Из фондов РНБ

Ситуация с материальным обеспечением государственных учреждений не улучшилась и в начале XIX в. В «Ведомости, учиненной в Берёзовском земском суде состоящему при оном казенному имуществу и законам, что хранились до бывшаго в городе Берёзове пожара и затем после оных оставшемуся», было указано 30 наименований законодательных актов и иных нормативных материалов[562]. Среди них уже встречавшиеся нам Соборное уложение 1649 г., книги законов за 1714–1725 и 1725–1730 гг., Регламент Адмиралтейств-коллегии 1722 г. и Берг-регламент 1739 г. (рис. 2.36). Значительная часть этих законодательных актов и сборников законов (12) была создана в годы правления Екатерины II. В перечне законодательных актов отсутствовали книги указов, изданных в годы правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Петра III, а также указы, изданные после 1766 г. Среди уцелевших в пожаре материалов обращает на себя внимание юридический словарь, который, по-видимому, был создан в помощь членам присутствия земского суда. Кроме того, из пожара удалось спасти зерцало, два стола, крытых красным сукном (судейский и секретарский), ножницы, «казенную стальную печать», два окованных железом ящика и «обрасцовые ассигнации».

В Берёзовском земском суде также хранились вещи, переданные в результате ликвидации Сургутского земского суда: красное сукно с судейского и секретарского столов, два медных подсвечника, стальная печать и образцы ассигнаций. При описании сохранившегося от обстановки земских судов имущества основное внимание было сконцентрировано на передаче сведений об имеющихся там нормативных правовых актах, а не на мебели и других вещах. Тем не менее, состав вещей оставался весьма скромным. В ходе пожара были утрачены наиболее привлекательные, ценные предметы – стулья с кожаными подушками, новые шкафы, сундуки с висячими замками, счеты, в том числе одни из сандалового дерева, и судейский кафтан. Также безуспешными были розыски пропавшего в общей суете охотничьего снаряжения и 21 шкуры горностая, принадлежавших бывшему расправному судье М. Потанину[563].

В XVIII – первой трети XIX в. произошла смена образа, служившего для репрезентации власти: от представлений об остроге как «военной фактории», а канцелярии воеводы как центра во-

[562] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 1. Д. 201. Л. 9–9 об.

[563] Там же. Л. 10.

енной и административной мощи – к образу присутственных мест, представительств центральной власти в регионе, выполнявших разнообразные судебно-полицейские и управленческие функции. Бедность территорий югорских уездов не позволила региональному аппарату управления сосредоточить в своих руках достаточно ресурсов, чтобы создать представительства, соответствующие образу государства-империи в городах уездов. Казенные здания постепенно ветшали, а увеличение числа органов власти, вызванное реформами конца XVIII в., привело к поиску новых резервов для их размещения. Ими стали помещения в домах рядовых жителей. Такая мера не добавляла порядка в функционирование административно-судебных структур и не способствовала созданию позитивного образа властных институтов на местах.

Уже в первой четверти XVIII в. утверждается важный принцип в деятельности государственных учреждений – соблюдение законов и поддержание законности. Он нашел выражение в зерцалах, считавшихся обязательной частью интерьера любой канцелярии Российской империи. Кроме того, кое-где можно было найти часы, также ставшие важным элементом обстановки органов власти. В целом внутреннее убранство государственных учреждений соответствовало нормам Генерального регламента 1720 г. Правда, значительная часть мебели и иной обстановки, заполнявшей помещения, была ветхой и требовала обновления, так как зачастую была создана еще в конце XVII – первой четверти XVIII в. Воеводские и комиссарские канцелярии XVIII в. в большей степени походили на воеводские канцелярии предыдущего столетия. По-видимому, мебель европейского типа (стулья и шкафы) появится в присутственных местах лишь в годы правления Екатерины II.

Немаловажную часть интерьера составляли места размещения нормативных актов и других документов. К концу XVIII – началу XIX в. в любом государственном учреждении имелся базовый комплект законодательных актов от Соборного уложения 1649 г. до екатерининских Жалованных грамот 1785 г. и прочих регламентов и указов. Следует предположить, что они, как правило, находились в шкафах или сундуках, предназначенных для их постоянного хранения. Сложнее обстояло дело с хранением и поддержанием в порядке постоянно множившейся текущей документации. В источниках неоднократно обращается внимание на захламленность канцелярий бумагами, которые создавали беспорядок и не позволяли организовать нормальную работу органов суда и управления[564].

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода органы власти Югры не могли произвести на просителей и других посетителей серьезного впечатления. В большинстве своем государственные учреждения югорских земель размещались в ветхих, плохо приспособленных под нужды управления зданиях, не имевших необходимого оснащения. Ситуация стала особенно критической во второй половине XVIII – начале XIX в.

[564] Воропанов В. А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири, 1780–1869 гг. Челябинск, 2005. С. 108; ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 12. Д. 24. Л. 43–44.

Глава 8

Югра в системе административных коммуникаций Западной Сибири

Протяженность территории Российской империи требовала от государства обратить внимание на поддержание связи между столицей и регионами. Особенно остро вопрос налаживания контактов стоял в таких окраинных областях, как Северо-Западная Сибирь. Сибирская губерния с самого начала своего существования была удалена от высших и центральных органов власти. Кроме того, значительная часть ее территории не имела дорог и была труднодоступной.

Поддержание властной коммуникации было особенно актуальным в связи с увеличивавшимся на протяжении XVIII – первой половины XIX в. документооборотом, а также введением требований о необходимости четкого и скорого исполнения указов, содержавшихся в положениях Генерального регламента 1720 г.[565] Скорость передачи информации из столичных центров на места становится важной заботой государства. По мнению Д. А. Редина, «управление расширяющимся пространством, которое, помимо прочего, включало в себя территории, различные по природно-климатическим, этническим, демографическим, конфессиональным признакам, традициям управления, общественного устройства и формам хозяйствования, состояние транспортных коммуникаций, становилось жизненно важным условием консолидации власти»[566]. По этой причине в годы правления Петра I повелевалось устроить почту сначала в Санкт-Петербурге, а затем в других городах, где «обретаются губернаторы»[567].

В конце XVII в. главным транспортным узлом Сибири был Тобольск: от него начинались пути во все области региона, важнейший из которых шел на север через Демьянский и Самаровский ямы. Эта трасса связывала Тобольск с Мангазеей и Енисейском, который являлся воротами в Восточную Сибирь[568]. В период становления Российской империи данный маршрут властной коммуникации оставался актуальным. Несмотря на это, мы не можем

---

[565] Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. С. 161–162.

[566] Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). С. 14.

[567] ПСЗ-1. Т. 5. № 3208; Вигилев А. Н. История отечественной почты. М., 1990. С. 260–261.

[568] Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). С. 18–20.

говорить о существовании регулярного ямского сообщения на территории Сибири даже в конце 1770-х гг. Его обеспечение оставалось бременем для местного населения[569]. В рапорте обер-штер-кригс-комиссара Г. М. Осипова 1779 г. отмечаются жалобы от населения на тяготы ямской гоньбы, так как многие должностные лица ездили без платежа прогонов[570].

Ямская гоньба была недешевым предприятием. В связи с этим пересылка указов из губернского центра в уезды не могла осуществляться ежедневно. Анализ документов Сургутской воеводской канцелярии за период с 9 октября 1740 г. по 8 декабря 1741 г. показывает, что организация отправки указов из Тобольска в Сургут осуществлялась один-три раза в месяц. Наибольшее количество отправлений приходилось на декабрь (7, 15 и 29 декабря), наименьшее – на сентябрь (1 сентября). Данных о присылке указов в январе, августе и октябре не имеется, либо они не сохранились[571]. Обращает на себя внимание, что, в отличие от некоторых других территорий, периоды отсутствия сообщения между Сургутом и Тобольском не всегда совпадали с периодами плохой дорожной ситуации, вызванными сезонными изменениями[572].

В россыпи протоколов за этот же период встречаются отметки, говорящие о том, что указы приходили в Сургутскую воеводскую канцелярию пакетами, в которых их находилось от 4 до 29[573]. Примечательно, что в пакеты могли входить указы, написанные в Сибирской (Тобольской) губернской канцелярии в разные промежутки времени. Так, например, 29 декабря 1740 г. в Сургут были доставлены указы, написанные в Тобольске 4, 16, 17, 18 декабря[574]. 1 сентября 1741 г. в Сургутскую воеводскую канцелярию были привезены указы губернской канцелярии от 14 апреля, 30 июня, 2 и 23 июля[575]. Практика пересылки указов пакетами сложилась еще в первой четверти XVIII в. и использовалась как коллегиями, так и представителями региональных органов власти[576].

Даже такая система отправки документов не позволяла постоянно использовать почтовое сообщение. При получении указов в Сургутской воеводской канцелярии обычно делались пометы о том, каким образом он был отправлен. Значительная часть указов была привезена в Сургут с солдатами или нарочным курьером (25 случаев из 33)[577]. Однажды указы привез ясачный остяк Сургутского уезда[578]. Лишь в семи случаях из 33 документы были доставлены при помощи «ординарной почты»[579]. Рапорты о получении указов отправлялись в Тобольск с теми же солдатами или служилыми людьми.

---

[569] Вигилев А. Н. История отечественной почты. С. 256.

[570] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

[571] Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1, 2.

[572] Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). С. 378–379.

[573] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2. Л. 4; Д. 3. Л. 7, 37–37 об.

[574] Там же. Д. 1. Л. 31–35 об.

[575] Там же. Д. 1. Л. 56, 61–63 об.; Д. 2. Л. 32–34.

[576] Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). С. 378; Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. С. 158.

[577] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 21, 22, 25 об., 32, 33 об., 35 об., 36 об., 37, 38 об., 40 об., 41 об., 42 об., 44, 45 об., 56, 57 об., 61 об., 63 об., 72а, 73 об.; Д. 2. Л. 1, 29 об., 34.

[578] Там же. Д. 2. Л. 17.

[579] Там же. Д. 1. Л. 48 об., 49 об., 50 об., 52, 53, 55, 71 об.

Схожим образом получала указы Берёзовская воеводская канцелярия. Часто они привозились из Тобольска берёзовскими служилыми людьми[580]. В документах неоднократно упоминаются случаи получения указов от тобольских служилых людей и солдат[581]. Время от времени социальная принадлежность доставившего в Берёзов указы не упоминается[582]. Однажды посыльным был приказчик «содержателя лосиной фабрики» Афанасия Гребенщикова Илья Смирнов[583]. Среди берёзовских материалов второй четверти XVIII в. нет упоминаний об использовании ординарной почты. Тем не менее, следует предположить, что указы с приписками о дате получения, но без пометы об имени посыльного доставлялись при помощи ямщиков[584].

Почтовое сообщение функционировало лишь по специально организованным трактам. В югорских уездах полученные указы распространялись через посылку служилых людей. В целом пересылка и обнародование властных решений могли занять длительный период. Например, доставка указов из Тобольска в Сургут в 1740–1741 гг. занимала от 11 дней до четырех с половиной месяцев[585]. Несмотря на ритмичность посылки нарочных и работы почтового сообщения, рост документооборота создавал условия для потери и несвоевременной отправки документов. Таким образом, доведение до Сургута сведений об именных и сенатских указах могло длиться от полутора до шести с половиной месяцев[586].

Анализ документов Берёзовской воеводской канцелярии показывает, что в 1726–1762 гг. указы из Тобольска попадали сюда за период от 25 дней до шести месяцев[587]. В целом путь указов из Санкт-Петербурга в Берёзов мог занимать от двух месяцев 19 дней до восьми месяцев[588]. В это время входили транспортировка документов и их копирование в Сибирской (Тобольской) губернской канцелярии, на которое требовалось от восьми до 25 дней[589].

По-видимому, примерно с такой же скоростью осуществлялась коммуникация между другими столь же отдаленными регионами и столицей[590]. Таким образом, распространение информации о велениях монарха и органов власти, находившихся в Санкт-Петербурге и Москве, не было быстрым. Оно осложнялось не только дальними расстояниями, но и медленными темпами работы делопроизводителей губернской и воеводских канцелярий, которым требовалось время на переписывание и дальнейшее распространение текстов указов. Постоянное увеличение документооборота при сохранении малой численности штатов лишь ухудшало ситуацию и не создавало условий для исполнения велений центральной власти в месячный срок, установленный Генеральным регламентом[591]. Время от времени в число

---

[580] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 24, 28, 123 об.

[581] Там же. Л. 4, 12, 14, 19, 49.

[582] Там же. Л. 6, 8, 10, 17.

[583] Там же. Л. 206 об.

[584] Там же. Л. 31, 34, 36, 43, 50, 52, 54, 56, 64, 128, 142, 149.

[585] Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1, 2.

[586] Там же. Д. 2. Л. 1, 17, 20.

[587] Там же. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9, 28, 49–49 об., 92, 97, 98–99, 103, 122–123 об., 206–206 об.; Д. 2. Л. 21–26 об., 39–41, 50–51.

[588] Там же. Д. 1. Л. 8–9, 28, 49–49 об., 98–100, 103, 122–123 об., 142, 206–206 об.; Д. 2. Л. 1, 7, 21–26 об., 34, 39–41, 50–51.

[589] Там же. Д. 1. Л. 8–9, 28, 49–49 об., 98–100.

[590] Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). С. 380–385.

[591] Генеральный регламент. С. 102.

факторов, снижавших скорость доставки указов и иных документов, входили также природно-климатические условия. Распутица становилась препятствием для передвижения.

Охарактеризованная выше скорость перемещений между Тобольском, с одной стороны, и Сургутом и Берёзовом, с другой, оказалась возможной в условиях уже более или менее сложившейся в Западной Сибири транспортной инфраструктуры и развития транспортной сети в Восточной Сибири в 1730–1740-е гг., когда здесь начала налаживаться устойчивая ямская гоньба[592]. Почтовое сообщение требовало усовершенствования ввиду продолжавшегося освоения территории страны.

Рис. 2.37. Ю. Алешкович. Портрет В. А. Мятлева. 1800-е. Ил. из кн. «Русские портреты XVIII–XIX вв. Издание Великого князя Николая Михайловича» в 5 т. (СПб., 1905–1909). Т. 4. С. 22

В сенатском указе от 21 августа 1755 г. впервые был поднят вопрос о необходимости переселения ямщиков Демьянского и Самаровского ямов в Барабинские степи[593]. Эта идея обсуждалась в течение нескольких лет и вновь была рассмотрена в Сенате в 1756 г., когда было получено предложение от Сибирской губернской канцелярии и «бывшего сибирского губернатора», адмирала и кавалера Василия Алексеевича Мятлева (1752–1756 гг.), в котором говорилось о необходимости перевода части ямщиков Самаровского (387 чел.) и Демьянского (1213 чел.) ямов в Барабинские степи[594] (рис. 2.37). Таким образом, численность проживавших в югорских землях ямщиков должна была сократиться в несколько раз. По мнению «реформаторов», в Самаровском яме можно было оставить 100 ямщиков, а в Демьянском – 266 д. м. п., так как этим количеством «по малости в тех ямах гоньбы исправиться можно». В. А. Мятлев также отмечал, что в Северо-Западной Сибири ямщики не требуются и они могут быть переселены в полном составе. Это утверждение основывалось на мнении ямского управителя Скалина, который доносил:

> *…В тех ямах в разгоне подвод никакой нужды не предвидится, а по выводе их оттуда на Барабинскую степь до городов Берёзова и Сургута, також и до Тары, ямскую и почтовую гоньбу во всякой исправности будут содержать тобольские ямщики, которых, как по справке оказалось, шездесят пять дворов поблизости к тем ямам*[595].

Несмотря на длительное обсуждение этого вопроса, масштабного переселения не произошло. В 1759 г. Сибирская губернская канцелярия не поддержала этого намерения из-за «немалой трудности», «продолжительного времени» и «недостаточества по той степи под-

---

[592] Вигилев А. Н. История отечественной почты. С. 253; Казарян П. Л. Первый тракт на Северо-Востоке России // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11). С. 50–51, 53–54; Его же. Иркутско-Якутский почтовый тракт: история становления // Управление мегаполисом. 2008. № 6. С. 53–56; Редин Д. А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). С. 27.

[593] ПСЗ-1. Т. 14. № 10499.

[594] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 9–9 об.

[595] Там же. Л. 10.

вод»[596]. Кроме того, в случае перевода ямской гоньбы из северных уездов Сибири в южные Берёзов, Сургут и другие населенные пункты Обского Севера остались бы без постоянного почтового сообщения с губернским центром. Самаровские и демьянские ямщики остались жить на прежних местах. Правда, их предполагалось перевести «во крестьяне»[597].

3 декабря 1761 г. сибирская администрация пересмотрела мнение о переселении ямщиков и вновь выступила с предложением о порядке перемещения ямщиков Самарова и Демьянского яма в Барабинские степи. Ямской мир и губернская администрация просили о переселении 710 чел. На старом месте предлагалось оставить 668 д. м. п.[598] Одним из препятствий для такого массового перевода ямщиков была невозможность выдать ссуды нуждающимся в средствах для размещения на новом месте[599]. Выходом из сложившейся ситуации стало разделение ямщиков на три группы. Первую группу ямщиков, имевших средства, предлагалось переселить в степи. Вторую группу предполагалось перевести в крестьяне и приписать к Колывано-Воскресенским заводам. Для ямской гоньбы на Северо-Западе Сибири планировалось оставить 400 чел.[600]

Рис. 2.38. Неизвестный мастер. Демьянский ям. 1768. Лист с гравюрой из кн. «Continuation de l'histoire des voyages" в 19 т. (Paris, 1768). Vol. 18

К рассмотрению этого вопроса высшая администрация вновь вернулась в 1763 г. Сенаторы приняли решение не производить столь дорогостоящих перемещений. Самаровский и Демьянский ямы продолжили свое существование[601] (рис. 2.38). В это же время на территории Российской империи начал вводиться новый тип почты – «немецкая», по образцу которой

[596] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 10 об.

[597] Там же. Л. 11.

[598] Там же. Л. 13–13 об.

[599] Там же. Л. 14–15.

[600] Там же. Л. 16.

[601] Там же. Л. 56–61 об.

были преобразованы почтовые станции во многих губернских и уездных городах страны[602]. Впрочем, эти преобразования не оказали большого влияния на скорость передачи решений власти в Северо-Западной Сибири. Все эти события привели к уничтожению Самаровской управительской канцелярии и ликвидации яма. В 1786 г. Самаровский ям стал селом[603]. По-видимому, то же случилось с Демьянским ямом. Произошло преобразование почтового сообщения и, соответственно, способов властной коммуникации.

В 1781 г. состоялось официальное открытие Большой почтовой дороги. Перенесение главного пути сообщения на юг существенно улучшило почтовую инфраструктуру. Сибирский тракт, пролегавший через Владимир, Нижний Новгород, Чебоксары, Свияжск, Казань, Кунгур, Екатеринбург и Тюмень, сократил расстояние между Москвой и Тобольском с 2 409 до 2 тыс. верст. Качество дороги также позволяло сэкономить время. Бывшая главная транспортная артерия, соединявшая Соликамск, Верхотурье и Туринск, – Бабиновская дорога – проходила через густые леса и горную местность, почва которой была глинистой, и бездорожье делало путь непроходимым[604].

Так же, как и ее предшественники, Екатерина II работала над улучшением почтовой инфраструктуры. Она планировала издание почтового учреждения. Ориентиром для этого служил проект, разработанный генерал-прокурором кн. А. А. Вяземским в 1770 г. В соответствии с этим документом каждая почтовая станция должна была укомплектовываться десятью квалифицированными служащими и иметь не менее 25 лошадей, шесть из которых во избежание задержек следовало круглосуточно держать в надлежащей готовности. Согласно подсчетам А. А. Вяземского, в зависимости от времени года скорость курьерской и ординарной почты могла достигать 11–12 верст в час, что означало бы существенное улучшение почтового сообщения. В Петровскую эпоху от почтовых курьеров ожидали, что они смогут проехать восемь верст за один час[605] (рис. 2.39). Старания не прошли даром. Согласно исследованиям американского историка Дж. Рэндольфа, в последние три десятилетия XVIII в. в России количество почтовых лошадей увеличилось в девять раз, а почтовых станций – в шесть раз. Если в 1769 г. для почтовой подготовки и транспортировки использовались 574 станции и 3 866 лошадей, то в 1801 г. функционировали 3 222 станции, располагавших 37 840 лошадьми[606].

Что касается Тобольского наместничества, описанные мероприятия распространялись прежде всего на уезды, расположенные к югу от Сибирского тракта, идущего от Пермского наместничества в Иркутск, поскольку «правая сторона плоская и ровная и грунт земли сухой»[607]. Нас, однако, интересует противоположная сторона почтовой дороги – левая, где «находится почти все дикое, лесистое, и не плодородное, и жестоким морозам подверженное»[608].

---

[602] Вигилев А. Н. История отечественной почты. С. 264.

[603] История населенных пунктов Югры. С. 145–146.

[604] Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. С. 86–89; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 111, 122–126; ПСЗ-1. Т. 14. № 10302. С. 231–233.

[605] ПСЗ-1. Т. 19. № 13435. С. 35–40; Randolph J. Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire, 1700–1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. Cambridge, 2017. С. 170.

[606] Randolph J. Communication and Obligation. P. 179; Schlözer A. L. Vom Postwesen im Russischen Reiche // J. J. Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland. Bd. 1. Riga und Mietau, 1769. S. 301–307.

[607] Цит. по: Описание Тобольского наместничества. С. 24.

[608] Цит. по: Там же.

Рис. 2.39. Л. С. Миропольский. Портрет князя А. А. Вяземского. 1789 (?). Из фондов ГМЗ «Останкино и Кусково». Номер в ГК 6941515. Изображение с сайта музея. https://kuskovo.museum-online.moscow/entity/OBJECT/31885

Берёзов и Сургут являлись отдаленными городами; по почтовой дороге расстояние между самыми северными уездными центрами и Тобольском составляло 929 и 725 верст соответственно[609]. Это много, если рассматривать протяженность путей в двух отношениях – в чисто географическом смысле, а также из-за природно-климатических условий, имевших прямое воздействие на состояние дорожной инфраструктуры. В связи с этим правительственные старания улучшить почтовую систему страны распространялись на Берёзов и Сургут лишь в очень ограниченном объеме. Путевые заметки Г. Ф. Миллера, путешествовавшего из Сургута через Берёзов «вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска» в июле и августе 1740 г., во многом не потеряли своей актуальности к концу XVIII столетия и даже в XIX в.[610] В северном направлении сухопутная часть дороги, связывавшей Берёзов и Сургут с большим материком, по-прежнему заканчивалась в Самарове, последнем крупном торговом селе, находившемся на севере Тобольского уезда в 500 верстах от губернского города. Дальше движение было возможно только по рекам – сначала вниз по течению Иртыша и Оби, а на последнем этапе – вверх по ее притоку Сосьве. Летом почтовые курьеры добирались до Берёзова на лодках, а в зимнее время, длившееся в северном регионе с середины октября до мая, на санях и нартах по льду[611]. В межсезонье таяние снегов и затяжные дожди регулярно превращали идущую вдоль берега реки дорогу в сплошное месиво. В соответствии с расписанием почта между Тобольском и самым северным уездным городом курсировала раз в две недели, однако «по скрытия льда берёзовцы по шесть недель сидели точно в осадном положении»[612].

Более точную информацию о действенности почтовой связи и степени интеграции северных уездов в коммуникационную систему Тобольского наместничества мы получаем из анализа данных входящей и исходящей документации наместнического правления. В журналах учреждения, докладных регистрах и иных делах, содержащих переписку с нижестоящими органами власти региона, тщательно фиксировались даты получения документа и его отправления. Для преодоления дистанции между северными уездными центрами и Тобольском в 1792 г. требовалось в среднем 23,7 дня, что следует из ведомостей «о приходе и расходе переселяемых казенных денежных сумм», ежемесячно отправлявшихся городническими делами и нижними земскими судами в Тобольск[613]. Лучшие показатели достигались в зимний и летний сезоны. Ведомости, отправленные из Берёзова и Сургута в пери-

[609] Описание Тобольского наместничества. С. 160, 174.

[610] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / изд. подг. А. Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 192–234.

[611] Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. С. 1–2, 11, 22; Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Зап. Рус. геогр. о-ва. 1857. СПб., 1857. Кн. 12. С. 362–363; Губарев К. От Тобольска до Берёзова // Современник. 1863. Т. 94. № 1–2. С. 355–360.

[612] Цит. по: Губарев К. От Тобольска до Берёзова. С. 377.

[613] ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Оп. 1. Д. 204.

од с ноября по апрель, а также с июня по август, прибывали в губернский центр в среднем через 16,4 и 19,8 дней соответственно. Существенно менее выгодными были условия весной и осенью: ведомости, датированные первыми числами мая, сентября и октября, поступали в Тобольск лишь месяц спустя. На скорости транспорта сказывалась и переменчивость погоды. Летом вследствие сильных дождей Иртыш и Обь выходили из берегов и переставали быть судоходными. Это, по-видимому, случилось в 1788 г. Указы, отправленные из Тобольска 31 мая и 8 июня, Берёзовская нижняя расправа и Сургутские городнические дела получили между 8 и 17 июля. Почтовая доставка задержалась и на обратном пути в губернский город: дорога из Сургута в Тобольск заняла 39 дней, а почтовой посылке из Берёзова потребовалось 46 дней. В итоге с момента отправления запроса до получения ответа на него прошло не менее 77 и 88 дней соответственно; иными словами, для завершения коммуникативного акта понадобилась почти четверть года. Отчетливое представление о степени отдаленности Берёзова и Сургута дает сравнение с другими уездными центрами. Рапорты из присутственных мест о получении указов из наместнического правления от 31 мая и 8 июня 1788 г. оказались в Тобольске в среднем через 17,4 дня. Из Ишима, Туринска и Ялуторовска, расположенных в 342, 405 и 254 верстах от губернского города соответственно, ответы были получены через десять дней. Для преодоления дистанции из относительно отдаленного Омска (684 версты) почтовому курьеру понадобилось лишь восемь дней[614].

В приведенных примерах рассматривалась только степень состояния почтовой коммуникации в первое десятилетие после начала реализации статутов екатерининских «Учреждений» в Северо-Западной Сибири. Справедливо предположить, что в дальнейшем разрыв между правительственными требованиями и возможностями их реализации лишь увеличивался. Разница между городами, расположенными вдоль сухопутных транспортных артерий, с одной стороны, и окруженным «грудами снегу и хвойными лесами» Берёзовым[615], с другой, была существенной. В южных и центральных уездах строительство дорожной сети было вполне успешным, а на севере конечным пунктом по-прежнему оставалось Самарово[616].

Описанные обстоятельства не способствовали соблюдению установленных законом сроков, что, в свою очередь, сказывалось на работоспособности административной системы. Но именно повышение эффективности последней и являлось заявленной целью правительства. С последствиями «медленности, упущения и волокиты» в системе управления и правосудия[617] боролись как Екатерина II, так и ее предшественники. Ради преодоления этого состояния проводились реформы первой четверти XIX в. Однако методы, выбранные законодателем для повышения продуктивности, мало изменились и не отличались особой находчивостью. «Закручивание гаек» по-прежнему пользовалось популярностью. В конце XVIII – начале XIX в. правительство прежде всего надеялось на дисциплинирующее воздействие издаваемых нормативных актов. По-прежнему в большинстве своем это были ужесточение сроков исполнения правительственных распоряжений и создание или актуализация соответствующего перечня санкций за их нарушение, который в основном состоял

---

[614] ГА в г. Тобольске. Д. 77. Л. 8, 10–11, 18 об., 22, 24–26, 31, 32–33 об., 36–38, 40–41 об., 43, 46, 48–51, 60–62 об., 74; Описание Тобольского наместничества. С. 83, 93, 123, 150.

[615] Цит. по: Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 365.

[616] Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. С. 46–56; Морев В. А. Реформы почтовой связи Западной Сибири в первой трети XIX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 411. С. 94–97.

[617] ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

из денежных взысканий[618]. Таким же распространенным приемом осуществления контроля являлись попытки интенсификации отчетных мер. Способствовало ли, однако, введение ведомости, обязывавшей городские и сельские полицейские учреждения ежемесячно предоставлять в губернскую администрацию документы, содержащие подробные сведения о «благосостоянии» подконтрольного округа, выявлению злоупотреблений – весьма спорный вопрос[619]. Более вероятно, что такого типа меры установления обратной связи, подобные известному принципу «справка на справку», вызывали прежде всего раздражение.

В течение всего «длинного» XVIII в. властное сообщение в Северо-Западной Сибири сталкивалось примерно с одними и теми же проблемами. Интенсивность коммуникации между административно-судебными органами находилась в сильной зависимости от расстояний между населенными пунктами и природно-климатических условий (например, распутицы и бездорожья в межсезонье). Немаловажным фактором, обусловливавшим скорость передачи распоряжений из центра на места, были также квалификация и скорость работы делопроизводителей, занятых в копировании указов различной степени важности и написании отписок об их получении. Несмотря на все недостатки, имевшие место в процессе взаимодействия между регионами и губернскими и столичными центрами, оно стало более стабильным, а в некоторых случаях даже более оперативным. Этому способствовали как развитие системы почтовых дорог, так и попытки правительства во главе с монархом установить систему наказаний за медлительность в исполнении велений власти.

Система управления югорскими уездами в XVIII – первой трети XIX в. изменялась очень неравномерно. Петровские реформы почти не затронули Обский Север. С точки зрения администрирования здесь «продолжался» XVII в. с его универсальной системой воеводского управления, несколько упрощенной по сравнению с предшествовавшим периодом. Более заметные перемены выпали на время царствований Екатерины II, Павла I и Александра I. Нововведения свидетельствовали о намерениях центральной власти в лице монархов и их окружения включить Северо-Запад Сибири в экономические, социальные, культурно-идеологические и иные процессы, протекавшие в масштабах всей страны.

Эта интеграция, однако, требовала особых усилий. Совокупность природно-климатических и этнодемографических особенностей Сибири заставила Екатерину II и Александра I задуматься о проведении административной реформы в рамках отдельно взятого региона. На примере югорских территорий видно, что даже в Сибири существовало достаточное количество субрегионов, по ряду показателей отличавшихся друг от друга. В частности, обширные по площади югорские земли были обжиты плохо. Здесь преобладало аборигенное население, а процент русских, основной задачей которых являлось обеспечение сбора ясака, был незначителен. Управление землями в зоне рискованного земледелия требовало держать под контролем проблему поставок продовольствия и других ресурсов. Слаборазвитая сеть дорог и невозможность их организации ввиду характерных черт ландшафта и по-

---

[618] Воинский устав. Гл. 49. Ст. 6; Морской устав. Кн. 3. Гл. 5. Ст. 6; ПСЗ-1. Т. 7. №. 4174. С. 26–27; Там же. Т. 8. № 5565. С. 283–284; № 5640. С. 339; Там же. Т. 9. № 6799. С. 568–570; Там же. Т. 10. № 7713. С. 676–679; Там же. Т. 15. № 11169. С. 585–587; Там же. Т. 16. № 11703. С. 105–107; № 12137. С. 716–720; Там же. Т. 17. № 12417. С. 166–167; № 12710. С. 871–876.

[619] ПСЗ-1. Т. 27. № 20771.

годно-климатических условий не создавали благоприятных условий для организации регулярного сообщения между уездами и Тобольском. Скорость властной коммуникации здесь оставляла желать лучшего. Издание указа, доведение информации о нем до региональных администраторов и его исполнение в землях Югорского Севера занимали гораздо больше времени, чем в центральных губерниях Российской империи (до четырех-шести месяцев).

На протяжении всего рассматриваемого периода органы власти Югры функционировали в условиях постоянного дефицита людских и материальных ресурсов. Помещения, в которых располагались присутственные места, были в плохом состоянии, требовали перестройки и ремонта. Уже на пороге у посетителя государственных учреждений мог сложиться не самый положительный образ региональной власти, который не становился лучше после входа в судейскую камору и каморы делопроизводителей. Все казенные места страдали от беспорядка в бумагах, объемы которых увеличивались день ото дня.

Несмотря на все попытки правительства оказать влияние на морально-нравственный облик членов присутствия и канцелярских служителей путем снабжения каждой канцелярии зерцалами и иными нормативными актами, а также помещения в судейской икон с досточтимыми святыми – символическими наблюдателями за соблюдением правды, руководители органов власти и, возможно, их подчиненные не раз оказывались под следствием по делам о злоупотреблениях своим должностным положением. Дальние расстояния и отсутствие желающих нести службу в снежных и морозных землях, куда не менее часто, чем новые администраторы, попадали лишь ссыльные, создавали ощущение безнаказанности за любой неблаговидный поступок. В то же время постоянное нахождение в стесненных обстоятельствах не стало препятствием для изменения здесь дискурса власти. Произошло смещение акцентов с демонстрации военной мощи и безграничной власти монарха в регионе на идеи обеспечения порядка и законности. Начиная с середины XVIII в. управленческие посты в югорских уездах часто становились хорошим стартом для начала успешной карьеры на гражданской службе. Ряд воевод, а вслед за ними и представителей новой екатерининской администрации после определения в Берёзов или Сургут получали более выгодные назначения либо повышения по службе в других областях Сибири. Показательным примером такого карьерного пути является история М. М. Черкашенинова, который после воеводства в Берёзове возглавил якутскую комиссию Первой Ясачной комиссии Сибири, а затем стал «товарищем губернатора» Сибирской губернии и был председателем палаты уголовного суда Тобольского наместничества.

Примечательно, что большинство таких управителей и судей занимали руководящие должности в Берёзове и Берёзовском уезде. Этот административный центр отличался от других населенных пунктов Югры, о чем может свидетельствовать и степень сохранности документации, содержащейся в центральных и региональных архивохранилищах России. Количество берёзовских материалов, также отложившихся в архивах не полностью, значительно превышает число документов сургутских, пелымских или самаровской канцелярий. Не случайно в конце рассматриваемого периода Берёзов стал единственным административным центром для такой обширной территории.

Яркой характеристикой административного ландшафта Обского Севера являлась необходимость выстраивания особых управленческих отношений с аборигенным населением, совокупно превосходившим русское старожильческое по численности и имевшим особое значение для государственной фискальной политики. К середине XVIII в. аборигенные жи-

тели края стали рассматриваться верховной властью как безусловно включенные в структуру государства верноподданные, равные в своем положении другим податным категориям, но нуждающиеся в «охранительном» к себе отношении, в особой системе налогообложения, управления и суда. По мере преодоления ясачными народами иноземческого статуса государство стремилось выработать единые принципы реализации административной политики в отношении этой части населения, что нашло свое выражение в период проведения первой ясачной реформы.

Использование государством в XVIII в. специфических форм взаимоотношений с аборигенным населением вызвало к жизни соответствующую систему управления. Она включала в себя общественные и правовые автохтонные институты, сохранявшие значительную самостоятельность. Организация административного устройства впитала все многообразие этносоциальной организации обских угров и самодийцев Северо-Западной Сибири, а низовая структура управления, также не будучи унифицирована, предполагала пеструю номенклатуру и неодинаковые принципы замещения должностей, разную степень включенности представителей этнической элиты в сословную систему империи («жалованные» и простые старшины), различия в объеме их компетенций. Унифицированы были лишь принципы обязательного исполнения функций сбора ясака, утверждения губернской администрацией волостных старшин. Тем самым были сделаны первые шаги, ориентировавшие в перспективе на выделение их как института, стоящего над традиционным обществом. Волостные и родовые старшины XVIII – первых лет XIX в. сохранили черты органов традиционного властвования, став промежуточным звеном, посредниками между автохтонным социумом и государством.

Углублявшийся процесс интеграции коренных народов Сибири в систему общероссийских социально-экономических, административных и правовых связей усложнял характер взаимоотношений государства с аборигенным населением. Потребовалась существенная перестройка сложившихся форм взаимодействия государственных управленческих структур с институтами автохтонного самоуправления, которая была осуществлена в ходе реализации «Устава об управлении инородцев» 1822 г. и второй ясачной реформы. На начальном этапе реализации устава на севере Тобольской губернии (1823–1830-е гг.) были проведены разделение ясачного населения на разряды и переобложение его ясачной податью. Принципиальных изменений в системе управления инородцами региона не произошло. Было упорядочено и закреплено прежнее волостное устройство, на базе которого началось формирование родовых управлений. В 1840–1850-е гг. они были реорганизованы в инородные управы, что было вызвано необходимостью дальнейшего совершенствования податного учета на местах и передачи на волостной уровень функций, обременительных для земской полиции. Инородные управы были созданы на территории Югры у разрядов как кочевых, так и бродячих, что свидетельствовало об адаптации предложенной уставом модели низового управления к условиям региона и большей приемлемости этого института для взаимодействия с государственным административно-бюрократическим аппаратом.

Подводя итоги, следует отметить, что многочисленные реформы аппарата управления и перекройка административно-территориального деления в течение «долгого» XVIII в. сделали свое дело. Югорские земли были интегрированы в состав Российской империи. Правда, вопрос о полноценном включении этих территорий в административную систему страны еще оставался открытым: в очередной раз требовался пересмотр принципов управления регионом ввиду отличий природно-климатических, экономических, культурных и социально-демографических условий проживания на северо-западе Сибири.

Во славꙋ ст҃ыѧ, единосꙋщныѧ, животворѧщїѧ, и нераздѣлимыѧ Трⷪ҇цы, Оц҃а, и Сн҃а, и ст҃агѡ Дх҃а: Повелѣнїемъ Бл҃гочестивѣйшїѧ Самодержавнѣйшїѧ Великїѧ Гдⷭ҇рни нашеѧ ІМПЕРАТРЇЦЫ ЕКАТЕРЇНЫ АЛЕѮЇЕВНЫ всеѧ Россїи, и при наслѣдникѣ еѧ Бл҃говѣрномъ Гдⷭ҇рѣ Цесаревичѣ и Великомъ Кн҃зѣ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ, Бл҃гословенїемъ же Ст҃ѣйшагѡ Правительствꙋющагѡ СѴНОДА, напечатасѧ сїѧ Бг҃одꙋхновеннаѧ Книга Дѣѧнїй Ст҃ыхъ Ап҃лъ [во общꙋю дꙋховнꙋю пользꙋ всѣхъ православныхъ хрⷭ҇тїанъ] тѵпографскимъ тисненїемъ въ црⷭ҇твꙋющемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто ѿ сотворенїѧ мїра ҂зсов, ѿ рж҃тва же по плоти Бг҃а Слова, ҂аѱѯд, індїкта вї, мц҃а Марта.

[illegible] года сентября 1 [illegible]

Часть 3

Церковная организация и церковная политика в Югре в XVIII – первой трети XIX в.

Глава 1

Историография и источники

Историография

Истории Русской православной церкви на севере Западной Сибири, распространению христианского вероучения в среде автохтонного населения, различным аспектам деятельности сибирского духовенства посвящены многочисленные исследования, в том числе монографические и диссертационные, а также документальные публикации.

Самые ранние известия о церквях и приходах Северного Зауралья оставили Г. Ф. Миллер и Т. Кёнигсфельс[1]. Спутник Ж.-Н. Делиля Кёнигсфельс еще и снабдил свои записки рисунками северных храмов от Демьянска до Берёзова. Отрывочные, но очень важные сведения о берёзовской Одигитриевской церкви и «часовне неизвестного святого» находим в сочинении «академического студента» В. Ф. Зуева[2]. В Описании «Тобольского наместничества 1790 г.» находим сведения о церквях Сургута и Берёзова, а также даты их постройки[3].

В XIX столетии, прежде всего в трудах Н. А. Абрамова и протоиерея А. И. Сулоцкого, происходили активное накопление и систематизация фактографических знаний по названной тематике на основе привлечения архивных материалов, анализа сведений миссионеров, ученых, путешественников (Г. Новицкого, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, В. Н. Шаврова, Ф. И. Белявского, М. А. Кастрена) и собственных наблюдений авторов[4]. В статьях

---

[1] См.: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. Сер. История Сибири. Первоисточники. Вып. 6 / отв. ред. Н. Н. Покровский, подг. А. Х. Элерт; Дневник Т. Кёнигсфельса и переписка Ж.-Н. Делиля / отв. ред. С. А. Козлов. СПб., 2008.

[2] См.: Путешествия по Обскому Северу / ред. и авт. вступ. ст. С. Г. Пархимович, сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999. С. 137–236.

[3] См.: Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. Новосибирск, 1982.

[4] См.: Абрамов Н. О введении христианства у Берёзовских остяков // ЖМНП. 1851. Ч. 72. Отд. 5. С. 1–22; Его же. Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времени покорения ее в 1581 году до начала XIX столетия // ЖМНП. 1854. Ч. 81. Отд. 5. 1854. С. 15–56; Его же. Проповедь Евангелия сибирским вогулам // ЖМНП. 1854. Ч. 83. 1854. Отд. 2. С. 41–58; Сулоцкий А. Миссионерства Берёзовского края – обдорское, кондинское и в особенности сургутское // Странник. СПб., 1869. Кн. 8. Отд. 4. С. 102–115; Его же. Нечто о миссиях в Тобольской епархии // Прибавления к Иркутскими епархиальным ведомостям. 1870. № 2. С. 24–25, № 3. С. 29–37; Его же. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского, просветителя сибирских инородцев. 3-е изд. Шамордино, 1915.

Н. А. Абрамова содержатся сведения о берёзовских храмах: Воскресенском соборе, церкви «Божьей матери Одигитрии» и Богородице-Рождественской церкви. Кратко излагаются история возведения храмов и их дальнейших перестроек в XVIII – начале XIX в., упоминаются реликвии и святыни[5]. В другой его статье, посвященной Филофею Лещинскому, можно найти сведения о времени основания церквей в волостях Ляпинской и Сосьвинской[6]. Писал историк и о формировании местных традиций церковных праздников, в частности, о традиции празднования дня св. Епифания, возникшей в Берёзове в XVII в. и продолжавшейся в XVIII – первой половине XIX в.[7] Наиболее почитаемым иконам Берёзова посвятил отдельную статью А. И. Сулоцкий[8]. Во второй половине XIX в. общественность заинтересовала берёзовская часовня некоего «неизвестного святого», известная в источниках с XVIII в. Были предложены версии идентификации «святого» и сделаны попытки датировки основания часовни[9] (рис. 3.1).

Рис. 3.1. Н. А. Абрамов. 1869. Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15716

В конце XIX в. появляются первые обобщающие работы, посвященные истории православной миссионерской деятельности в Сибири в целом[10]. Тогда же П. Н. Буцинский, привлекая документы московских архивов, первым в отечественной историографии дал характеристику законодательной политики в области христианизации сибирских народов XVII – начала XVIII в. и признал исторически необходимыми шаги Петра I по активизации миссионерского дела в Сибири, реализованные Филофеем (Лещинским)[11]. Анализ религиозных представлений обских угров у П. Н. Буцинского основан на материалах, почерпнутых в основном из работ Г. Новицкого, М. А. Кастрена, В. Н. Шаврова и А. И. Сулоцкого. Он дополнил сведения Н. А. Абрамова о строительстве церквей в Северном Приобье в начале XVIII в., обратил внимание на появление у новокрещенных этого региона института надсмотрщиков/заказчиков. Из публикаций начала XX в. представляет интерес исторический очерк миссионера иеромонаха Василия (Бирюкова), выполненный с использованием документальных материалов Обдорской

[5] Абрамов Н. А. Город Тюмень : Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 496–503, 504–507.

[6] Абрамов Н. А. Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский. [Б. м.], 1861. С. 79–96.

[7] Абрамов Н. А. Город Тюмень : Из истории Тобольской епархии. С. 508–510.

[8] Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Сулоцкий А. И. Соч. : в 3 т. Тюмень, 2000. Т. 1. О церковных древностях Сибири. С. 221–241.

[9] Путинцев М. Ответ на статью «Историческая справка по поводу торжества в г. Берёзове» // ТЕВ. 1892. № 13–14; Губарев К. От Тобольска до Берёзова // Современник. 1863. № 1. С. 353–388.

[10] Сумароков П. Миссионерство в Сибири // Христианское чтение. 1883. № 9–10. С. 411–435; № 11–12. С. 561–593; 1884. № 1–2. С. 113–147; № 5–6. С. 639–673; № 9–10. С. 327–341; Догуревич Т. А. Свет Азии: распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края. СПб., 1897.

[11] Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893.

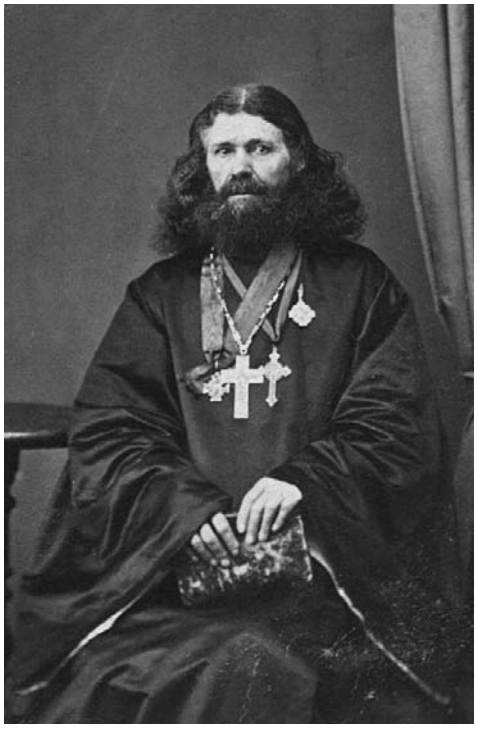


Рис. 3.2. Протоиерей А. И. Сулоцкий.
Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-5618

миссии[12]. В трудах П. Н. Буцинского и вышеназванных церковных историков XIX – начала XX в. проводилась идея о преимущественно ненасильственных методах христианизации сибирских народов, о воздействии на иноверцев силой убеждения, о необходимости и пользе их приобщения к православию. Иная точка зрения прозвучала в сочинениях областников С. С. Шашкова и Н. М. Ядринцева, критиковавших деятельность и методы православных миссионеров и результаты их работы[13] (рис. 3.2).

Эта критическая заостренность в оценке деятельности церкви на Сибирском Севере была подхвачена и развита уже на новой идеологической основе в советской историографии 1930–1950-х гг. В качестве примера можно привести работы А. Г. Базанова и Н. А. Свешникова, отличающиеся весьма тенденциозным подбором материала и его интерпретацией[14]. Особое место в историографии темы в выбранных нами географических и хронологических рамках занимает монография И. И. Огрызко, выполненная на основе уникальных документов фонда Тобольской духовной консистории, до этого практически не вводившихся в научный оборот[15]. Историк подробно исследовал различные аспекты политики церкви в отношении иноверцев Нижнего Прииртышья и Северного Приобья, наметил этапы в процессе их христианизации, отметил слабое распространение православия у берёзовских и обдорских хантов, ввел в оборот новый материал, иллюстрирующий синкретизм религиозных представлений новокрещенных. И. И. Огрызко отстаивал точку зрения о преобладании насильственных методов внедрения православной веры, при этом весьма противоречиво оценивал роль льгот и подарков за принятие крещения, то видя в них лишь «подкуп», сменявший «принуждение и запугивание», то соглашаясь с мнением, что раздача «милостыни» влияла на успех дела[16].

Н. А. Миненко пересмотрела сформулированную И. И. Огрызко концепцию «насильственной христианизации» народов региона и подчеркнула, что предоставление новокрещенным различных льгот было главным методом приобщения к православию[17]. Важными были

[12] Василий (Бирюков). Состояние православного миссионерства в Западной Сибири после митрополита Филофея (Лещинского) до начала XIX в. // Православный благовестник. 1907. № 3. С. 107–115; № 4. С. 165–170; № 5. С. 216–224.

[13] Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С. С. Собр. соч. : в 2 т. СПб., 1898. Т. 2. С. 548–632; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892.

[14] Базанов А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере // Изв. Ин-та народов Севера. Вып. 7. Л., 1936; Свешников Н. А. Христианизация народов Нижнего Приобья // Уч. зап. Енисейск. гос. пед. ин-та. Вып 3. (Сер. историко-филологическая). Енисейск, 1959. С. 91–111.

[15] Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941.

[16] Огрызко И. И. Указ. соч. С. 54, 56.

[17] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : ист.-этногр. очерк. Новосибирск, 1975. С. 263–282.

наблюдения автора о источниках складывания местного духовенства; именно она впервые аргументированно доказала, что священнические кланы Северного Обь-Иртышья вышли в основном из местной же служилой среды. Впоследствии точка зрения о ненасильственном добровольном крещении народов Северо-Западной Сибири получила развитие и обоснование в последующих работах и документальных публикациях Н. А. Миненко[18], а также в исследованиях А. М. Аблажей, М. О. Акишина, Г. Ш. Мавлютовой, А. Ю. Конева[19]. Особо следует сказать о диссертации А. П. Николаева, которая стала первым специальным трудом, посвященным приходской общине новокрещенных Обь-Иртышского Севера, исследование содержит ценный статистический материал[20]. Сюжеты, затронутые в этой работе, развиты в новейшей публикации А. Ю. Конева и О. А. Юзеевой, которые исследовали влияние процесса катехизации на формирование православных религиозных сообществ у остяко-вогульского населения региона. Вторая половина XVIII в. рассматривается ими как время трансформации внешней миссии в миссию внутреннюю при ведущей роли приходских священников[21].

Ряд концептуальных положений о характере церковной политики в отношении иноверцев региона, выдвинутых И. И. Огрызко, нашли поддержку или были переосмыслены на основе новых этнографических и исторических данных в трудах Е. М. Главацкой, А. В. Головнёва и Е. В. Переваловой[22]. А. В. Головнёв охарактеризовал XVIII в. как период «нормативного захвата коренных народов – насильственной христианизации», а миссионеров – как «рыцарей “огня и меча”». Христианизация, по его мнению, даже при формальном характере «вызва-

---

[18] Миненко Н. А. Выбор веры // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 123—230; Ее же. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С. 209–217.

[19] См.: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996 (раздел «Выбор веры»); Его же. Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири // Меншиковские чтения – 2015. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 10–31; Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001; Софронов В. Ю. Три века сибирского миссионерства : в 3 ч. Тобольск, 2005. Ч. 2; Конев А. Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVII–XIX века) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 303–319; Аблажей А. М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII — начале XX века: опыт теоретического комментирования // Вестн. НГУ. Сер.: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 2. С. 65–70; Конев А. Ю. Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах государственного архива Тюменской области // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2014. № 22 (351). С. 137–141.

[20] Николаев А. П. Приходская община новокрещенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.

[21] Конев А. Ю., Юзеева О. А. Катехизическая деятельность приходского духовенства среди народов Северо-Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / А. С. Андриенко, И. В. Балюнов, П. В. Белоус и др. ; под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020.

[22] Головнёв А. В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 3–18; Главацкая Е. М. Когда умолкнут все бубны? Сказ о том, как царь Петр решил крестить язычников Сибири // Уральский сборник II. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. С. 52–67; Ее же. Religious and Ethnic identity among the Khanty: processes of change // Identity and Gender in Hunting and Gathering Societies. Senri Ethnological Studies. 56. National Museum of Ethnology. Osaka, Japan. 2001. P. 15–26; Ее же. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард, 2005; Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004; Ее же. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть : дис. ... докт. ист. наук : в 2 т. Екатеринбург, 2017. Т. 1. С. 130–165.

ла значительные перекосы в конкретных областях духовной культуры» туземных народов региона[23]. Е. В. Перевалова, придерживаясь в оценке «эпохи Лещинского» точки зрения А. В. Головнёва, фокус своего внимания сосредоточила на роли этнической элиты обских угров в соответствующих процессах, подчеркнув, что и в XVIII в. в районах проживания северных остяков господствовала «отцовская вера», стойкость которой основывалась «на сильной политической власти обдорских и куноватских князей». Рассматривая случаи крещения обско-угорских князцов, она отметила роль «царских даров» и отражение соответствующих событий в туземном фольклоре[24]. Е. М. Главацкой сделан вывод о том, что миссионерами на начальных этапах массовой христианизации хантов применялись такие методы, как разрушение священных мест, убеждение, принудительные проповеди. В некоторых случаях на помощь миссионерам приходили светские власти. Таким образом, она полагает, что в процессе крещения в XVIII в. использовались «принудительные воздействия». Вместе с тем, по мнению екатеринбургской исследовательницы, в окончании дискуссии о методах христианизации народов региона «ставить точку рано»[25]. Она подвергла обоснованной критике распространенное в этнографической литературе мнение о том, что «новая религия не была связана с жизнью народа, поэтому даже добровольно крестившиеся относились к этому формально», и что христианизация в большинстве случаев носила лишь внешний характер[26]. На ее взгляд, проблема исследователей состоит здесь «в отсутствии определенной методики изучения религиозности», в том, что «степень проникновения догматов в сознание очень сложно измерить и объективно оценить»[27]. К наиболее существенным результатам монографического исследования Е. М. Главацкой следует отнести реконструкцию традиций разных групп хантов в различные исторические периоды, разработку классификации религиозных изменений хантов в XVIII–XIX вв. и картографирование соответствующего религиозного ландшафта XVII–XX вв.

Помимо работ, посвященных истории христианизации автохтонных народов края, исследователей в XXI в. интересует широкий спектр проблем, связанных с организацией жизни приходских общин Севера, формированием и образом жизни духовного сословия, эволюцией православной топографии Югры (храмового и монастырского строительства, обретения местных святынь, почитаемых икон), влиянием распространения православия на развитие книжной культуры и образования. Так, А. Т. Шашковым были выявлены новые сведения о церковном строительстве, церковных престолах и о почитаемых иконах Северного Приобья, почерпнутые в центральных и местных архивах. В его очерке «Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки», основной целью которого являлось ознакомление читателей с малоизученной темой формирования церковных книжных собраний края, можно, помимо этого, найти сведения о строительстве и многочисленных перестройках югорских храмов[28]. Автор выделяет определенный рубеж в истории храмового строитель-

---

[23] Головнёв А. В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв. С. 14–16.

[24] Перевалова Е. В. Северные ханты. С. 62–84, 300–301; Ее же. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации. (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 163, 165–166.

[25] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. С. 51.

[26] См., например: Мифология хантов : энциклопедия уральских мифологий : в 4 т. Томск, 2000. Т. 3. С. 28; Перевалова Е. В. Северные ханты. С. 79.

[27] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. С. 54–55.

[28] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 5–62.

ства, таковым он считает вторую половину XVIII в.: с этого времени государство перестает выделять инородческим приходам средства не только на строительство, но и на ремонт обветшалых храмов; все расходы на это становятся заботой прихожан. Отдельно А. Т. Шашков обращался к истории храмового строительства в Сургутском уезде[29].

Эта тематика нашла продолжение в трудах других исследователей. А. В. Опейкин написал статью по истории Покровской церкви с. Самарово и действовавшей в 1760-х гг. при ней «латинской школы»[30]. В 2005 г. вышли в свет сразу две статьи С. В. Турова, посвященные святыням и реликвиям берёзовских храмов. Статьи отличает использование не известных до этого архивных источников. Здесь рассказывается о почитаемых иконах, других святынях и реликвиях, обетных праздниках Берёзова конца XVI – начала XX в.[31] Исследователем предпринята попытка выявить специфику местной православной традиции, сложившейся в результате синкретизма верований аборигенов и народного православия и нашедшей выражение в фольклоре, местночтимых иконах и посвящении церковных престолов[32]. В итоге им же последовательно изложена история храмового строительства в Югре на протяжении XVIII – начала XX в., прояснены датировки и обстоятельства основания храмов, их последующих перестроек, а также судьбы людей, причастных к этому делу[33].

В последнее время в рамках указанной темы плодотворно работает тандем историков из Нижневартовска – В. В. и О. П. Цысь. Рассматривая этапы храмового строительства в Югре, они принимают мнение А. Т. Шашкова. Авторы считают также, что югорские храмы основывались в XVIII в. исходя из следующих оснований: 1) около дохристианских культовых объектов; 2) рядом с резиденциями местных князей; 3) в пунктах, посещавшихся «инородцами» с целью выплаты ясака, промыслов, торговли; 4) в зависимости от ландшафта. Требовалось, чтобы храм располагался на не затапливаемой в половодье возвышенности и в то же время недалеко от берега реки. Инициатива о поставлении церкви могла исходить от светской власти или от преосвященного при личном посещении края или по рекомендации. Историки исследовали процесс мирских сборов на храмы и участие епархиальных властей в их строительстве, реконструировали контингент иконописцев и каменных дел мастеров, плотников (как местных, так и приглашенных), принимавших участие в строительстве церквей в XVIII – начале XIX в. Некоторых из указанных мастеров авторы установили впервые[34]. В этой связи уместно вспомнить статью Н. В. Сухоруковой, которая сделала

---

[29] Шашков А. Т. Из истории церквей Сургута и Сургутского уезда // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1 (9). С. 39–46.

[30] Опейкин А. В. Покровская церковь села Самарово // Славянский ход 1991–2002. Материалы и исследования : альманах. Вып. 1. Сургут ; Ханты-Мансийск, 2004. С. 44–49.

[31] Туров С. В. Святыни града Берёзова // Историческая наука в Тюменском государственном университете : материалы регион. науч.-практ. конф., посв. 75-летию вуза и 60-летию ист. ф-та. Тюмень, 2005. С. 50–60; Его же. Берёзов православный: сакральное пространство местного сообщества (конец XVI – начало XX в.) // Славянский ход 2005. Материалы и исследования : альманах. Вып. 2. Ханты-Мансийск ; Сургут, 2005. С. 118–125.

[32] Туров С. В. Земные и небесные всадники града Берёзова: к вопросу о роли мифоэпической традиции в формировании исторического самосознания русского населения Азиатской России (XVII – начало XX в.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2020. № 67. С. 54–61.

[33] Туров С. В. Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки // Науч. вестн. ЯНАО. 2006. Вып. 7 (44). 144 с.

[34] См., например: Цысь В. В., Цысь О. П. Сельское храмовое строительство на Тобольском Севере в XVIII – начале XX веков // Науч. диалог. 2019. № 4. С. 342–358.

краткий очерк иконописной традиции Северного Зауралья в основном на опубликованных материалах[35].

Во все времена главным врагом зданий, в особенности деревянных, был огонь. Храмы горели часто, многие по нескольку раз. В. В. и О. П. Цысь дают сводку сведений о пожарах в церквях, извлеченных из литературы и архивных источников[36]. Активно работают названные авторы в области реконструкции состава духовного сословия на Обском Севере; их интересуют порядок замещения служений, возникавшие в этой связи проблемы, особенности быта и хозяйственной деятельности северного духовенства[37]. Особый интерес представляют работы О. П. Цысь по изучению исповедных росписей, отразивших редкие свидетельства переживаний новокрещенов, возникших в результате столкновения в их сознании христианских и традиционных верований[38]. Уникальные сведения о домашнем быте духовенства Тобольского Севера содержатся в документах, обнаруженных и прокомментированных в статьях А. В. Спичак, В. В. Цыся и О. П. Цысь. Их работы, особенно посвященные комплексному анализу приходской жизни Обского Севера на материалах прихода Ларьякской церкви, являются ярким примером продуктивности использования подходов и методов микроанализа и исторической антропологии[39]. Этими же историками исследованы вопросы становления школьного образования в крае и роль в этом Русской православной церкви; проблемы эволюции церковной администрации, сотрудничества светских и церковных властей при решении общественно-политических и хозяйственных задач.

Примечательно в этой связи, что, например, донесение до аборигенов Севера «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) состоялось только благодаря участию духовенства, осуществившего перевод этого документа на местные языки. Таким образом, благодаря местному духовенству коренное население Тобольского Севера стало не только объектом, но и субъектом административно-правовых реформ М. М. Сперанского. Изложенные в ряде статей, результаты этих исследований нашли обобщение в новейших коллективных монографиях[40].

---

[35] Сухорукова Н. В. К проблеме выявления и изучения наследия тобольских иконописцев на территории Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск ; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 99–105.

[36] Цысь В. В., Цысь О. П. Пожары и меры противопожарной безопасности в церквях Тобольского Севера в синодальный период (1722–1917) // Науч. диалог. 2020. № 2. С. 421–434.

[37] Цысь В. В., Цысь О. П. Приходское духовенство на Тобольском Севере в XVIII – начале XX в.: формирование и эволюция // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 25–32; Их же. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства Тобольского Севера в XVIII–XIX вв. // Материалы XIV международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 2019. С. 278–285; Цысь О. П. Поездки приходских священников и миссионеров Тобольского Севера как форма взаимодействия власти и общества в синодальный период истории Русской Православной Церкви // Вестн. Нижневартовск. гос. ун-та. 2019. № 3. С. 94–107.

[38] Цысь О. П. Таинства исповеди и причастия в «инородческих» приходах Тобольского Севера (XVIII – начало XX вв.) // Вестн. угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 787–797; Ее же. Исполнение «христианского долга» коренным населением Тобольского Севера (XVIII – начало XX вв.) // Пять столетий Югры : Проблемы и решения, итоги и перспективы / под общ. ред. А. В. Спичак. Нижневартовск, 2021. Вып. 2 (9). С. 26–43.

[39] Спичак А. В. Дела Тобольской духовной консистории по контролю за обращением «идолопоклонческих народов» в православную веру во второй половине XVIII – XIX в. // Обские угры: единство и разнообразие культуры. Ханты-Мансийск, 2018. С. 192–134; Цысь В. В., Цысь О. П. Организация и функционирование Ларьякского прихода Тобольской и Сибирской епархии в XVIII в. // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Нижневартовск, 2018. С. 38–57; Их же. Краткая характеристика настоятелей Ларьякской Знаменской церкви тобольской епархии (XVIII – первая треть XX в.) // Православие. Наука. Образование. 2018. № 1 (5). С. 30–36.

[40] Цысь В. В., Цысь О. П., Спичак А. В., Борисова В. В. Православие в Нижневартовском районе: три века истории. Нижневартовск, 2018; Цысь В. В., Солодкин Я. Г., Цысь О. П., Спичак А. В. Рус-

Современный этап изучения рассматриваемой темы связан, таким образом, не только с углублением и расширением тематики (христианская топография; складывание духовного сословия; служение и быт духовенства; административное управление северными приходами и взаимодействие духовных и светских управленческих структур), но и с применением к анализу процесса и результатов христианизации народов Северо-Западной Сибири, церковной жизни края новых подходов и методов антропологически ориентированного историописания, теорий фронтирной модернизации и дарообмена[41].

Подводя итог историографическому обзору, можно заметить, что при несомненных успехах современного изучения церковной истории Северного Обь-Иртышья в данном проблемном поле еще остаются нерешенные вопросы как концептуального, так и конкретно-исторического свойства. Так, в новейшей исторической и этнографической литературе сохраняются разные точки зрения по поводу оценки методов и результатов конфессионального воздействия на коренные народы Сибири, значения правовых и распорядительных актов центральных властей в соответствующих сферах. Вопрос о соотношении насильственных мер и добровольного волеизъявления при обращении аборигенов в православие также остается дискуссионным. Кроме того, следует уточнить данные о времени и обстоятельствах крещения представителей автохтонной элиты, о возникновении ряда храмов и составе их клира. Особого внимания заслуживают специфика положения новокрещенных и динамика ее изменения. Для этого потребуются более широкое привлечение документов центральных архивов и региональных музейных коллекций, комплексное применение этих источников с опубликованными материалами путешественников, ученых, миссионеров, чиновников.

Источники

На сегодняшний день исследователями освоен значительный корпус исторических источников по обозначенной теме и хронологии, немалое количество которых опубликовано. Основу источниковой базы составляют письменные источники, отличающиеся видовым разнообразием. Это *законодательные источники*, основной корпус которых содержится в Первом и Втором собраниях «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗ-1 и ПСЗ-2), в «Полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи» (ПСРП, СПб., 1879–1915), в «Описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода» (СПб., 1868–1917). Большую ценность представляют *материалы научных экспедиций XVIII в.* (см. введение и историографическую часть настоящей главы); их активная публикация началась в конце XX – начале XXI в. во многом благодаря усилиям новосибирских историков. Но большая часть этих массивов еще остается в архивном хранении, в частности, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера) и Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН. Ф. 3. Канцелярия Академии наук (1725–1766), Комис-

ская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль). Нижневартовск ; Новосибирск, 2020.

[41] Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2013. Вып. 3 (23). С. 44–52; Конев А. Ю., Поплавский Р. О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI – XVIII в.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. №. 4 (43). С. 165–174.

сия Академии наук (1766–1803); ф. 21. Миллер Герард-Фридрих). Но самыми многочисленными и в совокупности информативными являются *источники канцелярского происхождения*, представленные разнообразной документацией административного делопроизводства светских и церковных учреждений. Часть из них также опубликована – как единично и в небольших подборках[42], так и в крупных тематических сборниках[43]. Тем не менее, и в этом случае большая часть источников канцелярского происхождения остается неопубликованной, да и потенциал опубликованных документов реализован историками и этнографами еще не в полной мере.

Наиболее освоенными источниками в рамках заявленных темы и хронологии на сегодня являются документы из фондов Тобольской духовной консистории и ряда церквей Берёзовского уезда Государственного архива в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске. Ф. И156 (Тобольская духовная консистория); фонды Берёзовского и Сургутского благочиний – ф. И191, И708; фонды отдельных церквей – ф. И189, И192, И493, И652, И706, И707, И709, И710, И711, И716, И776) и канцелярии Синода в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 796). Но, разумеется, этим архивное документальное наследие не исчерпывается. Наибольшую ценность среди архивных документов имеют указы, инструкции, деловая переписка, переводы на языки автохтонного населения священных текстов, отчеты миссионеров, статистические сведения о числе крестившихся и поименные списки таковых, данные о постройке и освящении церквей.

В составе ряда дел встречаются документы, связанные с деятельностью митрополита Филофея (Лещинского), положившего начало массовому обращению сибирских язычников в христианство. В тобольском архиве сохранился документальный комплекс личного архива бывшего сибирского архиерея, краткий обзор которого был дан М. О. Акишиным[44]. А в Государственном архиве Тюменской области, в фонде воеводской канцелярии (ГАТО, ф. И-47), отложилось несколько документов, которые отражают деятельность администрации по реализации конфессиональной политики государства и церкви среди сибирских иноверцев, выходящей за рамки Тюменского уезда, и позволяют судить в региональном масштабе о процессе христианизации и об особенностях положения новокрещенов как специфической группы сибирского населения. Представляет интерес рукописное со-

---

[42] См., например: Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 261–315; Акишин М. О. «Некрещении крещеним пакости творят». Последние заботы схимонаха Феодора // Источник. Документы российской истории. 2002. № 2 (56). С. 48–62; Его же. «Обретающихся в нечестии вогульцев призывал в православную веру добровольно». Православие в землях хантов и манси XVIII века // Источник. Документы русской истории. № 3 (57). 2002. С. 5–15; Шашков А. Т. Документы конца XVI – первой четверти XX в. по истории книжности и духовного просвещения Северо-Западной Сибири // Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 377–447.

[43] На стыке континентов и судеб : Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах / отв. ред. Н. А. Миненко ; сост. К. И. Зубков, А. П. Килин, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. Ч. 1. Екатеринбург, 1996; Православные приходы Берёзовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. Тюмень, 2004; Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень, 2006.

[44] Акишин М. О. Письма и бумаги Филофея Лещинского в архиве Тобольской консистории // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 1995. С. 3–7.

брание ТИАМЗ, документы которого пока лишь фрагментарно использовались для изучения данной темы. Не исключено, что дальнейший архивный поиск может выявить новые источники по теме и в центральных архивах. В целом же уже выявленные и названные группы и коллекции источников, а также результаты имеющихся исследований составляют надежную базу для написания разделов обобщающего труда по истории церковной организации и конфессиональной политики на севере Западной Сибири в XVIII – первой трети XIX в.

Глава 2

Христианская топография Югры

Основные центры христианского присутствия сложились в крае в течение первого века его включения в состав Российского государства. Средоточиями православной жизни главным образом являлись соборные и приходские церкви, духовенство которых окормляло преимущественно русское население городов и острогов[45]. Они же оставались главными узлами «христианской топографии», формировали ее сеть. XVIII в. стал временем активной миссионерской деятельности Русской православной церкви. Процесс, получивший со времени царствования Петра I целенаправленную государственную поддержку, привел к заметному расширению христианского влияния среди аборигенного населения, расширил его топографию за счет активного церковного строительства за пределами собственно русского расселения. Другим явлением, присущим описываемому времени, стало обретение православными Обского Севера собственных реликвий, формирование местных святынь. Обо всем этом подробнее пойдет речь в настоящей главе. Для систематизации изложения мы расположили материал в географическом порядке по трем крупным ареалам распространения в крае православия: Нижнее Приобье, Среднее Приобье и Нижнее Прииртышье.

Христианская топография Нижнего Приобья

Берёзов, крупнейший по местным меркам того времени город региона, был не только административным центром обширного Берёзовского уезда, но и наиболее значимым религиозным центром православия. К началу XVIII столетия в городе располагались собор, три приходские церкви и даже собственный монастырь. Известный катастрофический пожар 1719 г., практически полностью уничтоживший город, лишил его и церковных сооружений. Огонь спалил и Богородице-Рождественский собор, и приходские Ильинскую, Одигитриевскую и Воскресенскую церкви. Пламя пощадило только одноименную церковь Воскресенского монастыря с приделом во имя Святых Антония и Феодосия Печерских. Какое-то время ружная монастырская Воскресенская церковь выполняла функции соборной. В начале 20-х гг. XVIII в. берёзовские казаки возвели новый храм, который был освящен во имя Великомученика Димитрия Солунского[46]. Рядом с ним на прежнем месте в 1738 г. была возобновлена

[45] За редким исключением, когда храмы воздвигались во владениях некоторых местных князьцов, принявших православие, например, Троицкая и Зосимо-Савватьевская церкви в резиденции князей Алачевых (Алачеевых) Кодском городке.

[46] Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Берёзова // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. Вып. 8. №. 33. 2004. С. 187.

Воскресенская церковь[47]. Вероятно, после этого во избежание путаницы берёзовцы между собой стали именовать монастырскую Воскресенскую церковь Спасской[48].

В 1740 г. в Берёзове стояло сразу пять церквей. Одигитриевский соборный храм находился вне крепостных стен рядом с въездными воротами. Так же, как и Одигитриевская, вне крепостных стен стояли четыре приходские церкви. Сложилась такая ситуация следующим образом:

> *С давних пор было лишь две церкви, и лишь немного лет назад при каждой старой была пристроена новая. Первая из указанных старых церквей носит имя святого Димитрия Селунского, новая при ней – Воскресения Христова. Другая старая церковь – тоже Воскресения Христова, а новая при ней – Рождества Богородицы. Там, где стоят эти две последние церкви, раньше был мужской монастырь, который, однако, 15 лет назад был сокращен…*[49]

Одна из «старых церквей» была возобновлена в дереве в 1751 г.: «теплая деревянная ж во имя Великомученика Дмитрия Селунского и святых князей Бориса и Глеба»[50]. Последняя из упомянутых в процитированном выше описании Г. Ф. Миллера церквей, Богородице-Рождественская с приделом во имя Святого Ильи Пророка, в буквальном смысле была детищем А. Д. Меншикова. Согласно преданиям, бытовавшим в Берёзове, Меншиков сам участвовал в возведении храма[51]. Однако увидеть его в оконченном виде Александру Даниловичу не довелось. Церковь была окончена строительством в 1730 г.,[52] а он 12 ноября 1729 г. умер.

К 1760-м гг. в храмовой топографии Берёзова произошли очередные изменения. Были упразднены церкви во имя Дмитрия Солунского и Воскресенская (Спасская) монастырская[53]. В 1764 г. сгорела «меншиковская церковь». Виновником пожара оказался сторож Петр Федоров, который, будучи пьян, забыл погасить свечу, прикрепленную к деревянной полке[54]. В 1806 г. в Берёзове случился еще один большой пожар, в котором сгорел старый деревянный приходской Воскресенский храм. Кстати, к этому времени берёзовцы перенесли на него именование Спасского[55]. Между прочим, в пламени едва ни погибли две иконы Спасителя и Богоматери «вышиною около 3 аршин (около 2 м. – *Авт.*)», они украшали главные ворота крепости. Однако берёзовцы спасли святыни. Впоследствии эти иконы были помещены в иконостас Воскресенского собора. Сгорела дотла в этом же пожаре деревянная Одигитриевская церковь[56]. Берёзовскую церковь Смоленской Божией Матери Одигитрии вообще постоянно преследовали несчастья. В 1754 г. началось строительство каменной Одигитриевской церкви: «коштом церковной казны, збором от обывателей. Которого строения нижная двупрестольная совершенно построена и в 758-м годех, освещена, а верхняя еще и поныне

---

[47] АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 188. Л. 2 об.

[48] Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Берёзова. С. 187.

[49] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 233–234.

[50] АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 188. Л. 2 об.

[51] Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 году. СПб., 1885. С. 22–23.

[52] АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 188. Л. 2 об.

[53] Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Берёзова. С. 200.

[54] Абрамов Н. А. О церквах города Берёзова от основания его до настоящего времени // Абрамов Н. А. Город Тюмень : Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 503.

[55] Там же. С. 502.

[56] См. об этом: Шемановский И. С. Хронологический обзор достопамятных событий в Берёзовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Шемановский И. С. Избр. тр. М., 2005. С. 177.

(1762 г. – *Авт.*) строением не окончена»[57]. Строил церковь «мастер посадцкой» Иван Денисов. Причем на строительство церкви его подрядили еще в 1753 г., но подготовительный период явно затянулся. Во всяком случае, казначей Тобольского архиерейского дома Иакинф (Камперов), являвшийся в это время по совместительству игуменом Кодского Свято-Троицкого монастыря, в 1753 г. подрядил Ивана Денисова «поправлять» кровлю и главы Троицкого собора монастыря, «который (Иван Денисов. – *Авт.*) подрядился и в Берёзове строить церковь каменную. А ныне там, в Берёзове, делать ему нечего»[58].

Василий Зуев, автор известного «Описания живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов», в бытность свою в Берёзове в 1771 г. видел эту церковь «каменную в два этажа», однако вскоре она начала разрушаться: «начали появляться в церкви большие трещины и выпадать кирпичи, сперва в верхнем, а потом и в нижнем этажах»[59]. Окончательно храм обветшал и рухнул в конце XVIII в., не позднее 1796 г.[60] Но еще рядом с разваливавшимся храмом по предложению тогдашнего протоиерея Одигитриевского собора и одновременно берёзовского духовного заказчика Андрея Андреева (Камперова), внука пленного шведского офицера Карла Эска (Карпа Андреева), сподвижника митрополита Филофея, была построена деревянная Одигитриевская церковь. Именно эта церковь и сгорела в 1806 г. Однако еще в 1790 г. тот же Андрей Андреев и его брат Иакинф, ставший к этому времени архимандритом Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря, получают благословение архиепископа тобольского Варлаама и начинают строить рядом с деревянной каменную церковь Одигитрии в честь своих «ангелов», св. Андрея Критского и мученика Иакинфа, «на свой кошт». И вновь злой рок обратил в прах все людские усилия. В 1793 г. Иакинф был убит грабителями в Соликамском Вознесенском монастыре, а в 1797 г. умер его брат Андрей. В итоге уже сложенные, но не покрытые стены храма простояли в таком виде до 1834 г., когда, совершенно обветшавшие, они были разобраны на кирпич[61].

И, тем не менее, в конце XVIII в. берёзовские храмы одеваются в камень. В 1764 г. тобольским митрополитом Павлом (Конюскевичем) была дана грамота на строительство каменной церкви во имя Рождества Богородицы. Строительство началось годом спустя. В 1786 г. тобольским владыкой Варлаамом был освящен каменный Богородице-Рождественский храм с деревянным приделом во имя Святых Антония и Феодосия Печерских, построенным на средства берёзовского отставного унтер-офицера Данилы Конкорова[62]. В 1781 г. уже находилась в стадии строительства, а в 1792 г. была освящена каменная церковь во имя Воскресения Христова. Церковь имела два придела – в честь иконы Казанской Божией Матери и в честь свт Николая Мирликийского. С 1810 г. этот храм стал считаться соборным[63] (рис. 3.3).

На рисунке Т. Кёнигсфельса (1740 г.) за оградой приходской (меншиковской) Богородице-Рождественской церкви на самом краю берегового обрыва изображена часовня над могилой «какого-то святого»[64]. Здесь же отмечено, что часовня «круглой формы, стоит отдельно

---

[57] АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 188. Л 2 об.

[58] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII века: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (сб. док.) / сост. С. В. Туров. Тюмень, 2003. С. 49, 52.

[59] Абрамов Н. А. Указ. соч. С. 501–502; РГАДА. Ф. 24. Д. 66. Л. 123.

[60] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 17. Л. 28 об. –29 об.

[61] Абрамов Н. А. Указ. соч. С. 501–502; РГАДА. Ф. 24. Д. 66. Л. 123–124.

[62] Там же. С. 498, 503.

[63] Абрамов Н. А. Указ. соч. С. 498, 503; ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 33.

[64] Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 году. С. 74.

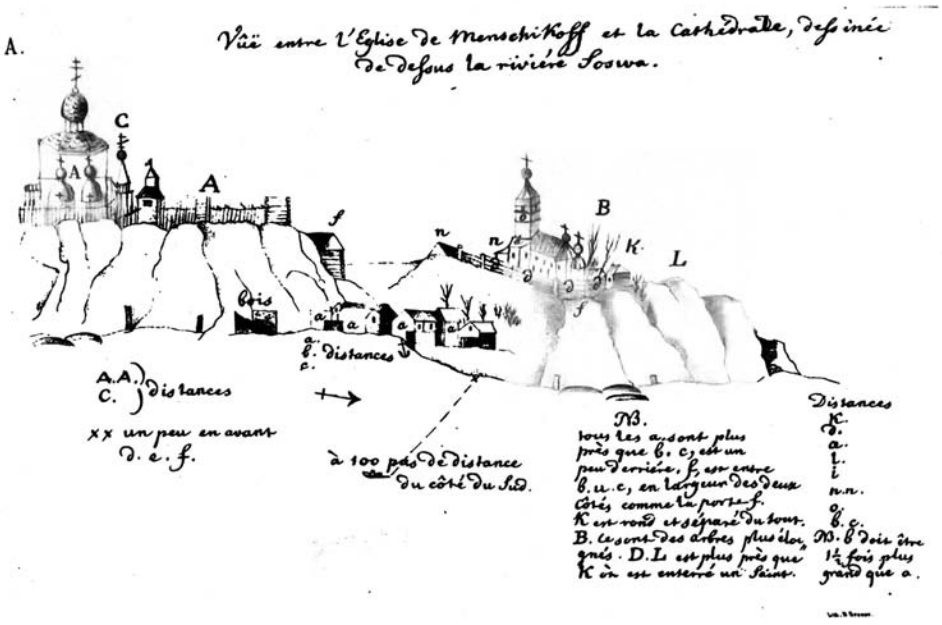


Рис. 3.3. Т. Кёнигсфельс. Вид на церковь Меншикова и собор в Берёзове. 1740.
Рис. из кн.: Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 году (СПб., 1865)

от всего остального»[65]. Согласно местным преданиям, часовня была возведена над могилой неизвестного праведника[66], «в которой (часовне. – *Авт.*) накануне праздника Преображения отправляется всенощное бдение, а в самый праздник после литургии – молебен»[67]. Еще один молебен совершался ежегодно в июне. Начало последней традиции было положено в 20-х гг. XIX в., когда в Берёзове выдалось голодное время. Тогда горожане попросили заступничества у праведника: «его же имя ты, Господи, веси». «И как только берёзовцы отслужили у часовни молебен, то показалась барка с хлебом». Считалось также, что земля, взятая с могилы праведника, служит лекарством и «талисманом от несчастий»[68]. Иногда наиболее благочестивые горожане видели, как ночью в часовне и церкви мерцал чудесный свет и слышалось пение. Еще являлся человеческий образ в дьяконском облачении. Он выходил из часовни с горящим кадилом, обходил вокруг часовню и церковь и вновь скрывался в часовне. Особенно часто подобные явления случались накануне различных стихийных бедствий – наводнений, пожаров, повальных болезней[69].

О земном воплощении праведника берёзовцы ничего определенного сказать не могли. Некоторые, впрочем, считали, и не без оснований, что Преображенская часовня стояла над могилой А. Д. Меншикова. Н. А. Абрамов без указания на источник утверждал, что сразу после смерти Меншикова над могилой была устроена часовня, «куда дети его собирались каждодневно молиться о упокоении души родителя». Тот же Абрамов в свое время нашел в документах архива Берёзовской воеводской канцелярии свидетельство того, что в 1747 г. не-

[65] Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля. СПб., 2008. С. 237.

[66] Путинцев М. Ответ на статью «Историческая справка по поводу торжества в г. Берёзове» // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 13–14.

[67] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Д. 6. Л.13 об.

[68] См. об этом: Губарев К. От Тобольска до Берёзова // Современник. 1863. № 1. С. 371.

[69] Губарев К. Указ. соч. С. 371; Путинцев М. Указ. соч.

подалеку от Богородице-Рождественской церкви стояла часовня во имя Благоверного князя Александра Невского. Конечно, речь в этом документе шла о часовне, отмеченной еще Т. Кёнигсфельсом. Симптоматично, что она была освящена во имя небесного тезки Александра Даниловича Меншикова. В 1764 г. эта часовня («памятник на могиле Меншикова») сгорела. Однако какое-то время спустя она была восстановлена, в 1771 г. ее видел «академический студент» Василий Зуев[70].

Но как же быть тогда с сообщением Т. Кёнигсфельса, согласно которому А. Д. Меншиков был погребен под алтарем Богородице-Рождественской церкви[71]? Ведь подобная локация захоронения государственного преступника маловероятна. Скорее всего, Т. Кёнигсфельс либо неправильно понял, либо неточно передал полученные сведения, либо мы имеем дело со сложностями перевода. В любом случае, думается, ближе к истине мнение Н. А. Абрамова, который отметил, что могила была устроена снаружи церкви, «близ алтаря», то есть там, где расположена на рисунке Т. Кёнигсфельса часовня «какого-то святого» (рис. 3.4).

А. Д. Меншиков является, пожалуй, единственным претендентом на роль земного воплощения берёзовского неизвестного праведника. Александр Данилович, согласно преданиям,

Рис. 3.4. В. И. Суриков. Меншиков в Берёзове. 1883. Государственная Третьяковская галерея. Инв. № 776.
Изображение с сайта: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21953

[70] Абрамов Н. Описание Берёзовского края. [Тобольск], [1857]. С. 329–448; Шемановский И. С. Указ. соч. С. 162.

[71] Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля. С. 230.

бытовавшим в Берёзове в XIX в., в ссылке вдруг выказал сугубое смирение и набожность. Он запросто общался с простолюдинами, в основном на темы «о тщете мира сего и о подвигах святых мучеников», принимал участие в богослужениях в отстроенной на его средства церкви в качестве пономаря[72]. После кончины Меншикова вокруг его имени начал складываться культ святого праведника. В 40-е гг. XIX в. М. А. Кастрен отметил чрезвычайную популярность образа Меншикова-праведника среди берёзовцев[73]. Н. А. Абрамов утверждал, что могила Меншикова в свое время обрушилась в воду вместе с высоким берегом р. Сосьвы, на котором она находилась[74]. Интересно в этой связи, что на фотографиях начала XX в. Преображенская часовня наполовину нависает над береговым обрывом, укрепленная специальной конструкцией на столбах[75].

В Берёзове бытовала легенда, что немного времени спустя после смерти А. Д. Меншикова, в том же 1729 г., в город тайно под чужим именем приезжал князь Федор Долгоруков и здесь (опять же тайно) обвенчался с княжной Марией Меншиковой. В 1730 г. несчастная молодая женщина скончалась во время родов близнецов и была похоронена близ Спасской церкви[76]. По крайней мере, до второй половины 50-х гг. XIX в. в ризнице Воскресенского собора хранилась реликвия, являвшаяся «вещественным доказательством» легенды:

> *Золотой медальон овальной фигуры, в окружности два с половиной вершка, на лицевой стороне его в самой середине под стеклом на белом атласе находится прядь тонких светло-русых волосов, свитая в кольцо. Вокруг стекла – золотое сквозное отличной мельчайшей работы эллиптическое поле, и на нем в разных местах шесть жемчужин, оправленных в серебро. Наконец, подле поля – гладкая золотая кайма… с наведенной посередине ее голубой эмалью… и по краю – крученый золотой обод. На другой стороне, параллельно стеклу, другое такое же в золотом ободочке на шарнельчике для отпирания. Вверху медальона – золотое ушко с продетою в него белой атласной лентой длиной пять вершков. Верные предания церковных старост, передающих один другому церковное имущество, и предание достойных уважения любознательных стариков берёзовских свидетельствует. 1-е. Что этот медальон по смерти находившегося в Берёзове князя Федора Долгорукова поступил в Спасскую церковь вместе с иконой, вися на венчике изображенного на ней святого. 2-е. Что волосы, хранящиеся в медальоне, взяты Долгоруким от умершей будто бы супруги его Марии Александровны, дочери князя Меньшикова, находившегося здесь в заточении с последних чисел декабря 1727 года и умершего 22 октября 1729 года*[77].

Еще одна часовня была воздвигнута в Берёзове в связи со ссылкой сюда князей Долгоруковых. Они прибыли в ссылку многочисленным семейством во главе с престарелым кн. Алексеем Григорьевичем и княгиней Прасковьей Юрьевной. В 1734 г. старые князь и княгиня умерли, а над их могилами воздвигли часовню-памятник. Часовня находилась в семи саженях на северо-запад от крыльца Богородице-Рождественской церкви и «в 10 саженях от буерака (овраг Култучный. – *Авт.*)». Сложили здание из кедрового леса длиною четыре

---

[72] Абрамов Н. Описание Берёзовского края. С. 329–448.

[73] Кастрен М. А. Сочинения : в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. Лапландия, Карелия, Россия. С. 215–216.

[74] Абрамов Н. Описание Берёзовского края. С. 329–448.

[75] О перипетиях с поиском и локализацией захоронения кн. А. Д. Меншикова в XIX в. подробнее см. в ч. 5 настоящего тома.

[76] Абрамов Н. Описание Берёзовского края. С. 329–448.

[77] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 17. Л. 75.

Рис. 3.5. Неизвестный художник. Портрет графа Андрея Ивановича Остермана. Вторая половина XVIII в. ГИМ. Экспозиция главного здания. Зал 23. № в ГК 5013532. Изображение с сайта ГИМ. https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3006528?fund_ier=647759298&index=13&ysclid=lqfbgs1ny5608669834

и шириною около восьми аршин «с двумя окнами и створчатою, кверху полукруглою дверью». Эта часовня сгорела в 1764 г. вместе с церковью. Однако Н. А. Абрамов в 40-х гг. XIX в. еще видел «обгорелые и обугливши-еся окладные бревна, покрывшиеся дерном» (рис. 3.5). В 1742 г. в ссылке в Берёзове оказались граф Андрей Иванович Остерман с супругой Марфой Ивановной. Граф был слабого здоровья и в 1747 г. скончался. Похоронили опального царедворца близ Богородице-Рождественской церкви в 22 саженях на северо-запад. Безутешная вдова воздвигла над могилой супруга часовню-памятник:

…Из толстых кедровых брусьев, построенная в замок, была покрыта в две доски со свесами, вырезанными разными фигурами. Длина и вышина ее 5, ширина 4 аршина. С восточной стороны была дверь, сверху полукругом. На юг – длинное узкое окно, почти под самой крышей. Внутри и ближе к северной, над самой могилой, катафалк, и на нем подобие гроба. Впереди – икона с лампадой, и перед ней аналой… В 40-х годах XIX столетия от этой часовни существовали еще окладные лиственничные бревна, вросшие в землю и прокрытые дерном[78].

В 1847 г. находившийся в Берёзове во главе экспедиции полковник Гофман, ставя опыты по изучению вечной мерзлоты, случайно наткнулся на могилу Остермана в 40 м к северо-западу от церкви Рождества Богородицы. Покойный лежал в дощатом гробу, который внутри был обит «белой искрасна тафтой, а снаружи – материей вроде нынешнего грогро кофейного цвета и по краям обложен золотым позументом»[79]. Однако нельзя с уверенностью утверждать сегодня, что это действительно были останки Остермана. В Берёзове в свое время бытовало предание, что Марфа Ивановна, освобожденная из сибирской ссылки в 1749 г., тайно вывезла останки мужа в европейскую часть страны[80].

Свои святыни и реликвии берёзовцы стремились продемонстрировать гостям города. Так, участники одной из экспедиций, посетивших Берёзов в 1892 г., сообщали, что они осмотрели

> *…Соборную и Богородскую церкви, где… были показаны древние иконы, принесенные в Сибирь сподвижниками Ермака, а также церковное облачение и некоторые богослужебные книги, пожертвованные знаменитыми изгнанниками – Меншиковым и Долгоруким. Видели также могилу Меншикова (собственно, его дочери) и Остермана. Та и другая украшены простыми деревянными крестами с княжеской и баронской короной*[81].

---

[78] Шемановский И. С. Указ. соч. С. 161.

[79] Там же. С. 161–162.

[80] Абрамов Н. Могила графа А. И. Остермана в Берёзове // ЧОИДР. 1866. № 2. С. 120–123.

[81] Гурский И. В. Поездка на Северный Урал // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893. № 1. С. 11.

Кстати, под княжеской короной на кресте, стоявшем над могилой М. Меншиковой, была еще вырезана литера «М.», а на кресте над могилой Остермана – «А. О.». Обе могилы имели деревянные ограды[82]. Последним тобольским архиепископом, осматривавшим аристократический берёзовский погост, был Варнава. Тогда же, в 1915 г., по распоряжению Варнавы поправили «могилы Меншиковых… в Рождество-Богородской церкви»[83].Берёзов православный, кроме могилы «неизвестного праведника», был крепок и другими «просиявшими» в нем святынями. Еще в XVII в. «прославлялась в чудесах» икона Смоленской Божьей Матери, или Одигитрии. Например, около 1686/1687 гг. «по молитвам перед нею получил исцеление» от «рожи» тогдашний берёзовский воевода, стольник Иван Федорович Грибоедов[84] (1686–1689 гг., в 1688 г. был оставлен на второй срок по челобитью жителей Берёзова)[85]. В ознаменование своего исцеления Грибоедов составил описание происходивших когда-либо от иконы чудес – «Запись о чудесах иконы Божьей Матери Одигитрии в городе Берёзове». Это сочинение и священнические ризы «рудо-желтой парчи» благодарный бывший воевода в свое время прислал из Москвы «в приклад» Одигитриевскому берёзовскому собору. В 1806 г. рукопись погибла в пламени уже упоминавшегося большого пожара, уничтожившего большую часть города, и в том числе Одигитриевскую церковь. Однако еще в 40-х гг. XIX в. список с этого памятника литературы хранился у кондинского отдельного заседателя Кожевникова[86].

От XVIII в. никаких сведений о явленной берёзовской иконе Одигитрии не дошло. В этой связи обращает на себя внимание опись имущества деревянного Одигитриевского собора, составленная в 1796 г. Иконы и церковная утварь были перенесены из обрушившегося каменного храма. О некоторых предметах церковной утвари сообщается, что они повреждены, так как извлечены из-под обломков. Среди икон упоминаются три образа Одигитрии: «…5) Одигитрии Богородицы в киоте, венец и гривна серебреные под золотом. Во круге венца убрано мелким жемчугом. 6) Одигитрии такой же. 7) Одигитрии же, два венца серебреные»[87]. В середине XIX в. в берёзовском Воскресенском соборе было две иконы Одигитрии. Обе они находились в приделе святителя и чудотворца Николая, но не в иконостасе, а «от заборки на восточной стене церковной». В общей сложности здесь в ряд висело три образа, все они были богородичными и, по сути, образовывали отдельный придел. В центр композиции была помещена икона «Знамения Божьей Матери с Предвечным Младенцем на простой доске в красках. На полях оного Мария Египетская и чудотворец Николай», то есть список чудотворной иконы Абалацкой Божьей Матери. С обеих сторон от нее находились две иконы «Одигитрии Божьей Матери». Причем эти иконы были как бы двойными. В иконы большого размера были вставлены «в середину» меньшие иконы. Таким образом, большие образа, писанные «с чудесами», по отношению к меньшим играли роль своеобразных киотов. Иконы Одигитрии, и малые, и большие, были оправлены в серебряные оклады, убраны жемчугом и самоцветами, что свидетельствует об их особом почитании прихожанами[88]. Впрочем, если одна из этих икон и была искомым чудотворным образом, то, скорее всего, списком. Подлинник же, по свидетель-

---

[82] Пирожников Г. Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут, 2002. С. 159.

[83] ТЕВ. 1915. № 46–47. С. 751.

[84] Абрамов Н. А. Исторические сведения о церквах города Берёзова. С. 501; Сулоцкий А. И. Описание : в 3 т. Т. 1. О церковных древностях Сибири. С. 237–238.

[85] Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 152.

[86] Абрамов Н. А. Исторические сведения о церквах города Берёзова. С. 504–505.

[87] Там же.

[88] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 17. Л. 28 об. –29 об.

Рис. 3.6. Икона «Богоматерь Знамение» (Абалацкая). Первая треть XVIII в. Из собрания ГИМ. ГИМ-114405

ству протоиерея М. Путинцева, в свое время был отправлен в Москву по царскому повелению[89]. Н. А. Абрамов в середине XIX в. сообщал, что произошло это вскоре после просияния иконы в чудесах, а «список в меньшем виде… пребывает по настоящее время в берёзовском Воскресенском соборе»[90] (рис. 3.6).

Другой «отличимой перед прочими» берёзовской иконой был образ Епифания, епископа кипрского. Согласно местному преданию, в первой половине XVII в. выдался год с катастрофически высоким уровнем воды в Оби и Сосьве, причем высокая вода держалась практически до наступления зимы. В результате берёзовцы не смогли заготовить на зиму сено, так как поемные луга, основные сенокосные угодья на Севере, были затоплены. Наступившая за этим весна не принесла облегчения – еще в мае лежал снег, а реки были скованы льдом. Все это привело к массовому падежу скота от бескормицы и болезням среди людей. Тогда жители Берёзова прибегли к Божьей помощи:

> *После поздней литургии были вынесены иконы из церкви Воскресения Христова и в церковной ограде совершено молебствие с водоосвящением и коленопреклонной молитвой. Во время сего молебна шедший снег начал переставать, густая мгла сырой атмосферы начала очищаться, и проглянуло солнце. По окончании молебствия солнце вполне воссияло, наступило вёдро, и вскоре по рекам Сосве и Оби пошел лед*[91].

Вышеописанное молебствие пришлось на день памяти святителя Епифания (12 мая). Так в Берёзове сложилась традиция ежегодно отмечать молебном день памяти Епифания в ознаменование чудесного обретения «ведренной» погоды (рис. 3.7).

Своей древностью и величественностью отличались две иконы Воскресенского собора – «Нерукотворного Спасителя и Казанской Божьей Матери», те самые, которые едва не погибли в пожаре 1806 г. Берёзовские старожилы полагали, что эти иконы ранее находились в иконостасе самой первой церкви. Из надписи, сделанной на образе Спасителя, явствовало, что обе древние иконы были поновлены в 1731 г. иконописцем Иваном Самвизовым[92]. Еще две особо почитаемые иконы Воскресенского собора в исторической памяти берёзовцев связывались с их предками, казаками, основавшими Берёзов и принесшими с собой образа. Первый, архангела Михаила,

> *…писан на доске длиной три четверти аршина, шириной около 10 вершков, которая так ссохлась, что в сравнении со своим объемом сделалась очень легкой. По краям, и особенно по углам она истерлась и призатухла (видна гнилость). Один нижний угол с обратной*

[89] Путинцев М. Указ. соч. С. 18.

[90] Абрамов Н. А. Старинные иконы в Тобольской епархии // Абрамов Н. А. Город Тюмень : Из истории Тобольской епархии. С. 538.

[91] Абрамов Н. А. Город Тюмень. С. 508.

[92] Абрамов Н. А. Исторические сведения о церквах. С. 504.

стороны неизвестно когда обгорел. Наверху иконы изображено: с правой стороны – Предвечный Младенец и трапеза с хлебом предложения, потир и копье. Сама икона изображает на крылатом коне архангела Михаила в княжеской короне; в устах его труба, в правой руке осьмиконечный крест, кадило и копье, которым поражает поверженного дьявола – крылатого льва с человеческим лицом; в левой руке Евангелие, кверху поднятое; внизу изображен городок с крепостью (Архангел Михаил, грозных сил воевода. – Авт.) (рис. 3.8).

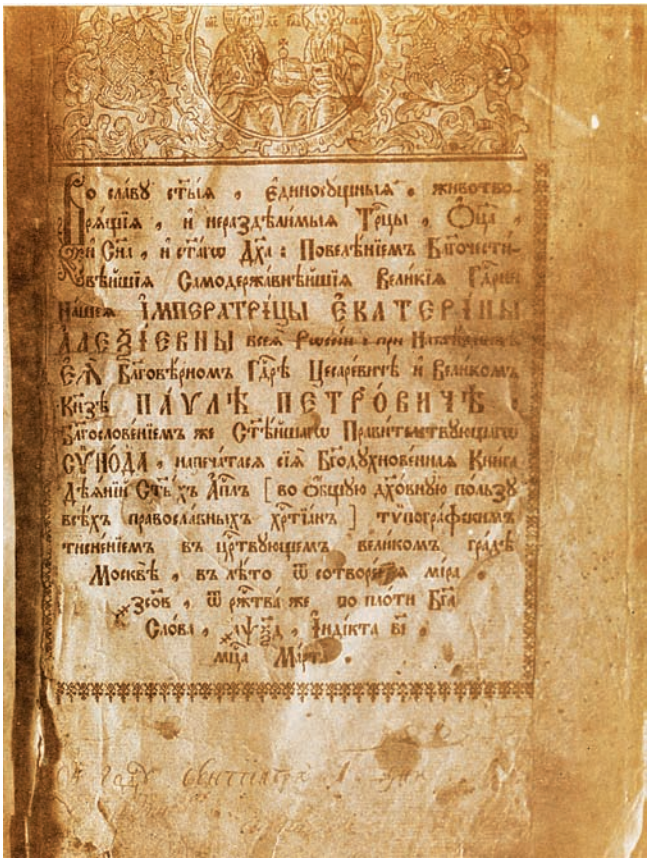


Рис. 3.7. Книга Деяний Святых Апостол Берёзовской соборной церкви 1764 г. издания. Фотография конца XIX в. Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15762/2

Другой – Николая Чудотворца, на котором «Святитель изображен в рост, в одной руке держит церковь, а в другой – меч. На святителе риза золоченая (Никола Можайский. – Авт.)»[93]. Берёзовские казаки считали обе иконы своими палладиумами. В канцелярии городового казачества даже имелся своеобразный заместитель этих икон – образ, на котором были написаны архангел Михаил и святитель Николай[94]. Трудно сказать, подлинник или список иконы «Архангел Михаил, грозных сил воевода» находился в 1750 г. в композиции, «висевшей» на проезжей башне берёзовского острога: «образов святых: первый образ Нерукотворенный Господа Бога нашего Иисуса Христа, вторый образ Пресвятыя Богородицы Знамения, *третий образ святого архистратига Михаила в киоте, у коего венец сребреной* (выделено нами. – Авт.)»[95]. Во всяком случае, две из вышеупомянутых икон, как отмечалось, были вынесены берёзовцами из огня в 1806 г. Надо полагать, спасли и икону Михаила Архангела. И спасли, скорее всего, подлинник, и наверняка именно в этом пожаре: «Один нижний угол с обратной стороны неизвестно когда обгорел»[96].

В 1857 г. образ архангела Михаила находился в иконостасе Казанского придела по левую сторону от пономарских врат. Образ св. чудотворца Николая Мирликийского помещался в одноименном приделе: «По правую сторону царских врат в первом ставе иконостаса»[97].

---

[93] Абрамов Н. А. О церквах города Берёзова. С. 496–497.

[94] Там же.

[95] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6046. Л. 1–1 об.

[96] Там же.

[97] Православные приходы Берёзовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России) / сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. Тюмень, 2004. С. 37.

Рис. 3.8. Берёзовская икона Святителя Николая Чудотворца. Копия. Фото протоиерея В. Сергеева. Изображение с сайта Commons.Wikimedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Nic01.jpg

Рис. 3.9. «Ермаковская» икона «Архангел Михаил, грозных сил воевода» из Воскресенского собора г. Берёзова. Конец XVI в. Фотография начала XX в. Фотофонд ТИАМЗ

После Октябрьской революции берёзовские храмы запустели и были разграблены. В этом запустении навсегда сгинула икона святителя Николая. К иконе Михаила Архангела провидение было милостиво. В 1939 г. Берёзов посетили сотрудники Омского краеведческого музея во главе с известным краеведом и музейным деятелем А. Ф. Палашниковым. В пустовавшем здании Воскресенского собора музейщики подобрали 26 икон и церковную утварь. Долгое время «берёзовская коллекция» пролежала в музейных запасниках, только в 1990-х гг. начались реставрационные работы. Среди прочих была отреставрирована и икона с изображением архангела Михаила. Ее размеры, сюжет и остатки оклада не оставляют сомнений, что сегодня в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея хранится берёзовская икона архангела Михаила[98]. До настоящего времени не предпринималось попыток датировать данную икону на основе искусствоведческого анализа. В соответствии с достаточно спорной аналогией Н. Г. Велижанина отнесла даже не саму икону, а ее сюжетную линию к поволжской традиции[99] (рис. 3.9).

Берёзовские храмы были не только вместилищем святынь, но и местом хранения реликвий, среди которых имелись и «непринадлежащие к богослужению». Так, согласно преданию, бытовавшему в Берёзове еще в конце XIX в., среди основателей Берёзовского острога были казаки из числа сподвижников Ермака – Шах, Лях, Мещеряк и Оболта, которые принесли с собой знамя (хоругвь) дружины Ермака. Знамя представляло собой холщовое полотнище в длину и ширину 1 аршин 6 ¼ вершка. На одной его стороне был изображен св. великомученик Димитрий Солунский, поражающий копьем лежащего на земле вражеского воина. В верхнем правом углу изображен Спаситель с Евангелием. На другой стороне – изображение «Ар-

[98] Коллекция икон «Берёзовские древности» // Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей» : [сайт]. URL: https://old.sibmuseum.ru/page/kollekciya-ikon-berezovskie-drevnosti.html (дата обращения: 21.01.2022).

[99] Велижанина Н. Г. У истоков сибирской иконописи // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1985. С. 162.

хангела Михаила, грозных сил воеводы». До 1827 г. знамя хранилось в сотенной канцелярии, но посетивший в этом году Берёзов тобольский гражданский губернатор Д. Н. Бантыш-Каменский изъял реликвию и передал ее Тобольскому городовому казачьему полку[100]. Однако какое-то время спустя знамя вернулось в Берёзов. В 1881 г. Берёзовская городовая казачья команда была расформирована, а казаки приписаны к мещанскому обществу. Свое знамя бывшие казаки в том же году передали на хранение в берёзовский Воскресенский собор. Наконец, в 1883 г. знамя было передано на хранение Сибирскому казачьему войску (г. Омск)[101]. Туда же была отправлена одна из икон берёзовского Воскресенского собора – «образ Скорбящей Божьей Матери с чудесами»[102] (рис. 3.10).

Рис. 3.10. Икона «Богоматерь Всех Скорбящих Радость» из Воскресенского собора Берёзова. 1755. Из фондов «ОГИК Музея». ОМК 2046

В годы Гражданской войны знамя затерялось. Подлинным признавал знамя его первый исследователь Г. Е. Катанаев, генерал-лейтенант Сибирского казачьего войска, историк-краевед. Аргументы Катанаева сводились к следующему. Знамя было подарено Ермаку Строгановыми, поскольку изображение Дмитрия Солунского, по существу, воспроизводит широко распространенный с XVI в. в русской иконописной традиции сюжет, где этот православный святой поражает копьем хана Мамая. Специалисты, которым показывал знамя Катанаев, заверили его, что «изображение на одной из его сторон иконы св. Димитрия Солунского, сидящего на коне и поражающего копьем Мамая... несомненно принадлежит к строгановскому письму (к строгановской иконописной традиции. – *Авт.*)». Кроме того, Катанаев разглядел на одной из миниатюр Ремезовской летописи знамя с изображением иконы, «по очертаниям весьма схожая с тою, которая изображена на берёзовском знамени»[103]. Среди современных исследователей единственной, кто занималась датировкой знамени исходя из художественных (стилистических) особенностей имевшихся на нем изображений, стала искусствовед П. А. Тычинская. На основе двух фотографий знамени, сделанных в 1918 г. и ныне хранящихся в фондах ОГИК Музея, исследовательница пришла к выводу, что на знамени воспроизведены изображения, характерные для иконописи второй половины XVII – начала XVIII в.[104]Сюжеты древнейших почитаемых берёзовских икон и «знамени Ермака» следует рассматривать как своеобразный культурный код сакрального пространства местного сообщества. Оно, как и все русское население Сибири, в массе своей складывалось из переселенцев с Русского Севера. Конечно, пришлое население в первую очередь следовало собственным предпочтениям. Николай Чудотворец – популярнейший святой Русского

[100] Абрамов Н. А. Старинные иконы в Тобольской епархии. С. 538.

[101] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 26. Л. 69–72 об.

[102] Там же. Д. 17. Л. 16.

[103] Катанаев Г. К. Справка о старинных знаменах // Сибирские войсковые ведомости. Омск, 1916. № 2, 3.

[104] Тычинская П. А. Древнейшие изображения архангела Михаила – грозных сил воеводы // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 166.

Севера. Он считался покровителем путников, мореходов, торговцев[105]. С теми же функциями и с той же высокой степенью популярности он был воспринят в Сибири. Здесь и сегодня как в музеях, так и в частных собраниях по количеству иконы св. Николая занимают второе место после икон Богородицы[106]. Аборигенное население Сибири тоже выделяло «русского Бога Миколая»[107]. Николай Мирликийский – единственный святой, приходивший к обским уграм и самодийцам в видениях в образе «седого старика». Иконы св. Николая можно было встретить в самых отдаленных кочевьях. Аборигены тундры приняли в свой оленеводческий хозяйственный календарь праздники, связанные с его культом (Никола вешний (9/22 мая) и Никола зимний (6/19 декабря))[108].

Образ «Архангел Михаил, грозных сил воевода» был избран берёзовцами в качестве палладиума также не случайно. Архангел Михаил на Русском Севере, а позднее в Сибири почитался повсеместно[109]. Представления о могущественном небесном заступнике широко бытовали среди служилых Русского Севера, составивших немалую часть гарнизонов первых сибирских острогов. Двадцатыми годами XVII в. датируется так называемый «Великоустюжский сборник заговоров», в основном его составляют заговоры от вражеского оружия. Специалисты считают, что владельцем сборника был «профессиональный колдун… выходец из демократической части войска»[110]. В подавляющем большинстве текстов сборника упоминается архангел Михаил. В одном из таких заговоров имеется обращение непосредственно к иконописному образу архангела: «Господи, благослови, отче. *Святый Михайло архангел, небесных сил воевода* (выделено нами. – *Авт.*), заступи меня, Господи, и защити меня, Господи…»[111].

Неудивительно, что данные мифологические представления и магические практики перешли в Сибирь. В ОР ГИМ хранится так называемый «Сибирский сборник заговоров». Специалистами отмечается его сходство с «Великоустюжским сборником». Кроме того, как и в «Великоустюжском сборнике», большая часть заговорных текстов – 12 из 20 «Сибирского сборника» – военные, а в них нередки обращения к архангелу Михаилу. Сибирское происхождение сборника основывается специалистами на наличии в нем тропаря и кондака преподобному Василию Мангазейскому и рассказа о его явлении монаху Туруханского Троицкого монастыря Тихону 11 июля 1661 г. Культ Василия Мангазейского, одного из первых сибирских святых, не получил общероссийского признания, но широко бытовал в Сибири и в Устюжском уезде. На сибирское происхождение сборника указывает также окончание одного из заговоров: «И спомянут воина Ермака во Царствии Небесном». Официальное церковное поминовение Ермака и его казаков было установлено только в Тобольской епархии

---

[105] Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М., 2007.

[106] Велижанина Н. Г. У истоков сибирской иконописи // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 154.

[107] Хомич Л. В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 27.

[108] Перевалова Е. В. Атых Микола-Торум (Милостивый бог Николай) // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 123–125.

[109] Быкова В. М. О почитании архангела Михаила на Севере (текстологическая характеристика Чуда в Хонех) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. С. 30.

[110] Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М., 2002. С. 70.

[111] Там же. С. 215.

в первой четверти XVII в. по инициативе митрополита Киприана[112]. Однако это не объясняет обращения к памяти Ермака в магической формуле. Причем это обращение находится вне заговорного текста, после так называемого «замка»: «во веки веков, тем молитвам заговорным амин». Таким образом, данная фраза скорее является констатацией особого отношения автора-переписчика к памяти Ермака.

В этой связи интересно, что самая многочисленная в Зауралье группа населения, считавшая себя потомками казаков Ермака, впрочем, без особых на то оснований, проживала в Берёзове. Кроме Шаховых, Мещеряковых и Оболтиных (род Ляха якобы «искоренился»), на родство с покорителями Сибири претендовали Михайловы, Пановы, Галкины, Аргуновы[113]. Отсюда, по-видимому, упоминавшееся выше посвящение берёзовскими казаками храма Дмитрию Солунскому в 1720-х гг. 26 октября 1581 г. по старому стилю на день памяти святого воинство Ермака вступило в ставку разбитого и бежавшего хана Кучума Искер (Сибирь). Сюда же следует отнести изображение Дмитрия Солунского на «знамени Ермака». Изображение на том же знамени архангела Михаила может быть связано с представлением об особом покровительстве небесного воеводы ермакову воинству. Так, наверняка из устных преданий, в Кунгурскую летопись попадает рассказ, иллюстрированный соответствующим изображением явления небесного воеводы во время битвы с «нечестивыми агарянами» в урочище Берёзовый Яр[114] (рис. 3.11).

Рис. 3.11. Знамя дружины Ермака.
Хранилось в Омском казачьем соборе.
Фото Ф. Ляхмайера. XIX в. Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15670/1

Как бы то ни было, возможно, что многие еще берёзовские кланы вели свое происхождение от сподвижников «преславного атамана», в их числе могли быть и Мамонтовы, владельцы и переписчики «Сибирского сборника», которые, как будет показано ниже, скорее всего, проживали в Берёзове. В 1721 г. сборник принадлежал Ивану Мамонтову. В 1728 г. в нем появляется еще одна владельческая запись, согласно которой владельцем его был Никифор Грибанов, а до него о своих владельческих правах на сборник заявил соответствующей пометой Иван Петров Осколков. Осколковы в Берёзове в XVIII в. проживали. В делопроизводственной документации за 1777 г. упоминается некий берёзовский мещанин Осколков[115]. В 1733 г. сборник перешел к почти однофамильцу первого владельца Ивана Мамонтова Максиму Григорьевичу Момотову. Скорее

[112] Турилов А. А., Чернецов А. В. Ангел Пострелил и зверь Любимец : (Сибирский сборник заговоров первой трети XVIII в.) // Живая старина. 1994. № 1. С. 26.

[113] Туров С. В. Берёзовские казаки – потомки сподвижников Ермака (к вопросу об истоках складывания исторического самосознания русского населения Сибири // Меншиковские чтения – 2019 : материалы рос. науч. конф. Вып. 12. Тюмень, 2019. С. 94–100.

[114] Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880. С. 10.

[115] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 94.

всего, Иван и Максим были родственниками. Подобные колебания в записи фамилий в данное время встречались часто.

Максим Момотов (Мамонтов) был не просто очередным владельцем сборника. Он собственноручно записал несколько его текстов, что и засвидетельствовал на одном из листов: «Лета 1733 года декабря 12 писана сия Максима Григорьева сына Момотова, писал своею рукою 1733 года». Строки с поминовением Ермака также записаны почерком Максима Григорьевича. Мамонтовы – распространенная фамилия среди сибирских служилых людей XVII–XVIII вв., в частности в Тобольске[116]. Тоболяком, например, мог быть Дмитрий Мамонтов, написавший для берёзовского Воскресенского храма «Образ Скорбящей Божьей Матери с чудесами» в 1755 г., но он мог быть и берёзовцем[117]. Точно являлся берёзовским жителем разночинец Иван Мамонтов, который в январе 1750 г. был возвращен из Тобольска, куда был послан «для обучения заплечному мастерству, точию явился негоден»[118]. Жительницей Берёзова была также «девка Ографена Мамонтова», которая вместе с «товарищи» была взята под стражу в марте 1750 г. и отправлена в Тобольск для следствия. Вся компания была охарактеризована как «волшебники»[119]. Трудно удержаться от предположения, что в качестве вещественного доказательства по данному делу был изъят и отправлен в губернскую столицу и «Сибирский сборник». В Елизаветинскую эпоху за колдовство еще преследовали по закону. За «суеверные бредни шептанием» полагались телесное наказание и публичное покаяние, в случае причинения кому-либо реального вреда лицом, «обманно выдающим себя за чародея», – смертная казнь через обезглавливание[120]. Таким образом, страх был, и не только Божий, поэтому разоблачение группы «волшебников» в малолюдном Берёзове, конечно, являлось событием чрезвычайным, и простое совпадение фамилий, места, эпохи и обстоятельств крайне маловероятно.

Образ «Архангел Михаил, грозных сил воевода», скорее всего, вызывал самый живой интерес у аборигенов, посещавших Берёзов, а значит, это касалось и берёзовских храмов, куда они обязаны были заходить, будучи людьми православного вероисповедания. Дело в том, что аборигены Нижнего Приобья не могли не увидеть параллели с собственным религиозным персонажем. Мир-сусне-хум («мир озирающий человек») у манси выполняет роль посредника между людьми и Торумом[121]. У ненцев сходное по функциям и атрибутам божество именовалось Явмалом, у хантов – Орт-ики[122]. На берёзовской иконе архангел Михаил изображен на крылатом коне. На крылатом коне Мир-сусне-хум ежедневно парит в облаках над землей. Важное место в атрибутике Мир-сусне-хума отводится его шапке конической или куполообразной формы[123]. На берёзовской иконе архангел Михаил изображен в княжеской короне, а в изображении на знамени корона имеет куполообразное навершие. Для аборигенов Обского Севера крылья за спиной св. Михаила соответствовали зооморфному облику Мир-сусне-хума («гуся-богатыря»)[124].

---

[116] Турилов А. А., Чернецов А. В. Ангел Пострелил и зверь Любимец. С. 26–27.

[117] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 17. Л. 27 об.

[118] РГАДА Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6212. Л. 15 об.

[119] Там же. Л. 28 об.

[120] Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 381–382.

[121] Зенько А. П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск, 1997. С. 15.

[122] Головнев А. В. Смотрящий за миром // Самодийцы : материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2001. С. 34–35.

[123] Зенько А. П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. С. 17.

[124] Там же. С. 15.

Композиция иконы до известной степени отражала иерархию и взаимосвязи языческого пантеона аборигенного населения Нижнего Приобья. На иконе Михаил (Мир-сусне-хум) занимает срединное положение; вверху, в небесах – Господь (Нуми-Торум); внизу, на земле – поверженный дьявол (Куль). Куль-отыр первоначально обитал на небесах. Затем Торум изгнал строптивого Куля. Решающая роль в изгнании Куля принадлежала Мир-сусне-хуму. Он поразил Куля стрелой. Поверженный Куль убрался в подземный мир[125]. Описанные ассоциации могли возникать еще и потому, что именно в связи с культом Мир-сусне-хума аборигенное население Нижнего Приобья выработало собственную иконографическую традицию. Образом Мир-сусне-хума служили металлические тарелки или блюда с изображением всадника[126]. По-видимому, зачастую в культовых целях использовались привозные вещи. Скорее всего, с этим связаны относительно частые находки на территории Нижнего Приобья серебряных и бронзовых блюд с изображением всадника, датируемых еще IX в. н. э., булгарского и урало-венгерского происхождения[127]. В. Чернецов в 30-е гг. XX в. видел у манси бронзовую фигурку всадника «европейской работы», служившую изображением Мир-сусне-хума[128]. Изготовлялись также в технике аппликации специальные культовые покрывала с изображением всадника Мир-сусне-хума[129] (рис. 3.12).

Рис. 3.12. Жертвенное покрывало с изображением Мир-сусне-хума. Репродукция из статьи: Бауло А.В. Жертвенный комплекс в честь Мир-сусне-хума у обских манси (Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 2 (12). С. 69)

По-видимому, со временем образ архистратига Михаила был переосмыслен аборигенами Севера как воплощение Мир-сусне-хума. В 1610 г. в берёзовском Воскресенском монастыре была освящена одноименная церковь[130]. Ее поставили в священной для аборигенов лиственничной роще, которая почиталась еще в конце XIX в. и была посвящена Мир-сусне-хуму[131]. В начале XX в. А. А. Дунин-Горкавич записал в юртах Непкиных близ Берёзова предание, связанное с этим урочищем:

> *Стали русские просить шаманов, чтобы они от себя просили божество отдать это место для постройки церкви. И сказало божество шаманам: «Теперь здесь поклоняются только те, которые настояще не знают моего Бога, а потом здесь будут поклоняться моему Богу знающие Его и не понимающие. Я должен отдать то место»*[132].

---

[125] Зенько А. П. Указ соч. С. 23.

[126] Там же. С. 15.

[127] Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях Средневековья : каталог выставки. Салехард ; СПб., 2003. С. 21–22.

[128] Чернецов В. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 24.

[129] Зенько А. П. Указ. соч. С. 17.

[130] Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Берёзова. С. 189.

[131] Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Пархимович С. Г., Туров С. В. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000. С. 417.

[132] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : в 3 т. М., 1996. Т. 3. С. 13–14.

Монолог Мир-сусне-хума может быть истолкован как признание преемственности его культа в христианской вере.

В свою очередь, в народных религиозных представлениях пришлого населения сибирского северо-запада архангел Михаил приобретает со временем черты, явно созвучные аборигенным верованиям:

> *Огради святыми твоими ангелами, Михаиле Архангел, всякую немочь и всякую зависть, искушение чаровства, от волшебства, от черново зверя, от белова медведя, от действа находящую, от дьявольского (отгоньем) от нево…*

– говорится в заговоре «от лихорадки», бытовавшем на Нижнем Иртыше еще в начале 1990-х гг.[133] Белый медведь в этих местах не водится. Там, где он водится, в тундре, у ненцев, «старик Микулай» был защитником от бурого и белого медведя[134].

Финно-угорские мифологические представления впитывались народным православием на Русском Севере еще до начала колонизации Сибири. Значительной частью переселенцев являлись представители финно-угорских народов, а выдающаяся роль в этом миграционном потоке принадлежала коми[135]. Обрусевшие коми (ижемцы, сысоличи, вымичи, лузяне, вилежане) составляли значительную часть первонасельников сибирских острогов[136]. Ярким свидетельством контаминации русской и финно-угорской мифологической традиции являются тексты еще одного сборника заговоров, имеющего северное происхождение, так называемого «Олонецкого сборника заговоров». Тексты, вошедшие в сборник, были записаны в 1620–1640-е гг., но бытовали, конечно, задолго до этого. В сборник были включены заговорные формулы на русском и «карельско-вепсском» языках. Среди мифических персонажей здесь присутствует некий всадник:

> *Едет из окияна моря человек медян; и конь под ним медян, и лук медян, и стрелье медное; и тянет крепок лук, и стреляет метко. На мху стоит сосна золотая, на сосны золотой – белка золотая. И пострелит медной человек белку золотую и вынимает у ней сердце булатное…*[137]

Загадочный всадник спешивается в Северном Зауралье. В 1909 г. Д. Т. Яновичем в дельте Оби между Обдорском и р. Щучьей в могилах аборигенов была обнаружена подвеска-бляха с изображением «сцены охоты на белку с луком и стрелами». Еще две бляхи с таким изображением имеются, соответственно, в собрании Ямало-Ненецкого окружного музея и в археологической коллекции УрФУ. На бляхе из собрания УрФУ, найденной на Южном Ямале, охотник готовится выстрелить в белку, сидящую на дереве[138].

---

[133] Туров С. В. Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки. Салехард, 2006. С. 138.

[134] Хомич Л. В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 26.

[135] Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 98–108.

[136] Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 309–312; Жеребцов И. Л. Коми – жители первых западносибирских городов в конце XVI – первой четверти XVII вв. // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997. С. 78.

[137] Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост. и комм. А. Л. Топорков. М., 2010. С. 128–129.

[138] См. об этом: Малоземова О. В. Русские художественные бронзы на севере Западной Сибири // Науч. вестн. 2002. Вып. 9. С. 12–13.

Еще один персонаж из «Олонецкого сборника» по своим функциям и внешнему виду еще заметнее перекликается с образом Мир-сусне-хума: «Ездит тот муж золот на золотом коне от востока и до запада, от севера и до лета, а поднимается на небо на воздуси, а страстит под собою землю, и воду, и люди худые…»[139] Одна из ипостасей Мир-сусне-хума – «золотой человек». Его конь имеет золотую гриву и серебряные копыта. Мир-сусне-хум не только установил нормы человеческого бытия, но и следит за их соблюдением[140].

Так закладывались основы локальной версии народного православия русских сибиряков и традиции двоеверия аборигенов, а святой крылатый всадник Михаил (Мир-сусне-хум) продолжил свое победное движение «встреч солнцу». В Сибири известны лишь единичные иконы архистратига Михаила, изображающие его пешим в рост или по пояс[141]. На Урале и в Западной Сибири в целом культ архангела Михаила по значимости уступал лишь культу Спасителя, Богородицы и св. Николая[142]. В Северном Зауралье архангел Михаил по почитаемости (по количеству церковных престолов) также уступал только указанным выше персонажам священной истории[143].

В мифологии обских угров присутствовало всегда, а под влиянием христианства усилилось представление о триаде главных божеств, выделяющихся из сонма богов и духов. Нуми-Торум представлялся как Бог-Отец или как св. Николай. Мир-сусне-хум – как Христос. Богиня Калтащ, супруга Торума и мать Мир-сусне-хума, как Богородица[144]. В этой связи не выглядит случайным, что своей «древностью и величественностью» отличались еще две иконы Воскресенского собора Берёзова – «Нерукотворного Спасителя и Казанской Божьей Матери», а икона Смоленской Божьей Матери (Одигитрии) почиталась как чудотворная.

В 1892 г. в Берёзове было отпраздновано 300-летие города. Во время праздничного молебна звучали каноны «Спасителю, Божией Матери, св. Архистратигу Михаилу и святителю Николаю», то есть прославлялась местночтимая православная традиция Берёзовского края[145].

Иконы берёзовских храмов по большей части были помещены в иконостасы. Берёзовские иконостасы отличало наличие деревянной скульптуры: резные изображения Богородицы, архангела Гавриила и евангелистов на царских вратах Спасского иконостаса; скульптурная композиция из короны и двух ангелов, ее поддерживающих, над царскими вратами предалтарного иконостаса в приделе Николая Чудотворца Воскресенского храма[146].

Кроме икон, из церковных древностей в берёзовском Воскресенском соборе выделялся прихожанами деревянный запрестольный крест XVII в., имевший надпись: «Поновлен 1731 года»[147]. Бытует мнение, что во время пожара 1764 г. вместе с Богородице-Рождественской церковью огнем была уничтожена вся дорогая церковная утварь, вложенная в свое вре-

---

[139] Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. С. 133.

[140] Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 183.

[141] Велижанина Н. Г. У истоков сибирской иконописи. С. 165.

[142] Белобородов С. А. «Кто, яко Бог?» : (К истории почитания Архангела Михаила на Урале и в Западной Сибири) // Архангел Михаил : альбом-кат. Екатеринбург, 2009. С. 163.

[143] Туров С. В. Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки. С. 3–37.

[144] Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов : в 3 т. Томск, 1995. Т. 2. С. 137, 225; Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного миссионерского общества за 1888 г. // ТЕВ. 1889. № 11, 12. С. 285–286.

[145] Путинцев М. Юбилейное торжество в г. Берёзове // ТЕВ. 1892. № 13, 14. С. 281–282.

[146] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 17. Л. 7 об. –26.

[147] Абрамов Н. А. Старинные иконы в Тобольской епархии. С. 544.

Рис. 3.13. Фелонь. XVIII в. Дар Меншиковых священнику Берёзовской церкви. ГМПиЧ. ХМ-395. № в ГК 9734111. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9854941

мя князьями Меншиковыми[148]. Однако прихожане Богородице-Рождественского храма в начале XX в. полагали, что в церковной ризнице хранилось еще «древнее ветхое священническое облачение, приложенное» когда-то А. Д. Меншиковым[149]. Имелись в виду две бархатные (парчовые) «со звездами св. Андрея на заплечьях» священнические ризы, шитые сестрами Меншиковыми. Одна из этих риз уже при советской власти была передана на хранение в Остяко-Вогульский окружной музей[150]. Княжна Елена Алексеевна Долгорукова по возвращении из ссылки прислала в берёзовский соборный храм две книги – «Апостол» и «Молебник» с собственноручными надписями (рис. 3.13).

А вот остатки древней утвари, как-то «древний серебряный вызолоченный сосуд в два фунта весу… 2 старинных серебряных кадила, серебряные ободки, снятые… с древних икон, и еще что-то из украшений», скорее всего, разделили судьбу церковных ценностей, конфискованных в 1920–1930-е гг.[151] Также неизвестна судьба священнических облачений, которые были в свое время присланы в Богородице-Рождественский храм «от двора его величества»[152]. Одними из результатов миссионерской деятельности митрополита Филофея стали строительство церквей и образование православных приходов в инородческих волостях. В 1713 г., когда особых успехов в деле христианизации обских инородцев еще не наблюдалось, губернатор М. П. Гагарин подписал указ «берёзовским остякам… в каждой волости строить по церкви». Церкви, согласно указу, должны были строиться за счет казны[153]. Замечательно, что первые православные храмы в таежном Приобье, как будет показано ниже, встали либо прямо на священных для аборигенного населения местах, либо неподалеку от них. Митрополит Антоний (Стаховский) указывал на это в своем послании Синоду в 1723 г.: «В низовых городах Сибирской губернии, в волостях у новокрещенных иноземцев, из казны Его величества построены в них святые церкви, *где бывали идолам их кумирницы* (выделено нами. – *Авт.*)»[154]. Впрочем, такая практика сложилась еще в XVII в. Так, в 1610 г. в берёзовском Воскресенском монастыре была освящена одноименная церковь[155]. Ее поставили

[148] Абрамов Н. А. Исторические сведения о церквах. С. 504.

[149] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 32. Л. 399–403.

[150] Пирожников Г. А. Указ. соч. С. 159.

[151] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 32. Л. 399–403.

[152] Там же. Л. 409 об.

[153] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / отв. ред. А. Т. Шашков ; сост. С. А. Белобородов, Н. А. Мудрова, А. В. Полетаев и др. Екатеринбург, 2003. С. 26.

[154] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода : [в 50 т.]. СПб., 1868–1914. Т. 2. № 422. С. 579.

[155] Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Берёзова. С. 189.

в священной для аборигенов лиственничной роще, которая почиталась еще в конце XIX в. и была посвящена Мир-сусне-хуму[156].

Подобным же образом поступали при выборе места для церкви в инородческих волостях Нижнего Приобья. Одна из них, Успенская, была поставлена в месте впадения в Северную Сосьву около 1717 г., то есть через три года после того, как митрополит Филофей Лещинский крестил «инородцев» *Ляпинской, Куноватской и Сосьвинской волостей*[157]. Примечательно, что неподалеку находилось место, посвященное богине *Urine*, – скала, напоминающая женскую фигуру. Еще в конце XIX в. это место аборигены чтили и активно посещали[158]. По-видимому, во второй половине 1730-х гг. храм перепосвятили во имя Рождества Христова[159]. В 1740 г. Г. Ф. Миллер, путешествуя по Сосьве, отметил, что в «Сортининском» погосте стоит «построенная для вогулов церковь Рождества Христова, при которой, помимо жилищ церковных служителей, имеется не более двух вогульских юрт»[160]. 40 лет спустя (в 1781 г.) вогульских юрт в Сартыньинском погосте не стало вовсе: «над рекою Сосьвою… имеется погост в Сартынье… и во оном церковь во имя Рождества Христова, церковно- и причетнических домов состоит три»[161]. В относившихся к Сартыньинскому приходу 26 поселениях аборигенов числилось 1 640 прихожан[162]. К 1751 г. сосьвинская церковь обветшала и потребовала капитального ремонта. Ремонт, а фактически перестройку храма выполнили четыре берёзовских жителя во главе с казаком Петром Фофоновым на условиях подряда[163]. Вновь церковное здание пришло в негодность к 1788 г. Казна отказалась выделить деньги на строительство под предлогом «нынешних военных обстоятельств». В это время шла вторая русско-турецкая война. Только десять лет спустя прихожане начали строительство на собственные средства. Освятили храм в 1801 г. Эту церковь в 1882 г. видел протоиерей П. Попов, инспектировавший приходы Берёзовского уезда:

> *Церковь архитектуры, доселе нами невиданной. Купола на самой церкви и алтарь не круглый, а прекрутым скатом на две стороны с течью в крыше, проникающей в церковь; обита тесом, с оградой бревенчатой в четыре и три ряда, притом крайне обветшавшей*[164].

В *Ляпинской волости* церковь была основана скорее всего одновременно с сосьвинским храмом в 1717 г. Однако вскоре ляпинской церкви довелось пережить поругание. Дело в том, что действия миссионеров во главе с Филофеем Лещинским носили, мягко говоря, настойчивый характер при деятельной поддержке местной администрации. Это спровоцировало настоящую

---

[156] Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. С. 417.

[157] Абрамов Н. А. Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский // Абрамов Н. А. Город Тюмень. С. 178; Шашков А. Т. Церкви новокрещенов на Обском Севере в XVIII–XIX вв.// Угры : материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 252.

[158] Карьялайнен К. Ф. Религии югорских народов. Т. 2. С. 34.

[159] РГИА. Ф. 796. Оп. 15. 1734 г. Д. 483. Л. 15.

[160] Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 240.

[161] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

[162] Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 310–311.

[163] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Д. 2. Л. 254–254 об.

[164] Из истории Обдорской миссии : источники / сост., вступ. ст., коммент. В. Я. Темплинга. Тюмень, 2004. С. 144.

религиозную войну. Обдорские ханты и ненцы выступили против принявших православие хантов. С 1716 г. начались регулярные набеги «воровской самояди» на Куноватскую и Ляпинскую волости, а в 1722 г. они нагрянули даже в Подгородную (Берёзовскую) волость. В этом же году они вновь напали на ляпинских хантов[165]. Новокрещенные ханты были ограблены, а несколько человек убиты. Трупы этих несчастных ненцы по своему тогдашнему обыкновению изуродовали и даже вырезали из них сердца. Поруганию подверглась и церковь. Ее ограбили, а потом сожгли. Нательные кресты, снятые с трупов хантов, ненцы привязывали к хореям и так погоняли оленей, при этом за нартами волочились привязанные к ним на веревках иконы[166]. Ляпинская церковь, по-видимому, вскоре после этих событий была восстановлена. Однако во второй половине 1730-х гг. после очередного пожара, уничтожившего ляпинский Крестовоздвиженский храм, он более не возобновлялся, а ляпинский приход объединили с сосьвинским[167].

В *Казымской волости* в юртах Полноватских в 1725 г. была поставлена церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Совсем недалеко находилось священное место, известное у хантов под названием «Лиственничный остров»[168]. В 1740 г. Г. Ф. Миллер нашел в Полноватском погосте, «помимо жилищ церковных служителей, 4 остяцких юрты». По этому поводу он заметил, что «раньше была большая остяцкая деревня, отчего здесь и была заложена церковь… Так как остяки не большие любители жить рядом с церквями, то с того времени они почти все ушли оттуда прочь»[169]. К началу 1780-х гг. остяки привыкли к соседству клириков и вернулись: «Казымской волости ведомстве оной погост… во оном одна церковь, дворов причетниковых два, и в самом том погосте и также и поблизости оного ясашные избы…»[170] Всего в самом погосте стояло семь дворов, а в 12 «остяцких жилищах», относившихся к приходу, проживало 847 чел.[171] Полноватскому погосту досталась местность во всех отношениях выгодная:

> *Живописная природа этого местечка приковывает внимание многих случайных посетителей Полновата. Небольшой островок, 4 и 7 верст, обросший лиственницей, кедром и другими хвойными деревьями, дает самый здоровый, легкий, всегда свежий и приятный воздух. Реки, орошающие его со всех сторон, как-то Горная Обь, Полноват и Казым, дают прекрасный рыбный промысел. Орех, ягода и пушнина также дают большую прибыль населению. Почва материка песчаная. Восточная сторона острова представляет частью тундру и орошается сором*[172].

В 1774 г. в селении Полноватском вместо обветшавшего храма построили новый. В 1815 г. это церковное здание полностью сгорело от искры из печной трубы, попавшей в слуховое окно колокольни[173]. Его возвели заново в 1817 г. на средства прихожан по инициативе местного священника А. Карпова[174].

---

[165] ПСИ. Кн. 2. 1713–1724. СПб., 1885. № 32. С. 107–108, 170–171,180–181.

[166] Шемановский И. С. Указ. соч. С. 152.

[167] Шашков А. Т. Церкви новокрещенов. С. 252, 254.

[168] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург, 2005. С. 163.

[169] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 248.

[170] ГАПК Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 36 об.

[171] Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии. С. 310.

[172] Соколов А. Краткая характеристика инородческого прихода Низового края // ТЕВ. 1909. № 16. С. 427–428.

[173] Цысь О. П. Пожары и меры противопожарной безопасности в церквях Тобольского Севера в синодальный период (1722–1917) // Науч. диалог. 2020. № 2. С. 424.

[174] Справочная книга Тобольской епархии. С. 123.

Юрты Чумаские в XVIII в. были центром *Чемашевской волости*[175]. Однако церковь здесь поставили только в 1757 (или 1759) г. во имя Святого Николая. Во второй половине XVIII в. отношение правительства к инородческим приходам изменилось, и государственные средства на строительство и даже ремонт храмов не выделялись[176]. Поэтому чемашевская церковь строилась «на счет остяка Морохова, устроена очень хорошо усердием тундринского купца Василия Стефановича Зырянова, здесь и успокоившегося от многолетних трудов рыбачества»[177]. К концу XVIII в. в Чемашевском погосте имелся 21 двор. Всего в приходе было 49 дворов и 367 прихожан[178]. В 1800 г. старая церковь «была упразднена за ветхостью», а в 1806 г. (по другим сведениям, в 1805 г.)[179] построена новая. Эта церковь стояла еще в 1895 г. «обита тесом и выкрашена белой краской, а крыша на ней – зеленою»[180].

Церковь во имя Нерукотворного Образа Спасителя в Шоркальской (Шоркарской) волости была заложена около 1714 г. в летних Шоркарских юртах, после чего ханты немедленно переселились на «Шоркарское старое городище», где у них до этого были зимние юрты[181]. Храм был поставлен на место святилища некоего божества, которое приобские аборигены именовали Ойке и глубоко почитали[182]. Описание этого божества оставил Г. Новицкий, участник миссии Филофея Лещинского: «кумир изсечен от древа в подобие человече, сребрено имеющ лице». Шеркалинское божество обладало даром предвидения, в частности, предсказало прибытие миссионеров и призвало хантов защитить веру предков[183]. Возможно, шеркалинское святилище было связано с зафиксированным у манси и северных ханты культом земного помощника Мир-сусне-хума, духа Чохрынь-ойке («стрекозы-старика», «узкого ножа старика»). Культ Чохрынь-ойке был из числа наиболее значимых. В святилищах этого духа стояли антропоморфные изображения, которым приносились кровавые жертвы[184]. Впрочем, по-видимому, Чохрынь-ойке часто осмыслялся как одна из эманаций Мир-сусне-хума. Так, в начале XX в. в нескольких километрах от центра Ляпинской волости с. Ломбовож находилось святилище Мир-сусне-хума, которого аборигены именовали «крылатый старик»[185]. Замечательно, что аборигены легко узнали в образе Спасителя своего Ойке-старика: «местное население начало считать церковь новым обиталищем своего старого божества и называло церковь Спас-Ойке»[186].

Впрочем, не забывали новокрещены и свое старое божество и еще долго тайком приносили ему жертвы. Так, в 1745, 1746 и 1754 гг. ханты Шоркарского городка обвинялись в «связи с дьяволом». Обычно в XVIII в. таким образом квалифицировали общественные жертвоприношения[187]. К. Ф. Карьялайнен в начале XX в. сообщал, что священное место в Шеркалах остается

---

[175] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 246.

[176] Шашков А. Т. Церкви новокрещенов. С. 254.

[177] Из истории Обдорской миссии. С. 139.

[178] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 311.

[179] Шемановский И. С. Указ. соч. С. 177.

[180] ГА в г. Тобольске. Ф. И353. Оп. 1. Д. 202а. Л. 114.

[181] Шашков А. Т. Церкви новокрещенов. С. 251; Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 230.

[182] Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. С. 41.

[183] Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. С. 72; Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. С.133.

[184] Зенько А. П. Указ. соч. С. 17.

[185] Карьялайнен К. Ф. Указ. соч. С. 216.

[186] Огрызко И. И. Указ. соч. С. 41.

[187] Главацкая Е. М. Указ. соч. С. 133–134, 137.

весьма значимым у аборигенов Приобья и посвящено оно непосредственно Мир-Ванты-ху (Мир-сусне-хуму)[188]. К 1740 г. в Шоркарском погосте, «помимо жилищ церковнослужителей», имелось только несколько хантыйских юрт[189]. В конце XVIII в. здесь стояло 27 дворов, а всего в приходе числилось 459 душ[190]. В начале 1780-х гг. обветшавший к тому времени шеркальский храм сгорел и в 1786 г. был отстроен заново[191]. В 1804 г. его обновили[192]. Эта церковь простояла до начала XX в., как минимум, до 1900 г.[193] (рис. 3.14).

В *Малоатлымской волости* между 1714 и 1716 гг. была основана церковь во имя Преображения Господня[194]. В «Малом Атлыме, или Атлымском погосте», вставшем на место хантыйского поселения, к 1740 г. имелось, «помимо жилищ церковных служителей, 16 остяцких зимних юрт»[195]. Церковь построили «на крутом обском берегу за Юртошным логом на местном остяцком кладбище»[196]. Похоже также, что Преображенскую церковь построили на месте какого-то чтимого святилища аборигенов. Во всяком случае, около 1866 г. «совершено [было] в Мало-атлымской церкви собравшимися прихожанами-инородцами ветхозаветное жертвоприношение – заклание жеребенка»[197]. В конце XVIII в. в Малоатлымском погосте стояло 25 дворов. В приходе числилось 622 души «обоего пола»[198]. В 1808 г. Преображенская церковь характеризовалась следующим образом: «церковь деревянная, в строении не ветхая, утварью снабдена посредственно, земли отведенной не имеется, а состоит на жалование прихожан»[199]. В 1809 г. Преображенская церковь сгорела. О пожаре возвестил гул колоколов, упавших с колокольни: «первый услышал местной священник Попов тогда, как начали падать колокола с колокольни… побежал созывать прихожан, которые собрались нескоро и пришли тогда, когда колокольня уже обнялась пламенем»[200]. Новая церковь была заложена 31 августа того же года и возводилась на средства прихожан. Работы затянулись, поэтому храм был освящен только 12 февраля 1811 г.[201]Около 1714–1716 гг. была основана церковь во имя Сошествия Святого Духа в погосте Сухоруковском[202]. В 1740 г. здесь имелось, «помимо жилищ церковных служителей, три ямщицких двора, относящихся к Самаровскому яму»[203]. В конце XVIII в. в Сухоруковском погосте стояло 11 дворов, а в приходе числилось 677 душ в 12 поселе-

---

[188] Карьялайнен К. Ф. Указ. соч. С. 27.

[189] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 229.

[190] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 311.

[191] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 26 (2). 1865 г. Д. 374. Л. 26.

[192] Шемановский И. С. Указ. соч. С. 176.

[193] ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Оп. 1. Д. 35. Л. 258.

[194] Шашков А. Т. Церкви новокрещенов. С. 251; Из истории Обдорской миссии. С. 134.

[195] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 226.

[196] Пальянова М. Н. Историко-архитектурные исследования в с. Малый Атлым Октябрьского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2010. С. 420.

[197] Титов А. Где тонко – тут и рвется: Заметка о Берёзовском крае // Подорожник : краеведч. сб. Вып. 1. Тюмень, 2002. С. 94.

[198] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 311.

[199] Семенов О. В., Мосин А. Г. Преображенская церковь и религиозная жизнь Малого Атлыма в начале XVIII – первой трети XX века : сб. док. и материалов. Екатеринбург, 2012. С. 7.

[200] Цысь О. П. Пожары и меры противопожарной безопасности в церквях Тобольского Севера в синодальный период (1722–1917) // Науч. диалог. 2020. № 2. С. 425.

[201] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 7. Д. 412. Л. 13.

[202] Шашков А. Т. Церкви новокрещенов. С. 251; Из истории Обдорской миссии. С. 132.

[203] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 223.

Рис. 3.14. Вид Шоркарского погоста; вид Троицкого погоста на реке Оби. 1779. Из фондов ГХМ. ГХМ 527

ниях[204]. Место для основания села с самого начала было выбрано неудачно. Дворы ямщиков и церковь постоянно подвергались опасности от разлива обских вод во время паводков. Так, в одно из весенних наводнений начала XIX в. часть домов и церковь буквально смыло в реку,

> *…отчего село с правого берега Оби в 1810 году перенесено на левый, где построена вторая церковь в 1831 году (по другим данным – в 1813 г. – Авт.)*[205], *но, вероятно, от действия воды, затоплявшей сию, как и ныне ею затопило, обветшала, и построена в 1837 г. настоящая… окруженная еще более водой так, что в самой ограде церковной есть вода, отчего сия последняя заметно ветшает и, вероятно, ветшает и сам фундамент церкви, но церковь со времени постройки с 1837 г. стоит твердо, правильно и очень красиво и благоукрашена снаружи, а внутри благолепно украшена*[206].

П. Попов, автор процитированного замечания, видел Сухоруковскую церковь в 1882 г.

Около 1714–1716 гг. был основан *Троицкий (Белогорский) погост* с церковью во имя Святой Троицы[207]. Церковь сначала была поставлена на так называемом Белогорском острове «по середине реки» прямо на священном месте хантов, очень ими почитавшемся[208]. Рядом с церковью возникла д. Прохорова, в которой в 1740 г. имелось три двора ямщиков, приписанных к Самаровскому яму. Это поселение и называлось первоначально Белогорским погостом. Затем церковь перенесли в хантыйские Шайтанские (*Lonk-pugl*) юрты. Такое название юрты получили потому, что в них находилось святилище божества, которое ханты называли *Ort-Lonk*, в переводе Г. Ф. Миллера – «князь идолов»[209]. В первой половине XVIII в. (1740-е гг.) среди хантов бытовало предание, что идол *Ort-Lonk* был привезен из Перми Великой, когда там началась христианизация[210]. Он славился своим даром предвидения. Во время массовой христианизации обских угров, по свидетельству Г. Новицкого, ханты «сохраниша сего истукана и унисоша в Конду»[211]. На Конде его укрыли в потаенном святилище, которое охранялось специальной стражей, не допускавшей к божеству никого, кроме жрецов. У русских белогорский идол был известен под названием Мастерков шайтан, якобы потому, что за ним присматривал жрец по имени Мастер. На самом деле это явная русская огласовка от Мир-сусне-хум. В 1924 г. П. Лопарев записал в юртах Прогонных, что находились в семи верстах от с. Троицкого, следующее предание:

> *Выросла тут (в юртах Шайтанских. – Авт.) большая деревня, и стало в ней много, много народа. И зовется эта деревня теперь селом Троицким. Обитает тут невидимо Тав-Кэтпух-ун-урт, большой бог, бог всех остяков и русских. И часто поет он своим большим медным колоколом на русской церкви о своих походах*[212].

Как видим, и в данном случае христианская святыня была переосмыслена аборигенами в рамках их собственной мифологической традиции. Еще в 1740 г. в Троицком погосте, «по-

---

[204] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 311–312.

[205] Шемановский И. С. Указ. соч. С. 178.

[206] Из истории Обдорской миссии. С. 132–133.

[207] Из истории Обдорской миссии. С. 131; Главацкая Е. М. Указ. соч. С. 244.

[208] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 221; Новицкий Г. Указ. соч. С. 95.

[209] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 221.

[210] Там же. С. 222.

[211] Новицкий Г. Указ. соч. С. 58–59.

[212] Лопарев П. Поклонение Ун-Урту // Наш край. 1924. № 1. С. 9.

мимо жилищ церковных служителей», не было русского населения. «Однако много остяков… живет здесь зимой в 20 юртах», – заметил Г. Ф. Миллер[213]. К концу XVIII в. в Троицком погосте имелся 21 русский двор, а в приходе числилось 442 души обоего пола в семи поселениях[214].

Христианская топография Среднего Приобья

Сургут. Выше мы ознакомились с христианской топографией нижнего течения Оби. В среднем ее течении первый православный храм был поставлен в г. Сургуте во времена основания этого населенного пункта. В конце XVII в. еще стояло обветшавшее здание Троицкой церкви, отстроенное в 1613 г.: «та церковь ветхая и огнила, и в олтаре и трапезе потолок местами обвалился», – читаем в сургутском городовом списке 1697 г.[215] Рядом с ветхой начали было строить новую церковь, но оба строения сгорели в 1700 г. Вскоре Троицкую церковь отстроили вновь, и она вновь сгорела в 1712 г. Наверняка храм вскоре восстановили, но когда именно, неизвестно. В 1739 г. стоявшая в остроге

> *…двухэтажная соборная церковь, посвященная Святой Троице и празднику Введения Богородицы, после того, как она была вновь построена и едва освящена, от возникшего в ней пожара сгорела дотла. Сейчас (1740 г. – Авт.) делаются приготовления для строительства новой. Как и прежняя, она будет состоять из двух этажей – верхний этаж для лета, в котором будет стоять главный алтарь Святой Троицы, а нижний – для зимы с алтарем, посвященным снова празднику Введения Богородицы*[216].

В 1742 г. эту церковь перестроили, после чего она стала «четверопрестольная о дву партаментах деревянная»[217]. В 1745–1746 гг. над украшением храма трудился «иконного мастерства подрядчик иконописец» Петр Ковалев[218]. По-видимому, эта церковь простояла до 1780-х гг. Как бы то ни было, но в 1789 г. на этом месте уже поднималась новая церковь – «каменная соборная»[219]. В литературе фигурирует дата постройки каменного Троицкого собора – 1781 г.[220] Однако в этом году 8 марта (по старому стилю) храм был только заложен. Достроили здание церкви лишь в 1794 г., а в 1801 г. после окончания работ по внутреннему убранству освятили. Работами по убранству храма (написанием икон, росписью иконостаса) занимался тобольский иконописец Федор Черепанов, представитель известной династии тобольских ямщиков-летописцев, архитекторов и живописцев. Золочение иконостаса выполнил сын Федора Евграф Черепанов[221].

---

[213] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 221.

[214] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 312.

[215] Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 230.

[216] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 208.

[217] АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 189. Л. 2.

[218] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 206. Л. 4.

[219] Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 175.

[220] Справочная книга Тобольской епархии. С. 121. В «Ведомости о церквях Сургутского уезда», опубликованной в книге «Книжные сокровища Югры…», указывается другая дата постройки каменного Троицкого сбора – 1801 год.

[221] Сухорукова Н. В. К проблеме выявления и изучения наследия тобольских иконописцев на территории Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск ; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 99–100.

Первый приходской храм Сургута, открытый в конце 1630-х гг., был закрыт в середине XVII в., небогатое служилое население не смогло его более содержать[222]. Вновь приходской храм появился в Сургуте только в конце XVII в., освящен он был во имя Рождества Пречистой Богородицы[223]. Заново Богородице-Рождественскую церковь возвели в 1733 г., по-видимому, на средства казны[224]. В 1750 г. церковное здание отстроили вновь[225]. Когда храм стал каменным, точно не известно; в одном из опубликованных документов из архива Тобольской духовной консистории, датированном 1801 г., указывается, что это произошло в 1759 г. «коштом прихожан»[226]. Однако составители «Описания Тобольского наместничества» в 1789 г. нашли в Сургуте только одну каменную церковь: «Церквей две, из коих одна каменная соборная (Троицкая. – *Авт.*), другая *деревянная* (выделено нами. – *Авт.*)» казенного строения[227]. В 1830-х гг. Богородице-Рождественская церковь уже была закрыта.

Многие храмы, вставшие по берегам средней Оби (Сургутское Приобье), так же как и храмы Нижнего Приобья, обязаны своим появлением упомянутой выше деятельности Филофея Лещинского. Вскоре после его поездок в 1716 и 1718 гг. к сургутским остякам появились церкви в инородческих волостях Сургутского уезда: Успения Пресвятой Богородицы – в *Селияровской*, Предтеченская (позднее перенесена на другое место и переименована в Богоявленскую) – в *Юганской* и *Балыкской*, еще одна Богоявленская – в *Ваховской*[228].

Г. Ф. Миллер в 1740 г. насчитал в «Селиарском» (Успенском) погосте четыре ямщицких двора и отметил, что погост «прежде» назывался деревней Горшковой, а это свидетельствует о том, что священнослужителей Успенской церкви подселили к ямщикам Самаровского яма, основавшим д. Горшкову между 1696 и 1721 гг. В 1781 г. в Селияровском погосте стояло 13 дворов, а в окрестных 29 «остяцких юртах» проживало 789 чел.[229]Юганская Богоявленская церковь была построена в 1733 г. и к 1773 г. «весма обветшала… за ветхостию к служению весма опасная»[230]. Между тем, новое церковное здание начали строить только в 1778 г.[231] Еще в конце XVIII в. в Юганском погосте стояло всего три двора, скорее всего, эти дворы принадлежали священнику и причетникам Богоявленской церкви. В поселениях, относившихся к приходу, числилось 892 «души обоего пола»[232].

Ваховская Богоявленская церковь, скорее всего, была построена в год посещения Филофеем Лещинским этих мест. За это говорят икона св. Николая Чудотворца, которой старец Филофей благословил храм, стоявшая в иконостасе ваховской церкви еще в конце XIX в., а так-

---

[222] Манькова И. Л. К истории первых церквей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С.111–112.

[223] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки. С. 31.

[224] Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. С. 435.

[225] АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 189. Л. 2.

[226] Книжные сокровища Югры. С. 435.

[227] Описание Тобольского наместничества. С. 175.

[228] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки. С. 26.

[229] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 302.

[230] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 165. Л. 1а.

[231] Цысь В. В., Солодкин Я. Г., Цысь О. П., Спикач А. В. Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль). Нижневартовск ; Новосибирск, 2020. С. 102.

[232] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 274.

же опись церковного архива, виденная П. Поповым в 1882 г. В описи значились «росписи» с 1716 г., правда, в наличии этих документов не оказалось[233]. Еще в 1740-х гг. Г. Ф. Миллер отметил, что в Богоявленском погосте, «помимо жилищ церковных служителей, нет ни русских, ни остяцких жилищ»[234]. К 1751 г. ваховская Богоявленская церковь обветшала, и консисторией было принято решение строить новую «в безопасном и не водопоемном месте»[235]. По-видимому, место для церкви вновь было выбрано неудачно, ибо в 1799 г. ее пришлось возводить вновь «за повреждением от воды»[236]. На 1781 г. в Ваховском погосте стояло всего четыре двора, вероятно, принадлежавших причту местной церкви[237]:

> *...при оном считаетца по переписи ясашных 206 душ, и называетца та волость Ваховскою; живущие в оной ясашные остяки обитают по болшой части по Обе реке, по течению ея вниз в левой стороне, што называетца внутрь Ваху, а частию некоторые и по Ваху реке, но которае в Обь вподает по течению Оби с правой стороны. При той же церкви Ваховской считаетца еще две волости неболшие, а имянно Тромюганская и Аганская. Ясашные обятают по Тромюгану и Агану рекам, каторые в Обь впадают по течению с правой стороны*[238].

В двух *Лумпокольских волостях* церкви были построены в 1733 г.[239] Нижнелумпокольский погост в 1740 г. состоял из церкви Рождества Богородицы, «жилищ ее церковных служителей» и трех остяцких юрт[240]. В 1781 г. в приходе числилось 63 двора, в которых проживало 563 души «обоего пола»[241]. В 1830 г. эта церковь «от давнего строения пришла в крайнюю ветхость». В нее стало просто опасно заходить. По этой причине архиерей распорядился перевести причт в соседнюю Ваховскую церковь, туда же отправить все имущество, храм отдать под охрану земской полиции. Прихожане должны были до постройки нового храма посещать Верхнелумпокольскую или Ваховскую церкви «по расстоянию»[242].

Верхнелумпокольский погост в 1740 г. состоял из «построенной для остяков церкви Рождества Христова и жилищ церковных служителей, при которых еще имеются 4 остяцких юрты»[243]. В 1781 г. в погосте стояло три двора, скорее всего, здесь проживали семьи причта. В состав прихода, помимо Верхнелумпокольской волости, входили еще две малых волости, «Черкасова» и «Салтыкова», где проживало 529 чел. в 60 дворах[244]. К 1751 г. Христорождественская церковь сильно обветшала, поскольку была изначально возведена на «низком болотном месте», «к тому ж построена была... не посреди новокрещенных остяков, но на краю, и от того тем остякам как к церкви, так и к ним с требами ездить немалая есть трудность». По указу из Тобольской духовной консистории для нового храма подыскали бо-

---

[233] Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинга. Тюмень, 2006. С. 311–312.

[234] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 206.

[235] Сургутский уезд в документальных памятниках. С. 32.

[236] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири. С. 28–29.

[237] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 303.

[238] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 17.

[239] Шашков А. Т. Церкви новокрещенов на Обском Севере. С. 251.

[240] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 203.

[241] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 303.

[242] ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 2. Д. 65. Л. 1а об.

[243] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 202.

[244] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 303.

лее удобное место. Эта церковь простояла четверть века и в 1778 г. была построена заново[245]. Вновь церковное здание отстроили в 1812 г. «по благословенной грамоте архиепископа Антония»[246] (рис. 3.15).

Рис. 3.15. Церковь в с. Ларьятском. Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15544/18

Ларьякских хантов крестили, по-видимому, в бытность «апостола Сибири» Филофея Лещинского. Об этом событии еще в начале XX в. аборигены помнили, и Г. М. Дмитриеву-Садовникову удалось записать соответствующее предание:

> *О встрече остяками первого священника помнят еще и сейчас. Рассказывают, что остяки задолго узнали о его приезде и собрались с луками, чтобы застрелить его, как только он выйдет из лодки. Но когда он вышел к ним, неся в одной руке крест, и сказал: «Кого хотите стрелять: меня или Бога моего?», они, пораженные и устыженные, опустили луки и пали ниц. После этого их крестили. Крещение было общее, групповое и происходило близ села на урае (старица), подошедшем с западной стороны к окружающему село бору. После крещения постановлено было строить церковь*[247].

Однако «за пресечением жизни его преосвященства оной церкви не строено». В 1734 г. митрополит Сибирский и Тобольский Антоний доносил в Синод: «В Ларьяцкой волости токмо един поп у новокрещенных. В сей волости церкви не бывало и ныне нет, токмо священник обретается для справления потреб у новокрещенных»[248]. Только в начале 1750-х гг. Тобольской консисторией был вновь поднят вопрос о строительстве ларьякской церкви. Место для нее было выбрано неслучайное:

> *Высокий песчаный яр, где теперь среди кедровника расположено с. Ларьякское, или, как его называют остяки, «Торум-кат-пугол» («Божья юрта, юрты»), было в старину точно так же большим прикладным местом, где обитал «Вонт-Ики» – Урманный*

[245] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири. С. 28.

[246] Сургутский уезд в документальных памятниках. С. 309.

[247] Дмитриев-Садовников Г. М. На Вахе // ЕГТМ. Вып. 24. 1915 г. Тобольск, 1916. С. 1–2.

[248] Книжные сокровища Югры. С. 411.

> *старик, получивший впоследствии… имя Микола Торум и занимающий второе место в Ваховском пантеоне. Здесь же было древнейшее кладбище «лян-каса-яга-пугол» – юрты покойников. Возможно, что это место было наиболее почитаемым по Ваху, почему русские миссионеры, желая поразить воображение остяков, и выбрали это место как опорный пункт в своей деятельности и для постройки церкви – «Торум-кат» – юрты Торума, которые, очевидно, в сознании остяков мало чем отличается, а в первое время и совсем не отличалось от прикладного места вообще, от прикладного лобаза в частности. По преданию, здесь же в озере около Лариака и происходило крещение остяков*[249].

Первым шагом церковного строительства стало основание часовни:

> *И оная часовня по усмотрению тамо живущих Печиковой, и Атасовой, и Тымской волостей новокрещеных остяков у годного места у зимних юрт на бору маия 25 дня сего 751 года и основана, а от работы той часовни найму дано сургуцким разночинцам Федору… с товарищами денег десять рублев. А помянутыя Печиковой и Атасовой, а не Ларяцкой (лар – по-словенски сор) волостей новокрещенныя остяки за [дальностью] по Обе ко имеющимся церквам ездой, а Тымской волости, которыя жилища имеют по Ваху реке, по тому ж за расстоянием немалым от тазовской Николаевской церкви, весма обрадовались о новопостроенной святой церкви, а наипаче благодарствуют ваше архипастырское благословение за оное церковное построение*[250].

Однако не все было так радужно, как докладывал в консисторию священник В. Никифоров, руководивший строительством Ларьякской часовни. Обе лумпокольские и тазовская Николаевская церковь в новой ситуации рисковали остаться без большей части своих прихожан. Рассмотрев все «за» и «против» основания Ларьякской церкви, консисторское начальство решило в июле 1751 г. «строением оной удержаться»[251]. В это время бассейн Ваха был разделен между причтами двух приходов – Верхне- и Нижнелумпокольских. Прихожанам-инородцам приходилось ежегодно отправляться за многие сотни верст с тем, чтобы причаститься и отправить основные требы. По этой причине в июле 1770 г. последовало прошение от князцов Михаила Лейтина, Никиты Прасина и «лучших людей… с товарыщи» о строительстве церкви. Оно было поручено священнику Якову Яковлевичу Кайдалову, а в помощники ему был назначен дьячок сургутской Троицкой церкви Алексей Кайдалов. Оттуда же, из Сургута, прибыли шесть плотников во главе с сургутским крестьянином Иваном Тетюцким, подрядившихся на эту работу[252]. Как доносили в 1793 г. остяки Ларьякской волости архиепископу Варлааму, их Знаменская церковь была построена

> *…назат тому лет з дватцать… священником Кайдаловым… то на строение оной потраченной лес хотя нами, но небольшая часть, добываем… и на место доставляем, но без всякого от его, священника, принуждения, а по доброй воле своей и единственно для построения в пользу нашему храму Божиева*[253].

---

[249] Шатилов М. Б. Ваховские остяки : (Этнографические очерки) // Тр. Томск. краевого музея. Томск, 1931. Т. 4. С. 105–106.

[250] Сургутский уезд в документальных памятниках. С. 24.

[251] Там же. С. 24–31.

[252] Цысь О. П., Цысь В. В. К характеристике настоятелей ларьякской Знаменской церкви тобольской епархии (XVIII – первая треть XX вв.) // Православие. Наука. Образование. 2018. № 1 (5). С. 30.

[253] Книжные сокровища Югры. С. 430.

Правда, ларьякские прихожане умолчали, что вскоре после начала строительства они отказались оплачивать работы, заявив, что решение о строительстве храма приняли «по своему легкомыслию», так как думали, что деньги будут выделены из казны. Так и случилось в конце концов. К осени 1771 г. храм был построен. В следующем году Я. Я. Кайдалов доносил, что закончено его внутреннее убранство: «местные образа написаны, царские двери исправлены», а также имеются богослужебные предметы, одеяния и книги[254]. В этом же 1772 г. ларьякская Знаменская церковь была освящена[255]. В 1824 г. обветшавшее церковное здание было отстроено вновь[256]. Строил храм крестьянин Родион Перфильев на средства прихожан[257]. На момент строительства в Ларьякской волости часовни в окрестностях обреталось «по разным рекам и улусам» около 260 душ новокрещенных[258]. Во время организации самостоятельного Ларьякского прихода в 1770 г. к нему причислили из Верхнелумпокольской волости 11 дворов, 31 душ муж. и 26 жен. пола; из Нижнелумпокольской – 30 дворов, 100 душ муж. и 85 жен. пола[259].

Христианская топография Нижнего Прииртышья

Самарово. Первые православные храмы в нижнем течении Иртыша были поставлены еще в XVII в. Самаровский ям, будущая столица Югры, был основан около 1632 г.[260] Первую церковь воздвигли здесь во имя Святого Николая Мирликийского. В 1740 г. в «Самаровской ямщицкой слободе» Г. Ф. Миллер не нашел Никольской церкви, но отметил наличие некой часовни[261]. Скорее всего, часовня стояла на месте упраздненной Никольской церкви, возможно даже, что на первых порах под нее использовали старое церковное здание. В этом убеждает посвящение часовни св. Николаю Мирликийскому, известное из поздних источников. Когда была основана Никольская часовня с. Самарова, неизвестно, однако в начале XVIII в. она уже стояла: «уже в 1728 г. упоминается… часовня (Никольская), время основания которой неизвестно. Она стояла во все продолжение XVIII и XIX веков»[262] (рис. 3.16).

В результате первой губернской реформы в 1711–1719 гг. с. Самарово, до этого приписанное к Тобольскому уезду, на короткое время становится центром самостоятельного уезда: «все остяки по Иртышу и Оби до уездов Сургута и Берёзова платили сюда свой ясак». В качестве уездного центра Самарово получило приличествующую новому статусу церковь – двухэтажную, освященную во имя Покрова Пресвятой Богородицы, с двумя приделами во имя Святого Николая и Знамения Богородицы[263]. Однако 5 марта 1743 г. «после полуночи в первом часу» храм сгорел полностью – с колокольней и «со всеми церковными украшении». Трапез-

[254] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2412. Л. 11 об.

[255] Книжные сокровища Югры. С. 435.

[256] ГА ХМАО. Ф. 129. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

[257] Цысь В. В., Цысь О. П., Борисова В. В., Спичак А. В. Православие в Нижневартовском районе: три века истории. Нижневартовск, 2018. С. 11.

[258] Сургутский уезд. 2006. С. 26.

[259] ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 2. Д. 2412. Л. 3 об.

[260] Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. Сургут, 2004. С. 67.

[261] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 264.

[262] Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 142.

[263] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 263–264.

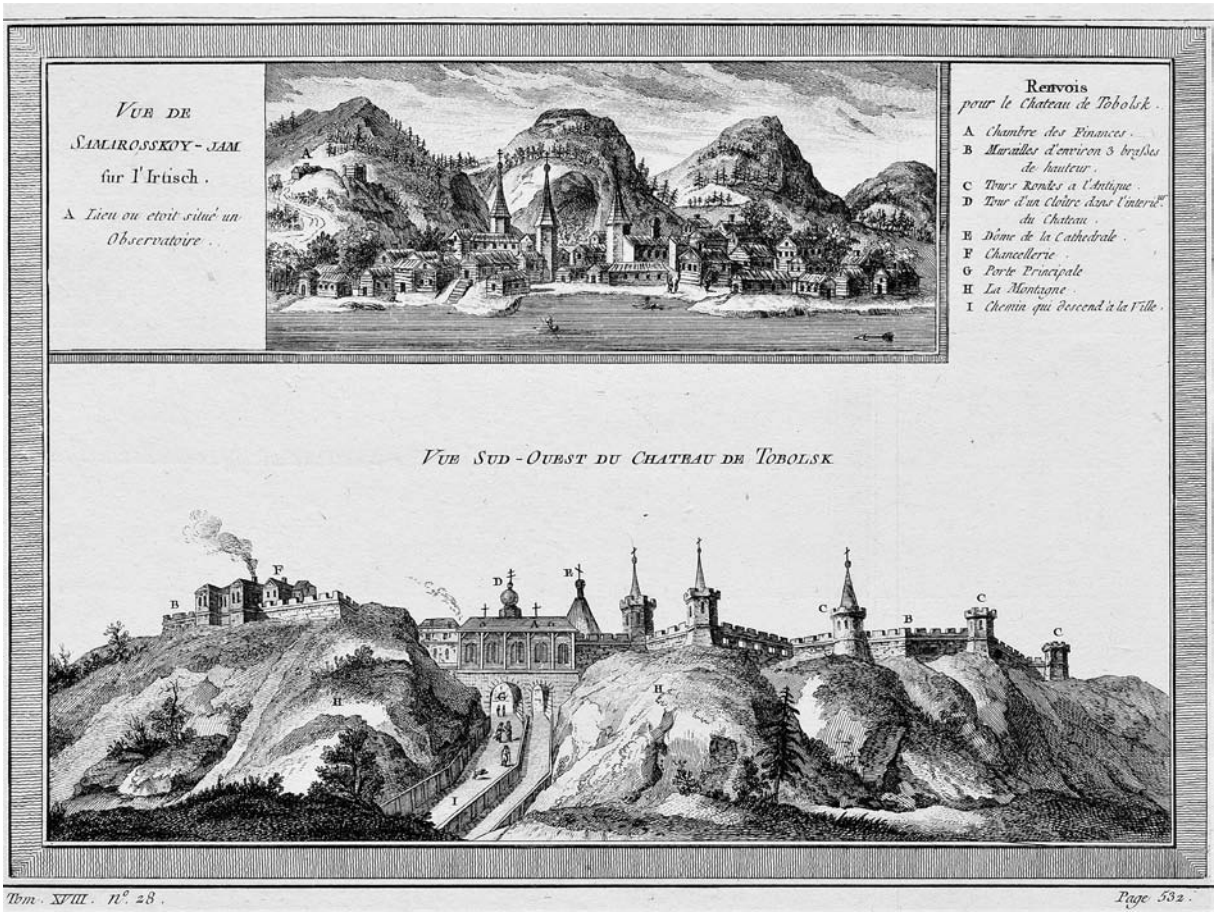


Рис. 3.16. Неизвестный художник. Вид на Самаровский ям. Вид на Тобольск. Середина XVIII в. Из фондов ГХМ. ГХМ 530

ник, отставной ямщик Иван Поромов, «сказал, что де оной пожар учинился после топления печи». Выяснилось также, что, когда начался пожар, Поромов был в церкви и спал. Днем 4 марта «по полудни» он топил церковную печь «и печь закрыл еще до великого повечерия».

Мало времени спустя той же весной самаровцы заготовили лес и с благословения митрополита Антония принялись за строительство новой церкви «на два ж апартамента и о трех же престолах и в те же имена… на погорелом месте». Руководил строительством «Самаровского яму заказчик протопоп Гаврило Максимов». Среди прихожан, проявивших наибольшую инициативу в деле строительства нового храма, упоминаются ямщики Иван Корепанов, Григорий Шмонин, Федор Кузнецов[264]. По крайней мере, уже в следующем 1744 г. церковь восстановили в прежнем виде: «во именование Покрова Пресвятой Богородицы, придел Николая Чудотворца, а нижнем апартаменте – придел Знамения Пресвятой Богородицы»[265]. В 1760 г. храм расширили, освятив новый придел во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Инициатором и меценатом в 1759 г. выступил местный ямщик Дмитрий Сургутской. Он «на свой кошт» вознамерился устроить придел, закупить иконы, царские

[264] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–8.

[265] АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Д. 140. Л. 3 об.

и пономарские врата, церковное одеяние, утварь и книги. Расположить придел предполагалось в нижнем этаже непосредственно под приделом Святого Николая Мирликийского: «которой при той нижней церкви находится порожжей». По началу консисторские власти потребовали от самаровского заказчика протопопа Алексея Семенова «учинить чертеж» строящемуся приделу. На это протопоп ответил, что «как настоящей Покровской, так и придельным церквам чертежа за неимением в Самаровском яму иконописного писания художников учинить некому». Пришлось консистории разрешить строительство, удовольствовавшись описанием иконостаса: «В два ряда: в начале образ Спасителев, образ Рождества пресвятой Богородицы, образ Дмитрия Мироточа». В верхнем ряду под этими иконами – «двунадесять апостолов»[266].

В 1781 г. в с. Самаровском рядом стояли две церкви: «в оном же яму церковь деревянная одна, вновь строещаяся церковь деревянная ж одна»[267]. Строительство началось, по-видимому, двумя годами ранее. В мае 1779 г. прихожане в лице Фомы Худякова, Степана Змановского и церковного старосты Слободскова обратились к епископу Варлааму с просьбой о разрешении на строительство новой церкви с двумя приделами – «Знамения пресвятой Богородицы и Николая чудотворца». В прошении отмечалось, что старая церковь была трехпрестольной. Почему прихожане отказались от Богородице-Рождественского престола, неизвестно. В июне того же года было получено разрешение «строить на удобном не водопольном, от пожарных случаев безопасном месте».

Место под строительство освятил архимандрит Свято-Троицкого Кодского монастыря Александр. 22 мая 1782 г. настоятель Кодского монастыря игумен Сергий доносил епископу Варлааму, что церковь построена, и просил выдать благословенную грамоту. 6 июля такая грамота была подписана. 28–29 июля Сергий освятил приделы, а 2 августа в храме началась служба[268]. Однако и это церковное здание к началу XIX в. пришло в негодность. Тогда встал вопрос о возведении новой деревянной церкви, но в ту пору строительство таких церквей было запрещено синодальным указом. Волей-неволей самаровцам пришлось решиться на возведение каменного церковного здания. Деньги собирали не только с прихожан, но и с «доброхотнодателей» по всей епархии, для чего отправили ходоков из числа прихожан, вручив им специальные «шнуровые книги». Наконец приступили к строительству храма, которым руководил архитектор Шаньгин, он же являлся автором проекта. Место для новой церкви выбрали близ старой деревянной, немного ближе к Комиссаровой горе. Строили храм тобольский мещанин Д. П. Прокофьев с сыном[269]. Вскоре после начала строительства старая церковь сгорела. Отстроили и освятили каменную Покровскую церковь в 1817 г.[270] В Покровском храме находилась местночтимая икона Знамения Богородицы:

> *Здесь особенно обращают на себя внимание две иконы Знаменья Богородицы громадных размеров, украшенные дорогими ризами; одна из них древнего письма на холсте находилась, кажется, еще в деревянной церкви и, вероятно, во время пожара была в одном месте*

[266] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 2826. Л. 1–6.

[267] ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25. Л. 43.

[268] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 1685. Л. 1–5.

[269] Цысь В. В., Солодкин Я. Г., Цысь О. П., Спикач А. В. Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в. С. 107.

[270] Опейкин А. В. Покровская церковь села Самарово // Славянский ход 1991 – 2002. Материалы и исследования. Альманах. Вып. 1. Сургут ; Ханты-Мансийск, 2004. С. 48.

прожжена. По словам И. Гр. Кузнецова, она принадлежит к числу явленных: еще в прошлом столетии (в XVIII в. – Авт.) она была предназначена и везена в Иркутск для одной из тамошних церквей, но когда она прибыла в Самарово, то, несмотря на троекратные попытки везти ее далее, подымалась страшная буря, и плыть казалось немыслимым; это обстоятельство и послужило для жителей знамением, что иконе Знамения Богородицы надлежит пребывать в Самарове. И действительно, она украшена многими серебряными приношениями, свидетельствующими об исцелении людей, прибегавших к ней с верою[271].

На Иртыше выше с. Самарова в югорских пределах в XVIII в. имелось несколько православных приходов. Вознесенская церковь в *Филинской волости* была основана в 1720-е гг.[272] В то время она относилась к Демьянскому заказу[273]. В 1740 г. в Филинском погосте имелось только 14 ямщицких дворов, остяки здесь не жили, несмотря на то, что церковь была построена для них[274]. В 1781 г. был уже 21 двор. В пяти русских деревнях и семи «остяцких юртах» прихода проживало 1030 чел.[275] В 1755 г. было освящено новое церковное здание. Эта деревянная церковь в 1835 г. была заменена каменной, построенной на средства прихода[276].

Реполовская Крестовоздвиженская церковь, воздвигнутая в 1716 г., как и многие другие, стала плодом деятельности Филофея Лещинского и его сподвижников[277]. В 1781 г. в *Реполовском погосте* имелся 31 двор. Еще 70 дворов числилось в «остяцких юртах». Всего в приходе числилось 652 души обоего пола[278]. В 1790 г. храм построили заново. К этому времени он был двухпрестольным: во имя Воздвижения Креста Господня и во славу Смоленской Божьей Матери[279] (рис. 3.17).

Рис. 3.17. Крест напрестольный. Лицевая сторона. 1774 г. ТИАМЗ. № в ГК 6218545

На р. Конде православные храмы и священники появляются вслед за миссионерскими экспедициями. Так, в 1714 г. миссионеры во главе с Филофеем Лещинским побывали в *Нахрачинских юртах*, которые занимали

[271] Лопарев Х. М. Указ. соч. С. 143. Заметим здесь, что в пожаре 1743 г. сгорела полностью местная икона из Знаменского придела: «образ Знамения Пресвятой Богородицы, венец и гривна серебряная под золотом» (ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 64. Л. 3 об.).

[272] Главацкая Е. М. Указ. соч. С. 244.

[273] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири. С. 26, 29.

[274] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 268.

[275] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 273.

[276] Справочная книга Тобольской епархии. С. 25.

[277] Главацкая Е. М. Указ. соч. С. 244.

[278] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 273.

[279] Справочная книга Тобольской епархии. С. 22; Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири. С. 44.

видное место в топографии сакрального пространства кондинских манси. Здесь «жил знаменитый шаман Награч… при котором ко времени крещения находился известный идол, которого русские называли Мастерков, а остяки – Ort-luhc»[280]. Изображение этого божества аборигены хотели сохранить во что бы то ни стало. Они предлагали миссионерам выкуп за своего идола, а когда те не пошли на сделку, от язычников поступило предложение поставить их божество в церкви, когда она будет построена. Около 1714 г. Троицкий храм в юртах Нахрачинских был уже освящен. Во всяком случае, как уже отмечалось выше, в 1714 г. миссионеры во главе с Филофеем побывали на Конде, а в 1715 г. в нахрачинскую церковь Живоначальной Троицы были назначены причетники – дьячок Г. П. Попов, пономарь И. Алексеев, просвирница Афимья Данилова[281]. В 1781 г. в «Нахрачевском» погосте стояло семь дворов. В 14 остяцких юртах имелось еще 64 двора. Общее число прихожан составляло 413 чел.[282] В одно время с нахрачинской церковью был возведен храм в юртах Леушинских во имя Сошествия Святого Духа. В 1715 г. причетниками в леушинскую церковь были назначены «во дьячки бывшей Абацкой церкви – пономарь Кирило Степанов, в пономари – Яков Петров, в просвирницы – Ирина Иванова»[283]. В 1761 г. «на день Вознесения» (24 мая) леушинская церковь сгорела от молнии[284]. В 1762 г. храм отстроили заново за государственный счет. Участие прихожан свелось к заготовке и вывозу леса. Однако в 1795 г. новокрещенам пришлось возобновлять обветшавшую к тому времени Духосошественскую церковь самостоятельно без государственной поддержки[285].

В 1720-х гг. на берегах р. Конды поднялись еще два храма: Богоявленский в Болчаровской волости и Сретенский в Сатыгинской[286]. В погосте «Балчаровском» в 1781 г. было учтено 22 двора, и еще 66 дворов – в 13 остяцких юртах. В совокупности в приходе насчитывалось 579 душ прихожан[287]. В погосте Сатыгинском храм был возведен неподалеку от речного острова, где до этого находился почитавшийся кондинскими манси идол. В 1746 г. сатыгинские аборигены устроили кровавое жертвоприношение этому идолу, и только в угоду местному священнику поставили быка, приготовленного на заклание, «головою к церкви», а не как предполагали первоначально («головою к острову»)[288].

Помимо храмов, основанных в центрах инородческих волостей, были построены часовни в отдельных отдаленных инородческих юртах, где приходскими священниками во время кратковременных визитов отправлялись требы. В 1723 г. тобольский митрополит Антоний сообщал в Святейший синод, что на Обском Севере

> *…от церквей в дальности построены часовни, в которых они, новокрещеные, за дальностью от церквей творят тамо своего времени молитву; а когда к ним бывает их свя-*

---

[280] Сибирь XVIII века в путевых описаниях. С. 285, 307.

[281] Книжные сокровища Югры. С. 410.

[282] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 272.

[283] Книжные сокровища Югры. С. 410.

[284] Цысь О. П. Пожары и меры противопожарной безопасности в церквях Тобольского Севера в синодальный период (1722–1917). С. 425.

[285] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири. С. 28.

[286] Там же. С. 26.

[287] Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 272.

[288] Огрызко И. И. Указ. соч. С. 101.

> *щенник с церковной требою, тогда все обретающиеся при тех часовнях новокрещеные с женами и детьми, с радостью притекши, молят его, чтоб им сотворите, и Господеви Богу молебное пение с водоосвещением окропляются*[289].

Часовни, как и храмы, строились на государственный счет, однако в середине XVIII в. положение стало меняться. Последним храмом, построенным на государственный счет, как мы помним, стал леушинский Духосошественский (1762 г.)[290]. Теперь церкви возводились только на личные средства прихожан. Единственным источником средств становились пожертвования «доброхотных дателей». На новые церковные здания прихожанам и причту приходилось собирать средства иногда годами. Так, в 1770-х гг. клирики и причт Юганской церкви четыре года собирали деньги «от христолюбивых подателей… до трехсот рублев»[291]. С 1812 по 1824 г. возводилось здание ларьякской Знаменской церкви. Однако были и изъятия из общих правил церковного строительства для отдаленных северных приходов. Например, уже упомянутая деревянная Юганская церковь строилась в то время, когда деревянное церковное строительство в России было заспрещено, и на это было получено специальное разрешение Священного синода[292].

Запрет на строительство деревянных церквей был обусловлен, среди прочих причин, «опасностью от пожарного случая». Как показано выше, церкви горели постоянно. Причин на то было много, но главная – неосторожное обращение с огнем. Своеобразным рекордсменом по числу пожаров была, по-видимому, казымская (полноватская) Успенская церковь. Она горела и вновь строилась пять раз: в 1714, 1725, 1767 гг., между 1812 и 1816 гг., в 1817 г.[293] В XVIII – начале XIX в. деревянные церкви строились на подрядных началах с соблюдением минимальных требований в отношении выбора места и параметров постройки. В указе митрополита Сильвестра (Гловацкого) 31 июля 1751 г. сургутскому заказчику говорилось:

> *…Построить святую церковь… на удобном безопасном и не водопоемном месте, по чиноположению церковному обложить и велеть строить по подобию протчих святых церквей. И в ней зделать престол в указанную меру. В длину аршина осми и ширину аршина четырех, в вышину аршина шести вершков*[294].

Заказчик, кроме того, наблюдал за качеством работ по возведению храмового здания. По большей части подрядчики (мастера) были из числа жителей Берёзова, Сургута, Тобольска. Таким образом, внешний вид церкви зависел от вкусов заказчика и прихода, а также от мастерства плотников.

Храмы XVIII – первой трети XIX в. в редких случаях пережили середину XIX в. Они либо подвергались неоднократным перестройкам, либо становились жертвами пожаров. В одном из номеров «Тобольских губернских ведомостей» за 1858 г. находим краткое описание зауральских церквей XVIII в.:

---

[289] Описание документов и дел. Т. 2. № 422. С. 579.

[290] Книжные сокровища Югры. С. 28.

[291] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 165. Л. 2.

[292] Цысь В. В., Солодкин Я. Г., Цысь О. П., Спикач А. В. Указ. соч. С. 102.

[293] Там же. С. 103.

[294] Сургутский уезд в документальных памятниках. С. 30–31.

> *Церкви тогда строились деревянные, расположение имели большей частию крестообразное: крыльцо, паперть, трапеза, пространная в широте, она была зимней церковью с устроенным на одной стороне алтарем, затем летняя церковь, уже и менее трапезы – и особо выдававшийся на восток алтарь. Кровли на церквах были или шатровые или со скатами, у спусков кровли – вырезки фигурные, карнизы около церкви под кровлею в виде поясков, валиков, сухариков и проч.*

Именно так выглядят на рисунках Т. Кёнигсфельса одноглавые церкви Шоркарского и Троицкого погостов[295].

[295] Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля / отв. ред. С. А. Козлов. СПб., 2008. С. 250, 256.

Глава 3

Монашество Югры. Кодский Троицкий монастырь

Помимо церквей и существовавших при них приходов, на территориях югорских уездов имелось два монастыря. Первым по времени возникновения (1610 г.) был берёзовский Воскресенский монастырь. Эта бедная малонаселенная обитель, основанная, вероятно, по инициативе отставных ветеранов берёзовского гарнизона, ставших ее первыми насельниками, трижды в течение XVII в. прекращала свое существование из-за скудости средств и недостатка постриженцев. Окончательно Воскресенский монастырь закрыли в 1723 г., а занятые им место и строения переоборудовали «в место для содержания государственных преступников»[296].

Иная судьба ожидала Троицкий Кодский (Кодский, Кондинский) монастырь. Основанный в середине XVII в., он, в отличие от Воскресенского в Берёзове, оставался значимым центром православия в Югорской земле и в новом столетии. Уникальное положение Троицкого монастыря в крае побуждает уделить ему особое место в нашем повествовании.

Развитие архитектурного комплекса монастыря. Реликвии и святыни

Наиболее заметные перемены внешнего облика монастырского комплекса пришлись на середину XVIII столетия: обитель оделась в камень. Каменный Троицкий храм и колокольню строили более 30 лет. Начало строительству положил митрополит Антоний (Стаховский) в 1729 г.:

> *1729 г. ноября 15 дня преосвященный митрополит Тобольский и Сибирский Антоний Стаховский, желая спасения души своей, в вечное поминовение приложил в новоиждемое строение церкви святой, на святой алтарь пятьдесят тысяч кирпичу да двадцать бочек извести*[297].

Однокупольный собор в честь Святой Троицы с приделами во имя Казанской Божьей Матери и Николая Чудотворца, с трехъярусной шатровой колокольней был заложен в 1731 г. Стро-

---

[296] Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири. С. 14–16, 33.

[297] Головин П. Исторические очерки ныне существующих монастырей Тобольской епархии // Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск, 1891. С. 41.

или церковь мастера-каменщики из числа крестьян Далматовского монастыря Иван Петров и Иван Краюхин под руководством Иакинфа (Акинфия) Денисова Стафеева[298]. Далматовские мастера обучили кодских монастырских крестьян и служителей «каменному строению»[299]. Уже в 1753 г. строительство возглавлял кодский монастырский крестьянин Никита Черепанов. Все плотницкие работы также выполняли местные мастера. Так, в 1753–1754 гг. «обивали маковицы» на церкви и колокольне монастырские крестьяне Семен Коньков, Иван Коньков, Герасим Комкарев, Тимофей Палачев, Яков Палачев[300]. Известны имена резчиков, делавших иконостасы: некий Спиридон и Василий Карпов. Они также имели «обучеников» среди жителей Кодского села. В строительные работы активно вмешивалась и монастырская администрация. В 1751 г. игумен Исаакий усомнился в правильности предложенных строителями конструктивных решений и сообщил об этом в консисторию, откуда пришел на имя казначея иеромонаха Иллариона указ:

> *…Взять тебе, казначею, от всей онаго манастыря братии за руками их скаски, кои б показали в сущую правду в том, когда упомяненные бывшие долматовские каменщики хотели в предельных олтарях склепы ломать, также и на склепах большого олтаря шею каменную делать, то оной игумен как склепов ломать, так и шеи делать им, каменщиком, не дал, якобы за опасностью такою, что те склепы тонкия, имеющиеся в один кирпич, и чтоб от той тяжести своды не упали; и о том он, игумен, тебя, казначея, так же и братию, во общей совет употреблял ль; и строить оное не дал подлинно ль с совету братского; и есть ли опасность такая, что ежель шею каменную делать, то от тяжести своды падут; и их братское мнение такое, что оная шея хотя б и не надобно строить, ибо застанет свет в окне церковном, было ль; и до колоколеной достройки на переделку оных сводов было ль с потребное число кирпичю, и о протчем. И что по объявлению оной братии явится, о том к его преосвященству тебе, казначею, репортовать*[301].

Чем закончилась распря между далматовскими каменщиками и игуменом Исаакием, неизвестно, но в 1752 г. Троицкая церковь была построена, под ней был сделан «для опасности от пожарного случая свод (подвал. – *Авт.*)», а склепы остались невредимы. Рядом с новой церковью стояла старая деревянная, а в новой церкви служба какое-то время не велась, так как она не была обустроена[302]. В том же 1752 г. игумен Исаакий просил консисторию, «дабы повелено было им перенести иконостас из ветхой Троицкой церкви во вновь построенную каменную»; когда разрешение было получено, «древняя деревянная» церковь была сломана «и на дрова для топления церкви изрублена»[303]. Колокольню построили раньше церкви. В 1750 г. она была «в готовности», а в 1752 г. на «слухи» колокольни перенесли колокола, висевшие до того на столбах, которые были «весьма ветхи и пошатились»[304]. Архитектурные формы церкви, а также детали декора выдержаны в канонах так называемой Уральской

---

[298] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 84, 85, 156.

[299] Там же. С. 117. Далматовские мастера и обученные ими каменному делу кодские крестьяне и служители строили Троицкую церковь Николаевской заимки. Руководили работами «каменщик Иван Краюхин» и Иван Петров. В 1759 г. в Никольской заимке «крестьяне Федор Москин, [Андрей Агиев, Григорей Першин] с товарищи… завсегда у церковной каменной древянной топорной работы» (Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 117, 119).

[300] Там же. С. 219–223.

[301] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Д. 6. Оп. 1. Л. 28–29.

[302] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 157.

[303] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.

[304] Там же. Д. 3. Л. 158.

(Строгановской) школы. Прототипами могли быть Троицкий собор в Верхотурье, Успенская церковь Далматова монастыря и др. (рис. 3.18).

Следующий этап каменного строительства в Кодском монастыре связан с деятельностью архимандрита Иакинфа. Вот как он сам подытожил свой вклад в обустройство монастырского комплекса:

> *Со определения же моего во оной Свято-Троицкий Кодинский монастырь производством в игумена в прошлом 1753 году февраля 10 числа по усмотрению моему и по должности настоятельской в том монастыре в давних летах зачатая строением каменная церковь во имя Троицы Живоначальныя с пределы во всесовершенное окончание приведена, то есть переделанием глав и поставкою крестов и покрытием железом. Также и внутрь построенными как в церковь, так и в пределы резными иконостасы и протчими в ней принадлежностями, как-то и зделанием при оной вновь каменной ризницы и протчего в той святой церкви, по украшению приличнаго*[305].

Рис. 3.18. Свято-Троицкий храм Кодского монастыря. Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15774

Таким образом, по указанию Иакинфа были переделаны главы на церкви и на колокольне. Эти работы выполнял «подмастерье» Иван Денисов (возможно, сын Иакинфа Денисова), за что он получил в августе 1753 г. из монастырской казны 1 руб. 70 коп.[306] Ризницу строил Никита Черепанов. Место ее расположения определил сам архимандрит Иакинф: «при церкве с северную сторону колокольни, а з западную – церкви приделом к колоколенной и к церковной стене до самых углов, смотря по препорции места, где имеет быть церковная ризница»[307]. Сделал он и часть «архитектурного проекта»: «А когда имеет быть тоя ризницы строение, то лестницу на колокольню отломать, а ход на колокольню зделать между стенами каменный, а двери на паперти пробить в ризницу, двери зделать из церкви»[308].

---

[305] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 70.

[306] Там же. С. 56.

[307] Там же. С. 53.

[308] Там же.

В 1762 г. начинается строительство трапезной, инициатором опять выступил Иакинф:

> *Вновь строющимся каменным покоям посылаю рисунок, нарисованная часть восточной стороны, с того примеру знать можно и полденную сторону. Нижний апортамент делать со сводами, и в окошка – решетки, а в верхней будет без сводов, и в окошках решетки не потребны. Стены делать против нижних тонее, упомянутые решетки ныне завременно велите заготовлять, связей лишне не тратить, класть в приличных местах с разсуждением*[309].

Уже в 1763 г. менее чем за год трапезная была построена. А монастырский комплекс обрел законченный вид:

> *Первая каменная церковь во имя Живоначальныя Троицы холодныя, при ней в трапезе два предела теплыя не освящены. По правую сторону – предел во имя Пресвятыя Богородицы Казанския, по левую сторону – во имя Святителя Николая Чюдотворца. При той же трапезе ризница, папертъ, над папертью – колокольна, во оной до слухов полата кладовая, каменных в слухах колоколов шесть. Часы новые боевые зделаны, точею не поставлены. Глава на церкве железом обита и желтою краскою выкрашена. Под главою в восьмерике двнадесять апостолов писаны на красках*[310]*. Под осьмериком бочка и под нею баки железом обиты и зеленою краскою выкрашены, на олтаре и колокольне главы белым же железом обиты. На пределах главы каменныя, на церкве и колокольне кресты железныя, вызолочены. Трапеза с пределы и ризница покрыты тесом*[311].

Однако отапливаемые приделы каменной Троицкой церкви были окончательно обустроены и освящены только в 1765 г. До этого зимой церковь была «неспособна» для богослужения, поэтому служба отправлялась в деревянной Благовещенской церкви[312]. Главный (холодный) храм освятили 22 февраля 1758 г.

В 1763 г. было начато возведение каменной ограды монастыря. Однако она так и не была построена. Сохранилось описание «строения» Кодинского монастыря и монастырского подворья 1763 г.:

> *Вокруг оного монастыря ограда деревянного строения с одними святыми, а другими проезжими и двумя маленькими вороты, место которой деревянной ограды имеет быть строена каменная, для которой уже и кирпича заготовлено до шестисот тысяч да камню серовика в бут сто сажен… Внутрь ограды строение. Церковь с колокольней во имя Живоначальной Троицы с одним престолом, с пределами Казанской Богородицы и Николаем Чюдотворцем. Деревянное: кельи с сеньми старые, настоятельская о дву апартаментах… при ней чюланчик кладовой… казенная, брацкие… кельи с сеньми новые, брацкие жилые, хлебня, при ней маленькой анбар хлебной же… келария, тут же брацкая и поварня ж… Ветхое: погреб летний… конюшня… житницы хлебныя… анбары для клажи на манастырь покупной соли… анбары кладовой… Огород для сажения на братию капуст вокруг с трех сторон… Баня для монастырских служек… Больница, в которой больных никогда не бывало… За оградой деревянное ж строение новое… кузницы для делания медного, железного…*

---

[309] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 93.

[310] Восьмерик на летней церкви был расписан тобольскими иконописцами около 1753 года. Там же. С. 50.

[311] Там же. С. 168.

[312] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 10. Л. 255–256.

избы для монастырских служек с сеньми… скоцкие новые дворы для рогатого скота, лошадей… ветхая скоцкая стая от погоды… Вокруг тех скоцких дворов заплотом забрато с двумя проезжими воротами… Житницы хлебные: новые, ветхие пустые… Ветхие: поварня, баня для работных людей, солодовня с сушилом и маленькими сеньми… Кирпишные сараи. <…> Мельница над речкою Кодою о дву постовах… На острову Оби реки строение деревянное ветхое: изба, где живет коровница, скоцкой двор, баня[313].

Секуляризация 1764 г., нанесшая удар по экономической состоятельности церкви, и в первую очередь монастырей, надолго прервала возможность благоустройства Троицкой обители. Новое строительство пресеклось, лишь старые, особенно деревянные постройки волей-неволей приходилось поправлять и перестраивать. В 1810–1814 гг. храм получил новую железную кровлю. В 1818 г. был поновлен иконостас в Казанском приделе[314]. С поновлениями и перестройками в изменении архитектурного облика монастыря соперничали пожары. В ночь на 20 декабря 1819 г. в деревянном корпусе монастыря вспыхнул пожар. В результате от «появившегося огня в хлебной печи» сгорели келарская, хлебня, поварня, кладовая и сени[315].

Монастырь располагал своими святынями и реликвиями, к каковым относились иконы «древнего письма», а также различные пожертвования российских государей. Так, икона Страшного суда, написанная на холсте, была пожертвована царем Федором Алексеевичем. На обратной стороне иконы имелась соответствующая запись:

Великий государь, царь и великий князь Федор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, пожаловал по своей государевой к Господу Богу вере, дал сей святой образ Страшного Суда Христова пришествия в Сибирь, на великую р. Обь, во обитель Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, иже нарицается Кодская, на украшение и покаяние в вере Христовой живущим, на просвещение и спасение людей неверных, тамо пребывающих[316].

В середине XVIII в., по-видимому, эта икона находилась в паперти деревянной Благовещенской церкви[317]. Со временем холст истлел и был утрачен, но в 1824 г. тобольский мастер мещанин Василий Чеботных сделал с него копию. Кроме того, от имени государя Федора Алексеевича в монастырь были присланы богослужебные и «четьи» книги, а также четыре колокола, один из которых весил 15 пудов и имел литую надпись:

Лета 7187 (1679 г. – Авт.) декабря… великий государь Федор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, для вечного поминовения отца своего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея России самодержца, пожаловал сей колокол в Сибирь, на великую реку Обь, в обитель Святыя и Живоначальныя Троицы, в пустынный монастырь, по челобитной того монастыря игумена Макария с братиею[318].

Получил монастырь вклады и от своеобразного триумвирата, сложившегося на российском престоле в конце XVII в., – Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича и Софьи Алексеевны.

---

[313] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 9. Л. 371–372 об.

[314] Головин П. Указ. соч. С. 42.

[315] Цысь О. П. Пожары и меры противопожарной безопасности в церквях Тобольского Севера в синодальный период (1722–1917). С. 423.

[316] Абрамов Н. А. Город Тюмень. С. 451– 452.

[317] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 92 об.

[318] Головин П. Указ. соч. С. 64.

Они пожаловали монастырю драгоценную утварь: напрестольный серебряный с позолотой крест и серебряное кадило, «две книги печатные, 1-я Обет, 2-я Вечеря, три колокольчика междочастных», а также куранты[319]. Постоянно обращали на себя внимание посетителей монастыря своей древностью и изысканным видом

> *…а) два креста напрестольные, серебряные, вызолоченные с надписью «Святейшего патриарха Кир Андриана келейного монаха, диакона Митрофана в Сибирь, в Кодский монастырь, по родителях своих в вечное поминовение 7206 г.* (1698 г. – *Авт.*)» и *б) евангелие, печатное в Москве 1752 г., замечательное по своему объему и весу* (1 *пуд 15 фунтов*), *приобретено по заказу Кондинского монастыря игуменом рафайловским Маргаритом в 1782 году 20 января. На крышки этого евангелия употреблено чистого серебра 920 золотников*[320].

Судя по описанию от 1763 г., церкви Кодского монастыря украшала деревянная скульптура – два распятия «резных», по одному в Троицкой и в Благовещенской церквях. В этом же описании обращает на себя внимание

> *…на престоле гробница сребренная, чеканная, середине образ Воскресения Христова черневой, вкруг и в средине ево позолочено; в ней два положенія, верхней и нижней, сверху крест, распятие медное под золотом, по сторонам Богоматерь, Иоанна Богослова литые, медные под золотом*[321].

Наиболее почитаемы монахами и прихожанами были так называемые местные иконы на сюжеты, соответствовавшие посвящениям приделов (храмовые иконы):

> 1. *Образ Пресвятой Троицы древней живописи, на которой риза серебряная вызолочена, весу в ней 5 ½ фунта, заведена старанием настоятеля, игумена (впоследствии архимандрита) Иакинфа, в 1753–1758 годах. Икона помещается в главном холодном храме, в иконостасе, по правую сторону царских врат*[322]. 2. *Икона Казанской Божией Матери древней живописи, на которой риза серебряная, с венцом, вынизанным жемчугом с разноцветными камешками. Икона помещается в Казанском приделе, в иконостасе, по левую сторону царских врат; приложена в монастырь московским дворянином Василием Савиным Турским (в монашестве Венедиктом. – Авт.)*[323] *в прошедшее столетие* (XVIII *в. – Авт.*)[324].

---

[319] Головин П. Указ. соч. С. 98–99; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 165.

[320] Цит. по: Головин П. Указ. соч. С. 64.

[321] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 80, 84, 90.

[322] На иконе имелась надпись: «К сему местному образу Троицы Живоначальной в Кондинский монастырь построися сия серебряная и подзолоченная риза 1756 года» (НА ИИМК РАН. Ф. Р III. № 6870. Л. 10).

[323] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.

[324] От 1763 г. дошло детальное описание этого образа: «Венец просекной и риза кованная, серебряная, под золотом на полях преподобных Антония и Феодосия Печерских, под венцом вынизано жемчюгом немецким, а вкруг его тритцать седьмь жемчюжен китайских больших, четыре риски жемчюгу немецкого и в них восемь камешков: четыре рудожелтых и четыре зеленых; в жемчюжном венце пять чтушек сребрянных под золотом, в каждой чтушке по восьми камешков цветом белыя, в том числе два цвету вишнева; на венце три камня: один белой, два рудожелтых; на оном же венце пять жемчюжек немецких больших, при том же у Богоматери и Младенца ожерелие жемчюгу немецкого. Вкруг оного образа киоть сребрянная кованная, чеканная и на ней вверху образ господа Саваофа, по углам четыре херувима; на полях киота по одну страну ангел хранитель, а по другую – священномученик Василий Амассийский вкованныя» (ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 90). На драгоценной ризе иконы имелась надпись: «Сие Моление Пресвятыя Бого-

> 3. *Образ Святителя Николая Чудотворца древней живописи, риза серебряная вызолоченная, весу в ней 10 ¼ фунта, заведена старанием настоятеля игумена Сергия в 1784 году частию на сумму от доброхотных дателей и монастырскую. Образ святителя Николая помещен в Никольском приделе в иконостас по правую сторону от царских врат (за образом Спасителя)*[325].

В этом ряду отсутствует икона «Чудо архистратига Михаила», упомянутая в качестве местной в переписной книге монастыря 1673 г.[326] Образ небесного воеводы не числится среди храмовых икон уже в середине XVIII в. В каменной Троицкой церкви было только два придела – во имя «Пресвятыя Богородицы» и во имя «Святителя Николая Чудотворца». Однако сама местная икона архистратига Михаила хотя и пришла в забвение, но, скорее всего, была еще цела. Во всяком случае, в монастырской трапезной среди прочих икон в 1763 г. находились «три архангела Михаила в чудесах»[327]. Среди икон монастырская братия и прихожане Троицкой церкви выделяли еще один образ:

> *Икона Божьей Матери в серебряной вызолоченной ризе. На ризе надпись: «Сей образ Благовещения Пресвятыя Богородицы украшен при державе благочистивейшей государыне Екатерины Алексеевны Вторыя по благословению преосвященного Варлаама, архиепископа тобольского и сибирского, 1796 года»... Все они обновлены (имеются в виду и храмовые иконы. – Авт.), но когда именно, в архиве монастыря сведений нет*[328].

В Николаевской заимке монастыря на р. Исети тоже имелась местночтимая икона – образ Господа Вседержителя в Никольской церкви. Икона была древнего письма и писана на полотне в форме треугольника большого размера. По преданию, она чудом уцелела после пожара, случившегося в заимке в 1713 г. Икону нашли на лугу в двух верстах от церкви, куда она была отнесена порывами ветра. С тех пор этот луг называли Святогорской лукой[329]. Еще в середине XIX в. образ не знал поновлений, «хотя в нескольких местах холст и изветшал». Тогда же Н. А. Абрамов отметил: «Икона чествуется с особенным благоговением». В Николаевской церкви имелся также напрестольный крест XVII в.: «он обложен листовым железом, которое, вероятно, сначала было белое и светлое, а впоследствии почернело»[330] (рис. 3.19).

При монастыре имелась библиотека. В 1753 г. ее составляли 153 печатных издания и рукописи. К 1785 г. собрание выросло до 250 книг. В основном в библиотеке находились книги богослужебного и нравоучительного характера[331].

родицы Казанския по выбору дворянина Василия Савича Турскаго 1707 год июля в 17 день». Еще В. С. Турский «приложил» в 1708 г.: «Крест небольшой серебряный вызолоченный – распятие с предстоящими Божиею Матерью и Иоанном Богословом вверху Господь Саваоф. В кресте в 5 отделениях мощи разных святых с древом креста Господня, весу в нем 55 золотников» (НА ИИМК РАН. Ф. Р III. № 6870. Л. 12–12 об.).

[325] Цит. по: Головин П. Указ. соч. С. 98–100.

[326] Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря. XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 520–521.

[327] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 176.

[328] НА ИИМК РАН Ф. Р III. № 6870. Л. 10 об. –11.

[329] Сулоцкий А. Указ. Соч. С. 208.

[330] Абрамов Н. А. Город Тюмень. С. 543.

[331] Щербич С. Н. Из истории библиотеки Кондинского (Кодинского) Троицкого монастыря // Проблемы экономической и общественно-политической истории дореволюционной России : сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Суринов. Тюмень, 2004. С. 94.

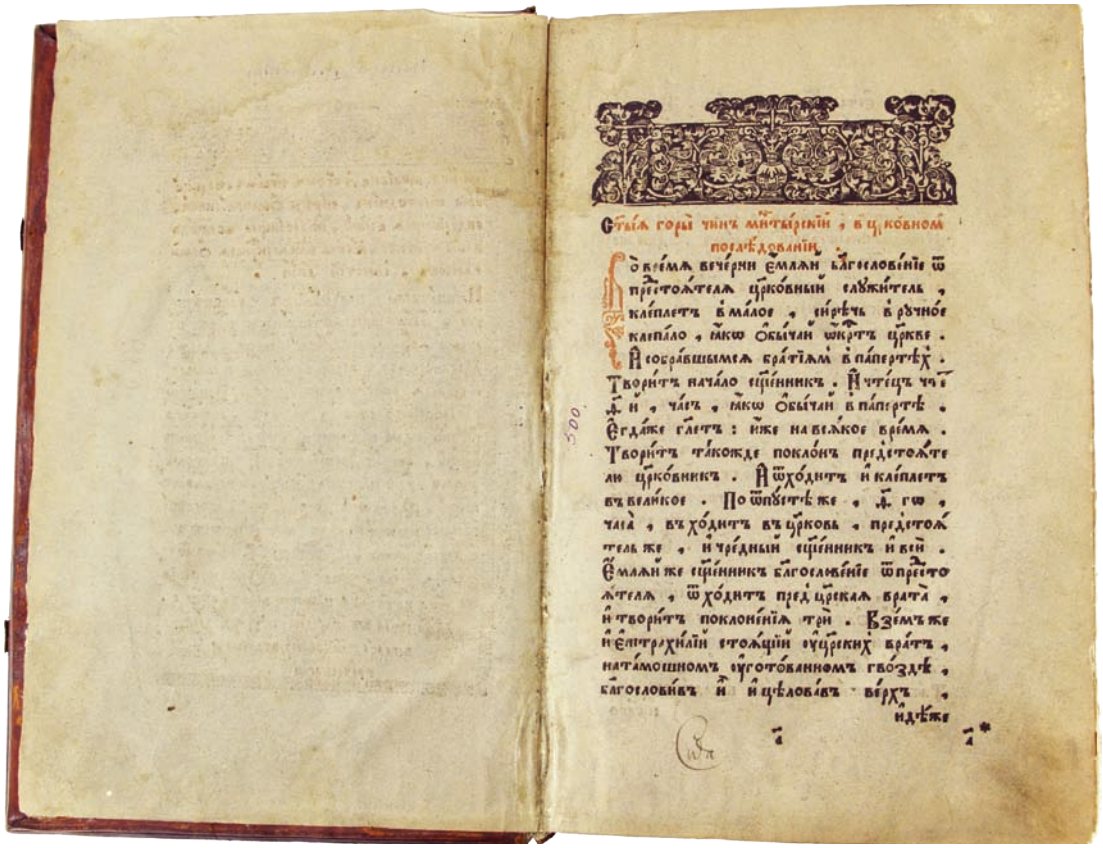


Рис. 3.19. Книга богослужебная Шестоднев 1663 г.
Из собрания Кодского Троицкого мужского монастыря. Из фондов ГМПиЧ. ХМ-2659. № в ГК 10829931

Состав монашества и специфика его быта

В XVIII в. начиная с петровских времен принятие пострига регламентировалось государственными узаконениями. Первый российский император, нуждавшийся прежде всего в солдатах и налогоплательщиках, стремился ограничить уход людей от мира. До 1740 г. принять иноческий сан дозволялось немногим. Указом 1715 г. предписывалось помещать на освободившиеся в монастырях штатные места отставных неимущих солдат-инвалидов[332]. Именным указом от 28 января 1723 г., по сути, повторявшим предыдущий, запрещалось постригать в монастыри кого бы то ни было, кроме отставных солдат «на убылые места»[333]. В 1734 г. вышел указ Святейшего правительствующего синода, которым воспрещалось постригать в монахи кого-либо, кроме вдовых священнослужителей и отставных солдат[334]. И лишь в 1740 г. круг лиц, которым было разрешено поступать в монашество, был значительно расширен. Теперь в монахи могли постричься представители следующих категорий населения:

[332] Прошин Г. Черное воинство : (Русский православный монастырь : Легенда и быль). М., 1988. С. 71.
[333] ПСЗ-1. Т. 7. № 4151.
[334] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–7 об.

> *…Разночинцы, которые команд своих вольные паспорта имеют и никакими делами не обязаны, из помещичьих людей и крестьян со свободными отпусками за помещичьею рукою, в которых бы именно написано было, что они отпущены для пострижения, из семинаристов, окончивших свое учение*[335].

Однако выходцев из указанных выше сословий и категорий населения среди братии Кодского монастыря было мало. Для принятия на себя «ангелоподобного образа жития» у претендентов были разные мотивы, но чаще всего в монастырь поступали вдовые престарелые священники и отставные военные, совсем единично – государственные крестьяне и разночинцы.

Так, например, преклонными годами и вдовством мотивировал свою просьбу о принятии монашеского чина в Кодском монастыре священник Шеркальской церкви Василий Кузнецов:

> *В прошлом 1750 годе преосвященным митрополитом Сильвестром произведен я был, нижайший, Шоркальского погоста к церкви Спасской во иереи, у которой находился во священнослужении и мирских треб исправлении на казенном жаловании до 1760 года. С того 1760 года отказано мне было указом от церкви и мирских треб исправления, не знаю, за что, и нахожусь празден поныне, овдовел 1758 года, от роду себе имею 65 лет. И ныне по старости своих лет непременно желание имею принять на себя чин монашеский в здешнем Троицком Кодинском монастыре*[336].

Однако не всегда решение уйти в монастырь принималось вдовыми священнослужителями добровольно. Так, в июне 1750 г. игумен Кодского монастыря Исаакий в обращении к митрополиту Сильвестру (Гловацкому) сетовал на то, что «в монахах имеется немалая скудость. А слышно де, что в городе Берёзове при церкви Рождества Пресвятой Богородицы вдовой священник Иван Андреев, Атлымской волости вдовой священник Иван Савельев». Указанных священнослужителей вызвали в Тобольск на «благоразсмотрение» митрополита, в результате которого они были пострижены в монахи, правда, не в Кодском монастыре[337]. В череде отставных военных, обитавших в XVIII в. в монастыре, выделяется потомок князей Алачевых, некогда полновластных правителей Кодского края. Представители старшей ветви кодских князей еще в XVII в. были переведены в Москву и там оставлены с записью в московские дворяне. Впоследствии род пресекся. Однако представители младшей ветви рода князей Алачевых, потомки кн. Онжи Юрьева, двоюродного брата властителя Коды Игичея Алачева, остались служить в Тобольске. Судя по всему, тобольский казак Илья Алачев был одним из последних представителей рода князей Алачевых на русской службе. В июне 1760 г. он прибыл в Тобольскую губернскую канцелярию для «определения в монастыри и богадельни с прочими отставными от военной службы» и здесь «объявил» грамоту, данную его предкам, князьям Игичею и Онже Алачевым, в 1594 г. царем Федором Ивановичем, на владение двумя ясачными волостями Васпалукук и Колпукулук. Увы, «силы» этой грамоты в 1760 г. хватило только на то, чтобы отставного И. Алачева определили «на житье» в Кодский монастырь, где, по-видимому, и окончил свой земной путь последний представитель некогда богатого и воинственного хантыйского княжеского рода[338]. Неизвестно, принял ли постриг старый служака, но принял «ангельский чин» в 1750 г. отставной солдат Прокопий Федоров:

---

[335] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 4. Л. 357–358 об.

[336] Там же. Д. 13. Л. 45а об.

[337] См.: Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 37–40, 43.

[338] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 9. Л. 133–134.

> *В прошлом 747-м году за старостью ево отставлен он от военной службы и послан при указе из консистории его преосвященства в Троицкий Кодинский монастырь для пропитания ево в труды и находится в послушании монастырском по возможности ево доныне безленостно, от роду себе имеет семьдесят один год, а желает он, Федоров, постритчись во оном же Кодинском монастыре в монашество*[339].

Таким образом, в 1750 г. в Кодской обители обретался один монах из отставных солдат, в 1763 г. двое, в 1776 г. четверо, в 1800 г. один. Во второй половине XVIII в. в Кодском монастыре подвизались из бывших казаков два монаха, из крестьян двое, и из разночинцев один[340].

Очень редко в монастырь постригались представители дворянства. В 1720 г. был «пострижен в расофор» Иоанникий Павлуцкий «из дворянских детей». В 1750-е гг. он «обретался в енисейском Спасском монастыре архимандритом»[341]. Среди кодинских иноков встречались и по-своему легендарные личности из дворянского сословия, к каковым относился, например, Федор Родионович Качанов, принявший сан в Троицком Кодском монастыре в 1717 г. под именем Феодосия. В то время ему было 67 лет, а до пострига он занимал должность коменданта г. Томска.

Качанов родился в семье новгородского помещика, причастного в свое время к делу о «подметном письме» на царского тестя. Службу Федор Качанов начал в Сибири томским сыном боярским. Выдающиеся личные качества Качанова – служебное рвение и неподкупность – способствовали тому, что ему поручались сложные дела, а их удачное разрешение, в свою очередь, способствовало служебному росту. Так, в 90-х гг. XVII в. ему поручили розыск о злоупотреблениях якутских воевод. По результатам этого расследования Качанова включили в состав другого розыска, уже общесибирского, возглавленного думным дьяком Данилой Полянским. В дальнейшем Качанов был илимским и нерчинским воеводой (1707 г.), но, находясь на этих должностях, постоянно разъезжал по Сибири (Красноярск, Иркутск, Братск, Балаганск, Якутск), участвуя в различных уголовных и политических расследованиях. В конечном счете даже иноческий чин не дал ему долго оставаться в стороне от сыскного дела. В сентябре 1720 г. указом митрополита схимонаха Феодосия его вытребовали в Тобольск и определили к «судным делам». Таким образом, Федор Родионович на склоне лет вернулся к делу всей своей жизни – сыскному. Только теперь он расследовал злоупотребления и преступления духовенства, активно пополняя сибирские монастыри, включая Кодинский, епитимщиками и колодниками[342].

По-видимому, схимонах Феодосий все-таки вернулся в свою духовную колыбель, окончательно уйдя на покой. Об этом косвенно, но красноречиво свидетельствуют дошедшие до наших дней документы Кодского Троицкого монастыря, среди которых находятся около трех десятков листов, датируемых началом XVIII в., красноярского, томского и якутского происхождения. Все эти бумаги ранее, без сомнения, входили в личный архив Ф. Р. Качанова. Дело в том, что в одном из документов – неоконченной челобитной на имя государя Петра I по поводу доноса красноярского жителя Мирона Башковского на некоего Игнатия Ендоурова о произнесении последним «непристойных слов к лицу блаженные памяти великого государя и великого князя Алексея Михайловича» – среди челобитчиков-следователей упоминается и Федор Качанов[343].

---

[339] Цит. по: Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 40–41.

[340] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 5. Л. 69; Д. 6. Л. 7–7 об., 38, 68–68 об., 91 об., 146; Д. 8. Л. 105; Д. 9. Л. 133–134, 291, 364, 371–374 об., 421; Д. 14. Л. 25 об.

[341] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 6. Л. 68 об.

[342] Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 166.

[343] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 2. Л. 165–166.

В 1760 г. в Кодское село прибыл из Берёзова «смоленский шляхтич Семен Халютин с человеком ево, Кононом Даниловым, и з женою ево, Капиталиною Федоровою, по ево прошению и желанию для житья в Троицкой Кодинской монастырь в монастырское услужение». Некоторое время Халютин проживал с домочадцами «в купленном своем доме за оградою, и пропитании, и одежде своей». И хотя тогдашний игумен монастыря Иакинф был не против принять их в служение, Сибирская губернская канцелярия, «рассудив по силе законов», отправила всех троих на прежнее место жительства в Берёзов[344]. Еще один выходец из дворянского сословия обретался в Кодском монастыре в начале XIX в. В 1802 г. сюда был направлен «лишенный чинов и дворянского звания бывший прапорщик» С. Варзулин «на праздное штатное монашеское место» послушника[345].

Прежде чем стать монахом, претендент должен был пройти послушание, или искус. Искусом назывался срок, в течение которого послушник исполнял в монастыре послушание – служение, определенное для него игуменом. В зависимости от качества исполнения служения и поведения претендента во время искуса принималось решение о его пострижении в монахи. Обычный срок послушания составлял три года, но для претендентов местных и известных как добрые христиане этот срок мог быть сокращен. Так, в 1744 г. «искус с последующим пострижением в монахи Кодинского монастыря А. С. Худякова, бывшего служителя тобольского купца П. Третьякова», был определен сроком в шесть месяцев:

> *…недостоит без искуса постригати в монахи или рясу на них со трисвятым, но со искусом. И искус де знаемых и местных да будет шестимесячня время, аще же странни суть и не знаеми в трех летех искус, да будет по божественным правилам искус же их с мирскими одеждами должен есть быть, а не со иноческими*[346].

На время искуса А. С. Худяков должен был быть отдан

> *…в сожитие и наблюдение честному и трезвенному иеромонаху или монаху, который бы мог по обычаю того монастыря содержать, и наставлять, и смотреть всякого приличествующаго к монашескому чину в пребывании его благочестия и воздержания; и по прошествии шести месяцев ежель окажется то, что пребудет в трезвости, благочинии и воздержании постоянно, тогда его преосвященству репортовать с иеромонахом, у которого будет в сожитии и наблюдании*[347].

Впрочем, то что претендент был местным, совсем не означало, что он с честью выдержит искус. В 1785 г. настоятель монастыря игумен Сергий доносил в консисторию, что «находящийся в Кодском селе при Троицкой церкви пономарь Иван Денисов прошением объявил, что по желанию своему обещался быть во искусе монашеском»[348]. Однако во время искуса И. Денисов вел себя неподобающим образом:

> *…Настоятелю не в чем не покоряется и во всяких случаях чинит противность, монашеского послушания никакого нести не хочет, всегда находится он за оградою в день и в ночи, и за то ево коли на цепь посажу, в том он противится и говорит: ты мне не командир.*

---

[344] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 124–125.

[345] Цысь О. П. Кондинский Свято-Троицкий монастырь Тобольской епархии в XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2017. С. 72.

[346] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 4. Л. 357.

[347] Там же. Л. 358.

[348] Там же. Д. 13. Л. 64–64 об.

> *Ныне он оказался в воровстве и блудности… Принес повинную в том, что прижил прилюбодеяне крестьянской девке Анне Бечевиной младенца*[349].

Естественно, что после этого о пострижении И. Денисова и речи быть не могло. Консистория предложила два варианта разрешения ситуации: либо И. Денисов «с наложением епитимии отослан будет в светскую команду», то есть исключен из духовного сословия, либо, «ежели пономарь Иван Денисов означенную девку Анну возьмет на себя в замужество, то оная вина ему оставится, и для пропитания сиротствующих оставшихся после отца ево, как он просит причетнического места, то где на праздное и определен будет причетником»[350]. Денисов предпочел меньшее из зол – «принял законное супружество» и был «выпущен из числа братства»[351]. Кроме обстоятельств, подобных вышеописанным, традиция и действовавшее законодательство предусматривали освобождение от обета монашества, если пострижение было совершено насильно. Видимо, зная об этом, в 1770 г. монах Кодского монастыря Дометий просил Тобольскую духовную консисторию его «яко сверх… воли постриженного… лишить монашества по желанию ево, для определения в военную службу отослать в Тобольскую губернскую канцелярию». Правда, вдогонку за первым доношением Дометий вскоре прислал второе, «в коем объявляет, что по слабости здоровья своего военных тягостей понести не может»[352]. Консистория поручила игумену Маркиану провести расследование, в ходе которого выяснилось, что «в военной службе быть он, Дометий, по слабости своего здоровья не желает, а желает до смерти своей пребыть в чыну монашеском», а

> *…о бытии в военной службе прошение послать отважился, и о том ныне весма сожалеет, к тому ж монастыря здешняго иеродиакон Мартирий в том ему, монаху Дометию, согласовал, и проситься в службу военную советовал, и прошение черневое, которое после им, Дометием, изрядно поправлял*[353].

Выяснилось также, что и сам иеродиакон Мартирий писал прошение по поводу снятия с него «монашеского и иеродиаконского чина и определения в воинскую службу». Правда, в отличие от Дометия, свое решение он мотивировал не фактом насильственного пострига, а молодостью лет на момент вступления в иноческий чин, а посему незрелостью своего выбора:

> *…1758 года декабря 12 дня принял я, всенижайший, монашеский чин волею и по моему прошению, имея тогда отроду лет 25, но лет моих младость понести иноческое бремя не способна; тако ж и житие мое законам и правилам ангелоподобно… Монашеского образа видится быть несогласно, и ко исполнению немощно и слабо.*

«Житие» иеродиакона Мартирия оказалось настолько немощно в исполнении «законов и правил ангелоподобных», что даже прошение об исключении из монашеского чина, как оказалось, он писал в пьяном виде: «ныне я о том раскаиваюсь, что оное доношение подьячему Неприпасову отдал пьяной, и в крайнее о том прихожу сожаление, и имею паки неприменное обещание и желание быть по-прежнему в дьяконском и монашеском чине»[354].

---

[349] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 13. Л. 120, 130–132 об., 149–149 об., 150.

[350] Там же. Д. 11. Л. 149–149 об.

[351] Там же.

[352] Там же. Л. 54а.

[353] Там же. Л. 56 об.

[354] Там же. Л. 66 об. –67.

Хотя оба возмутителя спокойствия покаялись, в консистории решено было Дометия «лишить монашества и отослать для пересылки в Тобольск ко определению в военную службу», «а иеродиакона Мартирия за то, что он такия советы давал монаху Дометию, кой монашеское житие разоряет, наказать вам, игумену, по разсмотрению своему»[355].

Не всегда могли похвастаться высокими нравственными качествами и руководители монастыря. Так, в июне 1750 г. митрополит Сильвестр был вынужден разразиться грозной филиппикой в адрес игумена Исаакия и казначея иеромонаха Илариона:

> *Подтверждается вам, игумену и казначею, сим нашим указом, чтоб житие иметь воздержное и поступать в должностях своих исправно. А от невоздержания пьянства (как слышно о вас) уняться под опасением за то: ежели от неисправнаго жития вашего не престанете и в таких же непотребных поступках пребывать будете, то бытности вашей по приходным и расходным книгам сочтены и от должностей своих отрешены; да сверх же того (по апробации оных) для исследования о всех ваших непорядочных поступках и о невоздержании, тако ж о не исправлениях должностей ваших взяты будете сюда, в Тобольск, на вашем коште под караулом неотменно*[356].

Однако угрозы возымели действие только на казначея; в результате управление монастырем фактически перешло в его руки. Казначею поручалось контролировать действия игумена и заодно устранить выявленные нарушения в поставлении братской трапезы:

> *Вина гарячаго на казенные деньги отнюдь не покупать… За трапезою же, кроме чией немощи, всем без изъятия по древнему чиноположению, во обителех везде сущих узаконенному, быть всегда и кушать во обществе, а не особно всякому по кельям как кушать, так и кушанье строить*[357].

В 1752 г. из консистории пришел указ о пресечении еще одного отклонения от норм монашеского образа жизни: «Известно здесь учинилось, что обретающияся во означенном Кодинском монастыре монашествующия и протчия духовнаго чина люди употребляют табак, что духовному чину весьма есть неприлично и блазненно»[358]. Наконец, в 1753 г. игумен Иакинф решил:

> *…Баню, что имеется над прудом под горою, оную перенесть и вновь зделать белою внутрь ограды, где прилично, чтоб монахи по заограде не волочились, каковаго уставу ни в каких сибирских монастырях не имеется, чтоб от обители бане быть в таком расстоянии и общей с мужиками. От чего происходит немалое нарекание на монашествующих*[359].

В конце XVIII в. надзор за деятельностью монастырей, включая нравственный облик монахов, был поставлен на институциональную основу. Для этого назначались специальные епархиальные благочинные. Ежегодно настоятель отсылал благочинному монастырей Тобольской епархии ведомости о монашествующих и послушниках, книгу расхода штатных сумм[360]. Добровольные пожертвования учитывались отдельно в сборных книгах. Так,

---

[355] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 11. Л. 88–89.

[356] Цит. по: Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 43.

[357] Там же. С. 46–47.

[358] Там же. С. 56.

[359] Там же. С. 66.

[360] Цысь О. П. Кодинский Свято-Троицкий монастырь. С. 20.

за 1818–1820 гг. в такой книге Кодского монастыря было учтено 140 руб. поступлений от «добролюбивых доброхотных деятелей»[361]. Благочинный подбирал кандидатуры архимандритов. Например, в апреле 1813 г. благочинный архимандрит тобольского второклассного Знаменского монастыря Филарет рекомендовал в настоятели Кодского монастыря казначея Знаменского монастыря иеромонаха Иоанникия, который, как он полагал, «по честному своему поведению и рачительному прохождению возложенной на него должности заслуживает быть настоятелем на праздной вакансии в Троицком Кондинском монастыре». Рекомендация благочинного была одобрена архиепископом, Иоанникий был благословлен в настоятели: «Привести к присяге и представить к производству в игумены в Кондинский монастырь». Указ о назначении содержал своеобразный наказ о первоочередных задачах настоятеля, как их видели из епархиальной консистории: принять «на законном основании» от братии все имущество по описи и денежные суммы по приходо-расходным книгам, «приступить к управлению братией и служителями на основании Духовного регламента и иных высочайших указов и прочих Св. правительствующего Синода предписаний». Согласно консисторским предписаниям, братия должна была встречать вновь назначенных настоятелей «с честным крестом и колокольным звоном». Приступая к служению, новый настоятель подписывал клятвенное обращение «в покорности службе». Братия, в свою очередь, отсылала в консисторию рапорт с обязательством «повиноваться без всякого упущения» настоятелю[362].

Однако на деле взаимоотношения игумена и братии иногда не складывались. Камнем преткновения, как это ни странно для монастыря, становились имущественные отношения. Настоятели не всегда могли устоять против соблазна перепутать братское имущество и средства с собственными. Так, в 1813 г. монахи Кодского монастыря жаловались епископу Амвросию на игумена Иоанникия I:

> *Во время промысла рыболовного было наловлено общей, настоятеля и братии, рыбы осетров, посаженных в сад, сорок один; в августе, около последних чисел, настоятель отец игумен Иоанникий, собрав служителей, их собственным неводом в саду всех вышеозначенных осетров заневодил. Выбрал что есть лутших икряных шестнадцать да из неводу четыре таковых же без согласия братии, словом сказать, ограбил братию. Оные осетры, не менее весу в них двадцать пудов, ценою составляли на восемьдесят рублев*[363].

Впрочем, если даже в руках настоятелей оказывались какие-либо накопления или имущество, после их смерти они поступали в пользу монастырской братии. Так произошло, например, после смерти настоятеля Константина в 1804 г. Имущество умерших рядовых монахов также поступало в общину. После смерти иеромонаха Иосифа в 1807 г. остались деревянное распятие, две иконы, четыре книги, поношенная одежда и «из заслуженного жалованья» 7 руб. 80 коп. Таким образом, имущественная дифференциация в монастыре не могла пустить глубокие корни, и монахам удавалось поддерживать взаимопонимание и нормальное течение дел в обители. Так, в январе 1819 г. в рапорте в консисторию сообщалось:

> *В Кондинском Троицком монастыре ризница и казна монастырская состоят в целости и сохранности в надежном месте, служба проходит ежедневно… церковь в чистоте и опрятности содержится… Трапеза у братии общая, и жертвенник читается всегда*[364].

---

[361] Цысь О. П. Кодинский Свято-Троицкий монастырь. С. 22.

[362] Там же. С. 31–32.

[363] Там же. С. 67.

[364] Там же. С. 74.

Что касается количества монастырских насельников, то оно, всегда относительно небольшое, с середины XVIII – начала XIX в. неуклонно снижалось, хотя и с некоторыми колебаниями. В 1757 г. монастырь населяли 17 монашествующих (игумен, шесть иеромонахов, иеродиакон, шесть монахов), двое из них проживали в Кодской Никольской заимке. В 1763 г. в монастыре числилось шесть монашествующих (шесть иеромонахов и шесть монахов). К 1764 г. в монастыре проживали 14 монашествующих, шесть бельцов и один подьячий[365]. Но и эта небольшая община после секуляризации, состоявшейся в том же году, стала сверхштатной, ибо Кодскому монастырю, отнесенному к третьему классу, по штату полагалось не более 12 чел. монашествующих.

По манифесту о секуляризации церковных и монастырских имуществ 1764 г. Кодскому монастырю был положен штат в 11 монахов: игумен, казначей, четыре иеромонаха, пономарь, просфорник, ключник, чашник и подьячий[366]. Столько монахов было учтено в монастыре только в 1765 г. Позднее число монашествующих неуклонно снижалось: в 1770 г. – 8 чел., в 1775 г. – 5 чел., в 1778 г. – 4 чел., в 1800 г. – 3 чел.[367] В 1820 г. в монастыре обреталось 6 чел.: настоятель, казначей, четыре «монаха служебных и прочих рясофорных». Таковыми считались пономарь и три послушника в возрасте от 12 до 17 лет[368].

Хозяйственная деятельность монастыря

Как отметил в свое время Н. Абрамов, православные монастыри в XVIII в. были «не только школами нравственного подвига и духовного спасения, но вместе и рассадником полезного трудолюбия и благоуспешного хозяйства»[369].

«Благоуспешное хозяйство» во многом обеспечивала заимка монастыря (ныне с. Кодское Шатровского р-на Курганской обл.) – своеобразный небольшой монастырь со своим храмом и несколькими монахами: «Троицкого Котцкого монастыря заимка стоит при протоке, которая вышла из Ысети реки и пала в Ысеть же в реку. Строение: кругом ограда забрана в столбы заплотом, в ограде церква деревянная во имя Живоначальной Троицы» (1719 г.)[370]. По переписи 1719 г. дворянина Дмитрия Рукина к Николаевской заимке относились три деревни: Кулчанская, Городище и Черная[371]. К 1759 г. заимка разрослась в с. Николаевское, к которому относились деревни Кулчанская, Зырянская, Городищенская, Макарьевская[372]. Площадь пахотной земли, обрабатываемой монастырскими крестьянами, увеличилась к середине XVIII в. до 800 десятин[373]. Собиравшийся на этой земле хлеб мололи на четырех

---

[365] Головин П. Указ. соч. С. 25; Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 182–184

[366] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 10. Л. 309–309 об.; Головин П. Указ. соч. С. 50.

[367] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 153 об.; Д. 8. Л. 172–172 об.; Д. 10. Л. 305, 309–309 об.; Д. 13. Л. 7 об. –8, 9 об., 88–89, 93, 95 об. –96, 100а, 129, 167.

[368] Цысь О. П. Кондинский Свято-Троицкий монастырь. С. 28.

[369] Абрамов Н. А. Кодинский Троицкий монастырь // Абрамов Н. А. Город Тюмень : Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 448.

[370] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации (сб. док.) / сост. С. В. Туров. Тюмень, 2003. С. 105.

[371] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–31.

[372] Головин П. Исторические очерки ныне существующих монастырей Тобольской епархии // Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск, 1891. С. 45.

[373] Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1983. С. 61.

мельницах, располагавшихся «одна по реке Камышловке, три на речке Мостовке»[374]. В хозяйстве Николаевской заимки содержалось немалое количество скота. К 1763 г. здесь имелось 124 лошади, 45 коров и 110 овец[375]. К 1762 г. в монастырской вотчине на Исети числилось 775 ревизских душ крестьян. Они не только обрабатывали монастырскую пашню и отдавали монастырю пятинный хлеб, а затем мололи его на монастырских мельницах, ухаживали за скотом, принадлежавшим заимке, но выполняли еще и огромное количество различных работ: заготовку сена и дров, хмеля, строительные работы, варку пива и т. п. Так, в 1759 г. строитель Николаевской заимки, отчитываясь перед игуменом Иакинфом о ходе строительства в заимке каменного храма, в частности, сообщал:

> *…Отправлено в пышминскую Кунарскую деревню для сечки дров на обжиг извески из монастырских работников четыре да из крестьян пять, всего девять человек, которым велено нарубить дров с потребное число… Оного ж марта по 30 число отправлен служитель Анисим Ухалов на Тагил. и с ним отправлено из крестьян восемь человек на извезные барки. А по нынешнее число к церковному строению песку навожено з доволь число, и творили растворены ныне апреля 1-го*[376].

В 1763 г. заимка выглядела следующим образом. Здесь стояла каменная церковь во имя Живоначальной Троицы с приделами во имя Святителя Николая Чудотворца и во имя Богоявления, заложенная в 1758 г. и освященная в 1761 г. В церковной ограде располагались каменные покои, состоявшие из четырех помещений. Рядом с покоями находились два погреба, баня «с особливым покоем», солодовня с сушилом и четыре амбара[377].

Имелось у Кодского монастыря и свое подворье в Тобольске. Устроенные на нем лавки монастырь сдавал в аренду, что приносило ему ежегодно около 200 руб. Вот как выглядело тобольское подворье монастыря в 1763 г.:

> *Подворье Кодинского монастыря, стоящее в городе Тобольске на нижнем посаде подле реки Иртышу, построено на земле [бухарской], а давно ль и по какому указу или грамоте, неизвестно, и на котором что чего состоит имянно, значит, под сим 1763 года…. Вкруг которого подворья забрано деревянным заплотом, а мерою только з дву сторон состоит, между которого забранного заплоту в одной широте имеются двои проезжие ворота… В котором забранном заплоте внутри имеетца деревянное все строение. Келии о дву апартаментах. Нижние жилые, внутри стены обиты бумажным синим обоем… Верхние холодные, внутри стены выбелены по холсту щекотурной работы… Стряпчая внизу… Верхние ж: жилая, холодная… Между оными келиями состоят сени… Сарай для клажи сена… Погреб… Поверх оных дву нижеписанных келей построена деревянная ж галдарея… Анбар*[378].

Уже в XVII в. сложилась своеобразная хозяйственная схема, действовавшая и в первой половине XVIII в. Суть ее сводилась к следующему. Летом на монастырских рыбных ловлях монастырскими крестьянами вылавливалась рыба. Эта рыба в сентябре на судах (их чаще всего изготовляли монастырские крестьяне) сплавлялась в Тобольск для продажи.

---

[374] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 98.

[375] Там же.

[376] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 84.

[377] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 3. Л. 97 об. –98.

[378] Цит. по: Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 179.

> *…Ныне мною вновь купленной дощеник для соления рыбы, как возможно иметь старание, чтоб наполнен был рыбою, сколько можно. Обзадачить ныне мужиков в рыбу, кому можно верить. А буде в монастыре на весь дощенник набрать ненадежно рыбы, то поставить станки по вашему усмотрению, где способнее. Сверх того приготовить ныне завременно невод, коим неводить на монастырском песку, чтоб не вся покупная рыба была; а неводить работниками, кои на барке приплывут, а им за то ис того промыслу часть хотя каждому положить на дощаник пудов по десятку, а не более; а буде не станут неводить, то пусть сами купят на свой кошт. А положить на дощаник столько же и солить своею солью,*

– писал в 1753 г. игумен Кодского монастыря Иакинф по поводу организации рыболовного промысла своему наместнику иеромонаху Авраамию[379]. Весной, по вскрытии Иртыша, суда, перезимовавшие в Тобольске, отправлялись в Кодскую Никольскую заимку на Исети и, нагрузившись здесь мукой, хлебом, солью и другими припасами, следовали обратно «на низ» Оби в Кодскую обитель. Из заимки барку с припасами отправлял строитель.

Не всегда к этой своей обязанности он подходил ответственно. Так, в 1759 г. настоятель архимандрит Иакинф в резкой форме отчитал строителя Николаевской заимки иеромонаха Евмения за небрежность, допущенную при отгрузке припасов для Кодского монастыря:

> *…Ныне присланным от вас репортом о хлебных припасах объявлено, что положено в барки безмерно неведомое число разного хлеба, каковой глупости всему свету надо дивиться, можно ль знать, и видеть вам порядочно, что хлеб выделяется, молотится и присылается числом, мерою и з записью, а вы по своеволию знатную сумму хлеба отпустили в главное место без всякого в сем ведома… Впредь хлеб всегда должно с ведомости присылать в линеях, что в приходе и в расходе, а не в строку писать*[380].

Бывало и так, что монастырская «флотилия» не справлялась с вывозом припасов на Север. В этом случае практиковалась закупка судов на стороне. Например, в 1757 г. настоятель Иакинф писал строителю Евмению:

> *В бытность же мою у вас проговаривали вы, что де есть барка у государственных крестьян в продажу. Ежель подлинно, то не лутче ль купить от крестьян, а что дадут – отпишите ко мне; то по усмотрению моему, может, некоторую часть прикажу ис казны им заплатить. Не худо, когда б две барки нынешним летом были, сходнее запровадить хлеб подале: меньше всякому глаза колет. А другое, что крестьянам в будущей год легче уже барки не строить и не платить*[381].

Еще одной статьей монастырских доходов была скупка у окрестных аборигенов пушнины и рыбы с последующей перепродажей. Ханты получали взамен ткани и изделия из металла – ножи, «стрелы» и тому подобное[382]. Однако хозяйственные связи монастыря с аборигенным населением этим не исчерпывались. Монахи регулярно ссужали новокрещенов хлебом. Особенно трудно переоценить значение этих взаимоотношений в голодные годы. Так, в 1758 г. к игумену Кодского монастыря Иакинфу обратились новокрещены с просьбой о хлебной ссуде по причине постигшей их «скудости»:

---

[379] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 6. Л. 136–137 об.

[380] Там же. Д. 8. Л. 357–358.

[381] Там же. Л. 137–138.

[382] Там же. Д. 10. Л. 250.

> *А прошлого 757 году в летнее время, грех ради наших, в улове рыбы (которую мы, за неимением здесь хлебородных припасов, суша, на пропитание припасаем и к зимнему времени) почти нисколько не было, от чего пришли мы, нижайшии, в самую крайную скудость и недостаток и претерпеваем несносной глад*[383].

Особенно аборигены в своем прошении упирали на то, что подобная практика существует издавна:

> *Понеже с прошлых давных лет дедам, отцам и протчим родственником нашим потому ж и нам, нижайшим, от означенной Свято-Троицкой обители завсегда, а особливо во гладное время, давано было под заклады в долг;* ***а скудным и Бога ради*** *(выделено нами. – Авт.) для пропитания от разных хлебных припасов, которым подаянием и вверением в долги мы, нижайшии, всекрайнейшей в пропитании и скудости в хлебных припасех не имели*[384].

Хлеб и на этот раз просителям был выдан[385].

В результате всей вышеописанной хозяйственной деятельности Кодская обитель считалась вполне процветающей и успешной. К тому же монастырь в силу своей удаленности был освобожден от архиерейского вмешательства в управление его хозяйством и распределение доходов, кроме обычных сборов. Прирастали его владения на Севере. Здесь в 1700 г. у остяка Петра Сандина были куплены рыболовные угодья за 10 руб., а в 1728 г. еще один рыболовный песок вновь за 10 руб. был приобретен у новокрещенных остяков Сидорова, Васильева и Тимофеева. Монастырь владел сенными покосами «за рекой Обью, на островах, на две тысячи волоковых копен»[386]. Продукция двух кузниц шла на монастырские нужды и на продажу. Здесь изготовляли различные металлические изделия, в том числе железную, медную и оловянную посуду – котлы и кастрюли с крышками, «внутре луженые», «кубы», «медники»[387]. В 1763 г. в монастырских амбарах нашлось «железных припасов весом 495 пуд 10 фунтов» – «железо полосное», «полосное щетом», «плющильное колесное», «обрешетельное плющильное», «кровельное аршинное», «черное листовое», «уклад». А еще были в немалом количестве медь, свинец и олово, «в посуду переделанное»[388]. На кузницах и на других монастырских «обзаведениях», кроме крестьян, трудились «дворцовые служители». Накануне секуляризации в 1763 г. в монастыре обретались 19 «служителей в разных послушаниях находящиеся», 11 из них были женаты и имели детей. Помимо денежных выплат, они находились на довольствии, включавшем продовольствие (мука, крупы, соль), одежду, обувь и даже квас: «А квасом… служители и з женами и з детьми довольствуются во обществе з братиею»[389]. Всего по II ревизии в 1744 г. при Кодском монастыре без Никольской заимки числилось «монастырских служек и бобылей… в подушном окладе положенных сто три души»[390].

---

[383] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 78–79.

[384] Там же. С. 78.

[385] Там же.

[386] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 9. Л. 373; Д. 8. Л. 56–56 об.

[387] Там же. Д. 6. Л. 144–145.

[388] Там же. Д. 3. Л. 101–102 об.

[389] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 145–146.

[390] Там же. С. 272.

Секуляризация нанесла непоправимый урон этому процветанию. Кодский монастырь потерял основную статью доходов – хлебные сборы и «прочие оклады» с монастырских крестьян. Лишилась обитель и земельных владений. Кроме того, в декабре 1765 г. предписывалось

> *…монастырский вотчинный хлеб и скот продать с публичного торгу и по продаже для известия в том коллегии (Коллегии экономии. – Авт.) рапортовать… и сколько за что взято будет денег, оныя отдавать в городовые канцелярии, а в коллегию рапортовать с приобщением, что чего будет продано и за какую цену… велеть тем канцеляриям показанное по реэстрам все не принадлежащее к жительству строение с публичных торгов продать охочим людям, ища при том казенному интерес и прибыли, дабы в том никакого упущения последовать не могло, а хлеб произвождение военнослужащим чинам из верховных мест, где сколько какого имеется, выслать в Тобольск, а что чего по какой цене продано будет, о том как в Коллегию экономии, так и в Сибирскую губернскую канцелярию репортовать… о вышеписанном в здешнем Троицком Кодинском монастыре публиковать указом с объявлением таковым: не пожелает ли кто кузницу, скот конной и коров купить, а буде кто пожелает, те б для цены договориться явились в здешнюю канцелярию немедленно, и в Троицком монастыре об оном благоволено было быть известно*[391].

После распродажи в монастырском хозяйстве осталось четыре лошади (было 12) и семь коров (было 25), еще оставили «кузницу с материалами и конюшенный двор с двумя жилыми избами»[392]. А от всего имущества Николаевской заимки у монастыря и вовсе осталось одно воспоминание в виде различной подержанной утвари, десятка потрепанных книг, двух ящиков и двух лукошек с «ветхими письменными делами». Все это «богатство» доставил в монастырь в 1765 г. иеромонах Виктор Калиновский[393] (рис. 3.20).

Тобольское подворье оставили за монастырем: «По силе состоявшихся о имениях церковных штатов, имеющейся в Тоболску на нижнем посаде в Захарьевском приходе, монастырский дом оставлен при монастыре властям во владение». С 1765 по 1770 г. «бывшим тогда преосвященным митрополитом Павлом к немалой монастыря здешнего обиде отдан оной дом для квартирования». В 1770 г. тобольский губернатор Д. И. Чичерин, по-видимому, с подачи монастырских старцев предлагал «имеющийся ныне дом постой свести, и монастырский дом пожаловать по-прежнему… и отдать в монастырь»[394].

В результате секуляризации потеряли не только монахи, была подорвана вся система снабжения хлебом Кодского края. В 1771 г. от настоятеля Кодского монастыря игумена Маркиана поступило в Тобольскую губернскую канцелярию прошение об организации казенной торговли хлебом на Севере в связи с тем, что как «для монашествующих со служители и трудники, так и для новокрещеных ясашных остяков… за неимением в здешних местах хлебопашества… бывает в хлебе недостаток, и остяки испытывают голод или вынуждены своего имения лишиться»[395]. Губернские власти вняли просьбе кодинских монахов и в 1772 г. организовали снабжение хлебом и солью Кодского края. Целовальником «к хлебной и соляной продаже» был выбран тобольский посадский Степан Нечаевский. После этого едва теплившаяся хлебная торговля монастыря, зиждившаяся на перепродаже, рухнула

---

[391] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 10. Л. 358–358 об.

[392] Там же. Д. 8. Л. 367 об.; Д. 10. Л. 356–356 об., 357–357 об.; Д. 3. Л. 106 об.

[393] Там же. Д.10. Л. 345–346.

[394] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

[395] Там же. Д. 11. Л. 118.

Рис. 3.20. М. С. Знаменский. Кондинский монастырь. Репродукция из кн.: От Тобольска до Обдорска: альбом (Тобольск, 1862). С. 25

окончательно, ибо С. Нечаевский «продажу хлебную за себя перевел… в чем их, новокрещеных, и подписками обязал, чтоб от монастыря хлеба не покупать, а довольствоваться только от него одного». Таким образом, кодские монахи потеряли последний заработок. Кроме того, была разрушена складывавшаяся более века традиция, в соответствии с которой к двунадесятым праздникам новокрещены со всей округи съезжались в Кодский монастырь на трапезу, а значит, у монахов появлялась возможность лишний раз укрепить их в православной вере. Вместо общей трапезы и общественного молебна С. Нечаевский предложил аборигенам пиво. Используя уже привычное для них ритуальное время, Нечаевский, как доносили кодские старцы,

> *…[в] праздничныя дни наваривает пив, тем новокрещеным остякам продает, которые тогда упрожняются только в пьянстве, а церкви святой вовсе лишаются… и за тем они от церкви святой стали отбегать и выговаривают, что де нам приезжать к праздникам, трапеза моностырская для прокормления нам не поставляется*[396].

После секуляризации монахи стали получать содержание из казны в соответствии со штатом, предусмотренным для обителей третьего класса: жалование братии – 459 руб., на штатных служителей – 56 руб. С 1766 г. монастырь стал получать в дополнение к штатному содержанию прибавку в размере 25 руб. 53 коп. Это «добавочное» жалование монастырю выделили «во внимание к его особенному положению среди инородцев на далеком севере»[397]. Однако выделяемых денег все равно не хватало даже на самые необходимые нужды: «по нынешним состоящым в Ырбите и Тобольску дорогим ценам воску, ладану, вина церков-

[396] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 11. Л. 150.

[397] Сборник действующих и руководственных церковных и церковногражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. Барсов. СПб., 1885. Т. 1. С. 20.

наго купить нечем», – сообщали в Тобольскую губернскую канцелярию кодинские монахи в начале 1770-х гг.[398] С большим трудом монастырь после секуляризации выполнял обязательства перед своими служителями. Так, согласно договору, заключенному игуменом Константином (1809–1812 гг.), жалованье штатным служителям выдавалось ржаной мукой по 4 пуда в месяц на одного человека (из расчета 60–80 коп. за пуд). На деле в первой половине 1814 г. было отпущено по три пуда муки, а во второй половине 1814 г. и первой половине 1815 г. – по два с половиной пуда. В результате служители вынуждены были оставлять монастырские работы и искать пропитание для себя и своих семей на стороне: «самовольно отлучились без данных им видов далее верст на сто, дней на десять и сверх оных»[399].

Принимая в расчет все вышеуказанные обстоятельства и уважив отдаленность обители, а также ее особую роль в деле насаждения и поддержания православной веры среди аборигенов Севера в 1766–1798 гг., власти вернули монастырю часть его вотчин. Так, в 1766 г. монахам возвратили рыболовные угодья – неводной песок, располагавшийся ниже по течению Оби от монастыря в 15 верстах, а также неводной песок на нижнем устье протоки Муготлор напротив монастыря между двумя островами – «оные были для промыслу ко удовольствию монахов отданы»[400]. В 1797 г. императорским указом монастырям разрешалось иметь земельные угодья в размере до 30 десятин, а также владеть «сходственно с положением в штатах рыбными ловлями, хотя бы те ловли и далее 15 верст от дому или монастыря находились»[401]. На основании этого указа в том же году Кодскому монастырю вернули так называемый «Казенный» остров на Оби, а в 1798 г. еще один – «Малый». На островах имелись неводные пески[402].

Частично были возвращены и земельные владения. В октябре 1800 г. уездный землемер Д. Чукмагин произвел межевание монастырских земель, результатом чего явился «Геометрический специальный план Берёзовского уезда Кондинского монастыря». На план было нанесено 1479 десятин 1730 кв. саженей земли, из которых «удобной земли» было только 783 десятин 1404 кв. саженей. Из «удобной земли» хозяйственное значение для монастыря имели только пастбищные и сенокосные угодья, а также рыболовные пески, на которых силами сезонных работников из числа кодинских крестьян велся промысел для «пропитания и обмена на муку». В 1815 г., например, настоятель монастыря сообщал епископу Амвросию: «В рыбную ловлю на монастырском песку едва успел получить и принять на провизию себе и братии и на песке находящимся работникам, и [на] прокормление коней муки 250 пудов». В связи с резко ухудшившимся экономическим положением монахам постоянно приходилось изыскивать дополнительные источники доходов. Так, монастырь сдавал в аренду казне под размещение хлебозапасного магазина три амбара. Арендная плата за них в начале XIX в. составляла 30 руб. в год[403].

Дополнительным препятствием для экономического процветания обители стала физическая немощь монашествующих. В соответствии с третьеклассным штатом братия была малочисленной, да и та состояла из людей престарелых и к физическому труду малоспособных, сократилось и количество монастырских служителей. В связи с этим монастырь

---

[398] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 11. Л. 150.

[399] Цысь О. П. Хозяйственная деятельность Кондинского Свято-Троицкого монастыря Тобольской епархии в конце XVIII – начале XX вв. // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2017. № 4 (49). С. 65.

[400] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 13. Л. 194.

[401] ПСЗ-1. Т. 24. № 18273.

[402] Головин П. Указ. соч. С. 46.

[403] Цысь О. П. Хозяйственная деятельность Кондинского Свято-Троицкого монастыря. С. 66–67.

отказывался даже от того немногого, что предполагало сохранить за ним государство: «состоящую при оном монастыре мельницу… братия взять не пожелали». Отговаривались монахи тем, что «казенного монастырского немолотого хлеба имеется небольшое число, а постороннего хлеба для молотья на мельницу не бывает, и содержать ту мельницу нечем, ибо как мельница, так и плотина у ней ветхое»[404]. По этой же причине угодья свои монастырские старцы сдавали в аренду по цене весьма незначительной. Так, в 1766 г. один из монастырских рыболовных песков сдавался в аренду по цене 25–40 руб. «проезжающим на дощениках рыбным промышленникам»[405].

Доходило до того, что монастырским игуменам с тем, чтобы поддерживать жизнедеятельность обители, иногда приходилось ставить на хозрасчетную основу свои услуги как посредников между кондинскими прихожанами и Творцом. Более других преуспел на этом поприще настоятель Ювеналий (1790–1804 гг.). Он в 1800 г. обязывал жителей с. Кондинского отапливать своими силами и за свой счет монастырскую церковь. Для тех же, кто воспротивился, двери храма закрылись:

> …*Ни для никакой нужной надобности для совершения таинств и исправления треб священник отнюдь не дается, да и в церковь таковые впускаемы не будут, ибо церковь не для таковых преслушников, а для братии и истинных христиан и усердных вкладчиков состоит*[406].

Кодский монастырь как место «исправления» священников и паствы

В XVIII в. отдаленный Кодский монастырь оставался местом ссылки и заключения. Чаще всего принудительно здесь содержались епитимщики. Епитимья – церковное наказание, налагаемое на мирян и духовенство за совершение греховных поступков. В XVIII в. она могла быть сопряжена с принудительным помещением в монастырь. В 1726 г. в Кодский монастырь был прислан схимонах Степан, «за преступления его подлежало содержать в монастырских трудах»[407]. В 1728 г. прислали на епитимью «в монастырское послушание иеромонаха Герасима за подделку пашпорта»[408]. В 1729 г. на епитимью прибыл протопоп Федор Лаврентьев[409]. В том же году в монастырское послушание был определен запрещенный в служении поп Матфей Иванов[410]. В 1730 г. в монастырские труды прислали монаха Аверкия[411]. В том же году в удаленную приобскую обитель «в труды» угодили еще два монаха, Иларион и Никон[412]. В 1752 г. был «прислан чернец Иона, которого велено содержать никуды из монастыря неисходно, наблюдать над ним накрепко того, что он никак утечки учинить не мог, а ходил бы в церковь на славословие Божие неленостно, исповедовался и святых тайн приобщался во вся четыре поста неотменно»[413].

---

[404] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 10. Л. 366.

[405] Там же. Д. 13. Л. 194 – 194 об.

[406] Головин П. Указ. соч. С. 22.

[407] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.

[408] Там же. Л. 16.

[409] Там же. Л. 16 об.

[410] Там же.

[411] Там же.

[412] Там же. Л. 17.

[413] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII века. С. 192.

В 1764 г. на епитимью в Кодский монастырь был направлен градоберёзовской соборной Одигитриевской церкви пономарь Василий Бешкильцев за то, что

> *…для воровства… денег в церковь ходил нощным временем из дому отца его, Бешкильцева, пономаря Воскресенской церкви Ивана Бешкильцева, тайным образом, ключем церковным, который отец его держал в доме своем при себе; а он, Василий, тем ключем отворял церковь, и ходил в разное время, и выкрал денег три рубля семьдесят копеек*[414].

Но уже находясь в монастыре, Бешкильцев совершил новую кражу. С подельником, местным иеродиаконом Виктором, они обокрали монаха Иова, за что были наказаны шелепами в казенной келье[415]. По-видимому, клептомания у незадачливого берёзовского пономаря являлась лишь частным проявлением куда более глубокой страсти. Василий Бешкильцев побывал в Кодском монастыре на епитимье еще дважды, и оба раза «за частовременное и продолжительное пьянство послан для приведения его в трезвость и для употребления его во всегдашнее служение без очереди дотоле, пока пред благочинным не смирится и не обяжется не пьянствовать более»[416].

В 1807 г. был отправлен в Кодский монастырь «в чорные труды на полгода» малоатлымский священник Федор Денисов, ранее запрещенный в священнослужении «за самовольное преступление к священнодействию»[417]. В начале 1810-х гг. под епитимью угодил запрещенный вдовый священник Ф. Пузырев. Ранее он содержался в Тюменском Троицком монастыре, куда был переведен из Алексеевской церкви Белозерской слободы Курганского уезда за пьянство[418].

Случалось, епитимья назначалась монахам самого Кодского монастыря. Так, в 1752 г.

> *…велено иеромонаха Иова Кокоулина за ложное ево затейство, о чем значит в деле, наказать в консистории шелепами и послать за скудость в Кодинском монастыре монашествующих в той же монастырь по-прежнему… И приказано ему, Кокоулину, отправлять годишное время седмицу в священнослужении, а другую неделю отправлять черную работу*[419].

Духовенство и мирян смиряли одинаково трудом и молитвой. А еще в 1730 г. за какие-то провинности были присланы «на покояние и в труды» двое крестьян, Самохвалов и Самокруткин[420]. В этом же 1730 г. в монастырь не по своей воле угодили новокрещенные калмыки Федоров и Петров[421]. Двух жителей Низямских юрт, М. И. и Д. Е. Алачевых, отведавших в Филипповский пост 1764 г. вареного бобрового мяса и имевших неосторожность простосердечно признаться в этом своему духовнику, в 1765 г. смиряли в Кодинском монастыре,

> *…а именно – ходить им, Алачевым, в церковь святую через сутки и бить среди церкви земные поклоны, а именно – за вечернею по пятидесяти, на полунощнице и утрени по сту,*

---

[414] К. Б. Г. Епитимщики и колодники Кондинского монастыря прошлого и начала нынешнего столетия // Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск, 1890. С. 262.

[415] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 10. Л. 261 об.

[416] К. Б. Г. Указ. соч. С. 263.

[417] Семенов О. В., Мосин А. Г. Преображенская церковь и религиозная жизнь. С. 79–80.

[418] Цысь О. П. Кондинский монастырь. С. 73.

[419] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 198–199.

[420] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

[421] Там же. Л. 17 об.

Рис. 3.21. Как знаменатися десною рукою. Из сборника «О старой и новой церкви» (выписки из разных книг в пользу старообрядцев). ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 9739

за часами по пятидесяти же; а когда начнется святая литургия, поставить их, Алачевых, среди церкви на колени с возженными свечами и стоять им до отпуску литургии[422].

Впрочем, поедание бобрового мяса было не самым тяжким проступком, за который миряне могли угодить в монастырь на епитимью. В 1808 г. был отдан под надзор «опытного иеромонаха» остяцкий мальчик с. Лумпокольского С. Чельчиков, который в голодное время питался плотью убитой его братьями матери. В 1826 г. крестьянский мальчик И. Изосимов был послан в семилетнюю епитимью за укрывательство брата, убившего их отца[423] (рис. 3.21). Еще одной категорией епитимщиков являлись старообрядцы. В 1752 г. в Кодский монастырь были помещены «обратившиеся от расколов монах Тит да белец Семен Павлов сын Дурындин, которых велено содержать в братстве и определить в послушание, к какому явятся способны»[424]. В 1753 г. в Троицкий монастырь прибыл «обратившийся к церкви святой от раскольнического заблуждения чернец Павел». Монастырским старцам указывалось:

> *Чтоб он содержался в вере православной постоянно, и исповедывался у священников православных, и святых христовых тайн приобщался повсегодно, и во святую церковь завсегда ходил неленостно и неотложно, крестился троеперстно, и во всем церковном предании пребывал до кончины жизни своея твердо и непревратно; с раскольники никакова знания, согласия и обязательства не имел и учения их прелестного не слушал; и сам никого расколу отнюдь не учил и раскольнической прелести не разсевал… И не скрали бы его раскольники, чего для никуда ево, черница, из монастыря не отпускать*[425].

В 1755 г. с двумя старообрядческими монахами Титом и Ионой, присланными в монастырь, духовная консистория рекомендовала обходиться следующим образом: «сняв с них клобуки и обрив на головах и бородах волосы, употреблять в каменную и другую черную работу; а к хождению во святую церковь к вечерни, утрени и к литургии понуждать с шелепом»[426].

---

[422] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 10. Л. 239–239 об.

[423] К. Б. Г. Епитимщики и колодники. С. 263–264.

[424] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 196.

[425] Там же. С. 199–200.

[426] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

«Шелепы», суровый монастырский быт, «монастырские труды», обязательное присутствие на всех богослужениях и дополнительные коленопреклоненные молитвы смиряли многих, но не всех. Так, игумен Илларион в 1752 г. доносил в Тобольскую духовную консисторию:

> *…присланный де при указе в тот монастырь в послушание и в труды монах Варлаам живет непорядочно, чего монашескому чину чинить не подлежит; часто упивается, волочится за ограду, на заимку и на дворец; и без ево игумнова благословения младенцев от купели святой возпринимает, и кум своих часто посещает, о чем он, игумен, ево, Варлама, многократно словесно наказывал, чтоб он, Варлам, жил порядочно и за ограду безвременно по мирским домам не волочился. Но, он, Варлам, в том явился ослушен*[427] *(рис. 3.22).*

Присланный «в смирение и в труды» в 1754 г. иеромонах тобольского Знаменского монастыря Спиридон тоже отказывался подчиниться власти игумена и вел себя дерзко: «иеромонах Спиридон… явился ослушен и в хлебню на показанное ему послушание, упрямствуя, и самовольством своим не идет». На этот раз из консистории пришел указ о смирении строптивца цепями. «Спиридон за показанное ево ослушание закован в кандалы и определен в хлебню в труды», – доносил в ноябре 1755 г. игумен Илларион[428].

Рис. 3.22. О Святом трисоставном кресте. Из сборника «О старой и новой церкви» (выписки из разных книг в пользу старообрядцев). ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 9739

Колодники были не такими частыми «гостями» монастыря, как епитимщики, но на протяжении XVIII – начала XIX в. монастырский застенок не пустовал. Самый замечательный из монастырских «сидельцев» этого времени – Иван Ильинский, «белец и злый раскольничий лжеучитель и противник», присланный из Екатеринбурга при промемории от канцелярии Главного управления Сибирских и Казанских заводов. Ильинский являлся одной из многочисленных жертв кампании гонений на старообрядцев, инициированной митрополитом Сильвестром (Гловацким). Для наблюдения за Ильинским назначили иеромонаха Иллариона и двух служителей. Выбор оказался явно неудачен: хотя Илларион был на ту пору казначеем, но поведения был «недоброго», и в конце концов в 1756 г. за «безмерное пьянство и продерзости» его сместили с должности. Ильинский же пробыл в монастыре три года и в 1754 г. был перемещен в Самаровский ям, так как мо-

[427] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

[428] Там же. Д. 8. Л. 25, 41 об.

настырские старцы так и не нашли ему достойного наставника, и железных кандалов, в которых требовал содержать колодника митрополит, в монастыре тоже не оказалось[429].

Кроме убежденных «идейных борцов», в монастырскую тюрьму попадали тривиальные преступники из числа духовенства. Таким был, например, бывший абалакский протопоп Авдей Михайлов. Он был прислан в ножных кандалах, как значилось в приговоре:

> *…За блудодеяние, за два в Ишимский дистрикт побега, за ложное в показаниях раскольнических учителей доношение, за кощунство и за произнесение им невежливых и от себя вымышленных некоторых порицательных, во блаженном успении о преставящихся бывших на сибирской митрополии преосвященных и других честных особах слова; при том же за пьянство и за некоторые его угрозительные слова, особенно за то, что, будучи в запрещении, в побеге своем дерзал отправлять без благословения ево преосвященства утреню, часы, молебны и за прочие продерзости*[430].

В 1742 г. в «неисходные монастырские труды… по убийственному делу» был прислан расп оп Дмитрий Чуклимов. Содержать попа-убийцу рекомендовалось «скована… в ножных железах»[431]. В 1756 г. «присланный сюда (в Кодский монастырь. – *Авт.*) колодник ростригa… за объявленныя во оном непрелично чинимыя им, Рыбниным, священному чину поступки и продерзости, а наипаче за блудное прелюбодейство з духовными дочерми» отказался от какого-либо послушания «и произносил такие речи, что де якобы мне в тех ни в каких трудех быть не подлежит, и якобы послан он сюда безвинно… и в том имеет де он подозрение на его высокопреподобие тобольского Знаменского монастыря на архимандрита на всечестнаго отца Порфирия»[432]. Однако измышления Рыбнина вышли ему боком в прямом смысле слова, за них он был бит шелепами и употреблен в «монастырских тяжких трудах неисходно скована»[433].

Иной раз в монастырских стенах удерживались лица заметные и в своем роде замечательные. Так, с 1760 по 1763 г. в Кодском монастыре находился епископ Анатолий (Мелатинский), сосланный «на неисходное житье простым монахом за восприятие на Востоке епископской степени с нарушением св. правил»[434]. В августе 1765 г. сюда доставили некоего «секретного арестанта»[435]. В 1776 г. в Кодский монастырь был препровожден Иван Глоба, последний из войсковых писарей Запорожской Сечи. Глобу, а также бывшего кошевого атамана Запорожской Сечи Петра Кольнышевского и судью Павла Головатого осудили за некие «противозаконные поступки». В монастыре И. Глобу сначала содержали строго, запретили ему переписку и общение с посторонними. Однако время шло, и режим содержания, по-видимому, смягчился. Во всяком случае, известно, что Глоба оставил в Кодском селе наследников. Еще в конце XIX в. здесь проживали Дормидонт и Матвей Глобовы[436].

---

[429] К. Б. Г. Указ. соч. С. 265.

[430] Там же. С. 264.

[431] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–111 об.

[432] Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь. С. 210–211.

[433] Там же. С. 211.

[434] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (1753 – 28 июня 1762 гг.) : в 10 т. СПб., 1912 г. Т. 4. С. 419–423.

[435] ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 10. Л. 318–319.

[436] К. Б. Г. Указ. соч. С. 268.

О следующем персонаже так и хочется говорить в щедринской интонации: «И вот явился Мелес!» Феофилакт (Федор) Мелес, малоросс, в 1749 г. принял монашеский чин и вскоре был принят в Московскую духовную академию, а еще через год он уже был иеромонахом и служил за границей в Голштинии, в г. Киле, в местном православном соборе. Столь стремительная карьера и инославное окружение не пошли Мелесу на пользу. Прослужив три года, он решил, что воздал Господу достаточно, и самовольно сложил с себя монашеский чин, представив на то «резоны» в Коллегию иностранных дел. Случай был из ряда вон. Мелеса расстригли (так Феофилакт вновь превратился в Федора) и отправили в 1752 г. в Успенский Далматовский монастырь «для неисходного и крепчайшего в монастырских черных работах содержания». Но и здесь он показал характер. От трудов он отказался наотрез, а «на словах стал устрашать показанием важных случаев». Неспокойного колодника решено было перевести в самый отдаленный монастырь епархии – Кодский. Однако по какой-то причине Мелес надолго задержался в Тобольске, докучая духовному начальству различными «ослушаниями» и «непорядками», а также покушениями на побег. Только в 1768 г. Мелес наконец прибыл в Кодский монастырь.

На первых порах он вел себя достаточно тихо. Но беспокойная натура взяла свое. Мелес отказывался от наложенного на него послушания и начал регулярно угрожать поджогом монастыря. Одного из монахов он чуть не зарезал, когда тот посоветовал ему «дух гордости истреблять постом и молитвой». Когда за все эти «непорядки» Мелеса посадили в чулан хлебни, он его едва не разгромил, вышибив «одну заборную доску и окно». Но и по выходе из чулана этот вандал продолжал крушить монастырь, ломая даже железные решетки, постоянно угрожая поджечь обитель и перерезать братию. В июле 1769 г. игумен писал в духовную консисторию: «описать не могу, сколько зла творит сосуд диавольский Мелес. Помилуйте! Обороните уже не меня, обитель святую от толикия злобы злодея! Всегдашния печали сокрушили меня; да и содержать его нечем». Только в 1770 г. Мелес был отправлен в Тобольск на благорассмотрение архиепископа Варлаама. Так он оказался в тюменском Свято-Троицком монастыре. Надо полагать, тюменские монахи также натерпелись от Мелеса различных «непорядков». Наконец в 1773 г. Святейший синод, вняв очередному представлению тобольских духовных властей, определил Мелеса «яко к бытию в монашестве не желающего» передать в распоряжение Сибирской губернской канцелярии. Дальнейшая судьба беспокойного узника Кодской обители неизвестна. Возможно, впрочем, что именно наш герой фигурирует впоследствии в Европейской части России в качестве старообрядческого епископа – с него сталось бы[437].

Монастырь тяготился содержанием епитимщиков и колодников, особенно после секуляризации. Только с 1771 г. стали выделяться средства на содержание колодников по 2 коп. в день на каждого. Охраняли сидельцев отставные солдаты, присланные сюда «на пропитание».

Но не всегда в стенах монастыря торжествовал закон, бывало и наоборот. В 1745 г. Кодскую обитель захватили «беглые колодники». 50 чел. «воров и разбойников» следовали под охраной на дощанике по Оби в Восточную Сибирь на каторгу. Однако охрана под руководством капитана П. Кружкова и поручика П. Белянина зазевалась, и колодники захватили судно, поколотили и связали конвой, завладели оружием. Разбойничья вольница начала «гулять» по Оби. Спускаясь вниз по реке, они грабили прибрежные селения. Попавшееся на пути торговое судно тоже ограбили, убили при этом одного из работников и ранили тюменского купца Петра Зубарева. А под Сургутом на разбойников напоролся сам сургутский воево-

[437] К. Б. Г. Указ. соч. С. 266–268; Сергеев В. О колоднике-расстриге Феофилакте Мелесе // ТГВ. 1885. № 19.

да Еропкин, ему тоже крепко досталось. Сначала «удалые молодцы» хотели его убить, но за незадачливого администратора, так не вовремя выехавшего на рыбалку, заступилась единственная среди разбойников женщина Дарья Хардина, которая не была «колодницей», а со своим мужем-арестантом Степаном Хардиным «ехала волею… в мужском платье». Тогда воеводу только избили, «едва склонились, чтобы его, воеводу, оставить жива».

Разбойники бросили воеводу и его людей на пустынном острове посреди Оби, предварительно ограбив, и пустились далее вниз по реке[438]. Миновав Самаровский ям, они вскоре захватили Кодский монастырь и разграбили его. А далее, как повествовало местное предание, записанное священником И. Кузнецовым в 80-е гг. XIX в., один из жителей края буквально повторил подвиг Ивана Сусанина. Дело в том, что разбойникам был необходим проводник, чтобы пройти по р. Сосьве и Ляпину и далее через Урал в Европейскую часть России – в Архангельскую губернию. Этот древний путь был хорошо известен коми-зырянам. Об одном таком сведущем зырянине беглые каторжники узнали от жителей Малоатлымского погоста:

> *…Зырянин Михаил, хотя и взят был из монастыря разбойниками проводником, но он послужил им более во вред, чем на пользу, потому что разбойники не знали остятского наречия, между тем их провожатый обладал этим наречием и, следовательно, мог передавать встречавшимся остякам на их родном языке о том, что он провожает людей недобрых, разбойников, и объяснял им их злодеяния. Остяки, узнав подробно от зырянина о злодеянии разбойников, внушали ему вести их через урманные огороды, где насторожены были ружья и луки со стрелами на медведей и лосей. Зырянин действительно повел разбойников той местностью, где были остятские ловушки на зверей, и последствием этого было то, что часть разбойников погибла в этих остятских ловушках. Оставшиеся же в живых не известно куда скрылись, но не возвращался обратно и сам Михаил*[439].

В 1768 г. еще одна шайка беглых разбойников подступила к монастырским стенам, но на этот раз злодеи получили отпор. Монахи, монастырские крестьяне и служители под командой находившегося тогда в монастыре сержанта Ковалева отбили нападение. После этой осады тогдашний игумен монастыря Маркиан доносил в Тобольскую губернскую канцелярию:

> *По пустому здешнему месту потребно снабдить монастырь ружьями да фузеями с принадлежащими к тому амуницияими: свинцом, порохом, також и бердышов до 10, и всему тому быть бы под особливым хранением и присмотром в монастыре.*

Губернские власти согласились с игуменом. С той поры и надолго монастырь фактически стал крепостью. Его стены защищали пушки и фузеи, а игумен в случае опасности, исходившей от лихих людей, превращался в коменданта, имевшего в своем подчинении гарнизон, состоявший, как правило, из нескольких отставных нижних чинов и сержантов, присланных в монастырь «на кормление»[440].

---

[438] Кузнецов Е. Тревога в Сургуте в 1745 г.: Из уцелевших от пожаров бумаг Тобольской полицейской конторы // Кузнецов Е. В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 113–141; ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Оп. 1. Д. 5. Л. 79–80 об.

[439] Головин П. Указ. соч. С. 71.

[440] Там же. С. 69.

Глава 4

Белое духовенство Югры

Состав и обеспечение священно-церковнослужителей

В XVIII в. в связи с открытием приходов в инородческих волостях значительно увеличилось число вакансий священников и причетников. Этой новой социальной нишей не преминули воспользоваться местные казачьи и разночинские семейные кланы. Они из своей среды выдвигали священников, дьяконов и причетников. Духовная консистория этому процессу препятствий не чинила, поскольку найти претендентов-добровольцев на столь удаленные приходы, включая городские, было сложно. Так, в 1760 г. священник и «лучшие прихожане» берёзовской Одигитриевской церкви

> *...приговорили берёзовского разночинца Матвея Кокоулина, чтоб быть ему при оной... церкви... вторым дьячком... понеже он, Кокоулин, человек жития доброго и не подозрительного состояния, не пьяница, в домостроении своем не ленивый, не сварливый, не убийца, не прилюбодей, в воровстве и обманстве не уличенный.*

Прихожане обязались платить за него подушные деньги и «довольствовать его жалованием за свой счет». В 1751 г. начал духовную карьеру в качестве дьячка берёзовский разночинец Андрей Москвитин «по обязательству за него в платеже подушных денег отца и его дяди». В 1755 г. по прошению прихожан Спасской берёзовской церкви он был переведен в дьяконы. Причем просители обязались платить за него подушную подать. В 1761 г. А. Москвитин был рукоположен в священники по выбору прихожан берёзовской Богородице-Рождественской церкви[441]. Таким образом на Севере складывались священнослужительские династии Вергуновых, Тверитиных, Карповых, Поповых, Бешкильцевых и др. Епархиальное начальство поощряло духовные династии, справедливо полагая, что местные кадры адаптированы к суровым условиям края, кроме того, представители духовенства из местных, как правило, знали языки аборигенных народов.

Самым ярким примером подобной епархиальной политики может служить клан Кайдаловых, вышедших из среды сургутских служилых людей. В XVIII в. сургутские Кайдаловы принадлежали к казачьим семействам «первой статьи», своеобразной сургутской «аристократии»[442]. Так, в 1765 г. сургутскую казачью команду возглавлял пятидесятник Илья Кайдалов,

---

[441] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 127.

[442] Там же. С. 86.

еще один Кайдалов в этом же году служил капралом[443]. Благодаря тексту прошения, поданного в 1761 г. священником Иваном Кайдаловым на имя епископа Варлаама, до нас дошли самые ранние сведения о клане священнослужителей Кайдаловых:

> *…Дед мой покойный, бывший сургутский заказчик священник Алексей Данилов сын Кайдалов, по указу Петра Великого… просветил святым крещением северной страны идолопоклонническихъ народов сот до седми человек, почему* ***в награждение для утверждения православия велено ему стараться детей своих удостаивать в чин священнический*** *(выделено нами. – Авт.)*[444].

Алексей Данилович Кайдалов был записан в «Разрядной книге служилым людям города Сургута» за 1689 г. Здесь среди рядовых казаков числится Данилко Кайдалов 35 лет от роду:

> *В службу верстан в Сургуте при стольнике и воеводе при Дмитрии Лихареве. И служит девять лет. Соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми.* ***А у него сын Алешка трех лет*** *(выделено нами. – Авт.)*[445].

Алексей Кайдалов, будущий миссионер, сподвижник «апостола Сибири» Филофея Лещинского, сначала стал «по выбору прихожан» церковным дьячком и довольно быстро вырос до должности духовного заказчика[446]. Духовные власти выделяли его потомков среди духовенства Сургутского уезда. Династия священнослужителей Кайдаловых фактически культивировалась. Стоит ли удивляться, что одна из ветвей рода Кайдаловых в XVIII в., в сущности, монополизировала священнослужительские должности в Сургуте и Сургутском уезде. Так, в 1752 г. в Верхнелумпокольской церкви служили священник Гаврил Кайдалов и дьячок Николай Кайдалов[447]. В 1751 г. среди сургутских священников упоминается сын Алексея Кайдалова Яков[448]. 2 июля 1751 г. он еще назван священником, а 31 июля того же года указ митрополита Сильвестра о строительстве церкви на р. Кычет адресован сургутскому заказчику протопопу Якову Кайдалову[449]. В начале 1750-х гг. благочинный Яков Кайдалов немало порадел в деле подготовки строительства церквей в Ваховской, Салтыковской, Тымской и Караконской волостях[450]. Правда, не все эти проекты состоялись. В 1783 г. сын Якова Кайдалова, тоже Яков, числился священником ларьякской Знаменской церкви[451]. Сыновья Якова Яковлевича Кайдалова также стали священниками. В 1794 г. Александр Яковлевич Кайдалов священствовал в Нижнелумпокольской церкви, а Иван Кайдалов – в Верхнелумпокольской[452]. Кстати, Яков и Александр Кайдаловы в свое время (1796 г.) были «примечены в служении неисправны». Дело в том, что они не показали необходимых знаний в области церковной службы и вместо «повторной экзаменации… своевольно» покинули Тобольск[453].

---

[443] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 84–86.

[444] Там же. С. 86.

[445] Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. 1. Екатеринбург. 2002. С. 223.

[446] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000. С. 250.

[447] Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники. С. 33.

[448] Там же. С. 28.

[449] Там же. С. 29.

[450] Там же. С. 31–33.

[451] Там же. С. 38.

[452] Там же. С. 88.

[453] Там же. С. 109.

Своеволие наверняка было проявлением гордыни. Об особом положении своего рода Кайдаловы, конечно, были осведомлены. Ярко демонстрировал кайдаловский норов протопоп Иван Кайдалов, являвшийся в 1760-х гг. сургутским благочинным. В это время у него жил и работал по найму некий Иван Федулов. Протопоп не только использовал его как рабочую силу, но всячески ограничивал личную жизнь последнего, заявляя, что желает хранить «в чистоте свой дом». По этой же причине И. Кайдалов зверски избивал свою работницу Агафью Суровцеву, обвинив ее в прелюбодеянии[454]. В 1769 г. сургутский комиссар Попов доносил в духовную консисторию:

> *…в городе Сургуте присмотрено им, что жители весма… протопопом Кайдаловым за непорядки и ссоры ево недовольны: для того, что он… только куда приходит, то зараз зачинает ссоры и крик, а потому жители во убежание от тех его непорядков от него удаляютца и ни в какие случившиеся между приятельми собрании ево не приглашают*[455].

Однако несмотря на все неудобства, которые доставлял местному обществу беспокойный протопоп, жалоб на него не зафиксировано. Более того, не только скандальный протопоп, но и другие местные священники из числа местных же пользовались безусловным снисхождением своей паствы. Так, берёзовский священник Василий Бешкильцев в 1800 г. характеризовался обывателями как человек «состояния честного, беспорочного и трезвого». Между тем, отец Василий «с великим от долговременного пьянства дрожанием» едва мог выстоять всю службу[456].

Попустительство северян иногда вызывающему поведению духовенства проистекало из традиции покровительственного отношения к церкви. Приходские общины не только долгое время могли платить подушную подать за выдвинутых из своей среды священнослужителей, но и зачастую содержали их и церкви «на свой кошт»[457]. Разумеется, у прихожан складывалось представление о своей особой роли в церковной организации. Они охотно помогали священнику во время богослужения. Горожане вмешивались во все церковные дела, распоряжались церковными суммами. Делалось это настолько активно, что консисторское начальство в 1777 г. вынуждено было напомнить им, чтобы «священник обще с прихожанами не вступался в церковное распоряжение, то правилам святых отец противно»[458].

Содержание духовенства в XVIII в. на Севере было недостаточным. Жалования не хватало на самые необходимые жизненные нужды. В 1721 г. Сенатом было определено содержание причта инородческих приходов Северного Зауралья: священнику полагалось 10 руб. и семь юфтей хлеба; дьячку – 5 руб., пять юфтей хлеба, три пуда соли; пономарю – 3 руб., четыре юфти хлеба, два пуда соли[459]. Но даже это жалование выплачивалось нерегулярно. Так, шоркальский священник жаловался в 1742 г. в консисторию, что он и другие члены причта не получали причитавшейся им руги с 1739 г.[460] С 1786 г. ругу стали выплачивать только деньга-

---

[454] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 93–94.

[455] Там же. С. 127

[456] Там же. С. 126–127.

[457] Там же. 128.

[458] Там же.

[459] Книжные сокровища Югры. С. 409–410.

[460] Цысь В. В., Цысь О. П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства Тобольского Севера в XVIII–XIX вв. // Материалы XIV международной научно-практической конференции / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2019. С. 283.

ми, соответственно, причитавшиеся священникам и причетникам продуктовые выплаты перевели в денежное выражение. В результате на Тобольском Севере священник стал получать около 27 руб., дьякон и пономарь – около 10 руб.[461]

Слабым подспорьем в силу малочисленности и бедности приходов были доходы от совершения треб, молебнов, а также приношения «доброхотных дателей». Ярким свидетельством невысоких доходов священников может служить «покорнейшее прошение» от 1 июня 1815 г. иерея Богородице-Рождественской церкви г. Берёзова Андрея Таркова:

> *Находясь же в Берёзове пятый год, и по малолюдному моему приходу… в городе, составляющем большую часть значительно из казаков, отказывающих в даче мне помощи по малому своему жалованью и провианту, недостаточному даже на продовольствие своих семейств. А хотя и есть из них четыре или пять домов, но никак не могут меня содержать. Они вместе с небольшим числом домов мещанских снабжают меня только переменною ежегодно квартирой*[462].

Причетники городских приходов Северного Зауралья и вовсе иногда влачили жалкое существование. Пономарь сургутской Богородице-Рождественской церкви В. И. Тверитин в 1771 г. сообщал в консисторию, что «от тех прихожан [ни] руги, ни земли в удовольствие ничего не имеется… чего уже терпеть невозможно»[463]. В силу указанных выше обстоятельств духовенство вынужденно занималось теми же промыслами, что и миряне, – рыболовством и охотой. Рыбной ловлей духовенство занималось повсеместно. Это не было секретом для консистории. Более того, консисторское начальство не видело препятствий для промысловой деятельности священников и причетников. Так, в 1828 г. тобольский архипастырь сетовал: «Священно-церковнослужители сверх весьма малополучаемого из казны жалования снискивают пропитание от рыбопромышленности, но и сие не всегда бывает для них достаточным продовольствием»[464].

Поощряемые таким образом священники находили возможным просить о выделении им рыболовных угодий. В 1814 г. с подобной просьбой в консисторию обратился ваховский священник[465]. В этом же году и с такой же просьбой обратились священно-церковнослужители с. Самарова[466]. Однако консистория ничем не могла помочь в данном вопросе. Дело в том, что все рыболовные угодья находились в распоряжении инородческих обществ. Охотой духовенство занималось реже, так как этот промысел требовал длительных отлучек и мог мешать священно-церковнослужителям в отправлении их служения. Поэтому чаще охотились близ селений. Курьезные результаты одной такой охоты свидетельствуют о том, что оленеводство также являлось одним из хозяйственных занятий северного духовенства. В 1790 г. пономарь ларьякской Знаменской церкви добыл «домашнего оленя», принадлежавшего, как выяснилось, священнику той же церкви. Горе-охотник принял оленя за «полевого», то есть дикого[467]. Конечно, значительно чаще там, где позволяли природные условия, священники держали привычный в русском хозяйстве скот – лошадей и коров (рис. 3.23).

---

[461] Книжные сокровища Югры. С. 435; Цысь В. В., Цысь О. П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства. С. 283.

[462] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 7. Д. 1655. Л. 2–2 об.

[463] Там же. Оп. 2. Д. 2805. Л. 1.

[464] Там же.

[465] Цысь В. В., Цысь О. П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства. С. 280.

[466] Лопарев Х. М. Указ. соч. С. 43–44.

[467] Цысь В. В., Цысь О. П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства. С. 280.

Быт духовенства также мало отличался от быта русских прихожан. Так, священник Петр Наумов сообщал о себе: «имею дом свой в Берёзове и скотину, равно и жену с малолетними детьми (которая осталась не здорова) и без всякого призрения – сено и дрова приготовить некому, так же и харчевые припасы в Берёзове запасаются в осень»[468]. Похвастаться тем, что он «имеет дом свой», мог далеко не каждый священник. В «Ведомости церквей Тобольской епархии» за 1806 г. указано, что собственные дома были только у двух священников в сельских приходах Северного Зауралья – Нахрачинском и Болчаровском. Позволить себе построить дом мог разве что благочинный. Остальное же духовенство обзаводилось собственными домами, как правило, во втором и последующих поколениях. Духовенство, не имевшее собственных домов, проживало в «церковных домах», построенных на счет приходов, или на съемных квартирах[469].

Рис. 3.23. Неизвестный художник. Портрет священника. Середина XIX в. Из собрания ГИМ. ГИМ-54687/142

Наряду с духовным просвещением аборигенов духовенство занималось торговлей с ними. Торговля являлась для представителей всех сословий русского населения Северного Зауралья «главным источником жизненных средств»[470]. Законные и незаконные торговые операции с аборигенами проводили, помимо купцов, посадские, крестьяне, казаки и даже представители местной администрации, включая воевод[471]. Священники в этом деле оказывались даже в преимущественном положении, ибо всегда могли оправдать посещение поселений аборигенов заботой о спасении их душ. Для некоторых представителей духовного сословия торговля с аборигенами стала занятием регулярным. Например, в 1740-х гг. священник Кирьямов постоянно ездил в селения берёзовских инородцев «с разными своими

[468] Цит. по: Цысь В. В., Цысь О. П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства. С. 281.

[469] Туров С. В. «Церковные дома строить в таком виде, как согласятся между собой прихожане и священно-церковнослужители...». К вопросу о реконструкции бытового уклада приходского духовенства Тобольского Севера в XIX – начале XX века // Пятая Югорская музейная биеннале : сб. докл. науч.-практ. конф. «Роль полевых исследований в сохранении историко-культурного и природного наследия Югры». Ханты-Мансийск, 2014. С. 112–114; Цысь В. В. Об обеспеченности жильем православного духовенства Тобольского Севера в XIX – начале XX вв. // XVII Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч. конф. Курган, 2019. С. 68.

[470] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 69.

[471] Там же. С. 70–71.

неявленными товарами» и обменивал их на пушнину[472]. В 1810-х гг. берёзовский благочинный И. Вергунов, по сути, создал обширную торговую сеть. Он сам и его причетники разъезжали по «ясашным волостям на обывательских подводах без платежа прогонов»[473].

Власти духовные и светские были осведомлены о данном положении дел. В 1733 г. митрополит Антоний (Стаховский) констатировал, что «обретающиеся у новокрещенных духовные персоны от светских управителей имеют порицание, яко бы они ездят к новокрещенным для торгов, а не для исполнения треб, спасению человеческому служащих»[474]. Власти ничего не могли поделать с незаконной торговлей духовных отцов, так как соображения укрепления аборигенов в христианской вере превалировали в это время над финансовыми интересами казны. Специальным сенатским определением от 25 августа 1735 г. предписывалось «обретающихся у новокрещенных в волостях священником с требами и для наблюдения к спасению человеческому ездить к ним, новокрещенным, не запрещать и утеснения не чинить. Токмо смотреть того, дабы духовные персоны под тем образом купечества не отправляли»[475]. Понятно, что практика незаконной торговли, несмотря на сенатское предписание, продолжала процветать, ибо реальных возможностей наблюдать за тем, чтобы «духовные персоны… купечества не отправляли», у духовной и светской администрации не было. Поэтому зачастую все сводилось к профилактическим мероприятиям формального свойства. В 1783 г. священники Сургутского уезда получили указ Сургутского духовного правления, в котором говорилось,

> *…что сообщением де из Сургутского нижнего земского суда во оное духовное правление… объявлено, что де священно- и церковнослужители градския и в уезде живущие в погостах въезжают в есашныя селения в самое промышленное время, и когда збор ясака бывает, будто для научения молитв и за благословенными винами для крещения младенцов и протчаго без всякого от есашных позыву. Но вместо того собирают с остяков долги, и берут в подводы по немалому числу оленей, и наводят во время збору помешательство.*

Всех священно-церковнослужителей обязали «подписками» «о не въезде в есашные места сам собой ни зачем без зову остяков и о неторговании с ними ничем»[476]. Только время от времени светские власти проводили расследования в отношении торгующего духовенства. Так, в 1760-х гг. тогда уже не благочинный, а священник сургутской соборной Троицкой церкви Яков Кайдалов наряду с другим священником этой церкви Яковом Усольцевым обвинялись Сургутской воеводской канцелярией в том, что «всегда отъезжают из города Сургута в юрты не для каких потреб, но для своих прихотей и для взыскания своих долгов… от их разорения и обид учинилась… с ясашных остяков недоимка»[477].

Не брезговали представители северного духовенства и прямыми поборами с прихожан-инородцев. Например, в 1749 г. остяцкий князец Иван Мурасов «с товарищи» обвинил сургутского протопопа Ивана Кайдалова «во взятках и обидах»[478]. В 1772 г. ясашные Сосьвинской волости

---

[472] Там же. С. 68.

[473] Шемановский И. С. Указ. соч. С. 187.

[474] Цысь В. В., Цысь О. П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства. С. 279.

[475] Там же.

[476] Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники. С. 38–39.

[477] Миненко Н. А. Указ. соч. С. 279.

[478] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 393. Л. 3, 4.

жаловались в Берёзовское духовное правление на вымогательства, чинимые священником Рещиковым. Последний, уличив инородцев в «идолопоклонстве», угрожая доносом, получил с них «три соболя, бобра рыжаго большого, лисицу белодушку, да обещали ему из юрт того ж времени прислать три большие лосины… (кои лосины ему… и отданы)». Но и этого мздоимцу показалось мало, и он потребовал еще сто белок, взамен которых ханты отдали ему разной пушнины ценой как за 645 белок. И это только один из многих подобных «подвигов» священника Рещикова на ниве духовного окормления инородческой паствы. В том же 1772 г. остяк Сосьвинской волости Афанасий Лигасев доносил в Берёзовское духовное правление:

> *Назад тому с десять лет при венчании меня, нижайшего, с женою священник Афанасий Рещиков, учинив привяску якоб за неимением венечной памяти, взял с меня во взяток по нашей цене соболя в тридцать да болшого бобра струю в сорок белок, после чего тогда ж и обвенчал. Да нынешней весной паки при венчании пасынка моего взял струю бобра среднего в десять белок, а как с протчих брачующихся берет по пяти белок, чем и привел меня по моей скудости в крайнее изнеможение*[479].

Вымогательства при совершении обряда венчания, по-видимому, были явлением повсеместным. В 1791 г. остяки Ларьякского прихода доносили в уездную администрацию, что в 1788 г. местный священник Я. Я. Кайдалов вымогал у остяка Прасина за венчание девять соболей, выдру, шкуру медведя и 300 белок. Такса якобы была твердой, поэтому «у прочих, у кого дать нечего, те сосватавшие оставляют своих невест и уезжают без ничего, потому что он, священник, за венчание просит великую плату». Многие аборигены по этой причине откладывали таинство венчания «года по три». В этом же доношении Я. Я. Кайдалов обвинялся в том, что «для своих нужд» заставлял инородцев заготовлять сено и заниматься строительными работами на возведении церкви и на своем личном подворье[480]. Впрочем, большая часть подобных обвинений заканчивалась примирением сторон. Так было и в случае жалобы ларьякских остяков на Я. Я. Кайдалова. В 1793 г. они доносили архиепископу Варлааму, что их Знаменская церковь была построена

> *…священником Кайдаловым… то на строение оной потраченной лес хотя нами, но небольшая часть, добываем… и на место доставляем, но без всякого от его, священника, принуждения, а по доброй воле своей и единственно для построения в пользу нашему храму Божиева… Што касается о поставке сена для собственного его употребления, то мы сами, приходя к тому священнику добровольно, когда время позволит свободное, и сено поставили обще с женами нашими.*

Пошли жалобщики на попятную и в других обвинениях:

> *Когда из нас кто сосватати, то завсегда к тому священнику прихаживали, и естли им предусматрится законно, без всякого задержания венчаемы были. И за то венчание давали ему пышным товаром – белок по двадцати, и по тритцати, и по пятидесяти по собственному нашему желанию, а, естли кому дать нечево, то оной священник венчает и без всего.*

Более того, священник оказался не мздоимцем, а благотворителем. Когда в 1791 и 1793 гг. ларьякских остяков настиг «великий глад по не улову рыбы», они «тем же священником были

---

[479] На стыке континентов и судеб: этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 169–170.

[480] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 1206. Л. 1а об. –2.

хлебом и аленьми в наше употребление и протчей пищею снабдеваемы»[481]. Остается только недоумевать, с какой целью священник был оклеветан или в силу каких обстоятельств жалобщики были вынуждены отказаться от справедливых обвинений в его адрес.

Впрочем, торговля духовенства с обитателями тайги действительно в какой-то степени поддерживала последних в трудные времена. В том же Ларьякском приходе, о котором шла речь выше, некоторое время спустя дьячок Михаил Кайдалов и пономарь Василий Тверитинов в ответ на обвинение в торговле хлебом с аборигенами писали:

> *Вах река не очень рыбою доволна, отчего остяки каждогодно голодают… почему… и просят нас из милости дать хлеба, и в прочих домашних нуждах во всем всего уделяем, и за то платят белкою… ежели б не мы остяков хлебом снабдили, то бы большая часть мертвых была*[482].

Не только река Вах была «не очень рыбою довольна», юганские остяки также время от времени терпели крайнюю нужду и обращались за помощью к местному духовенству. В декабре 1760 г. умер священник местной церкви Усольцев. Безутешная и нуждавшаяся вдова подала в консисторию прошение:

> *Мой муж, кода был жив, роздал Юганских протчих волостей новокрещеным остякам по прозьбе их собственного хлеба за неимением тогда в продаже казенного для пропитания, чтоб з голоду не померли, а сколько именно кому давано было, тому значать оного моего мужа записки, и под теми записками саморучные тех новокрещеных знамена, которые оставлены в доме моем, токмо те новокрещеные нисколько за тот хлеб мне не платят.*

Замечательно, что никакого криминала в данной ситуации духовные власти не увидели и принудили 39 должников вернуть долги вдове[483].

Конечно, далеко не все священники погрязли в незаконных торговых операциях или мздоимстве. Поэтому в болезни или в старости многие священники и причетники вынуждены были рассчитывать только на помощь взрослых детей. В 1774 г. пономарь чемашевской Никольской церкви И. Е. Протопопов 48 лет был уволен с должности и жил на содержании своего сына Дмитрия, так как страдал от болезней глаз, ног и «нутра». Положение нетрудоспособных священно-церковнослужителей стало меняться к лучшему только с 1823 г., когда в епархиях были учреждены попечительства о бедных духовного звания[484].

Церковное администрирование

Складывание на территории Северного Зауралья инородческих приходов в первой четверти XVIII в. сопровождалось изменениями в области церковного администрирования. Посредниками между епархиальными властями и приходами стали духовные правления. Самое раннее упоминание о «града Берёзова и Самаровского яму духовном правлении» относится к ноябрю 1745 г. За 1759 г. сохранились сведения о Сургутском духовном правлении, за этот

---

[481] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 160. Л. 12–13.

[482] Древний город на Оби : История Сургута / Н. Н. Баранов и др. Екатеринбург, 1994. С. 230.

[483] Цысь В. В., Цысь О. П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства. С. 278–285.

[484] Цысь О. П. Духовные правления как звено церковного управления на Тобольском Севере в 1810–1860-х гг. // Вестн. Правосл. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. 2017. Вып. 75. С. 33.

же год имеется упоминание о самостоятельном Самаровском духовном правлении. Демьянское духовное правление существовало по крайней мере с 1754 г. В 1765 г. было создано Кондинское духовное правление.

Границы правлений на протяжении XVIII изменялись. Так, Самаровский ям, утратив положение центра самостоятельного заказа, сначала перешел в состав Кондинского заказа, а затем Демьянского. К началу XIX в. в Северном Зауралье осталось только два духовных правления, Сургутское и Берёзовское. Состав духовных правлений формировался либо на выборной основе, либо назначением от епархиального начальства. Последнее на Севере происходило чаще, от архиереев фактически зависел и срок пребывания в составе духовного правления отдельных его членов. Штат правлений был невелик. В 1815 г. Берёзовское духовное правление состояло из двух членов. В канцелярии правления служили канцеляристы (подканцеляристы), светские лица. Объем переписки и дефицит грамотных людей на Севере в XVIII в. приводили к тому, что членам духовных правлений приходилось вести делопроизводство самостоятельно или пользоваться услугами дьячков местных церквей. Духовное правление управлялось на коллегиальных началах. Решения принимались после обсуждения тех или иных вопросов, находившихся в компетенции правлений. Функции правлений определялись епархиальной инструкцией. Правда, круг этих функций в инструкции не был четко определен. Правление курировало широкий круг вопросов административных, хозяйственных и судебных подведомственных приходов. В административном плане духовное правление занималось сбором различного рода справочной документации от причтов – духовно-исповедных росписей, метрических, обыскных, приходо-расходных, «шнуровых» и др.

Правления наблюдали за порядком сбора и расходования церковных денег. Не довольствуясь сведениями, доставлявшимися настоятелями, правление проводило выездные проверки. Благочинные периодически объезжали вверенные им заказы. Помимо документации, проверялись состояние храмов, обеспеченность церковной утварью и книгами, а также то, насколько добросовестно и компетентно выполняют свои обязанности клирики. О результатах инспекций благочинные докладывали в консисторию.

Об организации и результатах такого комплексного подхода сообщается, например, в доношении Сургутского духовного правления за 1788 г.:

> *Уездные священники в г. Сургут приезжают редко и не каждогодно, а паче в Святую Четыредесятницу никогда и не бывали, а закащик хотя и бывает в уездных церквях для осмотра церквей летним временем, но только проездом, ездит своим коштом. По слухам, помянутых волостей [Лумпокольской и Ларьякской] священники в церквях в Святую Четыредесятницу преосвященных литургий не проводят, и установлено, что священники тех церквей не умеют совершать службу, и прибывают по домам, и от того не бывают в Четыредесятницу и в г. Сургуте, хотя и вызываются правлением*[485].

Духовные правления являлись низшими судебными инстанциями для духовенства и прихожан. Незначительные проступки духовенства обычно наказывались «штрафованием». Расследовались также имущественные и бытовые конфликты между священно-церков-

[485] Цысь О. П. Духовные правления как звено церковного управления на Тобольском Севере. С. 22–38; Цысь В. В., Цысь О. П. Организация и функционирование Ларьякского прихода Тобольской и Сибирской епархии в XVIII в. // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Вып. 1 (8). Нижневартовск, 2018. С. 51.

но-служителями[486]. Светские же лица могли быть подвергнуты епитимье. Самым частым проступком светских лиц, за который назначалась епитимья, являлось прелюбодеяние. Под ним в это время понималась не только супружеская неверность, но и все внебрачные связи. В случае назначения епитимьи духовное правление осуществляло наблюдение за процессом «духовного очищения», а также регулярно докладывало об этом в консисторию. Так, целая группа остяков-«прелюбодеев» (А. Сайнаков, В. Рободиев, «женка» А. Иванова, П. Смиркин, «девка» Д. Тигошова) подвергались «духовному уврачеванию» в Сосьвинском приходе с 1810 г. По крайней мере до 1823 г. Берёзовское духовное правление неотступно следило за тем, как означенные «прелюбодеи уврачеваются»[487]. Другим прегрешением аборигенов, часто попадавшим в поле зрения духовных правлений, было «отпадение в идолопоклонство». Например, в 1779 г. Кондинским духовным правлением на новокрещенных остяков Петра Сагнаева и Никиту Арачева была наложена епитимья «за шаманство и идолопоклонство»[488].

В первой половине XVIII в. уровень образования духовенства в Сибири в целом оставлял желать лучшего. Первым сибирским иерархом, отказавшимся мириться с таким положением, стал Павел (Конюскевич, 1758–1768 гг.). По его инициативе в Сибири для детей духовенства были открыты школы (славяно-русские и латинские). За время обучения в славяно-русской школе ученики должны были овладеть чтением, письмом, нотным пением и знать катехизис. По окончании курса славяно-русских школ ученики переходили в латинские. В латинской школе учили читать и писать по-латински. Сроки обучения в отдельном классе не устанавливались: ученик покидал школу после усвоения всего курса обучения. Закончившие полный курс поступали в семинарию (рис. 3.24).

На Тобольском Севере латинская школа открылась в 1761 г. в с. Самарово, а первым учителем в ней стал священник самаровской Покровской церкви Петр Протопопов[489]. Он выказывал мало рвения в возложенных на него педагогических обязанностях, а вот к «хмельному питию» был неравнодушен. Кроме этого, в школе недоставало учебников. В результате ни один ученик самаровской латинской школы в тобольскую семинарию не поступил. Впрочем, с поступлением в семинарии у выпускников других сибирских латинских школ дела обстояли не лучше. В 1766 г. или в первой половине 1767 г. школу из с. Самарово перевели в Кодский монастырь. Вскоре после этого 18 июня 1767 г. митрополит Павел распорядился закрыть латинские школы в епархии, а вместо них учредить в заказах «русские школы». В них изучали те же предметы, что и в ранее учрежденных «славяно-русских»[490]. Таким образом, по сути, было признано, что изначально в структуре духовного образования, созданной в заказах, существовало нежизнеспособное звено, не обеспеченное педагогическими кадрами и учебными пособиями. Кроме того, местное духовенство не видело особой необходимости в изучении их чадами «латинской премудрости», для исполнения обязанностей приходского батюшки или причетника этого не требовалось. Поэтому священно-церковнослужители даже под угрозой штрафа старались не отдавать детей в школу.

---

[486] Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, сибирское отделение, 1990. С. 17; Цысь О. П. Духовные правления как звено церковного управления на Тобольском Севере. С. 32–35.

[487] Православные приходы Берёзовского края. С. 45, 49.

[488] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 1743. Л. 23.

[489] Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв. : хрестоматия / ред. Ю. П. Прибыльский ; сост. Н. И. Загороднюк, Г. К. Скачкова. Тюмень, 2001. С. 41, 43

[490] О заказных латинских и славяно-русских школах в Тобольской епархии, с 1759–1818 гг. 1885 // ТЕВ. № 21–22. Отд. неофиц. С. 476–477.

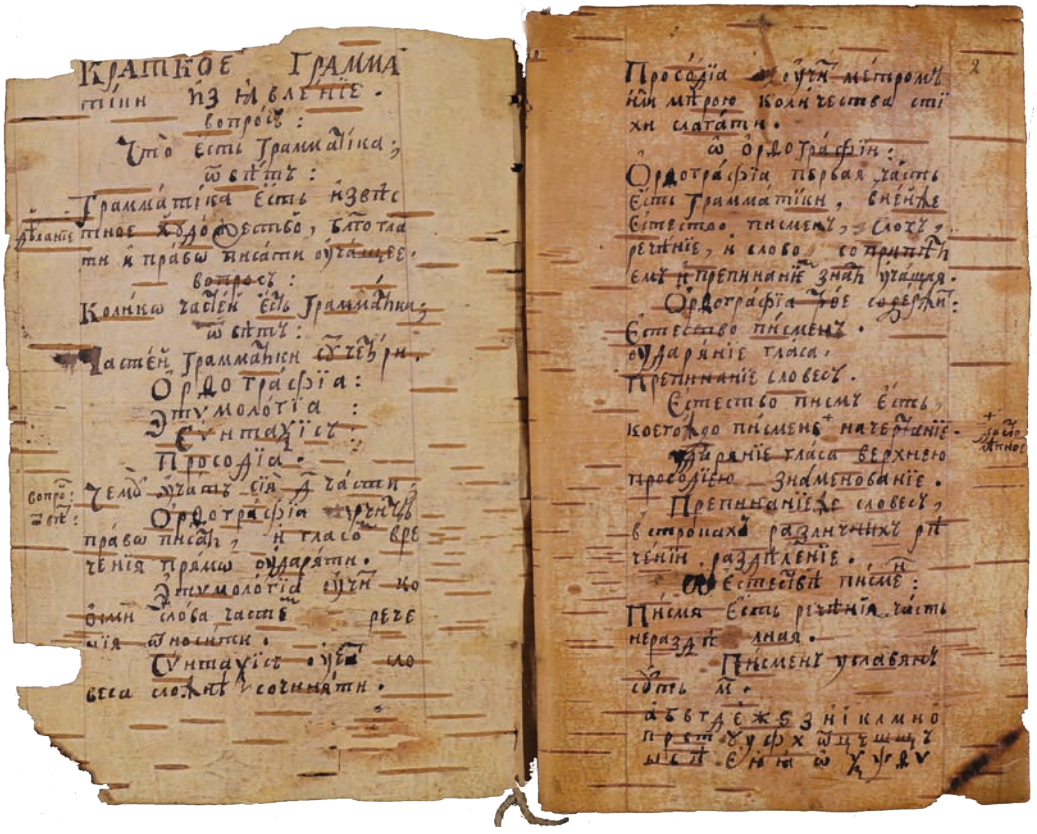


Рис. 3.24. Берестяная рукописная книга «Краткое грамматики изъявление». Привезена из Сибири. Вторая половина XVIII в. ОР РГБ. Ф. 178. № 1495

Латинские школы, а заодно и русские были окончательно упразднены в 1769 г. при архиепископе Варлааме I (Петрове, 1768–1802 гг.). Вместо них в 1779 г. были учреждены славяно-русские школы при монастырях и в заказах. На этот раз учебная программа была прагматичной. В школах изучали Часослов, Псалтирь, нотное пение, катехизис и арифметику. Как и прежние школы, новые должны были содержаться за счет местного духовенства. На Тобольском Севере они открылись при Кодском монастыре и в Берёзове[491]. В 1783 г. кодинскую школу закрыли, поскольку монахи не смогли обеспечить должного уровня преподавания. Детей перевели в берёзовскую школу. Однако в 1801 г. выяснилось, что там педагогический процесс также был запущен: «В гор. Берёзове русская школа состоит в несоответственной исправности, ибо многие дети распущены по домам и в обучении малый успех показывают». По этой причине школу в Кодском монастыре возобновили. Учителем был назначен на этот раз не монах, а проживавший на монастырском подворье отставной унтер-офицер Стефан Горюшин.

Местоположение учебного заведения явно было выбрано неудачно. Теперь всем священно-церковнослужителям Тобольского Севера приходилось возить своих детей в Кодскую обитель. В сентябре 1801 г. в Берёзове вновь учредили школу[492]. И вновь встала в полный рост

[491] О заказных латинских и славяно-русских школах в Тобольской епархии, с 1759–1818 гг. С. 480–482, 485.

[492] Там же. С. 485.

кадровая проблема. Назначенного учителем В. Скосырева с помощником дьячком Кокоулиным в апреле 1802 г. уволили за халатное отношение к своим обязанностям. Назначенные на их место Я. Кокоулин и пономарь Н. Вологодский оказались «мало способны к обучению». В итоге по просьбе Берёзовского духовного правления пришлось перевести в Берёзов из Кодского монастыря С. Горюшина, показавшего до этого некоторые педагогические успехи.

Между тем в 1803 г. начальное духовное образование в России было реформировано. Теперь в течение пяти лет дети священно-церковнослужителей должны были обучаться в русских школах чтению, письму, пению по нотам, краткой священной и всеобщей истории, краткой истории и географии (всеобщей и российской), арифметике и пасхалии, краткой логике, риторике российской, а также знать основы должностных обязанностей и богослужебной практики на основе соответствующих узаконений и руководств: «о должности человека и гражданина», пространного катехизиса, «о должностях пресвитеров приходских», руководства к чтению Священного Писания, церковного устава с практикой в церкви[493]. Дети должны были содержаться в школах за счет родителей.

И вновь центр духовного образования в крае переместился в Кодский монастырь. Обучение в кодинской русской духовной школе началось в ноябре 1803 г.[494] Однако большинство русских духовных школ были закрыты при архиепископе Амвросии (Келембете, 1806–1822 гг.). Когда точно закрылась кодинская школа, неизвестно. Скорее всего, это произошло между 1816 и 1820 гг.[495] Во всех вышеописанных школах занимались единовременно от нескольких до одного-двух десятков человек. Тем не менее, эти учебные заведения вкупе с Тобольской духовной семинарией внесли заметную лепту в дело повышения образовательного уровня северного духовенства.

---

[493] Кондинский Свято-Троицкий монастырь Тобольской епархии в XIX – начале XX в. : монография. Нижневартовск, 2018. С. 60.

[494] Шемановский И. С. Указ. соч. С. 176; Ксенофонтов И. Об учреждении русских духовных училищ при архиепископе Антонии (Знаменском) // ТЕВ. 1885. № 23–24. С. 535.

[495] Цысь О. П. Школа кондинского Свято-Троицкого монастыря // Пять столетий Югры: проблемы, решения, итоги и перспективы. Вып. 1 (8). Нижневартовск, 2018. С. 75–76.

Глава 5

Конфессиональная политика в отношении аборигенного населения

В годы реформ Петра I была развернута массовая христианизация «ясачных» народов Сибири. Задача религиозной консолидации неоднородного в конфессиональном отношении сибирского социума, впервые сформулированная царем в указе от 18 июня 1700 г.[496], нашла полную поддержку у назначенных сюда митрополитов – выходцев из Малороссии. Получив богословское образование и воспитание в Киево-Могилянской академии, они были сторонниками активного обращения иноверцев в православную веру, распространения школ и образования. Это согласованное устремление государства и церкви лежало в основе масштабной миссионерской работы, развернувшейся за Уралом в первой половине XVIII столетия. Характерны в этой связи строки из письма Г. В. Геннину бывшего митрополита Сибирского и Тобольского Филофея (Лещинского), тогда уже схимонаха[497] Феодора, о том, что «душа едина, приобретенная Богу, всего мира богатства превышает», при этом «единоверие, приязнь, послушенство, подобострастие и верность к его императорскому величеству показуется лучше, нежели когда сии народы были некрещены»[498]. Позднее о «государственной немалой пользе», связанной с крещением сибирских иноверцев, писал в 1737 г. в доношении Синоду преемник Филофея митрополит Антоний (Стаховский)[499].

Безусловно, христианизация сибирских язычников имела не только религиозное значение, она стала важным шагом в процессе их «приобщения», превращения из «чужих» в «своих». Симптоматично исчезновение к 1770-м гг. из официальных документов собирательно-обобщающего термина «иноземцы», широко применявшегося к автохтонному населению региона с начала XVII в. и ставшего к тому времени анахронизмом[500]. Еще В. Н. Татищев в своем

---

[496] ПСЗ-1. Т. 4. № 1800. С. 59-60.

[497] Схимона́х – монах, принявший великую схиму, иначе – великий ангельский образ. При постриге в великую схиму монах дает обет отречения от мира и всего мирского. При принятии такого пострига архиереем он, как правило, удаляется от управления епархией, оказываясь в статусе схиархиерея.

[498] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 12. Д. 1. Л. 185.

[499] РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42. Л. 3.

[500] Конев А. Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические

«Лексиконе», составленном в 1745 г., отмечал, что слово «иноземец» «у нас иногда за иноверца, и инороднаго, и за иноязычника употребляют», тогда как, по его мнению, «подлинно иноземец разумеется иностранный, который не есть подданный того государства, где он находится»[501]. Тем самым Татищев предложил более четкое терминологическое определение вероисповедной принадлежности и происхождения подданных российской короны, отделив их от иностранцев.

В середине XVIII в. наряду с определением «иноверцы» на Западно-Сибирском Севере приобрел особую актуальность термин «новокрещенные». Это было одним из свидетельств того, что процесс христианизации вступил здесь в новую фазу. Произошла трансформация миссии внешней в миссию внутреннюю. Акцент сместился на воцерковление уже крещеных путем их катехизации в широком смысле этого слова[502].

В. Н. Асочакова выделяет три исторические формы христианизации сибирских народов. Первая связана с целенаправленной государственной политикой в конфессиональной сфере посредством церковнослужителей за казенный счет через ружные церкви; вторая определяется как ведомственная (собственно церковная), когда обращение язычников в христианство было результатом проповедничества священников и миссионеров; третья подразумевает непосредственные контакты с русскими как носителями православия в процессе совместной деятельности[503]. До 1789 г. на территории Северо-Западной Сибири характерным было сочетание всех перечисленных форм при ведущей роли второй с той оговоркой, что проповедникам активно содействовало государство. С конца XVIII в. и до начала 1830-х гг. деятельность миссионеров в Западной Сибири была прекращена, вся работа церкви по приобщению к православию «ясачных иноверцев» и катехизации прозелитов осуществлялась здесь приходскими священниками.

«Иноверцы» и миссионеры: столкновение культур и мировоззрений

В литературе период массового крещения сибирских «иноверцев», а нередко и весь «миссионерский» XVIII в. называют «эпохой Лещинского», и это во многом справедливо. Деятельность тобольского митрополита стала яркой страницей в истории христианского просвещения язычников и мусульман Сибири. Ее результаты были беспрецедентны по масштабу и значению. Они вызвали трансформацию религиозных представлений автохтонного на-

науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 81–86; Его же. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 765–769.

[501] Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской : в 3 ч. СПб., 1793. Ч. 3. С. 90.

[502] Катехизация представляет собой наставление новоначальных, обучение их истинам веры, нормам христианской жизни, церковному порядку и является важным условием воцерковления человека. В узком смысле катехизация означает «подготовку взрослых к восприятию таинства крещения», в широком значении – «повышение уровня знаний у принявших крещение, то есть духовное просвещение, образование». См.: Катехизация // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2013. Т. 31. С. 750; Катехизация // Азбука веры : православный портал. URL: https://azbyka.ru/katexizaciya (дата обращения: 02.09.2022).

[503] Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере хакасско-минусинского края в XVII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2011. С. 31.

селения, преобразование их религиозного ландшафта[504], которое протекало в различных формах взаимодействия, не исключая возникновения серьезных конфликтов, но отнюдь не ограничиваясь ими и не сводясь к таковым. Характеристику всех этих процессов и явлений на Западно-Сибирском Севере применительно к первой половине XVIII в. целесообразно увязать с хронологией и событийной стороной миссионерских трудов названного архиерея, его ближайших сподвижников и преемников (рис. 3.25).

Рис. 3.25. Свт Филофей (Лещинский), митрополит Сибирский и Тобольский. Парсуна. XVIII в. Из собрания ТИАМЗ

[504] Е. М. Главацкая определяет религиозный ландшафт как религиозный феномен и одновременно процесс, в рамках которого формируется религиозное сознание, как «религиозную ситуацию, складывающуюся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующуюся системой представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь человека, с которыми люди пытаются установить диалог путем совершения определенных ритуальных практик и создания соответствующих институтов». См.: Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 79, 82.

В июле 1704 г. в ходе своей первой поездки в Северное Приобье[505] Филофей встретился с остяцкими князьями Тучабалдой и Шекшей, которые обещали креститься, если на то будет царский указ[506]. Правда, в декабре 1706 г. на предложение принять православие, сообщенное им согласно повелению царя через берёзовского воеводу, они ответили отказом[507].

В ноябре 1706 г. в ответ на челобитную Филофея, которую он подал в Сибирском приказе, последовал указ тобольским и берёзовским воеводам. В нем, помимо прочего, было написано: «а буде преосвященный митрополит сам похочет ехать в низовые города для церковного исправления, и ему везде давать подводы зимою и летом»[508]. Митрополит не смог отправиться в поездку лично, будучи занят делами по открытию Иркутского викариатства, но снарядил в 1707 г. к берёзовским и сургутским остякам для проповеди словес Божиих несколько монахов. Эта миссия не увенчалась успехом, крестить удалось лишь несколько десятков человек[509]. Н. А. Абрамов пишет, что тогда «остяки с ожесточением встречали и провожали проповедников»[510].

По причине болезни Филофей в сентябре 1709 г. оставил митрополичью кафедру и принял схиму[511]. По всей видимости, он еще оставался в Тобольске до хиротонии летом 1711 г. архиепископа Черниговского Иоанна (Максимовича) в митрополита Тобольского и Сибирского[512], а затем поселился в тюменском Свято-Троицком монастыре[513].

Царской грамотой от 7 июня 1710 г., содержавшей «припись» кн. М. П. Гагарина[514], уже бывшему митрополиту Сибирскому и Тобольскому было указано:

> *Ведомо нам, великому государю, учинилось, что которые новокрещеныя тобольские, берёзовские и сургуцкие остяки жили на Берёзове и в Коцком монастыре, ныне те непрестанно бывают в юртах, в которых идолы остяцкие. И как сей наш, великого государя, указ получишь, то, выбрав по своему расмотрению из монахов или из священников человека доброго, и велеть ему по нашему великого государя указу ехать вниз великой реки Оби до Берёзова и далей, и где найдут по юртам остяцким их прелесные мнимые боги шайтаны, тех огнем палить и рубить и капища их разорить, а вместо тех капищ часовни строить и святыя иконы поставлять, и их, остяков, приводить ко крещению и ко познанию единого в Троице*

---

[505] Лопарев Х. Мелочи из прошлого Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского музея. Вып. 17. Тобольск, 1907. С. 2–3.

[506] Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 65.

[507] Абрамов Н. А. О введении христианства у берёзовских остяков // ЖМНП. Ч. 72. Отд. 5. СПб., 1851. С. 10; Герасимов В. Н. Обдорск (исторический очерк). Тюмень, 1909. С. 30.

[508] Цит. по: Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893. Отд. оттиск из журн. «Вера и разум» за 1893 г. С. 55–56.

[509] Там же. С. 56.

[510] Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 10.

[511] Сибирский летописец / предисл. Е. В. Кузнецова. Тобольск, 1892. С. 42.

[512] Скосырев Н., иерей. Очерк жития митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича, 1651–1715 года. М., 1892. С. 27–28.

[513] Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 11.

[514] Есть основания полагать, что к составлению проекта грамоты, включая противоречащую христианским нормам угрозу смертной казни в случае, если «остяки учинят противность сему указу», имел отношение первый сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин. См. об этом: Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири // Меншиковские чтения – 2015 : науч. альм. / гл. науч. ред. П. А. Кротов. Вып. 6 (15). СПб., 2015. С. 17.

истиннаго Бога… А естли возможно, то того ради исправления и самому тебе, богомолцу нашему, ехать в вышеписанные места и приводить тех идолопоклонников ко истинной, ко христианской вере[515].

Этой же грамотой санкционировались льготы и подарки новокрещенным – прощение ясачных недоимок, выдача из казны на крещение кафтанов и рубашек, а также хлеба. Г. И. Новицкий подчеркнул, что именно первый сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин, прибывший к месту службы в 1711 г., удержал «предизбраннаго проповеди евангельские учителя» Филофея от намерения уехать из Сибири в Киево-Печерскую лавру, воскресив в нем старое его желание проповедовать[516].

В июне 1712 г. схиархиерей Феодор в сопровождении нескольких монахов, толмачей (переводчиков) и солдат отправился в первую миссионерскую поездку по Иртышу, Оби и Северной Сосьве, посетив Белогорскую волость, Шоркарские юрты и Кодские городки. Белогорье было известно своими языческими культовыми местами. Одним из чтимых там был покровитель рыболовства «обский старик» (*Ас-ики*), капище которого находилось при устье Иртыша. Вид его был таков: «д[о]ска некая, нос аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на главе малые… сверх одеян червленою одеждою с золотою грудью»[517]. Каждые три года его «с большой торжественностью своим путем» перевозили с места на место по Оби в барке, специально для него построенной[518]. Остяки и вогулы в качестве жертвы приносили ему первую пойманную по весне нельму. Сварив рыбу, они смазывали ее жиром рот и нос идола.

Рыбный промысел играл исключительно важную роль в жизни коренного населения региона, поэтому «иноверцы» сильно противились уничтожению этого кумира. Феодор, укротив свирепство противников «тишайшими словесами» о том, что все стихии и вселенная созданы «премудростью Творца», получил возможность предать огню «обского старика». Аналогичная история, по словам Г. И. Новицкого, произошла в Шоркарских (Шеркальских) юртах, где у язычников был «кумир изсечен от древа в подобие человече, сребрен, имеющь лице». Местные остяки решили противостоять уничтожению этого идола, не внимать проповеди и даже готовы были убить миссионеров. Но проповеднику удалось смирить их ярость и, «показуя всем немощь» кумира, сжечь его со всем капищем[519].

Успехи в деле крещения иноверцев в 1712 г., как и ранее, были весьма скромными, причем у современников нет единого мнения в определении даже этого незначительного числа новообращенных[520]. Но все же нельзя не отметить, что в результате проповеди среди собран-

---

[515] ПСИ. Кн. 1. СПб., 1882. С. 413-414.

[516] Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году / изд. Л. Майков. СПб., 1884. С. 68, 74.

[517] Там же. С. 56

[518] Müller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganism to the Christian Religion of the Grecian Confession // Weber F. C. The present state of Russia being an account of the government of that country, woth civil and ecclesiastical; of the Czar's forces be sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720 : 2 vols. / transl. from the High-Dutch. 1st ed. Vol. 2. London, 1722–1723. P. 84.

[519] Краткое описание о народе остяцком. С. 70–72.

[520] Краткое описание о народе остяцком. С. 73; Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks, P. 92.

ных недалеко от Кодского Троицкого монастыря остяков первым пожелал принять православие потомок известной княжеской династии Алачевых. Как пишет Г. И. Новицкий, после крещения этот Алачев, узнав о том, что Русь до того, как стала православной, тоже была «одержима кумирослужением», пожелал отправиться в Киев и увидеть места, связанные с христианским просвещением славян святым кн. Владимиром. Схимник Феодор помог князцу с этой поездкой, чтобы тот вернулся домой укрепленным в вере[521]. По замечанию И. Б. Мюллера, пример князца «больше всего способствовал обращению тех язычников, которые живут рядом с монастырем»[522].Итак, существенным результатом вышеназванной экспедиции следует признать то, что, несмотря на сопротивление служителей языческих культов и части шедших за ними соплеменников, миссионерам удалось по берегам Оби от Белогорья до Берёзова прежде всего убеждением добиться сокрушения некоторых «кумиров, истуканов и капищ» и поколебать веру в могущество и истинность этих предметов культа. Действия Феодора и его сподвижников в 1712 г. в соответствии с предписаниями царской грамоты 1710 г. можно рассматривать как первый существенный шаг в сторону активного миссионерства среди сибирских «иноземцев».

Летом 1713 г. при поддержке кн. М. П. Гагарина, который обеспечивал нужды миссионеров, Лещинский вновь отправился по тому же маршруту, посетив селения Белогорской, Кодской, Васпукольской, Шеркальской и Казымской волостей Тобольского и Берёзовского уездов. К приезду проповедника предписывалось собирать в определенных местах их жителей. Если верить Г. И. Новицкому, в этот раз остяки были настроены менее враждебно и многие соглашались принять крещение в водах Иртыша, Оби и их притоков, которые, подобно Иордану, «наполнялись благодати Вышнего». Таковых, он полагает, было 3 500 душ.

Заметное сопротивление проповедникам было оказано только в Большеатлымских юртах. Возмущенные «злонравным прелестником», остяки препятствовали судну миссионеров пристать к берегу. Когда Феодор сошел на берег и шаман[523] стал активно отстаивать свою веру, они решительно воспротивились христианской проповеди. Схимник не смутился, смог усмирить их и убедить не прельщаться словами своего оппонента, после чего «мятежники» начали подходить к купели. При этом они были против того, чтобы пускать в реку для крещения своих жен и детей, боясь, что кто-нибудь из младенцев утонет. На это Феодор отвечал, что если такое случится хоть с одним из них, то «не пощадите жития моего, но в тую же мя вверзете глубину»[524].

Отношение сибирских иноверцев к крещению было весьма настороженным. Решаясь на такой шаг, человек мог руководствоваться эмоциональным порывом, стремлением выразить лояльность представителям государства, поиском нового, более сильного покровительства свыше. Устоявшийся в языческой среде взгляд на окружающий и духовный мир довлел над неофитами и после совершения таинства. Прозелитов, как и не принявших христианство, преследовал страх мести со стороны духов и сил природы, которым они ранее поклонялись. Так, И. Б. Мюллер отметил, что проживавшие в удаленных местах остяки «проявили еще большее упрямство в отказе от своего идолопоклонства». Шаманы заставили их поверить тому, что один из низвергнутых идолов предсказал все, что должно было произойти, за во-

[521] Краткое описание о народе остяцком. С. 72–73.

[522] Müller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks. P. 91.

[523] Н. А. Абрамов называет его Полемха, см: Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 12.

[524] Краткое описание о народе остяцком. С. 74–76, 80.

семь дней до приезда митрополита и предупреждал о противодействии затеям христиан[525]. По свидетельству Г. И. Новицкого, новокрещенные передавали слухи о том, что когда носило ветром по Оби лодку со схиархиереем, им было видение летевшего по воздуху «огнеопална некоего мужа вооруженна», ударявшего копьем в судно миссионера и восклицавшего: «Вторицею терплю ти; в третие же не потерплю»[526].

В сентябре 1713 г. появился указ губернатора М. П. Гагарина, предписывавший «всеконечно приложить труд и сделать церкви Божьи в берёзовских волостях, где есть новокрещеные». Священникам при тех церквях указано «давать великого государя жалованья, денег по десяти рублев, хлеба по 7 юфтей[527] на год»[528]. Во исполнение этого распоряжения в 1713–1717 гг. были заложены первые церкви, главным образом в северной части Тобольского уезда: Святой Троицы в Белогорской волости, Сошествия Святого Духа в Сухоруковских юртах, Преображения Господня в Малом Атлыме, Всемилостивого Спаса в Шоркарских юртах. В Филинской волости построили церковь Вознесения Господня, в соседней Реполовской – Воздвижения Креста, где сформировались смешанные приходы русских и аборигенов. Несколько позднее появились церкви в Казымской, Сосьвинской и Ляпинской ясачных волостях Берёзовского уезда – две Успенских и Крестовоздвиженская соответственно[529]. Н. А. Абрамов подчеркнул, что эти церкви в Берёзовском крае были устроены частью на казенные деньги, частью на пожертвования Феодора и сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина[530]. Некоторые храмы, а также часовни и кресты возводились на местах разрушенных и перенесенных культовых мест хантыйского и мансийского населения[531]. Становление и развитие православного ландшафта[532] на территории ясачных волостей Северо-Западной Сибири было одним из значительных достижений «эпохи Лещинского». Активное строительство церквей и формирование их клира продолжались здесь всю первую половину XVIII столетия.

В феврале 1714 г. миссионеры отправились в Пелымский уезд. Г. И. Новицкий, характеризуя религиозные представления живших там вогулов, обратил внимание на их культовые места и объекты поклонения. В частности, он сообщал, что в одном дне пути от Пелыма стояла священная лиственница – «древо лиственичное», которое было увешано лошадиными ко-

---

[525] Müller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks. P. 90–91.

[526] Краткое описание о народе остяцком. С. 78–79.

[527] Юфть – старинная русская мера веса и мехов, в данном случае равноценная четверти ржи и четверти овса. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 33А. СПб., 1896–1907. Т. 41. С. 461; Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России. IX – начало XX века. М., 2006. С. 51–52. В рассматриваемое время одна юфть хлеба стоила около 5 руб.

[528] ПСИ. Кн. 2. С. 22–23.

[529] Краткое описание о народе остяцком. С. 95; Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII–XX вв. : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 228. Н. А. Абрамов сообщает, что в Ляпинском городке была основана Богоявленская церковь, а в Сосьвинском (Сартыньинском) городке – Христорождественская. См.: Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 16.

[530] Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 16.

[531] Краткое описание о народе остяцком. С. 73, 95; Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. С. 61.

[532] Под православным ландшафтом здесь понимается «система культовых объектов, размещенных на определенной территории, маркирующих ее как находящуюся под защитой высших христианских сил и обеспечивающую духовные потребности населения». Его целостность «базируется на едином религиозном учении, общих ритуальных практиках, регламентированных православным вероучением». Цит. по: Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург, 2020. С. 12.

жами от многочисленных жертвоприношений. В трех дня пути от этого места находилась «кумирня», где миссионеры обнаружили пять деревянных идолов антропоморфного вида. Здесь также осуществлялись жертвоприношения, о чем свидетельствовали кости животных. Ссыльный казачий полковник, неоднократно сопровождавший Лещинского в его миссионерских поездках, отметил, что «идолослужение» вогулов практически ничем не отличалось от такового же у остяков. Характерно, что он не смог выяснить у жителей этих мест происхождение главного идола Пелымско-Кондинского края – принесен ли он был сюда остяками, или это древний кумир самих вогулов[533] (рис. 3.26).

Рис. 3.26. Культовое место манси. Рисунок Ю. В. Тишкова с фото А. Ф. Палашенкова

Взаимоотношения обских угров с языческими божествами и духами, которые описывали миссионеры, путешественники и исследователи XVIII–XIX вв., строились в логике дарообмена. Духи, по представлениям «иноверцев», могли помочь в ответ на дар или покарать в ответ на его отсутствие или недостаток. При этом поклонение сверхъестественным силам и принесение жертв в расчете на помощь и покровительство сочетались с наказанием идолов, если они не оправдывали надежд[534]. Такого рода пример приводит Г. И. Новицкий, сообщая трагическую историю кондинского князца Сатыги, изрубившего и предавшего огню кумиров, к которым он обратился с просьбой об исцелении своих сыновей от болезни. Сыновья умерли, несмотря на уверения шаманов, что принесенная духам жертва поможет. Это произошло незадолго до приезда на Конду миссионеров, и они полагали, что произведенное Сатыгой уничтожение идолов облегчит им путь для проповеди. Ободрило их и то, что по пути к ним обратилась «жена христианина», которая родила в этом удаленном месте

[533] Краткое описание о народе остяцком. С. 82–85.

[534] Мартынова Е. П. «Дай, и тебе будет дано»: реципрокность в культово-религиозных практиках обских угров // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 13–22.

двойню и попросила крестить младенцев, что было незамедлительно сделано схиархиереем. Он, по словам его сподвижника, воспринял это как добрый знак, посчитав, что двойня символизирует два рода – вогульский и остяцкий, которые будут крещены[535].

Феодор выбрал Пелым местом пребывания для совершения «проповеди благочестия» в уезде. Выезжая в подгородные волости, миссионеры сжигали идолов. В ответ на призыв Лещинского в уездный центр для крещения приехал сотник Вагильской волости, чем подал пример своим соплеменникам. Но затем дело осложнилось непримиримой позицией четырех авторитетных в среде вогулов мужей, вступивших с проповедником в спор о вере. Это противостояние поначалу складывалось не в его пользу. Многие вогулы становились «глухи, как аспиды» к проповеди из-за любви к старине и древнему обычаю своих предков. Тем не менее, 17 марта более 200 чел. из Тахтанской волости пришли к Феодору просить о крещении. Следом склонились к принятию православия и противостоявшие схимитрополиту ревнители языческой веры. Вместе с ними крестились, по словам Г. И. Новицкого, 400 чел. из разных волостей. Схиархиерей отправил несколько священников по волостям крестить жен и детей принявших в Пелыме крещение мужчин[536].

Весной и летом 1714 г. в борьбе за души вогулов и остяков миссионеры столкнулись с конкуренцией со стороны мусульманских духовных лиц, подстрекавших местных князьков нападать на людей схимитрополита и препятствовать ему. Сначала это случилось в Кошукских юртах на р. Тавде по пути из Пелыма, затем в Бурейковых (Буренских) юртах[537], куда отряд Феодора отправился из Тобольска 12 июня и прибыл спустя три дня[538]. Некий абыз именем Авезбакей самовольно приехал в 1713 г. из Тарского уезда к остякам, жившим в низовьях Иртыша. Позднее местные князцы Карл Афанасьев и Юрашка Кулаев рассказали на допросе и очной ставке, что абыз этот «их, остяков, от крещения отвращал и велел им по своему научению утверждаться в басурманской вере», а, кроме того, убедил их оказать сопротивление миссионерам. Когда схимонах и его спутники сошли на берег и Феодор пытался заговорить с остяками, те стали их прогонять, а затем стрелять из ружей и луков. «И у самого архиерея одежду прострелили, и дву его человек ранили стрелами», а у Ивана Силина «прострелили пулею насквозь обе ладони»[539]. Миссионеры ретировались без применения для своей защиты оружия, которое было у сопровождавших их солдат (рис. 3.27). Сам схимитрополит писал в декабре 1723 г. об этом так: «абызы в юртах Буренских остяков смутили и мене мало не застрелили, а трех людей, бывших со мною, перестреляли увечно»[540].

Рис. 3.27. Офицер. Рисунок на последнем листе письма схимонаха Феодора митрополиту Антонию. Март 1722 г. ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1143. Л. 12

[535] Краткое описание о народе остяцком. С. 85–87.

[536] Там же. С. 87–89.

[537] Это селение остяков располагалось в нижнем течении Иртыша в Назымской волости Тобольского уезда.

[538] Краткое описание о народе остяцком. С. 90–91, 93.

[539] РГАДА. Ф. 248. Оп. 88. Д. 7306. Л. 58 об.

[540] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 12. Д. 1. Л. 180.

По справедливому замечанию М. О. Акишина, этот инцидент в соответствии с законами XVIII в. квалифицировался как бунт. Понимая все его последствия для виновников, Феодор попытался скрыть происшедшее от светских властей, к тому же позднее часть жителей этих юрт была крещена[541]. Донес губернской администрации о случившемся в Буренских юртах пострадавший Силин. Было начато следствие. По сенатскому указу абыза за отвращение остяков от православной веры было приказано бить кнутом и отправить в работу на Екатеринбургские заводы, «содержать в той работе под крепким караулом». В отношении же новокрещенных буренских и лебаутских остяков, которые к «розыску приличатся», указывалось следственных действий не применять и уголовного наказания не чинить, это «им оставляется за восприятие православной греческого исповедания веры», вместе с тем они подлежали церковному взысканию на усмотрение правящего архиерея[542]. Стрелявший в Феодора Уршанко (Ушанко) был арестован и ожидал суда в Тобольске, но по просьбе схиархиерея был прощен и отправлен к нему в тюменский Троицкий монастырь, где принял крещение[543].

Из Назымской волости схимитрополит проследовал со своим отрядом в Берёзовский уезд. По приказу из Тобольска в Берёзове было собрано более полутора тысяч жителей Подгородной, Казымской, Куноватской, Ляпинской, Сосьвинской и Обдорской волостей, включая остяцких князцов Никифора Еурова, Дмитрия Юзорина, Игоря Данилова, Матвея Шекшина (Шешкина), Петра Сянтлина (Османова) и Тайшу Гындина (Алексея Тайшина). Миссионеры крестили их в водах р. Сосьвы. Одновременное крещение сразу нескольких представителей туземной элиты справедливо оценивается в литературе как значительное для христианизации Обского Севера событие[544].

В целом экспедиции Лещинского 1714 г. принесли ощутимые результаты и стали переломным моментом в развернутой им при поддержке миссионерской деятельности первого сибирского губернатора. Не случайно, что в декабре этого года вышел царский указ[545], адресованный схиархиерею Феодору, которым предписывалось следующее:

> *Ехать тебе, богомольцу нашему, во всю землю огульскую, и в остяцкую, и во все их уезды, и в татары, и в тунгусы, и в якуты. И в волостях их, где найдешь их кумиры, и кумирницы, и нечестивые их чтилища, и то по сему нашего великаго государя указу пожечь, а их, вогуличев, и остяков, и татар, и всех иноземце,в Божиею помощию и своими труды приводить в христианскую веру. И о том явить им словесно и сей наш указ сказать. И которые… иноземцы крестятся, тем нашего царского жалованья давать холст ко крещению на рубахи, и в ясаку им льгота будет. А где ты, богомолец наш, приедешь в городы… и в волости, до тех городов надлежащие, что надобно к твоему поведению и к потребе, и то по сему нашего величества указу брать тебе в городах из казны у комендантов, что понадобится к тому крещению*[546].

---

[541] Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия. С. 21.

[542] РГАДА. Ф. 248. Оп. 88. Д. 7306. Л. 60 об.

[543] Краткое описание о народе остяцком. С. 97.

[544] Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 15; Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 36; Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С. 223; Перевалова Е. В. Северные ханты. С. 67.

[545] Текст указа, как полагает Н. А. Миненко, подготовил М. П. Гагарин. См.: Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 223.

[546] ПСЗ-1. Т. 5. № 2863. С. 133.

Таким образом, подвижники евангельского просвещения получали беспрецедентный административный и материальный ресурс для обращения сибирских «иноземцев» в православную веру, при этом география миссионерских маршрутов расширялась и конкретизировалась: «от Верхотурья до Пелыми, до Берёзова по Сосьве вверх, и за Берёзов вниз, и оттуда до Нарыма, и до Тобольска, и Енисейска, и Якутского»[547].В 1715 г. Феодор совершил вторую поездку в Пелымский уезд. Г. И. Новицкий как участник этой экспедиции сообщил, что первым делом они достигли места, где хранился уже упоминавшийся им знаменитый идол, вероятно, принесенный остяками с Оби, дабы его не уничтожили миссионеры[548]. Он был вырублен из дерева, одет в зеленую одежду, лицо его было обито железом, на его голове лежал мех чернобурой лисы. Седалище «истукана» было украшено дорогим сукном. Вокруг него стояли меньшие по размеру кумиры, «прислуживавшие» главному. Хранителем и служителем идола был Нахрач Евплаев. Вид этого человека был «злообразен», зловещее впечатление усиливалось его природным уродством – «горб на плещех и на персех имеющь»[549].

У местных жителей сохранилось предание о том, что с подаяний этому идолу их праотцы платили дань, установленную еще Ермаком. Как пишет Г. И. Новицкий, Нахрач, собирая подношения идолу от своих соплеменников, «изобилием и богатством превознесеся». На предложение Феодора «отстать» от своего идолопоклонства вогулы отвечали, что отказаться от почитавшегося их предками божества они не могут, и предлагали «наложить дань на сего» по 4 руб. в год, аналогичную той, что взимал «во дни своя Ермак». Схиархиерей отвечал им, что будет безумием «взимать погибельную цену душ ваших», которые кровью Творца всего сущего были искуплены.

Наконец несколько старейшин решили предложить миссионерам условия, на которых их сообщество согласно было бы принять крещение, раз уж есть такой государев указ. Первое – чтобы вместе с ними крестили и их древнего кумира, но золотым крестом, после этого они обещали украсить церковь и поместить его среди икон. Второе – не запрещать им есть лошадиное мясо. Третье – не запрещать многоженство. В ответ Феодор сказал, что эти старцы, подобно детям малым, не различают тьму и свет, святое и скверное, и условия их неприемлемы. Они еще больше разозлились, и возмущение собрания вогулов переросло в угрозы убить проповедников.

Но схимник не сомневался в успехе своего дела. В день памяти св. кн. Владимира пришел принять крещение старшина Помжук, показав пример остальным. После этого схиархиерей уже мог свободно обратиться с проповедью к собравшимся, и народ стал креститься. Дело закончилось тем, что упорствовавший до последнего Нахрач также приступил к таинству. Когда осеняли его крестом и в момент произнесения фразы «Отрицаюся тебя, сатана!» этому кудеснику стало плохо, его объял страх, и он начал кричать. Затем новокрещенных пригласили к трапезе, где Феодор еще раз обратился к ним с требованием истребить «истукана». И опять возник спор, теперь уже о том, как удалить его, не обесчестив на глазах своих почитателей. Ночью вогулы подменили изображение идола копией, которую миссионеры на следующий день погрузили в лодку, увезли и сожгли[550].

Из Нахрачевых юрт миссия отправились в Катышевы юрты той же волости, где ее участников поджидал князец Сатыга с шестью сотнями воинов. Здесь православные проповедники

---

[547] ПСЗ-1. Т. 5. № 2863. С. 133.

[548] Место это располагалось в Нахрачинской (Больше-Юкондинской) волости Тобольского уезда.

[549] Краткое описание о народе остяцком. С. 98–100.

[550] Там же. С. 101–108.

опять столкнулись с влиянием на остяков мусульманских активистов. Среди вогулов объявился татарин, прибывший из Тобольска и распустивший слух: «Аз… сам видех царьское повеление во граде прибито, в нем же государь повелевает, кто убиет архиерея, не будет за то ему казни». Феодор, узнав об этом от перебежчиков и понимая, на что была рассчитана провокация, решительно двинулся с отрядом вперед. Князец, видя, что миссионеры не устрашились, уехал, чтобы принести жертву своим богам и просить их о помощи. Схиархиерей тем временем проповедовал среди его воинов, спорил с шаманами о вере и в результате крестил желавших принять новую веру[551]. 10 июля схимник неожиданно свернул миссию, сказав своим спутникам: «Брат наш сибирский митрополит Иоанн успе, идем погребсти его», – и отправился в Тобольск[552].

В результате поездок миссионеров 1714–1715 гг. у новокрещенных Туринского, Пелымского и Тобольского уездов появились храмы Рождества Господня в Кошуцкой волости, Входа Господня в Иерусалим в Чернавской волости, Сошествия Святого Духа в Леушинской и Троицкие церкви в Нахрачинской и Ворьинской волостях[553]. Феодор определил Г. И. Новицкого надзирателем над новокрещенными Кондинских волостей. Ситуация здесь оставалась весьма сложной, конфликтной. В 1717 г. этот сподвижник Лещинского и несколько миссионеров были убиты во время бунта сторонников язычества, подстрекавшихся Нахрачем Евплаевым[554]. За это мятежный князец был казнен, а в июне 1718 г. управление волостью по приказу губернатора М. П. Гагарина и по архиерейскому благословению было поручено Нахрачееву сыну Тихону. В грамоте новому князцу, в частности, указывалось:

> *Служить великому государю верно, в сборе ясачном радети, меж своими подручными смотрети, чтобы вси веру християнскую держали постоянно, а шайтанов бы отнюдь не держали, но единому небесному кланялися б Богу*[555].

Борьба с языческими культами в регионах, которые посетил схимитрополит, была продолжена назначенными сюда священниками и вызывала порой жесткие ответные действия. Так, в 1721 г. «для наставления новокрещеных остяков и вагулцов в вере христианской» в Верх-Пелымскую волость Пелымского уезда был определен священник Михаил Степанов[556]. По словам Степанова, он в 1722 г. ходил зимой на лыжах по волостям «и обыскал у… вогуличь несколько кумирниц со идолы» общим числом 75, которые «все без остатку сожог». И за это «выискивание и сжение» вогульцы били священника так, что «едва и смертной язвы не учинили», за что, в свою очередь, были наказаны «кнутом и батожьем». Тем не менее, и 30 лет спустя он просил митрополита Сильвестра (Гловацкого) оставить его заказчиком при волостях новокрещенных для их христианского наставления[557].

---

[551] Краткое описание о народе остяцком. С. 108–109.

[552] Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 16.

[553] Описание документов и дел. Т. 14. Ст. 923–924; Николаев А. П. Приходская община новокрещенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII в. : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1996. С. 39.

[554] Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 38. Н. А. Миненко относит эти события к 1716 г. См.: Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 227.

[555] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1143. Л. 16.

[556] По данным Н. А. Абрамова, в 1722 г. священник Степанов «в Верхнепелымской волости построил церковь во имя Всемилостивого Спаса». См.: Абрамов Н. А. Проповедь Евангелия сибирским вогулам // ЖМНП. СПб., 1854. Ч. 83. Отд. 2. С. 55.

[557] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 776. Л. 1–1 об., 2 об.

Во второй половине 1716 г. Лещинский отправился на богомолье на родную ему Украину. Там его застал указ о назначении вновь на сибирскую кафедру. Вернувшись в Тобольск в марте 1717 г., он управлял епархией до того, как в 1721 г. митрополитом Тобольским и Сибирским был поставлен Антоний (Стаховский)[558].

Летом 1716 и 1718 гг. схимитрополит совершил две поездки в Сургутский уезд. Они были весьма успешны. Тогда, по данным Н. А. Абрамова, православие приняли 3 500 чел.[559] Большую помощь в крещении остяков средней Оби оказал Феодору выходец из местных казаков священник А. Д. Кайдалов. Его внук протопоп Иван Кайдалов писал в 1761 г., что его дед «просветил святым крещением северной страны идолопоклоннических народов сот до семи человек». В результате этих поездок появились первые церкви в Селияровской (Успения Пресвятой Богородицы), Юганских (Богоявленская и Иоанна Предтечи), Верхне-Лумпокольской (Рождества Христова) и Ваховской (Богоявленская) волостях[560]. По сведениям Г. Ф. Миллера, недалеко от Пирчиных юрт в Лумпокольской волости, название которой этимологически связано со словом lunku («дьявол»/«шайтан»), Лещинский во время крещения местных иноверцев сжег их главного божка Chonmon-junku («умного идола»). Вырезанный из дерева антропоморфного вида кумир почитался у среднеобских остяков как покровитель охоты и рыбалки. Его одаривали мехами и великолепной одеждой, которая надевалась на него[561].

А. И. Сулоцкий, комментируя стратегию и тактику Филофея в отношении «предметов идолослужения», заметил, что «доколе у инородцев оставались бы идолы, они все были бы убеждены в их божественности», к тому же митрополит истреблял таковые «после предварительного уверения в их ничтожестве и с согласия самих идолослужителей»[562]. Логика такого подхода вполне понятна. При этом следует признать, что уничтожение объектов поклонения было травмирующим фактором для их приверженцев. Приспосабливаясь к этим обстоятельствам, они, как свидетельствуют современники, прятали изваяния своих божков и заменяли их новыми (рис. 3.28).

Рис. 3.28. Фигуры домашних духов-хранителей восточных хантов. XIX в. ГМПиЧ. ХМ 383

Очевидно, что для облегчения коммуникации миссионеров с иноверцами, рассеянными на

[558] Сулоцкий А. И. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского, просветителя сибирских инородцев // Сулоцкий А. И. Соч. : в 3 т. / под ред. В. А. Чупина. Тюмень, 2000. Т. 2. О сибирском духовенстве. С. 51.

[559] Абрамов Н. А. Святитель Филофей, в схиме Феодор, просветитель сибирских инородцев. 2-е изд. Шамордино, 1915. С. 13.

[560] Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 225–226; Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия. С. 23.

[561] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 200–201.

[562] Сулоцкий А. И. Жизнь святителя Филофея. С. 60.

пространствах северных уездов, необходим был административный ресурс, чтобы собирать население в известное время в определенных местах для проповеди. С точки зрения А. И. Сулоцкого и ряда современных исследователей, соответствующие действия уездных чиновников вряд ли можно считать насильственной формой христианизации[563], как это представляется И. И. Огрызко и Е. М. Главацкой[564]. Автохтонные сообщества и их лидеры не могли игнорировать распоряжения светской власти в силу исторически сложившихся между ними и государством иерархических отношений, основанных на ранее данных шертях-присягах[565]. Примерами такой практики служат уже упоминавшийся сбор остяков и их князцов в Берёзове в 1714 г., а также предписание от 5 июля 1717 г. берёзовскому сыну боярскому Никифору Палтыреву следующего содержания:

> *Ехать тебе с Берёзова в Обдорскую волость для того: в нынешнем 717 году по указу великого государя будет в тое Обдорскую волость для крещения иноземцов преосвященный Федор, митрополит тоболский и всеа Сибири, и будут они, иноземцы, награждены великого государя жалованьем. И тебе, Никифору, будучи в тое Обдорскую волость, велеть остяком быть к приезду преосвященного Федора, митрополита тоболского и всеа Сибири, в готовности, чтоб они, остяки, никуды не розъезжались; тако ж бы и в Обдорском городке остяки все были в собрании*[566].

Вторая поездка схимитрополита в Обдорский край, вызванная в том числе нападениями на новокрещенных, была крайне неудачной[567]. П. Н. Буцинский отметил, что местные остяки и самоеды «с необыкновенным упорством держались язычества». Аналогичная история повторилась и в 1726 г., когда старец Феодор в третий раз отправился в низовья Оби. Уже в первых селениях Обдорской волости миссионеры увидели вооруженных людей, возбужденных своим князем Тайшой Гындиным и готовых броситься на них при попытке высадиться на берег[568].

Исследователи отмечают, что Обдорск на несколько десятилетий стал своеобразной границей между миром язычества и миром православия. По мнению Е. В. Перевалоовой, в это время «сложился идеологический союз обдорских остяков и самоедов, совместно выступавших против крещения и крещеных соплеменников»[569]. Для населения ясачных волостей Ниж-

---

[563] См.: Сулоцкий А. И. Жизнь святителя Филофея. С. 59; Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 124; Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX веков : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007. С. 164–166.

[564] См.: Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 36, 51–52; Главацкая Е. М. А был ли выбор? Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712–1715 гг. // Урал. сб. История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 82–102.

[565] Подробнее о содержании и значении шертей см.: Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177; Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, № 5: Археология и этнография. С. 233–241; Слугина В. А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 58–65.

[566] ПСИ. Кн. 2. С. 180.

[567] Князец Семен Кушкирев писал в июне 1716 г. на имя государя жалобу о нападениях на их волость «пустоозерской самояди», которые сопровождались грабежами и убийствами. В том же году сургутский воевода сообщал о том, что приехавшие в Пимскую волость самоеды подговаривали тамошних остяков напасть на Берёзов и Сургут в осеннее время. См.: ПСИ. Кн. 2. С. 106–109.

[568] Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов. С. 77–78, 92.

[569] Перевалова Е. В. Северные ханты. С. 68.

него Приобья наступили неспокойные годы. Ляпинский князец Семен в июле 1718 г. сообщал, что приезжала в их волость «воровская самоядь», а с ними остяк Микишка, которые по наущению обдорского князца Тайши Гындина «побивали в той волости ясашных остяков, а двух человек убили до смерти, и над теми убиенными наругалися», и грозились расправиться с самим Семеном за то, что он принял крещение[570]. Нападения продолжались и в дальнейшем. Н. А. Абрамов на основании информации из дел Берёзовской воеводской канцелярии сообщает о варварских, с грабежами и убийствами, набегах обдорских кочевников в 1722 г. на крещеных остяков Куноватской волости, об убийстве самоедами Ану-Карачейского рода крещеного князца Подгородной волости Никифора Еурова и нападении 130 самоедов на Ляпинскую ясачную волость, в ходе которого был подожжен городок, разграблена церковь, убито несколько человек, трупы которых были изувечены. Нательные кресты убиенных привязывались к шестам (*тюра*), а иконы волочились за нартами на веревке. Феодор настоятельно просил местные власти принять меры к охранению крещеных остяков от набегов. С этой целью в 1725 г. по разным местам уезда были разосланы вооруженные казаки, а в Берёзов были отправлены аманаты (заложники), взятые из «лучших самоедов» Каменной и Низовой сторон[571] (рис. 3.29).

Рис. 3.29. Самоеды Тобольской губернии. XIX в. Из собрания ГИМ. ГИМ-9497/526. № в ГК 34490704

Такая реакция со стороны некоторых групп «ясачных иноземцев» на изменения в религиозном ландшафте региона постепенно уступила место адаптации к этим изменениям и рецепции элементов православной культуры. При этом подчеркнем, что ни уничтожение части культовых объектов, ни методы административного воздействия не сыграли определяющей роли в массовой христианизации обских угров. Это имело значение лишь в сочетании с подвижнической деятельностью харизматичного Филофея (Лещинского), способного

[570] ПСИ. Кн. 2. С. 181.

[571] Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 20–21.

перевести непримиримое противостояние в диалог. Да, он опирался в своей деятельности на поддержку властей, но как миссионер действовал прежде всего силой убеждения.

Существенное влияние на процесс религиозной конверсии оказали складывавшиеся по этому поводу дарообменные связи между государством и церковью, с одной, и новообращенными, с другой стороны, предполагавшие в ответ на принятие православия соответствующие подарки и льготы. Логика дара была органична нормам социального поведения и религиозной практике индигенных сообществ Сибирского Севера. В целом основанные на этом реципрокные и иерархические отношения являлись универсальной формой взаимодействия между государством и автохтонами региона на протяжении XVII–XIX вв.[572]

Подарки на крещение в православной традиции имеют символическое (крестильная рубаха) и сакральное (нательный крест) значение, связанное с духовным обновлением, перерождением человека. Стремление к решительному изменению во внешнем облике неофита было обусловлено желанием сделать из него не просто православного, а русского в том смысле, как это понималось еще в XVI–XVII вв. Соответствовала этому и непременная в таких случаях смена прежнего имени на христианское. В царской грамоте от 15 января 1621 г. тобольским воеводам указывалось, что если «татарова, и остяки, и вагуличи» захотят креститься, то воеводы бы в ответ на просьбы архиепископа Киприана «для крещенья посылали… лутчим людем сукна на однорядки настафилные… а мелким людем сукна летчину»[573]. Кафтаны, шапки, рубашки, портки и сапоги указывалось приобретать за счет казны у «торговых людей»[574]. Норма выдачи «на крест» установилась при царе Федоре Алексеевиче. Было повелено «иноземцам», которые «похотят креститца… за крещенье давать великого государя жалованье по три рубли денег да по сукну»[575]. В Западной Сибири новокрещены до начала XVIII в., как правило, исключались из ясачного оклада и верстались в службу на «выбылые места», также их могли оставить жить в монастыре или «за русскими людьми», за которыми пожелают[576].

С 1703 г. в Сибири прекращается практика исключения крестившихся из числа ясачных. Это следует из текста грамоты Сибирского приказа в ответ на челобитную митрополита Филофея. В ней указывалось, что если «иноземцы похотят волею своею крестится… и их крестить… и ясаков с них не складывать (выделено нами. – *Авт.*), толко их спрашивать, какой ради причины приходят ко святому крещению и вере православной»[577]. При этом устоявшаяся практика одаривания прозелитов была в полной мере сохранена. Можно вспомнить положения уже упоминавшейся царской грамоты от 7 июня 1710 г. и именного указа Петра I

---

[572] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 271–273; Конев А. Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56; Конев А. Ю., Поплавский Р. О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI–XVIII вв.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 165–174; Мартынова Е. П. Институт дарообмена у обских угров в антропологическом дискурсе // Вестн. угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 546–555.

[573] Летчина (лятчина) и настафиль – разновидности суконной ткани. Более дорогой считалась ярко окрашенная настафиль.

[574] Тобольский архиерейский дом в XVII веке // История Сибири. Первоисточники. Вып. 4 / подг. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 148.

[575] ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. С. 312.

[576] См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 53–54, Оп. 3. Стб. 17. Л. 67–68; ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. С. 360; ПСЗ. Т. 2. № 1117. С. 662.

[577] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 203. Л. 38 об.

от 6 декабря 1714 г. Известно, что в 1718 г. на подарки вновь крестившимся схимитрополит Феодор взял из архиерейской казны лазаретные деньги, сукна красные «лучшим людям», сукна сермяжные и холст для рядовых ясачных, а также котлы, топоры, ножи и прочее[578]. Сенатским указом от 1 сентября 1720 г. на докладные пункты сибирского губернатора кн. А. М. Черкасского было велено «иноземцам, которые восприимут Христианскую веру, награждение давать против прежняго и по своему разсмотрению»[579]. Фраза «по своему рассмотрению» губернаторами могла трактоваться весьма широко. Не случайно, что после кончины в 1727 г. святителя Филофея, миссионерская деятельность которого обеспечивалась существенной материальной помощью, с реализацией указа возникли определенные проблемы.

Митрополит Антоний (Стаховский) в 1730 г. сообщал в Синод, что средств Тобольского митрополичьего дома для обеспечения растущего числа новокрещенных (уже не столько на севере, сколько на юге Сибири) «одеждою и прочим, к житию их потребным», не хватало, а от казны «им награждения во образ того, дабы протчии языцы, на то взирая, охотнее к православию приходили», не поступало. В ответ на это Синод представил Сенату свое мнение о том, чтобы выдавать митрополиту Тобольскому в год денег по 1 тыс. руб. из доходов Сибирской губернии, как ранее архиерею схимонаху Феодору, и направил надлежащий указ Антонию[580]. В 1741 г. соответствующее положение сенатского указа от 1 сентября 1720 г. вошло 33-м пунктом в инструкцию новому сибирскому губернатору И. А. Шипову[581].

В заботе православных иерархов о подарках и установленной в 1720 г. для новокрещенных трехлетней льготе в уплате ясака[582] просматривалось не только стремление материально заинтересовать потенциальных неофитов. Возникло понимание того, что государство и церковь обязаны такими дарами в ответ на решение туземцев стать православными, и необходимо их поддержать на этом этапе, чтобы они не впали в «прежнее злочестие». Власти оказывались в положении обязанных и с точки зрения самих новокрещенных. Анализируя записи юридических обычаев северных самодийцев и обских угров[583], Н. А. Миненко обратила внимание, что по их представлениям «в зависимость попадал не получатель дара, а даритель», а подарок – это «клятва пославшего его в верности своих действий своему долгу, своим словам», причем «между размерами дара и степенью верности долгу не существовало непосредственной связи»[584]. С некоторой степенью допущения эти наблюдения можно экстраполировать для объяснения повторных «корыстных крещений», нарушений клятв соблюдать новую веру, вплоть до «совращения в идолопоклонство», при невыполнении обещанного со стороны властей.

В дальнейшем правительство стремилось упорядочить награждение крестившихся из «идолопоклонников» и «магометан» в Российской империи, нивелируя региональные особенности. Важное значение имел 15-й параграф именного императорского указа от 11 сентября 1740 г. В соответствии с ним следовало выдавать каждому по кресту медному, по рубахе с портами и по сермяжному кафтану с шапкой и рукавицами, обувь – чирики с чулками. Людям

---

[578] Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия. С. 23.

[579] ПСЗ-1. Т. 4. № 3636. С. 234.

[580] ПСРП. Т. 7. С. 51–52.

[581] РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 371 об.

[582] ПСЗ-1. Т. 4. № 3637. С. 234–235.

[583] См.: Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников. Тобольск, 1884. С. 15–48.

[584] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 212–213.

«познатнее» полагались кресты серебряные, «кафтаны из сукон крашенных» и сапоги. Кроме того, женщинам – волосники и очельники и по холщовой рубахе. В зависимости от возраста и пола устанавливалась и выдача денег от 50 коп. до 1,5 руб. Если крещение принимали семьями, то им в дом следовало дарить по иконе «с изображением Спасителева образа или Богоматери с предвечным Младенцом»[585].

По мере роста числа новокрещенных и формирования их особого статуса с системой льгот и преференций актуализировался вопрос о защите и обеспечении их прав. Самое пристальное внимание ему уделял сам Лещинский, вступивший в конфликт с губернатором кн. А. М. Черкасским, который перестал отпускать из доходов губернии средства на подарки новокрещенным и для строительства у них церквей, а также пытался распространить на них дополнительные податные обязанности[586]. Другой напастью были злоупотребления местных чиновников и торговцев. В декабре 1725 г. в связи с начавшимся расследованием в Архиерейском приказе по доношению схиархиерея о том, что «руские люди к новокрещенным ездили в юрты с вином и пивом… и тем выманивали мягкую рухлядь, и подводы брали сильно», наместник Феодосий просил Феодора сообщить точнее, «кто обиды чинили и тем ясашных людей разоряли»[587]. Вследствие этого в июле 1726 г. появился указ, коснувшийся уездов Западной Сибири, которым запрещалось наносить обиды и притеснения как крещеным, так и некрещеным «иноземцам» под опасением смертной казни; новокрещенных, оказавшихся в услужении у разных людей, приказано было освободить, «не смотря ни на какие крепости»; тех из кабальных, которые уже были проданы, требовалось по розыску также освободить. По сведениям Н. А. Абрамова, только в Берёзове таких закабаленных остяков, не считая детей, оказалось до 50 чел.[588]

На протяжении XVIII столетия сохраняется особое отношение к обращению в православие представителей этнической элиты. В начале 1740-х гг. крестился сын Юзора Райдукова казымский князец Дмитрий. Прибыв «с товарищи» в Тобольск, он «объявил в презент» ко двору его императорского величества десять чернобурых лисиц, переданных в рентерею и потом доставленных в Москву[589]. 24 июля 1745 г.[590] в Тобольске с именем Василий крестился обдорский князец Мурзин Тайшин[591]. Его крестным стал губернатор А. М. Сухарев. В ответ на промеморию митрополита Антония (Нарожницкого) губернская канцелярия распорядилась выдать новокрещенному «на зделание платья из имеющагося в Тобольской рентереи галанского алого сукна шесть аршин ценою по два рубли по пятидесяти копеек аршин» и несколько аршинов холста на две рубашки и двое портков[592]. Отныне «верная служба» государю (государыне) крещеного туземного «княжика» предполагала ответные обязательства, выходившие за рамки привычных административных и фискальных функций. Подтверж-

---

[585] ПСЗ-1. Т. 11. № 8236. С. 254.

[586] Об этом подробнее см.: Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 227–230; Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия. С. 26.

[587] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1143. Л. 4–4 об.

[588] Абрамов Н. А. О введении христианства. С. 18–19.

[589] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 6. Д. 4064. Л. 1–2.

[590] Долгое время считалось, что он крестился в 1742 г. (см., например: Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Зап. ИРГО. Кн. 12. СПб., 1857. С. 336; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 266; Перевалова Е. В. Северные ханты. С. 70), обращение к первоисточнику опровергает эту точку зрения.

[591] Не путать с его отцом Мурзой Тайшиным, в крещении Василием, который крестился в 1726 г.

[592] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–2.

дая права Василия Мурзина «своими улусами владеть по прежнему», от него ожидали содействия местным властям в строительстве церкви во имя св. Василия Великого и в том, чтобы он «подначальных своих призывал ко крещению»[593] (рис. 3.30).

Представители обско-угорской элиты являли собой порой противоположные примеры искренности в принятии православия и обусловленной этим ассимиляции в русской среде. Если некоторые крещеные обдорские Тайшины оставались, по сути, язычниками, то внук знаменитого грозного Сатыги Осип Григорьевич Сатыгин окончил Тобольскую архиерейскую школу, неплохо писал и говорил по-русски. Он занял место своего отца и содействовал распространению христианской культуры среди кондинских манси. Сохранилось его приватное письмо, датированное 23 июня 1746 г., адресованное надзирателю Ивану Яковлевичу Перевицкому, фрагмент которого заслуживает того, чтобы его воспроизвести:

> *Прошу твоей милости, как будешь в Тобольску, изволте донести Преосвященному архиерею, чтоб дал вам указ ради объявления новокрещенным вогулечам в том, что по старому своему суеверию чтобы не жили, по старой вере калым не брали за дочерей своих, понеже и ныне берут, ины по сту рублев, ины по семидесят, чего ради многие молодые состариваются за неимуществом живота, от чего ныне в народе и плоду мало имеется*[594].

Рис. 3.30. Камзол XVIII в. – подношение семейному духу-покровителю. Хранился у потомков княжеской династии Артанзеевых. ГМПиЧ. ХМ-13420

В некоторых случаях новокрещенный волостной князец с его домочадцами мог остаться один на один с не принявшими его христианского выбора и агрессивно настроенными соплеменниками, как это произошло с упомянутым ранее Василием Мурзиным. Вернувшись в Обдорскую волость, он писал митрополиту Антонию с просьбой дать указ, чтобы его «от оных обдорцев, обретающихся в нечестии… оборонить, дабы ими, некрещенными остяками… напрасной смерти предан не был», или остяков этих «хотя и ис принуждения привести во святое крещение»[595].

Одним из результатов деятельности Филофея и его преемника митрополита Антония (Стаховского) было создание многоуровневой системы контроля за новокрещенными и защиты их прав. Она сочетала в себе церковные и светские инстанции с разделением функций между ними. Важнейшими в ней были институты заказчиков (из числа священников) и над-

[593] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 130. Л. 3–4, 11.

[594] Там же. Д. 235. Л. 4–4 об.

[595] Там же. Д. 130. Л. 12–12 об.

зирателей (из светских лиц, как правило, отставных военных). Первые надзиратели были определены самим Лещинским. В их числе – неоднократно упоминавшийся Г. И. Новицкий и пленные шведы прапорщик Карл Эск (в православии Карп Андреев) и офицер Кирилл Берх. Андреев надзирал за новокрещенными Казымской, Куноватской и Сосьвинской волостей, Берх – за проживавшими в Кодских городках. После гибели Новицкого на его место в Кондинские волости был назначен Иван Перевицкий из числа служилых польско-литовского происхождения[596]. Некоторое представление об их задачах дает выдержка из архиерейского наказа К. Берху 1728 г., опубликованная И. И. Огрызко:

> *Прежнее их [новокрещенных] идолослужение всеприлежно приискивать и искоренять, и за то их, ежели прямо сыщется, наказывать по разсмотрению; от всяких обид и налог их охранять и до разорения не допущать, как от тамо живущих, так и от проезжих русских людей*[597].

В 1720–1730-х гг. в Сибирской епархии формировались особые церковные области – «заказы» под началом заказчиков. Они занимали промежуточное положение между учреждениями епархиального управления (Архиерейским приказом, консисторией с 1744 г.) и приходами. Ф. Канарский отметил, что в некоторых местах заказчиками назначались настоятели монастырей, но в большинстве случаев – протопопы. Эти лица церковной администрации представляли собой «благочинных с правом суда над духовенством и мирянами… в духовных делах»[598]. Помимо прочего, они должны были бороться с вероотступничеством и проводить миссионерскую работу. Первыми заказчиками у остяко-вогульского населения были священники Михаил Степанов, Алексей Кайдалов и Сидор Иванов[599]. Известно, что в начале 1740-х гг. к территории современной Югры имели отношение четыре заказа. Три соответствовали одноименным уездам: Пелымский, Берёзовский и Сургутский. Демьянский заказ,- где проживали крещеные остяки, вогулы и татары, занимал северную часть Тобольского уезда[600].

Задачи и полномочия заказчиков определялись особыми инструкциями. Самая ранняя из сохранившихся (датируется 17 декабря 1739 г.) была дана митрополитом Антонием (Стаховским) демьянскому заказчику, священнику Николаевской церкви Андрею Федотову[601]. Преамбула четко определяет миссию этого лица: «новокрещенных народов, имеющихся в заказе твоем, ведать духовным исправлением и утверждением в православной вере». Документ состоит из десяти пунктов. Особое внимание обратим на положения, касающиеся действий заказчика в случае отпадения пасомых от церкви «в прежнее нечестие» и их участия в «идолопоклонстве». В первом случае (если после увещевания возвратятся) «принимать их к Церкви Святой по писмянному в Требнике Могилианском[602]», если же нет, увещевать

---

[596] Подробнее о деятельности этих надзирателей см: Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 88–89; Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 231, 237.

[597] Цит. по: Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 88.

[598] Канарский Ф. Инструкция, данная в 1763 году 1 мая митрополитом Тобольским и Сибирским Павлом протопопу Петру Смольникову, закащику демьянскому, и протопопу Афанасию Туесову, закащику нарымскому // Тобольск. епархиальные ведом. 1892. № 19–20. С. 440.

[599] Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 229.

[600] Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 87; ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 156. Л. 12 об. –14.

[601] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 166. Л. 39–40 об.

[602] Требник киевского митрополита Петра Могилы, изданный в 1646 г., содержал в себе подробное изложение чинопоследований и молитв с наставлениями для священников догматического, об-

«и кротко, и жестоко, молением и прещением, и обращающихся принимать», если и это не даст результата, то о таких «доносить со всяким обстоятельством». При обнаружении «идолов и шайтанов» предписывалось при свидетелях сжигать их на том же месте, а виновных в том новокрещенных «по мере преступления публично наказывать и впредь то творить запретить с порукою»[603] (рис. 3.31).

Проблема возвращения новокрещенных к языческим практикам особенно масштабно проявилась в Берёзовском уезде. Так, по данным С. В. Бахрушина, в 1723 г. там было конфисковано и уничтожено 1617 деревянных и железных «болванов» – домашних божков, хранившихся в особых «коробьях»[604]. В марте 1745 г. берёзовский и самаровский заказчик Гаврила Максимов доложил в Тобольск о живущих в Нагакарском и Шоркальском городках крещеных остяках, которые были уличены им «во обязательстве с сатаною и в веровании в него». Двое из них, Петр Максимов и Григорий Чабаков, признались затем на допросе, что и «протчих тому душевредству обучали». За это они были биты плетьми и в соответствии с правилами св. Василия Великого (73, 83 и 84)[605] «в покаяние вместо смертной казни» были отправлены «в тяжкие вечные монастырские труды» в кодский Троицкий монастырь[606].

Протопоп Максимов сообщил также о том, что в Куноватской и Обдорской волостях многие «новокрещенные иноземцы» живут «вкупе с некрещенными», то есть принявшие православие мужья – вместе с женами и детьми, находящимися вне лона церкви. Поэтому они «оставляют православную веру вслед жен и прочих родственников»[607]. В 1750 г. в Тобольской консистории расследовалось новое дело об «идолопоклонстве», теперь уже среди новокрещенных остяков Сосьвинской и Ляпинской волостей. В итоге консистория велела некоторых из них в назидание другим наказать публично, но «вместо кнута бить плетьми», а двух женщин «за чинимое ими чародейство» приговорила высечь кнутом. Кроме этого, уездной канцелярии предписывалось «перепоручить их, иноземцов, круглою друг по друге порукою, дабы они друг за другом… смотрели накрепко, чтоб из них никто никаких вере православной противных непорядков не чинил»[608].

Не случайно, что в июне 1752 г. Сибирская губернская канцелярия предписала Берёзовской воеводской канцелярии «во все ясашныя волости послать нарочного», обученного грамоте и писать умеющего человека, чтобы он исследовал, не держат ли новокрещенные остяки у себя «идолов и шайтанов» и «не имеют ли общежительство в одних домех с некрещеными». В отличие от прежней практики показательного уничтожения в местах обнаружения предметов языческого поклонения, инструкция этому лицу требовала только изъять их и с указанием, чьи они, прислать в губернскую канцелярию. Тех новокрещенных, «ежели

рядового и казуистического содержания. Некоторые его статьи при Никоновском исправлении были внесены в богослужебные книги, в том числе чин присоединения иноверцев, о котором идет речь в приведенной цитате документа. См.: Требник Петра Могилы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 33а. С. 747–748.

[603] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 166. Л. 40–40 об.

[604] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Науч. тр. Т. 3, ч. 2. С. 106–107.

[605] Имеется в виду «Третье каноническое послание святаго отца нашего Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийския, к Амфилохию, епископу Иконийскому», входящее в правила святых отцов православной церкви.

[606] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 130. Л. 36–37.

[607] Там же. Л. 37 об.

[608] Там же. Л. 42 об. –43 об.

Рис. 3.31. Евхологион албо Молитвослов, или Требник (Киев, 1646). Требник митрополита Петра Могилы. Музей-заповедник «Дмитровский кремль». № в ГК 47319370. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47563574

у кого такие идолы явятца», следовало «обязать подпискою под наикрепчайшим наказанием[609], чтоб впредь, конечно, при них таких… не было. А имели б по вере своей честныя иконы непременно»[610]. Нетрудно заметить смягчение риторики этого документа в сравнении, например, с доношением священника Михаила Иванова и надзирателя Ивана Перевицкого, требовавших в ноябре 1746 г. указания от Пелымской воеводской канцелярии с целью «унять от идолопоклонства» подведомственных им вогулов, бить виновных «кнутом нещадно на страх другим… дабы, на то взирая, и другия чинить того не дерзали впредь под опасением смертныя казни»[611].

Очевидно, что практиковавшиеся до середины XVIII в. методы борьбы с прежними верованиями народов Северо-Западной Сибири оказывались малоэффективными. В уголовном законодательстве, включая санкции за преступления против православной веры и церкви, сохранялась характерная для Соборного уложения 1649 г. и ряда петровских артикулов и указов концепция устрашения как форма предупреждения и предотвращения таких правонарушений. Но жизнь была намного сложнее, особенно если это касалось сакральной сферы и убеждений человека. В абсолютном большинстве случаев власти шли на смягчение репрессий по статьям, где могла быть применена смертная казнь. Телесные наказания были нормой для XVIII столетия, грозным оставался лишь язык следственных документов о возможных крайних мерах. Иерархи, заказчики и рядовые священники понимали, что христианизация на этом этапе и в этих условиях имела внешний характер. Большим препятствием для нее являлось плохое знание или незнание «иноверцами» русского языка, а клириками – языков местных народов в той степени, чтобы доносить основные догматы церкви, ее учение. При этом необходимо было наладить приходскую жизнь новокрещенных. Все эти задачи решались уже на следующем этапе описываемого нами процесса.

Приходская организация и катехизация новокрещенов

Исследователи сходятся во мнении, что уже в 1730–1740-е гг. практически все обско-угорское население Пелымского, Тобольского и Сургутского уездов, а также большей части Берёзовского, за исключением Обдорского края, считалось крещеным[612]. В середине XVIII в. интересующий нас регион, включая активно сопротивлявшийся миссионерам Обдорский Север, уже не являлся территорией сколько-нибудь существенного роста обращенных в православную веру из числа остававшихся в язычестве. Это подтверждают представленные в феврале 1754 г. в Синод тобольским митрополитом Сильвестром (Гловацким) «Краткие ведомости новокрещенным, сколько оных в Тобольской епархии и из какого народа просвещено Святым крещением» за начало 1750-х гг., выборка из которых приведена в табл. 3.1. Для сравнения отметим, что всего за эти годы в Сибирской епархии, включавшей Западную и Среднюю Сибирь, а также Оренбургскую губернию, было обращено в православие из бывших мусульман и язычников более 4 тыс. чел.

---

[609] В данном случае слово «наказание» следует понимать, как «наставление, поучение». См.: Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений) / сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. М., 1900. С. 330.

[610] РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.

[611] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 235. Л. 3 об.

[612] Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 49; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 265; Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург ; Салехард, 2000. С. 164.

Таблица 3.1

Вновь крестившиеся остяки и самоеды Северо-Западной Сибири в 1750–1752 гг.[613]

Этническая группа	1750	1751	1752	1750–1752
Самоеды	–	1	6	7
Остяки	–	12 (8 – из язычников, 4 – из обращенных в ислам)	11	23
Итого	–	13	17	30

Следует сказать, что крещенные в эти годы самоеды не фигурируют затем в ведомостях и ревизских сказках 1770–1780-х гг. Случаи их перехода в православие были единичны, подобно истории с «самозванцем» Хаской Ваносовым, который крестился 25 апреля 1751 г. в период высылки и жизни в Тобольске[614]. В силу известных обстоятельств эти лица не могли оставаться среди своих соплеменников-язычников или вернуться в их среду. По мнению митрополита, одной из причин отсутствия в эти годы желания креститься как у татар, так и у «идололаторов» было то, что «за добровольное восприятие крещения многим не дается не только награждения, но и указной трехлетней льготы от податей»[615].Для наглядного представления о составе и административной географии паствы, окормлявшейся местными священниками во второй половине XVIII – первой трети XIX в., приведены систематизированные данные о численности «исповедующих христианскую веру» обских уграх обоего пола[616] с распределением по уездам и волостям (табл. 3.2–3.5). Отметим, что аналогичных сведений по всем духовным заказам, волостям и уездам Северо-Западной Сибири ранее 1771 г. обнаружить пока не удалось[617].

Фиксируемое документами второй половины XVIII – начала XIX в. заметное увеличение крещеных остяков и вогулов было обусловлено, с одной стороны, естественным приростом населения и включением ясачных народов Сибири с начала 1780-х гг. в подушные переписи («ревизии»), следствием чего стали учет всех половозрастных категорий сибирских автохтонов и его более тщательная организация. Эти факторы оказали определяющее влияние на динамику соответствующих статистических показателей. Причины существенной разницы между данными 1771 г. и последующих ревизий о ляпинских и сосьвинских уграх требуют изучения, возможно, это было связано с миграционным притоком из соседних волостей. Также следует отметить, что статус новокрещенов в этот период наследовался

---

[613] Описание документов и дел. Т. 31. Ст. 473–478.

[614] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 800. Л. 1–2. Церковные власти надеялись, что крещение Ваносова послужит примером для его сына и родовичей, но эти ожидания не оправдались. Сам же Хаска после крещения «обретался при доме его преосвященства».

[615] Описание документов и дел. Т. 31. Ст. 83–84. Митрополит имел ввиду случаи неисполнения светскими властями соответствующих положений, изданных на этот предмет указов, а не прекращение выдачи подарков и предоставления льготы в уплате ясака как таковых.

[616] Представленные духовными заказами сведения за 1771 г. включали информацию как о взрослых, так и о детях, за исключением присланных из Демьянского заказа с пояснением «кроме малолетних остяков» (ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2791. Л. 106).

[617] Впервые ведомости 1771 г. были использованы в работе И. И. Огрызко. В ряде случаев его интерпретация и соотнесение этих данных с административными и этническими реалиями не отличаются точностью. См.: Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 44–48.

от родителей. Принадлежащими христианскому исповеданию считались их малолетние дети, даже если не все младенцы в первый год жизни бывали крещены, а некоторые умирали некрещеными. Иногда своих детей в силу разных причин обитатели тайги и тундры старались укрыть от переписей. Поэтому данные ревизских сказок, касающиеся «ясачных» православного и неправославного исповедания, должны рассматриваться с учетом этих замечаний (табл. 3.2, 3.3).

Таблица 3.2

Крещеные вогулы Пелымского уезда (до 1782 г.) и Пелымского комиссарства/отделения Туринского уезда/округа[618]

Волости	**1771**[619]	**1795**[620]	**1816**[621]	**1830**[622]
Верхнекондинская	291	301	362	318
Большекондинская	384	533	559	612
Ворьинская	108	113	53	48
Лиственичная	96		50	25
Вагильская	108	109	122	116
Верхнепелымская	264	283	265	233
Тахтанская	174	250	294	301
Сосьвинская	82	132	102	110
Леушинская	360	В Тобольском уезде		
Итого	1 867	1 721	1 807	1 763

[618] В таблицу не включены данные о «новокрещеных вогулах» табаринских волостей, испытавших до прихода русских заметное тюркское влияние. Не случайно население этого региона обозначалось в документах конца XVI – первой половины XVIII в. как «татары» или «татары и вогулы». См. об этом: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 100–104. Очевидно, что и в конце XVIII – начале XIX в. здесь проживало смешанное татарско-вогульское население.

[619] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2791. Л. 35–37.

[620] Сведения V ревизии взяты из материалов Научного научного отчета межрегиональной культурологической ассоциации «Коренные народы и культура межнациональных отношений на территории Ханты-Мансийского округа» 1992 г., опубликованного в кн.: Югра многовековая : сб. арх. док. / сост. Н. Д. Судакова, С. В. Тюлина, Л. М. Завьялова. Ханты-Мансийск, 2019. С. 114.

[621] Здесь и далее материалы VII ревизии см.: ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 357. Л. 93 об. –245.

[622] Здесь и далее материалы Второй Ясачной комиссии см.: ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 967. Л. 16 об. –17.

Таблица 3.3

Крещеные остяки и вогулы Тобольского уезда/округа

Волости	1771[623]	1782[624]	1816[625]	1830[626]
Туртасская (остяки)	Не указаны	182	132	117
Назымская (остяки)	Не указаны	313	304	302
Нарымская (остяки)	9 юрт приходов Кодинского и 27 юрт приходов Демьянского заказов (Самаровское ведомство)	414	459	443
Тарханская (остяки)		626	749	701
Верх-Демьянская (остяки)		393	346	286
Темлячевская (остяки)	678	400	363	305
Меньшекондинская (остяки)	30 юрт приходов Демьянского заказа (Тобольское ведомство)	605	748	830
Кондинская (вогулы)[627]		350	427	454
Больше-Юкондинская (вогулы)		290	315	351
Ландинская/Меньше-Юкондинская (вогулы)	296	97	104	103
Леушинская (вогулы)	В Пелымском уезде	188	222	228
Итого	974	3 858	4 169	4 120

Полнота и точность информации относительно как числа «новокрещенных остяков», так и состава юрт и волостей, приведенных в ведомостях из Демьянского и Сургутского духовных правлений за 1771 г. (табл. 3.3, 3.4), вызывают определенные сомнения. При этом следует отметить, что сведения о новокрещенных, поступившие из Демьянского, были представле-

[623] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2791. Л. 67–67 об., 101–106. Соответствие группам волостей определено путем сопоставления перечисленных в ведомостях духовных правлений селений-юрт с аналогичной информацией из ревизских сказок и картографических источников конца XVIII – начала XIX в.

[624] По некотором волостям этого уезда более полные данные за конец XVIII в. сохранились в материалах IV (1782–1783 гг.), а не V (1795 г.) ревизии. П, поэтому предпочтение отдано им. См.: ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 4. Л. 1272–1389.

[625] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 347. Л. 22 об. –502.

[626] ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1052. Л. 13–14.

[627] В ведомости Демьянского духовного правления 1771 г. население юрт Кондинской, Больше-Юкондинской и Ландинской волостей названо «новокрещеными остяками». Позднее они устойчиво определяются как «вогулы».

ны не с разбивкой по волостям, а по расположенным вдоль рек (низовья Иртыша, Демьянка и Конда) группам селений разных приходов. Сведения из Кондинского правления даны по приходам[628] также с перечислением юрт. В обоих случаях указывалась подчиненность населения светским Самаровскому и Тобольскому «ведомствам» (управительской и губернской канцеляриям соответственно).

Таблица 3.4

Крещеные остяки Сургутского уезда (до 1804 г.) и Сургутского комиссарства/отделения Берёзовского уезда/округа[629]

Волости		1771[630]	1795[631]	1816[632]	1830[633]
Балытская (подгородная)		206	В составе Юганской-Подгородной		
Салымская		668	278	256	326
Селиярская			104	82	134
Юганские	Малоюганская	880	352	252	286
	Большеюганская		551	506	592
	Подгородная		403	313	362
Пимская		144	163	148	166
Аганская		118	127	104	96
Тромюганская		337	347	341	297
Ваховская		460	521	635	706
Нижнелумпокольская		626	734	798	808
Верхнелумпокольская		539			
Салтыковы		Не упомянуты	304	362	359
Пирчина		Не упомянута	289	306	360
Итого		3 978	4 173	4 103	4 492

[628] Эти приходы с известной степенью допущения соотнесены нами со следующими волостями Кодского ареала: Троицкий (Белогорская волость), Сухоруковский (Ендырская волость), Малоатлымский (Мало- и Большатлымские волости), Монастырский (Нагакарская волость), Шоркальский (Шоркальская волость) и Чемашевский (Чемашевская волость) (см. табл. 3.3).

[629] В таблицу не внесены селькупы «Тазовской стороны Тымской и Караконской волостей», находившиеся по документам 1780-х гг. в ведении «города Сургута уезду Тазовского». В 1771 г. там насчитывалось 946 чел. По IV ревизии (1782–1783 гг.) в четырех Тымских насчитывалось 468, в двух Караконских – 256 чел. См.: ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2791. Л. 108; Ф. И154. Оп. 8. Д. 44. Л. 248–284 об.

[630] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2791. Л. 107 об. –108. Число новокрещенных по трем юганским волостям дано в сургутской ведомости 1771 г. общей цифрой.

[631] Югра многовековая. С. 112–113.

[632] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 871–1016.

[633] ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 851. Л. 30 об. –31.

Таблица 3.5

Крещеные остяки, вогулы и самоеды Берёзовского уезда/округа

	Волости		**1771**[634]	**1782–1783**[635]	**1816**[636]	**1830**[637]
Кодские городки (остяки)[638]	Белогорская		368	690 (с Воспукольской волостью)	729	2 628
	Ендырская		480	554	555	
	Малоатлымская		570	178	216	
	Большеатлымская			389	425	
	Нагакарская		336	338	343	
	Шеркальская		337	438	206	
	Естыльская		Не указана		176	
	Чемашевская		404	322	244	
Всего			2 495	2 909	2 894	2 628
Подгородная (остяки)			540	429	411	398
Казымская (остяки)			802	714	865	962
Куноватская		остяки	1 219	1 363	1 743	1 620
		самоеды	–	–	–	6
Обдорская (остяки)			481	446	915	745
Сосьвинская (вогулы)[639]			724	1 121	1 098	968
Ляпинская		вогулы	948	1 222	1 533	1 503
		самоеды	–	–	–	5
Итого			7 209	8 204	9 459	8 835

[634] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2791. Л. 32, 67 об. –70.

[635] По некоторым волостям этого уезда более полные данные за конец XVIII в. сохранились в материалах IV, а не V ревизии. Поэтому предпочтение отдано им. См.: ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 43. Л. 1–307, 326–409 об.

[636] ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 404. Л. 1–480, 483 об. –644.

[637] ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 851. Л. 30 об. –31. После реформы 1822 г. Кодские городки обычно рассматривались и учитывались как одна волость.

[638] Волости Кодского ареала на протяжении XVIII в. находились в подчинении Тобольского уезда и Самаровской управительской канцелярии.

[639] Во всех использованных здесь источниках угры Сосьвинской и Ляпинской волостей названы «новокрещеными остяками». В этнографической литературе утвердилось мнение о том, что к концу XVIII в. угорским населением этих волостей преимущественно являлись вогулы (манси). См. об этом: Мартынова Е. П. Обские угры (ханты и манси) // Народы Сибири и Севера России в XIX в. (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 158–193; Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999. С. 30–33.

В Берёзовском уезде некрещеной оставалась большая часть остяков Обдорской волости и практически все самоеды Обдорской, Куноватской, Казымской и Ляпинской волостей (табл. 3.6). На протяжении всего представленного периода доля некрещеных автохтонов здесь составляла в среднем около 40 % и даже несколько увеличилась к моменту проведения Второй Ясачной реформы. Серьезным фактором, сдерживавшим тут до середины XIX в. процесс христианизации, была позиция князей Тайшиных, формально крещеных, но отнюдь не стремившихся содействовать светским властям и церкви в деле распространения православия в этой части Берёзовского края. Известно, что когда в начале 1830-х гг. в Обдорск спустя без малого столетие вновь прибыли миссионеры, кн. Матвей Тайшин, «пользуясь своею властью, воспретил язычникам приходить в миссию; а подчиненные ему остяцкие и самоедские старшины силою удерживали своих соотчичей от крещения»[640]. Неудивительно, что посетивший до этого в 1829 г. северные районы епархии архиепископ Тобольский Евгений (Казанцев) с грустью заметил, что даже крещеные остяки, «живущие ниже Берёзова – к Обдорску, “вовсе не знают христианской веры и даже имени Господа Иисуса Христа”»[641].

Таблица 3.6

Некрещеные самоеды и остяки Берёзовского уезда/округа

Волости		**17712**[642]	**1782–1783**[643]	**1816**[644]	**1830**[645]
Обдорская	самоеды	2 829	3 387	4 392	3 644
	остяки	1 083	1 586	2 424	1 955
Ляпинская (самоеды)		97	163	162	138
Казымская (самоеды)		483	507	416	551
Куноваткая (самоеды)		44	41	45	37
Итого		4 536	5 684	7 439	6 325

По мере завершения к середине XVIII в. в Северо-Западной Сибири деятельности миссионерских экспедиций возрастала роль приходских священников в христианском просвещении автохтонного населения. На них возлагался труд по обучению неофитов истинам веры, нормам христианской жизни, а также по дальнейшему распространению православия среди иноверцев. Из их числа затем будут рекрутировать и кадры специальных проповедников для отправки с миссионерскими целями в отдаленные приходы епархии. Безусловно, важнейшим условием воцерковления новокрещенных было формирование у них приходской организации. В рамках своей церковной общины они получали возможность иметь более или менее регулярное общение с духовенством по делам веры, присутствовать на богослужениях, слушать проповеди и участвовать в таинствах.

---

[640] Иринарх, иером. История Обдорской духовной миссии. 1854–1904 гг. М., 1906. С. 7.

[641] Сулоцкий А. И. Миссионерства Берёзовского края – Обдорское, Кондинское и в особенности Сургутское // Странник. СПб., 1869. Авг. Кн. 8, отд. 4. С. 104.

[642] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 2791. Л. 32. Сведения о некрещеном населении Обдорской и Ляпинской волостей здесь явно неполные.

[643] Там же. Ф. И154. Оп. 8. Д. 43. Л. 56–57 об., 80–218 об., 237 об. –252 об., 280–283.

[644] Там же. Д. 404. Л. 317–480, 483 об. –866.

[645] ИсАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 851. Л. 30 об. –31.

Во второй половине XVIII в. в северных заказах Западной Сибири, по данным А. П. Николаева, сформировалось 39 приходов, к которым были приписаны новокрещенные вогулы и остяки[646]. Только из новокрещенных автохтонов состояли в Демьянском заказе два, в Пелымском (Туринском) – три, в Кодинском/Кондинском и Берёзовском – по четыре, в Сургутском – шесть приходов. Смешанные с русскими приходы существовали там, где ямщики и крестьяне проживали смежно с «ясашными», поэтому наибольшее их число зафиксировано в Демьянском (6) и Пелымском (4) заказах. В Берёзовском заказе таких приходов не было. Несколько русских крестьян и разночинцев в 1773–1783 гг. отмечено в Ваховском приходе Сургутского заказа. На территории Пелымского заказа проживали вогулы, а в Кодинском – остяки. В Берёзовском заказе три прихода были остяцкими, а один, Христорождественской церкви Сосьвинской и Ляпинской волостей, вероятно, состоял из вогулов и остяков. В Сургутском заказе наряду с остяцкими существовали приходы, к которым были приписаны селькупы[647] Тымской и Караконской волостей, а в приходе Тазовской Николаевской церкви числилось небольшое число крещеных самоедов (ненцев)[648]. Территории северных приходских общин совпадали с границами волостей или групп из смежных волостей обских угров.

Как известно, серьезными проблемами для выстраивания коммуникации в регионе были его малонаселенность и большая разреженность населения при отсутствии надежных путей сообщения. В этих условиях епархиальная власть разрешала возведение храмов и открытие новых приходов в северных уездах, даже если это не соответствовало установленной в 1722 г. норме численности дворов потенциальных прихожан (от 100 до 150). Так, в феврале 1755 г. Тобольская консистория пошла навстречу просьбе новокрещенных остяков Чемашевского, Нарыкольского (Нарыкорского) городков и Килдисянских юрт (всего 58 дворов) о строительстве «своим коштом» деревянной церкви в честь св. Николая Чудотворца с выделением из прихода шоркальской Спасской церкви. Обоснованием служило то, что от Шоркальского погоста эти юрты и городки «в сорока верстах, и за тою де далностию и за неспособными путевыми местами… для исповеди и приобщения Святых Христовых Тайн и за протчими… до спасения душ человеческих требами имеют немалую нужду»[649]. При этом высказывалось обоснованное опасение, что новокрещенные за редким «в церкви святой бытием могут… совратиться в прежнее свое идололаторство»[650] (рис. 3.32).

Следует отметить, что на протяжении 1750–1790-х гг. в одном приходе Берёзовского, в трех – Кодинского, в двух – Пелымского (Туринского), в трех – Сургутского и в двух – Демьянского заказа не было нормативного числа дворов новокрещенных, и в ряде случаев отмечено их устойчивое сокращение. В приходе казымской Успенской церкви в 1755 г. насчитывался 121 двор, но к 1792 г. осталось только 78. Наиболее крупными по числу дворов в этот период были приходы ляпинско-сосьвинской Христорождественской церкви (от 182 до 191), боль-

---

[646] Вместе с четырьмя приходами Нарымского заказа. Далее данные приводятся без учета этого заказа.

[647] В документах второй половины XVIII в. они значатся как «новокрещенные остяки».

[648] Николаев А. П. Приходская община новокрещенных. С. 49, 51, 78–80.

[649] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1814. Л. 19. История с открытием Никольского храма в Чемашевском городке имела продолжение. Его строительство было завершено в 1756 г. (по другим данным – в 1759 г.), но до начала 1760-х гг. он оставался без службы, так как не был обеспечен причтом – священником, дьяконом и пономарем. В феврале 1761 г. с прошением о решении этого вопроса к правящему архиерею Павлу (Конюскевичу) обратились сотник Дмитрий Морозов «с товарыщи», представлявшие новокрещенных остяков названного городка и шести юртов вновь создаваемого прихода. См.: ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 2. Д. 245. Л. 2–4.

[650] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 1. Д. 1814. Л. 20–20 об.

шекондинской Сретенской (от 115 до 124), куноватской Троицкой (от 99 до 106) и ваховской Богоявленской (от 94 до 110) церквей, в которых за эти 40 лет отмечается еще и прирост[651]. А. П. Николаев установил, что, как правило, размеры моноэтничных общин новокрещенов были меньше, чем в соседних приходах других типов. Этот контраст ярко проявлялся в Пелымском и Демьянском заказах. Так, в приходах новокрещенных Демьянского заказа в 1781 г. было в среднем 79–80 дворов и 496 душ обоего пола, тогда как в приходах смешанных и исключительно русских – 145 дворов и 1163 души[652].

Рис. 3.32. Церковь Живоначальной Троицы в селе Нахрачинском. Построена в 1820-х гг. Фото В. Н. Пигнатти. Фотофонд ТИАМЗ. ТМ-15519/42

Как уже было показано ранее, важную роль в церковной жизни интересующего нас региона играли заказчики, которые контролировали деятельность приходского духовенства и религиозную жизнь местного населения, организовывали борьбу с ересями и миссионерскую работу. Каковы были их права и обязанности во второй половине XVIII в., можно составить представление, знакомясь с текстом инструкции, данной в 1763 г. митрополитом Тобольским и Сибирским Павлом (Конюскевичем) демьянскому и нарымскому заказчикам Петру Смольникову и Афанасию Туесову. Обратим внимание на те ее положения, которые определяли деятельность духовенства в отношении новокрещенных.

В п. 24 инструкции предписывалось «во всем ведомстве неверным народам проповедывать слово Божие и приводить их в познание Единаго Триипостаснаго Бога, во святой Троице славимаго и поклоняемаго от всея твари, Отца, и Сына, и Святаго Духа». Призывать эти народы предписывалось «пристойным образом и чином Апостольскаго учительства»[653]. При крещении «на первый случай» полагалось изучать только «самые краткие и нужные молитвы». Потом можно было переходить к «довольному наставлению… и кратко же толковать о вере, надежде и любви к Богу и к ближнему» и «вводить их в христианские обычаи»[654]. Согласно п. 28, приезжая (но не во время сбора ясака) к тем туземцам, которые приняли крещение «в прежних годах», заказчики должны были «прочитывать приличное поучение и отправлять молитвы по церковному чину, смотря на время: аще вечер – вечерю, аще утро – утреню» и затем совершать молебны с водоосвящением, окроплять святой водою «избы

[651] Николаев А. П. Приходская община новокрещенных. С. 56–60.

[652] Там же. С. 55.

[653] Канарский Ф. Инструкция, данная в 1763 году // ТЕВ. 1892. № 21–22. С. 502.

[654] Там же. 1893. № 3–4. С. 65.

и всех людей, тамо живущих». В пост надлежало исповедовать и причащать. При этом живущих в отдаленных местах – таким же образом, как больных, в отличие от новокрещенных, живущих недалеко от церквей, которые могли совершать эти таинства во время литургии. После причастия следовало «поучать их от святаго Писания». П. 31 и 32 были посвящены борьбе с «идолопоклонством» и уклонением к нему принявших крещение[655].

Практика реализации прописанных в инструкциях заказчикам указаний и рекомендаций обнаружила ряд сложностей, обусловленных как отношением к исполнению христианского долга со стороны новокрещенных, так и удаленностью их жилищ, сезонными перекочевками, суровым климатом и малочисленностью священнослужителей в северных заказах. По этой причине предпринимались шаги, направленные на усиление контроля за исполнением «христианского долга» с опорой на представителей автохтонных приходских сообществ.

В 1780 г., помимо церковных старост, отвечавших за благолепие храма и приходскую казну, избиравшихся из среды новокрещенных, в приходах Берёзовского заказа был введен институт старост-надзирателей, которые определялись в каждые юрты (селения) всех ясачных волостей[656]. Им выдавались специальные «наставления». Текст одного из них сохранился. Он адресован «Подгородной волости Вогульской реки ясашному остяку Ивану Гришкину». Первым пунктом наставления предписывалось понуждать соплеменников,

> *…чтоб они молитвам обучались, во-первых: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Отче наш… Богородице Дево… и Символа, верую во единого Бога… и каждую в твердости читали… по вся дни в доме по утру и в вечеру пред святыми иконами… да и во время приезда к ним приходскаго священника для обучения тех молитв неотложно к нему сходились.*

Следующий пункт касался наблюдения за тем, чтобы новокрещенные посещали церковь в праздничные дни «и от христианского собрания не удалялись, кроме болезни или какой невозможности», также «каждогодно во святую Четыредесятницу и в которой пост» следовало им приступать к исповеди и причастию[657].

Как видим, инструкциями и наставлениями был определен своеобразный минимум знаний о христианской вере, который новокрещенные должны были получить от своих духовных наставников. Требовалась выработка определенных навыков в молитвенной практике путем исполнения краткого ежедневного правила, включающего призывание Святой Троицы, молитву предначертательную, молитву Господню, песнь Пресвятой Богородице и «Символ веры». Объяснение смысла «Символа веры» имело ключевое значение в катехизации новообращенных. Главная роль в процессе воцерковления отводилась посещению церковных служб и участию в таинствах исповеди и причастия, прежде всего во время многодневных постов.

В соответствии с сенатским указом от 6 апреля 1764 г.[658] в Казанской, Тобольской и Иркутской епархиях были учреждены особые должности проповедников. Местные власти ставились в известие, что в силу императорского указа от 11 сентября 1740 г. и указа Сената от 12 июня 1764 г. Тобольской духовной консисторией «направляется в иноверческия и новокрещенския жилища за проповедью слова Божия и для приведения из желающих иноверцов в веру

---

[655] Канарский Ф. Инструкция, данная в 1763 году // ТЕВ. 1893. №3-4. С. 66–68.

[656] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 2050. Л. 1.

[657] Там же. Л. 2.

[658] ПСЗ-1. Т. 16. № 12126.

греческого исповедания, а новокрещеных – утверждения в православной вере» протоиерей Софийского собора Никита Арамильский. Территориально сфера его деятельности охватывала среди прочих Тобольское, Пелымское, Нарымское, Сургутское, Берёзовское и Самаровское ведомства[659]. От уездных начальников, волостных князцов и старшин требовалось оказывать всякое содействие, в том числе давать толмачей «для перевода незнающим русского языка иноверцам», предоставлять проповеднику подводы, собирать для проповеди иноверцев и новокрещенных к известному времени в определенных волостях.

Очевидно, что проповедникам, заказчикам и рядовым священникам для более успешного воцерковления прозелитов было необходимо хотя бы элементарное знание языка своих подопечных. На это обратили внимание как светские, таки высшие церковные власти. Сибирский губернатор Д. И. Чичерин писал императрице Екатерине II: «а што б в том полза была приведению в Христианской закон, тому быть не можно, что проповедники по-иноверчески, а иноверцы по-руски ни единова слова не разумеют»[660]. В инструкции при указе Святейшего Синода от 29 января 1769 г., касавшейся того, «как поступать архиереям в деле обращения иноверных в христианскую веру», отмечалось, что «самое трудное дело есть при проповеди иноязычным неразумение взаимное языка», поэтому предписывалось «стараться, дабы проповедники посылаемы были знающия язык тех, которых они проповедывать имеют», а если таковых не найдется, то давать им «толмача, человека честнаго и кроткаго и, ежели возможно, из церковнослужителей». Наряду с этим следовало «из новообращенных принимать в семинарию учеников с тем, дабы они никогда своего языка не забывали, или что за полезнейшее в Сибирской губернии… завести для них учение российской грамоте по способности мест, и таких, со временем обученных, посвящать к церквам обращенных во священники и посылать для проповеди»[661].

Специальной языковой подготовки для служения в приходах новокрещенных западносибирские священники тогда не имели, соответствующие знания они получали практическим путем благодаря длительному проживанию в северных уездах. Большинство из них во второй половине XVIII в. были представителями сложившихся здесь священнических династий Андреевых, Вергуновых, Заводовских, Кайдаловых, Рычковых, Тверитиновых, происходивших из старожильческих служилых семей.

Репрезентативным источником, подтверждающим, что представители духовенства могли неплохо изъясняться на родном наречии пасомых, являются прошения с «одобрениями», которые крещеные ясачные давали своим наставникам[662]. Так, прихожане тымской Троицкой церкви писали в 1773 г. о сыне священника Федоре Заводовском, что он «к научению нас святых молитв и Символа веры во оном толковании природного нашего языку искусен», а князец Влас Сатыгин сообщал, что вогулы одобряют «старание и попечение» священника Сретенской церкви Симеона Перевицкого «к учению их на природном их языке божественных молитв и исповедания грехов». Жители Сатыгинских юрт беспокоились, что «другого

---

[659] ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4715. Л. 22.

[660] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 182–182 об.

[661] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 2720. Л. 2.

[662] Первым на это обратил внимание в своей магистерской работе иеромонах Стефан (Ю. Н. Лысенко), подробнее см: Конев А. Ю., Юзеева О. А. Катехизическая деятельность приходского духовенства среди народов Северо-Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020. С. 41.

священника к ним определят, да и такого, который языка их не знает»[663]. Кроме этих свидетельств, в документах конца XVIII в. упоминается о желании «ясашных народов», обитавших в Берёзовской округе, «к слушанию поучения о христианском законе от протоиерея Андрея Андреева по знанию его остяцкого языка». В связи с этим Берёзовскому земскому суду указывалось уведомить Андреева, «дабы он… Чемашевского погоста остякам… истолковал правило святой веры»[664]. В этой связи необходимо заметить, что встречающееся в литературе суждение об отсутствии стремления у местных священников познать туземные языки[665] является явным преувеличением и не может быть принято как характеристика всех без исключения клириков, служивших на территории Северо-Западной Сибири в XVIII–XIX вв. (рис. 3.33).

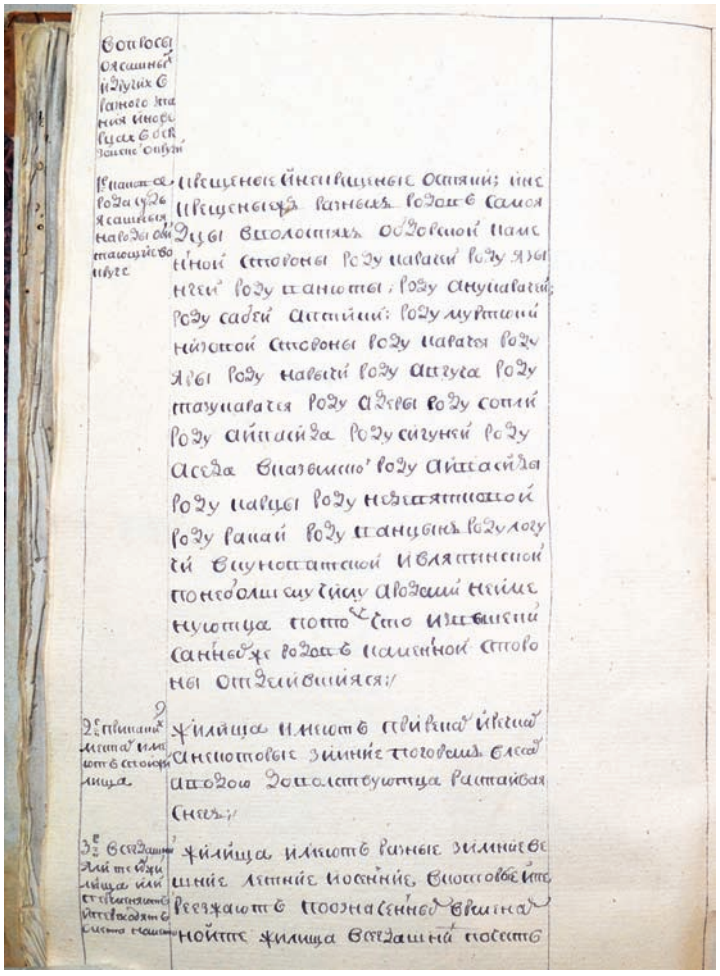


Рис. 3.33. Вопросы и ответы о ясашных и других разного звания иноверцев в Берёзовской округе. 1782. НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 442. Л. 398 об.

663 ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 441. Л. 1а; Оп. 4. Д. 333. Л. 2.

664 Там же. Оп. 4. Д. 2292. Л. 3 об.

665 Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть : дис. … д-ра ист. наук : в 2 т. Екатеринбург, 2017. Т. 1. С. 150.

Невзирая на все сложности жизни в иноверческой среде в непростых, а порой экстремальных природно-климатических условиях деятельность православного духовенства начала приносить определенные плоды. Эти изменения стала признавать и местная светская власть, нередко конфликтовавшая со священниками и критиковавшая действия некоторых из них. В тексте сведений из Берёзовского нижнего земского суда, сохранившихся в составе сборника «Описание быта, обычаев и верований татар, бухарцев и других народностей Тобольского наместничества и Сибири», относящегося к 1785 г., читаем:

> *Просвященныя же христианским Законом благоговеннее, хотя иные по глупости, к преданию церковному также и уважения к священническому чину почти не имеют, но собираютца в храм Божий для моления нередко те, кои в погостах имеют жительство. Также ко исповеди и Святому причастию приуготовляютца каждогодно, отчасти и по принуждению священников, но толко ж один мужеск пол, а женщин, малолетных детей и престарелых обоего пола священники ездят по домам их, исповедывают и приобщают…*
>
> *Живущие ж и по юртам, но просвященные в давных летах Святым крещением, те к преподаниям церковным, также и к священническому чину уважение должное имеют, у исповеди и Святаго причастия каждогодно беспринужденно от священников со всем своим семейством бывают, а что болше – для моления в праздничные дни в погост приезжают*[666].

В составе этого же «Описания» присутствует сообщение из Тобольского нижнего земского суда, в котором подчеркивается благоприятное для воцерковления остяков и вогулов, проживавших в северной части Тобольского уезда по течению Иртыша, Конды и Неулевой протоки, соседство с русскими. В этом регионе было наибольшее число смешанных приходов. Здесь наблюдалось заметное влияние культуры русских старожилов на туземное население, важным следствием которого было то, что ясачные могли «по-руски говорить большею частию и сами достаточно», так как «руский разговор, точно их остяцкой и вагульской, знают», поэтому и в волостях их «нарочно особых переводчиков не имеется»[667]. В результате взаимодействия в условиях совместного проживания процесс восприятия новых религиозных представлений и обрядов оказывался «более естественным и устойчивым»[668]. Конечно, знание лишь разговорного русского языка не было достаточным для понимания новокрещенными основ христианского вероучения, тем не менее, это облегчало проповедь в их среде и включение их в обрядовую православную практику. Проиллюстрируем это текстом источника:

> *И по таковом крещении живут с того времени до ныне в познании Бога во Святей Троице, славимаго с его всеми угодники в кафолической, что совершенством преисполненной, Греческаго исповедания вере с прочими православными христиане. Наряду с ними во обще и в церковь Божию по времянам (когда от промыслов бывают свободныя) на церковное и святое молитвословие хождение имеют; и по вся годы с женами и детьми своими исповедаются также немалою частию, и по удостоинствам и Святых Тайн приобщаются. А хотя из них между некоторыми обитающими в дальних по речкам пределах идолопоклонение шайтаном в прошедшие годы и происходило, но сие бывшими в те времена духовными и светцкими начальствами искоренено, и приводятся в точное исповедание Святей соборной и апостольской Церкви; что уже некоторые по долгу христианскому и молитвы*

---

[666] ТИАМЗ. ТМ-12864. Л. 57 об.

[667] Там же. Л. 8

[668] Аблажей А. М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII – начале XX века: опыт теоретического комментирования // Вестн. НГУ. Сер.: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 2. С. 65.

обучили, и читают сами, а другие по вычитании священно-церковнослужителями учатся; да и жительствуя по большею частию между русскими, и в настоящем Бога почтении порядочно и всемогущество Божие утверждают, яко всех тварей всесильнаго Творца все непоколебимо, и никаких развратов от них, по подошедшим от тамошних священно-церковнослужителей сведениям, уже предвидимо между ими не бывает, и детей у себя обоего пола так же содержат в страхе Божии[669].

Конечно, фраза об искоренении «идолопоклонения» выглядит в данном случае слишком категоричной. Даже в последующее время фиксировались жертвоприношения и следование иным языческим традициям у кондинских угров, у демьянских и салымских остяков. В литературе отмечается характерный для них синкретизм язычества и православия, при котором христианство оставалось принятым не столько с содержательной, сколько с внешней, ритуальной стороны[670]. Использование христианской символики объясняется стремлением усилить эффект сакральности и приумножить функции оберега какого-либо предмета. В этой связи Е. В. Перевалова отмечает: «Перна (крест) – один из распространенных угорских орнаментов. Восточные ханты вышивали изображение креста на мужских кисетах и мешочках-амулетах для хранения пуповины. Кресты-обереги вырезались на спинках хантыйских и мансийских детских колыбелей»[671].

Вместе с тем М. А. Кастрен применительно уже к середине XIX в. пишет, что иртышские остяки соблюдают предписания церкви и, хотя почти не понимают христианского учения, «верят в истину его»[672]. Исследователи отмечают, что остяки и вогулы в XIX в. носили нательные кресты, совместно с русскими отмечали Рождество, Крещение Господне, Благовещение, Пасху, Троицу, Петров день, Ильин день, в их домах имелись иконы, исполнялись обряды крещения, венчания и отпевания[673]. Безусловно, эти практики складывались под руководством православного духовенства с середины XVIII столетия посредством участия в богослужениях и таинствах и закрепились у бывших «иноверцев» в процессе бытового взаимодействия с русскими, что находит подтверждение в цитированном выше источнике.

Здесь будет уместно возразить встречающемуся в литературе мнению о том, что у новокрещенных «практически не было исповедей»[674], которое очевидным образом не согласуется с документальными свидетельствами, в том числе исповедными росписями XVIII в., и не может служить общей характеристикой для всех крещеных автохтонов Западно-Сибирского Севера, даже если принять во внимание нерегулярность исповеди и причастия многими из них. Так, по сведениям Кодинского духовного правления, во время Великого поста 1773 г. исповедалось и причастилось в семи приходах заказа «ясашных крещенных остяков и их детей» обоего пола 2 264 чел., из них «за малолетством» не исповедовались 394 ребенка.

---

669 ТИАМЗ. ТМ-12864. Л. 7 об. –8.

670 См.: Патканов С. К. Сочинения : в 2 т. / под ред. С. Пархимовича. Тюмень, 1999. Т. 1. Остяцкая молитва. С. 129–130; Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 43–47.

671 Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы. С. 153–154.

672 Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий : Географический сборник Николая Фролова. Собрание старых и новых путешествий. Т. 1– . М., 1860. Т. 6, ч. 2. С. 263.

673 Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры. С. 43, 129; Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. С. 154–155, 171–172; Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001. С. 121, 126; Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы. С. 154.

674 Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность. С. 126.

Если исходить из установленной нами численности жителей всех волостей Кодского ареала на 1771 и 1782 гг., получается, что практически все они в 1773 г. приступали хотя бы один раз к святому причастию. В Берёзовском заказе (в волостях к северу от Кодских городков) в Великий, Петропавловский и Успенский посты 1773 г. в шести приходах исповедовались и причастились 2769 чел., не исповедовались и не причастились в возрасте старше семи лет 26 чел., «за малолетством» у исповеди не были 765 детей[675] (рис. 3.34).

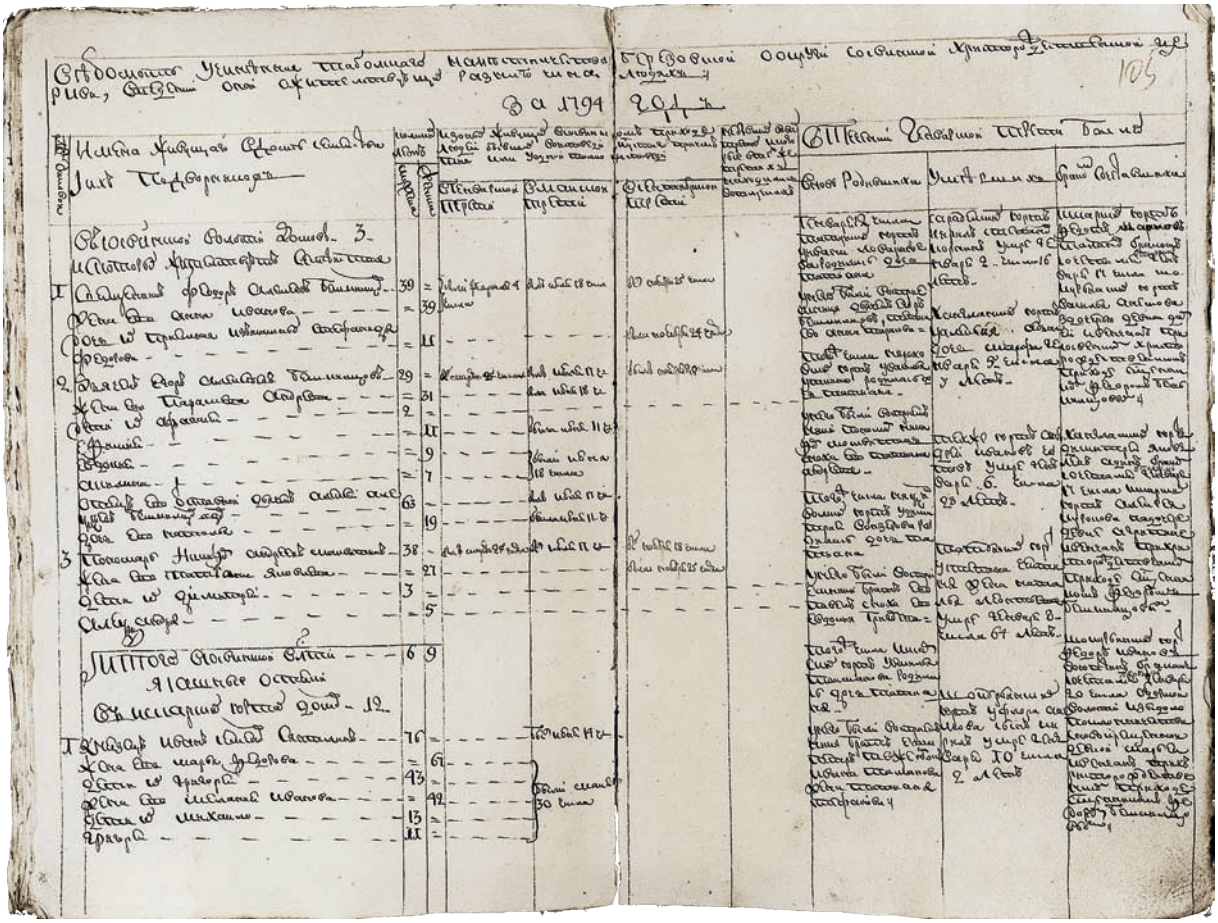


Рис. 3.34. Ведомость о бывших на исповеди, умерших, родившихся и браком сочетавшихся клириках и ясашных остяках сосьвинской Христорождественской церкви 1794 г.
ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 15. Д. 26. Л. 104 об.–105

Важным для утверждения норм христианской жизни было таинство венчания. Насколько это событие было характерным для новокрещенных, можно судить по прошению «ясашного остяка» Сосьвинской волости Афанасия Лигасева в Берёзовское духовное правление от 24 августа 1772 г. Из него следует, что сам он венчался со своей женой еще десять лет назад, а весной указанного года венчался его пасынок. И тех, и других венчал один и тот же священник Афанасий Рещиков. Автор прошения был недоволен, что за это священник взял с него соболя и бобра и с пасынка «струю бобра среднего в десять белок», тогда как «с прот-

[675] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 3. Д. 1. Л. 171–171а, 181 об. –182.

чих брачащихся берет по пяти белок»[676]. В этом сообщении для нас важна не сама претензия Лигасева, а неопровержимый факт того, что в данном приходе венчания среди новокрещенных были обычным, а не исключительным явлением.

Правда, далеко не всегда венчанные супруги соблюдали обет верности, иногда они продолжали следовать привычной практике многоженства. Так, в декабре 1740 г. в губернскую канцелярию поступили сведения от ясачных сборщиков «о присмотре ими во время сбору ясаку в Лумпокольских волостях двоеженцев новокрещенных остяков… которыя поженилися от живых жен и обвенчаны тех волостей Христорождественской церкви попом Петром Кайдаловым». Архиерейская канцелярия указала духовному заказу и находившемуся «за следствием» в Сургуте тобольскому священнику Ермилу Лаврентьеву, что если этот факт будет доподлинно установлен, то уличенным в таком проступке остякам «велеть жить со своими женами», а «других жен от них отлучить и отдать родителем их на росписки за поруками». Если же в процессе дознания «оные новокрещенные остяки покажут в том же прелюбодействе на других», то и тех заподозренных для следствия доставить в Сургут[677] (рис. 3.35).

Рис. 3.35. Венец брачный. XVIII в. Из собрания ГИМ. ГИМ-54722/101. № в ГК 19661365. Изображение с сайта ГИМ. https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/4332?query=%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%86%20%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9&ysclid=lqfbgs1ny5608669834&index=36

Историография, посвященная судьбе православия на Сибирском Севере, отличается повышенным вниманием к описанию конфликтных ситуаций, возникавших в случаях возвращения новокрещенных в прежнее «зловерие», несоблюдения ими христианских норм и церковных установлений. Борьба с такими явлениями выражалась порой в жестких формах их пресечения священнослужителями и светскими властями. Соответствующие эксцессы неоднократно и достаточно подробно рассматривались в литературе[678]. Чтобы объяснить жесткость наказаний, важно понимать мотивацию действий духовенства. Е. М. Главацкая подчеркнула в этой связи, что следование прежним религиозным традициям, обращение к языческим культам воспринимались как «общение с сатаной». «Разрушая прежние языческие практики, священники боролись с самим дьяволом, и компромиссов в такой борьбе быть не могло»[679].

[676] Цит. по: На стыке континентов и судеб : (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах) / отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 169.

[677] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–4 об.

[678] См., например: Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 89–101; Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. С. 233–241; Цысь В. В., Цысь О. П. Борьба Русской православной церкви и светской власти с языческими «пережитками» народов Тобольского Севера в XVIII–XIX вв. // Былые годы. 2019. Т. 52. Вып. 2. С. 533–541.

[679] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. С. 235.

Тем не менее, во второй половине XVIII в. отмечается постепенное смягчение риторики и взысканий за соответствующие проступки. В период царствования Екатерины II устанавливается принцип воздействия на «заблудших» исключительно силой пастырского слова и убеждения, без принуждения. Обусловлено это было двумя основными причинами. Первая связана с проникновением в светскую этику гуманистических идей. Идолопоклонство стало рассматриваться как проявление невежества, а люди, находившиеся в его плену, как заслуживающие жалости и снисхождения[680]. В «Наказе императрицы в Комиссию по составлению проекта нового Уложения» запрещение на исповедание иных вер оценивалось «вредным для спокойствия и безопасности граждан»[681]. Вторым обстоятельством выступал казенный интерес обеспечить «бездоимочное» поступление ясака с народов Сибири. Этот вопрос приобрел особую актуальность в период проведения ясачной переписи 1763–1769 гг. Чиновникам Ясачной комиссии поступило много жалоб на незаконные поборы священников[682]. На эту тему нелицеприятно в адрес представителей сибирского духовенства высказался в июле 1769 г. в письме Екатерине II губернатор Д. И. Чичерин[683]. В результате светские власти настояли на ограничении въезда священников даже для проповеди в волости новокрещенных, пока с тех не будет собран ясак. Кроме этого, комиссия предложила духовной консистории запретить заказчикам и приходским священникам без ведома уездных администраций «забирать с собою новокрещенных», а привлекать их к посещению церкви рекомендовала только «увещеваниями» и тех, кто свободен от промысла. Возражения митрополита Тобольского и Сибирского Павла (Конюскевича) по поводу ограничений на въезд духовенства в ясачные волости закончились серьезным конфликтом с губернатором и последующим отстранением святителя от тобольской кафедры[684].

Очевидно, что в складывавшихся обстоятельствах успешность воцерковления новокрещенной паствы зависела прежде всего от уровня подготовки и личных качеств священнослужителей, их авторитета в среде своих прихожан. Отметим, что образовательный уровень местных клириков в рассматриваемый период был в целом невысок, многие из них не обучались в духовных школах. Поэтому особую ценность приобретало знание языка местных народов в сочетании с богословским образованием и умением проповедовать. Приведем в пример упомянутого священника Андрея Андреева, начинавшего свое служение в Берёзове еще дьячком, а потом ставшего протоиереем и берёзовским заказчиком. Он учился в семинарии и обладал способностью «дружелюбно рассказывать о Боге, его власти и силе всемогущей», наставлять остяков «веровать в Бога, а на суетные их идолы не надеяться» так, что они «благосклонно в молчании без всякого противоречия… выслушивали»[685].

Случилось так, что в конце XVIII в. он был запрещен в служении «за отправление в высокоторжественный день литургии в нетрезвом образе». Это обвинение в виде доноса архиерею было предъявлено обдорским комиссаром И. Евсевьевым, с которым у протоиерея не сложились отношения[686]. Впоследствии местные власти сообщали, что остяки, оставшись без надлежащего надсмотра, «обратились в идолопоклонство», хотя и имели приходских свя-

---

[680] Цысь В. В., Цысь О. П. Борьба Русской православной церкви. С. 536.

[681] ПСЗ-1. Т. 18. № 12949. С. 257.

[682] Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 127.

[683] РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 182.

[684] Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. С. 129.

[685] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 77. Л. 25 об.

[686] Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 240.

щенников, знавших их язык, «но в священном писании неискусных». Чтобы вернуть Андреева к миссионерской деятельности, были представлены «от всего тамошнего гражданства и духовенства удостоверительные аттестации» о его «трезвом и безпорочном поведении», исходя из чего тобольский губернатор Д. Р. Кошелев 22 февраля 1798 г. ходатайствовал перед архиепископом Варлаамом (Петровым)[687] об определении Андреева в «просимую… князьцами и старшинами» должность проповедника. Архиепископ, ссылаясь на указ Синода о неназначении проповедников до особого распоряжения, определить Андреева к этой должности не разрешил, а пастырское попечение возложил на приходских священников[688].

Следует пояснить, что в 1789 г. деятельность миссионеров на Западно-Сибирском Севере была приостановлена соответствующим постановлением Сената. Поводом к такому решению послужили волнения среди ненцев в связи со слухами о том, что их хотят крестить насильно[689]. С того года проповедники, назначавшиеся по указу 1764 г., в селения иноверцев не посылались, поэтому отныне о «непоколебимости в вере» новокрещенных прихожан должны были заботиться только «тамошние священники»[690]. В связи с этим повышались требования к духовным лицам, которых направляли служить в соответствующие приходы. Архиереи должны были определять туда не только знающих иноверческие языки, «но сверх того учением и самым примерным житием своим пред другими отличных». Предписывалось «свидетельствовать каждого ставленника, действительно ли он таковых качеств» и насколько хорошо знает язык того места, куда направляется[691].Тобольский архиепископ Варлаам указом от 7 ноября 1793 г. напомнил, что «по указным повелениям» из заказов надлежит присылать в консисторию ежегодные рапорты о деятельности местных священников по наставлению в вере новообращенных и соблюдению последними правил христианской жизни(рис. 3.36). Но оказалось, что таковых из Туруханского, Сургутского, Нарымского, Томского и Туринского заказов «в присылке не имеется». В этой связи было отмечено и предписано следующее:

> *А известно, что остяки в церковь редко ходят, да и священники понаровку*[692] *чинят им: приобщают их по домам запасными святыми дарами без всякого приготовления. Почему многие из остяков не только Закона Божия и молитв не знают, но и о вере православной понятия никакого не имеют, да и в церкви в год раз кто бывал ли. Для чего предписать заказчикам и приходским священникам, чтоб они никого (кроме больных или по нужде за отдаленностью младенцев) запасными дарами не приобщали, а чтоб неминуемо старались склонять и увещевать, чтоб они говели чрез неделю в свободное время, хотя и кроме святых постов непременно к приходским церквям для говения*[693] *и причащения Святых тайн, також и в господския праздники*[694]*, и воскресные дни в церковь Божию для слушания церковной службы приезжали, где их и обучать Символу веры, мо-*

[687] Епископ Варлаам (Петров) встал во главе Тобольской и Сибирской епархии в октябре 1768 г., в 1792 г. был хиротонисан в сан архиепископа.

[688] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 2292. Л. 11–11 об.

[689] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 266.

[690] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 5. Д. 433. Л. 2.

[691] Там же. Л. 4–4 об.

[692] Понаровка – послабление.

[693] Говение – термин, употребляемый в православном обиходе, обозначающий пост, соблюдение поста, образ поведения верующих во время поста.

[694] Господские праздники – дни церковного календаря, посвященные воспоминаниям и прославлению событий из земной жизни Иисуса Христа, связанных с Ним реликвий, знамений и чудес. См.: Лукашевич А. А. Господские праздники // Православная энциклопедия. Т. 12. С. 173.

литвам и заповедям Господним, а чтоб понятнее было им, то велеть молитвы, Символ веры, заповеди перевесть для толкования им, для лучшего понятия их языком, что сочинив по приложенному при сем письму, перевод прислать в духовную Консисторию на рассмотрение[695].

Рис. 3.36. Свт Варлаам (Петров), архиепископ Тобольский и Сибирский.
Потрет начала XIX в. Из собрания ТИАМЗ

Читая этот документ, можно отметить, что он подтверждает сведения середины 1780-х гг. Берёзовского земского суда о том, что священники часто причащали запасными дарами[696] по домам и что обычно новокрещенные появлялись в храмах, исповедовались и причащались во время литургии лишь в период многодневных постов. Теперь это признавалось недостаточным. По сути, этот документ следует рассматривать как переход от сложившегося порядка со множеством послаблений для крещеных автохтонов к более строгому, с обязательным соблюдением поста перед причастием, с причащением не только в периоды многодневных постов, но по воскресеньям и в дни особо торжественного прославления Господа Иисуса Христа с обязательным в эти дни посещением храмов и церковных служб. Предписывалось проповедническую деятельность направить на разъяснение основ православной религии, содержащихся в десяти заповедях Божиих и «Символе веры». Указание о переводе соответствующих текстов с русского не выглядит неожиданным, если учесть, что теперь одним из условий поставления духовных лиц на приходы новокрещенных было знание их родных языков.

---

[695] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 1526. Л. 1а.

[696] Запасные дары – евхаристические дары, употребляемые для причащения больных вне литургии за пределами храма. С конца XVII в. была официально закреплена возможность освящения запасных даров не только в Великий четверг, как было издревле принято в православной традиции, но и в любой другой день года, когда совершается полная литургия. См.: Петровский А. В. Запасные Дары // Православная богословская энциклопедия : в 12 т. СПб., 1900–19011. Т. 5. Стб 655; Ткаченко А. А. Запасные Дары // Православная энциклопедия. Т. 19. С. 620.

Донесения из духовных правлений, полученные Тобольской консисторией в ответ на упомянутый указ, иллюстрируют стиль и формы взаимодействия священников со своими прихожанами, особенности окормления крестившихся остяков и вогулов в разных заказах.

В рапорте заказчика, протопопа Никифора Попова из Сургутского правления, сообщалось, «что в какие времена каждого года остяки к приходским церквам для говения бывают с женами и детьми, сведения до сего указа не имелось, и для того к уездным священникам о немедленной присылке об оном сведений посланы указы»[697]. Уватский десятоначальник, священник Стефан Пономарев выстроил коммуникацию через «лучших людей», заручившись их обещанием растолковать новокрещенным, что «когда вознамерятся приходить ко исповеди и приступать ко Святому причастию, чтоб говели через семь дней, также и в воскресные и праздничные дни для слушания церковной службы и обучения молитвам приезжали б к церкви». Они заверили его, что «в прихождении в церковь святую к слушанию славословия Божия и говения» их соплеменников «исполнение чинить обязуются»[698]. Священник Демьянского духовного десятоначальства Герасим Наумов рапортовал, что служители церкви обучают остяков молитвам, «Символу веры» и заповедям Господним, но заставить своих подопечных приезжать из отдаленных мест в храмы по воскресным и праздничным дням «без принуждения светской команды не могут»[699]. Напротив, дьякон Крестовоздвиженской церкви Реполовского погоста Самаровской волости Федор Наумов уверял, что в этом приходе жители из новокрещенных остяков «каждогодно с женами и детьми для исповеди и приобщения Святых Тайн приезжают к церкви сами»[700].

Относительно переводов позиция большинства священников свелась к тезису о невозможности этого по причине неграмотности ясашных[701]. Имелись в виду как отсутствие у туземцев своей письменности, так и незнание ими русской письменной речи. Только из Увата сообщалось, что некоторые остяки, проживавшие в его окрестностях смешанно с крестьянами и ямщиками, «читают по-руски отчасти»[702]. Развернутое обоснование проблематичности перевода «священных речей» дано в рапорте Туруханского духовного правления за подписью иерея Владимира Верещагина:

> *Поелику де все крещеныя сих родов люди*[703]*, а особенно остяки, говорят сами несколько по-руски, то к совершенному познанию языков их здешним жителям дальнейшей надобности и ненастоит. А притом, как и здешнему духовному правлению довольно известно, что выше прописанные обстоятельства истинны и что вышеписанных ясашных народов языки суть в весьма тесных пределах ко изъяснению важных слов и речей и очень неудобны к выражению умственных понятий, и ко истолкованию священных речей, и к преложению на их языки подобных слов, поелику языки их весьма малословны, ибо они, почти всегда имея пребывание в необитаемых рускими людьми местах, употребляют те только слова, кои для них собственно потребны и которые нисколько не относятся до слов священных. Хотя о внушении им таковых понятий и всемерное старание священно и церковнослужители употребляют, но как сие бывает кратковремянно, после чего они*

[697] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 1526. Л. 8.

[698] Там же. Л. 9–9 об.

[699] Там же. Л. 7–7 об.

[700] Там же. Л. 2.

[701] Там же. Л. 7 об., 9 об.

[702] Там же. Л. 9 об.

[703] Имеются в виду тунгусы, остяки и самоеды.

удаляютца в пустыя места за промыслом зверей со всеми своими семействами, то легко и забывают, не стараясь о том помнить и не уважая сего обстоятельства по легкомыслию своему, упражняютца единственно в промыслах своих по пространнейшей здешней округе. А по вышеизъясненным причинам и перевода молитвам и Символу веры не учинено[704].

Доводы о невозможности или нецелесообразности перевода с русского языка на языки местных народов были поставлены под сомнение рапортом от 10 марта 1794 г. Туринского духовного правления за подписями священников Федора Лапина и Иоанна Варлакова. К рапорту прилагался перевод на один из вогульских диалектов текста молитв, краткого катехизического поучения и десяти заповедей, выполненный священником Верх-Пелымской волости Спасской церкви Алексеем Рычковым[705]. В рапорте также сообщалось, что в приходах Пелымского десятоначальства немалая часть вогулов «в Святую четыредесятницу, да также и в Петров пост в церкви бывает», и священники молитвам их обучают[706] (рис. 3.37).

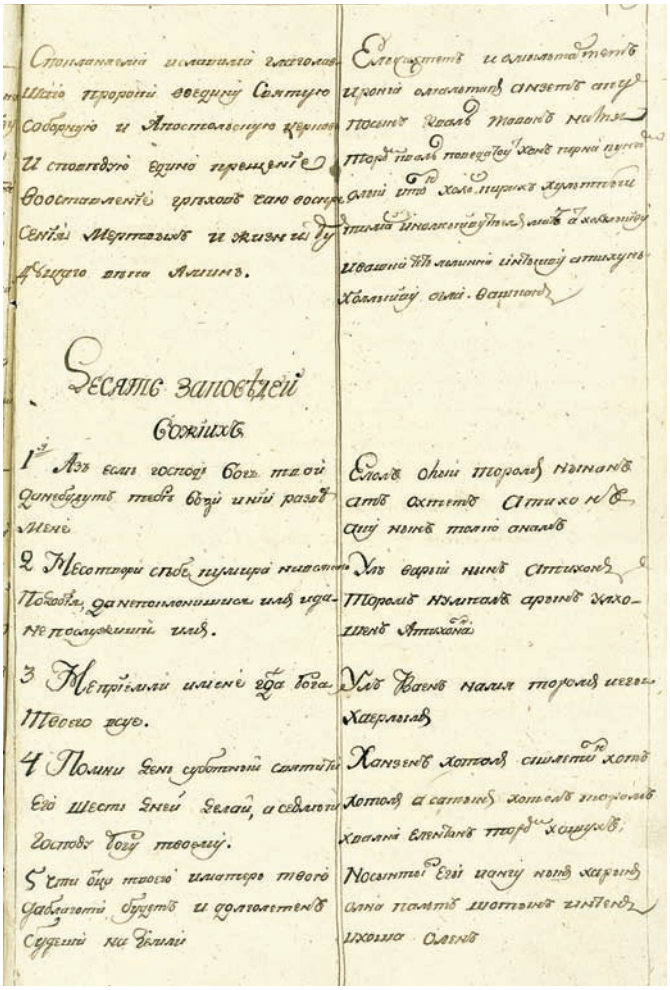


Рис. 3.37. Перевод десяти заповедей Божиих на вогульский язык священника Алексея Рычкова (фрагмент). ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 1526. Л. 16

Названный выше перевод уже анализировался в работах исследователей[707] и был опубликован[708]. Он представляет собой рукопись в виде параллельных текстов на русском и вогульском (мансийском) языках. Вогульский вариант передан посредством кириллической графики. Рукопись содержит несколько молитв, составляющих краткое утреннее и вечернее молитвенное правило (призывание Святой Троицы, хвалебную песнь Господу, молитву Святому Духу, Трисвятое, молитву Господню, молитву святого Мардария, молитву святого Иоаникия и молитвы из кондака Богородице); катехизическое поучение о троичности Бога, которое разъясняет содержание и смысл следующего за ним «Символа веры»; десять заповедей Божи-

[704] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 4. Д. 1526. Л. 17 об. –18.

[705] Там же. Л. 14–16 об.

[706] Там же. Л. 13–13 об.

[707] Николаев А. П. Приходская община новокрещенных. С. 153; Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 242; Конев А. Ю., Юзеева О. А. Катехизическая деятельность приходского духовенства. С. 49–51.

[708] Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв. : источники. С. 58–61.

их. Перевод в таком виде появился между ноябрем 1793 и мартом 1794 г. Основаниями для его датировки служат рапорт из Туринского духовного правления, при котором перевод был представлен, и указ из Тобольской духовной консистории, в ответ на который был прислан упомянутый рапорт. В конце документа имеется автограф Алексея Рычкова. Скорее всего, он просто оформил то, что уже использовалось им и его предшественниками в священнической практике на протяжении нескольких лет. Заметим, что это наиболее ранний из известных переводов христианских молитв и заповедей на языки сибирских автохтонов. История появления этой рукописи и сама она раскрывают формы и методы православного влияния на мировоззрение коренных народов Северо-Западной Сибири.

Отметим, что в начале XIX в. сибирским православным духовенством были продолжены переводы молитв на туземные языки и даже предпринимались попытки систематизации грамматического строя некоторых из них. В фонде Тобольской духовной консистории сохранились дело о намерении составить грамматику для остяков священником томской городской Богоявленской церкви Василием Чемесовым, датированное 1803 г.[709], и дело по указу Тобольской духовной консистории о переводе молитв на остяцкий язык 1804 г.[710] В 1817 г. на вогульский язык была переведена священная история. Перевод этот осуществлял священник уже упоминавшейся Спасской церкви Верх-Пелымской волости Лев Рычков, в этом ему помогали прихожане из новокрещенных, включая «ясашных старшин», и причетники – дьячок Леонтий Михайлов и пономарь Иван Рычков[711]. С открытием в губернских городах Сибири отделений Библейского общества была организована работа по переводу не только отдельных молитв и катехизических текстов, но и текста Библии. Так, в Тобольске на языки обских угров и северных самодийцев были переведены отдельные части Нового Завета. В фонде рукописных книг тобольского архива сохранились черновик «Катехизиса сокращенного на русском и вогульском языках» 1818 г. и «Евангелие от Луки и от Иоанна на русском и вогульском языках» 1824 г.[712] Переложение текстов двух названных евангелистов было осуществлено под руководством благочинного Тобольского кафедрального собора протоиерея Петра Фелицина священниками Троицкой нахрачевской и Духосошественской мушинской церквей Григорием и Георгием Поповыми.

Прибывший в 1826 г. на тобольскую кафедру архиепископ Евгений (Казанцев), познакомившись на месте с состоянием дел по распространению православия в северных районах Берёзовского округа, поставил перед Синодом вопрос о необходимости создания в Обдорске духовной миссии, которая была открыта в 1832 г. уже при новом тобольском владыке Афанасии (Протопопове). Так было положено начало новому этапу христианского просвещения народов Северо-Западной Сибири.

Итак, до середины XVIII столетия главное содержание процесса христианизации на Западно-Сибирском Севере составляли собственно крещение «иноверцев», формирование соответствующего православного ландшафта в местах их проживания и преодоление актив-

[709] ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 16. Д. 213. Л. 1–11.

[710] Там же. Оп. 5. Д. 1807. Л. 1–34.

[711] Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере. С. 242–243.

[712] ГА в г. Тобольске. Фонд рукописных книг. Д. 269. Л. 1–14; Д. 318. Л. 1–245.

ного сопротивления этому со стороны части автохтонов, включая туземную элиту. Тогда основной задачей миссионеров был максимальный охват проповедью местного населения. Во второй половине столетия акцент сместился на катехизацию и воцерковление ранее крестившихся, шло активное формирование локальных (в рамках приходов) религиозных сообществ новокрещенов. Важной новацией стали первые переводы на языки сибирских народов молитв и заповедей, предпринятые по указанию епархиальных властей, а также опыт перевода текстов из книг Нового Завета.

Основным проводником православного вероучения в Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII – первой трети XIX в. являлось приходское духовенство, существенная часть которого принадлежала к местным священническим династиям. Церковь в лице епархиального начальства и части клириков на местах в этот период не собирались ограничиваться лишь формальным приобщением к христианской вере своей паствы. Существенные изменения, зафиксированные в середине и второй половине XIX в. чиновниками, исследователями и путешественниками в религиозном сознании и практике обращенных в православие автохтонов Югры, были результатом миссионерского труда и влияния, которое в предшествующий период оказали проповедники и священники на своих прихожан.

Оценивая степень воцерковления «ясачных» неофитов и проникновения в их повседневную жизнь христианских традиций, следует учитывать неравномерность в темпах и глубине религиозных изменений у разных территориальных групп коренного населения. Наиболее существенное воздействие русская православная культура в рассматриваемый период оказала на обских угров Кодского ареала, Нижнего Прииртышья и Туринского уезда, включая его северный (Пелымский) район. Синкретизм религиозных представлений новокрещенов, случаи их «отпадения», внешний (обрядовый) характер принятия православия были неизбежными явлениями, проявлением своеобразной адаптации в процессе приобщения к монотеистической религии носителей политеистического мировоззрения.

Сѣверный Океан
MERIDIES
DECLINATIO SEPTENTRIONALIS
SCORPIUS
GEMINI CANCER LEO
ТОМСКЪ
УРГА

Часть 4

Научное изучение края

Глава 1

Первоначальный этап научного изучения Югры (первая треть XVIII в.)

Научному изучению Югры, осуществленному в XVIII в., предшествовал донаучный этап открытия, освоения и накопления информации о крае, датируемый XI–XVII вв. Основными акторами в этот период являлись русские купцы, промышленники и служилые люди, которых в научной литературе именуют землепроходцами. В XI – начале XVI в. новгородскими, ростовскими, устюжскими, суздальскими и московскими купцами и промышленниками были обследованы пути в Югру – сухопутные и морской, получены первые сведения о регионе и его населении, богатстве края пушниной. Купцы и промышленники этнотопоним «Югра» в XI–XIII вв. локализовали в Предуралье (от бассейна Печоры до Уральского хребта), а с XIV в. – уже в Нижнем Приобье, оставив без объяснения перемену его местоположения[1]. Сообщения этого периода весьма лапидарны, сочетают реальные данные с мифологическими сюжетами. Известия купцов и промышленников были систематизированы в русских литературных памятниках рубежа XV–XVI вв. – сказании «О человецех незнаемых на восточной стране и языцех розных» и «Югорском дорожнике»[2]. Последний как отдельное сочинение не сохранился, но содержится в «Записках о московитских делах» (1549 г.) австрийского дипломата С. Герберштейна[3] (рис. 4.1). Его труд способствовал распространению в европейской историографии как достоверных, так и фантастических сведений о Югре и Сибири.

Походы казачьей дружины Ермака, а затем правительственных войск за Урал в конце XVI в. освободили «Югорскую землицу» от Сибирского ханства, привели в российское подданство племенные объединения остяков (хантов) и вогулов (манси), многие территориальные группы сибирских татар. Основание в 1593–1595 гг. русских городов и острогов Берёзова, Сургута, Обдорска (Салехарда), в 1637 г. слободы Самаров (Самаровский) ям (Ханты-Мансийск) и других населенных пунктов в Среднем и Нижнем Приобье способствовало вхождению этого региона в состав России. Материалы землепроходцев конца XVI – XVII в. содержат подробную и преимущественно реальную информацию о Югре и ее индигенном населе-

---

[1] См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т. Т. 3, ч. 2. С. 86–87; Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. С. 64–68, 99–116.

[2] См. об этом: История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М., 2012. С. 118–125.

[3] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156–161.

Рис. 4.1. «Югорский дорожник». Карта. из кн. С. фон Герберштейна «Записки о московитских делах» (б. м., 1549).
Изображение из ст.: Прохоренков И. А., Шибаев М. А. Война образов и концептов: у истоков антироссийской пропаганды (Электронная библиотека РНБ. https://nlr.ru/elibrary/RA4951/voyna-obrazov-i-kontseptov)

нии. Однако промышленные и служилые люди, не имевшие образования, отправлялись в Сибирь не для выполнения научной работы, а за ценными пушниной, моржовой костью и другими товарами, для приведения аборигенов под «государеву высокую руку» и сбора с них ясака. Выполнению этих сугубо утилитарных целей посвящено содержание донесений землепроходцев, которые не являлись исследованиями. Их географические чертежи были памятниками донаучной картографии, позволяли ориентироваться на местности, но из-за отсутствия математической основы не давали возможности определить географическое положение объектов.

Обзорные описания и картографические работы Ю. Крижанича, Н. Г. Спафария, И. Э. Идеса, А. Бранда, Н. К. Витсена и С. У. Ремезова второй половины XVII – начала XVIII в. подготовлены с применением элементов научного подхода к сбору, систематизации и репрезентации сведений о территории, природе и населении Югры. Однако опора названных российских и европейских авторов на сообщения землепроходцев и применяевшаяся ими исследовательская технология не позволяют считать их труды научными (рис. 4.2). Землепроходцами, изографами, российскими и иностранными дипломатами и путешественниками в XI–XVII вв. был накоплен значительный массив фактических сведений о Югре, но в то же время их сообщения и географические чертежи требовали дополнения, уточнения и корректировки. Результаты донаучного освоения Югры обозначили основные проблемы и направления

Рис. 4.2. Карта Азии, составленная И. Идесом и опубликованная в Амстердаме в 1704 г. Изображение с сайта «Село Великое. Сайт об истории нашей Родины, малой и большой». http://velikoemuseum.ru/wp-content/uploads/2018/08/Karta-Vitzena-3.jpg

Septentrio
ZEE
OCEANUS ORIENTALIS
AMOER SE ZEE
Oriens
COREA
PROVINCIA LEAOTUNG
PEKING
PROVIN: XANSI
PROVIN: PEKING
PROVIN: XANTUNG
HONAN
NANKING
Suchon
NANKING
INS: FORMOSA
JAPAN
ZEE
SAND: WOESTYNE XAMO
MONGALEN LAND
POPULI BURATTI
Mergeen
Naunkoton
Desertum Lop
TIBET REG.
LAOS PARTE
Croce Lac
Kachemire
Attock
Lahor
AGRA
Asmore
Gualeor
Patana
BENGALA
Brampore
Parvan
GOLFO DE BENGALO
Aracam
Orixa
Meridies

для научного изучения края в XVIII в.: картографирование и определение географических границ региона, определение этнической и лингвистической принадлежности «югры», «остяков», «вогулов», «самоедов», выявление автоэтнонимов (самоназваний) этих народов и составление обстоятельных описаний их культур, сбор, фиксация и анализ сведений о флоро-фаунистическом и минералогическом разнообразии территории (рис. 4.3). Становление науки классического образца в России стало одним из следствий масштабного госу-

Рис. 4.3. С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири (б. м., 1701). Титульный лист. Изображение с сайта РГБ. https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004274925?page=4&rotate=0&theme=white

дарственного реформирования, проводившегося Петром I в конце XVII – первой четверти XVIII в., названного исследователями «петровской модернизацией»[4]. Классическая наука стала первым этапом (XVII–XIX вв.) в историческом развитии современной науки. В течение XVIII в. наука станет фактором модернизации Российской империи, происходившей в условиях непрерывного присоединения и освоения сибирских и дальневосточных территорий, формировавших сырьевую базу для развития экономики. Парадигмальная установка «классики» на непосредственное объективное изучение действительности определила ее главные методы: наблюдение, опыт (эксперимент), описание, сбор вещественных материалов и данных, картографическое и графическое изображения, их разновидности и аналоги[5]. Эмпирическая ориентация науки детерминировала в качестве основной формы изучения Урало-Сибирского региона экспедиционные исследования (рис. 4.4, 4.5). В первой трети XVIII в. гуманитарное научное знание имело комплексный характер и находилось на пути к дисциплинарной организации. Этнографии как самостоятельной науки не существовало, как и профессиональных ученых в этой области. Такого рода исследования в Югре осуществили миссионеры Г. И. Новицкий и И. Б. Мюллер (Миллер). Г. И. Новицкий, сын украинского казачьего офицера, окончил Киево-Могилянскую академию, получил чин казачьего полковника, был сослан в Тобольск за поддержку в ходе Северной войны гетмана И. С. Мазепы, перешедшего в 1708 г. на сторону шведского короля Карла XII. После Полтавского сражения 1709 г. в столицу Сибири в числе многочисленных военнопленных из армии Карла XII был отправлен капитан шведской армии И. Б. Мюллер, имевший немецкое происхождение и европейское образование. Новицкий и Мюллер стали участниками миссионерских экспедиций 1712–1715 гг. святителя Филофея (Лещинского), в схиме – Феодора.

По результатам этих поездок Новицким было составлено «Краткое описание о народе остяцком», а Мюллером – «Жизнь и обычаи остяков – народа, живущего почти до самого Северного полюса...». В этих работах освещен сложный процесс христианизации аборигенов Югры схимонахом Феодором. Основное их содержание составили сведения об истории, географии расселения, жилище, одежде, предметах быта, средствах передвижения, орудиях рыболовного и охотничьего промыслов, оленеводстве и собаководстве, традиционных семейной обрядности и культовых практиках иртышских, кондинских, обских остяков (хантов, селькупов) и вогулов (манси), полученные из непосредственных наблюдений и опросов[6]. Для истории изучения народов особо значимы сообщения миссионеров о миграции обских угров с пермяками из Предуралья в Приобье в XIV в., вызванной христианизацией жителей Восточно-Европейской равнины епископом Стефаном Пермским[7]. Эти данные объяснили загадочное летописное перемещение Югры (см. выше) и стали неотъемлемым компонентом разработок ученых XVIII и последующих столетий по этногенезу и этнической истории

---

[4] См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 1993. № 7. С. 18, 38; Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000. С. 53–54.

[5] Естественная история в России : (Очерки развития естествознания в России в XVIII в.) / сост. Э. И. Колчинский, А. К. Сытин, Г. И. Смагина. СПб., 2004. С. 4–6.

[6] Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken eines Volcks, dass bis unter dem Polo Arctico wohnet: wie selbiges aus dem Heydenthum in diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht. Berlin, 1720; Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков : [электронный ресурс] / пер. с фр. яз. Н. В. Кирющенко и. П. А. Кротова. Ханты-Мансийск, 2003. [Без пагинации]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : зв., цв.; 12 см; Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком: 1715. Новосибирск, 1941.

[7] Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken. S. 1–24; Новицкий Г. И. Краткое описание. С. 39. Об этом также см.: История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л., 1968. Т. 1. Древняя Сибирь. С. 13; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 64, 75.

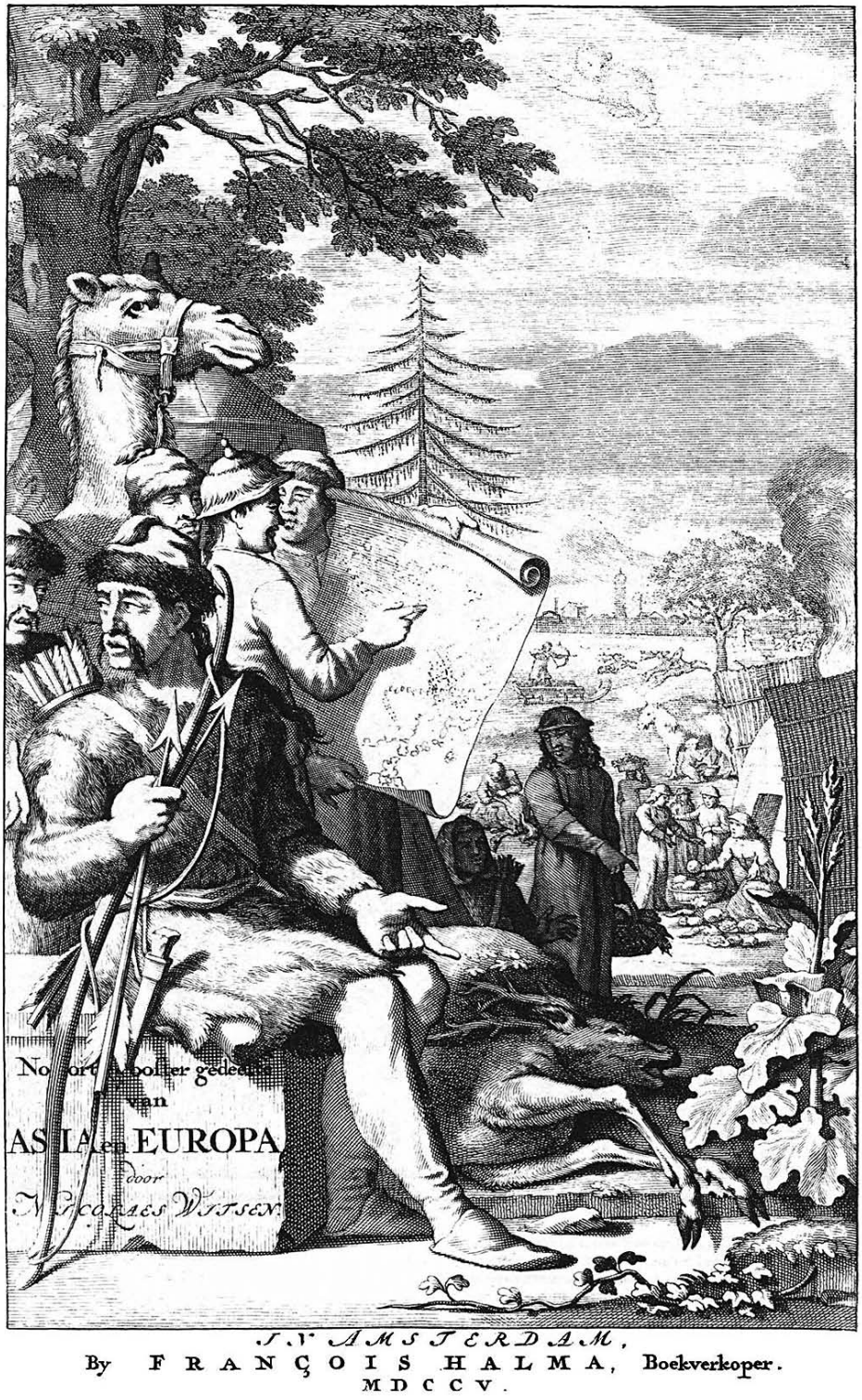


Рис. 4.4. Авантитул книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» в 2 т. 2-е изд. (Амстердам, 1705). Т. 1

хантов и манси. Вместе с этим далее будут скорректированы объяснение Новицким этнонима «остяки» как «останков» некрещенных пермяков, скрывшихся от Стефана Пермского за Уралом, и мнение Мюллера об их финском происхождении[8].

Благодаря описаниям идолов массового поклонения (Старика Обского, Гуся, Кондийского и др.) и святилищ остяков, многие из которых были уничтожены уже во время поездок Филофея, труды Новицкого и Мюллера стали первоисточниками информации о знаковых фигурах хантыйского пантеона и служителях их культа – «жрецах» (профессиональных шаманах)[9]. И. Б. Мюллером также запечатлены примеры семейного (родового) шаманизма, при котором любой глава семьи, не имея специальных атрибутов (костюма, бубна), мог осуществлять ритуальные действия и церемонии, посвященные семейному идолу[10]. Впоследствии в результате массовой христианизации семейная форма шаманизма вытеснила из культовой практики хантов профессионалов[11]. Также Новицким и Мюллером были описаны древние компоненты остяцкой материальной культуры – одежда из крапивы и рыбьей кожи, жилища-полуземлянки, предметы вооружения (сабли, шпаги, мечи, копья, панцири, шлемы), которые в это время еще были в широком употреблении, а затем с проникновением русской культуры стали использоваться все реже[12].

Рис. 4.5. Николаас Витсен. Портрет из кн. «Северная и Восточная Тартария» в 2 т. (Амстердам, 1705). Т. 1.
Изображение с сайта «Байкальская земля. Официальный сайт Сергея Волкова». https://volkov.irkutsk.ru/posts/nikolaas-vitsien-sieviernaia-i-vostochnaia-tartariia-1692-gh/)

Схожая структура и многочисленные параллели в монографических сочинениях спутников Феодора послужили основанием для утверждения, которое преобладает в научной литературе, что единственной

[8] Новицкий Г. И. Краткое описание. С. 39–40; Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken // Weber Ch. F. Das veränderte Russland. Frankfurt a/M, 1721. S. 187.

[9] Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 173.

[10] Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken. S. 201; Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 108–109.

[11] Народы Западной Сибири. С. 172.

[12] Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken. S. 42–43; Новицкий Г. И. Краткое описание. С. 59–60.

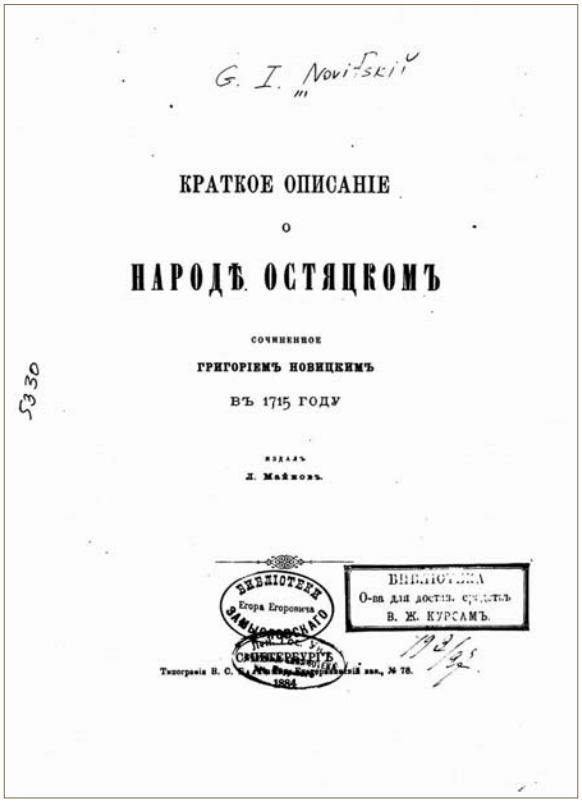


Рис. 4.6. Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком (СПб., 1884). Титульный лист. Из фондов РГБ. Изображение с сайта РГБ. https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003357951?page=1&rotate=0&theme=white

оригинальной работой является описание Новицкого, а труд Мюллера – это немецкоязычный пересказ или перевод с него[13]. Некоторые исследователи считают работы обоих миссионеров взаимосвязанными, но самостоятельными[14]. Сравнительный анализ истории создания, стиля, смысловых акцентов содержания монографий позволяет утверждать об их авторской независимости. Корреляция между работами Новицкого и Мюллера, вероятно, обусловлена тем, что они совместно участвовали в миссионерских поездках по югорским областям, имели единые цели и предмет изучения, общались друг с другом и обменивались информацией. Основное содержание «Краткого описания о народе остяцком», подготовленного Новицким в 1715 г., а впервые опубликованного лишь в 1884 г., посвящено событиям 1713–1715 гг.[15] (рис. 4.6). Работе присущи элементы научного описания XVIII в., но в целом она выполнена в стилистике русской средневековой книжности. Как и в материалах землепроходцев, в описании Новицкого имеется пространное обращение к патрону – сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину. Авторский стиль характеризуют назидательная высокопарная риторика, гипертрофированно осуждающая интонация в сообщениях о традиционных верованиях аборигенов. Значительное место в описании занимает церковно-идеализирующая компонента в традициях русской апостольской агиографии[16].

В работе Мюллера, которая, по свидетельству Ф. И. Табберта фон Страленберга, в рукописи была готова уже в 1714 г.[17], образ жизни и традиционные обряды хантов и манси отражены

[13] Обзоры историографии и библиографии см.: Мирзоев В. Г. Историография Сибири. XVIII в. Кемерово, 1965. С. 92–107; Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 95; Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард, 2005. С. 21.

[14] Главацкая Е. М. Когда умолкнут все бубны, или Сказ о том, как царь Петр решил крестить язычников Сибири // Уральский сборник. История. Культура. Религия. II. Екатеринбург, 1998. С. 65–66; [Кирющенко Н. В., Кротов П. А.] Введение // Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков; Элерт А. Х. Мюллер (Миллер) Иоганн Бернгард // Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. С. 35, прим. 7; Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт : письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 124.

[15] Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. СПб., 1884.

[16] См.: Пыпин А. Н. История русской этнографии : в 4 т. СПб., 1892. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. С. 222–223; История литературы Урала. С. 351–352.

[17] Wreech K. F. Wahrhaffte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau, 1725. S. 181–186; см. также: Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников. С. 76, 101.

в более сдержанных характеристиках. В качестве оценочной парадигмы пленным шведским офицером была использована научная дихотомия эпохи Просвещения «цивилизация – варварство»[18], которая не применялась Новицким. Сбор материала Мюллер произвел в ходе миссионерской поездки к хантам 1712 г., в которой, как считает Е. М. Главацкая, Новицкий не участвовал[19]. Работа Мюллера уступает в объеме сочинению его коллеги, но дополняет последнее информацией о географии и природе северных территорий Югры и этнолингвистическими сведениями. Показательно расхождение миссионеров в количественных данных о крещеных аборигенах. Свой труд Мюллер в традициях Нового времени посвятил российской царствующей семье и лично Екатерине Алексеевне, супруге императора Петра I[20]. После первой публикации в Берлине в 1720 г. описание Мюллера приобрело статус бестселлера. В течение первой половины XVIII в. оно было переведено на основные европейские языки[21], войдя уже в то время в формирующуюся международную научную историографию Югры, получившую развитие в трудах Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и других ученых – участников правительственных и академических экспедиций.

Инструментальные геодезические съемки Сибири, приведшие к составлению первых научных карт региона, были начаты в 1715 г.[22] Пионером в научном картографировании территории будущего Ханты-Мансийского автономного округа стал геодезист Петр Гаврилович Чичагов. Он закончил Московскую математико-навигацкую школу и Петербургскую морскую академию, получив специальное образование геодезиста-картографа, включавшее теоретическую подготовку и практические навыки для проведения в полевых условиях инструментальной съемки местности и ее картирования[23]. Метод инструментальной топографической съемки территории был следующим. Исходной точкой каждого съемочного (радиального) хода являлся уездный город, а конечной – место на границе уезда. В этих точках, а также в некоторых наиболее крупных населенных пунктах или географических объектах, где устраивались пункты стояния (наблюдения), широта определялась астрономически по полуденным (меридианным) высотам Солнца, измеренным с помощью квадранта или морской астролябии (рис. 4.7, 4.8). Долгота вычислялась от известного (начального) меридиана или выводилась в результате топографической съемки. Так устанавливалась система астропунктов – опорных координат будущей карты. В пунктах наблюдения и по сторонам хода геодезистами определялись с помощью астролябии и (или) компаса направления до точек видимого горизонта по странам света, а углы между такими направлениями измерялись с помощью теодолита. Расстояние измерялось мерной цепью (около 64 м) либо фиксировалось по расспросам местных жителей или на глаз. Съемка каждой территории велась системой таких радиальных ходов. Все измерения заносились геодезистом в журнал (каталог), иногда выполнялся чертеж (план). По материалам съемки создавалась карта на математической основе, которую составляли астрономо-геодезические координаты (опорные пункты), проекция и координатная сетка, масштаб[24].

---

[18] Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken. S. 2–3, 43–46.

[19] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. С. 22.

[20] Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken. S. 171.

[21] См. об этом: [Кирющенко Н. В., Кротов П. А.] Введение // Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков.

[22] См. об этом: Тетерин Г. Н. История геодезии с древнейших времен. Новосибирск, 2001. С. 287.

[23] Магидович В. И., Магидович И. П. Географические открытия и исследования XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 114.

[24] Шипилов И. А. Научная основа картографических материалов геодезистов – участников экспедиций в Сибирь в первой половине XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 62–63.

Рис. 4.7. Ф. Н. Тирютин. Астролябия геодезическая. Россия, Санкт-Петербург. 1754–1758. Из фондов Кунсткамеры. МЛ-453. Фото с сайта Кунсткамеры. http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/118753?ysclid=lqh4skuwea554801472

Рис. 4.8. Д. Рамсден. Квадрант астрономический. Великобритания, Лондон. Вторая половина XVIII в. Из фондов Кунсткамеры. МАЭ № 7770-41/1. МЛ-3765/1. Фото с сайта Кунсткамеры. http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/243927?ysclid=lqh4ua905d429023210

Используя данную методику, П. Г. Чичагов в 1721–1724 гг. произвел инструментальную съемку Тобольской провинции Сибирской губернии, занимавшей территорию Западно-Сибирской равнины. Результаты геодезической съемки и астрономических наблюдений обеспечили научное обоснование его «Ландкарте Сибирской губернии и Тобольской провинции»[25]. К ней Чичагов приложил каталог, содержавший описание и географические координаты 1302 пунктов[26]. Историк русской картографии Ф. А. Шибанов, проанализировав каталог, пришел к выводу, что большинство географических координат были вычислены математически, а широты девяти опорных астропунктов определены инструментально: это Тобольск, Пелым, Тюмень, Туринск, Верхотурье, Тара, Сургут, Обдорск и Омская крепость[27]. Таким образом действовали и другие геодезисты. На территории Югры Чичаговым были картографированы речные бассейны Оби в верхнем, среднем, нижнем течении и ее притоков (Ваха, Агана, Большого Югана, Назыма и др.), Обь-Иртышское междуречье, где сейчас располагается г. Ханты-Мансийск, и одноименный район автономного округа. Отображена информация о рельефе, растительном и лесном покрове местностей, дорогах, русских населенных пунктах и поселениях хан-тов, манси, ненцев, местах уплаты ясака[28]. Благодаря научной основе картографические работы Чичагова существенно превосходили по точности чертежи землепроходцев. С «Ландкарты Сибирской губернии и Тобольской провинции» Чичагова и других его работ, являвшихся долгое время единственными для Урало-Сибирского региона, неоднократно делали копии картографы, из которых выделяются знаменитые И. К. Кирилов, использовавший эти материалы для своего «Атласа

[25] Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М. ; Л., 1946. С. 16.

[26] Тетерин Г. Н. История геодезии с древнейших времен. С. 288.

[27] Шибанов Ф. А. Русская полевая астрономия в XVIII веке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. геогр. наук. Л., 1958. № 225, вып. 12. С. 6–8.

[28] Троицкий В. А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Изв. ВГО. 1974. Т. 106, вып. 2. С. 134–140; Коновалова Е.Н., Трофимова О.В. Изобразительный материал на рукописных картах Западной Сибири (XVII–XIX вв.) // Геодезия и картография. 2015. № 9. С. 53–61; Рутько И. М., Семянников Б. Г. Геодезист Петр Чичагов и его деяния // Международный журнал теории и научной практики. 2019. Т. 2, № 1. С. 12.

Всероссийской империи» 1731 г., и Ж.-Н. Делиль, забравший часть оригинальных картографических изображений геодезиста во Францию[29].

К недостаткам работ Чичагова следует отнести слабую проработку северных югорских районов, низовий Оби, Обской губы и прилегающих местностей, многие из которых, видимо, были картированы по опросным данным. Отсутствие методики инструментального определения долгот по наблюдениям за астрономическими телами негативно сказывалось на точности всей картографии данного периода, которая получит развитие в трудах последующих экспедиций.

Рис. 4.9. Д.-Г. Мессершмидт. Ханты-Мансийск. Памятник Великим Сибирским экспедициям. Скульптор В. А. Саргсян. 2010. Фрагмент

Начало комплексного научного изучения Сибири в целом и Югры в частности было положено экспедицией 1719–1727 гг. во главе с доктором медицины из Данцига (Гданьска) на русской службе Д. Г. Мессершмидтом (рис. 4.9). По указу Петра I от 15 ноября 1718 г. Мессершмидт выехал в Сибирь 1 марта 1719 г. для выполнения ботанических исследований и сборов, полезных для развития медицины[30]. Обширная экспедиционная научно-исследовательская программа была разработана самим ученым во время путешествия, когда он находился в Тобольске, и состояла в выполнении естественнонаучных (биологических, минералогических), географических, включая картографические, этнографических, исторических, археологических, филологических и других исследований[31]. Весь спектр научных работ по программе Д. Г. Мессершмидт с экспедиционным отрядом, состав которого также был определен в Тобольске, выполнил на огромной территории Западной, Южной, Центральной и Восточной Сибири[32]. Факторами успешной реализации всех компонентов программы стали, во-первых, высочайшая квалификация Мессершмидта как ученого-энциклопедиста, получившего прекрасное образование в университетах Йены и Галле и первоклассно разбиравшегося в различных научных областях[33]; во-вторых, содействие тобольских пленных шведов и нем-

[29] См. об этом: Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М. ; Л., 1958. С. 7, 30, 55, 57; Салищев К. А. Собрания русских карт первой половины XVIII в. в Париже (коллекция акад. И. Н. Делиля) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1960. № 4. С. 104–110; Уткин Г. Н. Новое о собраниях русских карт первой половины XVIII века в Париже // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1981. № 2. С. 126 –131.

[30] Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт. С. 201.

[31] Там же. С. 251–258.

[32] О маршруте и составе путешествия подробнее см.: Ширина Д. А. Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983. С. 7–9; Чивтаев Ю. И. Спутники Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 65–118.

[33] Биографию Д. Г. Мессершмидта см. в кн.: Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л., 1970. С. 7–8; Винтер Э. Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727) // XIII Междунар. конгр. по истории науки. СССР. Москва, 18–24 августа 1971 г. Коллоквиум: История освоения и развития Сибири. М., 1971. С. 3–4; Элерт А. Х. Мессершмидт Даниэль Готлиб // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 2. К–Р. С. 350; Лефельдт В. О подготовке биографии Д. Г. Мессершмидта и о рукописи

цев из армии Карла XII, в особенности капитана Ф. И. Табберта фон Страленберга, ставшего главным помощником Даниэля Готлиба в путешествии и проявившего себя разносторонним исследователем[34].

С начала своего пребывания в Сибири (с 1711 г. в Тобольске) Ф. И. Табберт фон Страленберг по собственной инициативе стал заниматься исследованиями и сбором сведений о регионе. Ко времени прибытия Мессершмидта в сибирскую столицу Страленбергом уже был собран разнородный фактографический материал по географии, этнографии и истории Югры, Тобольской провинции и Сибири. Сведения и материалы самобытный шведский исследователь получил, установив научные контакты с изографом С. У. Ремезовым, миссионером Г. И. Новицким, великим историком и ученым-энциклопедистом В. Н. Татищевым, геодезистом П. Г. Чичаговым и другими путешественниками, посетившими Тобольск. Также Табберту были известны работы других пленных шведов – И. Б. Мюллера, И. Г. Рената, Л. Ланге[35]. Преподавание Страленберга в Тобольской пиетистской школе, организованной капитаном шведской армии и просветителем К. Ф. фон Вреехом, позволило ему ознакомиться с содержанием новейшей исследовательской литературы, поступавшей из центральных городов России и Германии от адептов пиетизма и одного из идеологов этого направления в лютеранстве теолога и лингвиста А. Г. Франке[36]. Сторонником пиетизма являлся Д. Г. Мессершмидт, который обучался восточным языкам у Франке в Галле[37] (рис. 4.10). Собранными сведениями Страленберг поделился с Мессершмидтом, также ознакомив доктора медицины со своими картографическими наработками, выполненными совместно со шведским лейтенантом и картографом И. А. Маттерном (Матерном). Аккумулировав эту информацию, Мессершмидт, Страленберг и Маттерн составили в Тобольске «Карту Сибири от Урала до Енисея», отображающую территорию Югры на математической основе. На карту нанесены крупнейшие водные артерии края – Обь и Иртыш, указаны места проживания остяков, вогулов, самодийцев и татар, отмечены месторождения полезных ископаемых (меди, серебра, железа, серы, мрамора, горного хрусталя и др.)[38]. В течение экспедиции данная карта была существенно дополнена.

В составе экспедиции Ф. И. Табберт фон Страленберг находился с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. и внес значительный вклад в реализацию ее научно-исследовательской программы. В ходе путешествия Страленберг пополнил свою базу данных о географии Югры, ее природе и населении по результатам бесед и обмена материалами с пленными шведами из крупных сибирских городов, встречи с одним из сыновей С. У. Ремезова (Леонтием или Семеном) в Томске, который поделился копиями чертежей из «Хорографической» и «Слу-

---

«Sibiria Perlustrata» // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 19–23.

[34] Биографию Ф. И. Табберта фон Страленберга см. в кн.: Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М. ; Л., 1966. С. 25–31; Элерт А. Х. Страленберг (Штраленберг) Табберт Филипп Иоганн // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С–Я. С. 191–192.

[35] Зиннер Э. П. Известия шведских военнопленных о Сибири // Уч. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. 1961. Вып. 18. С. 1–51; Ярош Г. Ф. И. Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 1, вып. 1. С. 71.

[36] См. об этом: Черказьянова И. В. Школа пленных шведов в Тобольске: опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 155–167.

[37] См. об этом: Бондарь Л. Д., Лефельдт В., Тункина И. В. Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта. С. 28–36.

[38] Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. С. 174–175.

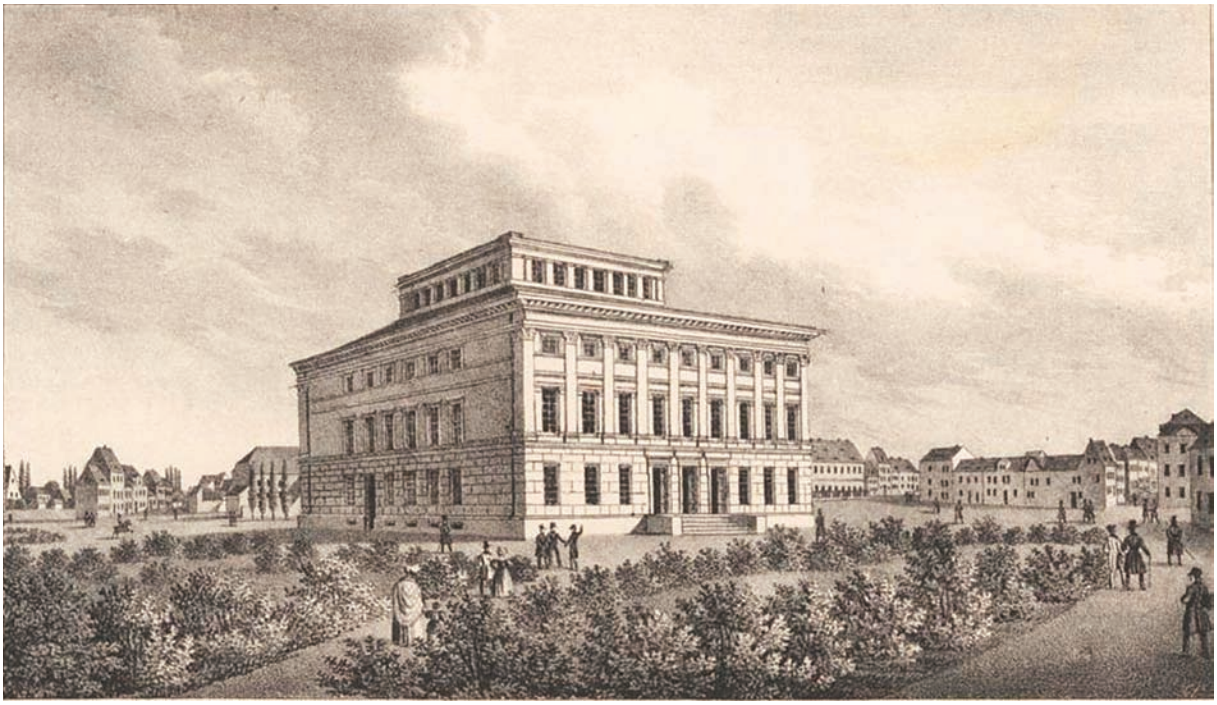


Рис. 4.10. Здание Университета в Галле в 1836 г. Литография В. фон Брэйе. 1836. Изображение с сайта «Wikimedia Commons». https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Uni-Halle-1836.jpg#mw-jump-to-license

жебной» чертежных книг[39]. Сведения о крае и материальной культуре остяков Приобского района помощник Мессершмидта получил от информантов из местного населения Сибири во время поездки из Томска в Нарым в августе 1721 г. При непосредственном участии Ф. И. Табберта фон Страленберга были составлены географические описания речных систем Иртыша и Оби, помещенные, как и рассмотренные выше данные, на страницах дневника путешествия, который до своего отъезда в основном вел Страленберг. Новую информацию о Югре и ее индигенном населении он получил во время своего возвращения из Сибири в Санкт-Петербург в 1722 г., когда проехал по территории Тобольской провинции и неоднократно останавливался на ночлег у хантов и манси.Путешествие было закончено 27 марта 1727 г., когда Мессершмидт прибыл в Санкт-Петербург. Его результатами являются материалы Д. Г. Мессершмидта: дневник путешествия, главный научный труд ученого «Sibiria Perlustrata» («Описание Сибири»)[40], многочисленные рукописи и коллекции экспонатов, относящиеся к различным отраслям научного знания. К итогам экспедиции также следует отнести научные труды Ф. И. Страленберга – «Предуведомление о подготовленном к печати сочинении о Великой Татарии и царстве Сибирском с приложением Великой России» (1726 г.)[41] и книгу «Северная и Восточная часть Европы и Азии» (1730 г.)[42].

---

[39] Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 гг. М., 1965. С. 80–81, 196.

[40] Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc. СПб., 2020.

[41] Strahlenberg Ph. J. Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der Grossen Tartarey und dem Königreiche Siberien, mit einem Anhang von Gross-Russland. Worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben, vorgetragen werden. Stockholm, 1726.

[42] Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Эмпирические данные о Югре Мессершмидт получил во время своей поездки 24 сентября – 10 ноября 1725 г. из Нарыма по Оби через Сургут в Самаров ям, которую отразил в путевом дневнике. Он составил географическое описание маршрута и территории современных Нижневартовского, Сургутского, Нефтеюганского и Ханты-Мансийского районов Югры, прилегающих к долине Оби. Ученый дал гидрологическую характеристику Обского бассейна на участке от впадения р. Вах до протоки Неулевой, определил по компасу румбы, отражающие направление течения главной водной артерии Западной Сибири. Путешественник отметил равнинный характер русла Оби, на пологих берегах которой он видел только низкорослые леса без возвышенностей, опровергнув сообщения некоторых предшественников[43]. Также Мессершмидт измерял и фиксировал время в пути от пункта до пункта в часах и минутах и расстояние в верстах. Согласно его вычислениям, в путешествии от Нарыма до Самарова яма на дощанике по Оби до Неулевой и далее на санях он с помощниками преодолел 1337 $^{3}/_{8}$ верст (≈ 535 км) за 270 часов и 45 мин[44]. Во время поездки Д. Г. Мессершмидтом были определены инструментально с высокой для того времени точностью широты притоков Оби – протоки Сытоминки 61°14′ и протоки Неулевой 61°5′, отличия которых от современных значений составляют несколько минут. В дополнение к этому исследователь подтвердил точность вычисления широты Сургута, выполненного ранее лейтенантом И. Маттерном, – 61°40′[45].

Маттерн стал соавтором карты Страленберга «Новое географическое описание Великой Татарии, как восточной, так и западной, точно воспроизводящее как отдельные части, так и всю территорию в целом вместе со всей Российской империей, и в особенности Сибирью»[46] 1730 г. (рис. 4.11). Опора на инструментальные определения широт, выполненные Маттерном и Страленбергом, обеспечила более высокую точность этой карты в отображении Югры в сравнении с материалами предшественников. На ней нанесены территории Сургутского уезда в границах с Тобольским, Нарымским и Енисейским уездами и Берёзовского уезда, соприкасавшегося на севере с землей «Обдорией», а на юге – с располагавшейся в Прииртышье «Кондорией» (Кондинской низменностью), граничившей на юге с Тюменью, на западе – с Пермью Великой (Республика Коми). Фактически отображен современный Ханты-Мансийский автономный округ в границах на севере с Ямало-Ненецким автономным округом, на востоке – с Красноярским краем, на юго-востоке – с Томской областью, на юге – с частью Тюменской области, на западе – с Республикой Коми.

Изображение Уральских гор сопровождается надписью, сообщающей, что по ним проходит граница между Европой и Азией. Страленберг один из первых в науке (приоритет с ним делит В. Н. Татищев) предложил производить демаркацию между континентами по Уральскому хребту[47]. Заметим, что Д. Г. Мессершмидт считал Обь естественным рубежом между

---

[43] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727 : 5 t. / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin, 1962–1977. T. 4. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725. S. 241–279.

[44] Ibid. S. 278.

[45] Ibid. S. 249, 253.

[46] Карту Ф. И. Страленберга см. в кн.: Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / под ред. А. В. Ефимова. М., 1964. № 74; Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709-1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha, 1996. № 62. S. 66.

[47] Подробнее см.: Чибилёв А. А., Богданов С. В. Граница Европы и Азии: история вопроса, проблемы верификации природных и культурно-исторических рубежей // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 95–105.

Европой и Азией[48]. На карте наряду с геоморфологическими, физико- и экономико-географическими характеристиками территории локализованы места расселения коренных народов региона. По местностям, прилегающим к Оби, размещены нарымские, сургутские, обские, иртышские, казымские, ляпинские, обдорские и надымские остяки (ханты, селькупы). В «Кондории» и Берёзовском уезде соседями остяков являлись «вогуличи» (манси), проживавшие по обеим сторонам Уральского хребта. Тундровая зона от низовий Оби до Хатанги занята самоедами (ненцами и другими самодийцами). В южных и восточных областях Югры остяки и вогулы соседствовали с сибирскими тюрками (татарами, чулымцами и др.), проживавшими по Иртышу, Томи, Чулыму и их притокам. В Предуралье рядом размещались поселения вогулов и пермяков (коми).

На страницах монографии Страленберга и в дневнике Мессершмидта содержатся сообщения об этнонимах, языке, антропологических и культурных особенностях, жизненном укладе, этногенезе и этнической истории коренных народов Югры. Д. Г. Мессершмидт впервые в этнографической науке приводит детальные точные сообщения по этнонимике хантов. Наименование «остяк» с его вариантами «ас[ш]тяк» (*Ass-jach* или *Asstiâck*) и «ис[ш]тяк» (*Ysstiâck*), как считает ученый, происходит от хантыйского *Ass-*, что означает Обь, и *Jach* – житель, народ[49]. Следовательно, «остяк» являлся автоэтнонимом (самоназванием) только для обских хантов, для остальных – алло- или экзоэтнонимом, экстраполированным на них русскими и другими народами. В данном контексте участник Второй Камчатской экспедиции С. П. Крашенинников писал: «мы ни одного народа собственным его именем не называем, но по большей части таким, каким они назывались от соседей, которые прежде от России завоеваны были, придав имени их свое окончание и несколько испортя»[50]. Д. Г. Мессершмидт отмечал, что остальные остяки называют себя хантами и транскрибирует автоэтноним на разные диалекты, на которых говорили в аборигенных волостях: *Chantaga*, *Chantadsha*, *Chanda*, *Chanda-jach*[51]. Доктор медицины пояснял, что «хандэ» (*Chanda*) означает «народ», и, как они приняли наименование от Оби, подобным образом называют себя и по другим рекам, где живут[52]. Ф. И. Страленберг, конкретизируя положения своего коллеги по экспедиции, считал, что этноним «ханты» происходит от гидронима «Конда»[53].

В Сибири Мессершмидт и Страленберг впервые на систематической основе использовали в качестве основного критерия для этнической дифференциации и классификации лингвистические данные, составляя словники на языках коренных народов. Детальную информацию о лингвистическом критерии Даниэль Готлиб получил от А. Г. Франке. Этими сведениями он поделился со Страленбергом, который мог уже знать их, поскольку являлся многолетним корреспондентом Франке. Кроме того, оба исследователя были осведомлены

---

[48] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 243.

[49] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 246, 256, 257, 264, 270. Ср. : Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. / предисл. и публ. З. Д. Титовой // Ист. архив. 2003. № 2. С. 38–39.

[50] Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М. ; Л., 1949. С. 360.

[51] Ср. с самоназваниями территориальных групп хантов: Народы Западной Сибири. С. 59.

[52] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 246, 257, 281; Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта. С. 39.

[53] Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. S. 64; Народы Западной Сибири. С. 59.

Рис. 4.11. Карта Ф. И. Страленберга «Новое географическое описание Великой Татарии, как восточной, так и западной, точно воспроизводящее как отдельные части, так и всю территорию в целом вместе со всей Российской империей и в особенности Сибирью». Стокгольм, 1730.
Изображение с сайта «SilverRoom». https://www.silverroom.ru/photos/1/20/202510/202510_0.jpg

EPTENTRIONALIS
PROVINCIA
IAKUTSKOI
PENSCHINSKOI ili LAMSKOI MORE
ANADIRSKOI MORE
Desertum Mongalicum
PECHELI
XANSI
XANTUNG
SINA
HONAN
NANKING
TIBET

об этнолингвистических штудиях Г. В. Лейбница[54]. Мессершмидт в ходе югорской поездки в 1725 г. зафиксировал в дневнике несколько сот наиболее употребительных слов на разных остяцких диалектах (числительные, «Бог», «отец», «мать», «небо», названия рек, растений, животных, предметов быта и т. д.)[55]. Проведя филологический анализ данных языка, путешественник сделал вывод, что остяцкий язык имеет финское происхождение («испорченный финский») и в каждой из известных ему 11 волостей аборигенов есть свой диалект, весьма отличающийся от других. Принципиально важно для науки, что Мессершмидт на лингвистическом материале доказал неправомерность отнесения к хантам «нарымских» и «кетских остяков» (селькупов), язык которых родственен самодийскому, а также «енисейских остяков» (кетов), имевших свой особый язык[56].

Страленберг поместил в своей монографии сравнительную лингвистическую таблицу «Tabula Polyglotta», или «Gentium Boreo-Orientalium Vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum», в которой несколько десятков обыденных слов (до 60) перевел на языки 32 народов, разделенных на шесть языковых классов (групп)[57]. Научным достижением шведского исследователя является то, что он в основном верно распределил по отдельным группам народы, составляющие по современной научной классификации финно-угорскую, самодийскую и тюркскую группы языков. К «обско-угорской» или «финской» группе им отнесены наряду с европейскими этносами населявшие Югорскую провинцию и Прииртышье вогульцы (манси) и остяки (ханты); к «тюркским» народам – тобольские, тюменские и тарские татары и якуты; к самодийцам (историческим предкам ненцев, селькупов, нганасан и энцев) – «самоеды», проживавшие от Архангельска до Печоры, по Оби до Нарыма и по Чулыму до Томска, населявшие побережье Северного Ледовитого океана между Енисеем и Леной[58].

Страленберг, изучив лингвистические и исторические материалы, полученные в Тобольске и в ходе экспедиции Мессершмидта, выдвинул гипотезу о финском происхождении хантов и манси, указав на участие в этногенезе обских угров коми-пермяков и самодийцев. В дополнение к этому он предположил, что исторические миграции финно-угорских и самодийских этносов происходили из Предуралья в Югру и с Ямала и Туруханска вверх по Оби и Енисею, то есть с запада на восток и с севера на юг. К результатам таких миграций он отнес появление южных самодийцев (камасинцев, койбалы, маторцев и др.) в тюркском и монгольском окружении. Эти рассуждения Страленберга позволили исследователям назвать его одним из основателей западной, или североевропейской теории происхождения народов уральской семьи языков, проживающих в Югре и на сопредельных территориях[59].

---

[54] Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil. S. 4, 20, 61, 62, 125; Strahlenberg Ph. J. Vorbericht. S. 3; Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 369–390; Винтер Э., Ушман Г., Ярош Г. Д. Г. Мессершмидт как исследователь Сибири (в связи с изданием его Дневника путешествия по Сибири) // Вопросы истории, естествознания и техники. 1969. Вып. 2 (27). С. 50.

[55] См., например: Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 254–256, 268–270, 282.

[56] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 244, 246; Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. С. 136; Народы Западной Сибири. С. 392, 633, 637.

[57] Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil. S. 137–156.

[58] Strahlenberg Ph. J. Gentium Boreo-Orientalium Vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum // Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil.

[59] Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil. S. 31–61; Manaster Ramer A., Sidwell P. The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1997. Vol. 87. P. 140–143; Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования

В монографии Страленберга положены начала для разработки теории этногенеза Урало-Сибирского региона, но в то же время допущены ошибки (например, отнесение к финно-уграм барабинских татар и башкир) и присутствует авторский вымысел: сообщение о томских хантах, происходивших из страны «Sauomis», или «Sembla» (Финляндии или Лапландии), связь названия р. Туры и одноименного поселения манси с финским Турку и др.[60]

Мессершмидт и Страленберг в своих исследованиях описали многие аспекты традиционной материальной и духовной культуры хантов и манси. Работая в научной интерпретационной парадигме «цивилизация – варварство», они оценивали влияние русской культуры на индигенные народы и возможность аборигенов менять свой культурный уровень посредством просвещения. Посетив хантов, живших около Самарова яма в постоянном контакте и культурном обмене с русскими, Д. Г. Мессершмидт выполнил рисунок их зимней юрты, которая архитектурно мало отличалась от русской избы, и описал ее. Внутреннее убранство было примечательно наличием двух печей (для просушки и обогрева) и превосходило интерьер юрт, в которых ученый останавливался ранее. Хозяин жилища был одет как русский, а его жена носила традиционное платье, сшитое с использованием рыбьей кожи, причем весьма искусно. О своих исконных верованиях они ничего не сказали путешественнику, поскольку все были крещены[61].

Страленберг во время поездки в Нарым наблюдал по обоим берегам Оби «убогие юрты и шалаши» хантов. Шведский исследователь подтверждал сообщение Мессершмидта о том, что живущие вместе с русскими ханты и манси были на пути к аккультурации, но многие из них скрывались в лесах и северных областях Югры и сохраняли свои обычаи и языческие верования. На страницах своей книги Страленберг запечатлел основные сценарные компоненты медвежьего культа манси, описал, дополняя известия Мюллера и Новицкого об идольских капищах, «молельни» хантов – небольшие деревянные постройки с жертвенниками, привел сведения о ханты-мансийских антропоморфных и зооморфных идолах (белки, зайца, оленя, лисы). Примечательно его сообщение о «болванах» манси в образе совы, «которым крепят на ноги настоящие совиные лапы»[62].

Посетив обских хантов и манси, Мессершмидт и Страленберг убедились в их природных способностях к просвещению, которые могли бы раскрыться, если бы им была предоставлена такая возможность. О хантах Мессершмидт пишет, что этот «простодушный» и «правдивый народ», несмотря на недостатки в культурном развитии, природой он не обделен способностями и талантлив в изготовлении «всяких вещей из рыбьих и оленьих кож»[63]. Во время своего возвращения из Сибири в Москву Страленберг на собственном опыте убедился в гостеприимстве, честности и ответственности при выполнении поручений, проявленных хантами, манси и сибирскими татарами[64].

в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 74–79; Народы Западной Сибири. С. 8, 62, 392–393.

[60] Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России. С. 80.

[61] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 279–281; Титова З. Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. 8. С. 9.

[62] Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России. С. 83–84.

[63] Титова З. Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири. С. 12.

[64] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и Восточная часть Европы и Азии : в 2 кн. М. ; Л., 1985. Кн. 1. С. 180–181.

Д. Г. Мессершмидт в ходе путешествия по Югре составил многочисленные зоологические описания птиц (куропатки, глухаря, жаворонка, королька, гусей различных видов и др.), рыб (налима, щуки, семейства осетровых) и млекопитающих (бурундука, белки, горностая, крота, лисы, песца и др.). Биологические образцы руководитель экспедиции получал от своего слуги, переводчика и прекрасного охотника Петера Кратца, а также приобретал у местного населения и на ярмарках[65]. В этих сообщениях Мессершмидт охарактеризовал не только внешнюю морфологию (эйдономию) животных, но и внутреннее строение их организмов, производя анатомирование. Например, анатомическое исследование сибирского осетра весом свыше 150 кг позволило исследователю актуализировать научную проблему изучения слуха у рыб[66]. С целью сохранения в ходе путешествия биологических экспонатов для Кунсткамеры Мессершмидт разработал и апробировал методику полевой таксидермии. Процедура изготовления чучел животных состояла в препарировании, просушке «на ветру» или «в русской печи», «сухой» или спиртовой («двойным/крепким вином») консервации и набивке тушки с естественным скелетом или с элементами деревянного остова конским волосом или соломой. Для консервации чучел и шкур млекопитающих и птиц Мессершмидт использовал изобретенный им «сухой бальзам» («мумиен-пульвер») – порошок, предохранявший шкуры и мумии животных от гниения. Он представлял собой смесь истолченных солей (натуральной, озерной и (или) горной), купороса, табака, перца, полыни, ладана и цветов лаванды. Этим составом путешественник натирал внутреннюю поверхность шкурок, пересыпал тушки высушенных птиц и небольших млекопитающих[67].

В ходе поездки по Югре Мессершмидту ассистировали в анатомических и таксидермических работах денщик и повар экспедиции А. Геслер Невинг и «мальчик-ботаник» Агафон Суровцев, который также помогал руководителю экспедиции в сборе и хранении растений, подготовке семян к посадке[68]. Мессершмидт уделял должное внимание упаковке экспонатов: заворачивал их в бересту, верблюжью или овечью шерсть, затем помещал в отдельные ящики и подписывал их. Препараты рыб, земноводных и рептилий натуралист хранил в бочках с «крепким вином», а насекомых помещал под стекло в коробочки или между двух пластинок слюды. Перед отправкой зоологических «натуралий» в Кунсткамеру путешественник производил их инвентаризацию, проверку на предмет сохранности. Упаковочный материал экспонатов для ученого изготавливали его денщики Михаил Бахметьев и Данила Приезжев[69].

В результате уже к концу 1725 г. фаунистическая (энтомологическая, орнитологическая, ихтиологическая, териологическая, герпетологическая) коллекция экспедиции состояла из более чем 1500 наименований[70].

---

[65] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 248–251, 254, 256–258, 260, 262–263, 267–268, 272–275; Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт. С. 267.

[66] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 264–265.

[67] Шипилов И. А. К истории становления таксидермии в России : Материалы академических экспедиций XVIII в. в Сибирь // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. / отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2021. С. 91–91.

[68] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 266, 274, 276. T. 5. Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister. S. 88.

[69] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. T. 2. Tagebuchaufzeichnungen Jan. 1723 – Mai 1724. S. 269; T. 4. 261–262; Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии. М., 1993. С. 61–62.

[70] Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. С. 132.

Ее дополняли не менее внушительные ботанические и минералогические собрания, а также ханты-мансийская этнографическая коллекция[71].

В ходе путешествия по Сибири Д. Г. Мессершмидт с сотрудниками выполнили исследования, положившие начало курганной археологии в России. В Югре археологические раскопки не производились, но была получена информация об артефактах. Остяки с р. Вах сообщили Мессершмидту о многочисленных останках мамонта по берегам этой реки и по Оби. Они обещали доктору медицины принести скелет древнего животного, но не сдержали обещания[72]. Однако ранее в Тобольске Мессершмидт уже имел возможность наблюдать скелет мамонта длиной в 36 локтей (≈ 15 м), который ему продемонстрировал С. У. Ремезов[73].

Во время поездок по Оби Страленберг находил по берегам реки минерал «адамова кость», природу которого верно объясняли путешественнику ханты, называя его «камень-дерево» (окаменевшее дерево). Из него аборигены изготавливали себе веретена для прядения шерсти[74].

[71] Messerschmidt D. G. Sibiria perlustrata; Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 243, 262, 276; Сытин А. К., Сластунов Д. Д. Даниэль Готлиб Мессершмидт – ботаник // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века. СПб., 2022. С. 43–62.

[72] Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. 4. S. 246.

[73] См.: Гольденберг Л. А. Семён Ульянович Ремезов. С. 80–81, 196.

[74] Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников. С. 125.

Глава 2

Вторая Камчатская экспедиция и путешествия Ж.-Н. Делиля (1730–1740-е гг.)

Новый этап в истории научного изучения Югры связан с работой в регионе в 1730-х гг. отрядов Второй Камчатской экспедиции и путешествием под руководством академика Ж.-Н. Делиля (рис. 4.12). Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция 1733–1743 гг. работала по единой научно-исследовательской программе всестороннего изучения географии, природы и населения Сибири[75]. Северным морским отрядам экспедиции, согласно инструкциям, поручалось обследовать Северо-Восточный морской путь из Северного Ледовитого океана в Тихий и картографировать участки морских акваторий и сибирской Арктики. Основной целью академического отряда являлось изучение Камчатки. Тихоокеанские морские отряды должны были разведать путь в Америку, на Курильские острова и в Японию и картографировать эти территории. Поскольку Югра не являлась основным пунктом назначения экспедиции, ее участники исследовали край попутно, направляясь в регион, обозначенный в инструкциях.

С мая по октябрь 1734 г. подгруппа академического отряда во главе с профессором астрономии Л. Делилем де ла Кройером проследовала водным путем по р. Иртыш, Обь, Кеть из Тобольска в Самаровский ям, Сургут, Нарым, Кетский и Маковский остроги, через Маковский волок в Енисейск (рис. 4.13). Маршрут группы до Енисейска был описан геодезистом А. И. Макшеевым. Им, во-первых, определено географическое положение названных населенных пунктов и иных объектов – указаны румбы, градусы, минуты и расстояния в верстах; во-вторых, дана информация об Иртыше, Оби, Кети, Енисее, касающаяся направлений их русел, силы течения, мест впадения притоков, а также о том, «какое на оных реках имеется жилье и на которой стороне». Наконец, приведены сведения о Маковском волоке – участке суши между Кетью и Кемью, по которому перетаскивали («волочили») суда от Обской речной системы к Енисейской и обратно[76]. Описания Макшеева содержали элементы математической основы для научного картографирования Приобья в Ханты-Мансийском, Нефтеюганском, Сургутском, Нижневартовском районах Югры.

---

[75] См. подробнее: Шипилов И. А. Инструкции Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина для участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции как научно-исследовательские программы // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 92–116.

[76] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 125. Л. 1–6 об., 10–49.

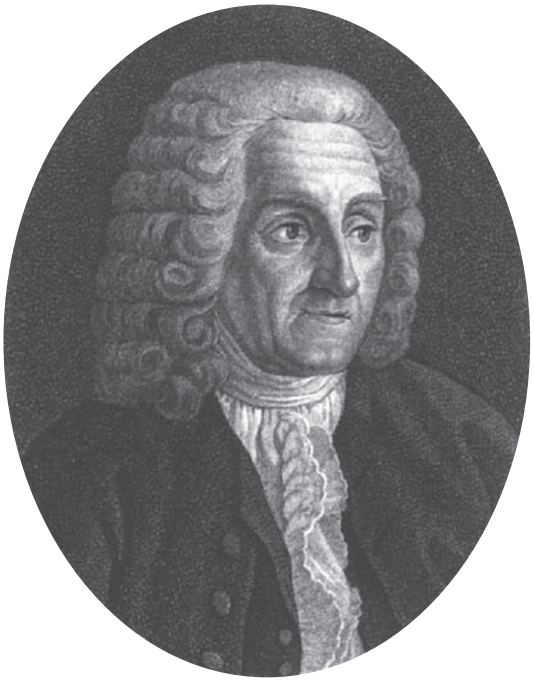


Рис. 4.12. К. Вестермайер. Портрет Ж.-Н. Делиля. 1803. Ил. из кн. «Allgemeine geographische Ephemeriden», bd. 11 (Weimar, 1803). S. 132

Рис. 4.13. Неизвестный художник. Л. Делиль де ла Кройер. Гравюра. Изображение с сайта «Bidspirit.com». https://d2zofuu73zurgl.cloudfront.net/thearc/cloned-images/235863/001/a_ignore_q_80_w_1000_c_limit_001.jpg

В 1738 г. геодезистами Обско-Енисейского морского отряда Второй Камчатской экспедиции М. Г. Выходцевым и Ф. С. Прянишниковым были осуществлены топографические съемки территории между Енисейском и Самаровским ямом, Обь-Иртышским междуречьем и Обью до устья. Материалы Выходцева и Прянишникова послужили источниками для подробной карты нижнего течения Оби, Обской губы и морского пути до Енисея, составленной руководителем отряда лейтенантом Д. Л. Овцыным[77], которая устраняла погрешности в отображении северных областей Югры, имевшиеся на картах П. Чичагова и Ф. И. Страленберга.

Наиболее обстоятельное исследование Югры в 1740 г. осуществил неофициальный руководитель академического отряда Второй Камчатской экспедиции профессор (академик) Г. Ф. Миллер (рис. 4.14). Он в рапорте 1737 г. из Якутска в Сенат отказался ехать на Камчатку, сославшись на прогрессирующую «ипохондрическую болезнь». В том же году профессор отправил для всеобъемлющего изучения полуострова своего лучшего студента С. П. Крашенинникова, а в 1739 г. – адъюнкта Г. В. Стеллера и студента А. П. Горланова. В начале 1740 г. Миллер, будучи в Енисейске, получил сенатский указ от 31 марта 1739 г., разрешавший ему вернуться в Санкт-Петербург, но с условием, что обратный путь пройдет по не исследованным еще путешественником областям[78]. Исполняя данное предписание, Г. Ф. Миллер в сопровождении геодезиста А. И. Макшеева, студента В. А. Третьякова, художника И. К. Декке-

[77] Об этой карте см.: Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. М., 1956. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. С. 294.

[78] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 33. Л. 97–97 об.; Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 59–62; Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. С. 76.

Рис. 4.14. Здание Кунсткамеры, где с 1728 г. располагалась Санкт-Петербургская академия наук.
Г. Качалов. Главный фасад Кунсткамеры. Гравюра. 1740. Изображение с сайта «Wikimedia Commons».
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:1741-Kunstkamera.jpg#

ра, проводников и «толмачей» из местного населения Сибири и обслуживающего персонала[79] с 12 июня по 9 сентября 1740 г. совершил путешествие вниз по Оби от Нарыма до Берёзова и оттуда вверх по Оби и Иртышу в Тобольск. Эти поездки задокументированы ученым в путевых (маршрутных) описаниях, названных «Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута», «Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Берёзова» и «Путешествие от Берёзова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска»[80].

Г. Ф. Миллер являлся инициатором и организатором практики систематического составления путевых описаний в ходе Второй Камчатской экспедиции. Как установил А. Х. Элерт, путевые описания Г. Ф. Миллера отличаются от путевых записок и дневников многих путешественников тем, что в последних отражено личное отношение авторов к описываемым явлениям и событиям, а в названных работах Герарда Фридриха, которые он «рассматривал как сугубо научные», произведена «сухая регистрация фактов»[81]. Путевые описания Г. Ф. Миллера и те, что выполнены по его инструкциям участниками экспедиции, являются научными географическими работами страноведческого характера, то есть содержат сведения о географическом положении, конфигурации, рельефе, водоемах, почве, растительном и животном мире, минеральных и иных ресурсах, населении определенной территории[82]. Не исключение и названные выше описания путешествий руководителя академического отряда по Югре.

---

[79] О составе отряда Г. Ф. Миллера подробнее см.: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 26. Л. 44 об.

[80] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / изд. подг. А. Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 192–208, 215–234, 261–283; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / изд. подг. А. Х. Элерт. Екатеринбург, 2006. С. 23–49, 60–92, 132–169.

[81] Элерт А. Х. Предисловие // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 12.

[82] Подробнее см.: Шипилов И. А. Путевые описания вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции как источник по истории изучения Сибири // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 120–141.

Основной компонент их содержания – сведения о географических и социальных объектах, расположенных на территории, по которой проходил маршрут. Миллер посетил и исследовал приобские области современных Нижневартовского, Сургутского, Нефтеюганского, Ханты-Мансийского, Октябрьского и Берёзовского районов Ханты-Мансийского автономного округа. В первую очередь в его работах содержится подробная гидрологическая информация о Верхнеобском, Иртышском и Нижнеобском бассейновых округах – речных системах Оби, ее проток и притоков (Ваха, Юганской Оби, Тромъёгана, Большого Салыма, Неулевой, Назыма, Иртыша, Большой Карымкарской, Малого и Большого Алтыма, Северной Сосьвы и др.)[83]. Эти сообщения сопровождают данные о направлении и скорости течения рек, их ширине, глубине, примерной длине и расстоянии между руслами[84]. Также имеются сведения об особенностях береговой линии, островах, опасных местах (отмелях, порогах) и, напротив, благоприятных участках водоемов для навигации, причаливания и стоянки судов. Например, на пути от Сургута в Берёзов и оттуда в Тобольск Миллер охарактеризовал географическое положение островов Камаева, Монастырского, Сухоруковских, Белогорских, Карымкарских (Большого и Среднего), находящихся на Оби, и Фроловского острова – на Иртыше[85] (рис. 4.15).

ОПИСАНІЕ
СИБИРСКАГО ЦАРСТВА
И ВСѢХЪ
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ,
отъ начáла
А ОСОБЛИВО ОТЪ ПОКОРЕНІЯ ЕГО
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ
ПО СІИ ВРЕМЕНА;
сочиненo
ГЕРАРДОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ МИЛЛЕРОМЪ,
Историографомъ и Профессоромъ Университета
Академіи Наукъ и Societeta
Аглинскаго Членомъ.
КНИГА ПЕРВАЯ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1750. года.

Рис. 4.15. Г.-Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена (СПб., 1750). Кн. 1. Титульный лист. Изображение с сайта «AntiqueBooks.ru». https://antiquebooks.ru/category.php?ch=book&book=111513

Миллер подтвердил сообщения Мессершмидта о преимущественно равнинном характере береговой линии Оби, но, дополняя предшественника, отметил возвышенности в районах Самаровского яма (Самаровский «отторженец»), «напротив устья реки Иртыша на правом берегу реки Оби» в «Белогорской волости» (Белогорский материк), а также в нижнем течении реки после Берёзова. Таким образом, Миллер одним из первых в истории геологического изучения Югры описал отроги Сибирских Увалов (Сибирско-Увальскую ландшафтную зону), представляющих систему холмистых возвышенностей (до 300 м) Западно-Сибирской равнины[86]. Ученый-путешественник для обозна-

[83] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 204, 207, 215–234; Северо-Западная Сибирь. С. 132–169.

[84] Подробнее см.: Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера. С. 60.

[85] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 215–216, 221, 223, 226, 265.

[86] О Сибирских Увалах подробнее см.: Бабушкин А. Е. Верхнекайнозойские отложения Сибирских Увалов Западно-Сибирской равнины // Советская геология. 1989. № 7. С. 46–54; Югория : энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа : в 4 т. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 3. Р–Я. С. 110, 133.

чения системы таких возвышенностей ввел специальный термин «материк», который используется в геоморфологии до сих пор[87]. В научных трудах руководителя академического отряда характеристика рельефа дополнена краткими сообщениями о флоре и фауне региона, прежде всего о наличии или отсутствии леса и животных, промышлявшихся местными жителями[88].

Путевые описания Миллера содержат подробную информацию по географии югорских населенных пунктов: их расположении, количестве, геометрии, архитектуре и назначении строений, численности, социальном, этническом и профессиональном составе жителей. Во-первых, это сообщения о русских городах и слободах (Сургуте, Самаровском яме, Берёзове). Во-вторых, это сведения о селах, деревнях, погостах, зимовьях и летовьях, подведомственных названным городам, а также о временных и постоянных поселениях коренных народов Сибири, именуемых обычно юртами, маршрутах их постоянных и временных миграций. Эти материалы важны для изучения исторической географии поселений Югры, так как многие из них с тех пор изменили свое местоположение, статус или вовсе перестали существовать.

Качественной характеристикой описаний Миллера является дублирование русских и аборигенных (хантыйских, мансийских, селькупских) наименований топонимов. Так, выполненное А. Х. Элертом сравнение топонимических данных, зафиксированных Миллером на р. Вах, с аналогичными материалами начала XX в. показало, что за истекшие годы названия многих рек, озер и поселений сменились или изменились настолько, что первоначальное их значение трудно или невозможно восстановить[89]. Следует отметить, что скрупулезные городовеческие описания Сургута и Берёзова были проиллюстрированы Миллером «проспектами» этих городов, выполненными художником И. К. Деккером, сопровождавшим профессора в путешествии по Югре. Для рисунков сибирских населенных пунктов художников академического отряда Второй Камчатской экспедиции характерно детальное и близкое к действительности отображение городской панорамы, дающее представление об особенностях архитектуры зданий и строений, их хозяйственном и культурном назначении, чему в некоторых случаях также способствовали картуши с номерами и пояснениями к ним. Виды населенных пунктов дополнялись изображениями элементов прилегающего пейзажа: рек со стрелками, указывающими направление течения, форм рельефа земной поверхности и растительности. Для получения геометрически верного изображения художники использовали камеру-обскуру – устройство для выполнения оптической съемки местности[90]. Сочетание научного нарратива с иллюстрацией способствовало созданию объективных представлений о панорамах Сургута и Берёзова в указанный период. В совокупности эти материалы представляют собой повествовательные и визуальные источники по историческому городоведению (рис. 4.16).

Неотъемлемым компонентом путевых описаний Г. Ф. Миллера являются количественные данные о расстоянии от пункта до пункта в верстах, об общей протяженности реки или маршрута, размерах топонима в верстах или саженях, направлении движения до объекта

---

[87] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 195, 220, 231.

[88] Там же. С. 192, 205–207, 217, 224.

[89] Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера. С. 61.

[90] Подробнее см.: Шипилов И. А. Источники по истории Сибири первой половины XVIII в.: рисунки художников Второй Камчатской экспедиции // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2020. Т. 34. С. 73–82.

относительно сторон света в румбах. Эти значения, полученные профессором при содействии геодезиста А. И. Макшеева, вводились непосредственно в текст работы или фиксировались в специально отведенных столбцах, а иногда дублировались в приложенных к описаниям «Реестрам верстам…»[91]. Эти данные составляли объективирующую (математическую) часть описаний и позволяли не только со значительной точностью определить географическое положение объекта, но и использовать эти работы в качестве источников для карт конкретной местности[92].

Для увеличения географии своих исследований Г. Ф. Миллер наряду с путевыми описаниями, основанными на результатах непосредственного наблюдения, выполнил работы «из устных известий различных русских, остяков и вогулов», то есть применив метод опроса. По такой методике путешественник произвел детальное описание бассейна р. Конды и территории одноименного района Югры, собрал дополнительные сведения о р. Вах, Сосьва, протоке Юганская Обь, Нижнеобском бассейне до Обской губы[93].

Рис. 4.16. Карагана сибирская. Рис. И. К. Деккера к четвертому тому книги И. Г. Гмелина «Flora Sibirica» в 4 т. (Petropoli [St.- Peterburg], 1747–1769). СПбФ АРАН. Ф. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 16

Югорское путешествие, по словам Г. Ф. Миллера, «было весьма… полезно для полнейшего изучения остяков и вогулов, их образа жизни и обычаев, а равным образом для составления по рассказам заметок обо всем, касающемся до самоедов»[94]. Этнографические сведения, полученные в результате непосредственного (включенного) наблюдения и по опросам информантов, содержатся в рассмотренных выше работах ученого, а также в его «Истории Сибири» и «Описании сибирских народов». Характеризуя географию расселения хантов и манси, Миллер выделял территориальные группы этносов по диалектам и языкам. Он отмечал особый диалект у сургутских, салымских, кондинских, тобольских, приобских, ваховских и берёзовских хантов. В Кондинском и Берёзовском районах Миллер фиксировал у манси особые диалекты вогульского языка, которые в результате этнолингвистического и культурного взаимодействия оказали влияние на язык местных хантов[95]. Он писал, что

[91] См., например: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 261; Северо-Западная Сибирь. С. 132–133.

[92] Шуппенер Г. Статистический материал в путевых заметках и других сочинениях о России конца XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 138–151; Шипилов И. А. Путевые описания вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции. С. 139.

[93] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 209–214, 235–245, 284–288.

[94] Цит. по: Косвен М. О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М. ; Л., 1961. Вып. 3. С. 180.

[95] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 210, 217, 225–226, 288.

в Берёзове «отмечается изменение в языке, потому что жители нескольких нижеследующих деревень, несмотря на то, что они понимают здешний остяцкий, кроме того, имеют еще и собственный язык, который является вогульским и общеупотребителен преимущественно на реке Сосьве»[96]. Историк сообщал о ханты-мансийской лингвистической связи и отличии местного языка/наречия от самодийских языков. В частности, как аргументировал исследователь, говор томских, нарымских и ваховских «остяков» (селькупов) совершенно отличается от языка «сургутских, тобольских и берёзовских остяков» (хантов) и, напротив, имеет «большое сходство» с самоедским[97].

Основным критерием для этнической дифференциации Миллер вслед за Мессершмидтом и Страленбергом считал лингвистические данные. Однако, как справедливо полагал академик, некоторые народы в течение своей истории могли полностью или частично утратить свой исконный язык и приобрести чужой, поэтому необходимо также сравнивать характерные черты внешности, компоненты материальной и духовной культуры. Кроме того, для выявления этногенетических связей, согласно историографу, необходимо сравнительное изучение материалов по истории народов – как их собственных «известий» (фольклора), так и документов из сибирских архивохранилищ[98]. Главным методом полевых исследований Миллер считал наблюдение, а камеральные работы, по его мнению, должны быть подчинены сравнительному принципу.

Сопоставив сведения исторических источников и опросив аборигенов, Г. Ф. Миллер подверг сомнению гипотезу И. Б. Мюллера и Ф. И. Страленберга о происхождении хантов и манси «из земли Сауомис, т. е. Финляндии», считая, что их этногенез и этническая история связаны с коми, ненцами и татарами. При этом историограф не отрицал, что «остяки и вогулы, живущие в уездах Тобольском, Берёзовском и Сургутском, имеют во многом, и особенно в языке, нечто общее с пермяками и финнами»[99]. Кроме того, Миллером была доказана лингвистическая и этногенетическая непричастность к хантам и манси барабинских татар, о родстве которых писал Страленберг и другие исследователи[100].

Сравнив данные по этнической антропосоматике, Миллер сделал вывод о том, что ханты, манси и ненцы «больше всего подходят к европейским народам по чертам лица»[101]. Следовательно, участник Второй Камчатской экспедиции наметил контур для последующей разработки антропологами теории «уральского типа/расы»[102].

Материалы Миллера показывают, что ханты и манси в исследуемый период часто проживали в одних поселениях, имели лингвистические, культурные и хозяйственные связи, являлись отдельными народами, составлявшими одну этническую общность обских угров. Профессор также отмечал самодийское влияние на обских угров: на северных хантов и манси – ненцев, на восточных – селькупов. Главным маркером продолжительных самодийско-угор-

---

[96] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 231–232.

[97] Миллер Г. Ф. История Сибири. С. 184–185; Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 211.

[98] РГАДА. Ф. 199. Портф. 527. Д. 7. Л. 12–13; Этнографическая программа Г. Ф. Миллера // Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 181–182, 225–226.

[99] Миллер Г. Ф. История Сибири. С. 184–185.

[100] Там же. С. 185.

[101] Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / изд. подг. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М., 2009.

[102] Хить Г. Л., Долинова Н. А., Козлов А. И., Вершубская Г. Г. Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // Вестн. антропологии. М., 1996. Вып. 2. С. 111–128; Народы Западной Сибири. С. 31.

ских взаимоотношений, по данным путешественника, являлось распространение оленеводства в традиционной ханты-мансийской экономике рыболовов и охотников. В дальнейшем это мнение Г. Ф. Миллера подтвердит участник экспедиции П. С. Палласа В. Ф. Зуев.

Уникальные сведения содержит полевой дневник Миллера, в котором он отметил, что манси Леушинской и Кондинской волостей по примеру русских и татар стали практиковать земледелие[103].

В «Описании сибирских народов» Миллер сделал вывод, что аборигенные этносы региона, а в некоторых случаях и их территориальные группы находились на разных ступенях цивилизационного развития. Такая картина, по мнению исследователя, стала возможной благодаря природным способностям туземцев, включая хантов и манси, к просвещению и, как следствие, к перемещению вверх на социокультурном «лифте». Фактором подъема, по мнению Г. Ф. Миллера, являлись взаимоотношения народов и межкультурный обмен. Об этом он писал следующее: «Вообще можно сказать обо всех языческих народах в Сибири, что их умственная культура выше или ниже в зависимости от того, насколько они цивилизованны вследствие общения с другими народами»[104].

Миллер отмечал, что некоторые остяки были крещены, одевались подобно русским и имели жилища, схожие с избами, получали образование. Но многие аборигены, по сведениям академика, сохраняли свои языческие верования, держались исконных обычаев и образа жизни[105]. Миллер, ратуя за дальнейшее просвещение коренных народов Сибири, считал необходимым описывать нравы и обыкновения, отражающие все стадии развития цивилизации, для изучения в сравнении этнических культур и человеческой культуры в целом, что должно было составить предмет новой науки – этнографии. Данную дисциплину Миллер постулировал в ходе и по результатам Второй Камчатской экспедиции[106]. Во многом этнография как наука уже была представлена в фундаментальной Программе изучения Сибири 1740 г., которую Миллер подготовил для адъюнкта И. Э. Фишера[107].

Программу Миллера Фишер реализовал лишь отчасти. Рассмотрим основные научные достижения адъюнкта, которые связаны с этнической историей и этнолингвистикой коренных народов Югры. Фишер объяснял значение летописного этнотопонима «Югра». Он полагал, что «югрой», «юграми» или «уграми» в летописях называли хантов и манси, но главным образом «вагуличей» (манси). Об этом он писал так:

> *В российских летописцах называются они уграми. Но для сего различного произношения не должно подумать, будто бы югры и угры были два разные народа, россияне имеют еще больше собственных имен, которые от «ю» начинаются, и они выговаривают их чрез «у», как Ульяна вместо Юлиана, и протч.*[108]

---

[103] РГАДА. Ф. 199. Портф. 521. Ч. 2. Л. 106–106 об.

[104] Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. С. 150.

[105] Там же. С. 126, 141, 157, 165, 169–172.

[106] Vermeulen H. F. Gerhard Friedrich Müller and the Genesis of Ethnography in Siberia // Etnografia. 2018. № 1. P. 40–63.

[107] Подробнее см.: Bucher G. «Von Beschreibung der Sitten und Gebräuche der Völcker»: die Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers und ihre Bedeutung für die Geschichte der Ethnologie und der Geschichtswissenschaft. Stuttgart, 2002.

[108] Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 76.

Как считал Фишер, древние «югры и вогуличи – один народ», живший на р. Яик (Урал) и у «Югорских гор». Яик берет начало из «Уральских гор, а сии соединяются с великими Югорскими горами, получивших от них (вогуличей. – *Авт.*) свое имя»[109]. Таким образом, Фишер определял Югру как местожительство манси, соединив этноним и топоним. Стоит заметить, что такая корреляция уже имела место на карте Страленберга и в «Истории Сибири» Миллера[110]. Фишер аргументированно доказывал связь языка хантов и манси и его принадлежность к финскому и венгерскому[111]. Он соглашался с мнением предшественников, согласно которому в этногенезе обских угров приняли участие коми и самодийцы[112]. В отличие от Страленберга, Фишер считал, что ненцы и другие самодийцы переселились в северные области из южносибирских областей. Он резюмировал:

> *Самоядь… боясь татар, и наипаче – киргизов, которые нападают на них неприятельски, вышли оттуда к Ледовитому морю, а остальные приведены в рабское состояние. Таким образом заняты, конечно, берега Ледовитого моря, которые иначе для ужасной стужи и совершенного неплодородия, может быть, вечно остались бы в запустении*[113].

Фишер считается основателем теории южносибирского происхождения самодийцев, которая до недавнего времени конкурировала в науке с гипотезой Страленберга. Археологические данные, полученные во второй половине XX в., подтвердили справедливость мнения Страленберга[114].

Экспедиция под руководством академика Ж.-Н. Делиля была организована в феврале 1740 г. для наблюдения за астрономическим явлением – прохождением Меркурия по диску Солнца в Обдорске. Это явление имело научное значение для вычисления расстояния от Земли до Солнца и определения методами практической астрономии географических координат. Плохая погода не только не позволит участниками экспедиции наблюдать это редкое явление, но и определит в качестве конечного пункта путешествия Берёзов.

Состав экспедиционного отряда Делиля: его ученик и главный помощник, студент Географического департамента Академии наук Т. Кёнигсфельс, учитель Петербургской морской академии С. М. Салтанов, который контролировал и координировал деятельность подмастерья А. Ю. Кривова и учеников морской академии П. Г. Григорьева, П. Т. Костюрина и М. Четверикова в экспедиции; «для нужнейших астрономических наблюдениев» – геодезии прапорщик Ф. Г. Григоров (Григорьев), геодезисты М. Сметев и С. Чичагов, переводчик с немецкого и русского языков М. Грёнинг; для обслуживания астрономических приборов – «ученик физики и оптики» М. Андрис; для подготовки лошадей и подвод на почтовых станциях и для охраны путешественников – капрал В. Ф. Серчеев (Ширчеев) и солдаты И. Селезнев, Я. Соловьев и А. Осковсков; секретарь Шарль, врач Шахов[115].

---

[109] Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 78.

[110] Миллер Г. Ф. История Сибири. С. 184, 190, 197–198, 207, 334.

[111] Фишер И. Э. Сибирская история. С. 76, 78.

[112] Там же. С. 76, 78, 82–83.

[113] Там же. С. 74.

[114] Народы Западной Сибири. С. 392–393.

[115] Материалы для истории Императорской академии наук : [в 10 т.]. СПб., 1885–1900. Т. 4. С. 330–331, 341; Пекарский П. П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 г. // Зап. Имп. акад. наук. СПб., 1865. Т. 6, кн. 2. Прил. 3. С. 3–4; Кротов П. А., Кирющенко Н. В. Западная Сибирь в «Дневнике путешествия в Берёзов в 1740 г.» Т. Кёнигсфельса и переписке Ж.-Н. Делиля //

В таком составе с большим числом астрономических инструментов экспедиция выехала из Санкт-Петербурга 28 февраля 1740 г. и проследовала по следующему маршруту: Москва, Владимир, Муром, Козьмодемьянск, Хлынов, Соликамск, Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск, Демьяновский ям, Самаровский ям, Берёзов[116]. 9 апреля 1740 г. экспедиция прибыла в Береёзов. Совет в составе Ж.-Н. Делиля, С. М. Салтанова, Т. Кёнигсфельса и М. Грёнинга принял решение отменить поездку в Обдорск, выполнить астрономические наблюдения в Берёзове, а также исследовать географию Югры и этнографию коренного населения региона (рис. 4.17).

Рис. 4.17. Телескоп зеркальной конструкции Д. Грегори. Голландия, Франекер, мастер Луббертус ван дер Билдт. Вторая половина XVIII в. Изображение с сайта музея-заповедника «Архангельское». https://arhangelskoe.su/the_museum/calendar/teleskop-zerkalnyy-konstruktsii-dzheymsa-gregori/

Основным источником сведений об экспедиции Ж.-Н. Делиля наряду с корреспонденцией ее руководителя является «Путевой дневник», составленный ее участником Тобиасом Кёнигсфельсом[117]. Последний был отправлен в путешествие как ассистент Делиля в астрономических обсервациях, а проявил себя в экспедиции как исследователь-универсал – помогал профессору в определении широт и долгот, составил подробные географические и этнографические описания, вел метеорологические наблюдения; вся его исследовательская деятельность нашла отражение в «Дневнике».

Кёнигсфельс получил классическое образование в Университете города Галле, одном из центров немецкого Просвещения. В январе 1736 г. студент медицины Т. Кёнигсфельс приехал из Галле в Санкт-Петербург и в марте указанного года обратился с прошением: «дабы повелено было мне, нижайшему, быть при академии наук»[118]. 19 марта 1736 г. его прошение было удовлетворено. Он стал студентом Академии наук, то есть должен был слушать лекции профессоров по разным наукам в академическом университете и исполнять их практические задания. Начиная с 20 марта 1736 г. Кёнигсфельс старательно выполнял различные поручения Ж.-Н. Делиля: копировал многочисленные карты и планы, работал с астрономическими инструментами, маркировал термометры для профессоров Второй Камчатской экспедиции, выполнил чертежи квадрантов, барометров и других инструментов, по которым были изготовлены инструменты для экспедиции Ж.-Н. Делиля для измерения базиса от Петергофа до Дубков[119].

Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г. Дневник Т. Кёнигсфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. СПб., 2008. С. 28, 30, 37–38, 39.

[116] Коновалова Е. Н. Экспедиция академика Н. И. Делиля 1740–1741 гг. в Берёзов // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница : в 2 ч. / отв. ред. Д. А. Редин. Ч. 1. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. Екатеринбург, 2006. С. 69; Кротов П. А., Кирющенко Н. В. Западная Сибирь в «Дневнике путешествия в Берёзов...». С. 46–48, 58.

[117] См.: Дневник путешествия Кёнигсфельса и Делиля в Берёзов в 1740 г. // Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов. С. 95–334; Переписка Ж.-Н. Делиля во время экспедиции в Берёзов в 1740 г. // Там же. С. 337–521.

[118] МИИАН. Т. 3. С. 41.

[119] Там же. С. 715–718; Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984. С. 104.

В 1737 и 1739 гг. Т. Кёнигсфельс участвовал в землемерных работах между Петергофом и Дубками, где под руководством Делиля участвовал в измерении базиса с помощью тригонометрических (угломерных) инструментов и в составлении плана Кронштадта[120]. В 1740 г. незадолго до отправления в Берёзов он проходил стажировку у Делиля в Петербургской обсерватории по наблюдениям за небесными телами. Как отмечает Н. И. Невская, Кёнигсфельс «проявил себя хорошим наблюдателем и помощником Делиля»[121].

Т. Кёнигсфельс был хорошо и всесторонне образован, подготовлен к выполнению астрономических, географо-картографических, естественнонаучных, этнографических и исторических заданий в путешествии Ж.-Н. Делиля 1740 г.

По его свидетельству, в путешествии он вел два дневника: карманный, где фиксировал все достопримечательное в течение экспедиции, и чистовой, в который он переносил сведения из первого, подвергнув их систематизации и литературной обработке; оба варианта велись параллельно[122]. В «Дневнике» Кёнигсфельсом детально описаны сибирские города (Верхотурье, Тюмень, Туринск, Тобольск, Берёзов и др.), иные населенные пункты (Демьянский и Самаровский ямы, русские деревни и поселения аборигенов) и географические объекты (р. Обь и Иртыш и их притоки и др.), встретившиеся на маршруте экспедиции. Расстояние между объектами указывалось в верстах и туазах[123].Описывая путь, студент Академии наук не только указывал расстояния между его пунктами, но и характеризовал дорогу. Например, 8 апреля 1740 г., когда путешественники достигли местечка Новая Юрта на Малой Оби, Кёнигсфельс записал в «Дневнике», что они «пересекли ручей и проехали 20 верст по соре[124] до самого Нирумова», где «самые плохие дороги в мире, так что тряска длилась более двух часов» и «лошади до того утомились, что не могли сдвинуться с места»[125]. Дороги становились еще хуже из-за суровых климатических условий: дождь, град, снег с сильными пронизывающими ветрами были постоянными спутниками путешественников. Путь из Нирумова в Берёзов, по сообщению исследователя, проходил «с большими трудами»:

> *…Лошади увязали в снегу глубже, чем по живот, поелику под снегом почва была рыхлой и сырой; шел мелкий снег, было очень холодно, дул сильный северо-восточный ветер… Я, к несчастью, упал в реку Сосьву, на каковой и построен этот город Берёзов. Одна из наших лошадей утонула…*

От серьезных заболеваний их спас казацкий десятник Михайло Афанасьевич, у которого они остановились на постой, и «вечером он предложил нам водки – лучшего и крайне редкого в этих краях напитка»[126]. 10 апреля 1740 г., на следующий день после приезда в Берёзов, на «совете четырех», который составляли Делиль, Салтанов, Грёнинг и Кёнигсфельс, этот город был избран последним пунктом экспедиции. Причины такого решения были указаны Ж.Н. Делилем в письме от 11 мая 1740 г. из Берёзова президенту Академии наук барону И. А. фон Корфу: 1) «дурные» дороги; 2) отсутствие лошадей; 3) опасность плавания по Оби, а «великая сия река летом слишком широка и опасна»[127].

---

[120] МИИАН. Т. 3. С. 716.

[121] Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа. С. 71.

[122] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 330.

[123] Туаз – французская мера длины, равная 1,949 м.

[124] Сор – низменные луговые места в поймах рек, заливаемые во время половодья.

[125] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 228.

[126] Там же. 229–230.

[127] Переписка Ж.-Н. Делиля. С. 349–350.

При описании крупных рек Кёнигсфельс, как правило, давал краткую характеристику течения и берегов на разных участках, сообщал об островах, местах впадения притоков и расположении населенных пунктов. Более подробно он повествовал о примечательных географических объектах и природных явлениях. К примеру, подъезжая к Тобольску, на Иртыше в районе впадения в него небольшой реки шириной около пяти туазов, чуть ниже которой находилась деревня Лебутово, путешественники увидели несколько плавающих островов. Т. Кёнигсфельс в «Дневнике» описывал такие острова и предлагал объяснение их «плавучести»: «Острова эти – не что иное, как оконечности мысов в русле Иртыша», а в этих краях

> *…течение реки такое сильное, что постепенно вода подмывает берег, от которого и отрываются затем такие вот плавучие острова… Причина этого – Тобол, впадающий в Иртыш в двух верстах от Тобольска… его стремительность здесь больше, чем самого Иртыша…*

Кёнигсфельс считал, что на таком острове можно

> *…проплыть тысячи верст, не опасаясь, что остров распадется состоящим из двух слоев… [поскольку] верхний – это мох, покрывающий ветки, переплетенные так плотно, что даже топором разрубить их почти невозможно; нижний же состоит из тяжелой и упругой притопленной земли*[128].

Сильное течение в устье Иртыша, как отмечал Кёнигсфельс, влекло за собой ежегодные изменения фарватера на данном участке реки[129].

Учеником Делиля были описаны и обычные острова, причем некоторые из них не были ранее нанесены на карты. Так, сведения (местоположение, форма, длина и ширина) об островах на Оби, по мнению исследователя, «могут быть полезными, если воспроизводить реку Обь крупным масштабом»[130]. Образованию островов, по мнению путешественника, способствовали также протоки, которых «там множество»[131].

В некоторых случаях исследователь объяснял значение тех или иных географических терминов. Мыс он определял как «небольшой выступ суши, который образуется в многочисленных излучинах Оби, выступая иногда… на 3–5 верст (то есть более чем на 5 км. – *Авт.*)»[132]. Подобным образом о мысе писал и Г. Ф. Миллер, уточняя, что «такие мысы называются по-русски словом “нос”»[133].

В «Дневнике» Т. Кёнигсфельсом даны красочные описания многочисленной флоры и фауны Югры. В первую очередь это сообщения о рыбах (осетр, стерлядь, щука, карп[134], окунь и др.), которых в Оби и ее притоках «водится огромное количество», птицах (дикие утки и гуси, куропатки, перепела и проч.), что по берегам «водится множество видов», животных (медведи, песцы, соболя, горностаи, белки и иные). Например, в Берёзове переводчик Палтеров подарил Кёнигсфельсу белого снегиря; последний так описал эту птицу: «Спинка у него слегка

---

[128] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 270–271.

[129] Там же. С. 259.

[130] Там же. С. 252–253.

[131] Там же. С. 256.

[132] Там же. С. 252.

[133] Северо-Западная Сибирь. С. 128.

[134] Вероятно, имеется в виду язь.

черноватая; говорят, что к лету эти снегири становятся серыми; они красиво свищут, голос у них тонкий и приятный, гораздо красивее, чем у наших, европейских»[135]. Во время путешествия исследователю доставило наслаждение пение перепелов и на него произвел «изрядное впечатление» красивый внешний вид восточного дикого гуся[136]. Югорская ихтиофауна поражала путешественника не только своим видовым разнообразием, но и размерами. Осетры длиною в 1,5 м считались «небольшими», а «восточные окуни величиною с небольшого леща» (2–3 кг), которых «и за окуней-то было бы не принять, если бы не красные плавники», не являлись редкостью в уловах местных жителей[137]. Кёнигсфельс оценил «нежное» и «прекрасное на вкус» мясо окуней[138]. Он также сообщил о повадках и жилищах сибирских бобров, которые «не уступают ни по части хитрости, ни в сметливости канадским»[139]. Заслуживает упоминания описание кедра и его плодов-шишек, орехи в которых напомнили исследователю кофейные зерна, «а на вкус они приятнее миндаля»[140].

Рис. 4.18. Т. Кёнигсфельс. Вид на Спасскую башню и обсерваторию Делиля. 1740. Рис. из кн. П. П. Пекарского «Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 году» (Ханты-Мансийск, 2007)

В «Дневнике» Кёнигсфельс сообщал об основных астрономических исследованиях, проводившихся Делилем при содействии других участников экспедиции[141]. Кёнигсфельс перечислял специальные инструменты и приборы, которые использовались при астрономических наблюдениях и вычислениях: «большой квадрант» применялся для измерения высот солнца в зените (полуденных), «английский инструмент» (пассажный) – для измерения «кульминаций» (высот) Луны, маятниковые часы – для фиксации времени того или иного явления, различные «зрительные трубки» – для наблюдения за небесными телами[142]. Автор «Дневника» описывал определение географических координат астрономическими методами в Берёзове, Самаровском яме, «Цингальских юртах» (современное с. Цингалы Ханты-Мансийского района Югры), Тобольске и др.[143] (рис. 4.18). Кёнигсфельс подчеркивал, что в некоторых случаях он сам рассчитывал значение широты по соответствующим высотам Солнца, участвовал в вычислениях долготы по высотам Луны, времени прохождения ее через меридиан и соответствующим показателям пассажного инструмента. Однако для озна-

[135] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 232.

[136] Там же. С. 258, 270.

[137] Там же. С. 253, 254.

[138] Там же. С. 253.

[139] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 238–239; Коновалова Е. Путешествие из Петербурга в Берёзов. С. 12.

[140] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 259.

[141] Список астрономических наблюдений, осуществленных в экспедиции Ж.-Н. Делиля, см.: МИИАН. Т. 5. С. 764–765.

[142] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 297–298.

[143] Там же. С. 232, 233, 261, 278.

комления с расчетами долгот он отсылал читателя к «астрономическому журналу»[144], который, возможно, он также вел в экспедиции.

Высочайшая для того времени точность определений долгот, выполненных Ж.-Н. Делилем с помощниками, поразила академика В. Я. Струве, который спустя столетие после астрономической экспедиции в Берёзов писал:

> *Делиль… употреблял для обнаружения долгот способ, который мы теперь считаем самым точным и самым удобным для пунктов, весьма отдаленных один от другого, – способ, который вошел в общее употребление только в последние 20 лет*[145].

Как отмечает Н. И. Невская, Ж.-Н. Делиль наряду с высочайшей эрудицией обладал качествами хорошего педагога и научного руководителя: не показывал своего превосходства и проявлял терпимость к ученикам, помогал им и, способствуя их научному росту, постепенно привлекал к самостоятельной исследовательской деятельности, создавал атмосферу свободного научного диалога и сотворчества, не оставляя без внимания недобросовестности[146]. По сведениям Т. Кёнигсфельса, эти качества в полной мере были проявлены академиком и в ходе его путешествия в Берёзов[147].

«Дневник» Т. Кёнигсфельса является актуальным информативным источником по истории изучения коренных народов Югры в первой половине XVIII столетия. На его страницах имеются сведения о языке, быте, хозяйстве, материальной и духовной культуре коренного населения Западной Сибири – остяках (хантах), сибирских татарах, самоедах (ненцах) и вогулах (манси). Этнографическая часть «Дневника» была составлена исследователем на основании его личных наблюдений, информации, полученной из бесед с представителями местного коренного и русского населения Сибири.

Для этнической дифференциации народов Сибири Кёнигсфельс использовал лингвистический критерий, что стало правилом для исследователей после экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Т. Кёнигсфельсом были составлены словари наиболее употребительных слов остяков, вогулов, сибирских татар и самоедов. По его данным, язык остяков, живущих близ Самаровского яма, отличается от языка берёзовских остяков, хотя и родственен последнему.

В данном случае Кёнигсфельс приводит либо словари разных хантыйских этнических групп, которые, как отмечают исследователи, имеют особые группы диалектов, приравниваемые к самостоятельным языкам, либо двух родственных языков, хантыйского (самаровских остяков) и мансийского (берёзовских остяков), одной финно-угорской языковой семьи, поскольку, по данным этнографов, в указанное время на р. Сосьве, где находился Берёзов, жили манси, которых, как и хантов, именовали остяками[148]. Следует отметить, что Кёнигсфельсу был известен этноним «манси»[149] – самоназвание вогулов, которое стало широко использоваться русскими применительно к этому народу с XIX в.

---

[144] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 298–299.

[145] Струве В. Я. О рукописи астронома Делиля, принесённой в дар Русскому географическому обществу членом оного князем И. А. Долгоруковым // Зап. ИРГО. СПб., 1849. Кн. 3. С. 67.

[146] Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа. С. 29.

[147] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 213–334; Материалы сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г. : Документы из архивохранилищ России и Франции : в 2 т. СПб., 2016. Т. 2. С. 335–456.

[148] См.: Народы Западной Сибири. С. 59–60, 63, 201.

[149] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 118, 240, 269.

Помощником Делиля были записаны словари числительных («счетов») остяков, вогулов и самоедов.

В качестве критерия для сравнения и разграничения народов Кёнигсфельсом использовались также компоненты материальной и духовной культуры того или иного этноса – жилище, одежда, способы ведения хозяйства, обычаи, обряды, «нравы и обыкновения». Согласно его концепции, отраженной в «Дневнике», сравнительное изучение составляющих культур этносов позволяет выявить степень цивилизованности каждого из них. Следовательно, он использовал характерную для западноевропейского Просвещения оценочную оппозицию «цивилизация – варварство». В этом контексте весьма показательны описания сибирских татар и остяков.

При первой встрече путешественников с сибирскими татарами в поселении Турбинская Юрта, находящемся в нескольких десятках верст от Тобольска, Кёнигсфельс описал внутреннее убранство их жилища и дал высокую оценку образа жизни:

> *Они отличаются чистоплотностью и живут как восточные народы, у них, так же как у персов или турок, на возвышениях в пол-локтя от земли растлены ковры [из небеленой холстины]. На маленьких очагах у них постоянно варится в большом котле каша, вот почему хлеб, хотя он у них и существует, заботит их в меньшей степени, нежели пшеница*[150].

Совсем иная картина представлена на страницах «Дневника» при описании юрты остяков на Малой Оби, где «нет ни окон, ни столов» и, как правило, «несколько семей живут в одной юрте, она поделена на каморки по числу проживающих в юрте семей, и каждый в своем углу спокойно ест свою оленину или рыбу, каковую ему удалось добыть». В голодное время остяки варят на очагах в горшках «еловую кору, а точнее, ее тонкий слой между внешней корой и древесиной – нечто вроде кожи дерева»[151]. Студент Академии наук по их просьбе дал им хлеба и табаку с «кангзой» – трубкой. Поскольку остяки оказались большими «любителями табака», который использовали не только для обычного курения, но и для промывания желудка[152], они были очень благодарны Кёнигсфельсу и сказали, что «они теперь смогут снова набраться сил и поесть» и будут за него молиться, чтобы Бог сделал его «подобным воздуху»[153].

Сибирские татары, согласно Т. Кёнигсфельсу, люди гостеприимные, вежливые, общительные, достаточно образованные (просвещенные). Особенно он выделяет тобольских татар – «наилучших во всей Сибири»[154].

Менее цивилизованными, по мнению путешественника, являлись другие народы Сибири – остяки, вогулы, самоеды. Так, остяки, в отличие от тобольских татар, использующих серебряные монеты, абсолютно не ценят денег, плату берут табаком или водкой. Во время экспедиции, как пишет Кёнигсфельс, охотились или ловили рыбу они только для удовольствия, так как за горсть табака можно было получить достаточное количество дичи или рыбы[155]. Показательно, что в языке самаровских остяков слова «деньги» (*guag*) и «дикий зверь» (*guagsar*) однокоренные[156].

---

[150] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 222.

[151] Там же. С. 228–229.

[152] Там же. С. 226–227.

[153] Там же. С. 229.

[154] Там же. С. 276, 222.

[155] Там же. 247, 249, 253.

[156] Там же. С. 227.

В «Дневнике» показано, что остяки в основном были крещены, но большинство из них сохраняли языческие обряды. Например, в Самаровском яме путешественники узнали от пленного шведского лейтенанта Берга об остяцком идоле Мастрико, которому поклоняются от Нарыма до этих мест. В первой же самаровской юрте Т. Кёнигсфельс увидел идола шайтана («черта»), вытесанного из камня, «покланяются ему как дьяволу, чтобы он не сделал им ничего дурного»[157].

Неопрятность жилища, грязь, неприятный запах, отсутствие какого-либо этикета, исполнение языческих культов и обрядов остяками и самоедами дали основание Кёнигсфельсу назвать этих аборигенов «дикарями» в значении «непросвещенные» (необразованные)[158]. Однако, по мнению исследователя, непросвещенность не лишала их гостеприимности, природной смекалки и изобретательности. В «Дневнике» отмечено, что остяки не отказывали путешественникам в приюте и в помощи. Например, ночью войти судну экспедиции из Оби в устье Иртыша, где часто менялся фарватер, помогли «трое остяков из Троицкой юрты», превосходно знавшие эти места[159].

Как показано Кёнигсфельсом, остяками и самоедами применялись наиболее удобные для данных мест средства передвижения по рекам и «самым плохим дорогам в мире», использовались самобытные приспособления для охоты и рыбной ловли.

В «Дневнике» описаны нарты – сани остяков, в которые обычно были запряжены пять или шесть собак, иногда несколько оленей[160], но имелись и иные вариации. Около Филинского Повоза путешественники встретили остяка, ехавшего на охоту на «чем-то вроде полозьев», в которые была запряжена собака. В руках у него были кедровый лук и палка, одна сторона которой была оснащена «заостренной костью в виде зуба и деревянным кольцом» и служила для отталкивания, другая в форме заступа – «для того, чтобы разрывать снег и устраиваться в нем таким образом на ночь». На правом плече был закреплен ремнями «колчан из оленьей кожи со стрелами»[161]. В Берёзове путешественники прокатились вдоль р. Сосьвы на нартах, запряженных оленями, о чем Т. Кёнигсфельс писал:

> *Езда была на редкость скорая, но бедные животные слишком разогреваются и выбиваются из сил… Их погоняют длинной палкой с тупым наконечником, правят же при помощи ремня, протянутого с левой стороны и привязанного к рогам*[162].

Для перемещения по рекам, как сообщал Кёнигсфельс, остяки использовали два типа лодок: 1) челноки («шаапы») – небольшие (шириною около двух футов, а длиною примерно семь) лодочки, выдолбленные из цельного дерева, в которых плавали вдвоем – так было легко переносить их с места на место; 2) «сечаапы» – лодки в два раза длиннее и значительно дороже первых[163]. Челноки путешественники использовали для плавания по мелким речкам и про-

---

[157] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 226.

[158] Там же. С. 234.

[159] Там же. С. 259.

[160] Там же. С. 224, 230.

[161] Там же. С. 225.

[162] Там же. С. 230.

[163] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 233, 243, 248. См. также: Титова З. Д. Дневник Т. Кёнигсфельда – этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири // СЭ. 1975. № 6. С. 100.

Рис. 4.19. Женский халат. Южные ханты. XIX в. ГМПиЧ. ХМ 1964-1

токам. Лодки и весла остяков женщины «разрисовывали» пальцами, «обмакнув их в смесь из крови зверей и китового жира»[164].

По сведениям Кёнигсфельса, на промысле остяки обычно использовали луки длиной около семи футов, «грубо сработанные стрелы с железными наконечниками» и «особливые» стрелы с деревянным наконечником для охоты на белку[165]. Сети с успехом применялись не только при рыбной ловле, но и для поимки дичи. При данном способе, сообщал Кёнигсфельс, сети натягивали среди кустов или через ручьи, и если охота была удачна, то за один раз можно было добыть до 150 диких уток или гусей[166]. Остяцкие женщины («анки») шили для остяков одежду («панин сог») и иные предметы обихода из кожи осетров, стерлядей и щук[167]. Участники экспедиции Делиля видели в поселении Большой Атлым на Оби остяка в ярко-желтой одежде из рыбьей кожи, которая на Кёнигсфельса произвела «весьма изрядное впечатление»[168]. Он пытался купить «панин сог» у остяков в различных поселениях, но одежда нигде не была готова. Ему удалось приобрести сумку, сшитую из широких кусков кожи щуки и стерляди, желтые полосы которой были сделаны из кожи осетровой рыбы[169] (рис. 4.19).

Кёнигсфельс считал, что остяки и другие сибирские народы способны обучаться у других более просвещенных народов и через общение с ними становиться более цивилизованными. Например, остяки, живущие на Иртыше и постоянно контактирующие с местным русским населением, по мнению исследователя, «усвоили более смягченные нравы, нежели живущие по берегам Оби»[170]. В одной из юрт участники экспедиции были встречены остяками, одетыми в русскую одежду. Некоторые путешественники, писал Кёнигсфельс, «купили здесь прекрасно сделанные остяцкие луки и стрелы»[171].

«Дневник» Т. Кёнигсфельса проиллюстрирован рисунками с комментариями, выполненными автором во время экспедиции. Как показал А. И. Андреев[172], эти рисунки могут быть разделены на две группы: 1) виды географические – вид на Берёзов к югу от берега с дощаника (14 мая 1740 г.); вид на обсерваторию и Спасскую церковь в Берёзове (15 мая 1740 г.); вид на церковь Меншикова и собор с противоположного берега р. Сосьвы (15 мая 1740 г.); вид на острог воеводы Берёзова (17 мая 1740 г.); вид на южную сторону церкви в Берёзове (19 мая 1740 г.); 2) изображения людей, зданий, лодок: «Церковь Меншикова» (21 мая 1740 г.), вид двух шаап

[164] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 243.

[165] Там же. С. 224.

[166] Там же. С. 249.

[167] Там же. С. 260.

[168] Там же. С. 227.

[169] Там же. С. 246.

[170] Там же. С. 263.

[171] Там же. С. 265.

[172] Андреев А. И. Сибирские зарисовки первой половины XVIII века // Летопись Севера. М. ; Л., 1949. Т. 1. С. 128.

(Chaaps), или лодок остяков, на Оби, двое манси (или остяков) гребут (28 мая 1740 г.); большая лодка остяков (17 мая 1740 г.) и др.[173]

Следует отметить, что в «Дневнике» имеются рисунки, которые не относятся ни к одной из вышеуказанных групп: 1) рисунок, изображающий соболя, бивень мамонта и клык моржа (20 мая 1740 г.); 2) схематичное изображение метеоролого-астрономического явления (23 октября 1740 г.)[174] (рис. 4.20). Как отмечают исследователи, эти рисунки не имеют высоких художественных достоинств, но дают представления об изображенных на них людях и предметах[175].

Рис. 4.20. Соболь и бивни мамонта. Рис. из «Дневника путешествия Кёнигсфельса и Делиля в Берёзов в 1740 г.». Изображение с сайта «Геопортал Русского географического общества». http://old.journal.spbu.ru/2009/02/6.shtml

Географические рисунки и комментарии к ним дополняют сведения «Дневника», характеризующие местоположение того или иного города или населенного пункта (на возвышенности, равнине), расположение административных зданий, храмов и др. Этнографические изображения создают визуальные представления о жилищах, предметах быта, одежде, орудиях промысла некоторых сибирских народов, сообщают вместе с пояснениями к ним и сведениями «Дневника» о состоянии материальной и духовной культуры этих этносов.

На основе рисунков и письменных свидетельств Кёнигсфельса были созданы десять гравюр, которые были опубликованы в 1779 г. в Амстердаме в качестве иллюстраций к «Извлечению» на французском языке из «Дневника» Кёнигсфельса и бумаг Делиля[176]. Поскольку эти материалы были напечатаны в популярном европейском издании – «Всеобщей истории путешествий», они стали доступны просвещенной европейской публике, которая получила новую достоверную информацию о Сибири и сибирских народах.

---

[173] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 225, 234–237, 239–243, 250, 256, 268, 272; Андреев А. И. Сибирские зарисовки. С. 129–135; Титова З. Д. Дневник Т. Кёнигсфельда. С. 96–97, 99; Пекарский П. П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля. Прил.

[174] Дневник путешествия Кёнигсфельса. С. 243, 328.

[175] Андреев А. И. Очерки. С. 71; Титова З. Д. Дневник Т. Кёнигсфельда. С. 95.

[176] См.: Extrait d'un voyage fait en 1740 à Beresow en Sibérie, aux dépens de la Cour Impériale, par M. De Lisle, Doyen de l'Académie Royale des Sciences, alors Professeur d'Astronomie à l'Académie de Petersbourg, pour y observer le passage de Mercure sur le disque du Soleil, et du Journal de M. Koenigsfeld, qui l'accompagnoit // Histoire générale des voyages : [24 t.]. Amsterdam, 1779. T. 24. P. 510–511, 516–517, 522–523.

Глава 3

Академические экспедиции 1768–1774 гг.

Среди российских научно-исследовательских мероприятий XVIII в. по территориальному охвату, масштабности и результативности исследований со Второй Камчатской экспедицией могут конкурировать лишь академические экспедиции 1768–1774 гг., участники которых изучали географию, природные ресурсы и население Российской империи. Экспедиционные отряды возглавляли известные ученые П. С. Паллас, С. Г. Гмелин, И. А. Гильденштедт, И. П. Фальк и И. И. Лепехин[177].

Урало-Сибирский регион наиболее обстоятельно был исследован экспедицией академика П. С. Палласа в 1770–1773 гг. В Западной Сибири руководитель и сотрудники экспедиции выполнили исследования в соответствии с научной программой на пространной территории от Тюмени и Петропавловска на западе до Томска на востоке, от Семея (Семипалатинска), Усть-Каменогорска, Омска и Барнаула на юге до Нижнего Приобья и Полярного Урала на севере[178] (рис. 4.21). Научно-исследовательской программой для отряда являлась генеральная «Инструкция для отправленных от императорской Академии наук в Россию физических экспедиций», разработанная П. С. Палласом при участии С. Г. Гмелина в 1768 г.[179] При ее составлении Паллас аккумулировал как собственные знания, полученные в Европе, так и опыт организации предшествующих российских экспедиций в Сибирь Д. Г. Мессершмидта, и Второй Камчатской в особенности. Особую ценность для него имели консультации и рекомендации Г. Ф. Миллера[180]. Генеральной инструкцией «всем в разные посылки на-

---

[177] Об организации и географии работ экспедиций подробнее см.: Гессен Ю. Г. Экспедиционная компания 1768–74 гг. // Вестн. АН СССР. 1937. № 7. С. 19–28; Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологический обзор и описание архивных материалов. М. ; Л., 1940. С. 95–115; Греков В. И. Из истории организации академических экспедиций 1768–1774 гг. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1971. № 4. С. 138–142; Киссер Т. С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.

[178] О маршруте путешествия отряда П. С. Палласа по Сибири подробнее см. в кн.: Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. С. 282–355.

[179] Инструкция для отправленных от Императорской академии наук в Россию физических экспедиций опубликована в работе: Фрадкин Н. Г. Инструкция для академических экспедиций 1768–1774 гг. // Вопр. географии. М., 1950. Сб. 17. История географических знаний. С. 209–219.

[180] Осипов В. И. Предисловие // Научное наследие П. С. Палласа. Письма: 1768–1771. СПб., 1993. С. 8; Vermeulen H. F. Peter Simon Pallas und die Ethnografie Sibiriens im 18. Jahrhundert // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg ; Havel, 2013. S. 48–49, 52.

значенным испытателям натуры» поручалось производство естественнонаучных (ботанических, зоологических, геологических), экономических, физико-географических и этнографических исследований в европейских и сибирских регионах Российской империи. Свои «обстоятельныя описания» участникам путешествий следовало дополнить сборами естественнонаучных коллекций для «имп. натурального кабинета», информацией о природно-ресурсном потенциале неосвоенных территорий и наиболее эффективных способах их использования[181].

Масштабный территориальный охват и высокая результативность исследований экспедиции П. С. Палласа были обеспечены, во-первых, грамотным распределением обязанностей между всеми представителями вспомогательного персонала отряда (студентами, художниками, таксидермистами и др.) с учетом их профессиональных компетенций и индивидуальных склонностей и способностей к научным работам; во-вторых, самостоятельными исследовательскими поездками учеников и помощников академика[182].

Самостоятельное путешествие по Югре и смежным ямало-ненецким областям осуществил один из лучших учеников П. С. Палласа, представитель его научной школы студент В. Ф. Зуев. 26 февраля 1771 г. он был отправлен академиком в «лежащей над Обью северной город Берёзов» и «далее до Обдорскаго острога, в низ по реке Оби… даже до самаго Ледовитаго окиана»[183]. Объясняя свой выбор, Паллас в рапортах Академии наук писал, что старание студента Зуева «обещает… добрые плоды» и «пользу науке» от выполнения им во время поездки по северу Сибири всех возложенных на него специальной инструкцией «физических опытов и наблюдений» – «сбора природных раритетов, достойных Императорской Кунсткамеры», метеорологических и климатических исследований, описаний «естественных достопримечательностей реки Оби и ее северных гор» и сообщений «о тамошних народах». В помощь ему был определен солдат Томского батальона, опытный стрелок и чучельник[184].

С февраля по июль 1771 г. Зуев во главе небольшого отряда, пополнявшегося в дороге проводниками и переводчиками из местного русского и коренного населения, проехал на оленях, используя лодки только при пересечении небольших речек и проток, по следующему маршруту, который описал географически с указанием расстояний от пункта до пункта: Челябинск – Тобольск – Демьяновский ям – Самаровский ям – Берёзов – Обдорск – водораздел Обской губы и Карского залива – северная оконечность Полярного Урала до Константинова камня – побережье Байдарацкой губы – устье р. Кары[185]. На обратном пути в конце августа 1771 г. студент совершил еще две исследовательские поездки из Обдорска: на оленях вдоль р. Собь к Уральским горам и на лодке вниз по Оби до устья[186]. Описание зимней дороги Зуева из Берёзова в Красноярск, куда он прибыл в январе 1772 г., в источниках отсутствует. Скорее всего, он, исполняя распоряжения Палласа, проехал на санях вверх по Оби через Сургут

---

[181] См.: Инструкция. С. 215–218.

[182] О составе экспедиции см.: Шипилов И. А. История экспедиции академика П. С. Палласа в Сибирь: Аспект оформления научной школы // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. / Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37. Новосибирск, 2018. С. 116–117.

[183] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи : [в 3 ч., в 5 кн.]. СПб., 1773–1778. Ч. 2, кн. 2. С. 5–6.

[184] Научное наследие П. С. Палласа. С. 155, 156, 157–158.

[185] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 16–41.

[186] Там же. С. 45–47.

Рис. 4.21. П.-С. Паллас. Гравюра А. Тардье. 1803–1841. Изображение с сайта музея "Wellcome Collection". https://wellcomecollection.org/works/zyyfvgft/items

до Нарыма, а далее по Кетско-Тымской равнине в Красноярск[187].

Результаты путешествий В. Ф. Зуева по северным регионам Западной и Средней Сибири были полезны как для данной экспедиции, так и в целом для российской науки. Его детальные путевые описания, подчеркивал П. С. Паллас, содержали более точные сведения о географии северных районов Югры, Полярного Урала, юго-западного побережья Ямала и береговой линии Карского залива (Байдарацкой губы), чем карты Атласа Российской империи 1745 г.[188] Знаменитый российский путешественник и географ П. П. Семенов в 1896 г. отмечал, что географические сообщения В. Зуева сохраняли свою актуальность и в первой трети XIX столетия, сетуя на то, что

> *...если бы маршрут Зуева был изучен со вниманием и нанесен на карту непосредственно после появления в свет Палласова путешествия... то карты начала нынешнего века уже не представляли бы таких резких погрешностей, какие имелись на всех картах этой части Сибири до 1828 г.*[189] (*рис.* 4.22).

Студент Зуев, по свидетельству Палласа, во время поездки на север Югры и побережье Ледовитого моря посылал ему частые письма и рапорты (до наших дней не сохранились), содержавшие «весьма приятные вести» о собранных им уже к началу июня 1771 г. «значительных» коллекциях. Получив данные известия, руководитель отряда в рапорте Академии наук от 10 сентября 1771 г. из Томска писал, что «с нетерпением» ожидает возвращения студента этой зимой, чтобы отправить в Кунсткамеру его коллекции вместе со своими собственными[190]. По приезду в Красноярск в январе 1772 г. В. Зуев передал П. С. Палласу из «Берёзовской и Обдорской стран» и северной приморской тундры собрания «редчайших родов водяных птиц», трав и кустарников, «морских произращений, оставшихся по сбытии моря», и «из моря на берега выкидываемые продукты», рыб и мелких морских животных с нижней Оби и из Карского моря, минералогических образцов, останков мамонтов и других ископаемых животных, янтаря[191]. По этим материалам Паллас выполнил первые научные описания многих видов растений и животных. В частности, по наблюдениям за живым белым медвежонком, привезенным Зуевым, он описал «сего редкаго зверя» в сравнении с бурым медведем[192]. Естественнонаучные и метеорологические работы Зуева, сохранившиеся в извлечениях

---

[187] Научное наследие П. С. Палласа. С. 158.

[188] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 33, 45.

[189] Семёнов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 19.

[190] Научное наследие П. С. Палласа. С. 181.

[191] См.: Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 23, 35, 38, 40, 42–48 и сл.

[192] Там же. С. 49.

на страницах «Путешествия» Палласа и как отдельная глава «О состоянии всей тамошней страны, погоде, травах, северных сияниях и светлости» в составе самостоятельного сочинения студента, представляли ценность для физической географии Югры и Западной Сибири, так как содержали описания природных зон региона с указанием их границ. Лесная зона, по мнению Зуева, располагалась на территории от Тобольска вниз по Иртышу до Самаровского яма, где по илистым и песчаным берегам Иртыша произрастали «ольха, осина, тополь, береза, ель и сосна», и «в низ по реке Оби», где «по правую сторону берега безпрерывно продолжаются высокие разные слои из белой, желтой, красной и горшешной глины, песошныя и шиферныя в себе заключающия, по которым в довольствии ростет кедровой лес, сосняг и ельник», а по левую – «земля плоская, талником, осиной и другим мелким лесом заросшая». Природно-климатические условия данной зоны детерминируют видовое разнообразие ее флоры и фауны и позволяют местным жителям (русским, татарам и хантам) заниматься, помимо охоты и рыболовства, земледелием и животноводством[193]. Согласно сообщениям студента, зона лесов по мере приближения к устью Северной Сосьвы и Берёзову сменяется природным комплексом лесотундры, который простирается более чем на 300 верст вниз по Оби до Обдорска и северо-западного берега р. Щучьей, где начинается тундра. Об этом Зуев пишет следующее:

> *Травы хотя и родятся около Берёзова, и лесов всяких довольно, но тонкость их и малость доказывают особливость тамошнего климата… Обдорского городка… уже лес ни к какому строению не годится, а при впадении реки в Обскую губу уже и никакого нет, кроме талу (тальника. – Авт.). Самое последнее дерево к северу растет лиственница, которая около двухсот [верст] в северо-западную сторону на реке Щучьей кончится, откуда начинаются уже чистыя тундры, и на мокрых местах ничего не видно, кроме моху и разного рода тальника вышиною менее аршина… Что ж касается до животных, то во всей тундре, кроме оленей, лисиц и песцов, зимою не найдется, а прочие, кои любят потеплее… ближе к Берёзову и водятся*[194].

P. S. Pallas

D. A. D. Profeſſors der Natur-Geſchichte und ordentlichen Mitgliedes der Rußiſch-Kayſerlichen Academie der Wißenſchaften, der freyen Oeconomiſchen Geſellſchaft in St. Petersburg, wie auch der Römiſch-Kayſerlichen Academie der Naturforſcher und Königl. Engl. Societät.

Reiſe

durch

verſchiedene Provinzen

des

Rußiſchen Reichs.

Zweyter Theil

Erſtes Buch

vom Jahr 1770.

St. Petersburg,

gedruckt bey der Kayſerlichen Academie der Wißenſchaften 1773.

Рис. 4.22. П.-С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства (Лейпциг, 1773). Т. 2. Титульный лист. Изображение с сайта «Wikimedia Commons». https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Pallas_frontispice.png?uselang=ru

Таким образом, Зуевым был применен метод физико-географического районирования – дисциплинарный метод физической географии теоретического уровня.

К числу главных научных результатов северных путешествий В. Зуева в 1771–1772 гг. относятся две его этнографические работы: небольшая статья

[193] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 16–20.

[194] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772) / подг. к печати Г. Д. Вербов. М. ; Л., 1947. С. 83.

«Об оленях» и основной труд «Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов»[195]. В отличие от других его трудов и материалов (рапортов, писем, дневника), они дошли до наших дней в подлинниках и представляют интерес как для истории изучения народов севера Югры, главным образом хантов (остяков) и ненцев (самоедов), так и для истории становления этнографии как науки в России.

Исследователи начиная с П. С. Палласа отмечали, что сочинения Зуева по сравнению с работами предшественников содержат новый и (или) более информативный фактический материал о местах расселения, внешнем облике, языке, образе жизни и различных сторонах материальной и духовной культуры северных хантов и манси, ненцев, который изложен в сравнительном плане (что акцентирует внимание читателя на сходствах и различиях между названными этносами) и приведен в форму специального этнографического описания. Высокая точность сообщаемых Зуевым сведений, по мнению ученых, обусловлена тем, что они получены по результатам внимательных наблюдений и личных бесед студента с представителями аборигенного (через переводчика) и русского населения Берёзовского уезда[196]. Г. Д. Вербов, как и другие этнографы и историки, называет Зуева автором первой обстоятельной работы о ненцах и одной из первых после Г. И. Новицкого и И. Б. Мюллера – о хантах[197]. Как установил С. А. Токарев, Зуев является автором первого научного описания северных остяков, поскольку Новицкий в своей работе охватил главным образом южные хантыйские группы[198]. Севернее Берёзова не ездил и Т. Кёнигсфельс.

В. Ф. Зуев начинает свое сравнительное «Описание» с обозначения регионов обитания самоедов и остяков, занимающих по большей части разные природные зоны – тундру и лесотундру, что обусловливает различия в их образе жизни (кочевой, оседлый, переходный) и хозяйственных основах. Он пишет:

> *Первые [остяки] живут далее [чем самоеды] от берегу Северного моря и… далеко вверх по берегам реки Оби. Оныя хотя и имеют отчасти кочевное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время – в тундру за дикими зверьми. Однако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, по-тамошнему – чумах.*

Самоеды же «по всей тундре, подле берег[а] Северного окиана лежащей, разъезжают» на запад от устья Соби и Обской губы «чрез камень» до Карского залива и границ Пустозерского уезда и на восток «от Тазовской губы по Туруханское ведомство», где «живут все зимой и летом в чумах… а изб никогда не имеют»[199]. В Берёзовском уезде, где названные народы сосед-

---

[195] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772) / подг. к печати Г. Д. Вербов. М. ; Л., 1947. С. 17–91.

[196] См.: Андреев А. И. Материалы по этнографии Сибири XVIII века // Советский Север. 1939. № 3. С. 82; Степанов Н. Н. Этнографические исследования Василия Федоровича Зуева. С. 175–181; Токарев С. А. Из истории этнографических исследований в Академии наук // СЭ. 1974. № 2. С. 12–13; Титова З. Д. К истории этнографического изучения хантов, манси и кетов в XVIII в. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 142, 143.

[197] Вербов Г. Д. Василий Федорович Зуев. С. 16; Пархимович С. Г. «…Тебе, ласкавый читателю» // Путешествия по Обскому Северу : Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году; Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым. Тюмень, 1999. С. 7; Народы Западной Сибири. С. 152, 392.

[198] Токарев С. А. История русской этнографии : (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 97.

[199] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 21, 22, 32.

ствуют, основа «жития и экономии» тех и других состоит, по мнению Зуева, «как в содержании оленей», являющихся их главным богатством и показателем социального статуса, «так и в разных промыслах» – «рыболовстве», «звероловстве» и «птицеловстве», дающих им средства к существованию[200]. Однако в целом, согласно работам Зуева, для остяков, живущих полуоседло по Оби, основой хозяйства является рыболовство, а для кочующих по северным тундрам самоедов – оленеводство и звериный промысел[201]. Более четко данная мысль изложена Палласом в его «Путешествии»:

> *Остяков можно сравнить с рыбаками, так как номадской народ за пастухов почитают, по тому что рыболовство у них во все лето, да и несколько зимою первейшее упражнение и пропитание… Каждой самоедин с своей семьею живет более при своих оленьих стадах и пасет сам оныя, выключая богатых, кои бедных нанимают пасти, чтоб подать средство к их содержанию… Главнейшее самоедцов упражнение, так как и тунгусов, и других некоторых американских народов, есть звериная ловля, особливо диких оленей… Хотя ни тот, ни другой [народ] обоего ремесла в свое время не упущает*[202].

В работах Зуева показана значительная роль традиционных промыслов и оленеводства в экономике, материальной и духовной культуре коренных жителей низовий Оби, но в то же время отмечено постепенное проникновение элементов русской культуры в аборигенную. Он детальнейшим образом описал как ставшие архаичными, так и практикуемые в наши дни хантами и ненцами способы летней и зимней рыбной ловли речных (осетра, стерляди, щуки, налима, язя, карася, окуня, чебака и др.) и проходных (муксуна, нельмы, чира, омуля и др.) рыб, охоты на диких оленей, лосей, белых и бурых медведей, рысей, росомах, лисиц, песцов, разного рода грызунов (белок, бурундуков, бобров) и куньих (соболей и выдр), а также водных млекопитающих (моржей, тюленей и белух), водоплавающих и обитающих близ рек птиц (гусей, уток, лебедей, турпанов и иных), используемые при этом снасти (сети для поимки рыб и птиц, переметы, морды, фитили, деревянные рыбки-приманки), орудия (лук, стрелы, копья, ружья, остроги), приспособления (речные запоры, различные капканы и ловушки, лабазы – помещения для хранения добычи) и средства передвижения – собачьи и оленьи упряжки[203].

Одежда обоих народов, пишет студент, делалась главным образом из шкур оленей разных возрастов и периодов забоя, реже – других «ими промышляемых зверей». Так, мужской костюм северных хантов и ненцев, согласно сведениям Зуева, во многом был схож и в зимнее время состоял «внизу из малицы, которая делается из вешних оленьих кож (шкур новорожденных оленят) с рукавицами, длиною до колена… вниз шерстью», верхнего платья «гусь», сшитого подобно первому, но «из зимней оленины» (шкуры взрослого оленя с длинным ворсом) и «с головой» (капюшоном)[204], ровдужных (замшевых из шкур взрослого оленя) штанов

---

[200] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 32, 68.

[201] Там же. С. 29–30, 35, 85.

[202] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 54–55, 92–93, 106.

[203] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 32–35, 68–82, 83, 88, 91. См. также: Народы Западной Сибири. С. 81–82, 84.

[204] Сообщение Зуева о шитье ненцами верхнего одеяния – гуся (совика) с капюшоном, а малицы без оного, по мнению Г. Д. Вербова и Н. Ф. Прытковой, свидетельствует о том, что «в XVIII в. покрой одежды у ненцев ещёе не вполне утратил черты южного происхождения: малица, будучи уже глухой полярной одеждой, еще не имела капюшона», который впоследствии на ней появится и станет нормой. См.: Вербов Г. Д., Прыткова Н. Ф. Комментарии // Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 92. Коммент. 6.

и «из тонкого неплюя (шкурок оленят возрастом от месяца до года) вниз шерстью… чулков чажи (нир), а на них надевают из оленьих лап сшитые сапоги или пимы» (кисы, или лунты) с подошвами «из оленьих щеток или пяток, доказывая к лучшему, что грубая и непорядочная пятная шерсть не скользит под ногою». Летом носят малицы на голое тело, «которые иные щеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают… собачьей белой шкурой или песцовыми хвостами», на ноги надевают «легкие ровдужные, наподобие пимов, неговаи (нюки вей), красною краскою и ржавою раскрашенные, у коих подошвы более из оленьих лбов бывают». Часто ходят с «непокрытой головою, разве в дороге зимою надевают шапки, русским чебакам[205] подобные»[206]. В отличие от ненцев, ханты носили парку – легкое летнее и зимнее платье «из оленьей телячьей кожи вверх шерстью, с рукавицами головою и опушивается как около подолу, так и около головы белою собачиною»[207].

Обычный комплект одежды остяцкой женщины, который наблюдал Зуев, включал длинный просторный тулуп, надеваемый поверх голого тела, с поясом, «чтоб пола с полой сходились», «на голове покрывало, по-ихнему – вокшем [охшам], которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит, и во время прихожих людей, и своих сродных, кроме одной матери, будто от стыда им закрывается», зимнюю обувь – «неговаи», а «летом ходят босые»[208]. В данном фрагменте Зуев одним из первых в этнографической литературе описал обычай избегания, характерный для хантов, манси и некоторых народов Передней Азии, по которому женщина, встретив мужчину, как абсолютно постороннего, так и родственника, должна закрыть от него лицо платком[209]. Платье самоедских женщин, отмечает Зуев, «совсем от остяцкого отменное, а более… камчадальскому подобное»[210], шьется «из разных суконных лоскутков, на груди и на спине – из неплюевой кожи», по его подолу «пониже колена» проходит тройная опушка «из разных лучших зверей»; подпоясываются они ремнем с большим железным кольцом (пряжкой), «внизу носят штаны ровдужные… на ногах – пимы либо неговаи»[211].

Некоторые богатые ханты, отмечал Зуев, покупали материалы, холст, в частности, для шитья нижней одежды (рубах, халатов), у русских[212]. Об одежде из рыбьей кожи, которая, как известно, в это время имела широкое распространение среди хантов и употреблялась вплоть до XX в.[213], Зуев упомянул лишь однажды. В статье «Об оленях» он отметил, что беднякам, не имеющим оленей и рыбных запасов, «платье из рыбьих и оленьих кож… в варении бурдука [п]ригодились». Потому «щастлив из них тот, коего бог благословил стадами оленей», и «когда рыбы довольно»[214].

---

[205] Чебак – меховая шапка с наушниками, завязками и назатыльником. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. СПб. ; М., 1909. Т. 4. С. 1295.

[206] Цит. по: Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 24, 28. Ср.: Народы Западной Сибири. С. 109, 112, 119–120, 438–439, 441; Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. М. ; Л., 1953. Т. 15. С. 160–161.

[207] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 24.

[208] Там же. С. 24, 27.

[209] Соколова З. П. Платок в культуре хантов и манси // Сибирский этнографический сборник. 2000. Вып. 10. С. 49–69.

[210] Скорее всего, имелась в виду кухлянка – традиционная зимняя одежда ительменов. См.: Народы Северо-Востока Сибири. М., 2010. С. 169).

[211] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 28.

[212] Там же. С. 24.

[213] Народы Западной Сибири. С. 109.

[214] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 85.

Рыба и оленина, по наблюдениям Зуева, являются основной пищей остяков и самоедов. Путешественник сообщает, что рыба у них имеет «большее… употребление сырой» и «на разные манеры приуготовляется и разные от того имяна получает»: «поземы» – сушеные и поджаренные (подкопченные) на шестах бока крупных рыб без костей, которые хранят связанными в связки («беремя») и употребляют вместо хлеба, что «есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою»[215]; «ютта» – поземы из мелкой рыбы; «жир» и «варка» – блюда из отварных рыбных внутренностей, «вместо масла употребляется»; «порса» – мука из истолченной рыбы с костями; «уха» и «бурдук» – похлебка из «варки», рыбьих костей и муки, выменянной у русских[216]. При забое оленей, продолжает он, «ни одна часть сего зверя даром не пропадает», все, от кожи и рогов до перепонок и костного мозга, идет в пищу в сыром или вареном виде, «голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят»[217]. Представители этих народностей также охотно питаются мясом других промышляемых ими зверей и птиц[218].

Продукты промыслов и оленеводства, продолжает ученик Палласа, служат остякам и самоедам наряду с древесиной главным сырьем для изготовления предметов домашней утвари и быта, хотя у них в обиходе есть и «такие вещи, которые оне у русских не дешевою ценою покупают, как коробки, ящики, ножи и прочие мелочи»[219]. Так, из оленьих желудков и осетровой кожи они делают мешки и емкости для хранения продуктов, из осетров и стерлядей, оленьих рогов и крови варят клей, из обработанных по традиционной технологии оленьих или лосиных шкур получают «покрышку» для чума[220]. Паллас добавляет, что из оленьих сухожилий ненцы делают нитки для шитья, а из рогов – лопатки[221].

Значительная часть сочинения Зуева посвящена различным аспектам духовной культуры северных хантов и ненцев – традиционному (языческому) мировоззрению, обычаям, обрядово-культовой практике и шаманизму, элементам фольклора.

В его работе запечатлены хантыйские и ненецкие суеверия, обычаи и обряды, составлявшие в совокупности промысловый культ данных этносов. Он пишет:

> *Ввечеру, когда остяк на промысел наряжается, то очень желает, чтоб ему чихнулось, почему он уже верно счастливому поутру промыслу быть надеется; естьли же утром… ему чихать захочется, то он не знает, как бы ему оного избегнуть… но когда не удержится, горестно вздохнет, сказав: «Ах, зверь у меня пропал»… Так досадует, что тот день из юрты вон не выходит*[222].

Поймав красную (осетровую) рыбу, остяки, как заметил путешественник, «везигу» (хорду) достают, «не касаясь до нее ножем», а когда головной хрящ вынимают, то «прямо по голо-

---

[215] Подобная практика заготовки юколы, как точно подметил Зуев, была известна у живших по Енисею ненцев, энцев, нганасан и кетов, а также ительменов, коряков, юкагиров. См.: Народы Западной Сибири. С. 442, 515, 591, 682; Народы Северо-Востока Сибири. С. 174, 333, 650.

[216] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 36–38.

[217] Данное правило, вероятно, относилось к ненцам, поскольку в пищевых традициях хантов вареная голова оленя считалась лакомством. См.: Народы Западной Сибири. С. 128.

[218] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 38.

[219] Там же. С. 40.

[220] Там же. С. 31–32, 36, 37, 70–71.

[221] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 93.

[222] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 74.

ве не разрезывают, но накось; иначе нещастливой промысел заключают»[223]. Исследователь продолжает:

> *Самоедцы, когда промыслят дикого оленя, то перво всего отрежут ему уши и на том месте, где сняли с него кожу, кидают в знак благодарности тому зверю и для счастливейшего впредь промысла. Голову и ноги с мозгом едят сырые. Глаза закапывают в землю в такое укромное место, где б ни бабы, ни взрослые девки не шатались. Иначе… великое несчастие в промыслах почитается*[224].

Если же ханты или ненцы убьют медведя, то, как сообщает автор «Описания», снимают с него шкуру, вешают ее на высоком дереве и перед ней во избежание возмездия от медвежьей души говорят, «что они в том не виноваты, ибо-де железо, коим ты убит, мы не ковали… и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так быстрое летение причинило», и просят прощения, «что стрелу, натянув, пустили»[225]. В данном фрагменте описан обряд примирения души убитого медведя с убившим его охотником, исполняемый во время медвежьего праздника хантов – у них некоторые родовые группы считали медведя тотемным животным. У ненцев подобного праздника не существовало, но особое отношение к медведю, который, по их мнению, некогда был человеком, имелось у всего народа, а не у отдельных групп[226].

На основании анализа промыслового культа хантов и ненцев Зуев пришел к выводу, «что оне во всех зверях душам быть почитают»[227]. Кроме того, Зуев заметил, что представители обоих народов признают наличие духов у иных объектов живой и мертвой природы, потому «столбам поклоняются и бесчувственным вещам… горам, коих или ужасаются, или какую отменность видят от прочих, таким отдают почтение из луков стрельбою в какое-нибудь также особливое дерево, равным образом и деревьям также служат»[228].

Как отмечают исследователи, анимистическая вера в существование духов природы и культовая практика обращения к ним посредством обрядов, направленных на достижение сверхъестественным путем успехов в охоте, рыбной ловле или обретение защиты, одна из характерных черт промыслового культа народов Северной Сибири[229]. Таким образом, в работе Зуева показано значительное место промыслового культа и анимизма в системе традиционных представлений хантов и ненцев, с которыми главным образом связаны их языческие верования и шаманизм.

Зуев писал, что среди идолов, представляющих для остяков и самоедов «вящее богослужение», различаются следующие: «домашнеи божки», или «болваны» – небольшие деревянные «мало-мало человеку подобные» фигурки, имеющиеся в каждом чуме у мужчин и женщин

---

[223] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 37.

[224] Там же. С. 78; об этом см.: Харючи Г. П. Почитание животных и промысловые культы у ненцев // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 10. С. 34–35.

[225] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 49.

[226] См.: Кулемзин В. М. Культ медведя и шаманизм у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 72–78; Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.

[227] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 49.

[228] Там же. С. 40.

[229] См.: Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 227–241; Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. ; Л., 1956. С. 626–627.

свои собственные, к которым они адресуют свои персональные просьбы либо прошения от мужчин или женщин отдельной семьи (объекты личного и семейного культа); «вышших над оными» шайтанов – «больших чурбанов», расположенные на жертвенных местах, где им поклоняются целые хантыйские или ненецкие роды (объекты родового культа)[230] (рис. 4.23).

Рис. 4.23. Самоедская парка. Из коллекции Тобольского губернского музея. Фотофонд ТИАМЗ. ТМ. 15568/19

«Болвана», по сведениям Зуева, помещают в передний угол жилища и содержат «в божеском почтении» – «каждой день от кушанья помазываются его губы», в находящийся перед ним ящик «обещанные ему кладут подарки» (разные лоскутки, пояса, кольца, перстни), большой рог, стоящий при нем, наполняют табаком, «чтоб нюхал», приносят в жертву оленей или живых рыб, кровью и жиром которых «мажут губы своему болвану». За такие почести аборигены просят у шайтана удачи в промысле, семейного благополучия и защиты от врагов, излечения от болезней. «Хорошо, коли так сделается, – пишет студент, – естьли же не по вкусу просящего, то… он его рубит, бьет, увечит и всячески мучит за то, что не подал ему помощи»[231].

Исследователь ранних форм религии С. А. Токарев писал, что у сибирских народов настоящий культ предков не сложился, в зародышевой форме его черты наблюдались только у эвенков, ненцев и бурят[232]. В данной связи примечательно свидетельство Зуева о том, что как ненцы, так и ханты «болванов» своих «делают не только в образ богов, но и после умерших некаких славных ворожеев, или богатых, или какими особливыми делами прославившихся», или «жена, естьли мужа любила, а он умер», вырезают «в знак памяти и просят каждого о том же»[233]. При погребении представители обоих этносов «мертвых тел долго не держат», стараются быстрее удалить из жилища (ненцы покойника вытаскивают из-под чума, «думая, что естьли дверьми вынесешь, то он вскорости уведет других за собой»), а после похорон никто из рода умершего имени его упоминать не должен, но всякий, если его вспомнит или увидит могилу «хоть чрез десять лет», помянуть должен[234].

Обстоятельные известия Зуева об идолах, почитаемых «во всем роде остяцком», расположенных «около семидесяти верст ниже Обдорска» на жертвенных местах в Воксарковых (Воксарских) юртах, а также о хантыйском и ненецком шаманизме, любая информация

[230] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 40–41.

[231] Там же. С. 40, 41, 47.

[232] Токарев С. А. Ранние формы религии. С. 250–251, 259.

[233] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 40–41, 42.

[234] Там же. С. 66–68.

о которых тщательно скрывалась от русских, стали результатом тонкой исследовательской стратегии, избранной студентом. П. С. Паллас отметил старания своего способного ученика, который получил сведения о «главнейшем для идолослужения месте у обских остяков и соседственных самоедов» и их скрытных и пугливых шаманах непосредственно от аборигенов «по многом уговорении чрез толмача»[235].

На основании сообщений туземных информаторов Зуев описал двух идолов-покровителей низовий Оби и обдорских остяков, которые были установлены в лесу в «маленьких нарочно сделанных теремках», имели «образ человека, один – мущина, другой – женщина… со всем остяцким одеянием». При этом мужчины поклонялись и приносили бескровные (металлические, кожаные и тканевые украшения, предметы быта и вооружения) и кровавые (звериные) жертвы мужскому болвану, а женщины – женскому, «где также служит ворожейка, а не мужчина». Зуев также заметил, что вся территория окрест идола считалась хантами местом обитания духа-покровителя и признавалась священной. Поэтому если кто-либо, а особенно русский, прикоснется к подношениям шайтану либо сорвет траву, срубит дерево или выпьет воды на сакральной территории, то «весь остяцкой народ в великой страх и печаль предается… все единодушно думают, что русской… узнал о их законе… и полагают, что какое-нибудь отмщение от богов им воспоследует». Во избежание кары «в такое время немалая погибель бывает оленям», которых приносят в жертву «шайтану на умилостивление» по распоряжениям и под контролем шаманов[236].

В отдельной главе «Описания» Зуев приводит сравнительную характеристику личностей и особенностей ремесла хантыйских шаманов, или ворожей, и ненецких «тадыбов» (тадебя), являвшихся главными служителями культа у этих народов. Он отмечает, что шаманский титул у обоих этносов наследственный и переходит к детям от отца или матери[237], которые, «не хотя открыть своих обманов перед глупым народом, обучают сыновей своих, утверждая их», и «без какой-нибудь науки от прежних варажеев» невозможно «к такому страшному по их делу приступить»[238].

Шаманы, или «тадыбы», как показано в работе Зуева, от прочих остяков или самоедов отличны прежде всего своим неуравновешенным психическим состоянием, которое следует причислить «к роду болезни», и нестандартным мышлением, поскольку «чрезвычайно много думают обо всем… обо всем толкуют с великим уважением», бешенством и пугливостью в поведении. Например, у хантов Зуев видел «колдунью», которая «ворожит… смотря на огонь, на воздух, на солнце» и «во многом правду угадывает», но притом «столь пужлива, что не только дальнего свисту, но и ветру, в щель дующего со свистом, боится»[239].

Зуев точно подметил, что остяцкие шаманы не облачались в особые одеяния и отличались от простых остяков «одними только мнениями»[240]. Самоедские «тадыбы», напротив, имели специальный шаманский костюм – «платье суконное или ровдужное, к коему вокруг приши-

---

[235] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 79, 104; Его же. Шаманы остяков, самоедов, тунгусов // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. : хрестоматия / сост., вступ. ст. Т. Ю. Сем. СПб., 2006. С. 511.

[236] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 41–43.

[237] Звание шаманов у ненцев, как и у большинства народов Сибири, передавалось по мужской линии от отца к сыну или от деда к внуку. См.: Народы Западной Сибири. С. 472.

[238] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 43.

[239] Там же. С. 44–45.

[240] Там же. С. 44.

ты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи»[241]. При этом, как сообщал Зуев, «шаманства» (камлания) хантов и ненцев «равным образом… происходят с великим бешенством, скачкою, ломанием» ворожея в чуме при большом огне и в дыму, сопровождаются непрестанным шумом от шаманского битья в бубен «специально сделанной к тому палкою, обшитою оленьей лапой», стука всех присутствующих в котлы и доски, общего крика. Во все время действа шаманы «сами себя ломают и мечутся так, что после ослабеет и приходит в беспамятство» и, «обессилевши, падает на землю», и так «они больше часа без памяти и без чувства бывают». Затем, «очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы… рассказывает им, как он видел дьявола» и от него узнал «о предбудущем», например, «место, где лучшей зверей промысел будет», «способы к избежанию напастей» и прочее[242] (рис. 4.24).

Рис. 4.24. Шаман. Рис. Н. Витсена из кн. «Северная и Восточная Тартария» в 2 т. (Амстердам, 1705). Т. 1. Изображение с сайта «Байкальская земля. Официальный сайт Сергея Волкова». https://volkov.irkutsk.ru/posts/nikolaas-vitsen-sieviernaia-i-vostochnaia-tartariia-1692-gh/)

Кроме проведения процедуры камлания, как отметил Зуев, шаманы хантов и ненцев осуществляли разного рода предсказания через толкование собственных или чужих снов, а также, как было показано выше, осуществляли культурно значимую функцию – инициировали жертвоприношения и служили на них[243].

Самоедские шаманы, согласно «Описанию», участвовали в погребальном обряде и проводили «отпевание» покойника, при котором колотили в бубен, припевая, «чтоб на каких он был промыслах, те были б сродникам его счастливее», и «оставшихся после сродников оставил с покоем и за собою не уводил вскорости»[244]. Среди самоедских «тадыбов», по уверениям ненцев и русских, которых расспрашивал Зуев, есть такие, которые устраивают невероятные представления: первые «просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть… впустя по самой черен, вытаскивает без всякого кровавого знаку на ноже» и «избегает ножевой язвы»; другие, «перевязав шею веревкою, концы дают двум посторонним человекам,

[241] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 46.

[242] Там же. С. 45–46.

[243] Там же. С. 45–50.

[244] Там же. С. 68.

чтоб тянули изо всей силы и голову б оттерли, которая… и отвалится в котел, нарочно подставленной, но по прошествии несколько времени тадыб здрав встает и с головой»[245].

На основании данных В. Зуева о хантыйском и ненецком шаманизме П. С. Паллас в «Путешествии» дал, как считает Л. В. Хомич[246], вполне научное объяснение природы сибирского шаманства:

> *Особливо, однако, надобно примечать меж их шаманами, что они имеют особливой некоторой род пужливости, которая отчасти от их чрезвычайнаго напряжения мыслей и раздражаемости тела, от действия климата и роду их жития произшедших, частию от изпорченнаго суеверием воображения, кажется, имеет свое начало*[247].

В ходе своего северного путешествия Зуев получил информацию об остяцких и самоедских свадебных и родильных обрядах, которых «хотя и не видывал, однако слыхал довольно». Исследователи, проанализировав фрагменты «Описания» Зуева о семейно-брачной обрядности и социальной организации аборигенов северо-запада Югры[248], пришли к выводу, что этнографической новизной и информативностью по сравнению с сочинениями предшественников отличались следующие собранные им сведения: 1) о центральной роли в свадебном обряде хантов и ненцев свата, который должен был получить согласие отца невесты на брак и договориться с ним о размере калыма – выкупа за невесту, вносимого женихом; 2) о действии у хантов норм патрилинейной дуальной экзогамии («за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается, которая по мущинам у их счисляется»), притом что имели место кузенные браки («парень… выбирает себе невесту из другова рода, хотя б двоюродную сестру свою») и сорорат («В Войкарских юртах есть остяк, которой двух сестер в супружестве имеет»); 3) о существовании у хантов явления переходной матрилокальности («покудова жених не заплатит полного калыма, по тех пор не может увести невесту в чум свой», а «приходит… к тестю и ложится тут, где ему укажут»), обычая избегания между невесткой и тестем, зятем и тещей, свободы развода для женщин при возврате тестем калыма зятю; 4) о случаях многоженства («одну жену… иметь стыдно… того ради берут многих, естьли… состояние дозволит») и левирата («остяку или самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху, сноху и прочее») у хантов и ненцев; 5) о широком распространении у берёзовских и обдорских остяков и самоедов большой патриархальной семьи («бывает семей три, четыре и пять семей вместе и, естьли случатся, младенцы»)[249].

Завершая семейно-брачную тему, Зуев отмечал, что, в общем, в порядках «обоих сих народов мало можно найти разности»[250], то есть справедливо не исключал возможности существования описанных выше форм как у хантов, так и у ненцев. Для последних, например, как установили исследователи, в то же время экзогамные нормы имели главное значение при выборе брачного партнера[251].

---

[245] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 46–47.

[246] Хомич Л. В. Ненцы : Историко-этнографические очерки. М. ; Л., 1966. С. 210.

[247] Цит. по: Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 102.

[248] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 29, 59–63.

249 См.: Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М. ; Л., 1948. С. 44–45; Соколова З. П. Социальная организация обских угров (к истории вопроса) // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 85–86; Народы Сибири. С. 593.

[250] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 60.

[251] Хомич Л. В. Ненцы. С. 156–157, 164; Народы Западной Сибири. С. 462.

Зуев пишет, что роды у хантов и ненцев проходили легко, не требовали особых условий, нередко происходили во время переездов. Иногда роды у остяков и самоедов принимала повивальная бабка. Ей самоедка перед родами для облегчения страданий должна была покаяться в своих проступках «из ихнего исповедания грехов». После рождения младенца, «закутав маленькою шубою», кладут в люльку «наподобие коробки», куда предварительно «насыпают гнилого толченого дерева для мягкости». Затем подпоясывают ремнем через специальные боковые петли и «так его носят или под пазухою, или за плечами». У ненцев новорожденного не нарекают до пяти лет именем, в пять лет «дают ему ребячье имя», а в 15 – «настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее»[252]. Младенческих похорон путешественник не видел, но «русские и самоедцы» рассказывали ему о таковых «многажды»[253], то есть детская смертность была высокой.

В работе Зуева имеются сообщения об устном (героические сказки и мифы о происхождении народов), танцевальном (традиционные танцы енисейских самодийцев – ненцев, энцев и нганасан; хантыйские танцы-имитации повадок зверей, птиц или поведения охотника) и музыкальном (игра на музыкальном инструменте, «домброю называемому», или «шангальтоп и нарысьюг») фольклоре хантов, ненцев и других народов[254].

Столь близкое и внимательное знакомство Зуева с жизнью, бытом, нравами и обыкновениями хантов и ненцев позволило ему произвести весьма точные для своего времени лингвистические и антропологические сравнения для выявления этнического родства или отсутствия такового между ними. Он делает вывод: остяки и самоеды «не только в языке», но и телосложением являются народами «отдельными», «несходными», и, «рассмотря сих двух хорошенько, можно легко знать, которой остяк или самоедин». Доказательствами этому утверждению служат приведенные студентом в его труде словари наиболее употребительных слов (личных имен, названий рыб) хантов, ненцев и манси, тексты самоедских присяг[255], а также сравнительные описания внешнего вида, которые во многом соответствуют современным научным представлениям о хантыйском и ненецком антропологических типах[256].

Зуев замечает языковую и антропологическую близость хантов и манси, которая обосновывается легендой об их общем предке, «от коего произошли вогуляки и сходственные остяки»[257]. Он указывал на историческую связь ненцев с древними народами северо-востока, обитавшими до Чукотского носа, о которой его «самоеды… уверяли и сказывали за самую истину»[258]. Паллас, считая прародиной ненцев Саяно-Алтайский регион, где обитали койбалы, маторы, сойоты и карагасы, которые «говорят самоедским языком и лица имеют весьма сходныя», отмечал наличие эвенкийского компонента в их антропологическом типе: «самоедцы имеют почти вид настоящаго тунгуса»[259]. Зуев, не отрицая южносибирской прародины

---

[252] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 64–65.

[253] Там же. С. 66.

[254] Там же. С. 53–59.

[255] Там же. С. 65–66, 69, 50–51.

[256] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 23; ср.: Народы Западной Сибири. С. 61, 390.

[257] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 23.

[258] Там же. С. 59.

[259] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 90. Ср.: Народы Западной Сибири. С. 390–391.

ненцев, одним из первых предложил гипотезу об участии в их этногенезе «неведомых прежде бывших в тех местах народов», то есть исконных обитателей северо-запада Сибири[260].

По итогам сравнительного изучения основных аспектов материальной и духовной культуры хантов и ненцев Зуев пришел к следующим заключениям. Во-первых, оба народа, по сравнению с русскими, являются «дикими» и «легкомысленными» (непросвещенными): у них ни в личной гигиене, ни в жилище, ни в быту «нет никакой чистоты и порядку», «никакого убору и опрятности», «варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличивают», а их идолопоклонство и шаманство «не токмо закону христианскому, но и разуму человеческому противно»[261]. Во-вторых, остяки более цивилизованны, чем самоеды, поскольку живут в соседстве с русскими, чаще общаются и имеют контакты с ними: они, «более обходясь с русскими, более приняли их обыкновений и поступок и не столь… глупы и необходительны», поэтому «можно остяков предпочесть самоядцам», которых «коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно», но и их «нужда научает перенимать российские обычаи»[262]. В-третьих, хантам и ненцам от природы свойственны гуманные качества, неординарные способности и умения: они, «хотя в своем звании дики и грубы, однако просты и милостивы, для себя скупы, а в случае для русских щедры… в разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны… для честного честны и ласковы… и при их дикости верны и справедливы»; «дивиться тому надо», сколь «хитро» хантыйские женщины умеют «выписывать наружность своего тела» (делать татуировки) и «чрез то себя не могут испортить»; «выделывание кож обоих сих народов очень изрядно», что «докажут тобольские купцы, которые невыделанные остяками кожи мало так увозят»; пища их «сколь ни груба… но и у дорожных русских в знатном употреблении»[263].

Следует отметить, что Зуев, помимо просветительского влияния русских на аборигенов, указал на некоторые негативные следствия таких взаимоотношений. Так, русские, пользуясь наивностью туземцев, продают им продукты питания, металлические изделия и любую мелочь очень дорого, чем часто вводят их в долги, а сами от них «целыми осетрами или за долг, или за несколько листков табаку, или за несколько чарок вина получают»[264]. Кроме того, если ранее ханты и ненцы не знали «питья иного, кроме воды», то теперь через русских стали «к вину оба сии народа, не выключая баб, девок и малых ребят, столь лакомы, что если бы у них довольно его было, то б мало из малых младенцев на свет выростало»[265].

Обобщив все вышеизложенное, Зуев резюмировал: остяки и самоеды «с молодых еще лет… давно привыкают нести всякую трудность, как видно из грубого их жития, которое их… ни в каком случае не приводит в сожаление», и о его перемене «оне нимало не стараются», поскольку каждый из них «рожден к понесению трудов несносных», «а что гнусно ходит и живет, тем веселит сам себя», «редкие между ими болезни доказывают, что ихная пища им здорова», одежда не дает замерзнуть «и в сильные зимние морозы». «Привычка рождает новую натуру… и сделала их совсем особливым людей родом»[266].

---

[260] Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири. С. 22.

[261] Там же. С. 28, 29, 31, 45.

[262] Там же. С. 21, 23, 30.

[263] Там же. С. 23–24, 27, 31, 36.

[264] Там же. С. 73.

[265] Там же. С. 23–24, 38.

[266] Там же. С. 32, 34, 36.

Таким образом, Зуев, делая выводы о культурных составляющих северных хантов и ненцев в духе науки своего времени, считал, что оба этноса в начале 1770-х гг. находились в естественном состоянии, для которого характерны не только природная «дикость» или «варварство», но также гуманность и своего рода духовность, чего часто недоставало просвещенным и цивилизованным русским. Ханты и ненцы были способны к обучению и просвещению, но первые, проживая в непосредственном соседстве с русскими, чаще контактируя с ними, имели большие возможности для этого и, как следствие, являлись более цивилизованными.

Организация, ход и результаты путешествия на север Югры В. Ф. Зуева стали образцом этнографического исследования для своего времени, включающим постановку научных задач в инструкции П. С. Палласа, полевую работу Зуева по сбору данных в соответствии с инструкционными положениями методами наблюдения и опроса, обработку фактического материала и изложение его в форме специально-этнографического сочинения. Применение Зуевым в его труде описательно-сравнительного подхода с элементами сравнительно-исторического принципа позволило ему показать, что ханты и ненцы – лингвистически и антропологически разные этносы, имеют каждый свою этническую историю и на современном путешественнику историческом этапе находятся на разных цивилизационных ступенях, то есть имеют разные степени культурного развития.

П. С. Паллас дал высокую оценку самостоятельной экспедиционной работе, материалам и сочинениям В. Зуева, который «по данной ему инструкции всячески старался исполнить и чрез то заслужил определенное… для студентов… экспедиции награждение»[267]. Статья Зуева «Об оленях», отправленная Палласом в октябре 1772 г. в Академию наук к непременному секретарю А. Эйлеру, получила одобрительные отзывы академического сообщества, была переведена на немецкий язык и зачитана на заседании конференции[268]. Подготовка беловика «Описания» студентом под присмотром научного руководителя, который «старался почти ничего не менять, чтобы работа могла остаться оригинальной», была закончена весной 1773 г., когда его рукопись была отправлена в Академию наук. В приложенном к посылке письме Паллас отмечал, что публикация «Описания» Зуева не предполагается, поэтому он намерен включить сведения из него, изъяв «лишние и неподходящие», в третий том своего «Путешествия»[269], что и было сделано.

Историки и этнографы считают, что труд Зуева много теряет в изложении Палласа, который вместо сравнительной подачи материала сгруппировал его фрагменты по каждому народу отдельно, сократил (о народных танцах, хантыйских священных деревьях) или совсем пропустил (о способах охоты на моржей, медведя и др.) некоторые интересные сюжеты[270]. Такие изменения и сокращения действительно имели место. Однако они были вызваны тем, что Паллас поступил с работой своего ученика не как публикатор, но как ее первый исследователь. Поэтому академик не копировал сочинение Зуева, но анализировал его, снабжал собственными интерпретациями и выводами, данные своего ученика соотносил с собственными наблюдениями, проводил сравнения по языку, внешнему виду, аспектам материальной

[267] Вербов Г. Д. Василий Федорович Зуев. С. 13; Степанов Н. Н. Этнографические исследования Василия Федоровича Зуева. С. 176.

[268] Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года : [в 4 т.]. СПб., 1897–1911. Т. 3. С. 45.

[269] Там же. С. 94.

[270] Вербов Г. Д. Василий Федорович Зуев. С. 15; Степанов Н. Н. Этнографические исследования Василия Федоровича Зуева. С. 178.

и духовной культуры хантов и ненцев между собой и с манси, татарами, бурятами, якутами, тунгусами, камчадалами и другими сибирскими этносами, пользуясь известиями Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, И. И. Исленьева и других исследователей, что делает правомерным структурирование материала профессором[271]. Таким образом, Паллас в «Путешествии» ввел работу Зуева в сложившуюся к тому моменту этнографическую историографию о народах Сибири.

В течение длительного этапа донаучного открытия и освоения Югры XI–XVII вв. были не только получены первые сведения о регионе, но и выявлены основные проблемы, которые могли быть решены исключительно научными методами. Эмпирический характер науки классического образца, становление которой стало одним из главных результатов осуществленной Петром I модернизации России в первой четверти XVIII в., определил экспедиционные исследования как основную форму научного изучения Югры.

Первые работы с элементами научного подхода в крае выполнили участники миссионерских экспедиций Г. И. Новицкий и И. Б. Мюллер. Их авторские сочинения содержат начальные разработки, необходимые для дальнейшего этнографического и географического изучения региона, выполненного правительственными и академическими экспедициями.

Автором первых карт Югры, созданных на математической основе, стал геодезист П. Чичагов, начинания которого в научном картографировании региона продолжил Ф. И. Табберт фон Страленберг. Однако наиболее точно для своего времени территория Ханты-Мансийского автономного округа в его современных границах будет отображена на Генеральной карте Российской империи 1745 г. и итоговых картах Второй Камчатской экспедиции, составленных адъюнктом И. Ф. Трускоттом под руководством академика Г. Ф. Миллера в 1754 и 1758 гг. Высокую точность данным картам обеспечат использование результатов геодезических съемок региона и опора на инструментальные определения географических координат, выполненные геодезистами Второй Камчатской экспедиции, и прежде всего астрономом-практиком А. Д. Красильниковым, а также академиком Ж.-Н. Делилем, его ассистентом Т. Кёнигсфельсом и другими участниками путешествия в Берёзов. Руководителем первой комплексной экспедиции в Сибирь Д. Г. Мессершмидтом и его главным помощником Ф. И. Таббертом фон Страленбергом будут заложены основы географического описания и картографирования Югры, исследований местной флоры и фауны, изучения коренных народов региона с использованием лингвистического критерия.

Новый этап в научном изучении географии, природы и населения Обского Севера обозначили труды и материалы Г. Ф. Миллера, Ж.-Н. Делиля, В. Ф. Зуева и П. С. Палласа. Путевые описания Миллера, выполненные в Югре, станут образцами регионального географического исследования. Оформлению этнографии как науки в работах «отца сибирской истории» будут способствовать результаты сравнительного антропологического, лингвистического, культурного исследования хантов, манси и ненцев. Апробация Ж.-Н. Делилем инновационной технологии по определению широт и долгот методами практической астрономии в ходе его путешествия в Берёзов позволила выполнить точные карты Урало-Сибирского ре-

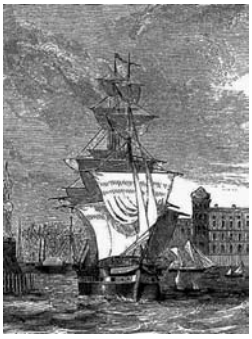
---

[271] Паллас П. С. Путешествие. Ч. 3, кн. 1. С. 49–126.

гиона. Результаты самостоятельных поездок студента В. Ф. Зуева по инструкциям академика П. С. Палласа на север Западной Сибири дополнят сведения Мессершмидта о флоро-фаунистическом комплексе Югры, обогатят этнографию информацией о северных хантах, манси и ненцах.

Применение Зуевым метода физико-географического районирования для выявления природных зон Югры репрезентирует становление новой научной дисциплины – физической географии. На основе собственных исследований и с использованием югорских материалов Зуева и Мессершмидта П. С. Паллас в конце XVIII – начале XIX в. издаст фундаментальные исследования «Флора России» и «Русско-азиатская зоография», которые маркируют становление ботаники, зоологии и биогеографии в России[272]. В энциклопедическом «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги на уровне этнографии как науки систематизирует сведения по этнонимике, антропологии, хозяйстве, материальной и духовной культуре хантов, манси и ненцев, отнеся их к финно-угорской и самодийской языковым группам соответственно[273].

Географические, этнографические, естественнонаучные и иные исследования Югры, выполненные участниками масштабных академических и правительственных экспедиций XVIII в., представляют отдельный этап в научном изучении региона. Новая страница в этом процессе будет связана с деятельностью Русского географического общества в Сибири во второй половине XIX в.



[272] Pallas P. S. Flora Rossica, seu Stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones / Iussu et auspiciis Catharinae II, augustae edidit. Petropoli, 1784–1788. T. 1–2; Pallas P. S. Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico et adjacentibus maribus observatorum recensionem, domicilia, mores et descriptiones, anatomen atque icones plurimorum. Petropoli, 1811, ed. 1831.

[273] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : в 4 т. СПб., 1799.

Часть 5

Политические ссыльные Обского Севера

Глава 1

Историография и источники

Историография

Сибирь стала местом ссылки почти одновременно с началом ее освоения русскими. Известна история о ссылке нескольких десятков семей угличан в Пелым за участие в беспорядках, связанных с гибелью царевича Дмитрия Ивановича 15 мая 1591 г. С начала XVII в. ссыльные становятся инструментом колонизации российских окраин, включая Сибирь. Используя подсчеты П. Н. Буцинского, В. И. Шунков писал, что с 1593 (высылка угличан в Пелым) по 1645 г. в Сибирь сослали 1 500 чел.[1] В дальнейшем количество ссыльных в сибирские остроги лишь нарастало, а причины, приводившие невольных переселенцев к новым местам обитания, были самые разные. Сосланные за уголовные преступления, за преступления против церкви, после пленения на поле брани и т. п. составляли большинство; сосланных за то, что можно назвать политическими преступлениями[2], на этом фоне было относительно немного. В XVII в. большинство сибирских ссыльных не попадали в тюремное заключение или на каторжные работы; как правило, их устраивали на жительство: тяглых – в пашню, служилых – в службу. Весь XVII в. сибирская ссылка не теряла значения колонизационного фактора.

В XVIII столетии Сибирь и, в частности, ее северо-западные уезды стали местом ссылки политических узников, некогда занимавших высшие позиции во властной иерархии Российской империи. Режим их содержания определялся особыми указами и предполагал достаточно суровый, почти тюремный распорядок. На исходе первой четверти XIX в. югорские земли приняли ссыльных декабристов. Их содержание регламентировалось уже едиными нормативными законодательными актами, в первую очередь принятым в 1822 г. «Уставом о ссыльных», разработанным гр. М. М. Сперанским и его сотрудниками в комплексе нового законодательства по управлению Сибирью[3]. Как водится, намерения, заложенные в нормах «Устава о ссыльных», во многом не соответствовали современной им пенитенциарной практике. Но нельзя не согласиться с тем, что «документ имел огромное значение для органи-

---

[1] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М. ; Л., 1946. С. 15.

[2] См.: Кабанов П. А. Политическая преступность как политико-криминологическая категория // Юридич. исслед. 2013. № 2. С. 247–273.

[3] ПСЗ-1. Т. 38. № 29128.

зации данного вида наказания»[4], и после его принятия и постепенного внедрения можно говорить о том, что в России появились не просто политические ссыльные (что бы ни подразумевалось под этим понятием в разных исторических контекстах), но *политическая ссылка как правовой и административный феномен*, имеющий институциональное оформление.

Впервые интерес к пребыванию в Сибири лиц, занимавших до ссылки руководящие посты в Российской империи, проявили во второй половине XVIII – начале XIX в. немецкие историки А. Ф. Бюшинг, Г. А. Галем и Г. Гельбиг, в трудах которых содержались краткие сведения о сибирском периоде жизни А. Д. Меншикова, Э.-И. Бирона, Г. И. Остермана и Б. К. Миниха[5]. В первой половине XIX в. о ссылке Меншикова, Миниха и Долгоруковых писали Д. Н. Бантыш-Каменский, Н. А. Полевой, П. В. Долгоруков, П. А. Словцов[6].

С середины XIX в. происходит заметный рост интереса к изучению сибирской ссылки политических деятелей эпохи дворцовых переворотов, идет расширение источниковой базы путем введения в научный оборот архивных документов, а также преданий, записанных сибирскими историками-краеведами. Появляется значительное количество исследований, в которых с разной степенью полноты рассматривались условия сибирского заточения, образ жизни, занятия, а также взаимоотношения с местным населением видных государственных деятелей, отбывавших ссылку в Берёзове и Пелыме. Эта тема раскрывалась в историко-биографических трудах, посвященных как в целом жизни и деятельности отдельных персон[7], так и непосредственно их пребыванию в Сибири[8]. Большой вклад в сбор информации о политических ссыльных путем разысканий в сибирских архивах и фиксации преданий, передававшихся из поколения в поколения среди жителей Берёзова и Пелыма, внесли

---

[4] Архипов С. В. Устав о ссыльных 1822 г. как источник пенитенциарного права и его роль в реализации колонизационной политики России в XIX в. // Вестн. Самар. юридич. ин-та. 2015. № 2 (16). С. 14.

[5] См.: Jürgensohn A. Die Memoiren des Feldmarschalls Münnich und sein Ebauche // Russische Revue. Vierteljahrsschrift für die Kunde Russlands. St. Pb., [Б. г.]. Bd. 26. Hf. 3; Галем Г. А. Жизнь графа Миниха : в 2 ч. М., 1806. Ч. 2; Гельбиг Г. Русские избранники и случайные люди // Рус. старина. 1886. Т. 50. С. 1–180.

[6] См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли : в 5 ч. М., 1836. Ч. 2, 3; Его же. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмарашалов : [в 2 ч.]. СПб., 1840. Ч. 1; Полевой Н. А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времени императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845; Долгоруков П. В. Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840; Его же. Время императора Петра II и Анны Иоанновны. М., 1909; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : [в 2 кн.]. 2-е изд. СПб., 1886. Кн. 1.

[7] См.: Еъ Я. Г. Княгиня Н. Б. Долгорукова // Отеч. зап. СПб., 1858. Т. 116. № 1–2; Шубинский С. Н. Граф А. И. Остерман. СПб., 1863; Игнатьев Р. Г. Из жизни государыни невесты кн. Е. А. Долгорукой // Рус. архив. 1866. Т. 1. Стб. 38–46; Андреев В. В. Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870; Мордовцев Д. Русские женщины первой половины XVIII в. СПб., 1874; Jürgensohn A. Der Generalfeldmarschall B. C. Graf von Münnich // St-Petersburger Zeitung. 1886. № 128–132; Каратыгин П. Семейные отношения графа А. И. Остермана // Ист. вестн. 1884. Т. 17. С. 603–623; Костомаров Н. Н. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. СПб., 1873–1888. Вып. 6, 7; Порозовская Б. Д. А. Д. Меньшиков. СПб., 1895; Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891; Михневич В. Две невесты Петра II // Ист. вестн. 1898. № 1. С. 201–208; Голомбиевский А. А. Сотрудники Петра Великого. М., 1903.

[8] См.: Есипов Г. В. Ссылка князя Меншикова. 1727 // Отеч. зап. 1860. № 8. С. 79–426; Шубинский С. Н. Берёзовские ссыльные (1727–1741 гг.) // Всемирный труд. 1867. № 12. С. 106–125; Его же. Арест и ссылка Бирона 1740 г. // Рус. старина. 1871. № 5. С. 537–561; Его же. Арест и ссылка Бирона 1740 г. // Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888. С. 52–73; Толычева Т. Н. Б. Долгорукова и берёзовские ссыльные. М., 1874; Бантыш-Каменский Д. Н. Исторические могилы в городе Берёзове кн. Меншикова и гр. Остермана // Рус. старина. 1889. № 7. С. 133–136.

сибирские историки-краеведы, особенно Н. Абрамов и А. Сулоцкий[9]. Внимание обозначенному контингенту ссыльных уделялось и в некоторых обобщающих трудах по истории Сибири[10] и истории сибирской ссылки[11]. Наконец, о пребывании в Берёзове и Пелыме видных жертв политической борьбы кратко упоминалось в энциклопедических изданиях XIX в.: Энциклопедическом лексиконе, Военном энциклопедическом лексиконе, Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Военной энциклопедии, Русском биографическом словаре и др.

В советский период интерес к ссылке в города Северо-Западной Сибири политических деятелей второй четверти XVIII в. на долгое время исчез. О ней попрежнему можно было найти лаконичные замечания в энциклопедиях (Большой советской энциклопедии, Сибирской советской энциклопедии, Советской исторической энциклопедии), в редких исследованиях, посвященных дворцовым переворотам[12] и отдельным государственным деятелям[13], в историко-краеведческих и литературоведческих статьях[14]. Но специальные, правда, очень редкие публикации появились лишь в середине 1970-х гг. в рамках изучения советскими историками большой темы, касающейся ссылки и каторги в Сибири в дореволюционный период. Тюменский историк П. И. Рощевский кратко и в общих чертах обрисовал пребывание в Берёзове и Пелыме Меншикова, Долгоруковых, Бирона, Миниха и Остермана[15]. Обстоятельное и подкрепленное анализом обширного круга источников исследование о жизни в Берёзове Меншикова, Долгоруковых и Остермана с акцентом на степень и характер их влияния на «нравственный облик» и расширение кругозора местного русского населения провела Н. А. Миненко. Она, в частности, отметила, что «присутствие в городе столь “знаменитых” изгнанников в значительной степени способствовало повышению у берёзовцев интереса к собственной локальной истории»[16]. Информацию об этих же ссыльных Н. А. Миненко, уже в сокращенном варианте, привела и в своей монографии «Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.» (Новосибирск, 1975).

Позднее, в 1992 г., Н. А. Миненко и А. С. Зуев опубликовали исследование «Секретные узники сибирских острогов (Очерки истории политической ссылки в Сибирь второй четверти XVIII в.)» (Новосибирск). В этой работе в разделах, посвященных ссылке в Берёзов и Пелым,

---

[9] См.: Абрамов Н. Описание Берёзовского края // Зап. ИРГО. 1857. Кн. 12. С. 329–448; Его же. Могилы князя А. Г. Долгорукого и супруги его в г. Берёзове. Могила графа А. И. Остермана в Берёзове // ЧОИДР. М., 1866. Кн. 2. С. 115–136; Сулоцкий А. Княжна Е. А. Долгорукая в ссылке в Берёзове и монашестве в Томске // Иркутские епархиальные ведомости. 1872. № 49–50; Путинцев М. Святыни Берёзовского Воскресенского собора // ТЕВ. 1891. № 23, 24; Голодников К. М. Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887; Голодников К. М., Дмитриев-Мамонов А. И. Памятная книжка Тобольской губернии. Тобольск, 1884; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Прил. 2.

[10] Андриевич В. К. История Сибири : в 2 ч. СПб., 1889. Ч. 2.

[11] Максимов С. В. Сибирь и каторга : в 3 т. СПб., 1871. Т. 3.

[12] См., например: Лурье С. С. Борьба за власть при преемниках Петра I // Вопр. истории. 1968. № 3. С. 208–214.

[13] См.: Павленко Н. И. А.Д. Меншиков. М., 1981; Его же. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.

[14] См.: Галязимов В. Меншиковы в Берёзове // Уральский следопыт. 1971. № 7. С. 48–52; Хандрос Б. Любви верна (Своеручные записки Натальи Долгоруковой) // Литература и ты. 1977. Вып. 6. С. 178–187.

[15] Рощевский П. И. Политические деятели XVI–XVIII в. в тобольском изгнании // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1975.

[16] Миненко Н. А. Узники Берёзовского острога // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 69.

авторы критически синтезировали все наблюдения предшествующей историографии, а также проанализировали большой комплекс источников, в том числе ранее неизвестные архивные документы. Это позволило им дать детальное разноаспектное описание сибирского периода жизни важных персон, низвергнутых с вершин российского политического олимпа. Сведения из этой монографии были опубликованы Н. А. Миненко в виде отдельной статьи и раздела в школьном учебнике[17].

В последующее время никаких принципиальных новаций в изучении темы в историографии не наблюдалось, и это несмотря на то, что с 1990-х гг. вновь стало нарастать внимание исследователей к политической истории и видным государственным деятелям XVIII в. Краткие или более-менее развернутые упоминания о берёзовских и пелымских узниках, повторяющие уже известные по ранее опубликованным исследованиям факты, можно найти в работах, посвященных изучению репрессий и репрессивного аппарата Российского государства XVIII в.[18], в историко-биографических трудах[19], в энциклопедиях («Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.»; Большая российская энциклопедия; «Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа» и др.), в редких историко-краеведческих статьях[20]. С развитием Интернета большое количество заметок о ссыльных появилось на разных сайтах энциклопедического характера, а также посвященных истории Берёзова, Пелыма и в целом Северо-Западной Сибири («Википедия», «Русский биографический словарь», «ВикиЧтение», «Хронос», «Библиотека сибирского краеведения» и т. п.).

* * *

Литература о декабристской ссылке в северную часть Тобольской губернии невелика. Первое место в ней по праву принадлежит выдержавшей два прижизненных издания книге тобольского вице-губернатора и известного историка графа А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам» (1-е изд. – М., 1895; 2-е изд. – СПб., 1905). Каждому из сосланных в населенные пункты Тобольского Севера десяти декабристов в этом сочинении посвящены отдельные главы.

На столетие выступления декабристов вышла небольшая по объему книга секретаря Общества изучения края при Музее Тобольского Севера историка М. П. Копотилова[21]. В предисловии автор предупреждал, что «брошюра составлена исключительно на основании литературных источников и никаких новых, не напечатанных еще сведений не сообщает». Там же

---

[17] Миненко Н. А. Острожные будни // Родина. 1993. № 11. С. 58–60; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000.

[18] См.: Курукин И., Никулина Е. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008; Андреева Е. А. Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова 1727–1729 гг. СПб., 2013.

[19] См.: Щербаченко В. И., Бредихин В. Н., Филиппов С. В. Род Меншиковых в истории России. СПб., 2000; Курукин И. В. Бирон. М., 2006; Его же. Анна Леопольдовна. М., 2012; Сергеева Г. И. А. Д. Меншиков и историческая память // Меншиковские чтения. Вып. 10. СПб., 2015. С. 123–139; Павленко Н. И. Граф Остерман. М., 2018; и др.

[20] См.: Елфимов В. И. Мемориал А. Д. Меншикова в Берёзове // Петровское время в лицах. СПб., 1998. С. 292–300; Его же. О строительстве памятника графу А.И. Остерману в Берёзово // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 2 (10). С. 116–122; Сафронов В. Сибирь и ссылка // Югра. 2003. № 6. С. 59–64; и др.

[21] Копотилов М. П. Декабристы в Тобольском крае. Тобольск, 1925.

давалось немаловажное пояснение об утрате соответствующих материалов о тобольской ссылке декабристов: «Они были взяты из архива в девяностых годах прошлого столетия бывшим тогда тобольским вице-губернатором Дмитриевым-Мамоновым, который на основании их написал книгу “Декабристы в Западной Сибири”, но взятых материалов в архив не возвратил». Полуторавековой декабристский юбилей был отмечен третьим в этом ряду изданием – также небольшой по объему книгой тюменского историка, доктора исторических наук и профессора П. И. Рощевского[22]. Декабристской ссылке в Сургут, Берёзов, Кондинск и Пелым в ней посвящена глава «На севере диком», однако и в этом случае единственным источником сведений для автора послужило сочинение А. И. Дмитриева-Мамонова.

В 1920-е гг. вышли краеведческие статьи Ю. Н. Подбельского, посвященные истории сургутской ссылки, и в том числе пребыванию в Сургуте А. И. Шахирева и В. К. Тизенгаузена. Будучи членом партии социалистов-революционеров, автор сам в 1927–1929 гг. находился в Сургуте в ссылке и публиковал статьи как под собственным именем, так и под псевдонимом Сургутянин[23].

Личность чеха В. И. Враницкого, перешедшего на службу в русскую армию из австрийской, привлекла внимание маститых историков-славистов А. В. Флоровского и Л. С. Кишкина, посвятивших ему отдельные статьи[24].

Обобщающие статьи о жизни А. Ф. Бригена принадлежат перу О. С. Тальской[25]. Другие посвященные этому декабристу публикации сколько-нибудь подробно период его пребывания в Пелыме не рассматривают. Единичные научно-популярные статьи о нахождении В. И. Враницкого и А. Ф. Бригена в Пелыме носят юбилейный характер и новой информации о ссылке декабристов не содержат[26].

Некоторые сведения (об отзыве жандармского полковника А. П. Маслова о жизни государственных преступников В. И. Враницкого и А. Ф. Бригена в Пелыме, 1828 г.; о доносе О.-Ю. В. Горского на И. Ф. Фохта, А. В. Ентальцева и А. И. Черкасова, 1831 г.) содержатся в работах, посвященных истории III отделения и жандармского корпуса в России[27].

Сосланные на Тобольский Север декабристы не принадлежали к числу лидеров движения, никто из них не стал объектом отдельного монографического исследования. Отчасти этот

---

[22] Рощевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск, 1975.

[23] Подбельский Ю. Культурное наследие Сургутской политической ссылки : (К столетию смерти декабриста А. И. Шахирева) // Уральское краеведение. Свердловск, 1928. Вып. 2. С. 391–399; Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылки // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.

[24] См.: Florovskij A. Cech dekabrista (episoda z dejín rusko-českých styku) // Z dejín Vychodni Evropy a Slovanstva: Sbornik. Praha, 1928. S. 380–389; Ibid. V. I. Vranicky. Cech-dekabrista // Kapitoly z dejín vzajemnych vztahu narodu CSR a SSSR. Praha, 1958. S. 39–67; Кишкин Л. С. Декабрист Враницкий : (Из истории русско-чешских связей) // Краткие сообщения : (Ин-т славяноведения АН СССР). Вып. 9. Из истории русско-славянских отношений, 1952. С. 38–42; Его же. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты : Разыскания, исследования, сообщения. М., 1983.

[25] Тальская О. С. Декабрист А. Ф. Бриген // Вопросы истории СССР и методология преподавания истории в средней и высшей школе. Барнаул, 1972. С. 42–55; Ее же. Александр Федорович Бриген // Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 3–66.

[26] См., например: Дзюбинский Л. Пелымские поселенцы // Урал. 1975. № 12. С. 115–117.

[27] Рац Д. Отрицательно-добрый человек : Очерк об А. Х. Бенкендорфе // Факел : ист.-рев. альм. М., 1990. С. 42–55; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Полицейский сыск при царях. М., 1993; Чукарев А. Г. Тайная полиция России: 1826–1855 гг. М. ; Жуковский, 2005.

пробел был восполнен монографией В. А. Шкерина «Уральский след декабриста Бригена»[28]. Однако в этой работе самому А. Ф. Бригену посвящена только первая половина книги (вторая – истории жизни его потомков), и в рамках этой половины, соответственно, уделено внимание пелымской ссылке декабриста и его отношениям с товарищем по изгнанию В. И. Враницким.

Источники

Пребывание в ссылке в Берёзове и Пелыме опальных политических деятелей эпохи дворцовых переворотов хорошо прослеживается по делопроизводственным документам, хранящимся в РГАДА, прежде всего в фонде 6 («Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особенной важности»). В этом фонде особо следует выделить следующие дела: 160 – «О ссылке кн. Меншикова, опись его имущества» (1727 г.), 164 – «О ссылке кн. Долгоруковых и описи их пожитков» (1730 г.), 173 – «О ссорах между кн. Долгоруковыми, сосланными в Берёзов, жестком обращении их со своими людьми и о слабом надзоре за теми князьями капитана И. Бобровского» (1735 г.), 177 – «О разных послаблениях, которые были сделаны кн. Долгоруковым в Берёзове каптенармусом Козьминым и майором Петровым» (1738 г.), 178 – «Следствие и розыск, которые производили в Тобольске капитан Ф. Ушаков и поручик В. Суворов о кн. Долгоруковых вследствие доноса подьячего О. Тишина» (1738–1739 гг.), 179 – «Делопроизводство Тайной канцелярии по доносу канцеляриста О. Тишина на кн. Долгоруковых» (1738 г.), 181 – «Экстракты из дела о кн. Долгоруковых по доносу канцеляриста О. Тишина» (1738–1740 гг.), 287 – «Следствие и суд над Бироном, герцогом Курляндским; ссылка его с семейством в Пелым» (1740 г.), 323 – «Донесения о сосланном в Берёзов графе Остермане, о смерти его там и о возвращении из Сибири графини Остерман» (1742–1750 гг.), 324 – «О содержании в Пелыме фельдмаршала графа Миниха и об освобождении его из ссылки» (1742–1762 гг.). Эти дела дополняются сведениями, содержащимися в документах других фондов РГАДА: ф. 248 («Сенат и его учреждения»), оп. 4, д. 160, № 32 – «О выдаче кормовых денег находящимся в ссылке в Берёзове А. Долгорукову с семьей» (1732 г.); оп 113, д. 125 – «О посылке в Пелым к фельдмаршалу Миниху офицера для истребования от него объяснения по присланному им объявлению» (1746 г.), д. 139 – «Об отобрании показания от фельдмаршала Миниха по объявлению его о важных делах» (1744 г.), д. 1647 – «Донесения о положении арестантов: маршала Миниха, гофмейстера Миниха, графа Головкина, Левенвольда, Менгдена и Темирязева» (1751–1756 гг.), и др.; ф. 214 («Сибирский приказ»), оп. 1, д. 4160 – «Дело по указу Сената о выдаче вдове Марфе Остерман кормовых денег» (1749 г.); ф. 199 («Портфели Г. Ф. Миллера»), оп. 2, № 481, ч. 3 – «Портфель, содержащая канцелярские ведомости, выписанные из сибирских архивов». Наибольшую ценность среди архивных документов имеют указы, инструкции, деловая переписка, которые дают возможность выявить условия содержания узников. Особенно значимы помесячные рапорты караульных начальников, доносы и допросы разных лиц (из числа караульных и местных жителей) о состоянии надзора за арестантами и их образе жизни.

Сведения делопроизводственных документов дополняются информацией, извлеченной из источников личного происхождения – мемуаров, мемуарных записей, писем как самих ссыльных, так и их современников. Из мемуаров следует особо отметить воспоминания Э. Миниха, который привел интересные факты о пребывании в Берёзове своего отца Б. Ми-

[28] Шкерин В. А. Уральский след декабриста Бригена. М. ; Екатеринбург, 2016.

ниха[29]. Среди воспоминаний современников следует выделить «Краткий очерк, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детях» Н. П. Вильбуа («Русский вестник», 1842, № 2) и рассказы пелымского старожила А. Казанцева[30]. Из эпистолярных источников известны письма Б. Миниха к брату Х. Миниху, императрице Елизавете и другим лицам. Кроме того, Б. Миних, находясь в ссылке, сочинил несколько проектов по вопросам военной фортификации, а также по инженерному делу и организации армии[31]. И эти вышедшие из-под пера опального фельдмаршала письма и проекты дают представление о том, как он проводил время в заключении.

После разгрома вооруженных выступлений декабристов в Петербурге и на Украине, широкомасштабного расследования и вынесения приговора Верховным уголовным судом началась отправка осужденных на каторгу и в ссылку в Сибирь. Весь процесс этапирования занял без малого два года – с июля 1826 по июнь 1828 г.

В 1826–1836 гг. в северных городах Тобольской губернии – Берёзове, Сургуте, Кондинске и Пелыме – находились в ссылке десять декабристов: А. Ф. фон-дер Бриген (Бригген), В. И. Враницкий, О.-Ю. В. Горский (Грабя-Горский, Друцкой-Горский), А. В. Ентальцев (Янтальцев), В. Н. Лихарев, В. К. Тизенгаузен, А. И. Черкасов, И. Ф. Фохт, А. Ф. Фурман и А. И. Шахирев.

Никто из вышеперечисленных лиц не оставил мемуаров. Том сочинений А. Ф. Бригена, собранный историком О. С. Тальской и изданный в серии «Полярная звезда» уже после кончины составителя, включает ряд писем декабриста из Пелыма жене, дочери и товарищам по сибирской ссылке[32]. Особый интерес представляют письма от 15 ноября 1833 г. декабристам Н. И. Лореру и А. Е. Розену, в которых Бриген делился результатами своего исследования о пребывании в Пелымском остроге Б. К. Миниха. Не случайно эти два письма появлялись в печати как до, так и после публикации 1986 г.[33] Также в 1905 г. авторитетным историком-архивистом Н. А. Мурзановым была опубликована переписка 1828 г. между главноуправляющим III отделения Собственной его императорского величества канцелярии генерал-адъютантом А. Х. Бенкендорфом и министром юстиции князем А. А. Долгоруковым по поводу намерения супруги А. Ф. Бригена ехать к мужу в Пелым[34].

---

[29] Миних Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. СПб., 1891.

[30] См. также: Воспоминания пелымского старожила. Из записок г. Найденова, сообщенных генералу от инфантерии и генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову // Маяк современного просвещения и образованности. 1842. Т 2, кн. 4. С. 8589; Граф Миних в Сибири // Рус. старина. 1900. Т. 101. № 1. С. 225–228; Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986.

[31] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325; Фельдмаршал Миних из Сибири. 1746. (Письма, предложения, посланные к имп. Елизавете Петровне и вел. князю Петру Федоровичу, с переводом и предисловием) // Рус. архив. 1865. № 12. Стб. 340–354; Еще письмо фельдмаршала Миниха из Сибири к вицеканцлеру графу Бестужеву-Рюмину с изложением своей деятельности 1744 год // Рус. архив. 1866. № 2. Стб. 171–185; Предложения, прошения и письма фельдмаршала Миниха // Архив князя Воронцова : в 40 кн. М., 1871. Кн. 2. С. 484–522.

[32] Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 99–111.

[33] Письмо декабриста А. Ф. Бригена к декабристу А. Е. Розену. Сообщ. П. Майков // Рус. старина. 1900. Т. 101. № 1. С. 225–228; Бриген А. Ф. Из письма к Н. И. Лореру // Югра. 1992. № 8. С. 48–49.

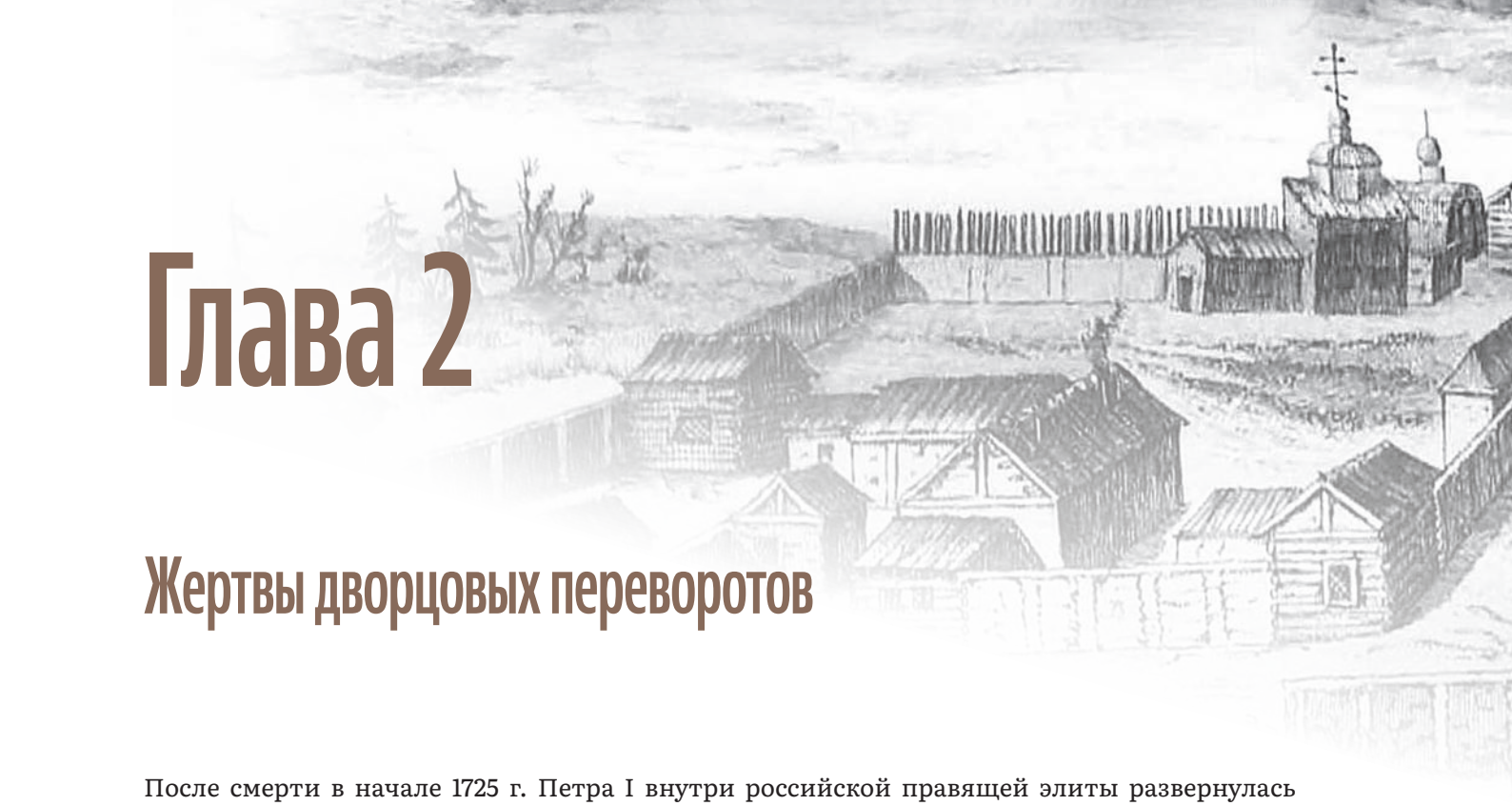
[34] Переписка между ген.-адъют. Бенкендорфом и управляющим М-вом Юстиции князем Долгоруковым по поводу объявленного женами декабристов Шаховского и фон-дер Бриггена желания ехать к мужьям их // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1905. Вып. 4. С. 115–117.

Некоторые сведения о ссылке декабристов в северные города Тобольской губернии содержатся в воспоминаниях и письмах их товарищей, находившихся на поселении в иных местах Сибири[35]. Необходимо учитывать, что сведения эти порой доходили до мемуаристов через третьи руки и не во всем соответствуют истине. Ссылка и кончина А. Ф. Фурмана также упоминаются в мемуарах его родственника Ф. А. Оома, одного из воспитателей детей Александра II[36].

Архивные материалы по сибирской ссылке декабристов сосредоточены прежде всего в ГАРФ в фонде 109 («III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1-я эксп., 1826 г.»), д. 61. В том числе по интересующим нам личностям: А. Ф. фон-дер Бриген (ч. 103), В. И. Враницкий (ч. 117), О.-Ю. В. Горский (ч. 133), А. В. Ентальцев (ч. 93), В. Н. Лихарев (ч. 92), В. К. Тизенгаузен (ч. 95), А. И. Черкасов (ч. 101), И. Ф. Фохт (ч. 114), А. Ф. Фурман (ч. 113) и А. И. Шахирев (ч. 116). Дополнительные материалы имеются и в других фондах того же архива, например: ф. 48 («Следственная комиссия (комитет) и Верховный уголовный суд по делу декабристов»), оп. 1, д. 306 – «Переписка о духовном завещании ст. советника Горского О. В.» и пр.

[35] См.: Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988; Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963; Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984; Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984; Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951.

[36] Воспоминания Феодора Адольфовича Оома: 1826–1865. М., 1896.



Глава 2

Жертвы дворцовых переворотов

После смерти в начале 1725 г. Петра I внутри российской правящей элиты развернулась ожесточенная борьба за власть, началась эпоха дворцовых переворотов (1725–1762 гг.). Те представители политической элиты, которые терпели поражения в придворных баталиях, объявлялись государственными преступниками и подвергались репрессиям, в том числе отправлялись в ссылку в тюремное заключение в сибирские города, остроги и монастыри. Сибирь в силу своей отдаленности от столицы, низкой плотности населения, сурового климата являлась удобным местом для изоляции «злоумышленников» от внешнего мира, создания для них экстремальных жизненных условий и тягостной психологической атмосферы. Во второй четверти XVIII в. она стала местом обитания многих опальных вельмож, еще недавно находившихся в столице (Петербурге) на вершине государственной властной пирамиды.

Лица, приговоренные к ссылке в тюремное заключение, лишались своих чинов и званий, их движимое и недвижимое имущество, как правило, полностью конфисковывалось в государственную казну. Сроки ссылки не оговаривались – ссылали «навечно». Но на практике время пребывания в ссылке зависело от изменения политической ситуации в столице: вступление на престол новой царствующей особы вело к освобождению тех, кто был осужден в период правления прежнего монарха. Вместе с непосредственными «преступниками» могли сослать (а затем и освободить) и членов их семей. Случалось, что жены осужденных отправлялись в ссылку вместе с мужьями по собственному желанию.

Из Петербурга ссыльных в Сибирь доставлял конвой (рис. 5.1). В месте назначения он сдавал поднадзорных караульной команде, сформированной из солдат ближайшего военного гарнизона, и возвращался в столицу. Караульную команду возглавлял офицер, которому вручалась инструкция, определявшая правила пребывания ссыльных в заключении. Следовать этой инструкции обязаны были и представители местной власти.

Согласно инструкции, осужденных на тюремное заключение следовало помещать «в домы такие же, где прежде сего такие же арестанты содержались, или в другие (буде тех нет) свободные, где б жителей не было». При отсутствии подходящего помещения местное начальство должно было организовать его постройку. Узников предписывалось «содержать под крепким и острожным караулом и, кроме церкви божией, никуда не пускать, но при том

Рис. 5.1. Г. Савицкий. На этапе. 1920-е гг. Изображение с сайта Историко-краеведческого музея г. Усть-Катав. https://uk-museum.chel.muzkult.ru/news/86600192

смотреть, чтобы с ними никто и в церкви не говорил», «посторонних никого к ним допускать, бумаги и чернил не давать и ничего писать не допускать». Караульные были обязаны «всегдашнее смотрение иметь, чтобы никто из них (заключенных. – *Авт.*) никаким образом уйти не мог». Караульному начальнику вменялась в обязанность ежемесячная отправка в Петербург рапортов о состоянии поднадзорных и караула. За нарушения инструкции караульным грозили «жесточайшие истязания без всякого помилования».

Опальным вельможам дозволялось взять с собой в ссылку служителей из числа как своих крепостных людей, так и вольнонаемных работников. Этих служителей, хотя и не надлежало держать под таким же «крепким караулом», что их господ, но и без присмотра оставлять было нельзя, «дабы они никуда в посторонние места без нужды не смели бы отлучаться». Жить им полагалось вместе со своими господами-арестантами, а выходить из тюрьмы разрешалось только для закупки провианта и необходимых вещей и под присмотром караульных солдат.

Ссыльные и их служители находились на государственном обеспечении. Периодически, либо каждую треть года – в январе, мае и сентябре, либо каждый месяц из ближайшей воеводской канцелярии караульному начальнику выдавались деньги, которые по мере необходимости расходовались на закупку продовольствия и прочих необходимых вещей.

Реальные же условия жизни «государственных преступников» зависели от отношения к ним караульных начальников и местных властей. А они, несмотря на угрозу «жесточайшего наказания», нередко шли на нарушения инструкций. Строжайшее предписание

не допускать контактов политических ссыльных с окружающим миром (местными жителями) также соблюдалось нечасто[37].

Первой жертвой дворцового переворота, оказавшейся в ссылке на севере Западной Сибири, стал вице-адмирал, генералиссимус, санкт-петербургский губернатор, сенатор, президент Военной коллегии, член Верховного тайного совета, граф и светлейший князь Александр Данилович Меншиков, некогда ближайший сподвижник Петра I, могущественный фаворит Екатерины I и фактический регент при малолетнем Петре II (рис. 5.2). Он потерпел поражение в борьбе за влияние на императора Петра II и был свергнут с вершин политического олимпа представителями родовитой аристократии князьями Долгоруковыми и Голицыными. Меншикова обвинили во многих «противных императорской самодержавной власти предерзостях», «вредительных» государству поступках, в расхищении государственной казны и даже в государственной измене и вместе с семьей сослали сначала по указу от 9 сентября 1727 г. в Раненбург (ныне – г. Чаплыгин Липецкой обл.), а затем по указу от 9 апреля 1728 г. – в Сибирь, в Берёзов. К месту назначения А. Д. Меншиков, его несовершеннолетние дети (сын Александр, уже имевший высокий чин обер-камергера, дочери Мария и Александра, а также сопровождавшая их прислуга – 10 чел. мужского и женского пола) прибыли 17 июля 1728 г. и поступили под надзор капитана М. Миклашевского, при котором было 15 солдат. Супруга Александра Даниловича Дарья Михайловна скончалась в мае 1728 г. по дороге и была похоронена на кладбище у села Верхний Услон, расположенного недалеко от Казани. Ссыльным Меншиковым было определено казенное содержание по 1 руб. в день на человека, их прислуге – по 1 руб. в день на всех[38].

Рис. 5.2. Портрет князя Александра Даниловича Меншикова. Неизвестный художник. Начало XVIII в. Государственный Русский музей. Инв. № ЛД-8.
Изображение с сайта музея. https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/ld-8/index.php?ysclid=lqf6lery3o89211091

О пребывании Меншиковых в Берёзове почти не сохранилось документальных свидетельств. Информацию об их жизни в небольшом малонаселенном городке можно почерпнуть в основном из дошедших до нас нескольких преданий, циркулировавших среди берёзовских жителей и записанных краеведами в XIX в. Согласно этим преданиям, узников поместили в бывший мужской Воскресенский монастырь, закрытый «за малым числом монахов» и переделанный в 1724 г. в тюремный острог. Он имел бревенчатую ограду, внутри ко-

[37] О регламенте сопровождения и содержания ссыльных политзаключенных в Сибири см.: Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск, 1992. С. 23–45; Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 626–650.

[38] Михневич В. О. Две невесты Петра II // Ист. вестн. 1898. № 1. С. 201–205; Овчинников Р. В. Крушение «полудержавного властелина» (документы следственного дела князя А. Д. Меншикова) // Вопр. истории. 1970. № 9. С. 87–104; Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 150–186.

торой находились «невысокое, с большими, кверху круглыми окнами пространное здание» для содержания арестантов, а также помещение для караула (рис. 5.3). Сразу по прибытии в Берёзов Меншиков начал строительство церкви во имя Рождества Богородицы, а когда она была воздвигнута, стал исполнять в ней обязанности пономаря. Ежедневно он ходил в церковь и «часто по окончании божественного служения обращался к собравшемуся народу с духовным поучением». Летом князь любил проводить время на берегу р. Сосьвы в беседах с берёзовцами, большей частью «о тщете мира сего и о подвигах святых мучеников». Также он занимался обучением детей местных жителей чтению Библии и рассказывал им «любопытные происшествия» из своей жизни[39].

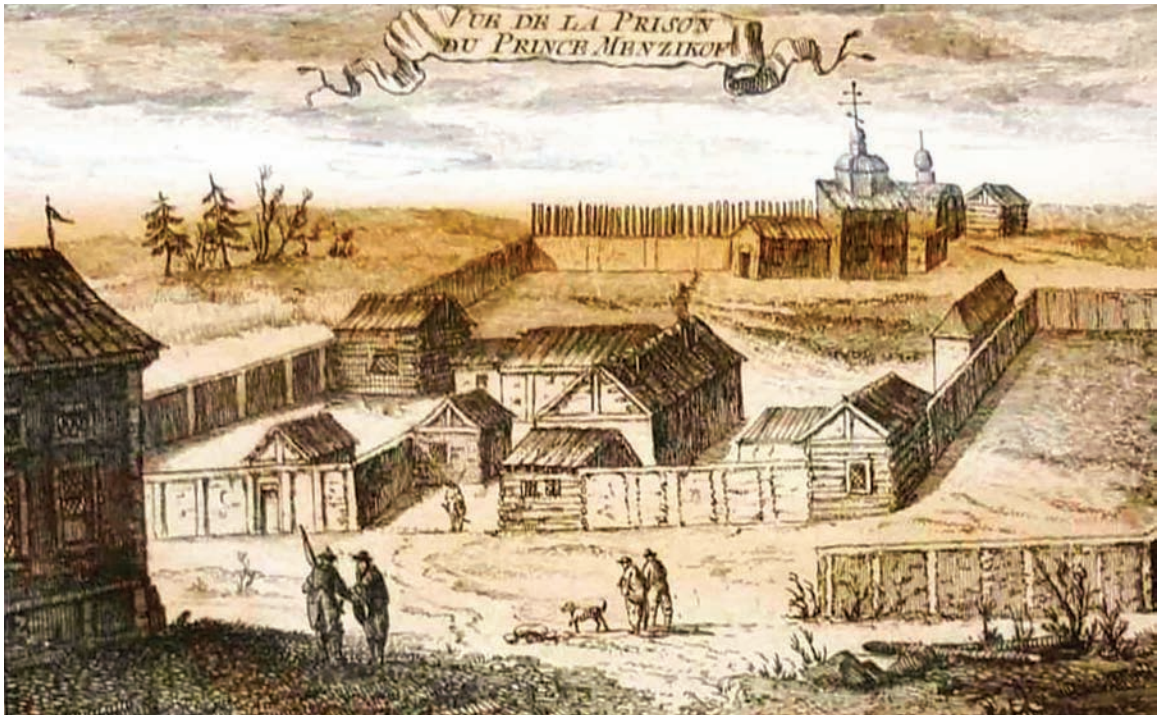


Рис. 5.3. Острог в Берёзове, в котором содержались Меншиковы, а позже Долгоруковы. Гравюра. 1768.
Изображение из кн. "Continuation de l'histoire des voyages" в 19 т. (Paris, 1768). Т. 18

По сведениям, основанным на позднейших рассказах детей Меншикова «доверенным особам» и записанным со слов последних вице-адмиралом на русской службе Н. П. Вильбуа, ссыльные занимались хозяйственной деятельностью:

> *Старшая дочь… приняла на себя вместе с одною крестьянкой заботы о приготовлении для всех кушанья, а вторая дочь… починку платья и мытье белья, также с помощью одной крестьянки. Какойто добродетельный друг, имени коего ни Меншиков, ни его дети никогда не могли узнать, нашел средство доставить им из Тобольска… быка, четырех коров и птицу всякого рода, так что из всего образовался хороший скотный двор.* Мен-

[39] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Зап. ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 368; Есипов Г. В. Ссылка князя Меншикова // Отеч. зап. 1861. № 1. С. 86; Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин землеведения и путешествий : [в 6 т.]. М., 1860. Т. 6, ч. 2. С. 182–183.

шиков устроил, кроме того, достаточный огород, так что у семейства его целый год были овощи[40].

Рядом с огородом на крутом берегу Сосьвы князь построил небольшой домик. Дочери его увлекались рукоделием (рис. 5.4, 5.5). В местные церкви Меншиковы пожертвовали несколько икон, украшенных жемчугом, священнические одежды и другую утварь. В берёзовском Воскресенском соборе долго хранились священнические ризы из парчи со звездами св. Андрея на заплечьях, сшитые, по преданию, дочерями Меншикова[41]. За пять дней до своего 57-летия Александр Данилович скончался. Это произошло 12 ноября 1729 г. Его похоронили близ церкви Рождества Богородицы, которая сгорела 20 февраля 1764 г. «от неосторожности пьяного трапезника». Сгорели также находившиеся при ней богадельня и часовня, поставленная над могилой Меншикова[42]. Одна из его дочерей, Мария, по сведениям разных

Рис. 5.4. И. Г. Веденкинд. Портрет княжны Марии Александровны Меншиковой. 1725–1727. Государственный музей-заповедник «Павловск». Изображение с сайта «Виртуальный Русский музей». https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/museums/gosudarstvenniy_muzey-zapovednik_pavlovsk/vedenkind_i._g._portret_knyazhni_marii_aleksandrovni_menshikovoy._17251727._gmz_pavlovsk/index.php

Рис. 5.5. И. Г. Веденкинд. Портрет княжны Александры Александровны Меншиковой. 1725–1727. Государственный музей-заповедник «Павловск». Изображение с сайта «Виртуальный Русский музей». https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/museums/gosudarstvenniy_muzey-zapovednik_pavlovsk/vedenkind_i._g._portret_knyazhni_aleksandri_aleksandrovni_menshikovoy._17251727._gmz_pavlovsk/index.php?ysclid=lqf7sx4gmx421314709

[40] Вильбуа Н. П. Краткие очерки, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детях // Рус. старина. 1842. № 2. С. 164.

[41] Михневич В. О. Две невесты Петра II. С. 208; Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 369; Дунин-Горкавич А. А. Город Берёзов – его прошлое и настоящее // Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. Прил. 2. С. 12.

[42] См. об этом: Есипов Г. В. Ссылка князя Меншикова. С. 87; Михневич В. О. Две невесты Петра II. С. 208; Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 369, 371–372.

информаторов, умерла то ли еще при жизни отца от оспы[43], то ли уже после его смерти, а именно 26 декабря 1729 г.[44] Другая дочь князя Александра и сын Александр также переболели оспой, но выздоровели[45].

Дошедшие до нас пусть и весьма краткие предания свидетельствует, что условия пребывания Меншиковых в ссылке слабо соответствовали тем предписаниям, которые содержались в инструкции караульному начальнику. Ни караул, ни местные власти не препятствовали ссыльным общаться с жителями Берёзова. У бывшего, по выражению А. С. Пушкина, «полудержавного властелина» явно была с собой какая-то сумма денег, достаточная для строительства церкви и покупки дорогостоящих тканей для рукоделия дочерей. Князю удалось установить и взаимно доброжелательные отношения с берёзовцами. Образ жизни князя в ссылке дал «повод народу считать его за праведника»[46]. Исследователь финно-угорских языков М. А. Кастрен, путешествовавший в начале 1840-х гг. по Уралу и северу Западной Сибири, отмечал в своих путевых заметках «благоговение», которое «питают» берёзовцы к «памяти Меншикова». По его словам, встреченный им в Обдорске отставной казак

> *…не мог говорить без одушевления об опальном вельможе; каждое слово его помнил как святыню. Он знал однообразную жизнь Меншикова в ссылке лучше всех легенд, которые твердил с утра до вечера… Из рассказов… его о Меншикове упомяну… о том, что земные останки последнего были вырыты в 1821 г., спустя 92 года по погребении, и найдены нисколько не испортившимися*[47].

Действительно, но не в 1821 г., а в 1825 г. тобольский гражданский губернатор Д. Н. Бантыш-Каменский приказал берёзовскому городничему Андрееву «открыть место погребения Меншикова, если оно неизвестно» (рис. 5.6). Сам губернатор расказывал:

> *Приняв слово сие буквально, г. Андреев стал рыть землю на косогоре в десяти саженях от берега реки Сосьвы и близ фундамента сгоревшей… церкви, самим Меншиковым построенной, нашел гробницу длиною в сажень, совершенно сохранившуюся. По снятии крышки оказалось, что тело усопшего, покрытое на вершок льдом, не имело ни малейшего повреждения*[48].

Местонахождение могилы указал берёзовский казак И. Шахов, который сам узнал о ней от умершего в 1797 г. берёзовского мещанина М. Баженова, который якобы участвовал в погребении Меншикова[49]. В январе 1827 г. могилу вскрыли вторично, уже в присутствии Д. Н. Бантыш-Каменского и инспектора Тобольской врачебной управы Альберта. Повторный осмотр уверил губернатора, что в могиле похоронен именно А. Д. Меншиков. Позднее он писал:

---

[43] Есипов Г. В. Ссылка князя Меншикова. С. 87; Толычева Т. Наталья Борисовна Долгорукова и берёзовские ссыльные. М., 1874. С. 42.

[44] Михневич В. О. Две невесты Петра II. С. 208; Шубинский С. Н. Берёзовские ссыльные (1727–1741 гг.) // Всемирный труд. 1867. № 12. С. 109.

[45] Вильбуа Н. П. Краткие очерки, или Анекдоты… С. 165–166.

[46] Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1871. Ч. 3. С. 136.

[47] Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. С. 182–183.

[48] Бантыш-Каменский Д. Н. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д. Н. Бантыш-Каменского // Рус. старина. 1873. Т. 7. № 3. С. 744.

[49] Бантыш-Каменский Д. Н. Исторические могилы в городе Берёзове князя Меншикова и графа Остермана // Рус. старина. 1889. № 7. С. 135.

При первом взгляде я узнал его по фамильному портрету, бывшему у меня… На усопшем не было уже льда, но тело его, по уверению г. Андреева, чрезвычайно почернело, вероятно, от прикосновения воздуха, между тем как в 1825 году находилось в том виде, в каком погребено. Сукно, покрывавшее гроб, позумент, шелковое покрывало, стеганая шапочка на голове усопшего, венчик, платье, башмаки с острыми носками и высокими каблуками также пострадали от первого раскрытия и частию истлели, частию переменили цвет[50].

Рис. 5.6. И. И. Матюшин. Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский. Гравюра. 1888. Из кн. «Альбом гравюр “Русских деятелей”» (СПб., 1890)

Однако позже краевед Н. А. Абрамов утверждал, что вскрыта была могила не Меншикова, а кого-то другого, и в ней были обнаружены «два младенческих гробочка», стоявших на одном «большом гробу»[51].

Факт вскрытия могил оживил интерес местного населения к жизни Меншиковых в ссылке. Появились новые предания, но они уже имели мало общего с реальными событиями. В частности, возникла легенда, что к Марии Меншиковой в Берёзов под чужим именем приехал влюбленный в нее князь Федор Долгоруков, они тайно сочетались браком, и у них родились близнецы; при родах Мария и ее дети скончались, вслед за этим от горя умер и Федор[52]. Эта печальная легенда, однако, как разъяснил еще в конце XIX в. исследователь В. О. Михневич, не более, чем выдумка: никакого Федора в то время среди князей Долгоруковых не было[53].

Александр и Александра Меншиковы после смерти отца и сестры некоторое время оставались в Берёзове. Надзор за ними сохранялся, но им было разрешено свободно перемещаться по городу и жить вне острога в домике, построенном их отцом на берегу Сосьвы[54].

9 января 1730 г. император Петр II отдал распоряжение освободить детей Меншикова из ссылки. Однако 19 января он скончался, и распоряжение осталось невыполненным. И лишь спустя год императрица Анна Иоанновна, севшая на престол после Петра II, помиловала детей Меншикова. В июле 1731 г. они покинули Берёзов и отправились в Петербург[55].

---

[50] Бантыш-Каменский Д. Н. Шемякин суд в XIX столетии. С. 744–745.

[51] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 370–371. См. также: Путинцев М. Святыни Берёзовского Воскресенского собора // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 23–24. С. 507–510; Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. С. 188–189.

[52] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 369; Путинцев М. Святыни Берёзовского Воскресенского собора. С. 507; Е. К. Пребывание Меншикова в Берёзове // Тобольск. губерн. ведом. 1871. № 1. С. 3; Дунин-Горкавич А. А. Город Берёзов – его прошлое и настоящее. С. 10.

[53] Михневич В. О. Две невесты Петра II. С. 209.

[54] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 369.

[55] Шубинский С. Н. Берёзовские ссыльные. С. 109–110; Михневич В. О. Две невесты Петра II. С. 210.

Еще до отъезда Меншиковых в Берёзов в конце сентября 1730 г. были доставлены новые узники – семейство князей Долгоруковых. В начале 1730 г. представители этого аристократического рода вместе с другими видными государственными деятелями, входившими в состав Верховного тайного совета, предприняли попытку ограничить самодержавную власть новой императрицы Анны Иоанновны, за что и пострадали. Долгоруковых обвинили в «оскорблении ее величества», «разрушении здоровья» бывшего императора Петра II, казнокрадстве и других преступлениях. Многие члены этого княжеского клана попали в опалу, были высланы из столицы и подверглись наказаниям разной степени тяжести[56] (рис. 5.7).

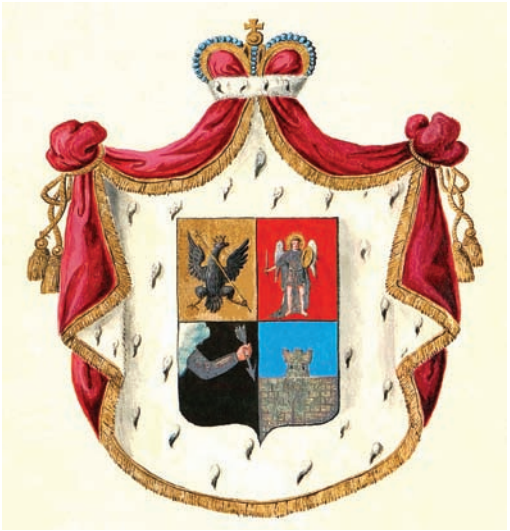


Рис. 5.7. Герб рода князей Долгоруковых.
Из кн. А. А. Бобринского «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи» в 2 ч. Ч. 1 (СПб., 1890). С. 7

В Берёзов в тюремное заключение по императорскому указу от 12 июня 1730 г. были сосланы гофмейстер, действительный тайный советник, сенатор, член Верховного тайного совета князь Алексей Григорьевич Долгоруков, его жена Прасковья Юрьевна, их дети Иван (обер-камергер, майор лейб-гвардии Преображенского полка), Николай (капитан лейб-гвардии Преображенского полка), Алексей, Александр, Екатерина, Елена и Анна. Добровольно с Иваном Алексеевичем поехала его жена Наталья Борисовна (урожденная Шереметева, дочь знаменитого петровского фельдмаршала). Вместе со ссыльными отправились их слуги, десять мужчин и пять женщин[57].

В Берёзове Долгоруковых и их обслугу поместили в тот же тюремный острог, где прежде обитали Меншиковы. К ним был приставлен караул из 25 солдат во главе с капитаном П. Шарыгиным, которого в июне 1731 г. сменил капитан И. Михалевский. В отличие от стандартной инструкции, запрещавшей узникам пользование всеми каналами общения с внешним миром, Долгоруковым разрешалось под надзором караульного офицера писать письма родственникам с просьбами о вспомоществовании:

> *А когда он, князь Алексей, потребует писать в дом свой о присылке к себе для пропитания запасов и о протчих домашних нуждах, а не о посторонних делах, тогда, дав ему бумаги и чернил, велеть писать при том посланном и смотреть того, чтоб, кроме тех домашних нужд, ни о чем не писал.*

Эти письма должны были сначала отправляться в Тобольск для их просмотра сибирским вице-губернатором, а затем уже посылаться «ординарной почтой» адресатам. На пропитание ссыльных предписывалось давать «ис казны кормовых денег, а именно самим им каждому человеку по рублю да служителям их всем по рублю ж на день»[58]. Вскоре после приезда в Бе-

---

[56] Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 171–198, 452–453; Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь» : Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 164–224, 236–237.

[57] Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой (1708–1739) // Древняя и Новая Россия. 1879. № 1. С. 32, 40–41.

[58] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 173. Л. 38–39, 81–84 об.; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 160. Л. 272; Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 41, 43.

рёзов в начале ноября 1730 г. в возрасте 38 лет умерла Прасковья Юрьевна, сильно простудившаяся в дороге. Похоронили ее возле церкви Рождества Богородицы и «поставили над ее могилой часовню из толстых кедровых бревен»[59].

Об обыденных занятиях Долгоруковых в тюремном остроге почти ничего не известно. Согласно сохранившимся берёзовским преданиям, узники завели домашних уток, гусей и даже лебедей и «забавлялись», ухаживая за ними и наблюдая, как они плавают в «сажелке» – маленьком бассейне, устроенном на острожном дворе. Женщины проводили время также в рукоделиях – рисовании и вышивании. Николай Долгоруков изучал грамматику, историю, географию, арифметику, французский язык и учился рисовать. Эти же предания сообщают, что Долгоруковы пожертвовали в берёзовские церкви церковные облачения, иконы и разные драгоценности[60].

С самого начала пребывания в Берёзове Долгоруковы, не испытывавшие друг к другу приязни и терпения, стали конфликтовать между собой. Наиболее серьезные ссоры случались между Алексеем Григорьевичем и его сыном Иваном. О них капитан П. Шарыгин докладывал вышестоящему начальству. В результате 9 декабря 1731 г. последовал императорский указ, предписывавший заключенным жить «смирно под опасением наижесточайшего содержания»[61]. Но он не возымел никакого воздействия.

В 1734 г. от горячки скончался Алексей Григорьевич (его возраст до сих пор не выяснен). Он был похоронен рядом с женой. Главой семейства стал 26-летний Иван (рис. 5.8). При нем раздоры среди Долгоруковых усилились еще более. В остроге то и дело вспыхивали конфликты и даже случались драки между братьями. Так, например, в своем донесении от 13 июля 1735 г. в Сибирскую губернскую канцелярию И. Михалевский сообщал, что, по словам караульного капрала Н. Сажина, «выбежал из хором к караульной избе содержащийся под караулом князь Александр Долгорукой и извещал ему, капралу, словесно: брат де ево Иван Долгорукой з братьями, князем Николаем и Алексеем, избили ево, князь Александра»; избитый просил, чтоб его взяли под особый караул. На избиения со стороны Ивана жаловались Сажину и служители Долгоруковых В. Щеглов и А. Крылов. Уйти от князя Ивана под «особый караул» хотела и его сестра Екатерина. В том же донесении Михалевский писал о том, что заключенные «живут в несмирении, чинят между собою непрестанные ссоры и служителей своих многих бьют батожьем и палкою». В ответ Сибирская губернская канцелярия распорядилась Александра и Екатерину отделить от остальных членов семьи и содержать «под особливым крепким же караулом», чтобы ссыльные «не учинили между собою убивства». Когда информация о конфликтах между Долгоруковыми в очередной раз дошла до столицы, Кабинет Ее императорского величества 2 октября 1735 г. указал,

> *…дабы Михалевский им, Долгоруким, объявил, чтоб от ссор конечно воздержались, а ежели по тому ево объявлению впредь будут жить неспокойно, то служителей у них отобрать, а их, князя Ивана и князя Николая, в разные места развесть и содержать под крепким караулом*[62].

---

[59] Толычева Т. Наталья Борисовна Долгорукова. С. 43.

[60] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 379, 381; Его же. Могилы князя А. Г. Долгорукого и супруги его в г. Берёзове // ЧОИДР. М., 1866. Кн. 2. Отд. 5. Смесь. С. 115; Толычева Т. Наталья Борисовна Долгорукова. С. 44; Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 43–44.

[61] Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 43.

[62] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–5.

Рис. 5.8. Неизвестный художник. Портрет князя Ивана Алексеевича Долгорукова. Вторая половина XVIII в. (копия). ГМЗ «Останкино и Кусково». № в ГК 6075186. Ж 1

В сентябре 1735 г. в Сибирскую губернскую канцелярию поступил донос от служащего Берёзовской воеводской канцелярии канцеляриста Г. Андреянова о «непрестанных» контактах и «дружелюбии» между берёзовским воеводой И. И. Бобровским и князьями Долгоруковыми. В ноябре 1735 г. из Тобольска в Берёзов был командирован секунд-майор С. Петров, которому поручалось выяснить реальные условия содержания ссыльных, а также принять меры к пресечению между ними склок и раздоров. Прибыв в Берёзов, Петров начал следствие, в ходе которого допросил не только Долгоруковых, Михалевского, Бобровского, Андреянова и караульных солдат, но и многих местных жителей. В итоге ему удалось выяснить, что Долгоруковы не только бранились между собой, но и активно контактировали с берёзовцами. В период начальствования над караулом Михалевского к заключенным в острог ходили «непрестанно» и обедали там воевода Бобровский, канцелярист Андреянов, сын боярский И. Кашпырев, местные священнослужители – попы Ф. Кузнецов, И. Прохоров и братья Васильевы, дьякон П. Кокоулин, причем все с женами, а также казачий атаман Я. Лихачев с матерью и посадские («купецкие») люди И. Федосеев и Г. Иконников. Заключенные к тем же лицам «неоднократно» совершали ответные визиты и получали от них продовольствие. Как признался Михалевский, «князья Долгорукие в Берёзове к обывателям в домы для забавы гулять езжали».

Более того, «секретные» узники совершали прогулки на лодке по р. Сосьве («а в гребцах были ис караульных солдаты») «и в неделю сырную ночным временем по всему городу по улицам гулять… езжали». Иван Алексеевич благодаря посредничеству упомянутых выше берёзовцов вел переписку с друзьями, проживавшими в Петербурге и Москве, и даже с родственниками, находившимися в ссылке и заключении в разных местах России. Все допрошенные

признались в общении с Долгоруковыми, оправдываясь тем, что не имели никакого представления об условиях их содержания, и тем, что общению с ними не препятствовал Михалевский. Правда, они также сообщили, что во время всех контактов и перемещений заключенных при них неизменно находились караульные солдаты и офицер. Сам Михалевский нарушение инструкции по содержанию ссыльных объяснил следующими обстоятельствами:

> *И то чинил истинно не из взятков и ни подарков, но сущею своею простотою чрез слезное прошение помянутых князей Долгоруких, что они имелись в великой печали и впали в болезни, ибо у них отец помре, и из того им гулянием некоторую отраду чинил. А в 734 году усмотрел я, что князья Долгорукие стали жить между собою несогласно, возымели ссору, то оных содержал по силе данной мне инструкции и указов без отпуску под крепким караулом, и никого к ним не допускал, чернил и бумаги им не давал, и писать ничего им не велел, и к ним в бытность свою писем никаких неоткуда не получал*[63].

Рис. 5.9. Неизвестный мастер. Дмитрий Леонтьевич Овцын. Гравюра. Первая половина XX в. Российский государственный музей Арктики и Антарктики. № в ГК 5435868. О-6942. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5570619

По итогам расследования, которое закончилось в 1737 г., Михалевского сослали в Оренбург «в тяжчайшую работу вечно», Бобровского с женой отправили туда же на «житье», Лихачева и Кашпырева били батогами, писаря из команды Михалевского Г. Колокольникова и караульного каптенармуса И. Руделова – шпицрутенами, с Андриянова и караульных солдат взяли денежный штраф. Берёзовские священнослужители и тобольские посадские люди не подверглись никакому наказанию[64].

После описанных событий режим содержания Долгоруковых был ужесточен. Новый берёзовский воевода Шульгин держался от них подальше. Назначенный начальником караула С. Петров стал строже придерживаться инструкции, чем его предшественник. Однако и при нем ссыльные продолжали общаться со многими берёзовцами. Поддерживали они контакты и с лейтенантом Д. Л. Овцыным, который, возглавляя Обско-Енисейский отряд Великой Северной экспедиции, в 1737 г. проездом был в Берёзове (рис. 5.9). Молва приписывала ему роман с княжной Екатериной Алексеевной. Очередной удар по ссыльному семейству и тем, кто с ним «водил дружество», был нанесен подьячим тобольской таможни О. Тишиным, который по делам посещал Берёзов и встречался там с заключенными. В его доносе в Сибирскую губернскую канцелярию сообщалось, что Долгоруковы «говорили важные злодейственные непристойные слова» об императрице Анне Иоанновне и герцоге Бироне, что князь Иван Алексеевич называл императрицу «курвою» и «шведкою», что караульный начальник делает послабления своим поднадзорным[65] (рис. 5.10). Из Петербурга в Берёзов был направлен капитан Ф. Ушаков. Он должен

[63] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 173. Л. 44–143; Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 44–46.

[64] Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов. С. 88–89.

[65] Шубинский С. Н. Берёзовские ссыльные. С. 115–116; Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 46.

Рис. 5.10. Х.-А. Вортман. Императрица Анна Иоанновна. Гравюра. 1740. ГИМ. № в ГК 38045184. И III 14338.
Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38261116

был, не разглашая цели своей поездки, «секретно собрать подтвердительные сведения о дерзских… словах» Долгоруковых и «узнать о преданных Долгоруким лицам». Прибыв в Берёзов в мае 1738 г. и собрав там «тайным образом» необходимую информацию, Ушаков вернулся в столицу, где доложил о результатах расследования всесильному фавориту императрицы Анны Иоанновны герцогу Э.-И. Бирону. Императрица и ее ближайшие советники, полагая, что Долгоруковы, бывшие активными участниками событий 1730 г., весьма враждебно настроены к царствующей особе, приняли решение провести обстоятельное следствие и подвергнуть Долгоруковых и их приверженцев жестоким наказаниям.

Местом начавшегося грандиозного розыска, который получили капитану Ф. Ушакову и поручику В. Суворову, стал Тобольск. В сентябре 1738 г. сюда для допросов из Берёзова доставили Ивана, Николая и Александра Долгоруковых, начальника караула Петрова, караульных солдат, Овцына, слуг Долгоруковых, берёзовских священников и посадских людей (которые ранее проходили по «делу» 1735–1737 гг.), всего более 60 чел. Позже в Тобольск привезли еще одного Долгорукова – Юрия Юрьевича, бывшего гвардейского капитана, отбывавшего ссылку в Кузнецком остроге. Всех их подвергли допросам с применением пыток, и все они признались в «преступлениях»: Долгоруковы – в составлении «подложного завещания» императора Петра II, в «злых умыслах» в отношении императрицы, берёзовцы и прочие лица – в оказании помощи и поддержки Долгоруковым. В начале 1739 г. Ивана Долгорукова из Тобольска перевезли в Шлиссельбургскую крепость, его братьев Александра и Николая – в Вологду, а их сестру Екатерину из Берёзова отправили в заточение в Томский Рождественский монастырь, где в декабре 1740 г. постригли в монахини.

В Шлиссельбург для допросов были доставлены и другие представители клана Долгоруковых, причастные к событиям 1730 г., в том числе бывший дипломат и член Верховного тайного совета, находившийся в заключении в Соловецком монастыре Василий Лукич; бывший дипломат, сосланный в свое поместье, но в 1738 г. помилованный и назначенный даже послом в Англию Сергей Григорьевич; бывший сенатор, тайный советник, отбывавший ссылку в Пустозёрске Иван Григорьевич (рис. 5.11). По итогам следствия 8 ноября 1739 г. в Новгороде по обвинению в намерении передать в 1730 г. императорский престол Екатерине Алексеевне Долгоруковой (которая 30 ноября 1729 г. была обручена с Петром II) и ограничить монархию, а также во «вредительских и злых словах» об императрице и других «правительственных особах» четверо Долгоруковых – Иван Алексеевич, Василий Лукич, Сергей Григорьевич, Иван Григорьевич – были казнены, еще 12 представителей опального рода были заключены в тюрьмы, отправлены в ссылку и разосланы по армейским полкам.

Александр и Николай Долгоруковы в 1740 г. из Вологды были перевезены в Тобольск, где им «учинили наказание кнутом с урезанием языка», а затем сослали: Александра – на Камчатку, Николая – в Охотск. В том же 1740 г. было ужесточено наказание Долгоруковым, оставшимся в Берёзове. Алексея определили солдатом во Вторую Камчатскую экспедицию, его сестер заточили в монастыри: Елену – в Томский Успенский, Анну – в Верхотурский Покровский. Пострадали и лица, «приверженные» берёзовским узникам. Еще в 1739 г. берёзовских священнослужителей и посадских людей, а также служителей Долгоруковых били кнутом и отправили в ссылку и на каторгу в разные места Сибири, начальника караула Петрова казнили, разным наказаниям подвергли караульных солдат, Овцына разжаловали в матросы и отправили во Вторую Камчатскую экспедицию[66].

[66] О «розыске» над Долгоруковыми и прочими лицами в 1738–1739 гг. и их наказании см.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182; Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 46–50, 52;

а

б

Рис. 5.11. Виды Шлиссельбургской крепости:

а – крепость Орешек (Шлиссельбургская крепость). Современный вид. Фотография с сайта «Не только в Сочи». https://ozernyi-sochi.ru/europe/krepost-oresek-istoria-opisanie-foto.html?ysclid=lqfa3nscka285367338;
б – старая тюрьма, или секретный дом Шлиссельбургской крепости. Фотография с сайта «Петербург Центр». https://peterburg.center/maps/krepost-oreshek-staraya-tyurma.html?ysclid=lqfa6zmxv205374604

В Берёзове после трагедии 1738–1739 гг. осталась отбывать ссылку только Наталья Борисовна (рис. 5.12). Караул при ней, который возглавил майор А. Карпов, остался, но режим содержания был серьезно ослаблен. Вместе с княжной были ее сыновья, родившиеся в остроге. Правда, о них почти ничего не известно. Согласно донесению Сибирского приказа в Сенат, к началу 1732 г. у Натальи Борисовны и Ивана Алексеевича родились два сына, на содержание которых было выделено казенное денежное довольствие: «тем новорожденным… кормовых

Андреев В. В. Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870. С. 60–65; Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края С. 374–375.

Рис. 5.12. Неизвестный художник. Портрет княгини Натальи Борисовны Долгоруковой, урожденной Шереметевой. Середина XVIII в. Из кн. Е. В. Анисимова «Женщины на российском престоле» (СПб., 2008) : [электронный ресурс]. https://aria-art.ru/0/A/Anisimov%20E.%20Zhenshhiny%20na%20rossijskom%20prestole/6.html?ysclid=lqfab657ax357433284

денег… на каждую персону по рублю на день»[67]. По другим известиям, одного из сыновей, который родился в 1731 г., звали Михаил (его восприемником при купели во время крещения был И. Михалевский)[68], другого, который родился в 1732 г., Борис (восприемницей была жена воеводы Бобровского Софья Павловна)[69]. К концу же пребывания княжны в ссылке с ней проживали сыновья Михаил и Дмитрий (родившийся в 1738 г.)[70]. Это дает основание предположить, что Борис умер во младенчестве, а Дмитрий родился какое-то время спустя после его смерти. Указом от 26 апреля 1740 г. императрица распорядилась отпустить Наталью Борисовну с детьми к ее брату графу Петру Борисовичу Шереметеву. Княжна с сыновьями выехала из Берёзова 17 июня и в октябре того же года прибыла в Москву[71].

17 октября 1740 г. скончалась императрица Анна Иоанновна. По ее желанию императором стал ее внучатый племянник двухмесячный младенец Иоанн Антонович, а регентом при нем – обер-камергер, граф, герцог курляндский и семигальский Эрнст-Иоганн Бирон. Однако менее,

[67] РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 160. Л. 272 об.

[68] Корсаков Д. А. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова // Ист. вестн. 1886. № 2. С. 275.

[69] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 173. Л. 40, 42 об., 45, 56, 62, 75 об. –76 об.

[70] Корсаков Д. А. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова. С. 278.

[71] Там же; Его же. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 51.

чем через месяц в ночь на 9 ноября он был арестован, заточен в Шлиссельбургскую крепость и предан суду. Инициаторами свержения Бирона с вершин власти выступили мать императора Анна Леопольдовна и ряд влиятельных сановников (фельдмаршал Б.К. Миних, вице-канцлер Г.И. Остерман и др.). Манифестом от 18 апреля 1741 г. бывший регент был объявлен виновным во «многих противных проступках», узурпации власти, публичном «непочитании и презрении» императорской семьи, которую хотел выдворить из России, в казнокрадстве, «принижении» гвардии и даже в шпионаже. Его приговорили к смертной казни, затем помиловали и 13 июня 1741 г. вместе с семейством отправили в «вечную ссылку» в Сибирь, в Пелым. Осуждены были и по указу от 4 июня 1741 г. сосланы в Сибирь с семьями родные братья Бирона генерал-аншеф барон Густав, генерал-аншеф московский губернатор Карл, а также его свояк генерал-аншеф, лифляндский губернатор Рудольф-Август Бисмарк. В вину им поставили то, что они, зная о «злоумышленных предначертаниях» и «коварстве» регента, не донесли на него[72].

В Пелым Э.-И. Бирон прибыл 5 ноября 1741 г.[73] Вместе с ним там оказались его жена Бенигна-Готлиб-Тротта, сыновья подполковник конногвардейского полка Петр и капитан гвардейского Преображенского полка Карл-Эрнст, дочь Гедвига-Елизавета (рис. 5.13). В качестве обслуги при них находились четыре служителя (два мужчины и две женщины – «арапка» и «турчанка»), два повара и пекарь. Поскольку Бироны являлись лютеранами, им разрешили взять с собой еще и пастора. Кроме того, вместе с ними в заключение за какую-то «тяжкую вину» сослали лекаря И. Вахтлера. Караул при заключенных состоял из двух гвардейских офицеров – капитан-поручика П. Викентьева и поручика М. Дурново и, по разным данным, от 12 до 26 гвардейских же солдат, которые доставили их до Пелыма и остались здесь. Каждому члену семьи Биронов полагалось выдавать на содержание из казны по 3 руб. в день. Их «вспомогательному» персоналу также полагался «особый оклад от двора его величества» в размере от 30 до 50 руб. в год на одного человека, а пастору – 300 руб. в год[74].

В Пелыме Биронов и сопровождавших их лиц поместили в специально построенный для них тюремный острог. Он представлял собой две невысоких избы («покоя»), огороженные стеной. В одном «покое» располагались узники с обслугой, в другом – караул[75]. По словам пелымского крестьянина-старожила А. В. Казанцева, записанным ссыльным декабристом А. Ф. Бригеном, изба, в которой обитали Бироны, «видом походила более на низкую башню, нежели на дом; кругом сия тюрьма была обнесена тыном одной с нею вышины, пространство же между стенами тюрьмы и тыном было едва ли более сажени»[76].

Поскольку Бироны пробыли в Пелыме немного времени, об условиях их жизни там почти ничего не известно. Караульный начальник Викентьев в своих ежемесячных рапортах в вышестоящие инстанции лишь лаконично сообщал, что все обстоит благополучно и узники содержатся в соответствии с инструкцией. Сохранились, правда, сведения о том, что Бирон по прибытии в Пелым заболел, будучи, видимо, потрясен всем тем, что с ним случилось. Бывший при нем лекарь Вахтлер, не имя при себе необходимых лекарств, не мог ничем ему помочь. Бирон готовился к смерти и проводил время в религиозных беседах с пастором[77].

---

[72] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 287. Л. 150; Д. 289. Л. 1, 50–55, 73–75; Шубинский С. Н. Арест и ссылка Бирона 1740 г. // Рус. старина. 1871. № 5. С. 538–545; Курукин И. В. Бирон. М., 2006. С. 315–356, 358–359.

[73] Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. № 12. С. 542.

[74] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 287. Л. 125, 127–127 об.; Курукин И. В. Бирон. С. 358–359.

[75] Там же. Л. 126–126 об.

[76] Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 104.

[77] Шубинский С. Н. Арест и ссылка Бирона. С. 545–546.

а

б

в

г

Рис. 5.13. Портреты семейства Бирон:

а – Неизвестный художник. Эрнст-Иоганн Бирон. Ок. 1730. Рундальский дворец, Латвия.
Изображение с сайта «Commons.Wikimedia». https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ernst_Johann_von_Biron_111.PNG;
б – Ф. Липпольд. Вдовствующая герцогиня Бенинья-Готлиб фон Бирон, герцогиня Курляндии. Ок. 1780. Рундальский дворец, Латвия.
Изображение с сайта «Bildindex der Kunst und Architektur». https://www.bildindex.de/document/obj20064791#%7Chome;
в – Ф. Гартман Березьен. Пётр фон Бирон. 1781. Рундальский дворец, Латвия.
Изображение с сайта «Commons.Wikimedia». https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Peter_von_Biron.jpg;
г – Неизвестный художник. Карл-Эрнст фон Бирон, герцог курляндский. 1790-е гг. Рундальский дворец, Латвия.
Изображение с сайта «Commons.Wikimedia». https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Karl_Ernst_Biron.jpg

Предания местных старожилов, записанные уже в XIX в., сообщают также, что бывший регент жил «в особо устроенном для него» доме, имел «многочисленную прислугу» и получал «значительное по тому времени содержание»[78].

20 декабря 1741 г. П. Викентьев получил из столицы указ от 29 ноября, разрешавший Бирону и членам его семьи выходить из острога под присмотром караульных, но не далее, чем на 20 верст. Этот же указ предписывал Викентьеву проявлять заботу о ссыльных: «что до удовольствия их принадлежит… дабы они ни в чем нужды не имели»[79]. Вскоре, 28 декабря, в тюремном остроге случился сильный пожар. Викентьев писал в своем рапорте:

> *…В полночь, незнаемо от чего, в спальне арестанта Бирона внутри в потолке близ труб загорелось, и утушить никак не могли, токмо цел остался острог, поварня и караульные хоромы, а хоромы арестантские сгорели, и едва оных арестантов вывели и пожитки вынесли.*

Он был вынужден переселить узников в «город Пелым в воеводские хоромы». В связи с этим в том же рапорте он запросил начальство о дальнейшем месте проживания Биронов:

> *…И впредь тут ли им быть (в воеводском доме. – Авт.), или повелено будет в том же остроге зделать другие хоромы, о том от Кабинета Ее императорского величества будем ожидать повелительного указу*[80].

О пожаре кратко сообщает в своих воспоминаниях и сам Бирон: «Восемь дней спустя (после 20 декабря. – *Авт.*) загорелся дом, в котором мы содержались, и сгорел до основания. Нас перевели к воеводе»[81]. Позднее народная молва приписала поджог самому узнику. Уже упоминавшийся А. В. Казанцев уверял А. Ф. Бригена, что Бирон «с досады» дважды пытался поджечь свою «квартиру»[82].

Официальное послабление в содержании Биронов было воспринято всеми обитателями Пелыма как прелюдия к их скорому освобождению. Переселившись в воеводский дом и получив некоторую свободу передвижения, бывший регент, как сообщают предания, «держал себя весьма гордо, так что местный воевода, встречаясь с ним на улице, разговаривал, сняв шапку, а в доме его не решался сесть без приглашения». Бирон даже приобрел верховых лошадей и стал часто ездить на охоту. Но «поскольку секретный узник держал себя с окружающими высокомерно, то пелымцы не испытывали к нему никаких симпатий»[83].

Прочие родственники Бирона, сосланные в Сибирь, в 20-х числах сентября 1741 г. были доставлены с сопровождавшими их служителями в Тобольск, откуда направлены к местам назначения: Густав – в Среднеколымский острог, Карл с женой Христиной – в Нижнеколымский острог, Р.-А. Бисмарк с женой Феклей (Теклей) – в Берёзов. Туда Бисмарки прибыли в сопровождении караула в начале декабря 1741 г. Казенного содержания им было положено по 3 руб. в день каждому, а их служителям – по 35 руб. в год на всех. Как и где жили Бисмарки

---

[78] Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 214.

[79] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 287. Л. 226–226 об.; Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона. С. 542.

[80] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 287. Л. 237; Д. 324. Л. 1.

[81] Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона. С. 542.

[82] Бриген А. Ф. Письма. С. 104.

[83] Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. С. 214.

в Берёзове, неизвестно. Сохранившиеся два рапорта их караульного начальника от 31 декабря 1741 г. и 31 января 1742 г. не содержат по этим вопросам никакой информации[84].

Воцарившаяся 25 ноября 1741 г. с помощью дворцового переворота и свержения Иоанна Антоновича императрица Елизавета Петровна амнистировала всех лиц, пострадавших в правление Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны. Указом от 3 декабря 1741 г. она помиловала и освободила всех Долгоруковых, находившихся в ссылке и заключении. В следующем году из Сибири в Петербург или Москву выехали дети А. Г. Долгорукова Николай, Алексей, Александр, Елена, Анна, Екатерина[85]. Были реабилитированы и все лица, пострадавшие ранее по «делам» Долгоруковых, в том числе и берёзовские жители, которые в 1742–1743 гг. вернулись домой[86]. В 1764 г. Елена Долгорукова послала в берёзовскую Спасскую церковь богослужебные книги, на титульных листах которых ею собственноручно было написано: «1764 года 1 сентября сию книгу дала вкладу в церковь Всемилостивого Спаса, что в Сибири в Берёзовском остроге, на поминовении своих родителей, преставившихся тамо»[87]. В том же 1764 г., 20 февраля, в Берёзове сгорела памятная часовня над могилой А. Г. и П. Ю. Долгоруковых[88].

Была существенно облегчена участь Э.-И. Бирона и его родственников. 17 января 1742 г. Елизавета указала:

> …*Сосланных в Сибирь в ссылку бывшего герцога курляндского Бирона и братьев его Карла и Густава Биронов же и бывшего ж генерала Бисмарка из той ссылки и с женами их и с детьми освободить и, из службы нашей уволя, дать им абшиды* (*отставку. – Авт.*).

В Пелым указ был доставлен очень быстро, и уже 27 февраля Бироны выехали в Петербург. В этом же месяце из Берёзова отбыли Р.А. Бисмарк и его жена. Г. Бирона и К. Бирона с женой елизаветинский указ настиг по дороге на Колыму. 15 марта того же года последовал новый указ Елизаветы – о ссылке Биронов и Бисмарков в Ярославль. Окружение императрицы опасалось, что освобождение бывшего всесильного фаворита Анны Иоанновны разрушит образ новой императрицы Елизаветы как освободительницы России от «засилья немцев». На новое место назначения Э.-И. Бирон с женой и детьми прибыл в конце марта, а его братья и свояк – через несколько месяцев[89].

Елизавета Петровна, амнистируя и облегчая участь одних лиц, обрушила репрессии на других – тех, кто играл видную роль при Иоанне Антоновиче и Анне Леопольдовне. Они были арестованы и 22 января 1742 г. обвинены во многих преступлениях, «касающихся» «до немалого разорения нашего государства», в том числе в поддержке «незаконного» правления Бирона и Анны Леопольдовны, в растрате казенных средств, в «искоренении знатнейших фамилий» и «возведении» в высшие должности «чужих наций людей», «в устранении от наследия императорского и всероссийского престола императрицы Елизаветы Петровны»[90]. За эти «преступления»

---

[84] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 287. Л. 125, 157, 158–159 об., 240–240 об., 242–242 об.

[85] Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой. С. 52; Сулоцкий А. Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая в ссылке в Берёзове и монашестве в Томске // Иркутские епархиальные ведомости. 1872. № 49–50. С. 667–669.

[86] Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов. С. 88–89, 94–95.

[87] Дунин-Горкавич А. А. Город Берёзов. С. 12.

[88] Абрамов Н. А. Могилы князя Алексея Григорьевича Долгорукого и супруги его. С. 120.

[89] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 291. Л. 1, 32–32 об.; Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона. С. 542; Курукин И. В. Бирон. С. 364–365.

[90] См.: ПСЗ1. Т. 11. № 8506. С. 567–577; Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1872. Т. 9. С. 222–331; Павленко Н. И. Страсти у трона. История дворцовых переворотов. М., 1996. С. 144–148.

их приговорили к наказаниям разной степени тяжести, в том числе несколько человек – к ссылке в сибирские остроги. Среди сосланных в Сибирь оказались Г. И. Остерман и Б. К. Миних.

Барон, граф, действительный тайный советник, генерал-адмирал Генрих-Иоганн-Фридрих (Андрей Иванович) Остерман длительное время занимал в государстве высокие посты – сенатора, первого кабинет-министра, вице-президента Коллегии иностранных дел и вице-канцлера, но к моменту елизаветинского переворота уже находился в отставке (с 12 ноября 1741 г.) (рис. 5.14). Поначалу он был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в заключение в Берёзов. Вместе с ним в изгнание отправились его жена Марфа Ивановна (по собственному желанию) и 6 чел. прислуги – две женщины-«турчанки» и четверо мужчин, в том числе один повар. На содержание Остерманов было приказано выдавать «по рублю на человека, а служителям их – каждому по десяти копеек в сутки». Поскольку узники были лютеранами, императрица по их личной просьбе приказала отправить с ними в Берёзов пастора, назначив ему жалованье 150 руб. в год. Регламент, определявший жизнь заключенных, был прописан в стандартной инструкции, выданной начальнику караула поручику Д. Космачёву[91].

Рис. 5.14. В. И. Якоби. Волынский на заседании Кабинета министров. 1889 (в инвалидном кресле – граф А. И. Остерман). Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля. № в ГК 35346046. Жр365. Изображение с сайта «Энциклопедия русской живописи». http://www.artsait.ru/foto.php?art=y/ykobi/img/7

В Берёзов Остерман и сопровождавшие его лица прибыли 11 марта 1742 г. Здесь они были помещены в тот же тюремный острог, где ранее содержались Меншиковы и Долгоруковы. Остерман приехал в болезненном состоянии, он страдал подагрой и первое время не выходил из острожного помещения[92]. Однако ему удалось быстро поправиться. По этому поводу

[91] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 323. Л. 6–6 об., 77–78 об.; Шубинский С. Н. Граф Андрей Иванович Остерман. 1686–1746 : биогр. очерк. СПб., 1863. С. 66–67.

[92] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 323. Л. 6 об., 11–38 об.

Космачёв в своем рапорте от 14 января 1747 г. написал: Остерман «освободился от болезни и зачал ходить с 1742 года с августа месяца о костылях, а потом не в долгое время и без костылей зачал ходить, и по сие число прежней болезни не видно»[93]. По причине слабого здоровья узник вел малоподвижный образ жизни. Все его развлечения сводились к чтению Библии и редких коротких писем от сыновей, беседам с женой и пастором и непродолжительным прогулкам[94]. Н. А. Абрамов, служивший в 1842–1849 гг. в Берёзове смотрителем училищ, записал со слов берёзовского старожила отставного казака Ф. Ослопова следующее предание об Остермане, услышанное им от своего отца:

> *Этот старик был худоногий, в остроге жил, ходил с костыльком. На ногах бархатные сапоги; поносит их и отдаст, бывало, на желетки робятам берёзовским, либо старикам, либо на чабаки (женские теплые шапки. – Авт.)*[95]*. 23 мая 1747 г. Космачёв отправил в столицу рапорт, в котором сообщил, что Остерман, которому был почти 61 год, «с 5 мая заболел грудью и головой… а сего мая 22 пополудни в 4ом часу волею божиею умре»*[96]*. Его похоронили на кладбище рядом с церковью Рождества Богородицы. По желанию и на средства Марфы Ивановны над могилой был воздвигнут памятник в виде часовни*[97]*. Через два года императорским указом от 21 июня 1749 г. вдова Остермана была освобождена из ссылки, ей дозволялось жить в Москве у сыновей. В Берёзов данный указ был доставлен 27 июля того же года*[98]*, и, надо полагать, вскоре Марфа Ивановна покинула место своего «добровольного» заключения, забрав с собой, разумеется, всю прислугу.*

По сведениям упоминавшегося Н. А. Абрамова, среди жителей Берёзова родилась легенда, что графиня тайно раскопала могилу мужа и увезла его тело с собой. Вследствие сложившегося у берёзовцев представления о том, что могила Остермана пустая, часовню над ней в 1780-х гг. превратили в кладовку для разных церковных принадлежностей, а в конце XVIII в. священник церкви Рождества Богородицы С. Ногин перевез часовню на свой личный двор и перестроил ее в амбар, который сгорел в 1806 г. Легенда о «пустой могиле» Остермана оказалась, однако, полным вымыслом. В 1848 г. во время геодезических изысканий, проводившихся в Берёзове Уральской экспедицией РГО, она была случайно вскрыта, и в ней были обнаружены останки покойника. Усилиями начальника экспедиции Э. К. Гофмана могила была приведена в порядок, над ней сделали земляную насыпь, поставили лютеранский крест черного цвета и вокруг соорудили деревянную ограду. На кресте закрепили сделанные из меди изображения графской короны и латинских букв «H. O.» (Henricus Ostermann)[99]. В таком виде могила сохранялась на протяжении второй половины XIX в.[100] (рис. 5.15). Граф, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии Бурхард-Кристофор (Христофор Антонович) фон Миних, несмотря на то, что находился в отставке с 3 марта

---

[93] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 323. Л. 109.

[94] Шубинский С. Н. Граф Андрей Иванович Остерман. С. 71–72.

[95] Абрамов Н. А. Могила графа Андрея Ивановича Остермана в г. Берёзове. 1742–1747 гг. // ЧОИДР. М., 1866. Кн. 2. Отд. 5. Смесь. С. 122.

[96] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 323. Л. 119–119 об.

[97] Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. С. 377.

[98] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 323. Л. 160, 168.

[99] Абрамов Н. А. Могила графа Андрея Ивановича Остермана. С. 123–125.

[100] П-ский Н. Берёзов // Тобольск. губерн. ведом. 1866. № 34. С. 241; Бантыш-Каменский Д. Н. Исторические могилы в городе Берёзове. С. 133; Путинцев М. Святыни Берёзовского Воскресенского собора. С. 514; Гурский И. В. Поездка на Северный Урал // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893. № 1. С. 11.

1741 г., также попал под следствие, был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Пелым. С ним добровольно отправились его супруга Барбара-Элеонора и лютеранский пастор Мартенс. Миниху разрешили взять с собой прислугу – кладовщика, цирюльника, двух поваров и двух служанок. В Пелым они прибыли 6 марта 1742 г. Здесь к ним был приставлен караул из 16 солдат, капрала и унтерофицера под командой поручика С. Меншикова.

Рис. 5.15. Герб рода графов Остерман. Из кн. А. А. Бобринского «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи» в 2 ч. Ч. 2 (СПб., 1890). С. 13

Поскольку пребывание Миниха в ссылке растянулось на два десятилетия, численность и состав караульной команды, а также караульные офицеры несколько раз менялись. Для узника и сопровождавших его лиц согласно инструкции устанавливался традиционный строгий режим содержания. На их проживание выделялись денежные средства: Миниху с женой – каждому по 1 руб. в день, каждому служителю – по 3 руб. в месяц, пастору – 150 руб. в год. Для наблюдения за здоровьем Минихов и их возможного лечения определили лекаря И. Вахтлера, сосланного одновременно с Бироном и остававшегося на положении ссыльного в Пелыме. Ему было положено «кормовых денег» по 5 коп. в день. Однако через несколько лет Миних по причине недоверия к медицинской квалификации Вахтлера отказался от его услуг, полностью доверившись лекарским способностям своего цирюльника[101] (рис. 5.16). Режим содержания Миниха стал нарушаться с первого же дня его пребывания в Пелыме. Тюремные «покои», сгоревшие в декабре 1741 г., не были восстановлены к приезду ссыльных, поэтому бывшего фельдмаршала, его жену и пастора поместили в доме пелымского воеводы, а слуг – в домах пелымцев. В них они обитали еще и в 1746 г. В письме от 30 марта этого года к брату обер-гофмейстеру, барону Христиану-Вильгельму фон Миниху, который не пострадал при восшествии на престол Елизаветы, Бурхард-Кристофор писал, что он с женой и пастором по-прежнему живет в воеводском доме, расположенном «посереди высокой деревянной крепости, которая в квадрате от 70 до 80 шагов», а служители – в двух соседних избах, причем одна из них построена на собственные деньги фельдмаршала[102].

Возвели ли после 1746 г. для Миниха специальные «покои», неизвестно. Ежемесячные рапорты караульных офицеров (а они сохранились за все годы ссылки Миниха) ничего не сообщают о смене узником места жительства в Пелыме. Пелымские же предания утверждают, что узник пребывал в «остроге», в котором, «кроме низменного дому и маленькой караулки, не было никакого другого строения; в сим доме жил Миних с частью своей прислуги, другая же часть оной жила по квартирам в Пелыме». Сам острог, располагавшийся на берегу реки Тавды, представлял собой «высокую стену из срубов, по углам стояли четыре высокие башни с бойницами, а над воротами в остроге возвышалась 5-я башня»[103]. Судя по этому описанию,

[101] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 324. Ч. 1. Л. 24–25, 31–31 об., 46, 76, 98, 107, 109–111, 129, 158 об. –159 об.; Ч. 2. Л. 42, 58–59, 74.

[102] Там же. Д. 325. Л. 209 об.

[103] Бриген А. Ф. Письма. С. 103, 106; Воспоминания пелымского старожила. Из записок г. Найденова, сообщенных генералу от инфантерии и генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову // Маяк. СПб., 1842. Т. 2. С. 88.

речь идет о старом Пелымском остроге, построенном еще в XVII в. Но в нем же, как явствует из «Списка Пелымского города», составленного в конце 1730-х гг., находилось несколько казенных строений, в том числе и «воеводские хоромы»[104].

Из рапортов караульного начальника, писем самого Миниха и преданий пелымских старожилов следует, что «секретный узник» имел возможность выходить из «тюремных покоев», общаться с пелымскими жителями и вести активный образ жизни. Отношение надзирателей к «государственному преступнику» было настолько благосклонным, что его слуги долгое время имели при себе оружие – ружья и шпаги. Их реквизировали только в 1755 г.[105] Миних даже сумел получить на время от императрицы разрешение иметь письменные принадлежности и сочинять разные проекты, благодаря чему имел возможность писать письма родственникам и некоторым особам, влиятельным при императорском дворе (рис. 5.17).

Начав жизнь изгнанника, Миних первым делом позаботился о хлебе насущном. В уже упоминавшемся письме к брату Христиану-Вильгельму он жаловался:

> *...В Пелыме, который едва в 20 домах состоит, у обывателей (кои стрелянием соболей и оленей только питаются) ни гороху, ни бобов, ни репы, ни коренья, ни луку, ни редьки, ниже каких трав или капусты, також ни фунта мяса, масла коровья, круп или муки, ни пива, ни хлеба или что инако к достоинству потребно, купить достать не можно*[106].

В результате караульный офицер «принужден» был продовольствие «чрез солдат по деревням у крестьян сыскивать или из Тобольска за 700 верст отсюда, не без трудности, вреда и иждивения... привозить». Необходимая же одежда через посредников за «богатое вознаграждение» доставлялась из Тобольска и Ирбита. Поэтому, чтобы снизить затраты на проживание, Миних сам занялся хозяйственной деятельностью и стал нанимать работников из числа местных жителей. Он писал брату:

> *Место в крепости болотное, да я уже способ нашел на трех сторонах (крепостных стен. – Авт.), куда солнечные лучи падают, маленький огород с частыми балясами устроить. Такой же (огород. – Авт.) пастор и Якоб, служитель наш, которое позволение имеют пред ворота выходить, в состояние привели, в которых огородах мы в летнее время саждением и сеением моцион себе делаем и сами столько пользы приобретаем, что мы, хотя много за стужею в совершенный рост или зрелость не приходит, при рачительном разведении чрез весь год тем пробавляемся... В наших огородах мы в июне, июле и августе небезопасны от великих ночных морозов. И потому мы, что иногда мерзнуть может, рогожами рачительно покрываем*[107].

Занимался Миних не только огородничеством, но и разведением домашней птицы и скота. Зимой он готовился к новому сельскохозяйственному сезону: перебирал и сортировал семена, вязал сети, «дабы тем вовремя навозные и другие огородные гряды от птицы, кур и кошек прикрывать». Жена его шила и латала одежду, постельное белье, столовые скатерти и салфетки[108].

---

[104] РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 481. Ч. 3. Л. 124.

[105] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 324. Ч. 2. Л. 72.

[106] Там же. Д. 325. Л. 212 об.

[107] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 212 об.

[108] Там же. Д. 325. Л. 210–212 об.; Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей : [в 4 т.].

Факты, сообщаемые Минихом в письмах брату, подтверждаются и пелымскими преданиями. В 1826 г. в Пелым по делам службы заехал тобольский чиновник Найдёнов. Здесь он встретил старика, лично знавшего опального фельдмаршала. Это был уже упоминавшийся А. В. Казанцев, который много интересного рассказал о ссыльном узнике. С его слов, в частности, Найдёнов записал о Минихе: «Иногда приходил он с удкою на берег реки, ловил с крестьянами рыбу, косил с ними траву или разводил молодые кедры; он щедро платил крестьянам за работу». Казанцев также утверждал, что вход в острог, где проживал Миних, днем был свободен для всех, «но по пробитии зари ворота оного запирались»[109]. С некоторыми вариациями свой рассказ Казанцев повторил А. Ф. Бригену, отбывавшему ссылку в Пелыме и интересовавшемуся судьбой своего предшественника. В своих письмах (от 1833 г.) другим ссыльным декабристам, Н. А. Лореру и А. Е. Розену, Бриген сообщал:

> *Миних… работал в маленьком саду, который в остроге развел, где любил сеять разные травы и цветы, также собственными руками насадил много дерев, кои впоследствии переросли и самые башни острога, но, к сожалению, ни одного из сих дерев более не существует. Прислуги при нем находилось весьма много, от 15 до 20 человек обоего пола. Она состояла частью из собственных к нему приехавших людей, из коих многие здесь похоронены, частью же из наемных пелымцев, в числе коих был и мой старик Казанцев; сия многочисленная дворня объясняется тем, что Миних держал много рогатого скота, для коего откупал луга и своими работниками ставил сено, часто для сего предмета делал и так называемые помочи, то есть приглашал несколько десятков мужиков и баб на свою работу и потом вместо платы их угощал*[110].

Рис. 5.16. Г. Бухгольц. Портрет графа Миниха Бурхардта. После 1765. ГМЗ «Останкино и Кусково». Изображение с сайта музея. https://kuskovo.museum-online.moscow/entity/OBJECT/31859

Рис. 5.17. Герб рода графов Миних. Из кн. А. А. Бобринского «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи» в 2 ч. (СПб., 1890). Ч. 1. С. 18

СПб., 1888. Т. 2, вып. 7. С. 81–83.

[109] Воспоминания пелымского старожила. С. 88.

[110] Бриген А. Ф. Письма. С. 102–104, 106–107.

Хозяйственные занятия помогали Миниху коротать время ссылки. В 1746 г. он писал брату: «по истине могу Вас обнадежить, что нам ныне пятой год в нашей ссылке еще ни единого часа времени долго не казалось»[111].

Из писем Миниха к брату следует, что «кормовых денег», выдававшихся ему, его жене и прислуге, явно не хватало на закупку необходимых и желаемых продуктов, оплату наемных работников, приобретение лекарств, одежды и дров. По этой причине он был вынужден ежегодно брать в долг от 200 до 300 руб.[112] Кто конкретно одалживал узнику такие суммы, неизвестно. В письме к брату от 27 августа 1749 г. Миних настоятельно просил прислать ему с «позволения императрицы» 300 руб., причем советовал переслать эту сумму «через мсье губернатора Сухарева или через мсье генерал-майора Киндермана»[113]. Из этой просьбы Миниха можно уверенно предположить, что сибирского губернатора А. М. Сухарева и командующего войсками на сибирской границе Х. Х. Киндермана он знал лично и доверял им. Возможно, эти лица выступали и в роли кредиторов Миниха.

Но не только о хлебе насущном заботился пелымский узник. Крутой поворот судьбы, стремительное падение с высот власти, смертный приговор, затем ссылка – все это заставило Миниха всерьез задуматься о бренности жизни и спасении своей души. Тишина и уединение, размеренность жизни в Пелыме как нельзя лучше содействовали религиозным размышлениям. Дважды в день, утром и вечером, под руководством пастора собирались Миних, его супруга и их служители-немцы, чтобы совершить «божию службу» и почитать «с особливым благославлением святые книги»[114].

В конце мая 1749 г. скончался пастор Мартенс. Миних сразу же через караульного офицера обратился с просьбой в Сенат об определении к нему нового духовного наставника. Просьба была удовлетворена. В дальнейшем в Пелыме еще дважды менялись пасторы[115]. В их отсутствие Миниху приходилось самому совершать богослужения, читать поучения и сочинять духовные песни. Вера давала узнику силу духа и позволяла выстоять в несчастии[116]. «Я, – писал он брату, – от Христа удалился, гласа его не слышал, ныне же он, милосердный, меня от греховного сна воздвигнул; в Пелыме я научился лучше с Лазарем в убожестве, нежели с богатым мужем в славе и радости жить»[117].

Об отношениях ссыльного с местными жителями можно судить на основе воспоминаний А. В. Казанцева. Миних и его супруга предстают в памяти старого крестьянина подлинными благодетелями, которые «ласково обходятся» с пелымцами, щедро оплачивают их работу, устраивая обильные угощения:

> *В сим случае накрывали столы на дворе острога, и Миних с супругою своею, которая никогда ни на шаг от него не отходила, с высоты стены острожной приветствовал своих*

---

[111] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 212 об.

[112] Там же. Л. 212 об. –214.

[113] Предложения, прошения и письма фельдмаршала Миниха // Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 2. С. 494–495.

[114] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 209.

[115] Там же. Д. 324. Ч. 2. Л. 22–27, 87, 103.

[116] Галем Г. А. Жизнь графа Миниха : [в 2 ч.]. М., 1806. Ч. 2. С. 6; Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних. С. 82–84.

[117] Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних. С. 83.

гостей, приказывал их потчивать, смотрел на их пляски и прочие забавы и громко и от всего сердца смеялся, глядя на их проказы… Графиня Миних была женщина чрезвычайно добрая, росту высокого и сухощавая. Она очень любила, снабдив хорошим приданым, выдавать крестьянских девушек замуж и обыкновенно сама наряжала их под венец, таким образом облагодетельствовала она здесь многие семейства[118].

Казанцев также вспоминал случай, когда Миних, оказав материальную поддержку, помог молодому крестьянскому парню дать «выкуп» (калым) за молодую девушку-вогулянку и жениться на ней. После таких благодеяний Миниха «пелымцы долго вспоминали о нем с любовью… говорят, прежде он был строг, – заключал Казанцев, – а мы видели только его доброту»[119].

В стенах сибирского острога Миних не терял надежды на милость императрицы. Едва прибыв в Пелым, он заявил караульному начальнику, что желает письменно сообщить Елизавете Петровне нечто важное. Эта просьба дошла до императрицы. Она, понадеявшись узнать от Миниха информацию, заслуживающую ее внимания, временно дозволила ему писать и представлять написанное правительству (рис. 5.18).

Рис. 5.18. Е. Е. Лансере. Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе. 1968. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. № в ГК 33924164. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34111992

[118] Бриген А. Ф. Письма. С. 103.

[119] Воспоминания пелымского старожила. С. 88.

Миних берется за перо и уже к 22 февраля 1743 г. заканчивает пространные сочинения – проект и «реестр» о строительстве Ладожского канала, «Представление о приведении в безопаство турецких и татарских границ». Также он пишет обширное послание лично императрице. Это была первая партия сочинений Миниха, ушедшая из Пелыма в столицу. В дальнейшем пелымский узник еще трижды (каждый раз с личного разрешения императрицы) получал возможность пользоваться письменными принадлежностями. И, осмелев, он расширил круг своих адресатов. В конце мая – начале июня 1744 г. он пишет не только Елизавете Петровне, но и ее племяннику, великому князю, наследнику престола Петру Федоровичу, канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину; 30 марта 1746 г. – тем же лицам и дополнительно елизаветинскому фавориту графу А. Г. Разумовскому и своему брату Х.В. Миниху; 27–28 августа 1749 г. – Елизавете Петровне и брату. Кроме того, Миних продолжал слать в столицу проекты и предложения по разным вопросам. Всего в течение 1743–1749 гг. он написал и отправил около 20 писем и десяти проектов на французском и немецком языках[120].

Как бывший инженер и главнокомандующий русской армии главное внимание в своих проектах Миних уделил инженерному, фортификационному и военному делу. Он размышлял о более эффективной эксплуатации Ладожского канала и строительстве новых каналов, об усилении обороны Юга России от татарских набегов, о фортификационном укреплении русско-турецкой границы, а также сочинил план войны России с Турцией в целях захвата Стамбула и Босфорского пролива, которые должны были стать российскими владениями. Учитывая свой опыт боевых походов, Миних предлагал внести изменения в экипировку солдат, несущих службу в южных жарких районах страны: облегчить обмундирование, амуницию и вооружение[121]. При этом в своих сочинениях Миних стремился донести до читателей, коими являлись высокопоставленные особы при дворе и правительстве, ту простую мысль, что только он в состоянии воплотить предлагаемые им проекты в жизнь. Самыми яркими красками расписывал он свои боевые заслуги, акцентируя внимание на своей «выдающейся» роли в государственных делах в царствование Петра Великого, чьей дочерью являлась Елизавета[122]. И все свои проекты он сопровождал просьбами освободить его от «ужасного заключения» и дать возможность реализовать свои замыслы на благо России. Он писал императрице:

> *Не прошу ни титулов, ни богатств, ни земель, прошу дозволить при стопах Вашего императорского величества умереть, удостоверив Ваше величество в своей верной и отличной службе в память Петра Великого! Если нужно, чтоб я без денег и деревень жил, я готов и солдатскою порциею довольствоваться, и буде мне в палатах жить не можно, я охотно буду дворником у Вашего императорского величества*[123].

В другом письме, отправленном в 1744 г., он пытался убедить Елизавету выслать его на родину в Германию, в Ольденбург[124]. С просьбами исходатайствовать у императрицы освобождение, апеллируя к своим заслугам перед Петром I и Россией, Миних также дважды обращался к великому князю Петру Федоровичу и канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину и один раз – к влиятельному фавориту Елизаветы А. Г. Разумовскому[125].

---

[120] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325; Предложения, прошения и письма фельдмаршала Миниха. С. 484–504; Фельдмаршал Миних из Сибири // Рус. архив. М., 1865. № 12. Стб. 1421–1446; Еще письмо Миниха из Сибири // Рус. архив. 1866. № 2. Стб. 172–185.

[121] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 99–115, 185–194 об.

[122] Там же. Л. 11, 122, 249–250 об.

[123] Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних. С. 85.

[124] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 171 об.

[125] Там же. Л. 92–97, 116–137, 195–195 об., 201 об. –202, 203–205 об.; Еще письмо Миниха из Сибири. Стб. 174, 176, 184.

Но все проекты Миниха и его слезные просьбы об освобождении не достигли желаемого эффекта. 8 июля 1749 г. в ответ на очередное ходатайство Миниха разрешить ему продолжить писать проекты императрица распорядилась, «дабы он о всем достаточно единожды ныне написал, ибо впредь на такие ево требования позволения дано больше не будет»[126]. Вскоре пелымский узник отправил в столицу проект об укреплении Киева (датированный 22 августа 1749 г.) и письма, адресованные императрице и брату (от 27–28 августа)[127]. В последующие годы от Миниха из Пелыма в Петербург никаких письменных известий не поступало, по крайней мере по официальным каналам. Правда, есть свидетельства, что Миних и после 1749 г. продолжал сочинять различные проекты. Сын Миниха Иоганн-Эрнест в своих «Замечаниях на записки Манштейна» поведал следующее:

> *Фельдмаршал по возвращении из ссылки сказывал мне, что сохранил у себя три карандаша, выдирал он из присылаемых ему месяцесловов белые листы и на оных писал рассуждения о воинстве и о внутреннем управлении Российского государства*[128] (*рис.* 5.19).

Рис. 5.19. Неизвестный художник. Портрет графа И.-Э. Миниха, сына фельдмаршала. 1780-е. Государственный Владимиро-Суздальский историко-культурный и художественный музей-заповедник. № в ГК 2349705. Ж-66. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=1486699

По утверждению другого близкого родственника Миниха графа Фридриха Солмса, узник писал в ссылке «Прагматическую историю России»[129]. И.Э. Миних со слов своего отца записал, что тот прекратил свои письменные упражнения в последние годы ссылки под угрозой доноса со стороны «пристава» (начальника караула. – *Авт.*) и сжег все свои записи[130]. Г. А. Галем, общавшийся с потомками фельдмаршала, дополнил эти сведения деталями:

> *Однажды потребовал он (Миних. – Авт.) несколько денег у бывшего при нем офицера, который отвечал, что деньги все издержаны. Миних, будучи вспыльчив… упрекал его в явном обмане и даже назвал бездельником. Раздраженный офицер сказал, что Миних сам преступник, что все бумаги, им сочиняемые, без сомнения, клонятся ко вреду государства и императрицы и что он скажет против него страшное слово и дело! Миних испугался и сжег рукописи*[131].

---

[126] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 325. Л. 216–217.

[127] Предложения, прошения и письма фельдмаршала Миниха. С. 484–504; Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних. С. 89.

[128] Миних Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. СПб., 1891. С. 213.

[129] Jurgensohn A. Die Memoiren des Feldmarschals Münnich und sein Ebauche // Russische Rev. St. Pb, 1886. Bd. 26. Hf. 3. S. 329.

[130] Миних Э. Россия и русский двор. С. 213.

[131] Галем Г. А. Жизнь графа Миниха. Ч. 2. С. 8.

Несколько иную версию приводит другой биограф Миниха Д. Н. Бантыш-Каменский: один из караульных солдат украл у Миниха некий «ларчик», был арестован за это и, желая избежать наказания, объявил, что, вопреки строгому запрещению, служители доставляют своему хозяину чернила и перья; Миних, опасаясь розыска, сжег записи[132].

Любопытно, что информация о пребывании Миниха в Пелыме, его занятиях там и о сочинении им разных проектов неведомыми путями просачивалась за границу. Бывший адъютант фельдмаршала Христофор-Герман Манштейн, в октябре 1744 г. бежавший из России в Германию, на основе каких-то дошедших до него слухов в своих мемуарах в начале 1750-х гг. записал:

> *Привыкнув всю жизнь к труду, он (Миних. – Авт.) не может оставаться праздным и в ссылке: он написал и представил Сенату несколько проектов касательно улучшения провинций России и забавляется обучением геометрии и инженерной науке нескольких детей, которых ему поручили. Губернаторы сибирских городов боятся его так, как если бы он был генерал-губернатором края. Узнав о каком-нибудь злоупотреблении их, он тотчас же пишет им, грозя донести о том двору, и т. п.*[133]

Эти сведения стали воспроизводиться в последующих описаниях пребывания Миниха в Сибири[134].

Миниху не удалось умилостивить Елизавету Петровну, и он пробыл в Сибири до ее смерти и очередной перемены на российском престоле. Новый император Петр III 17 января 1762 г. распорядился вернуть из ссылки и заключения оставшихся в живых политических противников своей тетушки, в том числе Бирона и Миниха[135]. Указ об освобождении Миниха курьер привез в Пелым 10 февраля 1762 г. Через восемь дней 79-летний Миних с женой и оставшимися в живых тремя служителями и родившимися у них пятью детьми выехал в Петербург[136]. Все тот же Казанцев вспоминал:

> *В день отъезда своего из Пелыма Миних в дорожном экипаже (это было зимой) три раза объехал Пелым, спускаясь же на реку, простился с жителями, которые в большом числе при спуске собрались: «Простите, мои пелымцы, вот и старик Миних со своею старухою от вас уезжает». «Прости, отец ты наш родной!» – закричал ему народ вслед, многие стали на колени.*

На радостях бывший узник раздал все свои пожитки местным обывателям[137].

Длительное пребывание в Сибири породило у Миниха интерес к этому региону. Уже вскоре после возвращения в столицу, 8 мая, он представил императору проект реформы управления Сибирью, предложив учредить Генеральную директорию, которой бы подчинялись все сибирские гражданские и военные власти[138]. Вслед за этим он «всеподданнейше» попросил

---

[132] Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 3. С. 340.

[133] Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб., 1875. С. 239.

[134] Галем Г. А. Жизнь графа Миниха. Ч. 2. С. 7; Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 3. С. 340; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884. С. 214.

[135] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 324. Ч. 2. Л. 172–177.

[136] Там же. Л. 197.

[137] Воспоминания пелымского старожила. С. 88; Бриген А. Ф. Письма. С. 104.

[138] Предложения, прошения и письма фельдмаршала Миниха. С. 504–506.

императора «пожаловать его сибирским губернатором», ссылаясь на то, что благодаря своему «знанию тамошних (сибирских. – *Авт.*) обстоятельств» сможет «сделать интересу Его величества некоторое приращение»[139]. Но и эти проекты Миниха остались без ответа, поскольку 29 июня 1762 г. Петр III был свергнут с престола своей супругой Екатериной II.

Невольное пребывание петербургских вельмож в Берёзове и Пелыме оказалось значимым событием для местных жителей и запечатлелось в их коллективной исторической памяти, что выразилось в появлении и передаче из поколения в поколение устных преданий о секретных узниках. Бурные политические события, разворачивавшиеся в Петербурге, оказались связаны с жизнью далекой от него имперской окраины. Знаменитые изгнанники стали неотъемлемой частью локальной истории маленьких сибирских городков Берёзова и Пелыма. До начала XX в. в Берёзове сохранялись могилы А. Д. Меншикова и его дочери Марии, А. Г. и П. Ю. Долгоруковых, Г.И. Остермана. С установлением Советской власти надгробные знаки над могилами «классовых врагов» были уничтожены, а места захоронений забыты. В 1993 г. на предполагаемом месте могилы М. А. Меншиковой были установлены памятная плита и крест, а рядом с ней поставлен памятник А. Д. Меншикову. В 2008 г. памятные знаки были установлены на предполагаемых местах захоронений Долгоруковых и Г. И. Остермана.

[139] Желания фельдмаршала графа Миниха // Архив князя Воронцова. Кн. 7. С. 573.

Глава 3

Ссыльные декабристы

1 июня 1826 г. император Николай I учредил Верховный уголовный суд, которому предстояло рассмотреть дела 121 участника тайных обществ и военных восстаний в Санкт-Петербурге и на Украине. Пять человек были осуждены вне разрядов и повешены, 115 разделены на 11 разрядов в зависимости от «силы вины» каждого, один оставлен без приговора (речь о нем пойдет ниже). Осужденные по VIII разряду лишались чинов и дворянства и приговаривались к ссылке на поселение вечно. Указом от 22 августа 1826 г. срок их ссылки был сокращен до 20 лет. Бывший тобольский и томский вице-губернатор граф А. И. Дмитриев-Мамонов, автор первой монографии о декабристской ссылке в этих краях, писал:

> *Государственные преступники, прибывшие на поселение в Западную Сибирь в 1826 году, все были водворены по Высочайшему повелению в северных местностях Тобольской и Томской губерний – Кондинск, Берёзов, Пелым, Сургут и Нарым служили первоначальным местом водворения сосланных преступников*[140].

Первым декабристом, сосланным в Тобольскую губернию, стал дворянин Петербургской губернии, воспитанник 1-го кадетского корпуса Андрей Иванович Шахирев (1799–1828). Служить ему довелось в Черниговском пехотном полку, в котором доля участников тайных обществ была выше, чем в прочих полках русской армии (восемь из 37 офицеров, то есть более 20 %)[141]. В сентябре 1825 г. на сборах 3-го пехотного корпуса в украинском местечке Лещины поручик Шахирев вступил в Общество соединенных славян, находившееся в процессе слияния с Южным обществом. При этом поручику была открыта политическая цель организации: «изменить в государстве правление и ввести конституцию». «На предложение, мне сделанное, я согласился», – сознался он на следствии[142]. По возвращении из лагерей Шахирев испросил отпуск и убыл в Херсонскую губернию, где рассчитывал взыскать по заемному письму с помещика Шостака 5 тыс. руб. ассигнациями[143]. Из отпуска поручик вернулся в январе 1826 г., уже после восстания Черниговского полка.

---

[140] Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири : Очерк по официальным документам. М., 1895. С. 5–6.

[141] Киянская О. И. Южный бунт : Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г.). М., 1997. С. 52–53.

[142] Восстание декабристов : документы : [в 22 т.] / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1975. Т. 13. С. 416. (Далее – ВД.)

[143] Там же. С. 419.

В феврале Шахирев был арестован в Могилеве и доставлен в Петербург, в Петропавловскую крепость. Не чувствуя за собой большой вины, он откровенно обо всем рассказал следователям. Впрочем, все понимали, что участь арестантов зависит не столько от законов, сколько от монаршей воли, и потому диапазон ожиданий каждого колебался от помилования до казни[144]. Так, для подсудимых VIII разряда судьи выбирали наказание между гуманным предложением Н. С. Мордвинова «сослать на жительство в деревню» и жестким вариантом М. М. Сперанского, на котором в итоге и остановились[145]. По горькой констатации декабриста Н. Р. Цебрикова, «нас осудили, как хотели»[146].

В последний день июля фельдъегерь Тихонов[147] принял от коменданта Петропавловской крепости генерала А. Я. Сукина осужденных В. М. Голицына и А. И. Шахирева. Спустя две недели, 15 августа, они прибыли в Тобольск, где Тихонов оставил Шахирева в распоряжении губернатора, Голицына же повез далее – в Иркутскую губернию[148]. Тобольским губернатором в то время был просвещенный чиновник, автор «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменский, оказавший многим декабристам теплый прием[149]. Как он встретил Шахирева, неизвестно, но через сутки декабрист в сопровождении квартального надзирателя Орла и двух жандармов выехал из губернской столицы в заштатный город Сургут. «Произошло это осенью 1826 г., и с этого момента ведет свое начало вековая история сургутской политической ссылки», – писал в 1928 г. эсер Ю. Н. Подбельский, сам в это время отбывавший ссылку в Сургуте[150].

Шахиреву было предписано «непременное и безотлучное жительство в самом Сургуте», два казака «беспорочного поведения» должны были поочередно осуществлять за ним «строжайший надзор». Если это и соблюдалось в точности, то, вероятно, лишь в первое время, когда ссыльный не имел денег и просил о выдаче пропитания в размере солдатского пайка. Затем Шахиреву удалось получить не менее половины долга Шостака, что сделало его человеком вполне состоятельным. Образ жизни изменился, надзор ослабел. В некотором смысле это ссыльного и погубило. 16 мая 1828 г. он ушел «для птичьего промысла» версты за четыре от города и на следующий день скоропостижно умер. Ни лекаря, ни даже ледника для хранения тела в Сургуте не имелось. Комиссия в составе соляного пристава, казачьего сотника, соборного священника и мещанского старосты удостоверила, что «на теле Шахирева никаких наружных боевых знаков к насильственной смерти не нашлось, кроме

---

[144] См.: Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII – середина XIX вв. М., 2013. С. 192–196.

[145] Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...». М., 1988. С. 244.

[146] Из записок декабриста Н. Р. Цебрикова // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 270.

[147] В 1826 г. в фельдъегерском корпусе числились два человека с фамилией Тихонов, возможно, родные братья: подпоручик Федор Наумович и фельдъегерь Николай Наумович. См.: Николаев Н. Г. Столетие фельдъегерского корпуса: 1796–1896. СПб., 1896. Прил. 5. С. 36, 45. В январе 1826 г. фельдъегерь Тихонов сопровождал арестованного князя С. Г. Волконского из Умани в Петербург. См.: ВД. Т. 10. С. 109.

[148] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 5–6.

[149] Ремнев А. В. Дело Д. Н. Бантыш-Каменского // Изв. Омск. гос. ист.-краеведч. музея. 1993. С. 57; Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 196–197.

[150] Подбельский Ю. Культурное наследие Сургутской политической ссылки : (К столетию смерти декабриста А. И. Шахирева) // Тобольский Север глазами политических ссыльных / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург, 2000. С. 392.

как богровое лицо и шея и равно богровые пятна на спине». Сургутский заседатель, «дабы не причинить от гнилости тела жителям заразы, решился… сделать по обыкновенному христианскому обряду погребение». Он же заверял, что ссыльный имел слабое здоровье, страдал припадками и неоднократно говорил, чтобы в случае его смерти оставшиеся у него деньги были отданы на «исправление обветшалой каменной соборной Троицкой церкви в Сургуте для поминовения души его»[151].

Строительство каменной Троицкой церкви длилось 30 лет и завершилось только в 1801 г.[152] Едва ли храм успел обветшать, хотя в ремонте мог нуждаться. Но попытка присвоения средств умершего без письменного завещания выглядела сомнительно. Исполняющий обязанности военного министра граф А. И. Чернышев указал, что у Шахирева остались наследники, и более 2 тыс. руб. ассигнациями были посланы брату и сестре декабриста. В 1832 г. по настоянию Чернышева были проданы с аукциона оставшиеся в Сургуте вещи покойного, и вырученные деньги (около 60 руб.) отправились к тем же адресатам[153]. Интересно, что в 1826 г. следственное дело Шахирева находилось в ведении генерала Чернышева, было скреплено его подписью[154] (рис. 5.20).

Рис. 5.20. Портрет графа Александра Ивановича Чернышева. Мастерская Дж. Доу. 1821–1825. Государственный Эрмитаж. № в ГК 6119639. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6341970

Одинокая внезапная кончина 29-летнего человека рождала подозрения. Ссыльные товарищи не имели точных сведений о Шахиреве. В 1861 г. в переписке двух остававшихся в Сибири декабристов, И. И. Горбаческого и М. А. Бестужева, прозвучало, что А. И. Шахирев «умер в Тобольске»[155]. Народник С. П. Швецов, отбывавший ссылку в Сургуте в 1880–1881 гг.[156], слышал «рассказы многих жителей о двух декабристах, бывших в Сургуте в ссылке, из которых один застрелился», но оговаривался, что «проверить эти рассказы мы не имели возможности»[157]. Не сохранилась и могила Шахирева. Советский ссыльный Ю. Н. Подбельский писал:

> *Как умерший «без покаяния» Шакирев (так. – Авт.) был похоронен вне ограды сургутского кладбища, но затем кладбище разрослось и включило в себя и могилу умершего декабриста. Однако никто в Сургуте не знает не только места погребения первого политиче-*

[151] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 36.

[152] Ярошко А. Ф. Православное наследие Сургута. Тюмень, 2006. С. 24.

[153] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 36–37.

[154] Эдельман О. Следствие по делу декабристов. М., 2010. С. 118–119.

[155] Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963. С. 182.

[156] Курышов А. М. «Ученый-сибиряк» С. П. Швецов и его научное наследие // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 3. С. 105.

[157] Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных. Екатеринбург, 2000. С. 42.

ского ссыльного, но и самого имени его. В 1880-х гг. жил в Сургуте глубокий старик Вершинин[158], разорившийся купец. Он не только сам знал могилу Шахирева, но указал ее место С. П. Швецову, около полувека тому назад отбывавшему в Сургуте ссылку. По словам С. П. Швецова, даже в его время могилу Шахирева едва можно было отличить среди соседних могильных холмов – так она опустилась и в таком пренебрежении она была. А затем прошли над ней новые десятилетия, и могила бесследно исчезла для всех, кто хотел бы почтить память погибшего в ссылке декабриста. Все попытки отыскать эту могилу, предпринятые уже в 1927 г. автором этих строк, ни к чему не привели[159].

Версии о вероятном местоположении утраченной могилы, о былых и настоящих ориентирах высказывались и позднее[160], но без реальных надежд на подтверждение.

22 августа 1826 г. под надзором прапорщика фельдъегерского корпуса Солонина[161] в Тобольск были доставлены осужденные по тому же VIII разряду В. И. Враницкий, И. Ф. Фохт и Н. О. Мозгалевский. Здесь их пути разошлись: Мозгалевского повезли в томский город Нарым, Фохта – в уездный город Берёзов Тобольской губернии, а заболевшего дорогой Враницкого губернатор Бантыш-Каменский оставил до улучшения состояния в Тобольске (рис. 5.21). Иван Федорович Фохт (1794–1842) происходил из мелкопоместных дворян Курляндского герцогства. На следующий год после его рождения состоялся третий раздел Речи Посполитой, в ленной зависимости от которой находилось герцогство, и Курляндия стала губернией Российской империи. Воспитывался Фохт в чужом доме – у помещика Гора, для детей которого был приглашен учитель из Кёнигсберга. Службу начал рядовым в Азовском пехотном полку в 1814 г. На третий год стал прапорщиком, на пятый – подпоручиком, выслуживая чины, которые безусые отроки получали по выходу из кадетских корпусов. Весной 1824 г. достиг вершины карьеры, став штабс-капитаном. Будучи арестован в предпоследний день 1825 г., более двух месяцев отрицал свое участие в тайном обществе. Лишь когда это участие подтвердили лидеры Южного общества П. И. Пестель, А. П. Юшневский, С. Г. Волконский, а также лично принявший его А. П. Поджио, Фохт написал покаянное письмо монарху. Но и после этого на признания был скуп, ни одного нового имени следователям не назвал и не без гордости заявил А. И. Чернышеву в марте 1826 г.: «Одно утешение для меня в горести моей, что чрез меня никто не сделался несчастлив»[162].

На помощь родных Фохту рассчитывать не приходилось. Отца не было давно («находился я до самого определения в службе у матери моей»[163]), мать, несмотря на повторное замужество, жила в бедности. Ссыльный просил земляка и младшего товарища ротмистра-кавалергарда барона И. А. Фитингофа иметь о своей матери попечение[164], хотя, по мнению од-

---

[158] Вероятно, потомок купца 3-й гильдии Ивана Васильевича Вершинина, переселившегося в Сургут из Тобольска в 1784 г. См.: Задорожняя О. А. Сургутское купеческое общество в последней четверти XVII – первой четверти XIX в. // Очерки истории Сургута / под ред. А. И. Прищепы. Сургут, 2002. С. 40, 46.

[159] Подбельский Ю. Указ. соч. С. 399.

[160] Показаньев Ф. Я. Город древний, город славный. Сургут, 1994. С. 63.

[161] В книге А. И. Дмитриев-Мамонова Солонин назван поручиком, однако, согласно данным Н. Г. Николаева, в 1826 г. в фельдъегерском корпусе состоял прапорщик Петр Максимович Солонин. См. об этом: Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 6, 38; Николаев Н. Г. Указ. соч. Прил. 5. С. 31.

[162] ВД. Т. 13. С. 105.

[163] Там же. С. 105.

[164] Декабристы : биогр. справ. / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988. С. 187.

Рис. 5.21. У шлагбаума. Н. А. Касаткин. 1890. Пермская художественная галерея. Фонд живописи. № в ГК 5344067. Изображение с сайта Пермской государственной художественной галереи. https://permartmuseum.ru/exhibit/241?ysclid=lqgpb012zn893330550

нополчан, барон и сам «не был богат, был прямо беден»[165]. Но понятно, что представления о бедности в элитном полку и в уездном Берёзове были разные. Для себя Фохт просил у губернатора продовольствия и одежды. Согласовав вопрос с Главным управлением Западной Сибири, Бантыш-Каменский распорядился выдавать неимущему ссыльному из берёзовского хлебозапасного инородческого магазина муку, крупу и соль в объеме солдатского пайка или денежный эквивалент последнего в размере 4 руб. 35 коп. серебром ежемесячно, а также зимнюю и летнюю крестьянскую одежду на сумму 55 руб. 15 коп. ассигнациями ежегодно[166].

Такое же пособие стал получать и Василий Иванович Враницкий (1785/1786–1832), доставленный квартальным надзирателем Орлом и жандармами в селение Пелым Туринского округа в ноябре 1826 г. Происходил он «из дворян Богемского королевства города Праги». Отец его был небогат, промышлял пивоварением. Сын бесплатно учился в гимназии Ордена бедных регулярных школ во имя Божьей Матери (Ordo Clericorum Regularium Pauperum Matris Dei Scholarum Piarum). Обучение пришлось на время чешского национального Возрождения, когда «будители» распространяли идеи панславизма, а вместе с ними – антигабсбургские, антигерманские настроения. Монахи ордена – пиаристы, в отличие от прогермански настроенных иезуитов, преподавали не только на немецком, но и на чешском языке (два класса немецких, четыре – чешских). Вероятно, благодаря такому воспитанию Враницкий после обучения в Пражской офицерской артиллерийской школе (1803–1804) и недолгой службы

[165] Сборник биографий кавалергардов. 1724–1899 : По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка : в 4 т. / под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. Т. 4. С. 26.

[166] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 42–43.

в австрийской армии (1804–1805) подал в отставку. А уже в 1806 г. вступил прапорщиком в русский Севский мушкетерский полк, в составе которого сражался с французами при Прейсиш-Эйлау и Гейльсберге[167] (рис. 5.22).

Рис. 5.22. Гипотетический портрет В. И. Враницкого, написанный Ю. Н. Ермаковым на основании словесного описания из сопроводительных документов. 2012. Ялуторовский музейный комплекс. № в ГК 39142858. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39358824

В русской армии Враницкий дослужился до полковничьего чина. В конце 1824 г. полковник И. С. Повало-Швейковский привлек его в Южное общество, открыв, что цель оного состоит «в требовании у Государя конституции». Когда подполковник С. И. Муравьев-Апостол уточнил, что «цель общества есть требовать конституцию вооруженною рукою», Враницкий возразил, что «в таком случае отказывается от личного участия, ибо он присягал на верность службы своему Государю». Из тайного общества он не вышел, но и активной роли в нем не играл. Тем не менее, лидеры «южан» (С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. И. Пестель, С. Г. Волконский) на него рассчитывали. В частности, князь Волконский просил Враницкого свести его с представителем польского Патриотического общества на Украине графом П. С. Мошиньским[168].

Последним из осужденных по VIII разряду на север Тобольской губернии, а именно в село Кондинское Берёзовского округа, в марте 1827 г. прибыл Андрей Федорович Фурман (1795–1835). Отец декабриста, агроном и экономист, приехал в Россию из Саксонии, выслужил чин надворного советника, приобрел небольшое имение в Киевской губернии и наплодил от двух жен девятерых детей. Младший из сыновей, Андрей, некоторое время учился в Горном кадетском корпусе (как и его старшие братья Роман и Антон), но горной службе предпочел военную, в которую вступил в 1819 г. Служил Андрей в разных армейских и гвардейских полках, пока в 1823 г. не перешел капитаном в Черниговский полк. Семейное предание гласит, что роковой шаг был сделан по рекомендации сестры Анны[169].

Показания арестованного Фурмана похожи на показания Шахирева: в Общество соединенных славян вступил в Лещинском лагере в 1825 г., присутствовал на одном собрании, в восстании не участвовал. Зато участвовал живший с ним «в одном балагане» рядовой из разжалованных поручиков И. К. Ракуза, показавший, что капитан говорил, что «доколе будет существовать фамилия Романовых, дотоле добра не будет», и призывал его готовиться самому и склонять других солдат «к участию в умышляемом возмущении»[170]. Фурман обвинения эмоционально отверг, Ракуза на своей правоте настаивал. Неизвестно, чем завершилась бы их словесная дуэль, но Фурман «после первых допросов заболел

[167] Кишкин Л. С. Декабрист Враницкий : (Из истории русско-чешских связей) // Краткие сообщения (Институт славяноведения АН СССР). Вып. 9. М., 1952. С. 39–40; Павлова Л. Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. М., 1979. С. 11, 102.

[168] ВД. Т. 11. С. 341, 342.

[169] См. об этом: Воспоминания Феодора Адольфовича Оома: 1826–1865. М., 1896. С. 5.

[170] ВД. Т. 13. С. 198.

расстройством рассудка», у него обнаружились «волнение в крови, задумчивость и беспокойство»[171]. Его поместили в госпиталь, допросы прекратились.

В Кондинском Фурман сразу же запросил о выдаче ему продовольствия в размере солдатского пайка и получал его на протяжении всего времени ссылки. Родня была не в состоянии содержать ссыльного. Отец выслал сыну 160 руб. ассигнациями, а также посылку с книгами и бельем накануне своей смерти в начале 1828 г. Из Петербурга посылка добиралась почти год и попала к адресату лишь после того, как его сестра Екатерина Коростовцева призвала генерал-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова «доставить несчастному сыну последнее благословение отца». Небольшие денежные суммы присылала декабристу и сестра Наталья. Муж ее Александр Петрович Литке был в числе офицеров Гвардейского экипажа, вышедших на Сенатскую площадь в декабре 1825 г. Затем, по свидетельству графа Ф. П. Литке, «брат под некоторым предлогом ушел за фронт и далее к матери своей», что позволило ему отделаться полковым следствием и поручительством командиров[172].

Посчастливилось Фурману найти друга и по месту ссылки.

> *К унтер-офицеру Уфимцеву питаю почтение всегда за человеколюбие его, ибо, не имея денег с прибытия моего, пользовался его столом более года без платы, равным образом во время трудной болезни моей он усердствовал мне по возможности как лекарством, так и собственной услугой,*

– писал он в 1832 г. губернатору, когда отдельный заседатель Албычев попытался за эту дружбу Уфимцева из Кондинского удалить[173].

19 марта 1827 г. в Берёзов прибыл, вероятно, самый необычный декабрист. И дело заключалось не только в том, что сам он горячо возражал против причисления себя к деятелям 14 декабря 1825 г. Вся его жизнь – череда мистификаций, в ней все темно начиная с имени и происхождения. В формулярном списке 1821 г. он поименован как «Граббе Осип Викентьев сын Горский 49 лет», происходивший «из дворян польских Граббе»[174]. Однако в январе 1827 г. генерал А. Х. Бенкендорф писал об этом подследственном:

> *Сперва он объявил себя графом (по-польски – грабя, hrabia)… После того Горский производил себя из Горских князей и хлопотал о сем в Сенате… Для поляков сие знаменитое происхождение Горского вовсе непонятно, ибо в Белоруссии никогда не было ни графской, ни княжеской, ни даже дворянской фамилии Горских, а есть дворяне Горские в Литве, которые не признают своим подсудимого Горского. Общий слух носится, что он сын мещанина из местечка Бялыничь в Белоруссии, но верного ничего нет*[175].

Польско-литовский княжеский род Друцких-Горских угас в 1730-х гг.[176] Представленные Горским документы убедили в 1825 г. в его княжеском происхождении Департамент ге-

---

[171] ВД. Т. 13. С. 198.

[172] Из «Семейных записок» Ф. П. Литке // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев / сост. П. В. Ильин. СПб., 1999. С. 431.

[173] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 58.

[174] ВД. Т. 15. С. 82.

[175] Цит. по: Декабристы : биогр. справ. С. 367–368.

[176] См. об этом: Галубовіч В. У., Рыбчонак С. А., Шаланда А. І. Князі Друцкія-Горскія ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV–XVIII ст. Мір, 2016. С. 187.

рольдии, но не Сенат[177]. Разделились и мнения современников и исследователей. Некоторые декабристы величали его графом[178] и князем[179], в литературе его нередко называют Друцким-Горским[180].

В 1804 г. О. В. Горский вступил юнкером в конно-артиллерийский батальон. На тот момент, если верить формулярному списку 1821 г., ему было около 32 лет, а если собственной записке 1843 г. (в которой он предстает «семидесятисемилетним старцем»[181]), то все 38. В любом случае юнкер из дворян в таком возрасте был необычен. Горский уверял декабриста Н. В. Басаргина, что начал службу пажом при последнем польском короле Станиславе Понятовском (то есть до 1795 г.), с которым якобы состоял в родстве[182]. Как бы то ни было, но воинская служба Горского, продолжавшаяся до увольнения в 1818 г. «за ранами (был семь раз ранен и контужен) полковником с мундиром и пенсионом полного жалованья», стала единственной славной эпохой его жизни. Подтверждали это ордена и золотая шпага за храбрость, а также свидетельства очевидцев его подвигов, в том числе князя С. Г. Волконского[183]. Далее последовал период статской службы, когда Горский поднялся до поста кавказского вице-губернатора и чина статского советника. В отставку он вышел в 1822 г. хотя и по прошению, но из-за открывшейся крупной недостачи казенного спирта. Далее жил в Петербурге, в деньгах не нуждался и, по словам декабриста И. Д. Якушкина, «был известен как отъявленный ростовщик»[184].

Тем удивительнее было появление этого человека на мятежной площади 14 декабря 1825 г., где его высокая фигура в парадном мундире и в шляпе с плюмажем запомнилась многим[185]. Якушкин утверждал, что Горский своими речами так возбудил собравшийся народ, что тот начал бросать поленья в сторонников Николая I[186]. Но Якушкина тогда в столице не было, зато активнейший участник выступления А. А. Бестужев не только видел Горского на площади, «где он, со слезами меня обнимая, говорил, что он рад душу свою положить за Константина Павловича», но и слышал, как «Иван Пущин предлагал ему принять команду, но он отказался, говоря, что фрунтом никогда не командовал»[187]. В условиях безначалия и растерянности в рядах восставших такое было возможно, и этот пункт особо интересовал следователей. Однако Пущин этих сведений не подтвердил, а Горский и подавно заверял,

---

[177] Предтеченский А. В. О. В. Горский и его записка : (по неизданным материалам) // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов : в 2 т. / под ред. Ю. Г. Оксмана и С. И. Чернова. М., 1933. Т. 2. С. 168.

[178] Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 150.

[179] Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 196.

[180] См.: Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 32, 105–106; Копотилов М. Декабристы в Тобольском крае: 1825–1925. Тобольск, 1925. С. 17–19; Очерки истории Тюменской области / под ред. В. М. Кружинова. Тюмень, 1994. С. 83; Рощевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск, 1975. С. 27 и др.

[181] Докладная записка О. В. Горского // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов : в 2 т. М., 1933. Т. 2. С. 224.

[182] Басаргин Н. В. Указ. соч. С. 197.

[183] Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 244–245, 287–288.

[184] Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 150–151.

[185] См. об этом: Из заметок Николая I на рукописях книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая 1-го» // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 53; Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008. С. 211; Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 151 и др.

[186] Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 151.

[187] ВД. Т. 1. С. 438.

что забрел на площадь из одного любопытства[188]. Безусловной правдой было лишь то, что к заговору декабристов он причастен не был[189].

Не признав своей вины, Горский остался тем единственным подсудимым, которому Верховный уголовный суд не сумел вынести приговора. За осуждение по IX разряду проголосовали 19 судей, за различные более мягкие наказания – 23, и за освобождение – 21[190]. Решение суда принималось простым большинством голосов («большинство одного мнения противу других»). Так, А. И. Шахиреву назначили наказание всего 16 голосами[191]. На сей же раз суд решил передать решение судьбы бывшего кавказского вице-губернатора «на благоусмотрение его императорскому величеству»[192].

Высочайшим указом от 5 марта 1827 г. О. В. Горский был выслан в Берёзов под надзор полиции. Указ застал его на излечении в военном госпитале, откуда ему, по его собственным словам, «не позволили даже никого послать на квартиру», чтобы взять «приличное зимнему тогда времени одеяние и что-либо из… имущества, и тем лишили… всей собственности»[193]. Стремительное перемещение в Сибирь доставило немолодому и нездоровому человеку немало неудобств. Но в Берёзове его положение оказалось лучше, чем у того же Фохта. За счет казны Горскому была отведена просторная обывательская квартира с отоплением, для услуг приставлен казак. Спустя год и восемь месяцев были отменены ежемесячные рапорты о поведении ссыльнопоселенца. Из-за запутанных отношений с женами и сожительницами Горский лишился оставленных в столице денег. Но и тут улучшение наступило по воле императора, который в 1830 г. назначил ему пенсию за долговременную боевую службу в размере 1200 руб. ассигнациями ежегодно[194].

Н. В. Басаргин писал о товарищах, осужденных по VII разряду:

> *В апреле месяце 1828 года последнему разряду сосланных в работу окончился срок (они были осуждены на два года, а в коронацию им убавили еще год), и потому их отправили на поселение. Вот имена отправленных в этот год на поселение: Кривцов, Аврамов 2-й, Чернышев, Лисовский, фон Бриген, Ентальцев, Тизенгаузен, Лихарев, Загорецкий, Черкасов и Выгодовский. Им назначены места для водворения в самых северных частях Восточной и Западной Сибири – в Туруханске, Берёзове и Пелыме*[195].

---

[188] Академик М. В. Нечкина оценивала достоверность этого эпизода невысоко: «Есть даже смутные сведения, что кто-то предлагал принять командование отставному статскому советнику О. В. Горскому, который явился на площадь восстания в военном мундире. Но это указание, ничем серьезным не подтверждаемое, надо принять за чье-то мимолетное предположение, случайно нашедшее отражение в следственном материале» (Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. Изд. 3-е. М., 1985. С. 245).

[189] Имеется единичное утверждение декабриста А. М. Муравьева о том, что подследственный Горский «на вопрос о мотивах, побудивших его вступить в тайное общество, ответил: “Единственно следуя моде”» (Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 98), но в делах Следственного комитета подтверждения ему нет. Также и А. И. Дмитриев-Мамонов ошибочно писал о принадлежности О. В. Горского к «составу Северного общества» (Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 106).

[190] Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 185.

[191] Федоров В. А. Указ. соч. С. 245.

[192] Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 185.

[193] Докладная записка О. В. Горского. С. 209.

[194] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 106–108.

[195] Басаргин Н. В. Указ. соч. С. 137.

«Принадлежавшие к этому разряду были распределены по местам очень северным и наравне неудобным к жизни, как и места, где первоначально были поселены государственные преступники восьмого разряда», – подтверждал И. Д. Якушкин[196]. А. Е. Розен вспоминал:

> *Расстались мы, радуясь за них, что будет им свободнее нас, они – жалея, что покидают нас в узах и за частоколом; но вышло на деле, что нам было лучше, нежели им. Общество умных и честных людей украшает столько же жизнь в тюрьме, сколько общество бездельников может помрачить жизнь на воле. Поселенцам нашим сначала было очень худо в местах отдаленного севера и в одиночестве*[197].

2 июня 1828 г. из Читинского острога в Тобольск прибыли члены Южного общества В. К. Тизенгаузен и В. Н. Лихарев. Спустя два дня первого из них отправили в Сургут. Внезапная смерть Шахирева, после которой не минуло и месяца, обрекала нового сургутянина на одиночество. Связь с товарищами по каторге также не отличалась надежностью. «Сослан в Читу; потом на Петровский завод; наконец поселен в Ялуторовске», – писал о В. К. Тизенгаузене С. Г. Волконский, путая Сургут с забайкальским Петровским заводом[198].

«Фамилия Тизенгаузен (Tiesenhausen) принад-лежит к древнейшим и знаменитейшим в остзейских губерниях», – утверждал генеалог князь П. В. Долгоруков[199] (рис. 5.23). Вильгельм-Сигизмунд, или по-русски Василий Карлович Тизенгаузен (1779/1786–1857), был одним из самых старших среди декабристов, но в тайное общество вступил только в 1824 г. К этому времени он прошел путь от выпускника 1-го кадетского корпуса 1799 г. до ветерана войн со Швецией, Турцией и Францией, полковника и командира Полтавского пехотного полка. Был человеком семейным, воспитывал троих детей. Хотел порвать с обществом, но принявший его С. И. Муравьев-Апостол «на коленях усерднейшим образом просил» остаться. «Знал цель – требовать конституции, а в случае несоглашения на сие задержать государя и всех особ императорской фамилии»[200]. Главная же его роль в заговоре и, соответственно, вина свелись к обеспечению свободы действий служившему под его началом подпоручику М. Бестужеву-Рюмину – правой руке Муравьева-Апостола при подготовке восстания Черниговского полка[201].

В середине июня 1828 г. из Читы в Тобольск были доставлены А. В. Ентальцев, А. И. Черкасов и А. Ф. Бриген. 20-го числа того же месяца казачий хорунжий Ушаров и трое жандармов повезли Ентальцева, Черкасова и задержавшегося в губернском городе Лихарева в Берёзовский округ.

Двое первых были оставлены в самом Берёзове, Лихарева доставили в Кондинское[202]. Бывший подпоручик квартирмейстерской части Владимир Николаевич Лихарев (1803–1840) получал от родни достаточное содержание и в пособии от казны не нуждался. Декабрист Н. И. Лорер так характеризовал товарища:

---

[196] Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 113.

[197] Розен А. Е. Указ. соч. С. 173.

[198] Волконский С. Г. Указ. соч. С. 405.

[199] Российская родословная книга, изданная князем Петром Долгоруковым : в 4 ч. СПб., 1856. Ч. 3. С. 267.

[200] Декабристы : биогр. справ. С. 322.

[201] Киянская О. И. Южное общество декабристов: Люди и события : Очерки истории тайных обществ 1820-х годов. М., 2005. С. 234–236.

[202] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 61, 75, 83.

Лихарев был один из замечательнейших людей своего времени. Он был выпущен из школы колонновожатых… в Генеральный штаб и при арестовании его как члена общества состоял при графе Витте. Он отлично знал четыре языка и говорил и писал на них одинаково свободно, так что мог занять место первого секретаря при любом посольстве. Доброта души его была несравненна. Он всегда готов был не только поделиться, но, что [труднее], отдавать свое последнее[203] (*рис.* 5.24).

Рис. 5.23. Портрет В. К. Тизенгаузена из издания «Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени» (М., 1906)

Рис. 5.24. Портрет В. Н. Лихарева из издания «Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени» (М., 1906)

В истории декабристского движения Лихарев известен прежде всего попыткой вовлечения в тайное общество начальника военных поселений на Юге России генерала И. О. де Витта. История эта обычно описывается как спланированное шпионство графа Витта и его агента А. Бошняка[204]. Однако Ю. М. Лотман полагал, что «Витт, личность грязная во всех отношениях, лелеял далеко идущие планы» и «взвешивал, кого будет выгоднее продать: декабристов правительству или в случае их победы (что он не исключал) правительство – декабристам»[205]. Современный декабристовед О. И. Киянская также допускает, что честолюбец и авантюрист Витт, поступавший в 1809 г. на службу к Наполеону и пытавшийся в 1824 г. вступить в польское Патриотическое общество, всерьез рассматривал возможность союза с декабристами и решился на донос, когда такой союз не сложился[206].

Поручиком квартирмейстерской части служил и Алексей Иванович Черкасов (1799–1855). Происходил он из старинного дворянского и баронского рода, за отцом его в различных

[203] Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 266.

[204] См., например: Шигин В. В. Тайный сыск генерала де Витта. М., 2011. С. 190–214.

[205] Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин : биография писателя. Л., 1981. С. 103–104.

[206] Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб., 2008. С. 110–114.

губерниях числилось свыше тысячи душ[207]. На момент ареста Черкасов находился на съемках Киевской губернии и состоял членом Южного общества. На вопросы следователей отвечал, что войти в тайное общество его побудило «желание видеть в России хорошие законы», что «объявленная цель общества заключалась в том, чтобы дать России конституционное правление» и что «главные черты Конституции были свобода крестьян и Законодательное сословие, собранное от депутатов всего народа»[208]. На поселении в Берёзове он был вполне обеспечен деньгами, получаемыми от отца через Тобольскую губернскую администрацию. К тому же жизнь вел скромную и своего дома не заводил, довольствуясь вместе с Фохтом съемными квартирами.

Сын выслужившегося из купеческих детей чиновника и генеральской дочери Андрей Васильевич Ентальцев (Янтальцев; 1788–1845) вступил в воинскую службу в начале царствования Александра I в 1801 г., воевал с французами в 1806–1807 и 1812 гг. и к моменту ареста был подполковником. В 1815 г. вступил в большую столичную ложу, но масоном оказался неусердным и менее чем через год был исключен за отсутствие на собраниях[209]. «Ентальцев был командиром легкоконной батареи во 2-й армии и Пестелем был принят в члены Южного общества», – писал Н. И. Лорер[210]. Но и в этом обществе Ентальцев большой активности не проявил: «в пользу оного не действовал, на совещаниях не был и не читал ни “Русской Правды”, ни “Катехизиса”, ни прокламаций». Зато знал о намерениях произвести переворот, «покуситься на самую даже жизнь священных особ императорской фамилии» и ввести конституцию[211] (рис. 5.25). У него была жена. А. Е. Розен писал:

> *Александра Васильевна Ентальцева в детстве лишилась родителей своих, не имела детей и поспешила к мужу, чтобы разделить и облегчить его участь. Ей приходилось только несколько месяцев быть с нами в Чите, потому что муж ее, приговоренный в каторжную работу на один год, в скором времени уехал от нас. Поселение в первые годы было для них гораздо хуже, им назначено было жить в Берёзове, где холод, бесконечные ночи мало согревали и мало освещали жизнь изгнанников*[212].

Супруга привезла в Сибирь трех дворовых людей (лишенный дворянства муж не мог владеть крепостными) и получала от казны ежегодное пособие в размере 250 руб. ассигнациями. Родня мужа также присылала деньги, так что Ентальцевы смогли купить деревянный дом в три комнаты и даже помогали бедным жителям северного края[213]. Княгиня М. Н. Волконская писала, что ее соратница по подвигу декабристок Ентальцева «была умна, прочла все, что было написано на русском языке», и «предана душой и сердцем своему угрюмому мужу»[214].

Фохт, Черкасов и Ентальцевы составили в Берёзове тесный дружеский круг, в который не входил и даже противостоял ему Осип Горский. Спустя много лет в 1852 г. с А. И. Черкасовым познакомился А. И. Бороздин, оставивший беллетризованные и отчасти написанные

---

[207] См. об этом: Корнющенко Д. И., Макеева Е. Д. Род Черкасовых в истории России XVII–XX столетий: историко-генеалогическое исследование. М., 2008.

[208] ВД. Т. 13. С. 67.

[209] Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 : энцикл. словарь. М, 2001. С. 325, 1056.

[210] Лорер Н. И. Указ. соч. С. 142.

[211] Декабристы : биогр. справ. С. 344–345.

[212] Розен А. Е. Указ. соч. С. 167.

[213] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 61–62.

[214] Записки княгини М. Н. Волконской. Чита, 1956. С. 84.

от имени декабриста воспоминания. Об отношениях кондинских ссыльных там, в частности, говорится:

> *С Грабе-Горским встречались мы нечасто, жил он особняком; мы обменялись визитами и затем друг у друга не бывали. Слышали мы, что он что-то все пишет, беспрестанно бывает у городничего, с ним видали его ходящего по улицам, что он со всеми чиновниками в городе перезнакомился, бывал у них, и они у него бывали. <…> Грабе-Горский, промахнувшийся с удовлетворением своего честолюбия на Сенатской площади, не промахнулся тут: с первых же дней своего сюда прибытия он повел искусную и терпеливую осаду городничего-бога, пустил в ход лесть, унижение, низкопоклонство, словом, весь арсенал польского иезуитизма и наконец взял его приступом. Полуграмотного и полупьяного солдата было немудрено обойти разными баснями. Он ему рассказал о явном с ним недоразумении суда, в исправлении которого он не сомневался, и начал строчить через него же, городничего, пространные объяснения на Высочайшее имя, прося пересмотреть дело его как невинно осужденного. <…> Влиянием своим он не упустил воспользоваться ко вреду нашему; как человек несомненно благонамеренный, он обратил внимание прежде всего на подозрительный наш род жизни и занятий. Один занимается бесплатным обучением детей, другой слесарничает, и тоже не за деньги; когда прикочевывали сюда зимой инородцы… с ним знакомились, писали им какие-то бумаги, ничего за то не брали. Господь их знает, чему они там учат и что замышляют; но только тут что-то нечисто. Городничему нужно быть очень осторожным с этими людьми: замышляли они крупное дело, и как бы и тут с ними не наплакаться*[215].

Рис. 5.25. Портрет А. В. Ентальцева из издания «Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени» (М., 1906)

Александр Федорович фон-дер Бриген (Бригген; 1792–1859) был отправлен из Тобольска в Пелым 20 июня 1828 г. в сопровождении урядника Баедного и жандарма[216]. Род фон Брюгген (von Brüggen) был известен в Вестфалии и Рейнской области с XII в., то есть со времени появления германских фамилий как таковых. С XVI в. его отпрыски числились вассалами Ливонского ордена, затем были подданными Курляндского герцогства (рис. 5.26). В 1784 г. отец декабриста перешел на русскую службу, и, вероятно, тогда небрежением писаря фамилия Brüggen оказалась переиначена в Бриген[217]. Немец по отцу и русский

---

[215] Бороздин А. И. Мое знакомство с декабристом бароном Черкасовым // Нива : иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1887. № 11. С. 286.

[216] Брайловский С. Н. Из жизни одного декабриста // Рус. старина. 1903. Март. С. 545; Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 32, 88. В литературе имеется несколько версий времени прибытия А. Ф. Бригена в Пелым: от очевидно ошибочной даты 20 июня (Рощевский П. И. Указ. соч. С. 26) до конца июня (Брайловский С. Н. Из жизни. С. 545) и 23 июля 1828 г. (Декабристы : биогр. справ. С. 30).

[217] Понамаренко А. А. Родословная декабриста А. Ф. Бриггена по родовым книгам герцогства Курляндия // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2010. С. 11–13. Вариант «фон Брюггены» также утвердился в русском написании, но для иных ветвей разросшегося балтийского рода (Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 207).

по матери, Александр Бриген вступил в службу в лейб-гвардии Измайловский полк в 1808 г. При Бородино получил контузию и заслужил золотую шпагу за храбрость, в Кульмском сражении был ранен в голову и заслужил Железный крест. Измайловцем он числился вплоть до своей отставки в 1821 г. (рис. 5.27). Официальное обоснование отставки («за болезнию») малоубедительно. В литературе выдвинуты две версии того, почему 29-летний полковник захотел или был вынужден оставить службу. Первая объясняет отставку женитьбой на дочери сенатора Софье Миклашевской в 1820 г.[218] Вторая – запиской о тайном обществе, поданной императору А. Х. Бенкендорфом в 1821 г., в которой Бриген был отнесен к лицам, которых «никогда не должно упускать из вида»[219].

Рис. 5.26. Герб рода фон дер Бриген (Бригген/Брюгген). Из кн. А. Купцова «Судьба декабриста». Изображение с сайта «Самиздат». http://samlib.ru/k/kupcow_a_e/d2.shtml

Идейные искания привели А. Ф. Бригена к членству в русских и прусских масонских ложах, в «Духовном союзе» Е. Ф. Татариновой, наконец, в декабристских организациях – Союзе благоденствия и Северном обществе. В 1825 г. в Петербург прибыл с Кавказа капитан А. И. Якубович, в тайных обществах не состоявший, но заявивший северным заговорщикам о своем намерении посягнуть на жизнь императора. По поручению К. Ф. Рылеева Бриген встречался в Киеве и обсуждал сложившуюся ситуацию еще с одним руководителем «северян» – князем С. П. Трубецким, а также с лидерами Южного общества. «Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели оного», – гласил вывод о нем следственной комиссии[220].

Ко времени ареста Бригена у них с женой было уже трое маленьких детей – Мария, Михаил и Анастасия. На первом дозволенном свидании в Петропавловской крепости 1 июня 1826 г. арестант узнал, что его 22-летняя жена находится на предпоследнем месяце беременности. Нареченную Любовью новорожденную отец до отправки в Сибирь видел только раз. 25 октября 1828 г. генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф уведомил управляющего министерством юстиции князя А. А. Долгорукова, что «жена… поступившего в апреле месяце из каторжной работы на поселение в Пелым фон-дер Бриггена, желая отправиться к нему, просит разрешения, может ли она взять с собой четырех своих детей». Долгоруков отвечал 15 ноября, что «закон не возбраняет невинной жене по привязанности к мужу следовать за ним; но в сем случае по § 231 Устава о ссыльных она

> *…не прежде может вступить в брак или возвратиться к родственникам своим, как по смерти мужа, с которым по собственной воле разделила ссылку, о временном же посещении женами мужей ссыльных в законах нет постановления. Что же касается до детей, то*

[218] Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 359, 360–361; Мартынова Н. Ф. Софья Михайловна фон дер Бригген – жена декабриста // 14 декабря 1825 года : Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 5. СПб. ; Кишинев, 2002. С. 312–315.

[219] Бенкендорф А. Х. Записка о Союзе благоденствия, представленная Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 186; Тальская О. С. Александр Федорович Бриген // Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 41; Экштут С. А. В поиске исторической альтернативы : Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994. С. 81.

[220] Шкерин В. А. Уральский след декабриста Бригена. М. ; Екатеринбург, 2016. С. 14–60.

оным дозволяется следовать за отцами, ежели последние были крестьяне государственные или помещичьи… но сие постановление не может быть распространено на детей дворянских… в том уважении, что дети сии, принадлежа к высшему сословию в государстве, должны получить приличное роду их образование для вступления со временем в службу[221].

Решиться на разлуку с детьми Софья Бриген не смогла. Не-реализованное же ее намерение стало семейной легендой, в поэтической форме переданной правнуком этой четы российским вице-консулом в Египте (до 1917 г.) И. П. Умовым:

О, день злосчастной памяти – четырнадцатый день!
Под шорох снежной замети, вдоль черных деревень,
Подобно стольким странникам, страны изведав ширь,
К свиданию с изгнанником Вы ехали в Сибирь…[222]

Рис. 5.27. С. П. Шифляр. Офицер лейб-гвардии Измайловского полка в повседневной форме образца 1817 г. Рисунок. 1830. Государственный Эрмитаж. № в ГК 4705617. Изображение с сайта «Госкаталог.рф». https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4746039

Не сумев приехать к мужу, С. М. Бриген высылала ему ежегодно по 1 тыс. руб. ассигнациями и, помимо этого, единовременно снабдила суммой, достаточной для возведения деревянного трехкомнатного дома и хозяйственных построек.

В самом начале пелымской ссылки А. Ф. Бригена в июле 1828 г. отдельный заседатель изъял у него ружье, порох и дробь, о чем донес тобольскому губернатору[223] (рис. 5.28). Губернатор послал запрос генерал-губернатору И. А. Вельяминову о праве государственных преступников владеть огнестрельным охотничьим оружием. Для поселенцев отдаленных уголков Сибири вопрос не праздный: из хлебозапасных магазинов выдавали лишь муку, крупу и соль. Вельяминов переадресовал вопрос в Петербург. Ответ графа А. И. Чернышева был неутешителен: император повелел «всем вообще государственным преступникам, на поселение сосланным, воспретить иметь огнестрельное оружие»[224].

1828 г. стал временем, когда на Тобольском Севере собрались все десять сосланных сюда декабристов (Шахирев в том же году умер). В начале следующего года для наблюдения «за образом жизни, связями и направлением духа» государственных преступников в То-

[221] Переписка между ген.-адъют. Бенкендорфом и управляющим М-вом Юстиции князем Долгоруковым по поводу объявленного женами декабристов Шаховского и фон-дер Бриггена желания ехать к мужьям их / публ. Н. А. Мурзанова // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1905. Вып. 4. С. 5–6.

[222] Мартынова Н. Ф. Правнук декабриста Иван Умов // Мера. СПб., 1996. № 1 (11). С. 155–163.

[223] Кто именно послужил адресатом донесения пелымского заседателя, не вполне ясно. По мнению А. И. Дмитриева-Мамонова, это был тобольский губернатор Нагибин (Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 23). Однако В. А. Нагибин был назначен на этот пост сенатским указом только 17 августа 1828 г. Его предшественник Д. Н. Бантыш-Каменский был уволен в отставку 30 июля, но еще весной убыл из Тобольска в Петербург (Сибирские и тобольские губернаторы. С. 198, 208).

[224] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 23–24.

больскую губернию прибыл жандармский полковник А. П. Маслов[225]. Ветеран трех войн, награжденный золотой шпагой за храбрость, проявленную в Лейпцигской «битве народов», дал в своих отчетах откровенную картину увиденного. Так, он писал Бенкендорфу, что Вранцикий и Бриген водворены на поселение «в отдаленном крае, обитаемом вогуличами и окруженном тундрами и болотами, препятствующими почти во всякое время года сообщению, даже промышленники редко проникают в сии пустыни». При этом на Враницкого ссылка уже воздействовала самым разрушительным образом:

> *Сей преступник повергнут в столь крайнее расслабление и уныние, что он с трудом оставляет постель. Пища его состоит только из черного хлеба и кваса. <…> Враницкий никогда не просит пищи, и когда хозяйка не приносит ему хлеба, он по целым суткам ничего не ест*[226].

Рис. 5.28. Портрет А. Ф. Бригена из издания «Декабристы. 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени» (М., 1906)

Подобным же образом Маслов отозвался о Тизенгаузене, отметив, что не только его физическое здоровье, но и его умственные способности ослаблены болезненными припадками[227]. О Горском же, напротив, высказался резко: «Статский советник Горский, сосланный в Берёзов, строптивым характером своим обратил на себя общее негодование жителей»[228].

Очевидно, что не без сочувственных отзывов полковника Маслова начались с 1829 г. переводы декабристов в более южные города Тобольской губернии.

Первым уехал В. К. Тизенгаузен. В Сургуте он провел всего несколько месяцев, ходатайство его о переводе в местность с более мягким климатом рассматривалось в столице уже в ноябре 1828 г. После подтверждения Масловым расстроенного здоровья Тизенгаузена он был отправлен на лечение в Тобольск, куда добрался 4 апреля 1829 г. Николай I распорядился «только до восстановления здоровья преступника Тизенгаузена пользовать в Тобольске, но не иначе, как под арестом, когда же он получит совершенное облегчение, то назначить ему местожительство южнее Тобольска». 27 мая Тизенгаузен выехал из Тобольска к новому месту поселения – в Ялуторовск[229] (рис. 5.29). В 1829 г. покинуть Берёзов было позволено Ентальцеву и Фохту.

За А. В. Ентальцева просила его сестра Екатерина Васильевна, бывшая замужем за артиллерийским офицером В. Х. Сикстелем (позднее – георгиевским кавалером и генералом,

---

[225] Румянцев П. П. Первые жандармские штаб-офицеры в Иркутской губернии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2020. Т. 33. С. 6–7.

[226] Чукарев А. Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М. ; Жуковский, 2005. С. 380.

[227] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 79.

[228] Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 186.

[229] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 79.

в дивизии которого в 1854 г. служил Лев Толстой[230]). 29 ноября 1829 г. Бенкендорф известил Вельяминова, что государь благосклонно отнесся к просьбе госпожи Сикстель и повелел переселить ссыльного в местность с более мягким климатом. Вельяминов определил новым местом ссылки тот же Ялуторовск, но собраться в дорогу Ентальцевым удалось не вдруг: нужно было распорядиться домом и дождаться вскрытия рек. В Тобольск они прибыли лишь 8 июля 1830 г. и в последний день того же месяца продолжили путь в Ялуторовск[231].

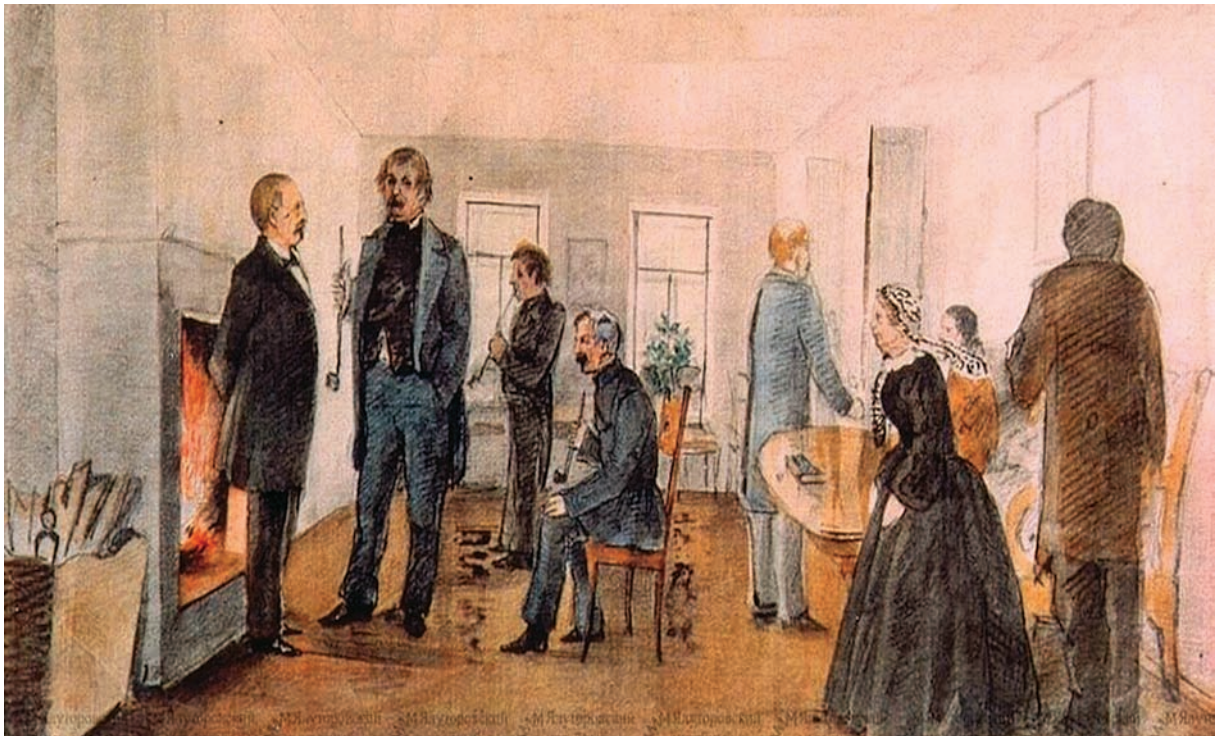


Рис. 5.29. Комната в доме декабриста И. И. Пущина в Ялуторовске. Рис. М. С. Знаменского. Ялуторовский музейный комплекс. Третий слева – В. К. Тизенгаузен. Изображение с сайта Правительства Тюменской области. https://admtyumen.ru/ogv_ru/news/subj/more.htm?id=11840022@egNews

По свидетельству полковника Маслова, И. Ф. Фохт в Берёзове помогал местному врачу и занимался токарной работой. Примерно о том же писал от имени Черкасова и А. И. Бороздин, обозначавший Фохта литерами «NN»: «Товарищ мой умел точить и работать напильником, он добыл себе кое-какие инструменты и стал этим заниматься; у него появились заказы разных починок, и вскоре уголок его принял вид мастерской»[232]. Ни семьей, ни домом Фохт не обзавелся, но и его Берёзов отпустил не сразу. Генерал-губернатор И. А. Вельяминов сообщил тобольскому губернатору В. А. Нагибину о монаршем дозволении на перевод Фохта в Курган 21 декабря 1829 г. Однако здоровье 35-летнего ссыльного было настолько подорвано, что в Тобольск его доставили лишь через год – 31 декабря 1830 г. и поместили в больницу Приказа общественного призрения. Из Тобольска в Курган он был отправлен 8 марта[233].

---

[230] Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М., 1928–1958. Т. 47. С. 3, 250.

[231] Декабристы : биогр. справ. С. 66; Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 61.

[232] Бороздин А. И. Указ. соч. С. 286.

[233] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 44.

Ентальцевы и Фохт еще оставались в Берёзове, когда 22 марта 1830 г. граф А. И. Чернышев уведомил И. А. Вельяминова, что император, снизойдя к просьбе матери преступника, повелел «перевесть Лихарева из Кондинска в другое место, более на юг, по усмотрению генерал-губернатора Западной Сибири, где бы климат, более умеренный, не столько вредил его здоровью»[234]. Новым местом ссылки декабриста Вельяминов избрал Курган.

У В. И. Враницкого родни в России не было, просить за него было некому. Между тем пелымский отдельный заседатель Тихонов писал Вельяминову еще в октябре 1827 г., что Враницкий

> *…по болезненному состоянию с трудом встает с постели, в пищу употребляет ломоть черного хлеба с квасом в сутки, и то когда принесут, сам, если не подадут, хотя бы более суток прошло уже, не попросит; других припасов покупать не приказывает и денег на сие не выдает, а когда его спросят: не угодно ли чего-нибудь? – то от него услышат лишь отзыв: сами знаете, – а более ни слова*[235].

«Бригген тщетно старался его развлекать и поддерживать», – писал о Враницком А. Е. Розен[236]. Сам Бриген сообщал жене письмом от 1 сентября 1830 г., что получил от сестры «8 фунтов чаю, из них 1½ отдал Враницкому»[237]. Старый знакомый Враницкого граф Петр Станислав Мошиньский, арестованный в 1826 г. и сосланный в начале 1830 г. в Тобольск, уже летом просил Бенкендорфа о дозволении ежегодно перечислять по 1 тыс. руб. как самому Враницкому, так и его отцу в Прагу. По этому вопросу Бенкендорф подал в августе докладную монарху, на которой было высочайше начертано: «Собственно от них зависит»[238].

В том же августе решился и вопрос о переводе Враницкого. Инициатором перевода выступил губернатор Нагибин, писавший Вельяминову о жалком положении пелымского поселенца. Вопрос пошел по инстанциям, и 20 марта 1830 г. Бенкендорф сообщил Вельяминову о монаршей резолюции: «Перевести Враницкого в другой город, поюжнее»[239]. Таким городом для больного чеха стал Ялуторовск, где и завершился земной путь страдальца на исходе 1832 г. Могила его не сохранилась, но в 1992 г. на старом городском кладбище в память о декабристе был установлен монумент – белый скорбящий ангел.

В декабре 1830 г., когда Ентальцевы уже обосновались в Ялуторовске, купив у мещанина Минаева небольшой дом, на декабриста поступил донос. Аноним сообщал, что А. В. Ентальцев в период своего пребывания в Берёзове совместно с протопопом Вергуновым составил торговую компанию, для чего выдал компаньону 8 тыс. руб. ассигнациями. И что якобы эта торговля не прекратилась даже после отъезда Ентальцева, сообщение декабриста с благочинным продолжается через нарочных. Берёзовский протоиерей Иоанн Вергунов происходил из старинного священнического рода, известного на Тобольском Севере с XVII в.[240] Иоанн Иоаннович Вергунов как местный уроженец знал остяцкий

---

[234] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 83.

[235] Там же. С. 38–39.

[236] Розен А. Е. Указ. соч. С. 280.

[237] Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 101.

[238] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 204–205.

[239] Там же. С. 39.

[240] Цысь О. Православные приходы Тобольского Севера в XIX – начале XX вв.: основные этапы и особенности развития // Вестн. Нижневартовск. гос. ун-та. 2017. № 2. С. 62.

язык и после учреждения в 1818 г. Тобольского отделения Библейского общества вместе со священником Федором Карповым перевел Евангелие от Матфея и «Десятослов»[241]. Для торговли с туземным населением такой человек был бы весьма полезен, да и торговлей, ростовщичеством некоторые декабристы в Сибири занимались[242]. Вельяминов поручил председателю Тобольского губернского правления П. И. Кириллову[243], находившемуся в тот момент в Берёзове, проверить обоснованность доноса. Проведя «строгое розыскание», Кириллов отвечал 23 января 1831 г., что «все берёзовские жители любили Ентальцева и его жену по характеру и по поведению их без всяких корыстных целей, и никто торговых связей с ними не имел». И добавлял, что жители любят и оставшегося в Берёзове государственного преступника Черкасова, а вот статского советника Горского «избегают по строптивости его»[244].

Такое добавление прозрачно намекало, кто мог сочинить анонимный донос. Отъезды из Берёзова сначала Ентальцевых, а затем Фохта весьма обеспокоили Горского. В начале 1831 г. он послал Вельяминову прошение о переводе, в котором использовал свой обычный набор аргументов: что он «непричастен ни к какой другой вине, как только к неосторожности», что на мятежной площади «едва не был заколот Щепиным-Ростовским»[245], а ранее при защите отечества «неприятельскими пулями был изувечен, сделался страдальцем на всю жизнь» и т. п.[246] Позднее, бравируя перед Н. В. Басаргиным, Горский уверял, что прошения писал не он: «В Берёзове я жил без всяких средств. Жена и дочь хлопотали, чтобы меня оттуда перевели, и наконец через два года они успели выхлопотать мой перевод в Тару»[247]. 15 апреля Бенкендорф известил Вельяминова, что государь повелел перевести Горского в один из уездных городов Тобольской губернии[248]. В тот же день и, очевидно, не ведая благой для него вести, Горский писал Бенкендорфу, что располагает чрезвычайными сведениями и просит вызвать себя в Петербург для личных объяснений. Шеф III отделения на уловку не поддался и предложил изложить эту информацию на бумаге[249].

На таком фоне состоялся перевод Горского. 21 июня 1831 г. квартальный надзиратель Князьков доставил его в Тобольск, где мнимый князь задержался для лечения и 7 августа прибыл в Тару. Уже из Тары он сообщил свои чрезвычайные сведения Бенкендорфу:

> *Будучи в Берёзове в среде сосланных туда Ентальцева, Черкасова и Фохта… сначала слушал с притворною терпеливостью нелепые и самые дерзкие их разговоры, вошел к ним*

---

[241] Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 1. Архипастыри Тобольской епархии. Омск, 1892. С. 97; Цысь О. П. Участие духовенства Тобольского Севера в переводе «Устава об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. Нижневартовск. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 69.

[242] Бойко В. П. Предпринимательская деятельность декабристов в сибирской ссылке: теоретический и практический аспекты // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2009. № 3 (7). С. 113–121.

[243] А. И. Дмитриев-Мамонов ошибочно именовал председателя губернского правления Корниловым (Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 62–63, 89). В действительности этот пост занимал статский советник Петр Иванович Кириллов (Сибирские и тобольские губернаторы. С. 218–219).

[244] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 62–63.

[245] Штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка князь Д. А. Щепин-Ростовский не состоял в тайном обществе, но принял активное участие в восстании 14 декабря 1825 г., ранив двух генералов, полковника, унтер-офицера и гренадера. Ранение им О. В. Горского – очевидная выдумка.

[246] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 108–109.

[247] Басаргин Н. В. Указ. соч. С. 198.

[248] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 110.

[249] Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 187.

в доверие и, сколько мог, узнал их преступный и дерзкий их образ мыслей, обнаруживающий озлобление и ненависть к правительству и ко всему существующему законному порядку.

Досталось тут и протоиерею Вергунову, который учинил «тесную связь с государственным преступником и от которого посему можно ожидать всего дурного», как то торговли с остяками и вогулами, неприличных разговоров, незаконных венчаний и пр. «Для проверки путем дознания о действительности существования в Сибири мятежнического духа, гнездящегося в государственных преступниках», Вельяминов командировал в Берёзов на исходе 1831 г. чиновника особых поручений Палашковского. В марте 1832 г. чиновник рапортовал, что изложенные в доносе сведения в основном не подтвердились и что от берёзовских обывателей «он более всего наслушался о плохой репутации самого Горского, отличающегося таким беспокойным нравом, что его называют страшным человеком и именем его пугают детей»[250].

В Берёзове, щедрее иных северных городов населенном декабристами, остался теперь только Черкасов. В начале 1832 г. он ожидаемо запросил у Вельяминова «перевода в один из южных городов Тобольской губернии, и предпочтительнее в Курган или Ишим». О том же просил генерал-губернатора и отец декабриста: «Слабое состояние сего страдальца не может снести суровости климата места его пребывания». В августе обдорский врач Петелин подтвердил, что Черкасов подвержен меланхолии, тоске и, «по всем признакам, страдает воспалением печени и селезенки». Сведения об этом пошли на самый верх, и 30 ноября Бенкендорф уведомил Вельяминова, что государь согласился на перевод Черкасова в Ялуторовск. Сам переезд пришелся уже на новый 1833 г.: 23 февраля декабрист был доставлен из Берёзова в Тобольск, и 4 марта – в Ялуторовск[251].

Дольше всех из сосланных декабристов на Тобольском Севере оставались А. Ф. Фурман и А. Ф. Бриген.

30 октября 1832 г. исполняющим обязанности тобольского губернатора был назначен Александр Николаевич Муравьев, стоявший у колыбели декабристского движения. Он основал Союз спасения и был деятельным членом Союза благоденствия, но отказался от нелегальной деятельности после женитьбы. В 1826 г. Муравьев был осужден по VI разряду и по конфирмации выслан в Сибирь без лишения чинов и дворянства (его товарищ по разряду, один из основателей Общества соединенных славян Юлиан Люблинский, отбыл три года каторги). «Скоро думаю отправиться ревизовать губернию, что продолжится около 1½ месяца, потом после Нового года располагаю… ехать на оленях в Берёзов и Обдорск и там произвести ревизию», – писал А. Н. Муравьев в частном послании князю В. М. Шаховскому 5 ноября 1832 г.[252] В январе 1833 г. Муравьев отбыл в обещанную поездку по Берёзовскому, Обдорскому и Сургутскому округам, во время которой «к нему стекались жалобы и прошения, на которые губернатор реагировал незамедлительно»[253]. Одно из этих прошений было подано А. Ф. Фурманом, просившим даже не о переводе из Кондинского, а всего лишь о поездке в Тобольск для исполнения треб по евангелическому обряду. Муравьев

---

[250] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 63–65, 110.

[251] Там же. С. 75–77.

[252] Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 306.

[253] Бочанова Т. А. Административная деятельность декабриста А. Н. Муравьева в Западной Сибири // Материалы XXI Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1985. С. 37; Сибирские и тобольские губернаторы. С. 224.

ходатайство поддержал, но Вельяминов воспротивился. Стремление посетить губернский город, вероятно, обусловливалось не столько религиозным чувством Фурмана, сколько необходимостью узаконить отношения с Марьей Петровной Щепкиной, с которой он прижил детей, но не мог обвенчаться из-за отсутствия протестантского храма в Кондинском. Умер декабрист 8 марта 1835 г. В духовном завещании он просил родных оплатить долги из своей доли отцовского наследства, а оставшиеся деньги отдать вдове и детям. Что и было исполнено[254].

1 сентября 1830 г. А. Ф. Бриген писал жене:

> *Благодаря и тысячу раз благодаря книгам, посланным тобою, большая часть дня проходит очень хорошо в чтении, небольшая часть дня посвящена прогулкам, чтобы дать немного движения телу. Я очень люблю бывать на воздухе, погода стоит хорошая, я иду на свою лестницу, построенную в виде балкона, и оттуда, устав от чтения, гляжу на берега* Пелымки, *очень живописные. Так как в* Пелыме *я живу совсем один, без общества, то мне пришлось привыкнуть разговаривать с самим собой, со своим воображением и чувствами. Эта скука, которой было бы достаточно, чтобы раздавить кого-либо другого, легко переносится мною, и я могу благодарить Бога за высокую организацию, которой он меня наделил*[255].

Однако как Бриген ни бодрился, Пелым губил его, как и Враницкого. В 1831 г. председатель губернского правления Кириллов, выполнявший тогда обязанности тобольского губернатора, писал генерал-губернатору, что здоровье Бригена настолько расстроено суровым климатом, что и этот ссыльный перестал выходить из дому. Вельяминов направил Бенкендорфу ходатайство о переводе Бригена в иную местность Тобольской губернии. Николай I де-факто отказал, кивая на события в Польше («Начали все проситься, надобно быть осторожнее в согласии на это, в особенности ныне»), о чем шеф жандармов уведомил генерал-губернатора 29 июня 1831 г.[256]

Оказавшийся на губернаторском посту А. Н. Муравьев не чурался былых товарищей – «государственных преступников»: встречался в Ялуторовске с А. В. Ентальцевым, В. К. Тизенгаузеном и А. И. Черкасовым, добился возвращения на родину П. С. Мошиньского и вновь поставил вопрос о переводе А. Ф. Бригена[257]. Вельяминов, получив ходатайство Муравьева с подтверждающим болезнь Бригена медицинским свидетельством, вторично просил Бенкендорфа не оставить вниманием пелымца поневоле. На этот раз шеф жандармов генерал-губернатору даже не ответил. Вместо этого Бенкендорф поставил Муравьеву «на вид неуместность» его ходатайства, ибо государь «по собственному милосердному побуждению непрестанно оказывает им (декабристам. – *Авт.*) облегчение их жизни даже сверх меры, ими заслуженной, не ожидая ни представлений, ни домогательств о сем»[258].

«Высокая организация», которой хвалился Бриген, оказалась бессильна против сырого климата, торфяной воды и недоброкачественной пищи, но от скуки душевного одиночества спасала. А. Е. Розен вспоминал о товарище:

---

[254] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 59–60.

[255] Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 100.

[256] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 89.

[257] Герасимова Ю. И., Думин С. В. Декабрист Александр Николаевич Муравьев // Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 43.

[258] Там же. С. 43.

Иногда бывало грустно ему, но скучно – никогда; он имел множество умственных занятий. Я сохранил несколько занимательных писем его, писанных мне из Пелыма; в одном из них описывает он жизнь Миниха, томившегося там в изгнании двадцать один год в продолжение всего царствования императрицы Елизаветы. Подробности о том слышал он от детей очевидцев[259].

Результаты своих исторических изысканий Бриген изложил в двух письмах от 15 ноября 1833 г., адресованных А. Е. Розену и Н. И. Лореру в Курган[260].

«Я застал здесь 110-летнего старика, который у Миниха живал в услужении, от него много узнал как о самом Минихе, так и о его супруге», – писал Бриген и называл имя: «старик Казанцев»[261]. Старожил не впервые рассказывал заезжим людям о Минихе: в январе 1826 г. Пелым посетил тобольский чиновник Найденов, которому Антон Васильевич Казанцев представился 130-летним старцем. Содержание его рассказа было передано Вельяминову и в 1842 г. опубликовано в одном из столичных журналов[262]. Помимо Казанцева, Бриген упоминал и других пелымских старожилов, знавших Б. К. Миниха. «Нынешнего году умерла здесь старушка Пономарева, которая жила у ней (супруги Миниха Барбары-Элеоноры. – *Авт.*) в прислугах», – писал он товарищам. Сообщал еще об одном пелымце, увезенном в 1762 г. Минихом в Петербург, а после вернувшемся и умершем «года два тому назад», то есть уже при Бригене. Однако на этих стариков ни декабрист, ни чиновник не ссылались: вероятно, память их не была столь ясна, как у Казанцева. «Со смерти Казанцева не стало более современных свидетелей эпохи Миниха; нынешние же жители мало заботятся о том, что было прежде», – констатировал Бриген, величая себя «единственным хранителем» исторических преданий Пелыма[263].

В 1833 г. был учрежден VII (Сибирский) округ Корпуса жандармов с центром в Тобольске. Первым начальником округа стал уже знакомый ссыльным декабристам полковник А. П. Маслов[264]. «В это время я был в переписке с хорошим приятелем моим А. Ф. Бриггеном, поселенным в Пелыме, и постоянно уговаривал его проситься к нам в Курган», – вспоминал Н. И. Лорер[265]. «Прошу сказать нашим сотоварищам, что если б имел крылья, то вместо письма сам бы прилетел в Курган и их всех обнял», – отвечал Бриген Лореру, да и Розену заодно[266]. 9 марта 1835 г. Маслов писал Бенкендорфу о том, что Бриген «совершенно расстроил свое здоровье в Пелыме», что он раскаялся и отличается наилучшим поведением. 30 ноября 1835 г. Бенкендорф уведомил нового генерал-губернатора Западной Сибири Н. И. Сулиму о монаршем дозволении на перевод Бригена, после чего Сулима спрашивал Бригена о том, куда именно он желает перебраться. Так Бриген последним из ссыльных декабристов получил возможность покинуть Тобольский Север и 14 марта 1836 г. прибыл в Курган[267].

---

[259] Розен А. Е. Указ. соч. С. 221–222.

[260] Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 101–109; Граф Миних в Сибири : (Письмо декабриста А. Ф. Бригена к декабристу А. Е. Розену). Сообщ. П. Майков // Рус. старина. 1900. Т. 101. № 1. С. 225–228.

[261] Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 106; Граф Миних. С. 225–226.

[262] Воспоминания пелымского старожила. Запись Найденова // Маяк современного просвещения и образованности. 1842. Т. 2, кн. 4. Отд. «Замечатель». С. 85–89.

[263] Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 103–104, 105, 107, 108; Граф Миних. С. 227, 228.

[264] Румянцев П. П. Начальники жандармского округа в Сибири: социальный портрет // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 1. С. 95.

[265] Лорер Н. И. Указ. соч. С. 170.

[266] Бриген А. Ф. Указ. соч. С. 105, 109.

[267] Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 106; Тальская О. С. Александр Федорович Бриген. С. 52.

Появление в югорских уездах в XVIII и в первой трети XIX в. политических ссыльных стало своеобразным значительным событием в истории края. Могущественные вельможи, вершившие судьбы страны и в известной степени Европы, оказавшиеся в качестве узников в острогах Берёзова и Пелыма, самим фактом своего пребывания в этих краях поневоле связали отдаленную провинцию с ее замкнутой и небогатой на события жизнью с большой историей страны и стали ярким воспоминанием в коллективной памяти старожилов, источником легенд. Примечательны организация быта былых повелителей России в ссылке, их поведение в отношении друг к другу и к местным жителям, зависевшие от моральных и интеллектуальных качеств и особенностей характера сосланных. Некоторые представители «второго поколения» политических ссыльных – участников декабристского движения – выступили в роли первых историков своих предшественников, заложив начало историографической традиции политической ссылки на Обском Севере, продолженной в дальнейшем как последующими поколениями ссыльных, так и профессиональными историками.

Заключение

Чем стал для Югры XVIII в.? Какой она была в XVIII в. в контексте сибирской и российской истории? Что хотим и можем увидеть мы, сегодняшние, в истории края XVIII столетия?

Самый общий взгляд на югорский XVIII в. уверяет нас, казалось бы, в очевидном: это время, бедное на события, это несобытийная история. Но что понимать под событием? И не с событийной ли историей, борьбу с которой начинали еще на заре прошлого века основатели школы «Анналов»[1], без сожаления расстаются современные историки, по крайней мере, та их часть, которая пытается формировать новейшие исследовательские тренды? Сегодня, когда полемический пыл на предмет того, как «надо писать историю», поугас («пишут кто как, как кому удобнее и привычнее»[2]), в эпоху, преодолевшую и казарменную цельность методологического (или идеологического?) «монизма», и прелести постмодерна – преодолевшую, но, конечно, не изжившую, – югорский XVIII в. дает хороший материал для очередных размышлений на тему о том, что такое история. И прежде всего мы имеем в виду историю как объект, вид реальности, а не историческое знание или вид текста[3].

Если рассматривать историю в ее объектной ипостаси, как процесс, ход развития чего-либо, то среди главных ее характеристик следует обозначить динамику и интенсивность, то есть изменения явлений и состояний в определенной временной длительности и количество изменений за определенный временной период. С этой точки зрения история Югры XVIII в. на фоне, например, истории ряда регионов Европейской России того же периода или в целом европейского XVIII в. обнаружит крайне низкую динамику и интенсивность. Но не качество! В исследованный нами период в крае произошли очень глубокие изменения практически во всех областях жизни. Едва ли заметные современникам, они отчетливо видны в масштабах столетия.

---

[1] Событийная история как сборник исторических анекдотов, как описание череды выдающихся лиц и их деяний, «картинная история», подменяющая и вытесняющая живую динамику и многогранность человеческой деятельности, это один из объектов критики молодого поколения историков, положивших начало новой исторической науки. См., в частности: Февр Л. История современной России. За синтез против «картинной истории» // Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича, Ю. Н. Стефанова ; ст. А. Я. Гуревича ; коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 1991. С. 62–71.

[2] Уваров П. Ю. История, историки и историческая память во Франции // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2013. С. 33. Хотя в статье идет речь о современном французском историописании, сказанное во многом вполне применимо и к российским реалиям.

[3] О полисемантическом характере слова «история» подробнее см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. С. 13–16.

Завершился этап «острожной» колонизации. Окончательно ушли в прошлое политические образования аборигенного населения. Произошла массовая, затронувшая не только социальную верхушку местных народов христианизация. Эти процессы повлекли за собой масштабные изменения социальной стратификации как коренного, так и русского старожильческого населения. XVIII в. показывает массовые переселения обско-угорских народов в границах региона и за его пределами, эволюцию родовой организации и формирование новых локальных обществ; разрушение структуры «служилого города», трансформацию категории русских служилых людей (и раньше отличавшейся необыкновенной социальной пластичностью) в иные социальные категории. При незначительном притоке русских из других регионов служилые городов и острогов Обского Севера дали начало практически всем новым стратам местных старожилов: посадским, крестьянству, купечеству, духовенству.

Не менее значимыми, хотя тоже заметными лишь в длительной динамике оказались перемены в формах хозяйствования. Истощение пушных промыслов и изменения в ясачной политике, необходимость продовольственного снабжения отдаленных и «бесхлебных» северных уездов, поиск всеми группами населения механизмов экономической адаптации и прочие процессы стимулировали товарно-денежные отношения внутри- и межрегионального характера. Через ярмарочный торг и товарообмен, через операции поставки продовольствия и выявления новых, оказавшихся высоколиквидными объектов экономических операций (рыбных промыслов, некоторых видов собирательства, приобретавших товарный масштаб, – промысел кедрового ореха, например), происходила цепная реакция дальнейших трансформаций. Возрастала роль речного транспорта, закладывалась основа водной транспортной инфраструктуры, происходил поиск новых сухопутных путей сообщения; край стал привлекать более крупных рыночных игроков из других регионов Сибири. Но, наверное, самым важным в перспективе последствием этих разнообразных перемен стал постепенный, очень медленный, диффузный, но имевший место процесс взаимной интеграции аборигенного и старожильческого населения. Два параллельных мира, пересекавшихся в «первый век» освоения Сибири русскими, разве что через периодические военные столкновения и ясачные кампании, в XVIII – «долгом XVIII» веке, включавшем и первую треть XIX столетия, – стали взаимодействовать на повседневном, литургическом, хозяйственном, бытовом, торговом, отчасти даже семейно-брачном уровнях.

Весьма поучительной оказывается и история эволюции коронного управления югорскими уездами в XVIII – первой трети XIX в. Все недостатки местной административной системы имели в своей основе такие же причины, как и во всех остальных регионах империи. Власть, очарованная со времен петровского царствования идеями «правильно организованного государства», слишком долго пренебрегала очевидным: в условиях места и времени, в стране необычайного этнокультурного и регионального многообразия и ограниченных людских ресурсов было просто невозможно создать унифицированную систему госаппарата, чья эффективность якобы могла быть достигнута при помощи очередных «добрых узаконений» и честного исполнительного чиновничества. Только сибирские реформы М. М. Сперанского наметили иные подходы к организации управления, причем актуальные не только для Сибири.

Несомненно, ярким и значимым стало превращение края в своего рода полигон развития российской науки. Академические (и не только) экспедиции XVIII в., путешествия, которые совершали в начале следующего столетия как отдельные ученые, так и «просвещенные» чи-

новники, имели значение, далеко выходящее просто за рамки изучения природно-географических и этноисторических особенностей Обского Севера. Они играли значимую роль в развитии отечественного естественнонаучного и гуманитарного знания, в становлении целых направлений и отраслей наук. Достаточно вспомнить в этой связи подвижническую экспедиционную деятельность отряда Г. Ф. Миллера: именно на сибирском, в том числе югорском материале им создавалась этнография как наука[4], а несколько позже трудами «академического студента» В. Ф. Зуева – физическая география.

При всей специфике, присущей региону (огромные территории, низкая численность и плотность населения, отсутствие условий для развития сельского хозяйства, экстремально-периферийное положение и хрупкая система транспортных коммуникаций) Югра в целом демонстрировала проблемы и тренды развития, свойственные в этот период практически всем регионам России. Вопросы взаимоотношений русской/российской администрации с коренными народами, преодоление кадровой ресурсной недостаточности, распространение христианизации среди аборигенного населения, поиск оптимальных моделей хозяйственной деятельности и фиска, улучшение состояния путей сообщения – все это было присуще не только территориям Северного Обь-Иртышья и не только XVIII в.

Так, например, различные сценарии интеграции покоряемых Москвой территорий Северо-Западной Сибири в российское государственно-политическое пространство (Е. В. Перевалова выделяет шесть таких сценариев[5]) практиковались верховной властью и раньше, порой много раньше, причем не только в отношении иноэтничных «окраин». То, что этнограф назвала «кодским сценарием» взаимодействия русской власти и туземной элиты (кодские князья выступали главными союзниками и проводниками московской власти в Сибири и до поры, до времени обладали в связи с этим реальной властью в обско-угорском мире), очень напоминает отношения великих князей Московских с верхнеокскими княжатами (Воротынскими, Новосильскими, Белёвскими и др.) еще на рубеже XV–XVI вв. в период русско-литовских войн. «Пелымский сценарий уничтожения туземной элиты» воскрешает в памяти участь новгородской аристократии, буквально стертой с лица земли московской властью в результате походов 1470-х и земельных переделов 1480-х гг. «Ляпинский сценарий дробления туземной власти» с «понижением статуса местных правителей с заменой их на исполнителей» типологически схож с участью ярославских и ростовских династов, потерявших суверенитет в результате дробления владений, перехода их в руки московских великих князей в управление их дворских и наместников, а самих прежних владетелей – в положение служилой титулованной массы московского государева двора. Эти примеры можно продолжать, но итог был одним: во всех случаях, и в югорском тоже, местные этнополитические элиты оказались встроены в общероссийскую систему управления.

Отчаянный кадровый дефицит, не позволявший насытить местные учреждения северных уездов маломальски пригодными служащими, вкупе с явно избыточным количеством самих учреждений – тоже проблема общероссийская, по большому счету так и не решенная в течение всего XVIII столетия. В этом смысле у губернатора любой губернии Европейской

[4] Элерт А. Х. Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница : материалы междунар. симп. : в 2 ч. / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. С. 15–30; Фермойлен Х. Ф. Герард Фридрих Миллер и становление этнографии в Сибири // Проблемы истории России. Вып. 7. Источник и его интерпретации / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2007. С. 177–198.

[5] Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. С. 76–77.

части России и у воевод Берёзова или Сургута была одна головная боль; разница, разумеется, сводилась к масштабам.

Процесс и результаты христианизации коренных народов Обского Севера с их поверхностной катехизацией, религиозным синкретизмом, «адаптацией» христианских святых к традиционному пантеону туземного населения при одновременном распространении храмового строительства, организации приходских общин в ясачных волостях и постепенном приучении аборигенов к литургической практике – картина, типичная для христианизации любых народов, включая русский.

Все это отмечено нами для того, чтобы сформулировать итоговую мысль. С одной стороны, в истории Югры XVIII – первой трети XIX в. в тех или иных пропорциях отразилась история страны в целом. Это тот случай, когда мы имеем дело с «историей в малом», если воспользоваться яркой формулировкой Ю. Л. Бессмертного[6]. И в этом отношении изучение исторического прошлого края имеет несомненное значение для понимания тех исторических процессов, которые происходили в России, причем не только в синхронном диапазоне. Известная архаика, присущая жизни Обского Севера, позволяет при контекстном подходе использовать метод ретроспективного сравнения событий и явлений региональной и общестрановой истории. С другой стороны, история Югры указанного периода обладала собственной спецификой, своей динамикой, своими, присущими только ей чертами. Изложенный в настоящем томе материал позволяет не только констатировать эти факты, признавая тем самым самоценность региональной истории, но и доказывает, что время XVIII – первой трети XIX в. было принципиально значимым для развития края, поскольку именно в этот период закладывалась основа нового качественного состояния Югры, проявлялся очередной этап регионоообразования, то «скромное начало безграничного будущего», о котором относительно всей Сибири писал Пьер Шоню[7].

[6] Объясняя разницу между краеведением и региональной историей, или исторической регионалистикой, Ю. Л. Бессмертный пояснял, что для первого самоценна «история малого», а для второй – «история в малом». См.: Бессмертный Ю. Л. Многоликая история : (Проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М., 2000. Вып. 3. С. 53.

[7] Шоню П. Цивилизация классической Европы / пер. с фр. и послесл. В. Бабинцева. Екатеринбург, 2004. С. 33.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные

АРАН. Ф. 3. Комиссия Академии наук (1698–1809). Оп. 10А. Д. 188, 189; Ф. 3. Оп. 10Б. Д. 140.

ГА в г. Тобольске. Фонд рукописных книг. Д. 269.

ГА в г. Тобольске. Ф. И1. Тобольское городское полицейское управление (1798–1917 гг.). Оп. 1. Д. 159, 240, 250, 278, 323.

ГА в г. Тобольске. Ф. И8. Тобольская городская управа, г. Тобольск Тобольской губернии (1785–1919 гг.); Ф. И8. Оп. 1. Д. 98.

ГА в г. Тобольске. Ф. И152. Тобольское губернское управление, г. Тобольск Тобольской губернии (1822–1919 гг.); Оп. 3. Д. 5, 10; Оп. 30. Д. 10; Оп. 37. Д. 536; Оп. 39. Д. 116; Оп. 40. Д. 332; Оп. 41. Д. 1.

ГА в г. Тобольске. Ф. И154. Тобольская казенная палата, г. Тобольск Тобольской губернии (1782–1919 гг.). Оп. 1. Д. 1, 199; Оп. 2. Д. 6; Оп. 3. Д. 165, 1685, 1743; Оп. 4. Д. 285; Оп. 8. Д. 4, 38, 42, 43, 44, 53, 72, 73, 75, 78, 84, 273, 274, 276, 277, 289, 290, 346, 347, 357, 404, 532, 753, 754, 755, 756, 2376; Оп. 11. Д. 2019; Оп. 20. Д. 170; Оп. 1540. Д. 10, 11, 119, 170, 180.

ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Тобольская духовная консистория, г. Тобольск Тобольской губернии (1721–1922 гг.). Оп. 1. Д. 10, 35, 47, 64, 79, 91, 103, 130, 155, 160, 166, 203, 235, 267, 393, 776, 800, 842, 1143, 1814; Оп. 2. Д. 130, 245, 2412, 2791, 2805; Оп. 3. Д. 205, 333, 441, 2060, 2720; Оп. 4. Д. 77, 1206, 1526, 1687, 2292; Оп. 5. Д. 433, 1807; Оп. 7. Д. 1655; Оп. 8. Д. 404; Оп. 12. Д. 1; Оп. 16. Д. 213; Оп. 26 (2). Д. 206, 374.

ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Тобольское губернское правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1788–1895 гг.). Оп. 1. Д. 201, 206; Оп. 1. Д. 65; Оп. 12. Д. 3, 11, 22, 24, 34, 45; Оп. 13. Д. 54, 119, 157, 170, 206, 363, 428, 469, 554, 789; Оп. 19. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11.

ГА в г. Тобольске. Ф. И341. Тобольское наместническое правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1782–1797 гг.). Оп. 1. Д. 26; Оп. 1. Д. 2, 77, 121, 149, 199, 204, 213.

ГА в г. Тобольске. Ф. И364. Тобольский губернский магистрат, г. Тобольск Тобольской губернии (1723–1796 гг.). Оп. 1. Д. 6.

ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Губернский статистический комитет, г. Тобольск Тобольской губернии (1785–1919 гг.). Оп. 1. Д. 403, 638.

ГА в г. Тобольске. Ф. И701. Кондинский Свято-Троицкий мужской монастырь, с. Кондинское Кондинской волости Берёзовского уезда Тобольской губернии (1635–1848 гг.). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 17, 100а.

ГА в г. Тобольске. Ф. И716. Градо-Берёзовский Воскресенский собор, г. Берёзов Тобольской губернии (1759 г.). Оп. 1. Д. 2, 17, 26, 32, 35

ГАКК. Ф. 397. Благочиние церквей Туруханского края. Оп. 1. Д. 220; Ф. 467. Хлебозапасный складочный магазин на реке Тазу. Оп. 1. Д. 10; Ф. 595. Енисейское губернское управление. Оп. 19. Д. 6; Ф. 667. Енисейский губернский епархиальный комитет. Оп. 1. Д. 104.

ГАКО. Ф. 655. Селифонтов Н. Н., историк, председатель Костромской губернской ученой архивной комиссии, крупный административный деятель России. Оп. 2. Д. 214.

ГА ХМАО. Ф.129. Коллекция документов ликвидированных предприятий негосударственной формы собственности. Оп. 4. Д. 2.

ГАПК. Ф. 316. Пермское наместническое правление. Оп. 1. Д. 1, 25, 26.

ГАТомО. Ф. Р-467. Нарымско-Томский союз интегральных, промыслово-охотничьих и рыболовецких кооперативов Сибирского краевого промыслового союза охотничьих, рыбацких и интегральных кооперативов, г. Томск Томского округа Сибирского края (1928–1931 гг.). Оп. 1. Д. 8.

ГАТО. Ф. И-47. Тюменская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1895, 3393, 3712, 4715.

ИсАОО. Ф. 2. Сибирский генерал-губернатор (1803–1822 гг.). Оп. 1. Д. 31.

ИсАОО. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири, г. Омск (1822–1882 гг.). Оп. 1. Д. 300, 850, 851, 967, 1052.

НА ИИМК РАН. Ф. III. Метрики старинных церквей. № 6870.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Воронцовы. (XVIII–XIX вв.). Оп. 1. Д. 538; Ф. 179. Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1710–1852). Д. 13; Коллекция 238. Коллекция Лихачева Николая Петровича (1862–1935). Оп. 2. Ед. хр. 310118.

ОР РГБ. Ф. 20. Батеньков, Гавриил Степанович (1793–1863). Картон 1. Д. 20; Ф. 20. Картон 3. Д. 11; Картон 4. Д. 15; Оп. 4. Д. 12.

РГАДА. Ф. 6. Разряд VI. Уголовные дела по государственным преступлениям (коллекция) Государственного архива Российской империи. Оп. 1. Д. 173, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 287, 289, 291, 323, 324, 325.

РГАДА Ф. 24. Разряд XXIV. Сибирский приказ и управление Сибирью (коллекия) Государственного архива Российского империи. Оп. 1. Д. 24, 25, 33, 34, 35, 57, 60, 66.

РГАДА. Ф. 199. Миллер Герхард-Фридрих (1705–1783), историк, член Российской Академии наук, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел. Портф. 517. Ч. 2. Д. 7; Портф. 521. Ч. 2; Портф. 527. Д. 7; Портф. 481. Ч. 3; Оп. 5. Д. 183.

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ, г. Москва. Оп. 1. Кн. 1, 1396, 1464; Оп. 1. Ч. 6. Д. 4064; Оп. 1. Ч. 8. Д. 35, 302, 1297, 1432, 1518, 1580, 6046, 6212, 6559, 6934, 6942; Оп. 4. Д. 1304; Оп. 5. Д. 152, 806, 816, 886, 917, 1015, 1019, 1032, 1256, 1326, 1370, 1374, 1386, 1433, 1537, 1982, 2072, 2086, 2132, 2290, 2313, 2629, 2640.

РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов), гг. Петербург, Москва. Кн. 10, 17, 35, 154, 155, 180, 669, 768; Оп. 88. Д. 7306.

РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии, г. Москва. Оп. 1. Д. 2659.

РГАДА. Ф. 282. Юстиц-коллегия. Оп. 1. Кн. 21620.

РГАДА. Ф. 415. Сибирская губернская канцелярия, г. Тобольск Сибирской губернии. Оп. 2. Д. 3а, 4, 5, 42, 85, 104, 113, 118, 154, 156, 217, 225, 314.

РГАДА. Ф. 462. Березовская воеводская канцелярия, г. Берёзов Тобольской провинции Сибирской губернии. Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 9, 19, 20, 27, 39, 40, 44.

РГАДА. Ф. 800. Сургутская воеводская канцелярия, г. Сургут Архангелогородской провинции. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 6, 10, 14, 29, 30, 33.

РГАДА. Ф. 812. Тобольская ратуша, г. Тобольск Тобольской губернии Сибирской провинции. Оп. 1. Д. 1741.

РГАДА. Ф. 1113. Вятская приказная изба. Оп. 1. Д. 28.

РГАДА. Ф. 1264. Голохвастов, помещик Костромской, Московской, Новгородской и Тульской губерний; Дмитрий Павлович (1796–1849), попечитель Московского учебного округа, писатель; Дмитрий Дмитриевич (р. 1839), предводитель дворянства Звенигородского уезда Московской губернии. Оп. 1. Д. 264.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19107, 19109.

РГИА. Ф. 468. Кабинет его императорского величества МИДв. Оп. 9. Д. 1043, 1050.

РГИА. Ф. 1264. Первый Сибирский комитет. Оп. 1. Д. 249, 269, 275, 286, 291.

РГИА. Ф. 1285. Департамент государственного хозяйства МВД. Оп. 8. Д. 136, 1358.

РГИА. Ф. 1293. Техническо-строительный комитет МВД. Оп. 168. Д. 44.

РГИА. Ф. 1488. Планы и чертежи гражданской архитектуры (коллекция). Оп. 4. Д. 538.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Миллер Герард-Фридрих (Федор Иванович) (1705–1783), историк, академик, конференц-секретарь АН. Оп. 2. Д. 26, 33; Ф. 21. Оп. 5. Д. 125.

ТИАМЗ. ТМ-12850, ТМ-12864.

Опубликованные

Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Зап. ИРГО. СПб. : Имп. акад. наук, 1857. Кн. 12. С. 327–448.

Андреев А. И. Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцев // СЭ. 1947. № 1. С. 84–103

Алквист А. Среди хантов и манси : Путевые записи и этнографические заметки. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1999. 177 с.

Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. 544 с.

Бриген А. Ф. Из письма к Н. И. Лореру // Югра. 1992. № 8. С. 48–49.

Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск : Вост.-Сиб. изд-во, 1986. 576 с.

Воспоминания пелымского старожила. Из записок г. Найденова, сообщенных генералу от инфантерии и генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову // Маяк современного просвещения и образованности. 1842. Т. 2, кн. 4. С. 85–89.

Волконский С. Г. Записки. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1991. 508 с.

Воспоминания Феодора Адольфовича Оома: 1826–1865. М. : Университет. тип., 1896. 139 с.

Восстание декабристов : документы : [в 22 т.] / под ред. М. В. Нечкиной. М. ; Ленинград : Госполитиздат : Наука, 1925–2012. Т. 1, 11, 13, 15.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей : в 4 т. СПб. : Имп. акад. наук, 1799.

Герберштейн С. Записки о Московии. М. : Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Горбачевский И. И. Записки. Письма. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.

Граф Миних в Сибири // Рус. старина. 1900. Т. 101. № 1. С. 225–228.

Декабристы в воспоминаниях современников. М. : Изд-во МГУ, 1988. 513 с.

Еще письмо фельдмаршала Миниха из Сибири к вицеканцлеру графу Бестужеву-Рюмину с изложением своей деятельности 1744 год // Рус. архив. 1866. № 2. Стб. 171–185.

Записки княгини М. Н. Волконской. Чита : Читинское книж. изд-во, 1956. 160 с.

Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде Иноверческих народов остяков и самоедцов // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 5. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). М. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 17–91.

Из истории Обдорской миссии: источники / сост., вступ. ст., коммент. В. Я. Темплинга. Тюмень : Мандр и К^{а}, 2004. 288 с.

Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. Сообщение В. Н. Баснина // ЧОИДР. М. : Университет. тип. (Катков и К^{о}), 1875. 297 с.

Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин землеведения и путешествий : Геогр. сб. Николая Фролова. Собрание старых и новых путешествий. Т. 1– . М. : Тип. Александра Семена, 1860. [3], IV, 495 с.

Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства. М. : Наука, 1977. 443 с.

Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII века: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации : (сб. док.) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор Бук, 2003. 215 с.

Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В. И. Байдина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 389 с.

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). СПб. : Археогр. комиссия, 1880. [2], II с., 39 л., 48 стб., III с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.

Кузакова Е. А. Мифы, предания, сказки, хантов и манси / пер. с хантыйского, мансийского, ненецкого яз. М. : Наука, 1990. 567 с.

Кузнецова А. И., Казакевич О. А. Мифология селькупов. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2004. 380 с.

Легенды и сказки хантов / записи, введение и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1973. 216 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1998. 135 с.

Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1984. 416 с.

Материалы по фольклору хантов / записи, введение и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978. 216 с.

Материалы сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г. : Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля : в 2 вып. / отв. ред. Н. В. Кирющенко ; пер. с нем., лат. и греч. Ю. Н. Беспятых, пер. с фр. Н. В. Кирющенко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Ист. ил., 2008. Вып. 1. 543 с. Вып. 2. 784 с.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804]. СПб. : Имп. акад. наук, 1769–1804.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1807. СПб. : Имп. акад. наук, 1807. Ч. 1–2.

Миллер Г.-Ф. Описание о торгах сибирских. СПб. : Имп. акад. наук, 1756. 176 с.

Миних И. Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. СПб. : Тип. В. С. Балашова, 1891. 339 с.

Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1999. 416 с.

Наставление старостам извощичьим и извощикам. СПб. : Тип. плавильщиков, 1813. 10 с.

Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком. Тюмень : Рус. неделя, 2018. 159 с.

Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 318 с.

Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного миссионерского общества за 1888 г. // ТЕВ. 1889. № 11, 12. С. 285–286.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи : [в 3 ч., в 5 кн.]. СПб. : Имп. акад. наук, 1786. Ч. 2, кн. 2. 573 с.

Памятники сибирской истории XVIII века : [в 2 кн.] / [ред. А.И. Тимофеев]. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1882–1885. Кн. 1. 1700–1713. XXXII, 551 с., XXXIV стб. Кн. 2. 1713–1724. XXIV, 541 с., XLIV стб.

Переписка между ген.-адъют. Бенкендорфом и управляющим М-вом юстиции князем Долгоруковым по поводу объявленного женами декабристов Шаховского и фон-дер Бриггена желания ехать к мужьям их // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1905. Вып. 4. С. 115–117.

Письмо декабриста А. Ф. Бригена к декабристу А. Е. Розену. Сообщ. П. Майков // Рус. старина. 1900. Т. 101. № 1. С. 225–228.

ПСЗ-1. Т. 3. № 1594, 1654; Т. 4. № 1800, 1814, 2353, 2484; Т. 5. № 2673, 2759, 2762, 2863, 2871, 2879, 3075, 3208, 3245, 3287, 3295, 3378; Т. 6. № 3571, № 3591, 3636, 3637, 3860; Т. 7. № 4151, 4174, 4529, 4533, 4606, 4860, 4897, 4929, 5015, 5033, 5053, 5065, 5110; Т. 8. № 5221, 5299, 5333, 5522, 5640; Т. 9. № 6378, 6799, 6876; Т. 10. № 7713; Т. 11. № 8218, 8236, 8506, 8550; Т. 12. № 8865, 8972, 9032, 9319; Т. 13. № 9926, 10095; Т. 14. № 10170, 10302, 10499; Т. 15. № 11169, 11191; Т. 16. № 11703, 1; Т. 19. № 13435; Т. 20. № 14392, 14868; Т. 21. № 15327; 15415, 15555; Т. 22. № 16101, 16528, 16052; Т. 24. № 17634, 18273; Т. 25. № 18450; Т. 26. № 19910; Т. 27. № 20771; 20890, 21042; Т. 28. № 21444, 21183, 21595; Т. 30. № 23559, 23638, 237714; Т. 31. № 24126, 24722; Т. 32. № 25536, 25279; Т. 38. № 29124, № 29125, № 29126, 29128, 29130, 29513; Т. 40. № 30262; Т. 44. Ч. 2. № 17498, Книга штатов к № 11991; к № 15334.

ПСЗ-2. № 1200, 1611.

ПСРП. Т. 1–10.

Предложения, прошения и письма фельдмаршала Миниха // Архив князя Воронцова : [в 40 кн.]. М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1870–1895. Кн. 2. С. 484–522.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года : [в 4 т.]. СПб. : Имп. акад. наук, 1897–1911. Т. 1–4.

Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири : составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым в 1701 г. : в 2 т. / С. У. Ремезов ; Федеральная служба геодезии и картографии России, Российская государственная библиотека, Общественный фонд «Возрождение Тобольска». Факс. изд. М. : ПКО «Картография», 2007. Т. 1. 98 с.

Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1984. 480 с.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы : [сборник] / [авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков]. М. : Галерия, 2007. 591 с. № 198, 200, 226.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подг. текста А. Х. Элерта. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2006. 416 с.

Сибирский летописец // Сев. архив. 1826. № 3. С. 221–251.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / изд. подг. А. Х. Элерт. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. 310 с.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века) : сб. правовых актов и док. / ред.-сост. А. Ю. Конев. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 1999. 238 с.

Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб. : Тип. Ивана Глазунова, 1829. 95 с.

Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень : Мандр и К[а], 2006. 374 с.

Фельдмаршал Миних из Сибири. 1746 : (Письма, предложения, посланные к имп. Елизавете Петровне и вел. князю Петру Федоровичу, с переводом и предисловием) // Рус. архив. 1865. № 12. Стб. 340–354.

14 декабря 1825 года : Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 5. СПб. ; Кишинев : Нестор-История, 2002. 370 с.

Эйрие Ж.-Б. Живописное путешествие по Азии, составленное под руководством Эйрие : в 6 т. / пер. с фр. Е. Корша. М. : [Б. и.], 1839. Т. 1. 96 л.

Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 739 с.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727 : 5 t. / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin : Akademie Verlag, 1962–1977. T. 1–5.

Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc. СПб. : Коло, 2020. 792 с.

Müller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken eines Volcks, dass bis unter dem Polo Arctico wohnet: wie selbiges aus dem Heydenthum in diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht. Berlin : Gottlib Nicolai, 1720. 75 S.

Pallas P. S. Flora Rossica, seu Stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones / Iussu et auspiciis Catharinae II, augustae edidit. Petropoli : E Typographia Imperiali ; J. J. Weitbrecht, 1784–1788. T. 1–2.

Pallas P. S. Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico et adjacentibus maribus observatorum recensionem, domicilia, mores et descriptiones, anatomen atque icones plurimorum : [3 vols.]. Petropoli : In Officina Caes. Academiae Scientiarium Impress, 1811–1831. Vol. 1. [XXII], 572 p.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm : Verlegung des Autoris, 1730. 438 S.

Strahlenberg Ph. J. Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der Grossen Tartarey und dem Königreiche Siberien, mit einem Anhang von Gross-Russland. Worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben, vorgetragen werden. Stockholm : Russworm ; Göttingen : Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliotek, 1726. 48 S.

Исследования

Аблажей А. М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII — начале XX века: опыт теоретического комментирования // Вестн. НГУ. Сер.: Философия. 2010. Т. 8, вып. 2. С. 65–70.

Абрамов Н. А. Город Тюмень : Из истории Тобольской епархии. Тюмень : СофтДизайн, 1998. 547 с.

Абрамов Н. А. Исторические сведения о церквах города Берёзова от основания его до настоящего времени // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 9. С. 32–37.

Абрамов Н. О. Материалы для истории христианского просвещения Сибири со времени покорения ее в 1581 году до начала XIX столетия // ЖМНП. 1854. Ч. 81. Отд. 5. 1854. С. 15–56.

Абрамов Н. Могила графа А. И. Остермана в Берёзове // ЧОИДР. 1866. № 2. С. 631–636.

Абрамов Н. А. Могилы князя А. Г. Долгорукого и супруги его в г. Берёзове // ЧОИДР. 1866. № 2. С. 631–641.

Абрамов Н. О введении христианства у Березовских остяков // ЖМНП. 1851. Ч. 72. Отд. 5. С. 1–22.

Абрамов Н. А. О церквах города Берёзова от основания его до настоящего времени // Абрамов Н. А. Город Тюмень : из истории Тобольской епархии. Тюмень : СофтДизайн, 1998. С. 496–503.

Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Зап. ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 327–448.

Абрамов Н. О. Проповедь Евангелия сибирским вогулам // ЖМНП. 1854. Ч. 83. 1854. Отд. 2. С. 41–58.

Абрамов Н. А. Святитель Филофей, в схиме Феодор, просветитель сибирских инородцев. 2-е изд. Шамордино, Калужск. губ. : М. Д. Усов, 1915. 24 с.

Абрамов Н. А. Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский. [Б. м. : Б. и.], 1861. С. 79–96.

Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России: вторая половина XVI – начало XX в. : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2008. 550 с.

Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 239 с.

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). Тюмень : Тюмень-гипрогаз, 2003. 301 с.

Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря. XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. : сб. ст., посв. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / [редкол.: А. П. Павлов (отв. ред.) и др.]. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 520–521.

Акишин М. О. «Некрещении крещеним пакости творят». Последние заботы схимонаха Феодора // Источник. Документы российской истории. 2002. № 2 (56). С. 48–62.

Акишин М. О. «Обретающихся в нечестии вогульцев призывал в православную веру добровольно». Православие в землях хантов и манси XVIII века // Источник. Документы русской истории. № 3 (57). 2002. С. 5–15.

Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири // Меншиковские чтения – 2015 : науч. альм. / гл. науч. ред. П. А. Кротов. СПб. : XVIII век, 2015. Вып. 6 (15). С. 10–31.

Акишин М. О. Письма и бумаги Филофея Лещинского в архиве Тобольской консистории // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред. В. А. Могильников. Тобольск : Тип. ТГПИ, 1995. С. 3–7.

Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск : Автор, 1996. 223 с.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск : Древлехранилище, 2003. 406 с.

Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, № 5. Археология и этнография. С. 233–241.

Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск : Сова, 2005. 264 с.

Ананьев Д. А. Участие служилых и посадских людей в местном управлении Сибири в XVIII веке // Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX в.). / Д. А. Ананьев, И. П. Каменецкий, А. К. Кириллов и др. ; отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 38–67.

Андреев А. И. Материалы по этнографии Сибири XVIII века // Советский Север. 1939. № 3. С. 75–85.

Андреев А. И. Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцев // СЭ. 1947. № 1. С. 84–103.

Андреев В. В. Представители власти в России после Петра I. СПб. : Тип. М. Хана, 1871. 428 с.

Андреев А. И. Сибирские зарисовки первой половины XVIII века // Летопись Севера. М. ; Л. : Главсевморпути, 1949. Т. 1. 316 с.

Андреева Е. А. Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова 1727–1729 гг. СПб. : Ист. ил., 2013. 319 с.

Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов : [в 5 т.]. Иркутск : Тип. окружного штаба, 1886–1889.

Андриевич В. К. История Сибири : в 2. ч. СПб. : Тип. и лит. В. В. Комарова, 1889. Ч. 2. XVI, 487 с.

Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии : в 2 ч. СПб. : Тип. и лит. В. В. Комарова, 1889. Ч. 2. Период с 1806 по 1819 г. 425 с.

Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое лит обозрение, 1999. 719 с.

Анисимов Е. В. Россия без Петра, 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994. 496 с.

Архипов С. В. Устав о ссыльных 1822 г. как источник пенитенциарного права и его роль в реализации колонизационной политики России в XIX в. // Вестн. Самар. юридич. ин-та. 2015. № 2 (16). С. 14–17.

Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере хакасско-минусинского края в XVII–XIX вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск : [Б. и.], 2011. 42 с.

Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / под ред. А. В. Ефимова. М. : Наука, 1964. 134 с.

Бабаков В. Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. 1988. № 3. С. 36–47.

Бабаков В. Г. К вопросу о разложении традиционной племенной организации обских угров (XVIII в.) // Проблемы истории СССР. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 456–469.

Бабаков В. Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII–XIX вв.) : дис. … канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1973. 226 с.

Бабушкин А. Е. Верхнекайнозойские отложения Сибирских Увалов Западно-Сибирской равнины // Советская геология. 1989. № 7. С. 46–54.

Базанов А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере // Изв. Ин-та народов Севера. Вып. 7. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера им. П. Г. Смидовича, 1936. 132 с.

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмарашалов : [в 4 ч.]. СПб. : В тип. Третьего деп-та М-ва гос. имуществ, 1840. Ч. 1. 314 с.

Бантыш-Каменский Д. Н. Исторические могилы в городе Берёзове кн. Меншикова и гр. Остермана // Рус. старина. 1889. № 7. С. 133–136.

Бантыш-Каменский Д. Н. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д. Н. Бантыш-Каменского // Рус. старина. 1873. Т. 7, № 3. С. 735–784.

Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. 541 с.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во АН СССР, 1955–1959. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири XVI—XVII вв. С. 86–152.

Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север : сб. ст. / Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК ; под ред. П. Г. Смидовича, С. А. Бутурлина, Н. И. Леонова. М. : Комитет содействия народностям сев. окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. С. 66–98.

Белобородов С. А. «Кто, яко Бог?» : (К истории почитания Архангела Михаила на Урале и в Западной Сибири) // Архангел Михаил : альбом-кат. Екатеринбург : Издатель М. Шилиманов, 2009. С. 149–165.

Белобородов В. К. Русские старожилы Сургутского края : последняя книга очерков. Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2017. 398 с.

Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. М. : Морской транспорт, 1956–1969. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. 594 с.

Белогай О. И., Корикова Н. Н. Русское старожильческое население Югры: Самаровский ям // Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сб. работ III Всерос. науч. конф. с междунар. участием [Вологда и Тотьма, 27 февраля – 3 марта 2019 г.]. Вологда : Полиграф-Периодика, 2019. С. 275–283.

Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю / предисл. А. К. Омельчука. Репр. изд. Тюмень : Мандр и К^{а}, 2004. 259 с.

Беляков А. В. Организация управления в Московском государстве XV – начала XVII в. на вновь присоединенных территориях с преимущественно нерусским населением // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2022. № 33 (89). С. 64–80.

Берёзово. Очерки истории с древности до наших дней / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Сократ, 2008. 472 с.

Бойко В. П. Предпринимательская деятельность декабристов в сибирской ссылке: теоретический и практический аспекты // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2009. № 3 (7). С. 113–121.

Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: русские общественные объединения первой трети XIX в. М. : Реалии-Пресс, 2003. 651 с.

Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII – середина XIX вв. М. : Новый хронограф, 2013. 522 с.

Бондарь Л. Д., Лефельдт В., Тункина И. В. Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. ст. / отв. ред. И. В. Тункина. СПб. : Реноме, 2021. С. 28–36.

Бородина Е. В. Служилые люди в России XVIII в.: региональные траектории развития (урало-сибирский вариант) // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVIII–XX вв.: векторы исследования / под. ред. Д. А. Редина. СПб. : Алетейя, 2018. С. 332–352.

Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. 308 с.

Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1986. 569 с.

Будьков С. Т. Краткий географический очерк изученности Обского Севера // Вопр. географии Сибири : сб. ст. Вып. 17. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1987. С. 150–162.

Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков : Тип. губерн. правления, 1893. 93 с.

Быкова В. М. О почитании архангела Михаила на Севере (текстологическая характеристика Чуда в Хонех) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003» (15—19 сентября 2003 г.) / редкол.: Т. Г. Иванова и др.. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2003. С. 349–352.

Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX вв. : Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. 297 с.

Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. : [в 2 т.]. СПб. : в Тип. 2-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. Т. 2. 752 с.

Василий (Бирюков). Состояние православного миссионерства в Западной Сибири после митрополита Филофея (Лещинского) до начала XIX в. // Православный благовестник. 1907. № 3. С. 107–115; № 4. С. 165–170; № 5. С. 216–224.

Васильев В. И. Проблема формирования фратриально-родовой организации сибирских ненцев в этногенетическом аспекте // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск : ТГУ, 1976. С. 255–262.

Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М. : Наука, 1979. 243 с.

Васильев В. И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. М. : Наука, 1970. С. 174–213.

Васильев В. И., Головнёв А. В. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири : сб. ст. / отв. ред. Н. А. Томилов. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1980. С. 33–41.

Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.) / отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. М. : Наука, 1970. С. 174–213.

Велижанина Н. Г. У истоков сибирской иконописи // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в. : сб. ст. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985. С. 153–166.

Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 57–70.

Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. № 2. С. 43–66.

Вереш П. К вопросу о происхождении дуально-фратриальной организации обских угров // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : [Б. и.], 1977. С. 43–59.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : Муницип. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. 203 с.

Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 504 с.

Вилков О. Н. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. // Развитие исторических центров сибирских городов с учетом сохранения историко-культурного наследия: проблемы и новые подходы : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 28–30 окт. 1997 г. / [сост. Л. Л. Матвеева]. Новосибирск : Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культ. наследия, 1999. С. 79–87.

Вильбоа Н. П. Краткий очерки, или Анекдоты о жизни князя Меншикова и его детях // Рус. старина. 1842. Т. 6, № 2. С. 141—173.

Винтер Э. Научное исследование Сибири в петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727) // XIII Междунар. конгр. по истории науки. СССР. Москва, 18–24 августа 1971 г. Коллоквиум: История освоения и развития Сибири. М. : Наука, 1971. С. 1–23.

Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск : Сова, 2005. 695 с.

Волконский С. Г. Записки. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1991. 508 с.

Воропанов В. А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири, 1780–1869 гг. Челябинск : УрАГС, 2005. 314 с.

Галем Г. А. Жизнь графа Миниха : в 2 ч. М. : В университет. тип., 1806. Ч. 2. 204 с.

Галубовіч В. У., Рыбчонак С. А., Шаланда А. І. Князі Друцкія-Горскія ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV–XVIII ст. Мір : Музей «Замкавы комплекс «Мір»», 2016. 394 с.

Галязимов В. Меншиковы в Берёзове // Урал. следопыт. 1971. № 7. С. 48–52.

Гельбиг Г. Русские избранники и случайные люди // Рус. старина. 1886. Т. 50. С. 1–180.

Гемуев И. Н. К вопросу о социальной организации селькупов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 121–127.

Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск : [Б. и.], 1980. С. 86–138.

Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 230 с.

Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 156 с.

Гемуев И. Н. Формы брака и свадебная обрядность у лесных ненцев // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири / отв. ред. Л. М. Русакова, Н. А. Миненко. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 33–41.

Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство // СЭ. 1974. № 3. С. 83–95.

Герасимов В. Н. Обдорск (исторический очерк). Тюмень : Тип. «Сиб. торг. газ.» А. А. Крылова, 1909. 88 с.

Герасимова Ю. И., Думин С. В. Декабрист Александр Николаевич Муравьев // Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1986. 439 с.

Гергилев Д. Н. Административно-территориальное управление Сибирью в имперском регионализме XVIII – начала XX в. : дис. … д-ра ист. наук. Красноярск : [Б. и.], 2020. 533 с.

Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью // Вестн. Томск. ун-та. 2016. № 413. С. 88–93.

Гессен Ю. Г. Экспедиционная компания 1768–74 гг. // Вестн. АН СССР. 1937. № 7. С. 19–28.

Главацкая Е. М. А был ли выбор? Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712–1715 гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 82–102.

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 76–82.

Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард : РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Главацкая Е. М. Ханты в составе Русского государства в XVII–XX вв. // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) : науч.-ист. очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Тезис, 2002. С. 75–122.

Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках : Хронологический обзор и описание архивных материалов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 312 с.

Головин П. Исторические очерки ныне существующих монастырей Тобольской епархии // Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск : Тобольск. губерн. тип., 1891. 224 с.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1993. 204 с.

Головнёв А. В. Ненцы: оленеводы и охотники // Народы Сибири: права и возможности / отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 80–89.

Головнёв А. В. Обские угры: экологический календарь // Северные просторы. 1999. № 1–2. С. 38–44.

Головнёв А. В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск : [Б. и.], 1992. С. 3–18.

Головнёв А. В. Социальная организация и общественный быт [ненцев] // Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М. : Наука, 2005. С. 451–459.

Головнёв А. В. Традиционный хантыйский экологический календарь // Тобольский хронограф : сб. ст. Вып. 2. М. : Элра, 1994. С. 269–305.

Головнёв А. В. Хозяйство. Календарь [ненцев] // Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М. : Наука, 2005. С. 410–424.

Головнёв А. В. Экологический календарь (селькупов) // Сев. просторы. 1993. № 1–12. С. 18–20; № 3–4. С. 34–37; № 5–6. С. 22–24; № 7–8. С. 13–14; № 9–10. С. 23–25; № 11–12. С. 25–27.

Головнёв А. В. Экологический календарь (хантов) // Сев. просторы. 1991. № 2. С. 32–33; № 4. С. 21–22; № 6. С. 10–12; № 8. С. 18–19; № 10. С. 23–24; № 12. С. 30–31.

Головнёв А. В., Перевалова Е. В. Традиционное хозяйство, календарь и хозяйственный цикл [хантов] // Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М. : Наука, 2005. С. 79–93.

Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Хозяйство [селькупов] // Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М. : Наука, 2005. С. 317–328.

Голодников К. М., Дмитриев-Мамонов А. И. Памятная книжка Тобольской губернии. Тобольск : Тип. Тобольск. губерн. правления, 1884. 488 с.

Голомбиевский А. А. Сотрудники Петра Великого: граф П. И. Ягужинский, князь А. Д. Меншиков. М. : Университет. тип., 1903. 117 с.

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 гг. М. : Наука, 1965. 262 с.

Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М. : Тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.

Городков Б. Н. Поездка в Салымский край // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1911. Вып. 21. Тобольск : Тип. Эпархиального братства, 1913. С. 1–100.

Городков Б. Н. Река Конда. М. : Тип. Т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1913. 40 с.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в 2 т. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. Т. 1. 471 с.

Греков В. И. Из истории организации академических экспедиций 1768–1774 гг. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1971. № 4. С. 138–142.

Гриценко Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века : дис. … канд. ист. наук. Омск : [Б. и.], 2005. 275 с.

Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. : (Русское население и земледельческое освоение). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1965. 267 с.

Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник : журнал литературный и политический. СПб., 1863. Т. 94, № 1–2. Янв.-февр. Отд. 1. Словесность, науки и художества. С. 353–388.

Гурский И. В. Поездка на Северный Урал. С картой и чертежем (из дневника). Тобольск : Тип. Тобольск. губерн. правления, 1893. 61 с.

Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск : ИГПУ, 2005. 264 с.

Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 362 с.

Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Иркутск : Оттиск, 2018. Т. 3. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.). 256 с.

Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 88–93.

Дзюбинский Л. Пелымские поселенцы // Урал. 1975. № 12. С. 115–117.

Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири : Очерк по официальным документам. М. : Университет. тип., 1895. 210 с.

Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края : Опыт исследования экономического положения. Новониколаевск : Изд-е Сиб. рев. к-та, 1925. 81 с.

Догуревич Т. А. Свет Азии: распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, ценз. 1897. 167 с.

Долгих Б. О. Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.) / отв. ред. И. С. Гурвич и Б. О. Долгих. М. : Наука, 1970. С. 88–102.

Долгих Б. О. Племя у народностей Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.) / отв. ред. И. С. Гурвич и Б. О. Долгих. М. : Наука, 1970. С. 332–360.

Долгоруков П. В. Время императора Петра II и Анны Иоанновны : из зап. кн. П. В. Долгорукова / пер. с фр. С. М. М. : Моск. книгоизд. т-во «Образование», 1909. 184 с.

Доннер К. У самоедов в Сибири / пер. с нем. А. В. Байдак ; Томск. гос. ун-т, Межрегиональный ин-т обществ. наук. Томск : Ветер, 2008. 175 с.

Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург : Тезис, 1994. 264 с.

Дрянкова О. О. Структурно-демографическая характеристика хантыйской семьи в конце XVIII – середине XIX в. // Этнодемографический сборник. Народы Севера России / отв. ред. Е. А. Пивнева. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 132–168.

Дрянкова О. О. Типология семьи хантов в конце XVIII – середине XIX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. Вып. 4 / отв. ред. М. А. Дёмин, Т. К. Щеглова Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2001. С. 102–105.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север : Этнографический очерк местных инородцев : в 3 т. Репринт. изд. М. : Либерея, 1996. Т. 3. 204 с.

Елфимов В. И. Мемориал А. Д. Меншикова в Берёзове // Петровское время в лицах. СПб. : Гос. Эрмитаж, 1998. С. 292–300.

Есипов Г. В. Ссылка князя Меншикова. 1727 // Отеч. зап. 1860. № 8. С. 79–426.

Ефимов В. И. О строительстве памятника графу А. И. Остерману в Берёзово // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 2 (10). С. 116–122.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. : Наука, 1982. 224 с.

Жеребцов И. Л. Коми – жители первых западносибирских городов в конце XVI – первой четверти XVII в. // Культурное наследие Азиатской России : материалы I Сиб.-Урал. ист. конгр. / гл. ред. Н. А. Миненко ; отв. ред. А. Ю. Конев. Тобольск : Тобольск. гос. соц.-пед. акад. им. Д. И. Менделеева, 1997. С. 77–78.

Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Репр. изд. Тюмень : Мандр и К^{а}, 2005. 510 с.

Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2006. 321 с.

Задорожняя О. А. Сургутское купеческое общество в последней четверти XVII – первой четверти XIX в. // Очерки истории Сургута : сб. ст. / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Диорит, 2002. С. 37–49.

Задорожняя О. А. Купеческое общество Сургута (1775–1824 гг.) // Сургут в отечественной истории : сб. тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конф. / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Изд-во СурГУ, 2001. С. 51–54.

Зенько А. П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: структура и вариативность. Новосибирск : Наука : Сиб. предприятие, 1997. 152 с.

Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы : ист.-этногр. очерки. Екатеринбург : Баско, 2006. 272 с.

Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. 203 с.

Зибарев В. А., Марченко В. Г. К вопросу об административном устройстве малых народностей Севера в дореволюционной России // Вопросы археологии и этнографии Сибири : сб. ст. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978. С. 104–112.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1968. 247 с.

Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 288 с.

Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административного устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург : АМБ, 2003. 93 с.

Зубов В. Е. Административный аппарат Западной Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск : [Б. и.], 1997. 26 с.

Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772) / подг. к печати Г. Д. Вербов. М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 96 с.

Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск : Наука : Сиб. изд. фирма, 1992. 162 с.

Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII в. : (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2000. 335 с.

Игнатьев Р. Г. Из жизни государыни невесты кн. Е. А. Долгорукой // Рус. архив. 1866. Т. 1. Стб. 38–46.

Из истории Обдорской миссии: источники / сост., вступ. ст., коммент. В. Я. Темплинга. Тюмень : Мандр и К[а], 2004. 288 с.

Ириков С. И. Хозяйство и материальная культура тазовских селькупов // Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры / под ред. Л. В. Хомич. СПб. : Просвещение (фил.), 2002 (Петрозаводск : ГУП Респ. тип. им. П. Ф. Анохина), 2002. С. 39–118.

История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М. : Языки славян. культуры, 2012. 608 с.

История населенных пунктов Югры : краткий науч.-популярный справ. / сост. Е. А. Зайцева, В. П. Клюева, С. Н. Щербин ; Деп-т образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа. М. : Перо, 2012. 171 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 2. 542 с.

История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. 466 с.

Кабанов П. А. Политическая преступность как политико-криминологическая категория // Юридич. исслед. 2013. № 2. С. 247–273.

Кабо Р. М. Города Западной Сибири : Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.). М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1949. 217 с.

Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1968. С 174–185.

Каменецкий И. П., Элерт А. Х. Городской ландшафт Сибири в путевых описаниях уездов Г. Ф. Миллера // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1986. С. 253–264.

Карапетова И. А. Лесные ненцы: к проблеме региональной и субэтнической специфики в материальной культуре // Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала : сб. ст. М. : [Б. и.], 1986. С. 48–55.

Карапетова И. А., Соколова З. П., Соловьева К. Ю. Этносоциальная ситуация и проблемы традиционного природопользования восточных хантов и лесных ненцев // Сибирский этнографический сборник. Сб. 7. М. : [Б. и.], 1995. С. 5–20.

Каратыгин П. Семейные отношения графа А. И. Остермана // Ист. вестн. 1884. Т. 17. С. 603–623.

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов : в 3 т. / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1995.Т. 2. 264 с.

Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2004. 568 с.

Квашнин Ю. Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 23–66.

Киссер Т. С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.

Кишкин Л. С. Декабрист Враницкий : (Из истории русско-чешских связей) // Краткие сообщения : (Ин-т славяноведения АН СССР). Вып. 9. Из истории русско-славянских отношений. М. : [Б. и.], 1952. С. 38–42.

Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб. : Нестор-История, 2008. 301 с.

Киянская О. И. Южное общество декабристов: Люди и события : Очерки истории тайных обществ 1820-х годов. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 442 с.

Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 2003. 489 с.

Кодан С. В. Законодательство о коренном населении Сибири в системе местного права Российской империи (1800–1850 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: стратегические приоритеты региональной политики : сб. науч. тр. Вып. 1 / под общ. ред. Э. Ю. Абелинскас. Екатеринбург ; Салехард : Ин-т стратегич. анализа и соц. проектирования, 2003. С. 153–179.

Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII века: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации : (сб. док.) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор Бук, 2003. 215 с.

Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В. И. Байдина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 389 с.

Козьмин В. А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск : сб. ст. / отв. ред. Г. И. Пелих, Е. М. Тощакова. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. С. 163–170.

Козьмин В. А. Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей (конец XIX – начало XX в.) // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов : тез. докл. обл. науч. конф. по лингвистике. Омск : Изд-во ОмГУ, 1983. С. 21–25.

Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 232 с.

Колесникова С. Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов дис. … канд. ист. наук. Томск : [Б. и.], 2000. 173 с.

Конев А. Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVII–XIX века) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 303–319.

Конев А. Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56

Конев А. Ю. «Инородцы» – сословный проект империи: сибирская версия // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века) : сб. материалов всерос. науч. конф. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск : Параллель ; Ин-т истории СО РАН, 2014. С. 13–15.

Конев А. Ю. «Инородцы» Российской империи – к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.

Конев А. Ю. Как и зачем Екатерина II изобретала «Сибирское царство» // Русский сборник : Исследования по истории России. Вып. 32. М. : Модест Колеров, 2022. С. 69–82.

Конев А. Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 81–86.

Конев А. Ю. Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах государственного архива Тюменской области // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2014. № 22 (351). С. 137–141.

Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. 217 с.

Конев А. Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 765–769.

Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177.

Конев А. Ю., Поплавский Р. О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI – XVIII в.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 165–174.

Конев А. Ю., Юзеева О. А. Катехизическая деятельность приходского духовенства среди народов Северо-Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) : коллект. моногр. / А. С. Андриенко, И. В. Балюнов, П. В. Белоус и др. ; под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2020. 246 с.

Конев А. Ю. Этнический фактор в формировании административно-территориальной структуры региона (на материалах Западной Сибири XVII–XIX вв.) // Актуальные вопросы истории Сибири : Седьмые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина : сб. материалов науч. конф. / отв. ред. В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. Барнаул : Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2009. С. 89–91.

Коновалов И. А. «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. – первый опыт кодификации М. М. Сперанского // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 32–39

Коновалова Е. Н. Путешествие из Петербурга в Берёзов // Родина. 2005. № 12. С. 10-13.

Коновалова Е. Н., Трофимова О. В. Изобразительный материал на рукописных картах Западной Сибири (XVII–XIX вв.) // Геодезия и картография. 2015. № 9. С. 53–61.

Копотилов М. П. Декабристы в Тобольском крае: 1825–1925. Тобольск : Комиссия Тобольск. окрисполкома по ознаменованию столетия со дня восстания декабристов и О-во изучения при Музее Тобольск. Севера, 1926. 38 с.

Корнющенко Д. И., Макеева Е. Д. Род Черкасовых в истории России XVII–XX столетий: историко-генеалогическое исследование. М. : Спутник+, 2008. 608 с.

Корсаков Д. А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой (Фаворит и оберкамергер императора Петра второго) (1708–1739) // Древняя и Новая Россия. 1879. № 1. С. 31–52.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 298 с.

Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М. ; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 330 с.

Косвен М. О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М. ; Л. : [Б. и.], 1961. Вып. 3. С. 167–212.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей : в 3 т. (репринт. воспр. изд. 1873–1888 гг.). [в 3 т.]. М. : АО «Книга и бизнес», 1992. Т. 3. 350 с.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 443 с.

Кузакова Е. А. Мифы, предания, сказки, хантов и манси : перевод с хантыйского, мансийского, немецкого языков. М. : Наука, 1990. 567 с.

Кузнецова А. И., Казакевич О. А. Мифология селькупов. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2004. 380 с.

Кулемзин В. М. Культ медведя и шаманизм у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / отв. ред. И. Н. Гемуев и др. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 72–78.

Кулемзин В. М. Некоторые наблюдения над жизнеобеспечивающими системами и опыт их типологии // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности : Теория, методология, практика / редкол.: О. М. Рындина (отв. ред.) и др. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1998. С. 21–24.

Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск : Изд-во ТГУ, 1984. 192 с.

Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л. : Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1965. 40 с.

Курукин И. В. Анна Леопольдовна. М. : Молодая гвардия, 2012. 302 с.

Курукин И. В. Бирон. М. : Молодая гвардия, 2006. 426 с.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь» : Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань : НРИИД, 2003. 565 с.

Курукин И., Никулина Е. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М. : Молодая гвардия, 2008. 638 с.

Курышов А. М. «Ученый-сибиряк» С. П. Швецов и его научное наследие // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 3. С. 103–113.

Лар Л. А. Освоение территорий Обдорского Севера русскими в XVIII – начале XX в. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. 2009. № 1/2 (63). С. 189–197.

Лебедев В. В. К вопросу о брачно-родственных связях тазовских селькупов // Полевые исследования Института этнографии : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. С. И. Вайнштейн. М. : Наука, 1978. 248 с.

Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 240 с.

Лебедев В. В. Роль оленеводства в хозяйственном комплексе тазовских селькупов (к проблеме становления производящего оленеводческого хозяйства) // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М. : [Б. и.], 1978. С. 14–25.

Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. 1980. № 2. С. 82–91.

Легенды и сказки хантов / записи, введение и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1973. 216 с.

Леонтьев В. М. Источники и литература об основании и застройке г. Берёзова конца XVI – начала XVIII в. // Источниковедение городов Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : [Б. и.], 1983. С. 17–26.

Леонтьев В. М. Пушные промыслы и торговля г. Берёзова в конце XVI – начале XVIII в. в освещении отечественных историков // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 147–172.

Лефельдт В. О подготовке биографии Д. Г. Мессершмидта и о рукописи «Sibiria Perlustrata» // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. ст. / отв. ред. И. В. Тункина. СПб. : Реноме, 2021. С. 19–23.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1998. 135 с.

Литвинчук М. С. Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 75–79.

Литвинчук М. С. Формирование локальной группы русских в г. Сургуте и Сургутском уезде в XVII – начале XX вв. // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2013. № 6 (27). С. 114–119.

Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 262 с.

Лукина Н. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири : сб. ст. / отв. ред. Ч. М. Таксами. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 121–138.

Лукина Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов. Конец XIX – 70-е гг. XX в. // СЭ. 1979. № 6. С. 110–121.

Лурье С. С. Борьба за власть при преемниках Петра I // Вопр. истории. 1968. № 3. С. 208–214.

Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. М. : Изд. торг. дом «Гранд» : Фаир-Пресс, 2004. 366 с.

Люцидарская А. А. Государственные практики культурно-хозяйственной адаптации коренных народов Сибири XVII – начала XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 37–40.

Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. 177 с.

Магидович В. И., Магидович И. П. Географические открытия и исследования XVII–XVIII веков. М. : Центрполиграф, 2004. 494 с.

Максимов С. В. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб. : Типолит. Н. Стефанова, 1891. Ч. 3. [4], IV, 377 с.

Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 392 с.

Мартынова Е. П. «Дай, и тебе будет дано»: реципрокность в культово-религиозных практиках обских угров // Тульск. науч. вестн. Сер.: История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 13–22.

Мартынова Е. П. Институт дарообмена у обских угров в антропологическом дискурсе // Вестн. угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 546–555.

Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // История и культура хантов : сб. ст. / под. ред. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1995. С. 77–120.

Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М. : [Б. и.], 1998. 235 с.

Мартынова Е. П. Этнодемографические процессы в среде южных хантов в XVIII–XIX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1988. № 1. С. 66–75.

Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья : (По материалам ХМАО). М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 152 с.

Марченко В. Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография Приобья. Томск : [Б. и.], 1982. С. 153–164.

Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России : дис. … канд. ист. наук. Томск : [Б. и.], 1985. 212 с.

Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири : сб. ст. / отв. ред. В. П. Визганов. Вып. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2002. 244 с.

Материалы по фольклору хантов / [записи, введение и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной]. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978. 216 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1941.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов : в 2 ч. / изд. подг. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М. : Памятники ист. мысли, 2009. Ч. 1. 453 с.

Миненко Н. А. Выбор веры // На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах / отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург : Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 123–230.

Миненко Н. А. Русское старожильческое население Югры // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. : Исследовательские материалы и документы : сб. / авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков. М. : Галерия, 2007. 591 с.

Миненко Н. А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2000. С. 209–217.

Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : ист.-этногр. очерк. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.

Миненко Н. А. Узники Берёзовского острога // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. Л. М. Горюшкин и др. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1975. 304 с.

Митрофанов В. В. Очерки по истории Тобольска, Берёзова и Сургута в XIX веке. Екатеринбург : ЮУрГУ, Филиал в г. Нижневартовске, 2016. 238 с.

Мифология манси / отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2001. 195 с.

Мифы, сказки, предания манси (вогулов): в записях 1889, 1952, 1958–1960, 1968, 1978, 1992, 2002 гг. / сост. Е. И. Ромбандеева. М. ; Новосибирск : Наука, 2005. 269 с.

Михневич В. Две невесты Петра II // Ист. вестн. 1898. № 1. С. 201–208.

М. М. Сперанский : Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирской реформы М. М. Сперанского) / отв. ред. Л. М. Дамешек и др. Иркутск : Тип. изд-ва «Оттиск», 2003. 263 с.

Морозов В. М. Очерки истории Коды. Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. 192 с.

Мурзина А. И. К вопросу о социальном строе народов Северо-Западной Сибири в первой половине XIX века // Уч. зап. ЛГУ. 1948. Сер. востоковедческая. № 105. Вып. 2. С. 288–300.

Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков : [электронный ресурс] / пер. с фр. Н. В. Кирющенко и. П. А. Кротова. Ханты-Мансийск, 2003. [Без паг.]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : зв., цв.; 12 см.

Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. С. Соколова. М. : Наука, 2005. 805 с.

Народы Северо-Востока Сибири: айны, алеуты, ительмены, камчадалы, кереки, коряки, нивхи, чуванцы, чукчи, эскимосы, юкагиры / отв. ред. Е. П. Батьянова, В. А. Тураев. М. : Наука, 2010. 772 с.

Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.: Наука СССР, 1956. 1114 с.

Невская Н. И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 238 с.

Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Мысль, 1975. 398 с.

Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопр. истории. 1951. № 4. С. 44–48.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб. : О-во любителей древней письменности, 1884. 116 с.

Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 184 с.

Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 78 с.

Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М. ; Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1966. 95 с.

Носилов К. Д. У вогулов : очерки и наброски. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 303 с.

Областные правители России, 1719–1739 гг. / сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М. : РОССПЭН, 2008. 829 с.

Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1841. 136 с.

Овчинников Р. В. Крушение «полудержавного властелина» (документы следственного дела князя А. Д. Меншикова) // Вопр. истории. 1970. № 9. С. 87–104.

Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 148 с.

Опейкин А. В. Березов православный: сакральное пространство местного сообщества (конец XVI – начало XX в.) // Славянский ход 2005. Материалы и исследования : альманах. Вып. 2. СПб. : [Б. и.], 2005. С. 118–125.

Опейкин А. В. Покровская церковь села Самарово // Славянский ход 1991–2002. Материалы и исследования : альманах. Вып. 1. СПб. : Микс Дизайн, 2004. С. 44–49.

Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М. : Наука, 2000. 244 с.

Осипов В. И. Предисловие // Научное наследие П. С. Палласа. Письма: 1768–1771. СПб. : Тиалид, 1993. 250 с.

Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. 583 с.

Очерки истории Тюменской области / под ред. В. М. Кружинова. Тюмень : Комитет по печати и массовой информации Адм. Тюмен. обл., 1994. 269 с.

Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. ; Ханты-Мансийск : [Б. и.], 2020. 609 с.

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М. : Наука, 1981. 197 с.

Павленко Н. И. Граф Остерман. М. : Проспект, 2018. 191 с.

Павленко Н. И. Страсти у трона. История дворцовых переворотов. М. : Журн. «Родина», 1996. 317 с.

Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск : [Б. и.], 1972. 410 с.

Павлова Л. Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. М. : Наука, 1979. 127 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников. Тобольск : Тобольск. губерн. стат. комитет, 1884. 408 с.

Пархимович С. Г., Туров С. В. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 486 с.

Патканов С. К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири : [в 3 вып.]. СПб. : Тип. Я. И. Либермана, 1891–1893.

Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири : Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб. : Имп. акад. наук, 1911. 210 с.

Патканов С. К. По Демьянке (бытовой и экономический очерк) // Зап. Зап.-Сиб. отд-ния РГО. Омск, 1894. Кн. 16. Вып. 2–3. С. 1–64.

Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 85–116. Вып. 4. С. 67–108.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании специальной разработки материала переписи 1897 года) : [в 3 т.]. СПб. : [Б. и.], 1911–1912. Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. 431 с.

Пекарский П. П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Берёзов в 1740 г. : Со снимками видов Берёзова, рис. в 1740 г. СПб. : Тип. Акад. наук, 1865. 74 с.

Пелих Г. И. Происхождение и история селькупов. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1972 г. 427 с.

Перевалова Е. В. Атых Микола-Торум (Милостивый бог Николай) // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 123–125.

Перевалова Е. В. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации. (XVII – начало XX века) : сб. ст. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2008. С. 155–185.

Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть : дис. … д-ра ист. наук : в 2 т. Екатеринбург : [Б. и.], 2017. 638 с.

Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург ; Нижневартовск : Адм. Нижневартовск. р-на, 2006. 351 с.

Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2004. 413 с.

Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1999. 306 с.

Пивнева Е. А. Проблемы исторической демографии обских угров // Угры : материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири», 9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск / отв. ред. А. В. Нескоров. Тобольск : ООО «Тобольск-Нефтехим», 2003. С. 437–450.

Пика А. И. Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII–XIX вв.): реальность или иллюзия? // СЭ. 1986. № 3. С. 36–46.

Пика А. И. Соседская община в процессе формирования северо-мансийской этнической общности // Этнокультурные процессы в Западной Сибири : сб. ст. / отв. ред. В. И. Матющенко. Томск : ТГУ, 1983. С. 151–162.

Пика А. И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII–XX вв.) : дис. … канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1982. 224 с.

Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестн. Перм. ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 44–52.

Побережников И. В. Административный фактор в рамках фронтирной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск : Нонпарель 2011. С. 24–29.

Показаньев Ф. Я. Город древний, город славный: исторические записки. Сургут : Сев.-Сиб. регион. книж. изд-во : Акционер. информ.-изд. концерн «Сев. дом», 1994. 159 с.

Попов Г. Остяцкие князья (1864–1884) // Рус. старина. 1890. Т. 68, № 11. С. 457–460.

Православные приходы Берёзовского края в XIX – начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор Бук, 2004. 461 с.

Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Потапов, М. Г. Левин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 88–107.

Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера : сб. ст. / отв. ред. И. С. Вдовин. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. С. 139–155.

Прутченко А. С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства : ист.-юридич. очерки. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1899. 407 с.

Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Вып. XV / отв. ред. С. П. Толстов, Л. П. Потапов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1953. С. 123–233.

Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце в конце XVI–XVIII в. Историко-этнографический аспект колонизации Сибири // Вестн. угроведения. 2013. № 4 (15). С. 135–151.

Путешествие по Обскому Северу / под ред. С. Г. Пархимовича ; сост. Ю. Л. Мандрика // Прил. к журн. «Лукич». Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 1999. Т. 3. 236 с.

Путинцев М. Святыни Берёзовского Воскресенского собора // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 23–24. С. 507–510.

Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. Последняя четверть XVIII – первая четверть XIX в. : справочник. Челябинск : Челябинск. гос. ун-т, 1998. 270 с.

Рабцевич В. В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII – первых десятилетиях XIX столетия // Вопросы истории Сибири досоветского периода : Бахрушинские чтения, 1969 / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1973. С. 234–244.

Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 197 с.

Рафиенко Л. С. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. // Археографический ежегодник за 1973 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 1974. С. 58–67.

Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Избранное. Новосибирск : СовА, 2006. 299 с.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 606 с.

Редин Д. А. Дьяческий корпус Сибирской губернии в царствование Петра I // Рос. история. 2013. № 3. С. 66–74.

Редин Д. А. Обско-угорская знать и русское государство: сценарии адаптации (XVII – первая половина XVIII в.) // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште / ред. Г. Дьёни. Будапешт : Russica Pannonicana, 2012. Т. 2. С. 74–79.

Редин Д. А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Изв. Урал. федер. ун-та. 2012. № 3 (105). Сер. 2 : Гуманитарные науки. С. 31–47.

Резун Д. Я. О численности и составе купечества города Берёзова в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. : сб. ст. Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2001. С. 3–9.

Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. : Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск : Наука : Сиб. изд. фирма, 1992. 154 с.

Ремнев А. В. Дело Д. Н. Бантыш-Каменского // Изв. Омск. гос. ист.-краеведч. музея. 1993. № 2. С. 54–60.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 1995. 236 с.

Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. 577 с.

Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : АИИК «Сев. дом» и Сев.-Сиб. регион. книж. изд-во, 1993. 208 с.

Рощевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск : Ср.-Урал. книж. изд-во, 1975. 48 с.

Рощевский П. И. Политические деятели XVI–XVIII в. в тобольском изгнании // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России : сб. ст. / отв. ред. П. И. Рощевский. Тюмень : [Б. и.], 1975. С. 12–28.

Румянцев П. П. Начальники жандармского округа в Сибири: социальный портрет // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 1. С. 94–103.

Румянцев П. П. Первые жандармские штаб-офицеры в Иркутской губернии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2020. Т. 33. С. 6–14.

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост. и коммент. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010. 830 с.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы / авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков. М. : Галерия, 2007. 591 с.

Рутько И. М., Семянников Б. Г. Геодезист Петр Чичагов и его деяния // Международный журнал теории и научной практики. 2019. Т. 2, № 1. С. 15–19.

Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Полицейский сыск при царях. М. : Мысль, 1993. 432 с.

Салищев К. А. Собрания русских карт первой половины XVIII в. в Париже (коллекция акад. И. Н. Делиля) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1960. № 4. С. 104–110.

Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII – середине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Омск : [Б. и.], 2011. 257 с.

Сафронов В. Сибирь и ссылка // Югра. 2003. № 6. С. 59–64.

Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.) // Уч. зап. Тюмен. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 55–73.

Свешников Н. А. Христианизация народов Нижнего Приобья // Уч. зап. Енисейск. гос. пед. ин-та. Вып. 3 (Сер. историко-филологическая). Енисейск : [Б. и.], 1959. С. 91–111.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подг. текста, предисл., коммент. А. Х. Элерта. Екатеринбург : Волот, 2006. 407 с.

Семёнов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895 : [в 3 ч.]. СПб. : [Б. и.], 1896. Ч. 1. 468 с.

Семёнов О. В., Мосин А. Г. Преображенская церковь и религиозная жизнь Малого Атлыма в начале XVIII – первой трети XX века : сб. док. и материалов. Екатеринбург : Волот, 2012. 237 с.

Сергеева Г. И. А. Д. Меншиков и историческая память // Меншиковские чтения. Вып. 10. СПб. : XVIII век, 2015. С. 123–139.

Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / авт.-сост. Т. И. Бакулина и др. Тюмень : Тюмен. изд. дом, 2000. 576 с.

Сибирский летописец : летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденая в Тобольске / с предисл. Е. В. Кузнецова. Тобольск : Тип. губерн. правления, 1892. 45 с.

Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира : сб. ст. / отв. ред. Н. Л. Жуковская, С. Я. Серов. М. : Наука : Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. С. 201–253.

Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001. 342 с.

Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне реки Таз // Советский Север. 1931. № 3, 4. С. 70–87.

Скалон В. Н. Рыбные промыслы в бассейне реки Таз // Советский Север. 1931. № 9. С. 42–65.

Скосырев Н. Д., иерей. Очерк жития митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича, 1651–1715 гг. М. : Типолит. Т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1892. 76 с.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : [в 2 кн.]. 2-е изд. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1886. Кн. 1. С 1585 по 1742 год. 326 с.

Словцов П. А. Письма из Сибири. Тюмень : Ю. Мандрика, 1999. 255 с.

Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. М. : Новое изд-во, 2005. С. 502–534.

Слугина В. А. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1. История. С. 58–65.

Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в. : энцикл. словарь. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 1006 с.

Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии. М. : Наука, 1993. 412 с.

Соколова З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 118–133.

Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.

Соколова З. П. Платок в культуре хантов и манси // Сибирский этнографический сборник. Вып. 10. Этнография народов Западной Сибири : К юбилею д-ра ист. наук, проф. З. П. Соколовой. М. : Старый сад, 2000. С. 49–69.

Соколова З. П. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // СЭ. 1976. № 6. С. 13–38.

Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.) / отв. ред. И. С. Гурвич и Б. О. Долгих. М. : Наука, 1970. С. 103–153.

Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVII– XIX вв. Проблемы фратрии и рода. Наука, 1983. 325 с.

Соколова З. П. Численный, фамильный и брачный состав хантов и манси в XVIII–XX вв. (материалы). М. : [Б. и.], 1979. 357 с.

Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М. : [Б. и.], 1990. 208 с.

Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях Средневековья = Treasures of the Ob. Western Siberia on the medieval trade routes : кат. выставки. Салехард ; СПб. : [Б. и.], 2003. 58 с.

Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX веков : дис. … д-ра ист. наук. Барнаул : [Б. и.], 2007. 450 с.

Софронов В. Ю. Три века сибирского миссионерства : [в 3 ч.]. Тобольск : Тобольск. гос. пед. ин-т, 2005. Ч. 2. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди мусульман и старообрядцев Западной Сибири. 169 с.

Спичак А. В. Дела Тобольской духовной консистории по контролю за обращением «идолопоклоннических народов» в православную веру во второй половине XVIII–XIX в. // Обские угры: единство и разнообразие культуры : материалы науч.-практ. конф. / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок ; отв. ред. Т. В. Волдина и др. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. С. 129–134.

Сподина В. И. Многоженство как форма брачных обычаев коренных народов Севера: этнические категории нравственности // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Вып. 45. История. 2011. № 12 (227). С. 5–9.

Сподина В. И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев (по материалам традиционной культуры и языка). Ханты-Мансийск : ООО Тип. «Печатное дело», 2010. 114 с.

Сподина В. И. Особенности рыболовства на малых водоемах (на материале лесных ненцев) // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 129–145.

Сулоцкий А. И. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского / протоиер. А. Сулоцкого. Изд. 3-е, испр. и доп. М. Д. Усова. Шамордино, Калуж. губ. : Тип. Казанской Амвросиевской жен. пустыни, 1915. 71 с.

Сулоцкий А. И. Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая в ссылке в Берёзове и монашестве в Томске // Иркутские епархиальные ведомости. 1872. № 49–50. С. 667–669.

Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Сулоцкий А. И. Соч. : в 3 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 1. О церковных древностях Сибири. С. 221–241.

Сулоцкий А. Нечто о миссиях в Тобольской епархии // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1870. № 2. С. 24–25. № 3. С. 29–37.

Сумароков П. Миссионерство в Сибири // Христианское чтение. 1883. № 9–10. С. 411–435; № 11–12. С. 561–593. 1884. № 1–2. С. 113–147; № 5–6. С. 639–673; № 9–10. С. 327–341.

Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень : Мандр и К^{а}, 2006. 374 с.

Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылки // Каторга и ссылка : историко-революционный вестник. 1929. № 12. С. 92–117.

Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. М. : КМК, 2014. 456 с.

Сытин А. К., Сластунов Д. Д. Даниэль Готлиб Мессершмидт – ботаник // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века / сост. А. К. Сытин, Д. Д. Сластунов. СПб. : Келлер, 2022. С. 43–62.

Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север : ист.-краеведч. сб. / ред.-сост. Л. В. Цареградская. Сургут : Сев.-Сиб. регион. книж. изд-во, 2002. 256 с.

Тальская О. С. Александр Федорович Бриген // Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1986. С. 3–66.

Тетерин Г. Н. История геодезии с древнейших времен. Новосибирск : [Б. и.], 2001. 431 с.

Титов А. Где тонко – тут и рвется : Заметка о Берёзовском крае // Подорожник : краеведч. сб. Вып. 1. Тюмень : Вектор Бук, 2002. С. 87–98.

Титова З. Д. Дневник Т. Кёнигсфельда – этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири // СЭ. 1975. № 6. С. 100.

Титова З. Д. К истории этнографического изучения хантов, манси и кетов в XVIII в. // История, археология и этнография Сибири : сб. ст. / отв. ред. В. И. Матющенко. Томск : Изд-во ТГУ, 1979. С. 130–144.

Титова З. Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири : (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. : [Б. и.], 1978. Вып. 8. С. 5–14.

Токарев С. А. Из истории этнографических исследований в Академии наук // СЭ. 1974. № 2. С. 11–19.

Токарев С. А. История русской этнографии : (Дооктябрьский период). М. : Наука, 1966. 452 с.

Толычева Т. Наталья Борисовна Долгорукова и берёзовские ссыльные. М. : [Б. и.], 1874. 64 с.

Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981. 275 с.

Томсинов В. А. Светило русской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М. : Зерцало-М, 2013. 457 с.

Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1871. 316 с.

Троицкий В. А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Изв. ВГО. 1974. Т. 106, вып. 2. С. 134–140.

Турилов А. А., Чернецов А. В. Ангел Пострелил и зверь Любимец : (Сибирский сборник заговоров первой трети XVIII в.) // Живая старина. 1994. № 1. С. 26–28.

Туров С. В. Берёзовские казаки – потомки сподвижников Ермака (к вопросу об истоках складывания исторического самосознания русского населения Сибири // Меншиковские чтения – 2019 = Menshikov Memorial Readings : материалы рос. науч. конф. Вып. 12. Тюмень : Титул, 2019. С. 94–100.

Туров С. В. Земные и небесные всадники града Берёзова: к вопросу о роли мифоэпической традиции в формировании исторического самосознания русского населения Азиатской России (XVII – начало XX в.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2020. № 67. С. 54–61.

Туров С. В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века): очерки этнической экологии. Екатеринбург, 2007.

Туров С. В. Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки // Науч. вестн. ЯНАО. 2006. Вып. 7 (44). Салехард : Красный Север, 2006. С. 27–29.

Туров С. В. Сургутский край – вотчина черного лиса: из истории охоты и звероводства XVII – начала XX в. // Наука. Общество. Человек : Вестн. Урал. отд-ния РАН. 2011. № 4 (380) С. 108–116.

Тычинская П. А. Древнейшие изображения архангела Михаила – грозных сил воеводы // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 166.

Уткин Г. Н. Новое о собраниях русских карт первой половины XVIII века в Париже // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1981. № 2. С. 126 –131.

Фарносова В. В. Берёзово: история и современность (XVII–XX вв.). Тюмень : Мандр и К[а], 2003. 253 с.

Фёдоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы…». Следствие и суд над декабристами. М. : Мысль, 1988. 298 с.

Фёдорова Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб. : МАЭ, 1994. 283 с.

Фёдорова Е. Г. Люди Пор и люди Мось в представлениях современных манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб. : [Б. и.], 1998. Вып. 4. С. 124–134.

Фёдорова Е. Г. Манси-оленеводы Урала // Языки и культура народов ханты и манси : в 2 ч. / редкол.: Н. В. Лукина и др. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2002. Ч. 1. Этнология, социология, экономика. С. 113–120.

Фёдорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб. : Европ. дом, 2000. 365 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. : При Имп. акад. наук, 1774. 631 с.

Харючи Г. П. Почитание животных и промысловые культы у ненцев // Народы Северо-Западной Сибири. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2002. Вып. 10. С. 31–48.

Хить Г. Л., Долинова Н. А. и др. Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // Вестн. антропологии. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. Вып. 2. С. 111–128.

Хомич Л. В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Вторая половина XIX – начало XX в. : сб. ст. / отв. ред. и авт. предисл. И. С. Вдовин. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 227 с.

Хомич Л. В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы : Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л. : [Б. и.], 1972. С. 199–214.

Хомич Л. В. Ненцы : ист.-этногр. очерки. М. ; Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. 329 с.

Хоч А. А. Административная политика М. М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. МГУ. Сер. 8: История. 1990. № 5. С. 40–49.

Цысь В. В., Солодкин Я. Г. и др. Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль). Нижневартовск : НВГУ ; Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2020. 223 с.

Цысь В. В., Цысь О. П. Краткая характеристика настоятелей Ларьякской Знаменской церкви тобольской епархии (XVIII – первая треть XX в. // Православие. Наука. Образование. 2018. № 1 (5). С. 30–36.

Цысь В. В., Цысь О. П. Пожары и меры противопожарной безопасности в церквях Тобольского Севера в синодальный период (1722–1917) // Науч. диалог. 2020. № 2. С. 421–434.

Цысь В. В., Цысь О. П. и др. Православие в Нижневартовском районе: три века истории. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2018. 122 с.

Цысь В. В., Цысь О. П. Приходское духовенство на Тобольском Севере в XVIII – начале XX в.: формирование и эволюция // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 25–32.

Цысь В. В., Цысь О. П. Сельское храмовое строительство на Тобольском Севере в XVIII – начале XX веков // Науч. диалог. 2019. № 4. С. 342–358.

Цысь О. П. Кондинский Свято-Троицкий монастырь Тобольской епархии в XIX – начале XX вв. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовск. гос. ун-та, 2017. 120 с.

Цысь О. П. Пожары и меры противопожарной безопасности в церквях Тобольского Севера в синодальный период (1722–1917) // Науч. диалог. 2020. № 2. С. 421–434.

Цысь О. П. Распространение картофеля на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв. // Культура. Наука. Образование. 2020. № 4. С. 111–117.

Черказьянова И. В. Школа пленных шведов в Тобольске: опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: российско-немецкий диалог : сб. ст. / отв. ред. Г. И. Смагина и др. СПб. : ДБ, 2001. С. 155–167.

Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1987. 284 с.

Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. № 6/7. С. 159–183.

Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42.

Чибилёв А. А., Богданов С. В. Граница Европы и Азии: история вопроса, проблемы верификации природных и культурно-исторических рубежей // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 95–105.

Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М. : Наука, 1989. 213 с.

Чивтаев Ю. И. Спутники Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. ст. / отв. ред. И. В. Тункина. СПб. : Реноме, 2021. С. 65–118.

Чукарев А. Г. Тайная полиция России: 1826–1855 гг. М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005. 701 с.

Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда. М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. 21 с.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки : (Этнографические очерки) // Тр. Томск. краевого музея. Т. 4. Томск : Томск. краевой музей, 1931. 175 с.

Шашков А. Т. Боевые укрепления города Березова в конце XVI – начале XVIII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. : Исследования, материалы и документы / авт.-сост. Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шашков. М. : Галерия, 2007. С. 65–91.

Шашков А. Т. Документы конца XVI – первой четверти XX в. по истории книжности и духовного просвещения Северо-Западной Сибири // Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 2003. С. 377–447.

Шашков А. Т. Из истории церквей Сургута и Сургутского уезда // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1 (9). Сургут : [Б. и.], 2004. С. 39–46.

Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее : сб. науч. ст. Сургут : Диорит, 2004. С. 65–89.

Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры : Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 2003. С. 5–62.

Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С. С. Исторические этюды : в 2 т. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1872. Т. 2. 349 с.

Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург : Ср.-Урал. книж. изд-во, 1998. С. 34–111.

Шемановский И. С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Шемановский И. С. Избр. тр. / сост., авт. вступит. Ст. Л. Ф. Липатова. М. : Сов. спорт, 2005. С. 109–289.

Шигин В. В. Тайный сыск генерала де Витта. М. : Вече, 2011. 382 с.

Шиловский Д. М., Шиловский В. М. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск : НГУЭУ, 2018. 346 с.

Шипилов И. А. Инструкции Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина для участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции как научно-исследовательские программы // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры : сб. ст. / отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск : Апостроф, 2019. С. 92–116.

Шипилов И. А. Источники по истории Сибири первой половины XVIII в.: рисунки художников Второй Камчатской экспедиции // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2020. Т. 34. С. 73–82.

Шипилов И. А. К истории становления таксидермии в России : Материалы академических экспедиций XVIII в. в Сибирь // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. : сб. науч. тр. Сер.: Археография и источниковедение Сибири / отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2021. С. 89–98.

Шипилов И. А. Путевые описания вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Х. Элерт. Т. 35. Сер.: Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 2016. С. 120–141.

Ширина Д. А. Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 137 с.

Шкерин В. А. Уральский след декабриста Бригена. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. 311 с.

Шубинский С. Н. Арест и ссылка Бирона 1740 г. // Рус. старина. 1871. № 5. С. 537–561.

Шубинский С. Н. Граф Андрей Иванович Остерман. 1686–1746 : биогр. очерк. СПб. : Тип. В. Спиридонова и К°, 1863. 75 с.

Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района / отд. отт. Свердловск : Тип. Урал. обл. исполнит. комитета, 1926. 19–39 с.

Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М. ; Л. : Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1946. 228 с.

Шунков В. И. Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во АН СССР, 1955–1959. Т. 3, ч. 1. 375, [1] с.

Шуппенер Г. Статистический материал в путевых заметках и других сочинениях о России конца XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М. : РОССПЭН, 2008. С. 138–151.

Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели : Результаты Казымской экскурсии И. Н. Шухова // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Тобольск : Тип. Епархиального братства, 1916. Вып. 26. С. 1–57.

Щербич С. Н. Из истории библиотеки Кондинского (Кодинского) Троицкого монастыря // Проблемы экономической и общественно-политической истории дореволюционной России : сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Суринов. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004. С. 93–104.

Щербаченко В. И., Бредихин В. Н., Филиппов С. В. Род Меншиковых в истории России : ист.-биогр. очерки. СПб. : Ист. ил., 2000. 191 с.

Эдельман О. Следствие по делу декабристов. М. : Модест Колеров, 2010. 354 с.

Экштут С. А. В поиске исторической альтернативы : Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М. : Россия молодая, 1994. 228 с.

Элерт А. Х. Анкеты Г. Ф. Миллера 1734–1742 гг. как источник по истории освоения Сибири // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма : сб. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. С. 78–91.

Элерт А. Х. Мессершмидт Даниэль Готлиб // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2. К–Р. С. 350.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера : К 275-летию Российской академии наук. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния РАН, 1999. 240 с.

Элерт А. Х. Страленберг (Штраленберг) Табберт Филипп Иоганн // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2010. Т. 3. С–Я. С. 191–192.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 245 с.

Югория : энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа : в 4 т. / гл. ред. Г. Ф. Шафранов-Куцев. Ханты-Мансийск : Лаб. регион. энциклопедий ТюмГУ ; Екатеринбург : Сократ, 2000–2005. Т. 3. Р–Я. 431 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия : Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Якунин А. О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопр. истории. 1951. № 11. С. 83–86.

Ярош Г. Ф. И. Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 1, вып. 1. С. 68–72.

Ярошко А. Ф. Православное наследие Сургута. Тюмень : Мандр и К[а], 2006. 175 с.

Bucher G. «Von Beschreibung der Sitten und Gebräuche der Völcker»: die Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers und ihre Bedeutung für die Geschichte der Ethnologie und der Geschichtswissenschaft. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2002. 264 S.

Extrait d'un voyage fait en 1740 à Beresow en Sibérie, aux dépens de la Cour Impériale, par M. De Lisle, Doyen de l'Académie Royale des Sciences, alors Professeur d'Astronomie à l'Académie de Petersbourg, pour y observer le passage de Mercure sur le disque du Soleil, et du Journal de M. Koenigsfeld, qui l'accompagnoit // Histoire générale des voyages : [24 t.]. Amsterdam : Aktée et Merkus, 1779. T. 24. P. 500–540.

Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha : Justus Perthes, 1996. № 62. 67 S.

Jürgensohn A. Der Generalfeldmarschall B. C. Graf von Münnich // St-Petersburger Zeitung. 1886. № 128–132.

Manaster Ramer A., Sidwell P. The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1997. Vol. 87. P. 139–160.

Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle : Univ. of Washington Press, 1956. 210 p.

Vermeulen H. F. Gerhard Friedrich Müller and the Genesis of Ethnography in Siberia // Etnografia. 2018. № 1. P. 40–63.

Vermeulen H. F. Peter Simon Pallas und die Ethnografie Sibiriens im 18. Jahrhundert // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. Fürstenberg ; Havel : Kulturstiftung Sibirien, 2013. S. 47–75.

Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin : Akadem. Verlag, 1953. 502 S.

Wreech K. F. Wahrhaffte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau : Joh. Gottlibe Rothe, 1725. 882 S.

Указатель географических названий

Принятые сокращения:

возв. – *возвышенность*; вол. – *волость*; г. – *город*; губ. – *губерния*; д. – *деревня*; м. – *место, местечко*; обл. – *область*; оз. – *озеро*; п. – *поселок*; п-ов – *полуостров*; прот. – *протока*; р. – *река*; р-н – *район*; с. – *село*; у. – *уезд*; ю. – *юрты*

А

Аган, р., 72, 81–82, 84, 101–103, 111–113, 361, 470, 601

Аганская вол., 81, 285, 359, 434

Азия, 14, 471—473

– Передняя, 502

– Северная, 41, 178

– Средняя, 296

Алтай, 24

Аляска (Alaska), 470, 605

Америка, 287, 470, 479, 501, 586

Арктика, 70, 103, 478, 534

Архангельск, г., 474

Архангельская губ., 396

Атасова вол., 361

Б

Байдарацкая губа, 17, 497–498

Балинские, ю., 24–25, 124–125

Балык, р., 113

Бардаковка, р., 47

Бардаково княжество, 12, 81

Барнаул, г., 89, 496

Белогорская вол., 81, 284, 413–415, 435–436, 481

Белогорские о-ва, 356, 481

Белогорские, ю., 63

Белогорский материк, возв., 481

Белогорский остров, хантыйское святилище, 356, 481

Белогорский погост – см. Троицкий погост

Белогорское княжество, 12, 81

Белозерская слобода, Курганский у., 391

Белоярский, р-н, 71

Берёзов, г., 13, 16, 17, 30–33, 35, 37, 38, 40, 42, 43–49, 52, 54, 56–57, 61, 63–66, 68, 88–93, 96–97, 99, 116, 118–124, 126-135, 138–140, 142–147, 149–151, 162, 164–165, 181–184, 186, 190–191, 193–194, 197, 199, 200–205, 208–209, 212–214, 218–220, 224, 229–238, 240–242, 244–246, 251–263, 266–271, 275–276, 278–281, 283–284, 301–302, 306–307, 311–313, 315–316, 318, 322–323, 329, 332–343, 345–347, 349–351, 362, 367, 369, 377, 379, 400-401, 404, 407–408, 412, 414, 418–419, 422–423, 426, 437, 447, 456, 480–482, 484, 486–491, 493–494, 496–500, 512, 517–522, 526–534, 536–538, 541–544, 553–554, 557–558, 560, 562–566, 569–573

Берёзовская вол., 165, 352, 415

Берёзовская округа (Берёзовский округ), 37, 49, 70, 74, 90, 118–119, 150, 168–170, 193–194, 266, 278–280, 299–301, 435–443, 442, 452, 561, 565, 575

Берёзовский заказ, 428, 438, 440–441, 444

Берёзовский край, 26, 30, 39, 288, 300, 349, 415, 437

Берёзовский острог, 43–44, 122, 144, 340–341

Берёзовский, р-н, 70, 102, 481, 483

Берёзовский, у., 13, 16, 18, 31, 39, 41–42, 49, 60, 72, 85, 91, 134, 139, 147, 156, 160, 162, 164–166, 184, 187–191, 193–194, 205, 229, 233–236, 242, 250, 252, 260, 262, 267, 274, 277, 284, 289, 291, 293, 298, 318, 332, 332, 351, 389, 414–415, 418, 429, 431, 435–437, 470–471, 484, 500

Берёзовское городище, 124

Берёзовское комиссарство, 234, 257

Берёзовское отделение, 131

Берлин, г., 15

Богемское королевство, 558

Болчаровская вол., 366

Болчаровский погост, 401

Большая Карымкарская, р., 481

Большеатлымская вол., 79, 436

Большеатлымские, ю., 414

Большеземельская тундра, 74

Большекондинская вол., 80

Большеюганская (Больше-Юганская) вол., 81, 84, 285, 292, 435

Большой Атлым, р., 494

Большой Карымкарский, о-в, 481

Большой Салым, р., 481

Большой Юган, р., 72, 81–82, 84, 464

Босфорский пролив, 550

Боярская курья, прот., 117

Бурейковы (Буренские), ю., 417-418

Быстрая, р., 66

В

Васпалукук, вол., 377

Вах, р., 15, 70–72, 75–77, 82, 101–102, 104, 111–112, 359, 361, 404, 464, 470, 477, 481–483

– бассейн 71, 361

Ваховская вол., 81, 284, 292, 358, 397, 421, 435

Ваховский погост, 359

Верхнекондинская вол., 80, 431

Верхнелумпокольская вол., 359, 362, 435

Верхнелумпокольский погост, 359
Верхне-Обский бассейновый округ, 481
Верхние Чалкины, ю., 117
Верхний Услон, с., 526
Верхотурский, у., 187–189
Верхотурье, г., 16, 137, 149, 314, 371, 419, 466, 487–498
Вестфалия, 567
Владимир, г., 314, 487
Власова, д. – см. Тугалова, д.
Войкарские, ю., 508
Войкарский городок, 205
Войтинские, ю., 117
Воксарковы (Воксарские), ю., 503
Вологда, г., 54, 537
Ворьинская вол., 284, 286, 420, 433
Восточно-Европейская равнина, 461
Восточно-Сибирская губ., 278
Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, 11, 193
Выборг, г., 198
Вятка, (Хлынов), г., 197–198, 210, 248
Вятская провинция, 187, 189

Г

Галле, г., 13, 471–473, 487
Гейльсберг, г., 559
Германия, 468, 550, 552
Городище (Городищенская), д., 383
Горшкова, д., 358
Гыданский, п-ов, 68

Д

Дальний Восток, 18
Демьянка, р., 42, 52–53, 62, 113, 283, 435
Демьянская вол., 115
Демьянская слобода, 52, 54
Демьянский заказ, 405, 428, 434, 438, 439
Демьянский ям, 41–42, 53–54, 56–58, 64–65, 123, 148, 188, 208, 239, 309, 312–314, 322, 488
Денщикова, д., 53
Дерпт, г., 198
Дубки, д., 487–488

Е

Европа, 15–16, 197, 263, 469–471, 496, 576
Екатеринбург (Свердловск), г., 314, 393
Екатеринбургская дорога, 56
Екатеринбургская обл., 191
Ендырская вол., 81, 435–436
Енисейск, г., 15–16, 56, 134, 237, 254, 263, 419, 478–479
Енисейская губа, 68
Енисейская округа, 193
Енисейская провинция, 188, 190, 288
Енисейский, у., 188, 190, 234, 470

Ж

Железинская крепость, 189–190

З

Западная Сибирь, 15–16, 18, 27, 33–34, 72, 76, 81, 85, 96, 98–100, 125, 140, 152, 162, 166, 168, 177, 180, 187, 263, 284, 288, 299, 309, 312, 322, 331, 349, 410, 424, 426, 431, 438, 467, 496, 498–499, 519–520, 526, 529, 554, 558, 560, 562, 571, 575, 579
Западно-Сибирская равнина, 16, 466, 481
Западно-Сибирское генерал-губернаторство, 193
Западно-Сибирская губ., 266, 278
Зауралье, 32, 95, 99, 189, 204, 323, 328, 345, 348–339, 399–401, 404–405
Зинкова, д., 54
Зольниково, д., 62
Зырянская, д., 383

И

Ивашкин песок, 117
Иерусалим, г., 420
Ингерманландская губ., 198–199
Иордан, р., 414
Ирбитская дорога, 56
Иркутск, г., 193, 262, 278, 314, 365, 378
Иркутская губ., 182, 190, 193, 247, 260, 266, 557
Иркутская провинция, 188
Иркутское генерал-губернаторство, 191, 193, 262
Иркутское наместничество, 191, 249
Иртыш, р., 17, 39, 42, 54, 61–62, 71–72, 81, 102, 110–111, 118, 123, 148, 188, 273, 315–316, 362, 365, 384–385, 413–414, 417, 435, 440, 468–469, 471, 478, 480–481, 488–489, 493–494, 499
– Нижний, 12, 71–72, 140, 348
Иртышский бассейновый округ, 481
Исетская провинция, 189
Исетский дистрикт, 189
Исеть, р., 375, 384–385
Ищик, д., 52
Ишим, г., 134, 274, 316, 575
Ишимская округа, 134, 193
Ишимский дистрикт, 394
Ишимский, у., 189–191, 193

К

Кавказ, 569
Казанская губ., 189, 195, 248
Казань, г., 312, 528
Казенный, о-в, 389
Казым, р., 66, 71–72, 101, 108–109, 352
Казымская вол., 72, 81, 168, 208, 262, 271, 284, 299, 352, 414–415, 418, 428, 437
Казымское княжество, 12
Камаева, о-в, 481
Каменная сторона, 423
Камчатка, 16, 478–479, 536
Камытский городок, 262

Камышловка, р., 384
Кара, р., 17, 497
Караконская вол., 76, 161, 284–285, 398, 435, 438
Карский залив, 497, 498
Карское море, 498
Карым, р., 71
Карымкарские, о-ва, 481
Катым, р., 62
Катышевы, ю., 419
Кедровая, р., 66
Кексгольм, г., 198
Кемь, р., 477
Кёнигсберг («Кененбурх»), г., 144, 557
Кетский острог, 234, 478
Кетский, у., 12, 188, 190
Кетско-Тымская равнина, 17–18, 498
Кеть, р., 27, 478
Киев, г., 414, 551, 567
Киевская губ., 559, 564
Кодская Никольская заимка, 385
Кодские городки (Кодская волость), 162, 164, 170, 284, 289, 292, 298, 413–414, 428, 436, 445
Кодский край, 387
Кодское княжество, 12, 81, 284
Кодское, с., 370, 379, 383, 395
Козьмодемьянск, г., 487
Колпукулук, вол., 377
Колыванская обл., 191, 249
Колыванская укрепленная линия, 88, 255
Колыванский завод, 189
Колыванское генерал-губернаторство, 191
Колыванское наместничество, 191, 249, 261
Коми (Республика Коми), 470
Конда, р., 54, 62, 71–72, 80, 107–108, 123, 290, 356, 365–366, 416, 435, 443, 471, 483
Кондинск / Кондинское, с., 134, 266, 275, 390, 520, 522, 554, 559–560, 563, 571, 573–574
Кондинская вол., 285, 290, 420, 428, 434, 485
Кондинская «земля», 282
Кондинская низменность, 470
Кондинский (Кодский) монастырь, 41–44, 334, 364, 369, 371, 374, 376–397, 406–408, 414, 429
Кондинский заказ, 405, 428, 438
Кондинский р-н, 487
Кондинское комиссарство, 193, 262–263, 276
Кондинское отделение, 279, 299–300, 339
Кондория, 470–471
Конова, д., 54
Копорье, г., 198
Коряково, 134
Котельнич, г., 198
Кошелева, д., 52
Кошуцкая вол., 420
Краснослободский дистрикт, 190
Краснослободский у., 189–190
Красноярск, г., 18, 56, 71, 137, 188, 233, 378, 470, 498–499
Красноярская округа, 193
Красноярский край, 71, 470
Красноярский у., 188, 190
Кронштадт, г., 488
Кугинсекские, ю., 65
Кузнецк, г., 233
Кузнецкая округа, 193
Кузнецкая укрепленная линия, 88
Кузнецкий острог, 528
Кузнецкий у. Тобольской губ., 188–191
Култучный, овраг, 337
Кулчанская, д., 383
Кульёган, р., 75
Кунарская д., 384
Кунгур, г., 211, 314
Куноватская вол., 88, 162, 168, 275, 284, 291–292, 298–299, 351–352, 418, 428–439, 436–437
Куноватско-Ляпинское княжество, 12
Курган, г., 274, 278, 572–573, 575, 577
Курганская обл., 383
Курганская округа, 134, 193, 278, 280
Курганский у., 135, 191, 193, 391
Курляндия (герцогство Курляндское), 557
Кыртасский волок, 66

Л

Ладожский канал, 550
Лапландия, 475
Ларьятская (Ларьякская) вол., 284, 361–362, 405
Ларьятское (Ларьякское), с., 76, 360
Лебауцкая, д., 52
Лебутово, д., 489
Ледовитый океан (Ледовитое море), 14, 16, 68–69, 90, 252, 486, 497, 498
Лена, р., 474
Леушинская вол., 284, 286, 433–434, 485
Леушинские, ю., 366
Лещины, украинское местечко, 554
Лиственничный, о-в, 352
Лифляндия, 209
Ломбовож, с., 353
Лондон (London), г., 79, 466
Лумпокольская вол. – см. также Верхнелумпокольская и Нижнелумпокольская вол., 64, 76, 81, 285, 292, 359, 361–363, 392, 398, 405, 421, 435, 446
Лямин, р., 69, 102, 113
Ляминский сор, 117
Ляпин (Сыгва), р., 66, 72, 74, 78, 101–102, 104, 106, 284, 396
Ляпинская вол., 74, 78, 81, 83, 121, 166, 168, 208, 262, 290, 292, 299, 323, 351–353, 418, 428, 436–438

Ляпинский, городок, 66

Ляпинский (сыгвинский) бассейн, 14, 104

Ляпинское княжество, 74, 77, 83

М

Макарьевская, д., 383

Маковский волок, 478

Маковский острог, 478

Макшандина (Тюма), р., 62

Малая Вогулка, р., 66

Малоатлымская вол., 81

Малороссия – см. Украина

Малоюганская (Мало-Юганская) вол., 81, 285, 289, 435

Малый Атлым (Малоатлымский погост), 354, 396, 415

Малый Атлым, р., 72

Малоалтымская вол., 81, 354, 435–436

Малый, о-в, 389

Мангазейский у., 190

Мангазея, г., 56, 309

Меньшекондинская вол., 80–81, 434

Милянова, д., 54

Митрохинское, оз., 117

Монастырский, о-в, 481

Москва, г., 10, 41, 56, 131, 144, 149, 156–157, 183, 196, 199, 203, 205, 213–214, 220, 223, 230, 290, 311, 314, 339–340, 374, 377, 398, 426, 475, 487, 533, 538, 542, 544, 579

Московская губ., 223

Московско-Сибирский тракт, 14, 18

Муром, г., 487

Н

Назым, р., 64, 108–109, 283, 466, 481

Назымская вол., 285, 417–418, 434

Нарва, г., 198

Нарым, г., 15, 17, 63, 71, 134, 138, 234, 419, 469–470, 474–475, 478, 480, 493, 498, 559

Нарымская вол., 81, 285, 434

Нарымская округа, 193

Нарымский заказ, 447

Нарымский у., 12, 31, 188–190, 283–284

Нарымское Приобье, 71, 104

Нахрачинск, с., 439

Нахрачинская вол., 417–420

Нахрачинские, ю., 365–366, 419

Непкины, ю., 347

Нерчинск, г., 127, 149

Нерчинский у., 188

Неулевая, прот., 443, 470, 481

Нефтеюганский р-н, 470, 448, 480

Нижневартовск, г., 327

Нижневартовский р-н, 70, 470, 478, 481

Нижнелумпокольская вол., 362, 435

Нижнелумпокольский погост, 359

Нижне-Обской бассейновый округ, 481, 483

Низовая сторона (Низовой край), 422

Низямские, ю., 391

Николаевская заимка, 370, 375, 383–385, 387

Николаевское, с., 383

Нилдинские, ю., 65

Новая Юрта, мест., 488

Ново-Ишимская укрепленная линия, 88

Новониколаевск, г. – см. Новосибирск

Новосибирск (Новониколаевск), г., 518

Нум-то, оз., 70, 102

О

Обдория, 470

Обдорск, острог, с., 16–17, 41–43, 49, 53, 57–58, 65, 68, 128–129, 134–135, 140, 150, 163, 166–167, 242, 263, 266, 348, 388, 422, 447, 452, 456, 466, 486–487, 496–499, 504, 529, 573

Обдорская вол., 37, 93, 121–122, 168, 284, 291, 293, 298–299, 418, 422, 427, 429, 436

Обдорская (таможенная) застава, 13, 41, 49, 65, 205, 422, 499

Обдорская «земля», 282

Обдорская крепость, 49, 162

Обдорский городок – см. Обдорск

Обдорский край, 299, 422, 431

Обдорский округ, 575

Обдорское княжество, 12

Обдорское комиссарство, 164, 193, 262, 276

Обдорское отделение, 279, 299–300

Обская губа, 467, 479, 483, 598–500

Обская застава, 149

Обский Север, 11, 14–15, 37, 39, 41–42, 44–45, 49, 52, 54–57, 59–62, 64–66, 69, 125–128, 131–133, 136, 138, 140–141, 166, 178, 180, 211, 213, 224, 313, 318, 328, 333, 346, 366, 418, 511, 516, 576, 578–580

Обь, р., 14, 17–18, 37, 42, 44, 47, 61–62, 64, 68, 71–72, 74, 81, 102, 110–111, 113, 115, 123–124, 126, 134–135, 139, 148, 188, 193, 254, 273, 315–316, 339, 348, 355–358, 362, 373, 388–386, 389, 396, 412–413, 415, 418, 469–471, 474–475, 477–481, 488–489, 494–495, 497–501

– бассейн, 466, 470

– Горная, 352

– Малая, 117, 488, 492–493

– Нижняя (Низовая), 72, 110, 293, 422, 438, 471, 506

– Средняя, 72, 111–112, 114, 421

– Юганская, 481, 483

Обь-Енисейский водораздел, 39

Обь-Иртышский Север, 14, 24, 132, 148, 325

Обь-Иртышский (водный, речной) бассейн, 12, 39, 55, 132

Обь-Иртышское междуречье, 466, 479

Обь-Иртышье, 17, 32, 41, 49, 58, 60, 70–71, 81, 109, 111, 127, 134, 139, 174, 185, 197, 211, 224, 327, 327, 579

Ожинский песок, 117

Октябрьский р-н, 481

Окуневский дистрикт, 189
Ольденбург, г., 550
Омск, г., 134, 266–267, 316, 342, 397
Омская крепость, 16, 187, 190, 466
Омская обл., 193
Омский у., 191
Оренбург, г., 231, 534
Оренбургская губ., 189, 431
Орлов, г., 198
Остзея (Остзейские губернии), 209–210, 272, 563

П

Пегая Орда, 12, 70–71, 75
Пелым, г., 14, 16, 41–42, 181, 183, 187, 197, 205–206, 237–238, 244, 246, 253, 415, 417, 419, 466, 517–523, 539, 541, 545–554, 558, 562, 566–567, 574–576
Пелым (Пелымка), р. 42, 574
Пелымский заказ, 428, 438–439
Пелымская «земля», 282
Пелымский край, 278
Пелымский р-н, 453
Пелымский у., 14, 80, 160, 164, 184, 188–191, 193–194, 205, 284, 415, 419–420, 431, 433–434
Пелымско-Кондинский край, 416
Пелымское княжество, 12, 14, 205
Пелымское отделение, 300
Пермская губ., 183, 247, 266
Пермская обл., 191
Пермское наместничество, 191, 314
Пермское и Тобольское генерал-губернаторство, 191
Пермь, г., 56
Пермь Великая, 356, 470
Першина, д., 52, 53, 62
Петергоф, г., 397–398
Петровский завод, 565, 567, 571
Петроград, г. – см. Санкт-Петербург
Петропавловск, г., 496
Петропавловская крепость, 555, 567
Петропавловский пост, 444
Печикова вол., 361
Печора р., 474:
– бассейн, 456
Пим, р., 72, 81–82, 84, 101, 111–112
Пимская вол., 81, 208, 285, 422, 435
Пирчина вол., 285, 435
Пирчины, ю., 421
Подгородная вол., 27, 117, 162, 262, 284–285, 290, 353, 417–418, 423, 435–436, 440
Подгородный дистрикт, 188–190, 239
Подгородно-юганская вол., 292
Полноват, р., 352
Полноватские, ю., 352
Полноватский погост, 352
Полноватское, с., 352
Полуй, р., 42, 85
Польша – см. Речь Посполитая
Почекуйка, р., 117
Предуралье, 456, 461, 471, 474
Прейсиш-Эйлау, г., 559
Прибалтика, 209
Прииртышье, 470, 474
– Нижнее, 13, 72, 324, 332, 362, 453
Приобье, 208, 354, 461, 478
– Нижнее, 13–14, 199, 208, 289, 332, 346–347, 351, 358, 423, 456
– Северное, 10, 14, 19, 31, 58, 62, 66, 68, 88, 147, 170, 180, 211, 214–215, 218, 220, 223–224, 290, 323–324, 326, 412
– Среднее, 13, 23, 103, 113, 115, 119, 178, 215, 332, 357
Прогонные, ю., 356
Прохорова, д., 54, 356
Псков, г., 198
Псковская губ., 271
Пугорские, ю., 117
Пузино, д., 52
Пур, р., 66, 71, 283

Р

Раненбург, г. (ныне – г. Чаплыгин Липецкой обл.), 526
Рейнская обл., 526
Реполовская вол., 415
Реполовский погост, 54, 365, 459
Речь Посполитая, 557, 574
Романовы, ю., 52
Россия (Российское государство, Russia, Russland, Russian Empire, Russisches Reich), 10, 15–16, 54–58, 71, 73, 77, 97, 123, 125–126, 138, 142, 146, 150, 152, 175–176, 178–179, 182–183, 186–187, 190, 195, 197–199, 209–210, 215–216, 228, 235, 240, 244, 247, 250, 253, 256, 265, 272–273, 280, 282, 286, 294, 301–302, 308–309, 314, 318–319, 328, 332, 367, 373, 408, 425, 457, 461, 468–472, 477, 496–498, 500, 512–513, 516–517, 519–520, 533, 539, 542, 550–552, 557, 559, 564, 571, 576, 579–580
– Азиатская, 248–249, 261, 269, 274, 279
– Европейская, 242, 245, 248, 263, 267, 264, 271, 395–396, 579, 581–582
Русский Север, 343–344, 348

С

Сабун, р., 75
Салехард, г., 13, 150, 456
Салтыкова вол., 81, 261, 285, 292, 397, 434
Салым, р., 72, 113
– Большой, 481
– Малый, 283
Салымская вол., 81, 108, 284, 434
Сальма (Сайма), р., 47
Самарово (Самаровский ям, Самаровская ямская слобода), с., 13–14, 17, 39, 41–42, 49, 52, 54, 56–58, 61–63, 68, 90–91, 115, 118–120, 122, 125–126, 133–135, 138, 148, 187–188, 190, 193, 239–240, 245, 309, 312–316, 327, 354, 356, 358, 362–365, 394, 396, 400, 404–406, 456, 470, 475, 479–482, 487–498, 490–491, 493, 498–499
Самаровская вол., 115, 118, 120, 147, 149, 450
Самаровская местность, 115, 117–119
Самарово, ямская слобода – см. Самарово

Самаровский «отторженец», возвышенность, 481

Самаровский у., 186–188, 208

Самаровский ям – см. Самарово

Санкт-Петербург (Ленинград, Петроград, Petropoli), г., 61, 198, 215, 249–250, 309, 466, 469, 479, 483, 487, 554

Санкт-Петербургская губ., 198

Сатыгинская вол., 366

Сатыгинские ю., 441

Сауомис – см. Финляндия

Саяно-Алтайский регион, 509

Свердловск, г. – см. Екатеринбург

Свердловская обл., 12, 205

Северная Сосьва, р., 42–43, 71–72, 78, 101, 106, 208, 413, 481, 483, 488, 499

Северный Ледовитый океан, 68–69, 252, 474, 478

Северо-Восточный морской путь, 478

Севск, г., 204–205

Селияровская вол., 81, 358, 421

Селиарский (Селиярский) погост, 54, 358

Семипалатинск, г., 496

Семипалатинская крепость, 189–190

Семипалатинская округа, 193

Сестрорецк, г., 231

Сибирская губ., 11, 16, 18, 37, 39, 42–43, 56–57, 59, 126, 156, 182–183, 187, 189–191, 195–197, 199, 202–204, 208, 211, 213, 216, 230, 234, 248, 266, 305, 309, 318, 351, 441, 466, 500

Сибирские увалы, 479

Сибирско-Увальская ландшафтная зона, 481

Сибирское ханство, 456

Сибирское царство, 182, 190, 249, 293, 469

Сибирь (Sibiria), 11, 13, 15–16, 23, 30, 33, 41–42, 55–56, 64, 69, 72, 88, 110, 115, 126, 129, 136, 140, 142, 146, 149–151, 153, 155, 157–160, 165–166, 168, 170, 174–176, 178–182, 186–191, 193–194, 196–197, 202–203, 210–211, 216, 218–221, 224, 230–237, 239, 241–243, 249–251, 253, 256, 260–263, 268, 270, 274, 276–278, 280–281, 284, 286–288, 293, 295–297, 301–302, 307, 310, 313–314, 316–319, 323, 325, 328, 338, 343–345, 348–349, 359, 373–374, 378, 399, 406, 409–410, 413, 415, 422, 424, 432, 443, 447, 452, 456–457, 461, 465, 467–471, 475, 477–478, 480, 482–483, 485–486, 491–492, 495–498, 500, 511–513, 516–518, 522–524, 526, 536, 539, 541–543, 552, 556, 558, 562, 565, 567–568, 572–573, 578–580

– Восточная, 18, 191, 287, 312, 396, 467, 562

– Северная, 77, 178, 447, 504

– Северо-Западная, 12, 15, 18–19, 31, 61, 69, 123, 144, 153, 156, 160, 165, 169–170, 178–179, 186, 189, 193–194, 205, 208, 219–220, 229, 236, 241–242, 244–246, 250, 252, 256, 258, 260, 283, 294, 296, 300, 307, 312, 317–319, 322, 325, 329, 410–411, 424, 431–432, 437, 442–444, 448, 452–453, 510, 507, 518–519, 526, 579

– Южная, 18, 242, 425

Скрипунова, д., 54

Слободской, г., 364

Смоленская губ., 195, 236

Собская застава, 41, 205

Собь, р., 498, 500

Соликамск (Соль Камская), г., 56, 314, 487

Соликамская провинция, 187, 189

Сольвычегодск (Соль Вычегодская), г., 56, 137

Солянка, д., 52

Сосьва, р., 17, 44, 65–66, 72, 284, 315, 337, 340, 351, 388, 418–419, 491, 493–494, 527–530, 533

Сосьвинская вол., 78, 112, 166, 284, 286, 323, 351, 402–403, 415, 418, 428–429, 433, 436, 438, 444

Сосьвинское княжество, 12, 77, 81

Спиридонова, д., 54

Среднеколымский острог, 541

Средний Карымкарский, о-в, 481

Стамбул, г., 550

Субботина, д., 53

Сункина (Слинкина), д., 54

Сургут, г., 13, 15–17, 30–33, 37, 41–42, 47–49, 52, 54, 56–57, 61–65, 68, 88–92, 94, 99, 115, 117, 120, 126–128, 132, 134–139, 143, 145, 147–151, 160, 165–166, 182, 184, 187, 197, 205, 208, 212–114, 222, 224, 235–239, 241–242, 244–246, 251–262, 266–267, 270, 283, 301–302, 304–305, 310–313, 315–316, 318, 322, 357–358, 361–362, 367, 396, 398–399, 402, 405, 438, 446, 457, 466, 470, 478, 480–482, 498, 520, 522, 554–557, 563, 569, 580

Сургутская округа, 140, 193, 573

Сургутский заказ, 92, 428, 438, 448

Сургутский р-н, 70, 478, 481

Сургутский у., 16, 31, 91, 139, 156, 162, 166, 170, 181, 187–191, 193, 208, 235, 250, 252–253, 255, 260, 262, 274, 284–285, 289, 292, 310, 327, 356, 498, 421, 428, 431, 435, 470, 484

Сургутское комиссарство, 165, 193–194, 262, 276

Сургутское отделение, 94, 120, 131, 279, 300

Сухоруковская вол., 81

Сухоруковские, о-ва, 481

Сухоруковские, ю., 68, 148, 415

Сухоруковский погост, 90, 354

Сухоруковское, с., 54

Сыгва, р. – см. Ляпин

Сытоминка, протока, 470

Т

Тавда, р., 42, 420, 448

Тагил, р., 384

Таз, р., 70–72, 76, 104

Тара, г., 16, 44, 134, 253, 255, 312, 572

Тарская округа, 134, 193

Тарский у., 188–189, 193, 253, 417

Тихий океан, 195, 478

Тишкин сор, 62

Тотьма, г., 66

Тобольск, г., 15–17, 37, 41–42, 52–53, 56–57, 60–62, 64–66, 68, 90, 93–95, 98, 116, 119, 127, 131–132, 134–135, 137–139, 149–151, 158, 162–165, 167, 182, 184, 188, 193, 199, 203–205, 222, 229–230, 232, 239, 242, 249–250, 253–254, 256–257,

260–261, 267, 271, 275, 277–278, 284, 293, 298, 310–312, 314–316, 318, 336, 345, 363, 367, 369–378, 381, 383–385, 387–388, 395, 398, 412, 417–421, 426, 429, 432, 445, 451–452, 461, 466–468, 474, 477–478, 480–481, 487–490, 492, 498–499, 521, 527, 531, 533, 536, 541, 546, 555–557, 563, 566, 569–573, 575

Тобольская губ., 39, 57–58, 68, 127, 129, 134, 138, 147, 164, 167, 169, 171, 179, 182–184, 190–193, 250, 260, 262, 265–267, 269, 280, 293–294, 298–300, 319, 423, 520, 522–523, 554, 557, 559, 568–569, 572–574

Тобольская епархия, 344, 381, 401, 431, 440

Тобольская обл., 191, 193, 251

Тобольская округа, 118, 168, 193, 299–300

Тобольская провинция, 16, 154, 182, 188–189, 191, 288, 466, 468–469

Тобольский Север, 56, 66, 90, 132, 136, 328, 399, 405–406, 519–520, 568, 573, 575

Тобольский у., 39, 53, 135, 147, 151, 160, 162, 165–166, 168, 188–191, 193, 229, 252, 278, 283–285, 289, 293, 315, 362, 414–415, 420, 428, 432–434, 443, 470, 484

Тобольский ям, 52, 58

Тобольский Подгородный дистрикт, 231

Тобольское генерал-губернаторство, 191, 193, 262

Тобольское наместничество, 32, 122, 162, 234, 251–253, 256, 258, 260, 270, 273, 302, 314–315, 318, 322, 358, 443

Томск, г., 17, 56, 134, 260, 278, 378, 466–469, 474, 496, 498

Томская губ., 48, 182, 193, 262, 265, 554

Томская обл., 191, 251, 254, 470

Томская округа, 193

Томский заказ, 447

Томский у., 187–191, 252

Троицкий (Белогорский) погост, 356–358, 368

Троицкое, с., 357

Тром-Ёган, р., 84, 101, 111–112, 481

Тром-Юганская (Тромюганская, Тромъюганская) вол., 81, 117, 359

Тугалова (Власова), д., 52

Тугутка, р., 62

Тулина, д., 54

Туринск, г., 16, 64, 134–135, 164–165, 263, 314, 316, 438, 466, 487–498

Туринская округа (Туринский округ), 168–169, 193, 278–279, 299–300, 558

Туринский заказ, 448

Туринский у., 42, 98, 135, 160, 165–166, 188–191, 193–194, 252, 278, 284, 286, 289–290, 293, 420, 433, 453

Турку, г., 475

Турухан, р., 71, 104

Туруханск, с., 68, 128, 254, 474, 562

Туруханская округа, 74, 193

Туруханский заказ, 447

Туруханский у., 188, 262

Турция, 550, 563

Тымская вол., 75–76, 161, 284–285, 361, 398, 435, 438

Тюкалинский у., 193, 278

Тюменская обл., 330, 470, 570

Тюменская округа, 193

Тюменский у., 188–191, 193, 253, 330

Тюмень, г., 16, 56, 134, 137–138, 202, 223, 234, 253, 274, 314, 466, 470, 487–488, 498

У

Уватский ям, 57, 58

Украина, 398, 420, 522, 524, 559

Умань, г., 555

Урал, 56, 58, 61, 103, 180, 189–190, 261, 269, 349, 396, 409, 456, 463, 468, 498, 529

– Полярный, 65, 74, 496, 498

– Приполярный, 70, 103

– Северный, 12

Урал, р. – см. Яик

Урало-Сибирский регион, 461, 467, 475, 496, 512

Уральские горы (хребет), 38, 66, 101, 106, 249, 252, 275, 456, 471, 498

Успенский погост – см. Селиарский (Селиярский) погост

Усть-Каменогорск, г., 498

Усть-Каменогорская крепость, 189, 190

Устюг Великий, г., 56, 137

Ф

Филинская вол., 365, 415

Филинский повоз, 493

Филинский погост, 52, 365

Финляндия, 84, 474, 484

Франция, 471, 563

Фроловский, о-в, 481

Х

Ханты-Мансийск, г. – см. Самарово

Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО), 10, 12–14, 42, 205, 209, 465, 470, 481, 512, 519

Ханты-Мансийский р-н, 70, 470, 481, 490

Хатанга, с., 471

Херсонская губ., 554

Хлынов, г. – см. Вятка

Ц

Цингалы, с., 490

Цингальские, ю., 490

Ч

Чебыковы, ю., 124–125

Челябинск, г., 498

Чемышевская вол., 81

Чердынь, г., 56

Черкасова вол., 359

Чернавская вол., 420

Черная, д., 383

Черный Яр, д., 53

Чита, г., 567, 565

Чулым, р., 471
Чумаские, ю., 353

Ш

Шадринск, г., 204
Шадринская дорога, 56
Шадринская слобода, 204
Шадринский дистрикт, 189
Шайтанские, ю., 356
Шатровский р-н, 383
Швеция, 219, 565
Шеркальская (Шоркальская, Шоркарская) вол., 81, 353, 414, 435–436
Шерунова, д., 52
Шестаков, г., 198
Шлиссельбург, г., 198, 538–539, 541
Шлиссельбургская крепость, 539
Шоркарские, ю., 353
Шоркарский погост, 354–355, 367
Шокарский городок, 353
Шоркарское старое городище, 353

Щ

Щучья, р., 250, 499

Э

Эстляндия, 209

Ю

Юганская Подгородная вол., 81, 284–285, 292, 435
Юганский погост, 119, 162, 358
Югорские горы, 486
Югра, 9–10, 12–19, 22, 24–30, 33–36, 55, 59, 70–72, 84, 100, 102, 105–106, 108, 123–124, 139–140, 156, 169, 171, 174, 178, 180–183, 187–188, 190–191, 193–194, 223, 225, 241, 283, 289, 306, 308–309, 318–319, 321, 326, 332, 362, 369, 397, 428, 453, 456–457, 460–461, 465–471, 474–483, 485–487, 489–491, 497–499, 508, 510–513, 577, 579–580
Юильский городок, 208
Юровой погост, 53
Юртошный лог, 354

Я

Яик (Урал), р., 486
Якутск, г., 134, 203, 234, 253, 378, 479
Якутский у., 188
Ялуторовск, г., 134–135, 255, 267, 316, 563, 569–571, 573–574
Ялуторовская округа, 193, 278, 280
Ялуторовский у., 189–191, 193
Ямал, п-ов, 474, 498
– Южный, 349
Ямало-Ненецкий автономный округ, 12–13, 15, 71, 372
Ямбург, г., 198
Ямыш, оз., 151
Ямышевская крепость, 189, 190
Яренск, г., 56
Ярок, д., 52
Ярославль, г., 56, 542

Именной указатель

А

Аблажей А. М., 325, 443, 585

Аблегерим, 212

Абрамов Н[иколай]. А[лексеевич]., 12, 23, 26, 30, 43, 49, 52, 84, 90, 96, 103, 106–108, 112, 114, 290, 315–316, 322–323, 333–341, 343, 347, 350–351, 373, 375, 383, 409, 414–415, 419–421, 423, 426, 518, 527–528, 530, 532, 537, 542, 544, 585

Абрамов Ю. Ф., 12

Авдеева О. А., 250, 263, 275, 585

Авезбакей, 417

Аверкий, 389

Авраамий, 384

Аврамов, 562

Аврамов Иван, 220

Агиев Андрей, 369

Агладин Б., 261, 266

Адаев В. Н., исследователь, 29, 62, 105, 113, 585

Адриан (Андриан), 374

Айваседа (Нгаеващата), 72, 73

Акишин М. О., 152, 180–181, 186, 190–191, 197, 204, 222–223, 226–227, 230, 233–241, 250, 290, 325, 330, 375, 412, 418, 421–422, 425, 586, 588

Акулов Терентий, 238

Алачев Д. Е., 391

Алачев Дмитрий, 290

Алачев Игичей, 377

Алачев Илья, 377

Алачев М. И., 377, 391

Алачевы (Алачеевы), 332, 377, 392, 414

Алековы, 81

Александр, архим., 364

Александр I, 168, 249, 261, 268, 274, 278, 316, 364, 567, 604

Александр II, 523

Алексеев В. В., 461, 596

Алексеев И., пономарь, 366

Алексеев Иван, дворовый, 94

Алексей Михайлович, 143, 188, 304, 373, 378

Алквист А. [Э]., 22, 27, 36, 107, 108, 582

Альберт, 529

Амвросий (Келембет), 382, 389, 408

Аммосов М. К., 234

Ананьев Д. А., 180, 239, 586

Анатолий (Мелатинский), 394

Андреев (Камперов) Андрей, 93–94, 334, 442, 447, 448

Андреев А., берёзовский городничий, 263, 529, 530

Андреев А. И., публикатор материалов по этнографии Сибири, 16, 34–35, 74, 479, 494–495, 500, 582, 586

Андреев В. В., 517, 537, 586

Андреев Д., 136

Андреев Иван, 334, 337

Андреев Иоакинф, 334

Андреев Карп (Карл Эск), 334, 428

Андреев Н., 269, 271

Андреев П., 287

Андреев Яков, 238

Андреева Е. А., 586

Андреевы, 441

Андреянов (Андриянов) Г., 533

Андриевич В. К., 175, 518, 586

Андриенко А. С., 325, 593

Андрис М., 486

Анемгуровы, 79

Анемовы, 79

Анисимов Е. В., 526, 531, 538, 586

Анна Иоанновна, 228, 307, 530–531, 534, 531, 536, 538, 542, 590

Анна Леопольдовна, 539, 542, 594

Антоний (Знаменский), 408

Антоний (Нарожницкий), 426

Антоний (Стаховский), 153, 350, 360, 363, 366, 369, 402, 409–410, 417, 421, 425

Апталовы, 80

Арачев Никита, 406

Аргунов И. П., 188

Аргуновы, 345

Арзютов Д. В., 78

Арсеньев И. И., 12

Арсеньев К. [И]., 39, 42, 542

Артанзеев (Артанзиев) Яков, 86, 290

Артанзеевы, 74, 84, 427

Архипов С. В., 517, 586

Асомкины, 81

Асочакова В. Н., 410, 586

Афанасий (Протопопов), 452

Афанасьев Карл, 417

Афанасьев Ю. Н., 41

Ачины, 76

Аюпова Г. Е., 30, 105, 592

Б

Бабаков В. Г., 24–25, 77, 586

Бабенко В. Н., 248

Бабин В. Г., 399

Бабинцев В. А., 580

Бабич И. В., 204, 230–231, 596

Бабич М. В., 204, 230–231, 596

Бабушкин А. Е., 481, 587

Баедный, 566

Баженов Иван, 238

Баженов М., берёзовский мещанин, 529

Баженов Матвей, сын боярский, 244

Базанов А. Г., 324, 587

Базилевич К., 58

Байдин В. И., 84, 191, 583, 593

Баккаревич М. Н., 32–33, 281

Бакулина Т. И., 181, 599

Балин П., 132
Балюнов И. В., 325, 593
Банков С., 136
Бантыш-Каменский Д. Н., 343, 517, 527, 530, 544, 552, 555, 557–558, 568, 582, 587, 599
Баранов М. Ю., 125
Баранов Н. Н., 188, 404, 584, 595, 599, 603
Барсов Т., 388
Барташевич А., 166, 263
Барышевский Прохор, 238
Барютин М. А., 212, 213
Басаргин Н. В., 523, 561–562, 572, 582, 587
Баснин В. Н., 287
Баталин Я., 255
Баталины, 92
Батеньков Г. С., 56, 168, 177, 277, 294, 298, 582
Бауло А. В., 77, 347
Бахметьев Михаил, 476
Бахрушин С. В., 14, 23, 27, 77, 84–85, 106, 151, 176, 205, 290, 430, 456, 476
Башарин Г. П., 160, 234
Башковский Мирон, 378
Белёвские, 579
Белобородов В. К., 34, 96, 121, 555, 587, 603
Белобородов С. А., 349, 350, 587
Белов М. И., 68, 479, 587
Белогай О. И., 32, 587
Белоус П. В., 327, 441, 593
Белоусовы, 132
Белявский Ф. И., 18, 45, 85, 118, 122, 262, 292, 315, 322, 587
Беляков А. В., 282, 587
Белянин П., 396
Бенкендорф А. Х., 520, 522, 560, 567–568, 569, 571–575, 584
Беринг Витус, 16
Берундекова, 96
Берх Кирилл, 428
Беседина О. Н., 31, 598
Беспятых Ю. Н., 111, 583
Бессмертный Ю. Л., 580
Бестужев М. А., 561
Бестужев-Рюмин А. П., 522, 550, 583
Бестужев-Рюмин М. П., 559, 563
Бечевина Анна, 380
Бешкильцев Василий, 391, 399
Бешкильцев Иван, 391
Бешкильцевы, 397
Бибиков И[ван]. Ф[омич]., 196, 199, 202–205, 208, 212–213, 215–216, 221
Бибиков Фома Иванович, 203
Бирон Бенигна-Готлиб-Тротта, 539, 540
Бирон Густав, 539, 542
Бирон Гедвига-Елизавета, 539
Бирон Карл, 539, 542
Бирон Карл-Эрнст, 539, 540
Бирон Пётр, 539, 540
Бирон Христина, 541
Бирон Эрнст-Иоганн, 517–519, 521, 534, 536, 538–542, 545, 552, 594, 603
Бироны, 539, 541, 542
Бисеркины, 81
Бисмарк Рудольф-Август, 539, 541
Бисмарк Фекля (Текля), 541
Бисмарки, 541
Бобович М. А., 577
Бобович С. А., 577
Бобровская Софья Павловна, 231, 533, 534, 538
Бобровский И[ван]. И[ванович]., 95, 212, 230–231, 235–237, 521, 533–534, 538
Богословский М. М., 197, 209, 226
Боев Андрей, 222
Бойко В. П., 572, 587
Бойцов М. А., 580
Бокова В. М., 567, 587
Боленко К. Г., 555, 587
Бондаренко А. Ф., 234
Бондарь Л. Д., 468, 587
Борисов Иван, 238
Борисова В. В., 328, 362
Борисова Устинья, 123
Бородавкин А. П., 23, 593
Бородина Е. В., 181, 224, 307–308, 587
Бороздин А. И., 566, 570
Бочанова Т. А., 23, 593
Бошняк А., 582
Брагины, 132
Брайловский С. Н., 566
Бранд А., 457
Бредихин В. Н., 519, 604
Бригген Софья Михайловна фон-дер, 522, 567, 568
Бриген Анастасия Александровна фон-дер, 567
Бриген (Бригген) Александр Фёдорович фон-дер, 520, 522, 539, 541, 543, 547, 549, 552, 562–563, 566–569, 571, 574–575, 583–584, 587, 601, 603
Бриген Мария Александровна фон-дер, 567
Бриген Михаил Александрович фон-дер, 567
Бродель Ф., 9, 41
Брокгауз Ф. А., 240, 418, 430, 518
Бронников, 133
Бронников Андрей, 95
Брюггены, фон (Brüggen, von), 568–569
Брюс Р[оман]. В[илимович]., 198
Брюс Яков [В]., 198
Будьков С. Т., 39, 587
Булатов И., 257
Булич, 168
Булич Н., 184, 277, 278
Булычев И., 158–159
Бунин Андрей Романович, 212–213, 216
Буцинский П[етр]. Н[икитич]., 71, 76, 323–324, 412, 422, 517, 587
Быкова В. М., 344, 588
Быконя Г. Ф., 275, 588
Бюшинг А. Ф., 517

В

Вагин В. И., 135–136, 175, 588
Ваносов Хаска, 432
Варзулин С., 379
Варлаам (Пётров), архиеп., 334, 361–362, 373, 391, 393, 398, 403, 407, 448–449
Варлаам, монах, 393
Варлаков Иоанн, 451
Варнава, 339
Варпаховский Н. А., 28, 110
Василевский Р. С., 44, 48
Василий (Бирюков), 323–324, 588
Васильев, 386
Васильев В. И., 24–25, 28, 30, 70, 72–75, 104, 107, 176–177, 588
Васильевы, 533
Вахромеев Г[ригорий]. И[ванович]., 202, 204, 212, 214, 216, 220
Вахтлер И., 539, 545
Велижанина Н. Г., 342, 344, 349, 588
Вельяминов И. А., 522, 545, 560, 568–575, 585
Вельяминов-Зернов Лев Миронович, 212, 216
Вербов Г. Д., 25, 30, 70, 72–73, 102–103, 499–501, 510, 588, 591
Вергунов И., берёзовский благочинный, торговец, 402
Вергунов Иван, сургутский купец, 117
Вергунов Иоанн Иоаннович, протопоп, 571, 573
Вергунов Меньшев Григорий, 245
Вергуновы, 397, 441
Вереш П., 24, 25, 78, 588
Верещагин А., 253
Верещагин Владимир, 449
Вершинин Е. В., 12, 41, 47, 205, 214, 218–220, 339, 348, 357, 588
Вершинин Иван Васильевич, 557
Вершубская Г. Г., 485
Вешняковы, 132
Вигилев А. Н., 309–310, 312, 314
Визгалов Г. П., 62, 124–125
Викентьев П., 539–540, 560
Виктор, иеродиакон, 391
Виктор (Калиновский), 387
Вилков О. Н., 33, 42, 126, 588
Вильбуа Н. П., 522, 527–529
Винтер Э., 467, 474, 588
Витсен Н. К, 457, 462–463, 507
Витт (Витте) И. О. де, 564, 603
Владимир Святославич, 417–418
Владиславич-Рагузинский С. Л., 174, 287–288
Волков А., 183
Волков М. Я., 150
Волков С., 467, 511
Волконская М. Н., 566, 583
Волконский С. Г., 555, 561, 563, 583
Вологодский Н., 408
Воробьевы, 132
Воронцов С. Р., 522, 548, 553, 582, 584
Воротынские, 236, 579
Воютины, 79
Врангель Ф. П., 69
Враницкий Василий Иванович (Vranicky V. I.), 520, 523, 557–559, 567, 571, 574, 592
Вреех К. Ф. фон, 468
Выгодовский, 562
Выкоповы, 81
Вырцабины, 74
Выходцев М. Г., 479
Вэлло, 72
Вяткин Дмитрий, 37
Вяткин И., 255

Г

Гаврилова Ю., 277
Гагарин М. П., 415, 416
Гагарчиков Тимофей, 289
Гагемейстер Ю. А., 33, 125, 175, 278–279, 280
Галем Г. А., 517, 548, 551–552, 588
Галкины, 345
Галубович В. У., 560, 588
Гельбиг Г., 517, 519
Гемуев И. Н., 24–25, 28, 30, 76, 79, 104, 349, 589, 594, 596, 600
Геннин В. И. (Г. В.) де, 219, 231, 412
Георги И[оганн]. Г[отлиб]., 17–18, 22, 34–35, 73, 75, 81, 83, 513, 583
Герасим, 390
Герасимов Афанасий, 199
Герасимов В. Н., 415, 589
Герасимова Д. В., 28
Герасимова Ю. И., 574, 589
Герберштейн Сигизмунд фон (Herberstein Siegmund Freiherr von), 456, 457, 583
Герварт И., 254
Гергилев Д. Н., 181, 186–191, 193, 229, 236, 262, 275–276, 278, 589
Герман К. Ф., 248
Герцен А. И., 29, 343, 594, 601
Геслер Невинг А., 476
Гессен Ю. Г., 456, 589
Гильденштедт И. А., 456
Главацкая Е. М., 15, 23, 29, 325–326, 352, 353, 356, 365, 411, 415, 421, 444, 446, 464–465, 588
Глоба Иван, 394, 395
Глобов Дормидонт, 395
Глобов Матвей, 395
Гмелин И[оганн]. Г[еорг]., 16–17, 478, 483, 496, 512, 603
Гнучева В. Ф., 16, 466, 496, 589
Голицын В. М., 589
Голицыны, 526
Головатый Павел, 394
Головин П., 374–375, 383, 389–390, 396, 397
Головкин Ю. А., 262, 521
Головнёв А. В., 11, 24–30, 71, 78, 101–106, 108, 123, 325–326, 588–590
Голодников К. М., 425, 518, 592, 597
Голомбиевский А. А., 518, 590
Гольденберг Л. А., 469, 477, 590
Гольц Г. А., 64
Гомолецкий К. В., 96

Гондатти В. Л., 347, 351
Гончаров Ю. М., 23, 592
Гор, помещик, 557
Горбачевский И. И., 523, 556, 582
Горланов А. П., 479
Городков Б. Н., 27, 114, 590
Горский О.-Ю. В. (Граббе, Грабя-Горский, Друцкой-Горский), 520, 522–523, 560–562, 566, 569, 572, 573
Горюшин Стефан, 407–408
Горюшкин М. Л., 596
Готье Ю. В., 186, 225–227, 253, 590
Гофман Э. К., 338
Граббе, 560
Гребенщиков А., 131, 136
Гребенщиков Афанасий, 310–311
Грегори Д., 487
Греков В. И., 496, 590
Греков В[икул]. П[етрович]., 211
Грёнинг М., 486, 488
Грибанов Никифор, 345
Грибоедов Иван Фёдорович, 339
Григоров Ф. Г., 486
Григорьев В. А., 247–248
Григорьев (Григоров) П. Г., 486
Григорьев Яков, дворовый, 95
Гриценко Н. В., 250, 269, 590
Гришкин Иван, 440
Гришкины, 82
Громыко М. М., 31, 139, 590
Губарев К., 274, 280, 315, 322, 335, 590
Гуревич А. Я., 577
Гурский И. В., 338, 544, 590
Гурьянова Н. С., 17
Гындыбаевы, 79

Д

Даль В. И., 502
Дамешек И. Л., 11, 181, 186, 250, 590
Дамешек Л. М., 11, 156, 177, 181, 186, 262, 276, 278, 287, 294, 590, 596
Данилов Иван, 155
Данилов Игорь, 418
Данилов Конон, 379
Данилов Пётр, 158
Данилова Афимья, 366
Дарья, 95
Дворецкие, 135
Дежефи Ф., 261
Деккер И. К., 479, 482, 483
Делиль Ж[озеф].-Н[иколя]. (Николай Иосифович), 32, 35, 43, 61, 110–111, 322, 333–336, 368, 467, 478–479, 486–492, 494–495, 512, 583, 597, 598
Делиль де ла Кройер Людовик, 16, 478, 479
Демьянов Степан (Стефан), 153, 233
Денисов Е[фим]., 158, 184
Денисов Иакинф – см. Стафеев Иакинфий (Акинфий) Денисов
Денисов Иван, «мастер посадский», 334, 371
Денисов Иван, пономарь Троицкой церкви, 379–380
Денисов Фёдор, 391
Деревянко А. П., 282, 587
Дзюбинский Л., 520, 590
Дмитриев-Мамонов А. И., 425, 518–520, 554–558, 560–563, 566, 568–575, 582, 590, 596
Дмитриев-Мамонов И. И., 205, 222
Дмитриев-Садовников Г. М., 360
Дмитрий, казымский князец, 426
Дмитрий Иванович, 517
Доброва-Ядринцева Л. Н., 30, 105, 590
Догуревич Т. А., 323, 590
Долбилов, 304
Долгих Б. О., 23, 70, 72, 74, 76–77, 80, 176, 283–284, 588, 590, 600
Долгоруков Александр А[лексеевич]., 531–532, 536, 542
Долгоруков Алексей А[лексеевич]., 231, 338, 531, 536, 542
Долгоруков А[лексей]. А[лексеевич]., министр юстиции, 522, 567, 584
Долгоруков (Долгорукий) Алексей Григорьевич, 337, 517–518, 521, 531–532, 534, 542–543, 585
Долгоруков Борис Иванович, 538
Долгоруков Василий Лукич, 536
Долгоруков Дмитрий Иванович, 538
Долгоруков И[ван]. А[лексеевич]., 491, 531–533, 536–537, 542, 593
Долгоруков Иван Григорьевич, 536
Долгоруков М[ихаил]. В[ладимирович]., 152, 224
Долгоруков Михаил Иванович, 538
Долгоруков Николай А[лексеевич]., 531–532, 536, 542
Долгоруков П. В., 517, 547, 563, 590
Долгоруков Сергей Григорьевич, 536
Долгоруков Фёдор, 337, 530
Долгоруков Юрий Юрьевич, 536
Долгорукова Анна А[лексеевна]., 536, 542
Долгорукова (Долгорукая) Екатерина А[лексеевна]., 518, 531, 536, 542, 600
Долгорукова Елена А[лексеевна]., 348, 531, 536, 542, 592
Долгорукова Н[аталья]. Б[орисовна], 517, 531–532, 537–538, 601
Долгорукова Прасковья Юрьевна, 337, 517–518, 531, 542, 553, 585
Долгоруковы, 92, 212, 231, 337, 517–518, 521, 526–527, 529– 532, 534, 542, 553
Долинова Н. А., 484, 602
Дометий, 380–381
Доннер К., 27, 591
Друцкие-Горские, 560–561, 588
Дрянкова О. О., 24, 588
Дульзон А. П., 28, 29
Думин С. В., 574, 589
Дунин-Горкавич А. А., 27–28, 103, 108–109, 112–115, 347, 518, 528, 530, 542, 591–592
Дуреева Н. С., 181, 589
Дурново М., 539
Дурындин Семён Павлович, 390
Дьёни Г., 212, 598
Дюби Ж., 10

Е

Еварлаков Борис Васильевич, 183, 197, 202, 204, 211–213, 215, 216

Евгений (Казанцев), 437, 452

Евлашев И[ван]. Т[имофеевич]., 230

Евлашев Т. З., 230

Евлашев Ф[едор]. И[ванович]., 230–231, 236

Евмений, 385

Евплаев Нахрач, 419–420

Евплаев Тихон, 420

Евреинов Б., 136

Евсевьев А., 254, 255

Евсевьев Гаврила Фёдорович, 234–235, 237, 253–254, 256

Евсевьев И. Г., берёзовский городничий, 254, 261

Евсевьев И., обдорский комиссар, 447

Евсевьевы, 92

Евсеев, 93

Евсеев Ф., 94, 130

Евтифьев Семён, 220, 526

Екатерина I, 465, 526, 542

Екатерина II, 44, 84, 86, 138, 156, 158–159, 186, 190, 225–227, 240–241, 247–248, 251, 253, 260, 267–269, 272, 290, 293, 302, 307–308, 314, 316, 318, 375, 441, 447, 553, 590, 592

Еленев А. С., 77

Елизавета, 155–156, 158, 305, 307, 522, 542, 549–550, 552, 575, 585

Елины, 80

Елпины, 81

Елфимов В. И., 519, 591

Ендоуров Игнатий, 378

Енин Г. П., 217, 226

Ентальцев (Янтальцев) Андрей Васильевич, 520, 522–523, 562–565, 569, 571–572, 574

Ентальцева Александра Васильевна, 565–566

Ентальцева (Сикстель) Екатерина Васильевна, 569

Ентальцевы, 566, 570, 571, 572

Ермак Тимофеевич, 338, 342–346, 419, 456, 565–566, 600

Ермаков Ю. Н., 266

Еропкин Уар Иванович, 236, 396

Ерошкин Н. П., 197

Ершов Андрей, 96

Ершов П., 266

Есипов Г. В., 517, 527, 529, 591

Еуров Никифор, 418, 423

Ефимов А. В., 470, 586

Ефимов В. И., 591

Ефремова Н. Н., 247

Ефрон Е.А., 240, 415, 428, 518

Ж

Желтова В. П., 179

Жеребцов И. Л., 348, 590

Жеребцов Л. Н., 348, 590

Жохов Алексей, 237

Жуковская Н. Л., 599

З

Завалишин И. И., 27, 47, 280, 591

Заводовские, 441

Заводовский Фёдор, 441

Загорецкий, 562

Загороднюк Н. И., 406

Загребин А. Е., 474–475, 591

Задорожняя О. А., 31, 90, 557, 591

Зайцева Е. А., 181, 592

Залкинд Е. М., 136, 155

Замощиков И., 221

Захаров А., 263

Захаров А. В., 212, 215, 219, 221, 230, 236

Захаров В. Н., 19, 142, 144–145, 415

Зенько А. П., 82, 84, 346–347, 353, 591

Зенько-Немчинова М. А., 25, 30, 72, 102–103, 591

Зибарев В. А., 23, 178, 287, 591

Зиннер Э. П., 15, 464, 468, 477, 591

Змановский Степан, 364

Зольникова Н. Д., 330, 351–354, 356–359, 365–366, 406, 591

Зубарев Пётр, 396

Зубков К. И., 181, 186, 330, 591

Зубов В. Е., 180, 250, 591

Зуев А. С., 518, 526, 534, 542, 591

Зуев В[асилий]. Ф[ёдорович]., 17–18, 22, 288–290, 322, 334, 336, 485, 497–513, 578, 582, 591

Зыков Козьма, 238–239

И

Иакинф, архим., 371–372, 374, 379, 381, 384, 385

Иакинф (Камперов), 334

Иван Алексеевич, 373

Иванов В. Н., 160

Иванов Матвей (Матфей), 390

Иванов Михаил, 431

Иванов С. В., 218

Иванов Сергей, 95

Иванов Сидор, 428

Иванова А., 406

Иванова Ирина, 366

Иванова Н. А., 179

Ивонин А. Р., 33, 280–281, 591

Игнатьев Р. Г., 517, 592

Идес И. Э., 457, 458

Изосимов И., 392

Иконников Г., 127, 533

Икрянников Фёдор, 222

Илларион, 392–394

Илларион (Иларион), 370, 381, 390, 394

Ильин Максим, 95

Ильин П. В., 560

Ильинский Иван, 393–394

Инглис А. Ю., 212

Инфантьев П., 107

Иоанн (Максимович), 412, 420, 599

Иоанн Антонович, 538, 542

Иоанникий, иером., 382

Иона, 390, 392

Иосиф, 382
Ириков С. И., 30, 105, 592
Иринарх – см. Шемановский И. С.
Исаакий, игумен, 370, 377, 381
Исленьев И. И., 512
Иуси, 72

К

Кабанов П. А., 517, 592
Кабо Р. М., 29, 33, 180, 592
Кабузан В. М., 31, 592
Казанцев А. В., 522, 539, 541, 547–549, 552, 575
Каибалов В., чиновник Тобольского наместничества, 260
Кайдалов Александр Яковлевич, 398
Кайдалов Алексей, дьячок сургутской Троицкой церкви, 361
Кайдалов А[лексей]. Д[анилович]., сподвижник Ф. Лещинского, 398, 428
Кайдалов Василий, 238
Кайдалов Гаврил, 398
Кайдалов Данилка, 398
Кайдалов Иван Яковлевич, свящ., 398–399, 402, 421
Кайдалов Илья, 397
Кайдалов Иоанн, сургутский протопоп, 237, 398, 402
Кайдалов Михаил, 404
Кайдалов Николай, 398
Кайдалов Пётр, 446
Кайдалов Яков Алексеевич, 398, 402
Кайдалов Яков Яковлевич, 361–362, 398, 403
Кайдалов, казак, торговец, 138
Кайдалов, капрал, 398
Кайдаловы, 92, 268, 358, 397–398, 441
Кайкалесовы, 76
Каксины, 81, 82
Калемин Г[ригорий]. А[лексеевич]., 203–204, 208, 212
Калиновский Виктор, 387
Калугин Д., 263, 269
Каменецкий И. П., 33, 586, 592
Каменский А. Б., 253, 272
Камины, 81
Канарский Ф., 428, 439–440
Канкаровы, 92
Канкоров Данила, 95
Канчин Григорий, 290
Карапетова И. А., 25, 28–29, 592
Каратыгин П., 517, 592
Карачаров К. Г., 26, 62, 103, 112, 597
Карл XII, 467–468
Карпов А., майор, 539
Карпов А., свящ., 352
Карпов Василий, 370
Карпов Михаил, 121–122, 267, 269
Карпов Семён Прокофьевич, 196, 199, 203–204
Карпов Фёдор, 572
Карповы, 397
Картамовы, 81
Карьялайнен К. [Ф]., 359, 351, 353–354, 592
Кастрен М. А., 18, 22, 26–27, 34, 36, 77, 322–323, 337, 444, 527, 529, 583
Катанаев Г. Е., 343
Катионов О. Н., 18, 147, 149, 314, 316, 356
Кафенгауз Б. Б., 138
Качанов Фёдор Родионович (Феодосий), 378
Качановы, 81
Качесовы, 81
Кашкин Евгений П[етрович]., 183, 249, 251, 258, 293
Кашпирев А[лександр]., 241, 255–256, 270
Кашпырев И., 533–534
Каштанов С. М., 217
Каюковы, 81
Квашнин Ю. Н., 25, 70, 74, 103, 592
Кениг А. В., 30
Кёнигфельс (Кёнигсфельс) Тобиас, 32, 35, 110, 322, 324–336, 368, 486–495, 500, 512, 583, 601
Килин А. П., 330
Киндерман, 548
Киприан, 345, 424
Киприны, 76
Кириков С. В., 124
Кирилл, 374, 410
Кирилов И[ван]. К[ирилович]., 16
Кириллов А. К., 586
Кириллов П[ётр]. И[ванович]., 572, 574
Кирсамины, 76
Кирушин К. Р., 181
Кирющенко Н. В., 110–111, 461, 464–487, 583, 596
Киселев Ф., 136
Киселевы, 132
Киссер Т. С., 496, 592
Кишкин Л. С., 520, 559, 592
Киянская О. И., 554, 563–564, 592
Клюева В. П., 181, 592
Ключевский В. О., 142, 197
Княжев Артемий, 123
Кобяков Г., 255–257
Ковалев, 396
Ковалев Пётр, 356
Кодан С. В., 11, 294, 592
Кожевников, кондинский отдельный заседатель, 339
Кожевников, ялуторовский купец, 133
Кожин И., 255
Козлов А. И., 484
Козлов Пётр, 244
Козлов С. А., 32, 320, 366
Козловский Семён Михайлович, 304
Козмин А. секретарь берёзовской канцелярии нижней расправы, 259
Козьмин В. А., 27–28, 101–102, 104, 106, 111, 592, 593
Козьмин, каптенармус, 520
Кокоулин Матвей, берёзовский разночинец, 397
Кокоулин, дьячок, помощник учителя, 408
Кокоулин Иов, 391
Кокоулин П., 533

Кокоулин Фёдор, 93
Кокоулин Я., 408
Кокоулины, 92
Колебакин Фёдор, 89, 93
Колесников А. Д., 32, 35, 162, 180, 252, 320, 584
Колесникова С. Ю., 28–29, 593
Колмаков Д., 255
Колмаков Н. М., 257
Колокольников Г., 534
Колчинский Э. И., 461
Кольнышевский Пётр, 394
Комаровы, 81
Комкарев Герасим, 370
Комлевский В., 254, 256
Кон И. С., 9
Кондаков (Кандаков) А., 139
Кондин Тимофей, 77
Кондратьев Иван, 238
Конев А. Ю., 23, 93, 114, 151–153, 155, 159, 178–179, 190, 251, 274, 282, 288, 291–292, 294, 300, 325, 329, 409–410, 422, 441, 448, 584, 593
Конев Василий Елисеевич, 148
Конкоров Данила, 95, 334
Коновалов В. В., 555
Коновалова Е. Н., 398, 466, 487, 490
Коновалов И. А., 180–181, 186, 277–278, 593
Константин, 382, 389
Константин Павлович, 561
Консюкевич Павел, 406
Коньков Иван, 370
Коньков Семён, 370
Копотилов М. П., 519, 561, 593
Копылов А. Н., 152–153
Копылов Д. И., 150
Корепанов Василий, 117
Корепанов Иван, 363
Корепановы, 90
Кориков Л., 107
Корикова Н. Н., 32, 586
Корнилов А. М., 39, 49, 58, 60
Корнилов, председатель губернского правления, 572
Корнильев М. Я., 131, 150
Корнющенко Д. И., 564, 593
Коростовцева Екатерина, 560
Корсаков Д. А., 518, 531–532, 534, 536, 538, 542, 593
Корф И. А. фон, 488
Корф М. А., 174, 561
Косарев М. Ф., 25, 594
Косвен М. О., 483, 508, 594
Космачёв Д., 544
Костомаров Н. И., 547–548, 550–551, 594
Костюрин П. Т., 486
Косяковы, 80
Котельников Пётр, 122
Котельников Стефан, 238
Котовщиков, 133
Котовщиковы, 132
Кочедамов В. И., 33, 594
Кочетов Фёдор, 222
Кочетовский Д., 263
Кошелев Д. Р., 447
Красенин Дмитрий, 243
Красильников А. Д., 512
Кратц Петер, 476
Крашенинников С. П., 471, 512, 583
Краюхин Иван, 370
Кривов А. Ю., 486
Кривцов, 562
Крижанич Юрий, 457
Кротов П. А., 412, 461, 464–465, 486–487, 586, 596
Кротт И. И., 78
Кружинов В. М., 597
Кружков П., 396
Крупенниковы, 132
Крылов А., 532, 589
Ксенофонтов И., 408
Куббель Л. Е., 41
Кузакова Е. А., 36, 583, 594
Кузнецов Василий, 377
Кузнецов Е. В., 135, 151, 396, 412
Кузнецов И., 396
Кузнецов Иван, берёзовский казак, 241
Кузнецов И. Г., 365
Кузнецов Ф., берёзовский поп, 532
Кузнецов Фёдор, ямщик, 363
Кузнецова А. И., 583, 594
Кузнецова Афимья, 95
Кузнецовы, 135
Куклин О., 133
Куклины, 132
Кулаев Юрашка, 417
Кулебакин Дмитрий, 123
Кулебакин Яков, 122
Кулемзин В. М., 26–27, 29, 36, 82, 463, 504, 583, 594, 595
Кунин Никита, 77
Кунины, 76
Купландеевы, 81, 83
Куприянова З. Н., 36, 200
Куриковы, 82
Курочкин Яков, 222
Курукин И. В., 519, 531, 539, 542, 594
Курышов А. М., 546, 594
Кушкирев Семён, 208, 422
Кушкиревы-Шешкины, 83
Кушников Яков, 222, 260
Кушниковы, 92

Л

Лаврентьев Ермил, 446
Лавреньев Фёдор, 390
Лавриков С. В., 212
Лагунов В., 263, 267
Лагунов Я., 260
Ланге Л., 468
Лапин Фёдор, 451
Лаподников Афанасий, 93
Лапотников В., 257

Лапотниковы (Лаподниковы), 90, 168
Лар Л. А., 276, 594
Ларионов М., 255, 256
Ларионов Михайла, 88
Латкин В. Н., 155
Ле Гофф Ж., 9–10
Ле Руа Ладюри Э., 9
Лебедев В. В., 24–26, 28, 30, 71, 594
Лебедев Д. М., 456, 594
Лебедев Е., 37, 266, 268, 277
Лебединский А., 30
Левенвольд [Р. Г.], 521
Левина М. Г., 596, 598
Лёзова С. В., 299
Лейтин Михаил, 361
Лельховы, 82
Леонтьев В. М., 33, 594
Леонтьев И., 254
Лепехин И. И., 496
Лепоновы, 76
Лефельдт В. О., 467–468, 587, 594
Лехтисало Т., 36, 102, 583, 594
Лещинский Фёдор – см. Филофей
Лигасев Афанасий, 403, 445–446
Линк И. В., 252
Лисовский, 562
Литвинов А., 254, 256
Литвинчук М. С., 32, 595
Литке Александр Пётрович, 560
Литке Наталья, 560
Литке Ф. П., 560
Лихарев Владимир Николаевич, 522, 562–565, 571
Лихарев Дмитрий, 398
Лихарев И. М., 221–222
Лихачёв Василий, 203
Лихачёв Иван Михайлович, 95
Лихачёв Матвей, таможенный голова, 220
Лихачёв Михаил, сын боярский, 241
Лихачёв Н. П., 582
Лихачёв Яков, 533–534
Лихачёвы, 92
Логинова Стефанида, 93
Логуновы, 168
Лопарев П., 356
Лопарев Х. М., 120, 132, 239–240, 245, 362, 365, 400, 410, 595
Лорер Н. А., 547
Лорер Н. И., 522–523, 563–564, 575, 583
Лотман Ю. М., 564
Лохвицкий А., 247
Лукашевич А. А., 447
Лукиматушкины, 132
Лукин Осип, 94
Лукина Н. В., 26, 28–29, 36, 82, 106, 112–113, 595, 601
Лукины, нижнеобские ханты, 81
Лукины, салымские ханты, 81
Лукины, сургутские «лучшие люди», 92
Лукиянов (Лукьянов) Фёдор, 222
Лурье С. С., 518
Лущенинов Афанасий, 303
Любимов С. В., 566, 595
Люблинский Юлиан, 573
Люцидарская А. А., 29, 595
Ляпин И., 45, 46
Лях, 342, 345

М

Мавлютова Г. Ш., 325, 444, 595
Маврин Моисей Михайлович, 94, 235, 237
Магидович В. И., 465, 595
Магидович И. П., 465, 595
Мадариага И. де, 247, 253
Мазепа И. С., 461
Майков Л., 413
Майков П., 522, 575, 584
Макарий, игумен, 373
Макеева Е. Д., 565, 593
Максимов Гаврило, 363, 429
Максимов Пётр, 429
Максимов С. В., 518, 528, 595
Макшеев А. И., 478–479, 483
Малоземова О. В., 348
Малышкина Ю. А., 108
Мальковы, 132
Мамонтов Дмитрий, 346
Мамонтов Иван, 37, 335, 346
Мамонтова Ографена, 37, 123, 346
Мамонтовы, 346
Мандрика Ю. Л., 107, 322, 583, 585, 587, 591–592, 597–602, 604
Манины, 76
Манштейн Х[ристофор].-Г[ерман]., 551–552
Маньков А. Г., 144
Манькова И. Л., 358, 415, 595
Мария Феодоровна, 558
Маркиан, игумен, 380, 387, 396
Маркин, 138
Мартенс, 545, 548
Мартирий, 380–381
Мартынов, секунд-майор, 95
Мартынова Е. П., 23, 25–26, 29–30, 75, 81–82, 108, 176–177, 286, 416, 424, 436, 444, 595
Мартынова Н. Ф., 567–568
Марченко В. Г., 23, 177–178, 294, 297–298, 591, 595
Маслов Михаил, 227
Маслов А. П., 520, 569–570, 575
Матвеев С., 255
Маттерн (Матерн) И. А., 468, 470
Мелес Феофилакт (Фёдор), 395
Менгден, ссыльный, 521
Меншиков А[лександр]. Д[анилович]., 333, 335–336, 338, 350, 494, 497, 518–519, 521–522, 526–530, 553, 586–591, 596–598
Меншиков Александр А[лександрович]., 526, 530–531
Меншиков Е., 217
Меншиков С., 545
Меншикова Александра А[лександровна]., 526, 528–530

Меншикова Дарья Михайловна, 526

Меншикова Мария А[лександровна]., 337, 339, 526, 528, 530

Меншиковы, 339, 350, 518–519, 526–531, 543, 604

Мессершмидт Даниэль Готлиб (Messerschmidt D. G.), 15, 464–465, 467–471, 474–477, 481, 484, 491, 496, 512–513, 585, 587–588, 594, 596, 601, 603–604

Мещерский Василий Алексеевич, 203–204, 212–213, 216

Мещеряк, 342

Миклашевская Софья, 567

Миклашевский Михаил Иванович, 158, 184, 235–238, 526

Миклухо-Маклай Н. Н., 28, 588, 594, 597

Миллер Г[ерард]. Ф[ридрих]. (Müller Gerhard Friedrich), 16–17, 26, 32–37, 41, 44, 48–49, 52–54, 61–63, 65–66, 71, 75, 80, 82, 85, 101, 110–111, 115, 124, 127, 132, 138, 148, 174, 208, 233, 245, 315, 322, 329, 579, 582, 592, 595, 599, 603–605

Милясовы, 81

Минаев, 570

Минеев, 133

Минеевы, 132

Миненко Н. А., 23, 27, 29, 31–32, 44–45, 48, 74–75, 78, 84, 88–95, 99, 111, 116–117, 119, 120–124, 139, 143–144, 146–147, 149–153, 156–158, 160, 165–166, 169–170, 176–177, 179, 188, 190, 193, 202–203, 231, 234, 241–243, 252, 287–288, 292–294, 299, 323–324, 330, 345, 397–401, 418, 420–421, 423, 425–426, 428, 431, 446–448, 451–452, 518–519, 526, 534, 542, 589, 591, 595–596

Миних Барбара-Элеонора, 545–546, 552, 574

Миних Бурхард-Кристофор (Христофор Антонович; Münnich B. C., von) фон, 517–518, 521–522, 539, 543–552, 574, 582, 584–585, 588

Миних И.-Э., 521, 551, 584

Миних Христиан-Вильгельм, 545, 547, 550

Миремянин Афанасий, 238

Мирзоев В. Г., 464

Миронов Б. Н., 159, 249, 257, 272

Митрофан, 374

Митрофанов В. В., 33, 596

Митусова Р. П., 102, 112

Михаил, зырянин, 396

Михайло Афанасьевич, 488

Михайло, дворовый, 95

Михайлов Авдей, 394

Михайлов Леонтий, 452

Михайловы, 344

Михалев, 174

Михалевский И., 531–534, 538

Михневич В. О., 518, 526, 528–530, 596

Мишуров Ф., 254, 271

Могилины, 81

Мозгалевский Н. О., 557

Мозжегорова Н. В., 33

Моисеев Василий, 233, 235–236, 240

Моксон, 208

Молдановы, 82

Молодой, тюменский купец, 138

Молоков Дмитрий, 232, 243

Момотов (Мамонтов) Максим Григорьевич, 345–346

Мордовцев Д., 517

Морев В. А., 314

Морозов В. М., 596

Морозов Г., 260

Морозов Дмитрий, 438

Морозова Е. В., 10

Морохов, 352

Мосин А. Г., 354, 391, 599

Москвитин Андрей, 397

Москин Фёдор, 370

Мошиньский П. Ф., 559, 571, 574

Мудрова Н. А., 350

Муравьев А. М., 562, 584

Муравьев Александр Николаевич, 573–574, 589

Муравьев-Апостол С. И., 559, 563

Мурасов Иван, 402

Мурзанов Н. А., 522, 568

Мурзин Василий, 428

Мурзина А. И., 25, 106, 176, 178, 294, 596

Мухин Фёдор Иванович, 148

Мыглан В. С., 42–43, 45

Мыльников А. С., 12

Мычиковы, 76

Мюллер (Миллер) И[оганн] (Йохан). Б[ернгард]. (Müller J. B.), 15, 413–415, 461, 463–465, 468, 475, 484, 500, 512, 596

Н

Навьюхов Фёдор, 290

Нагибин В. А., 300, 568, 570, 571

Найдёнов, 522, 545, 547, 575, 583

Напольских В. В., 71

Нарышкин Кирилл Алексеевич, 198

Наумов Герасим, 450

Наумов Пётр, 401

Наумов Фёдор, 450

Наумовы, 132

Нгывай, 74

Неволин Фёдор, 238

Невская Н. И., 487–488, 491, 596

Немдазины, 74

Непеин П., 221

Неприпасов, 380

Нечаевские, 90

Нечаевский Степан, 387–388

Нечкина М. В., 176, 552, 596

Нижегородцев И. С., 94, 120, 132–133, 135, 138

Нижегородцевы, 90

Никитина С. Е., 234

Никитины, 90

Никифоров В., 361

Николаев А. П., 325, 420, 438–439, 451

Николаев Н. Г., 555, 557

Николай I, 517, 521, 554, 561, 569, 574

Николай Михайлович, 310

Никон, 390

Никонов, 134

Никулина Е., 519, 594

Нипировы, 81

Новицкий Г[ригорий]. И[льич]., 14, 22, 26, 34–35, 70–72, 75, 83–84, 86, 108, 110–111, 139, 322–323, 353, 356, 413– 416, 417, 418, 420, 428, 461, 463–465, 468, 475, 500, 512, 584, 596

Новлянская М. Г., 16, 467, 468, 474, 476, 596

Новосильские, 578

Новосильцев И. Я., 205

Ногин Иван, 117

Ногин С., 544

Носилов К. Д., 27, 70, 596

Носов Н. Е., 241

О

Оболта, 342

Оболтин Алексей, 122

Оболтины, 345

Овцын Д[митрий]. Л[еонтьевич]., 68, 479, 534, 536

Овцын М[ихаил]. А[лексеевич]., 197, 212–213, 216

Овчинников Р. В., 526, 596

Огрызко И. И., 324–325, 353, 366, 415, 418, 420–421, 428, 431–432, 446–447, 596

Озеров Г., 263, 269

Окладников А. П., 71, 180, 592, 598

Оксман Ю. Г., 561

Омельчук А. К., 262, 587

Оом Ф. А., 523, 559, 583

Опейкин А. В., 327, 364, 596

Осипов А., 261

Осипов В. И., 496, 597

Осипов Григорий Михайлович, 233, 236, 310

Осковсков А., 486

Осколков, 94

Осколков Иван Пётров, 345

Ослопов Фёдор, 245, 580

Османов Алексей, 289

Остерман Генрих-Иоганн-Фридрих (Андрей Иванович), 338–339, 517–519, 521, 529, 539, 543–545, 553, 585, 587, 591–592, 597, 604

Остерман Марфа Ивановна, 338, 521, 543, 544

П

Павел, чернец, 392

Павел (Конюскевич), 334, 387, 406, 428, 438–439, 446

Павел I, 250, 253, 260–261, 263, 267, 270, 317, 318

Павленко Н. И., 518–519, 526, 530, 542, 596

Павлов А. П., 212, 586

Павлов И., 44

Павлов П. Н., 28, 596

Павлова Л. Я., 559, 586

Павлова-Сильванская М. П., 272

Павлуцкий Иоанникий, 378

Пагломкины, 81

Пал, 208

Палачев Тимофей, 370

Палачев Яков, 370

Палашенков А. Ф., 416

Палашников А. Ф., 342

Палашковский, 573

Палкин Селиватка, 204

Паллас П[ётр]. С[имон]. (Pallas Peter Simon), 16, 18, 26, 35, 119, 122, 323, 465, 485, 496–501, 503, 506, 508, 509, 511–513, 584–585, 597, 601, 605

Палтеров, переводчик, 489

Палтырев Никифор, 422

Палчеповы, 81

Пальянова Мария Николаевна, 354

Панаев А., 127

Панкин Василий, 245

Пановы, 342

Панчулидзев С., 558

Парнес Я., 476, 600

Пархимович С. Г., 71, 106, 124, 324, 344, 347, 444, 500, 597, 598

Пархимович С. Ю., 124

Патканов С. К., 12, 22, 27, 107, 137, 175, 443, 597

Патрикеев Н. Б., 152, 327, 418, 596

Пахомов И., 253

Пахтышевы, 81

Пашков Михаил Львович, 235, 236

Пекарский П. П., 42, 61, 333–334, 486, 490, 495, 597

Пекшева Л. А., 181

Пеленкины, 81

Пелих Г. И., 25–26, 28, 30, 104, 589, 593, 597

Пелымский Василий Яковлевич, 233

Пелымский Иван Яковлевич, 156, 233, 235

Пелымский Яков Семёнович, 212

Пелымские, 233

Перевалова Е. В., 13, 24, 26, 28, 75, 77, 83, 103, 112, 179, 290, 292, 325–326, 342, 412, 422–423, 426, 431, 442, 444, 579, 590, 597

Перевицкий Иван Яковлевич, 428–429, 431, 433

Перевицкий Симеон, 441

Перфильев Родион, 362

Перфильев Ф., 127

Перфильевы, 92

Перцева Т. А., 11

Першин Григорий, 370

Пестель И. Б., 164, 276

Пестель П. И., 557, 559, 565

Петелин, 573

Пётр I, 10, 15, 56, 76, 126, 143, 146, 151–152, 180, 182, 186–187, 192, 195–197, 204, 209, 210–211, 215, 222–230, 253, 303–304, 307, 309–310, 323, 325, 332, 373, 378, 398, 409, 412, 418, 421, 425–426, 461, 464–465, 467, 471, 475, 512, 517–518, 524, 526, 531, 537, 550, 586-587, 590, 595, 598

Пётр II, 230, 517, 526, 528–531, 536, 542, 590, 594, 596

Пётр III, 307, 552

Пётр Фёдорович, 522, 550, 585

Петров Иван, 370

Петров С., 533–534, 536
Петров Ю. А., 142, 144, 145, 415
Петров Яков, 366
Петров, майор, 521
Петров, новокрещенный калмык, 391
Петрово-Соловово́ П. К., 205
Петровский А. В., 449
Пивнева Е. А., 24–25, 27, 29–30, 78, 80, 176, 436, 591, 595, 597
Пика А. И., 24–26, 29–30, 80, 106–107, 597
Пиленковы, 132
Пинины, 76
Пирожников Г. А., 113, 119, 341, 350
Писарькова Л. Ф., 249, 272
Побережников И. В., 13, 181, 186, 329, 330, 591, 598
Повало-Швейковский И. С., 559
Подбельский Ю. [Н]., 520, 555, 557
Поджио А. П., 557
Показаньев Ф. Я., 557, 598
Покачевы, 81
Покровский М. Н., 175
Покровский Н. Н., 17, 32, 142, 208, 322, 424, 604
Полевой Н. А., 517
Поленов Василий, 94
Поленов Иван, 95
Поленовы, 92
Полетаев А. Вл., 9, 577
Полетаев А. В., 350
Поливанов Иван [Фёдорович], 212, 216
Поливановы, 212
Полины, 81
Поломошный Дмитрий, 222
Полянский, 160
Полянский Данила, 378
Помжук, 419
Понамаренко А. А., 566
Пономарев Стефан, 450
Пономарева, 575
Понятовский Станислав – см. Станислав Понятовский
Поплавский Р. О., 331, 424, 593
Попов А. В., 346
Попов Василий, 89
Попов Г., 175, 598
Попов Г. П., 366
Попов Георгий, свящ., 452
Попов Григорий, свящ., 452
Попов Леонтий, 245
Попов Никифор, 450
Попов П., 351, 356, 359
Попов Т., 253
Попов Трифон, комиссар Пелыма, 237
Попов, свящ. Малоатлымского погоста, 354
Попов, сургутский комиссар, 399
Поповы, 134, 397
Порозовская Б. Д., 517
Поромов Иван, 363
Порфирий, 394
Поспелов В. Т., 12
Потанин Г., 88
Потанин М., 307
Потапов Л. П., 504, 590, 596, 598
Потаповы, 92
Потора, 208
Походяшин М., 131, 150
Почекунин Иван Иванович, 231, 236
Пошехонова О. Е., 105
Прасин, 403
Прасин Никита, 361
Предтеченский А. В., 561–562, 569, 572
Преображенский А. А., 314
Прибыльский Ю. П., 405
Приезжев Данила, 476
Прищепа А. И., 31, 557, 591
Проводников Алексей, 92
Проводников Иван, крестьянин, сургутский крестьянский староста, 92
Проводников Иван, свящ., глава Сургутского заказа, 92
Проводниковы, 92
Прокопьев Дмитрий Пётрович, 364
Прокофьев Г. Н., 104
Прокофьева Е. Д., 25, 28, 30, 104–105, 598
Протопопов Андрей, 238
Протопопов Дмитрий И., 404
Протопопов И. Е., пономарь, 404
Протопопов Иван, казак, 244
Протопопов Михаил, 121
Протопопов П., канцелярист, секретарь сургутского нижнего земского суда, 257
Протопопов Пётр, свящ., учитель, 406
Протопопов Я., 260
Прохоров И., 533
Прошин Г., 376
Прутченко А. С., 249, 263, 278, 598
Прыткова Н. Ф., 501–502, 598
Прянишников С. Ф., 479
Пузанов В. Д, 32, 88, 115, 598
Пузырев Ф., 391
Пустокомеев А., 136
Путилов Яков, 222
Путинцев М., 322, 335, 340, 349, 518, 530, 544, 598
Пушкин А. С., 529, 564
Пущин Иван [Иванович], 561, 570
Пыпин А. Н., 464
Пяк, 72–73

Р

Рабцевич В. В., 23, 177, 180, 251–253, 257, 260, 262, 266, 270–271, 273, 279, 289, 598
Радищев А. Н., 128, 135
Разумовский А. Г., 550
Райдуков Дмитрий, 426
Райдуков Юзор, 426
Ракуза И. К., 559
Раткин Иван, 117
Рафиенко Л. С., 177, 180–181, 228, 598
Рац Д., 520

Регули А[нтал]. (Reguly Antal), 29, 75, 104

Редин Д. А., 19, 33, 119, 152, 180–182, 186, 188–190, 195–197, 209–212, 217, 222, 224, 226, 244, 250, 252, 309–312, 325, 418, 487, 517, 579, 584, 587, 592, 595–596, 598–599, 603

Редозубов Осип, 244

Резанов А., 255–256, 267–268, 270

Резанов В., 255, 261

Резанов И., 255

Резанов Я., 260

Резун Д. Я., 17, 31, 44, 48, 598

Ремезов С[емён]. У[льянович]., 40, 55, 200, 202, 206, 283, 457, 460, 468–469, 477, 584, 590

Ремнев А. В., 11, 179, 181, 186, 250, 262, 269, 278, 557, 588, 598–599

Ренат И. Г., 468

Рещиков Афанасий, 403, 445

Робадеевы, 79

Рободиев В., 406

Розен А. Е., 522–523, 547, 561, 563, 565, 571, 574–575, 584

Романов Максим, 222

Романовы, 559

Ромбандеева Е. И., 36, 599

Ромодановская Е. К., 424

Рохтымовы, 79

Рощевская Л. П., 96

Рощевский П. И., 518, 520, 561, 566, 599

Руделов И., 534

Руденко С. И., 109

Рукин Дмитрий, 383

Румянцев П. П., 569, 575, 599

Рутткаи-Миклиан Э. (Ruttkay-Miklián E.), 29, 75, 104

Рууд Ч., 520, 599

Рыбнин, 394

Рыбчонак С. А., 560, 588

Рыголкины, 81

Рыкачев М. И., 212

Рылеев К. Ф., 567

Рынковы, 81

Рычков Алексей, 451, 452

Рычков Иван, берёзовский разночинец, 95

Рычков Иван, пономарь, 452

Рычков Лев, 452

Рычковы, 441

С

Саватеев И., 136

Савельев Иван, 377

Савельева И. М., 9, 577

Сагнаев Пётр, 406

Садин Казан, 293

Сажин Н., 532

Сайнаков А., 406

Салищев К. А., 467, 599

Салтанов С. М., 486–488

Самарины, 81

Самвизов Иван, 340

Самоквасов Д. Я., 291

Самокруткин, 391

Самохвалов, 391

Сандин Пётр, 386

Саражина Р. Г., 234, 236, 238, 245, 253–254, 258, 269, 277, 302, 304, 599

Сатыга, 419

Сатыгин Влас, 441

Сатыгин Иван Иванович, 290, 291

Сатыгин Осип Григорьевич, 428

Сафронов В., 519, 598

Сверчков Иван, берёзовский казачий атаман, 37, 92, 93

Сверчков Иван, берёзовский купец, 117

Сверчков Илья, 92, 98, 121

Сверчков Николай, 93

Сверчков Пётр, 93

Сверчковы, 92, 93

Светличная Л. И., 177, 599

Свешников Н. А., 324, 599

Себуровы, 82

Сегопеликовы, 79

Селезнев И., 486

Селивановы, 132

Селифонтов И. О., 250, 261–262, 275, 277, 288, 294, 581

Селминых, 74

Семёнов Алексей, 364

Семёнов О. В. (Semenov O. V.), 148, 354, 391, 599

Семёнов П. П., 498, 599

Семёнов Ю. И., 287

Семивский Н. В., 154, 157

Семянников Б. Г., 467, 599

Сергеев В., 395

Сергеева Г. И., 519, 599

Сергий, игумен, 364, 379

Серебреников М., 255

Серебреников Р., 255

Серебренниковы, 268

Серебряков И., 131

Серков А. И., 565

Серов Д. О., 225–226

Серов С. Я., 599

Серчеев (Ширчеев) В. Ф., 486

Сиверс Я. Е., 272

Сивков И. Г., 131

Сивкова А. В., 250, 269

Сигильетовы, 81

Сидоров, 386

Сикстель В. Х., 569

Силин А., 127

Силин В., 132

Силин Иван, 417–418

Силин П[ётр]., 127, 270

Силин Я., 255, 261

Силины, 92, 268

Сильвестр (Гловацкий; Гловатский), 367, 377, 381, 393, 398, 420, 431

Симченко Ю. Б., 25, 28–29, 588, 599

Сирелиус У. Т., 28, 84, 108, 112, 599

Скалон В. Н., 30, 599

Скачкова Г. К., 52, 406

Скориков А. И., 189

Скосырев В., 408
Скосырев Н., 411, 599
Скубневский В. А., 23, 593
Славнитский Н. Р., 198
Сластунов Д. Д., 477, 601
Слободсков, 364
Словцов П. А., 30, 47, 49, 54, 517, 599, 600
Слокум Дж. У., 294, 600
Слугина В. А., 282, 600
Смагина Г. И., 461, 603
Сметев М., 486
Смиркин П., остяк, 406
Смолин А., 127
Смольников Пётр, 428, 439
Смоляк А. В., 29, 599
Соболтин Иван, 244
Соймонов Фёдор Иванович, 189, 190
Соколов А., 352
Соколов В. Е., 476, 600
Соколов Н. И., 56
Соколова З. П., 24–26, 28–30, 70–72, 76–82, 176, 286, 289, 292, 502, 508, 592, 599, 600
Солдатов Л., управляющий канцелярией берёзовского нижнего земского суда, 257
Солдатов, обдорский заседатель, 184
Солдатовы, берёзовцы, 95
Солмс Фридрих, 550
Солнцев-Засекин И. В., 153
Соловьев Я., 486
Соловьева К. Ю., 29, 592
Солодкин Я. Г., 328, 358, 364, 367, 602
Солонин Пётр Максимович, 557
Сотниковы, 81
Софонов, 122
Софронов В. Ю., 325, 421, 600
Софья Алексеевна, 373
Спасский И. Г., 143
Спафарий Н. Г., 457
Сперанский М. М., 11, 135–136, 168, 170–171, 173, 178, 181, 266, 268, 271, 277–279, 294, 297–298, 328, 516–517, 578, 588–590, 593, 596, 599, 601–603
Спиридон, иером., 393
Спичак А. В., 328, 362, 600
Сподина В. И., 24, 26, 28, 29, 103, 600
Станислав Понятовский, 561
Старков Алексей, 238
Старков Василий, 238
Старков Иван, 238
Старков Яков, 238
Стафеев Иакинфий (Акинфий) Денисов, 370–371
Стеллер Г[еорг]. В[ильгельм]., 16, 479
Степан, схимонах, 390
Степанов Кирило, 366
Степанов Михаил, 420, 428
Степанов Н. Н., 500, 511
Степанов С., 520, 599
Степанова Н. С., 234
Стерхов А., 254
Стефан (Ю. Н. Лысенко), 441
Стефан Пермский, 461, 463
Стефанов (Степанов) Алексей, 238
Стефанов Ю. Н., 577
Сторожев В. Н., 240
Страленберг (Штраленберг) Филипп Иоганн Табберт, фон (Strahlenberg Ph. J., von), 15, 16, 464, 468–472, 474–475, 477, 479, 484, 486, 512, 596, 604
Строгановы, 343, 604
Струве В. Я., 491
Струков Григорий, 238
Струнины, 132
Суворов В., 536, 521
Сулима Н. С., 575
Сулоцкий А. И., 322–324, 339, 375, 421, 438, 518, 542, 600
Супонев Фёдор, 90
Сургутской Дмитрий, 363
Суринов В. М., 375, 604
Суровцев Агафон, 476
Суровцева Агафья, работница, 399
Сусанин Иван, 396
Сухарев А[лексей]. М[ихайлович]., 304, 426, 548
Сухорукова Н. В., 327–328, 357
Сыромятников Р., 255
Сытин, 184
Сытин А. К., 461, 477, 496, 601
Сычевский, 287, 583
Сянтлин (Османов) Пётр, 418
Сянтлин Михайла, 290

Т

Табанаков Григорий, 245
Табберт фон Страленберг Ф. И. – см. Страленберг (Штраленберг) Табберт Филипп Иоганн
Тайбины, 81
Тайлаковы, 81
Тайша Гындин (Тайшин Алексей), 418, 422–423
Тайшин Гында, 280
Тайшин Матвей, 290, 299, 437
Тайшин Мурза, 426
Тайшин Мурзин, 426
Тайшины, 84, 164, 290, 292–293, 299, 427, 431, 437
Тальская О. С., 520, 522, 567, 575, 601
Тарков Андрей, 400
Тарлины, 81
Тарыховы, 81
Татаринова Е. Ф., 567
Татищев В. Н., 409–410, 471
Тверитин В. И., 400
Тверитин Василий, 92
Тверитин Ефим, 92
Тверитин Иван, сургутский таможенный голова, 92
Тверитин Пётр, 92
Тверитин Фёдор, 92
Тверитинов Василий, 404
Тверитинов Иван, сургутский служилый человек, избранный голова, 132, 245, 442
Тверитинов Никита Иванович, 139
Тверитинов Фёдор П., 139

Тверитиновы, 441
Тверитины, 92, 399
Тебетевы, 81
Тельцын Т., 254
Темирязев [И. Н.], 521
Темплинг В. Я., 330, 351, 359, 583, 585, 592, 601
Тетерин Г. Н., 465–466, 601
Тетюцкий Иван, 361
Тигошова Д., 406
Тизенгаузен Василий Карлович (Вильгельм Сигизмунд), 520, 522–523, 562–564, 569–570
Тимофеев, 386
Тимофеев А. И., 586
Тит, 392
Титов А., 354, 601
Титова З. Д., 17, 471, 475, 493, 495, 500, 601
Тихомиров Л., 222
Тихон, монах, 344
Тихонов Н[иколай]. Н[аумович]., 555
Тихонов Ф[ёдор]. Н[аумович]., 555
Тихонов, 132, 571
Тишков В. А., 179, 282, 416
Ткачева Т. В., 32, 90
Ткаченко А. А., 449
Токарев С. А., 500, 504–505, 601
Толмачев, отставной сын боярский в Тобольске, 95
Толстов С. П., 598
Толстой Василий Кириллович, стольник, комендант в Сургуте, 195, 197, 212–213, 216, 221
Толстой Л[ев]. Н., 570
Толычева Т. Н., 517, 529, 532, 601
Томилов Н. А., 433, 588, 601
Томсинов В. А., 181, 228, 601
Топорков А. Л., 344, 348, 598, 599
Топорков Е. И., 134
Топорковы, 132
Торопов Иван, 117
Торопченины, 92
Торопчининов М., 64, 127
Траурнихт Д. А., 221
Траханиотов С. Д., 221
Трепавлов В. В., 179, 282
Третьяков В. А., 479
Третьяков П., тобольский купец, 379
Третьяков П. И., 27, 601
Троицкий В. А., 466, 601
Троицкий С. М., 31, 592
Трофимова О.В., 466, 593
Трубецкой С. П., 567
Трускотт И. Ф., 512
Туесов Афанасий, 428, 439
Тулубеев Д., 263
Тункина И. В., 468, 587, 594, 603
Туполев Андрей Ефимов, 92
Туполев Осип, 92
Туполевы, 92
Турилов А. А., 343–344, 346, 596, 601
Туров С. В., 29, 32–33, 120, 327, 330, 334, 341, 345, 347–349, 383, 401, 583, 593, 597–598, 601
Турский Василий Савич, 374–375
Тучабалда, 412
Тучкова Н. А., 30, 105, 590
Тылов Пайгол Нырмин, 299
Тычинская П. Н., 343, 601
Тюленевы, тобольские купцы, 132

У

Уваров П. Ю., 577
Угримов Л[еонтий]. Д[митриевич]., 302
Умов Иван, 568
Уршанко (Ушанко), 418
Усков Дмитрий, 88
Ускова Мария, 98
Усковы, 92
Усольцев Яков, 402, 404
Утечева, 96
Уткин Г. Н., 467, 602
Уфимцев, 560
Ухалов Анисим, 384
Ушаков Пётр, 154
Ушаков Ф., 521, 534, 536
Ушаров, 563
Ушман Г., 474

Ф

Фадеев Ф., купец суконной сотни, 136
Фальк И[оганн]. П[етер]., руководитель отряда Второй Камчатской экспедиции, 17, 496
Фарносова В. В., 33, 602
Февр Л., 577
Фёдор Алексеевич (Фёдор III), 142–143, 373, 432
Фёдор, 413, 420
Фёдор, схимонах – см. Филофей
Фёдор, разночинец, 361
Фёдор Алексеевич, 142–143, 373, 422
Фёдор Иванович, 377, 424
Фёдоров, новокрещенный калмык, 391
Фёдоров В. А., 555, 557, 602
Фёдоров М. М., 294
Фёдоров Пётр, 333
Фёдоров Прокопий, 377, 379
Фёдорова Е. Г., 24–25, 28–30, 78–79, 106, 602
Федосеев И., 533
Федотов Андрей, 428
Федулов Афанасий, 245
Федулов И., 261
Федулов Иван, 399
Федуловы, 268
Фелиньская Эва, 121
Фелицин Пётр, 452
Фель С. Е., 16
Фермойлен Х. Ф., 579
Филарет, архим., 382
Филатов И., 136
Филиппов С. В., 519, 604
Филофей (Лещинский), 11, 15, 84, 153, 323–324, 326, 330, 351, 353, 358,

360, 365, 399, 409, 410–413, 415–418, 420–421, 424–425, 428, 461, 585–586, 588

Фирсов, 174, 287

Фитингоф И. А., 557

Фишер И[оганн]. Э[бергард]., 16–17, 291, 485–486, 602

Фомин Иван, 202, 203

Фомин Н., 121

Фофонов Пётр, 351

Фохт Иван Фёдорович, 520, 522–523, 557–558, 562, 565, 569–572

Фрадкин Н. Г., 496

Франке А. Г., 468, 472

Фролов Николай, 444, 583

Фурман Андрей Фёдорович, 522–523, 559–560, 573, 574

Фурман Анна Фёдоровна, 559

Фурман Антон Фёдорович, 559

Фурман Роман Фёдорович, 559

Х

Халютин Семён, 379

Халютина Капитолина Фёдорова, 379

Хамин Гытпад, 292

Хандрос Б., 518

Хардин Степан, 396

Хардина Дарья, 396

Харитонович Д. Э., 577

Харючи Г. П., 504, 602

Хинтцше.В. [М].(Hintzsche W. von), 17, 484, 595

Хить Г. Л., 484, 602

Хоктатов М., 253

Хомич Л. В., 30, 105, 344, 348, 508, 592, 602

Хорошевский Иван, 95

Хохолев Д. Е., 252

Хоч А. А., 177, 294, 602

Хрущов Леонтий Фёдорович, 212, 214–216, 218–220

Худяков А. С., 379

Худяков Пётр, 131, 138

Худяков Фома, 364

Хэтанзи, 74

Ц

Цебриков Н. Р., 555

Цывилев Василий, 222

Цысь В. В., 326, 328, 358, 360, 362, 364, 367, 399, 400–402, 405, 446–447, 602

Цысь О. П., 32, 40, 326, 328, 352, 354, 358, 360, 362, 364, 366–367, 373, 379, 381–383, 389, 391, 399–403, 405–406, 408, 446–447, 571–572, 602

Ч

Чакилев Иван, 122

Чалковы, 80

Чалтымовы, 81

Чебаевы, 81

Чеботных Семен, 117

Чельчиков С., 392

Чепелев Иван Лукич, 196

Черепанов Евграф, 357

Черепанов И. Л., 115, 145, 154

Черепанов Никита, 371

Черепанов Фёдор, 357

Черказьянова И. В., 469, 603

Черкасов А[лексей]. И[ванович]., 520, 522–523, 562–565, 570, 572–574

Черкасовы, 565, 593

Черкасский А[лексей]. М[ихайлович]., 149, 152, 154, 188, 205, 426

Черкасский М. Я., 154, 157

Черкасский П. М., 154

Черкашенинов Мирон Мартынович, 234, 236, 253, 305, 318

Чернецов А. В., 345, 346, 601

Чернецов В. Н., 24, 29–30, 79–80, 347, 603

Чернов С. И., 561

Чернышов Александр Иванович, 556–558, 571

Четвериков М., 486

Чечулин А., 254

Чибилёв А. А., 470, 603

Чибиряев С. А., 181, 603

Чивтаев Ю. И., 467, 603

Чичагов Пётр [Гаврилович]., 16, 465–468, 479, 599, 601

Чичагов С., 486

Чичерин Д[енис]. И[ванович]., 135, 138, 160, 190–191, 233, 244, 290, 387, 441, 447

Чичерин Н. И., 290

Чоглуков, 95

Чукарев А. Г., 520, 569, 603

Чуклимов Дмитрий, 394

Чукмагин Дмитрий, 389

Чулков М. Д., 126, 149

Чупин В. А., 421

Чуругаевы, 81

Чусовитин Семён, 117

Чхеидзе И., 254

Ш

Шавров В. Н., 18, 30, 97, 323, 603

Шадрин Иван, берёзовский казак, 88

Шадрин Иван, ямщик Демьянского яма, 123

Шадрин Михей, 244

Шаланда А. И., 560, 588

Шаньгин, архитектор, 362

Шапошников Андрей Герасимович, 233

Шапошников Евдоким А., 233–234, 241

Шарапов Андрей, 238

Шарль, 486

Шарыгин П., 532

Шатилов М. Б., 29–30, 113, 361, 603

Шах, 340

Шахирев А. И., 520, 522–523

Шахирев А[ндрей]. И[ванович]., 554–557, 559, 562–563, 568

Шахов Дмитрий, 89

Шахов И., 529

Шахов Леонтий, 238

Шахов Никита, 238

Шахов П., 257, 260

Шахов, 486

Шаховский, 522, 568, 584
Шаховской В. М., 568, 573, 584
Шаховы, 92, 238, 345
Шацилло М. К., 142, 144–145, 415
Шашков А. Т., 33, 43, 148, 188, 326–327, 330, 332–333, 347, 350–354, 357–360, 362, 365–366, 369, 383, 584, 592, 595, 599, 603
Шашков С. С., 175, 324, 602
Шватченко О. А., 215
Швейковская Е. Н., 215
Швецов С. П., 556–557, 594, 603
Шекша, 412
Шекшин (Шешкин) Матвей, 418
Шемановский И. С. (Иринарх), 333, 336, 338, 352–354, 356, 402, 408, 603
Шереметев Пётр Борисович, 538
Шерстобоев В. И., 145, 147, 170
Шерстова Л. И., 296
Шешкин Дмитрий, 84
Шешкин Михаил, 84
Шешкин (Шекшин) Семён, 290
Шешкины, 79, 83, 84
Шибанов Ф. А., 466
Шигин В. В., 564, 603
Шиловский Д. М., 180, 186, 602
Шиловский М. В., 179–180, 186, 586, 593, 602
Шипилов И. А., 465, 476, 478, 480, 482–483, 497, 603
Шипов И. [А]., 158, 425
Шипунов Илья, 123
Шипунова Марина, 123
Ширина Д. А., 467, 603
Ширковы, 132
Широглазов В., 260
Шитов П. И.,135
Шкерин В. А., 521, 567, 603
Шмонин Григорий, 363
Шмыгин Д., 519
Шоню П., 580
Шорохов Л. П., 383
Шостак, помещик, 554, 555
Штейниц [Вольфганг], 487, 579
Штраленберг – см. Страленберг (Штраленберг) Филипп Иоганн Табберт, фон (Strahlenberg Ph. J., von)
Шубинский С. Н., 517, 529–530, 534, 539, 543–544, 603, 604
Шульгин Антон Иванович, 231, 235, 534
Шульц Л. Р., 29–30, 114–115, 604
Шумиловы, 81
Шунков В. И., 10, 71, 151, 176, 180, 228, 516, 522, 604
Шуппенер Г., 483, 604
Шухов И. Н., 29–30, 109–110, 604

Щ

Щеглов В., 532
Щеглов И. В., 291
Щеглова Т. К., 591
Щепин-Ростовский [Д. А.], 572
Щепкина Марья Пётровна, 572
Щербачев Алексей, 156, 158, 160, 174, 287
Щербаченко В. И., 519, 604
Щербич С. Н., 181, 375, 592, 604
Щетинин Я[ков]. Я[ковлевич]., 204, 208, 212, 216, 221, 222
Щетнев Д. К., 212

Э

Эдельман О. В., 556, 604
Эйрие Ж. Б.-Б., 27, 97, 109, 111, 139, 585
Элерт А. Х. (Elert A.Ch.), 17, 32–33, 82, 111, 208, 315, 322, 464, 467–468, 476, 479–482, 484, 579, 584, 592, 595, 599, 603–604
Эрман А., 90, 97, 116, 118, 120, 129, 252
Эск Карл – см. Андреев Карп

Ю

Ювеналий, 390
Юдины, 81
Юдытков, 90
Юдыткова Анна Алексеевна, 90
Юдыткова Фёкла, 90
Юзеева О. А., 325, 441, 451, 593
Юзорин Дмитрий, 418
Юрьев Д., 270
Юрьев Онжа (Алачев), 377
Юшневский А. Ю., 557

Я

Ядринцев Н. М., 175, 324, 604
Якоб, 547
Якоби В. И., 543
Яковлев Н., 263, 269
Якубович А. И., 567
Якунин А. О., 176, 604
Якушкин И. Д., 523, 561, 563, 585
Янин В. Л., 142
Янович Д. Т., 348
Яновский А. Е., 240
Ярош Г. Ф., 468, 474, 604
Ярошко А. Ф., 556, 604

Bucher G., 485, 604
Dixon S., 226
Florovskij A., 522
Glebov S., 234
Hintzsche W. von, 17, 470, 605
Hughes L., 223, 303
Janko J., 113
Jones R. E., 248
Jürgensohn A., 519
Kivelson V. A., 179
Kòenigsfeld (Koenigsfeld) M., 495, 605
Manaster Ramer A., 474, 605
Nickol T., 470, 605
Nicolai G., 585
Raeff M., 294, 605
Randolph J., 314
Sidwell P., 474, 605
Suny R. G., 179
Vermeulen H. F., 485, 496, 605
Weber F. C., 412, 463

СОКРАЩЕНИЯ

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

АРАН – Архив Российской академии наук (Москва)

ВД – Восстание декабристов : документы : [в 22 т.] / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1975

ВУА – Военно-учетный архив РГВИА

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАКО – Государственный архив Костромской области

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГАТО – Государственный архив Тюменской области

ГАТомО – Государственный архив Томской области

ГА ХМАО – Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

ГИМ – Государственный исторический музей

ГМПиЧ – Государственный музей природы и человека ХМАО

ГХМ – Государственный художественный музей Югры

ДАИ – Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею

ЖМВД – Журнал министерства внутренних дел

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

Зап. ИРГО – Записки Императорского русского географического общества

Зап. Зап.-Сиб. отд-ния РГО – Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества

Изв. РГО – Известия Русского географического общества

ИсАОО – Исторический архив Омской области

МИИАН – Материалы для истории Императорской академии наук : [в 10 т.]. СПб., 1885–1900

НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук

НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

ОГИК Музей – Омский государственный историко-краеведческий музей

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ПБП – Письма и бумаги императора Петра Великого : [в 13 т.]. СПб., 1887–1918

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. : [в 45 т.] / под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.) : [в 55 т.]. СПб., 1830–1834

ПСИ – Памятники сибирской истории XVIII века / [под ред. А. И. Тимофеева]. СПб., 1882–1885

ПСРП – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи : в 10 т. СПб., 1899–1912

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РГО – Русское географическое общество

Сб. РИО – Сборник Российского императорского исторического общества

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СЭ – Советская этнография

ТГВ – Тобольские губернские ведомости

ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

ТИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ТИЭ – Труды Института этнографии

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

Научное издание

Адаев Владимир Николаевич, **Бородина** Елена Васильевна, **Задорожняя** Ольга Анатольевна,
Захаров Виктор Николаевич, **Зуев** Андрей Сергеевич, **Конев** Алексей Юрьевич,
Плате Алисе, **Редин** Дмитрий Алексеевич, **Туров** Сергей Викторович,
Шипилов Илья Александрович, **Шкерин** Владимир Анатольевич

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 4
Югра в XVIII — первой трети XIX века

Редактор Е. В. Березина
Корректоры Е. В. Каменская, Е. А. Пикулева
Компьютерная верстка И. Г. Покровская
Дизайн макета В. И. Опритова, Р. В. Герасимов

Подписано в печать 28.01.2024 г. Формат 60×90 ⅛
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Literata
Усл. печ. л. 79. Тираж 4000 экз. Заказ № 762

АО «Издательский дом «Новости Югры»
628011, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 46
тел.: +7(3467)350-280
Сайт: www.idnu.ru
E-mail.: holding@idnu.ru

Отпечатано в ООО «Сургутская типография»
628403, г. Сургут, ул. Маяковского, д. 14
Сургутскаятипография.рф

6+

ISBN 978-5-4422-0087-4